

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

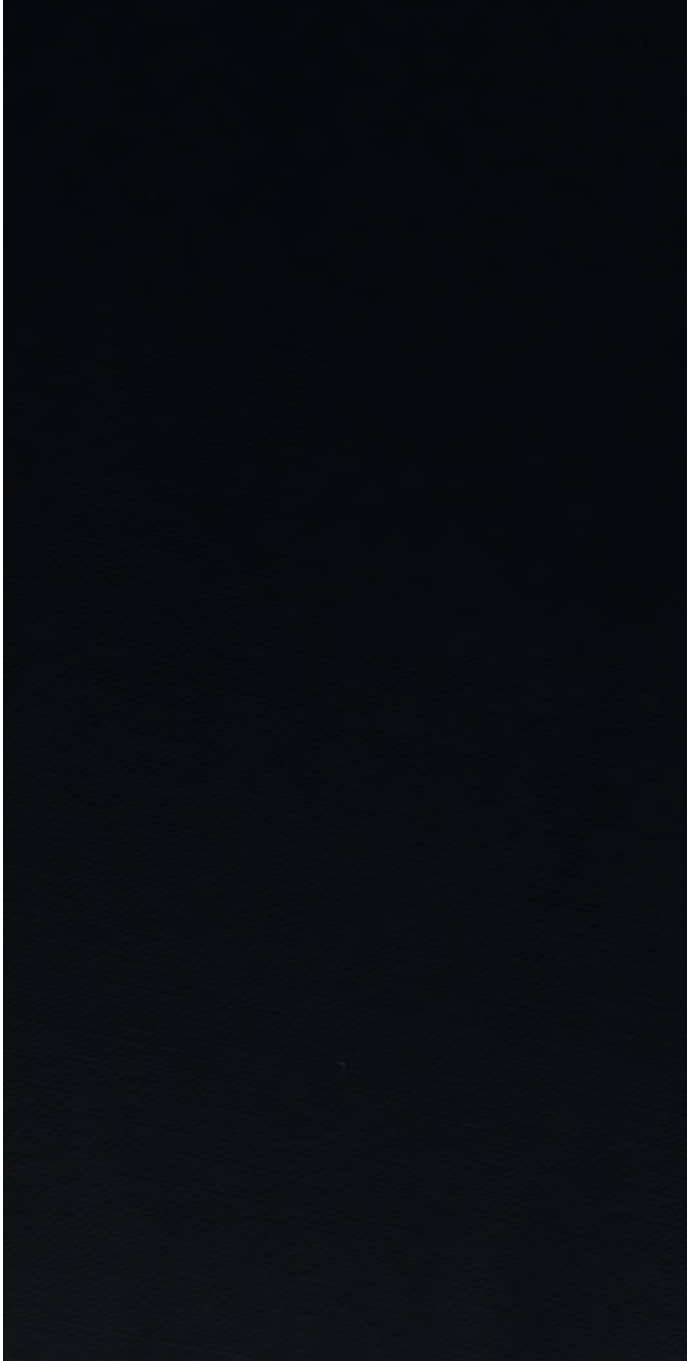
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

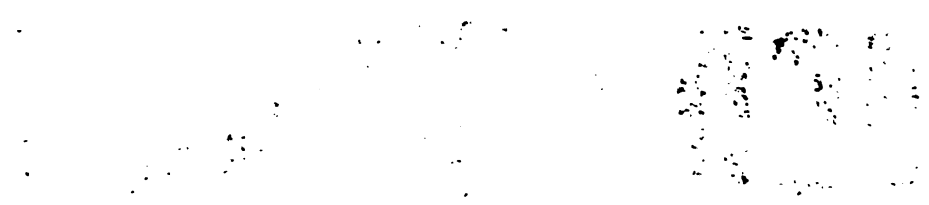
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UCD LIBRARY

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

53

ТОМЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1892.

UCD LIBRARY
KRAUS REPRINT LIB.
Neszel, Liechtenstein
1966

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1892 г.

Непрежнннй Секретарь, Академикъ *А. Штрауза*.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei – Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Извѣщенія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности:	
За сентябрь — декабрь 1891 года.....	I—III
За январь — май 1892 года.....	III—V
Протоколъ экстреннаго засѣданія 8 февраля 1892 года....	V—XXII
<i>Примосженіе</i> къ протоколамъ: Б. Ф. Прусикъ. «Ринованіи легенды о св. Георгіи въ чешской литературѣ». XXIII—XXIX	
Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1841—1891. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 г. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Вице-президента Императорской Академіи Наукъ Я. К. Грота.... № 1. I—III « 1—32	
Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 годъ, составленный акад. К. Н. Вестужевичъ-Рюминичъ..... № 2.	1—35
О родигѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ. Историко-литературное изслѣдованіе архимандрита Леоніда, члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ..... № 3.	1—47
<p style="margin-left: 2em;">Глаголическія Евангелія: Зографское (исх. X вѣка), Маринское (XI в.), Ватиканское (XI в.). Родина Глаголицы, причины и время ея появленія. Глаголическій алфавитъ. Отличіе текста Глаголическихъ Евангелій отъ Кирилловскаго (Остромирова Евангелія 1057 г.). Отношеніе глаголическаго текста къ латинской вульгатѣ. Конечныя заключенія, вытекающія изъ сравненія глаголическаго извода съ кирилловскимъ. I—IV. (стр. 1—35).</p> <p style="margin-left: 2em;"><i>Примосженія:</i> А. Что оказывается изъ сличенія евангелскаго текста глаголическаго Зографскаго Евангелія (X в.) съ латинскою вульгатою (стр. 36—37). В. Объ Ассеманіевомъ Евангеліи. (с. 38—39). В. Судьбы Кириллицы в Глаголицы въ IX, X и XI столѣтіяхъ (стр. 40—47).</p>	

	СТРАН.
Седьмое присужденіе Пушкинскихъ премій . . . . . № 4.	1—78
I. «Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. Спб. 1890». Разборъ Л. И. Поливанова. (стр. 2—64). — II. «Повѣсти и рассказы И. Н. Потапенко. Томъ второй». Рецензія Н. Н. Страхова (с. 64—67). — III. «Поэмы и пѣсни А. Д. Львовой». Разборъ графа А. А. Голенищева-Кутузова. (с. 67—77).	
Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.	
Л. Майкова. II—III. . . . . № 5.	1—57
II. Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII в. <i>Вводная статья</i> (стр. 1—24). — «Повѣсть о силѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ». (Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ). Стр. 25—28. <i>Приложенія</i> : 1) «Повѣсть о силѣмъ могущемъ богатыре о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ». (По Библиотечному списку). Стр. 29—32. — 2) «Гисторія о Ильѣ Муромце и о Соловьѣ Разбойникѣ». (По рукописи И. Е. Забѣлина № 71). Стр. 32—34. — 3) «Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолицѣ». (По рукописи И. Е. Забѣлина № 82). Стр. 34—45.	
III. Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ по рукописи XVII в. <i>Вводная статья</i> (стр. 46—49). — «Повѣсть о князе Владимѣрѣ Киевскомъ и о богатыряхъ киевскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановиче и царѣ Кащею Залатой арды». Стр. 50—57.	
Разисканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—	
XXIV. Акад. А. Н. Веселовскаго. <i>Выпускъ шестой</i> . № 6.	1—280
XVIII. Вѣщаніе Вѣльмы (Vǫlvará) в новѣйшая экзегеза. (1—89).	
XIX. Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія. (91—104).	
XX. Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ. (105—136).	
XXI. Къ видѣнію Амфилога. (137—146).	
XXII. Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ. (147—166).	
XXIII. Къ развитію народныхъ представленій о Долѣ. (167—183).	
XXIV. Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ (186—213).	
Дополненія и поправки къ V-му выпуску Разисканій (215—227).	
Дополненія и поправки къ VI-му выпуску Разисканій (227—230).	
<i>Приложеніе: Омырія Γρηγορίου</i>	1—174

- Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. Академика А. Н. Веселовскаго..... № 7. 1—167
(Александръ Веселовскій). Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. (1—27).
(М. Гастеръ). «Еврейская Александрія XII вѣка». (29—56).
(А. Я. Гаркави). II. Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. (57—156).
(Его же). Забѣчанія на статью Гастера (156—163); нѣкоторыя поправки и дополненія къ первымъ листамъ настоящей статьи (164—165); еврейскій (арамейскій и арабскій) указатель. (166—167).
- А. А. Потебни 1835 $\frac{10 \text{ сентября}}{+ 20 \text{ ноября}}$ 1891. Библиографическія матеріалы для біографіи Александра Леонасьевича Потебни собралъ Э. А. Вольтеръ..... № 8. 1—33
Предисловіе (1—2); біографическія и библиографическія замѣтки о членѣ-корреспондентѣ Импер. Ак. Наукъ проф. А. А. Потебнѣ (3—4); списокъ отзывовъ и некрологовъ (4—8); списокъ трудовъ и статей А. А. Потебни (8—29); труды оставшіеся въ рукописяхъ (29—32); указатель (33—34).
-

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОНОВЪ ЗАСЪДАНІЙ

ОТДЪЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

Сентябрь — декабрь 1891 года.

По прочтеніи К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ составленной имъ записки объ учено-литературныхъ трудахъ экстраординарнаго академика Л. Н. Майкова произведена была баллотировка его шарами въ кандидаты на званіе ординарнаго академика и, вслѣдствіе ея, Леонидъ Николаевичъ оказался единогласно избранымъ. Положено препроводить записку академика Бестужева къ г. непремѣнному секретарю.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, представивъ собранные имъ портреты Ломоносова и въ томъ числѣ присланную, по просьбѣ его, генераломъ Ностицемъ фототипію съ подлиннаго, писаннаго масляными красками изображенія, доложилъ, что владѣлецъ этого портрета предлагаетъ, въ случаѣ, если Академія пожелаетъ, доставить, въ видѣ пожертвованія, 1000 оттисковъ этой фототипіи. Вѣсть съ тѣмъ академикъ Сухомлиновъ просилъ Отдѣленіе избрать одинъ изъ имѣющихся портретовъ Ломоносова для приложенія къ 1-му тому его сочиненій. Къ участію въ сужденіи по этому предмету приглашенъ былъ, по желанію Михаила Ивановича, архиваріусъ В. П. Шеміотъ и, по рассмотрѣніи представленныхъ портретовъ, избрана для предполагаемой цѣли помянутая фототипія, вслѣдствіе чего и опредѣлено, согласно съ предложеніемъ генерала Ностица, просить его доставить въ Академію предлагаемое имъ число оттисковъ.

Предсѣдательствующій передалъ Л. Н. Майкову полученную отъ графа П. И. Капниста, вслѣдствіе письма Августѣйшаго пре-

зидента Академіи, писанную рукою Пушкина тетрадь его стихотвореній съ замѣтками поэта. Положено благодарить доставителя отъ имени Его Императорскаго Высочества.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ, что магистрантомъ С.-Петербургскаго университета А. Л. Петровымъ собраны, во время его пребыванія въ Венгріи, значительные матеріалы для изученія исторіи угро-русскихъ говоровъ, до сихъ поръ весьма мало извѣстныхъ. Въ составъ этихъ матеріаловъ входятъ: 1, записи на церковныхъ книгахъ, грамоты и письма мѣстныхъ епископовъ, а также частныхъ лицъ съ 1500 года по конецъ XVIII вѣка; 2, краткая угро-русская гѣтопись съ половины XVII вѣка; 3, поученія на Евангеліе, сочиненныя вѣроятно въ XVII в., въ спискѣ 1747 г. на угро-русскомъ языкѣ; 4, трактатъ священника Михаила Андреллы изъ Оросвега противъ уни, составленный въ концѣ XVII в., на языкѣ, смѣшанномъ изъ церковно-славянскаго, угро-русскаго и мадьярскаго; 5, описаніе Мармарошскихъ обитателей XVIII в., 6, сборникъ ложныхъ молитвъ и заговоровъ того же вѣка и 7, народный гѣчебникъ также XVIII в. Г. Петровъ предполагаетъ составить къ этому собранію діалектическихъ матеріаловъ введеніе, въ которомъ будутъ изложены грамматическія особенности угро-русскихъ говоровъ, и желалъ бы, чтобъ его трудъ былъ принятъ для помѣщенія въ Сборникъ Отдѣленія. Определено: прежде рѣшенія о принятіи труда г. Петрова къ печатанію просить академика И. В. Ягича подвергнуть этотъ сборникъ разсмотрѣнію и дать о немъ отзывъ.

Читано письмо профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова на имя предѣдательствующаго: желая доказать оспариваемую достовѣрность найденныхъ и изданныхъ имъ рукописей поэмы Лермонтова «Демонъ», г. Висковатовъ проситъ Отдѣленіе разсмотрѣть эти рукописи и для того предлагаетъ привезти ихъ въ Петербургъ съ приложеніемъ документовъ, которые онъ затѣмъ намѣревается передать въ Императорскую Публичную бібліотеку. Отдѣленіе, находя эту просьбу вполне заслуживающею вниманія, опредѣлило увѣдомить проф. Висковатова, что оно, желая при предполагаемомъ разсмотрѣніи приобщить къ себѣ и члена-корреспондента своего А. Н. Майкова, нынѣ отсутствующаго, назначить позднѣе время засѣданія, въ которое пригласитъ и самого г. Висковатова, для рѣшенія изъясненнаго въ его письмѣ сомнѣнія.

Академикъ Л. Н. Майковъ сообщилъ о результатахъ своей поѣздки въ Московскую губернію для собиранія матеріаловъ къ

предпріятому Академіею изданію сочиненій Пушкина. Л. Н. Майковъ не имѣлъ возможности посѣтить село Остаѣево вслѣдствіе отсутствія владѣльца, князя П. П. Вяземскаго. Зато онъ разсмотрѣлъ обширный архивъ одного изъ пріятелей Пушкина С. А. Соболевскаго, хранящійся въ селѣ Михайловскомъ, имѣніи графа С. Д. Шереметева, который выразилъ полнѣйшую готовность содѣйствовать предпріятію Академіи и въ частности работамъ г. Майкова. Въ архивѣ Соболевскаго нашлось нѣсколько писемъ къ нему отъ А. С. Пушкина; изъ нихъ не всѣ были напечатаны, а въ напечатанныхъ оказались пропуски. Кромѣ того, въ томъ же архивѣ найдены письма Д. В. Веневитинова, М. П. Погодина, Н. М. Рожалина, С. П. Шевырева и другихъ московскихъ литераторовъ, которыми во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ было задумано и предпріято изданіе «Московского Вѣстника». Изъ этихъ писемъ раскрываются отношенія Пушкина къ этому журналу и его основателямъ. Въ архивѣ же Соболевскаго найдены г. Майковымъ небольшой, доселѣ неизвѣстный въ печати, критическій отзывъ Пушкина объ альманахѣ «Сѣверная Лира», предназначенный для «Московского Вѣстника», но оставшійся не дописаннымъ и не напечатаннымъ. Тотъ же академикъ представилъ къ печати второй выпускъ своихъ «Матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ». Выпускъ этотъ содержитъ въ себѣ двѣ статьи: а) «Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ» по рукописямъ XVIII в. и б) «Повѣсть о Михаилѣ Потокѣ» по рукописи XVII вѣка. Положено напечатать этотъ выпускъ въ LIII томѣ Сборника.

Январь—май 1892 года.

Читано письмо профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова на имя предсѣдательствующаго съ просьбою истребовать изъ Лермонтовскаго музея нѣсколько документовъ для предположеннаго, согласно просьбѣ его, засѣданія Отдѣленія съ цѣлью опредѣлить достоинство рукописей, которыми онъ пользовался при изданіи сочиненій Лермонтова. Положено исполнить.

Предсѣдательствующій сообщилъ, что вслѣдствіе письма Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи на имя завѣдующаго Лермонтовскимъ музеемъ генералъ-маіора Рыкевича, доставлены принадлежащія музею подлинныя рукописи и копии съ произведеній поэта, всего 9 документовъ согласно

со спискомъ ихъ, приложеннымъ къ письму профессора Висковатова отъ 3-го января.

Читано письмо князя Юсупова графа Сумарокова-Эльстона на имя Августѣйшаго президента о томъ, что онъ, согласно выраженному Его Императорскимъ Высочествомъ желанію, въ непродолжительномъ времени доставить въ Академію каталогъ архангельской бібліотеки, находящейся въ подмосковномъ имѣніи, куда онъ, князь Юсуповъ, скоро думаетъ отправиться.

Предъявленъ переданный въ Отдѣленіе академикомъ А. А. Куникомъ списокъ трудовъ покойнаго члена-корреспондента Отдѣленія А. А. Потебни, составленный помощникомъ бібліотекаря Вольтеромъ. Положено списокъ этотъ напечатать въ Сборникѣ.

По поводу сомнѣній, высказанныхъ журнальною критикою относительно достовѣрности рукописи поэмы «Демонъ», которою пользовался П. А. Висковатовъ при изданіи сочиненій Лермонтова, Отдѣленіе имѣло особое засѣданіе, протоколъ котораго, напечатанный въ свое время въ Правительственномъ Вѣстникѣ и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ниже помѣщается въ полномъ видѣ.

Предсѣдательствующій заявилъ о полученіи имъ нѣсколькихъ писемъ отъ разныхъ лицъ какъ съ выраженіемъ удовольствія по поводу выхода въ свѣтъ 1-го выпуска издаваемого Отдѣленіемъ «Словаря русскаго языка», такъ и съ предложеніемъ присылки своихъ замѣтокъ и дополненій для послѣдующихъ выпусковъ. Такъ, между прочими, были прочитаны два письма отъ Л. И. Поливанова изъ Москвы (отъ 4 и 18 февраля), въ которыхъ онъ извѣщаетъ о томъ выгодномъ впечатлѣніи, какое произвело среди московскихъ преподавателей-филологовъ появленіе вышеозначеннаго выпуска Словаря, особенно въ виду оцутительной въ немъ потребности для учащихся и учащихся со смѣною переводовъ съ русскаго языка на древніе — переводами съ древнихъ языковъ на родной, когда постоянно приходится встрѣчаться съ затрудненіями при передачѣ на русскій языкъ богатаго словаря языковъ классическихкихъ. Далѣе авторъ этихъ писемъ, указавъ на важность обработки значенія союзовъ и различныхъ отгѣнковъ употребленій ихъ, выражаетъ готовность принять участіе въ чтеніи корректурныхъ листовъ Словаря, особенно въ отношеніи къ этой части рѣчи, наиболѣе интересующей его, какъ спеціально занимающагося русскимъ синтаксисомъ. Положено благодарить г. Поливанова и предложеніемъ его воспользоваться.

Л. Н. Майковъ сообщилъ, что профессору Варшавскаго университета В. Н. Александренку удалось собрать въ нѣкоторыхъ нашихъ архивахъ значительное количество писемъ знаменитаго сатирика князя Антиоха Кантемира, а также писемъ разныхъ лицъ къ нему. Письма эти представляютъ интересъ для исторіи русской литературы и просвѣщенія, а равно для біографіи князя Кантемира. Въслѣдствіе того Л. Н. Майковъ предложилъ издать эти матеріалы, выразивъ при томъ готовность составить къ нимъ введеніе и снабдить ихъ объяснительными примѣчаніями. Определено принять предложеніе г. Майкова.

Л. Н. Майковъ передалъ главному редактору Словаря Я. К. Гроту выписки примѣровъ изъ писателей, находящіяся въ трудѣ А. А. Потебни: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ». Положено воспользоваться по мѣрѣ возможности доставленными извлеченіями.

Л. И. Поливановъ прислалъ изъ Москвы начало обѣщанныхъ имъ для Словаря замѣтокъ о союзахъ, представляющее собою цѣлый трактатъ, на 14 страницахъ, объ этимологическомъ происхожденіи и употребленіи у образцовыхъ писателей союза «вѣдь», а также извлеченіе изъ этого трактата въ видѣ проекта для внесенія въ текстъ Словаря. Положено воспользоваться означенными извлеченіями г. Поливанова въ той мѣрѣ, въ какой будетъ найдено болѣе удобнымъ и соответствующимъ цѣли.

Читано письмо академика Тихонравова на имя предсѣдательствующаго, въ которомъ Николай Саввичъ изъясняетъ, что по поводу имѣющаго исполниться 1-го декабря текущаго года столѣтія со дня смерти Фонвизина онъ желаетъ издать къ этому сроку сборникъ матеріаловъ для полнаго собранія сочиненій этого писателя и, въ случаѣ согласія на то Отдѣленія, намѣревается заняться печатаніемъ сборника въ теченіе предстоящихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Положено увѣдомить академicka Тихонравова, что Отдѣленіе вполне одобряетъ его предположеніе.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ 8 ФЕВРАЛЯ 1892 ГОДА.

По открытіи засѣданія г. предсѣдательствующій заявилъ, что настоящее экстренное собраніе назначено исключительно для оцѣнки Отдѣленіемъ, по просьбѣ профессора Дерптскаго университета П. А. Висковатова ¹⁾, достовѣрности случайно найденной имъ

---

¹⁾ См. стр. II и III.

рукописи заключающей въ себѣ полный текстъ поэмы Лермонтова «Демонъ», которою г. Висковатовъ пользовался при изданіи поэмы (въ III-мъ томѣ редактированнаго имъ собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова, вышедшаго въ 1891 г. въ Москвѣ въ 6-ти томахъ), такъ какъ со стороны критики высказаны были на этотъ счетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Для этой цѣли къ участию въ засѣданіи приглашены были: самъ г. Висковатовъ и члены-корреспонденты Отдѣленія: А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, Н. Н. Стреховъ, А. Н. Пыпинъ, Д. В. Григоровичъ и гр. А. А. Кутузовъ. Къ сожалѣнію, двое послѣднихъ по обязательнымъ служебнымъ занятіямъ не могли присутствовать въ засѣданіи.

По приглашенію Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго президента Академіи Наукъ проф. Висковатовъ въ довольно пространной рѣчи изложилъ взглядъ на судьбу поэмы «Демонъ» въ печати до самаго послѣдняго времени, кончая изданіями сочиненій Лермонтова, появившимися въ теченіи 1891 г. по поводу исполнившагося 50-тилѣтія со дня кончины поэта, и, сдѣлавъ перечень всего рукописнаго автографическаго матеріала, которымъ могли располагать при своихъ изысканіяхъ по изданію поэмы прежніе редакторы, предложилъ на разсмотрѣніе Его Высочества и г.г. присутствовавшихъ какъ найденную имъ вышеупомянутую рукописную тетрадь, заключающую въ себѣ полный текстъ поэмы, съ различными поправками и пометками руки Лермонтова, — въ совершенно новой позднѣйшей, сравнительно съ извѣстными уже до того, редакціи, — такъ и нѣкоторыя другія рукописи, частію доставленныя въ Отдѣленіе изъ Лермонтовскаго музея. Для ознакомленія собранія съ критическимъ достоинствомъ своей находки проф. Висковатовъ сопоставлялъ всѣ важныя мѣста, предлагаемыя этимъ новымъ спискомъ поэмы: варианты какъ отдѣльныхъ словъ и выраженій, такъ и цѣлыхъ стиховъ, перестановокъ, сокращеній и т. под. важныхъ измѣненій прежняго рукописнаго и печатнаго текста.

Резерватъ докладчика, прерываемый время отъ времени запросами, на которые г. Висковатовъ давалъ свои разъясненія, длился отъ 3 до 5 ч. пополуд. и заключался, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ.

При жизни Лермонтова поэма его: «Демонъ» не появлялась въ печати ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ. Впервые отрывки изъ нея появились въ Отечествен. Запискахъ 1842 г., но полностью она сдѣлалась извѣстною публикѣ еще при жизни поэта изъ рукописныхъ списковъ, ходившихъ по рукамъ, особенно среди моло-

дежи. Только въ 1860 г. впервые поэма предлагается публикѣ цѣлкомъ въ собраніи сочиненій Лермонтова, вышедшемъ подъ редакцію Дудышкина, затѣмъ перепечатывается безъ важныхъ измѣненій, хотя и съ замѣнами однихъ мѣстъ другими и перестановками, въ цѣломъ рядѣ изданій собранія сочиненій поэта, выходящихъ подъ ред. П. А. Ефремова. Текстъ поэмы постоянно видоизмѣнялся съ каждыиъ новымъ изданіемъ, но вообще его печатали съ разныхъ списковъ, не поэта рукою писанныхъ, и допускались произвольныя исправленія и добавленія. Какъ первый издатель Лермонтова, Дудышкинъ, такъ и продолжатель его дѣла г. Ефремовъ не считали нужнымъ упоминать о самой рукописи, изъ которой они извлекали для своихъ изданій основной текстъ поэмы. Только въ послѣднихъ изданіяхъ собранія сочиненій Лермонтова, начиная съ 1880-го года, г. Ефремовъ сталъ указывать въ одномъ изъ своихъ примѣчаній къ тексту поэмы, что дѣлалъ исправленія текста по рукописи «принадлежащей О. И. Квисту, поправленной самимъ Лермонтовымъ въ 1840 году». Но означенный списокъ поэмы (нынѣ хранящійся въ Лермонт. музеѣ) совсѣмъ не исправленъ самимъ поэтомъ, а поправки въ немъ сдѣланы уже черезъ третьи руки. Да и въ немъ г. Ефремовъ тоже допускалъ произвольныя измѣненія. Такимъ образомъ *текстъ поэмы, печатавшійся въ Россіи вплоть до 1891 года, не можетъ считаться достовернымъ.*

Еще въ ббльшей степени можно сказать это объ изданіяхъ, появившихся за границей, изданіяхъ весьма неточныхъ, ошибочныхъ и смутанныхъ. Исключенія представляютъ лишь изданія 1856 и 1857 г.г., вышедшія въ Карlsru и въ Берлинѣ, послужившія основаніемъ и для большинства изданій, появившихся въ 1891 г. въ Россіи. Но, какъ было доказано проф. Висковатовымъ, и это изданіе, сдѣланное будто бы съ «своеручной рукописи» Лермонтова, не заслуживаетъ довѣрія. Сами редакторы новыхъ изданій, признавая текстъ изданія, вышедшаго въ Карlsru, точнымъ, все слѣдуютъ ему безусловно, а видоизмѣняютъ его.

Г. Введенскій (въ изд. Маркса) говоритъ: «Многое въ изданіи въ Карlsru 1856 года было плохо разобрано, а въ изданіи 1857 года введены уже добавленія изъ другихъ источниковъ» (стр. 364). Г. Введенскій видоизмѣняетъ текстъ изданія поэмы въ Карlsru.

Томе и г.г. Ефремовъ и Буковской (въ иллюстрированномъ изд. Кушнерова и Прянишниковъ, вышедшемъ въ Москвѣ въ 2-хъ томахъ). Такъ они печатаютъ стихъ:

Столпообразныя *руины*,

а не *румы*, хотя въ Карлерускомъ изданіи стоитъ *румы* и самъ г. Ефремовъ, полемизируя съ проф. Висковатовымъ, стоялъ за форму *румы*. Редакторы Кушнеревского изданія ссылаются на списокъ «Демона», сдѣланный В. Г. Бѣлинскимъ въ 1846 г. для своей невѣсты, — признавая его безошибочнымъ и сходнымъ съ изданнымъ въ Карлеру. Но въ списокѣ Бѣлинскаго встрѣчаются невозможные варианты: вмѣсто стиха (словъ Тамары къ Демону)

«Но если ты, обманъ *мал...*» (изд. Висковатова с. X, части II-й, стр. 34)

Бѣлинскій пишетъ:

«Но если ты — обманъ... *то я...*»

Впрочемъ и самъ онъ дѣлаетъ примѣчаніе въ концѣ своего списка (Кушнеревск. изд. стр. 215): «Такъ какъ поэма эта была авторомъ переправляема, то въ различныхъ спискахъ, ходящихъ по рукамъ, нѣкоторыя мѣста въ ней болѣе или менѣе разнятся между собою. Здѣсь прилагаются всѣ такія мѣста.....» Если бы Бѣлинскій списывалъ текстъ свой съ автографа Лермонтова, онъ бы это высказалъ, а не говорилъ о различныхъ спискахъ, которые, очевидно, имѣлъ передъ собою. Такимъ образомъ и редакция Кушнеревского изданія поэмы не выдерживаетъ критики.

Болѣе другихъ слѣдовалъ изданію въ Карlsru г. Болдаковъ (издан. Гербекъ), но и онъ (на стр. 410) говоритъ: «Мы приняли въ нѣкоторыхъ очень немногихъ стихахъ чтеніе того или другого изъ сопоставленныхъ нами списковъ». Такимъ образомъ и здѣсь является произволъ личнаго вкуса и соображеній.

О другихъ изданіяхъ проф. Висковатовымъ не было упомянуто, потому что они, по его мнѣнію, не представляютъ результатовъ самостоятельныхъ изысканій, а даютъ только перепечатки прежнихъ изданій.

Указавъ на несостоятельность печатныхъ текстовъ, докладчикъ представилъ объясненія того, какъ составлялись списки поэмы переписчиками и любителями поэзіи. Лермонтовъ работалъ надъ поэмою съ 1829 г. и до самой смерти своей. Она нѣсколько разъ передѣлывалась имъ, иногда лишь въ отношеніи къ отдѣльнымъ сценамъ или даже стихамъ. Любители, встрѣчая списки разныхъ гѣтъ и различныхъ ступеней художественной обработки, по своему вкусу соединяли ихъ и часто ставили рядомъ то, что являлось только передѣлкою и должно было замѣнять прежнее. (Были представлены

любопытные тому пригѣры. Такъ встрѣчаются списки поэмы, гдѣ дѣйствіе происходитъ то въ Испаніи, то на Кавказѣ).

Текстъ во всемъ рядѣ изданій съ 1860 г. и кончая изданіями, появившимися въ 1891 г., грѣшитъ такими промахами.

Изъ списковъ поэмы, писанныхъ рукою самого поэта, до издателей дошли лишь юношескіе очерки (въ тетрадахъ Лермонтова, подаренныхъ А. А. Краевскимъ Лермонтовскому музею). Это списки (см. сочин. Лермонтова, изд. Рихтера подъ редакціею проф. Висковатова въ III-мъ томѣ):

1-ый очеркъ «Демона», набросанный въ 1829 г. въ бытность поэта еще 15-лѣтнимъ мальчикомъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ (въ 3-ей черновой тетради). Напечатанъ у Висковатова на стр. 49—53.

2-ой очеркъ 1830 г. — въ бытность поэта въ Московскомъ университетѣ (въ 4-ой черновой тетради). Напечатанъ у Висковатова на стр. 54—74 [и сходный съ нимъ списокъ г-жи Дешанъ-де-Виллеръ 1831 года].

3-й очеркъ 1831 г. (въ 8-й тетради), писанъ весь рукою Лермонтова и заключаетъ (7 строфъ) лишь начало поэмы, съ замѣткой въ концѣ рукою же поэта: «Я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ, но нѣтъ — въ прозѣ лучше». Напечатанъ у Висковатова на стр. 75—76.

4-й очеркъ, писанный уже не самимъ поэтомъ, а рукою искуснаго каллиграфа, безспорно бывший въ рукахъ Лермонтова, относится къ 1832—1833 г.г., ко времени пребыванія поэта въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (въ Спб.). Принадлежалъ пріятелю Лермонтова, Булгакову. Доставленъ былъ въ 1843 году Краевскому Ульяновымъ и подаренъ также Лермонтовскому музею. Въ первый разъ появляется въ печати только въ изданіи Висковатова (на стр. 77—93).

Всѣ эти очерки принадлежатъ къ эпохѣ, когда дѣйствіе поэмы происходило еще въ Испаніи.

Замѣтъ проф. Висковатовъ показали двѣ рукописи съ текстомъ «Демона», которыми онъ пользовался для редактированнаго имъ собранія сочиненій Лермонтова, вышедшаго въ Москвѣ въ 1891 г. въ 6-ти томахъ и изданнаго Рихтеромъ (см. III т., стран. 1—45 и 94—106).

Прежде была предложена на разсмотрѣніе рукопись 1838 года, полученная докладчикомъ отъ Ел. Д. Лопухиной (рожд. Голохвостовой), снохи пріятеля Лермонтова, А. А. Лопухина. Эта

рукопись большого формата (въ листъ), писана рукою писаря, но въ ней даты: «1838» и «8 сентября» помѣчены рукою Лермонтова, который написалъ и заглавіе. Въ текстѣ чернилами вписаны имъ цѣлыя стихи, сдѣлано пять подстрочныхъ примѣчаній и нѣсколько поправокъ отдѣльныхъ словъ и рукою же поэта написано все посвященіе. Въ этомъ списокѣ дѣйствіе въ первый разъ переносится на Кавказъ, но нѣтъ еще многихъ чертъ, являющихся позднѣе: нѣтъ клятвы, нѣтъ эпилога и т. д. (Описаніе рукописи сдѣлано было г. Висковатовымъ въ Русск. Вѣстникѣ 1889 г., мартъ, стр. 224).

Вслѣдъ за симъ была представлена и найденная г. Висковатовымъ рукопись въ 4-ую долю листа, на синей бумагѣ 1823 или 1825 года. Она писана въ 1840—41 году (4-я цифра стерлась и остались лишь 184*) вся рукою писаря, схожею съ тою, которою было написано уцѣлѣвшее посвященіе къ «Демону» изъ бумагъ Александры Верещагиной (въ замуж. за бар. Гюгель) въ Штутгартѣ, получившей ихъ отъ Варвары Бахметевой, друга поэта, — съ очень немногочисленными помѣтками, сдѣланными карандашемъ и относящимися по большей части къ пропускамъ, сдѣланнымъ писаремъ, или къ неудовлетворительности его работы. Въ началѣ помѣчено: «переписать». Небольшое число выражений, отдѣльныхъ словъ текста исправлено тоже карандашемъ. Эти помѣтки отъ времени очень стерлись, но, насколько видны, представляютъ несомнѣнное сходство съ почеркомъ послѣднихъ рукописей поэта (напр. 15-ой тетради Лерм. муз.).

Ко внѣшнимъ доказательствамъ того, что означенная рукопись была въ рукахъ поэта и представляетъ одну изъ самыхъ послѣднихъ передѣлокъ поэмы, кромѣ помѣтки карандашемъ, сдѣланной въ концѣ 184(?) г., принадлежитъ и слѣдующій фактъ. Часть рукописей поэта находится въ Штутгартѣ у дочери баронессы Гюгель (урожд. А. М. Верещагиной), съ которою Лермонтовъ и Варвара Александровна Бахметева были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Къ В. А. Бахметевой относятся многія изъ стихотвореній поэта и между прочимъ ей посвящены очерки «Демона». Каждый разъ, когда поэтъ думалъ, что окончательно обработалъ поэму, онъ спѣшилъ отсылать списокъ съ посвященіемъ г-жѣ Бахметевой, рожденной Лопухиной. Портретъ поэта, имъ самимъ рисованный, и часть принадлежавшихъ Варварѣ Александровнѣ рукописей перешли къ А. М. Гюгель (р. Верещагиной), въ томъ числѣ и списокъ поэмы «Демонъ». Проф. Висковатовъ разыски-

вагъ этотъ списокъ, который, по письменному свидѣтельству дочери умершей баронессы Гюгэль, пропагъ изъ ея семейной библіотеки. Сохранилось лишь посвященіе, писанное на листѣ бѣлой бумаги 30—40-ыхъ годовъ. Это посвященіе писано тою же рукою, какъ и рукопись поэмы, представленная проф. Висковатовымъ.

Но самымъ убѣдительнымъ доводомъ служить *содержаніе* рукописи, въ коей находятся цѣлыя строфы, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ. Не говоря уже о томъ, что здѣсь попадаются слова и выраженія, даже цѣлые стихи, изобличающіе руку мастера, въ этомъ списокѣ исключено множество длиннотъ и слабыхъ мѣстъ, имѣющихся въ прежнихъ рукописныхъ текстахъ и воспроизведенныхъ также въ печати, при чемъ цѣлыя строфы и стихи, очевидно, писанные поэтомъ для замѣны одного другимъ болѣе совершеннымъ, писались и печатались нерѣдко другъ за другомъ.

Проф. Висковатовъ указалъ между прочимъ на слѣдующіе важнѣйшіе строфы и стихи, являющіеся въ его списокѣ вполне новыми или въ значительной передѣлкѣ противъ прежнихъ изданій поэмы.

Строфа V-я (II-ой части поэмы) является въ совершенно новомъ видѣ (см. Соч. Лермонтова, изд. Висковатова, III т., стр. 23) всего 8 стиховъ:

V.

Но въ схищницѣ своимъ блистаньемъ
Восторга міръ не пробуждалъ.
Пола тревожнымъ ожиданьемъ
Вся предалась она мечтаньямъ,
Все передъ нею ома стоягъ.
Страсть безотчетная, какъ тѣнью,
Жизнь осѣнила передъ ней:
Ей стало все предлогъ мученью. . . .

Нѣсколько дагѣе опять совершенно новые стихи, числомъ 15 (стр. 24):

То думы радостной волна
Ее окватитъ, и бывшее
Встагъ изъ мрака, какъ живое,
И ясныхъ сновъ душа полна.

Тѣснится въ ней воспоминанья,
 Изъ дѣтства ранняго сказанья
 Родной и милой старины.
 Ея тревожныя мечтанья
 Опять къ нему обращены.
 Вновь гость чудесный передъ нею
 Съ челомъ развѣнчаннымъ стоялъ;
 Онъ отъ нея спасенья ждалъ,
 Любить и вѣровать не смѣя.
 Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ молилъ,
 Онъ, мнилось, такъ несчастливъ былъ. . . .
 . . . . .

Только послѣдніе два стиха (изъ числа означенныхъ 15-ти) встрѣчаются въ нѣкоторыхъ вариантахъ въ концѣ II-ой строфы (II-ой части поэмы). Поэтъ перенесъ ихъ сюда, измѣнивъ слово *мнилъ* на *молилъ*.

Самымъ же знаменательнымъ и крупнымъ вкладомъ является совершенное измѣненіе одного изъ важнѣйшихъ мѣстъ поэмы, именно строфы: VIII, IX и X-ой — II-ой части поэмы.

Въ изданіяхъ печаталось:

(VIII) И входитъ онъ, любить готовый,
 Съ душой, открытой для добра;
 И мыслить онъ, что жизни новой
 Пришла желанная пора.
 Неясный трепетъ ожиданья,
 Страхъ неизвѣстности нѣмой,
 Какъ будто въ первое свиданье,
 Спознались съ гордою душой;
 То было злое предвѣщанье. . . .
 Онъ входитъ, смотреть, передъ нимъ
 Посланникъ рая — херувимъ,
 Хранитель грѣшницы прекрасной,
 Стоитъ съ блистающимъ челомъ
 И отъ врага съ улыбкой ясной
 Пріосѣникъ ее крыломъ. . . . .
 И лучъ божественнаго свѣта
 Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
 И вмѣсто сладкаго привѣта
 Раздался тягостный укоръ:

(IX) «Духъ безпокойный, духъ порочный,
 Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
 Твоиждь поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
 Зло не дышало здѣсь понинѣ!
 Къ моей любви, къ моей святинѣ
 Не пролагай преступный слѣдъ!
 Кто звалъ тебя?»

Ему въ отвѣтъ
 Злой духъ коварно усмѣхнулся;
 Зардѣлся ревностію взглядъ,
 И вновь въ душѣ его проснулася
 Старинной ненависти ядъ.
 «Она моя!» — сказалъ онъ грозно: —
 Оставь ее! она моя!
 Явился ты, защитникъ, поздно,
 И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
 На сердце, полное гордыни,
 Я наложилъ печать мою;
 Здѣсь больше нѣтъ твоей святини;
 Здѣсь я владѣю и люблю!»

Въ найденномъ спискѣ (по изд. Висковатова, стран. 25 и сл.)
 первые 8 стиховъ тѣ же, но затѣмъ вмѣсто немотивированнаго
 стиха:

«То было злое предвѣщанье! . . .

читается:

(строфа VII изд. Висков., стран. 27).
 Минуя образъ озаренный,
 Проникнулъ въ келію смущенный
 Духъ отверженія и зла;
 И сталъ недвижимъ у порога
 И, чуя вѣяніе Бога,
 Не смѣя приподнять чела,
 На грудь склонился головою,
 Тонимъ невѣдомой тоскою. . .

(VIII строфа)
 Но взоръ онъ подыалъ — ангель нѣжный
 Въ одеждѣ легкой бѣлоснѣжной
 Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
 Хранитель скимицы прекрасной,
 И отъ врага съ улыбкой ясной

Пріосѣнилъ ее крыломъ.
 Они невинны, чисты оба!
 Онъ смотритъ — ненависть и злоба
 Мгновенно пробудили страсть:
 Исчезнулъ ясный рой мечтаній;
 Вѣка вражды, вѣка страданій
 Надъ нимъ свою явили власть.

Херувимъ.

Духъ безпокойный, духъ порочный,
 Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
 Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
 Зло не дышало здѣсь понинѣ!
 Къ моей любви, къ моей святынѣ
 Не пролагай преступный слѣдъ!»

Демонъ.

«Оставь ее! Межь ней и мною
 Не становись: она моя!
 Мы связаны судьбой одною,
 И ей, какъ мнѣ, не ты судья.
 Подъ чарой ясной благостыни
 Я счастье лучшихъ дней ловлю!
 Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни,
 (стран. 28 Здѣсь я владѣю, я люблю!
 над. Ви- Рѣшило небо нашу встрѣчу,
 сков.) Любовь и торжество мое. . .
 Не ты — предъ Богомъ я отвѣчу
 И за себя и за нее». . .

Затѣмъ въ обѣихъ редакціяхъ сходно:

И ангелъ грустными очами
 На жертву бѣдную взглянулъ
 И, медленно взмахнувъ крылами,
 Въ зенитъ неба потонулъ. . . . (ibidem).

Далѣе непосредственно за этимъ **Въ** рукописи, найденной г. Висковатовымъ (изд. Висков., стр. 28):

Тамара.

(строфа IX).

О кто ты? рѣчь твоя ужасна (вар.: опасна)!	Тамара гордой рѣчи внемлетъ; Чудесный страхъ ее объемлетъ:
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?	Онъ передъ схииницей стоить,
Чего ты хочешь?	Знакомой блещетъ красотою, И утихающей грозой
Демонъ.	И утихающей грозой
Ты прекрасна!	Взоръ отуманенный блеститъ.

Тамара.

Тамара.

Но кто ты... и т. д.

О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
и т. д.

Есть и еще крупныя измѣненія и длинныя ряды стиховъ (какъ напр. въ строфѣ XV, второй части поэмы, изд. Висковатова стран. 41 и 42), не встрѣчающіеся въ другихъ изданіяхъ и спискахъ.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ тѣхъ немаловажныхъ поправокъ отдѣльныхъ стиховъ и выраженій, какія можетъ предложить редактору текста поэмы рукописная редакція, найденная проф. Висковатовымъ.

Въ редакціи Висковатова:

Прежде было:

1) И <i>разъяснюю тирицей</i> <i>Косматый Терекъ въ лубинѣ</i> Ревѣль, и горный звѣрь и т. д. (части I-ой строфа III, стр. 7).	1) И Терекъ, прыгая какъ <i>львица</i> Съ косматой гривой на хребтѣ, Ревѣль и хищный звѣрь и т. д.
2) Ея <i>узорчатой</i> повязкой <i>И золотилъ кудрей волной</i> Играетъ вѣтеръ... (строфа VIII, стр. 11).	2) Ея <i>узорою</i> повязкой
3) Прикованный незримой силой Онъ съ новой <i>думой</i> сталъ зна- комъ (с. IX, стр. 12).	3) Онъ (=Демонъ, увидавъ Та- мару), съ новой <i>грустью</i> сталъ знакомъ.

Примѣч.: *Грусть* съ нею была и раньше, а онъ сталъ знакомъ съ новою *думой* объ обновленіи.

4) Питомецъ (=конь) вѣжнѣй Ка- рабаха, Прядеть <i>ушами</i>, полный стра- ха.... (с. X, стр. 13). 5) Но презрѣвъ <i>удалой</i> женихъ Обычай прадѣдовъ своихъ. (с. XI, стран. 14). 6) ... и выстрѣль слова, И дикій крикъ, и стонъ глухой Промчались въ <i>тишии</i> до- лины.... (с. XI, стр. 14). 7) Лишь только ночь своимъ по- кровомъ <i>Долитъ сами</i> осѣнить.... (с. XV, стр. 17).	4) 5) Но презрѣвъ <i>молодой</i> женихъ 6) 7)	Прядеть <i>ушами</i> и полный страха.... ... въ <i>любимы</i> долины ... <i>сверху Кавказа</i>

8) То, что въ спискѣ Висковатова составляетъ строфу XVI-ю (заключительную) I-й части поэмы (въ печатномъ его изданіи въ III томѣ, стр. 19—20), въ прежнихъ спискахъ и изданіяхъ составляло VI-ю строфу уже II-й части, и выходило, что Тамара *съ монастыря* сторааетъ страстною тревогой. Но такая несообразность была еще и въ очеркѣ 1838 г. (полученномъ проф. Висковатовымъ отъ Лопухиной и изданномъ имъ же въ Рус. Вѣсти. 1889 г. книга 3, въ особомъ приложеніи на стран. 411—425; ср. въ изд. соч. Л—ва, т. III на стран. 94—106: «Пятый очеркъ»). Но затѣмъ поэтъ нашелъ, что такое настроеніе Тамары должно предшествовать удаленію ея въ монастырь, такъ какъ собственно оно-то и послужило побудительною причиною къ сокрытію себя молодою вдовою въ святой обители. Переносъ этой сцены самимъ поэтомъ является такимъ образомъ весьма характернымъ.

9) Но и въ монашеской одеждѣ, Какъ подъ узорною парчой, Все <i>безмокойною мечтой</i> Въ ней сердце билося, какъ прежде. (Части II-й, стр. II, стран. 21). 10) На сѣверъ видны были горы. При блескѣ <i>утренней ауроры</i>, ...	9) ... <i>беззакономно мечтой</i> 10)

- 16) И будешь ты царицей міра, 16)
 Подруга *отчая* моя... ... *первая*
 (с. X, стр. 36).
- 17) Смертельный ядъ его лобзанья 17)
 Мгновенно въ *кровь* ея про- ... въ *грудь*
 никъ...
 (с. XI, стр. 38).
- 18) *Мучительный, но слабый крикъ* 18) ... *ужасный крикъ*
 Ночное возмутилъ молчанье...
 Въ немъ было все: любовь,
 страданье,
 Упрекъ съ послѣднею мольбой
 И безнадежное прощанье —
 Прощанье съ жизнью молодой...
 (с. XI, стр. 38).

19) Всей XV-й строфы въ изданіи 1887 г. Сочиненій Лермонтова нѣтъ, а нѣкоторыхъ стиховъ означенной строфы и вовсе не было до сихъ поръ въ печати, другіе помѣщались лишь въ вариантахъ и принадлежать списку 1838 года (ср. изд. Рихтера т. III, стр. 105 внизу). Вотъ напр. какое окончаніе этой строфы въ спискѣ 1840—1841 гг. (Висковатова):

.....
 Замолкъ и за скалой сосѣдней
 Рыданій горькихъ звукъ послѣдній...
 Подковы стукъ и шумъ шаговъ,
 Рѣдѣвшій откликъ голосовъ,
 Все ниже, дальше замирали...
 А тучи грозно окружали
 Тамары хладную постель —
 Вдругъ разыгралася метель —
 И громче хищнаго шакала
 Она завыва въ небесахъ,
 И бѣлымъ прахомъ заметала
 Родной скалѣ врученный прахъ.
 (с. XV, стр. 41).

- 20) И у воротъ ея стоятъ 20)
 На стражѣ черныя граниты,
Плащами стѣжаными покрыты. *Пластами бѣлыми* покрыты...

И на груди ихъ, вмѣсто латы,
 Лды вѣковѣчныя горять.
 (Эпилогъ стр. 45).

Среди массы разнаго рода поправокъ, предлагаемыхъ спискомъ проф. Висковатова, къ прежде печатавшимся текстамъ, меньшее вниманіе г. присутствующихъ привлекли также и слѣдующія отдѣльныя мѣста поэмы:

1) относительно упомянутаго уже выше стиха (въ IV строфѣ I-й части, см. въ изд. Висковатова, въ III томѣ 8 стр.):

«Столообразныя *раины*»

высказано было сомнѣніе, не слѣдуетъ-ли читать: «*руины*». Недомнѣніе это пріобрѣтало особенное значеніе въ виду того, что до послѣдняго времени во всѣхъ изданіяхъ, выходившихъ подъ редакціей Дудышкина и Ефремова, издатели ставили вм. слова: «*раины*» — *руины* и отстаивали свое чтеніе, хотя критика и находила его неправильнымъ (см. ст. Н. Н. Страхова въ сборникѣ: «Складчина». Спб. 1874, стр. 580), такъ какъ въ Грузіи нѣтъ «столообразныхъ» руинъ. Слово «*раины*» смущало и критиковъ, и редакторовъ. Въ списокѣ г. Висковатова переписчикъ видимо тоже колебался: избѣгая ошибки, пропустилъ это слово совсѣмъ, а затѣмъ, справясь, вписалъ *раины*. Поэтъ же счелъ нужнымъ сдѣлать выноску, и въ примѣчаніи пояснить: «Столообразная или пирамидальная тополь», что также написано рукою переписчика, но болѣе тонкимъ почеркомъ. Впрочемъ и въ рукописи 1838 г. (Висковатова) и даже въ списокѣ Квиста, котораго преимущественно держались при изданіяхъ Дудышкинъ и г. Ефремовъ, тоже дано «*раины*», почему въ Кушнеревскомъ изданіи (московск. иллюстрированномъ, 1891 г.) оно введено уже и въ текстъ г. Ефремовымъ, ранѣе тоже оспаривавшимъ правильность такого чтенія. Въ ботаническомъ словарѣ Анненкова «*раиной*» названъ *Populus pyramidalis*.

2) Далѣе стихъ списка г. Висковатова (въ печатномъ изданіи имъ редактирован. на стр. 27, въ строфѣ VIII):

(Демонъ) «Подъ *чарой* ясной благостыни
 Я счастье лучшихъ дней ловлю!»,

на который критика указывала, какъ на стихъ не *Дермонтовскій* потому будто бы, что слово *чары* обыкновенно не употребляется

въ единственномъ числѣ (иначе, какъ въ значеніи «чаша, сосудъ»), не былъ признанъ заслуживающимъ осужденія по той причинѣ, что — какъ замѣтилъ Я. К. Гротъ — для употребленія слова *чара* (въ значеніи волшебства) исключительно во множественномъ числѣ нѣтъ достаточнаго основанія, и притомъ примѣръ употребленія этого слова въ томъ же смыслѣ въ единственномъ числѣ уже встрѣчается у Ап. Н. Майкова, именно въ стихотвореніи «У Мраморнаго моря». (Собр. соч. изд. 1889 г. т. III, стр. 443):

«Какъ будто свѣтлая, серебряная чара
На мѣрь наведена» ¹⁾).

Измѣненный въ изданіи проф. Висковатовымъ стихъ (въ его изданіи стр. 19, строфа XV):

«Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный,
Ни день, *ни* ночь, *ни* мракъ, *ни* свѣтъ!»

на:

«*На* день, *на* ночь, *на* мракъ, *на* свѣтъ!»

признается за недосмотръ и самимъ издателемъ, что неправильно помѣщено въ текстѣ вмѣсто того, чтобы стоять вариантомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, дѣйствительно, находится:

«На день, на ночь»... и т. д.

Въ рукописномъ текстѣ поэмы, пайденномъ г. Висковатовымъ, стоитъ ясно:

«*Ни* день, *ни* ночь»... и т. д.,

что представляется совершенно правильнымъ, тогда какъ употребленіе предлога *на* въ этомъ стихѣ если и возможно, то лишь безъ прямого указанія предыдущаго стиха:

«Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный»

¹⁾ Наконецъ, оказывается, что слово *чара* въ этомъ же значеніи, несомнѣнно самимъ Лермонтовымъ употреблено въ другомъ мѣстѣ, именно въ poemѣ: *Душа Востуждши*, гдѣ въ 27-й строфѣ 2-й части встрѣчаются стихи:

Узналъ-ли ты, несчастный Амбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою чарою....

Соч. Лерм., изд. Рихтера, т. II, стр. 67.

Въ заключеніе своего доклада П. А. Висковатовъ, указавъ на мѣсто, которое должна бы занять въ ряду другихъ найденная имъ редакція поэмы Лермонтова, обратилъ вниманіе собранія на то обстоятельство, что поэтъ, съ каждой новой обработкой излюбленной своей поэмы, мало-по-малу переходилъ отъ личнаго, чисто субъективнаго творчества къ эпическому.

Ап. Н. Майковъ присовокупилъ къ послѣднему замѣчанію докладчика, что поэтъ, переходя отъ юношескихъ порывовъ къ болѣе зрѣлому творчеству, сталъ замѣчать въ первыхъ очеркахъ своей поэмы отсутствіе какой-либо нравственной основы и потому не удовлетворился ими; изъ дальнѣйшихъ его поправокъ видно, что онъ ищетъ этой основы, хочетъ дать идею своей поэмі, и вотъ мало-по-малу подходитъ къ идеѣ искупленія. Въ этомъ духѣ и произведены имъ въ текстѣ всѣ перемѣны и перестановки, съ которыми можно познакомиться изъ вновь найденной рукописи. И нѣтъ сомнѣнія, что, если бы Лермонтовъ пожилъ долѣе, то еще болѣе разработалъ бы и выяснилъ эту идею.

Ко всему этому Л. Н. Майковъ прибавилъ, что при недостаточности и малой разработанности критическаго матеріала, трудно рѣшить, къ какому году отнести редакцію поэмы, находящуюся въ рукописи г. Висковатова, но что эта редакція, безъ сомнѣнія, позже той, гдѣ рукою поэта приписаны цѣлыя строки и помѣченъ годъ 1838 и т. п., то-есть, что вновь найденная редакція можетъ быть, по всей вѣроятности, отнесена къ 1839 или 1840 г. и должна быть признана во всякомъ случаѣ позднѣйшею, какая намъ доступна, редакціей поэмы «Демонъ», хотя, при всемъ томъ, не можетъ быть почитаема за окончательную.

Достоверность вновь найденнаго списка была признана всѣми присутствующими; при чемъ относительно самой рукописи 1840—41 года было заявлено сожалѣніе, что почти всѣ карандашныя поправки совершенно исчезли вслѣдствіе покрытія ихъ лакомъ, а онѣ могли бы служить подтвержденіемъ того, что рукопись находилась въ рукахъ Лермонтова и имъ была исправлена. Но, признавая напечатанную проф. Висковатовымъ за несомнѣнно послѣднюю изъ числа извѣстныхъ до сихъ поръ и притомъ лучшую переработку поэмы самимъ Лермонтовымъ, всѣ признали, что, если бы продолжилась жизнь поэта, онъ, конечно, на этомъ не остановился бы и, очень можетъ быть, еще разъ рѣшился бы на передѣлку или исправку поэмы. Послѣднюю намъ извѣстную передѣлку, указывающую на совершенно новую концепцію сюжета, не только намѣчен-

ную, но частію и выполненную, представляетъ найденный г. Висковатовымъ списокъ.

Его Императорское Высочество Августайшій президентъ Академіи Наукъ и всѣ присутствовавшіе поздравили проф. Висковатова съ счастливою находкою, увѣнчавшею многолѣтній его трудъ по изученію исторіи творчества М. Ю. Лермонтова и собиранію матеріаловъ для составленной имъ обширной біографіи поэта. Докладчикъ передалъ тутъ же обѣ рукописи 1838 и 1840—41 г. и матеріалъ свой академику А. Ф. Бычкову, какъ даръ съ его стороны Императорской Публичной бібліотекѣ.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

Римованныя легенды

О СВЯТОМЪ ГЕОРГИИ ВЪ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

(Воронъ Фед. Пруссыя).

Въ двадцать первомъ томѣ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» напечатанъ трудъ г. Веселовскаго «Св. Георгій въ легендѣ, гѣснѣ и обрядѣ».

Въ то время г. Веселовскій не могъ, конечно, знать никакой подобной чешской легенды потому, что до 1881 г. въ нашей литературѣ извѣстны были лишь два отрывка: Братиславскій (Бреслав.) и пражскаго кантула.

Этотъ послѣдній найденъ былъ г. Патерой въ 1879 г. и въ 1881 г. ему же принадлежитъ открытіе третьяго отрывка въ библиотекѣ пражскаго университета.

Наконецъ въ 1887 г. г. Патера нашелъ въ библиотекѣ церкви св. Якова въ Брнѣ (Брюнѣ) *полную легенду о св. Георгіи*.

Вотъ и все, что о св. Георгіи до сихъ поръ извѣстно на чешскомъ языкѣ; объ этихъ памятникахъ я и желаю бы высказать нѣсколько словъ.

Извѣстные намъ четыре текста представляютъ двѣ редакціи (одна въ прозѣ, вторая въ стихахъ):

1. Одной принадлежитъ отрывокъ въ библиотекѣ пражскаго кантула и Братиславскій.

2. Второй Брненская рукопись и отрывокъ университетскій.

1. а) Отрывокъ въ библиотекѣ пражскаго кантула состоитъ изъ 3 пергаменныхъ полосъ (24 $\frac{1}{2}$ строкъ), списанныхъ, какъ кажется, въ началѣ XIV столѣтія по латинской рукописи «св. Гавельской».

Отрывокъ содержитъ въ себѣ §§ 1—3, 15—17 латинской легенды, но съ такими пробѣлами, что не можемъ передать его содержанія.

Напечатанъ вмѣстѣ съ латинской легендой въ Музейникъ (Šaroris Šeského Musea) 1881, стр. 276—7.

б) Вратиславскій отрывокъ, содержащій продолженіе латинской легенды, состоитъ изъ 2 листовъ. Текстъ писанъ прозой, но съ римами, стало быть это только списокъ болѣе древней римованной легенды.

Содержитъ въ себѣ §§ 12 (конецъ), 13, 14 (начало) и 15—17 латинской легенды.

Начинается съ разказа о томъ, какъ св. Георгій воскресилъ околѣвшаго быка одной бѣдной женщины. Всѣ славятъ Бога за это чудо, только короли (у Даціана) сердятся и говорятъ святому, что если онъ воскреситъ и мертвецовъ, они увѣрують въ Бога христіанскаго.

Св. Георгій воскресилъ 5 мужей, 10 женъ и 4 дѣтей. Король спрашиваетъ одного изъ нихъ, и онъ рассказываетъ: «Я Iobinus, умеръ 200 лѣтъ назадъ, не вѣруя въ Бога христіанскаго, потому и измучили меня въ аду, гдѣ не существуетъ никакой помощи. И тебѣ, король, совѣтую: коли не хочешь въ адъ пойти, увѣруй въ Исуса Христа».

Но король отвѣтилъ ему: «Не умно, Iobinus, ты говоришь» Тогда Iobinus попросилъ св. Георгія, окрестить его, чтобъ ему возвратиться въ адъ.

Святой топнулъ ногой и изъ земли вытекла вода; ею онъ окрестилъ всѣхъ воскресшихъ, которые тотчасъ же снова умерли.

Король, увидавъ это, сказалъ своимъ слугамъ: «Видите, онъ и дьяволовъ употребилъ, чтобъ воскресить этихъ мертвецовъ. Поведите его къ бѣдной вдовѣ, пока не выдумаемъ, какъ его погубить». Привели его къ вдовѣ и здѣсь заперли...

Этимъ кончается отрывокъ Вратиславскій, напечатанный въ Музейникѣ стр. 270—80. Время написанія то же, что и перваго отрывка.

2. а) Бриенская легенда.

Эта рукопись на 7 листахъ содержитъ 675 стиховъ.

Содержаніе слѣдующее:

Св. Георгій, князь въ Каппадокіи, приглашенъ ко двору короля Даціана, который, ненавидя христіанъ, посылалъ къ себѣ всѣхъ королей своего царства.

Святой ѣдетъ и въ какихъ-то горахъ нашего много народа. Они просятъ его не ѣхать дальше, но онъ все-таки ѣдетъ и у озера видитъ дѣвушку, отъ которой узнаетъ, что ей суждено быть жертвой змѣи.

Дѣвушка проситъ его скорѣй уѣхать, но онъ остается и молится Богу.

Драконъ выходитъ, святой поражаетъ его въ голову и, навязавъ ему петлю на шею, передаетъ его дѣвушкѣ. Она ведетъ дракона въ городъ *Дабетъ*. Жители трепещутъ, приходитъ и король съ женой и очень радуются, что дочь жива и здорова. Св. Георгій отказывается отъ руки дочери и отъ царства и, окрестивъ семью короля и 12.000 человекъ, ѣдетъ ко двору Даціана.

Здѣсь сошлись 72 короля и множество народа; Даціанъ показываетъ имъ орудія пытки, приготовленныя для христіанъ. Св. Георгій глумится надъ языческими кумирами и объявляетъ всенародно, что онъ христіанинъ. Даціанъ приказываетъ его мучить и посадить въ темницу, гдѣ ангелъ вѣщаетъ ему, что 7 лѣтъ его будутъ мучить, что онъ трижды воскреснетъ и на 4 разъ вознесется на небо.

На слѣдующій день святого ведутъ къ Даціану. Св. Георгій повторяетъ, что онъ христіанинъ. По приказанію царя его снова мучаютъ и сажаютъ въ тюрьму. Даціанъ идетъ въ собраніе и объявляетъ: «Во что бы то ни стало, Георгій долженъ отвергнуть Бога своего. Если между Вами есть человекъ, который могъ бы это сдѣлать, тому я дамъ какое хочеть жалованье».

Какой-то Аванасій приходитъ къ Даціану и въ доказательство своего искусства шепчетъ на ухо быку и тотъ лопается. Приводятъ святого. Аванасій даетъ ему чашу яду, св. Георгій перекрестился, и ядъ ему не вреденъ. Увидавъ это, магъ проситъ святого окрестить его, но Даціанъ приказываетъ отрубить ему голову.

Затѣмъ раздираютъ тѣло святого на колесѣ съ острыми мечами на 9 частей, а кости бросаютъ въ озеро.

Даціанъ смѣется надъ христіанами и входитъ съ 20 королями въ свой домъ.

Полудни архангелъ Михаилъ воскрешаетъ св. Георгія, который снова идетъ въ собраніе королей. Всѣ дивятся его неожиданному появленію, а «*mystr Antony*» вмѣстѣ съ 1240 мужами увѣриваютъ въ Бога.

Но по повелѣнію короля всѣ они обезглавлены и души ихъ уносятъ ангелы на небо.

Снова мучаютъ св. Георгія огнемъ и дымомъ, и, когда ни то, ни

другое на него не дѣйствуетъ, снова ведутъ въ тюрьму, гдѣ ангелъ является, чтобъ утѣшить его. На слѣдующій разъ говоритъ святому король Manencius «genz byese welshu nebedeu»:

«Ежели ты сдѣлаешь такое чудо, чтобъ эти 4 стола принесли плодъ — я увѣрю въ Бога твоего!»

Святой молится Богу и Онъ воистину совершаетъ чудо, но Даціанъ, приписывая это не Богу христіанскому, а Аполлону, приказываетъ разсѣчь его натрое, варить въ котлѣ, а кости закопать въ землю.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ землетрясеніи слышенъ голосъ, воскрешающій святого Георгія. И привели его къ Даціану, куда пришла и жена, которая рассказала, какъ ей святой быка воскресилъ.

Но Даціанъ предлагаетъ Георгію воскресить и людей, давно умершихъ. Все это святой дѣлаетъ съ помощью Бога. «Ювуписъ» рассказываетъ, что онъ умеръ 300 лѣтъ назадъ, былъ мученъ въ аду за свое невѣріе, и совѣтуетъ Даціану увѣровать въ Бога.

Когда святой окрестилъ ихъ, они умираютъ.

Даціанъ, полагая, что это дѣло дьяволовъ, приказываетъ повести святого къ бѣдной вдовѣ, и здѣсь ничего не давать ему ѣсть. Св. Георгій проситъ у вдовы хлѣба; у нея его нѣтъ. Думая, что это ангелъ, она проситъ сосѣдей одолжить ей. Между тѣмъ по волѣ св. Георгія сухое дерево воцѣлѣ дома вдовы зазеленѣло. Ангелъ приноситъ ему много яствъ.

Женщина, воображая, что это самъ Богъ, исполнилась страха, а святой спрашиваетъ ее ласково, нѣтъ-ли у ней какого горя. Она рассказываетъ, что у нея сынъ отъ-мала слѣпъ, хромоногій и нѣмой. Св. Георгій возвращаетъ ему чувство зрѣнія и отъ всего исцѣляетъ.

Даціанъ, провѣдавъ о новыхъ чудесахъ Георгія, приказываетъ мучить его, разсѣчь на 9 частей и зарыть на горѣ Сересъ (въ рукописи ошибкой писца Фересъ).

Но въ послѣдовавшемъ землетрясеніи снова воскрешаетъ его голосъ небесный.

Люди, которые его зарывали, видя его живымъ и здоровымъ, увѣровали въ Бога и умираютъ какъ мученики.

Даціанъ обѣщаетъ святому все, лишь бы онъ отрекся отъ Бога; тотъ притворно соглашается, но, идеть къ королевѣ и побуждаетъ ее увѣровать.

На слѣдующій день Даціанъ сообщаетъ всенародно, что Георгій уже отрекся отъ Бога своего.

Приходитъ вдова, и упрекаетъ его, что совершалъ чудеса именемъ Бога, а теперь и знать Его не хочетъ.

Но святой приказываетъ сыну вдовы привести къ нему бога Аюллона и другихъ языческихъ боговъ. Всѣхъ ихъ принуждаетъ снова пойти въ адъ.

Даціанъ упрекаетъ его за вѣроломность и, узнавъ, что и жена его стала христіанкой, приказываетъ отрубить ей голову.

И св. Георгія ведутъ къ мѣсту казни, онъ молится, чтобъ Господь простилъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него и чтобъ съжегъ всѣхъ 72 королей, что у Даціана. Это и совершается.

При его смерти много народа увѣровало въ Бога, много чудесъ произошло. Душу мученика уносятъ ангелы на небо.

Легенда кончается желаніемъ, чтобъ Богъ христіанскій принялъ по смерти на небо какъ писателя, такъ и читателей.

Наша легенда передѣлана по латинской прозаической легендѣ рукописи «св. Гавельской», но въ послѣдней нѣтъ «чуда со змѣемъ». Эта часть заимствована изъ неизвѣстнаго пока разсказа, сходнаго съ легендой Якова de Voragine или «cod. monacensis», напечатанной въ «Сборникѣ» въ приложеніи къ труду г. Веселовскаго.

По рядомъ съ сходствомъ, есть и отличія. По «cod. monacensis» св. Георгій окрестилъ въ Ласин 40.000 человекъ, по Якова a Voragine 20.000, по нашей только 12.000.

По «св. Гавельской» рукописи разрываютъ тѣло мученика на 10, по нашей на 9 частей.

Въ латинской легендѣ Даціанъ принимаетъ въ своемъ домѣ всѣхъ 72 королей, въ нашей избралъ изъ нихъ только 20.

Въ «св. Гавельской» легендѣ Георгій воскресилъ «mille popaginta VIII et unam mulierem», въ чешской только 1240.

По «cod. monac.» и «cod. ambrov.» даже по «Leg. Augea» св. Георгій возвращается отъ войска домой, по чешской — онъ ѣдетъ къ Даціану.

По легендамъ въ «Сборникѣ» король въ Ласин злой, несправедливый человекъ, въ нашей стоитъ: «a w uesm zrgawna krale gnyeschi».

По всѣмъ другимъ легендамъ св. Георгій приходитъ къ озеру случайно, чтобъ коня напоить; по нашей напротивъ, множество народа упрашиваетъ его не ѣхать на неминуемую гибель — но онъ геройски ѣдетъ дальше.

Но значительнѣе всего слѣдующее:

По лат. изъ «Сборника» святой одерживаетъ надъ дракономъ побѣду лишь знаменіемъ креста, въ нашей (и въ «Leg. Augea») читаемъ:

«da gycy skyrse vsta w Mlawo
Swym kopim wieliku rani
Az sang poletie na strami».

Этотъ фактъ тѣмъ интереснѣе, что г. Кирпичниковъ (Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія» ССІ, 201) отмѣтилъ любопытное противорѣчіе «между *словами* книжными редакціями чуда Георгія и *почти словами* его изображеніями: по легендѣ Георгій не убиваетъ дракона, а дѣйствуетъ духовнымъ оружіемъ, по изображенію онъ убиваетъ змѣя копьемъ или мечомъ».

И такъ наша легенда и «Leg. Aucea» стоятъ одиноко, въ своемъ огласіи съ изобразительнымъ искусствомъ.

Еще нѣсколько словъ о собственныхъ именахъ.

По «cod. monac.» случилось все это во время «seuissimorum principum Diocletiani et Maximiani», но въ чешской легендѣ стоитъ «*Dasyan*», какъ и въ «Св. Гавельской», въ французской (*Datyens*) и въ «Leg. Aucea».

Городъ, близъ котораго случилось «чудо со змѣемъ», по «cod. monacensis» *Lasia*, по другимъ легендамъ *Lavsia*, *Lycia*, *Silene* и т. д.; по нашей «*darphet*».

Этотъ Дафетъ, конечно, описка изъ «*Jarpha*», что не далеко отъ города, гдѣ св. Георгій былъ замученъ; сл. у Якова а Voragine: «dicitur quia passus est in persida ciuitate *dyaspoli* que prius *lidda* uocabatur et est iuxta *ioren*». Магу «Anatholis» «св. Гавельской» отвѣчаетъ въ нашей рукописи лег. «*mystr Antony*» и т. д.

Обращу вниманіе еще на одну подробность, (которой нѣтъ въ св. Гавельской рукописи) на стихи 518—9:

«*daly pylata* (ошибкой вмѣсто *pylatu*) *ponskemu*
z furkleyma *rodem* *baworskemu*».

Это, конечно, намекъ на средневѣковую легенду, что

«*Forchheimi* natus est Pontius ille Pilatus
Teutonicae gentis, crucifixor omnipotentis».

Время написанія: половина XIV столѣтія.

Стихи 8 сложный, рима аабб.

b) *Отрывокъ въ библиотекѣ пражскаго университета.*

Перехожу къ послѣднему памятнику о св. Георгіи, отрывку въ 28 стиховъ, открытому г. Патерой въ библиотекѣ пражскаго универ-

ситета. Онъ содержитъ (съ небольшими уклоненіями) рассказъ Іо-
бина и кончается описаніемъ мученія въ адѣ.

Время написанія вѣроятно конецъ XIV стол. *Стихи* 8 сложные,
римы также аабб. Текстъ напечатанъ въ Музейникѣ, 1881 г., стр.
284—5.

Этимъ ограничивается вся наша стихотворная литература о свя-
томъ Георгіи.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ III, № 1.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1841—1891.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1892.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1892 г.

Непрежанный Секретарь, Академикъ *А. Штрауль*.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

1841—1891.

Высочайшій Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ второго ея Отдѣленія, подписанъ Императоромъ Николаемъ въ Гатчинѣ 19-го октября 1841 года. Тогда же утверждено Государемъ и Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Поэтому день пятидесятилѣтія Отдѣленія падалъ, собственно, на 19-ое октября 1891 года. Но такъ какъ ко дню памятованія сліянія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ должны были поспѣть разныя изданія, то оказывалось необходимымъ продлить срокъ ихъ приготовленія, къ чему представлялся весьма уважительный поводъ въ томъ обстоятельствѣ, что засѣданія второго Отдѣленія, по учрежденіи его, начались только въ 20-хъ числахъ декабря 1841 года. Въ виду этого рѣшено было перенести полувѣковой юбилей Отдѣленія на 29-ое декабря, какъ день, празднуемый ежегодно въ память основанія и самой Академіи Наукъ.

Въ этотъ день большая конференцъ-зала къ часу пополудни быстро наполнилась публикою, среди которой находились: министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д.

Деляновъ и товарищъ его князь М. С. Волконскій, члены Государственнаго совѣта: гр. Н. П. Игнатьевъ, К. Н. Посыетъ, А. Е. Тимашевъ и П. И. Соломонъ; почетный опекунъ И. П. Карниловъ, лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Здекауэръ, архіепископы: Сѣргій и Теогностъ и епископъ Никандръ, настоятель Казанскаго Собора А. А. Лебедевъ, писатели: А. Н. Майковъ, Д. В. Григоровичъ и мн. др. Было и довольно много дамъ.

На эстрадѣ передъ кафедрой занялъ свое кресло Августѣйшій президентъ Академіи, великій князь Константинъ Константиновичъ. Возлѣ Его Высочества помѣстились: съ правой стороны, вице-президентъ Академіи Я. К. Гротъ, съ лѣвой — непрѣмный секретарь А. А. Штраухъ. По обѣимъ сторонамъ отъ эстрады размѣстились академики всѣхъ трехъ Отдѣленій. Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарный академикъ Я. К. Гротъ, взоидя на кафедру, произнесъ, съ нѣкоторыми сокращеніями, помѣщаемую ниже рѣчь, вызвавшую оживленныя рукоплесканія.

По окончаніи ея прочитаны были имъ же слѣдующія на имя Отдѣленія присланныя привѣтственныя телеграммы:

Отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго, изъ Тифлиса.

„Привѣтствую Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ отъ Кавказскаго учебнаго округа и лично отъ себя по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его дѣятельности, столь полезной по научной работкѣ русскаго языка и литературы, съ пожеланіемъ ему и дальнѣйшаго плодотворнаго служенія наукъ“.

Отъ С. И. Пономарева, изъ Конотопа.

„Много лѣтъ пользуясь трудами Отдѣленія, благодарно приношу ему почтительный привѣтъ съ полусто-

лѣтнимъ славнымъ праздникомъ; онъ навѣваетъ прекрасныя воспоминанія, и много милыхъ тѣней возстаетъ“.

Отъ академика Н. С. Тихонравова, изъ Москвы.

„Ко дню торжественнаго собранія приношу Второму Отдѣленію Академіи Наукъ искреннее поздравленіе съ недавно истекшимъ пятидесятилѣтіемъ его дѣятельности на пользу русскаго языка и словесности“.

Отъ академика И. В. Ягича, изъ Вѣны.

„Hommages. felicitations à notre classe pour heureux accomplissement de cinquante ans d'activité pleine de succès. Vivat, crescat, floreat!“

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ОТЪ 1841 ПО 1891 ГОДЪ.

Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Вице-президента Императорской Академіи Наукъ Я. К. Грота.

23 декабря 1841 года въ стѣнахъ Академіи Наукъ, просуществовавшей тогда стопятнадцать лѣтъ, происходило первое засѣданіе новаго въ составѣ ея учрежденія — Отдѣленія русскаго языка и словесности. Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ. Отдѣленіе охотно соблюдаетъ обычай бросить взглядъ на свое прошлое, чтобы извлечь изъ него нѣсколько воспоминаній о своей дѣятельности, могущихъ заинтересовать просвѣщенныхъ соотечественниковъ, чтобы въ то же время уяснить самому себѣ, насколько оно исполнило свое назначеніе.

Начать говорить о нашемъ Отдѣленіи вельзя, не коснувшись впередъ его родоначальницы, Россійской Академіи; но такъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по случаю исполнившагося столѣтія съ основанія Россійской Академіи, ей посвящено было особое засѣданіе, въ которомъ нашъ почтенный сочленъ М. И. Сухомлиновъ подробно разсмотрѣлъ ея судьбы, то мы сегодня можемъ удовольствоваться краткой ея характеристикой. Учрежденная Екатериною II по образцу Французской Академіи,

она обязана была *очищать*, *обогащать* и *устанавливать* языкъ; для выполненія же этой задачи даны ей были такія силы, изъ которыхъ только весьма немногія были въ состояніи существенно послужить на пользу языка. Академія была составлена изъ 60-ти лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній и разнообразнаго образованія: тутъ были представители высшаго духовенства, гражданскіе и военныя сановники, писатели, поэты и лишь нѣсколько ученыхъ изъ числа членовъ Академіи Наукъ. Тѣмъ не менѣе возложенная на Россійскую Академію первая и главная задача — составленіе словаря — была выполнена, по отношенію ко времени, довольно удачно и притомъ въ сравнительно короткій срокъ: черезъ 11-ть лѣтъ словарь былъ уже не только составленъ, но и изданъ. Въ началѣ новаго столѣтія Академія издала и грамматику. Но въ остальное время своего почти 60-лѣтняго существованія Россійская Академія не держалась никакой опредѣленной программы. Ея періодическія и другія изданія не имѣли никакой ясно сознанный цѣли. Одни изъ главныхъ предметовъ ея заботливости составляли переводы древнихъ и новыхъ писателей; но и въ этихъ трудахъ, въ выборѣ авторовъ для перевода, господствовала случайность. Болѣе положительнымъ направленіемъ отличались собственные, но къ сожалѣнію крайне неудачные труды по корнесловію послѣдняго президента Академіи, Шишкова. Правда, позднѣйшій періодъ ея существованія ознаменовался нѣсколькими полезными дѣлами: она вступила въ сношенія съ западно-славянскими учеными, издала Илиаду въ переводѣ Гяѣдича, Ключъ Строева къ исторіи Карамзина, отправила на свой счетъ Венелина въ Болгарію и оказала матеріальную поддержку автору извѣстнаго Корнеслова, Шмкевичу. Но, вообще говоря, дѣятельность Россійской Академіи и тогда не имѣла ни научнаго характера, ни литературнаго значенія. Считая себя призванною быть «стражемъ языка» и «наставницей возрастающаго юношества», она поставила себя во враждебное отношеніе ко всему живому въ литературѣ и влачила едва замѣтно существованіе.

Такое состояніе указывало на необходимость коренного преобразования Россійской Академіи. Поводомъ къ упраздненію ея послужила смерть ея престарѣлаго президента, скончавшагося 10 апрѣля 1841 г. На докладѣ министра народнаго просвѣщенія, гр. Уварова, о смерти Шишкова императоръ Николай написалъ: «Представьте мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академію Наукъ». Въ проектѣ своемъ Уваровъ предлагалъ учредить три академіи, а именно: Академію Наукъ въ тѣсномъ смыслѣ (*sciences exactes*), Академію русской словесности и Академію исторіи и филологіи. Всѣ три академіи должны были составлять одно цѣлое подъ названіемъ: «Императорскія Соединенныя Академіи». Но Государь не одобрилъ этого проекта и повелѣлъ, подъ общимъ названіемъ Академіи Наукъ, образовать три Отдѣленія, между которыми Отдѣленію русскаго языка и словесности назначилъ центральное мѣсто. Вслѣдствіе того учрежденъ былъ, подъ предѣлательствомъ тогдашняго вице-президента Академіи Наукъ, кн. Дондукова-Корсакова, комитетъ изъ двухъ членовъ бывшей Россійской Академіи и двухъ же членовъ Академіи Наукъ. Государь находилъ, что дѣло ведется медленно и на одномъ изъ докладовъ министра написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ Академіи. Я все жду». 14-го октября 1841 г. написаны были эти слова, а 19-го того же мѣсяца послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ въ видѣ второго ея Отдѣленія. Тогда же было утверждено Государемъ и Положеніе объ этомъ Отдѣленіи. Изъ прежняго учрежденія съ неопредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и слишкомъ обширнымъ, разнохарактернымъ составомъ создана была другая, менѣе многочисленная коллегія, но зато съ ясно выраженнымъ научнымъ назначеніемъ, которое состояло главнымъ образомъ въ изслѣдованіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій, и въ разработкѣ исторіи русской словесности, къ чему, въ видѣ второстепенныхъ предметовъ, придацы еще взящія словесность и отечественная исторія. Изъ шестидесяти членовъ бывшей Рос-

сѣйской Академіи двадцать были переименованы въ дѣйствительные члены Отдѣленія, остальные получили званіе почетныхъ его членовъ съ правомъ участвовать въ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ составъ Отдѣленія все еще былъ довольно многочисленный и притомъ разнохарактерный, такъ какъ въ числѣ его членовъ были два, впрочемъ отсутствующіе, іерарха (Филаретъ, митроп. моск., и Иннокентій, архіеп. херс. и тавр.), поэты: Жуковский, кн. Вяземскій, Крыловъ и Вл. Панаевъ, а между учеными, какковы были: Арсеньевъ, Языковъ, Бередниковъ, Плетневъ и другіе, только одинъ, именно А. Х. Востоковъ, былъ въ строгомъ смыслѣ филологъ. При такомъ смѣшанномъ составѣ, Отдѣленіе получило организацію совершенно отличную отъ внутренняго устройства другихъ Отдѣленій, и только впоследствии, самою силою вещей, оно могло мало по малу выработать въ себѣ большее единство элементовъ, сообразное съ его назначеніемъ.

Согласно съ возложенною на него обязанностию и по примѣру Россійской Академіи Отдѣленіе прежде всего приступило къ изготовленію новаго изданія словаря, при чемъ опять рѣшено было обнять въ этомъ трудѣ не только всѣ періоды русскаго языка, начиная съ самаго древняго, но и церковнославянскій языкъ. Положивъ въ основаніе словарь Россійской Академіи, Отдѣленіе уже заранѣе опредѣлило въ точности объемъ и раздѣленіе своего труда: онъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ частей, и составленіе каждой части поручено двумъ академикамъ. Въ каждое засѣданіе (а засѣданія происходили то по одному, то по два раза въ недѣлю) члены приносили корректурные листы, которые цѣликомъ прочитывались, подвергались обсужденію присутствующихъ и затѣмъ сообщались нѣсколькимъ академикамъ другихъ двухъ Отдѣленій и немногимъ постороннимъ ученымъ. Что касается примѣровъ изъ писателей, въ видѣ подтвержденія объясненій словъ, то Отдѣленію казалось, что они не такъ нужны для новаго языка, какъ для древняго, почему главныя старанія участвовавшихъ въ работѣ, именно академиковъ: Бередникова, Буткова и Полѣнова, и были направлены къ извлеченію при-

иѣровъ изъ старинныхъ актовъ и церковныхъ книгъ. Составленный такимъ образомъ словарь печатался въ числѣ 5000 экземпляровъ и изданъ уже въ 1847 г. подъ заглавіемъ: «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка». Графъ Уваровъ поспѣшилъ поднести его Государю, и Отдѣленію выражена была Высочайшая благодарность.

Одновременно съ словаремъ предпринято было составленіе русской грамматики, и такъ какъ за это дѣло взялся членъ Отдѣленія, занимавшій кафедрю въ Московскомъ университетѣ, именно И. И. Давыдовъ, то въ Москвѣ учреждена была временная коммиссія, въ которую назначены еще три проживавшіе тамъ академика, Погодинъ, П. М. Строевъ и Шевыревъ. Главнымъ дѣтелемъ въ этой коммисіи являлся предсѣдатель ея, Давыдовъ. Грамматика его издана была въ 1851 году подъ заглавіемъ: «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» и потомъ перепечатывалась еще два раза. Задумавъ положить въ основаніе своего труда, съ одной стороны, заимствованную у Беккера ложную теорію организма языка, а съ другой, сравнительно-историческій методъ, на которомъ построена грамматика Гримма, Давыдовъ не былъ въ состояніи провести ни того, ни другого начала, и грамматика его не приобрѣла значенія ни въ учебномъ, ни въ педагогическомъ мірѣ. Съ переводомъ его, въ 1847 г., въ Петербургъ, на должность директора Главнаго Педагогическаго института, московская коммиссія была закрыта.

Въ 1845 году Отдѣленіе предприняло новый коллективный трудъ. Доставленный капитанъ-лейтенантомъ С. И. Зеленымъ списокъ областныхъ словъ подалъ Отдѣленію мысль принять мѣры къ собранію подобныхъ реченій изъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Для этой цѣли оно обратилось къ директорамъ губернскихъ гимназій, и въ непродолжительномъ времени получило отъ нихъ обширные списки областныхъ словъ. Приведеніе этихъ матеріаловъ въ порядокъ, обработка ихъ и приготовленіе къ изданію въ видѣ словаря было поручено Востокову. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ разсмотрѣніе этихъ словъ занимало большую

часть засѣданій Отдѣленія, и результатомъ былъ изданный въ 1852 г. «Опытъ областного великорусскаго словаря». Важность этого труда для русской филологіи была оцѣнена всѣми знатоками отечественнаго языка. Отдѣленіе просило ихъ отзывовъ и въ издававшихся имъ «Извѣстіяхъ» явились статьи наиболѣе уважаемыхъ въ то время русскихъ филологовъ, которые объяснили значеніе этого словаря для будущихъ успѣховъ изученія отечественнаго слова. Какимъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей лексикографіи былъ областной словарь, доказалъ между прочимъ явившійся впоследствии «Толковый словарь» Даля, обязанный значительною частью своего громаднаго матеріала Областному словарю Академіи, къ которому въ 1858 году присоединилось еще «Дополненіе», обработанное также подъ редакцію Востокова.

Это славное имя подаетъ намъ поводъ посвятить нѣсколько словъ памяти старѣйшаго изъ нашихъ бывшихъ сочленовъ. Кому не извѣстны главныя черты біографіи уроженца острова Эзеля, Остенека, принявшаго въ молодости имя Востокова и сдѣлавшагося свѣтиломъ славянской филологіи для всѣхъ народностей этого племени? Востокову шелъ уже 62-й годъ, когда онъ, какъ лучшее достояніе Россійской Академіи, выѣхалъ съ нею перешелъ въ составъ Академіи Наукъ. Я засталъ его уже 74-лѣтнимъ сѣдовласымъ старцемъ, отличавшимся необычайною скромностью и молчаливостью. Последнее свойство было слѣдствіемъ природнаго недостатка рѣчи, который въ значительной степени благопріятствовалъ его ученому призванію, заставляя его избѣгать общества и сосредоточиваться исключительно въ кабинетной жизни. При поступленіи моемъ въ Академію на четырнадцатомъ году существованія Отдѣленія, Востоковъ, который по старой привычкѣ, перенесенной имъ изъ Россійской Академіи, не пропускалъ ни одного засѣданія, каждый разъ приносилъ съ собою приготовленные имъ къ печати въ алфавитномъ порядкѣ слова для областного словаря. Эти слова читались имъ и обсуждались прочими членами, которые или одобряли ихъ

безусловно, или принимали съ оговорками и измѣненіями, или наконецъ совсѣмъ отвергали ихъ. Такого рода редакціонныя задачи, возлагавшіяся на Востокова, сильно отвлекали его отъ составлявшихъ настоящее призваніе его занятій церковнославянскою филологіей. Такимъ же образомъ ему прежде, при составленіи общаго академическаго словаря, поручена была редакція 2-го тома. Передъ тѣмъ однакожъ, вскорѣ послѣ учрежденія Отдѣленія, именно въ 1842 г., онъ успѣлъ окончить два капитальные труда: изданіе Остромирова Евангелія, напечатаннаго насчетъ Академіи Наукъ, и Описанія рукописей Румянцеваго музея. Мы знаемъ, въ какомъ близкомъ отношеніи Востоковъ, въ качествѣ хранителя, стоялъ къ этой богатой сокровищницѣ памятниковъ древности, благодаря проникательности просвѣщеннаго мецената, рано понявшаго, чего можно ожидать отъ этого великаго подвижника науки. Извѣстно, какъ Востоковъ, получившій скудно воспитаніе сперва въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Академіи Художествъ, думавшій избрать своей спеціальностью архитектуру, въ то же время страстно предавался поэзій, но, повинаясь неодолимому влеченію къ филологіи, скоро изучилъ славянскія нарѣчія и древніе языки и сдѣлался глубокимъ изслѣдователемъ первыхъ. Въ 1820 году, когда ему было 40 лѣтъ, онъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра своимъ гениальнымъ «Разсужденіемъ о церковно-славянскомъ языкѣ», которымъ впервые указалъ на нѣсколько основныхъ законовъ этого языка и разомъ затмилъ извѣстнаго славянскаго филолога того времени, чеха Добровскаго. Въ ту именно пору, когда въ московскомъ ученомъ журналѣ появился этотъ знаменитый трудъ Востокова, онъ избранъ былъ въ члены Россійской Академіи. Но замѣчательно, что это было сдѣлано, при главномъ участіи президента Россійской Академіи Шишкова, не столько въ пониманіи значенія Востокова для науки, сколько изъ расчета пріобрѣсти въ немъ сторонника и пособника въ корпусловныхъ измышленіяхъ Шишкова. При этомъ обнаруживается одна изъ господствующихъ чертъ характера Востокова, —

его уступчивость и податливость въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ, его неохота вступать въ какія-либо пререканія ради защиты своихъ убѣжденій. На приглашеніе Шишкова содѣйствовать ему въ его любимыхъ этимологическихъ упражненіяхъ Востоковъ отвѣчалъ: «Благодарю васъ при семъ особенно за любопытныя замѣчанія о словопроишзводствѣ, коими ваше прев. изволили почтить меня въ письмѣ вашемъ... Я съ удовольствіемъ и съ пользою для себя читаю въ Извѣстіяхъ Рос. Ак. глубокия изслѣдованія ваш. пр. по части словопроишзводства. Съ нетерпѣніемъ жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ въ засѣданіяхъ академикомъ наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ о семъ любимомъ для меня предметѣ». Это свойство Востоковъ сохранилъ и въ старости. Высоко цѣнившій славнаго сотоварища, академикъ Срезневскій, въ статьѣ, посвященной оцѣнкѣ заслугъ Востокова ¹⁾, приписываетъ этой чертѣ его характера слабую сторону трудовъ, совершенныхъ имъ по части русской и церковнославянской грамматики. Срезневскій полагаетъ, что Востоковъ внесъ бы въ эти труды гораздо болѣе новаго, болѣшую обстоятельность и полноту, еслибъ не опасался войти чрезъ то въ столкновение съ извѣстными представителями старой рутинной грамматики. Срезневскій тѣмъ не менѣе высоко ставитъ изданные Востоковымъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни краткую церковно-славянскую грамматику и церковно-славяпскій словарь. Его собственно-филологическія изслѣдованія собраны были Срезневскимъ и изданы имъ подъ заглавіемъ: «Филологическія наблюденія» Востокова. Другимъ трудомъ, которымъ Срезневскій почтилъ его память, было собраніе его переписки, главнымъ образомъ съ гр. Румянцовымъ. Въ заключеніи своего обзора трудовъ Востокова Срезневскій говоритъ между прочимъ: «Сводя въ общемъ все, что сдѣлано было Востоковымъ въ продолженіе почти 60-и лѣтъ, пельзя забыть, что почти во все

¹⁾ См. «Обзорніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова» въ изданіи: *Торжественное Собраніе Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1864 года*, in-4°. Спб. 1865.

это время онъ оставался одинаково дѣтельнымъ. Только болѣзнь и въ послѣднее время ослабленіе зрѣнія могли его заставить отложить трудъ. Онъ такъ привыкъ трудиться, что безъ труда скучалъ, что читалъ всегда, когда приличіе позволяло, при гостяхъ и въ гостяхъ, и дѣлалъ письменныя замѣтки и тогда, когда уже, по ослабленіи зрѣнія, не могъ слѣдить за писаннымъ».

Срезневскій принадлежалъ Отдѣленію 31 годъ и въ лѣтописяхъ его долженъ занять почетное мѣсто рядомъ съ Востоковымъ. Блестящимъ появленіемъ Срезневскаго на попріщѣ славяновѣдѣнія наука обязана одной изъ самыхъ плодотворныхъ мѣръ министерства гр. Уварова—учрежденію при русскихъ университетахъ кафедръ исторіи и литературы славянскихъ народовъ. Это было въ 1835 году. Срезневскій, кончивъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ, когда ему было только 17 лѣтъ, готовился сначала къ преподаванію статистики и политической экономіи, и уже въ званіи адъюнкта съ громкимъ успѣхомъ читалъ лекціи по этимъ предметамъ, но недоущеніе его къ защитѣ докторской диссертациі, которая показалась факультету слишкомъ несогласною съ обычными взглядами, дало другой оборотъ судьбѣ его. Уже въ это время онъ обратилъ на себя вниманіе занятіями народною словесностью, издавъ Украинскій Альманахъ, Словацкія пѣсни и Запорожскую Старину, и въ 1839 году командированъ былъ за границу для изученія славянскихъ нарѣчій. Черезъ два года онъ возвратился съ большимъ запасомъ свѣдѣній по славянской филологіи и этнографіи, пріобрѣтенныхъ имъ не изъ книгъ втиши кабинета, а въ самыхъ центрахъ народной жизни, въ сношеніяхъ съ лучшими представителями славяновѣдѣнія. Съ такимъ неистощимымъ матеріаломъ явился онъ преподавателемъ этой новой въ Россіи науки сперва въ Харьковѣ, гдѣ онъ въ 1846 г. защитилъ свою докторскую диссертацию «о языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ», а потомъ въ Петербургѣ, куда онъ вскорѣ былъ переведенъ по собственному желанію на открывшуюся по

смерти Прейса вакансію. Съ самаго своего возвращенія изъ славянскихъ земель, Срезневскій, являясь въ журналахъ со статьями разнообразнаго содержанія, сталъ пріобрѣтать болѣе и болѣе извѣстности. Когда во второмъ Отдѣленіи Академіи очистилось мѣсто по смерти военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, Срезневскій былъ избранъ въ адъюнкты и 8 апрѣля 1849 г. утвержденъ въ этомъ званіи.

Нельзя не признать, что Срезневскій внесъ новую жизнь въ Отдѣленіе. Въ то время оно занималось приготовленіемъ изданія Областного Словаря. Участіе въ этомъ дѣлѣ такого знатока русскаго слова не могло остаться безъ вліянія на достоинство труда, къ исполненію котораго онъ способствовалъ и доставленіемъ съ своей стороны новаго матеріала. Почти одновременно съ появленіемъ этого словаря Срезневскій положилъ основаніе двумъ періодическимъ изданіямъ. По примѣру двухъ другихъ Отдѣленій Академіи, издававшихъ для мелкихъ текущихъ статей *Bulletin*, а для трудовъ бѣльшаго объема—*Mémoires*, 2-ое Отдѣленіе предпріяло также изданіе: во 1-хъ, *Извѣстій*, а во 2-хъ, *Ученыхъ Записокъ*. Разнообразіе содержанія *Извѣстій* сразу обратило на нихъ вниманіе публики и уже первый выпускъ встрѣтилъ такой успѣхъ, что потребовалось вновь издать его. Особенный интересъ этому изданію придавалъ библіографическій отдѣлъ, который составлялся исключительно самимъ редакторомъ и сообщалъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ явленіяхъ филологической литературы какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Къ «Извѣстіямъ» скорѣ были присоединены два приложенія, именно: *Памятники народнаго языка и словесности* и *Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій*. Въ первомъ помѣщались произведенія народнаго творчества, къ собиранію которыхъ призывались всѣ любители словесности; содержаніе второго видно изъ самаго заглавія его. Въ немъ принялъ участіе нѣкоторые посторонніе ученые, и замѣчательны особенно объясненія словъ восточнаго происхожденія, сообщенныя профессорамъ: Березинымъ, Гри-

горьевымъ, Казембекомъ и Ковалевскимъ. Изданіе «Извѣстій» не мѣшало Срезневскому посвящать труды свои изслѣдованіямъ по исторіи русскаго и церковнославянскаго языка, обнаруженію и объясненію памятниковъ древней письменности и рѣшенію разныхъ археологическихъ вопросовъ. Труды его такъ многочисленны, что мы въ этомъ бѣгломъ очеркѣ принуждены ограничиться однимъ указаніемъ на важнѣйшіе изъ нихъ. Нельзя не упомянуть его «Мыслей объ исторіи русскаго языка», напечатанныхъ имъ при университетѣ вскорѣ по поступленіи въ члены Академіи, его обширнаго «Обозрѣнія древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка», его «Свѣдѣній и замѣтокъ о малозвѣстныхъ и невзвѣстныхъ памятникахъ». Десять лѣтъ продолжалъ онъ изданіе «Извѣстій», составившихъ такимъ образомъ 10 томовъ. Несмотря на протекшее съ тѣхъ поръ время, многое изъ напечатаннаго въ нихъ и теперь не утратило своей цѣны и долго еще будетъ сохранять свое значеніе для занимающихся славянорусскою филологіей. Поводомъ къ прекращенію изданія «Извѣстій» было то, что въ 1863 году при Академіи былъ основанъ ученый органъ на русскомъ языкѣ для всѣхъ трехъ Отдѣленій подъ названіемъ «Записокъ Императорской Академіи Наукъ». Вскорѣ однакожь второе Отдѣленіе пришло къ убѣжденію, что для удобства какъ его самого, такъ и читающей публики необходимо, рядомъ съ Записками, имѣть изданіе, въ которомъ появлялись бы особо труды членовъ этого Отдѣленія. Съ 1867 года оно стало издавать свой *Сборникъ*, котораго и вышло до сей поры 52 тома. Со времени прекращенія «Извѣстій», въ направленіи изысканій Срезневскаго произошла нѣкоторая перемѣна: онъ сталъ преимущественно заниматься палеографіей. Но былъ одинъ трудъ, начатый имъ очень давно и котораго онъ не оставлялъ посреди всѣхъ другихъ своихъ занятій, именно приготовленіе матеріаловъ для словаря древнерусскаго языка. Лѣтъ за 12 до своей кончины онъ даже приступилъ къ печатанію этого словаря, но вскорѣ убѣдился, что трудъ этотъ еще не былъ достаточно обработанъ, и оставилъ его неконченнымъ. Отдѣленіе, уви-

дѣвъ въ этомъ трудѣ дорогое наслѣдіе своего незабвеннаго сочлена, признало своею обязанностию озаботиться изданіемъ этого памятника его учености и трудолюбія. Оно нашло свѣдущую сотрудницу въ достойной дочери академика, Ольгѣ Измайловнѣ, которая вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ и ведетъ это дѣло безостановочно. За годъ до смерти Срезневскаго, именно 5 апрѣля 1879 г., былъ отпразднованъ 50-тилѣтній юбилей его славной ученой дѣятельности, при чемъ торжественно-выразилось полное признаніе заслугъ его отечественной наукѣ со стороны не только ученаго міра, но и всего образованнаго русскаго общества. Съ конца 70-хъ годовъ силы Срезневскаго стали замѣтно упадать; ему уже трудно было ходить пѣшкомъ въ Академію, и 9-го февраля 1880 года, послѣ кратковременной болѣзни, его не стало. Глубоко сочувственный некрологъ его съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ главныхъ трудовъ Срезневскаго былъ составленъ А. Ѳ. Бычковымъ и помѣщенъ въ отчетѣ Отдѣленія за 1880 годъ.

Изъ числа умершихъ членовъ Отдѣленія, мы должны остановиться на Билярскомъ и Пекарскомъ, которые, хотя и не долго принадлежали ему, но принимали дѣятельное участіе въ выполненіи задачъ его. П. С. Билярскій избранъ былъ въ званіе адъюнкта въ 1860 году. Вскорѣ послѣ отпразднованія юбилея Ломоносова въ 1865, болѣзненное состояніе нашего сочлена заставило его искать облегченія на югѣ, въ Одессѣ, куда онъ былъ приглашенъ на кафедру въ новоучрежденный университетъ; но уже черезъ два года смерть положила конецъ его трудовой и долгое время трудной жизни. Ученія занятія его были главнымъ образомъ посвящены изслѣдованіямъ по древнеславянскому языку. Эти занятія убѣдили его, какъ важно изученіе языка болгарскихъ рукописей для объясненія исторіи церковнославянскаго. Плодомъ этого взгляда было замѣчательное сочиненіе его «О средне-болгарскомъ вокализмѣ». Затѣмъ онъ издалъ свое изслѣдованіе о знаменитомъ Реймскомъ евангеліи. Къ числу важнѣйшихъ трудовъ его принадлежалъ переводъ одного изъ

основныхъ произведеній новѣйшей филологіи, именно творенія Вильгельма Гумбольдта «О различіи организма человѣческаго слова». «Кромѣ важности содержанія (говоритъ Никитенко въ некрологѣ Билярскаго), эта книга имѣетъ для нашей литературы еще то особенное значеніе, что представляетъ прекрасный образецъ точнаго и искуснаго изложенія на русскомъ языкѣ самыхъ уточненныхъ философскихъ понятій». Последнимъ академическимъ трудомъ Билярскаго былъ объемистый томъ матеріаловъ для біографіи Ломоносова, извлеченныхъ имъ изъ архивовъ Академіи Наукъ, и изданный ко дню празднованія столѣтняго Ломоносовскаго юбилея.

Дѣятельность П. П. Пекарскаго въ званіи академика продолжалась всего 9 лѣтъ, но, благодаря необычному трудолюбію его, результаты ея были обильны и замѣчательны. Родясь въ Оренбургскомъ краѣ въ 1828 г., онъ получилъ высшее образованіе въ Казанскомъ университетѣ и началъ службу на родинѣ. Благоприятныя обстоятельства помогли ему, 22-хъ лѣтъ отроду, переселиться въ Петербургъ и пристроиться въ министерствѣ финансовъ, откуда лѣтъ черезъ десять ему удалось перейти въ Государственный архивъ и тамъ, по выходѣ В. И. Ламанскаго, занять мѣсто старшаго архивариуса. Это былъ чрезвычайно важный въ его службѣ шагъ, поставившій его у самаго источника свѣдѣній, отысканіе которыхъ составляло главную цѣль его труженнической жизни. Литературная извѣстность Пекарскаго началась съ перваго времени его пребыванія въ Петербургѣ: онъ тогда уже избралъ своею специальностью исторію русскаго образованія, особенно въ XVIII вѣкѣ, и остался ей вѣренъ до конца; первыя статьи его стали появляться въ Современникѣ и въ Отечественныхъ Запискахъ. Двери въ Академію открылъ ему обширный и многолѣтній трудъ «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В.», увѣнчанный въ 1862 г. полною Демидовскою преміей: уже въ слѣдующемъ году Пекарскій былъ избранъ въ адъюнкты по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Незадолго передъ тѣмъ былъ напечатанъ имъ первый зна-

чительный трудъ его, обязанный своимъ происхожденіемъ службѣ автора въ Государственномъ архивѣ, — собраніе матеріаловъ относительно пребыванія при русскомъ дворѣ французскаго посланника Де-ла-Шетарди. Съ поступленіемъ въ Академію Пекарскому открылся въ ея архивахъ новый, богатый источникъ изслѣдованій, при помощи котораго начался цѣлый рядъ составленныхъ имъ монографій, какъ-то: «Екатерина и Эйлеръ», «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II»; «Путешествіе ак. Делиля въ Березовъ», «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова», «Жизнь и литературная переписка Рычкова», «Новыя извѣстія о Татищевѣ», «Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ», т. е. въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», которыя издавалъ академикъ Миллеръ. Сверхъ того Пекарскій, въ началѣ своей академической дѣятельности, разобралъ оставшія послѣ Арсеньева бумаги историческаго содержанія, которыя тогда же были имъ напечатаны и заняли цѣлый томъ издаваемого Отдѣленіемъ Сборника.

Вскорѣ по вступленіи Пекарскаго въ Академію ему предложено было взять на себя составленіе исторіи этого учрежденія. Съ обычной энергіей принялся онъ за новый трудъ, но успѣлъ разработать только первый періодъ исторіи Академіи, до начала царствованія Екатерины II. Своему изложенію онъ далъ форму біографій президентовъ и членовъ Академіи, общую же жизнь ея онъ обозрѣваетъ только въ краткомъ очеркѣ, предпосланномъ этимъ жизнеописаніямъ. Трудъ его составилъ два большіе тома, изъ которыхъ второй содержитъ въ себѣ только двѣ обширныя біографіи: Тредіаковскаго и Ломоносова. Служба Пекарскаго въ Государственномъ архивѣ подала поводъ къ возложенію на него еще другаго важнаго порученія. По мысли августѣйшаго предсѣдателя Русскаго Историческаго Общества, нынѣ царствующаго Государя Императора, въ то время Цесаревича Александра Александровича, предпринято было изданіе бумагъ императрицы Екатерины II, и Пекарскій избранъ ре-

дакторомъ этого собранія драгоценныхъ историческихъ актовъ. И тутъ работа закипѣла подъ руками опытнаго издателя: въ короткое время выпущены были 1-й томъ, 2-й быстро подвигался къ концу, когда нашему товарищу пришлось въ двѣдѣлѣтъ окончить расчеты съ жизнью. Неоспоримыя достоинства всѣхъ ученыхъ трудовъ Пекарскаго заключаются въ обиліи новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ первыхъ источниковъ, въ точности и достовѣрности всѣхъ его изслѣдованій, въ которыхъ онъ неизмѣнно руководствовался самою осторожною критикою и которыя навсегда доставили ему почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и нашей Академіи.

Обратимся теперь къ двумъ изъ прежнихъ членовъ нашего Отдѣленія, дѣятельность которыхъ отличалась совершенно другимъ характеромъ, чѣмъ дѣятельность тѣхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. П. А. Плетневъ и А. В. Никитенко занимали кафедру русской литературы въ здѣшнемъ университетѣ. Они не оставили важныхъ ученыхъ трудовъ, но тѣмъ не менѣе приносили Отдѣленію не маловажную пользу. Плетневъ вошелъ въ составъ Отдѣленія при самомъ учрежденіи его, а въ 1859 г., по выбытіи И. И. Давыдова, былъ назначенъ предсѣдательствующимъ. По смерти его, послѣдовавшей 29 декабря 1865 г., сочиненія его и переписка были изданы Отдѣленіемъ въ трехъ томахъ, главное содержаніе которыхъ составляютъ критическія статьи, въ свое время появлявшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Принадлежа всѣми симпатіями своими къ карамзинской школѣ, Плетневъ отличался тонкимъ эстетическимъ чувствомъ и вкусомъ, которые позволяли ему глубоко понимать и оцѣнивать поэтическія красоты въ произведеніяхъ его друзей, Жуковскаго, Пушкина и князя Вяземскаго. По смерти Пушкина онъ принялъ на себя продолженіе изданія основаннаго поэтомъ «Современника», но, не обладая необходимыми для журналиста свойствами, пренебрегая нужными для успѣха приемами и чуждаясь всякой полемики, онъ не могъ придать своему изданію того живого интереса, которымъ об-

условливается пріобрѣтеніе сочувствія многочисленныхъ читателей. Занимая въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ сряду должность ректора Петербургскаго университета, Плетневъ не находилъ достаточнаго досуга для постояннаго участія въ изданіяхъ Отдѣленія, но во всѣхъ встрѣчавшихся вопросахъ онъ содѣйствовалъ успѣшному рѣшенію ихъ своимъ разумнымъ и вѣскимъ словомъ. Особеннаго же рода услугу оказывалъ онъ Отдѣленію добровольнымъ принятіемъ на себя составленія ежегодныхъ отчетовъ о дѣятельности нашей коллегіи. Длинный рядъ ихъ идетъ съ самаго учрежденія его, и весь первый томъ собранія этихъ отчетовъ принадлежитъ исключительно перу Плетнева. Имъ же написана и значительная часть отчетовъ 2-го тома. Послѣдній трудъ его въ этой серіи относится къ 1860 году, т. е. ко времени, близкому къ началу болѣзни, которая заставила его большую часть послѣднихъ лѣтъ жизни проводить за границей и наконецъ, въ Парижѣ, свела его въ могилу. Чтобы вполнѣ оцѣнить, какъ много Плетневъ потрудился въ этой скромной области полуофіціальной литературы, надобно вспомнить, что онъ въ то же время составлялъ отчеты и по университету, въ качествѣ его ректора. Въ тѣхъ и другихъ онъ придавалъ наибольшую цѣну некрологамъ или очеркамъ біографій умершихъ дѣятелей, которые составлялъ съ большимъ тщаніемъ. Такъ въ 1 томѣ отчетовъ Отдѣленія мы находимъ между прочимъ составленные имъ извѣстія о жизни: Бороздина, Каченовскаго, Крылова, Прокоповича-Антонскаго, кн. Шаховскаго, Дм. И. Языкова. Главный трудъ Плетнева въ этомъ родѣ была обширная рѣчь, посвященная памяти гр. Уварова и прочитанная имъ въ годичномъ засѣданіи Академіи Наукъ въ 1855 году.

Такого же рода заслугу передъ нашимъ Отдѣленіемъ имѣеть и А. В. Никитенко, который, по смерти Плетнева, всѣхъ чаще являлся на академической кафедрѣ для ознакомленія общества съ дѣятельностью Отдѣленія. Но Никитенко принялъ на себя еще и другую обязанность: при обсужденіи драматическихъ сочиненій, поступавшихъ на соисканіе наградъ гр. Уварова, Никитенку,

въ теченіе многихъ лѣтъ, поручаемо было составленіе рецензій этихъ трудовъ. Собраніе его критическихъ отзывовъ можетъ послужить любопытнымъ матеріаломъ для исторіи этой отрасли русской литературы въ данное время. Никитенко представляетъ своеобразное и достойное изученія явленіе въ нашей литературѣ и общественной жизни. Получивъ въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ (Острогжскѣ, Воронежск. губ.) весьма скудное начальное образованіе, онъ произнесенною тамъ рѣчью¹⁾ неожиданно обращаетъ на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія (кн. Голицына), который вызываетъ его въ Петербургъ и даетъ ему университетское образованіе. Какъ Срезневскій первоначально избралъ своею спеціальностью статистику, такъ и Никитенко сперва посвятилъ себя политической экономіи и занялъ въ Петербургскомъ университетѣ кафедру по этой наукѣ. Только впоследствии онъ промѣнялъ ее на русскую словесность. Благодаря своему замѣчательному таланту и необыкновенному дару слова, Никитенко въ короткое время приобрѣлъ репутацію отличнаго преподавателя и краснорѣчиваго оратора. Рѣчи, которыя онъ произносилъ въ университетѣ, касавшіяся большею частью эстетическихъ вопросовъ, иногда же и исторіи, привлекали такую массу слушателей, какой прежде не видывала университетская зала. Въ особенности похвальное слово Петру Великому, произнесенное въ 1838 г., произвело сильное впечатлѣніе и заставило много говорить о молодомъ профессорѣ. Учебныя заведенія наперерывъ старались привлечь его въ число своихъ преподавателей, предлагая самыя выгодныя для него условія. Мнѣнія его приобрѣтали болѣе и болѣе авторитета не только въ литературныхъ, но и въ административныхъ кругахъ. На него возлагались разнаго рода почетныя порученія. Занявъ мѣсто цензора, онъ отличался разумною терпимостью и тѣмъ

¹⁾ Она напечатана въ приложеніи къ отчету Отдѣленія за 1877 г. подъ заглавіемъ: «Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Острогжскаго библейскаго сотоварищества секретаремъ оного Александромъ Никитенко-вымъ 1824 года генваря 27 дня».

приобрѣлъ популярность между литераторами разныхъ лагерей. Въ 1855 году Никитенко былъ избранъ прямо въ ординарные академики по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ ближайшее затѣмъ время особенно памятна его дѣятельность при министрѣ народнаго просвѣщенія А. С. Норовѣ, о которой онъ самъ недавно сообщилъ много новаго въ своемъ посмертномъ дневникѣ. Какъ профессоръ, Никитенко мало останавливался на фактахъ, не дорожилъ систематическимъ изложеніемъ науки и болѣе любилъ распространяться о значеніи прекраснаго въ искусствѣ. Молодежь увлекалась содержаніемъ его лекцій. По части своей специальности Никитенко издалъ одну только книгу «Опытъ исторіи русскаго языка». Это начало труда, не имѣвшаго продолженія, содержитъ одно введеніе. Къ академической дѣятельности Никитенко относится, сверхъ названныхъ трудовъ, участіе въ провознесеніи рѣчей при чествованіи памяти Ломоносова и Крылова. Весьма обстоятельный некрологъ Никитенка съ оцѣнкою трудовъ его помѣщенъ А. Θ. Бычковымъ въ составленномъ имъ отчетѣ Отдѣленія за 1877 годъ.

Отдѣленіе состояло всегда изъ двухъ разрядовъ членовъ: одни принадлежали къ внутреннему составу его, участвовали въ его засѣданія и постоянныхъ занятіяхъ, другіе отсутствовали и только числились членами Отдѣленія. Къ разряду послѣднихъ принадлежали наши московскіе сочлены: митрополитъ Филаретъ, Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Соловьевъ. Изъ числа духовныхъ лицъ, входившихъ въ составъ Отдѣленія, долженъ быть выдѣленъ архіепископъ Литовскій и Виленскій, впоследствии митрополитъ Московскій Макарій, который долгое время участвовалъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и нерѣдко печаталъ свои труды въ нашихъ изданіяхъ. Назовемъ его изслѣдованія: 1) О литературныхъ трудахъ Максима Грека и 2) О сочиненіяхъ Московскаго митрополита Давида. Нельзя также пройти молчаніемъ, хотя и помимо Отдѣленія изданнаго, обширнаго труда нашего знаменитаго сочлена: «Исторія русскаго языка» въ 12-ти томахъ. Не можемъ при этомъ случаѣ воздержаться отъ выра-

женія глубоко скорбнаго чувства по поводу ранней кончины этого достойнѣйшаго святителя, отличавшагося высокими качествами ума и сердца, окончившаго преждевременно свое достохвальное земное поприще.

Кромѣ названныхъ, въ умершихъ членовъ Отдѣленія и многіе другіе заслуживали бы указанія на главные ихъ труды, напр. К. И. Арсеньевъ, В. А. Полѣновъ, Д. И. Языковъ; но времени въ нашемъ распоряженіи не много, и мы должны спѣшить отъ мертвыхъ къ живымъ, еще продолжающимъ свою дѣятельность.

А. Ѳ. Бычковъ вступилъ въ Академію въ началѣ 1866 г. Однимъ изъ первыхъ трудовъ его была статья о словаряхъ митрополита Евгенія, написанная по поводу празднованія Отдѣленіемъ столѣтія со дня рожденія ученаго іерарха. Загѣмъ Аванасію Федоровичу было поручено наблюденіе за печатаніемъ Бѣлорускаго словаря Носовича. Между тѣмъ имъ предпринято было, по порученію Археографической Комиссіи, составленіе указателя къ 8-и томамъ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», который долженъ былъ заключать въ себѣ подробное изложеніе всего, что говорится въ лѣтописяхъ объ упоминаемыхъ въ немъ лицахъ, и въ 1875 г. вышелъ 1-й томъ этого труда. Какъ членъ Археографической Комиссіи, онъ, сверхъ того, напечаталъ: новыя изданія Лаврентьевской Лѣтописи (1872) и Новгородскихъ лѣтописей (1879), десятый томъ Полнаго собранія лѣтописей, содержащій продолженіе Никоновской Лѣтописи (1885), и часть шестнадцатаго тома того же собранія, который заключаетъ въ себѣ Лѣтопись Авраамки (1889). Изъ ученыхъ его трудовъ по Императорской Публичной Библіотекѣ назовемъ: во 1-хъ) первую часть подробнаго «Описанія церковнославянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Библіотеки» (1882); во 2-хъ) сборникъ «Въ память графа Сперанскаго» (1872), содержащій дневникъ его путешествія по Сибири, письма къ разнымъ лицамъ и нѣкоторыя его сочиненія; въ этомъ томѣ разсѣяно не мало важныхъ матеріаловъ для исторіи царствованія Александра I; въ 3-хъ) письма и бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Библіотекѣ,

изданныя въ 1873 году ко дню открытія памятника великой Государыни. Слѣдуетъ припомнить здѣсь же о сообщавшихся имъ въ отчетахъ Библіотеки за 1866—1880 годы свѣдѣніяхъ о новыхъ приобрѣтеніяхъ ея по отдѣленію рукописей, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ отчетовъ помѣщены имъ каталоги цѣлыхъ собраний, напр. Гильфердинга и Сокурова. Въ семидесятыхъ же годахъ начинаются занятія А. Θ. Бычкова по собранію матеріаловъ, относящихся къ царствованію Петра В., занятія, которыя мало по малу разрослись въ обширный трудъ монументальнаго изданія писемъ и бумагъ гениальнаго преобразователя. Но прежде нежели възложимъ ходъ этихъ занятій, упомянемъ еще о двухъ трудахъ нашего неутомимаго сочлена, исполненныхъ имъ по порученію Академіи. По смерти академика П. М. Строева, согласно съ его распоряженіемъ, внесены были въ Академію матеріалы для библиологическаго словаря, которымъ покойный много лѣтъ занимался. При составленіи этого словаря онъ имѣлъ въ виду собрать воедино весь разбросанный по разнымъ нашимъ библіотекамъ рукописный матеріалъ и расположить его по именамъ сочинителей и переводчиковъ и по разрядамъ анонимныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, словарь этотъ не былъ оконченъ Строевымъ и заключался только въ наброскахъ и замѣткахъ; тѣмъ не менѣе онъ и въ этомъ видѣ представлялъ много любопытныхъ данныхъ, которыя заслуживали опубликованія. По порученію Отдѣленія, А. Θ. принялъ на себя трудъ разсмотрѣть эти матеріалы и извлечь изъ нихъ для печати то, что еще въ наше время не лишено интереса. Сливъ трудъ Строева съ словарями митрополита Евгенія и съ «Обзоромъ русской духовной литературы» архіепископа Черниговскаго, Филарета, А. Θ. представилъ Академіи отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ матеріалахъ, а въ 1882 г. окончилъ печатаніемъ Словарь Строева. Въ томъ же году вышло второе изданіе труда И. И. Срезневскаго «Древніе памятники русскаго письма и языка», которое печаталось подъ наблюденіемъ А. Θ. и въ которомъ онъ сдѣлалъ нѣсколько добавленій.

Что касается бумагъ Петра Великаго, то сперва академикомъ Бычковымъ были напечатаны: 1) томъ Матеріаловъ Военно-ученаго архива Главнаго штаба (1871), посвященный весь времени Петра, и 2) Письма этого государя, хранящіяся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (1872); затѣмъ онъ издалъ, по порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (въ которомъ занимаетъ мѣсто вице-предсѣдателя), томъ бумагъ Петра Великаго (1873), между прочимъ извлеченныхъ изъ сенатскаго архива. Съ 1872 г. А. Θ. занятъ былъ извлеченіемъ изъ архивовъ какъ въ Россіи, такъ и за границею, матеріаловъ для полнаго собранія писемъ и бумагъ Петра, изданіе которыхъ предпринято по Высочайшему повелѣнію, по мысли покойнаго президента Академіи, графа Д. А. Толстого. Въ 1887 г. вышелъ 1-й томъ этого обширнаго и весьма важнаго для отечественной исторіи изданія, которымъ будетъ воздвигнуть достойный памятникъ великому монарху; въ 1889 окончень печатаніемъ 2-й томъ, а нынѣ А. Θ. приступилъ къ печатанію уже и третьяго тома.

Въ послѣднее время академикъ Бычковъ занимался, по порученію Отдѣленія, еще двумя требующими много времени и вниманія трудами. Подъ его наблюденіемъ печатаются: 1) Бѣлорусскій Сборникъ г. Шейна, о которомъ будетъ сказано ниже, и 2) упомянутый уже въ предыдущемъ Словарь древне-русскаго языка Срезневскаго. Первый выпускъ (содержащій три первыя буквы алфавита) уже вышелъ въ 1890 году; второй печатается.

Въ минувшемъ году исполнилось 50 лѣтъ учено-литературной дѣятельности Аванасія Фодоровича. Академія Наукъ и всѣ ученыя общества, умѣющія цѣнить многообразные труды и заслуги нашего достопочтеннаго товарища, торжественно отпраздновали этотъ полувѣковой юбилей, въ которомъ и все наше образованное общество приняло сочувственное участіе.

М. И. Сухомлиновъ избранъ въ экстраординарные академики въ 1872 году. Вскорѣ онъ предпринялъ обширный трудъ, исполненіе котораго естественно лежало на обязанности Отдѣленія: я разумѣю исторію Россійской Академіи. Несмотря на мно-

госложность архивныхъ разысканій, которыхъ требовало это предпріятіе, первый томъ явился уже въ 1874 году, и Отдѣленіе съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтило начало труда, который долженъ былъ составить важный вкладъ въ исторію русскаго просвѣщенія. Избранный авторомъ способъ изложенія былъ тотъ же, какой употребленъ Пекарскимъ въ Исторіи Академіи Наукъ, именно дѣятельность ученаго общества изображается въ рядѣ біографій его членовъ. Въ 1-й томъ вошли между прочимъ очерки жизнеописаній княгини Дашковой, митрополита Гаврііла, архіепископа Амвросія и другихъ духовныхъ лицъ. Во 2-мъ томѣ, вышедшемъ въ слѣдующемъ году, особенное вниманіе обращаютъ на себя біографіи трехъ замѣчательныхъ ученыхъ, принадлежавшихъ и къ составу Академіи Наукъ: Румовскаго, Лепехина и Озерецковскаго. Выпуски Исторіи Россійской Академіи быстро слѣдовали одинъ за другимъ; 8-й и послѣдній появился въ 1886 году.

Въ 1883 исполнилось столѣтіе со дня учрежденія Россійской Академіи: Отдѣленіе сочло нравственнымъ долгомъ помянуть это выдающееся событіе въ исторіи русскаго просвѣщенія особымъ торжественнымъ засѣданіемъ. Естественно, что истолкователемъ этого скромнаго ученаго праздника избранъ былъ историкъ Россійской Академіи, М. И. Сухомлиновъ. Многочисленная и блестящая публика почтила своимъ присутствіемъ это собраніе, происходившее подъ предѣтельствомъ назначеннаго за годъ передъ тѣмъ президентомъ Академіи Наукъ, графа Д. А. Толстого. По окончаніи рѣчи Михавла Ивановича Отдѣленіе привѣтствовали прибывшія отъ нѣсколькихъ ученыхъ учрежденій депутаціи, и именно: отъ Спб. университета, отъ Спб. Духовной Академіи, отъ Императорскаго Александровскаго лацея, а затѣмъ прочитаны были телеграммы: отъ Московскаго и Варшавскаго университетовъ, отъ Общества любителей Россійской словесности и другихъ обществъ.

Въ 1883 г. на М. И. Сухомлинова возложенъ новый важ-

ный и многолѣтній трудъ. Такъ какъ между академиками не нашлось никого, кто бы послѣ Пекарскаго принялъ на себя продолженіе исторіи Академіи Наукъ, то покойный президентъ гр. Толстой возымѣлъ мысль печатать вмѣсто того хранящіяся въ академическомъ архивѣ матеріалы для такой исторіи. Исполненіемъ этой мысли занялся М. И. Съ тѣхъ поръ подъ его наблюденіемъ издано уже 6 томовъ Матеріаловъ, 7-й и 8-й печатаются.

Давно ощущается потребность въ полномъ критическомъ изданіи сочиненій Ломоносова. Когда, съ небольшимъ лѣтъ 30 тому назадъ, Отдѣленіе предпріяло изданіе сочиненій Державина, то съ разныхъ сторонъ стало слышаться замѣчаніе, что изданіе старыхъ писателей слѣдовало бы начать съ Ломоносова. Съ справедливостью этого взгляда нельзя было не согласиться, но для изданія Державина имѣлось уже въ виду богатое собраніе матеріаловъ и былъ человекъ, готовый заняться ихъ разработкою. Если бъ Отдѣленіе тогда не воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, то можно навѣрное сказать, что всѣ эти матеріалы остались бы навсегда безъ употребленія, такъ какъ всѣ стоявшія близко къ Державину лица, выражавшія сочувствіе къ предпріятію Отдѣленія и готовность служить ему матеріалами, доживали свой вѣкъ и черезъ нѣсколько лѣтъ сошли со сцены. Благодаря ихъ содѣйствію, изданіе Державина съ присоединеніемъ его біографіи было благополучно доведено до конца въ 1880 году. Теперь наступила очередь изданію Ломоносова, за которое и взялся М. И. Сухомлиновъ, столь превосходно приготовленный къ этому труду всѣми своими предшествовавшими работами. Къ настоящему дню уже выпущенъ въ свѣтъ 1-й томъ этого изданія.

Изъ болѣе мелкихъ трудовъ академика Сухомлинова прежде всего должна быть упомянута изданная имъ въ 1873 г. *Поэма о судѣ Шемяки*. Происхожденіе и судьба повѣсти, получившей у насъ названіе «Суда Шемяки», весьма любопытны въ историко-литературномъ отношеніи. Содержаніе повѣсти и типъ главнаго дѣйствующаго лица постепенно видоизмѣнились

подъ вліяніемъ тѣхъ условій и тѣхъ особенностей, которыя существовали въ народной жизни. Въ изслѣдованіи М. И. приведены различныя редакціи повѣсти и указано ея отношеніе къ западно-европейскимъ и семитическимъ сказаніямъ.

По случаю кончины П. А. Вяземскаго (1878) и И. С. Тургенева (1884) написаны академикомъ Сухомлиновымъ два очерка, въ которыхъ авторъ руководствовался не только печатными, но и рукописными источниками, проливающимъ свѣтъ на литературную дѣятельность этихъ писателей.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе его о Радищевѣ (1883). «Путешествіе» Радищева «изъ Петербурга въ Москву» приобрѣло громкую извѣстность въ нашей литературѣ. Составляя, по содержанію и по тону, рѣзкое исключеніе изъ того, что появлялось въ нашей печати, книга Радищева привлекала къ себѣ вниманіе позднѣйшихъ писателей со времени Пушкина. За отсутствіемъ положительныхъ свѣдѣній много затрудненій представлялось для вѣрной оцѣнки литературной дѣятельности Радищева: ему приписывались сочиненія, которыя въ дѣйствительности не существовали; мысли и взгляды, будто бы изложенные въ этихъ сочиненіяхъ, принадлежатъ болѣе позднему времени. Чтобы найти твердую почву для выводовъ и приговоровъ, необходимо было обратиться къ первымъ источникамъ, подвергнувъ ихъ критическому разсмотрѣнію. Собралъ матеріалы въ различныхъ архивахъ, какъ въ русскихъ, такъ отчасти и въ иностранныхъ, академикъ Сухомлиновъ въ изслѣдованіи своемъ основывался на несомнѣнныхъ данныхъ, рисующихъ тогдашнее состояніе нашей литературы и общественной жизни.

Занимаясь преимущественно изученіемъ писателей XVIII вѣка, М. И. не оставлялъ безъ вниманія и ближайшаго къ намъ періода русской литературы. Имѣя доступъ къ драгоценнымъ первоначальнымъ источникамъ въ архивахъ, онъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ нѣсколько любопытныхъ монографій, и именно: въ 1881 году «Появленіе въ печати сочиненій Гоголя»; въ 1884: «Императоръ Николай, критикъ и цен-

зорь сочиненій Пушкина» и «Полемиическія статьи Пушкина»; въ 1886: «Н. А. Полевой и его журналъ Московскій Телеграфъ». Во всѣхъ этихъ статьяхъ М. И. умѣлъ сочетать безукоризненную основательность изслѣдователя съ искусствомъ возбуждать живой интересъ въ современныхъ читателяхъ.

Въ 1877 году, по смерти академика Никитенка, Отдѣленіе пополнило свой составъ избраніемъ адъюнктъ-профессора С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ исторіи всеобщей литературы А. Н. Веселовскаго, стяжавшаго почетную извѣстность своими изслѣдованіями по средневѣковой словесности, преимущественно романской и германской, которыя служатъ къ объясненію многихъ русскихъ и славянскихъ памятниковъ народной жизни. Первымъ предметомъ своихъ занятій Александръ Николаевичъ избралъ изслѣдованіе южно-русскихъ былинъ, а также «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ»; имѣя въ виду критически пересмотрѣть вопросъ о развитіи нашего народнаго эпоса, особенно былинъ такъ называемаго кіевскаго цикла. Результатомъ этихъ изслѣдованій былъ цѣлый рядъ обширныхъ статей, появившихся въ изданіяхъ Академіи. Вслѣдъ за тѣмъ А. Н. Веселовскій сталъ печатать «Матеріалы къ исторіи романа и повѣсти». Вышедшій въ 1886 г. первый выпускъ этого труда посвященъ роману и повѣсти греко-византійскаго періода. Авторъ собралъ богатый матеріалъ, чтобы показать, какимъ образомъ совершалось превращеніе греческаго романа въ христіанскій и въ чемъ заключались главныя черты ихъ различія. Самое обширное мѣсто отведено статьѣ, озаглавленной: «Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи». Романъ объ Александрѣ Великомъ—наиболѣе распространенное произведеніе какъ на Востокѣ до предѣловъ Средней Азій, такъ и на всемъ Западѣ. Въ своихъ «Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха» академикъ Веселовскій, ставя себѣ задачею выслѣдить происхожденіе различныхъ народныхъ сказаній, привлекаетъ къ своему изслѣдованію обширный сравнительный матеріалъ изъ литературы не только русской и вообще славянской,

но и многихъ другихъ народовъ западныхъ и восточныхъ и на этомъ широкомъ основаніи утверждаетъ свои соображенія и выводы. Въ послѣднее время А. Н. предпринялъ и отчасти уже исполнилъ трудъ, представляющій живой интересъ для обширнаго круга читателей. Это — переводъ «Декамерона» Бокаччіо, со введеніемъ, которое было читано въ одномъ изъ засѣданій Отдѣленія.

Съ 1880 года въ составъ Отдѣленія вошелъ, на мѣсто покойнаго Срезневскаго, извѣстный славистъ И. В. Ягичъ, которому издаваемый имъ въ Берлинѣ журналъ *Archiv für slav. Philologie* давно составилъ почетное имя въ наукѣ. Занявъ въ то же время катедру славянскихъ нарѣчій въ Петербургскомъ университетѣ, академикъ Ягичъ считалъ нужнымъ прежде всего доставить пособіе изучающимъ церковнославянскій языкъ, и съ этою цѣлью напечаталъ «Образцы церковнославянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ глаголическимъ и кирилловскимъ», куда вошло довольно много новыхъ, до сихъ поръ неизданныхъ, текстовъ. Затѣмъ онъ издалъ глаголическое Маріинское четвероевангеліе, писанное въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка. Изданіе этого замѣчательнаго памятника задумано было еще покойнымъ В. И. Григоровичемъ. Это евангеліе, вмѣстѣ съ изданнымъ трудомъ ак. Ягича Зографскимъ, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ списковъ евангельскаго текста. Въ изданіи Маріинскаго евангелія Игнатій Викентьевичъ не ограничился вѣрной передачею текста и критическимъ подборомъ важнѣйшихъ разночтеній, но присоединилъ обширныя изслѣдованія, а въ концѣ приложилъ образцовый словоуказатель. Почти одновременно онъ предпринялъ изданіе памятниковъ древнерусскаго языка. Первый томъ обнимаетъ два древнѣйшихъ памятника письменности послѣ Остромирова евангелія и двухъ сборниковъ Святослава, съ точно опредѣленными годами 1096 и 1097, и изданъ подъ заглавіемъ «Служебныя Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь». Затѣмъ Отдѣленіе, по мысли академика Ягича, приняло изданіе, исключительно посвященное изслѣдованіямъ по

русскому языку, древнему и новому, въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Въ самомъ началѣ помѣщено подробное изслѣдованіе г. Козловскаго о языкѣ Остромирова евангелія и вслѣдъ затѣмъ статья г. Шахматова о языкѣ новгородскихъ грамотъ.

Слѣдующимъ трудомъ нашего почтеннаго сочлена было изданіе переписки двухъ передовыхъ славистовъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія—Добровскаго и Копитара. Въ обширномъ введеніи издатель на основаніи этихъ писемъ представилъ картину того живого движенія, какое началось у разныхъ славянскихъ народовъ въ первыхъ годахъ втекающаго столѣтія. Въ этой картинѣ рельефно выступаютъ впередъ герои эпохи, Добровскій и Копитаръ; около нихъ группируются всѣ знаменитые представители начинавшагося тогда славянскаго возрожденія. Здѣсь нельзя не выразить искренняго сожалѣнія о томъ, что со второй половины 1886 года въ заведеніяхъ Отдѣленія уже не присутствуетъ акад. Ягичъ, приглашенный на кафедру славянской филологіи въ Вѣнскій университетъ. Впрочемъ онъ и послѣ переселенія своего въ Вѣну не прекращаетъ своего участія въ занятіяхъ Отдѣленія. Такъ въ дополненіе къ изданной имъ перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ онъ началъ печатать корреспонденцію другихъ западно-славянскихъ филологовъ-славистовъ то между собою, то съ русскими современниками, какъ важный источникъ для будущей исторіи славянской науки. Но особенно важенъ задуманный имъ новый трудъ, который долженъ представить въ одномъ цѣломъ все то, что въ теченіе прошлыхъ столѣтій высказывалось о церковно-славянскомъ языкѣ у южныхъ славянъ и у насъ въ Россіи, въ видѣ разсужденій о языкѣ, о правописаніи, о задачахъ переводовъ на славянскій языкъ съ греческаго и т. п. Съ этою цѣлію акад. Ягичъ предпринялъ трудъ, озаглавленный: «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ». Цѣлое изданіе, по плану, указанному самимъ содержаніемъ, должно состоять изъ двухъ частей: грамматиче-

ской и лексической. Этотъ важный трудъ и составляетъ нынѣ главное занятіе Игнатія Викентьевича какъ члена Отдѣленія русскаго языка и словесности.

Въ послѣдніе годы Отдѣленіе приобрѣло новыя силы въ лицѣ Л. Н. Майкова и К. Н. Бестужева-Рюмина, избравъ въ то же время въ дѣйствительные члены своихъ двухъ иногородныхъ ученыхъ, извѣстныхъ трудами высокаго достоинства, заслуженныхъ профессоровъ Н. С. Тихонравова и Н. А. Лавровскаго. О важномъ порученіи изданія сочиненій Пушкина, возложенномъ на ак. Майкова, было уже говорено въ предыдущихъ отчетахъ; въ отчетѣ за нынѣшній годъ К. Н. Бестужевъ сообщить о дальнѣйшемъ ходѣ пригтовительныхъ работъ Леонида Николаевича.

Мнѣ остается дополнить представленный очеркъ указаніемъ на тѣ труды Отдѣленія, о которыхъ или не пришлось упомянуть при разсмотрѣніи дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, или упомянуто только вскользь. Такъ къ изданнымъ Отдѣленіемъ словарямъ: общему Церковно-славянскому в русскому, Областному велико-русскому, Церковнославянскому Востокова и Бѣлорусскому Носовича должны быть еще прибавлены: Сербско-русскій словарь покойнаго П. А. Лавровскаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Отдѣленія, обогатившаго его изданія многими весьма цѣнными изслѣдованіями, и Словарь Архангельскаго нарѣчія, составленный съ большимъ знаніемъ дѣла покойнымъ Подвысоцкимъ, человекомъ, одареннымъ замѣчательными филологическими способностями, но къ сожалѣнію внезапно остановленнымъ въ своей дѣятельности раннею смертію. Въ настоящее время Отдѣленіе, при участіи членовъ и другихъ Отдѣленій Академіи и многихъ постороннихъ ученыхъ, приготавлиетъ словарь русскаго языка, первый выпускъ котораго уже отпечатавъ и съ нынѣшняго дня становится общимъ достояніемъ.

Къ разряду трудовъ по исторіи русскаго языка и вообще русскаго просвѣщенія, составляющихъ обширный отдѣлъ

занятій Отдѣленія, слѣдуетъ отнести, сверхъ исчисленныхъ выше изданій: Письма Карамзина къ Дмитріеву, изданныя по поводу празднованія въ 1866 г. столѣтняго юбилея Карамзина, и сочиненія Хемницера, исправленные по рукописямъ Капниста и Львова. Сюда же относятся и историко-литературные очерки, которые посвящались памяти многихъ изъ прежнихъ нашихъ писателей по поводу празднованія ихъ юбилеевъ въ стѣнахъ Академіи, именно: Ломоносова, Карамзина, Крылова, митрополита Евгенія, Жуковскаго и Батюшкова.

Нельзя отрицать значенія, какое имѣли для своего времени эти юбилеи, привлекавшіе въ залу Академіи многочисленную публику. Надобно вспомнить, что большая часть ихъ происходила въ 60-хъ годахъ, когда въ нѣкоторой части нашей журналистики воздвигнуто было систематическое гоненіе на старыхъ писателей нашихъ. Въ это самое время Академія издавала въ роскошномъ видѣ Державина и чествовала память прежнихъ заслуженныхъ дѣятелей литературы: нѣтъ сомнѣнія, что этими чествованіями она содѣйствовала къ распространенію въ обществѣ знакомства съ прошлымъ нашей умственной жизни, противодѣйствовала одностороннимъ увлеченіямъ, поддерживала здравыя понятія и уваженіе къ тому, что было хорошаго въ нашей старинѣ.

Много отдѣльныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ дѣятельности Отдѣленія можно бы еще присоединить къ исчисленнымъ, еслибъ мы не боялись утомить вниманіе Ваше, мм. гг. Но мы не можемъ не остановиться еще нѣсколько минутъ на трудахъ постороннихъ ученыхъ, которымъ Отдѣленіе радушно отводило мѣсто въ своихъ изданіяхъ. Таковы между прочимъ изслѣдованія: В. И. Ламанскаго—О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи; А. Н. Пыпина—Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ; архіепископа Черниговскаго Филарета—Обзоръ русской духовной литературы до 1720 г.; А. С. Будиловича—Ломоносовъ какъ писатель; многочисленныя статьи С. И. Пономарева, изъ которыхъ укажемъ только на

главныя: Матеріалы для бібліографіи литературы о Ломоносовѣ и о Карамзинѣ; переписка Максимовича съ Гоголемъ и Погодинымъ; исправленная редакція «Странствующаго Жлѣда» Жуковскаго; замѣчанія къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича; наконецъ разборъ Словаря русскихъ писательницъ, кн. Н. Н. Голицына. Далѣе, труды: профессора И. А. Чистовича, біографія Теофана Прокоповича; покойнаго В. Ѳ. Кеневича — подробный комментарий къ баснямъ Крылова; Русскія народныя картинки Д. А. Ровинскаго, содержащія любопытный обзоръ всѣхъ обращающихся въ простомъ народѣ иллюстрацій, начиная отъ самыхъ старинныхъ до нашего времени; Бѣлорусскій Сборникъ П. В. Шейна, содержащій народныя пѣсни и сказки богатаго въ этомъ отношеніи края. Для собиранія такихъ памятниковъ народнаго творчества и изслѣдованія разныхъ говоровъ бѣлорусскаго нарѣчія, г. Шейнъ нѣсколько лѣтъ сряду, начиная съ 1877 года, командированъ былъ Отдѣленіемъ въ сѣверо-западные губерніи. Когда, около того же времени, профессоръ Варшавскаго университета М. А. Колосовъ изъявилъ желаніе объѣхать наши сѣверныя губерніи для изученія употребляемаго тамъ языка, то Отдѣленіе не только приняло матеріальное участіе въ ученой командировкѣ молодого филолога, но и снабдило его инструкцію, на основаніи которой покойный Колосовъ представилъ Отдѣленію подробный отчетъ о своихъ разъѣздахъ по нѣкоторымъ изъ сѣверныхъ губерній, напечатанный въ изданіяхъ Академіи. Дальнѣйшіе труды стороннихъ ученыхъ, появившіеся въ свѣтъ при содѣйствіи Отдѣленія, были слѣдующіе: извлеченія изъ бумагъ переводчика Иліады, сдѣланныя П. Н. Тихановымъ къ столѣтію со дня рожденія Гнѣдича; изслѣдованіе покойнаго профессора Казанской Духовной Академіи И. Я. Порфирьева: Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ; профессора А. С. Павлова: труды по древнерусскому законодательству; профессора Черновскаго университета Калужняцкаго: Къ бібліографіи церковно-славянскихъ печатныхъ памятниковъ въ

Россіи; Русская Историческая Библиографія, В. И. Межова, 1865—1876 г., въ восьми томахъ, съ указателемъ ко всему труду; описаніе Черногоріи, П. А. Ровинскаго; изданіе сочиненія стариннаго чешскаго писателя Хельчицкаго «Сѣтъ вѣрь», сдѣланное съ переводомъ на русскій языкъ покойнымъ молодымъ ученымъ Ю. С. Анненковымъ; филологическія изслѣдованія чешскихъ писателей: Коляржа, Патеры, Прусика. Въ послѣдніе годы Отдѣленіемъ предпринято изданіе ученыхъ сочиненій покойнаго профессора университета св. Владимира А. А. Котляревскаго; три тома этого изданія уже вышли въ свѣтъ. Наконецъ, сюда же относится напечатанное въ русскомъ переводѣ сочиненіе профессора Гельсингфорскаго университета В. Лагуса: Эрикъ Лаксманъ, біографія одного изъ членовъ нашей Академіи, который своею дѣятельностью въ области естествознанія и путешествіями по Сибири заслуживаетъ доброй памяти въ потомствѣ.

Въ заключеніе мы не можемъ не упомянуть о той новой роли въ отношеніи къ русской наукѣ и литературѣ, которая выпала на долю Отдѣленія русскаго языка и словесности вслѣдствіе учрежденія при Академіи нѣсколькихъ премій, какъ то: Ломоносовской, Пушкинской, Жуковскаго, гр. Уварова, митрополита Макарія, гр. Толстого, Костомарова, Котляревскаго и Кирѣева. На обязанности Отдѣленія лежитъ либо исключительное присужденіе, либо участіе въ присужденіи этихъ премій. Понимая всю важность возложенной на него въ этомъ отношеніи задачи, оно старается свято исполнять ее и безукоризненно нести отвѣтственность за свои приговоры передъ обществомъ и литературою.

Таковы главныя черты дѣятельности Отдѣленія за первыя 50 лѣтъ его существованія. Не придавая особенно высокой цѣны своимъ трудамъ, оно однакожь позволяетъ себѣ думать, что добросовѣстно стремилось къ осуществленію своихъ задачъ, и если не успѣло въ достаточной мѣрѣ выполнить нѣкоторыхъ изъ нихъ, то причиною тому были препятствія, неизбежныя во

всякомъ человѣческомъ дѣлѣ и отъ насъ не зависящія. Отдѣленіе не сомнѣвается, что безпристрастный судъ соотечественниковъ отдастъ ему справедливость въ томъ, что оно съ самаго возникновенія своего сознавало свою неразрывную связь съ общою жизнью современной отечественной литературы, никогда не приписывало себѣ значенія верховнаго двигателя успѣховъ языка и литературы, всегда признавало всякое достоинство, внѣ его обнаруживавшееся въ области филологіи и словесности, всегда готово было прислушиваться къ голосу даровитѣйшихъ представителей нашей литературы, которыхъ и пріобщало къ своей средѣ то въ званіи членовъ-корреспондентовъ, то въ качествѣ сотрудниковъ при оцѣнкѣ представляемыхъ на судъ Академіи произведеній. Съ своей стороны и литература и искусство съ родственнымъ сочувствіемъ относились къ Отдѣленію и охотно обращались къ его содѣйствию въ вопросахъ, требовавшихъ участія науки. Смѣемъ надѣяться, что взаимная связь между людьми науки и литературы еще укрѣпится, что наука и литература будутъ и впредь дружно идти объ руку къ общей, дорогой для нихъ цѣли утвержденія и усиленія въ обществѣ умственныхъ интересовъ въ духѣ народнаго самосознанія и любви къ отечественному языку, чистота котораго должна быть предметомъ общаго нашего попеченія.

Лучшее ручательство за будущность Отдѣленія русскаго языка и словесности составляетъ та просвѣщенная заботливость о преуспѣяніи науки, какую Академія имѣетъ утѣшеніе видѣть въ дарованномъ ей благостію Монарха верховномъ Руководителѣ. Съ отраднымъ чувствомъ Отдѣленіе завершаетъ свое первое полу столѣтіе въ счастливую для Академіи эпоху, обещающую новое развитіе силъ и дѣятельности учрежденія, завѣщаннаго потомству Петромъ Великимъ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ III, № 2

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ЗА 1891 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЪЙ

К. Н. Вестужевымъ-Промышленнымъ.

САНКТЪПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вос. Остр., 9 лн., № 12.

1892.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1892 года.**

Непрежанный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1891 годъ,

составленный ординарнымъ академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ.

Читанъ въ торжественномъ засѣданіи 29-го декабря академикомъ Л. Н. Майковимъ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе, озабочено было главнымъ образомъ приготовленіемъ новаго изданія Академическаго Словаря, составляемаго подъ редакцію Вице-президента Академіи, предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи ординарнаго академика Я. К. Грота. Нынѣ появляется первый выпускъ этого словаря, заключающій въ себѣ буквы А, Б и часть В.

Извлекаемъ изъ предисловія къ словарю важнѣйшія данныя о характерѣ этого изданія. Оно имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковно-славянскаго же и древне-русскаго сохраняетъ оно только тѣ слова, которыя встрѣчаются въ произведеніяхъ литературы или сохранились въ общемъ употребленіи. Назначеніе словаря быть истолкователемъ живого языка не исключаетъ изъ него такихъ словъ, которыя хотя и вышли изъ употребленія, но встрѣчаются въ сочиненіяхъ, относящихся къ обнимаемому словаремъ періоду.

Такъ какъ часто очень трудно въ точности опредѣлить, къ общерусскому ли или къ областному принадлежитъ такое-то слово, то въ словарь иногда неизбежно будутъ попадать и слова областныя, и именно частью такія, которыя получили обширное распространеніе, частью мѣстныя слова, встрѣчающіяся у писателей, частью, наконецъ, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ въ общеупотребительномъ языкѣ недостаетъ слова. Въ этомъ отношеніи принято за правило: лучше давать лишнее, нежели опускать то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мнѣнія.

Изъ научныхъ и техническихъ терминовъ въ словарь заносятся такія названія, которыя могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ и въ неслишкомъ специальныхъ сочиненіяхъ, а также термины собственно русскаго происхожденія, хотя и малоизвѣстные, но могущіе удачно замѣнять иностранныя; при ботаническихъ, а отчасти и зоологическихъ названіяхъ приводится соотвѣтствующій имъ латинскій терминъ и кромѣ того (*курсивомъ*) тѣ названія, подъ которыми одно и то же растеніе или животное извѣстно въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Изъ полнаго русскаго словаря нельзя исключить весьма многочисленнаго у насъ отдѣла заимствованныхъ иностранныхъ словъ. Въ западно-европейскихъ литературахъ, особенно въ нѣмецкой, имѣются для такихъ словъ особыя словари; у насъ же эта область лексикографіи еще очень бѣдна и неудовлетворительна.

Собственныя имена, какъ личныя, напр. мнѣологическихъ существъ, такъ и географическія, т. е. имена странъ, городовъ, рѣкъ, озеръ и т. д., въ словарь не вносятся, но имена крупныхъ этнографическихъ единицъ (напр. *амличанинъ*, *кѣмецъ*, *мурокъ*) помѣщаются, такъ какъ подобныя имена, имѣющія множественное число, считаются нарицательными, почему и пишутся они безъ большой буквы. Прилагательныя отъ именъ странъ и народовъ (напр. *австрійскій*, *азіатскій*, *турецкій*) должны также найти мѣсто въ словарѣ.

Такимъ образомъ, каждое въ языкѣ существующее слово составленное по способу словообразованія и ходячее въ употребительномъ письменномъ или разговорномъ языкѣ, хотя бы и заимствованное (за исключеніемъ собственныхъ именъ), заносится особо, въ своей прямой или заглавной формѣ, въ строго-алфавитномъ порядкѣ. Такой списокъ словъ самъ по себѣ составляетъ то, что французы называютъ *номенклатурой* словаря. Строго-алфавитный порядокъ расположенія словъ болѣе всякаго другого отвѣчаетъ назначенію справочной книги, каковою долженъ быть словарь. Слова, встрѣчающіяся въ живой рѣчи или у писателей въ двоякомъ видѣ, ставятся въ каждой изъ обѣихъ формъ отдѣльно, но при менѣе употребительной или менѣе правильной дѣлается ссылка на другую. Когда во флексіи слово получаетъ форму, по которой трудно узнать основную, то оно помѣщается и въ первой.

Въ установленныхъ предѣлахъ содержанія словарь стремится къ возможной полнотѣ номенклатуры, приумножаясь словами, недостающими въ прежнемъ изданіи, а также неологизмами, которыми въ послѣднія десятилѣтія обогатилась русская рѣчь по естественному ли ходу развитія языка, или вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій во всѣхъ почти отрасляхъ общественнаго и государственнаго быта.

Надъ каждымъ словомъ, къ какой бы части рѣчи оно ни принадлежало, ставится знакъ ударенія; если во флексіяхъ акцентъ переходитъ на другой слогъ, то и это измѣненіе означается. Если два или три слова различнаго происхожденія, а слѣдовательно и различнаго значенія, имѣютъ одну и ту же форму (напр. *вырывать* отъ рвать и *вырывать* отъ рыть), то каждое изъ нихъ ставится отдѣльно съ помѣщаемою впереди крупною цифрою (1. 2. 3.).

Каждое слово сопровождается краткими грамматическими объясненіями: при существительныхъ обозначается родительный падежъ и родъ имени, когда образованіе множественнаго числа представляетъ какое-либо сомнѣніе относительно

формы слова или ударенія, то и оно указывается. Образованныя отъ первоначальной формы имени существительнаго, уменьшительныя и увеличительныя, ласкательныя и унижительныя имена ставятся особо, ибо при разнообразіи формъ этихъ словъ, трудно иногда угадать способъ образованія. При именахъ существительныхъ, происходящихъ отъ прилагательныхъ, для краткости ставятся слова: *свойство* или *состояніе* отъ такого-то прилагательнаго (*вялость*, свойство отъ *вялый*); особыя опредѣленія въ этомъ случаѣ бесполезны. При отглагольныхъ существительныхъ ставятся такимъ же образомъ слова: *дѣйствіе*, *состояніе* отъ глагола (*юртіе*, отъ *юртъ* и т. п.). Существительныя женскаго рода, образованныя отъ мужскихъ, ставятся безъ объясненій при этихъ послѣднихъ.

При прилагательныхъ обозначаются окончанія родовъ. Прилагательныя, происходящія отъ существительныхъ, за исключеніемъ случаевъ, требующихъ особаго объясненія, помѣщаются съ обозначеніемъ: отъ такого-то существительнаго. Лично-притяжательныя прилагательныя не вносятся, такъ какъ образованіе ихъ совершенно одинаково, и большинство ихъ вышло изъ употребленія. Ставятся они лишь въ такомъ случаѣ, когда придаютъ опредѣляемому ими существительному особое значеніе (напр. *матушкиныя сыночки*).

Глаголы ставятся особо въ каждомъ изъ такъ называемыхъ *видовъ*, при чемъ за основной принимается видъ *несовершенный* или *длительный*; рядомъ съ нимъ указываются также виды *совершенный*, *однократный* и *многократный*, при чемъ однакожь приводятся только такой *совершенный* видъ, который означаетъ просто окончаніе дѣйствія, а не различныя оттѣнки его, отличаемыя тѣмъ или другимъ предлогомъ. Къ неопредѣленному наклоненію присоединяются: *1-е лицо единственнаго числа*, какъ не всегда легко образуемое, и *3-е множественнаго*, по которому легко образовать 2-е и 3-е единственнаго и два первыя лица множественнаго, измѣняя *ю* и *у* на *е*, а *я* и *а* на *и*. Глаголы совершеннаго вида ставятся и отдѣльно съ означеніемъ ихъ основ-

ныхъ формъ (чего недоставало въ прежнемъ изданіи); глаголы однократные заносятся также отдѣльно, но ихъ основныя формы, какъ постоянно однообразныя, не приводятся; зато при этихъ глаголахъ указывается прошедшее изъявительнаго склоненія, когда въ немъ слогъ *му* отбрасывается (напр. *высока*, отъ *высохнутъ* и т. п.). При глаголахъ означается залогъ, показывается управленіе, ставятся ударенія.

Изъ нарѣчій не помѣщаются такія, которыя по формѣ и по значенію сходны съ краткими прилагательными ср. р. исключая того случая, когда они отличаются либо значеніемъ, либо удареніемъ. При предлогахъ означается ихъ управленіе съ объясненіемъ примѣрами.

Вдаваться въ болѣе или менѣе сомнительныя сближенія первообразныхъ русскихъ словъ съ словами другихъ арійскихъ языковъ не входило въ планъ настоящаго словаря, равно какъ и приведеніе близкихъ къ нимъ по облику словъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Такія сближенія дѣлаются только въ исключительныхъ случаяхъ, когда признаются нужными для лучшаго объясненія. Но при словахъ производныхъ и второобразныхъ, которыхъ составъ неясенъ, даются соответствующія объясненія, напр. при словѣ *высмереній* означается его отношеніе къ глаголу *наримъ* и образованіе при помощи предлоговъ *ис* и *въ* (въиспръ). Подобныя объясненія признаны особенно нужными при словахъ заимствованныхъ. Рѣчь идетъ конечно не о самыхъ древнихъ, не всегда объяснимыхъ заимствованіяхъ (особенно изъ восточныхъ языковъ), а о болѣе позднихъ и несомнѣнныхъ. Всякій, кто незнакомъ съ иностранными языками, чувствуетъ потребность знать не только значеніе подлиннаго слова, но и составъ его, первоначальное понятіе, изъ котораго оно возникло. Вотъ почему казалось не столь нужнымъ приводить каждый разъ подлинную форму иностраннаго слова, сколько показывать, изъ какихъ элементовъ оно составилось. Объясненія бываютъ болѣе или менѣе полныя, смотря по надобности. Есть множество словъ, которыя, просящая отъ одного несомнѣннаго корня, употребляются въ

различныхъ значеніяхъ, напр. *волна*, *вода*, *дворъ* и т. д. Каждое особое значеніе ихъ отмѣчается цифрою (1. 2. 3. 4) и при томъ, для большей наглядности, пишется въ новую строку. Когда историческое развитіе значенія слова ясно, то на первомъ мѣстѣ объясняется древнѣйшее, а затѣмъ послѣдовательныя его измѣненія. Но, къ сожалѣнію, въ рѣдкихъ только случаяхъ опредѣленіе развитія значеній такъ легко дается, большею частью оно составляетъ самую трудную задачу лексикографіи, и приходится либо основываться на однихъ предположеніяхъ, либо прямо довольствоваться однимъ разграниченіемъ различныхъ значеній, начиная съ самаго обычнаго въ настоящее время и не принимая на себя рѣшенія вопроса объ ихъ постепенномъ переходѣ.

Для лучшаго поясненія значенія слова необходимы примѣры. Примѣры могутъ состоять либо только въ пояснительномъ сочетаніи словъ, когда напр. при словѣ *великій* приводятся выраженія: *великое пространство*, *великій народъ*, *великій духъ*, либо въ болѣе обширныхъ фразахъ, заимствованныхъ изъ писателей, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ, или изъ обыкновенной рѣчи. Въ прежнемъ академическомъ словарѣ выписки изъ книгъ дѣлались очень рѣдко, и притомъ большею частью изъ памятниковъ старинной письменности; при словахъ современнаго языка онѣ являлись случайно и заимствовались изъ весьма немногихъ писателей. Въ настоящемъ изданіи, напротивъ, такія извлеченія составляютъ весьма существенную часть его и источникомъ для нихъ служатъ всѣ наши первоклассныя и нѣкоторые второстепенныя писатели. Рядомъ съ примѣрами этого рода помѣщаются перѣдко народныя поговорки и пословицы. Наконецъ не отвергаются и примѣры изъ обыкновенной разговорной рѣчи, которые заслуживаютъ полнаго довѣрія, когда они проходятъ черезъ цензуру общества ученыхъ и литераторовъ, между которыми есть и писатели съ авторитетомъ.

Кромѣ данныхъ, сообщаемыхъ при каждомъ словѣ, послѣ нѣкоторыхъ словъ помѣщаются особыя примѣчанія относительно формы, правописанія, происхожденія словъ, ихъ употребленія

и т. п. Общій характеръ словаря опредѣляется названіемъ практическаго. Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣло въ виду дать такой словарь, который отвѣчалъ бы потребностямъ людей образованнаго класса вообще, но къ которому могъ бы прибѣгать съ пользою и литераторъ и ученый.

Общій ходъ работъ надъ новымъ словаремъ былъ слѣдующій: положивъ начало этому дѣлу и принявъ на себя все его веденіе, главный редакторъ пригласилъ къ себѣ въ помощь двухъ молодыхъ ученыхъ, кончившихъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Е. В. Пѣтухова и Н. А. Смирнова. вмѣстѣ съ нимъ и по его указаніямъ они занимались подготовительною черною работою. Имъ же и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, между которыми слѣдуетъ особенно назвать питомца здѣшняго университета П. К. Симоны и извѣстнаго П. В. Шейна, поручено было выписывать изъ писателей примѣры въ дополненіе къ приготовленнымъ уже прежде въ Отдѣленіи и къ дѣлавшимся самимъ редакторомъ выпискамъ. Составлявшіеся изъ этихъ матеріаловъ черновые листы словаря переводились на карточки, которыя затѣмъ не разъ пересматривались, дополнялись, отдѣлывались и затѣмъ передавались въ типографію. Послѣ новыхъ, часто значительныхъ прибавленій въ наборѣ редакторъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія раздавалъ корректурные листы своимъ сочленамъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи сообщались частью устныя, частью письменныя замѣчанія на просмотрѣнные слова, и такимъ образомъ работа становилась предметомъ общаго обсужденія, въ которомъ постоянно принималъ участіе и Августѣйшій Президентъ Академіи, предварительно удостоивавшій также дѣлать замѣчанія на корректурныхъ листахъ. Затѣмъ, по завесеніи главнымъ редакторомъ въ текстъ словаря одобренныхъ Отдѣленіемъ исправленій, дополненій, а иногда и сокращеній, новые корректурные листы разсылались членамъ другихъ двухъ отдѣленій, а также и тѣмъ постороннимъ ученымъ, которые въ самомъ началѣ предпріятія съ полнымъ сочувствіемъ откликнулись на вызовъ Отдѣленія оказать ему помощь въ общепользномъ дѣлѣ. Изъ академиковъ Фи-

зико-математическаго и Историко-филологическаго отдѣленій особенное участіе въ просмотрѣ и исправленіи словаря принимали: А. В. Гадолинъ (по физикѣ), Ф. Ф. Бейльштейнъ (по химіи и минералогіи), А. П. Карпинскій (по геологіи и минералогіи), А. А. Штраухъ, Л. И. Шренкъ и Ф. Д. Плеске (по зоологіи), К. С. Веселовскій (по разнымъ отраслямъ знанія), А. К. Наукъ и П. В. Никитинъ (по древне-классической литературѣ), В. В. Радловъ, К. Г. Залеманъ и баронъ В. Р. Розенъ (относительно словъ восточнаго происхожденія). Здѣсь же долженъ быть названъ помощникъ директора Физической Обсерваторіи, М. А. Рыкачевъ (по своей спеціальности). Въ Академіи, кромѣ выше-названныхъ лицъ, постоянное содѣйствіе редактору чтеніемъ корректуръ и снабженіемъ ихъ своими замѣчаніями по разнымъ отраслямъ спеціальныхъ знаній оказывали: Ф. Ф. Веселаго, А. И. Вилькицкій и И. В. Будиловскій (по морскому дѣлу), Г. А. Лееръ и М. А. Газенкампфъ (по военной терминологіи), Н. Ф. Здекауеръ и Л. Ф. Змѣевъ (по врачебной наукѣ), А. Ф. Конн (по юридической части), протоіерей А. А. Лебедевъ (по языку церкви), И. В. Помяловскій (по классическимъ древностямъ), П. А. Костычевъ (по сельскому хозяйству), Я. П. Колубовскій (по философіи и психологіи), А. И. Савельевъ (по технической терминологіи вообще), М. И. Меліоранскій (по физиологіи растеній), А. И. Гольденбергъ (по математикѣ). Въ недавнее время къ числу этихъ лицъ присоединился М. С. Воронинъ, замѣнявшій по части ботаники покойнаго К. И. Максимовича, о дѣятельномъ сотрудничествѣ котораго долгъ благодарности заставляетъ вспомнить съ особеннымъ сочувствіемъ. Сверхъ того доставлены были замѣчанія самаго разнообразнаго характера какъ названными лицами, такъ и слѣдующими: попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа академикомъ Н. А. Лавровскимъ, профессорами А. С. Будиловичемъ и К. Я. Гротомъ, барономъ Ф. Р. Остенъ-Сакеномъ (которому редакція обязана сверхъ того извлеченіемъ примѣровъ изъ писателей), С. И. Пономаревымъ и А. Н. Пыпнымъ. Вначалѣ участіе въ чтеніи корректуръ принимали также

Н. П. Собко, Ал. С. Фаминцынъ и Н. Я. Гротъ. Въ самое послѣднее время къ дѣлу примкнулъ Н. П. Некрасовъ. Въ окончательной корректурѣ и приготовленіи къ печати перваго выпуска постояннымъ и дѣятельнымъ помощникомъ главнаго редактора былъ упомянутый выше П. К. Симони. Особо должны быть съ признательностью поименованы: извѣстный своею опытностью въ лексикографіи П. А. Гильдебрандтъ, который оказалъ редакціи истинную услугу своими совѣтами относительно внѣшнихъ приемовъ работы, между прочимъ устройства веденія дѣла на карточкахъ, и профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Упсальскомъ университетѣ И. А. Лундѣль, который, прочитывая съ величайшимъ вниманіемъ корректурные листы, указывалъ на такія дополненія въ объясненіяхъ значеній, потребность которыхъ могла быть замѣчена только изучающимъ языкъ иностранцемъ, но которыхъ польза и для русскихъ тѣмъ не менѣе неоспорима.

При такой сложности работа надъ словаремъ не могла конечно подвигаться быстро; несмотря на благоприятныя условія, при которыхъ она происходила, редакція не скрываетъ отъ себя, что въ трудѣ столь обширномъ и многообъемлющемъ неизбежны ошибки, недосмотры, пропуски, словомъ, недостатки всякаго рода. Вотъ почему, между прочимъ, вмѣсто того, чтобы издавать словарь по окончаніи всего труда, какъ поступали составители прежнихъ словарей, нынѣ принять порядокъ изданія по выпускамъ съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность воспользоваться для продолженія труда замѣчаніями, которыя могутъ быть вызваны появленіемъ 1-го выпуска. Притомъ изданіе по частямъ облегчитъ публикѣ пріобрѣтеніе словаря, а редакціи — веденіе работы.

Издаваемый Отдѣленіемъ подъ смотрѣніемъ ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова важный трудъ покойнаго И. И. Срезневскаго: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ», о которомъ говорено было въ отчетахъ за прошлые годы, продолжается печатаніемъ и скоро долженъ появиться второй его выпускъ, оканчивающійся буквою Э.

Ординарный академикъ М. И. Сухомлиновъ окончилъ печатаніе перваго тома порученнаго ему Отдѣленіемъ критическаго изданія «Сочиненій М. В. Ломоносова». Въ этомъ томѣ заключаются стихотворенія съ 1738 (ода Фенелона) до 1751 года включительно. Академическое изданіе съ вариантами и примѣчаніями является первымъ ученымъ изданіемъ сочиненій Ломоносова, самый текстъ произведеній котораго только искажался въ изданіяхъ, слѣдовавшихъ за изданіемъ архим. Дамаскина 1778 г., имѣющимъ право считаться хорошимъ только по условіямъ того времени и не удовлетворяющимъ требованіямъ нашего. Необходимость въ новомъ изданіи сочиненій первоначальника русской литературы и русской науки чувствовалась давно; удовлетворить этому требованію должно новое изданіе. Въ основу этого изданія положены собственноручныя рукописи Ломоносова и первыя изданія его сочиненій. Собираніе и разысканіе тѣхъ и другихъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Но чѣмъ болѣе усилій требовалось для этого, тѣмъ сильнѣе благодарность лицамъ, оказавшимъ издателю содѣйствіе. Такъ ординарный академикъ А. Ѳ. Бычковъ, В. М. Юзефовичъ и Г. В. Юдинъ сообщили издателю матеріалы печатные, а И. Н. Толстой — рукописные. Искреннее сочувствіе къ предпринятому труду выразилъ словомъ и дѣломъ В. М. Юзефовичъ. Онъ не только сообщилъ издателю изъ своего собранія книгъ тѣ, что особенно важно для его дѣла, но и принялъ дѣятельное участіе въ разыскиваніи первыхъ изданій, составляющихъ величайшую библиографическую рѣдкость. Благодаря его просвѣщенному посредничеству, М. И. Сухомлиновъ получилъ возможность пользоваться замѣчательными изданіями, принадлежащими почтенному библиографу Г. В. Юдину.

Не только собраніе первыхъ источниковъ, но и разыскиваніе данныхъ для ихъ объясненія представляло большія трудности особенно потому, что распредѣленіе рукописей по группамъ въ академическомъ архивѣ прошлаго столѣтія дѣлалось совершенно произвольно. Надписи на фоліантахъ съ обозначеніемъ года и мѣсяца, не только не облегчаютъ, а въ иныхъ случаяхъ весьма

затрудняютъ изслѣдователя: нерѣдко бумаги 40-хъ годовъ находятся въ фоліантахъ, отнесенныхъ къ 60-мъ годамъ, и т. п.:

Архивныя разысканія были необходимы для избѣжанія невѣрныхъ выводовъ. Ломоносову пришлось по смерти вести отвѣтственность за мысли, которыя или не принадлежать ему, или не заключаютъ въ себѣ того смысла, какой придавали имъ критики-публицисты. Для примѣра можно указать на переписку Ломоносова по случаю полученнаго имъ предписанія—перевести хвалебные стихи Штелина съ нѣмецкаго языка на русскій. Ломоносовъ всячески отказывался отъ перевода нескладныхъ виршей, но ему приказано было перевести ихъ какъ можно скорѣе, и онъ долженъ былъ подчиниться рѣшительно высказанному требованію. Эта настойчивость въ навязываніи писателю недостойной его работы и умышленно плохой переводъ никуда негоднаго оригинала—весьма любопытныя черты былаго времени и тогдашнихъ нравовъ...

Ординарный Академикъ А. И. Веселовскій издалъ въ отчетномъ году свой переводъ Боккачіева «Декамерона». Въ этомъ переводѣ онъ старался сохранить архаическій характеръ изложенія и тѣмъ далъ возможность публикѣ познакомиться въ настоящемъ видѣ съ произведеніемъ, извѣстнымъ у насъ преимущественно по французскимъ приглашеннымъ переводамъ. Тексту предпослалъ переводчикъ краткое введеніе, главная цѣль котораго указать истинную точку зрѣнія на это собраніе новеллъ знаменитаго итальянскаго гуманиста. Плодомъ изученія эпохи ранняго «Возрожденія» явились пока два этюда нашего сочлена: «Учителя Боккачіо» (въ «Вѣстникѣ Европы») и «Король-книгочій» (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія). Въ первомъ изображаются умственные интересы этого замѣчательнаго времени и затрогивается вопросъ о тогдашнихъ научныхъ отношеніяхъ Запада и Востока. Въ другомъ этюдѣ, представляющемъ любителя литературы Неаполитанскаго короля Карла-Роберта, изображается типъ литературнаго дилетанта той же поры умственнаго разцвѣта въ Италіи. Сверхъ того академикъ наблюдалъ за печата-

ніемъ новаго (Гроттоферратскаго) текста греческой поэмы о Дигеяисѣ, который печатаетъ въ Сборникѣ II-го Отдѣленія Туринскій ученый Мюллеръ.

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ продолжалъ въ изданіи нашего Отдѣленія печатаніе труда, посвященнаго обзорѣнью и собраію грамматическихъ сочиненій и статей XV, XVI и XVII ст., относящихся къ церковно-славянскому языку въ связи съ греческимъ и латинскимъ. Изданіе близится къ концу: напечатано до 40 листовъ. Въ отчетномъ году напечатаны главы 7, 8 этого изданія и печатается 9. Въ главѣ 7 помѣщены «Различныя статьи грамматическаго содержанія». Сюда вошли анонимныя статьи изъ русскихъ рукописныхъ сборниковъ XVI и XVII в., излагающія вопросы о разныхъ надстрочныхъ знакахъ, о правилахъ сокращенія и писанія подъ титлами, о знакахъ препинанія, о природѣ звуковъ гласныхъ и согласныхъ, о всевозможныхъ ихъ сочетаніяхъ, наконецъ о нѣкоторыхъ педагогическихъ приемахъ, употреблявшихся въ то время при преподаваніи языка. Въ главѣ 8 напечатанъ по двумъ, взаимно другъ друга дополняющимъ, спискамъ русскій переводъ «Доната», извѣстнаго средне-вѣковаго руководства къ преподаванію латинскаго языка; сверхъ подлиннаго Доната въ переводѣ Дмитрія толмача въ русскомъ переводѣ оказались еще дополнительныя статьи синтаксическаго содержанія, находящіяся въ нюрнбергскомъ изданіи Доната 1521 г. Переводомъ этимъ въ грамматическую теорію, развивавшуюся дотогѣ на почвѣ юго-славянской и русской подъ исключительнымъ византійскимъ вліяніемъ, внесена новая стихія—латинская. Въ 9, еще печатающуюся главу входитъ «Простословіе», сочинитель котораго, нѣкій Евдокимъ, жилъ во второй половинѣ XVI в. Въ «Простословіи» замѣтна попытка собрать въ одно цѣлое все, что авторъ нашелъ въ статьяхъ, вошедшихъ въ 7 главу изданія, и дополнить обширными извлеченіями изъ Доната. Такимъ образомъ главы эти являются естественнымъ дополненіемъ двухъ предыдущихъ. Послѣдняя 10 глава будетъ посвящена обзорѣнью и отчасти изданію грамматическихъ руко-

водствъ, бывшихъ на Руси въ ходу во время появленія первыхъ печатныхъ руководствъ (изданія такъ назыв. Дамаскинскихъ восьми частей словъ, сочиненій Адельфотиса и Зизанія), но раньше появленія грамматики Смотрецкаго — явленія, составляющаго естественный предѣлъ изданію И. В. Ягича.

Въ настоящемъ году И. В. Ягичъ оканчиваетъ другое порученное ему Отдѣленіемъ изданіе: двухъ важныхъ сочиненій чешскаго брата Хельчицкаго, начатое нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойнымъ Ю. С. Анненковымъ. Какъ только окончится печатаніе Введенія, этотъ важный памятникъ древне-чешской литературы появится въ видѣ отдѣльнаго тома «Сборника».

Упомянутое въ отчетѣ за прошлый годъ сочиненіе И. В. Ягича «Очеркъ изъ славянскихъ древностей» продолжается печатаніемъ. И. В. Ягичъ, принимая по мѣрѣ возможности участіе въ трудахъ Академіи, представилъ въ отчетномъ году рецензію сочиненія пр. Соколова, представленнаго на Уваровскую премію. На основаніи этого разборъ авторъ получилъ половинную премію. Въ отчетѣ этомъ, кромѣ соображеній рецензента, вызванныхъ разбираемымъ сочиненіемъ, напечатанъ греческій текстъ апокрифа, оказавшійся неизвѣстнымъ дотогѣ источникомъ одного славянскаго текста, вошедшаго въ трудъ пр. Соколова.

За границею академикъ И. В. Ягичъ издалъ два сочиненія, о которыхъ упоминалось въ прошлогоднемъ отчетѣ: а) въ Вѣнѣ на латинскомъ языкѣ изслѣдованіе о глаголитскомъ служебникѣ герцога Гервога, вошедшее въ роскошное изданіе: «*Missale glagoliticum Herivoiae*»; б) въ Загребѣ на сербско-хорватскомъ языкѣ статутъ далматинской общины Полица, вошедшій въ изданіе Юго-Славянской Академіи: «*Monumenta historico-iuridica Slavorum meridionalium*», vol. IV. Въ Бѣлградѣ печатается на счетъ Сербской Академіи довольно богатый матеріалъ по тому отдѣлу церковно-славянской литературы, который до сихъ поръ у южныхъ славянъ почти не обращалъ на себя вниманія, тогда какъ въ Россіи давно уже было извѣстенъ. Дѣло идетъ о «Пчелахъ». Хотя полный текстъ русской «Пчелы» долженъ появиться

только въ ближайшемъ будущемъ, но памятникъ этотъ уже былъ предметомъ историко-литературнаго изученія. Академикъ И. В. Ягичъ могъ только отчасти коснуться этого вопроса на основаніи нѣкоторыхъ отрывковъ, доставленныхъ ему изъ Бѣлграда. Это сообщеніе привело къ тому, не подлежащему ни малѣйшему сомнѣнію, выводу, что въ этихъ отрывкахъ сохраняется тотъ же самый переводъ, который встрѣчается въ древнѣйшихъ спискахъ русской «Пчелы». Отрывки эти составляютъ только часть изданія памятниковъ, печатаемыхъ нашимъ сочленомъ въ Бѣлградѣ. Главное содержаніе этого изданія составляетъ: 1) довольно обширное собраніе моностиховъ, извѣстныхъ подъ именемъ Менандра. Основаніемъ для изданія послужилъ древнесербскій текстъ XIII—XIV в.; но въ бытность свою въ Москвѣ осенью истекающаго года издатель нашелъ два русскихъ списка XV и XVI в., которыми онъ дополнилъ пробѣлы основной рукописи. Изученіе этихъ рукописей убѣдило его въ томъ, что источникъ ихъ—южно-славянская компиляція, составленная по-видимому въ Македоніи въ XII—XIII в. 2) Нѣсколько флорилогіевъ различнаго состава, найденныхъ въ сербскихъ рукописяхъ XIV—XVII в. Памятники эти, даже тамъ, гдѣ содержаніе ихъ совпадаетъ съ «Пчелою», представляютъ особый переводъ, откуда ясно, что въ сербской литературѣ XIV в., кромѣ перевода «Пчелы», существовалъ еще переводъ одного или нѣсколькихъ флорилогіевъ. До сихъ поръ еще не найдено греческой рукописи, вполне соответствующей тексту сербскаго перевода. Трудъ этотъ долженъ появиться въ началѣ будущаго года.

Издаваемого И. В. Ягичемъ журнала: «Archiv für slavische Philologie» вышло нѣсколько выпусковъ, изъ которыхъ послѣдній 2-й выпускъ XIV части. По почину Академика на основаніи его лекцій составленъ и помѣщенъ въ «Jahrbücher für protestantische Theologie» бѣглый очеркъ славянской апокрифической литературы подъ заглавіемъ «Bibliographische Uebersicht der biblisch-apokryphen Literatur bei den Slaven».

Ординарный Академикъ Н. С. Тихонравовъ продолжаетъ

печатаніе 6-го тома своего критическаго изданія «Сочиненій Гоголя», заключающаго въ себѣ новые тексты нѣкоторыхъ извѣстныхъ произведеній Гоголя и нѣсколько неизвѣстныхъ. Въ «Этнографическомъ Обзорѣнн» помѣстилъ онъ свою статью: «Пять былинъ по рукописямъ XVIII в.». Тексту предпослалъ онъ обстоятельное введеніе, въ которомъ не только описываетъ рукописи, гдѣ находятся издаваемые памятники, но указываетъ значеніе ихъ и приводитъ данныя о распространеніи въ обществѣ XVIII в. подобныхъ сборниковъ. Вопросъ этотъ еще мало затронутый въ нашей литературѣ, важенъ не только въ отношеніи къ изученію литературныхъ вкусовъ прошлаго времени, но и для исторіи народной эпической поэзіи. Вотъ почему Н. С. Тихонравовъ заканчиваетъ статью указаніемъ собирателямъ памятниковъ устной словесности на необходимость собирать и рукописныя тетради. Подъ редакціей Академика Тихонравова изданъ: «Сборникъ Общества Любителей русской словесности на 1891 г.», въ которомъ сверхъ доставленныхъ имъ текстовъ Гоголя: «Коляска» въ первоначальномъ видѣ и «Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ, составленный И. В. Гоголемъ», помѣщена еще статья самого издателя: «Замѣтки о словарѣ, составленномъ Гоголемъ», заключающая въ себѣ указаніе на источники лексикологическихъ свѣдѣній Гоголя. Въ настоящее время Н. С. Тихонравовъ занятъ изученіемъ малоизвѣстныхъ сочиненій Фонвизина.

Академикъ Л. Н. Майковъ помѣстилъ въ «Сборникѣ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности» два своихъ труда: «Разказы Нартова о Петрѣ В.» и двѣ главы «Матеріаловъ и изслѣдованій по старинной русской литературѣ» (I сказанія о Ильѣ Муромцѣ по рукописямъ XVIII в. и III повѣсти о князѣ Владимире Киевскомъ и о богатыряхъ Киевскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановичѣ и царѣ Кашеяхъ Залатой арды). Разказы Нартова до сихъ поръ были извѣстны только по неполному изданію Погодина (въ «Москвитянинѣ»); обстоятельнаго изслѣдованія ихъ еще не было сдѣлано, хотя уже вы-

сказывалось подозрѣніе о заимствованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ литературныхъ источниковъ. Исслѣдованіе нашего сочлена показало, что издаваемый памятникъ подвергался позднѣйшей передѣлкѣ, что онъ былъ дополненъ по иностраннымъ источникамъ, тщательно указаннымъ въ примѣчаніяхъ къ новому изданію. Эти указанія способствуютъ опредѣленію времени передѣлки. Не ограничиваясь этими историко-литературными указаніями, издатель въ примѣчаніяхъ старался опредѣлять даты описываемыхъ событій. Комментарій его можетъ съ большою пользою послужить будущему историку Петра В. Изданіе Л. Н. Майковымъ рукописнаго текста былинъ имѣетъ ту же цѣль, что и изданіе Н. С. Тихонравова. Въ предисловіи издатель описалъ списки былинъ и представилъ свои соображенія о переходѣ устнаго пересказа въ письменный текстъ. Л. Н. Майковъ продолжаетъ работать надъ порученнымъ ему критическимъ изданіемъ Пупкина и въ настоящее время занятъ главнымъ образомъ изученіемъ Пушкинскихъ рукописей, преимущественно же лирическихъ произведеній, которыми должно открыться изданіе.

Рѣдкій годъ приносилъ Отдѣленію русскаго языка и словесности столько скорбныхъ утратъ, какъ истекающей: изъ числа своихъ членовъ-корреспондентовъ Отдѣленіе не насчитываетъ четырехъ лицъ, высоко стоявшихъ въ литературѣ или наукѣ. 23-го февраля скончался патриархъ современныхъ славистовъ Францъ Миклошичъ, 15-го сентября Иванъ Александровичъ Гончаровъ, 22-го октября о. архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевской Лавры, 29-го ноября профессоръ Харьковскаго университета Александръ Аеонасьевичъ Потебня. Здѣсь не мѣсто подробно излагать біографіи покойныхъ, намъ слѣдуетъ ограничиться краткимъ припоминаніемъ.

Францъ Миклошичъ родился въ 1813 г. въ Луттенбергѣ въ Штиріи. По происхожденію онъ словѣнецъ, соплеменникъ знаменитаго Копитара. Учился онъ въ Грацѣ, а потомъ въ Вѣнѣ. Сначала онъ готовилъ себя къ поприщу юриста, но сбли-

звѣщавшій съ Копитаромъ, бывшимъ тогда директоромъ придворной библиотеки въ Вѣнѣ, и получивъ тамъ мѣсто, онъ предался занятіямъ славяновѣдѣніемъ. Время молодости Миклошича было ознаменовано славянскимъ возрожденіемъ, сказавшимся на его родинѣ такъ называемымъ иллиризмомъ, принесшимъ свой плодъ въ пробужденіи славянскаго сознанія и въ литературномъ сближеніи Сербовъ и Хорватовъ. Миклошичъ остался чуждъ панславистическимъ стремленіямъ Иллировъ (впослѣдствіи переименовавшихся въ Юго-славянъ). И по своему характеру и по вліянію учителя своего Копитара онъ остался чистымъ ученымъ, несмотря на дружбу съ своимъ землякомъ, поэтомъ Станко Вразомъ, однимъ изъ первыхъ представителей иллиризма. Миклошичъ отстранялся отъ политической дѣятельности и, когда его выбрали въ учредительное собраніе, отказавшись отъ званія представителя, онъ предпочелъ занять кафедру славянскихъ нарѣчій въ Вѣнскомъ университетѣ (1850 г.). Только позднѣе занялъ онъ мѣсто въ Вѣнской палатѣ господъ; но тогда время было спокойное. Здѣсь онъ ознаменовалъ себя высокимъ подвигомъ, торжественно заявивъ свое сочувствіе къ Деллингеру и старо-католикамъ. Отказавшись отъ политической дѣятельности, Миклошичъ принесъ своими трудами громадную и несомнѣнную пользу славянскому сознанію, давая грамматическія и лексическія основы сближенію славянъ между собою. Труды его, отчасти и потому, что они выходили на нѣмецкомъ языкѣ, вводили языки славянскіе въ общій оборотъ лингвистическихъ изслѣдованій и тѣмъ расширяли самое языкознаніе. Его путешествія по Германіи, Франціи, Италіи и Турціи ввели его въ общеніе съ выдающимися учеными тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ наука, и обогатили его свѣдѣніями въ славянскихъ нарѣчійхъ тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Его познанія было чрезвычайно обширны: кромѣ главныхъ языковъ Европы, онъ изучилъ еще языки румынскій, литовскій, албанскій и новогреческій съ цѣлію опредѣлить ихъ отношенія къ языкамъ славянскимъ. Живого русскаго языка онъ не изучилъ и—говорять—выражалъ сожа-

лвіе объ этомъ. Труды Миклошича отличаются большой выдержанностію, необыкновенной основательностію и богатствомъ фактическаго содержанія. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ типъ ученыхъ стараго времени, первоначальниковъ наукъ филологическихъ. Критика, вѣроятно, опредѣлитъ его отношеніе къ его великимъ предшественникамъ и точнѣе обозначитъ его мѣсто между ними; но то несомнѣнно, что долго труды его будутъ служить исходнымъ пунктомъ для людей, посвящающихъ себя славяновѣднію. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ съ появленія въ *Wiener Jahrbüchern* статей о грамматикѣ Бопла (въ 1844) и Востоконскомъ изданіи Остромирова Евангелія (въ 1847); съ тѣхъ поръ начинается длинный рядъ его изданій, посвященныхъ главнымъ образомъ словарю и грамматикѣ славянскихъ нарѣчій. Словарь старославянскаго языка долго занималъ Миклошича: въ 1845 г. вышелъ его первый трудъ въ этомъ направленіи: *Radices linguae slovenicae veteris dialecti*, впослѣдствіи переработанный въ *Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti* (1852 г.), а наконецъ въ *Lexicon palaeo-slovenico-latino-graecum* (1862—66). Всѣмъ занимающимся древнеславянскою письменностію приходится пользоваться этимъ трудомъ, и всѣ согласны въ томъ, что если критика и можетъ указать въ немъ недостатки, то все-таки должна признать его самымъ полнымъ изъ существующихъ словарей. Также важенъ другой трудъ покойнаго: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* (1886), перечень славянскихъ корней съ показаніемъ ихъ видовзмѣненій по нарѣчіймъ. Наконецъ подъ редакціей Миклошича изданъ на средства покойнаго Принца Ольденбургскаго «Словарь русско-церковно-славянско-болгарско-сербско-польско-французско-нѣмецкій» (1885), долженствующій сильно подвинуть изученіе русскаго языка у славянъ западныхъ и южныхъ. Также усердно и плодотворно занимался Миклошичъ сравнительной грамматикой славянскихъ языковъ. Въ 1851 г. издалъ онъ ученіе о звукахъ (*Lautlehre*); въ 1854 ученіе о формахъ (*Formenlehre*). Затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ помѣщалъ въ разныхъ журналахъ моно-

графическія работы по грамматическимъ вопросамъ. Наконецъ издалъ онъ въ четырехъ томахъ *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* (окончено изданіе въ 1884 г.), куда вошли въ передѣлкѣ всѣ предшествовавшія работы. Здѣсь онъ не только изслѣдовалъ словообразованіе, звуки и флексіи, но и клалъ основы изученію синтаксиса. Такой громадный трудъ конечно не могъ не имѣть недостатковъ; но предпринятый однимъ человекомъ, которому не разъ приходилось работать по вопросамъ, еще необслѣдованнымъ, онъ не можетъ не возбуждать удивленія. Не ограничиваясь работами грамматическими и словарными, Миклошичъ изрѣдка занимался изслѣдованіями и по другимъ отраслямъ славяновѣдѣнія: писалъ о руссалияхъ, о южно-славянской поэзіи, о кровной мести и т. д. издавалъ много памятниконъ, между прочимъ лѣтопись Нестора, *Acta et diplomata Graeca Medii aevi* (съ Миллеромъ 6 т.), заключающія въ себѣ архивныя матеріалы по исторіи Константинопольскаго патріархата, собраніе чрезвычайно важное для русской исторіи, *Monumenta Serbica*, *Slavische Bibliothek* и т. д. Такова многолѣтняя плодотворная дѣятельность знаменитаго слависта. Нельзя не прибавить, что тамъ даже, гдѣ мнѣнія его могутъ быть оспариваемы (напр. мнѣніе о Панонскомъ происхожденіи церковно-славянскаго языка), они будятъ мысль и наводятъ на новыя соображенія. Въ заключеніе не можемъ не повторить словъ ученика и преемника Миклошича, нашего почтеннаго сочлена И. В. Ягича: «Да посется духъ бессмертной дѣятельности Миклошича надъ его учениками и послѣдователями и да воодушевляетъ ихъ къ плодотворному занятію наукой и единомышленною работѣ».

Въ Иванѣ Александровичѣ Гончаровѣ русская литература лишилась великаго мастера слова, вѣрнаго преданіямъ того времени, когда литературныя произведенія вынашивались годами, когда еще живъ былъ въ сознаніи принципъ Горациа: *non utique prematur in annum*. Такъ творилъ Гоголь. Не такъ къ сожалѣнію творилъ Достоевскій, одинъ изъ величайшихъ представителей русскаго духа. Въ подобномъ приѣмѣ есть и своя слабость

сторона: пользуясь имъ художникъ создается немного количественно. Это случилось и съ Гончаровымъ: онъ оставилъ намъ три романа, путешествіе и нѣсколько этюдовъ. Но этимъ романамъ (по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ) суждена долгая жизнь: Обломова ждетъ участь Жилблаза, Томъ Джонса. Изящество его изложенія, психологическая и историческая вѣрность характера его героя обѣщаютъ ему немерцающую славу. Нужды нѣтъ, что та обстановка, въ которой родился и жилъ Обломовъ, теперь уже отошла въ область преданій, она такъ ярко изображена, что не только теперь, когда еще существуютъ отголоски этой старой жизни, но даже позднѣе, когда она будетъ лишь историческимъ фактомъ, романъ сохранитъ свой интересъ. Обломовъ сталъ тиномъ, образовалось даже слово *обломовщина*, значеніе котораго всѣмъ понятно. Казалось бы, что такъ долго не можетъ жить романъ, герой котораго, какъ Обломовъ, представитель извѣстнаго времени и извѣстной обстановки — русской провинціальной жизни въ пору крѣпостнаго права, той жизни, которая памятна еще многимъ изъ теперь живущихъ и ярко изображается въ воспоминаніяхъ самого Гончарова, Ф. И. Буслаева, А. Д. Галахова и т. д. Казалось бы, стало быть, что такое произведеніе должно сохранить только историческое значеніе, но такъ можно заключить лишь съ перваго взгляда: художникъ глубже заглянулъ въ своего героя; онъ сумѣлъ надѣлать его типичными чертами, сумѣлъ возбудить въ читателѣ сочувствіе къ этому чистому человѣку, къ этому, по замѣчанію одного критика 60-нѣ годовъ, поэту въ душѣ. Обломовъ не Адуевъ «Обыкновенной исторіи», у котораго все напускное и прививное, а потому и карикатурное; но Обломовъ и не Тентетниковъ, который ближе подходитъ къ «лишнимъ людямъ» Тургенева, чѣмъ къ Обломову. Тентетниковъ къ чему-то стремится, чего-то ищетъ; Обломовъ ничего не ищетъ; Тентетниковъ не умѣетъ выносить мелкихъ неудачъ, не умѣетъ устроить жизни, но передъ нимъ все-таки носится идеалъ дѣятельности, ему упрямкомъ звучатъ слова его идеальнаго учителя; Обломовъ просто тяготеетъ всякой дѣятельностью; но конечно и въ Обломовѣ

нельзя искать того полного примиренія съ жизнью, какое замѣчается въ Пушкинскомъ Бѣлкинѣ, который весь погружается въ свои литературныя работы, напоминая этимъ до нѣкоторой степени А. Т. Болотова. Обломовъ все же затронутъ цивилизаціей, все же считаетъ нужнымъ хоть иногда стыдиться своей лѣни. Критикъ 60-хъ годовъ въ своемъ увлеченіи провозгласилъ обломовщину типическимъ образомъ Россіи. Въ подобномъ представленіи много неправды: въ то время, когда создавался Обломовъ, когда картина сна Обломова была вѣрна для многихъ и многихъ помѣщичьихъ усадебъ, — были и другіе люди, были доблестные воины, были вдохновенные профессора, были кружки литературные, были и такіе оазисы, какіе такъ художественно описалъ Б. Н. Чичеринъ въ воспоминаніяхъ о своемъ отцѣ и его друзьяхъ. Странно вообще считать Обломова исключительнымъ представителемъ того народа, который создалъ громадное государство и сумѣлъ защитить себя отъ величайшаго завоевателя міра, народа, создавшаго такую художественную литературу, которой теперь дивятся всѣ другіе народы. Нѣтъ такая мысль могла придти въ голову только въ полемическомъ задорѣ. Быть можетъ художественное сопоставленіе Русскаго съ Англичаниномъ, встрѣчающееся на первыхъ страницахъ «Фрегата Палады», нѣсколько способствовало появленію подобнаго комментарія къ Обломову. Самъ авторъ, толкуя свои произведенія въ статьѣ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», видитъ въ «Обломовѣ» сонъ, храненіе стараго; а въ «Обрывѣ» — пробужденіе, тревожное появленіе чего-то новаго, сказавшееся и въ дилетантской натурѣ Райскаго и въ исканіяхъ Вѣры и въ темномъ сознаніи бабушки, что старое пошатнулось. Здѣсь близость времени нѣсколько скрадываетъ историческую перспективу: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что 60-е года принесли много новаго въ города и веси нашей обширной земли и что, какъ всегда бываетъ въ эпохи переломовъ, не все новое вело ко благу и не все передавалось и понималось ясно и опредѣленно; но не все въ этомъ новомъ было ново для сознанія мыслящихъ людей, которые могли ко-

нечно недоумѣвать передъ явленіями, вызванными вторженіемъ этого новаго въ среду, ни о чемъ недумавшую и жившую по рутинѣ, по которые, если и бессильны были остановить ходъ жизни, то ясно представляли себѣ, что отступленіе дѣло временное, что жизнь выйдеть на правильнѣйшій путь, въ чемъ теперь и сомнѣнія быть не можетъ. Нѣтъ, Обломовъ конечно типъ русскій и притомъ одинъ изъ самыхъ кражевыхъ, въ оболочкѣ известной эпохи и известнаго слоя общества, но никакъ не олицетвореніе Россіи въ какую бы то не было эпоху. Какъ художественный типъ Обломовъ будетъ безсмертенъ, но такого толкованія, какое давали ему когда-то, исторія литературы не повторитъ. Во время его появленія было иное: Обломовъ вызвалъ горячіе споры, ибо были критики, искавшіе въ романѣ обличенія, нападавшіе съ негодованіемъ на Обломова, какъ на живое лицо, были и другіе, стоявшіе за Обломова. Такова сила великаго таланта: передъ читателемъ стоитъ живое лицо, которое онъ или любитъ или ненавидитъ и разсуждаетъ объ его дѣйствіяхъ, какъ о дѣйствіяхъ своихъ знакомыхъ. Типы художника, по мѣткому выраженію Бѣлинскаго, «кафтаны, сшитые по плечу многихъ». Теперь мы можемъ стать на историческую точку зрѣнія и объяснить успѣхъ или неуспѣхъ произведенія условіями времени: «Обломовъ» появился въ тѣ минуты, когда начиналось преобразовательное движеніе и вызвалъ къ себѣ усиленное вниманіе; быть можетъ вѣянія времени отозвались и на настроеніе автора, хотя романъ задуманъ и начатъ за долго, но вѣянія уже были въ воздухѣ. Самъ авторъ, знатокъ провинціального быта, который онъ наблюдалъ въ своемъ дѣтствѣ и молодости, необычайно ярко изобразилъ его въ своихъ романахъ; но по своимъ взглядамъ, онъ не могъ остановиться на объективномъ его изображеніи: недѣятельности провинціальной жизни онъ противопоставилъ въ своихъ романахъ практическую дѣятельность въ лицахъ дяди Адуева и Штольца. Оба эти лица не представляются критикѣ достаточно яркими вѣроятіе всего потому, что въ нихъ видѣли тенденціозную противоположность романтику А. Адуеву и халатному помѣ-

щипку—Обломову, но сами по себѣ они и живы и даже поучительны: практической Петръ Ивановичъ не сумѣлъ устроить своей жизни, да едва ли и Ольга была счастлива съ Штольцемъ. При появленіи «Обыкновенной Исторіи» большинство читающихъ стало на сторонѣ дяди. То было время отрицанія и даже осмѣянія романтизма, который еще такъ недавно господствовалъ, смѣшивъ собою сентиментализмъ предшествующей эпохи. Замѣчательно, что и въ молодомъ поколѣніи конца 40-хъ годовъ, романъ именно этою стороною имѣлъ огромный успѣхъ. Преслѣдованіе романтизма началъ Бѣлинскій, самъ по природѣ идеалистъ и даже романтикъ. Привѣтствуя «Обыкновенную Исторію» и осудивъ, конечно, Александра, Бѣлинскій сопоставлялъ Гончарова съ Герценомъ и видѣлъ въ первомъ исключительно художника. Дѣйствительно художникъ по кореннымъ своимъ свойствамъ, Гончаровъ однако былъ и моралистъ. Конечно, онъ мыслилъ образами, какъ самъ признается; но мышленіе его носило свой отлѣчительный характеръ: онъ явно имѣлъ въ виду осужденіе однихъ и оправданіе другихъ, хотя его искренность мѣшала ему идеализировать излюбленные типы; тоже свойство его природы было причиною, что Обломовъ вышелъ всетаки въ поэтическомъ освѣщеніи. Третій романъ Гончарова «Обрывъ», много пострадалъ отъ того, что онъ долго писался: лицо Волохова задумано при иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, при которыхъ оно исполнено. Типъ видоизмѣнился, а авторъ желалъ всѣ измѣненія сохранить въ одномъ лицѣ, оттого оно вышло непохожимъ на первоначальный типъ, ни на послѣдующія. Вотъ почему романъ, представляющій много художественныхъ подробностей и ярко обрисованныхъ лицъ (хотя бы лицо бабушки), не имѣлъ ни распространенія, ни вліянія, подобнаго первымъ. Тѣмъ не менѣе не справедливо мнѣніе автора, что изъ его произведеній переживетъ только «Фрегатъ Паллады». Правда конечно что яркія картины природы дальнаго Юга и Востока, живые, полные юмора и наблюдательности очерки жизни на кораблѣ будутъ постоянно любимымъ чтеніемъ не одного только юношества, для котораго эта книга чрезвычайно полезна. Кто-

помнить время появленія этихъ очерковъ, тотъ знаетъ, съ какимъ восторгомъ ихъ привѣтствовали люди самые интеллигентные: Кудрявцевъ не могъ безъ воодушевленія говорить объ описаніи Ликейскихъ острововъ.

Выѣшняя жизнь Гончарова разсказана въ многочисленныхъ некрологахъ и достаточно извѣстна. Свое развитіе онъ изложилъ въ трехъ очеркахъ: «На Волгѣ», гдѣ описано его дѣтство подъ видомъ изображенія жизни Симбирскихъ помѣщиковъ, «Въ Университетѣ» и «На родинѣ». Въ этомъ послѣднемъ очеркѣ авторъ оговаривается, что онъ пишетъ скорѣе не то, что *было*, а что *бывало*, и очевидно не выставляетъ настоящихъ именъ. Въ этомъ нельзя не видѣть осторожности, внушившей Гончарову его статью «Нарушеніе воли», въ которой онъ старается оградить свою память отъ біографовъ и бібліографовъ. Нельзя не пожалѣть, что онъ неоставилъ послѣ себя Записокъ, въ которыхъ съ своей мѣткой наблюдательностью, съ своимъ здравымъ критическимъ умомъ, такъ очевидно выразившимся въ его разборѣ «Горе отъ ума» («Милліонъ терзаній»), провелъ бы передъ публикою рядъ не только своихъ знакомыхъ молодости и своихъ «Слугъ» (извѣстные этюды, появившіеся первоначально въ «Нивѣ»), но и всѣхъ лицъ, съ которыми приходилъ въ сношеніе въ теченіе своей долгой почти 80-ти лѣтней жизни (р. въ 1812 г.). Этого онъ не сдѣлалъ, но по крайней мѣрѣ можно надѣяться, что люди, его знавшіе, не поспеютъ на воспоминаніи, пока мы имѣемъ только краткія замѣтки въ «Вѣстникѣ Европы».

О. архимандритъ Леонидъ, намѣстникъ Троицко-Сергіевской Лавры, въ мѣрѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1822 г. въ имѣніи отца своего Александра Александровича, деревни Гривѣ (Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда) и былъ двоюроднымъ братомъ извѣстнаго профессора Константина Дмитриевича Кавелина. Воспитывался онъ въ 1-мъ Московскомъ корпусѣ, о которомъ сохранялъ всегда теплое воспоминаніе, что видно изъ статей его въ «Древней и Новой Россіи» (1879) и «Русскомъ Архивѣ» (1878). Въ 1878 г.,

когда праздновался юбилей корпуса, о. архимандритъ совершалъ въ его церкви торжественное богослуженіе. Еще кадетомъ присутствовалъ онъ на «Бородинской годовщинѣ»; сдѣланное имъ описаніе маневровъ тогда-же было напечатано въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». По выходѣ изъ корпуса Кавелинъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардію Волынской полкъ, въ которомъ служилъ двѣнадцать лѣтъ и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана (1852). Еще въ эти годы молодой гвардейскій офицеръ отличался строго-религіознымъ направленіемъ, что было причиною его сближенія съ С. О. Бурачкомъ (редакторомъ «Маяка») и А. П. Башуцкимъ (редакторомъ «Иллюстраціи»). Въ журналахъ этихъ писателей появлялись произведенія Кавелина; одно изъ напечатанныхъ имъ тогда стихотвореній перепечатано въ 1889 г. въ «Русской Старинѣ». Не только чисто-литературныя произведенія сообщалъ онъ въ эти журналы, но также и статьи историческія (напр. въ «Маякѣ» о планѣ древней Казани), этнографическія (напр. «Исслѣдованіе народныхъ преданій Малороссіи», «Гаданія малороссійскаго народа» тоже въ «Маякѣ») и духовно-нравственныя («Враждебныя дѣйствія злыхъ духовъ противъ человѣка» тамже). Разнообразіе статей свидѣтельствуетъ о разнообразіи умственныхъ интересовъ,—явленіе не особенно частое въ тогдашнемъ обществѣ. Въ 1862 г., оставивъ службу, Кавелинъ удалился въ извѣстную Оптину пустынь, столь привлекательную для глубоко-религіозныхъ душъ: подъ вліяніемъ мудрыхъ старцевъ этой обители духовно-воспитался И. В. Киреевскій, въ ней познате нашелъ себѣ убѣжище кроткій сердцемъ Карлъ Зедегольмъ (принявшій сначала православіе, а потомъ постригшійся подъ именемъ о. Климента). Родственникъ о. Леонида проф. Корсаковъ свидѣтельствуетъ, что причины постриженія его неизвѣстны. Можно кажется предположить, что главными изъ нихъ были глубокое религіозное настроеніе и возможность работать въ любимомъ направленіи въ сообществѣ сочувствующихъ людей. Поступилъ онъ послушникомъ подъ строгое начало начальника Оптинскаго

скита іеросхимонаха Макарія, котораго въ 1860 г. помянулъ онъ брошюрою: «Послѣднія дни оптинскаго старца, іеросхимонаха Макарія». Въ 1857 г. онъ постригся подъ именемъ Леонида. «Историческое описаніе Козельской Введенской Оптинской пустыни» и «Историческое описаніе скита во имя св. Іоанна Предтечи, находящагося при Козельской Введенской пустыни», оба изданные впервые въ 1853 г., были данью дорогой для него обители. Здѣсь же перевелъ онъ съ церковно-славянскаго и издалъ: «Сочиненія Паясія Величковскаго», «Вопросы и отвѣты старцевъ Пафнутія и Іоанна» и «Поученія преподобнаго Аввы Дородея». Въ 1857 г. о. Леонидъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по литературнымъ работамъ о. Ювеналиемъ, назначенъ былъ членомъ миссіи, отправлявшейся въ Іерусалимъ, подъ начальствомъ Кирилла, епископа Мелитопольскаго. Въ Іерусалимѣ пробылъ онъ два года; на возвратномъ пути посѣтилъ Аѳонъ. Съ этихъ поръ идетъ его знакомство съ святынями православнаго Востока, изученію которыхъ онъ посвятилъ много труда. Возвратясь въ Оптину пустынь, онъ скоро потерялъ и о. Макарія и свою мать. Въ 1864 г. онъ снова поѣхалъ въ Іерусалимъ, уже начальникомъ миссіи въ санѣ архимандрита. Съ 1865 по 1869 г. былъ онъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ. Съ 1869 по 1877 г. настоятелемъ знаменитаго Воскресенскаго монастыря, болѣе извѣстнаго подъ именемъ «Новаго Іерусалима»; въ 1877 г. назначенъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевской Лавры. Нигдѣ не оставлялъ его интересъ къ ученымъ занятіямъ, который онъ постоянно умѣлъ соединять съ строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и неуклоннымъ стремленіемъ поддерживать высоту духовной жизни во вѣренныяхъ ему обителяхъ. Проф. Корсаковъ, близкій родственникъ усопшаго, свидѣтельствуетъ (въ некрологѣ см. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 12), что онъ былъ пріятельнъ, ласковъ и общителенъ въ сочувственномъ ему кругѣ, былъ врагомъ вѣншей пышности и стойкимъ охранителемъ интересовъ церкви. Къ числу друзей о. Леонида принадлежали многіе ученые (О. М. Бодянский, И. И. Срезневскій и

др.). Въ своихъ ученыхъ трудахъ о. архимандритъ, по мѣткому замѣчанію пр. Корсакова, былъ автодидактомъ и примыкалъ къ группѣ старыхъ археологовъ, которыхъ Н. П. Барсуковъ описалъ подь названіемъ палеологовъ; еще ближе, по замѣчанію некролога, примыкалъ онъ къ той группѣ, которую представляли у насъ митр. Евгеній, пр. Филаретъ Харьковскій и другіе. Литературная дѣятельность о. Леонида была чрезвычайно обширна: пр. Корсаковъ насчитываетъ въ приложенномъ къ некрологу списокѣ 177 трудовъ большихъ и малыхъ; другіе считаютъ болѣе, что должно быть вѣрнѣе, ибо многія статьи появлялись или безъ подписи или подь инициалами. Д. Д. Языковъ заявилъ въ «Новомъ Времени», что онъ готовитъ къ печати возможно полный списокъ трудовъ усопшаго.

Труды о. архимандрита отличаются неутомимою изыскательностію и поражаютъ обширностію свѣдѣній; внѣшней формою они неблестаютъ: усопшій никогда не искалъ внѣшняго блеска; но за то каждый, обращающійся къ этимъ трудамъ, найдетъ въ нихъ много новаго, важнаго и полезнаго, даже такія статьи, которыя (какъ напр. «Откуда родомъ была кн. Ольга» въ «Русск. Старинѣ» 1888) могутъ возбуждать споръ, любопытны тѣмъ, что привлекаютъ вниманіе, побуждаютъ къ новымъ изслѣдованіямъ и наводятъ на новыя соображенія. Труды о. архимандрита, кромѣ юношескихъ произведеній и статей духовно-нравственныхъ, важныхъ преимущественно для его біографіи, могутъ быть распределены по слѣдующимъ отдѣламъ: ученые изслѣдованія, описаніе рукописей и изданія памятниковъ. Между изслѣдованіями первое мѣсто занимаютъ церковно-историческія изслѣдованія и описанія монастырей. Таковы между прочимъ «Церковно-историческое изслѣдованіе о древней области Вятчей, входившей съ начала XV до конца XVIII столѣтія въ составъ Крутицкой и частию Суздальской епархіи» («Чт. въ общ. ист. и древн.» 1862, № 2). Этотъ обширный трудъ заключаетъ въ себѣ множество любопытныхъ свѣдѣній, изложенныхъ въ сжатой формѣ. Читатель находитъ здѣсь исторію земли Вятчей до XV в. Исторію епархіи Крутицкой и

Суздальской съ очеркомъ біографій іерарховъ, свѣдѣнія о монастыряхъ и т. д. Авторъ обращаетъ вниманіе не только на памятники письменные и вещественные, но указываетъ и народныя обычаи, остатки языческой древности. Къ этому изслѣдованію примыкаетъ другое: «Церковно-историческое описаніе упраздненныхъ монастырей Калужской епархіи» (Чт. въ общ. ист.» 1863, № 1). Это описаніе составлено главнымъ образомъ по сохранившимся актамъ и рукописямъ этихъ монастырей; оно представляетъ любопытныя данныя для исторіи монастырскаго землевладѣнія, для исторіи дворянскихъ родовъ (имена которыхъ сохранены въ синодикахъ) и для археологій. Въ Чт. общ. ист. за 1874 и 1875 гг. помѣщена обстоятельная «Исторія Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря», ограничивающихся XVII в., но дающая самыя полныя свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ (такъ важно все, что касается Никона, къ памяти котораго благоговѣль усопшій, издавшій вновь Шушеринское «Житіе»), о сохранившихся предметахъ ризницы, книгахъ и рукописяхъ, при чемъ дѣлается сличеніе старыхъ описей съ вѣдѣніемъ, о земельныхъ владѣніяхъ монастыря и т. п. Описанія Троицкой Лавры о. архимандритъ не сдѣлалъ, но переиздалъ въ «Чт. общ. ист.» за 1878 и 1879 гг. извѣстный трудъ Горскаго, снабдивъ его своими приложениями. Занимаясь разными вопросами, по мѣрѣ нахожденія новыхъ матеріаловъ (таково напр. изслѣдованіе объ Ольгѣ, о которой мы уже упоминали, о Сильвестрѣ (въ «Чт. общ. ист.» 1874), составляющее дополненіе къ изслѣдованію Голохвостова и т. д.), о Леонидѣ съ особенною любовью останавливался на отношеніи Россіи къ юго-славянскимъ землямъ и православному Востоку. Укажемъ здѣсь на его статьи о Кипріанѣ митрополитѣ (въ Чт. общ. ист. 1867), о Хиландарѣ въ его отношеніяхъ къ церквамъ сербской и русской (тамъ же), о ханѣ Ногаѣ по источникамъ южно-славянскимъ (тамъ же, 1869) и т. д. Историко-литературныя изслѣдованія арх. Леонида не могутъ не обратить на себя вниманія историковъ литературы, они частью помѣщаются въ предисловіяхъ къ издаваемымъ имъ памятни-

камъ, а частью отдѣльно. Между ними первое мѣсто занимаетъ краткое, но неопѣнимое по важности своей изслѣдованіе «Библіографическія разысканія въ области древнѣйшаго періода славянской письменности» («Чт. въ общ. вѣст. 1890, № 8). Здѣсь встрѣчаемъ необыкновенно важныя замѣчанія о времени перевода книгъ св. Писанія и богослужебныхъ. Сюда же по праву принадлежатъ описанія рукописей (монастырей и церковей Калужской епархіи въ «Чт. общ. вѣст.» 1865, № 4 Воскресенскаго монастыря *тамже* 1871, № 1; поступившихъ въ Московскую Духовную Академію изъ бібліотеки лавры *тамже* 1882—85 и т. д.). Замѣтки при описаніяхъ рукописей свидѣтельствуютъ объ обширной начитанности и критической проницательности составителя. Послѣдніе годы о. Леонидъ занятъ былъ описаніемъ рукописей гр. Уварова, въ которыхъ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ находокъ. Ученый изслѣдователь не только пользовался рукописями и описывалъ ихъ, но и издалъ много важныхъ памятниковъ, сопровождая изданіе своими предисловіями и иногда примѣчаніями (такъ напр. полезны его топографическія и иныя примѣчанія въ изданію паломниковъ, главнымъ образомъ сдѣланному на основаніи Сахарова въ «Чт. общ. вѣст.» 1871, № 1). Укажемъ на нѣкоторыя изъ изданныхъ имъ памятниковъ: «Паломники-писатели петровскаго и послѣ петровскаго періода» («Чт. въ общ. вѣст.» 1873, № 3), «Пелигринажія или путникъ Іерусалимскій Иполита Вишѣнскаго», 1709 («Чт. общ. вѣст.» 1876, № 4), «Житіе и чудеса св. Николая Мирликійскаго» («Памятн. древн. письменности» 1881) съ любопытнымъ предисловіемъ, въ которомъ доказывается, что первая часть этого произведенія переведена съ греческаго, а вторая самостоятельное русское произведеніе и принадлежитъ митр. Еврему, писателю XI в. Эту вторую часть о. Архимандритъ издалъ въ «Пам. Др. Письм.» 1888 г. «Сказаніе о подвигахъ и жизни св. благовѣрнаго и в. кн. Александра Невскаго» («Памятн. Др. Письм.» 1882). Это сказаніе, встрѣчающееся въ лѣтописяхъ разпределеннымъ по годамъ, найдено было издателемъ въ отдѣль-

номъ видѣ, что служить очевиднымъ доказательствомъ его первоначальной отдѣльности. «Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чудотворца» («Пам. Др. Письм.» 1885) по первоначальной редакціи Епифанія, дотогѣ мало извѣстной; «Повѣсть о Цареградѣ» («Пам. Др. Письм.» 1886); списокъ, изданный о. Леонидомъ, интересенъ въ особенности тѣмъ, что въ немъ встрѣчается имя составителя Несторъ-Искендера; въ своемъ предисловіи издатель объясняетъ всю важность своей находки; «Два памятника древне-русской кievской письменности» («Чт. общ. ист.» 1890, № 2); здѣсь напечатаны Несторово слово на перенесеніе мощей Θεодосія и похвала Θεодосію неизвѣстнаго (по предположеніи издателя Серапіона). Изданіе сдѣлано по лучшимъ спискамъ и сопровождается предисловіемъ. Прибавимъ, что послѣднимъ трудомъ усопшаго была книга, изданная въ 1891 г.: «Святая Русь или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси до XVIII в. обще и мѣстно чтимыхъ». Такова въ общихъ чертахъ многолѣтняя и многотрудная дѣятельность высокочтимаго изслѣдователя: да послужитъ же она въ примѣръ и поученіе.

Александръ Аванасьевичъ Потебня, профессоръ Харьковскаго Университета, по обширности своихъ знаній, по тонкости анализа явленій языка, по стремленію восходить къ общимъ философскимъ основамъ, занимаетъ, по общему признанію, высокое мѣсто въ ряду языковѣдовъ не только русскихъ. Его собственная, хотя и краткая, записка объ его жизни и развитіи, помѣщенная въ приложеніи къ т. III «Исторія русской этнографіи» А. И. Пыпина, даетъ возможность понять и ходъ его развитія и цѣли, къ которымъ онъ стремился. Дворянинъ по происхожденіи, онъ родился въ 1835 г. въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, учился въ Радомской гимназіи, гдѣ дядя его по матери былъ учителемъ. «Въ Радомской гимназіи, говоритъ Потебня, сколько помню, учили свосно только латинскому языку; остальное было ниже посредственности. Если впоследствии меня не пугала грамматика, то думаю потому, что смолоду не зналъ никакихъ грам-

матическихъ учебниковъ». Въ гимназiи онъ познакомился съ польскимъ языкомъ, тогда бывшимъ языкомъ преподаванiя, и съ нѣмецкимъ въ семьѣ своего дяди. Въ 1851 г. онъ поступилъ въ Харьковскiй университетъ сначала на юридическiй факультетъ, но въ 1852 г. перешелъ на историко-филологическiй, подъ влiянiемъ своего прiятеля Нѣговскаго, который хотя былъ и медикъ, но собиралъ пѣсни и книги о Малороссiи. По замѣчанiю покойнаго, это не осталось безъ влiянiя на его позднѣйшiя занятiя. Преподаванiя въ Университетѣ не было для него безплоднымъ: правда, что Метлинскому онъ обязанъ только, какъ собирателю пѣсенъ, но Лавровскiе Н. и П. А. познакомили его съ трудами Срезневскаго, Миклошича, Караджича. Изъ книгъ, имъ прочитанныхъ въ ту пору, особенное влiянiе на него имѣли сочиненiе Костомарова: «Объ историческомъ значенiи русской народной поэзiи», которое ему не во всѣхъ отношенiяхъ нравилось, и статья Буслаева «Объ эпической поэзiи». «Затѣмъ—прибавляетъ онъ — къ сожалѣнiю ничѣмъ совѣтами я не пользовался и работалъ, какъ и теперь, вполне уединенно». Окончилъ онъ курсъ кандидатомъ въ 1856 г. Любопытно, что его кандидатская диссертация «Первыя войны Хмельницкаго» была составлена по Пасторию и *народнымъ пѣснямъ*. По окончанiи курса онъ только полгода провелъ на службѣ, въ званiи комнатнаго надзирателя гимназiи. По совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ онъ готовиться къ экзамену на магистра славянской филологiи; выдержалъ экзаменъ и получилъ это званiе, по зачетѣ въ 1860 г. диссертацин: «О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзiи». Въ 1862 г. онъ былъ отправленъ за границу для приготовленiя себя къ профессорскому званiю. Вотъ что онъ говоритъ о своихъ заграничныхъ занятiяхъ: «Въ Берлинѣ я лекцiй не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторiи съ глазу на глазъ сдавалъ урокъ; характерно, что сидя одинъ на одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова, не относящагося къ уроку». «Это могло бы

имѣть рѣшительное вліяніе на мои послѣдующія занятія, еслибы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагающее къ такимъ занятіямъ; стала одолевать тоска и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію». Возвратясь онъ былъ назначенъ доцентомъ по кафедрѣ Русской Словесности. Въ слѣдующія годы онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ журналахъ («Чт. въ Общ. Ист.», «Фил. Записки», «Древности Московскаго Археологическаго общества», «Журн. Минист. Народн. Просв.»), изъ которыхъ важнѣйшею было изслѣдованіе: «О миеологическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій», встрѣченное строгою, но во многихъ отношеніяхъ справедливою критикою П. А. Лавровскаго. На этомъ изслѣдованіи лежали слѣды увлеченій тогда господствовавшей миеологической школой, которой конечно нельзя отказать въ значительной принесенной ею пользѣ стремленіемъ къ объясненію вѣрованій посредствомъ сравненій, по которая необращала надлежащаго вліянія на историческія условія и безразлично пользовалась данными разныхъ вѣковъ, а въ русской миеологіи даже свѣдѣніями, относящимся къ разнымъ племенамъ славянскимъ. Въ 1874 г. Потебня защитилъ диссертациі на степень доктора: «Изъ записокъ по Русской грамматикѣ» I, II. Тогда онъ избранъ былъ сначала экстраординарнымъ, а потомъ и ординарнымъ профессоромъ. Сочиненіе это было признано Академіей: авторъ его избранъ въ члены-корреспонденты отдѣленія русскаго языка и словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ полную Ломоносовскую премію. Покойный академикъ И. И. Срезневскій, самъ глубокій знатокъ и строгій изслѣдователь, присуждая Потебнѣ премію, посвятилъ труду его обстоятельный разборъ, въ которомъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Стройное богатство подбираемыхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго русскаго языка сравнительно съ другими славянскими и не славянскими, особенно съ литовскимъ и латышскимъ, и положительность выводовъ о ходѣ измѣненій языка даютъ труду г. Потебни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по русскому языку.

Не онъ началъ то, за что взялся такъ усердно; но онъ продолжалъ начатое съ такимъ успѣхомъ, что если кто-нибудь займется изученіемъ русскаго языка съ исторической точки зрѣнія при помощи трудовъ, изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возьметъ себѣ въ помощь этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросомъ безъ отвѣтовъ или съ отвѣтомъ безъ доказательствъ. Тотъ же Академикъ представилъ въ Отдѣленіе Русскаго языка и словесности обстоятельную «Записку о трудахъ проф. А. А. Потебни». Почтенный нашъ сочленъ И. В. Ягичъ привѣтствовалъ въ своемъ «Архивѣ» труды Потебни лестнымъ отзывомъ. Въ 1889 г. трудъ этотъ вышелъ новымъ дополненнымъ изданіемъ. Въ 1890 г. Этнографическое отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присудило Потебнѣ Ковстантиновскую медаль. В. И. Ламанскій въ своей рецензіи приходитъ къ такому выводу о «Запискѣ по Русской Грамматикѣ»: «Можно сказать, что онѣ въ настоящее время занимаютъ такое же мѣсто въ славянской филологіи, какое въ свое время занимали въ ней историко-фонетическія и морфологическія изслѣдованія Добровскаго о чешскомъ языкѣ (введенія къ исторіи чешской литературы и чешской грамматики), послужившія въ послѣдствіи образцомъ для грамматическихъ трудовъ по другимъ славянскимъ языкамъ». Много другихъ филологическихъ трудовъ издано покойнымъ ¹⁾, но едва ли не самый важный изъ нихъ: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» (4 вып. Врон. и Варшава 1876—83), о которомъ пр. Ламанскій выразился такъ: «Всѣ эти лингвистическія изслѣдованія пр. Потебни имѣютъ важное значеніе не для одной славистики, а выдаются въ авторѣ такого первостепеннаго мастера, какимъ онъ оказалъ себя въ своихъ Запискахъ по Русской Грамматикѣ». Свое мнѣніе о малорусскомъ нарѣчій, образованіе котораго онъ относилъ къ раннему времени, Потебня развивалъ въ многихъ

¹⁾ Списокъ трудовъ Потебни у А. И. Пыпина: «Ист. Русск. Этнографія» III, 153—154.

изслѣдованіяхъ, а въ особенности въ разборѣ книги г. Житецкаго: «Обзоръ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» (въ «Отчетѣ объ Уваровскихъ преміяхъ» 1878). Глубокій знатокъ языка оказался такимъ же знаткомъ и народной поэзіи. Сюда относится главнымъ образомъ «Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ» (въ «Филологическомъ Вѣстникѣ» 1882—1887); Разборъ «Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси» Головацкаго (въ XXI отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ премій) и изданіе «Слова о полку Игоревѣ», о которомъ В. И. Ламанскій замѣчаетъ: «Здѣсь ярко выступаетъ даровитость пр. Потебни, его удивительная память, что касается народной поэзіи русской и всѣхъ славянскихъ народовъ, его рѣдкая сила анализа, рядомъ со свойственною обыкновенно развѣ великимъ художникамъ и весьма рѣдкою у ученыхъ, живостью и цѣльностью разумнѣнія поэтическихъ сокровищъ народнаго духа».

Въ 1881 г. было отпраздновано тридцатилѣтіе ученой дѣятельности Потебни. Въ статьѣ, помѣщенной по этому поводу въ «Кіевской Старинѣ» (1887, № 6 и 7), вотъ что говорится объ отношеніяхъ его къ студентамъ: «на учащуюся молодежь историко-филологическаго факультета Александръ Аванасьевичъ всегда оказывалъ большое нравственное вліяніе. Студенты, и старые и новые, уважаютъ въ лицѣ его человѣка, глубоко-преданнаго наукѣ, постоянно работающаго, полного хозяина въ избранной имъ области филологическихъ знаній, независимаго, самостоятельнаго, строгаго и требовательнаго къ себѣ и другимъ. Александръ Аванасьевичъ профессоръ въ лучшемъ значеніи этого слова: онъ не только сообщаетъ свѣдѣнія, но и опредѣляетъ пути для ихъ пріобрѣтенія и возбуждаетъ охоту къ усвоенію и разработкѣ ихъ путемъ самостоятельной работы и исключительно въ силу духовной пылкости».

Въ заключеніе позволимъ себѣ выписать собственное мнѣніе Потебни о характерѣ его научной дѣятельности. «О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ — говоритъ онъ въ указанной уже Запискѣ — могу сказать только, что работать становится труднѣе, и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что

накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языковѣданія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: «Поэзія и проза (поэтическое и научное мышленіе) суть явленія языка». Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построенный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, восящая два заглавія — для публики: «Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ», для меня: «Объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми» или «О борьбѣ мнеческаго мышленія съ относительно-научнымъ въ области грамматическихъ категорій» (по даннымъ преимущественно русскаго языка). Въ основаніи лежитъ мысль впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ-то, по имени ученыхъ, основаны на философской работѣ безыменныхъ мыслителей, совершающіеся въ языкѣ, что напр. математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестаетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціальной вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пифагоръ, долженъ будетъ оставаться на этой субстанціальности. Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п. въ печать попались только строки, напр. въ разборъ «Пѣсень Головацкаго».

Тяжело становится на душѣ, когда читаешь эти слова, написанныя незадолго до смерти, и грустно думать, что такъ много задуманнаго осталось неисполненнымъ. Неужели слушатели покойнаго, столь глубоко уважавшіе его, не найдутъ возможнымъ издать курсъ, о которомъ онъ говоритъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ LIII, № 3.

О РОДИНѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ

ГЛАГОЛИЦЫ

И ОБЪ ЕЯ ОТНОШЕНІИ КЪ КИРИЛЛИЦѢ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА

ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вос. Остр., 9 лн., № 12.

1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1891 г.

Непрежанный Секретарь, Академикъ *А. Штраукъ*.

О РОДИНѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛИЦЫ.

(Посвящается памяти О. М. Бодянского и И. И. Срезневскаго).

Подлинно, слѣдовало бы опасаться за человѣческую умъ, если бы невозможно было раскрыть удовлетворительнымъ образомъ происхожденіе обѣихъ славянскихъ азбукъ въ томъ IX столѣтіи, которое такъ ясно въ историческомъ отношеніи и такъ богато въ литературномъ.

П. I. Шафарикъ въ его соч. о Глаголицѣ (русскій переводъ, Чтенія 1860 г., кн. IV, отдѣлъ III, стр. 2).

Глаголическія Евангелія: Зографское (исх. X вѣка), Марійинское (XI вѣка), Ватиканское (XI вѣка). Родина Глаголицы, причины и время ея появленія. Глаголическій алфавитъ. Отличіе текста Глаголическихъ Евангелій отъ Кирилловскаго (Остромирова Евангелія 1057 г.). Отношеніе глаголическаго текста къ латинской вульгатѣ. Конечныя замеченія, вытекающія изъ сравненія глаголическаго извода съ кирилловскимъ.

I.

Нашъ незабвенный славистъ профессоръ О. М. Бодянский въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (Москва, 1855), подводя итоги всему, что было писано до тѣхъ поръ учеными на Западѣ и у насъ за и противъ Кириллицы, убѣдительно опровергнувъ всѣ голословныя и ни на чемъ, кромѣ предположеній, не основанныя мнѣнія о старѣйшинствѣ Глаголицы, и въ томъ числѣ пущенное въ ходъ съ легкой руки Кошутара и раздутое его послѣдователями мнѣніе, будто бы кирилло-меоудіевскій переводъ св. Евангелія на славянскій языкъ сдѣланъ именно въ Панноніи на паннонское нарѣчіе и изображенъ тѣмъ алфавитомъ, который былъ въ употребленіи у

далматинскихъ славянъ далеко ранѣе свв. Кирилла и Меодія и т. д. Опроверженіе паннонскихъ «фантазій» Копитара занимаетъ въ сочиненіи О. М. Бодянскаго цѣлыхъ 107 страницъ (отъ 213 до 320). Относительно же древности Глаголицы О. М. Бодянскій замѣчаетъ: «не могу согласиться на старшинство Глаголицы передъ Кириллицей, хотя, опираясь на новѣйшія данныя, охотно отношу появленіе ея къ одному и тому же вѣку съ Кириллицей» (стр. 317—318).

Академикъ славистъ И. И. Срезневскій въ 1865 году осуществилъ благую мысль собрать въ одно цѣлое свѣдѣнія о всѣхъ древнихъ памятникахъ Глаголицы и подвергнуть ихъ критическо-филологическому изслѣдованію, что и исполнилъ въ своемъ сочиненіи: «Древніе глаголическіе памятники» (С.-Петербургъ, 1866). Въ предисловіи къ этому труду онъ, между прочимъ, пишетъ: «на окончательное рѣшеніе вопроса о древности *Глаголицы*, сравнительно съ древностью *Кириллицы*, теперь еще менѣе могу рѣшиться чѣмъ прежде. Доказательства Гануша, Шафарика, Миклошича и другихъ ¹⁾ почтенныхъ изслѣдователей, стоящихъ за древность *Глаголицы*, мнѣ кажутся столько же и поспѣшными и натянутыми, сколько остроумными и хитро сведенными» (стр. VI).

Въ 1865 году издано Глаголическое *Ватиканское* (Ассеманіево) Евангеліе - апракосъ, подъ заглавіемъ: «*Assemanov ili Vatikanski Evangelistar*», докторомъ Ф. Рачкимъ (съ предисловіемъ И. В. Ягича) въ Загребѣ.

Въ 1879 г. издано Глаголическое *Зографское* Четвероевангеліе И. В. Ягичемъ въ Вѣнѣ, въ кирилловской транскрипціи, съ предисловіемъ на латинскомъ языкѣ.

Въ 1883 году тотъ же ученый, уже будучи академикомъ русской Императорской Академіи Наукъ, издалъ ея иждивеніемъ и послѣднее изъ трехъ цѣльныхъ Глаголическихъ Евангелій — *Маріинское* (Григоровичево тожъ) въ кирилловской транскрип-

¹⁾ Слѣдуетъ здѣсь разумѣть: Копитара и его послѣдователей.

ціи, съ обширнымъ *изслѣдованіемъ*, относящимся какъ къ сему памятнику, такъ и къ двумъ прежнимъ, причемъ не забыть и древнѣйшій памятникъ Кириллицы — наше Остромирово Евангеліе 1057 года.

Считая трудъ И. В. Ягича выше нашихъ похвалъ (въ филологическомъ отношеніи) и драгоценнымъ вкладомъ въ науку славянскаго языковѣдѣнія, мы охотно признаемъ, что авторъ въ своемъ *изслѣдованіи* ясно и убѣдительно доказалъ, что *Глаголическія Евангелія* (всѣ три весьма близкія одно къ другому) суть памятники древняго *сербо-хорватскаго* (точнѣе *хорватскаго*) нарѣчія X—XI вѣка.

Но мы не можемъ согласиться съ однимъ замѣчаніемъ И. В. Ягича, что древнѣйшій глаголическій памятникъ X вѣка — Зографское Евангеліе есть «вѣрнѣйшее зеркало *старословѣнскаго* языка» (стр. 423)¹⁾. Не можемъ согласиться съ этимъ потому, что принять на вѣру это тенденціозное выраженіе значило бы согласиться и узаконить то значеніе выраженія: «старо-славянскій языкъ», которое сдѣлалось «условнымъ» у послѣдователей Копитара. Мы знаемъ, что подъ *старо-славянскимъ* языкомъ условлено разумѣть тотъ языкъ, на который, по мнѣнію Копитара, будто бы свв. Кириллъ и Меодій перевели въ *Панноніи* Евангеліе и богослужебныя книги, а изъ этого уже само собою истекаетъ заключеніе, что переводъ этотъ писанъ не Кириллицей, а Глаголицей и т. д., по пословицѣ: «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ».

Эти «паннонскія гаданія» Копитара, какъ мы уже упомянули выше, опровергнуты ясно и точно О. М. Бодянскимъ въ его сочиненіи «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (Москва, 1855, стр. 213—320) и И. И. Срезневскимъ въ его сочиненіи «Древніе глаголическіе памятники» (С.-Петербургъ, 1866, стр. 57—162). Выбравъ самыя типич-

¹⁾ Вмѣсто неопредѣленнаго «старословѣнскаго», стоило бы, по сущности же дѣла и слѣдовало бы, поставить *старо-хорватскаго* (нарѣчія) — и это было бы *точно и всякою пріятію достойно*.

ческія мѣста изъ разночтеній Глаголическаго (Ватиканскаго) Евангелія съ Остромировымъ и съ греческимъ текстомъ, нашъ извѣстный ученый славистъ и филологъ пришелъ къ заключенію, что: 1) переводъ какъ въ Кирилловскихъ, такъ и Глаголическихъ Евангеліяхъ одинъ и тотъ же; 2) текстъ Остромирова Евангелія *ближе* къ первоначальному кирилло-меодіевскому переводу (съ греческаго), чѣмъ текстъ Евангелій Глаголическихъ.

И такъ, признавая вмѣстѣ съ достопочтеннымъ И. В. Ягичемъ, что древнѣйшій памятникъ Глаголицы — Зографское Евангеліе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и древнѣйшій памятникъ и вѣрнѣйшее зеркало сербо-хорватскаго (точнѣе просто хорватскаго) нарѣчія, мы вмѣстѣ съ Добровскимъ, Востоковымъ, Бодянскимъ и Срезневскимъ признаемъ, что наше *Остромирово* Евангеліе, какъ древнѣйшій памятникъ *церковно-славянскаго* языка, есть и вѣрнѣйшее его зеркало.

Держимся и совѣтуемъ другимъ крѣпко держаться того названія языка первоначальнаго кирилло-меодіевскаго перевода, — *церковно-славянскимъ*, которое придумано хорошо и вѣрно (къ устраненію всѣхъ притязаній племеннаго, «приходскаго», какъ удачно выразился О. М. Бодянской, патриотизма) вышеупомянутыми лицами, а напротивъ отцемъ русской филологіи, А. Х. Востоковымъ. Названіе же «*старо-славянскій*» есть выраженіе тенденціозное; оно отворяетъ калитку, ведущую на широкое поле Копитаровыхъ гаданій.

Въ 1884 году появилась ученая рецензія на послѣдній трудъ И. В. Ягича (Маріинское Евангеліе. С.-Петербургъ, 1883) профессора Варшавскаго университета А. С. Будловича (см. Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1884 г., часть 232. Критика и библіографія, стр. 152—169).

Рецензентъ въ своей статьѣ не оставилъ безъ вниманія вышеупомянутое нами пристрастіе г. Ягича къ паннонско-глаголической теоріи Копитара, и замѣтилъ, что оно нерѣдко мѣшаетъ ему быть *безпристрастнымъ* и въ его *филологическихъ* выводахъ.

«Г. Ягичъ — пишетъ г. Будиловичъ — считаетъ подтвержденіемъ своей «паннонской», а вмѣстѣ съ тѣмъ и глаголической теоріи, даже то обстоятельство, что существуютъ кирилловскіе кодексы того же грамматическаго и терминологическаго типа, что и глаголическіе, напримѣръ: Савина книга, Хвалеево Евангеліе, Карпинское Евангеліе (стр. 475). Но кто же доказалъ или можетъ доказать, что эти кирилловскіе кодексы непременно истекаютъ изъ глаголическихъ первоисточниковъ? Развѣ не возможно и обратное, то есть, происхождение Евангелій Зографскаго, Ассеманіева ¹⁾, Маріинскаго, на ряду съ Савинною книгою, кодексами Хвалевымъ и Карпинскимъ изъ первоисточника кирилловскаго? Письменность кирилловская и глаголическая представляютъ, безспорно, два рукава одной и той же рѣки; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы до раздѣленія потокъ этотъ имѣлъ непремѣнно характеръ глаголическій: возможно, *даже очень вѣроятно* (что и доказываетъ наше изслѣдованіе), противоположное» (стр. 167).

Касательно *выводовъ*, къ которымъ пришелъ г. Ягичъ, по разсмотрѣніи особенностей словообразованія и подбора словъ въ Глаголическихъ Евангеліяхъ, г. Будиловичъ справедливо замѣчаетъ: «руководящею нитью для вариантовъ и замѣчаній нашего автора (г. Ягича) служило здѣсь, какъ видѣ, это непоколебимое убѣжденіе въ первенствѣ кодексовъ глаголическихъ передъ кирилловскими, въ большей оригинальности первыхъ и вторичности, подражательности послѣднихъ. То же убѣжденіе служить для г. Ягича и основнымъ критеріемъ при опредѣленіи сравнительной древности того или другаго термина, приставки, окончанія, хотя на словахъ (стр. 403) онъ и признаетъ при этомъ

---

¹⁾ Относительно сего Евангелія предположеніе г. Будиловича оказывается несомнѣнно вѣрнымъ: оно есть *перевѣдка* (на хорватское нарѣчіе) съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не позже 946 г. (судя по мѣсяцеслову), тогда какъ наше Остромирово Евангеліе (какъ оказывается по мѣсяцеслову) есть *списокъ* съ Евангелія, писаннаго также въ Охридскихъ предѣлахъ не позже 960 года.

первенствующее значеніе «соображеній о личности переводчи-
ковъ и народности окружавшей ихъ среды». Встрѣчая, напримѣръ,
въ средѣ вариантовъ два синонимные термина: *блюдо* и *миса*, изъ
конхъ первое распространено главнѣйше у юго-восточныхъ сла-
вянъ, а второе — у сѣверо-западныхъ, нашъ авторъ (г. Ягичъ)
не колеблется признать послѣднее болѣе древнимъ, забывая, что
Кирилль и Меѳодій были солуняне, проведеншіе большую часть
жизни (первый почти всю) на почвѣ греко-юго-славянской и, слѣ-
довательно, гораздо скорѣе знавшіе терминъ *блюдо*, чѣмъ *миса*¹⁾.
Почти то же слѣдуетъ сказать и о *многихъ* первенствѣ формъ:
братъ передъ *братъ*, *велии* передъ *великъ*, *распатъ* передъ
пропатъ, *балии* передъ *врачъ*, *шоуи* передъ *лъвъ*, *адро* передъ
скоро, и т. п. Архаизмъ извѣстнаго термина не ручается самъ
по себѣ за то, что именно онъ былъ употребленъ св. Кирилломъ
или другимъ первоавторомъ какого либо церковно-славянскаго
текста, такъ какъ архаизмы болѣе или менѣе равноѣрно — тогда,
какъ и теперь, — были разсѣяны по всѣмъ славянскимъ нарѣ-
чіймъ, и не соединены непременно въ одномъ говорѣ, положимъ,
родномъ для славянскихъ первоучителей. Искусственно же со-
бирать отовсюду залежи старины имъ не было никакой надоб-
ности, такъ какъ они были практическіе дѣятели, а не какіе
либо любители или собиратели древностей. Эти соображенія не
могутъ быть упускаемы изъ виду при опредѣленіи сравнительной
древности кодексовъ глаголическихъ и кирилловскихъ» (стр.
166—167).

Въ заключеніе своей рецензіи г. Будиловичъ говоритъ:
«главною дѣлю г. Ягича было (во всей его филологической
работѣ), по видимому, желаніе сдѣлать глаголическіе кодексы,
хотя бы даже Маріинское Евангеліе (XI вѣка), основою для
изученія *церковно-славянскаго языка* со стороны грамматической

---

¹⁾ То же самое слѣдуетъ замѣтить о преимущественномъ употребленіи у юго-восточныхъ славянъ греческаго слова *миса*, а у сѣверо-западныхъ гре-
ческаго же слова *тримма*.

и терминологической, *оттѣснивъ на задній планъ кодексы кѣрилловскіе, особенно типа Остромирова Евангелія*, въ которомъ «*манноно-глаголицы*» видятъ самаго опаснаго соперника для Зографскаго и другихъ глаголическихъ кодексовъ той же редакціи. Задача эта однако не такъ легка; никому до сихъ поръ не удалось сдѣлать хотя одного столь блестящаго изданія глаголическихъ памятниковъ, какъ Востоковское изданіе Остромирова Евангелія. Едва ли и самъ г. Ягичъ станетъ отрывать, что всё же ни его Зографское, ни Маринское Евангелія, не говоря уже объ Ассеманіевомъ въ изданіяхъ Рачкаго или Черничча, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могутъ стать въ рядъ съ монументальнымъ изданіемъ Востокова» (стр. 169).

II.

Гдѣ появился первоначальный *списокъ* Глаголическаго Евангелія или, что все равно, гдѣ надобно полагать родину *Глаголицы*, какъ одного изъ двухъ, нынѣ извѣстныхъ славянскихъ алфавитовъ? Когда и какія именно причины вызвали его появленіе? Последнее изслѣдованіе *Глаголическихъ* Евангелій (изъ которыхъ древнѣйшее относится къ исходу X или началу XI вѣка) И. В. Ягича указываетъ на необходимость искать родину Глаголицы, какъ алфавита, въ предѣлахъ Хорватско-Далматскаго государства, точнѣе же въ его приморской области — Далмаціи¹⁾, о чемъ свидѣтельствуетъ и извѣстная латинская легенда Діоклейца XII вѣка.

Помня во первыхъ, что оба наши незабвенные слависта: О. М. Бодянский и И. И. Срезневскій высказались, что они считаютъ Глаголицу «явленіемъ IX вѣка», во вторыхъ, что писатель начала X вѣка, составившій «Сказаніе о славянскихъ письменахъ», монахъ Храбръ, ничего не знаетъ о Глаголицѣ и что вообще объ ея происхожденіи доселѣ нѣтъ никакого письменнаго сви-

---

¹⁾ Употребленіе въ Маринскомъ Евангеліи слова *galia* (итал. галиотъ) вмѣсто ладія, корабль, — не указываетъ ли на мѣсто написанія этого кодекса въ приморской Хорватско-Далмаціи?

дѣтельства, мы полагаемъ, что для того, дабы приблизиться сколько можно къ рѣшенію предложенныхъ въ началѣ вопросовъ, слѣдуетъ отыскать въ церковно-политической исторіи Хорватско-Далматскаго государства IX вѣка такія обстоятельства, или такое событіе, которое наиболѣе очевидно должно было вызвать *явленіе*, нынѣ называемое *Глаголицею*, *глаголическою письменностію*, что мы и сдѣлаемъ, руководясь сербо-хорватскими источниками.

Начнемъ съ опредѣленія этнографическаго термина *Далмація* въ IX вѣкѣ.

Послѣ занятія славяно-сербскимъ племенемъ Византійской темы—Далмація простиралась отъ Драча до Истрии и отъ моря до Дуная; сербы истребили или поработили прежнихъ ея насельниковъ, и Діоклитіановы римляне, которые спаслись отъ этой участи въ приморскихъ городахъ, остались въ нихъ и долго владѣли ими исключительно.

Какіе это города, въ которыхъ тогда жили и которыми владѣли римляне (латины)?

Эти города суть: *Дубровникъ*, *Сплитъ*, *Трогиръ*, *Диадора*, *Арби*, *Бекса*. Жители этихъ городовъ и доселѣ называются *римлянами*, говоритъ Порфиригенитъ (гл. 29). И такъ, города, которые остались свободными отъ аварскихъ и славянскихъ завладѣній, и острова, къ нимъ прилежащіе, составляли то, что въ средніе вѣка называлось *Далмаціею*; она была подчинена Византіи, стратегъ которой имѣлъ свое пребываніе въ г. Задрѣ.

Въ этой прибрежной Далмаціи сохранился латинскій языкъ до конца XI вѣка, когда, ассимилировавшись съ сербами, они усвоили сербскій языкъ; но официальнымъ языкомъ долго еще и послѣ того былъ языкъ латинскій.

Далмація (приморская и сухопутная) издревле принадлежала къ области Римскаго патріархата. Духовной столицей ея былъ сперва *Солинъ*, а по разореніи его (въ началѣ VII вѣка) близъ лежащій *Сплитъ*, на который были перенесены всѣ права и привилегіи древней Солинской митрополіи. Первымъ сплитскимъ

архіепископомъ былъ Іоаннъ Равенскій, котораго папа послалъ въ Далмацію для устройства ея церковныхъ дѣлъ, послѣ аваро-славянскаго погрома, между 600—638 г. Эта Сплѣтская архіепископія была цитаделью римопапизма и латинства, главнымъ проводникомъ ихъ вліянія и она-то, какъ увидимъ ниже, задушила въ корнѣ самостоятельное развитіе Хорвато-Далматской державы.

Когда свв. славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій явились съ проповѣдью *славянской службы и кирилловской церковной письменности* въ Мораво-Паннонской державѣ, всѣ окрестные славяне рады были слышать слово Божіе и божественную службу на родномъ языкѣ. Далматинскіе сербы одни изъ первыхъ воспѣшили воспользоваться этимъ благодѣяніемъ для своего племени; они получили этотъ даръ отъ самихъ свв. первоучителей Кирилла и Меѳодія, съ чѣмъ согласны и латинскіе писатели, каковы напримѣръ: неизвѣстный по имени Діоклеецъ и Мавро-Урбинъ (Орбини). Вотъ почему православные далматинскіе сербы и доселѣ считаютъ св. Кирилла своимъ первоапостоломъ.

Введеніе у далматинскихъ сербовъ *славянскаго богослуженія и Кириллицы*, какъ надобно полагать, относится къ первому путешествію въ Римъ свв. братьевъ, по вызову папы Николая въ 867 году (вообще же между 862—867). Св. Кириллъ, какъ извѣстно, уже не вернулся изъ Рима, скончавшись тамъ въ 869 году, но за то братъ его св. Меѳодій, возвращаясь черезъ Далмацію къ своей мораво-паннонской паствѣ въ санѣ архіепископа, конечно не мало содѣйствовалъ утвержденію *славянской церкви*, насажденной св. Кирилломъ; когда же въ 877 г. Визавтія рѣшилась утвердить въ Хорвато-Далматскомъ княжествѣ наравнѣ съ политическимъ и свое церковное вліяніе, сербскія далматинскія общины съ славянскимъ богослуженіемъ и *кирилловскою письменностію* успѣли уже на столько окрѣпнуть, что могли (послѣ Сплѣтскихъ соборовъ 925—929 гг.) выдержать всѣ послѣдующія гоненія, не смотря на то, что тогда ихъ уже некому было защищать отъ гоненій *латинской іерархіи*, и доселѣ сохра-

нили святое послѣдіе, завѣщанное имъ свв. первоучителями, разумію службу на славянскомъ языкѣ и *кирилловскую* письменность. Православные далматинскіе сербы нынѣ имѣютъ въ Далмаціи двѣ епископіи (въ Задрѣ и Которѣ), 14 монастырей и до 100,000 прихожанъ.

Въ *Хорватіи* дѣло водворенія славянской службы шло значительно медленнѣе, хотя къ 877 году, когда она въ лицѣ своего князя *Сдеслава* добровольно вступила въ политическое и церковное единеніе съ Византією, мысль объ учрежденіи народной церкви уже достаточно созрѣла въ сознаніи хорватскаго народа. Оставалось явиться человѣку, способному и могущему осуществить ее.

Съ 870 года, какъ извѣстно, началась церковная распря между старымъ и новымъ Римомъ (Царьградомъ) за церковное преобладаніе надъ славянами Иллирійскаго полуострова. Римъ былъ сильно опечаленъ потерей *Боларіи*, которая, послѣ рѣшенія Константинопольскаго собора (869 г.), приняла своего верховнаго архипастыря отъ Византіи, а тотъ успѣшилъ устроить въ ней народную церковь и іерархію, посвятить епископовъ и священниковъ изъ славянъ и ввести во всей Болгаріи *славянское богослуженіе* по *кирилловскимъ* книгамъ, то есть, по греческому обряду.

Положеніе церковныхъ дѣлъ въ Хорватіи-Далмаціи грозило Риму той же опасностію; надобно было приготовиться: или уступить желанію славянъ относительно славянскаго богослуженія, или быть готовымъ потерять и здѣсь славянскую паству, какъ въ Болгаріи.

Къ 877 году на княжескій престолъ Хорватіи вступилъ съ помощію Византіи князь *Сдеславъ*, изгнавъ изъ Хорватіи сыновей своего предшественника, князя *Демаюя* († 876 г.). Сдеславъ, вступивъ на престолъ, пожелалъ скрѣпить свой союзъ съ Византією болѣе крѣпкими узами и потому, объявивъ себя подвластнымъ византійскому императору, онъ лично предсталъ предъ нимъ. Византійскій же престолъ занималъ тогда *Василій Македонянинъ*. А какъ въ то же время на патріаршемъ престолѣ былъ

знаменитый *Фотій* и въ совѣтѣ съ нимъ царь рѣшилъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя признавали политическую власть Византіи, было возстановлено и церковное вліяніе оной, вслѣдствіе этого и въ Хорватѣ-Далмаціи послѣдовали важныя перемѣны въ церковномъ отношеніи, неблагопріятныя для римскаго первосвященника (папы).

Сплѣтское (латинское) архіепископство сдѣлалось *вакантнымъ*. Славянское богослуженіе ширилось и укрѣплялось у далматинскихъ сербовъ, при помощи священниковъ изъ славянъ, вѣроятно, прибывшихъ изъ Моравіи и состоявшихъ въ числѣ учениковъ св. Меодія.

Но, къ сожалѣнію, этотъ порядокъ вещей продолжался не долго. Въ 879 году въ Хорватѣ-Далматскомъ княжествѣ опять вспыхнулъ бунтъ: подручникъ Византіи князь Сдеславъ былъ убитъ *Бранимиромъ*, который и занялъ княжескій престолъ Хорватіи.

Нѣкто хорватскій діаконъ *Теодосій*, сторонникъ Бранимира, рѣшился воспользоваться какъ церковной распріею Рима съ Византіей, такъ и внутренней неурядицею своего отечества, для осуществленія, давно таившейся въ умахъ людей народной хорватской партіи, мысли: учредить въ Хорватіи народную хорватскую церковь, подъ покровительствомъ не новаго, а стараго Рима, къ которому *искомн* тяготѣла Хорватія, какъ получившая отъ него христіанство (въ VII вѣкѣ).

Хорватскому реформатору не трудно было привлечь на свою сторону новаго князя, который, свергнувъ съ престола подручника Византіи, долженъ былъ ожидать ея мщенія за убійство Сдеслава. Народное чувство, пробудившееся введеніемъ у далматинскихъ сербовъ *славянской службы*, горячо желало поскорѣе усвоить это благо и для Хорватіи, равно устраняясь чуждой по языку службы, будетъ ли то *латинская* или *греческая*. «Хитроумные римляне» (какъ ихъ называетъ одна изъ статей Кормчей) ясно понимали, что обстоятельства времени требовали отъ нихъ допущенія и въ Хорватіи, для удержанія надъ нею власти, цер-

ковной службы на славянскомъ языкѣ, какъ сіе уже было *volens-potens* сдѣлано, въ видѣ исключенія, для Мораво-Панноніи, дабы не дать восторжествовать и здѣсь своему сопернику — Царьграду.

Но хлопотать у Рима о дозволеніи славянскаго богослуженія въ Хорватіи, какъ то было допущено имъ въ Мораво-Панноніи и терпимо отчасти въ Далмаціи, т. е. по кирилло-меоодіевскимъ книгамъ греческаго обряда, Θεодосію казалось слишкомъ *просто и ненадежно*. Онъ мечталъ не только о введеніи въ Хорватіи *славянскаго богослуженія*, но и объ основаніи народной хорватской церкви, желая утвердить ее на *устояхъ* болѣе прочныхъ, нежели тѣ, которые видѣлись въ мораво-паннонскомъ дѣлѣ свв. Кирилла и Меоодія и которые, казалось, уже были поколеблены упорнымъ гоненіемъ *мстнаго*, пѣмецкаго по происхожденію и *латинскаго* по вѣрѣ, духовенства, не смотря на личное покровительство св. Меоодію самого папы.

Вотъ почему планъ Θεодосія объ учрежденіи народной хорватской церкви долженъ былъ имѣть, кромѣ явной, тайную цѣль: повести это дѣло такъ, чтобы народная хорватская церковь была учреждена безъ вѣдѣнія латинской Силѣтской архіепископіи, поставлена въ независимое отъ нея положеніе; а это казалось ему тѣмъ возможнѣе, что въ 879 г. Силѣтская архіепископія уже была *вакантною*, а Далмація, т. е. приморскіе римскіе города (оплотъ латинства), какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи, оставалась подъ властію Византіи, и Θεодосію не трудно было убѣдить князя Бранимира и его правительство, что, отложившись отъ Византіи, уже не слѣдъ было имѣть духовную столицу внѣ этнографическихъ предѣловъ государства. Однимъ словомъ, Θεодосій рѣшился, конечно склонивъ на свою сторону князя, вельможъ и духовенство, добиться отъ Рима того, чтобы онъ, въ санѣ хорватскаго епископа, сдѣлался примасомъ хорватской церкви, совершенно независимымъ отъ латинскаго Силѣта.

Доказательствомъ этого служить то, что Θεодосій, по полученіи епископскаго сана (въ Римѣ) и утвержденіи своей катедры

въ тогдашней столицѣ Хорватин, городѣ *Нимъ*, послѣ смерти сплѣтскаго архіепископа Марина († 886 г.) немедленно сталъ хлопотать о подчиненіи себѣ Сплѣтской архіепископіи, путемъ избранія на оную, и даже готовъ былъ принять утверженіе и получить палліумъ отъ олайскаго (аквилейскаго) митрополита, бывшаго въ церковномъ общеніи не съ Римомъ, а съ Царьградомъ (см. о семъ ниже). Этотъ эпизодъ изъ жизни и дѣятельности Θεодосія, оставившій слѣдъ и въ оффиціальныхъ документахъ римской церкви, всего лучше рисуесть характеръ хорватскаго реформатора IX вѣка, свидѣтельствуя въ то же время объ обширности и смѣлости его затѣй.

Мы твердо убѣждены, что именно къ этому времени и событіямъ относится появленіе на свѣтъ *второй* славянской азбуки и письменности, которая нынѣ именуется *глаголическою* и которую, по свидѣтельству хорватскихъ писателей, хорватскій народъ ископи называлъ и называетъ *своею*. А что *Глаголица*, какъ орудіе церковной письменности, появилась на свѣтъ не ранѣе 879—880 г., это еще недавно признавали сами *глаголиты*, ссылаясь на письменное свидѣтельство 1222 года, изъ котораго видно, что древнѣйшимъ памятникомъ *Глаголицы* была *Псалтырь*, писанная для сплѣтскаго архіепископа *Θеодора*¹⁾, между 880—890 г.г.²⁾

Ревнуя славѣ свв. Кирилла и Мефодія, Θεодосій думалъ прославиться, повторивъ ихъ дѣло въ *иной* формѣ, полагая, по вышесказанному, создать болѣе *прочныя*, какъ онъ мнилъ, *устои* для этого дѣла, то есть, опереться на непосредственныя отношенія къ Риму и, вступивъ въ добровольную и свободную съ нимъ *унію*, *уцѣловать* въ Хорватин славянское богослуженіе съ *глаголическою*, имъ введенною, письменностію.

¹⁾ Не *Θеодосія* ли, *избраннаго* (дѣйствительнымъ онъ едва ли былъ когда либо) сплѣтскимъ архіепископомъ въ 886 году? Если такъ, то принадлежность ему вышеупомянутой *Глаголической* Псалтыри весьма естественна.

²⁾ А что еще въ XV вѣкѣ *латиняне* признавали *Глаголицу* не *первою*, а *второю* (по Кириллицѣ) славянскою азбукою, доказываетъ латинская рукопись Пражской библіотеки, писанная въ 1434 году, гдѣ приведена *глаголическая азбука* съ подписаніемъ: «alphabetum *secundum* Slavonicum» (см. Pismo slovensko, Фр. Рачкаго. Загребъ, 1866, стр. 64).

Угождая народу, онъ *составилъ* свою новую *глаголическую* азбуку (объ элементахъ ея подробно см. ниже) изъ *знаковъ*, бывшихъ въ народномъ употребленіи, *передѣлалъ* кирилловскій текстъ св. Евангелія на народное хорватское нарѣчіе, всю эту *передѣлку* согласилъ по возможности (поспѣшно и поверхностно, о чемъ см. ниже) съ латинской вульгатой, дабы можно было выдавать непосвященнымъ (своимъ и чужимъ) эту передѣлку за новый, самостоятельный трудъ, предпринятый и совершенный какъ въ пользу родины, такъ и во славу римской церкви, для тѣснѣйшаго соединенія съ нею, отличный отъ труда кирилло-меодіевскаго, ненавистнаго латинскому духовенству уже по одному тому, что онъ имѣлъ прямое отношеніе къ Византіи. А какъ само по себѣ дѣло было спѣшное, то необходимыя для введенія славянскаго богослуженія церковныя книги, какъ-то: Псалтырь, Служебникъ, Часословъ, Октоихъ и проч., Θεодосій просто переписалъ на Глаголицу (какъ доказываютъ это уцѣлѣвшіе случайно отрывки оныхъ) съ кирилловскихъ текстовъ.

Планъ Θεодосія былъ задуманъ по славянски, — обширно и смѣло. Очевидно, онъ рассчитывалъ удовлетворить *всѣхъ и вся*.

1) По убѣжденію Θεодосія, основанному конечно и на положительныхъ свѣдѣніяхъ, Римъ, т. е. папа, долженъ будетъ такъ обрадоваться возвращенію Хорватіи подъ его власть, что *славянская служба* будетъ разрѣшена хорватской церкви безъ всякаго прекословія, тѣмъ болѣе, что ново-составленная азбука (Глаголица) измышлена съ цѣлью *сблизить* посредствомъ нея переводъ Слова Божія (св. Евангелія) съ латинскою вульгатою, для отдаленія глаголическаго евангельскаго текста отъ кирилло-меодіевскаго перевода (съ греческаго), въ которомъ латинское духовенство уже начало тогда заподозрѣвать руку Византіи.

2) Хорватскій народъ долженъ быть польщенъ тѣмъ, что, съ появленіемъ на свѣтъ новой азбуки и передѣлки евангельскаго текста на народное нарѣчіе, онъ получитъ не только *славянское богослуженіе*, но и Слово Божіе (св. Евангеліе) на своемъ собственномъ нарѣчіи, столь любезномъ его слуху. Главнымъ же

образомъ имѣлось въ виду, что учрежденіе народной церкви съ славянскимъ богослуженіемъ и особой азбукой *сблмзгъ* съ народомъ отколовшійся отъ него въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, подъ вліяніемъ латинской церкви и культуры, верхній слой, хорватскую интеллигенцію, и доставить торжество *народной марты*, которая, въ союзѣ съ своею церковію и опиралась на ея вліяніе, сплотить въ одно цѣлое всѣ сословія и создастъ хорватское государство, равно независимое какъ отъ Востока, такъ и отъ Запада.

3) Съ *латинскимъ* духовенствомъ римскихъ городов Далмаціи (среди которыхъ находилась доселѣ духовная столица Хорватско-Далмаціи, — латинскій Сплѣтъ) Θεодосій надѣялся *уладить* дѣло тѣмъ, что: а) въ годъ учрежденія народной церкви Далмація находилась еще въ подчиненіи Византіи и не могла, если бы и пожелала, тотчасъ послѣдовать примѣру Хорватіи (т. е. отдѣлиться отъ Византіи); б) престолъ Сплѣтской латинской архіепископів, въ силу церковнаго вліянія Византіи, въ 879 г. былъ *вакантнымъ*, слѣдовательно мѣшаться въ церковныя дѣла хорватской церкви было некому. Притомъ же Римъ былъ недоволенъ епископами приморскихъ городовъ за то, что они не спѣшили послѣдовать примѣру Хорватіи — возвратиться подъ его власть, и не прочь былъ наказать ихъ за *медленіе*, — исключительными уступками въ пользу народной хорватской церкви, въ ущербъ ихъ правамъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Θεодосій не могъ особенно тревожиться въ началѣ своего дѣла тѣмъ, въ какое отношеніе стапеть къ его затѣѣ латинское духовенство римскихъ приморскихъ городовъ, надѣясь, что, до пачала неизбежной борьбы съ нимъ за славянскую паству, онъ успѣетъ утвердить, непосредственнымъ сношеніемъ съ Римомъ, независимость новоучрежденной народной хорватской церкви. Въ случаѣ же перемѣны обстоятельствъ, то есть, если римскіе города Далмаціи, вслѣдъ за Хорватіей, возвратятся подъ церковную власть Рима, Θεодосій надѣялся, что онъ съ помощію князя Брапимира и народной хор-

ватской партіи такъ или иначе сѣумѣеть отстоять независимость хорватской славянской церкви отъ верховенства латинской Сплѣтской архіепископів. Изъ этого видно, что всемогущее славянское *аѡсъ* и въ то время играло немалую роль въ затѣѣ хорватскаго реформатора, и оно-то и погубило его дѣло.

4) Съ далматинскими сербами, твердо державшимися наслѣдія свв. Кирилла и Меѡдія, т. е. славянскаго богослуженія и кирилловской письменности, Теодосій надѣялся сохранить миръ, убѣдивъ ихъ, что новая азбука и письменность (глаголическая) отличаются отъ кирилловской только по *формѣ*, и что славянская служба и въ хорватской церкви будетъ совершаться по восточному обряду, то есть, по Служебнику и прочимъ кирилловскаго перевода книгамъ, а не по Миссалу, Бревіарію и Ритуалу.

Нѣтъ причины удивляться тому, что въ современныхъ официальныхъ документахъ римской церкви нѣтъ упоминанія *о частностяхъ* того событія, которое называется учрежденіемъ народной хорватской церкви въ 879—880 г., тогда какъ въ нихъ нѣтъ также упоминанія о *существенной* сторонѣ этого событія, разумѣемъ неразрывно связанную съ нимъ *примѣщенію славянскаго богослуженія*, которое и составляло цѣль и душу всего этого дѣла. Причина этого *умолчанія*, или, точнѣе сказать, *уничтоженія* всѣхъ относящихся къ учрежденію народной хорватской церкви актовъ — очевидна, тогда какъ самый фактъ общезвѣстенъ и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Разскажемъ постепенный ходъ событія, называемаго учрежденіемъ народной хорватской церкви (съ славянскимъ богослуженіемъ и глаголическою письменностію), придерживаясь, съ *фактической стороны*, сочпенія извѣстнаго хорватскаго ученаго Ф. Рачкаго: «О внутреннемъ состояніи Хорватіи до XII вѣка» (Rad Jugoslavenske Akademije. 1866 г. Knjiga LXXIX, p. 135—184).

Приступивъ къ осуществленію широкаго и грандіознаго плана, начертаннаго смѣлою рукою хорватскаго реформатора, діакона Теодосія, избраннаго народною партіею въ епископы города *Нина*, тогдашней столицы Хорватіи, князь Бранимиръ от-

правляетъ въ Римъ особаго посланца, нѣкоего попа Іоанна, съ письмами къ папѣ Іоанну VIII отъ себя и отъ Θεодосія, будущаго примаса народнои хорватской церкви, епископа Нинской епархіи, съ просьбою утвердить его въ семь санѣ. Бранимиръ увѣрялъ папу, что онъ искренно желаетъ быть вѣрнень св. Петру и его преемнику. Θεодосій изъяслялъ свою «преданность и вѣрность церкви св. Петра и папѣ».

Какую радость ощутилъ Іоаннъ VIII отъ обращенія Хорватинъ въ его апостолическое лоно, видно изъ его отвѣтныхъ писемъ 7 іюня 879 г. къ князю Бранимиру, Θεодосію, священству и всему хорватскому народу. Въ Римѣ, гдѣ такъ живо чувствовалась потеря Болгаріи и гдѣ еще продолжали стараться объ ея возвращеніи, неожиданное обращеніе Хорватинъ было принято съ великою радостію. «Такъ какъ ты, — писалъ папа князю —, съ помощію Божіею, какъ возлюбленный сынъ, желаешь быть вѣрнень св. Петру и намъ, который милостію Божіею есть его намѣстникъ, и исповѣдуешь намъ свою покорность, мы настоящимъ письмомъ восхваляемъ твое благородство, и съ отеческою любовію, какъ предорогого сына, возвращающагося подъ кровь святой апостольской столицы, твоей матери, изъ чистаго источника коей твои предки пили медвенно текущую проповѣдь, — принимаю и обнимаю тебя духовнымъ объятіемъ и апостольскою доброласковостію желаемъ тебя ущедрить, дабы милость и благословеніе святыхъ первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла и паче надъ тобою изліялась обильно, да отъ твоихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, которые не перестаютъ стровить козни и засады и препятствовать человѣческому спасенію, во вѣки будешь свободень и обезпечень, дабы легче могъ получитьъ желаемую надъ врагами побѣду. Твое приглашеніе, чтобы я благословилъ тебя своими апостольскими устами для умноженія твоего спасенія, мы съ радостію исполнили, ибо, когда въ день Вознесенія Господня на алтарѣ св. Петра мы служили, во время священной миссы, воздвигнувъ горѣ руки, благословили тебя и весь народъ твой и всю державу твою, да здѣсь и въ вѣчности, тѣломъ и вкупѣ душою,

спасенъ будешь, и можешь также земнымъ удѣломъ, которыми править, владѣть счастливо и дабы послѣ кончины въ небесномъ предѣлѣ съ Богомъ водвориться, счастливо пребывать и царствовать во вѣки» (Documenta, p. 8).

Въ томъ же смыслѣ папа писалъ къ «священству» и «хорватскому народу», радуясь, что они желаютъ возвратиться съ своею «римскую церковь». Въ письмѣ къ Θεодосію (Documenta, p. 13) папа увѣдомляетъ его, «чтобы онъ не заботился о своемъ посвященіи, ибо самъ онъ, папа, намѣренъ посвятить его». Не забудемъ, что въ это время Сплѣтская архіепископія была *вакантна* и папа могъ опасаться, что Θεодосій, пожалуй, станетъ искать посвященія у олайскаго (аквилейскаго) митрополита, ставшаго во время борьбы Рима съ Византіею на сторону послѣдней.

Эти письма папа послалъ съ упомянутымъ попомъ Іоанномъ, которому вручилъ также письмо къ болгарскому князю Борису-Михаилу, почему и просилъ Бранимира, чтобы онъ дозволилъ Іоанну исполнить это порученіе. Изъ этого видно, что папа тогда еще не потерялъ надежды снова привлечь къ себѣ болгаръ, такъ какъ теперь привлечь Хорватію, и если бы сіе удалось ему, тогда два самыя великія балканскія племена служили бы самою крѣпкою охраною Рима отъ натиска грековъ.

Но съ Хорватіею еще не возвратились къ Риму епископы и священство Далмаціи (римскіе города). Здѣсь вліяніе Восточной Имперіи еще держалось твердо. Папа Іоаннъ VIII не упустилъ случая, когда посланецъ Бранимира, попъ Іоаннъ, возвращался въ Хорватію, отправить также съ нимъ письмо къ епископамъ, священству и жителямъ Далмаціи. Въ этомъ письмѣ отъ 10 іюня 879 года, писанномъ на имя епископовъ: Виталія задрскаго, Доминика осорскаго и на имя архипресвитера Іоанна, управлявшаго дѣлами вакантной Сплѣтской архіепископіи, папа уговаривалъ ихъ, чтобы они возвратились къ столицѣ св. Петра, которая есть де глава и учительница всѣхъ Божіихъ церквей, напоминаетъ имъ, какою благостынею пользовались пхъ предшественники, которые удалялись въ Римъ, и сколько зла они терпятъ съ тѣхъ

поръ, какъ они отъ него отступили; приглашаетъ ихъ, чтобы они избрали архіепископа въ Сплѣтъ, котораго онъ, по древнему обычаю, утвердить и пришлетъ ему палліумъ. «Если же, присовокупляетъ папа, глядя на *грековъ и славянъ*, того ради сомнѣваетесь возвратиться къ намъ, или что отъ нихъ (нѣкоторые) приняли посвященіе и палліумъ, — знайте воистину, что мы желаемъ, по обязанности св. отца и нашихъ предшественниковъ, властію помогать вамъ утвердиться». Изъ этого видно, что въ Римѣ знали, что возвращеніе къ Риму Далмаціи могло встрѣтить отпоръ со стороны Византіи и тѣхъ славянъ (сербовъ), которые, со времени введенія у нихъ св. Кирилломъ славянскаго богослуженія и кирилловской письменности, болѣе дорожили церковнымъ общеніемъ съ Византіею, чѣмъ съ Римомъ.

Наконецъ, послѣ таковыхъ милостивыхъ рѣчей, папа угрожаетъ, что въ случаѣ если епископы, священство и граждане Далмаціи не возвратятся вскорѣ къ Риму и станутъ искать посвященія своего сплѣтскаго архіепископа въ *иномъ мѣстѣ*, въ такомъ случаѣ они будутъ «отлучены отъ церкви» и провозглашены какъ «измѣнники» закону и какъ «непокорные». Это письмо было вручено попу Іоанну передъ самымъ отъѣздомъ его изъ Рима и сопровождалось устнымъ наставленіемъ самого папы. (Интересно было бы знать: зналъ ли все это Θεодосій, мечтавшій съ помощію Рима сдѣлаться примасомъ хорватской церкви, независимымъ отъ Сплѣта?). Письма, отправленные съ попомъ Іоанномъ хорватскому князю, Θεодосію, священству и всему хорватскому народу, нашли благопріятный отзывъ въ Хорватіи. Здѣсь было рѣшено: дѣло единенія (уніи) съ Римомъ, начатое столь успѣшно, продолжать и довершить. Съ этою цѣлью Θεодосій немедленно отправился въ Римъ, согласно вызову папы, для *посвященія* и дабы «засвидѣтельствовать вѣрность и преданность столицѣ св. Петра и папѣ» всей Хорватской державы. Θεодосій былъ принятъ милостиво и торжественно посвященъ въ епископы хорватской столицы *Нима*, получивъ право отправленія *славянской службы*, по примѣру Мораво-Паннонской архі-

епископѣмъ, и обѣщаніе устроить все остальное согласно съ его заявленіями и благими дѣяніями (къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, была причтена и составленная имъ *Глаголица*). Оставалось одно: придать этой добровольной славянской уніи съ Римомъ возможно торжественное оказательство. Поэтому папа письмомъ 880 г. (*Documenta*, p. 13) приглашаетъ князя Бранимира, жупановъ, епископа Θεодосія, священство и хорватскій народъ прислать въ Римъ своихъ избранныхъ мужей, которые бы за всю Хорватскую землю заявили возвращеніе Хорватинъ къ святой столицѣ, и обѣщаетъ, что онъ съ своей стороны, при ихъ возвращеніи въ Хорватію, пришлетъ съ ними своего легата, которому, по обычаю римской церкви, весь народъ дастъ клятву въ вѣрности Риму и папству.

Въ Римѣ, очевидно, желали, какъ показываетъ письмо, чтобы соглашеніе съ Хорватіею было *ясно* и объявлено торжественно, имѣя, конечно, въ виду то тяжелое впечатлѣніе, которое эта вѣсть произведетъ на соперника — Царьградъ.

Какъ это дѣло, — устройство народной хорватской церкви, — велось на мѣстѣ, замѣчаетъ г. Рачкій, по документамъ неизвестно. Остались неизвестными и тѣ *вопросы* Θεодосія и *отвѣты* на нихъ Рима, о которыхъ упоминается въ письмѣ папы 880 года, и которые, если бы сохранились, много освѣтили бы это любопытное дѣло, и конечно не къ выгодѣ Рима, чѣмъ и объясняется всего скорѣе ихъ исчезновеніе.

Какъ бы ни было, по дѣло единенія съ Римомъ Хорватинъ было устроено съ меньшимъ затрудненіемъ, чѣмъ въ Далмаціи. Документы молчатъ о томъ, какой отзывъ нашло въ византийской Далмаціи вышеупомянутое письмо папы Іоанна VIII. Известно лишь, что въ архіепископы сплѣтскіе былъ избранъ *Маринъ*, хотя также неизвестно, отъ кого принялъ онъ утвержденіе и палліумъ, отъ Рима или отъпнуду. Болѣе известно объ его преемникѣ, которымъ (въ 886 г.) былъ избранъ вышеупомянутый нинскій епископъ Θεодосій. Впрочемъ, Θεодосій не искалъ своего утвержденія и палліума въ Римѣ, но

въ Олаѣ (Аквилеѣ)¹⁾. Престолъ же Олайской митрополіи занималъ тогда Вальбертъ, и во время борьбы между старымъ и новымъ Римомъ былъ союзникомъ сего послѣдняго, рассчитывая при этомъ получить въ награду за свою приверженность къ Византіи — управленіе и далматскою церковью (Сплѣтомъ).

Еще въ 877 году папа Іоаннъ VIII звалъ Вальберта въ Римъ, чтобы онъ оправдался передъ церковнымъ соборомъ, а патриархъ Фотій, вступивъ на престолъ послѣ Игнатія, завелъ съ Вальбертомъ переписку и приглашалъ его исключить изъ Символа вѣры «*filioque*». Такимъ образомъ Вальбертъ, по смерти Марина (886 г.), рѣшился усвоить себѣ право, которое издревле принадлежало Риму, — поставленіе на сплѣтскую кафедру архіепископа.

Изъ письма папы Стефана въ 886—887 году видно, что вышеупомянутый пинскій епископъ Θεодосій искалъ, въ качествѣ избраннаго на Сплѣтскую архіепископію, получить утвержденіе и палліумъ отъ олайскаго (аквилейскаго) митрополита. Папа, съ своей стороны, чтобы отвлечь Θεодосія отъ его намѣренія, обѣщалъ ему самъ дать палліумъ, если только онъ для сего лично прибудетъ въ Римъ (*Pismo* въ *Starine*, XII, 219). Вотъ послѣднее *документальное* извѣстіе о *Theodosii*. Мы полагаемъ, что онъ едва ли рѣшился ѣхать за палліумомъ въ Римъ, ясно видя, къ чему клонится дѣло. Вѣроятноже, что онъ вовсе не былъ никѣмъ *утвержденъ* въ званіи сплѣтскаго (латинскаго) архіепископа и покончилъ свои дни въ родномъ *Нинѣ*, томнымъ предчувствіемъ, что воздвигнутое имъ съ такимъ трудомъ зданіе, на непрочномъ фундаментѣ излишняго довѣрія къ обѣщаніямъ

---

1) Если Θεодосій искалъ занять престолъ Сплѣтской (латинской) архіепископіи, то очевидно не по честолюбію, а для того, чтобы, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ духовную власть надъ церквами Хорвато-Далмаціи, создать, подъ верховною властію Рима, единую, нераздѣльную хорвато-далматскую церковь съ славянскимъ богослуженіемъ и своею излюбленною глаголическою письменностію, съ резиденціею примаesa этой *народной* церкви не въ латинскомъ Сплѣтѣ, а въ славянскомъ Нинѣ. Но не того желалъ Римъ!

Рима, — близится къ своему разрушенію, по силѣ «перемѣнившихся обстоятельствъ»¹⁾.

Какъ бы ни было, но въ 890-хъ годахъ преемникомъ Θεодосія на кафедрѣ Нинской хорватской епископін является епископъ *Альфредъ*. Вражда между латинскимъ Сплѣтомъ и славянскимъ Нвномъ продолжается, и въ глухой, скрытной, обращается въ явную и открытую, по слѣдующему случаю: предметомъ спора была земля, которую нѣкогда князь *Терпимиръ* (837 — 844) далъ Сплѣтской архіепископін. Нинскій владыка хотѣлъ присвоить эту землю на томъ основаніи, что она дана была, какъ значилось въ грамотѣ, въ временное *пользованіе*, пока не будетъ уплаченъ долгъ. Сплѣтская же архіепископія утверждала, что Терпимиръ уступилъ ей эту землю по завѣщанію на *вѣчныя времена*.

Требовалось, чтобы споръ этотъ разсудилъ хорватскій князь Мутимиръ, потому что уступленная земля была *regalis territoria*.

Нинскій народный хорватскій владыка и народная партія надеялись на благопріятное имъ рѣшеніе, потому что на ихъ сторонѣ была *правда*, ибо въ самой грамотѣ Терпимира было сказано по этому поводу, что эта земля уступается римской Сплѣтской архіепископін на *нѣкоторое время* (*singulis annis*).

¹⁾ Этими «перемѣнившимися» въ пользу Рима обстоятельствами были: кончина папы Іоанна VIII († 882 г.), избаловавшаго, по мнѣнію латинъ, славянъ своими (прибавимъ: невольными) уступками; смерть покровителя народной хорватской идеи и епископа Θεодосія—хорватскаго князя Бранимира (въ 888 г.): въ Византіи смерть императора Василія Македонянина († 886 г.) и вторичное удаленіе съ патриаршаго престола энергическаго стоятеля за православіе — Фотія (886 г.). (Въ 885 г. скончался и св. Меодій, учредитель славянскаго богослуженія въ Мораво-Панноніи и Чехіи, распространившагося оттуда и у восточныхъ славянъ). Соперничество съ Римомъ сперва ослабѣло, а потомъ установился *modus vivendi*, по которому Византія предоставляла папѣ устраивать церковныя дѣла въ западной части Балканскаго полуострова по его усмотрѣнію. Надобность въ *неволевымъ* уступкахъ славянамъ, значитъ, множилась, и *славянское богослуженіе*, какъ важнѣйшая изъ этихъ уступокъ и наиболѣе опасная для централизаціонной политики Рима, подверглось сперва стѣсненію, а потомъ и открытому гоненію (начиная со Сплѣтскаго собора 925 г.), причежъ *Глаголика*, говоря простымъ русскимъ языкомъ, попала подъ одинъ обухъ съ *Кириллицей*, болѣе ея ненавистной лишь потому, что она шла изъ Византіи.

Отъ подписи князя зависѣла судьба и самостоятельность хорватской народной церкви. Но, къ сожалѣнію, хорватскій владетель разсудилъ криво, т. е., что право на сторонѣ римской Сплѣтской архіепископіи. Мутимиръ тогда не зналъ, какое онъ зло готовить своему же отечеству, что обнаружилось вскорѣ.

Духовная борьба *Спльта* съ *Ниномъ* продолжалась и вызвала наконецъ соборъ въ *Спльть*. Соборъ этотъ созванъ по предложенію папы, вслѣдствіе обращенія къ нему сплѣтскаго архіепископа съ подчиненными ему епископами и князей *Томислава* хорватскаго и *Михаила* захлумскаго съ ихъ уже давно олатившимися вельможами, около 925 года (см. Farlati, III, 92—93). Отвѣчая на посланіе архіепископа и его суфрагановъ, папа замѣтилъ, между прочимъ, что христіане ихъ паствы, уклоняясь отъ Евангелія и постановленій соборныхъ и апостольскихъ, *увлекаются къ ученію Меводія, котораго нѣтъ между священными писателями*. Вслѣдствіе этого папа предложилъ далматинскому духовенству, вмѣстѣ съ его легатами епископами Іоанномъ анконскимъ и Львомъ правостянскимъ, постараться, чтобы служба совершалась *въ земляхъ славянской по обычаю римской церкви на языкѣ латинскомъ, а не на чуждомъ*. (non autem in extranea). Этимъ посланіемъ даво было направленіе совѣщаніямъ и рѣшеніямъ собора. Десятою статьею его утверждено *полное запрещеніе славянскаго языка въ богослуженіи*, а другою статьею запрещено *возводить славянъ въ санъ священника*¹⁾.

Въ связи съ этими постановленіями Сплѣтскаго собора было другое, касавшееся подчиненности всѣхъ епископовъ хорватодалматинскихъ архіепископу сплѣтскому, вызванное неповиновеніемъ ему *нинскаго* епископа *Григорія*. Этотъ епископъ, считая

---

¹⁾ Далматинскіе сербы не привязали постановленій Сплѣтскаго собора 925 года, начиная съ этого времени, прекратили всякія сношенія съ Римомъ. Такимъ образомъ прямымъ послѣдствіемъ постановленій Сплѣтскаго собора 925 года было отдѣленіе, въ церковномъ отношеніи, сербовъ отъ хорватовъ. Нынѣ въ Далматіи *православіе* сохраняется лишь среди сербскаго и греческаго населенія.

себя пастыремъ хорватовъ, думалъ не только о своей личной независимости, но и о *сохраненіи славянскаго богослуженія для своей паствы* (Farlati, IV, 212—214). Онъ протестовалъ противъ рѣшенія Сплѣтскаго собора 925 г., вызвалъ другой Сплѣтскій соборъ 928—29 года, и *всѣ-таки ничего не успѣлъ*, говоритъ Фарлати (213—214). А Нинское славянское (глаголическое) епископство было совсѣмъ уничтожено, вся *Хорватія* подчинена была Солинской митрополіи (Сплѣту) ¹⁾. Папа Іоаннъ не дожидъ до этого торжества: постановленія этого *второго* собора, направленного противъ *славянской* народной церкви, были утверждены уже его преемникомъ *Львомъ* (съ 928 г. до февраля 929). Князь хорватскій *Томиславъ* получилъ за свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ — *королевскій титулъ*, т. е. продалъ за земныя блага народную совѣсть и душу.

Приговоры Сплѣтскихъ соборовъ 925 и 929 гг., если и были исполняемы, то не вездѣ, и если вездѣ, то не долго. Въ началѣ второй половины XI вѣка оказалась нужда въ новомъ соборѣ. Свѣдѣнія объ этомъ новомъ соборѣ даетъ *Historia Salonitana* Фомы архидіакона, относящаяся къ концу 1059 или 1061 года. На этомъ соборѣ, въ числѣ многихъ другихъ постановленій, рѣшено, чтобы служба *никакъ не совершалась на языкъ славянскомъ*, а только на латинскомъ (для глаголитовъ) и греческомъ (для кирилловцевъ), т. е. для тѣхъ двухъ вѣроисповѣдныхъ славянскихъ группъ, которыя существуютъ въ Хорвато-Далмаціи и понынѣ, и чтобы никто изъ *славянъ* не былъ возводимъ въ санъ священника. При этомъ замѣчено было, что готскія письма (въ смыслѣ еретическихъ, аріанскихъ) были изобрѣтены какимъ-то еретикомъ Меоодіемъ, который де многое написалъ ложно противъ правилъ католической вѣры на славянскомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ все *славянское священство* было поражено большою скорбію, потому что всѣ ихъ церкви были заперты (Farlati, III, 130).

¹⁾ Нинскій епископъ Григорій былъ переведенъ въ Скардонскую епархію, какъ это видно изъ папской грамоты 928 года.

И это рѣшеніе, вѣроятно, не могло снова удержаться на долгое время. Прошло еще столѣтіе, и состоялось новое рѣшеніе— *съ пользу славянскихъ церквей*. Въ просьбѣ своей къ папѣ (Иннокентію IV) сѣнгскій (денгскій) хорватскій епископъ объяснилъ, что въ землѣ Славонской (Хорватской) есть *свои особенныя книги* (*literae speciales*), которыя клирики этой земли считаютъ доставшимися имъ отъ блаженнаго Іеронима (рѣчь идетъ очевидно о *Глаголицѣ*) и которыми пользуются при отправленіи божественной службы (съ 879 года), и что поэтому онъ, епископъ, и проситъ дозволить ему совершать богослуженіе по этимъ книгамъ. Папа Иннокентій IV далъ на это свое согласіе въ посланіи отъ 29 марта 1248 года съ оговоркою, чтобы это дѣлалось только тамъ, гдѣ дѣлалось по прежнему обычаю, и не нарушало закона (*Annal. Raynald. 590*), то есть, чтобы служба совершалась по латинскому обряду. И доселѣ *глаголицы* Сѣнгско-Мадруштской діоцезіи пользуются симъ правомъ, служа по глаголическимъ книгамъ: Миссалу, Бривіарію и Ритуалу.

Такова краткая исторія того церковно-политическаго событія второй половины IX вѣка (879—880 г.), которое вызвало появленіе на свѣтъ *глаголической* письменности.

III.

Обращаясь къ азбукѣ глаголической, отмѣтимъ, чѣмъ *сходна* и чѣмъ *отличается* она отъ Кириллицы:

1) Большая часть ея буквъ по своей формѣ отличается не только отъ кирилловскихъ, но и отъ другихъ извѣстныхъ. Сходны съ кирилловскими: *д, х, м, н, ѳ, ш* (прямо взята изъ нея, прочія съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ въ очертаніяхъ). Иныя отличны отъ нихъ только положеніемъ, или опущеніемъ нѣкоторыхъ чертъ, между тѣмъ какъ главное очертаніе остается то же, таковы: *е (э), ж (з), о (у), к, т*. Иныя похожи на наши скорописныя, таковы: *в* (срав. стар. *ѵ*) и *ю*. Иныя, будучи сходны по формѣ, имѣютъ другое значеніе: *л* употребляемое вмѣсто *ь*,

е вмѣсто а, з вмѣсто р (слѣдовательно сходственныхъ такъ или иначе съ кирилловскими въ Глаголицѣ 14 буквъ).

2) Подборъ буквъ тотъ же: отличены между прочимъ и с отъ з, ѡ отъ о, недостаетъ впрочемъ ѣ, џ. Прибавленъ особый знакъ для j (=и, к: смвj, сije — вмѣсто смпи, спк), который замѣняетъ старо-славянское жд и з (рождство, анжелъ — вмѣсто: рождство, анжелъ).

3) Порядокъ буквъ также одинаковъ, какъ можно видѣть изъ ихъ примѣненія къ употребленію цифрному. Это примѣненіе буквъ къ обозначенію чиселъ также доказываетъ близкое сходство обѣихъ азбукъ: разница значенія буквъ въ этомъ отношеніи происходитъ отъ того, что въ Кириллицѣ взяты для цифръ преимущественно греческія буквы, а въ Глаголицѣ—всѣ буквы по порядку.

4) Характеръ правописанія также одинъ и тотъ же. Сложныя буквы сложены такимъ же образомъ: оу изъ о и у (или изъ о и ѡ), ѡ изъ ѡ и ѡ, ѡ изъ ѡ и ѡ, ѡ изъ ѡ и ѡ, а ѡ изъ ѡ и ѡ. Замѣчательно, что и для ж употребленъ сложный знакъ — изъ о и а (см. статью И. И. Срезневскаго: «Древнія письмена славянскія», Журн. Мпн. Нар. Просв. 1848 г., июль, стр. 49—50).

Для насъ особенно важно первое изъ этихъ указаній такого опытнаго филолога, каковымъ былъ покойный И. И. Срезневскій: что въ *малолитскомъ* алфавитѣ, по его изслѣдованію, *оказываются* изъ всего числа буквъ онаго 14 такъ или иначе сходными съ буквами *кирилловскаго* алфавита, или, зная его старѣйшинство передъ *малолитскимъ*, можно уже утвердительно сказать, что буквы эти взяты *строителемъ* Глаголицы прямо изъ онаго (съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, необходимыми для скрытія источника этого заимствованія для непосвященныхъ въ суть дѣла). А это въ свою очередь служить самымъ *живымъ* доказательствомъ, что *Глаголица* въ періодъ своего *явленія* на свѣтъ Божій, какъ орудіе церковной письменности у хорватовъ, не была *чуждой* или *полной* азбукою, а *составлена* во время надобности (въ 879 г.) изъ двухъ частей: а) 14 буквъ, взятыхъ (съ видоизмѣненіями) изъ Ки-

ршлицы; б) изъ «условныхъ знаковъ» (24-хъ) мѣстнаго (хорвато-далматинскаго) происхожденія, обращавшихся въ народѣ съ болѣе или менѣе давняго времени, въ счетномъ¹⁾, торговомъ (клейма) или хозяйственномъ (рѣзи) значеніи, вѣролѣтѣ же всего въ первомъ, ибо жители Далмато-Хорватскаго приморья издавна славялись какъ искусные моряки, и, какъ таковые, были хорошо знакомы съ восточными народами, чѣмъ и объясняется *сходство* нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ съ буквами разныхъ восточныхъ алфавитовъ, какъ напр. финикійскаго, еврейско-самаританскаго, еоіонскаго и др.

Зная время *появленія Глаголицы* на свѣтъ (879) и то, что она дотолѣ не была полною (*цѣльной*) азбукой, легко отвѣчать на вопросъ, предлагавшійся не разъ со стороны писавшихъ объ обонхъ алфавитахъ: отъ чего монахъ Храбръ въ своемъ сочиненіи «О письменахъ» ничего не уномянулъ о *Глаголицѣ*, какъ особой славянской азбукѣ? Очевидно потому, что если Храбръ, болгарскій писатель X вѣка, писалъ въ первой четверти этого вѣка, то онъ могъ или вовсе ничего еще не знать о Глаголицѣ, или если что-либо и слышалъ о ней, то, по вышесказанному, долженъ былъ причислить ее къ тѣмъ азбукамъ «безъ устроая», близкимъ къ чертамъ и рѣзи, которыя нѣкоторыя славянскія племена употребляли до изобрѣтенія описываемой имъ и восхва-

---

¹⁾ Не были ли это особые знаки для означенія «корабленникамъ» дневныхъ и ночныхъ часовъ? Извѣстно, что *италіанскіе*, общіе же восточные (церковные) часы издревле и доселѣ разнятся отъ западныхъ (считаются отъ восхожденія до захожденія солнца); первый часъ дня — 7-й часъ утра; второй—8; третій—9; четвертый—10; пятый—11; шестой—12; 7—1; 8—2; 9—3; 10—4; 11—5; 12—6, 1 часъ ночи—7; 2—8; 3—9; 4—10; 5—11; 6—12; 7—1; 8—2; 9—3; 10—4; 11—5; 12—6. Составитель Глаголицы Осодосій заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы буквы его *новою* алфавита были для народа, по ихъ отличительному округленому и кудреватому начертанію, болѣе или менѣе знакомы, что и было достигнуто введеніемъ въ составъ его знаковъ, находившихся въ народномъ обращеніи, хотя и въ иномъ значеніи. Нѣкоторые или большинство знаковъ могли быть заимствованы хорвато-далматинцами, какъ моряками, у восточныхъ народовъ, съ которыми они были въ сношеніяхъ, чѣмъ и объясняется сходство части глаголическихъ буквъ съ буквами восточныхъ алфавитовъ.

ляемой азбуки *кирилловской*, очертанія буквъ коей у него означены ясно, не оставляя ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, о какой именно азбукѣ онъ говоритъ. Притомъ же и самая судьба новоизобрѣтенной въ 879 г. Глаголицы, подвергшейся тотчасъ по явленіи своемъ гоненіямъ, наравнѣ съ *Кириллицей*, отъ мѣстнаго латинскаго духовенства, долго висѣла, такъ сказать, на волоскѣ, и прошло не мало времени, пока она завоевала право гражданства у того славянскаго племени, для котораго была составлена.

По какому обряду совершалось славянское богослуженіе въ народной хорватской (говоря нынѣшнимъ языкомъ, униатской) Нинской епископін съ 879—928 г.? Мы не обвиняемъ отвѣчаемъ на это: по греческому обряду, какъ сіе было допущено въ Мораво-Паннонской епархіи, съ тою существенною разницею, что въ Хорватской епископін служба совершалась по переложеннымъ на *Глаголицу* съ Кириллицы: Служебнику, Псалтыри, Часослову, Октоиху и Миней. Доказательствомъ сего служатъ уцѣлѣвшіе переводы глаголическихъ Служебника, Псалтыри и Молитвослова (Часослова?), о чемъ свидѣтельствуемъ Шафарикъ (см. его сочиненіе о Глаголицѣ. Русскій переводъ въ Читеніяхъ 1860 г., кн. IV, отдѣлъ III, стр. 22). А какъ есть и глаголическій переводъ латинскаго Миссала (кіевскіе листки), то надобно полагать, что послѣ Сплѣтскихъ соборовъ 928—29 и 1059 годовъ хорваты *глаголиты* (по обряду греко-униаты) вынуждены были мало по малу сдѣлать в эту *уступку* латинской церкви (т. е. сдѣлаться по обряду просто униатами-латинами), дабы имѣть возможность продолжать (полуофициально) и послѣ *запрещенія* славянское богослуженіе въ своей странѣ, что и дѣйствительно имъ удалось: иначе бы сѣнгскій епископъ не могъ въ 1248 году свидѣтельствовать римскому престолу, что *нѣкоторые* изъ его паствы продолжаютъ держаться *особыхъ книгъ*, утверждая, что они ихъ получили въ наслѣдство отъ блаженнаго Іеронима, почему и счелъ себя въ правѣ ходатайствовать у папы Иннокентія IV о разрѣшеніи таковымъ славянскаго богослуженія по ихъ особымъ (глаголическимъ) книгамъ, что и было дозволено,

но только тамъ, гдѣ оно *держалось* до этого времени, и непремѣнно по *латинскому* обряду, т. е. по *Миссалу*, а не по *Служебнику*.

Изъ западныхъ ученыхъ знаменитый Добровскій первый имѣлъ мужество безпристрастно заявить, что по его мнѣнію *Глаголица* обязана своимъ появленіемъ хорватскимъ священникамъ, которые, какъ любители славянской литургіи, чтобы спасти ее для своего народа отъ гоненія, воздвигнутаго (латинскимъ духовенствомъ) на греко-славянское (кирилловское) письмо, изобрѣли въ XII или XIII вѣкѣ, гдѣ-то у себя (въ Хорвато-Далмаціи) глаголическую письменность (Глаголицу).

По его мнѣнію Ассеманіево (Ватиканское) Глаголическое Евангеліе относится къ XIII вѣку и, вѣроятно, переписано съ кирилловской рукописи (Instit. linguae Slavicae vet. dial., p. 688).

Радуюсь, что мои изысканія, предпріятыя совершенно независимо отъ упомянутаго мнѣнія Добровскаго, вывели меня на ту же дорогу, и что мнѣніе его вполне оправдалось, хотя и оказалось притомъ, что *Глаголица* подходитъ къ Кириллицѣ гораздо ближе по времени, чѣмъ предполагалъ Добровскій, будучи моложе ее всего на 17 лѣтъ (879 г.). Мнѣніе же Добровскаго, что Ассеманіево Глаголическое Евангеліе (и остальные: Зографское и Маринское) списано (и передѣлано) съ кирилловской рукописи (X вѣка), вполне подтвердилось. Отношеніе же глаголическаго списка къ Болгаріи состоитъ лишь въ томъ, что онъ списанъ въ Хорвато-Далмаціи съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ, судя по мѣсяцеслову, не позже 946 года. А глаголическая рукопись попала на родину своего кирилловскаго прототипа (въ Девольскій монастырь пр. Наума) въ ту пору, когда циклъ гоненій на славянское богослуженіе въ Хорвато-Далмаціи (925—1064) достигъ своего апогея на Сплѣтскомъ соборѣ 1064 г. и славянское богослуженіе официально дѣйствительно (на время) прекратилось въ Хорватіи. Древнія глаголическія богослужебныя книги перешли тогда въ руки тогдашнихъ славянскихъ старовѣровъ-богомилловъ и разнесены

ним по всему славянскому міру ¹⁾). Наступила и другая пора, когда на Востокѣ, вмѣстѣ съ преслѣдованіемъ богомилловъ, стали преслѣдовать и приютившуюся у нихъ Глаголицу, что и было поводомъ къ уничтоженію ея памятниковъ. То, что дошло до насъ, уцѣлѣло очевидно случайно, въ монастырскихъ книгохранилищахъ: на Афонѣ (въ славянскихъ обителяхъ)—Евангелія Зографское и Маринское, а въ Девольскомъ монастырѣ пр. Наума нынѣшній Ватиканскій «Евангельскій Изборъ». Докторъ Ф. Рачкій, въ предисловіи къ изданію Ватиканскаго Евангелія (1865 г.), не смотря на свое видимое увлеченіе «паннонскими» гаданіями Кошутара и его послѣдователей, мѣстамъ проговаривается и близко подходит къ правильному взгляду на *Глаголицу*; такъ напри- мѣръ, между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «не даромъ хорваты въ старое время называли Глаголицу *своею* азбукою», и въ другомъ: «какъ бы ни было, но мы ежегодно узнаемъ кое-что, кромѣ голыхъ историческихъ извѣстій, о судьбахъ и борьбѣ славянской церкви съ латинскою въ Хорватской державѣ въ X и XI столѣтіяхъ, и теперь знаемъ, нбо имѣемъ явное доказательство, что нѣкогда у хорватовъ, въ X и XI вѣкѣ, господствовали въ церкви славянскій языкъ и *округлая* Глаголицца», и, какъ бы спохватившись, слѣдуетъ прибавить: *какъ и оз Болгаріи*. Спрашиваемъ, при чемъ тутъ Болгарія? Извѣстно, что въ Болгаріи въ то же время господствовало славянское богослуженіе и *кормленовская* письменность, принесенная туда учениками св. Меодія

¹⁾ Вопросъ о томъ, какъ нѣкоторые памятники *Глаголицы* древѣйшаго періода, который глаголиты-католики тенденціозно называютъ болгарскимъ, попали съ своей родины Хорватско-Далмаціи въ Болгарію, изъ русскихъ списковъ разрѣшить всего подробнѣе и основательнѣе въ статьѣ о Глаголицѣ покойнаго А. Е. Викторова, написанной имъ въ 1859—1860 гг. въ прибавленіи къ извѣстному «Послѣднее мнѣніе» о Глаголицѣ Шафарика (см. Лѣтописи Русской Литературы, кн. IV, 1859 г., и кн. V, 1859—1860 г.). Замѣчательная статья эта была оставлена со стороны глаголитовъ-католиковъ безъ отвѣта, ибо дѣйствительно дѣлаетъ ихъ «безотвѣтными» предъ судомъ здравой критики и взгляда, чуждаго узкой тенденціозности и «приходскаго» патриотизма. Эта статья, одобренная О. М. Бодянскимъ, къ сожалѣнію осталась недоконченною, и наша настоящая статья можетъ быть названа ея продолженіемъ.

(† 885 г.) послѣ его кончины. Главнымъ же мѣстомъ ихъ святой дѣятельности были Охридскіе предѣлы (Кумчевица); вотъ почему оттуда и происходятъ *кирилловскіе* оригиналы, съ которыхъ переписаны на Глаголицу дошедшіе до насъ древнѣйшіе ея памятники. Просто и ясно, но не для тѣхъ, которые во что-бы то ни стало желаютъ выдавать «паннонскія» гаданія Копитара за сущую истину, не имѣя на то никакихъ доказательствъ.

IV.

Главная отличительная черта глаголическаго извода евангельскихъ чтеній отъ кирилловскаго состоитъ въ томъ, что глаголическій текстъ при передѣлкѣ онаго (съ первоначальнаго кирилло-меоодіевскаго перевода въ 880 г.) *согласованъ* (на слѣхъ) съ латинскою вульгатой¹⁾, къ которой, какъ извѣстно, кирилловскій переводъ 862 г. съ греческаго не имѣетъ никакого отношенія. Изъ западныхъ ученыхъ знаменитый Добровскій старался опредѣлять и установить отношенія первоначальнаго перевода Св. Писанія, особенно же Евангелія и Апостола, къ подлинному греческому тексту, и пришелъ въ этомъ отношеніи къ тому заключенію, что первоначальный древній переводъ Евангелія и Апостола совершенъ въ IX вѣкѣ Кирилломъ и Меоодиємъ непосредственно съ греческаго языка по рукописямъ такъ называемой константинопольской византійской редакціи, безъ всякаго пользованія при семъ латинскою вульгатой (Dobrovsky «Glagolitica», 1807, p. 68—82). При внимательномъ же изслѣдованіи глаголическаго текста оказывается, что онъ не только сленченъ, но по возможности весь *согласованъ* съ латинскою вульгатой. Можно даже прослѣдить механизмъ этого труда. Совер-

¹⁾ Это замѣтилъ и Шафарикъ, выразившись, что переводчикъ (передѣлыватель) *справлялся* съ вульгатой «*že puvodce hlabolaké rosení namíši do Vulgaty*», потому что латынь была въ большомъ употребленіи въ той странѣ, въ которой онъ жилъ (въ Хорватіи и Далмаціи), и, слѣдовательно, не могла быть ему неизвѣстной, а съ ней и вульгата (Památky hlabolakého písemnictví. Praha 1863 г., XXXVI—XXXVII—XXXIX).

шпившій оный имѣлъ передъ собою всего лишь два источника: списокъ кирилло-меоодіевскаго перевода в вульгату, и вовсе не заглядывалъ въ греческіе кодексы (вѣроятно, по незнанію греческаго языка). Доказательствомъ сего служитъ то, что онъ, недоумѣвая иногда, какъ измѣнить *слово* въ кирилло-меоодіевскомъ текстѣ, рѣшалъ это просто, ставя рядомъ и слово, находившееся въ кирилло-меоодіевскомъ спискѣ, и новое *слово*, которымъ онъ его замѣнялъ съ цѣлію, чтобы оно было ближе къ вульгатѣ, чѣмъ къ греческому тексту. Относительно *иностранныхъ* словъ замѣтно, что трудившійся надъ *измѣненіемъ* кирилло-меоодіевскаго текста, въ пользу хорватскаго нарѣчія, нѣкоторыя изъ этихъ *словъ*, уже переведенныя на славянскій языкъ въ списокъ кирилло-меоодіевскаго текста, оставлялъ не переведенными, потому только, что они остались непереверденными въ вульгатѣ.

Кромѣ перестановки въ новомъ текстѣ словъ, въ соотвѣтствіе тексту вульгаты, мѣстами встрѣчаются цѣлыя выраженія, измѣненныя противъ кирилло-меоодіевскаго текста, единственно для того, чтобы она соотвѣтствовала тексту вульгаты.

Такое явное и умышленное предпочтеніе вульгаты греческому тексту, съ котораго, какъ всѣмъ извѣстно, переведены первоначально Кирилломъ и Меоодіемъ Евангеліе и Апостолъ, ясно доказываетъ до очевидности, что вся эта работа не могла быть дѣломъ рукъ свв. Кирилла и Меоодія, а есть, какъ мы выше видѣли, дѣло рукъ *новатора*, имѣвшаго свои предвзятія цѣли, такого лица, которое притомъ вовсе не знало греческаго языка ¹⁾.

И такъ, что же такое глаголическіе тексты евангельскихъ

---

¹⁾ (я. въ приложеніи *различенія* тѣхъ мѣстъ Зографскаго Глаголическаго Евангелія, которыя подтверждаютъ высказанныя выше замѣчанія о согласованіи глаголическаго текста съ-латинскою вульгатою. Это сравненіе обязательно сдѣлано для насъ однимъ изъ преподавателей Московской Духовной Академіи, которому и приносимъ нашу глубокую благодарность. Равно прилагаемъ и замѣтки объ Ассеманіевомъ Евангеліи, написанныя извѣстнымъ изслѣдователемъ славянскаго перевода Апостола, профессоромъ Моск. Дух. Академіи Г. А. Воскресенскимъ, по прочтеніи имъ настоящей статьи въ рукописи.

чтеній? Это, повторимъ, есть *видозмѣненіе*: или *передѣлка* кирилло-меоодіевскаго текста евангельскихъ чтеній (862 г.), съ примѣненіемъ этой передѣлки въ пользу, какъ доказалъ г. Ягичъ въ своемъ изслѣдованіи о Маріинскомъ Евангеліи (1883 г.), *хорватскаго нарѣчія*, передѣлка, согласованная на сгѣхъ притомъ съ латинскою вульгатою, въ явный ущербъ первоначальному кирилло-меоодіевскому переводу съ греческаго языка, ибо сіе пужно было, какъ выше замѣчено, по силѣ обстоятельствъ. Передѣлка эта предпринята была въ предѣлахъ Хорватско-Далматскаго княжества IX вѣка (въ Далмаціи) въ 879—880 годахъ, на что ясно указываютъ церковно-политическія событія въ Хорватско-Далматскомъ княжествѣ между 870—891 г.г.

По раздѣленіи церквей, *Кириллица* окончательно сдѣлалась знаменемъ для *греко-православнаго* исповѣданія, а *Глаголица*, по силѣ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствъ на ея родинѣ (въ Хорватско-Далматскомъ княжествѣ), сдѣлалась орудіемъ письменности славянскихъ старообрядцевъ-еретиковъ *блгомысловъ* или *патареновъ*. Въ силу гоненій, обрушившихся на нихъ со стороны византійскаго духовенства и правительства всѣхъ православныхъ славянскихъ церквей, зависѣвшихъ или бывшихъ только въ духовной связи съ греческою церковію, — истреблены почти всѣ памятники глаголической письменности, въ числѣ которыхъ были и древніе (X—XI вв.), не имѣвшіе въ себѣ ничего еретическаго. Изъ своей родины (Хорватско-Далмаціи) часть этихъ памятниковъ, вѣроятно благодаря тѣмъ же богомиламъ, разсѣялась по всему славянскому міру, и попала даже къ франкамъ; но сохранились лишь тѣ, которые, вѣроятно еще въ XIII—XIV вв., попали *случайно*¹⁾ въ библіотеки аюонскихъ славянскихъ обителей. Таковы

¹⁾ Это ясно и убѣдительно доказано въ извѣстной статьѣ покойнаго А. Е. Викторова (противъ Шафарика). См. Лѣтописи русской литературы, годъ 1859—1860, книга 5, статья II, стр. 30—39. Въ силу тѣхъ же доказательствъ подлежитъ *указанію* и тенденціозное раздѣленіе памятниковъ Глаголицы на *болгарскіе* и *хорватскіе*. Имѣются лишь одни *хорватскіе* (вообще западные) двухъ разрядовъ: древнѣйшіе съ X до половины XIII вѣка (округленная Глаголица), позднѣйшіе съ половины XIII вѣка (продолговатая Глаголица).

оба древнѣйшіе списка Глаголическихъ Четвероевангелій: Зографское X вѣка и Маріинское XI вѣка.

Глаголица (879 г.), хотя и есть *сидонизмъ* первоначальнаго кирилло-меоодіевскаго текста, согласованнаго съ латинскою вульгатою, всё-таки можетъ быть названа братомъ Кириллицы (862 г.) по языку, но братомъ отнюдь не старшимъ, какъ проповѣдуютъ Конитаръ и его послѣдователи, а *младшимъ* (какъ напримѣръ Псковъ въ отношеніи Новгорода).

Глаголица осталась, какъ доказалъ И. В. Ягичъ, памятникомъ *старано хорватскаго* нарѣчія, а *Кириллица*—памятникомъ древняго *церковно-славянскаго* языка. Этимъ именемъ изъ западныхъ ученыхъ Добровскій, а изъ русскихъ Востоковъ, Бодянский и Срезневскій справедливо называютъ языкъ первоначальнаго кирилло-меоодіевскаго перевода, умышленно избѣгая его называть иначе (болгарскимъ или сербскимъ), дабы не подать повода къ недоразумѣнію. Въ сущности это языкъ македонскихъ славянъ, частіе же славянъ Солунской византійской темы. Солунская же тема была родина нашихъ славянскихъ первоучителей свв. Кирилла и Меоодія, которые (всё равно, былъ ли ихъ родъ греческій или славянскій) съ дѣтства отлично знали славянскій языкъ, что исторически засвидѣтельствовалъ византійскій императоръ Михаилъ, который, посылая ихъ въ Моравію и Паннонію, между прочимъ сказалъ имъ: «вы есте солунине, а солунине вси чисто бесѣдуютъ по славянски».

Древнѣйшимъ памятникомъ кирилло-меоодіевскаго первоначальнаго перевода остается нынѣ наше Остромирово Евангеліе 1057 г., прототипъ котораго, какъ мы уже указали, по свидѣтельству его мѣсяцеслова, писанъ въ X вѣкѣ въ предѣлахъ Охридской архіепископіи, входившей до 1018 г. въ предѣлы тогдашняго перваго Болгарскаго царства.

Остромирову Кирилловскому Евангелію и предлежитъ честь именоваться «истиннымъ зеркаломъ древняго церковно-славянскаго языка», какъ второму списку съ первоначальнаго кирилло-меоодіевскаго перевода, безъ всякихъ произвольныхъ и тенден-

ціозныхъ передѣлокъ, съ небольшимъ, и то случайнымъ, зміненіями, указанными А. Х. Востоковымъ, а не Зографскому, какъ тоже второй копія съ первоначального мѣоодіевскаго перевода, но такой, которая передѣлана, хотя и съ благими, но всё-таки тенденціозными цѣлями.

Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшій памятникъ *Кириллицы*, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ его прототипъ кирилло-мѣоодіевскаго перевода — знаменемъ православныхъ славянъ, порученнымъ Промысломъ Божиимъ храненію русскаго народа. Вѣрность этому знамени служитъ символомъ святаго чашія, что грядетъ часъ, когда и всё остальные славяне, убѣдясь, что наступило и для нихъ время духовнаго единства, свободно и радостно соберутся подъ это обще-славянское знамя и, вмѣстѣ съ его хранителями, воспоютъ едиными усты (глаголы) и единымъ сердцемъ знаменательную пѣснь, твореніе царственнаго пѣснотворца X вѣка, царя Льва Премудраго, которая пѣкогда оглашала своды Цареградской Софіи: «Прійдите людіе, Трїностасному Божеству поклонимся, Сыну во Отцѣ, со Святымъ Духомъ: Отець бо безлѣтно роди Сына соприсносущна и сопрестольна, и Духъ Святый бѣ во Отцѣ, съ Сыномъ прославляемъ; едина сила, едино существо, едино Божество. Ему же поклоняющесе вси глаголемъ: Святый Боже, вси содѣявый Сыномъ, содѣйствомъ Святаго Духа; Святый крѣпкій, Имже Отца познахомъ, и Духъ Святый прїиде въ міръ; Святый безсмертный, утѣшительный Душе, отъ Отца исходяй, и въ Сынѣ почиваяй: Троице Святая, слава Тебѣ».

ПРИЛОЖЕНИЯ.

А.

Что оказывается изъ сличенія евангельскаго текста глаголическаго Зографскаго Евангелія (X вѣка) съ латинскою вульгатою.

Зографскій текстъ *не есть переводъ съ оуматы*: это въ сущности—отпрыскъ того же первоначальнаго перевода, который дошелъ до насъ въ спискѣ Остромира. *Первоначальный текстъ перевода, сдѣланнаго по греческому оригиналу, въ Зографскомъ спискѣ является приспособленнымъ къ особенностямъ сербохорватскаго нарѣчія и правленнымъ по оуматъ.*

Привожу наиболѣе ясныя примѣры вліянія вульгаты, слѣдующаго порядку евангелистовъ.

Мѡ. 4, 3: «І пристѣпн къ ѿмоу дѣволъ іскоушаѧ и і рече соотвѣтствуетъ латинскому: et accessit ad eum tentator diabolus et dixit (ср. Остр.).

4, 6: «поусти себе долу» = mitte te deorsum.

4, 18: «рыбарѣ» = piscatores (гр. ἄλις).

6, 30: «въ огнѣ» = in ignem (по др. въ пещь, греч. κλίβανον).

18, 12: «етероу» = alicui (вм. іетероу дрогоуоуму человѣку).

22, 35: «законооучителъ» = legis doctor (по гр. νομικός = законникъ).

26, 4: «и съвѣтъ сътвориша» = consilium fecerunt (Остр.: и съвѣщашася = гр. συνεβουλεύσαντο).

Луки 5, 26: «дивьна» = mirabilia, вм. прѣславьна = παράδοξα.

11, 3: «надѣневъныи» = cotidianum.

Іоанна 1, 12: «власть» вм. «область» напоминаетъ скорѣе латинское potestatem, чѣмъ греч. ἐξουσίαν.

- 1, 26: «крыштаж *сы*». «Вы» прибавлено, согласно съ латинскими кодексами (Vercellensis и Veronensis).
- 1, 27: Цѣлый стихъ, имѣющій въ подлинникѣ и переводахъ множество вариантовъ, въ Зографскимъ кодексѣ стоитъ ближе всего къ редакціи вульгаты.
- 1, 36: «ходашта» вм. «идуща» (въ Остромировомъ) согласно лат. *ambulantem*.
- 1, 44: «И гла ему Исъ». «Исусъ» прибавлено, какъ въ кодексахъ Vercellensis, Veronensis и Colbertinus.
- 2, 14: «овьца і вогы» = *oves et boves* въ кодексѣ Vercellensis (порядокъ словъ).
- 6, 17: «*сы галилж*».
- 6, 18: «по морю же вѣтроу великоу дыхаѣштю» = *mare autem vento magno flante* (Остр.: «море же вѣтру велику вѣстаяше»).
- 6, 42: «Не съ ли есть снѣ іосифовъ». Опущено «Исусъ», какъ въ кодексахъ Veronensis и Colbertinus.
- 8, 27: «Ѣко оца імѣ глааше Баі». «Богъ» присоединено, какъ въ кодексахъ Cantabrigiensis, Vercellensis и Colbertinus.
- 8, 33: «отвѣшташа емоу іудси». «Іудей» прибавлено, какъ въ кодексѣ Vercellensis.
- 10, 10: «и лише нмутъ» опущено, какъ въ кодексѣ Cantabrigiensis.

Число примѣровъ можетъ быть значительно увеличено.

Мы сдѣлали подробное сличеніе текста Зографскаго Евангелія въ Евангеліи отъ Матѳея 3—10 и въ Евангеліи отъ Іоанна 1—11 со спискомъ Остромировымъ, греческими кодексами и кодексами вульгаты.

Достойно замѣчаніе, что латинскіе кодексы, съ которыми приходится нанчаще встрѣчаться при сличеніи, ведутъ свое происхожденіе изъ Сѣверной Италиі и заключаютъ въ себѣ или Четвероевангеліе, или Четвероевангеліе съ Дѣянїями Апостольскими.

В.

Объ Ассеманіевомъ Евангеліи.

Сравнивая глаголическое Ассеманіево Евангелие-апракосъ съ Остромировымъ, находимъ въ первомъ слѣдующія особенности, свидѣтельствующія о вліяніи на глаголическій текстъ вульгаты.

Лук. 2, 43. Остром.: и не чоу носифъ и мати кго (греч. *καὶ οὐκ ἔγωγε Ἰωσήφ καὶ ἡ μητὴρ αὐτοῦ*). Въ глаголическомъ Ассеман. Евангелии: и не чюсте *родителъ* (Вульг.: *et non cognoverunt parentes ejus*).

5, 26. Остром.: ѿко видѣхомъ *пръсловами* дьпсь (παράδοξα). Ассем.: ѿко видѣхомъ *дивьмаи* дьпсь (Вульг.: *mirabilia*).

Иоан. 4, 34. Остром.: да сътворѣ волѣкъ посьлавъшааго ма и съврѣшѣ дѣло кго (греч. *ποιήσω—τελειώσω*). Ассем.: да творѣкъ волѣкъ посьлавъшааго ма и съврѣшѣ дѣло его (Вульг.: *ut faciam voluntatem — — ut perficiam*).

9, 8. Остр.: ꙗко *смызъ бѣ* (ὅτι τυφλὸς ἦν). Ассем.: ѿко *просителъ* бѣ (Вульг.: *quia mendicis erat*).

12, 47. Остром.: и аще кѣто оуслышпть глѣты мои и не вѣроуистъ (*καὶ μὴ πιστεύσῃ*). Ассем.: и аште кто оуслышпть глаголы мои и не *схранимъ* ихъ (Вульг.: *et si quis audierit verba mea, et non custodierit*).

Греческія слова, переведенныя въ Остромировомъ Евангелии, въ Ассеманіевомъ глаголическомъ оставлены безъ перевода, при чемъ исправитель могъ имѣть въ виду вульгату. Такъ:

Матѣ. 24, 51. Остром.: и часть его съ лицемъ бры положить (*μετὰ τῶν ὑποκριτῶν*). Ассем.: и часть его съ упокрыты положить (Вульг.: *cum hypocritis*).

Марк. 15, 45. Остром. *въ исд. 3-ю по Пасхѣ*: и оувѣдѣвъ отъ *сѣмьника* (ἀπὸ τοῦ κεντυρίωνος). Ассем. также: *отъ*

сѣтъника. Но другіе глаголическіе списки Евангелія, именно Зографскій и Маріинскій, читаютъ здѣсь: *отъ кенѣтouriона* (Вулг.: a centurione).

Наоборотъ, Иоан. 4, 31; 9, 2: Остром.: *rhoon*, Ассем.: *ouritcau* (Ραββι, Rabbi).

Отмѣтимъ теперь особенности перевода Ассеманіева списка: указывающія на его юго-западное происхожденіе (старо-хорватское нарѣчіе):

Матѣ. 10, 29: не дѣвѣ ли птици на асарніи *отънимъ есте* (πωλειται). Остром.: *дѣнимъ есте*.

28, 8: и шедъши *кадро* отъ гроба (τάρυ). Остром.: *скорю*.

Иоан. 1, 14, 18; 3, 18 *μονογενής* перев. *пночадъин*. Остром.: *кадпночадъин*.

4, 14: нъ вода *каже* азъ дамъ смоу бждеть въ немъ *источьникъ* воды въслѣплжштаіа въ живогъ *вѣчыгын* (—πηγή ύδατος ἀλλομένου εις ζωὴν αἰώνιον). Остром.: воды *встѣкажщадѣж* въ живогъ *вѣчыгын*.

5, 5; 6, 64; 9, 16; 11, 49: *тѣс* перев. въ Ассем. *стеръ*, въ Остром.: *кадинъ, дроугын, пѣктын*. Только Иоан. 7, 25, 41: *тѣс* и въ Остром.: *стери*.

15, 25: *ѣко* възненавидѣша ма спыти (*δωρεά*). Остром.: *без оума*.

19, 1: тогда Пилать поимт Іеуса и *тѣс* и (*εμαστιγώσεν*, flagellavit). Остром.: *би*.

21, 19: се же рече *кленла* *кокиж* *сърьтънж* прославитъ Бога (*σημαίνων*, significans). Остром.: *знаменаѣа*.

Другія, менѣе важныя, отличія Ассеманіева списка отъ Остромирова указаны въ трудѣ И. И. Срезневскаго: «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками крпльицы», Сиб. 1866, стр. 71—72.

В.

Судьбы Кириллицы и Глаголицы въ IX, X и XI столѣтіяхъ.

862 г. Изобрѣтеніе *Кириллицы св. Кирилломъ*. Свв. братья солунцы Кирилъ и Меодій переводятъ съ греческаго на славянскій языкъ священныя книги (Изборъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, Псалтирь, Службеникъ, Часословъ, Общую Минею) и вводятъ въ Велико-Моравской державѣ славянское богослуженіе и кирилловскую письменность.

Въ 862—867 г.г. славянское богослуженіе и *Кириллица* введены въ Сербіи при князѣ Муштимирѣ.

869 г. Преставленіе пр. Кирилла, изобрѣвшаго *Кириллицу*.

Въ 870 г. въ Болгаріи окончательно введено славянское богослуженіе и *кирилловская* письменность.

870 г. Распря Рима съ Византією за церковное преобладаніе надъ южными славянами.

873 г. Крещеніе св. Меодіемъ чешскаго князи *Боривою* и св. Людмилы.

Славянское богослуженіе и
Кириллица.

877 г. Хорватскій князь *Сдеславъ* дѣлается подручникомъ Византіи. Пр. Кирилъ и его ученики ввели въ Хорвато-Далматской державѣ славянское богослуженіе и кирилловскія книги еще въ 862—867 г.г.

879 г. Князь Сдеславъ убитъ *Бранимиромъ*, который, опасаясь мщенія Византіи, передается Риму.

Кириллица (у далматинскихъ сербовъ) въ Приморья съ 880 г. подверглась гоненію латинъ наравнѣ съ Глаголицею (хорватовъ) со стороны мѣстнаго латинскаго духовенства (Сплѣтской архіепископіи); этому духовенству не было никакого дѣла до различія *алфавитовъ*; оно видѣло одно, что разрѣшеніе *славянскаго богослуженія* грозитъ ему лишеніемъ славянской паствы. Гоненіе это съ 882 г., т. е. со смерти палы Іоанна VIII, усилилось, но содѣйствіе олатиненныхъ князя и его вельможъ и довело до Сплѣтскаго собора 925 года, на которомъ *опероме славянское богослуженіе* было запрещено вообще, какъ для сербовъ — послѣдователей Ки-

879 г. Нѣкто діаконъ *Бедосій*, родомъ славянинъ (хорватъ), желая спасти полюбившееся хорвато-далматинцамъ *славянское богослуженіе*, придумалъ для этого слѣдующее: посоветовалъ князю *Бранимиру* отступить отъ *Византіи* и стать подъ покровительство *Рима*, а самъ составилъ изъ *Кириллицы* и народныхъ «условныхъ знаковъ» счетнаго или торговаго значенія *Глаголицу*, переписавъ ею кирилловскій переводъ св. Евангелія, примѣнивъ оный къ хорватскому нарѣчію и по возможности *согласивъ* съ латинскою вульгатой, вошелъ въ сношеніе съ папой (Іоанномъ VIII), принялъ отъ Рима посвященіе во епископа (въ 879 г.) и благословеніе совершать въ его *Нинской* епархіи славянское богослуженіе по изготовленнымъ имъ *глаголическимъ* книгамъ (въ 880 г.).

рлявцы, такъ и для хорватовъ — послѣдователей Глаголицы.

Сербамъ позволялось служить по гречески, а хорватамъ велико служить по латыни.

885 г. Преставленіе св. Меодія.

886—1018 г.г. По кончинѣ св. Меодія ученики его, во главѣ коихъ стоялъ *Климентъ* (болгаринъ), Паумъ Ангеларій *Гораздъ* (моравлянинъ) и *Лаврентій*, гонимые въ Моравіи нѣмецкимъ (тогда латинскимъ же) духовенствомъ, перешли въ Болгарію, подъ покровительство царя Бориса (Михаила), который отдалъ въ церковное управленіе Климента, какъ епископа величскаго, третью часть Македонію отъ Солуна до Иерихона (нынѣ Орха) и *Копина* въ Албаніи; они поселились въ юго-западномъ углу Македоніи (Кутявичевца) въ предѣлахъ Охридскихъ и продолжали свою святую дѣятельность. Скоро *Охридъ* сдѣлался центромъ духовнаго просвѣщенія македонскихъ славянъ, и списки св. книгъ, распространяемые учениками *седмочисленниковъ*, разошлись по всему славянскому міру. Одинъ изъ этихъ

Такова *первая* славянская унія съ римскою церковію.

Но латинское духовенство римскихъ городовъ Далмаціи, опасаясь потерять свою славянскую паству, во главѣ со *смитскимъ* архіепископомъ, воздвигло гоненіе, какъ на послѣдователей *Кириллицы*, такъ и на *глаголицовъ*, направляя его вообще противъ *славянскаго боюслуженія*. Отсюда начало долговременной борьбы латинъ со славянами: латинскаго *Смита* съ славянскимъ *Никомъ*.

891 г. По жалобамъ латинскаго духовенства папа Стефанъ VI пишетъ къ *Неодокію*, повелѣвая ему ограничиваться предѣлами своей епархіи и не считать себя владыкою славянъ всей Хорвато-Далмаціи. Пресмыкаясь *Неодосію*, епископъ *Альфредъ*, продолжаетъ борьбу съ Силѣтомъ.

923 г. Византія помпиралась съ Римомъ, будучи въ опасности отъ *Симона*, царя болгарскаго.

925 г. Силѣтскій соборъ, на коемъ св. Меодій объявленъ еретикомъ, а книги его (*Кириллица*) обозваны *еретическими* и *лотскими*. Нинская *глаголицеская* епархія пощажена, но урѣ-

списковъ послужилъ прототипомъ нашего *Остромирова* Евангелія. Онъ писанъ не позже 960 г., къ которому относится кончина значащагося въ его мѣсяцесловѣ св. *Григорія*, епископа мизійскаго, который упоминается въ греческой надписи 1020 г., открытой профессоромъ Григоровичемъ въ развалинахъ церкви св. Софїи Охридской. Этотъ Григорій, въ санѣ пресвитера и судьи всѣхъ церковниковъ, былъ сотрудникъ царя Симеона, составилъ для него первый славянскій хронографъ и перевелъ хроникку Георгія Амартола. *Охрида* процвѣтала и во второе Болгарское царство при его основателѣ *Симунѣ* (976—1018); съ 1018 г. началось ея огречиваніе.

988 г. Великій князь кievскій Владимиръ крестилъ русскій народъ.

Православная славянская (сербская) община въ Далмаціи съ славянскимъ богослуженіемъ и *Кириллицею*, гонимая и никѣмъ не защищаемая, однако чудомъ Божіей благодати уцѣлѣла доселѣ. Нынѣ въ Далмаціи двѣ сербскихъ православныхъ епархїи: *Задарская* и *Которская*. Въ

зана и права ея ограничены. Славянское богослуженіе запрещено. Епископъ народной хорватской церкви *Григорій* протестуетъ къ папѣ, но безуспѣшно.

928—29 г. Второй соборъ въ Соливѣ (*Силгѣтъ*). *Славянское богослуженіе* вторично запрещается. Нинская епархїя *утраджена*, но борьба этимъ не окончилась.

1059 г. Третій соборъ въ *Силгѣтъ* и третье запрещеніе *славянскаго богослуженія*.

1248 г. *Глаголицы* находятъ себѣ защитника въ лицѣ папы Иннокентія, который дозволилъ имъ снова славянское богослуженіе по *глаголическимъ* книгамъ съ нѣкоторымъ сближеніемъ онаго съ латинскимъ обрядомъ.

Глаголицы тоже уцѣлѣли въ Сѣнско-Мадруштской діоцезїи; они отправляютъ славянское богослуженіе (литургію) по древнимъ глаголическимъ книгамъ, которыми народъ дорожитъ какъ драгоценностію и ревниво оберегаетъ отъ нападеній, а таковыя не прекращаются и до-

первой, раздѣленной на 5 протонопій, находится: 49 приходовъ, 49 приходскихъ и 10 филиальныхъ церквей, 3 монастыри (Крупа, Крка, Драговичь), 213 селъ и 53,949 прихожанъ.

Во второй, раздѣленной на 3 протонопии, находится: 66 приходовъ, 69 приходскихъ и 107 филиальныхъ церквей, 8 монастырей (Саввина, Листва, Бани, Градиште, Режевичь, Прасковица, Дульво и Майне), 217 селъ и 27,821 прихожанъ (см. Хорватія, Славонія и Далмація Л. В. Березина, 1879 г., т. II, стр. 130—131).

Такимъ образомъ событія, оставившія свои слѣды на страницахъ хорватской исторіи, подтверждаются и *личностію* двухъ вѣроисповѣдныхъ славянскихъ общинъ, сохранившихъ доселѣ въ отечествѣ Глаголицы—Хорвато-Далмаціи съ славянскимъ богослуженіемъ по *кирилловскимъ* и *глаголическимъ* кнѣгамъ. Дѣло говоритъ само за себя, но хорватскіе ученые, проникнувшись тенденціозными гаданіями Кошгара (на латинской подкладкѣ), столь льстивыми ихъ племениному (по Бодянскому «приходскому») патриотизму, всѣ свои ученія изысканія объ отношеніяхъ Глаголицы къ Кириллицѣ очевидно гнутъ на сторону паннонскихъ гаданій Кошгара, блистательно опровергнутыхъ въ сочиненіи нашего незабвеннаго и правдиваго слависта и филолога О. М. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (т. е. Кириллицы). Пусть же кто нибудь изъ этихъ ученыхъ напишетъ такое же сочиненіе о времени и происхожденіи пресловутой *Глаголицы*, которую по заявленію доктора Ф. Рачкаго

предки нынѣшнихъ хорватовъ называли (и прибавимъ справедливо) *своею* азбукою. Пусть укажутъ (върѣе нашего), гдѣ, когда, почему и для чего появилась Глаголица впервые на церковно-политическомъ поприщѣ, и тогда окажется: устоятъ ли Конитаровы гаданія противъ доказательствъ, собранныхъ О. М. Бодянскимъ въ его вышеупомянутомъ сочиненіи относительно *Кириллицы* и ея вліянія на судьбы славянства, оставшагося при ея помощи въ церковномъ единеніи съ Византією.

Глаголица же какъ была, такъ и осталась доселѣ знаменіемъ первой славянской уніи съ латинскою церковію. Да вѣдаютъ это тѣ ученые изъ православныхъ восточныхъ сербовъ, которые, заслушавшись хорватскихъ гаданій о проблематическомъ *сербизмѣ Глаголицы* IX вѣка и другихъ ея архаическихъ прелестяхъ, неосторожно спѣшатъ согласиться со всѣмъ этимъ¹⁾, не обращая должнаго вниманія на то, что хорватскіе писатели тенденціозно смѣшиваютъ въ одну кучу: исконныхъ православныхъ (кирilloвцевъ) сербовъ Далмаціи съ исконными уніатами (глаголицами) хорватами, изъ видовъ узкаго патріотизма и племеннаго антагонизма. Хорватскіе писатели, не довольствуясь тѣмъ, что они бездоказательно усыновили свою безродную *Глаголицу* пр. Кирилла, называя его изобрѣтателемъ оной (прежде считался таковымъ блаженный Иеронимъ), стараются навязать ее далматскимъ сербамъ (какъ нѣчто старѣйшее и совершеннѣйшее²⁾, владѣльцамъ истинной *Кириллицы*, полученной ими, какъ извѣстно, въ даръ изъ святыхъ рукъ самого пр. Кирилла (862—867 г.г.), о чемъ свидѣлствуютъ даже такіе ревностные латинскіе писатели, каковы: Діоклещъ и Мавро-Урбинъ (см. Исторію славянскихъ народовъ, ч. I, стр. 340), которые, признавая фактъ, въ то же время извращаютъ его значеніе по своему въ пользу Рима. Сочувство-

1) Все дѣло въ фразѣ *сербо-хорватское* (нарѣчіе), тогда какъ слѣдовало бы просто хорватское.

2) Тогда какъ самъ Шафарикъ называетъ *Глаголицу* азбукою «связательною» въ смыслѣ трудности употребленія ея какъ алфавита для чтенія и письма.

вать этимъ *тенденціознымъ* цѣлямъ, которыя, какъ однажды справедливо выразился официально покойный И. И. Срезневскій, не имѣютъ ничего общаго съ наукою, очевидно не приходится и всего менѣе приличествуеть ученымъ изъ православныхъ сербовъ.

Приведемъ заключительную параллель между Кириллицею и Глаголицею.

Кириллица изобрѣтена въ 862 г. Константиномъ (въ монашествѣ Кирилломъ) философомъ.

Русская легенда XII вѣка о существованіи яко бы русскаго письма прежде Кириллицы (у Нестора).

Кириллица состоитъ изъ 24 буквъ греческаго алфавита съ прибавленіемъ 14 буквъ, выражающихъ звуки свойственныя славянскому языку.

Кириллица есть знаменіе церковнаго единенія съ Византіею (греческою церковію).

Глаголица составлена въ 879 году хорватскимъ діакономъ (потомъ епископомъ Нинской хорватской народнои епископіи) Теодосіемъ.

Латинская легенда XII вѣка о изобрѣтеніи *Глаголицы* яко бы блаженнымъ Иеронимомъ у Діоклейца.

Глаголица состоитъ изъ 24 буквъ, въ каковыя обращены условныя знаки (счетнаго или торговаго значенія), бывшіе издревле въ народномъ употребленіи приморскихъ далматинско-хорватскихъ славянъ, и изъ 14 буквъ, заимствованныхъ непосредственно изъ Кириллицы, съ видоизмѣненіемъ нѣкоторыхъ для сходства съ упомянутыми «условными знаками» округленой Глаголицы.

Глаголица есть знаменіе разъединенія съ Византіею, первый опытъ условной славянскои уніи съ Римомъ.

Кириллица есть зеркало церковно-славянскаго языка IX столѣтія.

Древнѣйшій памятникъ *Кириллицы*: *Остромирово Евангеліе* 1057 года, копія со списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не ранѣе 960 г.

Древнѣйшій памятникъ *Кириллицы* Остромирово Евангеліе изслѣдовано и издано нашимъ извѣстнымъ филологомъ А. Х. Востоковымъ въ 1843 г.

Глаголица есть зеркало хорватскаго нарѣчія ¹⁾ IX столѣтія по языку (отчасти), правописанію и грамматическимъ формамъ.

Древнѣйшіе памятники *Глаголицы*: а) *Зографское* Четвероевангеліе исхода X или начала XI вѣка; б) *Ассеманіево* (Ватиканское) Евангеліе XI—XII вѣка, *передѣланное* на хорватское нарѣчіе съ кирилловскаго списка, писаннаго въ Охридскихъ предѣлахъ не ранѣе 946 года; в) *Маріинское* (Григоровичево) XI—XII вѣка.

Глаголическія Евангелія: Ватиканское, Зографское и Маріинское изслѣдованы и изданы: первое докторомъ Ф. Рачкиемъ (съ предисловіемъ И. В. Ягича) въ 1865 году, а два послѣднія И. В. Ягичемъ въ 1879 и 1883 годахъ.

---

¹⁾ Далматинскіе сербы не нуждались въ *латинской* передѣлкѣ съ кирилловскаго текста Евангелія и прочихъ богослужебныхъ книгъ, оставшись доселѣ вѣрными *Кириллицѣ* (Задарская и Которская епископіи).

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ LIII, № 4.

СЕДЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1891.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1891 года.**

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Широкъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
«Вечерній звонъ». Стихи 1887—1890. Я. П. Поломскаго. Сиб. 1890. Разборъ Л. И. Поливанова	2
«Повѣсти и разсказы» И. Н. Потапенко. Томъ второй. Рецензія Н. Н. Страхова.....	64
«Поэмы и письма» А. Д. Львовой. Разборъ графа А. А. Голен- цева-Кутузова	67

СЕДЬМОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМИЙ.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1891 года председательствующимъ во II Отдѣленіи, вице-президентомъ Академіи Я. К. Гротомъ.

На пушкинскій конкурсъ въ текущемъ году представлено было семь трудовъ, въ томъ числѣ пять въ стихотворной формѣ, изъ которыхъ четыре были оригинальныя произведенія и одинъ—переводъ. Одинъ изъ стихотворныхъ трудовъ еще до окончательнаго разсмотрѣнія его былъ взятъ авторомъ обратно. Одинъ изъ двухъ прозаическихъ трудовъ, именно переводъ знаменитаго поэтическаго произведенія, какъ не подходящій подъ правила преміи, былъ возвращенъ переводчику.

По предварительномъ разсмотрѣніи въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности поступившихъ на соисканіе трудовъ, приняли на себя оцѣнку ихъ слѣдующіе литераторы: Д. В. Аверкѣевъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, В. В. Латышевъ, Л. И. Поливановъ и Н. Н. Страховъ. По полученіи въ надлежащій срокъ рецензій отъ названныхъ лицъ, образована была, на основаніи положенія о пушкинскихъ преміяхъ, коммиссія, въ которую Отдѣленіемъ приглашены были: А. Н. Майковъ, Н. Н. Страховъ, Д. В. Григоровичъ, И. В. Помяловскій и графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Къ сожалѣнію, неожиданный отъѣздъ двухъ первыхъ и служебныя обязанности послѣдняго не позволили имъ принять участіе въ засѣданіи коммиссіи, состоявшей такимъ образомъ изъ 8-ми членовъ.

* Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

По прочтеніи въ этомъ засѣданіи доставленныхъ рецензій и внимательномъ обсужденіи ихъ произведена была баллотировка, вслѣдствіе которой половиною пушкинскою премією увѣнчанъ сборникъ стихотвореній Я. П. Полонскаго, а г. Потапенку присуждена за его «Повѣсти и рассказы» поощрительная премія въ 300 руб. Таковую же премію коммиссія желала назначить А. Д. Львовой за ея «Поэмы и Пѣсни», но за немнѣнимъ достаточной на то суммы принуждена была выразить автору свое одобрение лишь почетнымъ отзывомъ.

1.

Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. СПБ. 1890. Разборъ Л. И. Поливанова.

1.

Съ появленіемъ сборника новыхъ стихотвореній поэта, отпраздновавшаго свой полувѣковой юбилей, критикѣ естественно ожидать прежде всего двухъ вопросовъ: 1) сохраняетъ ли поэтъ въ новыхъ произведеніяхъ прежнія достоинства своей поэзіи, не ослабли ли ея звуки и краски? и 2) представляютъ ли эти произведенія позднѣйшихъ годовъ выраженіе чувствъ, вновь переживаемыхъ поэтомъ, т. е. не повторяется ли въ нихъ лишь пережитое въ дни былые?

Для того, чтобы основательно отвѣтить на эти вопросы о новыхъ стихотвореніяхъ Я. П. Полонскаго, слѣдуетъ привести на память важнѣйшія черты его поэзіи за все время его поэтической дѣятельности и сопоставить ихъ съ произведеніями, вошедшими въ новый сборникъ, подлежащій нынѣ оцѣнкѣ — что мы и постараемся сдѣлать въ нашей рецензій. Но для знающаго отличительное свойство музы Полонскаго отвѣтъ на второй изъ этихъ вопросовъ не потребуетъ продолжительнаго изслѣдованія, если вспомнить, что наиболѣе характеристическія произведенія его лирики не только выражаютъ то, что дѣйствительно пере-

жито и прочувствовано имъ (какъ то бываетъ у каждаго истиннаго поэта), но являются по большей части выраженіемъ такихъ ощущеній, которыя оставались въ глубинѣ души поэта дольше, чѣмъ это обыкновенно бываетъ у поэтовъ другого темперамента. Полонскій—одна изъ тѣхъ задумчивыхъ русскихъ натуръ, которыя не торопятся сообщать свои чувствованія. Ощущеніе *за-надаемъ* въ душу такого поэта, и потомъ при благоприятныхъ условіяхъ извлекается имъ оттуда. Вотъ почему оно въ большинствѣ случаевъ не сохраняетъ ѣдкой остроты своей, какъ это мы видимъ у многихъ поэтовъ другого душевнаго склада; его лирическое выраженіе является у него весьма рѣдко кликомъ восторга или громкимъ воплемъ человѣка, получившаго свѣжую рану. Если это—дума, то она уже носитъ слѣды долговременнаго внутренняго процесса: поэтъ выражаетъ ее, предварительно поискавъ ей выхода среди неоднократныхъ сомнѣній. Таково общее свойство его поэзіи, не исключая и большей части произведеній юныхъ лѣтъ. Итакъ онъ не только долженъ почувствовать выраженное, но и пожить съ нимъ: оно выливается въ поэтическую форму уже тогда, когда сгущается до послѣдней степени, на которой еще доступно формовкѣ. При такой природѣ творчества, едва ли можно ожидать возвращенія поэта къ давно прошедшимъ ощущеніямъ для ихъ повторенія, какъ то бываетъ у поэтовъ, легко настроивающихъ свои лиры и ищущихъ какого бы то ни было предмета для своихъ пѣсенъ, при чемъ весьма удобнымъ матеріаломъ служатъ варіаціи на старыя темы. Это не значитъ, чтобы въ душѣ Полонскаго не могло всплывать давнее былое и становиться вновь предметомъ поэтическаго произведенія: но когда это бываетъ, то у него оно перерабатывается въ новый матеріалъ и является *осмомыслиемъ* со всѣми чертами новаго факта душевной жизни, который подвергается описанному выше процессу переживанія.

Въ этой сдержанности чувства—и сильная и слабая сторона лирики Полонскаго: слабая—потому, что она не поражаетъ, не зажигаетъ всякаго читателя; нѣтъ въ ней того жала, которое

уязвляеть и неподатливую для поэтическихъ впечатлѣній натуру: оттого слава такого поэта не громка, кругъ его читателей не очень обширенъ; для массы его произведенія мало замѣтны. Но есть и сильная сторона такого таланта: произведенія его охотно перечитываются по нѣскольку разъ; не поражая съ перваго раза, они при многократномъ возвращеніи къ нимъ нравятся болѣе и болѣе. Не собирая вокругъ себя толпы, его муза незамѣтно пріобрѣтаетъ себѣ друзей. Пѳлонскій никогда не былъ предметомъ долгихъ журнальныхъ толковъ, но онъ близкій собесѣдникъ многихъ и въ тишинѣ кабинета, и за семейнымъ столомъ, и въ комнатѣ молодой дѣвушки, и въ дѣтской комнатѣ. Его дѣйствіе не публичное, а индивидуальное; поэзія его не блестящая, а задушевная.

2.

Уже эта краткая характеристика творчества Пѳлонскаго показываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ поэтомъ-виртуозомъ, который можетъ обратить вниманіе любымъ изъ своихъ произведеній независимо отъ выражающейся въ нихъ личности самого поэта. Потому сборникъ его стихотвореній для насъ является не только прибавленіемъ извѣстнаго числа пьесъ, болѣе или менѣе прекрасныхъ, которыя ждали бы лишь эстетической оцѣнки, какъ новый вкладъ въ русскую антологію. Мы приступили къ чтенію «Вечерняго Звона» съ интересомъ болѣе многостороннимъ. Насъ занимаетъ онъ прежде всего, какъ новая глава поэтической жизни русскаго человѣка, отразившаго въ своихъ стихотвореніяхъ полнѣе, нежели кто-либо изъ другихъ лириковъ, внутреннюю жизнь того поколѣнія, котораго онъ такой симпатичный представитель, и той среды, которой онъ принадлежитъ по своему воспитанію и литературной дѣятельности. Нравственный и умственный законъ, съ которымъ онъ выступилъ на поэтическое поприще, опредѣляется условіями, которыя должно признать благопріятными. Условія эти — русская природа и семья, русская поэзія пушкинскаго періода и Московскій университетъ той поры

его, когда въ студенческой средѣ уже были значительно пробуждены мысль и поэтический вкусъ, нравственное чувство и гражданская совѣсть, благодаря оживленію научныхъ силъ и дарований въ средѣ профессоровъ конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ нашего вѣка. Подъ этими влияніями образовался душевный складъ поэта, который онъ сохранилъ неизмѣнно до нашихъ дней. Трудовая жизнь, доставшаяся на его долю, не удаляла его отъ среды, которая составляетъ у насъ большую часть читающихъ; постоянная близость къ литературному кругу давала возможность питать умственные интересы, съ которыми вступилъ онъ въ жизнь; обстоятельства жизни не удаляли его и отъ народной среды, пониманіе которой видно въ каждомъ его стихотвореніи, касающемся ея области. Читая произведенія Понского, чувствуешь себя во всевозможныхъ сферахъ русской жизни, которая ему близка, которую онъ не только внимательно наблюдаетъ, но въ которой онъ самъ—непрестанный участникъ. Обладая натурою по-преимуществу художественною, онъ тѣмъ не менѣе не уединяется въ область художественнаго созерцанія для того, чтобы сибаритствовать въ ней, но она служитъ ему для свободнаго поэтического воспроизведенія пережитого въ житейской толпѣ на ряду съ своими братьями: потому его поэзія такъ жизненна. Выбѣгъ съ тѣмъ, воспитывая свою фантазію произведеніями европейскаго искусства, онъ не подчинился ни одному иностранному гению и сохраняетъ всюду свою великорусскую природу.

Национальность умственного и нравственнаго склада Понского составляетъ отличительную черту его поэзіи, настолько выдержанную въ его произведеніяхъ, какой бы области они ни касались, что его можно признать изъ всѣхъ лириковъ второй половины нашего вѣка наиболѣе русскимъ по тому, какъ онъ относится къ окружающей его дѣйствительности, т. е. какъ она отражается въ его фантазіи, и по чувству, и по характеру, насколько онъ выражается въ его произведеніяхъ, не говоря уже о языкѣ, которымъ онъ ихъ пишетъ. И это справедливо не только

въ отношеніи къ тѣмъ произведеніямъ, гдѣ онъ рисуетъ картины и портреты изъ народной жизни, какъ напр. «Голодъ» (I, 280)*), «Старая няня» (I, 331), «Мельникъ» (I, 206), «Зимняя пѣсня русалокъ» (I, 335), «Въ степи» (I, 354), второе «письмо къ музѣ» (I, 382) и т. п., или къ тѣмъ, которыя даже усвоены низшими слоями грамотнаго люда, каковы: «За окномъ въ тѣни мелькаеть» (I, 16), «Затворница» (I, 47), «Подойди ко мнѣ, старушка» (I, 146); но и къ тѣмъ его стихотвореніямъ, въ которыхъ онъ вступаетъ въ область чувствъ и мыслей, этой средѣ недоступныхъ, каковы напр.: «Холодѣющая ночь» (I, 172), «На Женевскомъ озерѣ» (I, 179), «Финскій берегъ» (I, 193), «Чтобы пѣсня моя разлилась» (I, 230), «На улицахъ Парижа» (I, 341) и многія другія.

Согласно этому русскому складу, муза Полонскаго является намъ кроткою, но въ то же время не уступчивою въ завѣтныхъ своихъ чувствахъ; образъ мыслей ея благороденъ, но чуждъ рыцарства; она выразительна, но далека отъ всякихъ эффектовъ; линіи ея красивы, но свободны отъ всякой позы. Порою можетъ даже показаться, что Полонскій доходитъ до крайнихъ предѣловъ простоты, за которыми уже лежитъ область тривіальнаго: но та поэтическая школа, въ которой онъ воспитывался, въ большинствѣ его произведеній, охраняетъ его отъ рискованнаго шага въ эту область, враждебную поэзіи — и простота отличаетъ его поэзію лишь постольку, поскольку необходима и неизбежна при той искренности, которая свойственна каждому его лирическому изліянію.

3.

При такомъ характерѣ лирики Полонскаго, она получаетъ для насъ интересъ правдивой хроники, написанной перомъ художника, который занимаетъ въ ней центральное мѣсто. Потому

---

*) Всѣ сноски здѣсь сдѣланы на «Полное собраніе сочиненій Я. Полонскаго» въ 10 т. 1886 г.

каждый новый сборникъ его стихотвореній, неразрывно съ интересомъ эстетическимъ, удовлетворяетъ и интересу, свойственному повѣствованіямъ о лицахъ, успѣвшихъ захватить наше вниманіе и симпатію своей внутренней жизнью.

Внутренняя жизнь поэта того склада, который очерченъ нами выше, привлекаетъ прежде всего тѣмъ *идеализмомъ*, который въ теченіе полувѣка сохранялъ онъ, несмотря на неблагопріятныя условія.

Поэтъ выступилъ на свое поприще въ эпоху разложенія патриархальныхъ порядковъ общественной жизни и традиціоннаго образа мыслей. Онъ вступилъ въ умственное теченіе вѣка, ознаменованное разладомъ мысли съ потребностями чувства и совѣсти. Эта борьба захватила его душу на ряду съ его современниками—и, конечно, наложила значительную печать на его поэзію. Здѣсь индивидуальность поэтической природы Полонскаго проявила характеръ, весьма отличный отъ другихъ его собратьевъ на поприщѣ слова. Въ то время, какъ одни, отдавшись эвдемоническому жизнелюбію, безъ вниманія къ интересамъ высшаго порядка, видѣли удовлетвореніе всѣхъ человѣческихъ потребностей въ пользованіи внѣшними благами жизни, другіе, отвернувшись отъ вѣковыхъ запросовъ вѣры и разума, ограничивали свой кругозоръ практической сферою гражданскихъ заботъ и согласно съ ними перестраивали понятія о нравственности, третьи являлись популяризаторами упрощеннаго механическаго міровоззрѣнія, — а изъ совокупности всѣхъ этихъ услій слагался кодексъ современнаго матеріализма, который на время обманулъ многихъ своею стройностію, — въ это время природы, настроенныя идеально, чувствовали болѣе, чѣмъ когда-либо, свое одиночество. Изъ нихъ личности, мысль которыхъ была возбуждена, и которые слѣдовательно не могли удовлетворяться догматизмомъ, пассивно усвоеннымъ въ дѣтствѣ, были предоставлены и наукою и жизнью исключительно самимъ себѣ. Полонскій однажды выразительно высказалъ это горькое чувство одиночества:

Какое дѣло вамъ, счастливыцы,
 До вспышекъ сердца моего?
 Вы не дали ему отрады—
 И не возьмете ничего.
 Какое дѣло вамъ, педанты,
 До скорби духа моего?
 Вы на вопросъ мой, самый жгучій,
 Не отвѣчали ничего.
 Сокровищъ сердца, силы мысли
 Ужъ я не жду ни отъ кого...
 И все, чѣмъ я дышу покуда,
 Творю почти изъ ничего (I, 325).

Не трудно понять, какъ не легко жилось среди такихъ условій жизни личности, которая не можетъ поступиться своимъ идеализмомъ: она носитъ въ душѣ неодолимую потребность гармоническаго міровозрѣнія—и остается съ нею одна, не находя никого, кто раздѣлилъ бы съ нею эту умственную жажду; она алчетъ увидѣть хотя малѣйшее осуществленіе гармоніи въ жизни—и окружена людьми, отрицающими самый принципъ этой гармоніи. Не удивительно, что Полонскій такъ часто возвращался къ выраженію чувства душевной боли, которую причиняло ему зрѣніе окружавшей его жизни: согласно сдержанному его характеру, это выражается у него чаще какъ чувство недовѣрія къ жизни:

Жизнь движется впередъ походкою неровной:
 Ея намѣренья ужели ты постигъ?
 Чтобъ высказать себя, жизнь ловить мигъ условный:
 Ужели отъ тебя зависить этотъ мигъ?
 Жизнь терпѣливая привыкла къ испытаньямъ—
 Не вѣдаетъ конца и не спѣшитъ къ концу.
 Поэтъ! не вѣрь ея тоскливымъ ожиданьямъ,
 И вѣрь съ трудомъ ея веселому лицу (I, 113).

Порою это чувство уже звучитъ упрекомъ:

Хоть сотую долю тяжелыхъ задачъ
Рѣши ты намъ, жизнь безтолковая,
Некстати къ намъ рѣжная,
Некстати суровая,
Слѣпая, безпутно-мятежная!

(«И въ праздности горе и горе въ трудѣ», I, 247).

Наконецъ несостоятельность жизни вызываетъ у поэта чувство страданія:

Покоя-ль ожидать? — но тамъ, гдѣ наши силы
Стремятся на просторъ и рвутся изъ пелень,
Гдѣ правды нѣтъ еще, а вымыслы постылы —
Тамъ нѣтъ желаннаго покоя внѣ могилы,
Тамъ даже сонъ любви — больной, тревожный сонъ.

(«Среди хаоса», I, 257).

И поэтъ не могъ придавать цѣны поученіямъ жизни. Онъ шелъ своимъ путемъ и съ юности искалъ разсѣять этотъ мракъ, вѣруя въ свѣтъ знанія и творчества:

И я сынъ времени, и я
Быль на дорогѣ бытія
Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья...

Весь міръ открыть моимъ очамъ,
Я снова гордъ, могучъ, спокоенъ.
Пускай разрушенъ прежній храмъ,
О чемъ жалѣть, когда построенъ
Другой — не на холмѣ гробовъ?...

... И вотъ

Всѣ геніи земного міра
И всѣ, кому послушна лира,
Мой храмъ наполнили толпой (I, 33).

Эта вѣра въ царство мысли, противоположное темной житейской сферѣ, бывала высказана Полонскимъ неоднократно съ силою искренняго убѣжденія, когда онъ писалъ:

Для созерцающихъ очей
И для внимательнаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа,
И внятень смыслъ его рѣчей.

(«О, подними свое чело», I, 41).

или:

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки, и только при немъ
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

(«Царство науки не знаетъ предѣла, I, 175).

Изъ послѣднихъ стиховъ ясно, въ какую тѣсную связь съ озареніемъ разума ставитъ Полонскій успѣхъ поэтической дѣятельности. Въ одномъ изъ стихотвореній 1872 г. онъ ставитъ въ числѣ условій, необходимыхъ для поэзіи, на ряду съ вѣрою, воспримчивостію души къ красотамъ природы и къ чувствамъ людей, — и энергію разума, но разума, ищущаго раскрыть смыслъ жизни, управляемой закономъ высшей истины:

Пока выкаешь ты въ задачу жизни сложной,
Пока ты вѣришь въ непреложный
Законъ любви, добра и истины святой —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.

(«Поэзія», I, 347).

Искомая поэтомъ полнота душевной жизни въ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній поставлена даже въ прямую зависимость отъ познанія міра:

Изъ вѣчности музыка вдругъ раздалась,
И въ безконечность она полилась,
И хаосъ она на пути захватила,
И въ безднѣ, какъ вихрь, закружились свѣтила:
Пѣвучей струной каждый лучъ ихъ дрожитъ,

И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышитъ порой эту музыку Божью,
Кто разумомъ свѣтель,— въ комъ сердце горитъ.

(«Гипотеза», I, 400).

И когда поэтъ постигаетъ эту гармонию вселенной, онъ обрѣтаетъ бодрость духа, и эгонистическія чувства умолкаютъ въ немъ передъ высшими законами вселенной (см. стих.: «Міровая ткань», I, 424).

Но поэтъ вѣритъ въ возможность осуществленія гармоніи не только во вселенной, но и въ исторической жизни людей; онъ полагаетъ важнѣйшею ошибкою тѣхъ, кто управляетъ судьбами народовъ на землѣ, непониманіе *духа эка*, въ которомъ мудрецъ долженъ понять указаніе свыше:

Жизнь гаснетъ — духъ неугасимъ;
Мы погасить его не въ силахъ;
Онъ не хоронится въ могилахъ,
Отъ мертвыхъ онъ идетъ къ живымъ.
Духъ вѣка — это Божій духъ;
Онъ міровой любовью дышитъ,
И только тотъ его не слышитъ,
Кто къ злобѣ дня склонилъ свой слухъ.
Его не слышалъ Вавилонъ,
Не слышитъ и Востокъ растлѣнный,
Ни Валтазаръ нашъ современный,
Ни современный Фараонъ. («Духъ вѣка», I, 414).

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ глубоко мотивировано у Полонскаго его недовѣріе къ служенію поэзіи тѣмъ житейскимъ злобамъ дня, которыя всецѣло поглощали его современниковъ, отказавшихся отъ идей высшаго порядка. Онъ глубоко чувствовалъ, что житейскія тревоги, болѣзненно помутившія его современниковъ, могли бы и должны были бы получить иное разрѣшеніе, если бы разумъ дѣятелей былъ озаренъ болѣе. Его

уклоненіе отъ гражданской дидактической поэзіи было слѣдствіемъ не равнодушія къ общественному дѣлу, но слишкомъ для него яснаго безсилія такой поэзіи. (См. напр. его стих.: «Поэту-гражданину», I, 221).

Для уясненія, какъ смотритъ поэтъ на отношеніе житейской среды къ поэзіи, особенно важны «Жалобы музы» (I, 223—230), гдѣ муза повѣствуетъ, какъ она, снявъ вѣнокъ съ своего чела и покинувъ вдохновляющую ее природу, обращалась къ людямъ различныхъ сферъ—и была отвергнута всѣми ими: одни отвергли ее потому, что она не даетъ земныхъ благъ, другіе—потому, что она одѣта слишкомъ бѣдно, третьи—потому, что принимаютъ ея слова за несбыточные грезы; иные—потому, что фанатически привязались къ своимъ утопіямъ, или преисполнены вражды, или заняты кровавой борьбою, среди которой муза по совѣсти не знаетъ, кому желать побѣды.

Поэтъ вѣритъ въ иное назначеніе поэзіи: онъ вѣритъ въ красоту, какъ идеаль, который собственной силою покоряетъ людей и нѣкогда долженъ осуществиться въ жизни. Дѣло поэта воплощать красоту взамѣнъ всѣхъ другихъ измѣнчивыхъ мечтаній:

Я сберегу мечту пную —
 Ту заповѣдную мечту,
 Чтò всѣмъ народамъ смутно снилась,
 И чтò въ земную красоту
 Еще нигдѣ не воплотилась.
 Безъ этой творческой мечты
 Нѣтъ правды въ людяхъ, смысла въ лицахъ,
 Нѣтъ ни одной живой черты
 На историческихъ страницахъ.

(«Я красоты не разлюбилъ», I, 426).

Таковъ выводъ Полонскаго послѣ многолѣтняго служенія на поприщѣ поэзіи. Но уже въ началѣ этого поприща онъ такъ же понималъ свое назначеніе. Въ одномъ изъ произведеній первой поры онъ выразилъ это въ формѣ воспоминанія художника

о дняхъ, проведенныхъ въ Элладѣ, гдѣ его вниманіе приковала своей первобытной красотой древняя статуя, лицо которой пощадило время. Въ одну ночь, созерцая это воплощеніе красоты, художникъ далъ себѣ обѣтъ:

...и въ тайникѣ

Моей юной души всѣ черты
Я хотѣлъ уловить и съ собой
До утра унести ихъ домой,
Чтобы съ утреннимъ первымъ лучемъ
Въ мертвый мраморъ ударить рѣзцомъ,
Благороднымъ и рѣзкимъ чертамъ
Уловленную мысль передать
И чредою грядущимъ вѣкамъ
Все, что было завѣщено памъ,
Въ первобытной красѣ завѣщать. («Статуя», I, 18).

Но полагая свое назначеніе въ служеніи красотѣ, поэтъ разумѣетъ подъ красотой не предметъ безразличнаго въ нравственномъ отношеніи наслажденія, но то нравственно-благотворное начало, которому суждено пересоздать человѣчество. «Гармонія учить его по-человѣчески страдать» («Когда октава за октавой», I, 305); поэзію свою олицетворяетъ онъ въ видѣ нагорнаго ключа, который, будучи рожденъ мглою, плившею съ земли къ звѣздамъ, пригрѣтый ласкою Божія луча, растаялъ въ чистый ключъ, и хотя задавленъ снѣжною лавиной, но весь полонъ надежды вырваться изъ-подъ этой ледяной власти, чтобы послужить «и другу и недругу»:

«Погоди, когда-нибудь
Выбьюсь я на вольный путь!
На долину я сойду,
Водопадомъ упаду,
Засверкаю жемчугомъ,
Покачусь живымъ ручьемъ...
Буду жажду утолять,
Ваши силы обновлять».

Какъ увидимъ ниже, поэту нашему хорошо знакомы удары, наносимые такому идеализму мрачными рѣшеніями ума его современниковъ; но въ минуты истинно-поэтическаго вдохновенія ничто не смущаетъ его. Нагорный ключъ твердь передъ предо-
стереженіями своему порыву:

«Много встрѣтишь ты преградъ:
Скалы гребнями торчать —
И я знаю, между скалъ
Темный въ бездну есть провалъ.
Какъ легко тебѣ упасть
Въ эту каменную пасть,
Гдѣ весь вѣкъ горять одинъ
Лишь подземные огни».

Бодро отвѣчаетъ ключъ на эти охладительныя рѣчи:

«Силъ моихъ не истребить
Ни провалъ, ни самый адъ;
И въ провалѣ и въ аду
Я товарищей найду.
Вмѣстѣ съ лавой огневой,
Вмѣстѣ съ пепломъ и золой
Я, чтобъ небо увидать,
Буду землю колебать...
У какой-нибудь горы
Я спущу мои пары;
Надъ дымящимся жерломъ
Стану темнымъ я столбомъ;
Буду грозно клокотать,
Сѣрнымъ пламенемъ дышать;
И меня сопровождать
Будутъ молніи и громъ.
Но едва лучистый видъ
Неба взоръ мой прояснитъ,
Я не въ грезахъ, наяву
Синей тучкой поплыву,

Засверкаю жемчугомъ,
Упаду косымъ дождемъ.
Буду жажду утолять,
Ваши силы обновлять».

(I, 317).

Въ другой разъ, заимствуя у Фета олицетвореніе поэзии въ образѣ «вечернихъ огней», Полонскій высказываетъ такую увѣренность стараго поэта:

На склонѣ скорбныхъ дней еще глаза поэта
Сквозь бездну зла и лжи провидятъ красоту;
Еще душа тамъ горячую мечту
И вдохновеніе — послѣдній отблескъ свѣта.

Вотъ-вотъ они —

О Господи! твои вечерніе огни! (1883. I, 452).

Итакъ взглядъ Полонскаго на красоту, служеніе которой избираетъ онъ какъ главное дѣло жизни, не имѣетъ ничего общаго со взглядомъ тѣхъ, которые смотрятъ на красоту, какъ на средство услажденія эгоистической жизни, какъ на условіе нравственнаго комфорта среди окружающаго ихъ унынія, тревогъ и страданія. Но онъ въ то же время чувствуетъ, какъ никто, всю ложь утилитарнаго стихотворства, которое, забывая природу искусства, пытается служить жизни помимо силы красоты. По его понятіямъ, всякое общественное благо можетъ быть предметомъ поэзии, но только подъ непременнымъ условіемъ, чтобы оно было поставлено предъ очи во всей силѣ побѣдоносной красоты. Такъ, олицетворивъ свободную мысль въ образѣ Фрины, побѣдившей своею красотою и доносчика и судей, поэтъ заключаетъ:

Свободная мысль, если ты не больная,
Не тощая мысль, а полна красоты
И силы, явись намъ, какъ Фрина нагая,
Во всемъ обаяньѣ своей наготы.
И смѣло скажи ты намъ: знайте, кто я!
Смутится доносчикъ, и ахнетъ судья.

И полны восторгомъ, и полны смятеньемъ
Толпы за тобой потекутъ съ увлеченьемъ.

(«Фрина», I, 203).

4.

Изъ предыдущаго ясно, что умонастроение Полонскаго поставило его между двухъ силъ: силою жизни хаотической, исполненной коренныхъ заблужденій чувства и разума, «безтолковой», какъ поэтъ называетъ ее, — и звучащей въ душѣ силой гармоніи, которую заглушаетъ эта житейская безтолочь, силою свѣта, котораго ищетъ онъ въ области знанія и искусства. Переносить это положеніе не легко, и оно неизбѣжно соединено съ страданіемъ — и страданіе положило замѣтный слѣдъ на его поэзію. Ему такъ рѣдко достается душевный покой, а между тѣмъ, по одному изъ лучшихъ самопризнаній поэта, ему именно нуженъ этотъ покой:

Чтобы пѣсня моя разлилась какъ потокъ,
Ясной зорьки она дожидается.
Пусть не темная ночь, пусть горящій востокъ
Отражается въ ней, отливается.
Пусть чликаютъ вольныя птицы вокругъ,
Сонный лѣсъ пусть проснется-нарядится,
И сова — пусть она не тревожитъ мой слухъ,
И, слѣпая, подальше усядется. (I, 230).

И ему-то, такъ жаждущему ясныхъ впечатлѣній, суждено выносить всю тяжесть умственнаго и нравственнаго безвременья. Для поэтической дѣятельности въ такую пору нужно много силъ, глубокая вѣра въ свой идеалъ, чтобы поэзія стала борьбой и горѣла увѣренностью въ побѣдѣ.

Нашъ поэтъ порою окрыляется этой силой, и его душа обрѣтаетъ тогда энергію. Онъ умѣетъ почувствовать мощь Прометея, несущаго Божественный свѣтъ темнымъ людямъ —

Любовь и свободу
Отъ страха и чаръ,
И жажду познанья,
И творческій даръ.

Вдругъ разорвалася
 Ночи завѣса —
 Брызнули въ пространство
 Молніи Зевеса, —
 И проснулись боги,
 И богини съ ложа
 Поднялись, пугливый
 Крикомъ міръ встревожа.

И посланный ими
 Въ багровомъ дыму
 Мелькнулъ черный воронъ
 И ринулся въ тьму —
 Онъ близко... онъ ищетъ...
 Межъ скалъ и лѣсовъ
 Того, кто похитилъ
 Огонь у боговъ.

Я иду — и свѣтъ мой
 Свѣтитъ по дорогѣ,
 Я ужъ знаю тайну,
 Что не вѣчны боги...
 Міръ земной, я знаю,
 Пересозданъ снова,
 И уста роняють
 Пламенное слово.

Не могъ утатъ я
 Святого огня...
 И воронъ изъ мрака
 Завидѣлъ меня:
 Когтями и клювомъ
 Онъ рветъ мою грудь,
 И кровью обрызганъ
 Тяжелый мой путь.

Пусть въ борьбѣ паду я!
 Пусть въ цѣпяхъ неволи

Буду я метаться
 И кричать отъ боли —
 Ярче будетъ скорбный
 Образъ мой свѣтиться,
 Съ крикомъ дальше будетъ
 Мысль моя носиться . . .

И что тогда, боги!
 Что сдѣлаетъ громъ
 Съ безсмертіемъ духа,
 Съ небеснымъ огнемъ?
 Вѣдь то, что я создалъ
 Любовью моею,
 Сильнѣе желѣзныхъ
 Когтей и цѣпей! . . . («Прометей», 1881, I, 447).

Но такой подъемъ душевныхъ силъ не могъ стать характеристическою особенностію русскаго поэта второй половины нашего вѣка, когда самая сильная душа растрачивалась на одно только самоохраненіе отъ скептицизма, который подтачиваетъ вдохновеніе поэтовъ. Въ минуту сознанія такой участи Полонскій выразительно резюмировалъ свое положеніе въ извѣстномъ стихотвореніи «Нищій», гдѣ, изобразивъ старика, собирающаго подаянія и раздающаго ихъ

Большымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ,
 Такимъ же нищимъ, какъ и самъ, —
 онъ прибавляетъ:
 Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ:
 Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
 Какъ нищій старецъ изнуренъ,
 Духовной пищи проситъ онъ,
 И все, что жизнь ему ни шлетъ,
 Онъ съ благодарностью беретъ,
 И душу дѣлитъ пополамъ
 Съ такими жъ нищими, какъ самъ. (I, 50).

Поэтическій путь Полонскаго есть характерная повѣсть нашего современника-идеалиста со всѣми колебаніями его духа между ревниво охраняемыми священными чаяніями истины, добра и красоты, глубоко запавшими въ его душу, и мертвящими вѣяніями скептицизма, ожесточенія и цинизма. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать весь ходъ поэтической мысли Полонскаго на этомъ пути колебаній и страданій. Будетъ достаточно указать на дватри характернѣйшія признанія поэта.

Таково его стихотвореніе «Муза», произведеніе зрѣлой поры, гдѣ читаемъ:

Я съ ней дѣлилъ неволи бремя —
 Наслѣдье мрачной старины —
 И жажду пересилить время,
 Уйти въ пророческіе сны.
 Ея нервическаго плача
 Я былъ свидѣтелемъ не разъ —
 Такъ тяжела была для насъ
 Намъ жизнью данная задача!

Съ трогательной искренностью поэтъ раскрываетъ глубокую тайну этихъ бесѣдъ съ своей музою:

Зато печаль моя порой
 Ее безжалостно смѣшила,
 Она въ вѣлокъ лавровый свой
 Меня, какъ мальчика, рядила.
 Безъ вѣры въ ясный идеалъ
 Смѣшно ей было вдохновенье,
 И звонкій голосъ заглушалъ
 Мое рюмованное гнѣе.
 Смѣшонъ ей былъ весь нашъ Парнасъ
 И вами пойманная кляча —
 Давно измученный Пегасъ;
 Но этотъ смѣхъ — предвѣстникъ плача —
 Ни разу не поссорилъ насъ (I, 219).

Въ другой разъ, въ минуту поэтической хандры, въ стихотвореніи болѣе поздней поры, перечисливъ утраты и разочарованія, поэтъ заключаетъ свое раздумье такими словами:

А сколько злыхъ измѣнъ, вражды, насмѣшекъ, слезъ

Ты встрѣтишь? — не сочтешь!

Нѣтъ, безнаказанно, братъ, до сѣдыхъ волосъ

И ты не доживешь!

Путь долгой жизни есть путь къ жизни безнадежной —

Таковъ законъ судьбы...

Ужели неизбежный?

(«Молчи, минутнаго покоя не тревожь», I, 373).

И поэтъ, на самомъ дѣлѣ носящій въ душѣ вѣру и въ достоинство человѣческой природы, и въ силу познанія и творчества, и въ бессмертную душу, во всю жизнь не могъ приобрѣсть смѣлости шага на пути своемъ: перечитывая его стихотворенія, постоянно переходя отъ ясныхъ созерцаній и сильнаго чувства удовлетворенія къ сосредоточенному грустному раздумью. Правда, отъ этого озареніе его души радостнымъ чувствомъ приобрѣтаетъ большую цѣну и болѣе довѣріе къ его искренности. Поэтъ не является, какъ очень многіе стихотворцы нашего времени, чѣмъ-то въ родѣ специалиста по части чувствъ жизнерадостныхъ или, наоборотъ, скорбныхъ, при чемъ послѣднія не всегда добросовѣстно мотивированы. Читая Полонскаго, постоянно чувствуешь, что то голосъ живого человѣка, берущаго перо только тогда, когда въ душѣ созрѣваетъ дѣйствительная потребность слова. Въ связи съ этимъ и простота его склада и слога. Неприязательность его творчества нерѣдко бываетъ причиною того, что самыя высокія мысли, достойныя стать формулами его міровоззрѣнія, оказываются словно оброченными въ стихотвореніяхъ, главный предметъ которыхъ незначителенъ и который проведенъ въ иномъ тонѣ.

Цѣнн такомъ нравственномъ темпераментѣ Полонскій долженъ являться въ своей поэзіи особенно деликатнымъ въ сферѣ

тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ наибольшую для него святыню. Врагъ лжи, онъ готовъ лучше молчать объ этихъ предметахъ его совѣсти, нежели говорить о нихъ, если онъ не увѣренъ, что будетъ вѣрно понято читателями. Это замѣчается всякій разъ, когда онъ касается вопросовъ вѣры, любви къ отечеству или гражданскихъ идеаловъ. Тутъ болѣе, нежели гдѣ-нибудь, виденъ человекъ второй половины нашего вѣка, которому хорошо извѣстно, что эти предметы слишкомъ часто трактовались многими непривзванными, что въ выраженіе связанныхъ съ этими предметами чувствъ вкралась рутинна, а съ нею невыносимая для него неискренность. И онъ недоувѣрчивъ къ себѣ въ этой области болѣе, нежели въ чемъ-нибудь другомъ. Основное свойство его души — жажда вѣры, и потому ей такъ сродно вѣчное исканіе ея, и такъ естественны у него упреки себя въ маловѣрїи. Но онъ торжественно отрекся отъ пропаганды невѣрїя устами изображеннаго имъ язычника, которому въ знаменательномъ снѣ самъ Зевсъ, наскучившій куренїями жрецовъ, среди народа, утратившаго былыя чувства искренней вѣры, обѣщаетъ участіе въ трапезѣ бессмертныхъ, если онъ пойдетъ проповѣдывать, что Зевса не существуетъ..

— Я клянусь страдать за Зевса,
 Но — страдать за отрицанье...
 Пощади!

отвѣчаетъ язычникъ, и Зевсъ отвергъ его, обѣщаясь найти другихъ пророковъ («Сонъ язычника», I, 292).

Но съ другой стороны поэтъ нашъ не беретъ за учительство, не рѣшится вкрикивать призывы къ вѣрѣ. Всюду, гдѣ онъ касается ея, онъ какъ бы самъ заслушивается ея призыва и, готовый скорѣе учиться ей, нежели учить, тѣмъ болѣе вызываетъ на вѣру сердце читателя. Изъ нашихъ лириковъ онъ задумевнѣе всѣхъ откликается на голосъ народной вѣры. Всякій разъ, когда онъ подходитъ съ этой стороны къ народу, онъ даетъ чувствовать, что эта вѣра для него драгоценное сокровище. При-

помнимъ, напримѣръ, «Письма къ музѣ», гдѣ поэтъ напоминаетъ ей свои скитанія съ нею среди родныхъ полей:

Помнишь — молоды-безпечны
 И отверженно-убогъ,
 За возами шли мы полемъ
 Вдоль проселочной дороги . . .
 . . . . .
 И не юною подругой,
 И не дѣвушкой любимой —
 Божествомъ ты мнѣ казалась,
 Красотой невыразимой.
 Я молчалъ — ты говорила:
 «Нашу бѣдную Россію
 Не стихи спасутъ, а вѣра
 Въ Божій судъ или въ Мессію.
 И не наши Цицероны,
 Не Гораціи, — иная
 Вдохновляющая сила —
 Сила правды трудовая
 Обновитъ тотъ міръ, въ которомъ
 Славу добываютъ кровью, —
 Міръ съ могущественной ложью
 И съ безсильною любовью» . . .
 Съ той поры, мужая сердцемъ,
 Постигать я сталъ, о муза,
 Что съ тобой безъ этой вѣры
 Нѣтъ законнаго союза.

(2-е письмо. 1877. I, 385).

Когда ему приходится стать лицомъ къ лицу съ душою, освященной этой вѣрой, — сколько смиренія въ его отношеніи къ ней, хотя онъ не скрываетъ, что она не можетъ быть удѣломъ его. Въ прекрасномъ стихотвореніи «Старая няня» онъ между прочимъ обращается къ ней съ такими словами:

Черезъ тридцать лѣтъ домой
 Я вернулся, и слѣпой
 Ужъ засталъ тебя старушкою,
 Въ темной кухнѣ, съ чайной кружкою —
 Ты догадывалась . . .
 Слезно радовалась!
 И когда я легъ вздремнуть,
 Ты пришла меня разуть,
 Какъ дитя свое любимое,
 Старика, въ гнѣздо родное
 Воротившагося,
 Истомившагося.
 Я измученъ былъ, а ты
 Прожила безъ суеты
 И мятежныхъ думъ не вѣдала,
 Капли яду не отвѣдала —
 Яду мающихся,
 Сомнѣвающихъ.
 И напомнила Христа
 Ты страдалицу безъ креста,
 Гражданину, сыну времени,
 Посреди родного племени
 Прозябающему,
 Изнывающему.
 Богъ съ тобой! я жизнь мою
 Не смѣняю на твою . . .
 Но ты мнѣ близка, безродная,
 Въ самомъ рабствѣ благородная,
 Не оплаченная
 И утраченная! (I, 331).

Такое же осторожное отношеніе у Полонскаго къ предмету патриотическихъ чувствъ. Онъ не довольствуется дѣтской стихійной привязанностію къ родиנѣ или любовнымъ влеченіемъ къ ней юности, но ищетъ опоры своей любви къ отечеству въ его спо-

способности вызвать къ себѣ уваженіе и довѣріе (см. стих.: «Въ ребяческіе дни», I, 289, и «Бравятъ», I, 241). И зато, когда приходится Полонскому слагать хвалу великимъ людямъ своего отечества—она у него является неразрывною съ прославленіемъ самой Россіи. Таковы юбилейныя стихотворенія, посвященныя воспоминаніямъ о Ломоносовѣ, Крыловѣ, Пушкинѣ, Тургеневѣ. Любуясь въ нихъ воплощеніемъ народнаго генія, онъ отдается вполне своему патриотическому чувству. Особенно ярко выразилось оно въ извѣстномъ стих.: «А. С. Пушкинъ» (I, 144).

Характеръ общественнаго настроенія той среды, гдѣ пришлось Полонскому провести большую часть поэтическаго прищипа, чаще всего ставилъ его лицомъ къ лицу съ ложью въ области гражданскихъ помысловъ. Свой гражданскій идеалъ Полонскій выражалъ неоднократно и положительно, какъ сторонникъ законной свободы (см.: «Одному изъ усталыхъ», I, 221; «Въ альбомъ К. Ш.», I, 268) и отрицательно, ярко выставляя ложь наивныхъ утошій (напр. въ стих.: «Фантазія бѣднаго малаго», I, 244) и жестокость, скрытую подъ громкими принципами («На улицахъ Парижа», 1871, I, 341), и ограниченное самодовольство публициста, обратившаго политическую пропаганду въ ремесло (1-е письмо къ музѣ, сатирическое, I, 375).

Мягкая природа музы Полонскаго сообщила свой характеръ и тѣмъ произведеніямъ, которыя были вдохновлены чувствомъ любви. Онъ выразилъ многообразно радости и тревоги любви отъ первыхъ дѣтскихъ мечтаній до безумнаго кипѣнія «поздней молодости» (I, 254), позднихъ грезъ безъ отзвука («Увидалъ изъ-за тучи утѣсь», I, 443) и даже завистливаго чувства старости къ молодости («Старикъ», I, 468). Но изъ всѣхъ пѣсенъ Полонскаго о любви, которыхъ найдется до 50-ти, только одна пыгается выразить порывъ страсти («Поцѣлуй», I, 239). Обыкновенно поэтъ останавливается или на призрачномъ чувствѣ, созданномъ мечтою («Цвѣтокъ»), II, 1; «Вальсъ: лучъ надеждъ», I, 17; «Чивита-Веккіа», I, 121; «Бредъ», I, 133; «Увидалъ изъ-за тучъ»), или на чувствѣ, охлажденномъ недоувѣріемъ къ нему («По-

слѣдній разговоръ», I, 13; «Прощай», I, 46; «Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаемъ медю я», I, 113; «Лѣсъ», I, 75; «Что, если...», I, 252), или разочарованіемъ въ предметъ любви («Вижу ль я...», I, 18; «Новой Лаурѣ», I, 81). Онъ особенно любитъ остановиться на чувствѣ, которое остается скрытымъ въ глубинѣ души, не высказанное («Письмо», I, 108; «Наивная жалоба», I, 49; «Прости», I, 108; «Утрата», I, 170). Рѣже выражается чувство беззавѣжное, но которому угрожаютъ люди («Маска», I, 38; «Затворница», I, 4; «Отрочество», I, 339) или которому грозить измѣна или предательство («Подойди ко мнѣ, старушка», I, 146; «Орелъ и Змѣя», I, 269). Идиллическое изображеніе любви встрѣчаемъ только въ 4 стихотвореніяхъ, но въ двухъ изъ нихъ выбраны моменты, когда полнота наслажденія нарушается наступившей разлукой («Пришли и стали тѣни ночи», I, 2) или мукою ожиданія («Выйду ль за оградою...», I, 145). Юная радость любви изображена лишь въ двухъ стихотвореніяхъ («Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ», I, 16; «За окномъ въ тѣни мелькаетъ...», I, *ibid.*).

Но если поэтъ не останавливается на изображеніи страсти, то мы находимъ у него болѣе оригинальныя темы въ изображеніи любви, гдѣ представляется она какъ цѣнное положительное благо жизни. Таковы: «Ночь въ Крыму» (I, 149), гдѣ воспѣта любовь, ставшая надолго вдохновительницей поэта:

Эта музыка души
 Мнѣ въ нныя, злые годы
 Послѣ бурь и непогоды
 Ясно слышалась въ тиши.
 Я внималъ, а сердце грѣлось
 Съ юга вѣющимъ тепломъ...
 Мнѣ и вѣрилось и грѣлось...
 Я внималъ и мнѣ хотѣлось
 Этой музыки во всемъ.

Благотворное дѣйствіе любви выражено и въ стих.: «Вчера священники...» (I, 158): въ день Свѣтлаго Христова Воскре-

сеня поэтъ чувствуетъ, какъ теплый лучъ любви подкрѣпляетъ его вѣру.

Изъ стихотвореній, воспѣвающихъ любовь, у Полонскаго самыя оригинальныя тѣ, въ которыхъ изображается прочная привязанность. Таковы: «Финскій берегъ» (I, 193) и «Старый орелъ» (I, 236). Въ первомъ изображена любовь въ народной трудовой средѣ, высказываемая съ неожиданнымъ равнодушіемъ, но заявляемая энергическимъ дѣломъ. Второе, одно изъ лучшихъ стихотвореній Полонскаго, изображаетъ привязанность, которую любящій готовится унести за предѣлы гроба.

Изъ стихотвореній этого рода особенно выдѣляются три, выражающія горе любящаго сердца при постигшей его уtratѣ («Безуміе горя», I, 209; «Послѣдній вздохъ», I, 210, и «Я читаю книгу пѣсенъ», I, 211). Эти превосходныя стихотворенія поражаютъ разнообразіемъ, представляя три момента скорби, всякій разъ съ новой ея стороны.

Обзоръ нашъ лирики Полонскаго отъ начала его поэтической дѣятельности до 1887 года, стихотворенія котораго уже входятъ въ составъ «Вечерняго звона», заключимъ перечисленіемъ тѣхъ пѣсь, гдѣ художественное дѣйствіе на читателя поэтъ передаетъ цѣльнымъ законченнымъ созданіемъ своей фантазіи, которыя живутъ уже собственною жизнію, такъ что каждое подобное произведеніе вырастаетъ въ сжатую поэму или въ драматическую сцену. Кто разъ прочтаетъ «Бѣду-проповѣдника» (I, 3), «Факира» (I, 24), «Весталку» (I, 52), «У Аспазіи» (I, 119), «Наядъ» (I, 150), «Агарь» (I, 155), «Вакханку и Сатіра» (I, 289), «Казимира Великаго» (I, 361) — тотъ уже не забываетъ ихъ: такъ врѣзываются они въ душу читателя и яркостію образовъ и гармоніею оригинальнаго стиха.

5.

Какія же думы волнуютъ нашего поэта нынѣ? какіе образы носятъ въ его фантазіи, вдохновляя его за предѣломъ полувѣка, посвященнаго творчеству?

Чаще и чаще обращается онъ къ мыслямъ о вѣчности. Вслушаться въ нихъ тѣмъ поучительнѣе, что мы знаемъ искренность поэта; въ теченіе долгаго поприща своего онъ внушилъ намъ полное довѣріе къ своему слову.

Эти мысли занимали Полонскаго и прежде, но выражались онѣ по большей части въ стихотвореніяхъ, которыя, не претворяя ихъ въ истинно-поэтическіе образы, хотя мѣстами и согрѣты чувствомъ, — все же въ общемъ носили характеръ прозы. (таковы: «Съ Богомъ боролся во снѣ», I, 390; «То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну», I, 463; «На кладбищѣ», II, 3). Правда, и они могутъ заставить читателя задуматься, порою мѣткимъ словомъ запечатлѣваютъ каждому близкія волненія мысли; но въ нихъ читатель не находитъ удовлетворенія. Поэтъ здѣсь выходитъ изъ своей области. Какъ бы краснорѣчиво ни бесѣдовалъ онъ, читатель все-таки будетъ чувствовать, что для своихъ размышленій найдетъ болѣе надежную опору въ сочиненіяхъ иного рода. Лишенные глубины и ясности, монологи поэта не замѣняютъ ему собесѣдника-мыслителя. Потому упреки, нерѣдко высказывавшіеся Полонскому въ неясности нѣкоторыхъ его произведеній и въ поверхностности его философій, должны быть именно отнесены къ этому роду его лирики и признаны справедливыми.

Когда же мысль поэта, слѣдуя своей природѣ, покидаетъ область отвлеченныхъ разсужденій, когда душа его загорается истиннымъ, ей сроднымъ, вдохновеніемъ и, покинувъ заботу о выраженіи какой-либо всеобщей истины, сосредоточивается на живомъ образѣ, и мысль поэта горитъ въ нѣдрахъ этого образа, а самые звуки запоютъ, проникая въ душу читателя музыкою слова, — во сколько разъ шире и глубже и плодотворнѣе дѣйствіе и самой мысли поэта на читателя! Въ подлежащемъ нашей оцѣнкѣ новомъ сборникѣ, на 1-й же страницѣ, мы встрѣчаемся съ такимъ истинно-поэтическимъ произведеніемъ.

Въ обычномъ настроеніи поэтъ, какъ и всякій человѣкъ, привыкъ смотрѣть на свою старость, какъ на такую пору душевной жизни, когда онъ уже не чувствуетъ ничего общаго съ утрачен-

ными днями наивнаго дѣтства. Но вотъ въ одну изъ минутъ, когда вдругъ ощущаетъ онъ, что все бремя прожитой жизни словно исчезло, не замѣтно болѣе разстояніе между дѣтствомъ и настоящей минутой старости, когда вдохновеніе поднимаетъ поэта на ту высоту, съ которой эти моменты существованія сливаются въ одномъ великомъ представленіи жизни, — поэтъ въ изумленіи обращается къ своему дѣтству съ вопросомъ: для чего оно воскресло вдругъ въ душѣ его? И онъ получаетъ знаменательный отвѣтъ изъ устъ этого дѣтства. Вотъ этотъ поэтический діалогъ:

Дѣтство пѣжное, пугливое
 Безмятежно-шаловливое —
 Въ самый холодъ вешнихъ дней
 Лаской матери пригрѣтое,
 И навѣки мной отпѣтое
 Въ дни безумства и страстей,
 Нынѣ всѣми позабытое,
 Подъ морщинами сокрытое
 Въ нѣдрахъ старости моей —
 Для чего ты вновь встревожило
 Зимній сонъ мой — словно ожило
 И повѣяло весной?
 Оттого, что вновь мнѣ слышится
 Голосокъ твой, легче ль дышится
 Мнѣ съ поникшей головой! . . .
 Не безъ думы, не безъ трепета
 Слышу я наивность лепета:
 — Старче! развѣ ты — не я?
 Я съ тобой навѣки связано,
 Мпой вся жизнь тебѣ подсказана,
 Въ ней сквозить мечта моя.
 Не напрасно вновь являюсь я:
 Твоей смерти дожидаюсь я,
 Чтобъ припомнило и я
 То, что въ дни моей безпечности

Я забыло въ нѣдрахъ вѣчности —
То, что было до меня.

Во сколько разъ глубже эти 27 стиховъ живого діалога захватываютъ мысль читателя, нежели страницы рѣчмонанныхъ размышленій о предсуществованіи души, о ея безсмертіи и т. п. Нужно ли говорить о красотѣ и силѣ, которыхъ достигъ здѣсь авторъ, заставивъ старца-поэта обратиться съ наивнымъ вопросомъ къ дѣтству, а дѣтскій лепетъ заставивъ дать отвѣтъ, достойный мудреца? Припомнимъ недоумѣніе Полонскаго къ силѣ своей вѣры, мы оцѣнимъ, какъ необходимо было поэту помѣнять роли собесѣдниковъ этого поэтическаго діалога.

Другія стихотворенія новаго сборника, вызванныя мыслями поэта о «приближеніи къ началу своему», носятъ именно это знакомое намъ вѣяніе сомнѣній въ признаніяхъ робкой души. Таковы здѣсь «Стансы» (стр. 39) и «Не то мучительно . . .» (стр. 203).

Ярче всего мученія скептицизмомъ выразились въ «Стансахъ», начинающихся возвышеннымъ рѣшеніемъ разума, что
 . . . вѣчность

Одно спасеть и сохранить —
Божественную человѣчность.
Земля земную втянетъ плоть,
Въ мракъ унесетъ ея химеры,
Одна безсмертная любовь
Намъ оправдаетъ силу вѣры.

Но затѣмъ поэтъ сознается, что не обладаетъ тою твердостью духа, при которой это убѣжденіе могло бы оставаться въ немъ всегда непоколебимо. Стихотвореніе явилось плодомъ одной изъ минутъ смиреннаго сознанія, что его человѣческая природа чаще протестуетъ противъ этихъ рѣшеній разума:

Но вѣра скудная моя
Могучихъ крылъ не отростила:
Страшна ей вѣчность впереди
И омерзительна могила.

Этотъ душевный разладъ заставляетъ поэта тяжело вздохнуть въ заключеніи стихотворенія:

Быть человѣкомъ не легко —
Труднѣе, чѣмъ создать поэму,
Сломить врага, воздвигнуть храмъ,
Надѣть въ алмазахъ діадему.

Съ этими стансами родственно стихотвореніе:

Не то мучительно, что вѣчно страшной тайной
Въ недоумѣнье повергаетъ умъ...

Тайну бытія поэтъ не считаетъ мучительной потому, что она возвышаетъ его вдохновеніе и окрыляетъ его думы: мучительны для него безжалостныя рѣшенія разсудка:

Не мириады звѣздъ, что увлекаютъ духъ мой
Въ просторъ небесъ, холодный и нѣмой,
А искры жгутся — и одной изъ нихъ довольно,
Чтобъ я простылъ, сгорѣвъ душой.

Въ стих. «Вечерній звонъ», которымъ заключается сборникъ, поэтъ является передъ нами въ минуту исканія вѣры; снова влеченіе сердца направляетъ къ ней его маловѣрную душу:

Я къ ночи сердцемъ легковѣрнѣй,
Я буду вѣрить какъ-нибудь,
Что ночь, гася мой свѣтъ вечерній,
Укажетъ мнѣ на звѣздный путь.
Чу! колоколъ... Душа поэта,
Благослови вечерній звонъ...

И вотъ въ ожиданіи смерти, которую поэтъ называетъ здѣсь «святою тѣнью», онъ чувствуетъ вѣяніе вѣчности:

Но жизнь и смерти призракъ міру
О чемъ-то вѣчномъ говорятъ,
И какъ ни громко пой ты, — лиру
Колокола перезвонять.

Въ такую благодатную минуту ему ясно, что вѣра — необходимое условіе для существованія генія, а утрата ея лишила бы человѣчество его высшей природы:

Безъ нихъ, въ пыли руинъ забытыхъ,
 Исчезнуть гени вѣковъ...
 То будетъ адъ звѣрей несъгтыхъ
 Или эдемъ полубоговъ.

Въ трехъ новыхъ произведеніяхъ поэтъ сосредоточивается на мысли о смерти. Въ стих.: «Зимой въ каретѣ» (стр. 48) передъ нами задушевное признаніе старика, что онъ не чувствуетъ себя созрѣвшимъ для смерти. «Заботливаго слугу страстей», его еще волнуютъ грѣзы бывшей любви. Онъ согрѣваютъ его, но тѣмъ грустиѣ минута отрезвленія. Поэтъ представляетъ себя въ морозный вечеръ ѣдущимъ въ каретѣ. Путь этотъ — символъ поздней поры его жизни.

И снится мнѣ — въ холодномъ свѣтѣ
 Еще есть теплый уголокъ:
 Я не одинъ въ моей каретѣ —
 Вотъ-вотъ сверкнулъ ея зрачокъ:....
 Я весь въ пару ея дыханья —
 Какъ мнѣ тепло на зло зимѣ!
 Какъ сладостно благоуханье
 Весны въ морозной полутьмѣ!
 Очнулся — и мечта поблекла —
 Опять румяный отъ огней
 Морозъ забрасываетъ стекла
 И вѣетъ холодомъ. Злодѣй!
 Онъ поглядѣлъ, какъ сердце билось,
 Любовь, и страсти, и мечты
 И вздохъ мой — все преобразилось
 Въ кристаллы, звѣзды и цвѣты.
 Ткань ледяного ихъ узора
 Вросла въ края звенящихъ рамъ,
 И нѣтъ глазамъ моимъ простора,
 И нѣтъ конца слѣпымъ мечтамъ!
 Мечтать и дрогнуть не хочу я,
 Но — каждый путь ведетъ къ концу,
 1 3 •

И скоро, скоро подкачу я
Къ гостепрѣимному крыльцу.

Несмотря на грустное содержаніе, стихотвореніе не производитъ тягостнаго впечатлѣнія: чувство поэта растворено тономъ кроткаго юмора, въ которомъ ведется монологъ изображеннаго въ немъ старика. А грѣзы прошлаго, замѣняющія ему наслажденія настоящимъ, котораго еще требуетъ его душа, набрасываютъ на его тихую скорбь поэтическій колоратъ. Это одно изъ характернѣйшихъ произведеній музы Полонскаго, умѣющей разрѣшать душевные диссонансы въ тихіе гармоническіе аккорды, въ которыхъ едва слышатся грустныя ноты и которые звучатъ мирно и безболѣзненно.

По основной темѣ къ этому стихотворенію близки два другія, также вошедшія въ новый сборникъ. Первое изъ нихъ — «Умирающій лебедь» проведено однакоже въ иномъ тонѣ. Душа поэта настроена здѣсь выше; въ немъ болѣе силы. Если въ первомъ художественная красота проявлена только въ живописи; то здѣсь, согласно болѣе страстному содержанію, краски болѣе поддержаны музыкаю стиха. Старый лебедь готовится къ смерти среди окружающей его суеты жизни, уже ему чуждой. Онъ помышляетъ о полетѣ къ небу, готовится къ своей послѣдней пѣснѣ, которую тамъ отъ суетной толпы, теперь нарушающей тишину сада праздничными огнями и музыкой.

Пѣлъ смычокъ, въ садахъ горѣли
Огоньки, сновагъ народъ,
Только вѣтеръ спалъ, да темень
Быгъ ночной небесный сводъ.
Темень быгъ и прудъ зеленый
И густые камыши,
Гдѣ томился бѣдный лебедь,
Прятася въ ночной тиши.

.....

Онъ глаза смыкагъ и грезягъ
О полетѣ выше тучъ:

Какъ въ просторъ небесъ высоко
 Унесетъ его полетъ,
 И какую тамъ онъ пѣсню
 Вдохновенную споетъ.
 Какъ на все, на все святое,
 Чтѣ тамъ онъ отъ людей,
 Тамъ откликнутся родныя
 Стаи бѣлыхъ лебедей.

.....

Но крыло не шевелилось,
 Пѣсня путалась въ умѣ:
 Безъ полета и безъ пѣнья
 Умиралъ онъ въ полутьмѣ.
 Сквозь камышъ, шурша по листьямъ,
 Пробирался вѣтерокъ...
 А кругомъ въ садахъ горѣли
 Огоньки, и пѣлъ смычокъ.

Порывъ остался мечтою. По знакомому намъ свойству поэта, онъ отказалъ и своему воплощенію въ той силѣ духа, которая вознесла бы его не въ грѣзахъ только, но наяву въ міръ иной, гдѣ раздалась бы его свободная пѣсня. Но сколько душевной жажды въ этомъ отказѣ удовлетворить ей!

Третье стихотвореніе, въ которомъ поэтъ выражаетъ свое душевное состояніе на склонѣ дней— посланіе къ Н. И. Лорану. Это—задушевная жалоба на то, что онъ, еще хранящій въ себѣ много душевныхъ даровъ, не можетъ ощутить полной отрады среди неблагопріятныхъ явленій окружающей дѣйствительности.

Плохо вижу я дорогу:
 Но, шагая рядомъ, въ ногу,
 Съ неотзывчивой толпой,—
 Страсти жаръ неуголенной,
 Холодъ мысли непреклонной,
 Жажду правды роковой
 Я несу еще съ собой.

Согласно неоднократно выраженной поэтомъ потребности впечатлѣній ясныхъ, и здѣсь онъ высказываетъ этотъ душевный голодъ:

Но повѣрь мнѣ, ноша эта
 Мнѣ была бы нипочемъ,
 Если бъ только было лѣто
 И дышалось бы теплою.
 Мнѣ бъ казался путь не дологъ,
 Если бъ солнечныхъ небесь
 Голубой, прозрачный пологъ
 Окаймлялъ зеленый лѣсъ,
 Если бъ въ полѣ гѣли птицы,
 А за пашней, на юру
 Полоса густой пшеницы
 Кольхалась на вѣтру (стр. 5 и 6).

Въ сборникѣ есть еще три стихотворенія, въ которыхъ мысль поэта обращается къ тайнамъ бытія и въ которыхъ онъ пытается расширить область занимающихъ его вопросовъ, уже не ограничиваясь сферою личной судьбы. Первое изъ нихъ: «Въ хвойномъ лѣсу» (стр. 33), къ сожалѣнію, принадлежитъ къ тѣмъ полу-прозаическимъ монологамъ, о которыхъ мы говорили выше. Этотъ монологъ не отличается ни глубиною мысли, ни языкомъ, который соотвѣтствовалъ бы серьезности предмета: Тема его выражена въ двухъ стихахъ:

Какъ загадочны и темны
 Откровенья Божества!

Стояла ли эта мысль развитія на трехъ страницахъ? Самый выборъ вопросовъ, неразрѣшимость которыхъ вызвала у поэта это восклицаніе, неудаченъ: для чего нужны птицамъ гнѣзда? и для чего муравьи предпринимаютъ свои постройки? Гораздо лучше рѣшеніе, къ которому приходитъ поэтъ, отвергнувъ праздные вопросы:

Но къ чему такія рѣчи?
 Все, что любить и живетъ,
 Безъ конца творить и любить;
 Все безплодно, что гнететь...
 Цѣль темна, люби безъ цѣли,
 Защищайся безъ вражды,
 И не жди въ минуту счастья
 Ни разгрома, ни нужды.

За исключеніемъ неожиданнаго противоположенія «гнета» любви и жизни (въ 1-й изъ этихъ строфъ), голосъ природы нашелъ здѣсь стройное выраженіе. Обѣ строфы западаютъ въ память—такъ онѣ хорошо выражены. Въ послѣдней части стихотворенія для выясненія своей темы авторъ допустилъ наивное предположеніе, что если бы онъ могъ передать муравьямъ свои познанія о мірѣ, то не встрѣтилъ бы съ ихъ стороны довѣрія къ себѣ. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ мысли, что лучше не тревожить муравьевъ этимъ человѣческимъ откровеніемъ, потому что вѣдь самъ онъ также не понимаетъ откровеній Божества. Курьезное предположеніе отомстило за себя небрежнымъ и отталкивающимъ языкомъ, которымъ выражена строфа, его высказывающая:

Я бы могъ *развить* умы ихъ...
 Но, *моими шеселя*,
 Муравьи *малолз* мой примутъ
 За фантазію *ораля*.

Языкъ ли это поэта? Такъ ли выражается гамлетовская пропія, которую, вѣроятно, хотѣлъ отгнѣнить здѣсь Полонскій? Въ стихотвореніи поэта, умѣющаго мастерски владѣть поэтическимъ языкомъ, странно встрѣтить подобную рѣчь. Выше мы замѣтили, что въ большинствѣ стихотвореній Полонскаго крайняя простота языка не преступаетъ предѣловъ, за которыми начинается область тривиальнаго. Указанная теперь строфа можетъ служить примѣромъ того, какъ поэтъ изрѣдка преступаетъ эти предѣлы,

словно забывая различіе между простотою и распущенностію рѣчи.

Совсѣмъ иного характера второе изъ указанныхъ стихотвореній. Оно озаглавлено: «На мотивъ одной старой французской легенды» (стр. 49).

Стройнымъ 4-хъ-стопнымъ хореемъ безъ рیمъ повѣствуется здѣсь о безпріютномъ мальчикѣ, которому люди отказали въ краюшкѣ хлѣба. Не найдя помощи на землѣ, мальчикъ обратилъ мысли къ небу:

Ахъ! когда бъ я былъ съ крылами,
Думагь онъ, я все бы небо
Облетѣгь и ужь досталъ бы
Я себѣ краюшку хлѣба!

Эту думу наивнаго мальчика подслушалъ злой демонъ. Онъ далъ ему невидимыя крылья, и мальчикъ помчался въ безпредѣльное міровое пространство. Но съ помощію крыльевъ злого демона онъ увидѣгь въ далекихъ сферахъ лишь механическое безжизненное и бездушное міроустройство: луна оказалась холодной глыбой, солнце пламенемъ газа; нигдѣ не было сострадательной души, которая накормила бы бѣднаго мальчика. Черезъ тысячу столѣтій опустился онъ снова на землю, но и она стала уже пустыннымъ шаромъ.

И на холмъ у ледяного
Моря сѣгь голодный мальчикъ
И, забывъ свои страданья,
Стагь о людяхъ горько плакать.

Тутъ увидѣгь его ангелъ и позвалъ съ собою, обѣщая показать ему искомаго имъ человѣка.

Но куда его помчалъ онъ —
Тайны этой не постигнетъ
Міръ, возникнувшій изъ праха;
Только демонъ ею бредить,
Но — земля его не слышитъ.

Легенда цѣльна и стройна, и тонъ ея выдержанъ отъ начала до конца. Нельзя того же сказать о последнемъ изъ философскихъ стихотвореній новаго сборника, хотя нельзя отрицать въ немъ грандіозности и яркости нѣкоторыхъ картинъ. Оно носитъ заглавіе: «Фантазія» (стр. 91). Въ немъ изображается значеніе фантазіи въ развитіи человѣчества. Начинается оно картиною жизни первобытныхъ людей, когда человѣкъ

... чему-то смутно вѣрилъ;

Но не молился и не измышлялъ

Ни алтарей, ни жертвоприношеній.

А на землѣ носился вѣчный геній,

И небу и землѣ родной,

Полуземной, полунебесный,

Никѣмъ невидимый, неслышимый, неизвѣстный.

Видя неизменную жизнь человѣка, этотъ духъ, назначеніе котораго — «оберегать и звать къ Божественному свѣту того, кто слыше одаренъ», въ уныніи обращается къ Богу съ сомнѣніемъ въ томъ, чтобы люди могли постигнуть Творца своего, когда и онъ, свидѣтель мірозданія, не постигаетъ Его.

И вотъ, какъ тихій звонъ, благоую вѣсть несущій,

Раздался Божій гласъ на гласъ, его зовущій:

— Я шлю Фантазію. Прими ее, какъ дочь

Моей любви; она тебѣ поможетъ...

Пусть каждый вѣритъ Мнѣ, по мѣрѣ силъ, какъ можетъ.

Фантазія явилась и начала свое творческое дѣло. Но грубое человѣчество вновь повергаетъ въ уныніе духа-просвѣтителя. Его оскорбляетъ, что люди дѣйствіемъ фантазіи признали грубый обломокъ скалы за своего бога, и онъ снова обращается съ жаждою къ Творцу:

Бездушной плоти поклонилась плоть

Одушевленная!... О, не внимай, Господь,

Ихъ суетной мольбѣ и дикому ихъ кличу;

Фантазію изъ міра отзови...

Въ отвѣтъ Творца разъясняется медленный путь развитія оду-

шевленной плоти и предсказывается, что въ концѣ концовъ, благодаря той же фантазіи, человечество постигнетъ Сущаго настолько же, насколько самъ духъ постигаетъ Его.

Стихотвореніе это страдаетъ длиннотами и неравномѣрностію частей. Второстепенныя части, преимущественно описательныя, излишне распространены сравнительно съ главною частию, къ которой сосредоточено вниманіе читателя. За яркою картиною первобытной природы и человѣка съ изображеніемъ носящагося надъ землею духа-просвѣтителя, слѣдуетъ опять описательная часть: совсѣмъ не нужная сцена изъ жизни дикарей, повторяющая тѣ же черты ихъ, которыя только что даны въ предыдущей картинѣ. Излишество этой сцены чувствуется тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ нея слѣдуетъ вновь описательная часть (сцена ночная, при появленіи Фантазіи).

Эти недостатки первой части по крайней мѣрѣ искупаются яркими красками описаній. Но тѣмъ слабѣе является послѣдняя часть: второй діалогъ Духа съ Богомъ. Жалоба духа (въ которую вновь внесено излишнее описаніе) лишена чувства, а отвѣтъ Бога крайне прозаиченъ; напр.:

И возрастуть иныя поколѣнья,
И, водворяя власть любви и красоты
И человѣчности, Фантазія страдающю
Дастъ высшій смыслъ и поведеть
Отъ созерцанья къ міросозерцанью. . . .

Истинная поэзія никогда не заставляетъ Божество говорить языкомъ философскихъ статей, и нѣтъ никакихъ основаній отступать при созданіи вѣщаній Божества отъ образа, который данъ для того въ поэтическомъ языкѣ библейскомъ. Тѣмъ болѣе непростительно было автору допустить въ словахъ Бога предательское пониженіе рѣчи, о которомъ было говорено выше по поводу стих.: «Въ хвойномъ лѣсу». Возможны ли въ ней выраженія такого рода:

. . . Нехитрому умѣнью
Добыть огонь — звѣрье кто можетъ научить?

6.

Въ сборникѣ есть два стихотворенія, въ которыхъ авторъ высказываетъ свои думы о современномъ европейскомъ поколѣніи. Ихъ можно назвать сатирическими, хотя чувство автора въ нихъ не растворено ни ярко выраженнымъ смѣхомъ, ни пламеннымъ негодованіемъ. Они ведутся въ томъ среднемъ тонѣ, который свойственъ утомленному огорченіемъ человѣку—условіе, отнимающее много силы у впечатлѣнія.

Въ обоихъ стихотвореніяхъ—думы безотрадные: идеализмъ поэта оскорбляется матеріализмомъ и милитаризмомъ вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неискренностію провозглашеній любви, правъ и свободы въ современномъ обществѣ.

Первое изъ этихъ стихотвореній («Золотой телець», стр. 20) подъ символомъ золотого тельца Изральтянъ представляетъ силу корысти современнаго человѣчества. Въ началѣ воспроизведена библейская картина испроверженія тельца Моисеемъ по возвращеніи съ Синая.

Но въ оны дни и не высокъ,
И малъ былъ золотой божокъ;
И не оставилъ его
Лежать въ пустынѣ одного,
Чтобъ вихри вьющимся столбомъ
Не замели его пескомъ;
Тайкомъ Израля сыны,
Легѣя золотые сны,
Въ обѣтованный край земли
Его съ собою унесли.
Тысячелѣтія прошли
Съ тѣхъ поръ — божокъ ихъ росъ, все росъ
И выросъ въ міровой колоссъ . . .
Всевластнымъ богомъ сталъ кумиръ . . .

Описавъ послѣдствія его власти, поэтъ спрашиваетъ:

Скажите же, съ какихъ высотъ
Къ намъ новый Моисей сойдетъ?

.....
Вѣдь если бь вдругъ упалъ такой
Кумиръ всесвѣтно-роковой,
Языческій, землѣ родной,—
Какой бы вдругъ раздался стонъ!
Вѣдь помрачился бь небосклонъ
И дрогнула бы ось земли!...

Ясно поставленная мысль въ началѣ стихотворенія, къ сожалѣнію, затемнена тремя послѣдними стихами, въ которыхъ авторъ пытался выразить возможный исходъ изображеннаго зла:

Не бойтесь, не пророки къ намъ
Сойдутъ съ высотъ, а развѣ самъ
Вочеловѣчившійся Богъ.

А такъ какъ въ этомъ окончаніи должна бы сосредоточиться вся сила стихотворенія, то при такомъ заключеніи оно производитъ впечатлѣніе чего-то недоконченнаго, недоговореннаго или сказаннаго на-двое.

Для второго стихотворенія («Живая статуя», стр. 195) авторъ избралъ форму аллегоріи. Онъ самъ заявляетъ во вступленіи, что тревожная его фантазія «какъ бы сквозь сонъ» создаетъ эту аллегорическую статую Европы наканунѣ XX-го столѣтія. Европа олицетворена въ видѣ колоссальной женщины, обремененной тяжелою ношею, заключающею всевозможные аксессуары современнаго быта: предметы роскоши, гербы и золото, жегѣзо, пушки и бомбы и т. п. У ногъ ея пигмей съ пудами печатныхъ листовъ и продуктами жалкаго искусства, просящіе у нея славы и золота. Не будемъ перечислять подробно всѣ предметы, нанизанные здѣсь авторомъ на нить своей мысли, не глубокой и не оригинальной. Скажемъ только, что стихотвореніе не производитъ впечатлѣнія и напоминаетъ тѣ грубоватые наброски, которыми украшаются первыя страницы иллюстриро-

ванныхъ листовъ такъ называемой «малой прессь». Въ согласіи съ такимъ непозитическимъ содержаніемъ и языкъ стихотворенія.

7.

Полную противоположность съ этими мало-поэтическими или непозитическими стихотвореніями составляютъ произведенія, при созданіи которыхъ точка отправленія несомнѣнно находится въ фантазіи автора, а не въ области его разсудка. Лучшія изъ нихъ въ новомъ сборникѣ, кромѣ разобранныхъ выше: «Орелъ и голубка» (стр. 3), «Эротъ» (12), «У двери» (13), «Подросла» (52), «Неотвязная» (189) и «Кассандра» (179).

Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній поэтическое впечатлѣніе производитъ первая половина, гдѣ изображенъ орелъ, вившій мольбѣ пойманной имъ голубки, въ контрастѣ съ бездушнѣйшей морской стихіей:

И сдѣлалась добычей бури
Добыча мощнаго орла...
Увы, бездушная стихія
Ея молитвъ не приняла.

Къ сожалѣнію, впечатлѣніе ослаблено второю половиною, гдѣ представленъ великодушный орелъ въ ожиданіи новой добычи, которую «укажетъ ему Господь». Безтактно обстоятельное перечисленіе той добычи, которой ожидаетъ онъ, сидя на скалѣ и точа свой клювъ: читателю невольно приходитъ на мысль, что милосердіе орла можетъ оказаться очень выгодною для него сдѣлкою: серна, гусь, а тѣмъ болѣе стадо могутъ сторипцею вознаграждать его за утраченнаго голубя. Если бы стихотвореніе ограничилось первою половиною, то впечатлѣніе его было бы сильно и поэтично и заключало бы вполне законченную мысль. Между тѣмъ двойственность стихотворенія даже наводитъ на мысль, не съ намѣреніемъ ли авторъ допустилъ ее: не пытался ли онъ выразить пессимистическую мысль объ относительности даровъ милосердія и объ иллюзіи его. Если было таково намѣреніе автора, то слѣдовало бы поставить самый образъ яснѣе и не опираться не-

избѣжности зла въ самыхъ добрыхъ дѣяніяхъ на Господню волю.

Зато какою свѣжестью фантазіи и силою ея, стройностью цѣлаго и выразительностію музыкальнаго стиха отличаются три стихотворенія, воспроизводящія поэтическія фигуры, одушевленные чувствомъ любви въ стихотвореніяхъ: «У двери», «Подросла» и «Неотвязная». Во всѣхъ нихъ съ художественною простотою воплощена жизнь сердца отъ неясныхъ порывовъ первой любви до привязанности горячаго сердца, твердо сознающаго свою силу.

Первое стих.: «Подросла» имѣетъ форму наивнаго признанія юной дѣвушки, недоумѣвающей передъ властію охватывающаго ее перваго чувства. Второе («У двери») — небольшая мѣщанская драма. Наивный герой ея переживаетъ цѣлый рядъ надеждъ, сомнѣній, ужаса, стоя подъ чердакомъ у двери своей милой: и всѣ эти волненія оказываются порожденными его возбужденной фантазіей, когда онъ узнаётъ, что простоялъ половину ночи передъ дверью пустой комнаты.

Третье стих. («Неотвязная») принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Полонскаго. Это одно изъ тѣхъ представленій любви, о которыхъ мы говорили выше, какъ особенно удающихся нашему поэту: въ горячемъ монологѣ здѣсь высказана привязанность, которой отдаются одинъ разъ на всю жизнь безповоротно. Выписываемъ его вполнѣ:

О! что хочешь, говори!
 Я не дамъ себя въ обиду.
 Я вѣрна тебѣ, — и я
 Отъ тебя живой не выйду.
 Пусть бранять меня, зовутъ
 Невозможной, неотвязной!
 Для меня любовь — клянусь! —
 Не была забавой праздной;
 Я повѣрила твоей
 Клятвѣ вѣчной, несприторной,
 И соперницѣ не дамъ
 Разорвать союзъ нашъ кровный . . .

Закаленная нуждой,
 Отрицаемая свѣтомъ,
 Я къ распутнымъ не пойду
 За спасительнымъ совѣтомъ.
 Пусть расчетъ ихъ вѣренъ, пусть
 Имъ потворствуютъ законы,
 Никому твоей любви
 Не продамъ за миллионы!
 Бей меня или убей!
 Я твоя, твоей умру я,
 Съ вѣчной жаждою любви,
 Нѣжныхъ ласкъ и поцѣлуя.
 Гдѣ бы ты ни пропадалъ,
 Съ кѣмъ бы ни былъ, — на порогѣ
 Будетъ тѣнь моя стоять —
 Не сойдетъ съ твоей дороги.
 Сколько бъ ты ни измѣнялъ,
 Чтб бъ ни дѣлалъ, другъ мой милый!
 До могилы ты былъ мой,
 Будешь мой и за могилой.

Нельзя не признать (даже несмотря на одинъ промахъ въ рифмѣ 3-й строфы), что это стихотвореніе выше всѣхъ прежнихъ, аналогичныхъ ему по темѣ, о которыхъ упоминали мы выше. Подобные голоса сердца съ ихъ музыкою и логикою чувства — торжество лирики Полонскаго.

Къ сожалѣнію, онъ не потерялъ вкуса и къ тому гейневскому представленію беззавѣтныхъ чувствъ, которое было въ модѣ гдѣ 40—30 тому назадъ въ нашей литературѣ, какъ очаровательная маска, внезапно снимаемая для обличенія безсердечія. Не замысловатый эффектъ этотъ состоитъ въ томъ, что граціозное выраженіе чувства, тщательно охраненное отъ всякаго сомнѣнія въ его искренности, внезапно обрывается диссонансомъ, разрушающимъ все очарованіе пѣсней. Въ новомъ сборникѣ Полонскій отдалъ дань этой манерѣ въ стихотвореніи «Онъ»

(стр. 29). Тѣмъ не менѣе вся положительная часть пѣсни такъ хороша, что стихотвореніе можно причислить къ лучшимъ изъ лирическихъ пьесъ Полонскаго. Вотъ это стихотвореніе, въ которомъ такъ удачно примѣнены размѣръ и движеніе стиха «Царскосельскаго лебедя» Жуковскаго:

Какъ они наивны
 И какъ робки были
 Въ дни, когда другъ друга
 Пламенно любили!
 Плакали въ разлукѣ,
 Отъ свиданья мѣли...
 Обрывались рѣчи...
 Руки холодѣли;
 Говорили взгляды,
 Самое молчанье
 Устъ ихъ было громче
 Всякаго признанья.
 Голось, шорохъ платья,
 Рукъ прикосновенье
 Въ сердце ихъ вливали
 Сладкое смятенье.
 Разъ, когда надъ ними
 Золотыя звѣзды
 Искрами живыми,
 Чуть дрожа, мигали,
 И когда надъ ними
 Вѣтви помавали,
 И благоухала
 Пыль цвѣтовъ, и легкій
 Вѣтерокъ въ куртинѣ
 Сдерживалъ дыханье...
 Полночь имъ открыла
 Въ трепетѣ лобзанья,

Въ тайнѣ поцѣлуевъ —
Тайну мірозданья . . .

И осталось это
Чудное свиданье
Въ памяти навѣки
Разлученныхъ рокомъ,
Какъ воспоминанье
О какомъ-то счастьѣ
Глупомъ и далекомъ.

Къ пьесамъ, живописующимъ такъ полно жизнь сердца, должно отнести въ новомъ сборникѣ и стих.: «Любви не боялась ты, сердцемъ созрѣвшая рано» (стр. 7). Оно имѣетъ форму утѣшенія, съ которымъ поэтъ обращается къ «жертвѣ неволи, страстей и обмана», которая мучится своимъ позоромъ и боится упрековъ. Указавъ на то, какъ мало имѣютъ права люди на эти упреки, поэтъ заключаетъ свое кроткое увѣщаніе такъ:

И все, что въ тебѣ было дорого, чисто и свято,
Для любящихъ будетъ такимъ же священнымъ казаться;
И щедрое сердце твое будетъ такъ же богато —
И такъ же ты будешь любить и, любя, улыбаться.

8.

Намъ остается сказать о двухъ стихотвореніяхъ, для которыхъ поэтъ заимствовалъ образы изъ античнаго міра: «Эротъ» (стр. 12) и «Кассандра» (стр. 179).

Полонскій обыкновенно такіе образы не воспроизводитъ вполне объективно, т. е. съ цѣлю непрякословенно повторить античную фигуру или мифологическую сцену исключительно ради ихъ собственной художественной цѣны. Онъ пользуется такими сюжетами для собственныхъ лирическихъ цѣлей, внося въ традиционные образы свои новыя мысли. Но въ этомъ примѣненіи имъ всегда соблюдается тактъ, свидѣтельствующій о тонкомъ художественномъ чувствѣ автора. Новизна и субъективность вводимыхъ въ такія сцены мыслей нисколько не противорѣчатъ

характеру избранныхъ образовъ, потому что поэтъ облакаетъ въ эти образы идеи общечеловѣческія. Только при этомъ условіи возможно вполне избѣжать противорѣчій между содержаніемъ и формою, что бываетъ неминуемо, когда пользуются неумѣло классическими образами и приносятъ ихъ въ жертву не соответствующему имъ содержанію, что сообщаетъ имъ уже характеръ пародіи.

Въ стих.: «Эротъ», сцена на Олимпѣ, Эротъ смутилъ боговъ тѣмъ, что заигралъ на священной лирѣ Аполлона. Только самъ владыка божественныхъ пѣсенъ добродушно предоставилъ баловню Зевса продолжать игру, снисходя къ потребностямъ смертныхъ и нимфъ, которые, томясь любовью, цѣнятъ и такія пѣсни, предпочитая ихъ, быть можетъ, музыкѣ Аполлона. Полонскій беретъ здѣсь подъ защиту свободу поэзіи, не ограничивая права на нее лишь творчествомъ избранныхъ. Но уступка эта, столь естественная со стороны поэта, чуждаго всякаго высокомерія, горячаго сторонника терпимости, сдѣлана съ рѣдкимъ тактомъ, какъ подобаешь служителю строгой красоты: онъ заставляетъ высказать ее самого Аполлона, въ устахъ котораго, безъ нарушенія упомянутой выше вѣрности античнымъ представленіямъ, она не можетъ быть высказана иначе, какъ съ снисходительнымъ чувствомъ творца истинной поэзіи, сознающаго свое неизмѣримое превосходство, по-эллиниски самодовольнаго въ своей увѣренности, что уступка его не можетъ нанести оскорбленіе истинному искусству. Трудно выбрать болѣе удачный образъ для мысли автора, которой такъ легко оказаться рискованною подъ перомъ поэта меньшей силы. Полонскому она оказалась по плечу — и вотъ лучшее доказательство, что мы имѣемъ дѣло съ истиннымъ поэтомъ-художникомъ, который даетъ себя знать всякій разъ, какъ его посѣтитъ истинное вдохновеніе. Въ стих.: «Эротъ» мы видимъ сочетаніе высоты идеала съ движеніемъ сердца, согрѣтаго человѣческимъ чувствомъ. Въ стихотвореніяхъ, имѣющихъ предметомъ поэзію, это достоинство рѣдкое: болѣею частію авторы этотъ тонкій вопросъ рѣшаютъ или докторальнымъ то-

номъ въ смыслѣ холоднаго жречества, или малодушно поступаясь высокою идеала.

Нравственный образъ Кассандры, созданный Эсхиломъ, Еврипидомъ и греками позднѣйшей эпохи, а также у римлянъ Вергиліемъ, неоднократно воспроизводился поэзіею и новой Европы. Наиболѣе популярное изображеніе ея принадлежитъ Шиллеру въ его балладѣ «Кассандра», переведенной и на русскій языкъ Жуковскимъ.

Она является уже у Гомера, не упоминающаго о дарѣ предвидѣнія, которымъ надѣлилъ ее Аполлонъ: онъ ограничивается вѣнчаніемъ ея изображеніемъ, сравнивъ ее по красотѣ съ золотою Афродитою. Еврипидъ въ своихъ «Троянкахъ» изображаетъ ее уже надѣленною роковымъ даромъ. Въ лирическомъ монологѣ и въ сценѣ съ матерью Гекубою она является у него плѣнницею Агамемнона въ моментъ передъ отправленіемъ изъ Трои въ Аргось; въ изступленіи представляетъ она себя невѣстою царя-побѣдителя, съ факеломъ Гименея въ рукѣ, приглашающей мать пачать брачную пляску. Восторженныя хвалы побѣжденной соотечественникамъ соединяются у нея съ пророчествомъ гибели Атридовъ и своей собственной. Она удаляется, чтобъ вступить на корабль съ сознаниемъ, что сойдетъ въ царство мертвыхъ побѣдительницей, разрушивъ домъ Атридовъ, погубившихъ ея родину. У Эскила Кассандра изображена въ моментъ пріѣзда ея въ Аргось. Вѣщая дѣва пророчествуетъ здѣсь о убіеніи Клитемнестрою Агамемнона, о грядущемъ прекращеніи кровавой мести и о собственной гибели. Эскилова Кассандра покоряется судьбѣ и удаляется со сцены съ послѣднею мольбою къ Аполлону о милости за себя. Здѣсь же она объясняетъ, что за неисполненіе обѣта любви предъ Аполлономъ гнѣвъ бога поразилъ ее тѣмъ, что пророчествамъ ея никто не давалъ вѣры. Эту казнь Аполлона особенно выдвинулъ Вергилій: Эней повѣствуетъ, какъ троянцы, спокойно ликуя, украшали храмы боговъ, безъ вѣры внимая Кассандрѣ, разрѣшившей вѣщій языкъ (Эн. 246, 247), и какъ даже юный Коребъ, горѣвшій къ ней любовью, не повѣрилъ ея

порипаніямъ, и — наконецъ — какъ, оковавъ ея руки, изъ храма Паллады влекли за волосы ея, тщетно подъемлющую пламенныхъ очи къ темному небу — и она исчезаетъ изъ нашихъ глазъ въ смятеніи боя, въ которомъ погябъ ея Коребъ, бросившійся на ея выручку. Шиллеръ изъ всѣхъ обстоятельствъ жизни Кассандры избралъ именно муку всезнанія, встрѣчаемаго общимъ недоувѣріемъ, когда она среди блеска и ликованій брачнаго торжества сестры своей Поликсены провидитъ и гибель ея жениха и разрушеніе Трои.

«Кассандра» Полонскаго задумана вполне оригинально. Его фантазія остановилась на одномъ намекѣ въ діалогѣ Эсхиловой Кассандры съ хоромъ въ его «Агамемнонѣ». На вопросы хора о любви Аполлона къ ней, она сознается, что дала обѣтъ любви и не сдержала слова. Баллада Полонскаго есть самостоятельное воспроизведеніе сцены, предшествующей всѣмъ сценамъ, изображавшимъ доселѣ Кассандру, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ Эсхилова хора по поводу этого сознанія Кассандры: «Ужъ получивъ сперва даръ прорицанья?», на который у Эсхила не послѣдовало отвѣта.

Поэту предстояло изобразить свиданіе Кассандры съ Аполлономъ. Въ идеѣ сближенія смертной съ божествомъ, гражданки, раздѣляющей тревоги родного города, съ чуждымъ этихъ заботъ небожителемъ — центральный пунктъ, который зажегъ фантазію Полонскаго. У него Кассандра выпрашиваетъ сама даръ предвидѣнія, озабоченная судьбою отчизны — черта новая, но вполне согласная съ античнымъ представленіемъ гражданскихъ чувствъ Кассандры у Еврипида. Богъ исполняетъ ея просьбу, надѣясь, что открывшаяся ей судьба родного края упразднитъ ея заботы о немъ, и она покинетъ родной городъ такъ же, какъ онъ покинулъ для нея своды неба. Въ порывѣ любви онъ зоветъ ее въ благодатный край грезъ, сновъ, розъ и соловьиныхъ пѣсенъ. Но не для сладкаго забвенія послужилъ страшный даръ Кассандрѣ. Ужаснувшись представшей очамъ ея гибели Трои, она вырвалась изъ объятій бога — и была отдана во власть тѣхъ

мученій, которыя послужили главнымъ сюжетомъ для Вергилія, Еврипида и Шиллера..

Сцена этого рокового свиданія написана съ мастерствомъ и исполнена поэзіи. Описательная часть, не нарушая стройности драматической сцены, какъ разъ въ мѣру набрасываетъ обстановку событія и неразрывна съ повѣствованіемъ, какъ то бываетъ въ безыскусственномъ эпосѣ. Фигуры Кассандры и Аполлона пластичны и одушевлены жизнью. Главный моментъ сближенія набросанъ чертами правдивыми и выраженъ языкомъ, соответственнымъ сюжету. Размѣръ стиха авторъ удержалъ тотъ, который усвоенъ нашей литературѣ для балладъ этого рода Жуковскимъ, въ свою очередь заимствовавшимъ его у Шиллера.

Въ предразсвѣтный часъ утра, когда еще пылающіе взаимной враждою Данаи и Троянцы спали,

... Кассандра легче тѣни,
 Не спѣша будить отца,
 Проскользнула на ступени
 Златоверхаго дворца;
 И въ семьѣ никто не знаетъ —
 Кто проснулся, чей хитонъ
 Бѣлымъ призракомъ мелькаетъ
 Въ сонномъ сумракѣ колоннъ.
 Ей въ лицо прохлада дышитъ,
 Ночи тѣнь въ ея очахъ,
 Складки длинныя колышетъ
 Удаляющійся шагъ.

Такъ дѣва, вызванная чрезъ жреца Аполлономъ, вступила въ сѣнь священной рощи. Слѣдуетъ появленіе бога:

Алый блескъ зари струится...
 Это онъ идетъ... не сонъ...
 На яву Кассандрѣ снится
 Свѣтозарный Аполлонъ.

Въ отвѣтъ Кассандры на высказанную богомъ любовь къ ней — вся ея возвышенная душа, но уже изъ этой рѣчи предчувствуется невозможность любви ея къ небожителю:

Въ мірѣ вѣчныхъ ликованій,
 Посреди воздушныхъ странъ,
 Ты не вѣдаешь страданій,
 Ты не знаешь нашихъ ранъ . . .
 Слезъ твоихъ не знаютъ очи,
 И тебѣ невѣдомъ страхъ;
 Ни одной безсонной ночи
 Не провелъ ты въ небѣсахъ.

. . . . .
 Полюбила бъ я, быть можетъ,
 Да любви мѣшаетъ стыдъ,
 Участь родины тревожить,
 Неизвѣстность тяготить.

. . . . .
 Я устала ненавидѣть —
 Я любить хочу, но знай,
 Я, любя, хочу предвидѣть —
 Даръ предвидѣнья мнѣ дай.

Богъ даетъ ей даръ, призывая, какъ сказано было выше, въ беззаботную страну грѣзь.

Ароматный, знойно-сладкій
 Не зефиръ ли опакнулъ
 Грудь и плечи ей, и складкой
 Бѣлой ткани шевельнулъ . . .
 Лучъ блуждающей надежды
 Озарилъ ея черты,
 Красота склонила вѣжды,
 Устыдись своей мечты.
 Но волшебной рѣчи сила
 Разливала жаръ въ крови,

И ужъ все готово было
 Къ торжеству его любви...
 Вдругъ Кассандра оглянулась
 И очами повела,
 Съ дикимъ воплемъ отшатнулась,
 Вскинувъ руки, замерла.

Слѣдуетъ видѣніе ожидающаго Трои разгрома.

Ахъ! Предчувствуя позоръ свой,
 Мнѣ ль прильнуть къ груди твоей?
 Уходи въ глухой просторъ твой,
 Отъ проклятій уходи.
 И въ одно мгновеніе ока
 Гибельный ликъ его погасъ —
 Изступленный издалека
 Онъ воззвалъ въ послѣдній разъ.

Цѣломудренная героиня, въ сердцѣ которой гражданское
 чувство побѣдило всѣ другія, сплшитъ предостережъ родной го-
 родъ отъ гибели, скрытой въ роковомъ конѣ...

Слыша дочери степанье,
 Просыпается Приамъ,
 Но напрасны предсказанья—
 Вѣры нѣтъ ея рѣчамъ.
 Ей рыдать даютъ свободу,
 Ничего не говоря.
 — Обезумѣла! народу
 Шепчуть ближніе царя.
 Дни бѣгутъ... Врагамъ повѣривъ,
 Троя въ праздничныхъ цвѣтахъ;
 Лишь она одна, измѣривъ
 Бездну зла, внушаетъ страхъ...
 Одичала... на оградѣ
 Сѣла — и глядитъ, стена,
 Какъ встрѣчаетъ царь Палладѣ
 Посвященнаго коня.

Не будемъ разбирать остальные лирическія піесы сборника, менѣе замѣтныя какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Между ними есть однакоже нѣсколько удачныхъ. Таковы два стихотворенія, характеризующія Фета («А. А. Фетъ», стр. 8, и «Въ день 50-лѣтняго юбилея А. А. Фета», стр. 41); «Свѣтлое воскресенье», отличающееся стройной симметрической формою; «Для сердца нѣжнаго» (стр. 40), гдѣ поэтъ снова является пѣвцомъ прочной привязанности въ противоположности страсти, которую здѣсь онъ прямо называетъ «Слѣпою силою», отравляющею сердце и мутящею умъ; «Я врагами богатъ и друзьями» (стр. 46), гдѣ выражено чувство обиды поэта на безсиліе его друзей, малодушно уступающихъ передъ пастойчивой твердостью враговъ. Поэтъ заключаетъ стихотвореніе въ духѣ Гейне выразительнымъ сарказмомъ:

И я право не знаю, что́ лучше:
 Эта дружба иль эта вражда?
 Поневогѣ завидуя силѣ,
 Я врагами горжусь иногда.

Въ большомъ стих.: «Разговоръ» (стр. 159—176), въ діалогѣ критика съ гостемъ, пришедшимъ посоветоваться съ нимъ о поэтическихъ опытахъ своего сына, авторъ устами критика, среди многихъ здравыхъ мыслей о поэзіи, высказывается противъ потворства мнимому поэтическому призванію. Стихотвореніе это, къ сожалѣнію, растянута и—по мыслямъ—не ново. Подобнаго содержанія небольшая пьеса: «Люблю, цѣню твои сомнѣнья» (стр. 47), гдѣ поэтъ предостерегаетъ отъ авторства дѣвушку, не обладающую достаточнымъ дарованіемъ. Остальные стихотворенія—или отрывки, или наброски, въ которыхъ фантазія поэта не отпечатлѣлась представленіями достаточно ясными или красивыми. Таковы: «Въ засуху» (стр. 10), «Памяти Гаршина» (стр. 26), «Завѣтъ» (стр. 37), «Въ снѣжной равнинѣ» (стр. 71), «Передъ каминомъ» (стр. 178), «Черногорскій ключъ» (стр. 191), «Осеннюю темь» (стр. 193), «Въ гостяхъ у А. А. Ш.» (стр.

199), «Вѣръ, не зиму любимъ мѣ» (стр. 201). Есть одна недурная эпиграмма («ЖЖ», стр. 177).

9.

Въ сборникъ вошли еще два эпическихія произведенія большого размѣра: «Повѣсть о правдѣ истинной и кривдѣ лукавой» (стр. 55—90) и «Анна Галдина» (стр. 98—158).

Мы видѣли, какъ идеи поэта находили удачное воплощеніе въ образахъ античныхъ. Античные образы имѣютъ всѣ преимущества поэтическихъ созданій высокой цивилизаціи. Новый поэтъ, избирающій ихъ символами взволновавшихъ его мыслей, находилъ ихъ глубокими и прекрасными уже въ ихъ античномъ первообразѣ. Идея сливалась съ такимъ образомъ безъ усилія, даже находила въ немъ первый толчокъ творчества; такіе образы поднимали самую мысль автора, которая возбуждалась ихъ красотою.

Не то встрѣтилъ поэтъ, когда обратился къ русской народной поэзіи. Желая воплотить въ художественной сказкѣ борьбу правды съ неправдою, онъ не нашелъ въ русской сказкѣ пригодныхъ для его цѣли образовъ. Извѣстно, что въ народныхъ сказкахъ Правда и Кривда являются не получившими фантастическаго олицетворенія, а выразились въ элементарныхъ фигурахъ праводушнаго и криводушнаго крестьянина, изъ которыхъ первый, вопреки общему порядку вещей, слѣдуетъ пути праведному и награждается за то бракомъ съ царской дочерью. Въ «стихѣ о Голубиной книгѣ» Правда и Кривда приснились князю Владимиру Владимировичу подобными двумъ звѣрямъ, вступившимъ въ бой. Вотъ и все, что могъ найти Полонскій въ народной поэзіи: слѣдовательно ему пришлось для своей сказки, задуманной въ народномъ духѣ, создавать образы совершенно самостоятельно. Кривда удалась ему богѣе: изъ нѣсколькихъ видовъ, которые принимаетъ она здѣсь, лучше всего—образъ старицы, преобразующейся въ красавицу для того, чтобы отвлечь дружину бога-

тыря Ивана Богуслаевича, ополчившагося на Кривду (главы X и XII):

Въ это время Иванъ Богуслаевичъ
 Увидалъ изъ-за лѣса дремучаго,
 По травѣ шелести, къ нимъ какъ тѣнь идетъ
 Въ ветхомъ рубищѣ нѣкая старица,
 Головой трясеть и прихрамываетъ,
 На кривую клюку опирается...
 Подходя, въ поясъ кланяется,
 Подойдя, таковы слова
 Говорить нараспѣвъ тихимъ голосомъ:
 — Дай вамъ Богъ, ниспошли Богородица
 Одолѣнье на Кривду лукавую!
 Охъ, отцы мои, многомилостивцы!
 Не калика я перехожая,
 Не раба, а княжая дочь —
 Кривдой лукавой обиженная.
 Какъ была я молоденькая,
 Безъ труда, безъ работы, безъ горюшка
 Между нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ
 Я у батюшки въ терему росла...

.....
 А какъ померъ родимый, осталась я
 Сиротѣть съ вѣдьмой-мачехою,
 Да съ ея сыновьями-злодѣями.
 Обобрали они меня до-чиста,
 Долго гнали, корили сутяжили,
 По всему околотку безчестили,
 Что де я, молодая, съ нечистымъ возжусь,
 Навожу на скотину падежъ,
 На людей злую хворь навожу.
 И хотѣли они меня въ темный подвалъ
 Засадить, чтобъ я свѣту не видѣла, —
 Да старуха одна надоумила —

Принесла мнѣ одежду крестьянскую . . .

. . . . .
Тутъ присѣла къ огню эта старица,
Попросила напиться — и, охая,
Нараспѣвъ, тѣмъ же ласковымъ голосомъ,
Повела, дальше рѣчь свою...

. . . . .
Ужъ давно погасъ ихъ ночной костеръ,
Ужъ и мѣсяцъ зашелъ въ тучу темную,
Ужъ и звѣзды куда-то попрятались,
А они все сидѣли да слушали.
Къ утру сталъ дремать богатырь Иванъ,
А ребята его и не думали...
А чѣмъ больше они въ нее всматривались,
Тѣмъ пригожѣй она становилась.
Кто поближе къ ней присосѣдился
Тотъ ужъ чуялъ въ ней что-то знойное;
Сквозь морщины ея, такъ и чудилось,
Красотой и соблазномъ просвѣчиваетъ,
Темный глазъ горитъ молодымъ огнемъ,
А сѣдые, косматые волосы
Свѣтлорусой косою разсыпаются.

Къ сожалѣнію, самъ герой повѣсти остался крайне безцвѣтенъ; авторъ, очевидно, придумывалъ каждое его дѣйствіе, руководствуясь внѣшними для дѣла фантазіи соображеніями. Такъ изобразивъ въ этомъ героѣ вождя ратнаго, — вооруженнаго мечемъ-кладенцомъ, авторъ потомъ видимо усомнился въ пригодности ратныхъ подвиговъ при борьбѣ за Правду съ Кривою, и сочинилъ для него подвиги иного рода:

. . . не съ бою, не кровавымъ путемъ
Богатырь Иванъ со дружиною
До гнѣзда ея добирается.
Что онъ камни ворочаетъ, строитъ мосты,

Роешь колодцы глубокіе
И, добра своего не жалѣючи,
На разживу даешь даже висѣльникамъ,
Что споня она, отуманила...

Вслѣдствіе столь загадочнаго способа борьбы съ Кривдою, образъ, поставленный въ началѣ повѣсти, совершенно спутывается. Фантазія поэта разошлась съ мыслию.

Усыпивъ богатыря и разсѣявъ его дружину, Кривда его покинула. Богатыря разбудила Правда, возвратившаяся на время съ неба на землю. Съ этого момента весь ходъ изображеннаго дѣйствія обезцѣвчивается, лишается всякаго движенія и интереса. Правда ограничивается одними словами, Кривда — дракою съ Горемъ-Злосчастіемъ. Нестройная смѣна сценъ заканчивается сномъ, въ которомъ сберегаемая авторомъ мысль высказывается, наконецъ, обѣщаніемъ Правды сойти впоследствии вторично на землю съ ангелами. Послѣ этого сна, въ которомъ почудилось Ивану Богуслаевичу, будто Правда отъ Кривды лицо свое отвратила и съ нимъ обручилась, богатырь вѣшаетъ свой мечъ на высокій дубъ, прося его сберечь этотъ мечъ для того, кто уверуетъ, что спасетъ отъ бѣды Русь, когда «неравень часъ, Кривда лукавая соберетъ полки и пойдетъ на насъ». Затѣмъ, какъ повѣствуетъ авторъ, герой-ратникъ безъ оружія пошелъ по Руси — «и слово его было сильное слово — сильнѣе меча; въ его словахъ была правда истинная».

За исключеніемъ двухъ-трехъ сценъ, слѣдуетъ признать эту повѣсть попыткою неудачною со всѣми недостатками пространныхъ аллегорическихъ повѣствованій, въ которыхъ теряется ясность занимающихъ автора мыслей. Приведенная выше выдержка показываетъ и безукоризненность стиха этой сказки (см. напр. стихъ 27-й).

Совсѣмъ иное дѣло — вторая повѣсть: «Анна Гадина. Изъ преданій одного уѣднаго города».

Это — юмористическій стихотворный рассказъ, сюжетъ котораго — очень незамысловатый анекдотъ. Суевѣрная купеческая

дѣвушка, начавшая порядкомъ старѣться, почувствовала сердечную склонность къ юному постояльцу, въ которомъ впервые встрѣтила лицо, сумѣвшее занять ея умъ и фантазію и пробудить дотолѣ подавленную безотрадными условіями грубой среды душу. Въ порывѣ желанія помолодѣть, чтобы вызвать въ юношѣ взаимность, наивная героиня обратилась къ знахарю, слывшему въ городѣ за колдуна, который обладаетъ тайною возвращать молодость. Взявъ съ нея впередъ порядочную сумму денегъ, плуть въкупалъ ее въ водѣ съ ароматическими травами и, отпуская домой, строго-на-строго наказалъ ей въ теченіе девяти сутокъ ни подъ какимъ видомъ не называть себя никому по имени — иначе исчезнетъ сила колдовства. Но едва Анна покинула домикъ знахаря, какъ вынуждена была, подъ страхомъ впутаться въ неприятную уличную сцену, назвать себя полицейскому. Разочарованіе и безнадежность горя сводятъ быстро ее въ могилу.

Этому лубочному сюжету Полонскій сумѣлъ сообщить интересъ и поэтической колоритъ, давъ разсказу смыслъ бытовой картины уѣзднаго города 30-хъ и 40-хъ годовъ нашего вѣка и одаривъ героиню нѣкоторыми привлекательными чертами характера. Юморъ въ разсказѣ выдержанъ; онъ нигдѣ не притязаетъ на сатирической пафосъ, но, соотвѣтственно содержанию, ведется тономъ добродушной шутки, съ которымъ какъ нельзя болѣе гармонируетъ избранный поэтомъ стихотворный размѣръ. Подобно тому, какъ Пушкинъ воспользовался складомъ лубочныхъ вришъ для своей сказки о попѣ и работникѣ его Баддѣ, Полонскій здѣсь примѣнилъ мотивъ камаринской, порою съ перебоемъ парныхъ рѣмъ этой пѣсни рѣямами чередующимися, порою сгоявля ихъ по три въ рядъ и, наконецъ, изрѣдка оставляя стихъ безъ соотвѣтствующей рѣямы.

Начавъ тономъ раѣшника, показывающаго незамысловатыя картинки свои:

Безподобное мѣстечко, господа!
Не угодно ли пожаловать сюда.

Поглядите, что за чудо городокъ:
 Не Москвы ль онъ отдаленный уголокъ?
 Вотъ застава и, чтобъ каждый видѣть могъ,
 Въ видѣ замка бѣлокаменный острогъ;
 Вотъ общественная баня и кабакъ,
 Вотъ базаръ, и судъ уѣздный, и баракъ,
 Гдѣ идетъ теперь игра, среди кулисъ,
 Доморощенныхъ актеровъ и актрисъ;
 Есть и вывѣска подъ видомъ колача,
 И полиція, и даже каланча.
 И общественный есть садикъ, гдѣ сирень
 На скамеечку отбрасываетъ тѣнь:
 Тутъ и липа и боярышникъ цвѣтеть,
 Когда лѣто людямъ пару поддаетъ...

онъ переходитъ къ юмористическому историческому очерку древней и новой Руси, который долженъ объяснить состояніе описываемаго городка, послужившаго мѣстомъ дѣйствія его повѣсти. Шутливый тонъ мастерски мѣняется, разнообразно переливаясь и порою переходя въ задушевный и грустный, гдѣ того требуетъ содержаніе, подобно тому какъ подъ пальцами искуснаго балалаечника игривый мотивъ порою звучитъ томно и уныло. Мало по малу рассказъ переходитъ въ широкую картину нравовъ и въ наглядный психологическій этюдъ, вводящій читателя въ святилище души его симпатичной героини, которой было суждено сыграть такую комическую и грустную роль въ жизни. Описавъ обстановку ея дѣтскихъ лѣтъ, поэтъ продолжаетъ:

Эти старыя картинки безъ затѣй
 Были школою для Анны съ раннихъ дней;
 Эти надписи, что съ дѣтства разбирать
 Ей пришлось и навсегда запоминать,
 Говорили съ ея сердцемъ и умомъ,
 Наполняли душу вѣрой и огнемъ:
 Она вѣрила, что скоро страшный судъ,
 Что Антихристъ недалеко, что придутъ

Съ нимъ и агтелы его, чтобъ налагать
 На невѣрующихъ адскую печать.
 И боялась, когда громъ мѣшалъ ей спать,
 И крестилась всякій разъ, какъ бѣлый блескъ
 На мгновенье озарялъ ея кровать,
 Иль гудѣлъ вдали рассыпавшійся трескъ.
 Развѣ няня ей могла растолковать,
 Что такое эта молнія и громъ?
 Вотъ она на край подушки локоткомъ
 Оперлась и на святые образа
 Возвела свои пугливые глаза.
 Громъ гремитъ, а вдохновенная слеза
 Оттягиваетъ ей рѣсницы и слезный
 Сердце бьется за себя и за людей.
 Затаенный міръ души ея во всей
 Красотѣ ея наивной, цѣликомъ
 Опирается на то, что дали ей
 Эти стѣны, эта ночь и этотъ громъ...

Кромѣ героини, въ разсказѣ изображено нѣсколько второ-
 степенныхъ фигуръ, очерченныхъ очень живо. Таковы, напри-
 мѣръ, — старыя тетки, которымъ было поручено воспитаніе
 Анны въ ея юности, студентъ-постоялецъ, знахарь Мартынь.
 Разсказъ, носящій характеръ шутки, оказывается выше многихъ
 прежнихъ поэмъ Полонскаго (какъ, напримѣръ, «Мими», «Со-
 баки», «Куклы»). Въ немъ поэтъ нашелъ вѣрный тонъ, подобно
 тому какъ однажды нашелъ его при созданіи своего «Кузнечика-
 музыканта» — поэмы совсѣмъ иного характера.

Вотъ юмористическая характеристика тетокъ Анны:

Имъ претила даже брачная любовь...
 Были слухи, что онѣ во цвѣтѣ лѣтъ,
 Чтобъ придать ихъ грубымъ лицамъ нѣжный цвѣтъ,
 Извели румянь не мало и бѣлиль,
 И ридились, но никто имъ не былъ милъ,
 И никто ихъ даже въ шутку не любилъ.

Онѣ были и судьбой обойдены,
 И какъ бы самой природой лишены
 Того женскаго особаго чутья,
 Безъ котораго не мыслима семья.
 Тайно тлѣющій страстей угарный чадъ
 Рисовагь имъ только ужасы и адъ.
 Онѣ искренно вадыхали, говоря,
 Что невѣстамъ лишь небеснаго Царя
 Будутъ райскія врата растворены;
 Остальныя будутъ рая лишены,
 Потому что ихъ полягъ земной женихъ
 Для нечистыхъ, подлыхъ радостей земныхъ.
 И не странно ли, что этотъ идеалъ
 Чистый, дѣвственный, нисколько не мѣшагь
 Имъ судачить, враждовать между собой
 Изъ-за тряпки, изъ-за каждаго куска?
 Такъ святая ихъ душа была мелка!

Приведемъ еще одну сцену изъ юности героини. Вопреки аскетическому идеалу, внушенному тетками Аннѣ, сказался въ ней голосъ природы въ первыхъ порывахъ безсознательной «слѣпой силы», навѣвавшихъ ей страстные сны. Одна изъ этихъ сценъ, столь рискованныхъ для эстетическаго изображенія, исполнена Полонскимъ съ искусствомъ и тактомъ, обличающими въ авторѣ истиннаго поэта. Въ этомъ отношеніи она выдержитъ сравненіе съ подобными сценами у первоклассныхъ писателей, къ несомнѣнной своей выгодѣ:

И фантазія, сестра земныхъ страстей,
 Не давала иногда покоя ей.
 Разъ, ну точно наяву, а не во снѣ,
 При лампадномъ тускломъ свѣтѣ, при лунѣ,
 Что бросала серебро свое на дворъ,
 На сады и къ ней въ свѣтелку на коверъ,
 Въ ночь іюньскую, когда вдали урчатъ
 Соловьи и розы льютъ свой ароматъ,

На своей постели душной, въ тишинѣ,
 Прислонясь ужъ не къ подушкѣ, а къ стѣнѣ,
 Она чувствуетъ, будто кто-то къ ней вошелъ,
 Заглянулъ в складки полога отвелъ.
 Смотритъ Анна — видитъ: юноша; на немъ
 Край одежды отлиываетъ серебромъ,
 Его кудри обвиваетъ золотой
 Тонкій обручъ; непостижной красотой
 Дышитъ томное, холодное лицо, —
 Надѣваетъ онъ ей на руку кольцо,
 Говоритъ ей: Анна, Анна, ты моя!
 Развѣ можетъ быть красавица ничья?
 Нѣги, трепета и ужаса полна,
 Съ торопливою стыдливостью она
 И на плечи, и на дѣвственную грудь
 Натянула покрывало, — отвернуть
 Свою голову хотѣла, чтобъ зарыть
 Въ пухъ подушекъ воспаленное лицо;
 Но ей палецъ жжетъ волшебное кольцо,
 Но устами онъ прильнулъ къ ея устамъ...
 Она слится, порывисто дыша,
 Оттолкнуть его, но тѣло и душа —
 Все въ ней замерло въ блаженномъ забытїи.
 Разметавши руки бѣлыя свои,
 Она вскрикнула... очнулась — онъ исчезъ...
 Былъ ли это Божїй ангелъ или бѣсъ?
 Ничего она, проснувшись, не могла
 Ни понять, ни объяснить себѣ; была
 Такъ мучительно взволнована, что сонъ
 Не пришелъ къ ней и тогда, когда ужъ звонъ
 По церквамъ ей возвѣстилъ восходъ зари.
 Слышитъ Анна, тетка кличетъ: отопри!
 Отодвинулась задвижка, — та вошла:
 — Для чего ты въ садъ окошко подняла?

И чего стонала? что́ это съ тобой?
 Не больна ли? не душилъ ли домовой?
 — Я сама не знаю, тетя, что́ со мной?
 Отвѣчала Анна, трепетной рукой
 Прикрывая свою шею. — Страшный сонъ
 Мнѣ привидѣлся... въ ухахъ былъ шумъ и звонъ,
 Сердце маялось... Ахъ тетя!

— Съ нами Богъ

Съ нами сила Его крестная! Охъ, охъ!
 Такъ захохала старуха, головой
 Покачала, почесалась и ушла.
 Анна стала на колѣна.

— Боже мой!

Наяву или во снѣ — но я грѣшна!...
 И не чуя, какъ ей вѣетъ изъ окна
 Раннимъ утромъ, видитъ съ ужасомъ она,
 Какъ погасъ въ ея лампадкѣ огонѣкъ,
 Сѣрой струйкой извивая свой дымокъ.
 — Это онъ мою лампаду погасилъ —
 Ангелъ плачетъ и лицо отворотилъ!...

И челомъ своимъ лилейнымъ Анна ницъ

Преклонилася до самыхъ половицъ.

И вся повѣсть полна жизни и поэзіи; полна она и остроумія, которое составляетъ необходимую принадлежность рассказовъ, написанныхъ въ духѣ и интересѣ «просвѣщенія». Мы бы сказали, что въ ней есть что-то вольтеровское, въ лучшемъ значеніи этого слова, если бы она не была насквозь національною и не была бъ согрѣта знакомымъ намъ русскимъ сердцемъ автора. Можно только пожелать, чтобы авторъ еще разъ пересмотрѣлъ свой рассказъ и сгладилъ бы встрѣчающаеся мѣстами излишнее пониженіе тона, и исправилъ бы неполный 2-й стихъ XII-й главы и 10-й стихъ съ конца въ послѣдней главѣ, и сократилъ бы или исключилъ замедляющія ходъ рассказа два-три мѣста (напр. въ описаніи нравовъ городка въ VIII главѣ, и толки горожанъ по

поводу представленія въ циркѣ въ гл. XII-й). Несмотря на эти незначительныя недостатки, «Анна Галдина» представляетъ весьма замѣтное явленіе наряду съ лучшими образцами пера Богдановича, И. И. Дмитріева, Пушкина и Лермонтова въ томъ поэтическомъ родѣ, который теорія поэзіи называетъ «комическими поэмами», каковы: «Графъ Нулинъ», «Домикъ въ Коломигѣ», «Казначейша» и т. п.

Таковъ новый прескрасный сборникъ произведеній Я. П. Полонскаго. Разбирая его, мы смѣло указывали на встрѣченныя въ немъ менѣе удачныя произведенія, въ твердой увѣренности, что они не будутъ имѣть рѣшающаго значенія при оцѣнки книги, заключающей въ себѣ *все, что было написано* поэтомъ въ теченіе извѣстнаго періода времени (см. краткое предисловіе къ «Вечернему Звону»). Если у поэтовъ, по силѣ дарованія заслужившихъ общее признаніе гениальными (какъ напр. у Лермонтова), въ полныхъ собраніяхъ ихъ сочиненій встрѣчаемъ на одно пресвосходное произведеніе десятки пьесъ низшаго достоинства, а порою и слабыя, то не свидѣтельствуетъ ли это о неизбежности подобнаго явленія въ дѣятельности каждаго художника? Въ небольшой періодъ времени, съ апрѣля 1887 года по 1890-й годъ включительно, Я. П. Полонскій обогатилъ русскую литературу: 1) нѣсколькими высокими въ художественномъ отношеніи лирическими произведеніями, не уступающими лучшимъ его стихотвореніямъ прежнихъ лѣтъ; 2) прекрасною балладою, достойно пополняющею одинъ изъ поэтическихъ образовъ всемирной литературы, и 3) оригинальною комическою поэмою, имѣющею крупныя достоинства. Сравнительная оцѣнка этихъ произведеній съ его прежними лучшими произведеніями приводятъ насъ къ отрадному заключенію, что творчество маститаго поэта не только не ослабѣваетъ, но продолжаетъ служить выраженію новыхъ идей, захватывающихъ поэта среди движенія его душевной жизни, а создавая произведенія, аналогичныя прежнимъ, даетъ новые образцы, или равные имъ, или превышающіе ихъ художественными достоинствами. А потому полагаю, что нужно

явиться въ современной русской поэзіи чему-нибудь очень крупному по оригинальности, глубинѣ и широтѣ содержанія, по красотѣ, разнообразію и новизнѣ пластическихъ и музыкальных средствъ языка, чтобы авторъ «Вечерняго Звона» долженъ былъ уступить первенство въ состязаніи на премию, носящую имя Пушкина.

II.

Повѣсти и разказы И. Н. Потапенко. Томъ второй. Рецензія Н. Н. Стрхова.

Авторъ этой книги недавно появился въ литературѣ, и произведенія его съ самаго же начала имѣли значительный успѣхъ между читателями. А такъ какъ онъ пишетъ много и непрерывно появляется съ новыми произведеніями, то имя г. Потапенко уже принадлежитъ къ очень извѣстнымъ именамъ.

Какими же качествами приобрѣтена эта извѣстность? Больше всего, намъ кажется, на читателей подѣйствовали два несомнѣнныхъ достоинства г. Потапенко: во-первыхъ необыкновенная живость разказа и во-вторыхъ совершенная ясность темы въ каждомъ произведеніи. Г. Потапенко читается съ величайшею легкостью; повѣствованіе идетъ быстро и ровно, прямо открывается какою-нибудь сценою и потомъ непрерывно развивается, не уклоняясь въ сторону, не задерживаясь какими-нибудь размышленіями, описаніями природы, характеристиками, эпизодами и т. п. Мысль, на которую написанъ разказъ, всегда ясна читателю съ первыхъ же страницъ, и послѣдующія страницы только обставляютъ ее подробностями и проводятъ ее до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Вопреки обычаю, любовь, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не составляетъ главной темы разказовъ г. Потапенко. Такъ въ первой повѣсти *На дѣйствительной службѣ* выведенъ самоотверженный и безкорыстный молодой священникъ, желающій скоро осуществлять евангельскія начала на

своей службѣ среди крестьянъ большого села, и тема повѣсти заключается въ описаніи препятствій и противодѣйствія, которое онъ встрѣчаетъ со всѣхъ сторонъ. Во второй повѣсти *Секретарь Ею Превосходительства* рассказывается, какъ добрый молодой человѣкъ губитъ свое время и свои силы, отчасти желая выслужиться передъ своимъ начальникомъ, важнымъ сановникомъ, отчасти по какой-то неодолимой привычкѣ подчиняться этому своему патрону. *Рѣдкій враздникъ* есть небольшой рассказъ о томъ, какъ въ случаѣ хорошаго урожая хлѣбовъ рабочіе набиваютъ цѣну на свой трудъ, какъ хозяева тѣснятъ рабочихъ, когда нѣтъ работы, и ухаживаютъ за ними, когда работы много. *Проклятая слава* изображаетъ мальчика необыкновенно способнаго къ музыкѣ, къ игрѣ на скрипкѣ. Отецъ, ожидая впереди славы и денегъ, такъ его замучилъ упражненіями, что мальчикъ удавился.

Нужно прибавить, что всѣ эти темы развиты у автора съ извѣстною долей реализма; лица, выводимыя на сцену, имѣютъ извѣстное своеобразіе въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ; сцены рисуются съ нѣкоторыми характерными подробностями и ходъ происшествій довольно натураленъ.

Все это вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о талантливости разбираемыхъ произведеній, и можно ожидать, что авторъ со временемъ напишетъ что-нибудь достойное серіознаго вниманія и похвалы. Теперь же, не смотря на указанные привлекательныя свойства, мы рѣшаемся сказать, что его рассказы еще не имѣютъ высшихъ качествъ, какія требуются отъ этого рода писаній.

Во-первыхъ, его реализмъ не довольно глубокъ и ярокъ. У него нѣтъ ни одной страницы, которая могла бы поравняться въ реализмъ съ отдельными мѣстами Чехова, Гаршина, Эртеля, Альбова, Ясинскаго, Бѣжецкаго, Гнѣдича и другихъ авторовъ современной литературы. Произведенія этихъ писателей не имѣютъ большой значительности, взятыя въ цѣломъ, но въ нихъ нерѣдко попадаются картины и сцены, схваченныя съ удивительною живостію и точностію и поражающія насъ своею вѣрностію дѣй-

ствительности. Русскій художественный реализмъ, основанный Пушкинымъ, разработанный Гоголемъ и потомъ Л. Н. Толстымъ, поднялся до такой высокой степени, какой еще не достигалъ ни въ одной литературѣ, и талантливые люди, руководимые этими образцами, можно сказать, равняются съ ними въ отдѣльныхъ чертахъ, въ удачныхъ мѣстахъ своихъ произведеній. Если они не могутъ создать большого цѣлаго, проникнутаго важною творческою идеею, то все же иногда видно, что имъ знакомъ и дорогъ приемъ вѣрнаго и тонкаго реализма, требующагося, при нынѣшнемъ развитіи нашей литературы, для художественнаго изображенія какихъ бы то ни было предметовъ.

У г. Потапенко между тѣмъ реализмъ никогда не доходитъ до полной своей силы; рассказъ идетъ слишкомъ бѣгло и поверхностно, такъ что все обозначается лишь легкими очерками и нигдѣ не встрѣчается глубокой черты. Иногда странно читать, когда передъ нами быстро мелькаютъ самыя крупныя событія въ жизни героевъ, — бракъ, смерть, рожденіе дѣтей и тому подобное, и рассказъ ничуть не останавливается на томъ впечатлѣніи, которое неминуемо должны производить эти событія.

Точно такъ авторъ скользитъ и по характеристамъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; каждое изъ нихъ опредѣляется лишь одной или двумя чертами, и хотя остается себѣ вѣрнымъ, но далеко не представляетъ полного образа.

Напримѣръ, настроеніе юнаго священника изображено очень неясно, да и не видно, какъ оно сложилось.

Наконецъ, всего слабѣе, по нашему мнѣнію, у г. Потапенко развитіе событій; оно черезчуръ правильно и направляется къ своему исходу черезчуръ прямо. Отсюда же и умышленныя преувеличенія, которыя, въ сущности, только вредятъ дѣлу. Читатель очень скоро начинаетъ видѣть, куда клонитъ авторъ и какъ онъ сочиняетъ свои сцены и происшествія, а потому теряется вѣра въ правдоподобіе рассказываемаго, и вообще дальнѣйшее чтеніе рассказа становится скучнымъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ въ писаніяхъ Л. Н. Тол-

стого высокій образецъ, которому должны бы подражать молодые повѣствователи. Они должны понять, что величайшее достоинство разсказа есть его глубокая добросовѣстность, искреннее желаніе проникнуть въ тайны человѣческой души, уловить природу того предмета, на которомъ остановилось вниманіе художника-писателя. Читатели иногда могутъ удовлетвориться и чѣмъ-нибудь легкимъ и поверхностнымъ; но дѣло вѣдь не въ томъ, чтобы обманывать читателей, а въ томъ, чтобы дѣйствительно выразить въ живыхъ образахъ тотъ интересъ, который наполняетъ нашу душу. Если такой наполняющій душу интересъ у насъ есть, то нашъ талантъ станетъ дѣйствовать съ полною своею силою, и наши образы будутъ не сочиняться, не очерчиваться бѣгло и вскользь, а получать живость и опредѣленность настоящаго художественнаго созданія. И тогда всякій читатель, самый взыскательный, непременно настолько же заинтересуется предметомъ, насколько имъ заинтересованъ авторъ.

Во вниманіи къ таланту, обнаруженному авторомъ «Повѣстей и разсказовъ» и, при всей строгости настоящей рецензій, признаваемому самымъ критикомъ, комиссія признала справедливымъ присудить г. Потапенко поощрительную премію.

III.

Поэмы и пѣсни А. Д. Львовой. Разборъ графа А. А. Голеннищева-Кутузова.

Сборникъ стихотвореній г-жи Львовой «Поэмы и пѣсни», представленный на соисканіе премій имени А. С. Пушкина, раздѣляется на двѣ части: въ первой помѣщены лирическія стихотворенія, во второй—поэмы.

Лирическія стихотворенія въ свою очередь раздѣлены авторомъ на пять группъ: Отклики, Между небомъ и землею, Призраки, Подъ гнетомъ и, наконецъ, Эпюлоги. Дѣленіе это довольно

произвольно и мало оправдывается содержаниемъ размѣщенныхъ по группамъ пьесъ. Тонъ и построение ихъ очень однообразны: сожалѣніе о погибшей любви, сознание безсилія въ житейской борьбѣ, жажда забвенія, покоя и даже смерти — вотъ общее содержание большей части лирическихъ стихотвореній г-жи Львовой. Все это, конечно, не ново и не выдвигаетъ разбираемый нами Сборникъ изъ массы таковыхъ же сборниковъ, посредствомъ которыхъ современные поэты-пессимисты, за послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ, наводняютъ русскую литературу своими стонами и вздохами. Нельзя однако не замѣтить, что въ поэзіи г-жи Львовой эти стоны и вздохи запечатлѣны характеромъ такой искренности и неподдѣльности, отъ нихъ вѣетъ такой простою, подчасъ даже наивною, жизненною правдою, что читатель въ концѣ концовъ примиряется съ заурядностью содержанія и невольно проникается сочувствіемъ къ автору и къ его произведеніямъ — несомнѣнный признакъ присутствія въ этихъ произведеніяхъ настоящаго поэтическаго дарованія, хотя размѣръ дарованія, быть можетъ, не особенно крупенъ, а кругозоръ его — не особенно широкъ.

Къ наиболѣе слабымъ изъ помѣщенныхъ въ первой части сборника мелкихъ стихотвореній слѣдуетъ безъ сомнѣнія отнести тѣ, которыя написаны на разные случаи и сгруппированы подъ общимъ названіемъ «Отклики». Таковы напр. пьесы: Ко дню открытія памятника А. С. Пушкина, Памяти Глинки, По поводу самоубійства, Царь Федоръ Іоанновичъ (по случаю спектакля у князя М. С. Волконскаго), и нѣкоторыя другія. Очевидно, все это писалось безъ всякаго вдохновенія, безъ подъема поэтическаго духа и, такъ сказать, по заказу — а потому и вышло холодно, разсудочно и растянато. Для примѣра приведемъ характеристику Пушкина въ первомъ изъ перечисленныхъ выше стихотвореній:

Онъ мыслью пережилъ всѣ страсти и волненья:
 Великаго Петра великія мечты,
 Отрепьева обманъ, Мазепы преступленья,
 Жуана тщетное исканье красоты,

Мученія адскія Бориса Годунова,
Сальери ненависть, Онѣгина любовь,
Надъ грудой золота терзанія Скупого,
Цыгана дикаго разнузданную кровь (?) и т. д.

Это — просто сухой перечень произведеній Пушкина, написанный очень плохими стихами съ приправою нѣсколькихъ высокопарно-ходульныхъ фразъ и опредѣленій, въ родѣ: «Баянъ нашъ чудотворный» и т. п.

По подобной же программѣ составлено стихотвореніе: Памяти Глинки; только «чудотворный Баянъ» замѣненъ «чудодѣйственнымъ Орфеемъ».

И понялъ онъ ту пѣснь родную,
Напѣ чудодѣйственный Орфей,
И пѣсню новую, живую
Оставилъ родинѣ своей.
Создатель музыки народной,
Въ «Русланѣ», въ «Жизни за Царя»,
Художникъ — онъ мечтой свободной,
Не подражая, но творя,
Впервые правиламъ искусства
Напѣвъ народный подчинилъ и т. д.

Не болѣе удачны прозаическія разсужденія г-жи Львовой «По поводу самоубійствъ» и обращеніе къ «Русской женщинѣ». При чтеніи этихъ пьесъ невольно рождается вопросъ: при чемъ тутъ поэзія вообще и стихи въ особенности? Не проще ли было бы написать на эти предметы газетную статью или фельетонъ въ откровенной прозѣ? Вотъ примѣры рифмованной прозы, заключающейся въ названныхъ стихотвореніяхъ:

Я иду съ содроганьемъ сердечнымъ
Межъ пространныхъ газетныхъ столбцовъ,
Тотъ отдѣлъ, гдѣ съ презрѣньемъ беззачетнымъ
Грѣшной смерти приподнять покровъ,

Гдѣ на судъ клеветы произвольной,
 Любопытству бездушныхъ глупцовъ
 Выдается мертвецъ, самовольно
 Убѣжавшій изъ стана борцовъ и т. д.

или:

Плохо живется: тоска и сомнѣнье
 Все молодое гнетутъ поколѣнье.
 Иль разлагается племя могучее?
 Нѣтъ, не погасло въ немъ пламя живучее,
 Только все ждетъ оно новыхъ мѣховъ,
 Чтобъ не заглохнуть въ золѣ накопившейся.
 Женщинѣ-матери, въ силѣ развившейся,
 Сбросившей тягость позорныхъ оковъ,
 Время настало раздуть животворную
 Божію искру въ остывшихъ сердцахъ,
 Время ей ниву вспахать плодотворную,
 Жизнь человѣчества — въ женскихъ рукахъ и т. д.

Мы съ умысломъ сдѣлали нѣсколько выписокъ изъ самыхъ слабыхъ стихотвореній г-жи Львовой для того, чтобы нагляднѣе показать, насколько произведенія, вылившіяся изъ-подъ пера того же автора, но уже подъ вліяніемъ непосредственнаго чувства и вдохновенія, отличаются отъ написанныхъ по заказу или съ заранѣе обдуманной тенденціей. Контрастъ такъ разителенъ, что можетъ даже возникнуть сомнѣніе, писаны ли тѣ и другія стихотворенія однимъ и тѣмъ же авторомъ.

Какъ мы уже сказали, общее настроеніе поэзіи г-жи Львовой грустное и даже порою мрачное; но эта грусть, этотъ мракъ не напускная гражданская или міровая скорбь, а неподдѣльное, искреннее чувство, порожденное простыми событіями повседневной жизни — разлукою съ любимымъ человѣкомъ, житейскими невзгодами, потерю ребенка.

Все мерещится мнѣ дѣтскій мертвенный ликъ;
 Величавъ онъ, спокоенъ и строгъ, —

Будто годы она прожила, а не мигъ...
 Умерла!... пожалѣлъ ее Богъ,
 Взять къ себѣ отъ меня!... да и что я могла
 Кромѣ ласки дать въ жизни тебѣ?...
 Мать безсилна въ гнетущей судьбѣ.
 Спи, голубка моя! Отъ печали и зла
 Тебя смерть далеко унесла!
 Грѣхъ и плакать по ней... Не по этимъ ли мнѣ,
 Что остались, безумно рыдать?...
 Камень на сердце легъ, голова какъ въ огнѣ,
 Нѣтъ ужъ силъ ни работать, ни спать!...

Искренность и правдивость этого стихотворенія чувствуется въ каждомъ его словѣ, или, лучше сказать, въ каждомъ его стонѣ. Даже нѣкоторая беспорядочность въ расположеніи фразъ и, такъ сказать, метаніе мысли изъ стороны въ сторону — (глубокое, близкое къ отчаянью горска въѣдъ не выбираетъ словъ и не округляетъ рѣчи для своего выраженія) — въ данномъ случаѣ, какъ нельзя болѣе уместны и производятъ сильное впечатлѣніе. Видно, что это произведеніе не придумано, а вылилось изъ глубины страдающей души, безъ всякой заботы о томъ, что скажутъ объ немъ читатели. Вотъ еще примѣръ подобной же поэтической импровизаціи, но не порывистой, а спокойной и задумчивой:

Осеннюю встрѣчу я помню глубоко, —
Давно ли то было, а будто далеко...
 Въ саду мы увядшемъ бродили вдвоемъ
 И листья сухіе летали кругомъ.
 И грѣзы, какъ листья, въ сердцахъ увядали,
 Осенніе вихри далеко ихъ гнали.
 Но розы весною опять зацвѣтутъ,
 А жизнь не отдастъ намъ счастливыхъ минутъ!

Каждое слово въ этомъ стихотвореніи стоитъ на мѣстѣ — очень рѣдкое и очень важное достоинство въ поэтическомъ про-

изведеніи. Кромѣ того, оно кратко, образно, содержательно и написано прекрасными звучными стихами.

Къ числу лучшихъ пьесъ сборника принадлежатъ «Въ дѣтской», «О, пой, не смолкая, мнѣ пѣсни земныя», «Разливается мгла золотистая», «Въ затишьи лѣса мы сидѣли». Въ нихъ повсюду чувствуется тонкое пониманіе красотъ и жизни природы, и близкое общеніе поэта съ этою жизнью; въ нихъ нѣтъ исканія внѣшнихъ эффектовъ и рисовки, столь свойственной женскому творчеству, и если краски, которыми написаны всѣ эти поэтическія картины, не особенно ярки, штрихи и образы не особенно сильны, если съ технической стороны встрѣчаются въ нихъ иногда ошибки и промахи въ видѣ неудачныхъ рѣмъ или неправильнаго чередованія мужскихъ и женскихъ окончаній стиховъ, — то эти недостатки въ значительной степени искупаются отиѣченными нами внутренними достоинствами поэзіи г-жи Львовой, а болѣе всего — несомнѣннымъ ея поэтическимъ талантомъ. Мы не говоримъ, что г-жа Львова можетъ успокоиться и продолжать писать такъ, какъ она пишетъ теперь. До художественнаго совершенства ей очень далеко и разработка *формы* потребуетъ съ ея стороны многихъ трудовъ и усилій. Мы только высказываемъ тѣ основанія, которыя даютъ намъ право заключить, что эти труды и усилія не пропадутъ даромъ и что изъ г-жи Львовой можетъ со временемъ выработаться хорошая писательница.

Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ насъ впечатлѣніе, вынесенное нами при чтеніи поэмъ г-жи Львовой. Въ сборникѣ ихъ помѣщено шесть: Башмачки, Древній Кіевъ, Народное гулянье въ пользу бѣдныхъ, Марія Египетская, Недопѣтая пѣснь и Нина. Изъ нихъ первую и третью, т. е. Башмачки и Народное гулянье, нельзя собственно назвать поэмами; это два коротенькихъ эскиза въ обличительномъ духѣ съ примѣсю гражданской скорби — дань автора тому направленію, которое нѣсколько времени тому назадъ являлось въ русской литературѣ господствующимъ. Все, что было сказано о наиболѣе слабыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ г-жи Львовой, всецѣло можетъ быть повторено и по отно-

шенію къ этимъ двумъ эскизамъ. Въ нихъ еще лишній разъ нашла подтвержденіе старая истина, что всякая тенденція — какъ бы возвышенна и благородна она ни была — обезсиливаетъ творчество и убиваетъ вдохновеніе. Останавливаться на этихъ двухъ произведеніяхъ положительно не стоить, тѣмъ болѣе, что они — по содержанію и по строенію — стоятъ совершенно особнякомъ и могли бы къ выгодѣ сборника быть изъ него исключены вовсе. Изъ четырехъ остальныхъ поэмъ г-жи Львовой двѣ — Древній Кіевъ и Марія Египетская — посвящены религіозно-историческимъ сюжетамъ и двѣ — Недопѣтая пѣснь и Нина — написаны на темы изъ современной жизни.

«Прочался вѣкъ эпическихъ поэмъ

И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ»,

сказалъ Лермонтовъ; но этотъ приговоръ, произнесенный въ окончательной формѣ, кажется не совсѣмъ справедливъ, или во всякомъ случаѣ требуетъ поясненія. Едва ли требованія вѣка могутъ исключить изъ области литературы цѣлый родъ поэзіи, которая во всѣхъ своихъ проявленіяхъ такъ же свободна и вѣчна, какъ свободна и вѣчна душа человѣческая — ея источникъ и вмѣстелище. Если съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, отъ безыменныхъ пѣвцовъ старой Индіи и Гомера до Байрона и Пушкина, люди воспѣвали своихъ героевъ и передавали сказанія о своей жизни въ формѣ эпическихъ поэмъ — то можно съ большимъ вѣроятіемъ заключить, что пока будутъ существовать на землѣ живые люди, будетъ жить и эпическая поэзія, будутъ писаться и читаться эпическія поэмы и повѣсти въ стихахъ. Только писать ихъ будетъ труднѣе, потому что требованія, предъявляемыя читателемъ къ писателю, все растутъ: то, что вполнѣ удовлетворяло нашихъ предковъ, насъ уже не удовлетворяетъ, а потомки запросятъ, по всей вѣроятности, еще гораздо больше. Гении, подобныя Пушкину, конечно, далеко опережаютъ свое поколѣніе и даютъ такіе образцы творчества, слѣдуя которымъ, второстепенные и третьестепенные таланты могутъ въ продолженіе весьма

долгаго періода времени удовлетворять всѣмъ художественнымъ требованіямъ своихъ современниковъ. Но приходитъ часъ, когда толпа въ смыслѣ художественнаго пониманія довоспитывается, дорастаетъ до высотъ, достигнутыхъ нѣкогда гениемъ посредствомъ пророческаго прозрѣнія — и тогда должно произойти одно изъ двухъ: или народится новый геній, который опять опередитъ своихъ современниковъ, опять укажетъ новые пути и задастъ новую работу труженикамъ нѣсколькихъ грядущихъ поколѣній — или толпа, хотя безсознательно и неопредѣленно, сама пойдетъ дальше и начнетъ предъявлять такія художественныя требованія, на которыя второстепенные и третьестепенные таланты не въ силахъ будутъ ей отвѣчать. По нашему мнѣнію, нѣчто подобное происходитъ въ настоящее время въ русской литературѣ. Пушкинскій ея періодъ завершенъ вполне. Пути, намѣченные великимъ поэтомъ, пройдены его послѣдователями и указанные грани достигнуты. Пушкинская поэзія понята, оцѣнена по достоинству и усвоена всею читающею Россіей; она вошла въ плоть и кровь русской литературы. Требуется новый шагъ впередъ, новый подъемъ творческаго духа, откровеніе новаго идеала — и пока надъ Россіей не взойдетъ новый Пушкинъ и не повлечетъ за собою взоры и помыслы русскихъ людей къ недоступнымъ пока и даже невидимымъ вершинамъ, до тѣхъ поръ литература будетъ находиться въ состояніи застоя и роль заурядныхъ писателей и поэтовъ будетъ самая неблагоприятная и затруднительная. Имъ придется или перепѣвать старыя гѣсны на новый ладъ, или въ потемкахъ, оцупью, искать невѣдомыхъ путей къ невѣдомымъ цѣлямъ.

Мы позволили себѣ это, быть можетъ, слишкомъ длинное отступленіе отъ предмета нашего разбора исключительно для того, чтобы выяснитъ до какой степени современному писателю — не генію — трудно создать что-нибудь новое и вполне оригинальное — въ особенности въ эпическомъ родѣ. Поэтому, возвращаясь къ поэмамъ г-жи Львовой, мы, кажется, не обвинимъ ее въ слишкомъ тяжкомъ преступленіи, если скажемъ, что всѣ эти

поэмы — новыя погудки на старый ладъ и написаны подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ Лермонтова, графа Алексѣя Толстого и др. Такъ напримѣръ Марія Египетская — очень напоминаетъ Грѣшницу. Поэма Нина — по самому замыслу автора должна служить продолженіемъ и окончаніемъ Лермонтовской «Сказки для дѣтей» — задача опасная и неблагодарная, съ которою г-жа Львова, конечно, не справилась. Наконецъ поэма «Недопѣтая пѣснь» какъ по формѣ (дневникъ), такъ и по содержанію представляетъ изъ себя простой пересказъ одной изъ поэмъ пишущаго этотъ разборъ — Старыя рѣчи. Было бы поэтому излишнимъ приводить содержаніе всѣхъ этихъ произведеній г-жи Львовой, разбирать характеры и положенія дѣйствующихъ въ нихъ лицъ — словомъ, подвергать поэмы подробному и строгому разбору. Какъ произведенія совершенно несамостоятельныя, онѣ не вносятъ ничего новаго въ русскую литературу и весь интересъ ихъ сосредоточивается на подробностяхъ, на отдѣльныхъ поэтическихъ картинкахъ, описаніяхъ природы и, наконецъ, во многихъ случаяхъ на прекрасномъ повѣствовательномъ стихѣ. Эти достоинства поэмъ г-жи Львовой подтверждаютъ сказанное нами о свойствахъ ея поэтическаго дарованія, когда мы разбирали ея лирическія стихотворенія. Хотя и въ поэмахъ встрѣчаются плохіе рѣшмы и неправильности стихосложенія, но грѣхи эти, очевидно, — плодъ небрежности и торопливости въ писаніи, а не признакъ неспособности овладѣть поэтической формой, которая — повторяемъ — мѣстами у г-жи Львовой вполне безукоризненна. Мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ, преимущественно изъ двухъ послѣднихъ поэмъ — Недопѣтая пѣснь и Нина, въ которыхъ достоинства поэзіи г-жи Львовой выступаютъ ярче, нежели въ предыдущихъ ея произведеніяхъ.

Вотъ, напримѣръ, прелестная картинка природы:

Таинственно заснулъ тѣнистый, старый садъ;
 Надъ нимъ безсчетныхъ звѣздъ мигающія очи
 На бархатѣ небесъ душистой, южной ночи
 Бросаютъ на землю лучистый, нѣжный взглядъ.

Воздушный вѣтерокъ, скользя надъ деревьями,
 Тревожить листья липъ и стройныхъ тополей;
 Ихъ вѣтви на песокъ бѣлѣющихъ аллей
 Ложатся трепетно узорными тѣнями.
 Неясной массою господскій сѣрый домъ
 Во мракѣ утонулъ надъ спящимъ цвѣтникомъ;
 Склонясь головками, цвѣты благоухаютъ;
 Съ акацій сыплется душистый, бѣлый цвѣтъ;
 Ночные голоса молчанье прерываютъ . . . и т. д.

Вотъ лирическій отрывокъ изъ дневника:

О, чудныя мгновенья
 Невыясненныхъ чувствъ, предвѣстники сближенья!
 Какъ передать вашъ смыслъ, какъ высказать въ словахъ
 Все то, что медленно рождается въ сердцахъ,
 Что теплится въ груди, какъ блѣдная лампада,
 Какъ искры жгучія въ темнѣющей золѣ?

Заключительные стихи поэмы полны трогательнаго воодушевленія:

Мы встрѣтились съ тобой на мигъ, въ земномъ скитаньи:
 Такъ было суждено — и въ краткомъ здѣсь свиданьи
 Соединились мы для неба навсегда.
 Но если ты забылъ, но если безъ слѣда
 Прошла въ твоей душѣ и встрѣча и разлука,
 То, знай, настанетъ часъ — и вспомнишь ты меня,
 Въ душѣ откликнется моя нѣмая мука . . .
 . . . Ты вспомнишь и поймешь! . . . Тогда, тогда, о другъ,
 Не прогоняй любви, не прогоняй былого,
 Дай волю чувствамъ всѣмъ, и грѣзамъ, и слезамъ,
 Дай вознестись душѣ изъ оута земного,
 Изъ міра суеты къ забытымъ небесамъ! . . .

Въ поэмѣ Нина также встрѣчаются прекрасныя, звучныя строфы. Демонъ говоритъ Нинѣ:

Я предъ тобой явлюсь, какъ богъ земной,
 Въ величіи могущества и силы,
 И для меня ты кинешь домъ родной,
 Привычки всѣ, что дороги и милы
 Тебѣ давно — и вслѣдъ пойдешь за мной
 И проповѣдь бѣсовскаго ученья,
 Полна горячаго, слѣпаго вдохновенья,
 Полетѣтъ съ устъ на изумленный свѣтъ.
 Какъ геній зла, ты будешь сѣять вредъ.

Приведенныя выписки, кажется, вполне достаточны для того, чтобы дать понятіе довольно опредѣленное о стихотворномъ талантѣ г-жи Львовой.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы приходимъ къ заключенію, что сборникъ г-жи Львовой, хотя и не можетъ быть признанъ цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу современной русской литературы, но все же явленіе отрадное и подающее надежды. Намъ кажется, что дарованіе г-жи Львовой преимущественно лирическое, что писаніе длинныхъ поэмъ, созданіе характеровъ — не ея дѣло; но въ выраженіи субъективныхъ ощущеній, въ рисовкѣ небольшихъ пейзажей она можетъ достигнуть значительной степени совершенства и занять подобающее мѣсто въ средѣ современныхъ поэтовъ новѣйшей формациі — при непремѣнномъ однако условіи окончательной выработки стихотворной техники, которою г-жа Львова иногда слишкомъ пренебрегаетъ.

Присужденіе поощрительной преміи за сборникъ стихотвореній «Поэмы и пѣсни» намъ казалось бы поэтому вполне возможнымъ и даже справедливымъ.

Въ заключеніе мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выразить здѣсь нашу глубокую благодарность тѣмъ литерато-

рамъ, которые съ обычною готовностью отозвались на приглашеніе Академіи раздѣлить ея труды въ разсмотрѣніи представленныхъ на пушкинскій конкурсъ сочиненій. Въ изъявленіе этой искренней признательности Отдѣленіе сочло пріятною обязанностью присудить по золотой пушкинской медали Д. В. Аверкіеву, В. В. Латышеву и Л. И. Поливанову.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 5.

МАТЕРІАЛЫ
И
ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ПО
СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Л. МАЙКОВА.

II. СКАЗАНІЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА. — III. ПОВѢСТЬ
О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 года.**

Непрерѣнный Секретарь, Академикъ А. Штраукъ.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

II.

СКАЗАНИЯ ОБЪ ИЛЬѢ МУРОМЦѢ ПО РУКОПИСЯМЪ XVIII ВѢКА.

Въ числѣ произведеній русскаго народнаго эпоса, записи которыхъ сохранились изъ XVIII столѣтія, есть нѣсколько сказаній собственно о подвигахъ Ильи Муромца. До сихъ поръ извѣстны слѣдующіе рукописные тексты ихъ:

1) «Повѣсть о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» — въ сборникѣ **Θ. И. Буслаева**, писанномъ въ первой четверти XVIII вѣка; текстъ этотъ напечатанъ буква въ букву **Н. С. Тихо-нравовымъ** въ брошюрѣ: Пять былииъ по рукописямъ XVIII вѣка. М. 1891 (отдѣльный оттискъ изъ VIII-й книги «Этнографическаго Обзорѣнія»), стр. 29 — 31.

2) «Сказаніе о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» — въ сборникѣ **Н. С. Тихонравова**, № 222, писанномъ во второй четверти XVIII вѣка; текстъ этотъ воспроизведенъ буквально въ той же брошюрѣ, стр. 32 и 33.

По свидѣтельству издателя, оба вышеуказанные текста носятъ на себѣ слѣды копированія съ болѣе старыхъ подлинниковъ, относившихся, по всей вѣроятности, къ XVII столѣтію. Въ брошюрѣ **г. Тихонравова** описанъ и составъ тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ извлечены напечатанные имъ тексты.

3) «Повѣсть о силѣмъ могущемъ богатыре о Ильѣ Муромцѣ і о Соловьѣ Разбойникѣ» — въ сборникѣ Императорской

Публичной Библіотеки (Q. XVII. 194), поступившемъ въ нее въ 1890 году и писанномъ во второй половинѣ XVIII вѣка; текстъ этотъ издается нами буквально въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Составъ этой рукописи, писанной въ 4-ку на 12-ти листахъ, слѣдующій: 1) Лл. 1 — 3 об. Повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ. 2) Лл. 4—7. Выписки изъ путешествія Трифона Коробейникова въ Святую Землю: о Святомъ Градѣ, о темницѣ Іоанна Предтечи, о преніи патріарха съ жидовиномъ, о трехъ церквахъ. 3) Лл. 7 — 10 об. Слово о видѣніи царя Мамера (во второй, позднѣйшей редакціи). 4) Л. 10 об. 14-я притча Езопа. 5) Лл. 11—12. Повѣсть о царѣ Михаилѣ. На оборотѣ послѣдняго 12-го листа нѣсколько разъ выставленъ 1783 годъ и помѣщена слѣдующая записка: «Сия книга Краінахолинскаго уезда Устюжскаго заказу села дымцова діаконъ Ісидоръ Семеновъ 1783 годѣ генваря дня 22 запис... в жулнехъ спавить» (?), и далѣе: «пера ѳведать каковы чернила 1783». Такъ какъ эти слова и даты приписаны не тѣмъ почеркомъ, какимъ писана самая тетрадка, то составленіе сей послѣдней должно приурочить ранѣе 1783 года. Хотя всѣ статьи сборника писаны одною рукой, однако значительно различаются между собою по правописанію: въ двухъ послѣднихъ статьяхъ вовсе не употреблены титла, во второй и третьей они употребляются, и притомъ правильно, — въ первой же статьѣ господствуетъ безграмотность: во многихъ словахъ совсѣмъ пропущены буквы, которыя слѣдовало взять на верхъ, а означеніе титлъ и соотвѣтствующихъ имъ сокращеній неправильно, какъ напримѣръ: гдѣ или гдѣрь (государь), взговѣ (взговорить) и т. п. Это доказываетъ, что составитель сборника вписывалъ въ него подобранныя имъ статьи буквально съ тѣхъ оригиналовъ, какіе были у него подъ руками, а слѣдовательно, и для «Повѣсти» объ Ильѣ имѣлъ подлинникъ болѣе старый; подлинникъ этотъ несомнѣнно былъ съ титлами и вынесенными на верхъ буквами — быть можетъ, XVII вѣка, но писецъ плохо разбиралъ его, а потому копировалъ

иногда бессмысленно, какъ напримѣръ: *подмылся* вмѣсто: под Бѣлею, *скимы* вмѣсто: с Клева, *сокоше чмаку* вмѣсто: в окончину. Въ текстѣ «Повѣсть», который, какъ и всѣ прочія статьи Библиотечнаго сборника, писанъ блѣдными чернилами, какой-то позднѣйшій, но тоже старинный читатель сдѣлалъ нѣсколько подправокъ чернилами болѣе темными.

4) «Гистория о Ильѣ Муромце и о Соловьѣ Разбойникѣ» — въ рукописи И. Е. Забѣлина № 71, писанной во второй половинѣ XVIII вѣка и составляющей особую не переплетенную тетрадку въ 6-ть листовъ; этотъ текстъ изданъ довольно исправно, но съ подновленіемъ правописанія, въ «Русскихъ народныхъ сказкахъ» А. Н. Афанасьева, кн. III (М. 1873), стр. 125—128; для удобства справокъ мы сочли полезнымъ воспроизвести и этотъ текстъ буквально по рукописи въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

5) «Повѣсть о славномъ могучемъ богатыре о Ильѣ Муромце и о Соловьѣ Разбойникѣ» — въ сборникѣ Московскаго Публичнаго музея изъ коллекціи Ундольскаго № 663, писанномъ нѣсколькими почерками XVIII вѣка; но это лишь небольшой отрывокъ даннаго памятника, занимающій въ рукописи всего одну страницу (оборотъ л. 64-го) и содержащій въ себѣ только первыя и послѣднія строки «Повѣсти»; онѣ изданы въ вышеупомянутой брошюрѣ г. Тихонравова, стр. 8 и 9, гдѣ обозначенъ отчасти и составъ сборника.

6) Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолицѣ (безъ заглавія и начала) — въ рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, № 82, и писанной въ серединѣ XVIII вѣка. Это небольшая тетрадка въ 4-ку безъ переплета, состоящая изъ 22-хъ листовъ, счетъ которыхъ начинается нынѣ съ 9-го; слѣдовательно, утрачены первые 8 листовъ рукописи. Текстъ этотъ доселѣ не былъ напечатанъ и издается нами въ приложеніи¹⁾.

---

1) Краткія свѣдѣнія о содержаніи этого текста сообщены въ трудѣ Д. А. Ровинскаго: Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 4.—Считаемъ дол-

7) «Исторія о славномъ и о храбромъ богатыре Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ» — въ рукописи Е. В. Барсова ¹⁾, писанной разными почерками XVIII вѣка. Свѣдѣнія наши о ней ограничиваются тѣмъ, что сообщено въ печати самимъ владѣльцемъ и профессоромъ А. И. Кирпичниковымъ. Г. Барсовъ указываетъ въ ней слѣды «малороссійскаго говора и письма»; по словамъ г. Кирпичникова, «въ началѣ идетъ былина о первой поѣздкѣ Ильи, въ концѣ — объ Идолищѣ»; самъ же владѣлецъ свидѣтельствуетъ, что «здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ Кіевскимъ княземъ», и что во всемъ произведеніи «имени Владиміра нѣтъ и помину».

И составъ упомянутыхъ сборниковъ, и малограмотность текстовъ, и наконецъ, внѣшній видъ тетрадокъ показываютъ, что это — рукописи, вышедшія изъ-подъ пера очень мало образованныхъ писцовъ и предназначенныя для читателей очень невзыскательныхъ въ литературномъ отношеніи. Такія рукописи изготовлялись на продажу, и еще съ XVII вѣка торговля ими, какъ и лубочными картинками, производилась въ Москвѣ, преимущественно на Спасскомъ мосту. Въ литературѣ XVIII столѣтія встрѣчается нѣсколько упоминаній о продававшихся тамъ рукописяхъ повѣствовательнаго содержанія; такъ, въ примѣчаніяхъ къ одному изъ стихотвореній Кантемира (1743 года) говорится о «двухъ весьма презрительныхъ рукописныхъ повѣстяхъ о Бовѣ королевичѣ и Ершѣ рыбѣ, которыя на Спасскомъ мосту съ другими столь же плохими сочиненіями обыкновенно продаются»; а сатирической журналъ Чулкова «И то и сію» (1769 года) свидѣтельствуетъ, что тамъ можно было видѣть въ продажѣ рукописныя повѣсти даже съ раскрашенными картинками, и что пере-

---

гомъ выразить многоуважаемому Ивану Егоровичу Забѣлину нашу глубокую признательность за дозволеніе воспользоваться его двумя рукописями.

1) Е. В. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси, т. I, стр. 415 и 416; А. И. Кирпичниковъ. Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. Поэмы Ломбардскаго цыкла, стр. 158, примѣчаніе.

пской подобныѣхъ тетрадей занимались между прочимъ отставные приказные¹⁾).

Особнякомъ отъ текстовъ такого происхожденія слѣдуетъ поставить тѣ сказанія объ Ильѣ Муромцѣ, которыя помѣщены въ «Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ», то-есть, въ такъ-называемомъ сборникѣ Кирши Данилова. Они также извлечены изъ рукописи XVIII вѣка, но между ними и вышесчисленными текстами есть существенное различіе во внѣшней формѣ. Отличительную особенность сихъ послѣднихъ составляетъ то, что въ нихъ былины воспроизведены безъ соблюденія размѣра стиховъ, какъ прозаическіе разсказы, почему и писаны сплошными строками; мало того: писавшіе принуждены были подправлять свое изложеніе оборотами рѣчи и спайками въ книжномъ стилѣ; особенно яркіе примѣры въ этомъ отношеніи можно подобрать въ «Гисторіи» по рукописи И. Е. Забѣлина № 71, гдѣ встрѣчается довольно много словъ книжнаго языка, и гдѣ всѣ отдѣльныя части разсказа связываются между собою вставочными выраженіями: *и тако, и потомъ, и тутъ*, и т. д. Иначе поступалъ составитель сборника Кирши Данилова: онъ также писалъ «безъ раздѣленія стиховъ», однако записывалъ свои тексты—выражаясь словами П. А. Демидова—«отъ сибирскихъ людей, которые прошедшую исторію поютъ на голосу»²⁾, то-есть, имѣлъ въ виду нѣсенный складъ былины и вмѣстѣ со словами отмѣчалъ напѣвъ: оттого и удалось ему сохранить размѣръ былевого стиха и вообще удержать весь типическій обликъ народной былины. Для объясненія этого различія припомнимъ нѣкоторыя замѣчанія А. Θ. Гильфердинга въ его разсказѣ объ олонекскихъ сказителяхъ. По его словамъ, они затрудняются передавать былины «пословесно», безъ напѣва;

1) Сочиненія, письма и избранные переводы князя А. Д. Кантемира, т. I, стр. 326; А. Н. Пыпинъ. Очеркъ исторіи новѣстей и сказокъ, стр. 289 и 290. Болѣе раннія свидѣнія о книжной торговлѣ на Спасскомъ мосту см. въ Актахъ Историческихъ, т. V, стр. 117, въ Полн. Собраніи Законовъ, т. VI, № 3756, и въ Исторіи Моск. славяно-греко-латинской академіи С. Смирнова, стр. 129.

2) Москвитиниъ 1854 г., № 1 и 2, Историческіе матеріалы, стр. 9.

именно «напѣвъ поддерживаетъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и слиянія двухъ стиховъ въ одинъ». Даже столь искусному собирателю, какъ Гильфердингъ, не удавалось записывать былину при пѣніи ея сказителями: «Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеніе исчезало»¹⁾. Въ такомъ именно видѣ разрушенныхъ былинь и представляются вышеприведенные тексты: полуграмотные записыватели ихъ, слѣдя только за ихъ содержаніемъ, а не за напѣвомъ и не за размѣромъ, не умѣли уловить всѣ тонкости послѣдняго, и понятно, ихъ записи сами собою облеклись въ прозаическую форму. Сборникъ Кирши Данилова обличаетъ руку болѣе искуснаго собирателя; кто онъ былъ — не извѣстно, но трудъ его свидѣтельствуется, что онъ обладалъ нѣкоторымъ музыкальнымъ чутьемъ; не только содержаніе, но и напѣвъ и размѣръ былевого стиха не ускользнули отъ его вниманія, и вообще, записывая прямо съ народныхъ устъ, онъ сумѣлъ приблизиться къ тѣмъ приемамъ, которые употребляются современными собирателями. Такое достоинство его труда не позволяетъ ставить его записи на одну доску съ текстами, сохранившимися въ народныхъ тетрадкахъ.

Есть у Гильфердинга еще одно замѣчаніе, важное съ точки зрѣнія записыванія былинь. Онъ говоритъ, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: одна — мѣста типическія, «по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ», и другая — мѣста переходныя, «въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія». Типическія мѣста сказитель знаетъ твердо и поетъ всегда въ одинаковомъ изложеніи; напротивъ того, переходныя мѣста, служащія

1) Онежскія былины, введеніе, стр. XXXII и XXXIII.

звеньями между типическими, сказитель постоянно варьруетъ, «то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія»¹⁾. Понятно, что при записываніи эти переходныя мѣста представляютъ наибольшую трудность; это подтверждаютъ и наши старинныя рукописныя тексты: упомянутыя выше вставки книжныхъ выраженій въ Забѣлинской рукописи № 71 оказываются какъ разъ въ такихъ мѣстахъ, которыя могутъ быть названы переходными; въ особенности расходятся наши тексты въ двухъ мѣстахъ — тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отъѣздѣ Ильи изъ-подъ града Себежа, и тамъ, гдѣ рассказывается о приѣздѣ его въ Кіевъ. Очевидно, для этихъ мѣстъ не существовало вполне выработаннаго изложенія; записывателямъ приходилось выбирать редакцію по своему усмотрѣнію и передавать ее по мѣрѣ своего умѣнья: тутъ уже не могло быть и помышленія о томъ, чтобы сохранить стихотворный размѣръ.

Кромѣ сказаннаго, при оцѣнкѣ старинныхъ рукописныхъ текстовъ необходимо имѣть въ виду еще слѣдующее. Тексты эти дошли до насъ не въ подлинныхъ записяхъ съ устъ, которыя, вѣроятно, были сдѣланы еще въ XVII вѣкѣ, а въ копіяхъ, снятыхъ на цѣлые десятки лѣтъ позже; почти несомнѣнно, что при послѣдовательномъ списываніи тексты эти еще болѣе потерпѣли: съ одной стороны, приняли въ себя новыя измѣненія не въ стилѣ древняго эпоса, а съ другой—пострадали отъ пропусковъ намѣренныхъ и случайныхъ; такъ, при сличеніи даже очень сходныхъ между собою текстовъ Буслаевского и Библиотечнаго замѣчаются въ томъ и другомъ поочередно пропуски, и полный смыслъ памятника можетъ быть возстановленъ только чрезъ взаимное пополненіе этихъ двухъ текстовъ. Наконецъ, можно допустить и то, что писцы нашихъ рукописей хотъ и копировали съ болѣе старыхъ оригиналовъ, однако могли, независимо отъ того, звать и держать въ памяти нить всего сказанія и потому относились къ воспроизведенію своихъ подлинниковъ нѣсколько вольно.

---

1) Онежскія быльиы, стр. XXVII.

Сличеніе нашихъ текстовъ по содержанію или, лучше сказать, по ихъ плану и составнымъ частямъ приводитъ также къ нѣкоторымъ любопытнымъ заключеніямъ. Текстъ Забѣлинской рукописи № 82, означенный въ нашемъ перечнѣ шестымъ, представляетъ схему болѣе широкую, чѣмъ схема первыхъ четырехъ текстовъ. По этимъ послѣднимъ, содержаніе сказанія определяется слѣдующими главными моментами:

1) Илья выѣзжаетъ изъ Мурома и при отъѣздѣ кладетъ на себя заповѣдь великую—не вынимать оружія во время пути.

2) Илья освобождаетъ Себежъ отъ нападенія трехъ царевичей, но отказывается остаться въ этомъ городѣ.

3) Илья наѣзжаетъ Соловья Разбойника, побѣждаетъ его и посѣщаетъ села Кутузовы.

4) Илья является въ Кіевъ съ плѣннымъ Соловьемъ, который своимъ свистомъ пугаетъ князя Владимира; Илья пріобрѣтаетъ милость князя.

Забѣлинскій текстъ № 82 не только излагаетъ весь рядъ этихъ происшествій, сопровождая ихъ многими особенными подробностями, но и дополняетъ рассказъ еще однимъ эпизодомъ — о томъ, какъ въ отсутствіе Ильи на Кіевъ напалъ Идолище, и какъ внезапно вернувшійся Илья спасъ отъ него столичный городъ. Судя по тому, что извѣстно въ печати о содержаніи Барсовскаго текста, онъ подходитъ къ Забѣлинскому № 82. Напротивъ того, короткій отрывокъ въ рукописи Московскаго музея примыкаетъ къ первымъ четыремъ текстамъ¹⁾. Такую разницу слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что разсматриваемые рукописные тексты ведутъ свое происхожденіе отъ двухъ различныхъ устныхъ пересказовъ. И дѣйствительно, въ сборникахъ произведеній народной словесности можно указать нѣсколько пересказовъ, близкихъ по своей схемѣ къ первымъ четыремъ письменнымъ текстамъ; такова, напримѣръ, былина, записанная въ селѣ Павловѣ, Ниже-

---

1) Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ уже не придется касаться ни Барсовской рукописи, какъ не изданной, ни Музейной — по ея отрывочности.

городской губерніи¹⁾. Устнаго пересказа, который по своему составу соответствовалъ бы вполне Забѣлинскому тексту № 82, не извѣстно, и послѣдній эпизодъ его — о борьбѣ Илья Муромца съ Идолищемъ, который поселился въ Кіевѣ, составляетъ обыкновенно предметъ особой устной былины; но это не исключаетъ возможности, чтобы существовалъ и такой сводный пересказъ: эпизодъ объ Идолищѣ присоединенъ въ рукописи № 82 къ остальнымъ частямъ сказанія не только механически; напротивъ того, по общему смыслу этого текста, лишь послѣ побѣды надъ Идолищемъ Илья окончательно приобретаетъ милость князя Владиміра, тогда какъ по другимъ рукописнымъ текстамъ онъ заслуживаетъ эту милость укрощеніемъ Соловья Разбойника. Какъ бы то ни было, текстъ рукописи г. Забѣлина № 82 стоитъ одиноко, безъ сходныхъ съ нимъ списковъ. Къ тому же онъ изобилуетъ чисто книжными выраженіями и даже вставками, которыя напоминаютъ обработку русскихъ сказокъ въ извѣстномъ старинномъ сборникѣ М. Д. Чулкова²⁾. Поэтому мы ограничиваемся лишь изданіемъ этого текста въ возможной точности, но не сопоставляемъ его съ прочими.

Напротивъ того, что касается тѣхъ четырехъ рукописныхъ текстовъ, которые стоятъ въ началѣ нашего перечня, то они оказываются близко сходными между собою не только по своей схемѣ, но и по подробностямъ разсказа и по изложенію; притомъ же, эпическій стиль выдержанъ въ нихъ почти въ равной степени, и только Забѣлинская рукопись № 71 представляетъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи нѣкоторое отклоненіе отъ прочихъ трехъ. Все это даетъ право разсматривать эти четыре текста въ одной связи, какъ четыре списка одной редакціи одного памят-

1) Пѣсни Кирѣевского, вып. I, стр. 34—39.

2) Текстъ этотъ находится въ связи и съ лубочными сказками объ Ильѣ Муромцѣ: тѣ изъ нихъ, которыя перепечатаны въ I-мъ выпускѣ «Пѣсенъ» Кирѣевского подъ № 8 и въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ» Д. А. Ровинскаго, т. I, стр. 2—7, могутъ быть разсматриваемы какъ сильно сокращенное и попорченное воспроизведеніе Забѣлинскаго текста изъ рукописи № 82.

ника, и позволяеть на ихъ основаніи установить его правильное чтеніе.

Изъ этихъ четырехъ списковъ самымъ полнымъ и исправнымъ въ изложеніи оказывается Библиотечный. Изъ прочихъ ближе всѣхъ къ нему стоитъ Буслаевскій. Остальные два списка — Тихонравовскій и Забѣлинскій № 71 — отличаются отъ двухъ первыхъ большею сжатостью изложенія; притомъ, Тихонравовскій безъ конца, а въ Забѣлинскомъ довольно много книжныхъ оборотовъ рѣчи. Сообразно такимъ отличіямъ списковъ, въ основу нашего чтенія положенъ списокъ Библиотечный, а прочіе, особенно Буслаевскій, употреблены для поправокъ и дополненій. Собственно поправокъ къ основному списку приходилось дѣлать немного, а если дополненія внесены въ значительномъ количествѣ, то это объясняется пропускомъ въ Библиотечномъ спискѣ нѣкоторыхъ, такъ-сказать, повторительныхъ выраженій и эпитетовъ, свойственныхъ эпическому стилю. О возстановленіи стихотворнаго склада, разумѣется, нечего было и думать, но размѣренность рѣчи чувствуется еще въ нѣкоторыхъ частяхъ памятника, напримѣръ, въ самомъ началѣ его, а потому и вставки изъ побочныхъ списковъ дѣлались иногда въ виду этого соображенія. Кроме того, нѣкоторыя выраженія оказались въ основномъ спискѣ написанными дважды по винѣ писца: ихъ естественно было исключить.

Независимо отъ сличенія списковъ, употребленъ былъ еще другой приемъ для установленія правильнаго чтенія текста: встрѣчающіяся въ памятникѣ эпическія выраженія сравнивались со сходнымъ употребленіемъ ихъ въ другихъ произведеніяхъ нашей древней и старинной письменности. Этимъ путемъ удалось оправдать и подтвердить нѣкоторыя черты изложенія, находящіяся только въ основномъ спискѣ.

Послѣ этихъ общихъ предварительныхъ замѣчаній изложимъ въ частности тѣ соображенія, которыми мы руководствовались, устанавливая чтеніе разныхъ мѣстъ въ нашемъ памятникѣ.

Въ Библиотечномъ и Буславскомъ спискахъ нашъ памятникъ названъ «Повѣстью», въ Тихонравовскомъ — «Сказаніемъ», а въ Забѣлинскомъ — «Гисторіей». Г. Тихонравовъ справедливо замѣтилъ, что этотъ послѣдній терминъ относится ко второй половинѣ XVIII вѣка, когда имъ обозначались переводные романы и повѣсти¹⁾; но такъ какъ, по всей вѣроятности, нашъ памятникъ положенъ на бумагу еще въ XVII столѣтіи, то слѣдуетъ удерживать названіе «Повѣсти», весьма распространенное въ то время и находящееся въ двухъ главныхъ спискахъ издаваемаго произведенія.

То же заглавіе даетъ поводъ къ другому замѣчанію. Писецъ Библиотечнаго списка постоянно называетъ героя «Повѣсти» *Муравъизъ*, а родину его — *Мурозъ*, *Морозъ*, и только болѣе поздній читатель рукописи переправилъ первую изъ этихъ формъ въ заглавіи и кое-гдѣ въ текстѣ на общеупотребительную — Муромецъ. Очевидно, въ оригиналѣ, съ котораго «Повѣсть» списана въ Библиотечный сборникъ, всюду стояло *Муравъизъ*: форма, доселѣ не встрѣчавшаяся ни въ одномъ устномъ пересказѣ былинъ, но извѣстная по нѣсколькимъ отрывочнымъ упоминаніямъ въ литературѣ, преимущественно иностранной²⁾. Не касаясь вопроса о томъ, какая изъ этихъ формъ древнѣе, замѣтимъ, что формы *Морозъ*, *Мурозъ*, *Муростъизъ*, *Муравъизъ* и имъ подобныя могли возникнуть изъ смѣшенія названія города Мурома съ названіемъ городка *Моравъйска*, существовавшаго въ Черниговской землѣ еще въ XII вѣкѣ³⁾. Мы однако не рѣшились удержать формы *Мурозъ*, *Муростъизъ* или *Муравъизъ* въ текстѣ и замѣнили ихъ общеупотребительными.

Первыя строки Библиотечнаго списка не вполне удовлетворительны: въ нихъ встрѣчается выраженіе: «*оъ умъ держалъ*»,

1) Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 9 и 10.

2) Они собраны въ двухъ замѣткахъ А. Н. Веселовскаго въ Журналѣ Министрства Нар. Просвѣщенія 1883 г., апрѣль, и 1890 г., мартъ.

3) Н. П. Барсовъ. Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи, стр. 127.

очевидно неуместное. и во всякомъ случаѣ не дающее яснаго смысла. Въсто того въ спискахъ гг. Буслаева и Забѣлина читается исправлѣе: «*подождь держалъ*». Но вслѣдъ затѣмъ обнаруживается преимущество Библиотечной рукописи: условіе завѣта, положеннаго Ильей, высказано въ ней совершенно точно и ясно, тогда какъ у г. Буслаева ему данъ вполне превратный смыслъ. Списокъ г. Забѣлина согласенъ въ данномъ случаѣ съ Библиотечнымъ, — въ Тихомировскомъ же эта подробность совсѣмъ опущена.

Слѣдующій затѣмъ рассказъ объ освобожденіи града Себежа, при общемъ сходствѣ во всѣхъ спискахъ, представляетъ въ Библиотечномъ нѣсколько дополнительныхъ эпическихъ чертъ. Такъ, по текстамъ гг. Буслаева и Забѣлина, Илья, когда подъѣзжаетъ къ Себежу, видитъ осаждающее его войско. По Библиотечному списку, богатырь, еще не видя войска, «услышалъ *крикъ і стукъ і конское ржаніе*» — признаки какой-то обложившей городъ вражеской силы. Замѣчательные тексты сказокъ изъ такъ называемаго Истоминскаго сборника въ Московскомъ публичномъ музеѣ (коллекціи Ундольскаго) знаютъ тѣ же выраженія; такъ, въ Сказаніи объ Урусланѣ Залазаревичѣ приближеніе вѣщаго коня Араша знаменуется тѣмъ, что «в поле учинился *великой стукъ необычайной*»¹⁾, а въ Словѣ о Бовѣ королевичѣ герой, «послышавъ за градомъ *зукъ и топотъ конской*», спрашиваетъ о причинѣ и узнаетъ о происходящей битвѣ²⁾. Въ другой редакціи той же сказки, также XVII вѣка, этотъ вопросъ Бовы изложенъ такими словами: «Что за городомъ *шумъ великъ и конское ржаніе?*»³⁾ Припомнимъ еще тавтологическое выраженіе въ Задонцинѣ: «Уже бо *стукъ стучить* и *громъ гремитъ* рано предъ зоркою? То ти не *стукъ стучить*, ни *громъ гремитъ*: князь Володимеръ Ондрѣ-

1) Дѣтописи р. литературы и древности, т. II, стр. 104.

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, приложение, стр. 246.

3) Памятники древней письменности 1879 г., вып. I, стр. 56.

евичъ полки перебираетъ и ведеть вои свои»¹⁾, — имѣющее свой прототипъ въ Словѣ о полку Игоревѣ²⁾, и наконецъ, слова лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1240 годомъ: «Приде Батый Кыеву... и не бѣ слышати отъ гласа скрипанія телгы его, множества ревення вельблудъ его, и *рыжания* отъ гласа стады конь его».

Замѣтивъ, что три царевича хотятъ Себежъ градъ «за щитомъ взять»³⁾, Илья, по Библиотечному списку, «напущаетъ на ихъ силу вѣликую, *какъ на зальчье стадо*». Въ спискахъ гг. Забѣлина и Тихонравова тутъ вовсе нѣтъ сравненія, а въ текстѣ г. Буслаева оно читается такъ: «побилъ силу великую, *будто зайчье стадо*»; но «зайчье» вмѣсто «галечье» сказано, конечно, по ошибкѣ, ибо примѣры другихъ памятниковъ свидѣтельствуютъ въ пользу Библиотечнаго списка. Такъ, въ «Гистории о киевскомъ богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати летъ», по рукописи XVIII вѣка, читается: «и сталъ напущать онъ на полки татарскпе, *что ясенъ соколъ на стада на зальчья*»⁴⁾. То же сравненіе, въ обычной нашему народному языку отрицательной формѣ, находится и въ Сказаніи о Ерусланѣ: «*не ясенъ соколъ напущается на гуси и на лебеди*, напущаетъ Иванъ русской богатырь на рать Феодула царя змія»⁵⁾. Въ лѣтописи по Лаврентіевскому списку подъ 1097 годомъ также есть выраженіе равно близкое какъ къ этимъ примѣрамъ, такъ и къ словамъ Библиотечнаго списка:

1) Задонщина в. князя Дмитрія Ивановича и брата его Владимира Андреевича. Чтеніе И. И. Срезновскаго, стр. 22.

2) «Что ми шумитъ, что ми *звонитъ* давеча рано предъ зорями? Игорьъ плъки заворочаетъ».

3) Это выраженіе, находящееся въ Буслаевскомъ, Забѣлинскомъ и Библиотечномъ спискахъ, встрѣчается и въ Сказаніи о Ерусланѣ, XVII в. (Памятники стар. р. литературы, вып. II, стр. 329), а въ лѣтописяхъ ему соотвѣтствуетъ «*свати на щитъ*».

4) Эта «Гистория», извѣстная въ рукописи Московскаго публичнаго музея, № 774, издава по сообщенной мною копіи въ «Южно-русс. былинахъ» А. Н. Веселовскаго, стр. 20—27.

5) Памятники ст. р. литературы, вып. II, стр. 329.

Половцы «сбиша Угры акы в мячь, яко се соколз сбиваетъ замить»¹⁾).

По Забѣлинскому списку, побѣда Ильи Муромца надъ царевичами происходитъ «у морской пристани»; но другіе списки «Повѣсти» не знаютъ этой черты, и она, конечно, не принадлежитъ коренному сказанію, а составляетъ примѣръ нарощенія подробностей, вообще свойственный народному эпосу: побѣда одержана у моря потому, что выше сами царевичи названы заморскими.

По освобожденіи Себежа происходитъ разговоръ между царемъ этого города и Ильей Муромцемъ. Только въ спискѣ г. Забѣлина царь названъ *Себежскимъ*, тогда какъ въ трехъ другихъ онъ именуется *Сибирскимъ* или *Сибьскимъ*. Эта послѣдняя форма, встрѣчающаяся въ рукописи г. Тихонравова, даетъ ключъ къ объясненію происшедшаго искаженія: въ первоначальной записи слово *Себежской* могло быть написано съ вынесеннымъ на верхъ *ж* и потому было прочтено какъ Себерской или Сибирской. Ошибка была тѣмъ возможнѣе, что въ старину названіе зауральскихъ странъ нерѣдко писалось: *Сибирь*, также съ вынесеннымъ наверхъ окончаніемъ. Правильное чтеніе Забѣлинскаго списка дало возможность внести соответствующую поправку во всѣ тѣ мѣста, гдѣ упоминается царь освобожденнаго Ильей города²⁾.

Общій смыслъ разговора между этимъ царемъ и Муромцемъ одинаковъ во всѣхъ спискахъ, но только ихъ взаимное сопоставленіе можетъ дать настоящее правильное чтеніе этого мѣста «Повѣсти» и выяснитъ ходъ разговора. Послѣдняя въ немъ рѣчь Себежскаго царя, почти тождественная во всѣхъ спискахъ, заклю-

1) А. Н. Веселовскій (Южно-русс. былины, стр. 23—29) сближаетъ съ вышеприведенными словами «Гистории» о Михаилѣ нѣкоторыя выраженія Слова о полку Игоревѣ.

2) Въ Забѣлинской рукописи № 82, а также въ лубочной сказкѣ (Ровинскій, Р. нар. картинки, т. I, стр. 3), Себежскій царь названъ Киберскимъ: это дальнѣйшее искаженіе того же слова. Названіе Себежа не совсѣмъ забыто и народными пересказами: въ одной онежской былинѣ (Пѣсни Рыбникова, т. III, стр. 17) освобожденный Муромцемъ городъ названъ Бѣжеговымъ.

часть въ себѣ изложенное въ яркомъ эпическомъ стилѣ описаніе заставы, которая устроена Соловьемъ Разбойникомъ на пути въ Кіевъ. Нѣсколько далѣе это описаніе дополняется тѣмъ, что самъ Соловей сидитъ «на дубахъ», на двѣнадцати — по списку г. Бу-слаева, а по остальнымъ — на девяти.

Богатырскія заставы, описываемыя въ нашихъ былинахъ, уже давно были сближаемы съ тѣми сторожевыми заставами, которыми издревле ограждалась Русь отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ. Въ недавнее время А. А. Потебня повторилъ это сближеніе и дополнилъ его новыми данными¹⁾. Драгоценныя свѣдѣнія о бытѣ русскихъ станичниковъ сохранилъ уставъ о сторожевой и станичной службѣ, составленный въ 1571 году на основаніи опыта многихъ прежнихъ лѣтъ. Уставомъ этимъ предписывалось между прочимъ: «сторожамъ на сторожахъ стоять въ тѣхъ мѣстѣхъ, которые бѣ мѣста были усторожливыя, гдѣ бѣ имъ воинскихъ людей мочно усмотрѣти; а стоять сторожемъ на сторожахъ съ коней не съѣдая; ... а воеводамъ и головамъ надъ сторожами смотрѣти накрѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добры, и ѣздили бѣ на сторожи, на которыхъ стеречи, о дву конь, на которыхъ бы лошадехъ мочно видѣвъ людей убхати, а на худыхъ бы лошадехъ однолично на сторожи не отпушати»²⁾. Такимъ коннымъ сторожемъ изображенъ, въ Сказаніи о Ерусланѣ, Ивашка Бѣлая Епанча, и его сторожа описана почти въ тѣхъ же эпическихъ выраженіяхъ, что застава Соловья Разбойника въ нашей «Повѣсти»: Ивашка «стережетъ въ чистѣ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство (Индѣйское) мимо ея никакое богаыръ не проѣжживалъ, не зоръ не прорыскивалъ, ни пшница не пролжывала». Въ томъ же Сказаніи находимъ описаніе и разъѣздовъ коннаго сторожа: «и ходилъ Ерусланъ Лазаревичъ мѣсяць, и другой, и третій, ажно нашелъ сокму: въ ширину та

1) Живая старина, вып. III, стр. 124—126, и тамъ же, стр. 243 и 244, дополнительная замѣтка В. И. Ламанскаго.

2) О сторожевой службѣ на польской украинѣ Московскаго государства, статья И. Д. Бѣляева въ Чтеніяхъ Моск. Общества исторіи и древностей 1846 г., № 3, стр. 16 и 18.

сокма пробита какъ доброму стрѣльцу стрѣлить, а въ глубину та сокма пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокмѣ, Еруслопъ удивился и говоритъ таково слово: «Кто де по сей сокмѣ ѣздитъ?» Ажно по той сокмѣ ѣздитъ богатырь, старъ человекъ, — конь подъ нимъ свѣъ, — Алокти-Гирей»¹⁾).

А. А. Потенія указываетъ, что у станичниковъ XVI — XVII вѣковъ, стерегшихъ татарскія сакмы, бывали на влгѣсѣ помосты, «кровати» на дубахъ: «а сторожа въ острогѣ (то-есть, не внутри его, а при немъ) — караульная кровать на дубу, на сакму видѣтъ», говорится въ одномъ документѣ 1632 года. Съ такою кроватью г. Потенія очень удачно сравниваетъ помѣщенное на дубу гнѣздо Соловья Разбойника, прибавляя притомъ, что «сидѣнье Соловья не на одномъ «широкомъ» дубу, скрывающемъ караульщика, а на трехъ, затѣмъ девяти, двѣнадцати, тридевяти дубахъ, можетъ быть понято, какъ гипербола, вызванная тѣмъ, что онъ не простой, а изъ ряду вонъ разбойникъ». Такой же гиперболическій отгѣнокъ присущъ и всему эпическому описанію Соловьевой заставы. Данное г. Потеніей объясненіе устраняетъ необходимость видѣть въ Соловьѣ сверхъестественное существо, получеловѣка - полуптицу. Дѣйствительно, въ нашей «Повѣсти» онъ является въ простомъ человѣческомъ образѣ — лѣснаго разбойника. Самое имя его — одно изъ обычныхъ «мирскихъ» именъ или прозвищъ въ старинной Руси.

Паденіе ранскаго Ильей Соловья съ дубовъ сравнивается въ «Повѣсти» съ паденіемъ *овсямаго снопа*. Уже одно присутствіе этого сравненія во всѣхъ четырехъ спискахъ даетъ поводъ отнести эту подробность къ числу коренныхъ въ сказаніи; а что на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на одну изъ особенностей эпическаго стиля, это видно изъ того, что она встрѣчается и въ Словѣ «Бовѣ въ Истомпскомъ сборникѣ: дворянъ короля Маркобруна Бова «мечетъ с коней *что сноповъ*»²⁾).

1) Памятники ст. р. литературы, вып. II, стр. 329 и 326.

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. II, приложение, стр. 245.

Названіе рѣки, что течетъ близъ Соловьевыхъ дубовъ, является въ Библиотечномъ спискѣ въ своеобразной формѣ *Смородыня*; мы не сочли возможнымъ удержать его въ нашемъ чтеніи, такъ какъ въ рукописяхъ гг. Буслаева и Тихонравова тоже названіе встрѣчается въ другой формѣ—*Смородина*, *Смородинка*, болѣе знакомой устному народному творчеству и не совсѣмъ чуждой книжнымъ литературнымъ памятникамъ¹⁾.

Въ одномъ изъ списковъ «Повѣсти», въ Тихопрாவскомъ, Соловей Разбойникъ названъ Будимеровымъ или Будимеровичемъ. Появленіе этого прозвища, подъ которымъ извѣстенъ одинъ изъ героевъ Кіевского цикла, при имени противника Ильи Муромца даетъ поводъ къ нѣкоторымъ интереснымъ соображеніямъ.

Извѣстно мнѣніе И. В. Ягича, который считаетъ возможнымъ вывести обоихъ Соловьевъ нашего эпоса, то-есть, и Разбойника, и Будимировича, изъ образа сказочнаго Соломона и даже отождествить ихъ въ одномъ лицѣ²⁾. «Соловей Разбойникъ Будимеровичъ» Тихонравовскаго списка могъ бы служить къ подтвержденію такой догадки. Но прежде всего нельзя не при-
 пать во вниманіе, что такое соединеніе этихъ двухъ прозвищъ при имени Соловья составляетъ фактъ совершенно единичный, не повторяющійся ни въ одномъ устномъ пересказѣ, ни даже въ другихъ спискахъ нашей «Повѣсти». Затѣмъ никакой внутренней связи между похождениями Соловья Будимировича и Соловья Разбойника по былинамъ не видно; вопреки мнѣнію г. Ягича, строительство Будимировича вовсе не имѣетъ отношенія къ гнѣзду на дубахъ, въ которомъ Разбойникъ сторожитъ проѣзжихъ; если въ одной изъ Рыбниковскихъ былинъ (ч. I, стр. 54), на которую ссылается г. Ягичъ, Соловья Разбойника посылаютъ въ монастырь «строителемъ», это значить, что онъ долженъ не

1) О. И. Буслаевъ. Мѣстные сказанія Владимирскія, Московскія и Новгородскія—въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, т. VI, стр. 15—18; Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго, т. II, прим. 301.

2) Г. Ягичъ высказалъ это мнѣніе въ своей статьѣ: «Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik», въ I-мъ томѣ своего «Архива» (1876 г.).

сооружать обитель, а лишь управлять ею: «строителями» назывались настоятели малыхъ, приписныхъ монастырей, и эта должность, какъ и ея названіе, появились у насъ съ XV—XVI вѣковъ¹⁾; притомъ же, по былинѣ, бывший разбойникъ не сумѣлъ быть «строителемъ», а оказался «разрушителемъ». Далѣе, въ характерѣ Будимировича, какъ онъ очерченъ былинами, вовсе нѣтъ воинственности, отличительной черты богатырей-стоятелей за Русскую землю, между тѣмъ какъ Соловей Разбойникъ — дикій воевода, и самъ г. Ягичъ склоненъ породнить его съ суровымъ поколѣніемъ «старшихъ» богатырей, на смѣну котораго явились въ эпосѣ Илья Муромецъ и его товарищи. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что основной мотивъ быliny о Соловьѣ Будимировичѣ составляетъ брачная поѣздка этого заѣзжаго молодца²⁾, и что вся его эпическая характеристика исчерпывается его роскошною обстановкой, которою онъ прельщаетъ свою невѣсту. Въ виду такихъ соображеній мы рѣшительно не видимъ ни возможности, ни надобности отождествлять въ одно лицо двухъ Соловьевъ нашего эпоса, и потому придачу отчества Будимировича къ имени Соловья Разбойника въ Тихонравовской рукописи считаемъ если не ошибкой переписчика, то случайною погрѣшностью того лица, кто первый вздумалъ положить на бумагу народную былинну объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Не невозможно впрочемъ, что въ старину существовало и нѣсколько списковъ нашей «Повѣсти» съ такою ошибкой, и быть можетъ, одинъ изъ нихъ подалъ поводъ къ тому, повидному, чисто случайному сопоставленію именъ Соловья Будимировича и Ильи *Муромлена*, которое указано въ одномъ западно-русскомъ документѣ 1574 года³⁾. Что въ южной и западной Руси обращались въ старину рукописныя повѣсти объ Ильѣ Муромцѣ, объ этомъ можно догадываться по вышеупомянутой те-

1) Митроп. Макарій. Исторія Русской церкви, т. VII, стр. 90.

2) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былинны, стр. 77; А. А. Потѣбня. Объясненія малорусскихъ и среднихъ народныхъ пѣсенъ, т. II, стр. 482, 663.

3) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былинны, стр. 64.

традкѣ Е. В. Барсова съ признаками «малороссійскаго письма и говора».

Возвращаемся къ обзорѣнїю нашей «Повѣсти».

Отъ свиста Соловья споткнулся конь Ильи. Въ словахъ, съ которыми Муромецъ обращается къ нему, списки представляютъ нѣкоторое различіе. «Что ты, *солме*, спотыкаешся? Нетъ веть меня во всей Руской землѣ сильнея», говоритъ Илья въ рукописи г. Буслаева. Въ Тихонравовскомъ спискѣ богатырь называетъ своего коня «волчья шерсть», а въ Библиотечномъ — «волчья сыть». Это послѣднее выраженіе, безъ сомнѣнїя, предпочтительнѣе по своему эпическому характеру. Въ любопытномъ по своему стилю «Сказанїи объ Азовскомъ осадномъ сидѣнїи», сочиненномъ въ XVII вѣкѣ, аналогическій смыслъ имѣютъ слѣдующія слова казаковъ Туркамъ: «А какъ мы, казаки, взяли Азовъ городъ, тогда мы накормили вашимъ поганымъ трупамъ волковъ сѣрыхъ»¹⁾. То же представленіе о волкѣ, какъ о звѣрѣ особенно жадномъ, можно найти въ поговоркахъ и притчахъ, занесенныхъ въ наши древнїе памятники, какъ напримѣръ, въ Словѣ Данила Заточника: «не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня», или въ посланїи Симона къ Поликарпу: «овча пребывая въ стадѣ неврежено будетъ, а отлучившися въскорѣ погибнетъ и волкомъ изъѣдено будетъ»²⁾.

Въ той же рѣчи, обращенной къ коню, Илья Муромецъ называетъ свое отечество «Святорусскою землею». Это выраженіе, столь обычное въ устныхъ пересказахъ народнаго эпоса, имѣетъ свою исторїю и въ памятникахъ старинной письменности. Происхожденіе его, безъ сомнѣнїя, связывается съ тѣмъ возрѣнїемъ, которое сложилось у русскихъ людей въ исходѣ XV вѣка, когда, по взятїи Константинополя Турками, Русь осталась единственнымъ православнымъ государствомъ, свободнымъ отъ мусульманскаго ига. Еще въ шестидесятихъ годахъ XV столѣтїя

1) Пѣсни Рыбникова, ч. IV, стр. 163.

2) Калайдовичъ. Памятники русс. словесности XII вѣка, стр. 230 и 258.

русскій публицистъ-монахъ, авторъ «Слова еже на латыню», говорилъ слѣдующее: «Нынѣ убо во временахъ, благопросвѣщенная земля Руская, святымъ правленіемъ Божія церкви тобѣ подобае въ вселеннѣй и подѣ солнечнымъ сіаніемъ съ народомъ истиннаго къ вѣрѣ православья радоватися, одѣявся свѣтомъ благочестія... дръжавою... великого князя Василя Васильевича»¹⁾. Явившись сперва среди духовныхъ лицъ, мысль о святости Руси, какъ единственной хранительницы православія, становится въ XVI вѣкѣ достояніемъ и образованныхъ мірянъ, особенно послѣ взятія Казани, послѣ громкой побѣды надъ мусульманскимъ царствомъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ Казанскаго похода, просвѣщенный князь А. М. Курбскій, предлагаетъ въ одномъ изъ своихъ посланій подробное разсужденіе о томъ, что только на Руси уцѣлѣли въ чистотѣ истинная вѣра и благочестіе, погибшія уже въ другихъ странахъ востока и запада²⁾. Въ другомъ сочиненіи того же писателя, въ «Исторіи» Ивана Грознаго, встрѣчается еще болѣе интересное для насъ мѣсто; въ III-й главѣ, разсказывая о бесѣдѣ царя съ Досноеемъ Топорковымъ, Курбскій обращается къ послѣднему съ такими укорами: «Про что человѣческаго естества. . . . жили пресѣклъ еси, и всю крѣпость разрушити и отгяти хотяще, таковую искру безбожную въ сердце царя христіанскаго всѣялъ, отъ неяже во всей *Святорусской землѣ* таковъ пожаръ лють возгорѣлся?»³⁾ Это — если не ошибаемся — самое раннее прямое употребленіе такого названія въ нашей старинной книжной литературѣ. Оно является тутъ еще въ торжественной обстановкѣ риторической фразы. Но въ XVII вѣкѣ оно повторяется неоднократно, и притомъ въ такихъ прозведеніяхъ, которыя стоятъ въ большей или меньшей связи съ народною поэзіей. Такъ, въ пѣснѣ, сложенной по случаю возвращенія патріарха Филарета изъ польскаго плѣна въ Москву

1) А. Н. Поповъ. Историко-литературный обзоръ др.-р. полемич. сочиненій противъ латинянъ, стр. 394—395.

2) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г., ч. II, стр. 560—563.

3) Сказанія князя Курбскаго. Изданіе 2-е, стр. 46.

14-го іюня 1619 года и тогда же записанной англичаниномъ Ричардомъ Джемсомъ, говорится:

Зрадовалось царство Московское и вся земля *Святоруская*...¹⁾.

Въ упомянутомъ выше «Сказаніи объ Азовскомъ осадномъ сидѣньѣ» донскіе казаки уподобляются «*святорусскимъ* богатырямъ», а въ «Повѣсти града Иерусалима» по списку XVIII вѣка описывается, какъ «с тое страны восточныя восходитъ лучя солнца краснаго, освѣтила всю землю *Святорускую*»²⁾. О. И. Буслаевъ обратилъ вниманіе на глубоко національный духъ этого произведенія, наивно выразившійся въ приуроченіи всѣхъ святынь христіанскаго міра къ Русской землѣ. Тотъ же національный духъ сказанъ и въ «Повѣсти» объ Ильѣ Муромцѣ, когда она влагаеть въ уста этого главнаго героя народнаго эпоса похвалу о его неодолимой силѣ.

Въ описаніи боя Ильи съ Соловьемъ въ Библиотечномъ списокѣ есть небольшой пропускъ: Муромецъ «Соловья Разбойника в правой глазь»... Въ списокѣ г. Буслаева здѣсь читается: «во Соловья Разбойника попалъ»; въ списокѣ г. Тихонравова: «убил ево въ правое око», въ списокѣ г. Забѣлина: «попалъ Соловья в правой глазь». Мы однако не остановились ни на одномъ изъ этихъ вариантовъ и предпочли имъ слово «билъ», такъ какъ оно встрѣчается въ Библиотечномъ списокѣ дагѣ, въ разсказѣ Ильи объ его боѣ съ Разбойникомъ.

Въ описаніи прибытія Ильи со своимъ плѣнникомъ къ селамъ Кутузовымъ Библиотечный списокъ опять оказывается не вполне исправнымъ. Когда Илью увидѣли двѣнадцать сыновей Соловья, то, по этой рукописи, всѣ они «зговорятъ таково слово», и затѣмъ имъ отвѣчаетъ большой сынъ. Тихонравовскій списокъ прерывается нѣсколько раньше описанія этой сцены; Забѣлин-

1) Памятники великорусскаго нарѣчія. Изданіе II-го отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, стр. 3.

2) Пѣсни Рыбникова, ч. VI, стр. 164; Лѣтописи р. литературы и древности, т. II, стр. 41.

скій передаетъ ее вкратцѣ, но Буслаевскій повѣствуетъ очень складно: въ немъ первое слово при видѣ Ильи принадлежитъ одному большому сыну, а отвѣтъ держитъ одинъ меньшой. Такое противоположеніе между старшимъ и младшимъ, при чемъ правота на сторонѣ послѣдняго, совершенно въ духѣ народнаго эпоса. Въ наше чтеніе внесенъ вариантъ Буслаевского списка.

Увидѣвъ отца въ бѣдѣ, Соловьята собираются «поле дать» его побѣдителю. Такъ сказано въ Библиотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ, между тѣмъ какъ Забѣлинскій замѣняетъ эти слова болѣе понятнымъ «битися». Однако, выраженіе двухъ первыхъ списковъ должно быть предпочтено не только по своей архаичности, но и по своему смыслу. Сыновья вступаютъ за отца, и борьба съ Ильей представляется имъ не простою молодецкою потѣхой, а судомъ Божиимъ — въ томъ смыслѣ, какъ названа война въ лѣтописи: «Се уже мы идемъ на судъ Божій», говоритъ Изяславъ Мстиславичъ, ополчаясь на Юрія Долгорукаго, занявшаго Кіевъ¹⁾. Такъ и Соловьята хотятъ рѣшить дѣло полемъ, судебнымъ поединкомъ, хотятъ «битися на поли», какъ выражается Судебникъ Ивана III, и только вѣшательство самого плѣннаго Разбойника устраняетъ это заступничество.

Послѣдній эпизодъ «Повѣсти» переданъ въ Библиотечномъ и Буслаевскомъ спискахъ очень сходно, а въ Забѣлинскомъ наиболѣе пострадалъ отъ подправокъ въ книжномъ вкусѣ, какъ напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ: «у полаты своды потреслися». Поэтому въ послѣдней части «Повѣсти» наше чтеніе слѣдуетъ почти исключительно основному списку, при чемъ удерживаетъ и его особенности. На двѣ изъ нихъ обратимъ здѣсь вниманіе. Въ разказѣ Ильи объ его приключеніяхъ дважды встрѣчается любопытное слово *причина*; такъ оно и написано въ Забѣлинской рукописи, между тѣмъ какъ въ списокѣ г. Буслаева: *причина*, — въ Библиотечномъ же находимъ оба написанія. Не подлежатъ

1) Лѣтопись по Ипатскому списку, подъ 6659 г., стр. 300.

однако сомнѣнію, что форма *притчина*, какъ удлинненная изъ *притча*, *притка*, должна быть предпочтена. Еще много лѣтъ тому назадъ г. Буслаевъ указалъ, что слово *притъча*, *притъка* значило въ старинномъ языкѣ случай, бѣда, а прилагательное *приточный* — опасный¹⁾. И до сихъ поръ слово *притча* сохраняетъ то же значеніе въ архангельскомъ говорѣ. Далѣе, грубо испорченное въ Библиотечномъ спискѣ написание «*вокоше чнаку хрустальную*» прочтено нами: «*въ окончину хрустальную*», ибо слово *окончина* употреблялось въ XVII вѣкѣ въ томъ же смыслѣ, что *окно*: въ описи государева двора въ селѣ Коломенскомъ, составленной въ 1677 году, неоднократно упоминаются «*окончныя слюденыя ветхія*»²⁾.

Привѣтствіе, съ которымъ князь Владиміръ обращается къ Ильѣ въ концѣ «Повѣсти» есть обычная эпическая формула, встрѣчающаяся въ разныхъ памятникахъ. Такъ, царь Картаусъ говоритъ Еруслану: «и пынѣ ты живи у меня въ царствѣ и емли города съ пригородками и съ красными селами; *казна тебѣ у меня не затворена*, и мѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третье гдѣ тебѣ любо»³⁾. Еще ближе къ нашему тексту рѣчь князя Владиміра къ молодому богатырю Михаилу Даниловичу въ «Гисторіи» о немъ: «Михаиле, сыне Даниловичю! буди ты отъ меня пожалованъ, *злата казна про тебя не запечатана*, драгоценное платье про тебя не изношено, *добрыя кони стоятъ не обезжаны*»⁴⁾.

Отличіе Библиотечнаго списка отъ прочихъ составляетъ заключительная припѣвка, заканчивающая «Повѣсть» объ Ильѣ

1) Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. В. Калачова, кн. 2, ч. II, стр. 46, 47; Домострой, по изд. Д. П. Голохвастова, стр. 55: «по грѣхомъ какова *притча* станетца»; Памятники дипломат. сношеній, т. I, стр. 71: «пусть далека и *приточена*»; А. Подвысоцкій. Словарь обл. архангельскаго нарѣчія.

2) И. Е. Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей, т. I, приложение, стр. 17 и слѣд.

3) Памятники стар. р. литературы, в. II, стр. 330 и 337.

4) А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины, стр. 27.

Муромцѣ¹⁾. Только нѣкоторое подобіе ей можно найти въ другихъ памятникахъ. Такъ, одно изъ сказаній о Ерусланѣ заканчивается слѣдующими словами: «Еруслану слава не минуетца отнынѣ и до вѣка. Амшь»²⁾. Въ «Сказаніи о семи рускихъ богатыряхъ», помѣщенномъ въ томъ же сборникѣ г. Буслаева, изъ котораго г. Тихонравовъ заимствовалъ одинъ изъ изданныхъ имъ текстовъ нашего памятника, похожденія богатырей также заканчиваются небольшою припѣвкой: «И ихъ храбрости слава не минуетца». Эти примѣры доказываютъ, что конечныя строки Библиотечнаго списка вполне умістны какъ заключеніе «Повѣсти».

Сравненіе рукописныхъ текстовъ «Повѣсти объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ» съ пересказами былииъ соотвѣтствующаго содержанія, записанными прямо изъ народныхъ устъ, безъ сомнѣнія, представило бы не менѣе важныя данныя для оцѣнки эпического стиля нашего памятника; но мы намѣренно воздержались отъ такого сравненія, имѣя въ виду, что эти записи позднѣе рукописныхъ текстовъ, а цѣль нашего опыта заключается въ томъ, чтобы по возможности возстановить «Повѣсть» въ томъ видѣ, въ какомъ она была впервые положена на бумагу въ XVII вѣкѣ.

При печатаніи, поправки къ основному тексту набраны курсивомъ, а вставки изъ побочныхъ текстовъ заключены въ прямыя скобки. Въ правописаніи мы не слѣдовали рукописямъ буквально, но старались вообще примѣняться къ обычаямъ старинной орфографіи и удерживали преимущественно тѣ особенности рукописей, которыя имѣютъ значеніе въ фонетическомъ отношеніи.

---

1) Въ отрывкѣ Московскаго публичнаго музея есть также подобная припѣвка (Пять былииъ по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 8).

2) Памятники стар. р. литературы, вып. II, стр. 339.

Повѣсть о силнѣмъ могущемъ богатырѣ о Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ.

(Чтеніе на основаніи четырехъ списковъ).

Во славномъ было градѣ Муромѣ слушалъ [богатырѣ] Ильа Муромецъ заутреню воскресную и *походъ* держалъ [къ столпому граду Кіеву] къ сплному ко князю Владимиру Кіевскому Всеславичу, а завѣтъ держалъ во всю востру саблю и на крѣпкой лукъ: чтобъ отнюдь во всю дорогу широкую вострыя сабли изъ ноженей не вынимать и на крѣпкой лукъ титивы не кладывать.

И какъ ѣдучи будетъ подъ Себежемъ градомъ, и услышалъ крикъ и стукъ и конское ржаніе, и наѣхалъ тутъ сильный Ильа Муромецъ, ажно подъ Себежемъ градомъ стоитъ три царевича заморскіе, а силы съ нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себежъ градъ за шптомъ взять, а самого царя *Себежского* въ полонъ взять. Тутъ Ильа Муромецъ отвязываетъ свою востру саблю отъ сѣдла черкаскаго и напускаетъ на ихъ силу великую, какъ на галечье стадо. И побилъ всю рать силу великую и трехъ царевичевъ въ полонъ взялъ и подарилъ *Себежскому* царю въ подарки.

[И] *Себежской* царь взговорить: «Ой еси ты, доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству, и котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Ильа Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома». И *Себежской* царь взговорить [таково слово]: «Откуда твоя дорога излучилась?» Отвѣтъ держалъ Ильа Муромецъ: «Ѣду, государь, къ столному граду Кіеву ко князю Владимиру Кіевскому Всеславичу». И *Себежской* царь взговорить Ильѣ Муромцу: [«Ой еси, доброй молодецъ Ильа Муромецъ! Не ѣди къ столному граду Кіеву, ко великому князю Владимиру Кіевскому Всеславичу, живи ты у меня, служи [ты мнѣ вѣрою и правдою]; я отдамъ тебѣ полцарства [Себежскаго]». Ильа Муромецъ [говорить]: «Много мнѣ твоего жалованья!» И] спрашиваетъ у него прямой дороги къ [столному] граду Кіеву [ко князю Владимиру

Кіевскому Всеславичу]. И *Себежской* царь взговорить [таково слово]: «Прямая у насъ дорога ко граду Кіеву на лѣса на Брынскіе, на грязя топучіе, на мостъ калиновъ, на рѣку *Смородину*; только *та* дорога залегла ровпо тридцать лѣтъ: ни единой годъ по той дорогѣ никаковъ человекъ конской не проѣзживалъ, ни человекъ *не* прохаживалъ, ни птица не пролетывала, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Соловья Разбойника». И тутъ богатырское сердце разгорѣлось, и поѣхалъ прямой дорогою.

И какъ [ѣдучи] Илья Муромецъ будетъ на мосту калиновомъ, на рѣкѣ *Смородинѣ*, и спустилъ къ нему Соловей Разбойникъ, засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ, ажно подъ Ильєю [его доброй] конь впотыкнулся. И тутъ Илья Муромецъ взговорить [таково слово]: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною впотыкнулся? Нѣту вѣтъ силнѣе меня на всей Святоруской землѣ!» И вынимаетъ свой крѣпкой лукъ и калену стрѣлу накладываетъ, Соловья Разбойника въ правой глазъ *билъ*. И Соловей Разбойникъ упалъ съ девяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Илья Муромецъ сѣлъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретивое. И змолился Соловей Разбойникъ: «Ой еси ты, сильный могучій богатырь Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ! Оставь душу хотя на покаяніе!» Что взговорить Илья Муромецъ Соловью Разбойнику: «Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежитъ?» И Соловей Разбойникъ взговорить таково слово: «Моя, государь, золота казна лежитъ [въ] моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцу гонять ровно два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ». Илья Муромецъ привязываетъ Соловья Разбойника къ свосему стремени булатному [и скачетъ съ горы на гору, а у рѣки перевозу не спрашиваетъ].

И какъ ѣдучи будутъ подъ селами Кутузовыми, и увидѣли Соловья Разбойника ево 12 сыновей. [Большой] *взговорить* таково слово: «Вонъ ѣдетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана». А *меньшой* сынъ взговорить [таково слово]: «То де ѣдетъ Илья Муромецъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана». И металсь въ золоту казну и надѣвали на себя

ружье богатырское, и хотятъ они съ нимъ поле дать. И Соловей Разбойникъ взговоритъ [таково слово]: «Съѣмъ вы, мое [малыя] дѣтушки, не дразните вы добраго молодца, зовите вы ево къ себѣ хлѣба кушать и сажайте ево за столы дубовы, а за ѣствы сахарныя». А Илья Муромецъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ къ [столному] граду Кіеву, ко князю Владимиру [Кіевскому Всеславичу].

И какъ ѣдучи будетъ ко граду Кіеву, и скачетъ чрезъ ограду каменную и ѣдетъ на княженецкой дворъ, не обсылаючи и шапки не снимаячи, а Соловья привязываетъ къ своему доброму коню богатырскому, а самъ входитъ въ полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимиру поклоняется [и кнениѣ], а послѣ на всѣ четыре стороны. И князь Владимиръ спрашиваетъ: Ой еси ты, доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени и по отечеству, и котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома». Князь Владимиръ взговоритъ: «Давно ли ты, Илья Муромецъ, изъ града Мурома поѣхалъ?» Отвѣтъ держалъ Илья Муромецъ: «Поѣхалъ я, государь, изъ Мурома, отслушавъ заутреню воскресную». И князь Владимиръ усмѣхаетца: «Что ты, Илья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняютъ по два мѣсяца, а скоро на скоро во единъ мѣсяцъ съ Кіева въ Муромъ градъ». Илья Муромецъ взговоритъ [таково слово]: «Да еще на меня, государь, [были] двѣ притчины великіе и бѣды несносныя. Какъ поѣхалъ изъ Мурома [града], отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положилъ на всю востру саблю и на крѣпкой лукъ, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли изъ ножней не вынимать и на крѣпкой лукъ титвы не кладывать; а какъ ѣдучи будетъ подъ Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотятъ они Себежъ градъ за щитомъ взять, а самого царя *Себежскаго* въ полонъ взять, — и я ево выручилъ побилъ всю силу ихъ [ратную] и трехъ царевичевъ въ полонъ взялъ и подарилъ *Себежскому* царю въ подарки. И другая, госу-

дарь, на меня прѣтчина была: какъ ѣдучи [на лѣсы Брынскія], на мосту калиновомъ, на рѣкѣ *Смородинь*, и наѣхалъ и напустилъ на меня Соловей Разбойникъ, закричалъ громкимъ гласомъ и засвисталъ своимъ разбойническимъ посвистомъ, ажно подо мною конь впотыкнулся,—и билъ Соловья Разбойника въ правой глазъ и привезъ его съ собою въ Кіевъ градъ, и топерь онъ стоитъ у моего коня богатырскаго привязавъ у стременя».

И выглядываетъ князь Владимиръ въ *окончину* хрустальную и самъ взговорить: «Ой еси ты, Соловей Разбойникъ! Засвищи ты своимъ разбойническимъ посвистомъ». И Соловей Разбойникъ отвѣтъ держить: «Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего господина Илью Муромца». Вегѣлъ [засвистать] Илья Муромецъ Соловью Разбойнику: засвисталъ [Соловей] разбойничьимъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скамейки подломилсь. И князь Владимиръ бысть велии радошенъ и зговорить [таково слово]: «Тебѣ у меня, Илья Муромецъ, будетъ золота казна не запечатана, и добрыи кони не изѣждены, [и погребы не замкнуты] за твою службу вѣрную и богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою и правдою».

Тѣ жь люди миновалися, а слава ихъ до скончанія вѣка! Аминь. Конецъ и Богу слава! Аминь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Повѣсть о силнѣхъ могущемъ богатыре о Ильѣ Муромцѣ і о Соловьѣ Разбойникѣ.

(По Библиотечному списку).

Во славномъ было градѣ Моровѣ¹⁾ слуша[гъ] Ілья Муровѣцъ заутреню воскресную и в умѣ держалъ к силному ко князю Владимиру Киевскому Всеславичу, а завѣтъ держалъ во всю востру саблю і на крепкой лукъ, чтобъ во всю дорогу титвы не кладывать, что[бъ] о[т]н[ю]ть во всю дорогу широкую вострыя сабли із ножней не вынимать и на крепкой лукъ титвы не кладывать. І какъ едучи будѣтъ по[д]ѣ Себѣжемъ градомъ, и слышалъ крикъ і стукъ і конское ржаніе, и наехалъ тутъ силы Ілья Муравѣцъ, ажно подѣ Себѣжемъ градомъ стоять три царевича заморскіе, а силы с нимъ было у всякова царевича по сту и по тысячѣ, а хотять они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя Сибирскаго в полонъ взять. Тутъ Ілья Муровѣцъ отвязываетъ свою востру саблю отъ седла черкаскаго і напускаетъ на ихъ силу вѣликую, какъ на галѣчье стадо, і побилъ всю рать силу вѣликую і трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю в подарки. Сибирской царь взговорить: «О еси ты доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по иѣни и по отечеству, і котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муровѣцъ: «Зовутъ иѣня, государь, Илюшкю, а по отечеству Ивановъ сынъ, урождѣнецъ града Морова». І Сибирской царь взговорить: «Откуды твоя дорога ізлучилась?» Отвѣтъ держалъ Ілья Муровѣцъ: «Еду, государь, к столному граду

---

1) Въ ркис. надъ этимъ словомъ написано еще разъ: *градъ Мурое*. — Далѣе слова, приписанныя надъ строкой, набраны въ текстѣ курсивомъ.

Киеву, ко князю Владимѣру Киевскому Всеславичу». І Сибирской царь взговорить Ильѣ Муровцу: «Служи ты у мѣня; всѣ отдамъ тебѣ полцарства». Ильѣ Муровѣцъ спрашиваетъ у него прямой дороги ко граду Киеву. І Сибирской царь взговорить: «Прямая у насъ дорога ка граду Киеву на леса на Брын[с]киѣ, на грази топчине, на мость калиновъ, на реку Смородыню,— толко тутъ тебѣ дорога заглѣгла ровно тридцать летъ: ни единой годъ по той дороге никакъ челоувѣкъ конской не проеживалъ, ни челоувѣкъ и проаживалъ, ни птица не проглѣтывала, ни звѣрь не прорыскивалъ отъ Солов[ь]я Разбойника». І тутъ богатырское сердце разгорелось, и поехали прямой дорогою. І такъ Ильѣ Муравѣцъ будетъ на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, — і спустилъ къ нѣму Соловѣй Разбойникъ, засвисталъ своимъ разбойничскимъ посвистомъ, ажно под Ыльѣю ¹⁾ конь впотыкнулся. І тутъ Ильѣ Муравѣцъ взговорить: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною впотыкнулся»? Нѣту вѣтъ слянѣе меня на всей Святоруской землѣ!» І вынимаетъ свой крепкой лукъ і калену стрелу накладываетъ, Соловѣя Разбойника в правой гласъ. . . І Соловѣй Разбойникъ упалъ з дѣвяти дубовъ, что овсяной снопъ свалился. Ильѣ Муравѣцъ селъ у него на бѣлы груди и хотѣлъ у него вынять сердце ретовое. И змолился Соловѣй Разбойникъ: «Ой еси ты ²⁾ силы могучий богатырь Ильѣ Муравѣцъ сынъ Ивановичъ! Оставь душу хотя на покаяни!» Что взговорить Ильѣ Муравѣцъ Солов[ь]ю Разбойнику: «Скажи мнѣ ты: гдѣ твоя золота казна лежитъ?» И Соловѣй Разбойникъ взговорить таково слово: «Моя, государь, золота казна лежитъ ³⁾ [въ] монхъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцу гонять ровно по два месеца, а скоро на скоро во единъ мѣсець». Ильѣ Муравѣцъ привязываетъ Соловѣя Разбойника к [с]воему с[т]ремени булатному. И какъ случи будутъ по[д]ъ селами Кутузовыми, і увидѣли Соловѣя Разбойника ево 12 сыновѣй, и зговорять таково слово: «Вонъ едетъ нашъ батюшко, везетъ мужика у стремени привязана». А большой сынъ взговорить: «То дѣ едѣтъ Ильѣ Муравѣцъ, везетъ нашего батюшка у стремени привязана». І метались в золоту казну, і надѣвали на себя ружье богатырское, і хотятъ они с нимъ поле дать. І Соловѣй Разбойникъ взговорить: «О еси вы, мое детушки, не дразните вы добраго молотца, зовите вы ево к себѣ

1) Въ ркпс. *подылся*.

2) Послѣ *ты ѡ* ркпс. надъ строкой приписано *доб* — добрый?

3) Въ ркпс. это слово зачеркнуто, но другимъ не замѣнено.

хлѣба кушать і сажайте ево за столы дубовы, а за ествы сахарныи». А Илья Муравѣцъ поворачиваетъ своимъ добрымъ конемъ ко граду Киеву ко князю Владимиру. І какъ едучи будетъ ко граду Киеву, і скачетъ чрезъ ограду каменную, і едѣтъ какъ на княженецкой дворѣ, не обсылаючи і шапки не снимаячи, а Соловья при[в]язываетъ к своему доброму коню богатырскому, а самъ входитъ в полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны. И князь Владимиръ спрашиваетъ: «О еси ты доброй молодецъ! Какъ тебя зовутъ по имени і по [о]тчеству, і котораго ты города?» Отвѣтъ держалъ Илья Муравѣцъ: «Зовутъ мѣня, государь, Илюшкою, а по [о]тчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурова». Князь Владимиръ взговоритъ: «Давно ли ты, Илья Муравѣцъ, из града Мурова поехалъ?» Отвѣтъ держалъ Илья Муравѣцъ: «Поехалъ я, государь, из Мурова, отслушавъ заутреню воскресную». И князь Владимиръ усмекаетца: «Что ты, Илья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняютъ по два месеца, а скоро на скоро во единъ мессецъ с Киева ¹⁾ в Муръ градъ». Илья Муравѣцъ взговоритъ: «Да еще на мѣня, государь, двѣ причины великыі і беды несносны: Какъ поехалъ изъ Мурова, отслушавъ заутреню воскресную, а завѣтъ положилъ на всю востру саблю і на крепкой лукъ, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли из ножей не вынимать і на крепкой лукъ [ти]тивы не кладывать; а какъ едучи будѣтъ по[дѣ] Себежемъ градомъ, ажно стоятъ три царевича заморскыи, а силы с нимъ было у всякова царевича по сту и по тысяче, а хотятъ они Себѣжъ градъ за щитомъ взять, а самаго царя Сибирскаго в полонъ взять, і я ево выручилъ і побилъ всю силу ихъ і трехъ царевичевъ в полонъ взялъ и подарилъ Сибирскому царю в подарки. І другая, государь, на меня притчина была: какъ едучи на мосту калиновомъ, на реке Смородыне, і наехалъ і напустилъ на меня Соловѣи Разбойникъ, закричалъ громкимъ гласомъ і сасвисталъ своимъ разбойничскимъ посвистомъ, ажно подо мною конь вплотыкнулся, — і билъ Соловья Разбойника в правой глазъ и привѣзъ его [с] собою в Киевъ градъ, и топерь овъ стоитъ у моего коня богатырскаго привязанъ у стремѣни привязана». І выглядываетъ князь Владимиръ в окончину ²⁾ хрустальную і самъ взговоритъ: «О еси ты, Соловѣи Разбойникъ! Засвищи

1) Въ ркпс. *скимъ*.

2) Въ ркпс. *вокоме чмаку*.

ты своимъ разбойничскимъ посвистомъ». І Соловѣй Разбойникъ отвѣтъ дѣржитъ: «Не твой холопъ, не слушаю тебя; я слушаю своего господина Ілью Муравца»¹⁾. Велелъ Соловьѣ Разбойнику *Ілья Муромецъ*: засвисталъ разбойничемъ посвистомъ, ажно и тутъ у богатырей скаме[н]ки подломились. І князь Владимѣръ бысть вѣли радощень і зговорить: «Тебѣ у меня, Ілья Муравѣцъ, будѣтъ золота казна не запечатана и добрыи кони не изеждены за твою службу вѣрную і богатырскую; заслужи ты мнѣ вѣрою і правдою». Те жъ люди миновалиса, а слава ихъ до скончания века! Аминь. Конѣцъ и Богу слава!

Аминь.

2.

Гистория о Ільѣ Муромцѣ и о Соловьѣ Разбойникѣ.

(По рукописи И. Е. Забѣлина № 71).

Во славномъ граде Муромѣ слушалъ Ілья Муромецъ заутреню воскресную, похоть держалъ ко граду Киеву ко славному князю Владимиру Сеславьевичу, а заветъ положилъ, чтопъ отнютъ во всю широкою дорогу острой сабли из ноженъ не вынимать, а на крепкой лукъ тетивы не накладывать.

И тако поехалъ Ілья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ под градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскія, а слы с ними триста тысячъ, и хотели оне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя Себежского в полонъ взять.

И тако поехалъ Ілья Муромецъ в сугонъ за тремя царевичами и нагналъ ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичевъ в полонъ взялъ, и возвратилса во гратъ Себежъ. И увидели ево граждани и возвести о немъ царю Себежскому.

И потомъ Себежской царь приказалъ отворить врата градскаго и принимаетъ Ілью Муромца за рука белыя, а самъ говоритъ: «Гой еси ты, доброй молодець, какъ твое имя, и коего ты граду?»

1) Надъ буквою *е* въ словѣ *Муравца* надписано *и*.

Отвѣщаетъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома».

Потомъ рече Себежской царь: «Откуда твоя дорога лучилась?»

Отвѣщаетъ Илья Муромецъ: «Еду я на мосты колиновы».

А Илья Муромецъ спрашиваетъ у него дороги ко граду Киеву.

И рече ему Себежской царь: «Прямая у насъ дорога лежитъ на мосты колиновы, только та у насъ дорога залегла равно тритцать летъ от Соловья: никакой человекъ не прохаживалъ, и птица никакая не пролетала».

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ на мосту коллиновомъ, и тамъ увиделъ ево Соловей и засвисталъ своимъ посвистомъ. В то время подъ Ильею Муромцомъ доброй ево конь спотыкнулся, и вынулъ Илья Муромецъ свой крепкой лукъ и наложилъ колену стрелу и попалъ Соловья в правой глазъ. В то время упалъ Соловей з девяти дубовъ что овсяной снопь, а Илья Муромецъ слезъ с своего добраго коня и хочеть ретиво сердце вынуть.

И возмолитца ему Соловей: «Гой еси ты, доброй молодецъ, оставь душу мою хотя на покойние».

И говоритъ ему Илья Муромецъ: «Где твоя лежитъ злата казна?»

Отвѣщаетъ Соловей: «Лежитъ моя злата казна в монхъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гонять по два мѣсяца, а скоро на скоро мѣсяць».

И тутъ поехалъ Илья Муромецъ тою дорогою. Какъ будетъ онъ пот селомъ Кутузовымъ, и увидели Соловья ево двенадцеть сыновъ и надеваютъ на себя збрую богатырскую и хотять с Ильею Муромцомъ битися. И говоритъ Соловей: «Светы мои дети малые, зовите вы его за столы дубовые, а подносите ему меду слаткого».

Потомъ вшелъ Илья Муромецъ в ту полату каменную ко князю Владимиру, и молитца онъ чуднымъ образомъ и князю Владимиру поклоняетца, а после на все четыре стороны.

И в то время у князя Владимира было пированье великое.

Потомъ князь Владимиръ принимаетъ Илью Муромца за руки белые, а самъ говоритъ: «Гой еси ты, доброй молодецъ, какъ твое имя и коего ты граду?»

Отвѣщаетъ Илья Муромецъ: «Зовутъ меня Ильею, по отчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Мурома».

Потомъ рече князь Владимиръ: «Когда ты, Илья Муромецъ, выехалъ из Мурома?»

Отвѣщаетъ Илья Муромецъ: «Поехалъ я из града Мурома, слушавши заутреню воскресную. Какъ я будучи подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскія, а силы с ними триста тысячъ, и хотели оне Себежъ гратъ за щитомъ взять, а самого царя Себежского в полонъ взять. Вторая пригчина: какъ я будучи на мосту козиновомъ, и тамъ увидель Соловоя, и засвисталъ своимъ посвистомъ; в то время подо мною конь спотыкнулся, и я ево из лука попалъ в правой гласъ, и привесъ ево с собою, и теперъ онъ стоитъ у моего добраго коня».

И выглянулъ Илья Муромецъ в оконце и велелъ Соловью засвистать.

И Соловей сталъ свистать. В то время у князя Владимира кресла поддомлились, и у полаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхые хоромы и совсемъ повалились. И князь Владимиръ сталъ веселъ и говорить ему: «Послужи ты мне, Илья Муромецъ, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую».

И всему тому конецъ.

3.

Сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ, Соловьѣ Разбойникѣ и Идолицѣ.

(По рукописи И. Е. Забѣлина № 82).

взялъ подъ правую руку, а воевода Черниговской подъ левую. Илья Муромецъ говоритъ таковы речи: «Государи князь Киберской и воевода Черниговской, не подлежатъ вамъ меня, нижаншева раба, брать под руки и вестъ в полаты б'блокаменные». И взялъ ихъ обейхъ под руки и велъ ихъ в полаты, и сажал ихъ за столы за дубовыя, за скатерти браные, за ествы сахарные. И какъ сталъ пиръ навесѣле, и стали князь Киберской и воевода Черниговской спрашивать: «Пожалуй скажи, удалъ доброй молодець, какъ тебя зоуть по имени и по отечеству, и уроженецъ которые земли, и роду христианскова ль?»

Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ: « Я, государи, роду христианского, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова; отецъ мой — крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ, а меня, государи, зоуть Илюш-

кою, а по отечеству Ивановъ сынъ; а еду я, государи, ко славному граду Киеву Богу молитца, а князю Владимиру объявитца». И сталъ князь Киберской спрашивать: «Скажи пожалуй, Илья Муромецъ, давно ль ты поехалъ из дому отца своего, и давно ль близася етаю силаю босурманскою?» О[т]ветъ держитъ Илья Муромецъ: «Я, государь, поехалъ вчерась пообедавши и к вамъ приехалъ вчерашняго числа, какъ вы сами видели». И какъ столъ отошелъ, Илья Муромецъ выходитъ изъ за стола дубоваго и молитца Богу по писанному и благодаритъ князя Киберского и воеводу Черниговского за хлебъ и за соль; и сталъ Богу молитца, и с ними прощаетца и спрашиваетъ ихъ: «Скажите пожалуйста, князь Киберской и воевода Черниговской, какъ мне ближе ѣхать ко славному граду Киеву—которую дорогою?» И стали ему сказывать: «Государь нашъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичи! Мы тебѣ скажемъ прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебѣ, государь, премея ехати

на те леса на Брянския,
на те мосты каиновы,
чрезъ тое реку Смородину ¹⁾;

только нетъ, государь, тамъ пропуску; ровно тритцать летъ залегла эта дорога отъ силнаго богатыря Соловья Разбойника: не пропускаетъ онъ ни пешева, ни коннова, всехъ грабить и убиваетъ и храбрость показываетъ всемъ сильнымъ и могучимъ богатырямъ, а воюетъ онъ безъ оружия, только убиваетъ своимъ разбойническимъ свистомъ».

И слыша то, у Илья Муромца богатырское сердце разгорелоса: Богу молитца и съ княземъ прощаетца. И они ево стали просить: «Государь Илья Муромецъ, пожалуй у насъ начуй, и отелушаешъ заутреню воскресную и туды во славной градъ Киевъ поспѣшъ к обедни». Илья Муромецъ не могъ отставить прошения ихъ, у нихъ начевалъ и отелушелъ заутреню воскресную—а все эта делалось в Великую Суботу,—и с ними, с княземъ Киберскимъ и воеводай Черниговскимъ, похристосывалася; и они ему дали по яичку и на нихъ подписали подпись, в которой день поспелъ из Муroma в Черниговъ градъ, и сколько падъ Черниговымъ побилъ силы босурманския.

---

1) Въ рукописи эти три строки написаны въ видѣ стиховъ. Такъ и дагѣе нѣсколько разъ.

Илья Муромецъ, принявъ отъ князя ¹⁾ Киберскаго и воеводы Черниговскаго отпущкъ, садилса на своего доброго коня и спрашиваетъ у князя Киберскаго: «Какъ, государь, мне узнать дорогу прямую на те леса на Брянския?» И они ему сказали: «Какъ выедешъ, государь, із нашева града в чистое поле, и увидишъ в правой стороне попрыски богатырския».

Илья Муромецъ поехалъ и выехалъ в чистыя поля и увиделъ попрыски богатырския и по нимъ поехалъ и приехалъ

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.

И Соловей Разбойникъ слышелъ сизнаго могучева богатыря и узналъ себѣ кончину и безчастие великое, и не допуская Илью Муромца за тритцать верстъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойническимъ таково крепко, что подъ Ильєю Муромцомъ конь спотыкнулса. Илья Муромецъ билъ своево коня по крутымъ бедрамъ и самъ говоритъ таковы слова: «Что ты, волчья мяса, травной мешекъ! Али ты в темныхъ лесахъ не гулявалъ и соловьиного свисту не слыживалъ?» А самъ поехалъ путемъ своимъ. И Соловей Разбойникъ, не допустя Илью Муромца за пятнатцать верстъ, засвисталъ громче тово, и с того свисту подъ Ильєю Муромцомъ конь пуце тово спотыкнулса, и онъ опять билъ коня по крутымъ бедрамъ и говоритъ такія речи: «Что ты, волчья мяса, травной мешокъ! Или ты в темныхъ лесахъ не гуливала, соловьиного свисту не слыживала?» А самъ опять поехалъ дорогою и приехалъ подъ Соловьиное гнездо: свито на двенатцати дубахъ самыхъ толстыхъ, которые обоймовъ по пяти. И на техъ дубахъ на гнезде сидючи, Соловей Разбойникъ увиделъ светорускова синова могучева богатыря і засвисталъ во весь свой свистъ разбойничей, хотелъ, чтабъ такова синова богатыря убить до смерти, а самому бы быть в великой чести і славе во всей вселенной, и такъ громко засвисталъ, что подъ Ильєю Муромцомъ конь богатырской спотыкнулса на карачки со всехъ четырехъ ногъ.

---

1) За словомъ князя было написано: *Владимера*, но потомъ оно, какъ ошибочное, взято въ скобки.

Илья Муромецъ снимаетъ с себя тугой лукъ и накладываетъ колену стрелу и пустилъ на то гнездо Соловьиное и попалъ в правой глазъ і в левое крыло і вышибъ левой глазъ. И Соловей Разбойникъ свалился з гнезда, что овсяной снопъ. Илья Муромецъ беретъ Соловья Разбойника и привязалъ ево крепко к стременю булатному и сталъ скакать во всю прыть конскую, и выскакалъ те леса Брянския, те грязи топучия, те мосты казиновы, и перескакалъ реку Смородину и высочилъ в чистыя поля. Стоять три терема златоверховатыя. Илья Муромецъ спрашиваетъ Соловья Разбойника: «Скажи, Соловей Разбойникъ, не тотъ ли славной Киевъ градъ?»

Ответъ держитъ Соловей Разбойникъ: «Государь, удалой доброй молодецъ, сильной могучей богатырь Илья Муромецъ! Это не славной Киевъ градъ, это мои Соловьиныя палаты, а живутъ в нихъ три мои дочери». И какъ поровнялся Илья Муромецъ противъ полать разбойничьихъ, и у техъ полать были окны настешъ растворены, и в техъ окнахъ сидели дочери Соловья Разбойника, смотрели в чистыя поля з добычею отца своего и думали сами между собою, что «едитъ нашъ батюшка з добычею». И увидела меньшая дочь и закричала сестрамъ своимъ: «Вонъ нашъ батюшка едитъ з добычею и везетъ к намъ мужика привязана у стремена булатнова!» А большая дочь посмотрела і заплакала горко і закричала громкимъ голосомъ богатырскимъ: «Эта не батюшка нашъ едитъ, эта едитъ мужикъ незнаемой і везетъ нашева батюшка привязана у стремена булатнова». І закричала мужьямъ своимъ: «Мужья наши млыя, поезжайте къ мужику на встречу и отбейте у него нашева батюшку, государя Соловья Разбойника, не кладите на нашъ родъ такова позору и безчестия». И мужья ихъ, сильныя богатыри, металсь на конюшенной дворъ, брали своихъ добрыхъ коней и без седелъ выехали противъ светорусского богатыря Ильи Муромца, и хотять отбить тестя своего; кони подъ ними добрыя, и копыя у нихъ вострыя, и хотять Илью на копыя посадить.

И увидель ихъ Соловей Разбойникъ и говорить имъ: «Зятья мои млыя, удалыя добрыя молодцы! Не позортесь вы и не дразните такого сильного светорусского богатыря: ежели раздразните, всемъ вамъ принять от него чашу смертную; лутче вамъ съестъ с своихъ добрыхъ коней и просить доброва молотца для такова торжественного праздника выпить по чаре зелена вина». И они ево, тестя своего, послушали, слезли с своихъ добрыхъ коней и пали в ноги удалому доброму молотцу и стали просить ево в домъ свой:

«Удалъ доброй молодецъ, синой могучей богатырь, милости у тебя просимъ в домъ отца нашего для такова торжественнаго праздника выкупать по чарѣ зелена вина».

Илья Муромецъ, видя ихъ такую покорность, и не ведалъ ихъ такой злобы, заварачиваетъ своимъ добрымъ конемъ и поехалъ в домъ Соловья Разбойника.

И увидела большая дочь, что едетъ Илья Муромецъ в домъ ихъ, и вскочила на вереву и подхватила подворотню железную на цепяхъ и хотела Илью Муромца чтобъ пришибить тою подворотнею на воротахъ, а отца своего освободить изъ неволи.

И какъ Илья Муромецъ в ворота едетъ, и она тою подворотню пустила и не захватила, и опять тотъ часъ подхватила, а она была сильная богатырка. И усмотрелъ Илья Муромецъ, что она сидитъ на верѣе и подхватываетъ подворотню; оборотясь ударилъ ея шелепугою подорожною такъ сильно, что отъ тою верев отлетела на двенадцать сажень, а самъ заворотилъ свой доброй конь и поехалъ з двора и говоритъ Соловью Разбойнику: «Спасиба, Соловей Разбойникъ, на твоей перепутной чаре; вина я у тебя не пивалъ, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезете своихъ Соловьинныхъ пожитковъ в славной Кневъ градъ, и я к вамъ приеду, то всемъ вамъ, старому и малому, смерти не мпновать, все умрете злою смертию от моего острого меча». И поехалъ ко славному граду Кневу.

И какъ приехалъ в Кневъ градъ, проезжаетъ прямо на княженетской дворъ, и пустилъ своего коня богатырского среди двора княженетского и никому коня не приказываетъ¹⁾ и къ яслемъ не привязываетъ; и тому все слуги кнеженетския дивуютца: «Что за мужикъ приехалъ на нашъ дворъ и ни кому коня не приказываетъ и не привязываетъ?»

Илья Муромецъ пошелъ в церковь соборную; молится онъ Богу по писанному и на все четыре стороны покланяется, а особливой поклонъ отдаетъ князю Владимиру и княгине Апраксине Королевшне; и сталъ молитца по писанному.

И увиделъ князь Владимиръ такова приезжева человекъ и послалъ спросить: откуда приехалъ и какъ ево имя. И стояли съ княземъ два министра — могучия богатыри Алеша Поповичъ да Добрыня Никитичъ; и кинулся Алеша Поповичъ и сталъ спрашивать

1) Послѣ приказываетъ было написано: и *к коноязи*, но, какъ лишнее, взято въ скобки.

неочестливо, и очень онъ пересмешивъ былъ: «Какъ тебя зовутъ, и чей ты, и что ты за мужикъ, и откуда ты приехалъ?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Алеша Поповичъ, бабья блядь, пересмешница, пришла волутче себя и повежливее!»

И Алеша Поповичъ пошелъ прочь отъ него со стыдомъ и пришелъ к князю Владимиру, ответу никакого не даетъ.

И князь Владимиръ спросилъ: «Алеша, ходилъ ли ты спрашивать приезжева человека, и што онъ тебѣ сказалъ: кто онъ таковъ?»

Ответъ держитъ Алеша: «Приехалъ, государь, какой-та мужиченка, и я его спрашивалъ, и онъ мне ответу не далъ; только, государь, меня предъ народомъ обезчестилъ».

И какъ Владимиръ догадался, что онъ спрашивалъ не честно, и послалъ другава министра, Добрыню Никитича, и велелъ спросить вежливо.

И Добрыня Никитичъ пришелъ к Илье Муромцу и сталъ спрашивать очесливо: «Прислалъ до васъ князь Владимиръ, приказалъ васъ спросить: откуда ваша милость приехалъ, и которова городу уроженецъ, и какъ тебя звать по имени и по отечеству?»

Ответъ держитъ Илья Муромецъ: «Государь Добрыня Никитичъ, донеси великому князю Владимиру: зовутъ меня Илюшкой, а по отечеству Ивановъ сынъ, уроженецъ я города Мурома, села Карачарова; а приехалъ я нарочно в славной Киевъ градъ Богу молитца, а князю Владимиру объявитца».

И Добрыня Никитичъ пришелъ и объявилъ князю Владимиру: «Сказываетца Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ, а уроженецъ города Мурома, села Карачарова, а приехалъ нарочно во славной Киевъ градъ Богу молитца, а тебѣ, князю Владимиру, объявитца».

И князь Владимиръ веры не имеетъ, что эта силой богатырь Илья Муромецъ. И какъ отошла божественная литургия, пошли все изъ церкви вонъ, — Илья Муромецъ дождался князя Владимира, и какъ онъ пошелъ изъ церкви и со княгинею Апраксиной Королевишней, — и подошелъ к князю и поклонился и похристосовался и подарилъ ихъ теми яичками, которыми его подарили князь Киберской и воевода Черниговской.

И князь Владимиръ, смотря на те яицы, и спросилъ у своей княгини: «Что у тебя на яйцу написано?» И она ему отвѣтствовала: «Написана на яйце мудреная вещь, чему статца не можно».

И князь Владимиръ от обѣдни всехъ сталъ звать князей и бояръ и сплныхъ могучихъ богатырей к себѣ в полаты белокамен-

ныя, и сталъ князь подносить всемъ по чаре зелена вина, и пришедь поднести Илье Муромцу.

И зговорить Илья Муровець: «Государь князь Владимиръ, слей нѣ чары две или три во единомъ место, а мне этой чарой не чемъ и ротъ полоскать». И Князь Владимиръ налилъ кубецъ в полведра и поднесъ Илье Муромцу.

Илья Муромецъ выпилъ и поклонился и сталъ говорить: «Великій князь, я таперь по милости твоей сытъ и пьянъ, толко у меня товарищъ не сытъ и не пьянъ». И князь Владимиръ спросилъ: А кто твой товарищъ?» «А мой товарищъ — доброй конь». И услышалъ эта Алеша Поповичъ и выскочилъ не полать белокаменныхъ и насыпалъ пшеницы доброму коню богатырскому и привезалъ и своего коня и говорить к себѣ: «Ежели богатырской конь не припуститъ нашихъ лошадей, то премой конь богатырской». А Илья Муромца конь втирался помаленку и втерса и схваталъ коня Алеша Поповича и убилъ до смерти. И Добрыня Никитичъ на силу отъхватилъ своего коня; и никому не сказали о томъ, что убилъ богатырской конь коня Алеша Поповича.

И князь Володимеръ еще не уверяетца, что онъ—силой могучей богатырь; сажалъ всехъ за столы дубовыя, за скатерти за бранныя, за ествы сахарныя, и все богатыри сели по своимъ местамъ, а Илье Муромцу князь Владимиръ приказалъ выбрать место, где похочеть, и все изведываетъ силы ево Муромцовой и не чаеть, что онъ силой могучей богатырь: для того велелъ ему выбрать место между сильныхъ богатырей, а Илья выбралъ ¹⁾ креслы что налутчия подле князя Владимира и сталъ на нихъ садитца; и те богатыри не стали на свои места пускать, а онъ пожалъ с конца и до другога конца инова богатыря между кресель мертвова и поломалъ все решетки железныя.

И князю Владимиру все это в досаду не кажетца, все эта приементировать за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славномъ Киевѣ граде проявляетца.

И еще хочетца князю Владимиру Илью Муромца изведать, силу его; выгленулъ в окошко и увиделъ доброва коня богатырского — есть пшеницу белоюрую—и закричалъ конюхамъ своимъ: «Налейте сыты медвяной и выпустите моихъ княжнихъ лошадей, и какъ бога-

---

1) За *выбралъ* въ рукописи стоитъ слово *мысто*, которое затѣмъ взято въ скобки, какъ лишнее.

тырской конь не припуститъ монхъ лошадей». И конюхи налили сыты медвяной коню богатырскому и выпустили и княжихъ лошадей, и богатырской конь втерса между ими помаленку и схватилъ коня княжева что ни лутчева и схватилъ с него шкуру долой. И закричалъ князь Владимерь конюхамъ, чтобъ послѣднихъ коней ево не побилъ богатырской конь, велелъ тотъ часъ отогнать. А самъ селъ на своемъ мѣсте. И стали ппти, ясти и веселитися; и сталъ князь Владимерь на веселе и сталъ Илью Муромца спрашивать:

«Скажи, доброй молодецъ, какъ тебя звать по имени и по отечеству, и котораго ты города уроженецъ?»

И всталъ Илья Муромецъ с места своего и сталъ ответъ держать: «Меня, государь, зовутъ Илюшкою, а по отечеству Ивановъ сынъ, а уроженецъ я города Мурома, села Карачарова».

«Давно ли ты, Илья Муромецъ, оттудова из Мурома поехалъ?»

«А я, государь, вчерась поехалъ пообедавши». И князь Владимерь изумелса и сталъ еще спрашивать: «Которою ты дорогою ехалъ из Мурома?»

Ответъ держать Илья Муромецъ:

«Я ехалъ, государь, из Мурома на Черниговъ градъ и подъ Черниговымъ градомъ побилъ войска босурманского—я сметы нетъ, и очистилъ Черниговъ градъ; и князь Кеберской и воевода Черниговской вчерашняго дня унесли меня начевать, и отслушалъ я в Чернигове воскресную заутреню, и подарили меня они по яичку, которыя я вашей светлости поднесъ. А ежели сему¹⁾ не изволите веры понять, то изволите послать справитца чрезъ почту. А из Чернигова ехалъ я дорогою

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
чрезъ тое реку Смородину».

И слыша то, князь Владимерь встаетъ из места своего с великимъ гневомъ на Илью Муромца и говоритъ таковы речи: «Не подлежитъ тебѣ мужику меня, такова великова князя, обманывать; я тебя за то велю смерти предать».

И рече Илья Муромецъ: «Великій князь Владимерь, за что та-

---

1) За словомъ сему слѣдуетъ есмь, которое взято затѣмъ въ скобки, какъ лишнее.

ной гневъ изволить на меня держать, и чѣмъ я вѣсь обогалъ и какими словами?»

И говорятъ Владимиръ князь:

«Первое, ты меня обогалъ: сказываешь, что вчерась из Мурона, чѣму статца невозможно; второе, сказываешь: из Чернигова сжалъ на леса на Бривския, на грязи тонучия, на вѣсты калиновы. чрезъ реку Смородину; а тое дорогу заложилъ силой богатырь Соловей Разбойникъ ревною тридцать лѣтъ, не пропускаетъ онъ ни пешева, ни конного, и не выбираютца у насъ изъ славнаго города Клева противъ ево ни единой силой могучей богатыря, а ты сказываешь, что тою дорогомъ сжалъ!»

И говорятъ Илья Муромецъ таковы речи: «Не изволь, великій государь, на меня гневу держать; все правду сказываю предъ вашею светлостію; а ежели сему верить не изволите, то изволте посмотреть своего хвалнаго богатыря Соловья Разбойника, который стоитъ привязанъ коня моего у стремени булатнова».

И тутъ все богатыря кинулись смотреть, а князь Владимиръ приказалъ ево позвать к себѣ в полаты белокаменные

И выскочилъ и кинулся звать Алеша Поповичъ на крыльцо, и сталъ звать Соловья Разбойника нечестливо: «Соловей Разбойникъ, поди в палаты». А Соловей Разбойникъ ответствуетъ: «Алеша Поповичъ, бабья блядь, пересмешица! Ты на то надѣсса, что я таперь в неволе; вышелъ ты меня звать не честно; я тебя хвачу гвалымъ крыломъ, что ты у меня на двенадцать сажошь в землю уйдешь; а ты вышели полутче себя и повежливей позвать меня».

Алеша Поповичъ пришелъ к князю Владимиру и сказалъ, что «не идетъ и не слушаетъ тебя, великого князя».

И князь Володимиръ послалъ Добрыню Никитича и велелъ позвать честно; и Добрыня Никитичъ вышелъ и сталъ звать с честно; и Соловей Разбойникъ говоритъ таковы речи: «Добрыня Никитичъ, не слуга я вашему князю и повеленія вашего не творю, а творю повеленіе Ильи Муромца».

Услышалъ то князь Владимиръ такія слова и закричалъ в окошко: «Соловей Разбойникъ, поди ко мне в палаты». И Соловей ответствуетъ: «Князь Владимиръ, не твой я слуга и не слушаю тебя, я слушаю повеленія Ильи Муромца, ежели онъ прикажетъ». И князь Владимиръ говоритъ: «Илья Муромецъ, прикажи к намъ войти Соловью Разбойнику». Илья Муромецъ крикнулъ в окошко: «Соловей Разбойникъ, поди в полаты». И Соловей Разбойникъ вошелъ. И князь Володимиръ говоритъ: «Соловей Разбойникъ, засвищи своимъ сви-

стомъ разбойническимъ, какъ ты свисталъ на лесахъ на Брянскихъ».

И Соловей Разбойникъ сказалъ: «Князь Владимиръ, не твой я слуга и не слушаю тебя и повелѣнья твоего не творю, а творю я повелѣнья Ильи Муромца».

И князь Владимиръ говоритъ: «Илья Муромецъ, прикажи засвистать Соловью Разбойнику».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Велики князь Владимиръ, ест ли у вашей светлости шубы собольиныя? Прикажи ихъ привести». И какъ принесли шубы собольиныя, то Илья Муромецъ взялъ князя Владимира и со княгиней Апраксиной Королевишиной, обернулъ ихъ в те шубы и поставилъ ихъ к себѣ подъ мышки, и велелъ засвистать Соловью Разбойнику, чтобъ онъ засвисталъ в полсвиста своимъ свистомъ разбойническимъ. А Соловей Разбойникъ думалъ, что «Илья Муромецъ пьянъ, и я ево оглушу і убью до смерти и буду в Кieve граде владетелемъ», і засвисталъ во весь свистъ, что ні есть могуты его, и такъ крепко, что с теремовъ по самыя окна верхи съвеѣло, а богатырей оглушилъ, которыхъ вонъ іс полать вынесло, и убилъ до смерти.

Илья Муромецъ выпустилъ князя Владимира со княгиней Апраксиной ис подъ мышекъ, а Соловья Разбойника взялъ при нихъ за ноги и говоритъ такія слова: «Не люблю я, Соловей Разбойникъ, такихъ себѣ неверныхъ слугъ, которой мне рабъ неверной служить». И убилъ ево объ каменной мостъ до смерти и выкинулъ в окошко.

И князь Володимеръ усмотрелъ и сталъ верить, что Илья Муромецъ силеной богатырь. И пошли в другія палаты бѣлокаменные и стали пить, есть и веселитца и смотреть в чистое поле.

И увиделъ князь в чистомъ поле силу великую: идетъ прямо к гор(о)ду Клеву. И сталъ князь Владимиръ тужить: «Кому у насъ втти съ етаіи великой силой битися?»

Илья Муромецъ посмотрелъ в зрительную трупку и сталъ говорить: «Князь Владимиръ, не печалса! По печали, государь, Богъ даруетъ радость; не сила эта идетъ не великая ко граду Клеву: эта везуть Соловьиныя воровскія пожитки по приказу моему к тебѣ, князю Владимиру».

И какъ приехали зятя Соловья Разбойника съ пожитками, и въезжаютъ прямо на княжой дворъ и спрашиваютъ во дворе княземъ: «Где нашъ батюшка живетъ Соловей Разбойникъ?» И сказали имъ слуги княжеския: «Вонъ вашъ батюшка подъ окномъ

валяетца, и есть его червь неусыпающій». Тогда зятя Соловья Разбойника обрезали гужи на лошадяхъ и уехали изъ града Кіева: думали, что і имъ тоже будетъ.

Илья Муромецъ пьетъ, гуляетъ, прохлажается. И назвалъ з Добрыней Никитичемъ братьями и оседлали своихъ добрыхъ коней и поехали в чистое поле гулять. И ездилъ въ чистомъ поле три мѣсяца, не нашли себѣ сопротивника; только наехали в чистомъ полѣ — идетъ колечница прохожей:

гуня на немъ в пять сотъ пудъ,
шляпа в тридцать пудъ,
костыль сорока сажень.

Илья Муромецъ сталъ на него напущать, хочетъ с нимъ стычку дать, отвѣдать силы своей богатырския.

И увидѣлъ колечница прохожей Илью Муромца и говоритъ таковы речи: «Ой еси ты, Илья Муромецъ! Помниши ли? Мы с тобой в одной школе грамоте учились, с одною блюду едали и пивали, из одного стакана пивали, а платье нашивали с одного плеча; а нынѣ ты на меня на такова колеку напускаешь і хочешь ты меня убить в чистомъ поле, аки какова неприятеля; а тово не знаешь, что тебя посажу и промежъ коленей ущемлю и за это тебѣ хворостинной ж.у высеку, чтобъ ты такъ впредь не дѣлалъ. А того ты не ведаешь, что во славномъ городе Кіеве великая безгодушка учинилась: приехалъ неверной силой богатырь — Идолица нечестивой:

голова у него с пивной котель,
в плечахъ касая сажень,
промежъ бровни доброва мужа пядь,
промежъ ушми колена стрела, —

и разсадилъ князя со княгинею и целуетъ онъ ея во уста сахарныя, а есть онъ по быку, а пьетъ по пивному котлу, и князь Володимиръ вельми объ тебѣ соболезнаетъ, что ты ево въ едакой печали оставилъ».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Ой еси ты, колечница прохожей! Что у тебя силы нѣтъ или смелости?»

И рече прохожей: «Во мне силъ много, да смелости нѣтъ».

И говоритъ Илья Муромецъ: «Ой, еси ты, колечница прохожей! Дай мне свою гуню в пять сотъ пудъ, шляпу в тридцать пудъ, костыль сорока сажень; поиду в славной Кіевъ градъ! Вотъ тебѣ

мой доброй конь богатырской, и вотъ тебѣ мое платье цвѣтное и тугой лукъ!»

И пошелъ Илья Муромецъ в Киевъ градъ и пришелъ прямо на княженетской дворъ і идетъ к полатамъ белокаленнымъ и закричалъ и возопилъ по богатырскому: «Ой еси ты, Володимерь князь, сошли мне, колечище прохожему, милостыню!»

И увидель ево Володимерь князь и говоритъ таковы речи: «Поди ко мне, колечища прохожей, в полаты белокаменные, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дамъ».

И вошелъ колечища прохожей в ту полату, где сидитъ князь Владимиръ и Идолища нечестивой со княгиней Апраксиной Королевишной и целуетъ ея во уста сахарныя.

А колечища стоитъ у печи и на него поглядываетъ.

И Идолища просить есть. И принесли ему нечестивому быка целова жирнова, и онъ ево и с костями съелъ.

Илья Муромецъ, стоячи у печки, говоритъ: «У моево батюшки была такая та корова объжерлива: обожралась и издохла». И на то Идолища ответу ничего не даетъ.

И попросилъ Идолища пить. И принесли ему котелъ пива двенадцать человекъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ ево. Илья Муромецъ говоритъ: «Была у моево батюшки кобыла объжерлива: обожралась да и здохла».

И Идолища нечестивой не утерпелъ и сталъ говорить: «Ой еси ты, колечища прохожей! Што меня замаешь? Мне не чево тебя в руки взять и не за чемъ надъ тобою рукъ сквернить. Не то што ты! Каковъ у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы и с темъ стычку дамъ».

И богатырское сердце разгорелось, і зговорилъ таковы речи: «Кали бы былъ Илья Муромецъ, онъ бы давно тебѣ, сабаке, не спустилъ». И схватилъ с себя шляпу и ударилъ ево в голову такъ силю, что прошибъ стену полатъ белокаменныхъ и, взявши туловища, на дворъ выкинулъ. И стали на той радости ясти и пити и веселитца.

И великій князь Владимиръ

Илью Муромца великими

похвалами возвеличилъ

и причелъ в силюныя могу-

чая богатыри.

И сей исторіи

конецъ.

III.

НОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ ПОТОКѢ ПО РУКОПИСИ XVII ВѢКА.

Въ 1889 году Русское Географическое Общество передало въ Императорскую Публичную Библиотеку нѣсколько старинныхъ русскихъ рукописей, привезенныхъ Ѳ. М. Истоминымъ изъ его поѣздки въ Олонецкую и Архангельскую губерніи въ 1886 году. Въ составъ этой коллекціи входитъ тотъ сборникъ, изъ котораго мы извлекли для изданія неизвѣстный до того памятникъ русской письменности — Бесѣду о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Къ той же коллекціи принадлежитъ еще другой сборникъ, содержащій въ себѣ «Повѣсть» о Михаилѣ Потокѣ, здѣсь издаваемую.

Сборникъ этотъ, по каталогу Библиотеки — О. XVII. 44, писанъ въ 8-ку на 150 листахъ въ XVII вѣкѣ. Взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ мало интереса; это по истинѣ сборная рукопись, состоящая изъ трехъ частей, которыя писаны разными почерками и, можетъ быть, не одновременно; изъ семи статей, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, шесть суть произведенія, нерѣдко встрѣчающіяся въ нашей старинной письменности, и только седьмая и послѣдняя статья — «Повѣсть» о Михаилѣ Потокѣ — заслуживаетъ особаго вниманія¹⁾.

---

1) Первые шесть статей сборника суть слѣдующія: 1) одна изъ краткихъ Космографій; 2) отрывокъ изъ путешествія Трифона Коробейникова; 3) апокрифическое житіе св. мученика Никиты; 4) притча о царевѣ дворецкомъ — изъ Римскихъ дѣяній; 5) сказаніе о воляѣ и смерти; 6) сказаніе объ Акирѣ.

«Повѣсть» эта занимает послѣдніе листы сборника съ 138-го по 150-й об. Она писана—судя по водяному знаку—на голландской бумагѣ, употреблявшейся въ Россіи въ послѣдней четверти XVII столѣтія; почеркъ ея скорописный, но очень отличный отъ скорописи предшествующихъ статей сборника; такимъ образомъ, къ нимъ она имѣетъ только то отношеніе, что соединена съ ними въ одномъ переплетѣ. «Повѣсть» въ этой рукописи сохранилась не вполне: утрачены нѣсколько листовъ въ концѣ и два въ серединѣ, въ разныхъ мѣстахъ. Рукопись была получена Ѳ. М. Истоминымъ въ очень растрепанномъ видѣ, такъ что послѣдніе ея листы отдѣлялись отъ переплета; это было причиною, что уже въ Петербургѣ, еще до передачи сборника въ Библіотеку, утерялся самый послѣдній листъ его, заключавшій въ себѣ продолженіе, но все-таки не конецъ «Повѣсти». По счастью, мы имѣли случай списать «Повѣсть» еще до этой утраты, и потому издаваемый текстъ идетъ нѣсколько далѣе, чѣмъ сколько можно читать теперь въ рукописи, поступившей въ Библіотеку.

Не смотря на свою отрывочность, текстъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ въ Библіотечномъ сборникѣ представляетъ значительный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Вопервыхъ, этотъ текстъ замѣчателенъ какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былевого творчества: написанный несомнѣнно въ послѣдней четверти XVII вѣка, онъ моложе только текста «Сказанія о кѣвскихъ богатырехъ», сохранившагося въ рукописи Е. В. Барсова, которая, по опредѣленію владѣльца, относится къ началу того же столѣтія¹⁾.

Вторыхъ, Библіотечный текстъ отличается тѣмъ, что сохранилъ памятникъ народной словесности безъ книжныхъ поправокъ. Конечно, и здѣсь, при положеніи былины на бумагу,

---

1) Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ, стр. 7.

стихи писаны въ сплошную строку, и ихъ размѣръ не выдержанъ въ точности, но во всякомъ случаѣ представляется гораздо менѣе разрушеннымъ, чѣмъ въ подобныхъ же текстахъ XVIII столѣтія. Эти послѣдніе (какъ мы уже имѣли случай замѣтить при разборѣ рукописныхъ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ) являются лишь копіями съ болѣе старыхъ оригиналовъ, притомъ пострадавшими отъ постепеннаго переписыванія. Напротивъ того, относительно издаваемой «Повѣсти» о Михайлѣ Потокѣ мы не рѣшаемся утверждать, чтобъ она была только скопирована съ болѣе ранней записи, и скорѣе готовы допустить, что она записана либо по памяти, либо съ «пословесной» передачи былины. Въ издаваемомъ текстѣ еще уцѣлѣли въ обилии такія слова — союзы, мѣстоименія: *что, какъ, самъ*, которые въ устныхъ пересказахъ встрѣчаются въ значеніи частицъ, прибавляемыхъ не для смысла рѣчи, а для болѣе стройнаго теченія стиха; такія слова обыкновенно уже отсутствуютъ или же попадаютъ гораздо рѣже въ рукописныхъ текстахъ XVIII вѣка, между прочимъ и въ тѣхъ двухъ спискахъ «Повѣсти» о Михайлѣ Потокѣ, которые изданы Н. С. Тихонравовымъ ¹⁾.

Втретьихъ, Библиотечный текстъ любопытенъ тѣмъ, что въ своемъ написаніи онъ сохранилъ яркія отличія того говора, какой употреблялъ его писецъ. Безпрерывные пригѣры аканья, случаи перехода *e* въ *a* (дѣвицаю, чаломъ, з жаною, до вечара) или въ *я* (гражана, во чисто поля), *к* въ *х* (*х*то, *х*изто), смѣшеніе мѣстнаго падежа съ родительнымъ (в Залатой орды), форма родительнаго падежа на *ова*, *сва* (меньшова, синева), сокращенная форма 2-го лица *хошъ, захошъ*, все это указываетъ, что писецъ былъ родомъ изъ области, гдѣ господствуетъ южно-великорусское нарѣчіе, москвичъ или, можетъ быть, рязанецъ. А такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, то-есть, самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить,

---

1) Пять былинь по рукописямъ XVIII вѣка, стр. 33—48.

что въ концѣ XVII вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была известна въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ текущемъ столѣтіи устные пересказы ея могли быть записаны только въ Олонецкой губерніи.

По содержанію Библиотечный текстъ «Повѣсти» представляетъ ближайшее сходство съ ея текстами прошлаго вѣка, сохранившимися въ рукописяхъ г. Тихонравова. Можно даже сказать, что эти три списка воспроизводятъ одну версію, съ весьма небольшими отличіями. Напротивъ того, устные пересказы, записанные въ Олонецкой губерніи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, отклоняются отъ старыхъ рукописныхъ текстовъ, какъ частными подробностями содержанія, такъ и именами; между прочимъ, имя похитителя Михайловой жены, данное ему въ рукописныхъ текстахъ, Кощей усвоено въ онежскихъ былинахъ другому лицу — противнику Ивана Годиновича, у котораго этотъ Кощей также отнимаетъ жену.

Въ предлагаемомъ изданіи Библиотечный текстъ «Повѣсти» о Михаилѣ Потокѣ воспроизведенъ съ буквальною точностью. Мы позволили себѣ только слѣдующія непомогія отступленія: вставили случайно пропущенныя въ рукописи буквы и слова; ввели въ текстъ прописныя буквы и знаки препинанія; отдѣльныя части разсказа начинали съ новой строки.

**Повѣсть о князе Владимѣре Киевскомъ и о богатыряхъ
киевскихъ и о Михаилѣ Потокѣ Ивановиче и царѣ Нащою
Залатой арды.**

В славномъ граде Киевѣ у великава князя Владимѣра Киевскава Всеславѣевича было пированье великое на многне князи и бояры и сильныя могучия богатыри. Какъ будетъ у нихъ пиръ на вѣселѣ, что зговорить великій князь Владимиръ Киевскій: «Ой еси, князи и бояры и сильныя и могучия богатыри! Есть ли кто у меня служить три службы великия: хто бы ехалъ в землю Турскую, взялъ бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю Задонскую, взялъ бы дани і выходы; хто бы ехалъ в землю Алевитцкую, взялъ бы дани і выходы за тритцать лѣтъ и за три годы?»

Воставалъ из мѣста славнай богатырь Илья Муромѣцъ, а самъ зговорить таково слово: «Свѣтъ государь, великій князь Владимиръ Киевскій и князи и бояры и сильныя могучия богатыри! Что ништо отвѣту не дасть? Большой за меншова, а у меншихъ отвѣту нѣтъ». Самъ зговорить слово похваляючись: «Свѣтъ государь, великій князь Владимиръ Киевскій, я поеду въ землю Турскую, возму дани і выходы».

Что зговорить Михаила Потокъ Ивановичъ: «Свѣтъ государь, великій князь Владимиръ Киевскій, я поеду в землю Задонскую, возму дани і выходы».

Что зговорить Алеша Поповичъ: «Светъ государь, великій князь Владимиръ Киевскій, я поеду в землю Алевитцкую, возму дани і выходы за тритцать лѣтъ и за три годы».

И тѣ рѣчи великому кнѣзю полюбилися: подносятъ имъ чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими, и с великимъ княземъ прощаются, и называютъца братьями названными, и садятъца на свои добры кони, и едутъ из града Киева. И межъ сабою таково слово молвили: «Братъцы милыя, хто у насъ напередъ приедетъ до Киева, а каво не будетъ опосле, и намъ

ехати таво сыскивать». А сами поехали нарочно, всякъ своимъ путемъ.

Михаила Потокъ Ивановичъ поехалъ возлѣ моря синева. Ажно по морю плаваетъ лебядь бѣлая. И Михаила вымаеть из налучи свой крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хочеть убить лебядь бѣлую. И она ему провѣщитца челоуѣческимъ голосомъ: «Свѣтъ государь, Михаила Потокъ Ивановичъ, не стреляй меня, лебяди бѣлыя; я по морю плаваю лебядью, а передъ табою ¹⁾ стану красною дѣвицаю».

И Михаила не успелъ в налучь положить крепка лука і в колчанъ колсны стрелы, ажно передъ нимъ стала красною дѣвицаю. И Михаилу она полюбилася; и беретъ ея Михаила за руки бѣлыя и цалуетъ во уста сахарныя и сажаетъ на свой доброй конь. І взялъ дани і выходы, и едетъ ко граду Киеву, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ. И приехалъ до Киева; становитьца на свой богатырской дворъ и идетъ ко князю Владимиру, самъ зъговорить таково слово: «Свѣтъ государь, великій князь Владимиръ Кневъскій, отъ меня тебѣ служба заслужена, привезъ дани і выходы наскорѣ».

Что зговорить князь Владимиръ Кневъскій: «Свѣтъ Михаилу Потокъ Ивановичъ, тебѣ у меня за службу залата казна не запечатана и кони на стойле не заперты». И Михаила бьетъ чаломъ о сыру землю. И подноситъ ему чары зелена вина, и запиваютъ меды сладкими. И Михаил зговорить таково: «Свѣтъ великій князь Владимиръ Кневъскій, ехалъ я возле моря синева, ажно по морю плаваетъ лебядь бѣлая; и я вынялъ из налучи своей крепкой лукъ и ис колчана колену стрелу и хотѣлъ убить лебядь бѣлую, и она мнѣ провѣщитца челоуѣческимъ голосомъ: «Свѣтъ Михаила Потокъ Ивановичъ, не стреляй меня, лебяди бѣлыя; я по морю плаваю лебядью, а передъ табою стану красною дѣвицаю». И я не успелъ в налучь положить крепка лука и

---

1) Слова *а передъ табою* написаны въ рукописи дважды.

в колчанъ колены стрелы, ажно передо мною стала красною дѣвицаю, и мнѣ она полюбилась, и я привезъ ея во Киевъ градъ».

Что зговоритъ великій князь Владимиръ Клевѣскій: «Свѣтъ Михаила Потокъ Ивановичъ, перепусти мнѣ тое дѣвицу красною».

Что зговоритъ Михаила Потокъ Ивановичъ: «Я ее, государь, тое дѣвицу взялъ за саблю, я самъ с нею свѣнчаюся». И крестилъ ея, и венчалъ с нею, и венчалъ ихъ владыко Черниговской и далъ ей имя: Бѣлая Лебядь Авдотья Лиховидовна. И почалъ с нею любезна жити.

И живетъ с нею¹⁾ два годы; а охотникъ былъ Михаила ездить во чисто поля тешитца по два мѣсяца, и по три, и по пяти. И поехалъ во чисто поля Михаила тешитца на два мѣсяца. И без нево пришлоъ купчина Залатой арды с тавары заморскими; и прослышала Михаилова жена про купчину, что пришлоъ с тавары заморскими, и пошла Михаилова жена смотреть таваровъ заморскихъ, и увиделъ купчина красату лица ея и почалъ разпрашивать Клевленъ: чья де то жена, и какъ завутъ ея по имени. И Княвленя ему сказали: «То де жена богатыря святорускова Михаила Потока Ивановича». И тутъ купчина почалъ тавары продавать наскорѣ и поехалъ во свою землю. И какъ будетъ в Залатой арды, и почалъ рассказывать царю Канцею: «Свѣтъ государь, царь Кощей Залатой арды, сколько де я ни езживалъ по шнымъ землямъ купчинаю уже третцатъ лѣтъ, а такой прекраснай не видывалъ, какъ есть во граде Клевѣ у богатыря святорускова у Михаила Потока Ивановича жена Лебядь Бѣлая Авдотья Лиховидовна лицомъ zelo красна». И тутъ почалъ царь Кощей збирать войска. И собралъ войска сорокъ тысячей и пошолъ под Клевѣ градъ и Клевѣ осадилъ накрепко и посылаетъ посланника....

---

1) Въ рукописи и живемъ с нею повторено.

.... Потока Ивановича. И царь Кощей отъ Клева прочь пойдетъ. Ажно едетъ ис поля Михаила Потокъ Ивановичъ, едетъ на свой богатырской дворъ; встречается ево Бѣлая Лебядь Авдотья Лиховидавна, примаеъ ево за бѣлы руки и цалуеъ ево во уста сахарныя; сама зъговоритъ таково слово: «Свѣтъ государь Михайла Потокъ Ивановичъ! Пришолъ подъ Кневъ градъ царь Кощей Залатой арды и Кневъ накрепко [осадилъ]¹⁾ и проситъ меня ис Клева, и Кневлена придумали отдать меня». Что зговоритъ Михаила Потокъ Ивановичъ: «Сабаки, мужики Кневлена! За что ссужаютъца чюжими женами? Изделялися бы своими женами и дочерми. А я за свою жену умѣю и самъ стоять и битъца с погаными во чисте полѣ». И садитъца на той доброй конь и едетъ во чисто поля и побиваетъ силу Кашееву; а Кашей ровна самъ шость ушолъ во свою землю. А Михайла, побивъ силу, приехалъ в Кневъ градъ на свой богатырской дворъ и сталъ з жено[ю] пить и есть и тѣщитца.

И живетъ з жаною два годы бѣзъ съезду. И поехалъ во чисто поля тешитца ровна на три месяца. И бѣзъ нево пришолъ царь Кощей, а с нимъ силы шестьдесятъ тысячей, и Кневъ осадилъ накрепко и [по]сылаеъ посланника к великому князю Владимиру: «Ой еси, великій князь Владимиръ Кневъскій Всеславъевичъ, отдай мнѣ Михайлову жену, и я отъ Клева прочь поиду; а будетъ ты не отдашь мнѣ Михайлову жену Потока Ивановича Бѣлую Лебядь Авдотью Лиховидовну, а будетъ ты не отдашь мнѣ ся, и я Кневъ градъ взатьемъ возму, а людей твоихъ в Кневѣ всехъ в Кневѣ вырублю, а жонъ и детѣй в полонъ возму».

Что зговоритъ великій князь Владимиръ Кневъскій Всеславъевичъ: «Ой еси, Кневлена все гражана и мужики Кневълена, думайте да не продумайтесь: отдавать ли Михайлову жену Потока Ивановича Бѣлую Лебядь Авдотью Лиховидовну, или нѣтъ».

---

1) Возстановляемъ пропущенное слово изъ находящагося выше разсказа о приступѣ царя Кощей къ Киеву.

Что зговорять гражяня и мужики Киевлена: «Свѣтъ государь, великій князь Владимиръ Киевскій Всеславъевичъ, доселева в Киевѣ Михайловы жены не бывало, и царь Кощей подъ Киевъ не прихаживалъ в Києва пакрепко не осаживалъ; тебѣ, государю, такой кручины не бывало. Отдадимъ Михайлову жену Бѣлую Лебдъ, и царь Кощей съ Києва прочь поидеть». А таво не вѣдаютъ, что Михайла бьетца с погаными во чистѣ полѣ уже третій день и побилъ силу Кашцеву, и всево Кашцей самъ четвертъ ушолъ во свою землю, в Залату арду.

А Михайла побивъ силу и едетъ х Киеву наскоре; скачетъ черезъ стѣпу городавую и становитца на свой богатырской дворъ. И ни хто ево не встречаетъ и за руки не примаеть и во уста не цалуеть. Встречаютъ ево люди дворовыя, сказывають в ыстине добрия, что жена ево переставилась. И тутъ Михайла закручинился, идетъ на свой богатырской дворъ-теремъ и приходитъ в отхожую горницу, где жила жена ево. Ажно лежить мертва жена ево, покрыта камкою бѣлою. И Михайла почаль цаловать мертвую жену свою, а самъ зговорить такаво слово: «Помню я и самъ свое слово, что у меня с тобою молвлено в заправано: хто напередъ умреть, а хто отстанетца, и таму живу в могилу штгитъ». И велель грабницу делать камешную, чтобы двумъ человекомъ сидма сидеть и лежма лежать и стойма стоять; и завостъ на погребанье князя Владимира и князи и бояры і владыку Чернигавскова. И сашлися на погребанье князь Владимиръ и князи и бояры и сильныя могучия богатыри і владыка Чернигавской. И почаль Михайла во грабницу класти жену свою и самъ с нею живъ лажитъся¹⁾. Что зговорять князи и бояры і все Киевлена: «Нигде скать таво не слыхоно, не токмо видено, чтобъ живы да лажилъся с мертвыми; а ты, Михайла, живъ лажышся в могилу для жены своей; наведемъ мы в Киевѣ захошъ княжню, или боярыню, или девку посацкую, — такава жъ тебѣ

---

1) Въ ркп. *лажышся*.

жена». Что зговорить Михайла Потокъ Ивановичь: «Знай де всякъ самъ себя! Закапывайте, не мѣшчайте!» Что зговорить князь Владимиръ Киевской Всеславьевичь: «Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками жолтыми, а надъ могилою поставте старожу кренкую: какъ Михайлу скучитьца, станетъ кричать громко голосомъ, выпускайте ево на волю свѣтъ, не мѣшчайте». Похороня ево, все пошли нарочно, по домогъ пошли.

И Михайла Потокъ Ивановичь сидитъ в могилѣ з женою мертвою день до вѣчара. И какъ будетъ о полуночи, ажю пришла ко грабнице змѣя лютая и грабницу каменную проела и пустила во грабницу двухъ змеенковъ лютыхъ. И змеята учали Лебядь Бѣлую сосать за груди. И Михайла ухватилъ змѣенковъ и почалъ р[в]ать надвае. И провѣщитца ему змѣя лютая: «Свѣтъ государь Михайла [По]токъ Ивановичь, не рви моихъ змеенковъ маленкихъ: я принесу тебѣ мертвой и живой воды». И Михайла зговорить таково слово: «Поди, змея лютая, принеси мнѣ живой воды». И пошла змея лютая, принесла ему живой воды. И Михайла почалъ рвать змѣенковъ на крохи и покрапляетъ ихъ живою водою, и змеята ожили. И Михайла покрропляетъ мертвую жену свою, и жена ево буттъ отъ сна пробудилася. И Михайла засвисталъ громко голосомъ; и караулишки попадали, и тутъ слышали сосѣди ближняя и почали могилу раскапывать. Ажю идетъ из могилы Михайло і ведетъ за руку из могилы жену свою. И тутъ сошлись к могилѣ люди многия, и все они дивуютца, что была мертва жена Михайлова, и Михайла оживилъ ея. И почалъ с нею любезна жить лутче старова.

И живеть з женою без съезду ровна три годы. А таварыщи ево еще до Киева не приехали. И поѣхалъ Михайла во чисто поля тѣшитца ровна на пять месяцевъ. А безъ него пришлогъ царь Кощей Залатой арды, а с нимъ силы сто тысячей, Киевъ градъ осадилъ накрепко; посылаетъ посланьника к великому князю Владимиру Киевскому Всеславьевичю: «Ой еси, князь Владимиръ Киевской, отдай мнѣ Михайлову жену, и я от Киева

прочь понду; а будетъ ты не отдашь ея, и я Кневь градъ весь выпленю, а людей всехъ в Кневѣ вырублю, а жонъ и детей в полонъ возму, а тебѣ, царю, живу очи вытравляю; а будетъ ты отдашь мнѣ Михаилову жену Потока Ивановича Лебядь Бѣлую Авдотью Лиховидовну, и я от Кнева прочь понду». Что зговоритъ великій князь Владимиръ Кневской Всеславъевичъ: «Ой еси, князи и бояры . . . .¹⁾

— — — — —

. . . онъ меня двожди наехалъ в бѣле шатре во чистѣ полѣ соннова, се не предалъ мнѣ смѣрти съкорья, какъ хошъ сама с нимъ». І велелъ у него побрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ во свою землю в Залатую арду, а Бѣлую Лебядь с сабою же взялъ.

А Михаила спалъ ровна три дни и три ночи, и на утра пробуждаецца: ажно гѣтъ у него ружия богатырскова, ни палки железныя, — одинъ стоитъ ево доброй конь, и тотъ былъ далеча во чисте полѣ. И тутъ Михаила закручинился; садитца на свой доброй конь и поехалъ далеча во чисто поля и доезжаетъ царя Кощея невѣрнава. А царь Кощей на стану стоитъ, опочивъ держитъ с Бѣлою Лебядю. Что зговоритъ Михаилу Потокъ Ивановичъ: «За что де побивать войска бѣзвинное!» И поехалъ прямо к бѣлу шатру. И увидела его Лебядь Бѣлая, встречаетъ ево у бѣла шатра, сама зговоритъ такавы рѣчи: «Свѣтъ Михаилу Потокъ Ивановичъ, богатырь земли Святоруския! Не хочю я жить у невѣрнава царя Кощея Залатой арды, хочю жить у тебя, богатыря святорускова; возмі меня во Кневь градъ по прежнему. И подноситъ ему питья пьянова. И тутъ Михаилу задумался: «А вотъ да баба, вотъ подлая! Хочетъ со мною жить по старому!» И испиваетъ з дороги питья пьянова и лажитца спать в бѣлѣ шатрѣ. И она начала будить своево любовника: «Встань, государь царь Кощей Залатой арды; пришолъ недругъ твой Михаилу

---

1) Дальнѣйшій текстъ сохранился только въ нашей копіи.

Потокъ Ивановичъ, предай ему смерти скорыя, а будетъ ты не предашь ему злую смерть, и онъ тебѣ самому предастъ злую смерть во чистѣ полѣ». Что зговоритъ царь Кощей: «Прямая ты неразумная, изъ злыхъ женъ первая! За что мнѣ Михайлу предать смерти скорыя? Онъ меня двожды наехалъ во чистѣ полѣ в бѣгѣ шатрѣ соннова»...

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LIII, № 6.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ РУССКАГО ДУХОВНАГО СТИХА.

XVIII—XXIV.

—
Академикъ А. Н. Веселовскаго.

—
ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

—••••—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вос. Остр., 9 л., № 12.)

1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, июнь 1891 года.

Непрежанный Секретарь, Академикъ *А. Штрома*.

XVIII.

Вѣщаніе Вѣльвы (Völuspá) и новѣйшая экзегеза:

Только что вышелъ въ переводѣ Бреннера третій выпускъ Bugge, Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen, въ которомъ нѣкоторые *образы* Völuspá были разъяснены при свѣтѣ христіанскихъ источниковъ, какъ за нимъ послѣдовала книга Elard Hugo Meyer'a, Völuspá (Berlin 1889), идущая по тѣмъ-же стезямъ, пытающаяся истолковать, по возможности, *сесь* составъ сѣверной поэмы, и обличающая крайностью своихъ выводовъ увлеченія — новообращеннаго. Проф. Мейеръ извѣстенъ былъ дотогѣ, какъ авторъ Indogermanische Mythen и издатель Гриммовой миеологій; въ области миеологій онъ исповѣдуетъ спасительность *сравнительнаго* метода: еслибы Гриммы и другіе «Baumeister» глубже оцѣнили значеніе этого метода, они не поставили бы въ основу своего построенія такіа позднія и ненародныя преданія, какъ космогоническія басни Эдды (стр. 293), говоритъ Мейеръ. Самъ онъ разувѣрился въ ихъ древности и миеологической пригодности, но и мы не вѣримъ, чтобы къ такому взгляду онъ приведенъ былъ лишь болѣе широкой практикой сравненія. Его предыдущіе труды не оправдываютъ и не приготавливаютъ такого *историческаго* взгляда; къ нему послѣдовательно приводили труды другаго характера: *вначалѣ* указанія и сомнѣнія, гипотезы и постановка параллелей — наконецъ болѣе откровенное признаніе и соотвѣтствующая разработка частныхъ, особливо въ работахъ Бугге. Его *научный* починъ надо было подчеркнуть яснѣе, чѣмъ это сдѣлалъ авторъ

въ своей вводной главѣ (стр. 1 слѣд.); только работы Бугге вызвали въ нѣмецкомъ и скандинавскомъ ученomъ мiрѣ расколъ мнѳологовъ и страстную полемику, крайнее отрицаніе и вѣру угольщика ¹⁾, тогда какъ предыдущія попытки того-же рода не выходили изъ сферы чаяній и недоказанностей; не вызывали протеста и не создали школы.

О воззрѣніяхъ и методѣ Бугге мы не разъ приходилось говорить (сл. Разысканія гл. VII, стр. 264, 353; сл. Дополненія и поправки къ 5-му выпуску Разысканій, стр. 351 слѣд.); воззрѣнія и методъ Мейера выяснятся изъ послѣдующаго. Одно общее замѣщеніе будетъ уместно здѣсь-же. Какъ у всякаго мнѳолога «сравнительнаго направленія», у Мейера находится въ распоряженіи нѣсколько обобщеній, нѣсколько растяжимыхъ формулъ, которыми онъ привыкъ орудовать. Онъ вѣритъ напр. что Геймдалгъ богъ радуги (стр. 16), что валькирии, норны—облачныя дѣвы (стр. 180), въ которыхъ воплотились свѣтовыя явленія грозы, причемъ валькирии не что иное, какъ норны, поставленныя на военную ногу (стр. 135)²⁾; что великанъ Eggdræg, сидящій на холмѣ и бряцающій на арфѣ, сторожъ исполниши—демонъ вѣтра, преимущественно утренняго (стр. 175—6) и т. п. Съ другой стороны передъ авторомъ раскрылось богатство христіанской символики и иносказанія, текучее до безформенности, не знающее точныхъ границъ: библейскія сказанія являлись прообразомъ евангельскихъ, не только въ общемъ, но и въ мелочахъ; все въ природѣ и человѣкѣ вѣщало о Богѣ, могло быть истолковано какъ аллегорія таинства искупленія, Троицы; Физиологи давали матеріалъ для самыхъ неожиданныхъ, часто противорѣчивыхъ отождествленій; въ числѣ «семидесяти именъ Богу» стоятъ и трапеза и камень, домъ и глава, женихъ, солнце, левъ, источникъ, дверь. Если въ завѣдомо христіанскомъ текстѣ встрѣчаются нѣкоторыя изъ этихъ аллегорическо-символическихъ

¹⁾ Сл. между прочимъ относящіяся сюда замѣтки въ *Am Ur-Quell*, №№ 5 и 7.

²⁾ О валькирияхъ въ связи съ славянскими вилами сл. Разысканія, вып. V, гл. XV; о вилахъ въ Славоніи—матеріалъ въ *Ausland* 1889, № 48 (Krauss).

образовъ, мы вправѣ подсказать имъ ихъ «толкъ»; въ статьѣ, христіанство которой еще искомо, надо умѣть остеречься и не во всякомъ источникѣ искать проображенія Бога. Критеріемъ точнаго (относительно) толкованія должно служить въ такихъ случаяхъ не только цѣльность и связность получаемой аллегоріи, но и разборчивость въ средствахъ, которыми то и другое достигается; интерпретація частныхъ и ихъ сочетаній должна держаться въ границахъ мыслимыхъ и практикуемыхъ въ христіанской символикѣ и избѣгать противорѣчій. Разумѣется, этотъ критерій одностороненъ—по отношенію къ памятнику, въ которомъ христіанскіе моменты причудливо смѣшаны съ языческими, приравлены къ нимъ. Здѣсь возможны два случая: язычникъ, который усваиваетъ образы и символы христіанскаго вѣроученія, переводя ихъ на свой языкъ, приурочивая чужое съ своему, исходитъ изъ своего, языческаго міросозерцанія, которое и станетъ для насъ критеріемъ; при помощи его мы постараемся выдѣлнить въ его трудѣ виѣшніе сюжеты христіанства. Мейеръ предполагаетъ другой случай: авторъ *Vqluzrá*, т. е. ея древняго текста, былъ не только христіанинъ, но и человекъ ученый по своему времени, прошедшій богословскую школу, виѣстѣ съ тѣмъ стоявшій среди богатаго, литературно развитаго языческаго преданія, мѣта, поэтическаго стиля. Всѣмъ этимъ онъ пользуется для выраженія христіанскихъ, отвлеченныхъ идей, какъ средневѣковыя аллегористы не гнушались классическими мѣтами, чтобы вложить въ нихъ иносказательный смыслъ, какъ христіанскій авторъ Слова о Полку говоритъ о внука Дажь-бога. Такой предполагаемый авторъ подлежитъ другой оцѣнкѣ, и къ нему мы можемъ обратитъ требованіе, которое предъявили и его изслѣдователю: онъ будетъ стоять на почвѣ христіанской символики; подыскивая къ ней соотвѣтствующіе образы сѣвернаго мѣта, постарается быть точнымъ, чтобы быть понятнымъ. По живнію г. Мейера онъ поступалъ наоборотъ: игралъ кое-когда въ прятки (*Versteckenspiel*, стр. 230), можетъ быть, одни лишь его друзья и ученики и были посвящены въ тайный смыслъ того

«стилистическаго упражненія высокообразованнаго богослова», которое зовется — *Völungrá* (стр. 267)! Полагаю, что и ученики и друзья многого не поняли-бы въ этомъ упражненіи безъ руководства учителя, какъ и мы—безъ комментарія его толкователя.

Я не отрицаю, что въ этомъ комментарий есть въ цѣломъ и частностяхъ много подкупающаго; но мы помнимъ, что средства не искупаются цѣлью, и потому остаемся въ сомнѣніи.

Начну съ частнаго факта, разборъ котораго поведетъ и къ обобщенію ¹⁾.

Въ строфахъ 16—18 вѣщяя жена говоритъ: «Я знаю, что рогъ Геймдалла сокрытъ подъ славнымъ, святымъ деревомъ; вижу рѣку изливающуюся свѣтлымъ (? сл. стр. 87) потокомъ изъ залага Одина. — Одна сидѣла она, когда пришелъ старикъ, страшный изъ Азовъ (Одинъ) и глянулъ ей въ глаза. «О чемъ спрашиваешь, о чемъ пыгаешь меня? Все знаю я, Одинъ, знаю, куда ты спрятагъ глазъ.— Она знаетъ, что глазъ Одина спрятанъ въ славномъ родникѣ Мимира; каждое утро пьетъ Мимиръ изъ залага Одина».

Обычное объясненіе этихъ строфъ, съ точки зрѣнія наличнаго сѣвернаго мифа, такое: подъ мировымъ деревомъ, Иггдразиломъ, сокрытъ рогъ Геймдалла, въ который она затрубитъ въ послѣдніе дни; подъ Иггдразиломъ (подъ однимъ изъ его корней) находится и родникъ Мимира, досвѣтнаго, премудраго великана. Чтобы причаститься къ этой мудрости, отвѣдать воды изъ родника, Одинъ далъ когда-то въ залогъ Мимиру свой глазъ: онъ и спрятанъ въ родникѣ, на который распространень символъ (*kenning*) глаза: «залогъ Одина»; отъ залага Одина, т. е. изъ родника, каждое утро вкушаетъ Мимира.

Уже давно указано было на сходство представленій объ Иггдразилѣ съ крестнымъ деревомъ христіанской легенды и средневѣковыхъ представленій; новыя изслѣдованія болѣе и болѣе склонны замѣнить идею сходства — идеею тождества, не исключаящаго, а предполагающаго существованіе народныхъ обра-

¹⁾ Мы цитируемъ дагѣ по тексту автора, слѣдуя его номерацинъ строфъ.

зовъ и вѣрованій, пошедшихъ на встрѣчу чужимъ и приготовившихъ ихъ усвоеніе. Мейеръ не разъ указываетъ для *Völuspá* элементы языческаго мифа, не только въ интерполяціяхъ, но и въ составѣ древняго текста; но его слѣдовало допустить и въ большемъ количествѣ, какъ общій усвояющій субстратъ, надо было напр. серьезнѣе остановиться на вопросѣ о Ванахъ, прежде чѣмъ объявить ихъ мифы поздними, дѣланными (стр. 102), истолковать борьбу Азовъ съ Ванами въ *Völuspá* — пересказомъ легенды о борьбѣ, подъятой Богомъ противъ отпадшихъ ангеловъ (стр. 100) и т. п.

Обратимся къ анализу приведенныхъ выше строфъ и къ толкованію ихъ Мейеромъ.

Святое, славное древо — это Иггдразилъ, крестное древо. Но что означаетъ скрытый подъ нимъ рогъ Геймдалла? Собственно не рогъ, а *hljóð*: звукъ, слухъ и т. д. Мейеръ (стр. 119) нашелъ у средневѣковыхъ богослововъ-толкователей выраженіе для четырехъ оконечностей креста: *cornua*; у бл. Августина (*Sermo I in Vigilia Pentecostes* № 181) толкованіе: *crux habet et profundum, hoc est quod in terra figitur et non videtur;... profundum autem, quod terrae infixum est, secretum sacramenti praefigurat;... attende profundum. Gratia Dei est in occulto voluntatis ejus*. У Одилона изъ Clugny нижняя часть креста означаетъ «*inscrutabilia iudicia Dei*», у Гоноріи изъ Autun: *occulta Dei misericordia* (стр. 117). Итакъ нижній, спускающійся въ землю отростокъ, согни креста символизуетъ божію милость и милосердіе (стр. 120); ученый богословъ, составитель *Völuspá*, безсознательно или нѣтъ смѣшалъ согни: рогъ, отростокъ—и согни: рогъ, труба—и получился образъ рога, спрятаннаго подъ деревомъ, тогда какъ дѣло идетъ о нижней оконечности крестнаго древа, какъ-бы находящейся подъ нимъ, въ землѣ. Я поставилъ нерѣшеннымъ вопросъ о сознательности, ибо его не ставитъ и авторъ; судя по стр. 198 составитель *Völuspá* способенъ былъ и на большее; у Беды въ числѣ знаменій страшнаго суда стоятъ и слѣдующее: «*quarta die pisces maris et omnium fluminum*

elevant se super aquam et pugnant inter se cum magno sonitu et interficient se, et sic *aqua portabil eos mortuos*. Это aqua принято было за aquila; такъ явился въ строфѣ 50 образъ орла, терзающаго мертвецовъ!—Такъ въ *Vafgruðnismál* 18 название поля, гдѣ будетъ происходить битва Сурта съ богами: *Vígríðr* объясняется изъ апокалипсическаго (Апок. XVI, 16) Армагеддонъ, причемъ начальное агма было понято, какъ лат. агма и переведено метонимически словомъ *víg* — бой (стр. 209).

Разумѣется при объясненіи рога = *cornu*: распятія Геймдалль можетъ означать только Христа (стр. 21); милосердіе Христово—это и есть *profundum cornu crucis* (стр. 122). Это не мѣшаетъ тому-же Геймдаллу явиться въ 32-й строфѣ — *амеломъ*, трубящимъ въ рогъ, *horn*; страннымъ представляется, почему, желая выразить понятіе *cornu crucis*, составитель употребилъ въ строфѣ 16 такое слово, которое въ рогѣ подчеркиваетъ значеніе именно *звуча*. Еще страннѣе, что въ строфѣ 32-й *Gjallarhorn* означаетъ распятіе, крестъ, на которомъ объявится *Спаситель*, и тутъ-же говорится о *Геймдалль* — трубящемъ. Оказывается, что *Gjallarhorn* = т. е. звучный рогъ (сл. выше *hljóð*) — рогъ Геймдалла (*Gylfag.* § 27, 56) употреблено здѣсь въ известномъ намъ значеніи — *cornu crucis*, обобщенномъ въ цѣльное представленіе креста, — и въ то-же время Геймдалль отдѣленъ отъ этого представленія, ибо онъ трубитъ (190). Судя по строфѣ 16 образъ трубящаго Геймдалла выработался непосредственно изъ другого, народнаго: радуги; если такъ, то Геймдалль = ангелъ принадлежитъ болѣе древнему отождествленію, чѣмъ Геймдалль = Христось. Что Геймдалль = радуга означаетъ въ томъ-же памятникѣ и Христа и ангела, этимъ толкователь не смущается; подобныя накопленія значеній встрѣтятся намъ тотчасъ-же.

Рѣка, изливающаяся изъ залога Одина — это кровь и вода, истекающая изъ крестной раны Христа, ибо Христось — «*riguus certissimum redemptionis*» (бл. Августинъ; сл. стр. 120); Одинъ, въ этой связи, означаетъ, стало быть, первое лицо св. Троицы.

Вещества воды и крови, выражая идеи искупленія и очищенія, соединялись съ представленіемъ эвхаристіи и таинства Троицы (121); послѣднее и выражено въ нашихъ строфахъ: Одинъ — Богъ Отецъ, Геймдалль — Христось, Мимиру предоставлено, какъ увидимъ (стр. 127), замѣнить Святаго Духа. Къ этому толкованію насъ приводятъ такимъ путемъ: родникъ подъ крестнымъ дровомъ въ одно и то-же время источникъ спасенія: *ex latere (Christi) fons salutis nostrae emanat* (стр. 122)—и источникъ всего сущаго=Богъ Отецъ (стр. 127). Въ этомъ источникѣ и покоится его залогъ: глазъ Одина, Бога Отца. Мейеръ нашелъ у Григорія Назіанзина такія сопоставленія: Богъ Отецъ — око, Богъ сынъ — источникъ, Святой Духъ — истекающая изъ него вода; у Григорія Великаго другія: Христось, какъ невидимый Богъ,—скрытый источникъ, какъ Сынъ Человѣческій — откровенный, видимый источникъ, какъ Св. Духъ — двувѣтная радуга, питающая избранныхъ водою крещенія и жгущая ихъ пламенемъ любви. Я не понимаю отчетливо, какимъ образомъ Мейеръ, соединяя обѣ интерпретаціи, вмѣняетъ Григорію Великому представленіе Бога Отца источникомъ, Христа — окомъ (стр. 126). Это представленіе онъ и усвоитъ *Völusrá*: глазъ, залогъ Одина = Христось покоится въ источникѣ всего сущаго = Богъ Отцѣ; отъ этого залога изливается съ древа (крестнаго, райскаго) вода жизни. Нельзя не признаться, что составитель *Völusrá* нещадно путалъ образы и символы: съ одной стороны говорится, что вода (рѣка) истекаетъ *отъ залога* Одина — на крестѣ, древѣ: *fons salutis*, съ другой этотъ залогъ — глазъ *покоится* въ родникѣ подъ дровомъ, источникъ всего сущаго. Изъ этого родника и пьетъ Мимиръ, принадлежащій древнему языческому мѣу, но здѣсь возведенный къ значенію (*zum Amt*, стр. 128) Святаго Духа. Въ основѣ *Mimir* то-же, что *Ymir*, *Brimir*, *Fogbjótr* (стр. 53, 54): *демонъ ветра, хранитель источниковъ*; въ другомъ мѣстѣ онъ понятъ какъ родъ *тѣснаго духа* (стр. 187); хранителю источниковъ естественно было очутиться у родника съ залогомъ Одина; онъ пьетъ изъ него каждое утро,

ибо Св. Духъ каждое утро приготовляетъ и освящаетъ для таинства эвхаристіи воду и вино, сѣмволы воды и крови, истекшихъ изъ раны Спасителя (стр. 128). На сколько этотъ актъ удачно выраженъ — питьемъ, о томъ я предоставляю судить другимъ; замѣчу, мимоходомъ, что *Vgimig* (= *Mimig*) является въ 23-й строфѣ властителемъ поршественной палаты = рая, какъ толкуетъ Мейеръ (стр. 167). — Попытку автора *Vqlusrá*: представить *Mimig*'а — Святымъ Духомъ — онъ называетъ смѣлой, но удачной; смѣлой потому, что въ значеніи Св. Духа уже являлось въ поэмѣ, по мнѣнію толкователя, другое лицо; объ удачѣ спорить трудно. Когда въ 33-й строфѣ, въ описаніи послѣднихъ дней, сыны Мимира представляются разыгравшимися, Мейеръ высказываетъ предположеніе, что разумѣются ангелы (стр. 189); указаніе на то, что ангелы относятся къ *creatura spiritualis*, обитаютъ въ *spirituale coelum* — ничего не доказываетъ; правда у Гоноріа изъ *Autun*, *Spec.* 959, ангелы получаютъ свою жизнь отъ Святаго Духа, но это также обще, какъ названіе Христа: царемъ или создателемъ ангеловъ (стр. 210), какъ въ нашихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ ангелы сотворены «отъ духа Господня и отъ свѣта Господня». — Еще разъ Мейеръ пытается удержатъ уравненіе: Мимиръ = Святой Духъ; дѣло касается той-же строфы, гдѣ разыграли сыны Мимира, а Одинъ бѣсѣдуетъ съ его — главой. Что такое эта глава — Мейеръ отказывается объяснить, но знакомое намъ отождествленіе удерживаетъ на основаніи того-же Гоноріа: *Filius iudicium facit pro vindicta, quamvis Pater et Spiritus Sanctus (Одинъ и Mimig) ei cooperentur!*

Мы уже знакомы съ рядами отождествленій: Геймдалла съ радугой, Христомъ, ангеломъ; *Mimig*'а съ великанами и Св. Духомъ. Въ рассказѣ о созданіи (или скорѣе оживленіи) первыхъ людей мы встрѣчаемъ другое выраженіе для третьяго лица Троицы. Споррова Эдда называетъ по этому поводу трехъ боговъ: Одина, *Vili* (воля) = Христа и *Vé* (святое, святыня) = Святой Духъ (сл. стр. 82); въ *Vqlusrá*, строфа 8: вмѣсто *Vili* — *Näpigr*, вмѣсто *Vé* — *Lórogr*, т. е. первоначально *Vlórogr* (стр. 85, 229) = жарь,

теплота. Но какъ соединить это толкованіе съ слѣдующимъ: старый міръ погибъ, погибъ и Одинъ; въ новомъ лучшемъ мірѣ Бальдръ и Норгъ водворятся въ палатахъ владыки, Непигъ станетъ кидать жребій: hlautvir kjósa (строфа 48). Въ выпавшемъ за тѣмъ стихѣ этой строфы стояло, по предположенію Мейера (стр. 221 слѣд.), и имя Лóбогъ'a, что и вѣроятно, судя по ихъ совмѣстному упоминанію выше; но на этотъ разъ и Лóбоггъ и Непигъ являются въ иномъ значеніи: въ эпизодѣ созданія людей они отвѣчаютъ второму и третьему лицамъ св. Троицы, здѣсь они — Энохъ и Илья (стр. 228 слѣд.), имѣющіе явиться, по христіанскому повѣрью, въ послѣдніе дни, пасть въ борьбѣ съ Антихристомъ и воскреснуть съ другими людьми (стр. 222); самое имя Непигъ'a не что иное, какъ передѣлка имени Непосчъ'a. Библейскія и позднѣйшія легендарныя преданія объ Энохѣ и Ильѣ могли, по мнѣнію автора, повести и къ той необычной роли, въ которой они выступаютъ въ строфѣ 8: Энохъ ходилъ съ Господомъ, былъ восхищенъ въ рай—мѣсто, гдѣ произошло созданіе людей; отсюда могли заключить, что и онъ участвовалъ въ немъ, онъ и явился показателемъ второго лица Троицы, какъ Лóбоггъ = Ильи вмѣсто Св. Духа: уже у Луки 1, 17 говорится о spiritus Eliae; «Св. Духъ—творчески живительное пламя, а Илья по преимуществу, огненный духъ» (стр. 229), замѣчаетъ авторъ, но это общее мѣсто мнелогической экзегезы не прикрываетъ ея слабыхъ сторонъ. Страннымъ кажется, что христіанскій авторъ Vǫlungrá, умѣвшій до тонкости играть символами, введшій при ихъ помощи Илью и Эноха въ составъ сѣверной Троицы, допустилъ одно изъ ея лицъ, Одна = Бога Отца пасть въ послѣдней мировой битвѣ.—Вмѣстѣ съ нимъ палъ и Þóггъ, т. е. архангелъ Михайлъ (стр. 205), что не мѣшаетъ послѣднему пережить поражение, объявившись въ обновленномъ мірѣ подъ новымъ именемъ: Норгъ (стр. 220), именемъ, обозначающимъ въ строфѣ 20 (въ интерполяции; ed. Sijmons 33) нечаяннаго убійцу Бальдра-Христа, т. е. сотника Лонгина, произившаго распятаго Спасителя, какъ толкуютъ Бугге и Мейеръ (стр. 156). Ибо Бальдръ—Христосъ, Христа выразилъ въ началѣ Vǫlungrá

и Геймдалль, въ строфѣ 40 Христомъ является и Víraгг, сражающій волка, въ бою съ которымъ палъ его отецъ Одинъ. Víraгг — это *возвращающийся* Бальдръ = Христось; онъ понадобился лишь на этотъ случай (als Vatergäcker frei geschaffen, говоритъ авторъ, (стр. 203), для новаго міра сохраняется лишь Бальдръ. Но именно въ новомъ мірѣ мы и ожидаемъ Вндара (стр. 230—1), тогда какъ его появленіе въ качествѣ мстителя за отца приводитъ въ смущеніе и самого толкователя (стр. 204, 230—1), отождествляющаго Вндара съ Христомъ и на томъ еще основаніи, что по Gylfag. 29 у перваго толстый башмакъ, а Беда, толкуя слова Евангелія, что Іоаннъ Предтеча недостоеенъ развязать ремни у сапога Спасителя, рѣшился на такое иносказаніе: Quis enim pesciat, quod calceamenta ex mortuis animalibus fiant? Incarnatus vero Dominus veniens quasi *calceatus* apparuit, qui in divinitate sua morticina correptionis nostrae assumpit! При такой свободѣ сближеній можно быть увѣреннымъ, что и другой эпитетъ Вндара: молчаливый (hinn rögli Ass, l. c.) объяснился бы христіанской аллегоріей, еслибы авторъ обратилъ на него вниманіе.

Разборъ немногихъ строфъ Völusrá далъ намъ поводъ познакомиться съ приемами Мейеровской экзегезы, обращающей Völusrá въ еще бѣльшую загадку, чѣмъ какою она являлась прежде. Трудно представить себѣ міросозерцаніе, литературныя понятія и вкусы той среды, какъ-бы она ни была исключительна, которая находила бы поученіе въ странномъ калейдоскопѣ чередующихся именъ и противорѣчивыхъ приуроченій. Я допускаю, что авторъ, желавшій передать на языческой, конкретный манеръ отвлеченное ученіе и символику христіанства, могъ создать напр. такое нарицательное, какъ Víбаг (: снова), для выраженія представленія о *возвращающемся* Христѣ; это какъ будто эпитетъ Бальдра — Христа, который можно было и забыть, когда нѣтъ болѣе нужды въ его опредѣленности. Я понялъ бы неограниченно свободное орудованіе такими именами, какъ Ньрг, Мимир, Heimdallr, еслибы они еще ощущались, какъ нарицательныя, не отложившіяся въ прочныхъ образахъ и соотвѣт-

ствующихъ имъ мифахъ; еслибы другими словами въ пору вторженія христіанскихъ идей сѣверная мифологія была тѣмъ-то текучимъ и слагающимся, безъ центра и Олимпа и отвѣчающаго ему культа: Лброгг напр. былъ бы просто «жаркій» и т. п. Крѣпкія и точныя формы вѣрованія, мифа обязываютъ: Норг— Лонгинъ и Норг = арх. Михаилъ рядомъ не мыслимы; или надо допустить, что и Heimdallg = освѣщающій міръ и Valdr = Господь, повелитель (стр. 137) такой же формаци, какъ Viragt = возвращающійся: эпитеты Христа, за которыми нечего искать болѣе древняго мифическаго содержанія. Но при такомъ, предполагаемомъ состояніи религіознаго сознанія пересказъ христіанскихъ легендъ и усвоеніе символовъ, оставаясь конкретнымъ и реалистическимъ, былъ-бы менѣе дѣланнымъ и прилаженнымъ, т. е. былъ бы не тѣмъ, тѣмъ представляется Vqlusrá.

Въ этомъ смыслѣ я поставилъ выше вопросъ о качествахъ усвояющей языческой среды. Для Мейера онъ не существенъ, ибо Vqlusrá для него — стилистическое упражненіе, доступное разумѣнію немногихъ посвященныхъ.

Я могъ-бы предложить, для провѣрки моихъ заключеній, еще нѣсколько эпизодическихъ анализовъ, вродѣ приведеннаго, но не рассчитываю на — читателя. Дѣло въ томъ, что слѣдить за построеніями и толкованіями Мейера возможно лишь подъ условіемъ, что передъ вами лежитъ текстъ Vqlusrá. Такъ какъ ея нѣтъ въ русскомъ переложеніи съ подлинника, а этотъ памятникъ часто обращалъ на себя вниманіе русскихъ мифологовъ, я сообщу здѣсь свой переводъ, а за нимъ изложу и скрытое христіанское содержаніе поэмы съ точки зрѣнія Мейеровскаго толка. Résumé автора на стр. 244—6 отличается излишней общностью, не дающей понятія о фактахъ и домыслахъ, на которыхъ это общее основано.

Слѣдующій переводъ, основанный на текстѣ Мейера, удерживаетъ его дѣленія съ указаніями источниковъ, которыми предположительно пользовался авторъ Vqlusrá; МЖ строфы, поставленные въ скобки, указываютъ на текстъ Симонса.

1. Введение.

(Источники: *Oracula sibyllina, Honorius Augustodunensis*).

1 (1). Вниманія прошу я у всѣхъ святыхъ родовъ, старшихъ и младшихъ сыновей Геймдалла! Хочешь ли ты, Valfarag (Одинъ), чтобъ я повѣдала о древнихъ преданіяхъ людей, какія напередъ я помню?

2 (2). Я помню йотуновъ (великановъ) древнерожденныхъ, что меня древле вскормили; помню девять мировъ, девять *ivi-djurg*¹⁾, славное древо созданія подъ землею.

2. Мирозданіе.

(Источники: *кн. Битія и комментарий къ ней св. Амвросія, Исидора и Гоморія; кн. Иова и Екклесіастъ*).

3 (3) Было время, когда жилъ Имвръ, не было ни песку, ни моря, ни холодныхъ волнъ, ни земли, ни высокаго неба, — а была зіяющая бездна, и травы не было нигдѣ,

4 (4) пока сыны Бора²⁾ не подняли небесныхъ круговъ³⁾, они, что создали славный Мидгардъ (вселенную). Солнце засіяло съ юга на камни (мирового) покоя и земля произросла зеленой травою.

5 (5) Солнце, спутникъ мѣсяца простерло съ юга десницу къ окраинѣ небесъ; [4] солнце не знало, гдѣ его палата, мѣсяць же вѣдалъ, гдѣ ему мѣсто, звѣзды не знали, гдѣ имъ пребываніе.

¹⁾ *ivi-djurg* — вар. *ivi-fi*; первое переводятъ: исполнители, второе: *Wälder im Weltbaume (Müllenhoff)*; я склоненъ передать это слово: вѣтви (поколѣнія), связывая его съ представленіемъ мирового дерева (См. Разысканія, вып. V; стр. 354 слѣд.). Мейеръ читаетъ: *ivister*: области.

²⁾ Одинъ, *Vili* и *Vé* по Скоровой Эддѣ; въ троицѣ *Volusrá* послѣдніе два имени замѣнены другими: *Hœnir* и *Lóbrög*.

³⁾ *bjófum urro*. Такъ переводятъ Мейеръ; по Bugge *bjof* = ирландское *bídh, bíth*: свѣтъ, миръ. Стало быть: подняли свѣтъ, землю — изъ воды? Въ концѣ *Volusrá* новая земля выходитъ изъ воды. При такомъ пониманіи *bjof* и *Mírgarfr* были-бы не тавтологіей: по отношенію къ первому второе — устроенная земля, вселенная. См. Разысканія I. с. стр. 355.

⁴⁾ Поставленное въ скобки [ ] принадлежитъ по итѣнію Мейера, послѣднѣшему интерполтору.

(6). Тогда пошли всё предержавшіе къ судебнымъ. сѣдалищамъ, высокосвященные боги, и о томъ держали совѣтъ]; они (т. е. боги) дали имена ночи и новолуніямъ, утру [и полдню и времени по полудни] и вечеру—дабы считать годы.

6 (7) Сошлись Азы на Идавелгѣ, они, что возвели алтарь и дворъ: очаги сложили, казну ковали, клещи дѣлали и изготовляли орудія.

7 (8) Въ кости играли въ оградѣ, веселы были, не было у нихъ недостатка въ вещахъ изъ золота [пока не пришли три дѣвы турсовъ (великановъ) ненавистныя, изъ Ютунгейма] ¹⁾, (17) пока не пришли трое изъ того сонма (т. е. боговъ), сильные и милостивые азы къ (мировой) обители.

8. Нашли на землѣ (у берега?) Аска и Эмблу немощныхъ, бездольныхъ [; (18) не было у нихъ ни дыханія, ни (разумнаго) духа, ни силы, ни движенія, ни хорошаго образа, вида?]. Дыханіе далъ Одинъ, духъ далъ Гѣниръ, а Лодуръ силу и хорошій образъ.

3. Грѣхонаденіе людей и его слѣдствія.

(Источники: *Кн. Бытія, Амеросій и Гоморій*).

9 (19) Я знаю, стоитъ ясень, зовется Иггдразилъ, высокое дерево, орошенное прозрачною влагой. Оттуда приходятъ росы, что падаютъ въ долины. Стоитъ оно вѣчно зеленое надъ родникомъ Урды [(20). Оттуда приходятъ дѣвы, три изъ того покоя, что стоитъ подъ деревомъ: Урдой звали одну, Vegraude другую — онѣ вырѣзали на доскѣ (вѣщія руны); третью Скульдой. Онѣ клали законы, выбирали долю сынамъ человѣческимъ, сказывая судьбу].

10 (21). Я помню первую войну на свѣтѣ, когда Гульвейгу кололи копьями и въ покоѣ Великаго трижды жгли трижды рожденную [, часто, верѣдко, хотя она еще въ живыхъ].

¹⁾ Слѣдуютъ въ текстѣ 8 строю (Sjimsona, строфы 9—16), издавна считающихся интерполированными: дѣло идетъ о созданіи богами дверговъ, имена которыхъ подробно перечисляются. Мейеръ опустил эти строфы въ своемъ изданіи.

11 (22). Язычицей звали её, куда она заходила въ дома, вѣщей вѣльвой; чары она творила, чаровала гдѣ могла, чары обманныя(?); всегда была утѣхой злыхъ женъ.

12 (23) Тогда пошли всѣ предержавшіе къ судебнымъ сѣдальщамъ, высоко-священные боги, и о томъ совѣтъ держали: слѣдуетъ-ли азамъ понести ущербъ или всѣмъ богамъ пользоваться почтеніемъ?

13 (24). Метнулъ Одинъ (копьемъ), стрѣляя въ народъ: то была еще первая людская война въ свѣтѣ; сломана была ограда вокругъ замка Азовъ, а Ваны могли поперать поляны, открытыя битвѣ.

14 (25). Тогда пошли всѣ предержавшіе къ судебнымъ сѣдальщамъ, высокосвященные боги, и о томъ рѣшили: кто замутилъ воздухъ зломъ и дѣву Ода отдалъ отродью йотуновъ?

15 (26). Одинъ Торъ размахнулся, исполненный гнѣва: онъ рѣдко усидитъ, когда узнаетъ что такое. Нарушены были клятвы, слова, обѣты, всѣ торжественные договоры, какіе передъ тѣмъ были.

4. Спасеніе грѣшной души раскаятымъ Спасителемъ.

(Источники: Гонорій и другіе церковные писатели. Люкамитсисъ).

16 (27). Она знаетъ, что рогъ Гейдалла скрытъ подъ славнымъ, священнымъ деревомъ; вижу рѣку, изливающуюся свѣтлымъ потокомъ изъ залога Одна. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

17 (28). Одна сидѣла она, когда пришелъ старикъ, страшный изъ Азовъ (Одинъ) и глянулъ ей въ глаза. О чемъ спрашиваешь, о чемъ пыгаешь меня? Все знаю я, Одинъ, знаю, куда ты спряташь твой глазъ.

18 (29). Она знаетъ, что глазъ Одна спрятанъ ¹⁾ въ славномъ родникѣ Мимира; каждое утро пьетъ Мимиръ изъ залога Одна.

¹⁾ Стихъ, восстановленный Бугге.

19 (30). Дать ей Герфбдръ кольца и ожерелья, даръ мудрыхъ рѣчей и вѣщихъ прорицаній... Далекo и далекo обозрѣвала она всѣ міры [(31). Она видѣла валькиріи изъ далека прибывшихъ, готовыхъ помчаться къ народу готовъ. Скульда держала щитъ, другая была Skogol; Gurg, Hildr, Gondol и Geirskogol: вотъ и перечислены дѣвы Негжап'а (Одина), валькирии, готовые помчаться на землю].

20 (32). Я видѣла Бальдра, окровавленнаго бога, сына Одина, скрытую судьбу [Стояла, возвышаясь надъ долинами, тонкая, прекрасная омега. (33) Отъ этой вѣтви, казавшейся тонкой, вышло горестное, опасное орудіе удара, — которымъ метнулъ Гедръ. Едва родился братъ Бальдра, сталъ воевать, однонощный сынъ Одина.—(34). Онъ никогда не мылъ рукъ ни головы не чесалъ, пока не возложилъ на костеръ противника Бальдра], а Фригга плакала въ Фенсалахъ о горѣ Валгаллы. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

21 (35). Она видѣла связаннымъ, лежащимъ въ Hvergalund'ѣ образъ коварнаго Локви, ненавистнаго. Тамъ сидитъ Сигинъ, но не радостная, у своего мужа. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

5. Адъ и Рай.

(Источники: *Литература видѣній. Исэкиль*).

22 (36). Рѣка падаетъ съ востока по ядовитымъ долинамъ, полная ножей и мечей. Сидромъ она зовется....

23 (37). Къ сѣверу въ Niravellig стояла палата изъ золота, Синдріева рода, а другая стояла въ Ókolne, пиршественный покой Иотуна, что зовется Бримвромъ.

24 (38). Она видѣла покой, далеко отстоящій отъ солнца, на берегу мертвыхъ: двери обращены къ сѣверу. Ядовитыя капли падали внутрь въ окно; покой тотъ сплетенъ изъ змѣяныхъ хребтовъ.

25 (39). Она видѣла тамъ людей, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, клятвopеступниковъ и убійць (и того, что совратилъ жену другаго). Тамъ Niphogg сосалъ трупы умершихъ, волкъ терзалъ мужей. Понимаете ли вы это или нѣтъ?

6. Природныя знаменія страшнаго суда.

(Источники: Христіанско-языческое преданіе).

26 (40). На востокъ сидѣла старуха въ Ísagnvîr'ѣ и питала тамъ отродье Фенрира; изъ нихъ изъ всѣхъ будетъ нѣкто единственный, похититель мѣсяца; въ образѣ чудовища.

27 (41). Нажирается мясомъ обреченныхъ на смерть людей, красить сѣдалище боговъ красной кровью. Померкнуть лучи солнца во слѣдующія лѣта, времена настанутъ вредоносныя. Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

28 (42). Сидѣлъ тамъ на холмѣ и бряцалъ на арфѣ пастырь исполниши, веселый Eggrég. Пѣлъ около него въ Gaglvîr'ѣ красивый, красный пѣтухъ, что зовется Fjalagr.

29 (43). Пѣлъ у Азовъ Gollinkambe; онъ будетъ мужемъ у Герьяфадера (= Одина); а другой поетъ подъ землею, темно-красный пѣтухъ, въ палатахъ Гелы.

30 (44). Сильно лаетъ Гармъ передъ Gnirahellir; пута порвется и Fреке (= волкъ) помчится. Много знаю я памятей, далеко усматриваю впередъ страшный судный день побѣдныхъ боговъ.

7. Знаменія страшнаго суда на землѣ и на небѣ.

(Источники: Евангеліе и пророки).

31 (45). Братья будутъ ратиться и станутъ другъ другу убійцами, родичи нарушать родственный союзъ. Тяжко на свѣтѣ, великій блудъ (вѣкъ топора и ножа, щиты разщеплены; вѣкъ вѣтра и волка — прежде, чѣмъ рушится міръ). Человѣкъ не будетъ падать другого.

32 (46). Взыграли сыны Мимира и создатель объявился (при звукѣ) древяго рога (Gjallarhorn); громко трубятъ Геймдалль, рогъ поднять, а Одинъ бесѣдуетъ съ головой Мимира.

33 (47). Содрагается, стоя, древо Иггдразила, стонетъ древнее древо, а Йотунъ вырывается на свободу. Страшатся всѣ на путяхъ Гелы, прежде чѣмъ родичъ Сурта помчится.

34 (48). Что творится у Азовъ, что у альфовъ? Весь Йотунгеймъ содрагается, Азы собрались на совѣтъ; стонуть дверги передъ вратами утесовъ, вѣдающіе горныя обителѣ. Понимаете ли вы это или нѣтъ?

35 (49) = 30.

8. Начало страшнаго суда. Нападеніе и борьба демоновъ съ Божествомъ. Гореніе міра.

(Источники: *Апокалипсисъ и мурожки*).

36 (50). Гримъ движется съ востока, держитъ передъ собою щитъ; великое чудовище вьется въ исполинскомъ гнѣвѣ, змѣй бьетъ волны, орелъ клекчетъ, трупы терзаетъ блѣдноклювый; Naglfar вырвался на свободу.

37 (51). Корабль несется съ сѣвера, челядь Гелы придетъ черезъ море и Локи правитъ у кормы. Ъдутъ всѣ чудища, съ ними Греке (волкъ), имъ сопутствуетъ братъ Билейста (Локи).

38 (52). Суртъ идетъ съ юга съ пламенемъ, точно солнце блещетъ мечъ смертоносныхъ боговъ; рушатся каменные горы, исполинши нязвергаются, мужи вступаютъ на путь Гелы и небо треснуло.

39 (53). Тогда придетъ второе горе Глинь (= Фриггъ), когда Одинъ пойдетъ биться съ волкомъ, а убійца Бели (=Фрей) съ Суртомъ. Падетъ тогда радость Фригги.

40 (54). Тогда пойдетъ великій сынъ Сигфадера (Одина), Видаръ, биться съ смертоноснымъ звѣремъ, сыну великана онъ вонзитъ остріе въ сердце. Такъ отмщено будетъ за отца.

41 (55). Тогда придетъ сильный сынъ Нібрун'ы (Торъ), зійетъ надъ воздухомъ земной поясъ (=мировой змѣй, окружающій землю) . . . Идетъ сынъ Одина биться съ змѣемъ.

42 (56). Гнѣвно разитъ защитникъ Мидгарда (=Торъ). Всѣ люди покинуть жилища; девять шаговъ отступить сынъ Fjörgun'ы (=Торъ) отъ змѣя, не боящагося посрамленія.

43 (57) Солнце меркнетъ, земля погружается въ море, па-

даютъ съ неба свѣтлыя звѣзды, паръ и огонь свирѣпствуютъ, высокое пламя взыграло до самаго неба.

44 (58) = 35, 30.

9. Новый мiръ и пришествiе Христа на страшный судъ.

(Источники: *Апокалипсисъ и пророки*).

45 (59). Она видитъ во второй разъ землю, восходящую изъ воды, вѣчно-зеленую; падаютъ водопады, орелъ носится надъ ними, что на горѣ охотится за рыбами.

46 (60). Сошлись азы на Идавеллѣ, бесѣдуютъ о мировомъ древѣ, поминаютъ великiя дѣла и древнiя руны Fimboltyr'a (Одина) [(61). Тогда снова найдутся въ травѣ чудесныя золотыя кости, которыми они — т. е. боги — владѣли встарь...].

47 (62). Поля произростутъ незасѣянныя, всякое зло исправится, придетъ Бальдръ; Норг и Бальдръ поселятся въ побѣднхъ палатахъ Нгорт'a (Одина), жилищѣ сраженнхъ боговъ.

48 (63). Тогда Нюпиг дастъ жребiй...., а сыны двухъ братьевъ заселятъ обширный Виндгеймъ (землю). Понимаете-ли вы это или нѣтъ?

49 (64). Она видитъ; стоитъ покой, краше солнца, крытый золотомъ, въ Gimlee; тамъ будутъ жить добродѣтельные люди и во вѣки наслаждаться блаженствомъ.

50 (65). Тогда придетъ свыше на судъ могучiй, сильный, кто всѣмъ править....

51 (66). Тогда полетитъ мрачный змiй, блестящiй, снизу изъ Nírafjallir; Nírhoggr понесетъ, летя надъ долиной, трупы мертвыхъ — и тутъ провалится.

II.

Точный переводъ *Völuspá* невозможенъ, пока та или другая подробность *текста* вызываетъ разногласныя объясненiя, между которыми приходится выбирать. Предупредивъ объ этомъ, перехожу къ новому толкованiю *содержанiя* поэмы, предложенному Мейеромъ.

1. (*Введение*). Говоритъ прорицательница, вѣщая германская жена, *völva*, съ чертами Сивиллы извѣстныхъ оракуловъ; говорить по велѣнію Одина, имъ вдохновенная: подробность, неизвѣстная сѣверному язычеству (стр. 14), но традиціонная и при Сивиллѣ: *χέλεται με λέγειν θεός* (стр. 13). Какъ послѣдняя названа снохой Ноя, который отнесенъ къ числу титановъ, такъ въ строфѣ 2-й вѣщая жена заявляетъ, что ея вскормили великаны (стр. 14). Святые роды, къ которымъ она обращается, — люди, сыны Геймдалла, т. е., какъ мы видѣли выше, Христа. Мейеръ (стр. 15—39) опираетъ это толкованіе главнымъ образомъ на анализѣ такъ-называемой Малой *Völuspá* (стр. 21 слѣд.); этого анализа я здѣсь не касаюсь, ибо онъ завелъ-бы насъ слишкомъ далеко; ограничусь указаніемъ на раскрытыя выше противорѣчія, которыя это толкованіе вызываетъ въ границахъ разбираемаго мною памятника. Обычное объясненіе Геймдалловыхъ сыновей = людей опиралось на разсказъ *Rígsrúla*, гдѣ Геймдаллъ является родоначальникомъ трехъ людскихъ сословій.

Готовясь начать свой разсказъ издалека, *völva* опредѣляетъ напередъ, такъ сказать, графическія границы своего знанія: она знаетъ девять міровъ, девять *ívrir* или *ívrjrg*, славное древо созданія подъ землею. Мейеръ (стр. 39—40) переводитъ, въ противорѣчій съ сѣвернымъ словоупотребленіемъ, *fug neran* = *bis unter die Erde*, разумя дерево, корни котораго доходятъ до преисподней. Съ другой стороны онъ нашелъ у Гонорія изъ Антинъ въ его нижнемъ аду «*novet vresies roepae*» (стр. 44) и указаніе на девять небесныхъ сферъ (стр. 45—46); это даетъ ему поводъ измѣнить во 2-й строфѣ загадочное *ívrjrg* въ *ívister*: жилища. *Heimar* и *ívister* нерѣдко сопоставляются и совпадаютъ по значенію, говоритъ Мейеръ (стр. 47), тѣмъ не менѣе *heim* представляется ему богѣе благороднымъ и объемлющимъ и онъ даетъ ему во 2-й строфѣ значеніе неба, хотя въ *Vafþrúðnismál* 43 и *Sn. Edda* I, 106 *heimar* означаютъ именно подземныя селенія. Въ противоположность къ девяти *heimar*, небесамъ, *ívister* отвѣчаютъ девяти областямъ подъ землею: «Девять небесъ помню

я, девять (подземных) селений». Но девяти небесамъ отвѣчаютъ девять ангельскихъ ликозъ (стр. 44); согласно съ этимъ въ другомъ мѣстѣ изслѣдованія (стр. 252) Мейеръ разумѣетъ подъ níu heima девять ангельскихъ ликозъ, оставшихся вѣрными Господу—и это до разказа о мірозданіи! Но при такомъ толкованіи параллелизмъ между heimaг и ívister становится сомнительнымъ.

Славное дерево, спускающееся (корнями) подъ землю: крестное дерево, о которомъ см. у Гонорія: *pars (crucis) coelum spectat, pars terram penetrat, pars etiam tartara penetrat* (стр. 49). Въмѣсто эпитета: дерево созданія, употребленнаго въ нашемъ переводѣ, Мейеръ предлагаетъ, согласно съ Мюлленгофомъ, другой: *þjótvir* выражаетъ идею всеобъемлющаго, *всемирнаго* дерева (*Maasbaum*), параллельно къ христіанскимъ представленіямъ креста, четыремъ отросткамъ котораго отвѣчаютъ четыре климата, устройство человеческого тѣла и т. п.; въ крестѣ дана «*totius christianaе religionis norma*».

Съ общимъ толкованіемъ первыхъ двухъ строкъ *Völuspá* можно согласиться; я только иначе понимаю значеніе *ívirjur* и дерево представляется мнѣ стоящимъ дѣйствительно подъ землею ¹⁾.

2. (*Мірозданіе*). Въ объясненіе слѣдующихъ строкъ, иногда намекающихъ на мифы, не рассказывающихъ ихъ, надо напомнить нѣкоторыя подробности. По Снорровой Эддѣ и другимъ памятникамъ въ началѣ міра была лишь бездна, *Ginnungagap*, съ сѣверной стороны которой находилась холодная область *Nifheim'a*, съ южной огненный *Muspelheimг*. Глыбы льда, нанесенныя въ бездну рѣками изъ *Nifheim'a*, растаявъ подъ вліяніемъ искръ, долетавшихъ съ юга, образовали досвѣтнаго великана *Ymir'a* и корову *Audhumla*, молокомъ которой онъ питался. Безъ помощи жены *Ymir* становится родоначальникомъ исполновъ: изъ подъ его лѣвой мышки вышли мужъ и жена, одна его нога произвела съ другою сына; *Audhumla* вылезала изъ ледяной

¹⁾ См. Разысканія, выд. V, стр. 355 слѣд

глыбы сына, Buri; отъ него родился Бог, женившійся на исполншѣ Bestla'ѣ и имѣвшій отъ нея трехъ сыновей: Одна, Вили и Ве, отвѣчающихъ Одину, Нярп'у и Лброг'у въ Völusrá. Убивъ Импра, они изъ членовъ его тѣла создаютъ свѣтъ: изъ крови море и воду, изъ тѣла землю, изъ костей горы, изъ зубовъ камни, изъ мозга облака, изъ черепа небесный сводъ, а его бровями обгородили землю, чтобы имѣть защиту отъ великановъ: это и есть Mírgafrg: вселенная; изъ его волосъ произошли деревья, отъ плоти—дверги (Gylfag. 8, 14).

Обратимся къ 3-й строфѣ Völusrá. Мы знаемъ уже, что Имврѣ—древне-языческій образъ, но здѣсь онъ употребленъ для выраженія библейскаго представленія, или лучше, его христіанскаго средневѣковаго толкованія (стр. 55 слѣд.). «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю. Земля-же была безводна и пуста и тьма надъ бездною, и Духъ Божій носился надъ водою» (Бытія I, 1). Созданіе неба и земли въ первый день творенія надó было согласовать съ дальнѣйшимъ повѣствованіемъ кн. Бытія о созданіи неба во второй, суши въ третій день. Выходъ указанъ былъ греческимъ понятіемъ хаоса: вначалѣ созданы безформенная матерія неба и земли, которую греки и зовутъ хаосомъ. Этотъ хаосъ или бездна выражена словомъ Ginnungagar — и одновременно образомъ Ymir'a, подъ вліяніемъ иконографическихъ изображеній библейскаго abyssus, бездны (стр. 57 — 8). Такъ могли соединиться два представленія: *жмз Имврѣ*—и *ничего не было*, кромѣ зіяющей бездны.

Такое толкованіе, вѣроятное въ общемъ, устанавливаетъ соотвѣтствіе между 1-й строфой Völusrá и библейскимъ рассказомъ о первомъ днѣ творенія; что поэтъ могъ опустить, какъ несущественное, отдѣленіе свѣта отъ тьмы, въ этомъ можно согласиться съ Мейеромъ (стр. 58), предлагающимъ дагѣе комментарий къ тѣмъ подробностямъ мѣта объ Имврѣ, которыя мы передали выше по прозаической Эддѣ. Имѣя въ виду толкованіе одной Völusrá, мы коснемся лишь нѣкоторыхъ сторонъ этого комментарія. Имврѣ — хаосъ является вмѣстѣ и перво-

зданнымъ человѣкомъ: какъ у него изъ подъ мышши выходитъ мужчина и женщина, такъ отъ ребра Адама создана была Ева; Адамъ въ представленіи средневѣковой философіи—микрокосмъ, соединяющій въ себѣ элементы земли, воздуха и т. д.; рассказъ о созданіи свѣта отъ частей Униг'а — Адама представляетъ обратную разработку того-же существеннаго тождества: части микрокосма служатъ къ творчеству микрокосма.

На параллелизмъ сказанія объ Имирѣ съ статьей «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ» давно было указано, но не слѣдуетъ увлекаться этимъ согласіемъ, забывая другія, выясняющія мнѣ объ Имирѣ, какъ древній антропо- и теогоническій. Въ дошедшемъ до насъ составѣ сѣверной мифологіи этотъ смыслъ затемненъ по требованіямъ дифференціаціи: рядомъ съ мифомъ объ Имирѣ ходилъ другой, равнозначущій съ нимъ: о Вигі, перво-зданномъ человѣкѣ, вылизанномъ изъ ледяной глыбы космической коровы. Позднѣе оба сказанія приурочились отдѣльно: говорили, что отъ Имира пошли Гримтурсы, отъ Вигі — боги; они-то теперь и убиваютъ Имира. Первоначально мнѣ объ Имирѣ могъ имѣть самостоятельное значеніе: мнѣ о досвѣтномъ великанѣ-андрогитѣ, покоящемся въ безднѣ, производящемъ изъ себя первыхъ людей и въ самомъ себѣ дающемъ матеріалъ для космическаго творчества. Такъ въ финскомъ преданіи дѣва воздуха, спустившись на море, производитъ близнецовъ-демиурговъ; такъ въ сѣвероамериканскихъ повѣрьяхъ божественная жена падаетъ съ пеба на воды и производитъ двухъ враждебныхъ другъ другу братьевъ-творцевъ, тогда какъ изъ членовъ ея тѣла прозростають потребныя человѣку знаки ¹⁾).

4—5 строфы Vqluspa продолжаютъ передавать рассказъ книги Бытія о твореніи второго, третьяго и четвертаго дня:

---

¹⁾ Мнѣ о созданіи видимаго міра изъ членовъ космическаго существа см. у Lang'a, I. c. I, стр. 188, 192, 235, 242—3, 245, 246—7. Подробности о дуализмѣ въ американскихъ космогоническихъ легендахъ см. далѣе въ главѣ ХХ-й.

созданы были твердь, суша и свѣтила. Та-же послѣдовательность въ поэмѣ — по толкованію Мейера: боги, сыны Бора, подняли небесные круги, *orbes, circuli* (стр. 65), выражающіе понятіе тверди, *firmamentum*; создали Мидгардъ — землю; далѣе говорится о солнцѣ и лунѣ въ интересномъ соотвѣтствіи съ Быт. I, 14: «да будутъ свѣтила на тверди небесной для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменія, и времени, и дней, и годовъ». Сл. строфу 5-ю: «дабы считать годы». — При иномъ толкованіи *bjorot*: не *circuli, orbes*, а земля, земная поверхность¹⁾, соотвѣтствіе нарушается, ибо параллель къ тверди отсутствуетъ: боги «подняли землю, сушу, они, что создали славный Мидгардъ». *Mirgargr*, понятая какъ *οἰκουμένη*, предполагающая существованіе суши, *bjorot*; когда въ той-же строфѣ говорится о (міровомъ) покоѣ, разумѣется *Mirgargr*. Суша поднята — вѣроятно, изъ воды: въ строфѣ 45-й обновленная земля *eo второй разъ* выходитъ изъ моря.

Сынами Бора окажутся впоследствии: Одинъ, Ноепиг и Лобигг, въ соотвѣтствіи съ средневѣковымъ представленіемъ объ участіи трехъ лицъ св. Троицы въ мірозданіи (стр. 66). При этой, уже знакомой намъ параллели, Вог и Вигі, собственно родитель и рожденный (отъ *vega*), оказываются генеалогическими измышленіями, во всякомъ случаѣ подозрительными.

Библейскій рассказъ о созданіи звѣрей не нашелъ выраженія въ космогоніи *Völuspá*; вмѣсто того въ ней рассказывается, строфы 6—7, о богахъ, кующихъ въ Идавеллѣ; все у нихъ изъ золота; они пребываютъ въ веселіи: «пока не пришли три дѣвы турсовъ, ненавистныя, изъ Иотунгейма». Мейеръ опускаетъ и эти стихи (у насъ въ скобкахъ) и слѣдующія за тѣмъ 8-мъ строфѣ, описывающихъ созданіе богами дверговъ. Явленіе исполинскихъ дѣвъ дѣйствительно загадочно, и можно согласиться съ толкованіемъ, что только Снорри попытался осмыслить его: будто онѣ пришли, чтобы разрушить золотой вѣкъ боговъ. Слѣдуетъ быть можетъ, устранить это объясненіе, удержавъ самый образъ и

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 356.

бережнѣе орудуя атетезами въ томъ, что за тѣмъ слѣдуетъ. Распорядокъ текста такой: боги куютъ въ Идавеллѣ; *явленіе трехъ женъ изъ Лотунейма и эпизодъ о дверцахъ*; мы переводимъ двѣ первыя изъ опущенныхъ строфъ (9 и 10):

9 Пошли всѣ предержашіе къ судебнымъ сѣдалищамъ и о томъ совѣтъ держали: кому создать сонмъ дверговъ изъ крови Вгиміг'а (волнующагося), изъ костей Влаен'а (т. е. Импра).

10 Тогда созданъ былъ славнѣйшій изъ дверговъ, Mótsog-nig, и второй (по немъ) Dugenn. Отъ этого матеріала (крови и костей) сотворены были многіе челоѣкоподобные земные дверги, которымъ названіе далъ Dugenn ¹⁾.

Слѣдующія 11—16 строфы содержатъ перечень именъ дверговъ, который можно устроить; въ 17-й строфѣ=8-й Мейера *являются три бога* и рассказъ переходитъ къ созданію (9: skopridu) и *оживленію первыхъ людей*. Отмѣтимъ параллелизмъ, указывающій на предѣлъ возможныхъ исключеній: *явленіе трехъ женъ—и созданіе дверговъ; пришествіе трехъ боговъ—и антропологическій мифъ*. Это, разумѣется, не выясняетъ намъ значенія тѣхъ женъ; можетъ быть норнъ-рожаницъ, «hinag III (pognir) dverga aetta» (Gylf. 15)? Тѣмъ не менѣе параллелизмъ обязываетъ удержать ихъ—или исключить за одно и явленіе боговъ и созданіе людей, какъ то сдѣлалъ Ноббогу—на томъ основаніи, что этотъ эпизодъ, заимствованный изъ какой-нибудь посторонней космогонической статьи, стоитъ въ Völuspá внѣ связи съ предыдущимъ и слѣдующимъ. По моему мнѣнію связь съ предыдущимъ дана въ—кованьи боговъ.—За вычетомъ указаннаго, къ богамъ, веселящимся въ Идавеллѣ, примыкаетъ непосредственно строфа 8-я: рассказъ о созданіи и оживленіи первыхъ людей.

Какую идею соединялъ авторъ поэмы съ этимъ образомъ, Мейеръ не разъясняетъ (см. впрочемъ стр. 75—8). Кованье

¹⁾ Я слѣдую тексту Völuspá въ Gylfag. 14: þar mannikun mörq af gerðum—dvergar í jörðu sem Duronn kende (ср. Wilken, Untersuchungen zur Snorra-Edda, стр. 48).

понято здѣсь во всякомъ случаѣ, какъ актъ творчества, между прочимъ и космогоническаго: мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ отрывочныхъ представлений, которыя потеряли свой исконный смыслъ, очутившись эпизодомъ *Völuspá*. Какъ въ финскомъ эпосѣ небо сдѣлано изъ верхней части яйца — и въ то же время сковано Ильмариненомъ, такъ могли существовать сѣверные мифы напр. о созданіи свѣта изъ членовъ великана — и путемъ творческаго кованья. Прозаическая Эдда (ed. Jónsson стр. 22: *Gylfag.* 14) развиваетъ 6-ую главу *Völuspá*, заставляя боговъ ковать и землю, и камни и деревья, а объ Одинѣ сказано въ другомъ мѣстѣ (l. c. *Gylfag.* 3), что онъ сковалъ небо и землю и всё въ нихъ сущее (*ok alla eigu reigga*), и это показаніе не примирено съ слѣдующимъ, уже знакомымъ намъ: о созданіи міра изъ тѣла Имвра. Замѣтимъ, что именно за рассказомъ *Völuspá* о кованьи боговъ слѣдуетъ (въ опущенныхъ Мейеромъ строфахъ) *созданіе деревьевъ* — и созданіе и *осиеленіе* первой людской пары — въ Идавелгѣ, т. е. въ раю, причемъ Мейеръ (75) напоминаетъ *Mag Itha* = поле *Itha*, мѣсто собранія ирскихъ боговъ — и догадку Бугге, что *ira(vollr)* — перегласовка *Эдема*. Правда, по Библии одна Ева сотворена была въ раю, но авторъ могъ соединить этотъ актъ съ предшествовавшимъ созданіемъ Адама (стр. 75). Важнѣе другое: дѣло въ сущности идетъ о созданіи людей изъ деревьевъ, объ оживленіи бездольныхъ *Ask'a* и *Embla'y*, напоминающихъ (стр. 82) имена Адама и Евы, и вмѣстѣ, широко распространенное повѣрье о происхожденіи людей изъ растений. Именно этотъ мотивъ—существенный, и на него надо было обратить вниманіе по связи *Ask'a* (ясень) съ непосредственнымъ (строфа 9) упоминаніемъ Иггдразила — ясеня (сл. строфа 33) и представленіемъ, которое можно возстановить изъ *Fjölsvinnsmál* 16 (ed. Sijmons) и *Vafgrúðnismál* 45: что изъ міроваго древа, древа Мимвра вышли первые люди¹⁾. Кромѣ созвучія: *Ask*=Адамъ, *Embla*=Ева, легенда объ оживленіи не имѣетъ

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 358.

ничего общаго съ библейскою, которая, кстати, уже предвосхищена отождествленіемъ Ушіг'а съ Адамомъ, первой пары людей, вышедшихъ у него изъ подъ мышки — съ Еввой, какъ толкуетъ г. Мейеръ. Кстати: азы находятъ бездушныхъ Аска и Эмблу at húse (строфа 7): въ дому. Мейеръ (стр. 83) принимаетъ толкованіе Бугге, что разумѣется пролентически домъ, въ которомъ *будутъ* жить первые люди; приводитъ и толкованіе св. Амвросія (De Paradiso с. 50) къ Бытію 3,22 (aedificavit Deus costas, quam sumpsit de Adam, in mulierem). «Vene, quia in viro et muliere *domus* videtur quaedam plena esse perfectio. Qui sine uxore est, quasi sine domo sit, sic habetur». Это толкованіе исключается нашимъ, имѣющимъ въ виду *salg* строфы 4-й: міровой покой = Мидгардъ; боги приходятъ (изъ Идавелля) въ міровую обитель at húse, т. е. въ Мидгардъ, и здѣсь творятъ людей. Что этотъ актъ происходитъ въ Идавелль — Эдемъ, какъ предполагаетъ Мейеръ, не доказано: созданіе совершается, по Gylfag. 9 у морскаго берега (Völ. á lande?), а Irvavllr лежитъ въ центрѣ Ásgard'a (Gylfag. I. с. 14), стоящаго въ свою очередь въ центрѣ Míðgard'a.

Мы уже знаемъ, что три бога, оживляющіе первыхъ людей, отвѣчаютъ тремъ лицамъ св. Троицы, какъ и въ средневѣковомъ христіанскомъ представленіи въ смыслѣ св. Троицы поняты были слова Бытія I, 26: *Сотворенъ* человекъ по образу *Нашему* (сл. стр. 74—5, 78). Наши сомнѣнія относительно частнаго отождествленіе Одна = Бога Отца и т. д. были высказаны выше. Въ тринности творящихъ богомъ и я признаю христіанское вліяніе, съ тою разницею, что, по моему мнѣнію, она прикрыла болѣе древнія, языческія отношенія.

Третій эпизодъ, выдѣленный Мейеромъ изъ содержанія Völuspá, начинается (строфа 9) съ описанія міроваго дерева, стоящаго надъ источникомъ Урды и орошающаго своей росой долины. Прежде чѣмъ перейти въ общей характеристикѣ этого отдѣла у Мейера, остановимся на анализѣ 9-й строфы. Мюлленгофъ (Deutsche Alterthumskunde V, 1, см. текстъ стр. 75 и слѣд.

и комментарий) исключилъ изъ своего текста какъ ее, такъ и части предыдущихъ: удержавъ въ нашей седьмой строфѣ двустипіе о трехъ дѣвахъ турсовъ, онъ опускаетъ остальное, стало быть, и эпизодъ объ оживленіи людей: всё это признано интерполяціей. Дерево надъ источникомъ Урды также возбудило его сомнѣніе, по той причинѣ, что далѣе (строфа 16 слѣд.) то-же мировое древо оказывается стоящимъ надъ источникомъ Мимира; источникъ Урды включенъ въ текстъ *Völuspá* изъ посторонней, хотя и древней статьи (стр. 103), говоритъ онъ. Ходъ его аргументація слѣдующій: въ *Grimnismál* 31 отъ Иггдразилы спускаются три корня: подъ однимъ живеть Гея, подъ другимъ grimтурсы, подъ третьимъ люди; по *Gylfaginning* XV: одинъ корень у азовъ, у него источникъ Урды; второй у grimтурсовъ, тамъ, гдѣ прежде была бездна, *ginnungagap*, подъ нимъ источникъ Мимира; третій надъ *Niflheim* съ источникомъ *Hvergelmir*. Я согласенъ съ Мюлленгофомъ, что представленіе *Gylfaginning* о положеніи мирового дерева неясны, ибо не графичны, *widersinnig und wertlos* (стр. 103); ея авторъ слѣдовалъ «традиціонному, но совершенно ложному представленію» (какому ? !), которое соединилъ съ показаніемъ *Grimnismál*'я и *Völuspá*; изъ послѣдней онъ взялъ источникъ Мимира и перенесъ его къ одному изъ корней своего мирового дерева, къ grimтурсамъ, къ которымъ логически (*vernünftiger Weise*) *Mimir* никогда не принадлежалъ, хотя и могъ представляться великаномъ. Если и согласиться съ этимъ заключеніемъ, то лишь для того, чтобы указать на логическій *circulus vitiosus*: *Gylfaginning* въ разсказѣ о мировомъ деревѣ представляетъ компиляцію, неумѣло черпавшую изъ *Völuspá*, и вмѣстѣ съ тѣмъ дающую критерій для выключенія изъ послѣдней — подробности объ источникѣ Урды. Умозаключение было очевидно такое, что источникъ Урды и Мимира не одно и то же, ибо въ *Gylfaginning* они раздѣлены; у разныхъ корней дерева, а *Völuspá* не знаетъ этихъ корней, и источникъ является одинъ. Ничто однако не мѣшаетъ предположить, что источникъ Урды лишь другое названіе для родника Мимира, находящагося подъ

его деревомъ, деревомъ созданія: Ugr, рядомъ съ названіями Vergrande и Skuld (три норны подъ мировымъ деревомъ въ строфѣ, выключенной толкователемъ), означаетъ то, что было, совершенное *бытіе*. Замѣтимъ кстати, что какъ съ дерева надъ источникомъ Урды падаютъ росы, такъ въ Vafgrúðnismál 45 люди, спасшіеся въ дровѣ Мимира, питаются росой. Гдѣ представлялъ его себѣ авторъ Völusrá? Вѣщательница знала его стоящимъ подъ землею, Снорри помѣщаетъ одинъ изъ его корней, съ источникомъ Мимира, въ области grimтурсовъ, гдѣ прежде была бездна. Образы совпадаютъ. Если Мимиръ и не grimтурсъ, въ обычномъ значеніи этого типа, то все-же великанъ, исполненный таинственной, досвѣтной мудрости, сокрытой въ его родникѣ; отъ нея заимствуется у него Одинъ; я попытался недавно ¹⁾ объяснить мнѣ о глазѣ Одина, солнцѣ, скрытомъ въ родникѣ Мимира, въ томъ смыслѣ, что и солнце представлялось первоначально его созданіемъ, какъ происхожденіе людей связано съ образомъ мирового дерева, обозначеннаго его именемъ. Между нимъ и Однимъ противоположность стараго и новаго творчества, двухъ поколѣній демиурговъ; вліяніе христіанскихъ идей и образовъ предполагаетъ эту древнюю двойственность: мировое дерево, дерево созданія вылилось въ формы крестнаго — райскаго и, быть можетъ, легендарныя представленія о послѣднемъ помогутъ намъ освѣтить соответствующее въ Völusrá: въ западныхъ Вопросахъ и Отвѣтахъ ²⁾ дерево, стоящее въ основѣ міра, есть райское, корни котораго спускались до страданія І. Христа въ присподнюю. Если мы перенесемъ это представленіе въ нашу поэму, то получимъ мировое дерево, стоящее въ области Азовъ и спускающееся туда, гдѣ прежде была бездна, къ роднику Мимира. Оно то и содргается и стонетъ въ послѣдніе дни, когда Геймдалъ затрубитъ въ рогъ, спрятанный въ его корняхъ, взыграли сыны Мимира, а Одинъ бесѣдуетъ съ его

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 85 и предыл.

²⁾ I. c., стр. 45.

головой (Gilfaginning ed. Jonsson, § 56: съ Мимиромъ); о немъ рядятъ боги, когда міръ погибъ и новая земля снова выходитъ изъ нѣдръ моря.

Роль Геймдалла при мировомъ древѣ обращаетъ на себя вниманіе, и звукъ его рога, очевидно, сторожевой: онъ стражъ боговъ (см. Gylfag. I. c. § 27), сидитъ на окраинѣ небесъ, охраняя мость-радугу отъ нашествія исполиновъ; онъ сиятъ мегѣ, чѣмъ птица, видитъ днемъ и ночью на разстояніи ста поприщъ, слышитъ, какъ растеть трава на землѣ, шерсть на овцѣ, и звукъ его рога слышится во всѣхъ мірахъ. Его называютъ бѣлымъ, свѣтлымъ Азомъ (I. c.) и — простодушнѣйшимъ, невиннѣйшимъ изъ Азовъ (Fornald. Sog. I, 373). Съ точки зрѣнія христіанскихъ элементовъ Völuspá эти черты ведутъ къ представленію Heimdall'я ангеломъ, и не только трубящимъ, какъ въ комментаріи Мейера (см. выше стр. 6); по Сворровой Эддѣ Heimdallr сражается съ Локи (I. c. § 56), какъ въ христіанскихъ эсхатологическихъ легендахъ Михаилъ поражаетъ Антихриста-Сатану¹⁾; его роль при мировомъ - крестномъ - райскомъ деревѣ напоминаетъ Быт. II, 24: и поставилъ (Господь) на востокѣ у сада Едемскаго Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобы охранять путь ко дереву жизни. — При такомъ пониманіи Мимиръ съ его древомъ созданія очутился бы въ положеніи Сатанаила — демиурга дуалистическаго повѣрья, насадившаго едемское дерево и изгнаннаго изъ рая²⁾.

Но это только одна сторона дѣла, ибо въ Геймдаллѣ есть и другія черты, по видимому, не стоящія въ связи съ предыдущими. По Rigspula онъ является родоначальникомъ людскихъ сословій; можетъ быть, людей вообще? Вѣдь и въ индійской легендѣ о происхожденіи кастъ отъ устъ, рукъ, бедръ и ногъ Пуруши понятіе кастъ замѣнило болѣе древнее и простое, антропологическое. О Геймдаллѣ говорилось, что его родили де-

¹⁾ См. Разысканія, VIII, стр. 345—7.

²⁾ I. c. XI, 45.

вать матерей, девять сестеръ великаншъ на окраинѣ земли, вскормили его, силой земли, студеной водою и жертвенной кровью, *sónardreyra* (*Hyndlúljóð* ed. Sijmons 37—39; *Heimdallar galdr*, ib. p. 215; *Gylfag.* § 27). Этихъ сестеръ - матерей отождествляли съ девятью *Ívirjur* 2-й строфы *Völuspá* (= исполниши, *dryades*), въ которыхъ я усмотрѣлъ ¹⁾ вѣтви, отростки міроваго дерева, древа созданія. Можетъ быть, оба толкованія соединимы: самъ Геймдаллъ могъ представляться рожденнымъ отъ дерева, отъ его девяти вѣтвей - сестеръ, и его мнѣ параллельнъ къ мнѣю объ Аскѣ; еслибы возможно было удержать этимологию: (*Heim*) *dallr*: *þollr* род. *þallar* = *pinus*, то *Heimdallr* отвѣчалъ бы кенингу Иггдрасила въ *Völ.* 46: *mold-þinntr*: земное дерево, сосна; *Heimdallr*: міровое дерево. Онъ первожденный; отъ него пошли люди.

Мнѣ о Геймдаллѣ даетъ мнѣ поводъ выставить подобную-же гипотезу объ Одинѣ, раскрывъ въ позднѣйшемъ накопленіи мифовъ, его окружившихъ, элементы одного, забытаго и на-ново освѣщеннаго въ новой обстановкѣ. Одинъ—сынъ *Veg'a* и *Bestla'y*; но этотъ рассказъ о его происхожденіи могъ быть однимъ изъ многихъ, утраченныхъ впоследствии, либо иначе приуроченныхъ. Въ *Grimnismál* 54 Одинъ говоритъ о себѣ: зовусь я теперь Однимъ, *Ygg'om* звали меня прежде, предъ тѣмъ имя мнѣ было *Þundr* и т. д. Въ *Hávamál* 138 слѣд. онъ рассказываетъ, что девять ночей висѣлъ на обвѣянномъ вѣтромъ деревѣ, раненый копьемъ, отданный (принесенный въ жертву) Одну, самъ-самому себѣ, безъ пищи и питья. Онъ глянулъ внизъ, воспринялъ, плача, руны—и спалъ съ дерева; девять сильныхъ заговоровъ (*fiðbolljóðr*) воспринялъ онъ отъ именитаго сына *Vóðrogn'a*, отца *Bestla'y*, отвѣдалъ драгоценнаго меда изъ *Órgerir'a* — и съ тѣхъ поръ сталъ расти и мудрѣть.

Кауфманъ ²⁾ отрицаетъ толкованіе этого мифа, предложен-

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 354 слѣд.

²⁾ *Kauffmann*, *Obian am Galgen* въ *Paul und Braunes Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache XV Band.* стр. 195 слѣд.

ное Бугге: будто висящій Одинъ—языческая парафраза распятаго Христа; дѣйствительно, рассказъ объ Одинѣ на деревѣ относится, повидимому, къ его дѣтству. Не рѣшаясь проникнуть въ тайный смыслъ этого эпизода, Кауфманъ ограничивается нѣкоторыми указаніями: Одинъ могъ представляться закинутымъ ребенкомъ; подобные акты часто совершались въ лѣсу, подъ деревомъ; но ребенокъ не подвергся смерти, ибо по древнему обычаю новорожденный, хотя и закинутый, избавлялся отъ нея, если случайно отвѣдалъ меда (или молока). Меду отвѣчаетъ въ нашемъ случаѣ напитокъ изъ Orgerig'a, который и даетъ Одину сынъ Volrogn'a, т. е. Мимиръ, какъ полагаетъ, вслѣдъ за Bugge и Rydberg'омъ, и Кауфманъ.

Одинъ виситъ на деревѣ Мимира, иначе Иггдразилѣ, т. е. конѣ (несущемъ) Yggg'a; сознаніе тождества послѣдняго съ Однимъ вызвало пониманіе всего акта, какъ жертвеннаго: Одинъ принесенъ былъ въ жертву самому себѣ; съ этимъ въ связи стоитъ позднѣйшій обычай посвящать Одну повѣшенныхъ.

Я представляю себѣ всѣ эти отношенія въ иномъ свѣтѣ: Yggg виситъ на деревѣ Мимира, спадаетъ съ него, благодаря его заговорамъ, точно плодъ, какъ въ сказкѣ трансильванскихъ цыганъ съ міроваго дерева спадаютъ куски мяса, изъ листьевъ — люди¹⁾; отвѣдавъ заповѣднаго меда, Yggg сталъ расти и мудрѣть. Это—мифъ о рожденіи изъ дерева; отмѣтимъ въ рассказѣ число *десять*: девять ночей, девять заговоровъ — и въ Fjolsvinsm. 22 (Sijmons 16) разрѣшающую родильницъ силу плода отъ Míma-weiðg'a. Обычай посвящать Одну-Yggg'у повѣшенныхъ восходитъ къ воспоминанію не мистической жертвы, а опредѣленнаго антропологическаго мифа.

Я попытался раскрыть предполагаемое мною содержаніе мифовъ о Мимирѣ и Геймдалѣ, о Мимирѣ и Одинѣ-Yggg'ѣ и деревѣ созданія, но не рѣшаюсь выразить гипотезы: въ какомъ взаимномъ отношеніи они находились и какъ распредѣлялись роли дѣй-

¹⁾ См. Разысканія, вып. V, стр. 367.

ствующихъ лицъ — прежде чѣмъ христіанскіе мотивы наложили на нихъ свой отпечатокъ, сблизивъ космогоническое дерево народныхъ преданій съ райскимъ деревомъ Бяблин (Быт. II, 9, 10) и Апокалипсиса (XXII, 1, 2). Мейеръ (стр. 85 слѣд.) отмѣчаетъ въ Иггдразилѣ разобранной нами 9-й строфы сліяніе этихъ двухъ элементовъ; только дерево народныхъ повѣрій представляется ему «облачнымъ» (стр. 88, 89)¹⁾; источникъ Урды онъ удержалъ безъ оговорокъ съ подстрочнымъ указаніемъ на Бугге, видѣвшемъ въ ея имени —перегласовку Іордана; строфа о трехъ норнахъ также находитъ у него толкованіе, но съ сомнѣніемъ, что она —интерполирована (стр. 91, 93). Я вижу въ нихъ тѣхъ-же дѣвъ изъ Іотунгейма, о которыхъ была рѣчь передъ созданіемъ дверговъ. Норнъ-рожаницъ, дающихъ долю, естественно было представить себѣ при древѣ созданія, антропогоническомъ.

Мы можемъ обратиться теперь къ разбору третьяго отдѣла у Мейера, озаглавленнаго:

3 (*Грѣхопаденіе людей и его слѣдствіе*).

Древо Урды = райское дерево является у слагателя *Völuspur*'ы символическимъ показателемъ цѣлаго акта: грѣхопаденія прародителей. — Собственно ни о грѣхопаденіи, ни объ изгнаніи не говорится ни слова; что слѣдуетъ далѣе, съ 10-й строфы, сразу переноситъ насъ въ сферу христіанской аллегоріи, символическихъ прообразованій — и фантастическихъ построеній. Но послѣдуемъ за Мейеромъ (стр. 93, 94).

По упрочившемуся въ церковной литературѣ представленію главной виновницей грѣхопаденія была Евва; Амвросіи медиоланскій говоритъ, что её поразили три «*infectae sagittae diaboli*» (= стр.

¹⁾ Schwartz (Noch einmal der himmlische Licht- oder Sonnenbaum, eine prähistorische Weltanschauung, въ Zeitschrift f. Völkerpsychologie XX, 1-er Heft, стр. 89 слѣд.), вводящій въ сравненіе съ Иггдразиломъ «всесвѣтляное» древо парсійскихъ повѣрій (ср. Разысканія, вып. V, стр. 356), считаетъ Иггдразиль свѣтовымъ, солнечнымъ, солнечно-облачнымъ деревомъ (стр. 115), на которомъ иногда покоятся вѣтеръ: Одинъ. Таково объясненіе разобраннаго выше мною въ *Návamál*. Иначе (стр. 117—118) всящій Одинъ приравнивается къ покоящимся въ (облачной) горѣ героямъ народныхъ преданій.

94); тотъ же Амвросій, говоря аллегорически о злой и доброй супругѣ одного и того-же человѣка, характеризуетъ первую въ чертахъ блудницы Соломоновыхъ Притчъ гл. 7 и вавилонской блудницы Апокалипсиса 17, 4 съ золотымъ кубкомъ въ рукѣ. Слагатель *Volsprá*'ы соединилъ образы Еввы, пораженной тремя стрѣлами, и вавилонской блудницы въ одинъ; это *Gollveig* 10-й строфы, которую колютъ копьями и имя которой = Золотой кубокъ навѣявъ Іереміей 51, 7: Вавилонъ былъ золотою чашею въ рукѣ Господа, опьянявшею всю землю; народы пили изъ нея вино и безумствовали. Такъ и о *Gollveig*'ѣ говорится, что она чаровала обманно; названіе *heire* указываетъ на пониманіе ея, какъ чаровницы. О Вавилонѣ = золотомъ кубкѣ Іереміи сказано въ Апокал. 17, 16, что онъ будетъ сожженъ; такъ жгутъ и *Gollveig*'у; вавилонская блудница — *mater fornicationum et abominationum terrae* (Арос. 16, 5); Гульвейга — «утѣха злыхъ женъ».

Но Евва = вавилонская блудница обобщается еще въ представленіи сунамитянки Пѣсни Пѣсней, въ ея символическомъ пониманіи грѣшной души, черной, но красивой (I. с. I, 4), взысканной женихомъ-Спасителемъ. Говоріи изъ *Autun* развили этотъ символизмъ въ своемъ Толкованіи на Пѣсню Пѣсней и въ *Speculum*; здѣсь, по мнѣнію Мейера, мы найдемъ объясненіе и первой войны на землѣ, о которой говорится, въ связи съ Гульвейгой, въ строфѣ 10-й; безъ Говорія соответствующіе эпизоды *Volsprá* — не мыслимы (стр. 98). Вотъ что находимъ во 2-мъ прологѣ къ *Expositio in Canticum Canticorum: Imperator supernae reipublicae volens habere heredem, genuit sibi Filium coaequalem... Qui ut filios posset habere regni coheredes, desponsavit ei Pater reginam et concubinam, i. e. angelicam et humanam naturam. Interea quidam princeps tyrannidem arripuit et similis altissimo esse voluit* (Migne Patrol. lat. CLXXII, стр. 353). Этотъ князь — *Lucifer*, возмущеніе его и его сообщниковъ названо: *primum bellum... in aula (sc. coeli)* (I. с. 452), *civile bellum* (*Specul. Eccles.*, I. с. 1093). Пораженный архангеломъ Михаиломъ и сверженный съ неба, онъ продолжаетъ злоумышлять и совращаетъ человѣка,

котораго Господь устроилъ въ рай. Такъ какъ *regina angelica* отдалась насильнику, она принуждена раздѣлить его изгнаніе, тогда какъ *natura humana* призвана къ вѣнцу; но прежде чѣмъ вѣнецъ изготовленъ, первая обманно похищаетъ у второй ея украшеніе: послушаніе Божьей заповѣди, и *natura humana* въ свою очередь изгнана изъ рая, скитается на землѣ, и исполнны вовлекають её все болѣе и болѣе въ пороки, пока женихъ, сжалившись надъ нею, ни истребилъ потопомъ ея враговъ и не отдалъ ея на воспитаніе—Ною (Ехрос. I. с. 353—4; Spec. I. с. 1084).

Это Гульвейга: Евва и вавилонская блудница, сунамитянка и *natura humana*, изгнанная и скитающаяся послѣ первой народной войны на землѣ: *primum bellum civile*; какъ объ Одигѣ въ 13-й строфѣ говорится, что онъ метнулъ копье, такъ и о царѣ Славы, который *cum tygarro hujus mundi principe propria manu concreditur* (Spec. I. с. 1095). Замѣтимъ кстати, что у Гонорія это говорится—не о первой войнѣ на землѣ, а о Спасителѣ, низвергшемъ въ преисподнюю князя міра сего.

Указанное объясненіе приготовляетъ и слѣдующее: война Азовъ съ Ванамъ, разрушившими ограду вокругъ замка Азовъ (строфа 13)—не что иное, какъ борьба падшихъ ангеловъ противъ Господа, притязавшихъ на одинаковую власть и почтеніе (строфа 12; сл. стр. 101). Ваны, въ сущности, альфы, идеализованные въ боговъ, но эта идеализація поздняя, общее имъ названіе Вановъ принадлежитъ изобрѣтенію позднѣйшихъ ученыхъ скальдовъ — что вовсе не доказано; ихъ борьба съ Азами сложилась по типу христіанскихъ представленій о возмущеніи ангеловъ, понятномъ, какъ ихъ война противъ Бога, хотя въ основѣ могли лежать какія-нибудь языческія преданія о распряхъ Вановъ именно съ Азами (сл. стр. 102—108). Этихъ преданій мы не знаемъ; допуская ихъ существованіе, Мейеръ открываетъ вопросъ: на сколько ихъ содержаніе представило вліяніе созвучнаго, христіанскаго. Такое взаимодѣйствіе онъ допускаетъ (стр. 110 слѣд.) для слѣдующаго эпизода *Völuspá*, строфы 14—15: намѣченные въ нихъ событія принадлежатъ старому

индогерманскому мотиву, который въ прозаической Эддѣ рассказываетъ такимъ образомъ: боги договорились съ исполномъ, что онъ построитъ для нихъ крѣпкій замокъ, а они отдадутъ ему за то Фрею, солнце и мѣсяцъ; по совѣту Локи они разрѣшили строителю пользоваться при этомъ помощью его жеребца *Svaðilfari*. Уже постройка подходитъ къ концу — и боги задумались: кто это имъ посоветовалъ отдать великанамъ Фрею (дѣву Ода, *Völ. 14*), замутить воздухъ? Локи чувствуетъ вину за собой: обратившись въ кобылу, онъ увлекъ за собою исполнова жеребца, такъ что тотъ не былъ въ помощь своему хозяину, а боги, презрѣвъ клятвы, призвали Тора, который ударомъ молота отправилъ великана въ *Nifheim*. — Къ такому или подобному мѣру о созданіи замка присоединилось символическое толкованіе рассказа о вавилонскомъ столпотвореніи (стр. 108 слѣд.). Въ Быт. XI башню строятъ люди; Иосифъ Флавій (*Ant. Jud. I, с. 5*) ввелъ вмѣсто нихъ представленіе объ исполинахъ — и о Немвродѣ, въ которомъ Исидоръ Севильскій видѣлъ символъ дьявола. Но главнымъ показателемъ и здѣсь является Гонорій: у него (*Summa Gloria, с. 2, l. с. стр. 1261*) является «*gigas, qui turrim Babel construxit contra Deum, in qua primus in mundo tyrannidem arripuit*»; въ другомъ мѣстѣ (*Spec. l. с. 1095*) говорится о Спасителѣ, что онъ «*Babyloniam publice rebellem cum rege suo omnique populo in stagnum ignis et sulphuris praecipitabit, sponsam suam hic diu peregrinam, imo captivam, gloria et honore coronans sibi copulabit*». — Дѣю идетъ о невѣстѣ-церкви; Мейеръ (стр. 110), очевидно, предполагаетъ символизмъ плѣненной грѣхомъ души, *captiva anima*, ибо такимъ образомъ получается связь съ ея появленіемъ въ предыдущихъ строкахъ *Völuspá*: это знакомый намъ образъ *patra humana*, изгнанной въ пору первой борьбы на свѣтѣ изъ рая на землю, увлеченной въ грѣхъ гигантами, находящейся въ вавилонскомъ плѣненіи и подъ конецъ освобожденной; это *Gollveig'a*, вначѣ дѣва Ода, въ которой Мейеръ (стр. 112) открываетъ *einem überwiegend christlichen Charakter*, хотя именно она и не была въ плѣну какъ невѣста Христа: еѣ только объ-

щали отдать въ *награду* за построение замка = вавилонской башни, воздвигнутой *противъ воли* Божества, пославшаго на строителей смѣшеніе языковъ. Мейеръ усматриваетъ отраженіе в этой черты въ строфѣ 15-й: «нарушены были клятвы, обѣты, слова, договоры» и т. д. Это объясняется въ мифѣ появленіемъ Тора; но при чемъ тутъ смѣшеніе языковъ?

Едва-ли во всѣхъ этихъ параллеляхъ отличія не перевѣшиваютъ соответствій: послѣднія держатся и кажутся вразумительными лишь на столько, на сколько они приготовлены предыдущими толкованіями Гульвейги, которое авторъ сводитъ (стр. 114) къ слѣдующимъ общимъ чертамъ, отвѣчающимъ содержанию строфъ 10—15: невѣста Христова = человѣческая душа поддается грѣху и изгнана изъ рая въ пору первой мировой войны: возмущенія ангеловъ противъ Господа. Мѣсто плѣненія ея—въ Вавилонѣ, гдѣ она еще болѣе погрязаетъ въ грѣховности, а великаны — кощунствуютъ, возводя свою грозную постройку, пока Господь не вступился снова, смѣшавъ языки, низвергнувъ исполновъ въ адъ, а невѣсту воспринявъ въ небесныя селенія къ возлюбленному, съ которымъ она такъ долго была разлучена.

Если и допустить это толкованіе, то оно вызоветъ тотчасъ же вопросъ—о композиціи *Völuspá*, о яркой противоположности строфъ 3—8 къ тѣмъ (стр. 10—15), которыя открываются появленіемъ Гульвейги. Содержаніе первыхъ эпическое и, по толкованію Мейера, библейское: рассказъ идетъ о созданіи свѣта и людей. Строфы о Гульвейгѣ продолжаютъ этотъ рассказъ: связь съ предыдущимъ — въ фактѣ грѣхопаденія, за которымъ должно послѣдовать изгнаніе прародителей, вавилонское столпотвореніе и т. д., но всё это является въ *символическомъ* обобщеніи, не считающемся съ послѣдовательностью фактовъ и смѣло соединяющемъ ихъ внѣ времени по идеѣ прообразованія. Изложеніе является не только пролептическимъ, захватывающимъ впередъ, что нерѣдко въ поэзіи Эдды, но предполагаетъ въ читателѣ знакомство съ событіями, едва намѣченными въ текстѣ: не зная мифа объ исполнѣи и Фреѣ, нельзя понять ал-

люзіи на него въ 14—15 строфахъ; не зная библейскихъ сказаній и не будучи посвященнымъ въ капризные тайны средневѣковой символики, никто не понялъ-бы Гульвейги, въ одно и то-же время Еввы и грѣшной души и *salix augea* Вавилона — если всё это въ ней подразумѣвается. Публика, къ которой обращался христіанинъ, авторъ *Völusrá*, если она обходилась безъ его толкованія, была очевидно посвящена въ эти тайны и раздѣляла его вкусы къ причудливой маркетеріи изъ обрывковъ народнаго мифа и библіи и христіанскихъ иносказаній.

Какъ видно, мы снова возвращаемся къ сомнѣнію, выраженному уже разъ: о психологической мыслимости такого автора и такой публики. Мы скорѣе представимъ себѣ перваго на такой стадіи двоевѣрія, въ которой языческій матеріалъ еще преобладаетъ, но уже открылся безсознательному вліянію христіанскихъ образовъ и вѣроученія. Подъ руками такого автора народный космогоническій мифъ сблизится съ библейскимъ, мировое древо приметъ формы райскаго—крестнаго, война Азовъ съ Ванамъ явится, быть можетъ, отраженіемъ легенды объ отпадшихъ ангелахъ и т. д. Съ этой точки зрѣнія мы поняли бы, что и Гульвейгу могли сблизить съ Еввой и т. д.; я плохо вѣрю въ это толкованіе, но полагаю вѣроятнымъ, что Гульвейга, трижды заколотая, трижды сожженная, принадлежала какому-нибудь, неизвѣстному намъ языческому мифу, прежде чѣмъ стать — *salix augea* Вавилона. Я, впрочемъ, не вижу особой нужды настаивать на значеніи *veig* = *salix* именно въ данномъ случаѣ, когда *veig* встрѣчается въ окончаніи и другихъ собственныхъ женскихъ именъ: *Þórveig*, *Sólveig*, *Almveig*.

4 (*Спасеніе грѣшной души распятымъ Спасителемъ*). До сихъ поръ вѣщательница говорила отъ себя въ первомъ лицѣ: я знаю; въ строфѣ 16-й она снова заявляетъ о себѣ, но въ третьемъ: Она знаетъ. Такое чередованіе, повторяющееся и далѣе (сл. строфы 20 и 21), объясняется особенностями пророческаго стиля (стр. 115). Новыя видѣнія, наполняющія 16—18 строфы, переносятъ насъ, между воспоминаніями прошлаго и откровеніями о граду-

щемъ, къ центральному таинству христіанства: таинству креста и эхаристіи. Выше (стр. 4 слѣд.) мы сообщили содержанія этихъ видѣній и нашъ взглядъ на экзегетическіе приемы г. Мейера. Затрудненіе представляетъ слѣдующее: на стр. 115 Мейеръ говоритъ, что въ 16-й строфѣ выступаетъ *vqlva*, на стр. 130—1 оказывается, что въ 16—19 строфахъ является не она—а та-же Евва, невѣста Христова, душа или *Vita*, Церковь: она то и созерцаетъ распятіе и воду, истекающую отъ ребра Спасителя; она-то въ строфѣ 17-й сидитъ одиноко, когда старый, грозный Азъ пришелъ и посмотрѣлъ ей въ глаза. Мейеръ сравниваетъ Гонорія *Expos. in Cant. Cant. l. c.* стр. 360, 361, 379: *Fidelis anima, sponsa Christi, cogitans ubi fuerit, ubi erit, ubi sit, ubi non sit, scilicet, quod in originali et actuali peccato fuerit, quod in tremendo iudicio Dei erit, gemens et tremens dicit. . . . Ille qui in mea carne in dextera Patris sedet, meus advocatus, justus iudex me de peccatis dolentem, de iudicio suo trementem, visitando osculetur. . . . Christus in carne adveniens dicit sponsae. . . . O anima mea, cui omnia secreta mea nota feci. . . . quia oculi tui sunt simplices ut oculi columbarum, scilicet ut prophetae et apostoli.* — Такъ сидитъ, въ указанныхъ строфахъ, и *sponsa Vqlusrá'ы*, когда къ ней приходитъ старый Азъ: ветхій деннми Даниила 7, 15, какъ полагаетъ (стр. 132) толкователь, указывающій, что уже въ Апокалипсисѣ I, 13 (—14) этотъ эпитетъ приложенъ къ Христу, что, однако, не оправдывается текстомъ. Дальнѣйшія подробности о сѣверной «сponsa» также возводятся къ Пѣснѣ Пѣсней и комментарию Гонорія: «Сыновья матери моеи разгнѣвались на меня, поставили меня стеречь виноградники» (I, 5), говоритъ невѣста Пѣсни Пѣсней; оттого одиночество и жалобы сѣверной *sponsa*, объясняетъ Мейеръ (стр. 132), находя знаменательнымъ вопросъ, съ которымъ въ 17-й строфѣ поэмы она обращается ко *мноимъ*: О чемъ спрашиваете, о чемъ пытаете меня? — Мейеръ, очевидно, имѣетъ въ виду «сыновей матери»; но если въ Пѣсни Пѣсней вопросъ обращенъ къ нимъ, то въ *Vqlusrá* онъ не только не знаменателенъ, а и неполя-

тень. — Ближе къ Пѣснѣ Пѣсней и ея комментаріямъ черта, что (въ строфѣ 19) Однѣмъ даетъ «невѣстѣ» кольца и ожерелья и даръ мудрыхъ рѣчей и вѣщныхъ прорицаній. Сл. Пѣсн. Пѣсн. I, 9: шея твоя въ ожерельяхъ; 10: золотыя подвѣски мы сдѣлаемъ тебѣ съ серебряными блестками. Гонорій I. с. стр. 376, 375 толкуеть: ожерелье — «interior sensus, variis sententiis et pretiosis lapidibus insignitus, in auribus ejus est obedientia, auro sapientiae et argento scientiae decorata». Всё это иносказаніе очутилось въ сѣверной переработкѣ—мудрыми рѣчами и вѣщными прорицаніями: онѣ то даютъ невѣстѣ возможность далеко видѣть въ будущемъ—которое и раскрывается намъ далѣе, до конца поэмы, въ рядѣ широко-очерченныхъ видѣній: отъ «кровавой» жертвы Спасителя до обновленія земли по кончинѣ міра. И этотъ планъ предвосхищенъ Гоноріемъ (I. с. стр. 376) въ другомъ мѣстѣ его толкованій на Пѣсню Пѣсней I, 10: *Aurum, id est faciem meam in praesenti vita non poteris videre, sed similitudinem coelestis claritatis per illuminationem Scripturarum videbis per speculum in aenigmate, donec omnibus appareat, quod nunc latet in divinitate.* Если редакторъ Voluprá воспользовался этимъ указаніемъ, то сознательно или нѣтъ, понялъ его по своему: въ этой жизни ты не узришь лица моего, говорится въ комментаріи, а лишь подобіе небеснаго свѣта въ иносказаніяхъ священнаго писанія. Но вмѣсто нихъ передъ нами развертывается рядъ—*видѣній*. Кому онѣ представляются—вотъ вопросъ, созданный толкованіемъ Мейера: если въ строфахъ 16—19 образъ vqlva'ы уступилъ мѣсто душѣ, невѣстѣ Христовой, и ей именно дается даръ пророчества и видѣній, то и слѣдующія должны принадлежать ей, а не vqlva'ѣ. Оказывается однако (стр. 133), что мы ошиблись: пророчица 19-й строфы всё та-же вѣщая жена, и мы не можемъ не пожалѣть, что авторъ не объяснилъ намъ подробнѣе свой взглядъ на это загадочное чередованіе или, быть можетъ (?), смѣшеніе двухъ представленій въ одномъ образѣ.

Въ томъ, что пророчить на первыхъ порахъ vqlva, Мейеръ дѣлаеть нѣсколько значительныхъ выключеній, вѣня ихъ по-

двѣйшей интерполирующей переработкѣ. На сколько эти выключенія мотивируются соображеніями стиха и стила — мы ихъ не касаемся, ибо это вопросъ обоюдоострый, допускающій широкій, личный произволъ. Такъ напр. устраняется строфа, открывающая рядъ видѣній: о валькиріяхъ, несущихся издалека на землю, устраняется, какъ шестистрочная (что, можетъ быть, и поправимо) и сознательно мифологизирующая, что не въ стилѣ составителя Vǫlusrá, хотя, замѣчаетъ Мейеръ (стр. 134), явленіе валькирій и шло-бы, какъ зловѣщее знаменіе, къ раскрывающейся затѣмъ катастрофѣ: роковой долѣ Бальдра-Христа и наказанію Локи-Сатаны. Но вотъ что представляется необъяснимымъ — въ объясненіяхъ Мейера, если также не забѣжать къ концу его книги и не ознакомиться съ воззрѣніями автора на личность интерполатора Vǫlusrá: судьба Бальдра и Локи внушена Апокалипсисомъ гл. 19, 11—20, 3; въ 14-й главѣ являюся одинъ за другимъ 6 ангеловъ, вѣщающихъ грядущій судъ, въ 16-й — семь ангеловъ, изливавшихъ на землю чаши Божія гнѣва. Мейеръ считаетъ возможнымъ, что именно эти апокалипсическіе ангелы и внушили интерполатору образъ его валькирій (стр. 136), что, стало-быть ему былъ извѣстенъ источникъ, которымъ пользовался для даннаго эпизода авторъ Vǫlusrá'ы, и онъ обратился къ нему-же, чтобы пополнить картину, но заимствованіе замаскировалъ — образомъ воинственныхъ дѣвъ сѣвернаго мифа. Это возможно, но обусловлено рядомъ такихъ искусственныхъ комбинацій, что граничатъ — съ нелепостью.

За вычетомъ валькирій, vǫlva'ѣ видится тайная судьба сына Одина, Бальдра, «*кровью обареннаго бога*»; такъ понимаются слова: blóruǫt tívorr (стр. 137—8). Сл. Апок. 19, 13: Онъ былъ облеченъ въ одежду, *обаренную кровью*.— *Baldr* въ сложныхъ словахъ (folk-, her-baldr) означаетъ: *юснодимъ*, князь; сл. Апок. 19, 16: царь надъ царями и *Господь надъ юснодами*. Къ этому сводится всё, что о Бальдрѣ=Христѣ заимствовалъ изъ Апокалипсиса авторъ Vǫlusrá, ибо для критики послѣдней не имѣютъ

значенія сопоставленія (стр. 138—9) другихъ подробностей Апокалипсиса о Христѣ—съ чертами, которыми въ сѣверномъ мифѣ изображался Бальдръ.

Интерполяторъ Völuspá не могъ удовлетвориться сдержаннымъ, краткимъ указаніемъ автора (сл. стр. 156: nach seiner discreten, kparren Weise) на «тайную судьбу сына Одинова, Бальдра, кровью обогрениаго бога»—и развилъ его изъ другихъ, очевидно, общезвѣстныхъ мифовъ, ибо ихъ содержаніе онъ лишь намѣчаетъ. Рассказывали, что желая отвратить отъ Бальдра смертную долю, его мать, Фригга, взяла клятву со всего на землѣ, звѣрей и растений и камней, съ огня и воды, болѣзней и ядовъ—что они не стануть вредить Бальдру; забыта была одна лишь омега. Боги радуются и въ шутку начинаютъ метать въ Бальдра чѣмъ попало, а Локи направилъ руку слѣпаго Норг'а, брата Бальдрова, вооруживъ его вѣткой омелы: она попала въ дѣлѣ, и Бальдръ палъ мертвымъ.—Мейеръ (стр. 156 слѣд.) принимаетъ толкованіе этого мифа, предложенное Бугге: Норгъ—это слѣпой Лонгинъ поздней христіанской легенды, копьемъ прободшій, по наущенію дьявола, распятаго Спасителя; Апокалипсисъ I, 7 говорятъ о многихъ, *произвошихъ его*; съ этимъ слилась память о многихъ, истязавшихъ Христа въ преторіи (?). Все это отложилось въ сѣверномъ мифѣ образами Бальдра = Христа, Норг'а = Лонгина, Локи = дьявола и стрѣляющихъ въ запуски боговъ. Еврейское Toledoth Jeshu, полемическое сочиненіе противъ христіанства, составившееся, быть можетъ, уже въ IV—V вѣкахъ, дало новыя черты: по сообщаемой здѣсь легендѣ Іешу = Іисусъ беретъ клятву со всѣхъ деревьевъ, почему, когда его хотять повѣсить, предварительно убивъ его камнями, ни одно не держитъ его, ибо раскалывается въ щепы; тогда Іегуда (Иуда) приноситъ изъ своего сада заблаговременно приготовленное имъ особое дерево (кочерышку капусты), на которомъ и вѣшаютъ Христа. Эта кочерышка очутилась на сѣверѣ—вѣткой омелы.

Слѣдующая за тѣмъ подробность, также внесенная, по мнѣнію Мейера, интерполяторомъ (стр. 159—161), остается загадоч-

ной, и самъ Мейеръ отчаявается въ ея объясненіи. Кто этотъ однонощный сынъ Одина, убивающій противника, врага Бальдра? И кого разумѣть подъ врагомъ? Мейеръ разбираетъ этотъ вопросъ въ связи съ разночтеніемъ, принятымъ Мюлленгофомъ; вмѣсто двухъ первыхъ стиховъ (нашей) 21-й строфы, Мюлленгофъ читаетъ:

rá kná Vala vígbond anía,
heldr vora harðgog hort ór þogmóm.

Если вѣрна конъектура Бугге къ Baldrgdraumr 11, то Vali или Váli и есть тотъ таинственный сынъ Одина. Въ такомъ случаѣ онъ, очевидно, убиваетъ не Лонгина = Норг'а, и подъ врагомъ Бальдра разумѣется Локи = Сатана. Мейеръ предполагаетъ, вмѣстѣ съ Виборгомъ и другими, что Vali = избранный сложился по образу Михаила = *dux electorum*, къ чему могли быть приобщены и нѣкоторые черты, служащія къ характеристикѣ Христа. Михаилъ дѣйствительно представлялся противникомъ дьявола какъ *ἐξουῆν*; но представлялся-ли онъ братомъ Христа, какъ Сатанамъ богумильскаго вѣрованія? Къ строфѣ 21-й мы еще вернемся, а пока не можемъ не поѣтовать на Мейера, что онъ ни однимъ словомъ не объяснилъ намъ поводовъ, заставившихъ его признать интерполированными строфы, содержаніе которыхъ мы только что разобрали. Причины такого пониманія и выключенія я не вижу — и убогимъ представляется намъ измышленіе составителя Völuspá, ограничившаго свои заимствованія изъ Апокалипсиса двумя эпитетами и сведшаго свои вѣщанія о крестной смерти Спасителя къ такой непоэтической строфѣ: «Я знаю Бальдра, обогрениаго кровью бога, сына Одина, тайную судьбу. Фригга плакала въ Фенсалахъ о горѣ Валгаллы». Фригга здѣсь, очевидно, Богородица, говоритъ Мейеръ; въ основѣ облачная богиня = мать, представлявшаяся во время дождя плачущей въ своихъ облачныхъ палатахъ, Fensalir? (стр. 158).

Изъ того, что слѣдующая 21-я строфа снова возвращаетъ насъ, по мнѣнію Мейера, къ Апокалипсису, мы вправѣ, быть

можно, заключить, что поводомъ къ указаннымъ выше этетозамъ было — единство предполагаемаго источника, связывающаго образъ обгаейнаго бога — съ образомъ его связаннаго противника; отсюда — заключеніе, что все рассказанное посредникъ, какъ слѣдующее другимъ преданіямъ, не принадлежитъ тому-же автору.

21-я строфа открывається двустипіемъ:

Hart á liggja und hvega lunde
ággjarnlíka, Loka órekkan.

«Она видѣла связаннымъ, лежащимъ въ лесу горячимъ ключемъ, образъ коварнаго, ненавистнаго Локи». Такъ понимаютъ hvega lundr: гѣсь, мѣстность съ горячими ключами, Мюлленгофъ и Бугге, имѣя въ виду извѣстныя явленія исландской природы. Такъ какъ это указаніе на Исландію отнесло-бы составленіе *Völuspá* ко времени послѣ 1000-го года, что не согласно съ воззрѣніями Мюлленгофа, то онъ и предпочелъ внести въ свой текстъ указанное выше разночтеніе. Если принять въ немъ *Vali* за названіе Одинова сына и читать въ первомъ стихѣ *sníðak* вмѣсто *sníða*, мы получимъ такой смыслъ: «Тогда сновались бранныя путы Вали, очень крѣпко были сдѣланы цѣпи изъ кишечъ». Сл. къ этому *Gylfag.* § 54, гдѣ, впрочемъ, *Vali* является сыномъ Локи. Если не считаться съ этимъ толкованіемъ, какъ позднимъ и фантастическимъ (сл. Мейеръ 161), то изъ обонхъ вариантовъ двустипій получится такой смыслъ: «Локи лежалъ, связанный крѣпкими путами Вали». Мейеръ (139) указываетъ на Апокалипсисъ 20, 1—3: «И увидѣлъ я ангела, сходящаго съ неба, который имѣлъ ключъ отъ бездны и большую цѣпь въ рукѣ своей.—Онъ взялъ дракона, змія древянаго, который есть діаволъ и сатана, и сковалъ его на тысячу лѣтъ. — И низвергъ его въ бездну и заперъ его и приложилъ печать». Напомнимъ, что въ Апок. 12, 7 сказано: «И сдѣлалась на небѣ война. *Михамъ* и ангелы его воевали противъ *дракона*, и драконъ и ангелы его воевали. — 9 И низверженъ большой драконъ, древній змій, который называется діаволъ и сатана. . . . на землю».

Мейеръ, относящій составленіе *Völuspá* къ значительно

богѣ позднему времени, не пугается «лѣса горячихъ ключей»; но и не удовлетворяется и заключающимся въ нихъ указаніемъ на исландскія отношенія. Нвега lundr напоминаетъ ему евр. Dudael = котловина Божія отреченной книги Эноха (стр. 141), ибо hvegr означаетъ не только горячій ключъ, но и котелъ. Книга Эноха служитъ автору точкой отправленія для объясненія не только связаннаго Локи, но и его мифическаго отродья: волка Фенри, мірового змѣя и Гелы. Комментируя эти образы, Мейеръ по необходимости переходитъ за предѣлы того, что о нихъ сообщаетъ текстъ Völusrá; тѣмъ не менѣе его соображенія интересны, хотя получены они нерѣдко путемъ натяжекъ. Въ результатѣ ихъ Локи оказывается—падшимъ ангеломъ Азавіелемъ, что, какъ увидимъ, не много прибавляетъ къ предположенному Бугге отождествленію: Локи = Луцифера; міровой змѣй = Левіафаномъ, что также высказано было и другими, хотя и не такъ полно мотивировано.

Отрывки, приводимые авторомъ изъ книги Эноха, у него разбросаны. Я сообщу ихъ въ связи ¹⁾.

Когда размножились сыны человѣческіе и у нихъ родились красивыя дочери, сыны неба, ангелы прельстились ими и родили отъ нихъ дѣтей—исполиновъ. Главнымъ начальникомъ и вождемъ падшихъ ангеловъ является Самъїяза: Исполны пожирали все, что производили труды людей, бросаясь и на нихъ и на звѣрей, чтобы пожирать ихъ, такъ что земля возстала на нечестивыхъ. А отъ падшихъ ангеловъ распространилось развращеніе по всей землѣ: Азazelъ научилъ людей дѣлать мечи, ножи, щиты, брони, зеркала, запястья и разныя украшенія; научилъ расписывать брови, употреблять драгоценныя камни и всякаго рода украшенія; Амесаракъ научилъ волшебству и очарованіямъ и т. д. Тогда Михаэль, Гавріэль, Рафаэль и Уріэль, увидѣвъ на землѣ

---

¹⁾ Сл. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 201 слѣд.; Смирновъ, Книга Эноха (Казань, 1868), стр. 270 слѣд.

потоки крови и всякія злодѣянія, возвѣстили Всевышнему о томъ, что сдѣлали падшіе ангелы. Тогда Всевышній послалъ Арсѣялайюра къ сыну Ламеха: Возвѣсти ему отъ моего имени объ угрожающемъ великомъ разрушеніи — ибо вся земля погибнетъ; воды потопа разольются по всей землѣ, и все, что на ней, погибнетъ. Но ты укажи ему, какъ онъ можетъ спастись. — Потомъ Господь сказалъ Рафану: Свяжи Азазела ¹⁾ и положи его во мракъ; сдѣлай отверстіе въ пустынѣ, которая находится въ Дудалѣ, и опусти его туда. И положи на него грубый и острый камень и покрой его мракомъ, чтобъ онъ оставался тамъ навсегда, и закрой ему лицо, чтобы онъ не смотрѣлъ на свѣтъ. И въ великій день суда онъ будетъ брошенъ въ жаръ (въ геенну). — Подобное порученіе дано Гаврину — и Михаилу, который долженъ возвѣстити Самъйязѣ о наказаніи, ожидающемъ его и его сообщниковъ въ преступленіи: «свяжи ихъ подъ холмами земли на 70 родовъ до дня суда надъ ними и до окончанія родовъ».

Въ 54-й главѣ Энохъ видитъ долину, горящую пламенемъ; тамъ были орудія, цѣпи желѣзныя безмѣрнаго вѣса: они приготовлены для воинства Азазела, когда ангелы бросятъ ихъ въ горящую печь, въ наказаніе за ихъ преступленія. Въ день суда надъ нечестивыми выйдутъ пожирать ихъ два чудовища, одно мужскаго, другое женскаго пола. Чудовище женскаго пола называется Левіаѳаномъ, оно обитаетъ во внутренностяхъ моря, надъ источниками водъ; чудовище мужскаго пола называется Бегемотомъ; оно живетъ въ необитаемой пустынѣ Денданнѣ.

Откровенія Ноя, наполняющія 65—69-ую главы книги Эноха, повторяютъ съ отличіями кое-что изъ рассказаннаго выше: перечисляются имена падшихъ ангеловъ, но въ перечнѣ есть отличія и колебанія; первымъ обозначенъ Самъйязъ. Въ 85-й

¹⁾ Въ книгѣ Левитъ по еврейскому тексту 16, 8 именемъ Азазель называется козелъ отпущенія. У магометанъ Азазель—имя высшаго ангела, который послѣ паденія названъ сатаномъ. Порфирьевъ, I. с. 202, прим. 1; Смирновъ, I. с., стр. 277 прим. къ 8-й главѣ.

и слѣд. главахъ, въ иносказательномъ видѣніи, представляющемъ, въ подражаніе книгѣ Давида, всѣхъ людей подъ образомъ животныхъ, ввошь пересказывается легенда о смѣшеніи падшихъ ангеловъ съ дочерьми человѣческими — и ихъ наказаніи. Эпохъ видѣть вышедшаго изъ земли бѣлаго тельца = Адама, телуцу = Еву, чернаго и краснаго тельцовъ = Кайна и Авеля и т. п.; тельцами являются и потомки Кайна и Сета, черные и бѣлые. Нѣсколько звѣздъ упало съ неба, стали пастись среди воловъ и съ тельцами, зачавшими отъ нихъ слоновъ, верблюдовъ и ословъ. Эпоху представляется въ свовидѣніи Божій судъ надъ неправедными: четыре бѣлыхъ мужа сходятъ съ неба, схватываютъ звѣзды, ниспавшія съ неба, и бросаютъ ихъ въ пропасть земли.— Далѣе то-же иносказаніе продолжается: бѣлымъ тельцомъ является и Авраамъ; отъ него родились онагръ и бѣлый волъ: Измаиль и Исаакъ; отъ бѣлаго вола родились черный вепрь и бѣлая овца: Исавъ и Иаковъ и т. д.

Обратимся къ попыткѣ Мейера: истолковать видѣніями Эпоха мнѣ о наказаніи Локи и вообще мнѣ о немъ. Онъ видѣть въ немъ отраженіе Азазела, котораго возводитъ въ главы падшихъ ангеловъ (стр. 140—141), что не оправдывается текстомъ Видѣній. Азазелъ научаетъ людей дѣлать мечи, ножи, зеркала и т. д.: Локи заставляетъ дверговъ изготовлять подобныя-же подѣлки—но для боговъ, замѣчаетъ Мейеръ (стр. 142), что далеко не то-же, какъ и наказаніе Азазела далеко не отвѣчаетъ карѣ, постигающей Локи въ *Völuspá* и *Снорровой Эддѣ* (стр. 140); соблазнительнымъ, въ смыслѣ сближенія, является лишь этимология *Dudael: hvega lundr*. И далѣе Мейеръ выдѣляетъ Азазела изъ сонма падшихъ ангеловъ, ибо лишь при такой постановкѣ мыслимъ его параллелизмъ къ Локи. Порожденіями Локи является конь Одина, *Sleipnir*¹⁾, чудовища: волкъ Фенри и миро-

¹⁾ Мейеръ, стр. 142, указываетъ еще на мнѣ, по которому Локи пребываетъ подъ землею въ видѣ теленка коровы. Разумѣется, вѣроятно, *Leiknanna* 28, гдѣ Одинъ говоритъ Локи: восемь зимъ былъ ты подъ землею оху

вой зміѣй — и Гела-смерть; ангелы, падшіеся съ смертными женами (Мейеръ, стр. 148, выдѣляетъ и здѣсь, но безъ видимаго права, Азазела), порождаютъ исполиновъ, по Синкеллу: гигантовъ, «гиганты же родили Нафлимовъ, а у Нафлимовъ родился Еліудъ» (стр. 141); о Бегемотѣ и Левіаѳанѣ нѣтъ рѣчи. Между тѣмъ Мейеръ (стр. 149) выражаетъ гипотезу, что Бегемотъ и Левіаѳанъ лишь другое выраженіе для гигантовъ и ихъ отродья, и получаетъ соотвѣтствіе: Бегемотъ, Левіаѳанъ и Eliud = Фенри, міровой зміѣй и Гела, покой которой и зовется въ *Gylf. 34: Eljūdpir: Eliud* (стр. 150). Ясны поводы къ такому сближенію, видимо держащемуся на заманчивомъ созвучіи: *Eljūdpir = Eliud*: Мейеръ припомнилъ слоновъ, верблюдовъ и онагровъ, порождаемыхъ падшими ангелами — и Азазеломъ; такимъ-же звѣринымъ типомъ отличается и отродье Локи. Но не надо забывать, что въ книгѣ Эноха эти образы не заключаютъ въ себѣ ничего отрицательнаго, чудовищнаго: дѣло — въ иносказаніи, простирающемся и на Адама — вола и на овцу — Іакова, что не даетъ повода ни къ какимъ заключеніямъ — въ смыслѣ Мейера. Если намъ отвѣтятъ, что виноватъ въ такомъ пониманіи не Мейеръ, а авторъ *Völuspá*’ы, то это прибавитъ лишь новую загадочную черту къ его литературной личности, какъ представляетъ её себѣ Мейеръ. Чѣмъ она исключительнѣе, тѣмъ менѣе вѣрнѣяема; за то не вѣрнѣяема — и критикѣ.

Со всѣмъ тѣмъ мы не отрицаемъ вліянія библейско-христіанскихъ Бегемота и Левіаѳана на какія-нибудь народныя зооморфическія представленія, давшія въ результатѣ образы Фенри и міроваго зміѣя. Я только говорю, что эти сближенія, уже давно сдѣланныя, получены были не на почвѣ — книги Эноха. Въ какомъ видѣ стала она извѣстна автору *Völuspá* — Мейеръ не поясняетъ: знакомая писателямъ первыхъ вѣковъ христіанства,

---

volkandi ok kopa, что можно перевести: доющимъ коровъ и женою (т. е. въ образѣ доящей жены), либо: дойной коровой и женою. Мыслимо единственно первое, хотя относящагося сюда ижеа мы и не знаемъ.

она извѣстна была впоследствии, до открытія ея эоіопскаго текста въ 1773 году, лишь по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ хроникѣ Георгія Синкелла.

Послѣ долгаго экскурса, вызваннаго таковымъ-же у Мейера, вернемся къ 21-й строфѣ *Völuspá*: Локи лежатъ, связанный, у него сидитъ, нерадостная, жена его Сигинь. Споррова Эдда (сл. стр. 154 слѣд.) рассказываетъ: надъ Локи повѣшена змѣя, ея ядъ капаетъ на узника, но Сигинь не даетъ каплямъ дойти до него, собирая ихъ въ подставленную чашу. Мейеръ полагаетъ (стр. 155), что авторъ книги Эноха, создавая своего Азазела, погрязшаго подъ камнями, имѣлъ въ виду—Атласа, наказаннаго тѣмъ, что онъ обреченъ выносить тяжесть неба, и что авторъ *Völuspá*, преобразивъ Азазела въ Локи, обратился къ тѣмъ подробностямъ античнаго мифа, которые обойдены были книгой Эноха — и создалъ образъ Сигины, собирающей капли яда, изъ легенды о дочеряхъ Атласа, которыя усыпляютъ змѣю, обвивавшую древо Гесперидъ, наваяя еѣ изъ чаши соннымъ зельемъ. Самое имя Сигины не что иное, какъ искаженіе Гезіоны, жены Атласа. Далѣе (стр. 298) Мейеръ отказался отъ этого отождествленія—не отъ уравненія: Атласа: Азазела: Локи, относительно котораго мы повторимъ сомнѣніе, уже выраженное при другомъ случаѣ: мыслимо-ли, чтобы перескащикъ или подражатель (въ данномъ случаѣ авторъ *Völuspá*) могъ такъ вѣрно угадать источникъ (мифъ объ Атласѣ) своего оригинала (книга Эноха), не смотря на покровъ парафраза, что въ состояніи былъ обратиться къ нему самостоятельно съ цѣлію новаго заимствованія? Даже Мейеръ не можетъ воздержаться отъ выраженія своего удивленія (*Ueberraschung* стр. 155) къ такой пронзительности.

5 (*Адъ и Рай*). Пророческія видѣнія «небѣсты», «души», въ предыдущемъ отдѣлѣ свелись къ немногому: видѣнію обогрѣннаго кровью Бога, о которомъ плачетъ Фригга-Марія, и связаннаго Локи-Азазела, у котораго сидитъ жена его Сигина. Непосредственно за тѣмъ мы переносимся въ строфахъ 22—25 къ

образамъ райа и ада и разделяющей ихъ рѣки — какъ и въ христіанскихъ легендахъ обѣ области представляются сосѣдствующими другъ съ другомъ и также отдѣленными другъ отъ друга стѣной либо рѣкой (стр. 162). Страннымъ кажется, что имѣя въ виду такой распорядокъ, авторъ *Völusrá* началъ съ образа именно рѣки (строфа 22), страшной (*Slipr*; сл. стр. 165), влачащей ножи и мечи: подробность, напоминающая Мейеру (стр. 163) сходный образъ въ видѣннн Годескалька — и Виргилиевъ (Aen. 6, 540, 199) Флегетонъ, влекущій *vorantia* саха: онъ почти готовъ предположить (стр. 165), что *схотом* (ножами) сѣвернаго текста могло быть подсказано созвучнымъ *саха* Энеиды!

И такъ рѣка, адская, течетъ съ востока; такъ въ 22-й строфѣ, второй половины которой не достааетъ — и это затрудняетъ отвѣтъ на вопросъ: относительно рѣки или чего другого опредѣляется положеніе палатъ, описанныхъ въ слѣдующей, 23-й строфѣ. Одна изъ пихъ, золотая, стоитъ въ *Niravelli* къ сѣверу, другая въ *Ókolni*. *Müllenhoff* (*Deutsche Alterthumskunde* V, I, стр. 118) говоритъ, что выраженіе «къ сѣверу» имѣетъ въ виду вѣщающую *volva*'у: къ сѣверу отъ нея. Мейеръ не касается этого вопроса, представляющагося, именно съ его точки зрѣнія, существеннымъ: если рѣка и дворцы и все слѣдующее въ этомъ отдѣлѣ принадлежитъ христіанскому представленію, то обязательно было сосчитаться съ его топографіей. Я не помню, чтобы она помѣщала жилища блаженныхъ — на сѣверѣ, а, по мнѣнію автора, дворцы 23-й строфы являются именно таковыми: золотая палата и пиршественный, ближе: пивной покой, покой, гдѣ пьютъ. Синдри и Бримиръ — языческія арабески на постройкѣ христіанскаго характера: Синдри — показатель рода дверговъ, ковачей, извѣстныхъ своими подѣлками изъ золота; его имя и явилось въ связи съ золотой палатой, точно также какъ имя Бримира, старосѣвернаго великана, владѣтеля пивнаго котла, связалось естественно съ образомъ пиршественнаго покоя. Въ сущности золотая палата и покой, гдѣ пьютъ, принадлежатъ Видѣнію апостола Павла: онъ видитъ *городъ* блаженныхъ съ зо-

лотыми вратами, страну чистыхъ сердцемъ, блестящую паче золота и серебра, наконецъ *градъ* Божій съ рѣками *меда, млека, елея и вина*, уготованными для праведныхъ. Городъ съ золотыми вратами очутился золотой палатой, рѣки вина и т. д. дали сюжетъ для палаты Бримира. Остается вопросомъ: почему эти покои стоятъ на сѣверѣ и именно въ *Niðavellir*, т. е. въ *темныхъ долинахъ*: *zu Finsterfelden*, какъ переводитъ Müllenhoff (I. с. стр. 118)? Название пиршественнаго покоя *Ókolnir*: «не холодный» вызываетъ у Müllenhoff'a (I. с. стр. 120) идею никогда не замерзающаго океана, у Мейера (I. с. стр. 167) ничѣмъ не мотивированную параллель изъ книги Эноха 14, 9: образъ небесной палаты, окруженной пламенемъ и вмѣстѣ холодной, какъ ледъ, и изъ Беды: представлеиe адскаго огненнаго и вмѣстѣ студенаго зѣтра (стр. 168).

Христіанскіе мотивы подсказывались всякому, читавшему строфу 23-ю и слѣд.; одно время мнѣ казалось вѣроятнымъ, что аллитерація: погран — *Niravollum* явилась по ошибкѣ вмѣсто другой: *austan—Travollum*; *Travellir*—знакомое намъ изъ *Völuspá* выраженіе для рая — Эдема, который представляли себѣ на Востокѣ. Я ставлю это, какъ гипотезу, имѣя въ виду и другое рѣшеніе вопроса, о чемъ далѣе; темныя долины и «не-холодная» палата *на сѣверѣ* во всякомъ случаѣ не идутъ къ представленію обители блаженныхъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ Мейеръ (стр. 169), на сѣверѣ представляли себѣ именно адскія селенія. Онѣ описаны въ строфѣ 24-й: если о нихъ говорится, что ихъ двери обращены къ сѣверу, тогда какъ имъ естественнѣе открываться къ югу—для входящихъ, то Мейеръ (стр. 169—170) усматриваетъ въ этомъ отраженіе книги Іезекіиля — съ толкованіями блаженнаго Іеронима, которымъ, какъ оказывается, нерѣдко пользовался составитель *Völuspá*. Именно толкованія Іеронима могли дать поводъ перенести на тотъ свѣтъ видѣніе пророка, имѣвшее въ виду — иносказательное изображеніе дѣйствительности, Іерусалима и Іерусалимскаго храма. Огненный мужъ подвигъ Іезекіиля «между землею и небомъ и принесъ меня

въ видѣніяхъ Божіихъ въ Іерусалимѣ ко входу внутреннихъ вратъ, обращенныхъ къ сѣверу» (VIII, 3); онъ велитъ ему войти и посмотрѣть на мерзости, какія тамъ дѣлаются: «И вошелъ я и вижу, и вотъ всякія изображенія пресмыкающихся и нечистыхъ животныхъ, и всякіе идолы дома Израилева, написанные по стѣнамъ кругомъ» (VIII, 10): имъ поклоняются старѣйшины израильскіе. — Изъ главы XLVII 1—2 оказывается, что храмъ стоитъ лицомъ на востокъ, изъ подъ его праваго бока, по южную сторону жертвенника, течетъ вода также на востокъ; въ ту-же сторону ведетъ Іезекіиля и таинственный мужъ, выведя его изъ храма сѣверными воротами. «Когда тотъ мужъ пошелъ на востокъ, то въ рукѣ держалъ шнуръ и отмѣрилъ тысячу локтей и повелъ меня по водѣ; воды было по лодыжку» (16, 3), на слѣдующую тысячу локтей ея было по колено, далѣе по поясъницу, а далѣе нельзя было и идти. Эта вода сойдетъ въ равнину и войдетъ въ море, говоритъ мужъ, и воды его сдѣлаются здоровыми, и куда ни войдетъ этотъ потокъ, всё будетъ живо; по берегамъ его будутъ расти всякія дерева, листья ихъ не будутъ увядать, плоды не будутъ истощаться, и каждый мѣсяцъ созревать новые. — Чтобы покончить съ Іезекіелемъ, замѣтимъ, что «мерзости», о которыхъ говорится въ главѣ VIII, слѣдуетъ связать, по мнѣнію Мейера, съ указаніями гл. XXXIII 25—6: «вы ядите съ кровію и поднимаете глаза ваши къ идоламъ вашимъ и проливаете кровь... Вы опираетесь на мечъ вашъ, дѣлаете мерзости, оскверняете одну жену другого, и хотите владѣть землею». — Толкуя эти видѣнія, бл. Іеронимъ усматривалъ въ потокѣ, текущемъ на востокъ, — воду жизни и церковнаго ученія, *поминая*, по этому поводу «*aquae turbidae, coenosae, amarae*», назначенныя для *haeretici, versipelles* и *fraudenti*.

У насъ въ рукахъ главные матерьялы, изъ которыхъ сложились образы 24—5 строфы: изъ покоя въ храмѣ со стѣнами, расписанными изображеніями звѣрей и идиоловъ, сдѣлался адскій покой, сплетенный изъ змѣйныхъ хребтовъ; потокъ, текущій

на *восстокъ* сближается (стр. 169—70) съ рѣкой строфы 22-й, текущей *съ востока* и также непроходимой. Мученія грѣшниковъ именно въ адской рѣкѣ или рѣкахъ извѣстны изъ Видѣннн Павли (стр. 165) и средневѣковой легендарной литературы, но Мейеръ не дѣлаетъ заключеній, которыя естественно подсказываются при его сопоставленнн Sligr'a съ потокомъ Іезекііля: какъ въ послѣднемъ пророкъ погрязаетъ по лодыжку, колѣна и т. д., такъ и въ видѣннн Павли, грѣшники караются неравномѣрнымъ погруженіемъ въ рѣку (Arosal. Pauli, ed. Tischendorf, Aros. arosq. стр. 57). Дѣло въ томъ, что о Слдрѣ говорится въ 22-й строфѣ, о грѣшникахъ-же, бредущихъ въ тяжелыхъ волнахъ, въ 25-й, послѣ описанія адской палаты—и Мейеръ представляетъ себѣ, что эти волны находятся въ какомъ-то покоѣ, какъ у Heinricus Salteriensis, Purgatorium Patricii (стр. 167). Но къ такому пониманію образа ничего не обязываетъ.

Въ заключеніе этого обзора отмѣтимъ одно наше недоумѣніе: грѣшники 25-й строфы сближаются съ таковыми-же у Іезекііля XXXIII, 25—26, гдѣ говорится и о человѣкѣ, оскверняющемъ жену другого. Тоже и въ 25-й строфѣ Vqlusrá—но въ стихѣ, признаннымъ за интерполированный, между прочимъ, и Мейеромъ. Г. Мейеръ (стр. 170) пораженъ не только этимъ совпаденіемъ вообще, но и тѣмъ, что и тамъ и здѣсь говорится въ единственномъ числѣ—о совратившемъ. Мы опять приходимъ къ вопросу о чудесной прозорливости интерполятора, и здѣсь съ точностью угадавшаго источникъ, изъ котораго черпалъ авторъ сѣверной поэмы въ этомъ эпизодѣ.

Къ мученіямъ грѣшниковъ въ христіанскомъ аду относится и ихъ терзаніе, напр. змѣемъ. Въ 25-й строфѣ Vqlusrá роль терзающихъ звѣрей предоставлена волку и змѣю Nírhoggr. Въ волкѣ Мейеръ склоненъ признать германскій элементъ (стр. 169), но онъ не устоялъ противъ сближенія волка и Nírhoggr'a съ Fenrig'омъ и мировымъ змѣемъ, т. е., по его толкованію съ Бегемотомъ и Левиафаномъ библейскаго преданія. О послѣднихъ говорится, что на страшномъ судѣ они пожрутъ людей; но во

1-хъ въ 25-й строфѣ *Völuspá* дѣло идетъ не о страшномъ судѣ, а о наказаніи въ аду; во 2-хъ, по *Gylfaginning* не только Фенриръ, но и міровой змѣй падуть въ послѣдней битвѣ боговъ, и если 42-я строфа *Völuspá* ничего не говоритъ о гибели послѣдняго, то не потому, чтобы она ее игнорировала, а потому, что могла обойти, какъ извѣстное, какъ и другіе мифы являются въ поэмѣ болѣе намѣченными, чѣмъ рассказанными. Въ такомъ случаѣ міровой змѣй не можетъ быть тождественъ съ *Nírhogg'омъ* 51-й, и прибавимъ, и 25-й строфы. Это сближеніе, во всякомъ случаѣ, должно быть оставлено, какъ ненужное.

6. Отдѣлъ (стр. 26—30), обособленный толкователемъ подъ заглавіемъ: *природныя знаменія страшило суда*, принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ — и въ текстѣ и въ комментаріи. Загадочная старуха, питающая на востокѣ отродье Фенрира (строфа 26), оказывается Вавилономъ Исайина пророчества и средневѣковыхъ представленій¹⁾: запустѣлымъ городомъ, обиталищемъ демоновъ и чудовищъ, откуда выйдетъ Антихристъ. Такъ сидитъ и старуха, питая отродье Фенрира, которое должно объявиться въ концѣ дней: одинъ изъ этого отродья похититъ мѣсяцъ, будетъ пожирать людей и — обагрить (ихъ) кровью сѣдалище боговъ. Послѣдній образъ — чисто реторическій, и нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ немъ указаніе на атмосферическое явленіе побочныхъ солнцевъ, которыя въ Исландіи называли *solvaeg* или *solulv* (солнечный волкъ) и считали дурнымъ знаменіемъ (стр. 174). Какъ въ этомъ я несогласенъ съ *Müllenhoff'омъ*, такъ и въ слѣдующемъ толкованіи, также принятомъ Мейеромъ: что «единственный» похититель мѣсяца — именно Фенриръ. Едва ли можно представить себѣ, чтобы ктонибудь выразился такъ негѣпо: старуха питаетъ отродье Фенрира, изъ него будетъ одинъ — Фенриръ! Нечего и говорить, что пожраніе имъ людей снова вызываетъ параллель — Бегемота!

¹⁾ См. стр. 172—3 и къ біографіи мотива о пустынномъ Вавиломъ мон *Разысканія*, гл. XI, стр. 89 прим. 1.

Помраченіе солнца и наступленіе вредоносныхъ временъ (строфа 27) являются и въ христіанскихъ легендахъ знаменіемъ грядущаго суда. Но это и все, что могло быть навѣяно библейско-христіанскими образами, ибо старуха = Вавилонъ принадлежить къ числу сближеній, ничѣмъ не обоснованныхъ.

Она-же разумѣется подъ видомъ исполниши въ строфѣ 28-й, приводящей насъ, послѣ долгихъ блужденій въ области христіанской легенды и символики, на почву сѣвернаго мифа—ибо Эгтеръ, настырь или стражъ исполниши, принадлежить ему, и мы выше (стр. 2) указали на значеніе, какое съ нимъ соединяеть (Мюлленгофъ) и Мейеръ. Это демонъ вѣтра въ образѣ стража; какъ его нѣмецкій собратъ, близкій ему по имени, Eскеварт или Eскехардт, онъ сторожитъ область, полную блаженства и веселія—и предостерегаетъ отъ граничащей съ нею области смерти: онъ весело бряцаетъ на арфѣ въ лѣсу, полнымъ «птичьяго клика» (Gaglviþr), и вмѣстѣ — онъ стражъ исполниши, т. е. предостерегаетъ отъ нея, отъ грядущихъ бѣдствій, какъ игривый вѣтеръ возвѣщаетъ страшныя грозы (стр. 177), Eскеварт—приближеніе дикой охоты.

Это даетъ автору поводъ къ экскурсу объ этомъ повѣрѣѣ (стр. 179 слѣд.), который долженъ объяснить намъ не только содержаніе 28—30-й строфъ, но, неожиданно для насъ, и вставную строфу о норнахъ, о которой говорено было выше. И здѣсь интерполяторъ пошелъ на встрѣчу автору, хотя и не догадливо, ибо если его норны принадлежать мнѣю о Дикой охотѣ, имъ не слѣдовало являться раньше и внѣ связи съ нею (сл. стр. 178—9). Объясненія Мейера сводятся къ слѣдующему: въ нѣмецкихъ, особливо южныхъ повѣрьяхъ Дикая охота является въ связи съ тремя «дикими женами» или Heilrâthinnen, отвѣчающими сѣвернымъ норнамъ, съ пѣтушьимъ кликомъ и появленіемъ собаки — призрака; впереди идетъ Eскехардт, предупреждая о дикомъ охотникѣ, который также толкуется, какъ вѣтеръ (стр. 180). Значеніе такое: передъ началомъ бури показываются облачныя жены (норны), Heilrâthinnen, вѣтеръ заводитъ веселыя пѣсни (Eске-

hardt), а затѣмъ уже раздражается гроза съ ея различными шумами и молніей (Дикая охота, пѣтухи и собака). Древніе германцы читали будущее въ явленіяхъ природы, въ данномъ случаѣ въ явленіи грозы; авторъ Völusrá приложилъ этотъ народный мотивъ къ вѣщанію о конечныхъ судьбахъ міра: его Eggrég = Eskehardt, исполниша отвѣчаетъ Дикому охотнику, три пѣтуха (строфы 28 и 29) распредѣлились по тремъ мірамъ; также лаетъ песь, но это песь—адскій; Мейеръ принялъ гипотезу Bugge, сближавшаго Gagr'a 30-й строфы съ Керберомъ Энеиды, 6,417:

Cerberus haec ingens latratu regna trifauci
personat, adverso recubans immanis in antro.

Adversum antrum = Gnirahellir (стр. 181).— Всѣ это вѣщаетъ конечную грозу, имѣющую разразиться надъ міромъ: страшный *судный день* побѣдныхъ боговъ — какъ мы перевели Ragnarök, рядомъ съ которымъ существуетъ и другое выраженіе для того же понятія: gagna gækkr: мракъ, сумерки боговъ, какъ и въ христіанскихъ представленіяхъ dies iudicii представлялся какъ vespera mundi (стр. 182).

Если устранить параллель съ Керберомъ, ненужнымъ образомъ усложняющую вопросъ объ источникахъ этого эпизода Völusrá, то получится довольно цѣльный образъ, въ которомъ недостаетъ одного момента доказательности: нѣтъ движенія, котораго мы ожидаемъ въ явленіи грозы = Дикой охоты, перенесенной авторомъ къ знаменіямъ послѣдняго дня. Эгтеръ сидитъ и бряцаетъ, сидитъ исполниша и поютъ пѣтухи; между тѣмъ ничто не мѣшало автору Völusrá удержать здѣсь мотивъ грозового движенія, если онъ ощущалъ его какъ таковой. Автору—или интерполятору? Мейеръ ставитъ именно такой вопросъ на стр. 181, хотя въ своемъ текстѣ Völusrá онъ не колеблясь приписывалъ первому весь эпизодъ о «Дикой Охотѣ».

Я не ищу въ немъ христіанскихъ элементовъ, но могу привести соотвѣтствующія параллели къ вѣщему пѣнію птицы — передъ воскресеніемъ мертвыхъ. См. въ отреченномъ откровеніи

ап. Иоанна: когда затрубятъ ангелы ἀπό τῆς φωνῆς ἐκείνης τῆς σαλπιγγος σαλευθήσεται πᾶσα ἡ γῆ, καθὼς προεῖπεν ὁ προφήτης, καὶ ἀπὸ τὴν φωνὴν τοῦ στρουθίου ἀναστήσεται πᾶσα βοτάνη, τουτέστιν ὑπὸ τὴν φωνὴν ἀγγέλου ἀνάσθησεται πᾶσα φύσις ἀνθρωπίνη. Въ Вопросахъ и Отвѣтахъ: «Иванъ рече: Рябъ пищитъ, ихже зоветь, а не родилъ есть. Григоринъ рече: Аггелъ вострубитъ и мертвые возстануть»; въ одномъ разнорѣчии стиха о Голубиной книгѣ съ «последнимъ временемъ» приводится въ связь движеніе страфила:

Страфилъ птица вострепѣхетца,
 Всѣ синѣ море воскомыхетца,
 Тамъ будя время опослѣднее,

тогда какъ въ мусульманскихъ преданіяхъ, наоборотъ, гигантскій бѣлый пѣтухъ перестанетъ пѣть, когда настанетъ день воскресенія ¹⁾).

Замѣтимъ, что строфа 30-я Vqlusrá: о лаѣ Gaggr'a повторяется, какъ припѣвъ, и далѣе, въ строфахъ 35 и 44. Авторъ могъ обобщить эту подробность, но самый фактъ повторенія позволяетъ поставить вопросъ: имѣемъ-ли мы право тѣсно связывать образъ лающаго пса именно съ исполншей и Эгтеромъ и пѣтухами, т. е., какъ думаетъ толкователь, съ повѣрьемъ о Дикой Охотѣ?

7 (Знаменіе страшнаю суда на земль и на небо). Содержаніе 31-й строфы невольно подсказываетъ христіанскія параллели, и Мейеръ (стр. 182 слѣд.) указываетъ на нихъ, не забывая и замѣтку Мюлленгофа: что конецъ міра всюду долженъ былъ вызывать представленіе о разложеніи нравственныхъ устоевъ общества—и сходныя, по выраженію, знаменія. Вѣроятность христіанскаго вліянія на этотъ родъ представленій Vqlusrá стоитъ въ прямой зависимости отъ вѣроятности, что и внѣ этого вліянія германскій міръ могъ дойти до идеи «суднаго дня».

¹⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 216 прим.; Tischendorf, Арос. аросгурнае стр. 77; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 389.

Авторъ *Völusrá* пользовался для своей 31-й строфы между прочимъ Евангеліемъ отъ св. Марка 13, 12 и 8; интерполяторъ этой строфы тѣмъ же источникомъ 13, 4, 7 (сл. стр. 184).

Интересенъ экскурсъ Мейера (стр. 185 слѣд.), выводящій насъ за предѣлы *Völusrá*: о *Líf*'ѣ и *Lífgraser*'ѣ, притаившихся, въ пору страшнаго суда, въ дровѣ *Hoddmimir*'а, гдѣ ихъ питають росы. Мейеръ указываетъ на Лактанція (*Instit. div.* 7, 17), по которому не всѣ люди погибнуть въ послѣдніе дни, одна треть спасется въ пустыни; сл. его-же *Epitome* с. 72: *descendit a Deo pluvia benedictionis matutina et vespertina.... omnibus Deus copiosum atque innocentem victum ministrabit.* Лактанцій могъ имѣть въ виду Іезекіиля XXXIV, 25: безопасно будутъ жить въ степи и спать въ гѣсахъ; 26: дождь буду ниспосылать въ свое время; это будутъ дожди благословенія; 27: в полевое древо будетъ давать плодъ свой.... и будутъ они безопасны на землѣ своей. — Бл. Іеронимъ толкуеть это древо, какъ *lignum vitae*.

Содержанія 33-й строфы мы уже коснулись въ началѣ этого отчета (стр. 7—8), выразивъ сомнѣніе относительно отождествленія *Мимира* съ св. Духомъ, его сыновъ съ ангелами, *Gjallarhorn*'а съ распятіемъ—крестомъ. Мейеръ толкуеть эту строфу въ связи съ еванг. отъ Матѳ. 24, 29: силы небесныя поколеблются; 30: тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси; и тогда восплачутся всѣ племена земныя и узрятъ сына человѣческаго грядущаго въ облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою; 31: и пошлетъ ангеловъ своихъ съ громкимъ трубнымъ гласомъ.—Согласно съ этимъ въ нашей строфѣ: силы небесныя поколеблются = взыграють ангелы (сыны *Мимира*); явится знаменіе Сына человѣческаго: объявится на древнемъ рогѣ=крестѣ Спаситель; ангелы трубять, какъ трубить *Геймдалгъ*. — Спаситель на крестѣ полученъ изъ толкованія выраженія 32-й строфы: *mjötör kyndesk—at eno gamla Gjallarhorne*, причемъ *mjötör*=Спаситель, какъ часто въ англосаксонскомъ: *meotod* (стр. 189). Чтеніе *Petersen*'а: *mjötvr*=древо созданія не поддержано варъ-

янтами, но съ точки зрѣнія христіанской символикки Иггдразила даетъ хорошій смыслъ: объявляется древо созданія = крестъ при звукѣ Геймдаллова рога (спрятаннаго подъ нимъ); бесѣда Одина съ головой Мимира, необъясненная Мейеромъ, непонятная и мнѣ, все-же переносятъ насъ къ древу Мимира, его источнику, находившемуся подъ деревомъ; въ соответствующемъ эпизодѣ *Gylfag.* с. 51 Одинъ ѣдетъ къ источнику Мимира и держитъ съ послѣднимъ совѣтъ. Чтобы представить себѣ эту картину надо, быть можетъ, забыть о положеніи Иггдразила подъ землею, вспомнить его отождествленіе съ крестнымъ деревомъ: оно и явится знаменіемъ грядущаго суда. Въ *Вопросахъ* Іоанна Богослова Господу на горѣ Фаворской (*Тихонравовъ, Памятники II, 177*) по воскресеніи мертвыхъ Господь пошлетъ ангеловъ по лицу всей земли, «и возмутъ штъ нея все славное и честное, и сватыя книги и славныи и честныи кресты и съсоуды црковныи и всё на облацѣхъ вознесетъ, и великій честный крестъ, на немъ-же роуиъ свои простертъ». Та-же подробность, снесеніе креста, знакома и другимъ эсхатологическимъ статьямъ и видѣніямъ (*Слово Паладія мниха, Видѣніе Григорія въ Житіи Василя Новаго и др.*). Привлекая эти тексты, я имѣю въ виду не указаніе источника, а лишь параллель къ образу: объявившагося (изъ подъ земли?) мірового, крестнаго древа, содрагающагося — въ виду надвигающейся на міръ кары, ибо йотунъ освободился, сорвался и всѣ страшатся вступить на смертный путь, á *helvegum* — прежде чѣмъ помчится родичъ Сурта, т. е. тотъ-же йотунъ. Страхъ людей вступить на смертный путь не только развивается въ частностяхъ въ строфѣ 34-й, но повторяется сознательно и далѣе: строфа 38-й: мужи вступаютъ на путь Гелы, смертный; 42-я: всѣ люди покинуть жилища. — «Йотунъ сорвался» — «родичъ Сурта помчится» явятся въ такомъ случаѣ тавтологіей, параллельными формулами, обычными въ стилѣ сѣверной поэзіи; такая тавтологія получается съ замѣной въ строфѣ 33-й *hleupir* вм. *gleupir*, которую *Sijmons* принялъ въ свой текстъ, слѣдуя указанію *Мюлленгофа*, предполагающаго въ томъ йотунѣ —

Фенрира. Мейеръ держится чтенія рукописей и переводить: прежде чѣмъ родичъ Сурта его, т. е. мировое дерево, поглотить. Кто этотъ родичъ Сурта? Мейеръ (стр. 192—3) отвѣчаетъ: Суртъ — демонъ пламени, его родичъ — огонь, который и пожретъ, поглотитъ мировое дерево. Извѣстна карающая, все-истребляющая роль огня въ христіанской эсхатологіи (стр. 193), и на этой параллели можно было успокоиться, но прибѣгая для объясненія содрагающагося, стонущаго Иггдразла къ предположенію новыхъ источниковъ. Мейеръ (181—2) исходитъ изъ Еванг. отъ Матѳ. 24, 32; послѣ знаменій 29—31, цитованныхъ выше, приводится примѣръ смоковницы: «когда вѣтви ея уже становятся мягки и пускаютъ листья, то знаемъ, что близко лѣто», т. е. судный день «близко при дверяхъ» (I. с. 33). Эту смоковницу средневѣковые толкователи сблизили съ неплодной смоковницей, проклятой Господомъ (Матѳ. 21, 19 слѣд.), а авторъ *Völusrá* — съ древомъ Ассура у Іезекііля XXXI и его комментатора Іеронима. «Вотъ Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ»; слѣдуетъ грандіозное описаніе дерева, дѣйствительно напоминающаго мировое: Ассуръ былъ кедръ на Ливанѣ, воды росли на немъ, бездна поднимала его, рѣки ея окружали питомникъ его; оттого высота его превышала всѣ дерева полевые, ни одно не равнялось съ нимъ красотою; на сучкахъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые, подъ тѣнію его жили многочисленныя народы. Господь такъ украсилъ его — а сердце его возгордилось величіемъ, и Господь отвергъ его, отдалъ его въ руки властителя народовъ»; его срубили чужеземцы и повергли на горы и т. д.; «шумомъ паденія его я привелъ въ трепетъ народы, когда низвелъ его въ преисподнюю, къ отшедшимъ въ могилу» (стихъ 18).

Древо Ассура, враждебное Господу (сл. стр. 191), имъ сверженное — это и есть Иггдразлъ нашего эпизода; Суртъ напоминаетъ Мейеру (стр. 193) «властителя народовъ», котораго Іеронимъ объяснилъ, какъ Сатану; выраженія *Völusrá*, что древо стонетъ, а люди страшатся на путяхъ Гелы — сблизается съ

«трелетомъ народовъ» и людьми, отошедшими въ могилу (infernum у Иеронима) того-же Иезекиля въ приведенномъ выше стихѣ, который впрочемъ такъ продолжается: «и *обрадовались* въ преисподней странѣ всѣ дерева Едема» и т. д. — Мейеръ обходитъ это окончаніе, оно дѣйствительно не идетъ — къ стону дерева. Но вопросъ въ томъ, что Иггдразилъ не враждебень, не непріязненъ богамъ, какъ древо Ассура, и не боги обрекаютъ его на гибель — если придерживаться чтенія и толкованія Мейера; древо стонетъ и плачутся азы въ виду приближающейся гибели. Можно допустить, что въ строфѣ 34 (смятеніе азовъ, альфовъ и т. д.) отразились мотивы Апокалипсиса 6, 12 слѣд. (сл. стр. 193—4), но древо Ассура тутъ не при чемъ — тѣмъ болѣе, что по убѣренію Мейера (стр. 193), его образъ нигдѣ и не встрѣчается въ числѣ знаменій страшнаго суда, о которыхъ рассказывала христіанская легенда. Да и о гибели Иггдразила, огнемъ или другимъ путемъ, сѣверные мифы нигдѣ не рассказываютъ.

Съ точки зрѣнія христіанской экзегезы проще было придерживаться уже знакомой намъ параллели, усвоенной и Мейеромъ: креста, какъ знаменія, крестнаго дерева, которое какъ таковое, естественно представилось и стонущимъ и содрагающимся.

8 (*Начало страшнаго суда. Нападеніе и борьба демоновъ съ Божествомъ. Гореніе міра*). И вотъ, въ строфахъ 36—38 являюся на сцену вражія силы — съ востока, сѣвера и юга. Съ востока является Hrimr; по Gylfag. § 55 онъ правитъ кораблемъ Naglfar, о которомъ и сказано, что онъ вырывается на свободу. Naglfar (Gylfaginning, l. c.) сдѣланъ изъ ногтей мертвецовъ; потому, будто-бы, и было въ обычаѣ обрѣзать ихъ, чтобы не дать матеріала для постройки корабля, которую и боги и люди желали-бы замедлить. Обычай обрѣзать и хоронитъ ногти былъ распространенъ у францевъ и германцевъ (стр. 195), но онъ не объясняетъ образа корабля, говоритъ Мейеръ. Прежде чѣмъ привести его толкованіе, предложимъ и свое, гипотетическое ¹⁾:

¹⁾ Слѣдующія строки были написаны и этимологія предположительно уста-

Naglfar, въ сущности, корабль *навозъ*, мертвецовъ, въ nagl сохранилась подъ народной этимологической перегласовкой та-же тема, что въ греч. νέκρος, готск. nauв, род. nauw-s (мертвый), сѣв. nāg (*navig?): прагерм. *nazdis, индоевр. *nokdis; если тацитовскіе nahanaqvali означаютъ въ самомъ дѣлѣ: Todtenbedränger, Todtenkämpfer, то они также относятся сюда. Латышская и славянскія формы либо восходятъ, не смотря на созвучіе и тождество значеній, къ другому корню, либо заимствованы изъ германск. нарѣчій: латышск. nāwe: смерть (сл. древне-прусск. nauw: Rumpf), церковно-слав. навъ—νεκρός, старорусск. навы: мертвецъ; русск. навій день, навьи проводы = Радунница; словинск. nauje = рай; малор. навки (навки) = души некрещенныхъ младенцевъ; у болгаръ мальчики мертворожденные либо умершіе до крещенія становятся «навьяками», дѣвочки самодивами, какъ и у сербовъ души невѣстъ, скончавшихся до помолвки, обращаются въ вилъ ¹⁾. На значеніе вилы-маны я указалъ при другомъ случаѣ ²⁾; отношеніе маны къ идеѣ рожаницы ³⁾ снова приводитъ насъ къ болгарскому повѣрью о «навяхъ»: злыхъ духахъ женскаго пола, мучащихъ родильницъ; ихъ зовутъ, избѣгая настоящаго имени, и майками (сл. малор. навки) ⁴⁾.

Предположивъ, что nagl- въ Naglfari, въ первичномъ значеніи «мертвеца», было созвучно съ nagl = ноготь, можно допустить, что *nazd дало съ суффиксомъ =lo-, несомнѣнно еще живомъ въ прагерманскомъ языкѣ, форму: *nazulo-в, откуда сѣв. Nagl-fari. Въ такомъ случаѣ значеніе nagl = ногти подсказано было впоследствии по созвучію и совмѣстности идей и въ связи съ широкимъ

возвѣна въ согласіи съ О. А. Брауномъ, когда я узналъ изъ замѣтки Т. Dotter'a (Nahanaqvali, въ Za. für deutsches Alterthum, XXXI, стр. 206), что сходное ииѣніе выражено было ему проф. Гейнцеленъ. — Относительно переконосла. навъ см. Грек, Einleitung in die slav. Literaturgeschichte, 2-е Auflage, стр. 419—420, прим. 3

¹⁾ Афанасьевъ, Поэт. Возвр. III, 289.

²⁾ Разысканія, вып. V, стр. 287 слѣд.

³⁾ I. с., стр. 280 слѣд.

⁴⁾ Себолевскій, Русск. Филологич. Вѣстникъ, 1890 г., I, стр. 79.

распространеннымъ культомъ именно ногтей. По *древне-парсийскимъ* представленіямъ не слѣдовало бросать обрѣзки ногтей, иначе они станутъ орудіемъ дьявола. Тотъ-же запретъ у *сверевъ*: несоблюденіе его навлечетъ бѣдствія на людей; у покойниковъ обрѣзаютъ ногти и кладутъ въ мѣшечкѣ въ гробъ у изголовья, не то, отростя у мертвеца, они войдутъ въ его тѣло, и это принесетъ несчастіе семьѣ. Ногти, отрѣзанные у живыхъ, надо сжигать или хоронить, иначе, если они сохранятся по смерти человѣка, которому принадлежали, его душа станетъ блуждать вокругъ нихъ до ихъ разложенія. — *Мусульмане* вѣрятъ, что ногти — мѣстопребываніе злыхъ духовъ; въ *Норвегии*, что если не сжечь или не схоронить отрѣзанныя ногти, то колдуны или эльфы сдѣлаютъ изъ нихъ пули, которыми стрѣляютъ въ скотъ. Въ *Обонезь* кладутъ въ гробъ стриженные ногти въ томъ убѣжденіи, что на томъ свѣтѣ придется лѣзть на стеклянную или крутую гору. Въ особенности это убѣжденіе крѣпко у *раскольниковъ*; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ для храненія ногтей особые мѣшечки, либо кладутъ стриженные ногти за пазуху и не жалѣютъ объ ихъ потерѣ: «на томъ свѣтѣ найдутся, клай только въ запазуху». — Въ *Малороссіи* также кладутъ за пазуху обрѣзанные ногти, чтобы чертъ не сшилъ изъ нихъ шапки-невидимки; либо они понадобятся, чтобъ взобраться на стеклянную гору; иначе говорятъ, что когда на страшномъ судѣ ангелъ будетъ переводить души умершихъ чрезъ мостикъ тонкій, какъ соломинка, и спроситъ: гдѣ ногти? а ихъ не окажется, то человѣку придется искать ихъ, пока всѣхъ не соберетъ. — Сходныя преданія (ногти слѣдуетъ сжигать, либо прятать, носить съ собою въ мѣшечкѣ, иначе надо будетъ собирать ихъ по смерти) извѣстны и въ *Польшѣ*. — На *Литѣ* ногти не бросаютъ на земь, чтобы чертъ не сдѣлалъ изъ нихъ шляпы; когда Богъ потребуетъ ихъ на страшномъ судѣ, изъ за пазухи ихъ легко будетъ достать, а у черта ихъ никто не отберетъ. Шапки изъ ногтей, *paginec kerigen* отвѣчаетъ латышское *pagu-seruge*; По *Трейланду* чертова шапка, позвищенная мужиками, обратилась въ кучу ногтей

и копыть свиныхъ, коровьихъ, овечьихъ. *Эсты* говорятъ, что отрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху и если бросить на землю, то перекрестивъ: не то человекъ отвѣтитъ на страшномъ судѣ, ибо дьяволъ подбираетъ обрѣзки, чтобы сдѣлать изъ нихъ козырекъ для своего кортуза; какъ сдѣлаетъ, будетъ властенъ вредить людямъ. — На *Жмуди* дьяволъ устраиваетъ себѣ изъ такихъ обрѣзковъ шляпу, у *Басковъ* — чашу изъ ногтей, въ *Исландіи* башмаки или корабли и лодки; надо обрѣзать ногти на трое, иначе дьяволъ сдѣлаетъ изъ нихъ бортъ для *корабля* мертвыхъ или гвозди для своего судна. Такое судно видѣли, и всѣ, сѣвшіе на него, принявъ за свое, погибли ¹⁾.

Корабль мертвыхъ, корабль изъ ногтей исландской легенды, близко отвѣчаетъ *Naglfar*'у *Gylfaginning*; едва-ли къ этому кругу идей подходитъ запретъ у *Петронія*: не стричь волосъ и ногтей на кораблѣ, развѣ во время бури, когда то и другое бросалось въ *жертву* морю.

Указанныя повѣрья достаточно объясняютъ синкретическій образъ *Naglfar*'а: корабль, построенный изъ ногтей, былъ, въ основѣ, кораблемъ мертвецовъ, перенесеннымъ въ область эсхатологии изъ какого-нибудь повѣрья въ родѣ слѣдующаго русскаго: что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не слѣдуетъ бросать въ воду, не раздавивъ напередъ, не то русалки-маны построятъ изъ него корабликъ и будутъ на немъ плавать ²⁾.

Слѣдуетъ, быть можетъ, при объясненіи *Naglfar*'а, не упу-

---

¹⁾ Сл. Méluşine, I, стр. 549; II, стр. 360, 482, 481, 485, 491; III, стр. 383. — Куликовскій, О похоронныхъ обрядахъ Оболенья (Этнографическое обозрѣніе 1890 г. кн. I). — Шейковскій, Быть подоязъ I, вып. 2, стр. 24; Nowosielski, Lud, II, стр. 152—3; Кулишъ, Зап. о Ю. Р., II, 288—9; Народные звычяи и обряды зъ околницъ надъ Збручезъ, опис. Игн. Галькомъ, ч. II, стр. 41. — Zbiór wiadomości do antropologii kraj. II, 127, № 4; X, 93, № 156; XI, 81, № 10; Wasilewski, Jagodne (Biblioteka «Wisły» t. IV), стр. 95. — Ludwik Z Pokiewia (Юцевичъ), Litwa, 1884, стр. 141—2; Mittheilungen der Lithauischen litter. Gesellschaft, Heft II, стр. 349—350; Трейландъ, Латышскія нар. сказки, Москва 1887, стр. 95, прии. Указаніями на библиографію повѣрья я обязанъ любезности И. А. Карловича, Э. А. Вольтера и В. В. Каллаша.

²⁾ Разысканія вып. V, стр. 269.

скать изъ виду *Gylfaginning* § 10, не забывая аналогическія идеи греческой космогоніи: у Ночи было три мужа, *Naglfar*, *Appagt* и *Dellingr*; ея сынъ отъ перваго брака *Uðr* = волна, отъ втораго—*Iorð*, земля, отъ третьяго: *Dagr*, день. Имя *Appagt*, второй, очевидно изобрѣтенное, какъ и *Dellingr* (*Deglingr*? по связи съ *Dagr*); *Naglfari* отвѣтилъ бы Эребу, супругу Ночи (*Nótt*), отъ которыхъ произошли Эфиръ и День (*Dagr*). Сл. *Hes. Theog.* v. 123 слѣд.

Мое объясненіе *Naglfar*'а кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ слѣдующее у Мейера, снова вспомнившаго—о Гоноріи изъ *Autun* (стр. 197): учитель разсказалъ ученику о трубѣ страшнаго суда и о воскресеніи мертвыхъ и вызываетъ такой вопросъ: *Si capilli et ungues praecisi in locum suum recedent, nonne deformes sunt?* Отвѣтъ: *Non est intelligendum quod sint reducendi in priorem locum; sed sicut figulus, si vas noviter factum frangat et de eodem luto aliud faciat, non attendens, quid prius ansa vel fundus fuerit, ita format Deus de eadem materia aliud corpus huic valde dissimile cui omnis deformitas et infirmitas absit.* Это общее мѣсто и вошло будто-бы идею — корабля изъ *ноитей* мертвыхъ, тогда какъ образъ *корабля* подсказанъ былъ представленіемъ адскаго перевозчика Харона = *Нгунг*'а (см. *Нгунг*-г), въ которомъ заодно отразилась и «Смерть» Апокалипсиса XX, 14 (стр. 199). Имѣется въ виду особливо *Aen.* 6302: *Ipse (Charon) gatem conto subigit*, при чемъ линд 36-й строфы объясняется не въ обычномъ значеніи щита, а какъ *contus*. Вблизи Харона Эней (*Aen.* 6, 287) видитъ разныхъ чудовищъ, между прочимъ, *bellua Lerneae horrendum stridens*; это—чудовище нашей строфы, вьющееся въ исполнскомъ гнѣвѣ. Кромѣ того авторъ *Volusrá* имѣлъ въ виду нѣсколько образовъ изъ знаменій страшнаго Суда Беды и *Иезекіиля* 32, 2 (стр. 197—8). Въ послѣднемъ онъ вычиталъ: «сынъ человѣческій! подними плачь о фараонѣ, царѣ Египетскомъ, и скажи ему: Ты какъ молодой левъ между народами и какъ чудовище въ моряхъ кидаяешься въ рѣкахъ твоихъ и мутишь ногами твоими воды и попираешь потоки ихъ». Въ латинскомъ

переводѣ «кидаться въ рѣкахъ» передано: *conculcare flumina*, что приравнивается къ *Völusrá*: (змѣй) бьетъ волны. — Интереснѣе заимствованіе изъ Беды, если мыслима та ошибка въ чтеніи текста, которую, по слѣдамъ Мейера, мы оговорили ранѣе (стр. 5—6) и въ результатѣ которой явился въ нашей строфѣ—образъ орла. У Беды читается: *quarta die pisces maris et omnium fluminum elevant se super aquam et pugnant inter se cum magno sonitu et interficient se et sic aqua portabit eos mortuos*. вмѣсто aqua прочтено было — aquila (стр. 198).

Едва-ли всѣ эти источники были необходимы, чтобы объяснить и змѣя въ волнахъ и орла. Какъ-бы мы не истолковали Грима, но явленіе корабля мертвыхъ было предвѣстіемъ роковой развязки: оттого бьется міровой змѣй, *jörmongandr*, который и явится въ ней дѣйствующимъ лицомъ; а образъ орла подсказанъ любимымъ оборотомъ сѣверной поэзіи: предствѣтъ бой, битва, и онъ радостно клещеть—и даже терзаетъ трупы: общее мѣсто, не оправданное положеніемъ, но увязавшіеся за предствѣніемъ орла, ждущаго добычи.

Мейеръ не обратилъ вниманіе на направленіе, въ которомъ движется Гримъ: онъ является на кораблѣ съ востока, откуда, по 22-й строфѣ, течетъ и рѣка Сидръ; очевидно, не со стороны царства Гелы = ада, представлявшагося на сѣверѣ. (сл. выше стр. 45 и слѣд.; наши соображенія относительно золотой палаты Сидри, строфа 23). Въ этомъ смыслѣ понятно исправленіе, предложенное Бугге въ 37 строфѣ: *poðan* вмѣсто *austan*, принятое въ тексты Мюлленгофа, *Sijmons'a* и Мейера: корабль мертвецовъ долженъ былъ явиться со стороны ада. Но такъ-ли это? Имѣемъ-ли мы право не доврять *Gylfag. 51*, гдѣ *Hrugr* является коричнымъ *Naglfar'a*? Въ такомъ случаѣ и послѣдній надо представить себѣ надвигающимся съ востока. Моремъ или рѣкою приходитъ Гримъ—остается неизвѣстнымъ; въ слѣдующихъ за тѣмъ битвахъ боговъ съ вражьей силой онъ не участвуетъ на сторонѣ послѣднихъ. Чѣмъ мотивируется его появленіе? Какъ понять весь эпизодъ *Naglfar'a*? Въ Словѣ Палладія «о второмъ

пришествіи Христовѣ, о страшномъ судѣ и будущей жизни Господь, желая придти судить людей, пошлетъ ангеловъ съ трубами страшными, отъ звука которыхъ море возмутится, земля потрескается и *возстанутъ мертвые*; тогда съ востока потечетъ рѣка *огненная*; она уничтожитъ все на землѣ, но грѣшниковъ лишь опалитъ, ибо имъ уготована другая мука. Затѣмъ, по Божію повелѣнію рѣка прекратится: явится новая земля и новое небо, Господь сотворитъ на востокѣ рай, а на западной странѣ потечетъ рѣка *огненная* на мученіе грѣшникамъ ¹⁾.

Эта *огненная* рѣка съ востока, рѣка Сіонъ русскаго духовнаго стиха, ясно отдѣлена отъ другой, имѣющей потечъ съ запада, гдѣ средневѣковыя повѣрья обыкновенно локализовали адъ ²⁾. При гипотезѣ христіанскихъ воздѣйствій на загробныя и эсхатологическія представленія *Völuspá* я не прочь отъ толкованія, которое указываетъ на грань, гдѣ христіанство сошло съ язычествомъ, и разъясняетъ эпизод *Naglfar*'а. Къ древнимъ погребальнымъ обычаямъ, засвидѣтельствованнымъ и для германцевъ, принадлежалъ и тотъ, что мертвеца клали въ ладью и пускали въ море; усопшіе представлялись удалившимися за воды, въ страну блаженныхъ и т. ³⁾. Язычнику, такъ понимавшему жизнь за гробомъ, христіанскій мотивъ *воскресенія* долженъ былъ представиться въ аналогическихъ образахъ: мертвые *снова обжизняются*, ладья мертвыхъ *Naglfar* покажется съ востока; ея правитъ Гримъ. Нгумг, собственно: дряхлый, слабый, какъ изъ рахмановъ=навовъ русскаго повѣрья развилось понятіе рахманный: вялый, разслабленный ⁴⁾. Это идетъ къ Гриму, кормчему мертвыхъ; онъ и не упомянуть въ дальнѣйшей катастрофѣ: онъ

¹⁾ Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 154—5. Сл. ib. 150. Извлеченія изъ текста Палладія приведены въ слѣдующей главѣ.

²⁾ Сл. Разысканія VI, 21.

³⁾ Котляревскій, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, стр. 172 слѣд.

⁴⁾ Леонасьевъ, II. В., III, 278—9.

являлся предвѣстникомъ, не участникомъ, послѣдней мировой битвы.

Но всё это полно сомнѣній; ясно, что языческіе элементы чередуются здѣсь съ христіанскими, заслоняясь взаимно. Языческому представленію принадлежатъ во всякомъ случаѣ царство Гелы на сѣверѣ (строфа 37) и огненная область Сурта на югѣ (строфа 38): то и другое могло идти на встрѣчу христіанскимъ образамъ ада и «морознаго» тартара ¹⁾. Съ юга и сѣвера надвигаются враги: съ сѣвера челядь Гелы съ волкомъ и Локи = братомъ Билейста (Мейеръ 198 упоминаетъ по этому поводу мнѣніе Бугге, видѣвшаго въ *Byleipt*, *Byleist* = *Beelzebub'a*) ²⁾, съ юга Суртъ съ пламеннымъ мечемъ.

Для строфы 38-й и слѣдующихъ главнымъ источникомъ является, по Мейеру, Апокалипсисъ (стр. 199 и слѣд.). Сл. Апок. XVI, 13: «И видѣлъ я изъ усть дракона и изъ усть звѣря и изъ усть лжепророка (выходящихъ) трехъ духовъ нечистыхъ, подобныхъ жабамъ». Это бѣсовскіе духи, которые исходятъ къ царямъ всея вселенныя, чтобы собрать ихъ на брань въ великій день Бога Вседержителя (стихъ 14). Въ главѣ XIX, 20 и XX, 2 (Мейеръ цитуетъ лишь XX, 9 слѣд.) звѣрь и лжепророкъ схвачены и брошены въ озеро огненное, древній змій низверженъ въ бездну и скованъ; въ XX, 14 «смерть и адъ» повержены въ озеро огненное. Смерть — это *Hrugr* = *Chagon*; при этомъ случаѣ Мейеръ (стр. 199—200) пополняетъ свое толкованіе *Naglfar'a*

¹⁾ Сл. Разысканія XII, стр. 184—5. Въ одной бретонской пѣснѣ адъ является холоднымъ: *ann ifern ien*.

²⁾ Къ Вельзевулу относитъ проф. Соболевскій (I с. стр. 79—80), какъ прежде и Пыпинъ, Верзіула въ извѣстномъ выраженіи о погѣ Іереміа: «былъ въ навѣхъ на Верзіулову колу», т. е. былъ среди злыхъ духовъ на Вельзевуловомъ собраніи. Кола дается послѣднее значеніе, Верзіулу предпочитается чтенію: «на Верзіуловомъ колу», вранно коло современнаго сербскаго повѣрья. Именно Верзіула и коло = *gota* и дали ак. Ягичу поводъ къ его извѣстнымъ соображеніямъ о Верзіулѣ = *Виргиліи*. Если ни въ латинскомъ, ни въ романскихъ, ни въ нѣмецкомъ языкахъ не найти имени *Виргилія* въ формѣ, объясняющей *Верзіула*, то и Вельзевулъ далекъ отъ *Верзіула*. Слѣдуетъ. быть можетъ, допустить взаимодѣйствіе двухъ представленій и именъ.

/казаніемъ на Апок. XX, 13: «тогда отдало море мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдали мертвецовъ, которые были въ нихъ, и судимъ былъ каждый по дѣламъ своимъ». Я привожу безъ оговорки толкованіе Мейера, предоставляя другимъ судить о его вразумительности: «Смерть и Адъ *на морѣ* (!) въ день судный, окруженные трупами людей, ожидающихъ суда, — легко признать, не смотря на ухищренія (т. е. автора *Völusrá*), въ спѣшавшихъ *по морю* Гримъ и Локи — и въ *Naglfar'ѣ*, окруженномъ трупами людей, понесшихъ кару» (стр. 200; сл. стр. 206 подобное толкованіе моря). Локи въ этомъ толкованіи — Адъ, часто отождествлявшійся съ Смертью въ средневѣковыхъ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ.

Мейеръ даетъ особое значеніе тому, что какъ въ Апокалипсисѣ, такъ и въ *Völusrá* Смерть = *Hrugr* и Адъ = Локи не играютъ никакой роли въ слѣдующей далѣе борьбѣ; если въ *Сворровой Эддѣ* Локи выведенъ въ борьбѣ съ Геймдалломъ, то онъ либо слѣдовалъ народному преданію (?) либо ввелъ этотъ эпизодъ для округленія (стр. 200).

Дѣйствующими лицами являются далѣе: *Jǫtunnandr* или *oghr* = змѣй, *Freki* = волкъ и Суртъ. Первый отвѣчаетъ апокалипсическому змѣю, второй звѣрю, третій же пророку — Антихристу. Эти сопоставленія разъясняются анализами 39—42 строфы: Одинъ бьется съ волкомъ, падаетъ въ битвѣ, и его сынъ *Víragr* является мстителемъ за него; Фрей выходитъ на бой съ Суртомъ, Торъ съ мировымъ змѣемъ — и погибаетъ, сразивъ противника.

Битва Одина съ волкомъ могла быть, въ сущности, мифическимъ представленіемъ о боѣ—вѣтровъ (стр. 201); ея перенесеніе въ эсхатологию состоялось подъ влияніемъ христіанскихъ идей, причемъ апокалипсическія образы могли быть слиты съ аналогическими народными. Мейеръ указываетъ на черты апокалипсическаго звѣря, перешедшія на волка (стр. 202), хотя первый изображается вовсе не волкомъ и выходитъ *изъ моря*, тогда какъ *Freki* является *по морю* и т. п. На другихъ подробностяхъ сбли-

женія я не останавливаюсь. Важнѣе слѣдующее: Одинъ сраженъ волкомъ; если въ предыдущихъ строфахъ поэмы Одинъ являлся замѣстителемъ Бога-Отца, то его гибель выводитъ насъ всецѣло за границы христіанскихъ представленій. Оказывается, по мнѣнію Мейера (стр. 203), какъ разъ на оборотъ: именно христіанская идея *Völuspá* требовала, чтобы языческій Богъ погибъ. Другими словами: въ началѣ поэмы Одинъ—Богъ-отецъ, въ нашемъ эпизодѣ онъ удержался въ своей древней роли. Идея гибели боговъ могла быть навѣяна выраженіемъ Лактанція: *non colentur ulte-rius dii manu facti* и Апокалипсисомъ XI, 3 слѣд.: о двухъ свидѣтеляхъ Божіихъ, съ которыми сразится, которыхъ убьетъ звѣрь, послѣ чего они снова воскреснутъ. Въ этихъ свидѣтеляхъ видѣли Илію и Эноха, которыхъ, какъ мы уже знаемъ, Мейеръ отождествилъ съ *Lórog*'омъ и *Hœpig*'омъ, являющимися въ концѣ *Völuspá* въ эпизодѣ объ обновленіи земли и міра. Если авторъ поэмы имѣлъ ихъ въ виду въ рассказѣ о гибели Одина, то почему не называлъ онъ, вмѣсто него, *Hœpig*'а либо *Lórog*'а? Этотъ вопросъ кажется мнѣ на столько-же естественнымъ, на сколько искусственны дальнѣйшія комбинаціи Мейера (стр. 202 слѣд.): въ Апокалипсисѣ XIX звѣрь схваченъ и низверженъ послѣ того, какъ явился Сынъ человѣческій; 15: «Изъ устъ же его исходитъ острый мечъ, дабы имъ поразить народы. . . Онъ топчетъ точно вина ярости и гнѣва Вседержителя». Мейеръ комментируетъ параллелями изъ св. Писанія образы и значеніе: точила и топтанія и приходитъ къ толкованію *Vírag*'а котораго мы уже коснулись выше (стр. 10), выразивъ по этому поводу нѣсколько сомнѣній. Къ нимъ присоединимъ и слѣдующее: *Víragr* (строфа 40, исключенная въ изданіи Мюлленгофа), поражаетъ волка, вонзая ему мечъ въ сердце:

laétr megí hvebrungs mund of standa
hjár til hjarta.

Mund означаетъ: рука; *Vigfusson, Dictionary a. v.*, *mund*, читаетъ *вм. mund of: mundum*: вонзилъ руками; въ *Coprus. poet. boreale* онъ, очевидно, отождествляетъ *mundr* съ *mungr*: ротъ,

past: he shall thrust his sword down the monster's *jaws* right to the heart (I, 200); иначе *ib.* II, 627: he shall thrust the sword with his hand into the heart. Мейеръ принимаетъ толкованіе: *mund*: рука, но переводитъ такъ (стр. 203): Видаръ всунулъ свою руку, *mund*, причеиъ авторъ *Völusrá* могъ имѣть въ виду созвучное *munng*: ротъ—и апокалипсическое: изъ *уста* его исходитъ мечъ! Я предпочелъ бы этому крайне запутанному толкованію болѣе простое: *munng*, *mungr* означаетъ стальную оправу топора или молота, остріе; *mund* (остріе) и *hjár* (мечъ)—обычная тавтологія, не вызывающая представленія руки: возилъ остріе — возилъ мечъ въ сердце. — Отметимъ еще одну параллель: въ *Gylfaginning* Видаръ разрываетъ пасть чудовища, наступивъ ему на нижнюю челюсть; это — отраженіе апокалипсическаго: топтать точно!

Торъ 41-й и 42-й строфы бьется съ мировымъ змѣемъ. Мы знаемъ уже, что Мейеръ приравниваетъ послѣдняго къ *Nírhogg*'у 25-й и 51-й строфъ; это отождествленіе, заподозрѣнное нами, удерживается и здѣсь въ связи съ змѣемъ Апокалипсиса. Въ строфѣ 24—25 говорится о *Nírhogg*'ѣ, что онъ сосетъ трупы на берегу мертвыхъ: сл. Апок. XII, 17 «и разсвирѣпѣлъ драконъ на жену и пошелъ, чтобы вступить въ войну съ прочими отъ сѣмени ея»; гл. XIII, 1: «Я сталъ на песокъ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря зѣря съ семью головами» и т. д. *Змѣй* и *зѣря* Апокалипсиса не тождественны, самъ Мейеръ нашелъ соотвѣтствіе тому и другому, и мы уже знаемъ, что зѣря очутился на сѣверѣ Фенриромъ. Въ данномъ случаѣ Мейеръ забываетъ это отличіе, относя оба стиха Апокалипсиса — къ *змѣю*: война съ людьми отъ сѣмени жены отвѣчаетъ идеѣ пожиранія ихъ на берегу мертвыхъ, т. е. на песокъ морскомъ. — Разумѣется и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, мы обязаны многое вмѣнить вольному и невольному синкретизму автору *Völusrá*, многое, — и это важнѣе, — объяснить обязывавшими его языческими образами и представленіями. Мейеръ напр. (стр. 205) напоминаетъ Апок. XX, 2, 3, гдѣ о змѣѣ, низверженномъ въ бездну,

говорится, что по прошествіи тысячи лѣтъ онъ освободится, а затѣмъ снова будетъ сверженъ на рѣки въ озеро огненное. Мейеръ приравниваетъ къ этому послѣднюю строфу нашей поэмы (51), гдѣ *Nírhoggr* летитъ изъ *Nírafjollum*, нагруженный трупами — и проваливается.

Мейеръ сравниваетъ бой Тора съ мировымъ змѣемъ съ Апок. XII, 7 слѣд., гдѣ Михаилъ и ангелы его воюютъ съ дракономъ, послѣ чего онъ сверженъ на землю. Торъ, стало быть, Михаилъ; смерть перваго объясняется изъ германскихъ мифовъ о гибели громовника (стр. 275). Я видѣлъ¹⁾ въ Торѣ—Илью: оба громовника — змѣеборцы и объ Ильѣ дѣйствительно повѣствовалося, что онъ погибъ въ борьбѣ съ Антихристомъ, котораго и представляли себѣ въ образѣ змія. Я предпочитаю это объясненіе потому, что оно представляетъ и большее число сходныхъ чертъ и оставляетъ открытой параллель для Геймдалла — Михаила, борющагося съ Локи — Луциферомъ. Я не думаю, чтобы составитель *Gylfaginning* прибавилъ этотъ эпизодъ, незнакомый *Völusrá'æ*, только для округленія.

Остается еще одно единоборство: Фрея съ Суртомъ. Суртъ, можетъ быть, въ основѣ, южный вѣтеръ (*der schwarze Südwind*, стр. 209) съ чертами — Антихриста. Въ параллель къ Сурту и его огненной природѣ Мейеръ собираетъ параллели о — «пламенномъ явленіи Антихриста» (стр. 207), но онѣ мало доказательны, въ родѣ огня, низводимаго послѣднимъ съ неба; у Лактанція говорится еще: *cadet repente gladius de coelo... et antecedet eum flamma inextinguibilis*: это образъ Сурта въ *Gylfaginning* (стр. 208), съ пламеннымъ мечемъ вмѣющаго явиться въ концѣ дней, чтобы побѣдить боговъ и выжечь свѣтъ. Мы ожидаемъ, что Мейеръ распространитъ сравненіе и на 36-ю строфу *Völusrá*: Суртъ идетъ съ пламенемъ, точно солнце блеститъ мечъ смертоносныхъ боговъ, боговъ битвы, — или бога (*valtíva* какъ род. ед.), т. е. Сурта; иначе *valtíva* род. мн. можно представить

¹⁾ Разысканія VIII, стр. 335 слѣд.; 344—347.

себѣ сказаннымъ о сонмѣ, челяди Сурта. Мейеръ понимаетъ (стр. 210—211) иначе, переводя *váltivar* какъ: боги избранные, *electi*, т. е. ангелы, являющіеся съ Христомъ на брань противъ Антихриста - Сурта въ Апок. XIX, 14: И воинства небесныя слѣдовали за Нимъ на коняхъ бѣлыхъ, облеченныя въ виссонъ бѣлый и чистый.—Но если удержать сравненіе: *gladius de coelo* Лактанція съ пламеннымъ мечемъ Сурта въ Гильфагинингѣ, то нѣтъ нужды отдѣлять отъ послѣдняго мечъ нашей строфы.

Если для объясненія огненнаго Сурта-Антихриста Мейеръ обращался не только къ Апокалипсису, но и къ Іезекілю, въ которомъ авторъ *Völusrá* могъ почерпнуть образы пламеннаго гнѣва Господня (стр. 209—210), то тѣ-же источники предполагаются и для второй половины 36-й строфы: «рушатся каменные горы, исполниши падаютъ, мужи вступаютъ на путь Гелы и небо треснуло». Такъ какъ дѣло идетъ объ общихъ мѣстахъ, соединенныхъ съ идеей гибели и разрушенія, я и не касаюсь частныхъ сближеній, открываемыхъ Мейеромъ (стр. 211). Я только не понимаю, почему на стр. 211 онъ отдаетъ предпочтеніе *gata* вмѣсто *hrata* (исполниши «низвергаются»), тогда какъ въ своемъ текстѣ *Völusrá* удерживаетъ послѣднее.

Противникомъ Сурту-Антихристу является Фрей; толкуя его (стр. 212) Мейеръ исходитъ изъ нарицательнаго значенія его имени: *dominus* и приходитъ къ его отождествленію съ «царемъ надъ царями» Апокалипсиса XIX, 16, у котораго (*ib.*: 15) выходитъ изъ устъ «острый мечъ». Фрей стало быть, отвѣчаетъ Христу, и, вмѣстѣ, является дублетомъ къ *Vírag*'у: вѣдь острый мечъ исходящій изъ устъ уже былъ истолкованъ въ его пользу (стр. 202). Этотъ *double emploi* заставляетъ отнестись съ сомнѣніемъ къ отождествленію *Vírag*'а и Фрея; значеніе *dominus* не доказательно для послѣдняго; знакомый намъ взглядъ Мейера на обособленіе понятія вавонъ подъ вліяніемъ христіанскаго ученія объ ангелахъ (стр. 104) велъ повидному къ другимъ параллелямъ— и другому отождествленію.

Апокалипсическіе и вообще христіанско-эсхатологическіе об-

разы, соотвѣтствующіе содержанію 43-й строфы, не трудно было отмѣтить. Сл. стр. 212—213 в Разысканіи VIII, стр. 337 слѣд.

9 (*Новый міръ и пришествіе Христа на страшный судъ*).

Снова выходитъ изъ моря земля: эту идею картинно развиваетъ 45-я строфа. Мейеръ указываетъ по этому поводу на новое небо и новую землю Апокалипсиса XXI, 1 (стр. 214—215), но это не объясняетъ образа: земля снова, во второй разъ выходящей изъ воды. На этомъ разногласіи слѣдовало остановиться, тогда какъ христіанскія параллели къ водопадамъ и орлу (стр. 216—217) получаютъ въ нашихъ глазахъ значеніе куріоза, особливо въ виду предположенія, что говоря объ орлѣ, охотящемся за рыбами, авторъ поэмы имѣлъ въ виду—символъ орла, какъ возвращающагося Христа. Едва-ли кто-либо увидитъ въ этихъ подробностяхъ что-нибудь, кромѣ удачныхъ штриховъ пейзажиста.

Въ передачѣ 46-й строфы я расхожусь съ Мейеромъ, видящимъ въ *moldring* — міроваго змѣя. Я перевожу это слово: земное = мировое дерево ¹⁾. Азы сошлись á Ipravelli, въ Эдемѣ, разсуждаютъ о могучемъ мировомъ дрѣвѣ и поминаютъ о роковыхъ судьбахъ и древнихъ рунахъ, ученіяхъ Одина. Роковыя судьбы миновались, Одинъ погибъ, но могучее древо осталось—можетъ быть, по связи съ новымъ появленіемъ изъ воды обновленной земли. Вспомнимъ что объ Иггдрасилѣ, мировомъ дрѣвѣ говорилось во 2-й строфѣ, что оно стоитъ *fug mold* перап, т. е. подъ землею (сл. выше стр. 20).

Образъ Азовъ, снова очутившихся въ Идавеллѣ, вызываетъ память объ старыхъ временахъ, когда они были тамъ веселы и всё у нихъ было изъ золота (строфы 6 и 7): эти подѣлки изъ золота и очутились теперь золотыми костями, очевидно, игральными. Мейеръ считаетъ (стр. 217—218) эту подробность — интерполяціей.

Такъ или иначе, но строфа 46—7 говоритъ намъ объ обно-

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 365.

вленномъ Эдемѣ, земномъ раѣ, 48 обращается къ обновленной землѣ, 49 и 50 — если намѣтитъ напередъ возможные къ нимъ христіанскія параллели — о горномъ Иерусалимѣ и жилищѣ праведныхъ и явленіи Всемогущаго на судъ; 51-я объ окончательномъ сверженіи змѣя и грѣшниковъ. — Явленіе Всемогущаго въ концѣ поэмы безспорно принадлежитъ христіанскому представленію, а это указываетъ и на значеніе азовъ въ Эдемѣ: между ними и лицами христіанской Троицы нельзя искать соответствія, подсказывавшагося въ предыдущихъ эпизодахъ *Vqlusrá*; Всемогущій, очевидно, не Бальдръ = Христосъ, упоминаемый въ 62 строфѣ, какъ возвратившійся, тогда какъ Всемогущій является въ 65 — съ высоты. Христіанскія и, можетъ быть, языческія представленія, затѣйливо смѣшались, либо и христіанскія явились въ дублетѣ. На мой взглядъ послѣдній отдѣлъ *Vqlusrá* принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ въ отношеніи къ вопросу объ его источникахъ.

Обратимся къ толкованію Мейера.

Iravollg 46-й строфы, гдѣ собрались азы — это новый Иерусалимъ = рай, спускающійся съ неба въ видѣніяхъ Апокалипсиса XXI, 3 слѣд. (стр. 215); бесѣдующіе азы относятъ насъ ко второму посланію ап. Петра 3, 10—12: небеса съ трескомъ прейдуть, стихіи, раскалившись растають, земля сгоритъ; «если же все такимъ образомъ разрушится, то какими должно быть вамъ въ святомъ житіи и благочестіи — въ ожиданіи скорого пришествія дня Божія и т. д.?» Здѣсь благочестивые размышляютъ о будущемъ, азы о *прошломъ*; Мейеръ (стр. 215—216) сравниваетъ Исайю LXV, 17—19, гдѣ также говорится о воспоминаніяхъ, но за тѣмъ, чтобы устранить ихъ: «Ибо вамъ, я творю новое небо и новую землю, и *прежнія уже не будутъ воспоминаемы и не придутъ на сердце*; 18: А вы будете веселиться и радоваться о томъ, что Я творю: ибо вотъ, Я творю Иерусалимъ веселіемъ и народъ его радостью» и т. д. Тѣмъ не менѣе азы *поминаютъ* о старомъ, о древнихъ рунахъ Одина, снова возвращающихъ насъ къ Апокалипсису XXI 5, 6: «И ска-

залъ свѣдѣій на престолѣ: . . . напиши, ибо слова сін истинны и вѣрны. — И сказалъ мнѣ: Совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ. Странно, что авторъ *Völusrá* примѣнилъ эти слова — къ древнимъ, скажемъ, отгѣненнымъ рунамъ Одина, павшаго бога.

Я стою за иное значеніе *Travoll*'я въ этой строфѣ: не горній Іерусалимъ, а Эдемъ. Въ основѣ лежитъ синкретическое, полужыическое, полухристіанское воззрѣніе, общій смыслъ котораго дается конечнымъ явленіемъ — Судн. Передъ нимъ азы спускаются къ роли обновленныхъ, на ряду съ людьми: первые по прежнему въ Идавелгѣ, играютъ въ кости; строфа 46-я продолжаетъ ту же картину: поля производятъ жатву незасѣянныхъ, всякое зло исправится, *Норг* и *Бальдръ* снова вселяются въ палатахъ *Нгбрт'а* = Одина, жилищѣ сраженныхъ боговъ. — *Мейеръ* (стр. 218, 219) продолжаетъ и для этой строфы параллель новаго Іерусалима *Иезекіиля* 34, 24 (гдѣ о Іерусалимѣ нѣтъ рѣчи) и *Гонорія*, *Specul. Eccles.* l. c. 1095: *Hierusalem haec (sc. coelestis) de vivis lapidibus scilicet universis electis ut civitas aedificetur; Elucidarium* l. c. 1113: *Deus constituit sibi praeclarum palatium, quod dicitur regnum caelorum. Ad quod palatium praedestinavit certum numerum electorum militum* и т. д. *Electi* эти — *angeli* и *homines* — отвѣчаютъ понятію *valtivar*, какъ въ строфѣ 38; въ *Норг'ѣ* и *Baldr'ѣ*, мы уже знаемъ (сл. выше стр. 9), *Мейеръ* усматриваетъ арх. *Михаила* и *Христа*; относительно перваго, уже отвѣтвшаго въ *Völusrá* образу *Лонгина*, *Мейеръ* колеблется (стр. 266) не вмѣнить-ли это *разномасіе* значеній — интерполитору 33-й строфы (*Норг* = *Лонгинъ*). Такъ или иначе, но *Baldr* и *Норг*, т. е. *Христосъ* и *Михаилъ*, поселятся въ палатахъ *Нгбрт'а*, вѣщаго, въ жилищѣ ангеловъ. Выраженіе болѣе чѣмъ странное, если и допустить, что нарицательное значеніе *Нгбрт'а* могло заключить въ своей общности личность языческаго бога. Но затрудненіе не въ этомъ, а въ необходимости соединить водвореніе *Бальдра* = *Христа* съ могучимъ и сильнымъ, приходящимъ свыше на судъ въ строфѣ 50-й. Остается предположить, либо что онъ

тождественъ съ Бальдромъ, что невѣроятно уже по самой послѣдовательности разсказа, либо что Бальдръ и Норгъ въ данномъ эпизодѣ не отвѣчаютъ Христу и арх. Михаилу, не христіанизованы (стр. 220). Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, даже съ точки зрѣнія автора *Völuspá*, какимъ представляетъ его себѣ Мейеръ, азовъ, играющихъ въ кости, и *valtivar* = ангеловъ, тѣхъ и другихъ — въ новомъ Иерусалимѣ: *regnum coelorum*. Естественнѣе была такая идея: обновилась, выйдя изъ водъ, земля—и все на ней: въ *Irauöll'* по прежнему блаженствуютъ боги, въ Мидгардѣ = вселенной, выраженной въ строфѣ 48-й словомъ *Vindheim*, поселяются люди, и *Nipig*, одинъ изъ демиурговъ стараго мифа, даетъ жребій, очевидно, людямъ, какъ прежде даровалъ имъ духъ: жребій жизни.

Мы уже знаемъ, что для Мейера *Nipig* въ указанной строфѣ — Энохъ библейско-христіанской эсхатологии, какъ *Lórogr* = Илья, тоже являвшійся во второмъ утраченномъ стихѣ той-же строфы. И здѣсь, по мнѣнію толкователя, мѣсто дѣйствія то-же: *Irauöllg*; Илья и Эноху также подобаетъ быть въ раю, какъ Христу и арх. Михаилу: Христосъ и Михаилъ уготовляютъ небесныя палаты для христіанъ (стр. 223, 224), Энохъ, распредѣлявшій по библейско-талмудическимъ воззрѣніямъ мѣста на небѣ,— для евреевъ. Это подтверждается извѣстнымъ видѣніемъ Іезекіиля XLVII, часто толковавшагося иносказательно, какъ эсхатологическое. Вниманіе Мейера особенно обратили на себя стихи 16: «Ты же, сынъ человѣческій, возьми себѣ одинъ жезлъ и напиши на немъ: Іудѣ и сынамъ Израилевымъ, союзнымъ; и еще возьми жезлъ и напиши на немъ: Іосифу; это жезлъ Ефрема и всего дома Израилева, союзаго съ нимъ. И сложи ихъ у себя одинъ съ другимъ въ одинъ жезлъ, чтобы они въ рукѣ твоей были одно». Это толкуется далѣе въ томъ смыслѣ, что Господь возьметъ сыновъ Израилевыхъ изъ среды народовъ, соберетъ ихъ отовсюду и водворитъ въ ихъ землю, гдѣ они будутъ однимъ народомъ, съ однимъ царемъ.— Жезлъ Іезекіиля Мейеръ объясняетъ какъ *sorg* (стр. 225) = *hlautvid* въ *Völuspá*: въ послѣдней

жребій назначаетъ Ньпігъ = Энохъ сынамъ двухъ братьевъ, т. е. Иуды и Израиля. Такъ понимаетъ Мейеръ: *byrir . . . byrpra tveggja*. Мюлленгофъ (I. с. стр. 84 и 156) переводитъ: Тогда Гёнвиръ (и Лодуръ) изберуть жребій (какимъ прежде владѣли, т. е. стануть пользоваться прежними почестями) и сыновья Твегги (Tveggja) заселятъ виндгеймъ». Что такое Tveggja? Судя по тому, что Мюлленгофъ считаетъ (предположительно) Лóрог'а — братомъ Ньпіг'а, Твегги — ихъ отецъ? Heusler ¹⁾ толкуетъ: сыны Одиновыхъ братьевъ, т. е. Ньпіг'а и Лóрог'а, явившихся, быть можетъ, въ братскихъ отношеніяхъ къ Одну, какъ позднѣе Vili и Vé. Vigfusson ²⁾ колеблется: the sons of the Twin-brethren или the sons of the two brothers (Hoth and Balder); стало быть дѣти братьевъ Гёдра и Бальдра. Я считаю это толкованіе наиболѣе подходящимъ къ послѣднимъ эпизодамъ Völuspá, спустившимъ понятіе азовъ, снова объявляющихся въ Irvavöll'ѣ (строфа 46), почти къ значенію людей — ибо Всемогушій въ концѣ поэмы могъ исключить идею всякой другой божественности. Передъ концемъ свѣта одинъ братъ былъ невольной причиною убійства другого, Гёдръ Бальдра; братья будутъ ратиться; въ новомъ мірѣ Бальдръ мирно водворяется вмѣстѣ съ Гёдромъ — и Гёнвиръ, по старой памяти, назначаетъ жизненный жребій ихъ потомкамъ. Иуда и Израиль могли быть здѣсь не причемъ — да и трудно представить себѣ, съ точки зрѣнія христіанскихъ представленій о страшномъ судѣ, эпизодъ, подобный предложенному Мейеромъ: объ Энохѣ, удѣляющимъ евреямъ жребій на небесахъ, какъ Христосъ удѣлялъ таковой-же — «христіанскимъ душамъ». Въ христіанской эсхатологіи такое воззрѣніе было-бы, если не аномаліей, то unicum.

Съ 46-й по 48-ю строфу Мейеръ удерживаетъ, какъ мы видѣли, одну и ту-же сцену дѣйствія, Irvavöllr, смѣшивая, въ толкованіи его, понятія Эдема-рая и горняго Іерусалима. От-

¹⁾ Heusler, Völuspá, Die Weissagung der Seherin. Berlin 1897, p. 59 u 31.

²⁾ Corpus poet. boreale I, 201 u II, 629.

того у него нѣтъ движенія впередъ, ибо Gimlee 49-й строфы, крытый золотомъ, краше солнца, опять является горнищемъ Иерусалимомъ Апокалипсиса и Исаяи (стр. 231—2): Gimlee или Gimhlé (gim=gemma)—это и есть gemmata et aurea Jerusalem Иеронима. Съ этимъ толкованіемъ, намѣченнымъ уже другими изслѣдователями, надо согласиться; вѣрные, добродѣтельные люди, вѣчно блаженствующіе въ Gimlee—отвѣчаютъ такимъ же христіанскимъ представленіямъ, какъ образъ могучаго, сильнаго, свыше приходящаго на страшный судъ (at regindómi). Слѣдствіемъ его будетъ окончательная кара надъ грѣшниками: змѣй Nírhoggr унесетъ ихъ въ преисподнюю.

Этимъ противоположеніемъ вѣчнаго блаженства и вѣчнаго мученія кончается поэма; но Nírhoggr, прилетающій съ Nírafjöllum, отъ мрачныхъ горъ, даетъ намъ поводъ еще разъ вернуться къ строфамъ 22—24-й. Въ 23-й строфѣ золотая палата Синдри стоитъ въ Níravellir, вмѣсто чего варьянтъ читаетъ á Nírafjollum, что поддерживаетъ и Гильфагиннингъ с. 52. Такъ или иначе, но, вѣроятно, что разумѣется одна и та-же мѣстность, къ которой приуроченъ и Nírhoggr. Это ведетъ къ вопросу: вправѣ-ли мы видѣтъ въ строфѣ 23-й описаніе жилищъ блаженныхъ (покой Синдри и Ókolni), въ 24—5-й—грѣшниковъ (палата на берегу мертвыхъ)? Gylfaginning с. 52, говоритъ, что много есть хорошихъ и много худыхъ (загробныхъ) обитателей: всего лучше быть въ Гвмлэ, очень хорошо въ Ókolni, хорошо еще въ палатѣ Синдри, худо на берегу мертвыхъ. За вычетомъ Гвмлэ, мѣста вѣчно-блаженнаго пребыванія, — всё остальное представляетъ, быть можетъ, лишь градацію посмертнаго существованія — вѣдь идеи блаженства. Этимъ объяснилось бы и положеніе палаты Синдри на сѣверѣ, на темныхъ долинахъ или горахъ, откуда въ концѣ дней прилетаетъ Nírhoggr. Если такъ, то пятый отдѣлъ Мейера скорѣе было-бы надписать: Адъ, а не: Адъ и Рай. Къ изображенію перваго авторъ увлекся эпизодически—отъ изображенія связаннаго, мучимаго Локи въ строфѣ 21-й; надъ нимъ виситъ змѣя—и это сразу переносило его къ палатамъ на Nástrand'ѣ, снлетен-

нымъ изъ змѣнныхъ хребтовъ. Это худшая изъ загробныхъ обитателей, и здѣсь можно было себѣ представить себѣ Локи; передъ тѣмъ авторъ описалъ другія, въ которыхъ степень наказанія меньше. *Gylfaginning* считаетъ отъ Гимля, идя отъ понятій: лучше къ очень хорошо, хорошо, худо; восходя отъ *Nástrand*'а мы сказали бы, что въ палатѣ Синдрн и Бримира лучше, еще лучше.—Эпизоду о карѣ Локи и неестественно было вызвать изображеніе — блаженства.

III.

Свой комментарий къ *Völuspá*'ѣ Мейеръ обобщаетъ (стр. 244—6) въ краткомъ *résumé* ея предполагаемаго христіанско-аллегорическаго смысла. «Никто не станетъ отрицать, говоритъ онъ по поводу своего *résumé* (стр. 246), что весь этотъ цѣльный комплексъ глубокихъ, величественныхъ идей получился изъ пристального изученія каждой строфы поэмы съ точки зрѣнія ея содержанія, причемъ я охотно признаюсь, что кое-гдѣ вмѣсто строгихъ доказательствъ являлись предположенія, и даже предположенія дерзкаго свойства. Кто же въ состояніи перенестись въ среду средневѣковыхъ догматическихъ ощущеній, усмотрѣть въ ней непрестанно дѣятельную, часто смѣлую нетаморфозу мотивовъ, тотъ естественно усомнится и удивится странности и необычной темнотѣ отдѣльныхъ выраженій и даже цѣлыхъ серій строфъ, какъ и странному, по виду, замыслу: выразить чисто христіанскій сюжетъ въ чисто языческихъ формахъ, и выразить вѣрно — до иллюзиі (*täuschend*)). Авторъ надѣется, что эти сомнѣвающіеся обратятся на путь пониманія, какъ обратился и онъ, когда послѣ анализа частныхъ онъ поднялся на высоту, съ которой ему сталъ ясенъ внутренній планъ *Völuspá*. Подтвержденіе своего взгляда на неѣ онъ находитъ въ аналогическихъ памятникахъ болѣе древней христіанской литературы, разбору которыхъ и посвящаетъ слѣдующія (246—261) страницы.

Что этотъ разборъ не полонъ, въ этомъ сознается и самъ

авторъ (стр. 258): еще предстоитъ напр. опредѣлить отношенія *Völuspá* къ литературѣ апокрифовъ; Мейеръ имѣетъ главнымъ образомъ въ виду книгу Эноха; я не думаю, чтобы именно этому памятнику слѣдовало придавать, въ вопросѣ объ экзегезѣ *Völuspá*, какое-то особое значеніе, но въ общемъ недочетъ усмотрѣнъ вѣрно: именно апокрифы питали народную и средневѣковую поэзію своею картинностью, и ихъ нельзя было обойти хотя-бы съ точки зрѣнія метода.

Но меня удивила неполнота другого рода: недостаточность и отрывочность анализа тѣхъ памятниковъ, которые Мейеръ привлекъ къ сравненію, какъ доказательные для его цѣли. Именно этому отдѣлу надлежало дать серьезное развитіе: онъ явился-бы оправданіемъ толкованія *Völuspá*, если не его фундаментомъ, то тѣми устоями, которые поддерживаютъ готическій соборъ, безмѣрно стремящійся ввысь, къ горнему Иерусалиму, какъ-бы забывая свое каменное тѣло.

Völuspá представляетъ, на взглядъ Мейера, краткій перечень библейско-евангельскихъ событій, отъ міроздавія до страшнаго суда. Такіе христіанскіе перечни, развивающіе планъ Символы вѣры, извѣстны, и Мейеръ (стр. 246 слѣд.) обращаетъ на нихъ вниманіе. Что въ такихъ перечняхъ, при соблюденіи общей послѣдовательности, иные факты библейской или христіанской исторіи могли быть опущены, либо одни замѣнены другими,—въ этомъ нѣтъ ничего необычнаго, что-бы устранило *Völuspá* отъ сравненія.

Но сѣверная поэма представляетъ не только историческій, а историко-аллегорическій обзоръ указанныхъ фактовъ. Это вводитъ *Völuspá* въ широкое теченіе средневѣковаго аллегоризма и выразившей его литературы. Иносказательное толкованіе священнаго писанія, начавшееся въ Александріи (Филонъ), создало на западѣ не только особое направленіе богословской экзегезы, но и теченіе мысли: библейскій или евангельскій рассказъ являлся не самъ по себѣ, а показателемъ чего-то другого, въ немъ скрытаго, символически утаеннаго, какъ совершеніе или прообразованіе; вся

исторія человечества—постепеннымъ откровеніемъ, въ которомъ каждая стадія пророчески-образно приготовляетъ слѣдующую за ней. Эта идея вносила въ послѣдовательность событій генетическую связь, но ободряла и къ исканію мелкихъ параллелей, содержательныхъ, чаще внѣшнихъ: убійство Авеля явилось прообразованіемъ жертвы на Голгофѣ; Вавилонъ, вавилонская блудница, столпотвореніе и т. п. получали вносказательное значеніе; невѣста Пѣсни Пѣсней была то Церковью, то душой — и въ позднюю пору среднихъ вѣковъ образъ души, сочетающейся съ Богомъ (Пѣснь П. 3, 11), принадлежитъ къ однимъ изъ любимыхъ. Мейеръ (стр. 455 — 6) отмѣчаетъ недостаточно, по его мнѣнію, замѣченное доселѣ: что нигдѣ послѣдній мотивъ не получилъ такого своеобразнаго, чувственно-миологическаго выраженія, какъ именно у Гонорія, умѣвшаго къ тому-же соединить въ общей картинѣ *исторію спасенія человечества* вообще, отъ изгнанія изъ рая до свѣтопреставленія, съ исторіей искупленія *души индивидуальной* (=Невѣста Пѣсни Пѣсней). Сл. стр. 256.

Это положеніе Мейера приближаетъ насъ къ выводу, къ которому отчасти приготовилъ насъ и его комментарий: именно *Vqlusrá* представляется ему такой-же исторіей искупленія человечества, съ вплетенной въ нее вносказательной повѣстью о душѣ: *Gollveig'ŕ* = *Heigr* (строфы 10—11) и *vqlva'ŕ* (строфы 17 слѣд.). Авторъ *Vqlusrá* могъ заимствовать этотъ эпизодъ только у Гонорія, ибо *едва-ли* (*schwerlich*) удастся доказать существованіе подобнаго эпизода ранѣе Гонорія, охотно называющаго при другихъ случаяхъ свои источники, но горделиво указывающаго на свою самостоятельность именно въ толкованіи Пѣсни Пѣсней: *Honorius Cantica Canticorum exposuit, ita ut prius exposita non videantur* (стр. 457 и 98). Къ чему относится *ita*— вотъ вопросъ, который Мейеръ предпринялъ въ свою пользу, увѣренный, что дѣло касается именно аллегорическаго пониманія невѣсты = души и что его толкованіе *Gollveig'ŕ* и не вызоветъ сомнѣній. Наши сомнѣнія мы выразили въ своемъ мѣстѣ; въ виду ихъ я и не даю особаго значенія требованію, которое не-

вольно вызывается гипотетическимъ заявленіемъ Мейера — о первенствѣ Гонорія. «Едва-ли» — не рѣшеніе, а вызовъ къ дальнѣйшимъ поискамъ, потому важнымъ, что ими рѣшается хронологія Volusrá. Двойственность пониманія «невѣсты» какъ церкви и вмѣстѣ индивидуальной души восходитъ къ самымъ началамъ христіанско-аллегорическаго толкованія Пѣсни Пѣсней, усвоенному отъ Синагоги. Такъ уже у Оригена, объясняющаго невѣсту Церковью, но главнымъ образомъ сводящаго Пѣсню Пѣсней къ изображенію отношеній Бога или божественной любви къ отдѣльной человѣческой душѣ. Понятіе церкви вводило въ толкованіе историческій элементъ: если бл. Августину Пѣсня Пѣсней представилась изображеніемъ исторіи Евреевъ, то его послѣдователи включили въ ея рамки и исторію новозавѣтную. Это точка зрѣнія Апонія (VII вѣка)¹⁾: Sapientissimo Salomoni, quicquid ab initio mundi usque in finem in mysteriis egit acturusve erit Dei sermo erga *Ecclesiam*, in figura et in aenigmatibus est demonstratum. In quo Cantico omnia quae narrantur tecta mysteriis in Verbi incarnatione revelata et completa docentur. Ubi allisa erigitur *humana progenies*, compedita absolvitur, corrupta ad virginitatis integritatem reformatur, expulsa Paradiso redditur, ex captiva libera, ex peregrina civis, ex ancilla domina, ex vilissima regina et sponsa Creatoris sui verbi Dei Christi benignitate effecta ostenditur, quae digna sit ejus suscipere oscula et una cum eo effecta spiritu, in caelestibus sublimata regnare... Quae immensa potentia, quae bonitatis dulcedo, quae miserationis superlativa omnium operum flagrantia paternae virtutis admirata ab angelis omniumque sanctorum choris praecelsis vocibus perpetuisque laudibus efferretur, nisi ut dominus ancillam vere pauperulam, ut aeternus mortalem per assumptionem carnis, *Rex Dominus Iesus Christus Ecclesiam* (id est: *Dei Sermo animam*) sibi sub conjugis titulo copularet. — Соединеніе ecclesia, humana

¹⁾ Commentariorum Aponi in Cantica Canticorum lib. I, Maxima Bibl. veterum patrum, Lugduni 1677, t. XIV, стр. 99^b—100^a.

progenis и апіша — это и есть исторія спасенія человѣчества вообще въ связи съ исторіей искупленія души индивидуальной; не самостоятельное измышленіе Гонорія, на которомъ дозволено было-бы построить какіе нибудь выводы, исторію его вліяній. Между тѣмъ Мейеръ продолжаетъ тяготѣть къ нему: съ Гоноріемъ, какъ источникомъ Volusrá, мы остаемся въ XII-мъ вѣкѣ, къ которому, по мнѣнію изслѣдователя, относить поэму и многое другое: только къ началу этого столѣтія эпизодъ отпаденія (борьбы) ангеловъ и символика креста получили то развитіе, какое предполагается ея содержаніемъ (стр. 236); только въ эту пору европейская поэзія на столько освоилась съ антикомъ, что могла шире и смѣлѣе пользоваться матеріаломъ языческаго міа для выраженія христіанскихъ идей (стр. 267): если въ одномъ латинскомъ гимнѣ IX вѣка являются гиганты и Фетида (стр. 250), то въ миниатюрахъ къ энциклопедіи Hergrad'ы von Landsberg въ разсказѣ о міроздапіи мы видимъ Sol-Аполлона, Нептуна, Эола и т. д., а въ Anticlaudianus Алана ab Insulis въ борьбѣ души, поддерживаемой добродѣтелями, съ пороками фигурируютъ римскія божества, въ эпизодъ созданія новой души—Творецъ, Jupiter или Topans, и парки (стр. 254).

По нашему мнѣнію Мейеръ радикально ошибается, выводя изъ этихъ фактовъ такое заключеніе (стр. 257): если Геррада и Аланъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ произведеній пытались воскресить къ поэтической жизни мнѣшескія божества *другою народа, давно забытыя или заброшенныя*, то автору Volusrá боги и демоны, введенные имъ въ исторію христіанскаго искупленія, хотя и представляются погибшими или побѣжденными, отверженными, тѣмъ не менѣе это — боги и демоны его родины и предковъ, въ которыхъ вѣрили еще недавно, отчасти и его современники, и онъ чаетъ въ нихъ на столько свѣжей поэтической силы, что сдѣлалъ ихъ главными носителями—христіанской исторіи искупленія».

Тутъ перепутано многое, что надо бережно отдѣлать, чтобы дойти — до нерва Volusrá. Фетида и гиганты въ гимнѣ IX вѣка

и аналогическіе образы у Геррады стоятъ въ одномъ теченіи, восходящемъ къ синкретическому, въ смыслѣ религіознаго міросозерцанія, искусству катакомбъ, гдѣ Христосъ изображался въ образѣ Орфея, Психея символизowała душу и т. п. Эти образы-синонимы установились — и повторялись безсознательно, по традиціи; изображая море античнымъ морскимъ божествомъ — божество собственно забывали, помнили гіероглифъ, отъ божества открестились-бы, либо обратили-бы его въ демона. Но это лишь одна сторона вопроса; другая въ слѣдующемъ: когда Аланъ вызываетъ на сцену языческихъ боговъ, называетъ творца — Юпитеромъ, какъ позднѣе Боккаччо будетъ играть такой-же номенклатурой, они цѣликомъ стоятъ на точкѣ зрѣнія — гіероглифа: нишутъ по латыни, подражая классикамъ, знакомые съ ихъ Олимпомъ, который для нихъ обобщился до значенія поэтической *cheville*, общаго мѣста; тутъ вопросъ стиля, не религіознаго синкретизма; чѣмъ глубже эти люди стоятъ въ преданіи христіанства, тѣмъ свободнѣе ихъ отношенія къ классическому язычеству. Оно отъ нихъ далеко, да и не свое.

Авторъ *Völusrá* былъ въ другомъ положеніи; по словамъ Мейера боги и демоны, которыхъ онъ ввелъ въ поэму, были *его богами*; еще встрѣчались современники, приносившіе имъ жертвы, и онъ раздѣлялъ съ ними вѣру въ ихъ, хотя-бы только поэтическую живучесть. Эта точка зрѣнія, исключая сравненія съ гимномъ IX вѣка, Аланомъ и Геррадой, относитъ насъ къ параллелямъ катакомбъ, къ тому полувѣрному синкретизму, который напвно изображалъ Спасителя — Орфеемъ. Мы настаиваемъ на выраженіи: полувѣріе; чѣмъ яснѣе выразится въ сознаніи сущность христіанства, тѣмъ невозможнѣе станетъ смѣшеніе понятій и образовъ, и надо допустить значительное хронологическое удаленіе отъ язычества, чтобы средневѣковой богословъ или поэтъ могъ счесть его безопаснымъ, поэтически-отвлеченнымъ матеріаломъ. Если-бы авторъ *Völusrá* вывелъ на сцену Фетиду и гигантовъ, мы сказали-бы, не общуясь, что онъ подражаетъ напр. Алану; но онъ орудуетъ богами, такъ сказать,

еще живыми, заставляя ихъ служить выраженіемъ христіанскихъ идей. Такъ, въ его положеніи, могъ поступить лишь человѣкъ полувѣрный или двоевѣрный, не ученый богословъ, увлекшійся Гоноріемъ и его аллегорическимъ «романомъ о Психее». Если такъ, то уровень литературы, которой пользовался авторъ Vǫlusprá, долженъ быть пониженъ: у него по прежнему могли быть въ рукахъ христіанскія источники, но не комментарію Иеронима, не Лактанцій, Гонорій и т. п. (сл. стр. 259), а болѣе низменные, образныя легенды, апокрифическіе рассказы; онъ могъ и не читать ихъ, а наслышаться о нихъ.

Изъ поставленной мною дилеммы я не въ состояніи выйти: или авторъ Vǫlusprá былъ ученый богословъ, въ такомъ случаѣ логически и психологически непонятно его отношеніе къ не вымершимъ еще богамъ и роль, которую онъ имъ создалъ: представителей христіанскаго откровенія. Мейеръ называетъ этотъ замыселъ смѣлымъ (стр. 265); я считаю его невозможнымъ. Или составитель поэмы былъ полу-христіанинъ, полу-язычникъ и поэтъ, излюбившій болѣе простой и народный, чѣмъ вычурный стиль скальдовъ своего времени (стр. 262), но подобно имъ зараженный односторонней, безвкусной тенденціей: выражать всѣ понятія мифологически (стр. 265). Этого вполне достаточно, чтобы объяснить себѣ, почему тѣ крохи христіанской легенды или мифосказанія, какія могли попасть къ нему, уложились въ ту-же мифологизирующую рамку, отвѣчая тѣмъ-же вкусомъ.

Мейеръ, очевидно, не имѣлъ въ виду всѣхъ этихъ соображеній, увлеченный Психеей Гонорія, Гульвейгой Vǫluspráы. Такъ какъ вторая представляется ему въ несомнѣнной зависимости отъ первой, то онъ и строитъ такую хронологическую схему (стр. 272—273): сочиненія Гонорія написаны между 1100 и 1125-мъ годами: въ 1150 году Einarr Skulason обнаруживаетъ уже знакомство съ Vǫlusprá; стало быть, между 1125 и 1150 годомъ не только произведенія Гонорія стали извѣстны въ Исландіи, но и составилась навѣянная ихъ идеяи Vǫlusprá. Противъ такого приуроченія ничего не говорятъ показанія ея языка,

25 *

хотя ничего не говорят и за него (стр. 271); а въ первой половинѣ XIII вѣка *Völusþrá* считалась уже древней поэмой. Мы можемъ, впрочемъ, еще ближе опредѣлить время ея написанія, если примемъ гипотезу Мейера, что ея авторомъ былъ никто иной, какъ Сэмундъ Сигфуссонъ: онъ умеръ въ 1133 году (стр. 276), *Völusþrá*, стало быть, могла быть написана не позже 30-хъ годовъ XII вѣка. Могла-ли такая поэма считаться въ половинѣ слѣдующаго столѣтія древней — этого вопроса я не касаюсь; но почему она осталась безыменной?

Мейеръ отвѣчаетъ на это мимоходомъ въ послѣдней части своего изслѣдованія, результаты котораго я передамъ въ краткихъ чертахъ.

Сэмундъ (род. въ 1154 или 1056 г.) былъ изъ числа тѣхъ родовитыхъ юношей, которыхъ скальгольтскій епископъ Gizurr призывалъ къ пастырскому служенію и научнымъ занятіямъ. Онъ долго жилъ за границей, неизвѣстно гдѣ: во Франціи, Германіи или Италіи, и въ 1076 или 1078 годахъ вернулся въ Исландію (стр. 276—7), гдѣ въ то время грамматика, поэтика, музыка, богословіе и мистическая легенда изучались въ школахъ Скальгольта, *Haukaadalr*, *Holar* и *Oddi*, и еще стояла въ цвѣту поэзія скальдовъ (стр. 273—274). Сэмундъ воротился назадъ богословомъ, лучшимъ «клерикомъ Исландіи» (стр. 277); легенды, еще до сихъ поръ ходящія на островѣ, объ искусствѣ, пройденномъ имъ въ школѣ магін, могутъ быть дѣйствительно истолкованы какъ народная иллюстрація тайновѣдѣнія много рода: обладая обширною начитанностью, Сэмундъ любилъ отдаленные, не всѣмъ доступные источники знанія, и у него была склонность углубляться въ «темныя стороны мудрости» (стр. 278). Это идетъ къ автору *Völusþrá*; правда, о Сэмундѣ неизвѣстно, былъ-ли онъ поэтомъ — но это вѣроятно, полагаетъ Мейеръ (l. c.); старое преданіе, восходящее къ XVII-му вѣку и, можетъ быть, ранѣе, о принадлежности Сэмунду всей стихотворной Эдды (стр. 275) онъ разъясняетъ (стр. 290) въ томъ смыслѣ, что Сэмундъ является вѣроятнымъ авторомъ *Völusþrá*'ы, большая же часть

пѣсенъ Эдды, такъ называемыя Единическія пѣсни, *Hundloiof*, *Rigsrula* и *Nafnarulur* вышли изъ школы въ Oddi, главой которой былъ Семундъ. Школу Oddi Мейеръ представляетъ себѣ хранительницей его традиціи, его рукописей, съ его пометками на поляхъ (стр. 281), указывавшими на его источники. Имъ воспользовался Einar Skulason (стр. 282 слѣд.), одинъ изъ лучшихъ скальдовъ XII вѣка, обладавшій даромъ стиха и поэтической формы, любившій красоваться своимъ знаніемъ народнаго міеа. Интерполіаціи въ Сэмундовой поэмѣ принадлежатъ ему: онѣ отличаются міеологическимъ характеромъ, но нѣкоторыя изъ нихъ показываютъ, что пометки Сэмунда не прошли для него даромъ и что, интерполируя его поэму, онъ почерпнулъ изъ-же его источниковъ. Примѣры такого рода дополнительной работы, поразившіе насъ своею странностью, объясняются косностью школьнаго преданья, на стези котораго находится и Снорри: его *Gylfaginning* въ прямой отъ него зависимости, онъ также пользовался наслѣдіемъ Сэмунда (стр. 280—1), его библиотекой и *Vqlusrá*'ой, но уже съ интерполіаціями Einar'a Skulason'a (стр. 283). Замѣчательна при этомъ послѣдовательность, съ которой Снорри умалчиваетъ имя человѣка, его вдохновившаго, учителя; у послѣдняго были поводы скрыть свое имя; на нихъ указываетъ Мейеръ (стр. 279): языческій колоритъ *Vqlusrá* могъ вызвать кривые толки, а они были не желательны въ ту пору, когда пріятель Сэмунда, епископъ Jon Ögmundarson, доводилъ свое рвеніе до запрета—обозначать среду и четвергъ именами Одниа и Тора. Сага объ епископѣ Ionѣ, говоря о совместной дѣятельности обоихъ друзей на пользу церковнаго устройства и назиданія, называетъ ихъ столпами церкви, а Семунда ея великимъ радѣтелемъ (стр. 277). Оказывается, что одинъ изъ радѣтелей счелъ нужнымъ скрыть свое имя при поэмѣ христіанскаго содержанія, но виѣшняго языческаго аппарата, а его ученики продолжали утаивать ея автора, вѣроятно, по тѣмъ-же, какъ и онъ, побужденіямъ; другихъ мы не можемъ себѣ представить. Если такъ, то и въ ихъ пору были ревнители по вѣрѣ, для которыхъ синкретизмъ *Vqlusrá*'ы

показался-бы зазорнымъ — и релігіозное міросозерпаніе ея автора и его послѣдователей по прежнему представляется психологической загадкой. Не всѣхъ удовлетворитъ объясненіе Мейера (стр. 267—8): что *Völuspá*—ученое стилистическое упражненіе высоко-образованнаго богослова, котораго забавляла задача: выразить величественное содержаніе чуждой релігій, священнѣйшій изъ христіанскихъ сюжетовъ, языкомъ народнаго пророчества, полнымъ загадочныхъ оборотомъ и мнѣвческихъ аллюзій. Къ этимъ словамъ Мейеръ присоединяетъ еще слѣдующія: «на сколько при этомъ *въ думѣ поэта было серьезной стры въ мистическую прообразовательность языческихъ божествъ по отношенію къ христіанской повѣсти искупленія — на этотъ вопросъ едва ли возможенъ точный отвѣтъ*». Мы уже сказали, что въ этомъ вопросѣ — всё дѣло, а его надо было поставить, прежде чѣмъ признать *Völuspá* твореніемъ высокообразованнаго богослова XII вѣка.

Если, цитую *Völuspá*, Снорри не называетъ имени ея автора, то всего проще предположить, что онъ и не зналъ его. Къ Сэмунду Мейеръ пришелъ очевидно двумя путями: изъ легенды, приписывавшей ему авторство стихотворной Эдды, и изъ комментарія Гонорія, въ которомъ онъ думалъ найти объясненіе нѣкоторыхъ темныхъ эпизодовъ *Völuspá*. Гонорій привелъ его хронологически къ Сэмунду мудрому, учившемуся въ западныхъ школахъ — когда, добавимъ, Гонорій еще не выступалъ на поприще литературной дѣятельности, если она относится къ 1100 — 1125 годамъ, тогда какъ Сэмундъ вернулся на родину въ 70-хъ годахъ XI-го в. Онъ, впрочемъ, могъ познакомиться съ трудами Гонорія и позже уже въ Исландіи.

Но дѣло не въ этихъ мелочахъ, а во всей методической постановкѣ вопроса. Нашъ взглядъ на него выяснился изъ предыдущаго разбора, въ которомъ, надѣюсь, не обойдено ничего, что въ изслѣдованіи Мейера является существеннымъ. Мы должны быть благодарны ему за попытку приложить ко всему составу *Völuspá* критерія христіанскихъ источнковъ, даващаго нѣ-

сколько убѣдительныхъ результатовъ при анализѣ подробностей и отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы. Кое-гдѣ изслѣдованіе Мейера повело эту частичную работу далѣе и не безъ успѣха; объяснить цѣлаго, по тѣмъ-же приемамъ, ему, на нашъ взглядъ, не удалось, но полезно было попытаться сдѣлать это, хотя бы подъ опасеніемъ оставить въ читателяхъ впечатлѣніе отрицательнаго свойства: non liquet! Эта точка зрѣнія опредѣлила и свойства моего разбора, не задавагося цѣлью поставить новое цѣлое вмѣсто предположеннаго Мейеромъ, а имѣвшаго въ виду лишь указать на невозможность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, такой реконструкціи вообще.

XIX.

Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія.

I.

Посланіе Новгородскаго архіепископа Василія «о земномъ раѣ»¹⁾ важно не только какъ памятникъ церковно-религіознаго развитія русскаго общества въ половинѣ XIV вѣка, но и какъ памятникъ литературный. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны его указанія на легенды²⁾ и апокрифическія статьи, слѣды которыхъ до сихъ поръ еще живы въ русскомъ народномъ суевѣріи. Изучать его «осязаемые» источники тѣмъ необходимѣе, тѣмъ чаще прежняя экзегеза ограничивалась указаніемъ на до-историческое сродство повѣрій, на прирожденные народу мнен-

---

¹⁾ Первая глава этой замѣтки воспроизводитъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, мою статью: Историко-литературныя замѣтки I: Параллели къ сказанію о «Новгородскомъ раѣ», Филологическія записки 1875, III, стр. 1—7.

²⁾ Укажу здѣсь лишь на легенду о вратахъ: «Самовидѣцъ есмь сему, брате: егда Христовъ, идый въ Іерусалимъ на страсть волную, затвори своими руками врата градная, и до сего дня не отвориши [суть]». Сл. Новгородскія глгописи, изд. Археогр. комиссіи (1879), стр. 227 и указанія на Хожденія митрополита эссескаго Данила и архим. Греченія въ моей замѣткѣ: Къ вопросу объ образованіи нѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССXXXIX, отд. 2, стр. 170.

ческіе типы и т. п. Я останавлиюсь на первых порахъ на преданіи о «новгородскомъ раѣ», являющемся въ пересказѣ Василія съ особенно подчеркнутымъ мѣстнымъ колоритомъ. Точное опредѣленіе его источниковъ невозможно; къ гипотетическому насъ приведутъ слѣдующія параллели. Вотъ содержаніе разсказа.

«А то мѣсто святаго рая находилъ Мовславъ Новгородецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ ихъ было три юмы, и одна отъ нихъ погябла много блудивъ, а двѣ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ к высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ дѣисусъ лазоремъ чуднымъ и велии издивленъ паче мѣры, яко не человекъскими руками сотворенъ, но Божіею милостию; и свѣтъ бысть в мѣстѣ томъ [само]сіянецъ, яко не мощи человекъку исповѣдати, и пребыша ту [долго] время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша ту, но свѣтъ бѣ многочастный, свѣтлуяся паче солнца; а на горахъ тѣхъ ликованія многая слышаху и веселія гласы воспѣвающа. И повелѣша единому отъ нихъ взыти на гору ту, и видѣти свѣтъ и ликованія и глаголы, и яко взыде на гору ту, и абіе восплеснувъ руками и возрадывася, и побѣже отъ нихъ к сущему гласу тамо. Они же велии удивившася, и послаша другаго, да скажетъ имъ яже тамо видѣтъ, что есть бывшее на горѣ; той такожде сотвори, съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они же, видѣвши сіе, страха напознишася, и начаша размышляти к себѣ, глаголюще: аще ли и смерть случится, но видѣли быхомъ свѣтлость мѣста сего — и послаша третіяго на гору ону, [привязавъ ужищемъ за ногу его]; такоже и той хотѣ створити, восплескавъ руками радостно, и побѣже, в радости той забывъ ужище на нозѣ своей, они же протягнуша его ужищемъ, и в томъ часѣ обрѣтеса мертвъ. Они же возвратишася вспять, понеже не дано имъ есть видѣти тоя свѣтлости невзреченныя и ликованія тамо слышащаго; и нынѣ брате, тѣхъ мужей дѣти и внучата добры здоровы»¹⁾.

¹⁾ Новгородскія лѣтописи, изд. археограф. комиссіи (1879 г.), стр. 228; текстъ Софійскаго Временника у Буслаева, Истор. Христом., стр. 964—6.

Эта легенда, рассказанная новгородскимъ архіепископомъ Василіемъ въ его посланіи къ владыкѣ Тверскому Феодору II¹⁾, интересна своимъ приуроченіемъ. Мѣсто земнаго рая находятъ новгородцы Моиславъ и Яковъ; ихъ путешествіе описано съ чертами реальности; у нихъ было три юмы, одна изъ нихъ погибла, двѣ другія принесло вѣтромъ къ высокимъ горамъ; дѣти и внуки тѣхъ людей еще живы, говоритъ архіепископъ Василій (1331—1352), побуждая насъ отнести странствованіе Моислава съ сыномъ по крайней мѣрѣ ко второй половинѣ XIII вѣка. Если пословица въ сборникѣ Янькова: «новгородскій рай нашель» стоитъ въ связи съ нашимъ рассказомъ, то мы получимъ и свидѣтельство популярности, которымъ онъ пользовался въ Новгородѣ. Тѣмъ не менѣе возможенъ вопросъ: имѣемъ-ли мы право отнести его къ дѣйствительно «народнымъ преданіямъ» о раѣ? Легко предположить, что эта легенда не русскаго происхожденія, а только занесена въ Новгородъ и рассказывалась о новгородцахъ.

Въ концѣ XIII вѣка Heinrich von der Neuenstadt обработалъ въ нѣмецкихъ стихахъ извѣстный и въ нашей литературѣ романъ объ Апполоніи Тирскомъ²⁾. Слѣдуя въ цѣломъ латинскому подлиннику, онъ позволялъ себѣ украшать его эпизодами своего собственнаго изобрѣтенія, либо заимствованными имъ изъ другихъ источнковъ: онъ не разъ ссылается въ такихъ случаяхъ на какую-то древнюю книгу. Самая пространная вставка включена непосредственно вслѣдъ за рассказомъ о томъ, какъ Аполлоній прибылъ въ Тарсъ и передалъ свою дочь на попеченіе Странгвиліона. Отсюда начинается цѣлый рядъ приключеній Аполлонія, въ стилѣ romans d'aventures: тѣ же битвы и далекія

¹⁾ Сл. Библиографическіе матеріалы А. Н. Попова, Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и древностей 1889 г., кн. III, стр. 39.

²⁾ Schröder, Griselidis. Apollonius von Tyrus. Aus Handschriften herausgegeben въ Mittheilungen der deutschen Gesellschaft zur Erforschung vaterländischer Sprache und Alterthümer in Leipzig, V B. 2 H., стр. XIV—LXXI (извлеченіе и пересказъ поэмы Генриха von der Neuenstadt); Strobl, Heinrich von Neustadt, Apollonius. Von Gotes Zuokunft (Wien, 1876). Я цитую по этому изданію.

странствованія, цѣлый міръ чудесъ и невѣроятная географія. Съ возвращеніемъ Аполлонія въ Тарсъ мы снова входимъ въ рамки стараго греческаго романа. Непосредственно передъ тѣмъ, въ самомъ концѣ вставки, помѣщенъ эпизодъ о «земномъ рабѣ». Аполлоній держитъ моремъ путь къ Галатіи, видитъ по дорогѣ стѣну, высоты трехъ копъиць; какъ ни объѣзжали ее путники, входа не нашли; тогда

einer steic ouf den maspoum,
 er wolte rechte tuon goum,
 daz er sagte maere
 waz in der purc waere.
 dô er ouf den maspoum kam
 und der stat gesiht vernam,
 erlachte er als er waere frô:
 hende und fûeze liez er dô
 und viel in die stat nider.
 si warttent, wanne er kaeme wider:
 des was im lützel gedâht.
 ein ander wart dar præht,
 der sluoc zesamen fûeze und hant
 und sprang ouf die schoenen want,
 dar nâch viel er ze tal
 hinab in den wîzen sal.
 sust sprungen zehen dâ hin.
 daz nie keiner under in
 her wider ouz wolte komen,
 daz man die wârheit hiet vernomen,
 waz in der moure waere.
 dô sprach ein marnaere:
 «pintt umb mich ein starkez scil:
 ob ich ouch wurde sô geil
 daz ich wolte springen nider,
 sô ziehet mich mit kraft her wider,
 sô sage ich eu die wârheit
 von der stat gelegenheit».
 sie punden in gar vaste.
 do er kam zuo dem maste,
 dô wolte er ouch gesprungen hân

als dâ vor was getân:
 dô habten sie in vaste
 oben auf dem maste.
 er schré mit lauter stymme,
 sin clage deu was grymme.
 doch zukten sie in vaste wider
 hintz daz er kam zuo in hernider.
 dô was er als ein stumbe.
 sie kërten in umbe,
 daz er wort nie gesprach
 und mit den ougen niht ensach.
 er lac an der stat tôt.
 sie sprachen: «waz ist dise nôit?
 wir suln schier von hinnen varn
 und unser leben pœz pewarn».
 er huop sich von dannen
 mit allen sinen mannen.
 sie sprâchen: in allen wîs
 dâ mac wol sin ein paradts» (l. c. p. 80—1).

Разсказъ, какъ видно, совершенно сходный съ новгородской легендой, только образъ райской горы замѣненъ представленіемъ райской стѣны. Въ слѣдующихъ нѣмецкихъ сказаніяхъ, записанныхъ въ Германіи, мы встрѣтимъ такое же чередованіе горы и стѣны; только исчезъ образъ моря, приморская сказка утратила свой колоритъ въ средненѣмецкихъ пересказахъ. По одному изъ нихъ рыцарь vom Ueberlingersee доходитъ въ своемъ семилѣтнемъ странствованіи до конца свѣта; въ пустынь передъ нимъ поднимается высокая стѣна; желая узнать, что лежитъ за нею, онъ поочередно помогаетъ двумъ своимъ служителямъ взобраться на нее, но они тотчасъ же спускаются на другую сторону и не возвращаются болѣе, потому что попали въ земной рай; самъ же рыцарь не въ состояніи одинъ взобраться на стѣну ¹⁾. По другому разсказу рыцарь названъ графомъ Стадіономъ; онъ заблу-

¹⁾ Meyer, Volksmärchen aus Schwaben, № 61. Das Nebelmännle. Cz. Germania IV, 74.

дился въ дремучемъ лѣсу и тамъ набрелъ на стѣну рая, за которую также спускаются безвозвратно два его служителя ¹⁾).

Сообщу въ заключеніи еще одну редакцію той же легенды, напечатанную Бирлингеромъ ²⁾).

Однажды трое отправились путешествовать. Странствовали они по всякимъ чужимъ землямъ и прибыли наконецъ къ одной очень высокой горѣ. Тамошніе жители не могли сказать имъ, что за земля находится на другой сторонѣ. Странники удивились этому; имъ представилось, что тамъ именно находится рай, и они дали обѣтъ во что бы то ни стало взойти на гору. Двое изъ нихъ остались внизу и помогли третьему взобраться. Когда онъ уже былъ наверху и его спросили, что онъ тамъ видитъ, онъ только улыбнулся и пошелъ за гору. Тогда послали на гору второго путника, взявъ съ него слово сказать, что онъ увидитъ по ту сторону въ раю. Но и этотъ поступилъ точно также, какъ и первый. Тогда стоявшій кругомъ народъ помогъ и третьему взлѣзть наверхъ, но привязалъ ему веревку за ногу, чтобы тотчасъ же стащить его, когда онъ попытается уйти безъ объясненія, какъ то сдѣлали другіе. Только что онъ взобрался, какъ началъ улыбаться и уже хотѣлъ перейти въ рай, какъ народъ быстро стащилъ его и осыпалъ вопросами. Бѣдный парень пытался что-то сказать, но вдругъ сдѣлался нѣмъ. Такъ любопытный народъ не узналъ ровно ничего о раѣ и по сей день знаетъ не болѣе.

Преданіе о новгородскомъ раѣ принадлежитъ, повидимому, къ тѣмъ баснословнымъ рассказамъ о стравахъ незнаемыхъ, которые распространились въ Европѣ съ литературою путешествій. Въ торговыхъ приморскихъ городахъ эта литература должна была пользоваться особою популярностью — что и объясняетъ мѣстное приуроченіе новгородской повѣсти. Приведу въ подтвержденіе легенду о раѣ на востокѣ, занесенную въ путе-

¹⁾ Сообщено А. Birlinger'омъ Umland'y. См. Umland's Schriften VII, 428.

²⁾ Aus Schwaben II, стр. 369.

шестьи Мандевилля ¹⁾: онъ лежитъ на горѣ, столь высокой, что, говорятъ, она упирается въ небо, въ кругъ луны. Рай обнесенъ стѣнами, расположенными крестообразно, обросшими плющемъ и мохомъ. Къ нему одинъ лишь путь, по которому, безъ помощи Божіей, не можетъ пройти ни одинъ смертный, потому что ему угрожаетъ тамъ пламя, великая тьма и дикіе звѣри. Говорятъ, что многіе удалцы отваживались на это странствіе и не могли совершить его: нные оглохли, другіе ослѣпли или потеряли разумъ, либо вовсе не вернулись, погибнувъ на пути. «Оттого я и не могу обо всемъ этомъ сказать что-либо положительное, кромѣ того только, что райскую гору можно видѣть издали». — Сходный рассказъ встрѣчаемъ въ итинераріи Iohannes de Hese ²⁾: *Ulterius navigando per duodecim dietas venimus ad montem qui vocatur Edum, qui est nimis altus ad modum turris, ita quod non potest esse accessus ad illum. Super illum montem dicitur esse paradysus terrestris. Circa horam vesperarum, cum sol descendit versus illum montem, tunc videtur murus paradysi in magna claritate et pulcritudine ad modum stellae.*— Въ хожденіи св. Брандана ³⁾ представленіе горы усвоено аду, но нѣкоторыя подробности напоминаютъ новгородскую легенду о раѣ, тогда какъ другія дадутъ намъ поводъ поставить новыя параллели — въ объясненіе смежнаго эпизода Посланія Василія: объ адѣ на морѣ.

II.

На своемъ пути Бранданъ съ товарищами видятъ островъ; Бранданъ поясняетъ: *Tres populi sunt in illa insula: unus ruogo-*

¹⁾ *Reysen und Wanderschaften des hochehernen und weitberumpten Herrn Doctors und gebornen Ritters Iohaannis de Montevilla etc.* (въ нѣмецк. перек. Оттома von Demeringea), Cöln, 1600, стр. 248—246.

²⁾ Oppert, *Presbyter Iohannes*, 1-е изд., стр. 191.

³⁾ *Sancti Brandani, ein lateinischer und drei deutsche Texte* hrsg. von Dr. Carl Schroeder. Erlangen, 1871, стр. 28—4 и 29.

rum, alius juvenum, tercius vero seniorum. *Porro unus ex fratribus nostris illic peregrinabitur.* На вопросъ спутниковъ, онъ указываетъ имъ на одного изъ трехъ монаховъ, послѣдовавшихъ за нимъ изъ обители: *iste est ille frater qui permansurus est ibi. . . Erat illa insula mire planiciei in tantum, ut illis videretur equalis mari, sine arboribus aut aliquo quod moveretur a vento. Valde enim erat spatiosa, tamen cooperta scaltis albis et purpureis, ibique viderunt tres turmas sicut vir Dei predixerat: nam inter turmam et turmam spacium erat quasi jactus lapidis de funda, et semper huc atque illuc ibant et una turma cantabat stando in uno loco dicens: Ibunt sancti de virtute in virtutem et videbunt Deum Deorum in Syon (Psalm. 84 = Vulg. 83, v. 8).* Когда одинъ сонмъ кончалъ стихъ, другой повторялъ его, и такъ дѣлали непрерывно; одинъ сонмъ былъ одѣтъ въ бѣлыя одежды, второй въ одежды цвѣта гиацнта, третий въ пурпурныя ризы (*dalmaticis*). Тогда былъ четвертый часъ; въ 6-мъ и 9-мъ и въ вечерню (*ad vesperas*) повторилось то-же антифонное пѣніе, но псалмы были другіе; свѣтлое облако (*mire claritatis*) осыпало островъ, оно помѣшало путникамъ видѣть его, но голоса были слышны. Объ утреннѣ псалмы снова смѣнились; на разсвѣтѣ островъ очистился отъ облака, и раздалось новое пѣніе. Послѣ того таинственныя турмае совершили закланіе непорочнаго агнца и причастились его: *itaque finita immolatione, duo ex turma juvenes portabant cophinum plenum de scaltis purpureis et miserunt in navem dicens: «Sumite de fructu insulae virorum fortium et redite nobis fratrem nostrum et proficiscimini in pace».* Tunc sanctus Brandanns vocavit praedictum fratrem ad se et ait: *Osculare fratres tuos et vade quia te invitant. Bona hora suscepit te mater tua, quia meruisti habitare cum tali congregatione. Osculatisque omnibus et sancto fatre, ait ille sanctus pater: Fili, recordare, quanta beneficia proposuit tibi Deus in hoc seculo. Vade, ora pro nobis.* И онъ послѣдовалъ за юношами.

Слѣдующій далѣе эпизодъ является какъ бы обратной стороной сообщеннаго: путникамъ представляется на подѣверной

сторонѣ гора, воздымавшаяся изъ океана, съ сильно дымившейся вершиной. Вѣтеръ понесъ ихъ прямо къ острову. Erat namque ripa illius magne altitudinis, ita ut summitatem vix potuissent videre, et coloris carbonis et mire rectitudinis sicut murus. Unus quidem qui remansit ex tribus fratribus qui secuti sunt sanctum Brandanum de suo monasterio, exiit foras de navi et cepit ambulare usque ad fundamentum, qui cepit clamare dicens: «Ve michi, frater! Predor a vobis et non habeo potestatem venire ad vos». Fratres confestim navim retro ducebant a terra et clamabant ad Dominum dicentes: Miserere nobis, Domine, miserere nobis. At vero venerabilis pater cum suis sociis aspiciebat, quomodo ducebatur ille infelix a multitudine demonum ad tormenta et quomodo incendebatur inter illos. Atque dicebat: «Ve tibi, fili, quia recepisti in vita talem finem».

Въ русской легендѣ рай на *высокой горѣ*, какъ адъ въ путешествіи Брандана; *самостоянный сонъ* напоминаетъ *облако mire claritatis*, ослѣпившее жилище блаженныхъ; оба спутника Брандана *предызбраны* для того или другого пребыванія, ихъ увлекаютъ; въ разсказѣ у Василія три человека *посланы* одинъ за другимъ на гору, какъ развѣдчики, двое изъ нихъ остаются тамъ, третій, къ ногѣ котораго привязали веревку, стащепъ внизъ мертвымъ.

Ирландская легенда (VIII—IX вв.), изъ рода imgha (разсказы о морскихъ хожденіяхъ), недавно разобранныя Циммеромъ ¹⁾, представляетъ ту-же двойственность эпизодовъ, что и Бранданъ, но въ разсказѣ есть описанія, сближающія ее тѣснѣе съ источникомъ русскаго сказанія. Предызбранности нѣтъ, идутъ развѣдчики: въ первомъ, адскомъ эпизодѣ ихъ нѣсколько, отправляющихся другъ за другомъ; во второмъ—идетъ одинъ и не возвращается болѣе изъ страны блаженныхъ.

Вотъ содержаніе соотвѣтствующихъ эпизодовъ Imgha Cu-

¹⁾ Zimmer, Keltische Beiträge II: Brendans Meerfahrt in Zeitschrift f. deutsches Alterthum XXXIII, 2 Heft, стр. 159—60, § 15, и стр. 171, § 81.

gaig Maelduin: путники видятъ большой островъ, а на немъ толпу черныхъ людей, въ черныхъ одеждахъ, съ покрытыми головами. Они плакали и стонали. На второго изъ названныхъ братьевъ Maelduin'a палъ жребій пойти на островъ. Когда онъ подошелъ къ сѣтовавшимъ, сталъ тотчасъ-же чернымъ и принялся голоситъ вмѣстѣ съ другими. Съ корабля послали двоихъ, чтобы привести его, но они не признали его въ толнѣ и также начали сѣтовать. Тогда Maelduin велѣлъ четвернымъ вооружиться и силой привести тѣхъ людей: не смотрите ни вверхъ, ни внизъ (ни въ землю, ни въ воздухъ), сказалъ онъ имъ, закройте платьемъ носъ и ротъ, не дышите воздухомъ острова, а глаза устремите на своихъ товарищей. Такъ посланные и сдѣлали и привели ушедшихъ; когда ихъ спросили, что они видѣли на островѣ, онѣ отвѣтили: мы ничего не знаемъ, кромѣ одного: мы дѣлали, что видѣли (?). — Непосредственно за этимъ слѣдуетъ рассказъ о другомъ островѣ, раздѣленномъ на четыре участка стѣнами изъ золота, серебра, мѣди и кристалла. Въ первомъ участкѣ находились король, во второмъ королевы, въ третьемъ юноши, въ четвертомъ дѣвушки. Здѣсь имъ подали пищу, которая всякому показалась такого именно вкуса, какого онъ желалъ, а отъ напитка, которымъ ихъ угостили, они проспали три дня и три ночи; очнувшись, они увидѣли себя на морѣ въ своемъ суднѣ, а острова какъ не бывало. Нѣкоторое время спустя путники пристали къ другому острову, съ ровной поляной, на которой была толпа народа, забавлявшагося и смѣявшагося. Бросили жребій, кому пойти провѣдать островъ: жребій палъ на третьяго названнаго брата Maelduin'a. Какъ только онъ вступилъ на берегъ, началъ забавляться и смѣяться съ другими, какъ будто онъ давно былъ ихнимъ. Долго дожидались его товарищи, но онъ не возвращался; такъ они его тамъ и оставили.

Другое ирландское хожденіе за море, Imram Curaig Ua Corra, которое Zim meг относитъ къ XII вѣку или позднѣе, соединяетъ въ одинъ рассказъ два послѣднихъ эпизода предыдущаго текста, въ соотвѣтствіи съ параллельнымъ отдѣломъ Navigatio: на островѣ

четыре части, въ нихъ четыре сонма людей: сѣдовласые старцы, князья, именитые люди и слуги. Всѣ они были прекрасны и проводили время въ забавахъ. Одинъ изъ товарищей О' Соггас'овъ идетъ къ нимъ и кажется чернымъ въ сравненіи съ ними. Онъ тотчасъ же начинаетъ забавляться и смѣяться, становится, какъ они, веселымъ и прекраснымъ, и остается на островѣ ¹⁾.

Нѣмецкія сказанія, приведенныя выше, стоятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ближе къ новгородской легендѣ, чѣмъ версіи Брандана и Imram Curaig Maelduin; но послѣднія важны мнѣ, какъ образчики тѣхъ баснословныхъ хожденій за море, популярности которыхъ могла дойти и до Новгорода. Изъ такого хожденія, или разсказа о немъ, почерпнута, по нашему мнѣнію, и легенда о «новгородскомъ раѣ» — а, можетъ быть, и предшествующій ему разсказъ объ «адѣ на западѣ».

«Тоже, брате, не речено Богомъ видѣ[ти] святаго рая челоувѣкомъ», пишетъ Василій, «а муки [и] нынѣ суть на западѣ; много дѣтей мнѣхъ новгородцовъ видаки тому: на дышущемъ море червь неусыпающій и скрежетъ зубный и *рѣка огненная* (Соф. Врем.: *молненная Моръ*), что вода сходитъ в преисподняя и наки исходитъ трижды днемъ».

Какъ представить себѣ *рѣку на морѣ*, входящую и исходящую вновь и притомъ огненную—это разъясняетъ отчасти ирландское Хожденіе. Объ адѣ при этомъ нѣтъ рѣчи; было-ли такъ въ подлинникѣ Василія? Я ишу лишь параллели къ необычному образу.

Снова островъ на морѣ; большая рѣка поднималась у берега въ высоту, перегибалась, какъ радуга, черезъ островъ и спускалась на другую его сторону. Путники прошли подъ ней, не замочившись, убили надъ собою много лососей, которые и попадали къ нимъ.... Отъ вечера (*vespertina*) субботы до *antetertia* поведѣльника рѣка не двигалась, а покоилась въ морѣ, окружавшемъ островъ ²⁾. — То-же, съ измѣненіями, въ Imram curaig

¹⁾ Zimmer, l. c. стр. 189; сл. стр. 196.

²⁾ Zimmer, l. c. стр. 165, § 25.

Уа Согга ¹⁾: чудесная рѣка поднимается радугой до неба, не роняя ни капли, и снова опускается въ море; ея журчаніе и шумъ пріятны для слуха; она не поднимаетъ головы отъ субботы по полудни до третьяго часа въ понедѣльникъ; ея вода отзывается медомъ.

Такъ можно представить себѣ и рѣку въ посланіи Василія: она огненная, либо молнійная (Соф. Врем.), но къ характеристикѣ адскаго пламени относится и представленіе огня съ отгѣнкомъ мрака. Сл. въ Видѣніи ап. Павла: «видѣхъ, братикъ, *рѣку чрѣзну оянну* и беху въ ней чрви, кождо пожираху чловѣкы» ²⁾; Skirnisnál 8: um... *myrkvan... vafrloga*: мрачное пламя. Старосѣверн. myrkr. датск. шведск. mörk: темный, мрачный; не оттуда-ли загадочное *Моргъ*? Или моргъ — средненижненѣм. murg: morsch, faul, *morastig*, morsches, brüchiches Land, Erde?

Что Моргъ *трижды* днемъ исходитъ изъ моря, снова входя въ него, можетъ быть не что иное, какъ искаженіе болѣе древней черты: что рѣка покоится отъ вечера до субботы до *третьяго* часа въ понедѣльникъ. Таково, какъ извѣстно, представленіе о рѣкѣ *Sabatiónъ*, текущей, по еврейскимъ повѣрьямъ, на границѣ рая и ада, *Сыботъ* духовнаго стиха, представляющей ее именно адской рѣкой (сл. Безсоновъ, *Калѣки* № 488):

А туди жьшла рѣка Сыбота,
Рѣка Сыбота, вода огняна:
Да по той-же рѣцѣ змерля души плуть,
А по правой же рѣцѣ цистовня души,
А по лѣвой же рѣцѣ прозгрѣшныя души;

первыя по верху воды, вторыя по шею въ ней; первыя поспѣли къ райскимъ вратамъ, которыя затворились за ними; вторыя опоздали и попадаютъ въ пекельныя врата.

Рѣка то поднимающаяся и падающая радугой, то покоящаяся, какъ *Саббатіонъ* ирландскихъ сказаній, огненная, адская

¹⁾ l. c. стр. 189.

²⁾ Polívka, *Opisi i izvodi, изъ Starine XII*, стр. 88.

рѣка Субота духовнаго стиха: таково было сводное представлѣніе, легшее въ основу Морга въ посланіи Василія. Источникомъ его разсказовъ объ адѣ и раѣ я предположилъ мотивы какого-нибудь хожденія, въ родѣ тѣхъ, которыя дошли до насъ въ отраженіяхъ ирландскаго текста. Къ такому воздѣйствію западныхъ сказаній и легендъ на новгородскія мы отчасти приготовлены: укажу на нѣмецкій подлинникъ Прѣнія Живота со Смертію ¹⁾; загадочныя отношенія нашей былины о Садкѣ къ эпизоду о Садокѣ въ *Tigitan le Léopois* ²⁾ лежатъ въ томъ-же направленіи вліяній. Западнымъ разсказомъ о раѣ и адѣ легко было усвоиться на почвѣ, гдѣ подобныя преставленія давно пустили корни. Говоря о раѣ на востокѣ арх. Василій поминаетъ о четырехъ, истекающихъ изъ него рѣкахъ; одна изъ нихъ, Нилъ, течетъ «с высокихъ горъ, иже суть отъ земли и до небеси, а мѣсто непроходимое есть челоуѣкомъ, а верху его Рахмане живутъ»: Рахмане—Рехавиты Зосимова хожденія ³⁾.—Образъ ада на западномъ морѣ могъ быть приготовленъ популярнымъ у насъ словомъ «Палладія мниха о второмъ пришествіи и о страшномъ судѣ и о будущей мукѣ и о умленіи души» ⁴⁾: огненная рѣка съ востока пожжетъ землю и небо, будетъ небо новое и земля новая, «тогда^а на запа^аны^а страна^а иде^а нѣи снѣце захо^а имѣеть, ту буде^а рѣка ѡмена ревуци и зремаци шумом^а страшны^а ис^а скровищъ земля преисподна^а. Ту же су^а в тѣ^а мѣстѣ^а и ѣны муки различны^а на муку грѣшника^а буду^а, ѡво оубо су^а смола горащѣа, ѣное^а чер^ась гдо-витын и нѣ оусыпа^а ни оумира^а. николи^а. Та^а суть скрежьтаніе зубо^а и тма кромѣшна^а и пла^а неутѣшнымый, и ѣно оубо мѣсто студень и мра^а трасушійса и ледъ зѣло лю^а и студень, ѣно оубо

¹⁾ Ждановъ, Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 13—14 прим.

²⁾ См. мою замѣтку: Былина о Садкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССXLVIII, отд. 2, стр. 280 слѣд.

³⁾ См. Изъ Исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 281 и слѣд.

⁴⁾ Я пользовался этимъ памятникомъ по сборнику XVI вѣка СПб. Духовной Академіи, Кир. Бѣл. № $\frac{18}{1005}$.

мѣсто смра^а золь и лю^а и трепа^а непостояннѣнъ и стра^а не исчетенъ и оужась неисповѣд^а и ина мѣста проча^а муки страшныя» (л. 418 л. об.). Когда грѣшники будутъ ввержены въ рѣку, «абе възгрем^а рѣка ѡгнена^а шумо^а велико^а, г^ако^а и самѣ^а аггело^а бж^аи^а оужаснутиса г^аса рѣкы то^а, и иныя муки бездныя възгрема^а, г^акоже оуже пріаша грѣшники в себе. И тогда възврати^а пламень свои рѣка по и^аю повелѣн^аю и снидетъ оъ адъ преисподн^аи съ и^анѣми муками лютыми, и ѡбыде^а и вниде^а посре^а его, идѣ^а сѣди^а самѣ сатана связанъ, с бѣсы своими, и начне^а палити д^авола и агг^аль его и вса грѣшники иже суть въ адъ сведен^аи» (л. 436 л. об.).

Рѣка страшнаго суда, имѣющая выйти на западѣ изъ нѣдръ земли и снова въ нихъ спуститься на мученіе грѣшникамъ — явилась въ сказаніи Василія постоянно локализованной на западѣ, на морѣ, изъ которой ежедневно выходитъ, чтобы снова спуститься въ преисподнюю.

XX.

Еще къ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ.

I.

Когда недавно (Разысканія, вып. V, гл. XI) я обратился къ изученію дуалистическихъ повѣрій о мірозданіи, распространенныхъ отъ Болгаріи и Буковины по Россіи и до Алтая, я не мало не сомнѣвался, что, явившись послѣ другихъ собирателей относящагося сюда традиціоннаго матерьяла, я буду далеко не послѣднимъ. Уже послѣ отпечатанія соответствующей главы моихъ Разысканій мнѣ стали извѣстны нѣкоторыя версіи занимавшей меня космогонической легенды, которыя могли быть помѣщены лишь въ дополненіяхъ къ моей работѣ. Здѣсь я сообщу нѣсколько другихъ ¹⁾.

Бѣлорусская легенда, напечатанная г. Романовымъ (Бѣлорусскій сборникъ, вып. IV, стр. 1—5) отвѣчаетъ своимъ началомъ бѣлорусской-же легендѣ о сотвореніи болотъ, сообщенной г. Шейномъ (Разысканія, I. с., стр. 65), но какъ и другія версіи той-же темы, доводитъ разсказъ до сошествія Христа въ адъ и освобожденія душъ, которыя Адамъ заклигъ дьяволу.

---

¹⁾ О нѣкоторыхъ мелкихъ мотивахъ, входящихъ въ космогоническую легенду либо соприкасающихся съ нею, см. въ Дополненіяхъ въ концѣ этого выпуска.

Искаженіемъ въ эпизодѣ о мірозданіи является, что пузырь, въ которомъ обрѣтается чертъ, виситъ въ воздухѣ, и Господь его раздражаетъ; въ версіи Шейна дѣло идетъ о *водяномъ* пузырьѣ. Чертъ ныряетъ, слѣдуетъ твореніе суши — и горъ и болота изъ земли, выплеванной чертомъ. Ты первый у меня, говоритъ ему Господь, а что ты это дѣлаешь, окаянный! Со страху чертъ говоритъ: «Дѣлать буду тое, што ѿ ты, Господи! — Узыйшовъ вышай Бога и строя сабѣ жгтялству». Богъ посылаетъ Михаила изгнать его, но тотъ устранился и въ первый и во второй разъ, когда Госнодь сдѣлалъ его архангеломъ, и осилилъ дьвола лишь по третьему разу, когда Господь сказалъ ему: «вастрастягъ (архистратигъ) будь, а яго трѣба спихнуть!». — Сверженный чертъ приходитъ къ Богу, покоряется, проситъ не оставить; что же это ты, дьяволъ, задумалъ сдѣлать? спрашиваетъ его Господь; при словѣ: дьяволъ у черта означились рога и хвостъ. Богъ велѣлъ ему поглядѣть, что Онъ будетъ дѣлать: сотворилъ изъ красной земли челоуѣка; когда Господь отвернулся, «дьяволъ разгарнувъ яго да плюнувъ у яго». Затѣмъ Господь творитъ изъ земли корову; что-же ты, лукавый, только смотришь, а самъ ничего не сдѣлаешь? спрашиваетъ его Богъ. Съ Божьяго позволенія онъ создалъ себѣ козочку, но не могъ еѣ оживить, пока Господь не дунулъ на нее. — Слѣдуетъ разсказъ о созданіи Евы, грѣхопаденіи, рукописаніи, данномъ Адамомъ дьяволу и т. д. — Отмѣтимъ къ легендѣ о Сатаналѣ еще слѣдующее преданіе (I. с. стр. 6): говорятъ, черти взялись «зъ мора, съ пѣны морьскія. Это, кажутъ, бывъ у Бога Поплешникъ (поплечникъ, сидящій рядомъ, плечомъ къ плечу). Дакъ ѣнъ устраивавъ небу шкляную, хотѣвъ Бога спихнуть зъ неба. Тогда Богъ перунъ пустивъ, ажъ земля заколотилась. Ну яны не ўпужались. Тогда Богъ ихъ жажломъ! Дакъ яны три дни зъ небы сыпались, якъ дожджъ—якъ день якъ ночь летѣли три дни. Дакъ который куды ўпавъ, тамъ и сидитъ. Кто ў воду—у водѣ; у болото—ў болотѣ; у землю—ў землѣ; на воболокахъ застрали—тамъ и ждуть вострашаного суду».

Въ польской легендѣ о созданіи горъ ¹⁾ интересенъ мотивъ птицы, очевидно на-ново приуроченный, судя по многочисленнымъ варьянтамъ сказанія о творчествѣ на морѣ, при чемъ самъ Сатаналъ является въ образѣ птицы. Pierwotnie ziemia, która leży wśród morza na dwóch wielkich rybach, miała być równa i jednaka wszędzie, ale djabeł się wmieszał i popsuł porządek. Bo gdy Bóg zajęty był wielkiem dziełem swoim koło stworzenia świata, djabeł namówił kaczkę żeby ukradła trochę ziemi. Pan Bóg sprostrzegłszy to, posłał za uciekającą jartrzębia, który ją dogonił i zaczął dusić, kaczką krzyknawszy otworzyła dziób, wypuściła skradzioną ziemię, i wtedy z tego powstały góry.

Алтайскія преданія о мірозданіи (сл. Разысканія, вып. V, стр. 17 и слѣд.) кратко пересказаны были въ книгѣ неизвѣстнаго автора: Алтайская церковная миссія (СПБ. 1865, стр. 24—36). Въ сочиненіи Вербицкаго, Алтайцы (Томскъ 1870, оттискъ изъ томскихъ губ. вѣдомостей за 1869 и 1870 гг.) напечатана была, съ разными дополнительными свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, статья о Стефана Ландышева († 1882) о «Космогоніи и еогоніи алтайцевъ язычниковъ», воспроизведенная въ Православномъ Собесѣдникѣ 1886 г., Мартъ, стр. 304 слѣд. Сообщая далѣе извлечение изъ этой работы, укажемъ и на соответствующій матеріалъ, разсѣянный въ трудѣ Вербицкаго: Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка, Казань 1884 г. ²⁾

¹⁾ Е. S. (Stefanija Ulanowska), Symbolika wiśszenna (U Krakowie 1884), стр. 7—8. Тамъ легенда у Petrow'a, Lud Ziemi Dobrzyńskiej, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej II, 1878, Dział etnologiczny, стр. 125. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 73 слѣд.

²⁾ Сл. стр. 385 а. в. иур (Богъ и Ериикъ летаютъ передъ созданіемъ міра надъ водою въ образѣ черныхъ гусей; сл. стр. 253 а. в. пер); стр. 51 а. в. Ериикъ; стр. 21 а. в. Андалма; стр. 103, а. в. Иурук-Музыкай; стр. 85, а. в. е; стр. 220—1, а. в. он.—Къ алтайской антропгоніи сл. еще стр. 209 (а. в. Нама) и 386 (а. в. Таргын-Нама): Нама или Таргын-Нама — лице, соответствующее во легендѣ библейскому Ною (сл. I. с. стр. 304, а. в. Соозул); изъ двухъ его реберъ Ульгенъ создалъ ему жену, Мунту-Шайды (I. с. стр. 205, а. в.). Человѣкъ былъ сначала о шести пальцахъ, но творецъ отрубилъ шестой; изъ него произошла птичка Удбышты: подорожникъ (I. с. стр. 396, а. в.).

Когда человѣкъ еще не былъ созданъ, Ульгенъ нашелъ на морѣ плавающую, какъ ледъ, землю, а на ней приросшій слой глины, похожій на составъ человѣка. Ульгенъ снялъ этотъ слой и сказавъ: пусть будетъ человѣкъ, дунулъ ему въ ухо. Онъ сталъ живымъ, Ульгенъ назвалъ его Эрликъ (т. е. мужественный). Эрликъ сначала былъ товарищемъ и какъ-бы роднымъ братомъ Ульгена, а потомъ сталъ съ нимъ ровняться и возвышаться мыслью предъ нимъ и помышлять самъ въ себѣ съ завистью: какъ бы мнѣ такихъ же тварей создать или даже лучше? И все болѣе и болѣе отдалялся отъ Ульгена и наконецъ сдѣлался врагомъ его и его твари.—На его мѣсто, и съ цѣлью противостоять ему, Ульгенъ создалъ богатыря Манды-шире: извлекъ изъ камня сокъ, сдѣлалъ металлъ, смѣсь съ чугуномъ и серебромъ (кулер), и создалъ изъ него кости его и все его тѣло устроилъ изъ твердыхъ матеріаловъ и крѣпче камня.

Въ слѣдующемъ разсказѣ о созданіи людей роль Ульгена играетъ имъ-же созданный Майдере, иначе Сен-біл («Ты знай»); замѣтимъ, что въ одномъ сѣверно-бурятскомъ космогоническомъ сказаніи Сомболъ—имя самого творца (сообщеніе Г. Потанина); но въ эпизодѣ о созданіи жены и о змѣѣ къ Сенбилю припутался, вѣроятно, и Эрликъ.

Богъ сотворилъ семь человѣкъ мужскаго пола, при нихъ семь деревьевъ; кости человѣка взялъ изъ камыша, тѣло изъ глины; дунулъ имъ въ носъ и уши—и они ожили. Еще одного мужчину и одно дерево онъ сотворилъ на Алтынъ-ту; «что я сдѣлаю, худое-ли, доброе-ли, ты надъ всѣмъ властвуй», сказалъ онъ мужчинѣ; ты знай, вѣдай — Сен-біл — и умирающаго съ голоду, и умирающаго отъ пресыщенія, больного и здороваго». Черезъ семь лѣтъ на деревьяхъ выросли семь отраслей, а люди не умножались; это отъ того, что нѣтъ женщины, говоритъ Сен-білъ = Майдере недоумѣвающему Ульгеню и самъ принимается творить жену изъ камыша и глины; когда составъ у него разваливался, онъ сорвалъ траву іргын-блбн, мялъ ее въ рукахъ и, взявъ въ ладони, дунулъ въ нее, отъ чего сдѣлалась змѣя; ею

онъ обвинялъ творимый составъ. — Когда Майдере пошелъ на встрѣчу Ульгеню, Эрликъ соблазнилъ (обѣщаніемъ шубы) собаку, приставленную охранять еще бездушное тѣло жены, подошелъ къ нему, вдунулъ въ носъ изъ дудки о семи ладахъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ о девяти язычкахъ. Дуль онъ въ оба уха, отъ этого составъ тотъ сталъ живой, но душа была злобная, какъ змѣя, умъ всегда на семь ладовъ, на девять разногласныхъ языковъ, а тѣло смрадное. — Майдере проклялъ собаку, жену, созданную Эрликомъ, и ея отродье, самого Эрлика прогналъ впоследствии въ землю между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ ни солнце, ни луна; а Ульгенъ создалъ для одного изъ сотворенныхъ имъ мужчинъ, Таргын-нама, новую жену, взявъ изъ обонхъ его боковъ по двѣ косточки. Удаляясь на Алтынъ-ту, онъ сказалъ Майдере: что захочешь творить, скоть-ли, звѣрей-ли, людей или что-иное, меня не спрашивай, самъ твори.

Вернувшись изъ своего заточенія, пройдя подъ землею, Эрликъ хотѣлъ было унести души живущихъ людей, но Ульгенъ схватилъ ихъ однимъ махомъ въ свою горсть и унесъ на Алтынъ-ту. Тогда Эрликъ, чтобъ излить свою злобу, сотворилъ въ морѣ чудовище — нечистаго духа, Андалма-муус, которое вытягивало языкъ изъ моря и, схватывая людей, пожирало ихъ. Одинъ изъ богатырей Ульгеня, Тюрюн-музыкай, рѣшившись убить чудовище, сошелъ съ неба и, родившись отъ дѣвы Эркэ-шудюнь, назвался Тямаа-Тюрун. Когда онъ еще мальчикомъ бѣгалъ по морскому берегу, Андалма-муус, вытянувъ языкъ, хотѣлъ утащить его, но богатырь схватилъ его за языкъ и такъ сильно потянулъ изъ моря, что земля погрузилась. Не желая потопить ее, онъ началъ пить воду изъ моря, и столько выпилъ, что ноги Андалма-мууса стали на виду. Вытащивъ его за ноги, богатырь такъ сильно ударилъ его о камень, что кровь обагрила всѣ камни: оттого они разноцвѣтныя; а остовъ Андалма-мууса онъ настрогалъ въ мелкія стружки: оттого повадѣлись разные черви, мошки, науки, комары, саранча и другія насѣкомыя.

Вернувшись ни съ чѣмъ послѣ попытки захватить души лю-

дей и видя, что его народъ не пребываетъ и не убываетъ, Эрликъ снова пришелъ въ міръ; на каждомъ изъ его деревьевъ и растеній, имѣющихъ съѣдобные плоды, прибавилъ на половину такихъ-же своихъ плодовъ; кто ихъ будетъ ѣсть, въ того онъ войдетъ; кромѣ того онъ произрастилъ и еще одно дерево съ плодами: кто поѣстъ отъ нихъ, будетъ ему принадлежать.—Майдере прогналъ Эрликовыхъ слугъ, посаженныхъ на дерево въ видѣ плодовъ, и его самого въ его землю.— Между тѣмъ жена Таргын-намы съѣла ягоду съ дерева Эрлика; съ ягодою вошелъ въ нее кѹрюмес; явившись къ ней въ образѣ ея мужа, онъ велѣлъ ей отдать чернила изъ сосуда, храненіе котораго Майдере поручилъ змѣю — и змѣй повиновался женѣ, ибо она сослалась на приказаніе Майдере, который змѣя проклялъ, а Таргын-нама съ женою прогналъ въ землю знойную, гдѣ нѣтъ ни тѣни, ни деревьевъ, ни камней.

Снова пришелъ Эрликъ просить Майдере: дозволить ему устроить въ своей области свое небо и землю; Ульгена — дозволить ему населить эту область новыми жителями. Ульгенъ разрѣшилъ это въ насмѣшку, ибо зналъ, что народъ Эрлика не имѣлъ возможности умножиться. А Эрликъ вернувшись къ себѣ, сдѣлалъ молотъ, наковальню, мѣхъ и клещи, раскалилъ желѣзо и сталъ ковать: при каждомъ ударѣ выскакивалъ кѹрюмес. Такъ натворилъ онъ множество нечистыхъ духовъ, которыми и населилъ свой міръ. Въ присутствіи Манды-шїре онъ сотворилъ медвѣдя, барсука и крота. Желая воспрепятствовать созданію вредныхъ животныхъ, Манды-шїре идетъ воевать съ Эрликомъ, но опаленный имъ бросился къ Ульгеню. Напрасно ты пошелъ, не спрося у меня и не взявъ у меня силы, говоритъ Ульгенъ; и махнувъ рукой сказалъ: Поди! На этотъ разъ Манды-шїре поражаетъ Эрлика и его воинство, строенія его разрушилъ, его низвергъ; съ нимъ попадали и его слуги: кто палъ въ воду и сталъ су-ээзі (водяной), кто на камень и сталъ таш-ээзі, на гору (ту-ээзі), въ лѣсъ (агаш-ээзі), на домъ (ўй-ээзі: домовой), на скотъ, рыбъ и птицъ, на все живущее; кто куда попалъ, тому и хозяиномъ сталъ.

Ты лишилъ меня моего царства, говоритъ Ульгеню Эрликъ и просить дать ему на землѣ одну равнину, десятину, квадратную сажень, четверть аршина; наконецъ мѣсто, гдѣ-бы ему поставить конецъ своей палки. На это Ульгенъ согласился; взявъ палку, Эрликъ всю забилъ ее въ землю; когда выдернулъ ее, вывелъ изъ земли кабана, ухватившагося за палку зубами, а за хвостъ кабана уцѣпилась змѣя, за нее лягушка и множество другихъ нечистыхъ гадовъ. «Всѣ вы будете враги человѣку» сказалъ онъ; разгнѣванный Ульгенъ свергнулъ его въ преисподнюю, по его 43 слуги, павшіе на землю, остались хозяевами тамъ, гдѣ пали; кромѣ того Эрликъ посылаетъ еще 43 рода слугъ, жеткерей (духовъ, производящихъ напасти), которые тѣснятъ людей, уско-ряютъ ихъ смерть и умершихъ доставляютъ ему.

Бурятскія сказанія ¹⁾, на которыя было указано выше (стр. 108), недавно были напечатаны ²⁾. Деміургомъ является Сомбогъ-бурханъ: желая сотворить землю, онъ ходитъ по водѣ, по которой въ то время плавала птица ангата (аркаликъ) съ 12 дѣтенышами; она-то и ныряетъ по приказанію бога, чтобы достать со дна черной земли и красной глины. Либо вмѣсто нея является птица ангиръ (турпанъ): нырнула въ первый разъ, но вернулась, не доставъ дна, потому что убоилась рыбы хаши-загахан (рыба — ножницы), которая грозитъ перерѣзать ее; лишь по второму разу, произнеся слова, заповѣданныя ей Сомболомъ, она достигла дна.—Въ другомъ сказаніи творцами являются три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ; птица ангата, при ней 12 дѣтенышей. Боги творятъ землю изъ принесенныхъ ею черной земли, красной глины и песку; затѣмъ создаютъ мужчину и женщину: тѣло изъ красной глины, кости изъ камня, кровь изъ воды. Затѣмъ они порѣшили между собою, что кто изъ нихъ оживитъ этихъ людей, будетъ имъ покровите-

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 29.

²⁾ Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями, изд. на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева (Записки восточно-сибирскаго отдѣла Имп. русскаго географ. общ. по этнографіи, т. I, вып. 1, стр. 65 слѣд.).

лемъ; легли спать, поставили передъ собою по свѣчѣ и по горшку: кто на другое утро проснется и свѣча его будетъ горѣть, а въ горшкѣ выростетъ цвѣтокъ, тому и оживить людей. То и другое совершилось у Мадари-бурхана, но Шибэгэни-бурханъ проснулся раньше его, погасилъ его свѣчу, цвѣтокъ у него выдернулъ и посадилъ въ свой горшокъ. Присудили Шибегэни-бурхану оживить людей, но Мадари-бурханъ позналъ его обманъ и говоритъ: Ты украдъ у меня цвѣтокъ и огонь, вслѣдствіе этого оживленные тобою люди будутъ другъ у друга красть и ссориться ¹⁾. — Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ поднялись на небо; Шабэгэни-бурханъ остался на землѣ, оживилъ людей и приставилъ караулить ихъ собаку. Шитхырь соблазняетъ ее обѣщаніемъ шерсти; она допустила его до людей, которыхъ онъ и оплевалъ. Шибэгэни-бурханъ проклялъ собаку, а оплеванную шерсть на людяхъ выбрилъ гладко, оставивъ ее лишь на головѣ, гдѣ она не была оплевана.

Въ слѣдующей легендѣ роль злого начала въ дѣлѣ созданія выступаетъ ясѣе. Бурханъ творилъ землю ровною и гладкою, но Шитхырь, стоявшій рядомъ съ нимъ, спряталъ подъ пятою немного земли, которую и разбросалъ; оттого сдѣлались горы и долины. Къ чему ты это сдѣлалъ? спрашиваетъ его бурханъ. Шитхырь говоритъ: Когда люди будутъ спускаться подъ гору,

---

¹⁾ См. Разысканія, кн. V, стр. 28—9 и 36—8. Аино рассказываютъ: добрые и злые боги заспорили, кому править свѣтойъ; рѣшили что тому, кто на слѣдующее утро первый увидитъ солнце. Всѣ сѣли вмѣстѣ, а хитрому лисьему богу, находившемуся на сторонѣ добрыхъ боговъ, удалось первому увидѣть солнечные лучи, освѣтившіе далекія горы. Оттого добрые боги, боги свѣта, и правятъ міромъ (Veckenstedt, Zeitschrift f. Volkskunde I: Brauns, Die Religion, Sagen und Märchen der Aino, стр. 250). См. киргизскую легенду о томъ, почему именемъ мыши называется первый годъ каждаго двѣнадцатилѣтія: зѣври спорили, чья-ли именемъ назвать этотъ годъ, каждый выставлялъ свои заслуги, но къ соглашенію не пришли. Тогда мышь предложила назвать этотъ годъ именемъ того, кто первый увидитъ восходъ солнца при наступленіи означеннаго года. Взобравшись на спинну верблюда, она первая увидѣла восходъ солнца, и начальный годъ названъ по ней. См. Этнографическое Обзорѣніе, кн. II: изъ уральскихъ войсковыхъ Вѣдомостей, 1889, № 18.

то, боясь, будутъ призывать тебя: ай, Бурханъ! А когда будутъ подыматься на гору, то будутъ упоминать меня, говоря: Шихтырова высокая гора! Такимъ образомъ обоихъ насъ постоянно будутъ поминать ¹⁾).

Въ варьянтѣ аларскихъ бурятъ въ созданіи міра участвуютъ Бурханъ и Шолмо (злой духъ); онъ спускается въ воду, что-бы достать земли и камень, которые выноситъ, положивъ въ глаза. Бурханъ разсыялъ то и другое по водѣ, и стала вселенная; сотворилъ изъ земли тѣло человѣка, изъ камня кости, изъ воды кровь; собака караулитъ его, еще не оживленнаго, и также поддается уговорамъ Шолмо. Поздѣе Бурханъ творитъ изъ лѣваго ложнаго ребра перваго человѣка — женщину; Шолмо проситъ условленной платы за то, что досталъ земли и камень; Бурханъ, обѣщавшій ему немного земли, не желая измѣнить своему слову, даетъ ему столько мѣста, чтобы воткнуть кольцо. Шолмо воткнулъ его и снова вытаскилъ, а изъ земли стали вылезать всякіе гады и змѣи, вредящіе человѣку (см. выше стр. 111).

Новый матеріалъ для интересующей насъ космогонической легенды представляютъ *грузинскія* и *сванетскія* сказанія, очевидно навѣянные христіанскимъ апокрифомъ ²⁾).

Въ началѣ вселенная была покрыта водою. Богъ, создатель міра, въ то время находился въ Самкарской скалѣ. Однажды онъ выскочилъ изъ нея и бросился въ воду; въ водѣ ему стало холодно; онъ вздохнулъ и проронилъ двѣ слезинки изъ глазъ; слезинки эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила. Надо было уничтожить воду, въ которой Богъ тонулъ, и открыть сушу; съ этою цѣлью всѣ втроемъ стали дуть на воду и кое-какъ достигли морскаго дна. Здѣсь они замѣтили чь-то слѣды, приведшіе ихъ къ синему камню (сл. синій камень галицкой колядки,

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 18 (мордовская легенда) и 74 (латышская легенда).

²⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. I, стр. LXXV—LXXX; отд. II, стр. 245—251. Сл. отд. 1, стр. V.

синій камень бѣлорусской легенды, Разысканія, вып. V, стр. 2, 57); когда подняли камень, оттуда выскочилъ Самоэль, который схватилъ Бога за горло и хотѣлъ его задушить. Помощь ангеловъ была бессильна и самъ Богъ начиналъ просить Самоэля: Отпусти только и проси чего хочешь? — Больше ничего не хочу, только побратаемся! — Богъ согласился; Самоэль освободилъ его и пошелъ своей дорогой. — Богъ и ангелы принялись отдѣлять землю отъ воды, но это имъ не удается, пока Самоэль не научилъ Михаила, какъ это сдѣлать (Богъ пусть закричитъ громко, на сколько позволяетъ силы). — Слѣдуетъ созданіе богомъ (въ теченіе семи дней) животныхъ и людей; Адамъ и Ева въ началѣ была слѣпые, они прозрѣли, когда Самоэль, явившись въ образѣ козла, надушилъ Еву сорвать запретное яблоко. — Послѣ этого Самоэль пошелъ опять къ Богу и въ качествѣ брата просилъ отмежевать ему его долю. Богъ отказалъ. — Такъ затѣмъ-же ты призналъ меня братомъ? Если другого ничего не дашь, по крайней мѣрѣ дай мнѣ «сапицари». Богъ далъ «сапицари» Самоэлю, который проглотилъ его и пошелъ въ адъ. Когда родился Христось, Онъ также сошелъ въ адъ, взялъ съ собою все, что было живого на свѣтѣ, начиная съ человѣка и кончая пресмыкающимися; схвативъ за горло Самоэля, онъ заставилъ его изрыгнуть «сапицари»¹⁾. — Что слѣдуетъ далѣе принадлежитъ мотивамъ Александріи²⁾, своеобразно вплетеннымъ въ апокрифическую легенду. Въ отместку Самоэль такъ затемнилъ адъ, что Христось и его проводники два мѣсяца искали выхода изъ него. Нашелъ его человѣкъ, привязавшій у входа въ адъ своего осла, отвѣчавшаго на зовъ хозяина;

1) Переводчикъ объясняетъ: «сапицари» было нѣчто такое, въ силу котораго все, что вы жертвовали человѣкъ Богу и что вы приносили онъ для угощенія при поминаніи усопшаго, принадлежало хозяину «сапицари». Въ нашей легендѣ сапицари, очевидно, отвѣчаетъ рукописанію Адама, внесенному и въ мордовскую, болгарскую и польскую космогоническія легенды (Разысканія, вып. V, стр. 12, 82, 80 и 82).

2) См. Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 222, 228, 289 прим. 2, стр. 278. — Интересныя грузинскія легенды объ Александрѣ см. въ томъ же Сборникѣ, вып. X, отд. III, стр. 37—44.

Христость общаетъ тому человѣку дать ему столько золота, сколько онъ самъ вѣситъ, но тотъ вынулъ изъ-за пазухи человѣческое сердце: онъ удовлетворится, если сердце покроютъ золотомъ. Золота набросали несмѣтное количество, а сердца не покрыли, потому что оно всякій разъ подскакивало вверхъ. Наконецъ кто-то бросилъ на него горсть земли; оно остановилось; съ тѣхъ поръ люди стали умирать.

Варьянтъ этой легенды представляетъ нѣсколько отличій: въ началѣ все было подъ водою, изъ которой поднималась высокая скала, въ серединѣ которой былъ Богъ. Когда ему наскучало быть одному, онъ вышелъ изъ скалы, осушилъ воду, а смѣсь воды и земли, что была вокругъ скалы, раздѣлилъ на двое: изъ одной части сдѣлалъ небо, изъ другой землю. Живыхъ существъ еще не было; тогда отъ скуки у Бога изъ праваго глаза упала слеза и стала арх. Михаиломъ, упала изъ лѣваго — и стала арх. Гаврииломъ; затѣмъ уже произошли другія живыя существа и люди. Когда Богъ съ ангелами ходилъ по землѣ, осушая воду, повстрѣчалъ одного умнаго человѣка, по имени Георгія, котораго и взялъ въ товарищи. Онъ и привелъ Господа къ огромному бѣлому камню, къ которому ангелы не хотѣли подвести его, боясь зла и ущерба. Когда Богъ ударилъ кнутомъ о камень, изъ него вышелъ сатана и сразу схватилъ коня Бога. Богъ проситъ о помощи; тогда ангелы окружили сатану и начали распрашивать его: кто онъ или чей онъ властелинъ? Сатана сказалъ Богу: Я и Ты оба мы были въ серединѣ камня; я и Ты оба одного рода, я самъ сердце камня, какъ и Ты, потому и удѣли мнѣ что-нибудь изъ вселенной. Богъ предложилъ ангеламъ обсудить просьбу сатаны; они раздѣлили все на три части: въ одну выдѣлили всѣхъ живыхъ людей, въ другую души умершихъ, въ третью животныхъ и птицъ. Богъ выбралъ себѣ людей и животныхъ, сатана душу человѣка; при этомъ ангелы прибавили условіе, что душа человѣка будетъ въ рукахъ сатаны лишь до тѣхъ поръ, пока у Бога не родится Сынъ, который и избавитъ отъ его господства души умершихъ людей. — Слѣдуетъ своеобразный рассказъ о

воплощеніи Спасителя: Марія зачала, вкусивъ отъ яблока, въ которое Господь вдунулъ свою душу. — Концу предыдущей легенды въ нашей отвѣчаетъ слѣдующее: Христось проповѣдуетъ народу: Намъ предстоитъ большія тяжести песку переносить! Одинъ юноша спрашиваетъ его: Что это значить? Христось велить всѣмъ слѣдовать за нимъ въ адъ, который и разрушилъ, а всѣхъ умершихъ отвелъ оттуда въ рай.

Второй рассказъ о сотвореніи міра не представляетъ слѣдовъ дуализма. Отмѣтимъ въ немъ, въ параллель къ знакомой чертѣ дуалистическихъ легендъ: о сотвореніи чертей изъ брызговъ, такую-же подробность: о созданіи Богомъ ангеловъ изъ капель дождя, который онъ заставилъ идти въ теченіи шести дней. — Еслибъ Евва не поддавалась соблазну Самоэля, мать рожала-бы ребенка изъ-подъ мышки, — какъ по сѣвернымъ сказаніямъ изъ-подъ мышки Имира вышли первые мужъ и жена (сл. выше стр. 20).

Третья версія повторяетъ данныя первой: Михаилъ и Гавриилъ ходили по міру. Земная кора въ то время была до того мягка, что они вязли въ нее по колѣни, хотя ходили на лыжахъ (сл. такую-же подробность о прародителяхъ въ полѣсскомъ варьянтѣ легенды о мірозданіи)¹⁾. Передъ ними по землѣ постоянно шелъ круглый камень. Богъ хочетъ разбить его, ангелы противятся: Не дѣлай этого, не то мы будемъ каяться. Богъ разбилъ камень ногой, изъ него выбѣжалъ Самоэль, схватилъ Бога за горло и сталъ душить. — Отпусти только и чего хочешь проси, говоритъ Господь. — Дай мнѣ міръ видимый или невидимый, вѣчный. — Богъ уступилъ ему вѣчный міръ. Самоэль ушелъ, но ангелы спохватились и, нагнавъ его, сказали, что когда у Бога родится Сынъ, Самоэлю придется уступить ему вѣчный міръ. — Конецъ легенды говоритъ кратко о чудесномъ воплощеніи Спасителя, его преданіи и смерти на крестѣ. Для этого заказали кузнецу гвозди; послѣдній приготовилъ два лишнихъ гвоздя, и

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 82.

потому всё кузнецы грѣшны¹⁾). По смерти Христосъ сошелъ въ адъ къ Самоэлю и вывелъ оттуда души всѣхъ людей, кромѣ души «Маки»²⁾).

II.

Сванетская космогоническая легенда не выводитъ насъ за границы ея предположеннаго нами³⁾ географическаго распространія въ Европѣ; ея христіанскіе мотивы не приносятъ ничего новаго къ рѣшенію вопроса: какое этническо-религіозное вѣрованіе легло въ основу сказанія о братьяхъ - творцахъ, Богъ — и Сатаналѣ. Я предположилъ его⁴⁾ не арійскимъ, а тюркско-финскимъ; упрочить это воззрѣніе могли-бы финскіе (въ широкомъ смыслѣ) и тюркскіе варьянты космогонической легенды, не обличающіе еще христіанскаго (богомильскаго) воздѣйствія. Такихъ варьянтовъ я не знаю; моя попытка — раскрыть дуалистическія теченія въ космогоніи Калевалы внушена была убѣжденіемъ, что дуализмъ знакомыхъ намъ легендъ о мірозданіи не слѣдуетъ исключительно объяснять изъ иранскихъ представленій, объявившихся въ историческихъ формахъ богомилства.

Косвенную поддержку этому мнѣнію я нахожу въ представленіи сѣверо-американскихъ гуруновъ-прокезцевъ и алгонкинцевъ: о двухъ братьяхъ-деміургахъ, представителяхъ добраго и злаго

¹⁾ См. объ этомъ мотивѣ мою замѣтку: Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССXXXIX, отд. 2, стр. 181 — и въ связи съ Разысканіями, вып. V, стр. 96 прим. 2 и стр. 368 прим. къ стр. 154 — Этнографическое обозрѣніе кн. III, стр. 193 (изъ тамбовскихъ губернскихъ Вѣдом. 1889 г. № 67): цыгану не грѣхъ божиться: когда распинали Христа, цыганъ утаилъ изъ жалости пятый гвоздь, предназначенный для груди Спасителя, и сталъ божиться, что гвоздь уже вбитъ; за таковою воиной приняли муху, случайно сѣвшую на грудь Христа.

²⁾ Примѣчаніе переводчика: когда кто-нибудь изъ общества моментально исчезаетъ, укрывается гдѣ-нибудь, или когда о комъ-нибудь долгое время не получается никакихъ извѣстій, тогда сванеты говорятъ про него: «пропалъ, какъ душа Маки».

³⁾ Разысканія, вып. V, стр. 33.

⁴⁾ I. с., стр. 4—5, 32, 115—116.

начала. Относящіяся сюда легенды, извѣстныя изъ іезуитскихъ реляцій и путешествій XVII-го вѣка, обратили на себя вниманіе Brinton'a (*American Hero-myths*. 1882, стр. 37 слѣд.), De Charancey (*Une légende cosmogonique*, Havre, 1884), сближавшаго ихъ съ вогульской и болгарской космогонической сказкой, и Lang'a (*Myth, ritual and religion I*, 1887, стр. 181—4). Недавно Hale напечаталъ in-extenso (*The Journal of American Folk-lore I*, № 3, стр. 177 слѣд.) ирокезское преданіе, которое мы приведемъ далѣе въ извлеченіи, кое-гдѣ добавляя подробности по Brinton'у и Lang'у.

Въ началѣ была одна лишь вода, въ которой и на которой жили разныя животныя. Однажды съ вышняго міра упала божественная жена: упала въ разщелину неба, на охотѣ за медвѣдемъ; либо подсѣкая дерево; или она была столкнута за то, что согрѣшила съ какимъ-то пришельцемъ отъ нижняго міра. Два нырка (*loon: colymbus glacialis*), летѣвшіе надъ водою, поддержали ее при паденіи, позвали на помощь и другихъ животныхъ; черепаха, сильный звѣрь, согласилась помочь, и птицы возложили жену на ея спину. Тогда черепаха позвала на совѣтъ другихъ звѣрей: что сдѣлать, чтобы поддержать жизнь той жены? Рѣшили, что для этого нужно достать земли, на которой она могла бы лежать. Черепаха велѣла всѣмъ нырять въ море; ныряютъ бобръ, выхухоль, нырокъ и другіе, но безуспѣшно; вные такъ долго оставались подъ водою, что всплывали мертвые, но черепаха напрасно ищетъ у нихъ во рту хоть крошки земли. Удалось это дѣло лишь жабѣ-лягушкѣ (либо бобру и т. д.); землю, найденную у нея во рту, черепаха передала женѣ, которая тщательно уложила ее вдоль краевъ черепашьяго щита. Такъ положено было начало сушѣ; она стала расширяться во всѣ стороны и сдѣлалась пространной, годной для растительности. Ее и теперь поддерживает черепаха.

Унававшая съ неба жена была беременна и родила двойней (либо: родила дочь, которая и производитъ двойней): двухъ братьевъ съ противоположными наклонностями, одинъ къ добру, другой

ко злу. Еще до рожденія мать слышала, какъ они пререкались въ ея утробѣ: одинъ готовъ былъ выйти на свѣтъ обычнымъ путемъ, другой злостно заявилъ свое несогласіе и, выйдя сквозь ребра матери, былъ причиной ея смерти. Её похоронили, и изъ ея тѣла выросли разные, потребные человѣку злаки: изъ головы тыква, изъ груди кукуруза, изъ другихъ членовъ бобы и т. д.

Между тѣмъ братья близнецы выросли, во всемъ обнаруживая противоположность характеровъ; добраго звали Tijuskeha (нѣчто въ родѣ: спаситель, добрый человѣкъ), злого Tawiskagong: кремневой, изъ кремня. Видя, что имъ не ужиться, они раздѣлялись, и каждый взялъ свою часть земли. Ихъ первымъ актомъ творчества было созданіе животныхъ: добрый братъ творилъ полезныхъ звѣрей, злой — свирѣлыхъ и чудовищныхъ, змѣй, пантеръ, волковъ, медвѣдей, москитовъ, величней съ индѣйскаго пѣтуха. Что добрый ни предприметъ на пользу людямъ, тому злой перечить; первый хотѣлъ устроить такъ, чтобы въ рѣкахъ было два теченія, одно вверхъ, другое внизъ. Пусть люди хоть въ одну сторону да потрутся, сказалъ злой братъ и не только не далъ брату сдѣлать по своему, но натворилъ еще пороговъ и быстринь. Ему же принадлежитъ созданіе испанской жабы, задерживавшей всѣ прѣсныя воды на землѣ; Tijuskeha пробрался въ область брата, бьется съ змѣями, дикими звѣрями, имъ созданными, разсѣкъ жабу, и воды потекли. Вредныхъ звѣрей онъ не уничтожилъ, а лишь уменьшилъ ихъ ростъ, дабы человѣкъ могъ совладѣть съ ними.

Духъ матери предупреждаетъ добраго брата, что его соперникъ будетъ стараться убить его. Они встрѣтились и вступаютъ въ бой, напередъ объявивъ другъ другу, какое орудіе для каждаго смертельно. Добрый братъ сраженъ, но оправился и въ свою очередь поражаетъ злого, который бѣжитъ по направленію къ западу; во время бѣгства каждая капля крови, падая на землю, обращалась въ камень. Явившись брату въ сновидѣніи, Tawiskagong говоритъ ему, что онъ удался на далекій западъ, куда будутъ переселяться по смерти всѣ людскіе роды.

Вернувшись, Tijuskeha занялся заселеніемъ земли: выпустилъ изъ пещеры всякихъ звѣрей, наполнившихъ лѣса и поля, и всякаго поранилъ въ ногу, чтобы людямъ легче было ихъ ловить. Одинъ лишь волкъ увернулся отъ удара, оттого его такъ трудно поймать. Затѣмъ Tijuskeha создалъ и оживилъ людей, научилъ ихъ добывать огонь и разводить мансъ.

Изъ сходныхъ алгонкинскихъ мифовъ одни представляютъ въ началѣ дней Michabo, который носится на плоту по безбрежнымъ водамъ и создаетъ сушь изъ горсти земли, припесенной мускусной мышью, послѣ того, какъ попытка бобра не удалась. Иногда Michabo является однимъ изъ трехъ братьевъ, въ другихъ версіяхъ у него злой братъ-близнецъ, съ которымъ онъ враждуетъ и борется, пока не сразилъ его, разбивъ въ куски; они разбросаны по землѣ, отъ нихъ уродились хорошія лозы. Въ вариантѣ у Lafitau изъ костей и внутренностей злого брата произошли растенія и животныя. — О самомъ Michabo разсказывается, что его мать оплодотворена была вѣтромъ и скончалась, родивъ ребенка.

Все это дополняетъ прокезское сказаніе, основныя черты котораго тѣ-же, что и въ дуалистической легендѣ финско-тюркского и славянскаго типа: тѣ-же братья-демиурги, враждебные другъ-другу, та же противоположность творчества и космогоническаго акта, начинающійся на безбрежномъ морѣ. Разница въ томъ, что у насъ этотъ актъ отнесенъ къ братьямъ-близнецамъ, у гуроновъ—до ихъ появленія: ихъ мать, упавшая съ неба, покоится на черепахѣ среди водъ, и для нея то лягушка достаетъ земли съ морскаго дна. Такъ въ Sathapatha-Brahmana Праджapati покоится на водахъ въ видѣ черепахи и порождаетъ боговъ отъ усть своихъ; такъ въ алтайскомъ сказаніи Очурманы и Чаганъ-Шукуты спустились на воду, первый садится на лягушку, второй достаетъ земли изъ подъ воды; землю посыпали на лягушку, которую не стало видно: видна была земля, которая потомъ и разрастается, и теперь покоясь на лягушкѣ (Разысканія, вып. V, стр. 26—7).

Важнѣе для моего объясненія космогоническаго мѣста Калевалы параллель ея Ильматарь къ божественной женѣ гуронскаго преданія. Та спускается съ воздуха, эта падаетъ съ неба — въ воду; мать Michabo забеременѣла отъ вѣтра, какъ и обѣ Ильматарь поется (руна 1-я):

Вѣтромъ дѣву закатало,
 Было волнамъ дѣвицу,
 Закачало въ синемъ морѣ,
 На волнахъ съ вершины бѣлой,
 Вѣтеръ плодъ надулъ дѣвицѣ,
 Полноту дало ей море.

Обѣ производятъ двойней; въ гуронской легендѣ это—враждебные другъ другу братья-демиурги; для пѣсенныхъ основъ Калевалы я счелъ возможнымъ допустить (I. с. стр. 106—8) такую-же забытую впоследствии противоположность Вейнемейнена и — его брата близнеца. Не безынтересно отмѣтить и еще одну сходную черту, не забывая и отличіе пріуроченій: въ гуронскомъ сказаніи злой братъ выбивается насильно изъ чрева матери; въ Калевалѣ Вейнемейнену стало тяжело жить въ ея утробѣ (руна 1-я):

Стало жить ему тамъ тяжело,
 Стала жизнь ему противна.
 Тропулъ крѣвости ворота,
 Лопить пальцемъ безмяннимъ,
 Костяной замокъ ломаетъ
 Онъ ногою лѣвой, пальцемъ;
 На рукахъ ползеть къ порогу,
 На колѣняхъ черезъ сѣни.

Но именно эта черта—насильнаго рожденія, снова переносятъ насъ къ иранскимъ параллелямъ. Когда не было ни неба, ни земли, существовалъ нѣкій Зеруанъ; тысячу лѣтъ онъ молился, дабы изъ нѣдръ его родился сынъ Ормистъ, творецъ неба и земли и всего сущаго. Зеруанъ зачалъ двухъ сыновей, Ормиста и Архмена, и сказалъ себѣ, что кто изъ нихъ первый предстанетъ передъ нимъ, того онъ поставитъ властителемъ. Ормистъ, познавшій мысль отца, сообщилъ о томъ брату, который и послѣдшій вышелъ на

свѣтъ, прободя утробу родителя. Ормисть творить все доброе и прямое, Архмень все злое и кривое ¹⁾.

Всюду мы восходимъ къ представленію материн, какъ андрогина, жены, саморождающей будущихъ устроителей міра и вмѣстѣ дающей имъ въ самой себѣ матеріалъ для творчества — по категоріямъ вреднаго или полезнаго человѣку, обобщеннымъ внослѣдствіи въ идеи добра и зла.

Выше мы поштыались (стр. 22) осяѣтити съ данныхъ точекъ зрѣнія мнѣ обь Имнрѣ; другіе слѣды дуализма въ древнихъ повѣрьяхъ скандинавскаго сѣвера отмѣчены были мною по другому поводу и указано предположительно на одно изъ теченій сѣверной мнѣологін, принадлежащее не специально-германской, а чуждой этнической основѣ ²⁾. Недавно Finnur Jónsson высказалъ подобный же взглядъ, защищая относительную древность представленія о Валгаллѣ: по его мнѣнію оно отразило собой не воннственную пору викинговъ, а болѣе древнюю, пору борьбы скандинавскихъ народностей между собою и съ сосѣдними, не-германскими племенами, йотунами востока, куда направлены походы Тора ³⁾.

Смѣшаніе народностей и культуръ ведетъ и къ смѣшенію мнѣовъ; по крайней мѣрѣ — къ гипотезѣ, что такое смѣшеніе могло имѣть мѣсто. Отсутствіе этого необходимаго предположенія характеризуетъ попытку Veckenstedt'a (Zeitschrift für Volkskunde II, стр. 11 слѣд.; стр. 16) затушевать дуализмъ славянскихъ космогоническихъ сказокъ, искусственно подогнавъ ихъ подъ схему арійскихъ космогоній, не только иранской, но и греческой. Наша легенда знакома ему по Аѳанасьеву и Ходзько; ея элементами представляются ему: 1) свѣтъ, 2) вода, 3) вѣтеръ, 4) дубъ, 5) песокъ и камни, 6) голуби (голуби в дубъ извѣстной

¹⁾ Langlois, Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, t. II: Eznig de Gogh, Réfutation des sectes. Extrait du chapitre II. Réfutation de la religion des Perses, стр. 375.

²⁾ Разысканія, вып. V, стр. 86—7, 111, 115.

³⁾ Finnur Jónsson, Vingolf, въ Arkiv for nordisk filologi, VI B., 3 H., стр. 281.

галицкой колядки). Не разбирая всей схемы, объясню недоумѣвающимъ, что знакомая имъ двойственность творцевъ скрывается подъ рубрикой—свѣта: богъ—это свѣтъ, какъ разсвѣтъ, Morgenlicht; дьяволъ—то-же свѣтъ, но потенцированный, das volle Licht! Впрочемъ Veckenstedt приурочилъ насъ и не къ такимъ обобщеніямъ.

Мое объясненіе славянскаго, финско-тюркскаго и америкапскаго дуалистическаго мѣта не разъ наводило и меня на мысль, высказанную мнѣмъ благосклоннымъ ко мнѣ рецензентомъ Русской Мысли (1890, Іюль, стр. 314—315): что мы, быть можетъ, имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ зарожденіемъ одного и того-же представленія въ разныхъ этническихъ сферахъ, не соприкасавшихся другъ съ другомъ, и что дуализмъ могъ быть одной изъ ступеней религіознаго развитія у многихъ народовъ. Доказать это по отношенію къ разобранному нами космогоническому мѣту — дѣло будущаго изслѣдователя; пока я не рѣшился выразить этого предположенія, потому во-первыхъ, что вопросъ самозарожденія можетъ быть поставленъ лишь въ томъ случаѣ, когда отрипательно будетъ рѣшенъ другой: о невозможности ранняго, праисторическаго общенія человѣческихъ массъ, завесаго напр. въ Мексику подѣлки изъ ненаходимаго въ Америкѣ нефрита; почему бы не осколки мѣта? Не рѣшаюсь и потому еще, что отдѣляю вопросъ о дуализмѣ, какъ міросозерцанія, отъ «вещества» мѣта, въ которомъ оно выразилось. Чѣмъ сложнѣе это вещество, тѣмъ труднѣе допустить, въ объясненіе сходныхъ легендъ, гипотезу самозарожденія; простота ее не исключаетъ. Съ этимъ положеніемъ всѣ согласятся; но его приложеніе не можетъ не быть произвольнымъ. Что такое—сложное, и что простое? Подъ какое изъ опредѣленій подойдетъ нашъ типъ легенды о двухъ творахъ па морѣ, со всѣмъ что слѣдуетъ? ¹⁾ Самородными или нѣтъ

---

¹⁾ Мой рецензентъ ссылается, по поводу американскихъ космогоническихъ мѣтовъ, на Benjamin Danks, Marriage Customs of the New Britain Group (въ The Journal of the Anthropological Society of Great-Britain and Ireland 1889, February, стр. 281—2). Туземцы вѣрятъ, что То Kabinana — создатель

представляются мифы о творчествѣ, понятномъ, какъ кованье въ запуски ¹⁾, встрѣченные нами у монголовъ, въ отраженіяхъ сѣверныхъ и французскихъ повѣрій, въ бретонской сказкѣ — и въ *Légende des siècles* Victor Hugo (III), гдѣ Богъ и дьяволъ творять, соревнуя, qui créera la chose la plus belle? Вызовъ идетъ отъ дьявола:

Voici, dit le Rebelle:

Moi, je prendrai ton oeuvre et la transformerai,
Toi, tu féconderas ce que je t'offrirai;
Et chacun de nous deux soufflera son génie
Sur la chose par l'autre apportée et fournie. -

Взявъ у Бога отъ его творенія все нужное для дѣла, дьяволъ принимается за работу:

Et grondant et râlant comme un boeuf qu'on égorge,
Le démon se remit à battre dans sa forge.
Il frappait du ciseau, du pilon, du maillet,
Et toute la caverne horrible tressaillait;
Les éclairs des marteaux faisaient une tempête;
Ses yeux ardents semblaient deux braises dans sa tête;
Il rugissait; le feu lui sortait des naseaux,
Avec un bruit pareil au bruit des grandes eaux
Dans la saison livide où la cigogne émigre.

Въ результатѣ дьявольской работы вышла — саранча. Теперь очередь за Богомъ: дьяволъ подаетъ ему паука, Господь

и изобрѣтатель всего хорошаго и полезнаго въ природѣ, учрежденіяхъ и обычаяхъ (кабилапа означаетъ мудрый), тогда какъ То Кочичиги создалъ степи и горы и все неудобное и некрасивое. То Кочичиги почитается болѣе слабымъ, чѣмъ его сверстникъ; объ ихъ братскихъ отношеніяхъ и враждѣ ничего не говорится, и я не знаю, являются-ли они въ космогоническомъ мифѣ вродѣ прокляскаго и сходныхъ съ нимъ.

¹⁾ Безъ идеи соопросничества творчество, какъ кованье, встрѣчается еще въ легендѣ изъ южнаго Конго: негръ былъ скованъ какими-то человѣкомъ, спустившимся съ неба: построивъ печь, онъ положилъ туда статую, сдѣланную изъ въ замки, и сталъ каалтъ; первый вышелъ черный негръ; вторая статуя накалена была до желта — вышелъ пратоцъ мулатовъ; третья до бѣла. См. *Revue des trad. pop.* V, René Basset, *Légendes africaines sur l'origine de l'homme*, стр. 110.

устремилъ на него свой взоръ, и огъ разросся до страшныхъ размѣровъ,

Une aube étrange egra sur cette forme vile;
L'affreux ventre devint un globe lumineux;
Et les pattes, changeant en sphères d'or leurs noeuds,
S'allongèrent dans l'ombre en grands rayons de flamme;
Iblis leva les yeux, et tout à coup l'infâme,
Ébloui, se courba sous l'abîme vermeil,
Car Dieu, de l'araignée, avait fait le soleil.

III.

Пока не выяснены отношенія этническаго и христіанскаго элементовъ въ славянской и соотвѣтствующей ей тюркско-финской космогонической сагѣ, изученіе ея возможныхъ богомильскихъ основъ будетъ по прежнему привлекать вниманіе изслѣдователя. Желательны и новыя записи ¹⁾ и открытіе древнихъ памятниковъ въ области какъ богомильскаго, такъ и катарскаго дуализма: ихъ взаимный контроль тѣснѣе опредѣлитъ бы границы распространенія знакомой намъ космогонической схемы и даль-бы возможность болѣе точнаго объясненія ея генезиса. Потому я съ понятнымъ любопытствомъ раскрылъ изданный Деллингеромъ сборникъ документовъ, касающихся вальденсовъ и катаровъ ²⁾. Многіе изъ нихъ были уже извѣстны, другіе являются впервые; они интересны своей массой, какъ рядъ показаній, согласныхъ въ главныхъ принципахъ ученія, въ своеобразномъ аллегорическомъ

---

¹⁾ Уже во время печатанія этихъ страницъ вышелъ Смоленскій этнографическій сборникъ г. Добровольскаго, съ новыми вариантами занимающаго насъ сказанія. Сл. стр. 229 слѣд., № 8: Богъ и чертъ, въ образѣ лебедя, творятъ міръ. Волота созданы чертомъ — чертъ назаркалъ ихъ; № 9: Сотвореніе челоѵка. Съ какихъ поръ на собакѣ шерсть. Отчего собаку не пускаютъ въ церковь, а кошку пускаютъ. Съ какихъ поръ у челоѵка кашель. Сл. еще № 10 и 11 (стр. 282—3): происхожденіе горъ и трясинъ. Горы чертъ понаѣлаатъ, чтобы челоѵкъ поминалъ и его и Бога (сл. выше стр. 118 и прим. 1).

²⁾ Ign. v. Dollinger, Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer (München 1890), какъ вторая часть его Beiträge z. Sektengeschichte des Mittelalters.

примѣненіи къ цѣлямъ дуализма библейско-христіанской повѣсти, данныхъ физиолога и древняго суевѣрія ¹⁾. Всюду таже пропо-
вѣдь дуализма, ученіе о двухъ мірахъ и двухъ богахъ (стр. 31);

¹⁾ Протоколы инквизиціи въ Лангедокѣ (XIV вѣка) стр. 97 слѣд. даютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько интересныхъ обращеній. Сл. стр. 174—5: по ученію катаровъ никто не можетъ спастись, не пріобщившись къ ихъ ученію, а до того времени его душа переходитъ изъ одного тѣла въ другое, пока въ одной изъ этихъ метаморфозъ не станетъ хорошимъ христіаниномъ. т. е. ерети-
комъ. Въ подтвержденіе приводится рассказъ объ одномъ человѣкѣ, душа котораго жила когда-то въ лошади; лошадь эта увязла свою подкову въ одномъ каменистомъ мѣстѣ; впоследствии его душа перешла въ тѣло еретика, который, проходя однажды по той мѣстности, рассказалъ своему товарищу, чѣмъ онъ раньше былъ; принявшись искать, они нашли потерянную подкову.—
Стр. 208—9: своеобразный пересказъ апокрифическаго Видѣнія Исаяи, популярнаго, какъ извѣстно, въ средѣ дуалистовъ. Дѣйствующимъ лицомъ является не Исаяя (какъ въ апокрифѣ), а еретикъ, сомнѣвавшійся въ вѣрѣ, но о самомъ видѣніи сказано, quod inveniebatur in prophetia Isaie prophetae. Въ апокрифѣ ангелъ переноситъ пророка на твердь, гдѣ онъ видитъ Самаю и его силы; тамъ царство распри и рѣзни; такъ было съ начала дней и будетъ до тѣхъ поръ, пока не явится тотъ, кого ты узришь, говоритъ Исаяи ангелъ. Сл. *Migne, Dictionnaire des apocryphes I*, стр. 661—2). Въ катарской передѣлкѣ на первомъ небѣ illi spiritus erant, qui non habebant bonum, nec malum, nec habituri essent usque ad diem iudicii, et continue rogabant Patrem, ut miseretur eorum (Сл., Разысканію, вып. V, стр. 142 слѣд.). — Стр. 218—219: добрый или злой духъ (spiritus) вселяется въ человѣка, соединяясь съ его душою (anima); dictum spiritum vidit unus credens exire corpus hominis et transeuntem flumen et intrantem caput asini et postea ad hominem redeuntem. Такъ пріурочили дуалисты къ своему ученію повѣрье, котораго я касался по другому поводу (сл. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССХХІV, Ноябрь, стр. 164—5: отчетъ о книгѣ Прато). — Стр. 282: басня о пеликанѣ (стергѣ, неясны нашихъ Азбуковниковъ); сл. *Lauchert, Gesch. d. Physiologus, Register a v. Pelikan*) и его птенцахъ, истолкованная своеобразно: Quaedam avis est vocata pellicanus, quae est ita clara, sicut sol, et sequitur ipsum solem; quae avis habuit pullos et cum illos dimittebat in nido, et ipsa ibat alicubi solem sequendo, veniebat quaedam bestia et dismembrabat dictos pullos et amputabat eorum rustra, et quando reversus fuerat pellicanus ad suos pullos inveniens eos dismembratos et quod disperdidissent rostra, sanabat eos. Et cum hoc frequenter fieret, tandem cogitavit inter se pellicanus quod claritatem suam absconderet, qua absconsa latitaret juxta pullos, et cum dicta bestia veniret, caperet et occideret ipsam, ne de caetero ejus pullos posset dismembrare, vel rostra auferre; quod et factum fuit. Et sic fuerunt liberati pulli pellicani a dismembratione, quam faciebat eis dicta bestia, capta per pellicanum bestia ipsa. Et eodem modo, ut dixit, Deus bonus fecerat creaturas, et deus malus destruebat ipsas, quousque Christus deposuit vel abscondit claritatem suam, quando fuit incarnatus ex Maria virgine, et tunc cepit deum malum et posuit eum in tenebris inferni; et ex tunc deus malus non potuit destruere creaturas Dei boni.

одинъ—создатель невидимаго, духовнаго міра, другой видимаго, плотскаго (стр. 34, 155, 174, 190—1, 220, 282, 374 и др.); это рѣзкое разграниченіе добра и зла по категоріямъ духа и плоти ослабляется въ одномъ случаѣ до другого представленія, до сихъ поръ отражающагося въ народныхъ представленіяхъ: добрый богъ сдѣлалъ все полезное, хотя-бы и матеріальное, злой все злое: *deus bonus fecit omnes bonas creaturas, sicut sunt angeli, animae humanae bonae et corpora, coelum et terram, aquas, ignem et aërem et animalia utilia hominibus vel ad comedendum vel ad portandum, laborandum, induendum, et pisces etiam, qui sunt utiles ad comedendum, ita deus malus fecit omnes daemones, et animalia nociva, sicut sunt lupi, serpentes, buffones, muscae et omnia animalia nociva et venenosa* (стр. 232) ¹⁾.

¹⁾ Къ народнымъ представленіямъ о творчествѣ Бога и дьявола, собраннымъ мною въ Разысканіяхъ, вып. V, стр. 93 слѣд., я присоединю нѣсколько новыхъ. Богъ создалъ овцу, чертъ козу; такъ въ повѣрья седмиградскихъ армягъ (сл. Włisłocki у Veskenstätt, *Zs. f. Volkskunde* II, стр. 28), въ литовскомъ (Этнографическое Обзорѣніе, кн. VI: Э. Вольтеръ, Литовскія легенды, стр. 140) и польскомъ: когда Господь сотворилъ овцу, дьяволъ, желая показать и свое могущество, слѣпнулъ звѣря съ такими-же, какъ и онъ, рогами и повелъ его къ Господу, держа за хвостъ; по дорогѣ коза урвалась, хвостъ остался въ рукахъ дьявола, а кровь окрасила сосѣднія ольхи. Оттого у козы нѣтъ хвоста, а дерево у ольхи красное. Иначе разсказывается о сотвореніи козы то же, что въ другихъ случаяхъ о волкѣ: I. Христосъ сотворилъ козу, дьяволъ хочетъ оживить ее и кричать изъ всей ночи: *Wstań o mojej nosy!* она не двинулась; во второй разъ онъ крикнулъ: *Wstana!* и тихонько прибавилъ: о носу *Boaskiej!* коза вскочила, но чертъ въ сердцахъ оторвалъ у нея хвостъ (сл. *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej* VII: Siarkowski, *Predania i legendy o zwierzętach, drzewach i roślinach*, №№ 6 и 7). — Дьяволъ сотворилъ *блоску* (Tordinak, *Hrvatske narodne pjesme i pripoviedke z Boane, U Vukovagu* 1884, стр. 58—5, № 17: въ разсказѣ, приуроченномъ къ потоку), *волка*: волкъ въ не было на землѣ до I. Христа, а произошли они такимъ образомъ: однажды пастухи гнѣпили изъ земли (з *mlaki*) какого-то звѣря; на вопросъ I. Христа они отвѣчаютъ, что это волкъ. Господь ткнулъ, и то оуявило sie i poleciało do lasa (Karol Mátyás, *Świat i przgoda w wyobraźni chłopa. Przkuszenie do etnograficznego studjum. We Lwowie* 1888, стр. 11). — По литовской легендѣ Господь оживилъ созданнаго имъ чело-вѣка, вдохнувъ въ него душу черезъ стержень пера; дьяволъ завладѣлъ перомъ, въ которомъ осталось немного Божьяго духа, и также оживилъ сотворенную имъ *женщину*; оттого она то добра, то зла, ибо получила свою жизненность отъ смѣшаннаго духа Бога и черта (Вольтеръ, *l. c.* стр. 141). — *Аджирскіе*

На источники знакомаго намъ космогоническаго мифа документы, собранные Деллингеромъ для исторіи западнаго дуализма проливаютъ свѣтъ лишь немого свѣта. Нѣсколько интересныхъ подробностей встрѣчаются въ извлеченіяхъ изъ актовъ инквизиціи въ Каркассонѣ. Дьяволъ—названный братъ Богу: *Quaedam die, dum praedicaret Dominus in coelo gentibus suis, venit ei nuncius de terra dicens ei, quod istum mundum amiserat nisi statim mitteret illuc, et statim misit Dominus Lucibel in hunc mundum et recepit eum pro fratre, et postea voluit Lucibel habere partem haereditatis de inferioribus et de superioribus, et Dominus noluit, et propter hoc diu fuit guerra et hodie est inter ipsos et propter aliam superbiam* (стр. 33). Типъ болгарскихъ «басень» напоминаетъ слѣдующая о созданіи человѣка: *diabolus fecit hominem de terra argila, et dixit Deo, quod mitteret animam in hominem, et Deus dixit diabolo: fortior erit me et te, si de argila fiat, sed fac eum de limo maris, et fecit diabolus hominem de limo maris, et Deus dixit: Iste est bonus, non est enim nimis fortis nec nimis debilis, et misit Deus animam in hominem* (l. c.). *Diabolus fecit corpus hominis et posuit in eo animam,*

арабы рассказываютъ, что когда Господь готовился сотворить женщину, дьяволъ, дабы помѣшать тому, сотворилъ *обельяну*, которая, по его приказанію, и похитила ребро, вынутое Господомъ у Адама. Господь послалъ въ погоню за нею архангела Гавріила, но она взобралась на дерево, не выпуская добычи, и лишь одинъ ея хвостъ остался въ рукахъ архангела. Изъ него-то Господь и создалъ женщину: отсюда ея хитрость, желаніе вредить и склонность ко лжи (Rev. des trad. pop. IV, № 7: René Basset, Pourquoi la femme est malicieuse).—Король Менеликъ, властитель Шоа, такъ рассказываетъ о происхожденіи негра: во время сотворенія міра и перваго человѣка, злой духъ выпросилъ у Бога позволенія также сотворить человѣка изъ комка земли. Такъ какъ все, до чего ни дотрогивался дьяволъ, становилось чернымъ, то и человѣкъ вышелъ у него чернымъ. Вздумалъ сатана вымыть его и бросилъ въ Іорданъ, но воды разступились и только ладони и подошвы намокли немного, отчего и сдѣлались свѣтлѣе. Разгнѣванный неудачей сатана ударилъ человѣка по носу и приплюснулъ его, но тотъ сталъ просить о пощадѣ, и сатана, понявъ свою несправедливость, въ видѣ ласки повелъ рукою по головѣ своего созданія; отъ раскаленной руки волосы негра стали курчавыми (С.-Петербургскія Вѣдомости 1890, № 267).

qua posita in corpore hominis homo dedit unum saltum et dixit diabolo: ego non sum tuus (стр. 36).

Космогоническая легенда итальянскихъ катаровъ *Concorreggio* и *Bagno* переноситъ насъ въ сферу богомильскихъ вліяній. Конкоррезцы слѣдовали ученію умѣренныхъ болгарскихъ дуалистовъ, баньольскій толкъ представляется результатомъ примиренія либо смѣшенія этого умѣреннаго дуализма съ крайнимъ, котораго держались другургскіе или албанскіе катары¹⁾; въ средѣ тѣхъ и другихъ ходила одна и та-же космогоническая сказка²⁾, не встрѣтившаяся мнѣ въ этомъ видѣ ни въ одномъ южно-славянскомъ пересказѣ. *Dicunt, quod quidam spiritus habens quatuor facies, unam hominis, aliam volucris, tertiam piscis, quartam animalis, fuit sine principio et manebat in hoc chaos nullam habens potestatem creandi, et Lucifer adhuc bonus descendit et videns speciem hujus spiritus admiratus est et collusione et suggestione illius spiritus maligni seductus est et revertens in coelum seduxit alios, et projecti sunt de coelo, et dona naturalia non perdidit; et dicunt, quod Lucifer et ille spiritus nequam volebant distinguere elementa et non poterant, sed Lucifer impetravit a Deo bonum angelum coadjutorem et ita concessione et adjutorio boni angeli et virtute et sapientia sua distinxerunt elementa.*

Какъ въ этой легендѣ Люциферъ, *adhuc bonus*, спускается въ хаосъ, гдѣ встрѣчаетъ зооморфическое существо, очевидно символизирующее еще нераздѣльныя, не способныя къ творчеству стихійныя начала, такъ въ болгарской, по происхожденію, *Liber Joannis*, занесенной къ канкорезскимъ катарамъ, сатана до своего паденія спускается съ небесъ до преисподней, и осматрѣвъ все сущее, исполняется гордыней. Въ предыдущемъ из-

¹⁾ Сл. v. Döllinger, l. c. I, стр. 117—119.

²⁾ l. c. II, стр. 60—1 (*De credenciis Concorriciorum*), 612—618 (*Aufzählung der Sätze der Albigenser, der Secte de Concorreggio, qui habent haeresim suam de Sclavonia. Inc. Quidam alii de Bulgaria credunt*). Я цитую послѣдній текстъ, какъ болѣе подробный.

слѣдованіи ¹⁾ я не разъ обращался къ этому памятнику; новый текстъ, изданный Деллингеромъ ²⁾ по рукописи XIV вѣка, даетъ кое-какіе варьянты къ тексту Тило. Остановлюсь на болѣе существенныхъ. Спускаясь съ высоты сатана invenit totam terram cooperatam de aquis et ambulans per subter invenit duos pisces jacentes super aquas et erant quidem vincti substantes totam terram per praeseptum Paris invisibilis, et descendens de subtus invenit magnas nubes tenentes pelagum maris, et descendit subtus et invenit suum infernum quod est geenna ignis. Въ текстѣ Тило послѣднее мѣсто читается такъ: invenit suum ossor, quod est genus ignis. Глосса ³⁾ на поляхъ Деллингерова текста такъ поясняетъ слово geenna: Vallis Josaphat idem sunt, scilicet oseph et atto et infernus et tartarus et generatio ignis, sed secundum diversas linguas nominantur, non est spiritus neque aliquid vitale, sed locus est, sicut est Bossina et Lombardia et Tuscia.

Иосафатова долина—долина суда, т. е. страшнаго (у пророка Іолия и въ средневѣковомъ повѣр'ѣ), объединена здѣсь съ понятіемъ осужденія въ аду, съ адомъ: infernus, tartarus, generatio ignis, что такъ же отвѣчаетъ гееннѣ, какъ и слав. родъ огненный. Оверх (ossor у Тило), очевидно, этимологическое, непонятное мнѣ объясненіе Josaphat («Jahve» судить), которую глоссаторъ представляетъ себѣ такою-же мѣстностью, какъ Боснія и Ломбардія. Упомянутіе послѣднихъ—центровъ дуалистической ереси—

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 87 слѣд., 46, 84.

²⁾ l. c. II, стр. 85 слѣд.: Ioanni et apostoli et evangelistae Interrogatio in coena sancta regni coelorum de ordinatione mundi et de Principe et de Adam.

³⁾ Изъ другихъ глоссъ отмѣтимъ слѣдующія: diabolus, cum dormiret, cecidit de bava ejus, ex illa creatus est ille serpens (стр. 88, прим. 9). Христосъ говорить о сатанѣ: misit angelum suum et accepit de tribus arboribus et dedit Moyse ad crucifigendum me, quae ligna mihi custodiuntur usque nunc. Къ этому мѣсту такая глосса (стр. 89, прим. 10): etiam fuerunt ligna illa, cum quibus divisit mare Moyses, cum autem venerunt filii Israel ad aquas amaras quas qui gustabant moriebantur, erat tunc angelus Moyse dicens: Tolle ligna et fange insimul et planta ea juxta aquam dicas: ista ligna erunt salus mundi et defensio mundi, remissio peccatorum mundi. См. мой отчетъ о книгѣ прое. Соколова, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCLVIII, отд. 2, стр. 465.

показываетъ, что толкователь стоялъ въ кругу ихъ интересовъ или былъ къ нимъ близокъ; на столько-ли, чтобы дозволить намъ предположить въ atto слав. адъ—этого я не рѣшусь утверждать.

Въ разсказѣ о созданіи видимаго міра дьяволомъ текстъ Деллингера полнѣе; мое объясненіе слова *medietas* и поправка: *lumen solis* вм. *stellagum* (Разысканія, вып. V, стр. 84), сдѣланная къ тексту Тило, остается въ силѣ по отношенію къ нему, выводы не отмѣняются и Деллингеровымъ. Вотъ чтеніе послѣдняго: сатана взмолился ко Господу, который далъ ему покой *usque ad diem septimum, et tunc sedit super firmamentum praecepitque angelo qui erat super aërem, et illi, qui erat super aquas. Et elevarunt duas partes aquarum sursum in aërem et de tertia parte fecerunt L maria et fuit divisio aquarum per praeceptum Patris invisibilis. Et praecepit item angelo, qui erat super aquas: sta super duos pisces, et elevavit capite suo tertiam, et apparuit arida et fuit; quum (tum?) accepit coronam ab angelo, qui erat super aërem, media fecit tronum suum et medium lumen solis; accipiensque coronam ab angelo, qui erat super aquas, medieta-tem fecit lumen lunae et medietatem lumen dici. Et de lapidibus fecit ignem et de igne fecit omnem militiam et stellas et de illis fecit angelos spiritus, ministros suos secundum formam ordinatoris altissimi.*

IV.

Въ связи съ дуалистической космогоніей *Liber Johannis* и Свѣтка божественныхъ книгъ я поставилъ¹⁾ группу космогоническихъ вопросовъ, уже обратившихъ вниманіе ак. Ягича и Р. Кёлера. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ изъ такъ-называемой бесѣды трехъ святителей.

«Сказаніе ѿ прѣмудрости Григоріа, Василя, Іоанна Бого-

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 42 слѣд. Цитату на стр. 44 изъ Слова о небеси и земли сз. теперь у Polivka, Opisi i izvodi (изъ Starine XXI, стр. 27).

слова» по рукописи бывшей Шафарика ¹⁾ предлагаетъ, послѣ первыхъ двухъ или трехъ (если: «кто ли ксть послѣдня душа?» представляетъ вопросъ съ выпавшимъ на него отвѣтомъ) вопросовъ, слѣдующій: «Григоріи рече: Кто прьво Бога нарече? Василии рече: Сатанаилъ прьви аггелъ, съвръженъ съ небесъ, прѣжде сьзданія Адамова .д. дни, а за грьдость нарече се име кму Сатанаилъ. — Василии рече: Что кст гльбина мѡрска и высота небсна и широта земляна? Отвѣтъ выпалъ; но его подсказываетъ текстъ Бесѣды, наданный въ Памятникахъ старинной русской литературы III, стр. 160: онъ и начинается съ вопроса Григорія: «Кто первый наречеса на землѣ?», а на второй отвѣчаетъ: «Отець, Сынь и Св. Духъ». — Тѣми-же двумя вопросами открывается и текстъ Новаковича ²⁾. Въ двухъ соловецкихъ спискахъ №№ 1137 ³⁾ и 942 ⁴⁾ эти вопросы стоятъ не первыми, но въ той-же послѣдовательности; за ними третій: о ризахъ и сударѣ, стоящій въ томъ-же порядкѣ въ Шафар. и Прим., стало быть, лишь опущенный въ редакціи Памятниковъ; въ текстѣ Цвѣтника ⁵⁾ онъ слѣдуетъ за вопросомъ о высотѣ, широтѣ и глубинѣ. — Приводимъ вопросъ о ризахъ и сударѣ въ параллельныхъ чтеніяхъ:

Шафар.

Солов. № 1138.

Василии рече: что кст кдннъ притекъ и видѣ ризы кднни лежеще, и соударъ иже бе на главе кго, не съ ризами гѣжещь,	Иваннъ рече: (чтость?) Петръ приникъ і видѣ ризы еднны лежации и сударъ, еже бѣ не съ ризами, но особь свить на едн-
---	--

¹⁾ Polivka, l. c., стр. 21 слѣд.

²⁾ Новаковић, Примери книжевности и језика старогa и српско-словенскога (у Београду 1877), стр. 446.

³⁾ Порфирьевъ, Апокриф. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 384 слѣд.

⁴⁾ Архангельскій, Творенія отцевъ церкви въ древне-русской письменности. Извлеченія изъ рукописей и опыты историко-литературныхъ изученій, I—II, Казань, 1889, стр. 118—114.

⁵⁾ Тихонравовъ, Пам. Отр. русск. лит. II, стр. 486.

въ особь свѣтъ и на ином мѣсте гѣже? Григоріи рече: соударь шсу платна слоужьбнаго на блюде, а дари кго врѣховно небо до прѣисподны бездны, а тоу кст бездна яко риза, а стихарь кст стлпик желѣзнок шко великаго моря, на немже земля пливаетъ. петрахий кст вѣход и исход, а сем под помсомъ землѣ тон тлѣстота ей, елико шт вѣстока до запада. и повелѣ Господь сгнати пену морскую и сѣтвори землю на четврѣхъ китѣхъ великихъ, на г. девети малыхъ ¹⁾ шт коньць залежит (?), а душе в ныхъ трѣтїа честь ранскихъ воня, иде рыба на ту воню ²⁾. Глѣбина же того моря вѣлика, елика кст шт вѣстока слнца до запада, и дно кст того моря притищетьсе къ желѣзномуу стлпу. Тлѣстота ксть того моря, яко море въ глѣбине кст, тогоже дво кст стоить на седмх стлпѣхъ, и ту ксть адово жилище, и тоу Антихристъ лежитъ свѣзан и амнь. а аггель но отврѣждактъ кго. а тожде стлпикъ стоить на шгны негасимемъ, и по том небо и днѣнца

номъ мѣстѣ? Григоріи рече: сударь бѣ два плата служебная на блюдѣ, а ризы его—верхнее небо, въ прѣисподней бездне стоить яко риза. стихарь — .ѣ. небесъ, а поясъ—желѣзное столпие около великаго моря, на немъ же земля плаваешь, а патрахиль вѣходъ і исходъ, а поясомъ (?) земля, толстота ея яко от востока и до запада. Повелѣ Гдѣ согнати пѣну морскую и сотвори землю на трѣхъ китехъ великихъ и на тридесяти малыхъ китехъ. салагутъ тридесяти морскихъ оконецъ, а души ихъ третья часть райская воня, і идуть на ту воню и те рабы въ сѣти увязнутъ. Глѣбина того моря великаго в трое того толстота, какъ земля толста, дво подъ тѣмъ моремъ великимъ равное желѣзномуу столпию, того же моря дно стоить на .ѣ. столпѣхъ. Туже есть адово жилище, туже будеть і Антихристъ связанъ, а Михаилъ архангелъ утверждаетъ его. Тоже столпие стоить возвышено яко то море, то столпие стоить на огне неугасимомъ. Подъ темъ огнемъ есть Днѣ-

¹⁾ На этомъ кончается отвѣтъ въ текстѣ Цѣбѣтника.

²⁾ Конецъ отвѣта у Новаковича: «а иду рыбы ка ту звоню и тѣмъ питаюшть се».

свѣтлаа. таже прѣжде слнца ница, иже преже слнца сотво-
сътворенна. тоуже соуть люди, рена, и туто есть люди крилати
лѣтающе мыслию, тако паучина, яко паучина мыслию, а смрѣти
и несть имь смрѣть ни земли, имь нѣсть, таже иного ничего,
еже нѣсть ту и стопи; [ни] иво но все воздухъ бѣжи держитъ.
что, бо тоу кст бѣздна тако риза. То то есть бездна тако риза.

Въ соловецкихъ спискахъ за сообщеннымъ вопросомъ и от-
вѣтомъ слѣдуетъ: «Іваннъ рече: Гдѣ первие Бгъ былъ, еже не
бѣ свѣта? Василии рече: Суть комари три на нбсѣхъ, въ тѣхъ
комарехъ» (Порфирьевъ, I, с.). Такъ и у Шафарика; ту же по-
слѣдовательность представлялъ, вѣроятно, и оригиналъ текста,
напечатаннаго въ Памятникахъ, прежде чѣмъ выпалъ вопросъ-
отвѣтъ о «ризахъ»: Шафар. «Василии рече: Гдѣ беша прѣжде
Богъ, егда не беша свѣта? Іванъ рече: есть .г. камаре на небѣ-
сѣхъ, и ту беша въ тѣхъ камарехъ агницѣм, тоу и его соут дари,
свѣту же кто нѣст конца»; Пам.: «Василий рече: Гдѣ Богъ первѣя
жилъ, иже не бысть свѣта? Іоаннъ рече: Суть каморы три на
воздусѣхъ, ту баша Господь въ трехъ каморехъ агнцемъ, а
свѣту тогда не бысть».

Г. Мочульскій пытался установить редакціи «Бесѣды»,
распространенной у насъ во множествѣ изводовъ и списковъ;
проф. Архангельскій (I. с., стр. 90) считаетъ подобную по-
пытку напрасной. Можетъ быть, къ вопросу, во всякомъ случаѣ
любопытному, слѣдуетъ подойти другимъ, аналитическимъ пу-
темъ, сравнивая не тексты, а въ нихъ самихъ ряды повторяю-
щихся въ той же послѣдовательности вопросовъ и отвѣтовъ.
Повторяемость такихъ серій можетъ открыть точки зрѣнія на
содержаніе и распорядокъ первичнаго текста или — текстовъ.
Частный случай, насъ занимающій, даетъ поводъ къ такимъ
именно соображеніямъ:

Кто первый назвалъ Бога?	Шафар.; Солов. ММ 942, 1130; Пам.; Пркн.; Крѣтн.			
Что есть глубина и т. д.?	—	—	—	—
Ризы и стихарь?	—	—	—	—
Гдѣ пребывалъ прежде Богъ?	—	—	—	—

Чѣмъ на большее количество списковъ распространено будетъ подобное изученіе, тѣмъ точнѣе выяснятся серіи, и соображенія, на нихъ основанныя, будутъ прочнѣе.

Вопросъ о ризахъ и его толкованіе интересны по отношенію къ сходнымъ перечнямъ того же содержанія, о которыхъ рѣчь была выше. Земля, созданная изъ морской пѣны («отъ глины водные» въ упомянутыхъ вопросахъ и Отвѣтахъ), покоится на китахъ; подъ морскимъ дномъ («первая земля» Свѣтка?), стоящимъ на семи столпахъ, адово жилище и связанный Антихристъ; столпы стоятъ на неугасимомъ огнѣ. Такъ въ указанныхъ перечняхъ, гдѣ подъ первымъ огнемъ, отвѣчающимъ аду; находится другой, горше его, подъ нимъ дубъ, *первопосаженный, стоящій на силъ Божіей*. Последнему представленію соотвѣтствуетъ въ нашемъ текстѣ небо и денница, *созоренныя прежде солнца*, люди летающіе мыслью, «яко паучина», и не знающіе смерти; все это держится *Божьими воздушми*: это и есть бездна. «Денница свѣтлая» = Люциферъ, Сатанаилъ; крылатые люди—падшіе ангелы, надменно и безцѣльно витающіе мыслию¹⁾. Ихъ область отдѣлена отъ обители ада и мученій, гдѣ связанъ Антихристъ: это сверженное Господомъ небо, «рай» Сатанаила.

Интересно болгарское преданіе о немъ²⁾, полное дуалистическихъ воспоминаній. Изгнанный съ неба Зерзевулъ задумалъ устроить для своей челяди свой рай на землѣ, подобный Божьему. Взяли они отъ деревьевъ и цвѣтовъ райскихъ и насадили³⁾; Зерзевулъ велитъ своей челяди ѣсть и пить и свободно дѣлать все, что запретилъ Господь; «во раіот моі іаденье, пиванье, кеѣ те-

¹⁾ Такъ понимаю я выраженіе: летать мыслию «яко паучина». Это напоминаетъ параллели Слова о Полку Игоревѣ о Боялѣ, растекавшемся мыслию по древу, скачущемъ какъ соловей по мыслину древу. Я держусь прежняго моего толкованія этихъ образовъ (сл. Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. СХСII, отд. 2, стр. 278—9), ибо едва-ли гипотеза: мысль = мысь не исключается контекстомъ слова: не по *замыслинію* Боялю... растѣкается мыслию.

²⁾ Сборникъ за народни умотворенія, кн. I, стр. 97—8.

³⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 45.

ранье, колку да ми сакаатъ, говоритъ онъ своимъ; но у тѣхъ нѣтъ покоя: до нихъ доносится славословіе ангеловъ и причиняетъ имъ страшную муку. Зачѣмъ устроилъ ты рай такъ близко отъ Господа? говорятъ они ему, а онъ велитъ имъ построить башню до неба, хочетъ поразить Бога. Борьба неровная: башня свержена въ преисподнюю, сотворилась вѣчная мука, а на мѣстѣ Зерзевулова ада очутилось терніе, боярышникъ и безплодные камни. — Разсказъ о столпотвореніи, перенесенный здѣсь на дьявола = Немврода (сл. выше стр. 35) явился на мѣсто древняго: о сотвореніи дьяволомъ своего неба.

Сходные мотивы встрѣчаются въ показаніяхъ южно-французскихъ дуалистовъ ¹⁾. Забравшись на небо «*Lucifer, qui tunc vocabatur Lucibel, dixit hominibus, ibi existentibus: si vultis me sequi inferius ad terram, ego dabo vobis uxores, safronadas et febres et pastiones et tinetas et rascias*»; но онъ не исполнилъ всего, что обѣщалъ, и соблазненные имъ, раскаявшись, *insererunt cantare cantica de canticis Sion, quando erant cum Patre coelesti. Quod audiens Sathanas dixit eis: Et estis adhuc memores de canticis Sion? Et ipsi responderunt, quod sic; et tunc Sathanas dixit eis: Ego ponam vos in terram oblivionis, in qua obliviscimini illa quae dicebatis et habebatis in Sion. Et tunc fecit eis tunicas, id est corpora de terra oblivionis.* Ада нѣтъ, ибо адъ — это весь видимый плотскій міръ, въ которомъ постепенно очищаются, переходя изъ тѣла въ тѣло, созданныя Богомъ души, пока всѣ не вернутся къ нему и не обрѣтутъ спасенія ²⁾.

¹⁾ Döllinger, l. c. II, стр. 32, 201—202, 213—214.

²⁾ l. c. стр. 152.

XXI.

Къ видѣнію Амфилога.

Въ V-мъ выпускѣ Разысканій, гл. XVII-я, я старался раззобратъ, по отношенію къ его составнымъ частямъ и кое-какимъ параллелямъ, славянское сказаніе объ Амфилогѣ, сарацннскомъ царѣ, обращенномъ въ христіанство видѣніемъ, въ таинствѣ эвхаристіи, Христа въ образѣ мальчика, котораго закалаеть и отъ тѣла и крови котораго причащаеть пресвнтеръ.

Самое «Сказаніе Амфилога цара ѿ святѣй лѣтоур'гн» представляетъ еще много неясностей по вопросу о его генезисѣ.

Я объяснилъ его себѣ такимъ образомъ, что къ какому-нибудь разсказу объ обращеніи *поганина* (въ данномъ случаѣ сарацнн) пристала легенда о вразумленіи, путемъ чуда, недоумѣвающаго *христіанина*, вродѣ разсказанной аввой Арсеніемъ о нѣкоемъ старцѣ (у меня стр. 336—7) и сходной съ нею, извѣстной Вильгельму Мальмеберійскому: о пресвнтерѣ Plegus'ѣ или Plesgils'ѣ ¹⁾. Но есть, въ параллель къ разсказу объ Амфилогѣ, и другіе, гдѣ дѣло идетъ, какъ и тамъ, объ обращеніи поганина, на этотъ разъ еврея. Укажу, между прочимъ, на широко-распространенную легенду о мальчикѣ жидовинѣ, который увлекся,

¹⁾ Migne, Patrolog. lat., t. 73, col. 991—2 (примѣчаніе Россейда).

слѣдомъ за своими товарищами христіанами, въ церковь, гдѣ вмѣстѣ съ другими и приобщился св. таинъ; когда онъ разска- залъ о томъ отцу, тотъ бросилъ его въ раскаленную печь, гдѣ мальчикъ остается невредимымъ: мотивъ, напоминающій намъ духовный стихъ о Милосердой или Аллилуевой женѣ ¹⁾. Мѣсто дѣйствія чуда — то Константинополь, то Армения; то Египеть или Буржъ во Франціи; въ нѣкоторыхъ текстахъ ²⁾ мальчикъ жидовинъ видитъ въ таинствѣ эвхаристіи младенца Христа и причащается ему образно: *missa celebrata cum sacerdos populo communionem distribueret, videbatur Judaeo puerulo quod illi picto (на образѣ) similem populo divideret. Qui sum aliis accedens crudam carnem a sacerdote accepit, quam patri domum detulit* (Honorius Augustodunensis).

Не о мальчикѣ, но также о жидовинѣ и его обращеніи гово- рится въ житіи Василія Великаго, приписанномъ Амфилохію Иконійскому. Святой молитъ Господа сподобить его, *ut suis ipse verbis incruentum Deo sacrificium offerret*; на седьмой день Го- сподь предсталъ ему въ видѣніи со своими апостолами, *pane et vino in sacro altari propositis Basilium excitavit dicens: Secundum petitionem tuam repleatur os tuum laude, ut tuis ipse verbis incruentum Sacrificium offeras*. Приступивъ къ алтарю, св. Ва- силій произноситъ и записываетъ слова своей литургіи. *Eubulus autem et Cleri princeps, simul stantes pro foribus templi, videbant in templo lumen spirituale, virosque gloriosos amictu candido ac vocem populi glorificantis Dominum, nec non astantem altari Basilium*. Далѣе разсказывается слѣдующее: какой-то еврей вмѣшался въ толпу христіанъ, желая увидѣть чинъ службы и литургіи; видитъ св. Василія, раздѣливаго на части младенца,

¹⁾ Сл. Wolter, *Der Judenknabe* (Halle, 1879); *Mussafia* въ *Zeitschr. f. rom. Philol.* IX B., стр. 188, 412—413; *Méluşine*, IV, стр. 39—41. О духовномъ стихѣ сл. теперь въ статьѣ Драгоманова: *Славянскіе сказанія за помер- твование собственно дѣте*, въ Сборникѣ за народни умотворенія и т. д. I, стр. 68 слѣд. Сл. варьянтъ у Добровольскаго, Смоленскій этнографическій Сборникъ, стр. 248—244.

²⁾ Wolter, l. c., стр. 48, 94, 111; *Mussafia*, l. c. стр. 412.

и самъ причащается отъ дѣйствительнаго тѣла и крови. Сохранивъ частицы того и другого, онъ дома показываетъ ихъ женѣ, въ знаменіе видѣннаго имъ, и на другой день идетъ къ св. Василию креститься.

Гдѣ сложился разсказъ о чудѣ? Болландисты (Acta SS. Junii III, 425—6) замѣчаютъ по поводу чуда Василія и аналогичскаго съ стратигомъ *Ἰουλαῖς* (Разысканія, вып. V, стр. 342—3), что въ греческой церкви народъ не видитъ пресвитера во время приношенія имъ жертвы, а безъ этого не мыслимо и видѣніе жидовина и Иула, и, прибавимъ отъ себя, легенда, разсказанная со словъ аввы Арсенія въ *Aporhthegmata Patrum* (Разысканія, I. c. стр. 336—7). Последняя исключаетъ, по видимому, гипотезу, что чудо могло первоначально сложиться въ римской церкви; съ другой стороны древнее устройство алтарной преграды лишаетъ моментъ, указанный болландистами, значенія, которое они склонны были придать ему.

Существовалъ-ли подобный разсказъ съ именемъ Григорія? Укажу прежде всего на одинъ памятникъ, распространенный въ нашихъ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Святаго Григорія Богослова откровеніе о святѣй службѣ, еже есть литургія», либо: «Святаго Григорія Богослова о святѣй службѣ, еже есть литургія». Статья эта относится къ литературѣ «толковой службѣ», обзорѣнію которой у насъ на Руси посвящена небольшая работа Н. Красносельцева ¹⁾. Указавъ на сочиненія, изъ которыхъ наши предки могли получать понятіе о смыслѣ богослужебныхъ обрядовъ, каковы творенія св. Кирилла Іерусалимскаго и Діонисія Ареопагта, Максима Исповѣдника и Германа патріарха Іерусалимскаго, авторъ переходитъ и къ тѣмъ толкованіямъ, въ которыхъ апокрифическій элементъ игралъ наиболѣе видную роль. Къ нимъ относится и «Откровеніе св.

¹⁾ Сл. Н. Красносельцевъ, Толковая служба и другія сочиненія, относящіяся къ объясненію богослуженія въ древней Руси до XIII вѣка. Православный Соборъ 1878, Май, стр. 8 слѣд. Сл. ив. стр. 11—19: текоть Откровенія.

Григорія», которое я и сравниваю дагѣ съ легендою объ Амфилогѣ. Я имѣю въ виду лишь объясненіе литургическихъ актовъ, ибо эпическая канва легенды отсутствуетъ въ Откровеніи, начинающемся такимъ образомъ:

Собращася святѣи отци къ великому Григорію богословцю глаголюще емоу: Отче преподобныи, таже сътъ слоуженія святаа и бескровнаа наоучи ны, отче. Отвѣща святѣи Григоріи, глаголя: Послушайте, братіе мои. Иерей надъ предположенными дарьми глаголетъ: Господу помолимся. И слышахъ глаголь глаголюща с небесе: Прежде положенія сердце свое положите начатокъ церкви.

Откровеніе Григорія.

Егда речеть попъ: Благослови, владыко! слетитъ ангель съ небесе и станеть предъ притворными дверми. . . . И егда рекуть: Господь воцарися, и речеть ангель: Веселися и радулся христіанскын родъ. . .

... И егда видеть іерей взяти евангеліе и свѣща да видеть на выходъ, егда рекуть: Придѣте поклонимся и припадемъ, видѣхъ ангела, какъ слетѣ крилома своима надъ попа и ведеть и въ олтарь и положи евангеліе на святѣи трапезѣ, и ослабивъ кригѣ и постави а и рече ему: Блюди како предстоиши страшнѣмъ престолѣ. И тако видеть на столъ, и речеть Михаилъ: Премудрость, Гавріилъ: Вониѣмъ... И егда чтется

Сказаніе объ Амфилогѣ.

Егда рече попъ: Благослови, владыко! въ тѣй часъ ста пръковъ ледана, а олтарь ог'нень. А егда рече попъ: Пресвату ж, чисту ж, въ тѣй часъ пристоупиша множество аггелъ, подемше рждѣ за весь миръ христіанскѣи, молащеса Богоу. Егда же іерей начнетъ глаголати: Богъ Сватѣи на сватыхъ почиваа, тогда множество аггелъ подпимоуть апостолъ, и речеть Михаилъ: Вънѣмъ! а Гавріил речеть: Миръ въсьмъ! И начнетъ чѣсти попъ евангеліе, и въ то время трисѣтъ аггелъ възимають съ похвало ж слова та, несжтъ на небо... Егда попъ начнетъ глаголати: (Углашеніи изыйдѣте — тогда аггели, събравше грѣш'ники, vedoуть

нию словъ литургисающаго: «Примите и ядите», и «Пийте отъ нея», при чемъ вмѣстѣ въ виду видѣніе Амфилога, о которомъ говорила въ самомъ началѣ: Господь показалъ поганому вмѣсто просфоры — «дѣтищъ образъ», который священникъ и закладъ. Въ «Откровеніи св. Григорія» этому видѣнію отвѣчаетъ другое: «и егда речеть веренъ Свѣтаа святымъ, тогда видѣхъ ангела имоуща ножъ и отроча на руку, и закласта и источиста кровь его въ святоую чашу, а тѣло его рѣжоуща кладяста горѣ на хлѣбъ, и бысть хлѣбъ тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа, и шедшеса достоинніи людіе ядыхоу и пяхоу приємлюще святое тѣло и кровь во истину, на очищеніе грѣхомъ».

Въ одной статьѣ Шафариковой рукописи, описанной г. Поливкой (Орізи і izvodi I, стр. 5: сербская ркп. № 19 собранія, XVII в.) встрѣчается особое толкованіе литургіи съ именемъ Григорія, но вставленное, какъ и въ легендѣ объ Амфилогѣ, въ рамку видѣнія: чудо видитъ нѣкій сарацинъ. Онъ безъ имени, и другія подробности легенды отсутствуютъ; важно сходство схемъ. Въ виду интереса этой статьи для генеалогическихъ отношеній изучаемаго нами текста приводимъ его по списку, любезно представленному намъ г. Поливкой.

(л. 261 об.) Такованіи ѿ вѣтавни лѣр҃гѣи стѣ Григоріа ѿ видѣ некой страцини.:

Прикладши же некоемѣ страцини хр҃товы тѣмны видети ѿ вьниде въ свѣтлицѣ Бж҃іе ѿ видѣ ер҃ца пришадаша на вѣтавнидо савжѣв, ѿ спѣбшѣ съ него вѣ грѣсы ѿго за стѣю трапезѣ. Б҃га ѡвлече сѣ въ стѣмъ стѣухарѣ, тога простѣ сѣ ѿко зарѣ, ѡвлѣдѣца днѣ. Б҃га вѣзлѣжи на сѣ стѣмъ петрахѣлѣ ѿ прѣповѣса сѣ стѣмъ повѣсѣ, тога зпѣви сѣ стрѣсты самѣ творца. Б҃га вѣзлѣжи на сѣ стѣмъ фелѣнѣ, тога покрѣши вѣси грѣси ѿго ѿ вѣ вѣ свѣтаа ѿ ногѣ даже ѿ до глави ѿго. Б҃га вѣзѣтъ стѣю прѣсфорѣ, тога прѣсфора ѡвнѣ (л. 262) въ рѣкѣ ѿго въ ѡвразѣ самѣ сна вѣжѣ, ѿ сѣмидѣ ѡгтѣлѣ .ж. ѿ стѣше ѡвѣрѣтъ ѿго, дрѣжеще въ рѣкѣ скѣтѣтры ѿ копѣи, ѿ вѣзѣ дѣтица ѿ прѣкрѣты ѿго ѡвѣрѣ ѿко въ четворѣ, глѣк: ѿко

ѡвчѣ на заколѣнїи кѣнь вѣи, и къ тѣмъ врѣмѣмъ закла дѣтища и ѡзѣтъ
 ѡ нѣ прѣсы и положи на стѣмъ дискосе. **Ѹ҃҃҃а рѣ:** заклайтѣсѣ
 жрѣтъсѣ агналца вѣи къ землѣи грѣхѣи къ сѣго мїра, то҃҃҃а къзѣтъ
 се ѡблѣкъ талии и найде ѡблѣкъ скетѣль. **Ѹ҃҃҃а рѣ:** копїѣ проподень
 вѣи къ рѣира, и ѡдари копїемъ дѣтище, и ѡзѣде крѣкъ и кода, и
 ѡдари се печѣтникомъ. **Ѹ҃҃҃а** понесѡше чапци прѡсѣфоры стѣмъ, то҃҃҃а
 ѡблѣкѣи вѣи ѣмѣ, ѣко кѣ хѣ тѣ ѡкнѣи некѣдѣре къ рѣи и. (л. 262 об.)
 То҃҃҃а попъ начѣтъ резѣтъ глакѣи иѣ, аггль же гѣи къзѣмаше и и
 полѣгани и ѡко҃҃҃го на вѣдѣ, ѡко҃҃҃го на землѣю гнѣдѣи (на землѣю)
 метѣше, то҃҃҃а же страцинь истиинѣи мнѣше, ѣко дѣтище закла и
 неразѣмеше иѣ: хѣ тайнѣи ѣмѣ ѡблѣкѣи. **Ѹ҃҃҃а** попъ къзѣтъ стѣю
 кѣилицѣи и приидѣ къ стѣмѣи жрѣтаинѣи и начѣтъ глѣтъ мѣтѣсѣ:
 иѣ, ѣе нашь, то҃҃҃а съидѣ: стѣ на стѣи дарѣи и то҃҃҃а сташе дѣи
 аггль къ стѣи дарѣи а ииѣи ѡбрѣтъ дрѣжѣтъ невинѣю. **Ѹ҃҃҃а** іерей
 начѣтъ клѣпати се и глѣтъ: прѣ ииѣи .҃. и вслѡвише и рѣ: вѣи
 вѣи, то҃҃҃а къзѣтѣсѣ вѣи црѣковѣи и вѣи црѣковѣи лѣиѣи а ѡлтарѣ
 ѡганѣи. (л. 263) **Ѹ҃҃҃а** вѣи вѣи іерейѣи ѡзѣтѣтъ на вѣходѣ съ
 стѣмъ іѣгльѣи, то҃҃҃а мнѣшѣи вѣдѣше ѣко за рѣи дѣсѣно҃҃҃ю, а
 гѣриѣи за лѣиѣю и вѣедѣта ѣко къ стѣи ѡлтарѣ, и мнѣшѣи
 вѣишѣи, а гѣриѣи мнѣи даише. **Ѹ҃҃҃а** начѣтъ іерей глѣти мѣтѣсѣ
 прѣ тристѣе, то҃҃҃а ѡбрѣзе се .҃. иѣи. **Ѹ҃҃҃а** начѣтъ чѣтитѣи стѣе
 іѣгльѣи, то҃҃҃а нехожѣи ѡзѣ сътъ ѣко глѣ ѡганѣи, и късѣнтахѣ аггль
 слѡкѣса тѣи и стѣнахѣ прѣ самѣи престѡлѣи кѣилицѣи. **Ѹ҃҃҃а** начѣтъ
 попъ глѣти стѣю ехѣиѣи, и же попъ помѣиѣи, аггль гѣи приидѣ
 полѣзѣи и, и гѣ съ кѣсѣи ѡблѣкѣи и вѣдѣтъ и тѣи стѣиѣи
 съ страхѣи и трѣпетѣи на стѣи тайнѣи. **Ѹ҃҃҃а** къзѣмаше ѡ
 сѣдѣиѣи, то҃҃҃а (л. 263 об.) и мѣтѣи кѣти подкѣиѣи се, ииѣи же
 кѣти аггль метѣхѣи кѣи ѡзѣ грѣи грѣиѣи и кѣиѣхѣи такѣи
 лежѣи къ црѣи. **Ѹ҃҃҃а** къзѣдѣи попъ: ѣко да пѣржако҃҃҃ю тѣиѣи
 и начѣтъ глѣти мѣтѣсѣ: ниѣто же дѣтѣиѣи ѣ, то҃҃҃а прѣса се ѣко же
 и мѣиѣи на гѣре іѣи кѣи гѣ. **Ѹ҃҃҃а** къзѣтъ стѣи дарѣи и прѣнесѣ
 къ ѡветѣ гѣи, и мнѣжѣтѣи аггль съ ии невинѣю дрѣжѣхѣи и
 нѣшахѣи дарѣи. **Ѹ҃҃҃а** положише стѣи дарѣи на стѣю трапѣзѣи, то҃҃҃а
 сѣидѣ дѣи стѣи зрѣкомѣи ѣко голѣвѣи и пѣи на глѣкѣи іѣрѣи и на

сѣте дарѣ прѣлежешен. **Ѹ҃҃҃а** къзгласи іерѣи: къзлюбѣи дрѣга дрѣга, то҃҃҃а съниде сѣ **҃҃҃а** ѿ дѣти мѣра савѣщѣи въ храмѣ ѿго. **Ѹ҃҃҃а** рѣт іерѣи: станѣ доверѣ (станѣ), то҃҃҃а (л. 264) оумарѣ детнѣ ѡжнѣ ѿ ста крѣхѣ дискѡса. **Ѹ҃҃҃а** рѣта: станѣ са страхѣ, то҃҃҃а сънидѣтъ сѣ нѣѣ .д. херѣвнѣмѣ ѿ станѣтъ ѡкрѣста сѣте трапезѣ ѿ ѡкрѣлишѣ четнѣрѣмѣ крѣли сѣте дарѣ. **Ѹ҃҃҃а** іерѣи проказгласи: кънѣмѣ сѣте къзнѡшенѣ приносѣте, то҃҃҃а къзетѣсѣ детнѣ ѡ сѣте трапезѣ ѿ ста на кѡзѣсѣ неподрѣжимѣ ничѣи. **Ѹ҃҃҃а** къзгласи іерѣи: поведѣнѣю пѣ поюща, то҃҃҃а херѣвнѣмѣ късхѣтише детнѣ ѿ лѣтехѣ поюще ѿ трѣпешѣще крѣлѣмѣ до .э. нѣѣ ѿ до прѣстола величѣа поюще ѿ гѡюще: сѣ сѣ сѣ гѣ савѡдѣ. **Ѹ҃҃҃а** къзгласѣтъ іерѣи: прѣимѣтѣ ѿ ѡдѣте, то҃҃҃а съниде самѣ **҃҃҃а** сѣ ѡвеманадесетѣ дѣтѡлѣ ѿ къзѣ телѡ скоѣ ѿ показа (л. 264 об.) късѣ стоѣщѣмѣ: сѣ ѿ телѡ моѣ, такожѣ ѿ чѣшѣ къспрѣмѣ ѿ къзгласѣтъ: сѣ ѿ крѣкъ моѣ, ѡце кѣтъ къкѡсѣтъ ѡ чѣши сѣ, жикѡт ѿмѣтъ кечнѣи. **Ѹ҃҃҃а** іерѣи къзгласѣтъ: твоѣ ѡдѣ твоѣ, то҃҃҃аже рѣкописѣнѣ грѣхѡкъ късѣ къзетѣсѣ, ѿ рѣ **҃҃҃а** сѣ творѣте къ моѣ намѣтъ. **Ѹ҃҃҃а** рѣ іерѣи: вѣли, кѣкѡ, сѣтъ хлѣвъ, ѿ сѣткорѣ ѡвѣ хлѣвъ сѣ чѣтъноѣ телѡ, то҃҃҃а ѡвѣ сѣтъ хлѣвъ прѣлѡжѣ сѣ къ пѣлътъ самѡ сѣа вѣѣа, ѡ кѣже къ чѣши чѣтънѣю крѡкъ, то҃҃҃а ѡвѣ чѣша прѣлѡжѣ сѣ къ крѣвъ самѡго сѣа вѣѣа, ѿ то҃҃҃а съниде сѣтъ дѣхѣ ѿ ста крѣхѣ іерѣи ѿ на прѣлежешѣи дарѣ ѿ на касѣ люѣхѣ стоѣщѣи са страхѣ. **Ѹ҃҃҃а** же рѣ іерѣи: ѡце приносѣмѣ ти сѣтѣю сѣдѣвѣ, (л. 265) то҃҃҃а ѡдѣ ѿ ѡва ѿ прѡчи вѣнѣшѣи сѣ нѣи къ дѣ къзжеселѣнѣ. **Ѹ҃҃҃а** къзгласи іерѣи: ѡзрѣдѣнѣ ѡ прѣстѣи чѣтѣи ѿ прѣвѣкѣнѣи, то҃҃҃а нѣа сѣ земѣлѣнѣмѣ сѣкакѡплѣюѣтъ сѣ, да ѡце кѣтъ къ тѣ чѣ не поклонѣтѣ сѣ, тѡ дѡтѡнѣѣ ѿ пожещѣи ѡганнѣи пѣлѣмѣнѣи сѣзѣнѣ, ѡ ѡце кѣтъ въ тѣ чѣ поклонѣтѣ сѣ, ѡце ѿ грѣшѣнѣѣ ѿ, тѡ зѣ тѡ къ дѣнѣ сѡдѣнѣи покрѣтъ ѿго бѣца крѣлѡ скоѣи. **Ѹ҃҃҃а** къзгласѣтъ іерѣи: дажѣ нѣ ѡдѣнѣмѣ дѣтѣ, ѿ то҃҃҃а ѡце кѣтъ стѡнтѣ мѣслѣи къ срѣци своѣ зѣлѣ ѿлѣи кѣтъ вѣнѣдѣтъ къ ѡркѡрѣ ѡ ѿмѣнѣ зѣлѣвѣ на дрѣга ѡ не прѡстѣнѣсѣ, то҃҃҃а лѣгѣлѣ ѡстѡпнѣтъ ѡ нѣго ѿ дѣаколъ сѣжѣтъ ѿго ѿ вѣтъ ѿго вънѣ (л. 265 об.) ѿзѣ урѣнѣе. **Ѹ҃҃҃а** къзгласи іерѣи: ѿ спѡвѣи мѣи вѣако, ѿ вѣспѡютѣ ѡче нашѣ ѿже ѡсѣи на нѣнѣхѣ, то҃҃҃а къзгласѣтъ ѡцѣ

нѣны: прїидете вѣвеннѣ оца мойго, наследуйте бгѣотованнои вѣ црѣтво нѣнои. **Ѣга рѣтъ Іерей:** глѣен нашен гѣен прѣклобннма, въ тѣ чѣ дцрѣ кто глѣтъ вѣтъи своими, томъ вы сѣ волѣи, шлѣд да сѣ нѣ і роднѣль, дцрѣлн кто стоить съ стрѣхѣ до каннѣ стѣ стѣи, то мѣлѣа Іерейѣва и мѣлѣа самѣого тѣорѣца на нѣѣ йѣ. **Ѣга възгласитѣ Іерей:** вънѣмѣмъ стѣа стѣи, то въ тѣ чѣ снѣдѣтъ съ нѣѣа .Ѣ. тѣсѣща дггѣль и възѣше и носѣше стѣѣ дѣрн до самѣого прѣѣстола и сѣннѣдѣ хѣ и начѣтъ давѣти (л. 266) самѣа скорѣю рѣнѣю разлѣамѣ тѣлѣ, тога Іерей зпѣѣи сѣ хѣрѣннмѣ дѣѣшомѣ Ісѣѣи бгѣаль Ѣ сѣрафннма. **Ѣга же Іерей въспрѣтъ чашѣ,** тога прѣтъ крѣѣь нѣз рѣнѣь, крѣѣь самѣого вѣа. **Ѣ горѣк тѣѣ Іерѣѣѣ койжѣ и дѣтъ тѣлѣ гѣѣ и пѣтъ крѣѣь гѣѣо, а прѣѣстѣпѣтъ запѣкѣдн гѣѣ,** пѣѣѣанѣ йѣ йѣѣѣ прѣѣдѣтелѣю. **Ѣга рѣтъ Іерей:** възнѣсѣсѣ на нѣѣа вѣѣ, тога възѣше дѣрн кѣсн и възнѣсѣѣше къ нѣѣмѣ на нѣѣа. **Ѣ ѣ нашѣмѣмъ сѣѣа ка вѣѣѣ дѣмнѣ.**

Я не касаюсь вопроса объ авторѣ Василіева житія, ходящаго подъ именемъ Амфилохія. Списатель житія былъ, такъ или иначе, отождествленъ съ Амфилохіемъ Иконійскимъ, младшимъ современникомъ и другомъ Василія Великаго и Григорія Назіанзина. Одно и то-же чудесное видѣніе, отвѣтвшее, быть можетъ, интересу къ спорамъ о догматѣ пресуществленія, могло пристать къ имени каждаго изъ трехъ каппадокійцевъ — если позволено мнѣ, въ виду неясности вопроса, присоединить новую гипотезу къ прежней, сблизивъ Амфилога легенды съ — Амфилохіемъ. Легендѣ оставалось-бы, въ такомъ случаѣ, только сблизить чудо съ какимъ-нибудь инымъ мотивомъ обращенія, типа «поганина»; такъ вмѣсто еврейна могъ явиться сарацинскій царевичъ — Амфилогъ.

Первая замѣтка, посвященная легендѣ объ Амфилогѣ (Разысканія, вып. V, гл. XVII), имѣла въ виду указать въ ней параллель къ эпизоду объ Eupalach'ѣ въ романахъ о св. Грагѣ и снова поставить вопросъ о христіанскихъ источникахъ послѣдняго

представленія, которое Nutt хотѣлъ объяснить изъ спеціально кельтскихъ вѣрованій. Я уже выразилъ мой взглядъ на работу Nutt'a; тѣмъ пріятнѣе было мнѣ встрѣтить косвенное подтвержденіе моего мнѣнія въ статьѣ извѣстнаго кельтолога Циммера, посвященной разбору той-же книги ¹⁾. Отмѣчу лишь два его положенія: что фантазія шрландскаго народа насыщена была въ періодъ отъ XII-го до XV-го вѣка заходящими сюжетами и идеями, и что параллели изъ Финновской саги, приводимыя Nutt'омъ къ романамъ объ Артурѣ и св. Гралѣ, не имѣютъ доказательности въ его смыслѣ, если тексты первой не древнѣе XV-го вѣка, ибо они свидѣтельствуютъ не за пракельтское существованіе тѣхъ или другихъ мотивовъ, а за возможность ихъ проникновенія въ кельтскій обиходъ изъ классическаго или сѣверно-германскаго преданія, еслибы они тамъ оказались.

---

¹⁾ Сл. Gött. Gelehrte Anzeigen 1890, № 12, стр. 488 слѣд.; см. стр. 498 и 506. Сл. еще отчетъ Foerster'a о G. Paris, La littérature française au moyen âge въ Literaturblatt f. germ. u. rom. Philologie 1890, № 7, стр. 265 слѣд.

XXII.

Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ.

Кромѣ малаго стиха о чудѣ Егорія съ змѣемъ (см. Разысканія II, стр. 125), русская поэзія знаетъ еще большой стихъ о немъ (I. с. стр. 136 и слѣд.), пересказывающій его апокрифическое мученіе и представляющій во второй своей половинѣ своеобразно разработанные элементы того же чуда. Источникомъ этого стиха я призналъ (I. с. стр. 139) такую редакцію легенды о св. Георгіѣ, гдѣ чудо съ змѣемъ помѣщалось послѣ мученія ¹⁾, съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертію угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній и успеній, которыя въ апокрифѣ являются какъ родъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притянуто было въ житіе и составило съ нимъ нѣчто цѣлое.

¹⁾ Подобное сочетаніе мученія и чуда представляетъ бѣлорусскій Сборникъ Чудова монастыря № 4¹, XVI вѣка. Сл. Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей, 1889 г., III: Библиографическіе матеріалы, собранные А. Н. Поповымъ, стр. 49 слѣд. Мученіе кончается на л. 620 об.: А: же Посѣкра. . . . . вослѣвахъ своегъ гна страданію. І ѿ всѣхъ извѣстно на память христілюбивымъ стрѣлополовникамъ вчинихъ. — Л. 621 лиц.: чюмъ сѣго Егорыѣа ѿ змѣи. Инс.: Како истрека страшилъ ѿ преславнаго свѣд тайнхъ. — «Это непосредственный источникъ русскаго духовнаго стиха о Георгіи» (рукописная замѣтка А. Н. Попова, I. с. стр. 56).

Не измѣняя этому воззрѣнію, я попытаюсь пойдти далѣе, поставивъ вопросъ: по какой схемѣ развитъ былъ въ большомъ стихѣ моментъ чуда, не имѣющій ничего общаго съ постановкой этого момента въ маломъ стихѣ о Егоріи и Елисаветѣ?

Напомнимъ содержаніе большаго стиха. Рассказывается о мученіяхъ Егорія; Демьянище заключаетъ его въ погребъ, засыпаетъ песками рудожелтыми. Чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ—и ѣдетъ отплатить прежнюю дружбу своему мучителю, полонившему и его сестеръ. Слѣдуетъ та часть стиха, которая насъ особенно интересуетъ: на пути къ Демьянищу Егорій встрѣчаетъ рядъ заставъ; горы толкучія, лѣса и рѣки; сестры Егорія, пасущія стадо звѣриное или змѣиное; *змѣи или змѣи, съ которыми Егорій бьется*; чудесная птица *Нага* (Нага; птицы ногайщины; Черногонъ, Черногаръ; Нага Астрахирь, Острафилъ, Стратимъ), сидящая на херсонскихъ, іерусалимскихъ, сибирскихъ и т. д. вратахъ, либо на вратахъ, на крыльцѣ у Демьянища (Безсоновъ, Калѣки I, № 101, стр. 419, № 111, стр. 492): она унесетъ прѣзжаго «во чисто поле — малымъ дѣтямъ на съденіе» (I. с. стр. 473 въ примѣчаніи).—Уже затѣмъ слѣдуетъ встрѣча Егорія съ Демьянищемъ, котораго онъ и убиваетъ, освободивъ сестеръ.

Но и самого Демьянища стихъ представляетъ змѣемъ: онъ шипитъ по змѣиному, какъ змѣй летаетъ; онъ даже названъ однажды Горынычемъ: это «глубокій змѣй» апокрифа. Если такъ, то змѣй, съ которымъ раньше бился Егорій, и Демьянище явятся дублетами — и ясно, что приращеніе явилось со стороны змѣя: до встрѣчи съ нимъ всѣ заставы обходились Егорію мирно: горы и лѣса расходились, разступались; бой съ змѣемъ прерываетъ эту послѣдовательность, предвосхищая окончательную борьбу съ змѣемъ-Демьянищемъ. Первоначально порядокъ могъ быть такой: заставы, *птица*—и *змѣи Демьянище*. Такъ и въ эпизодъ заставъ въ нѣкоторыхъ былинахъо Дюкѣ: *птицы клеучія* — и *змѣище Горыныще* (Южно-русскія былинны, вып. II, стр. 534). Названіе птицы: Нага могло быть внесено изъ стиха о Голубиной книгѣ, но

нмя птицы, можетъ быть, осмыслило ея тѣсную связь съ насильникомъ Демьянищемъ, путь къ которому она стережетъ. Напомню по этому поводу румынское преданіе: когда татары-*наизм* нагрянули на Молдавію, жители попрятались по болотамъ, въ камышахъ, но татары открывали ихъ при помощи пиголицъ, которыхъ выпускали въ большомъ количествѣ и которыя, завидѣвъ бѣглецовъ, наводили на нихъ татаръ своимъ чирканьемъ. Пиголица и зовется поэтому татарской собакой—и *Nagatça, Nogatça* ¹⁾.

Предположенный нами древній планъ большаго стиха о Егоріи въ эпизодѣ чуда (чудовищная птица — насильникъ-змѣй) я попытаюсь объяснить въ связи съ русскими сказками объ Ильѣ и Змѣѣ.

Мнѣ извѣстны четыре сказки объ Ильѣ-змѣеборцѣ.

1) Одна изъ нихъ, сообщенная Кирѣевскимъ (Пѣсни I, Приложенія, стр. I—IV), напечатана у Аванасьева, Народныя русскія сказки, № 175. Схема такая: *Илья сидитъ* (эпизодъ о дѣтствѣ); ѣдетъ биться съ змѣемъ; по дорогѣ встрѣчи: баба яга, ея сестра и б) *Соловей*; в) *Илья бьется съ змеемъ* и освобождаетъ *царевну*, которую миловалъ змѣй: онъ ее извелъ, высосалъ.

2) Вариантъ у Драгоманова (Малороссійскія народныя преданія и рассказы, стр. 248—9) ограничивается боемъ съ змѣемъ: царь отдалъ дочь на пожраніе змѣю, но она ему понравилась, и онъ *женился съ нею*. Узнавъ отъ него, что его можетъ осилить Илья швецъ, она шлетъ съ двумя голубями письмо къ отцу съ просьбою прислать Илью, который и убиваетъ змѣя.

3) Сказка у Руликowskaго (Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy, Krakow 1879, стр. 6—8) начинается также съ а) эпизода объ *Ильѣ сидитъ*. Старикъ, давшій ему силу, говоритъ ему: пусть попроситъ отца—купить ему у попа паршиваго жеребенка, приготовить желѣзную булаву въ четыре пуда, оловянную шапку въ два пуда. Когда жеребенокъ вырастетъ съ

¹⁾ Новыя книги по народной словесности, Журн. Мин. Нар. Просв., ч. ССХLIV, отд. 2, стр. 218—214.

коня, ты поѣдешь на немъ и убьешь змѣя въ Кіевѣ. б) *Илья ѣдетъ*; встрѣча съ *Соловьемъ*; с) въ Кіевѣ всѣ опечалены: змѣй поѣлъ всѣхъ дѣвушекъ, дошла очередь и до княжны: придется отдать ее. Змѣй живетъ въ хижинѣ надъ Днѣпромъ; *Илья убилъ змѣя* своей шляпой и женится на княжнѣ.

4) Недавно г. Эварницкій (Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Спб. 1889, стр. 166—172) сообщилъ еще малорусскую сказку того же содержанія: а) *Илья сидеть* и б) выѣздъ и бой съ змѣемъ, залегавшимъ воду, пока ему не дадутъ утромъ и вечеромъ одну душу на «пожраніе». Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ *царевну*, которая надѣваетъ ему на палецъ кольцо. На обратномъ пути онъ засыпаетъ, положи голову («а голова словно бочка») на колѣна царевны; коли надо будетъ, пусть разбудитъ его, уколовъ иглой въ пятку. Пока онъ спалъ, пріѣхалъ бондарь и говоритъ дѣвушкѣ: брось ты Илью, поди лучше за меня замужъ, а отцу скажи, что я отвелъ тебя отъ смерти. Дѣвушка бросилась будить Илью, качала, качала ему голову, не добудилась, а про иглу и забыла. Бондарь отрубилъ *Ильѣ* голову, а дѣвушку привезъ къ ея отцу, которому она говоритъ, что тотъ человекъ избавилъ ее отъ смерти, и она должна пойти за него замужъ. Въ это время проходилъ Господь съ св. Петромъ, видитъ убитаго Илью, дохнулъ на него, и онъ ожилъ. Ну долго же я спалъ! говорятъ Илья. — Спалъ бы еще дольше, цѣлый бы вѣкъ, еслибъ не мы.—Илья идетъ на свадьбу: царевна сидитъ, надрывается, увидѣла на порогѣ человекъ, у него на среднемъ пальцѣ кольцо горитъ огнемъ. Признала Илью и прыгъ къ нему черезъ столъ: Вотъ, говоритъ, кто меня отъ смерти спасъ, а не поганый бондарь! Бондаря схватили, а царевну за Илью отдали.

Всюду Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ дѣвушку; либо она обречена ему на пожраніе, либо онъ насилуетъ ее своею любовью. Какой изъ двухъ мотивовъ древнѣе—этотъ вопросъ разрѣшится для насъ вмѣстѣ съ другимъ, болѣе общимъ: въ какихъ отношеніяхъ стоятъ сказки объ *Ильѣ змѣеборцѣ* къ былинамъ

о немъ, не знающимъ этого сюжета? Должны ли мы предположить случайное примѣненіе сказочнаго мотива о змѣборцѣ къ имени Ильи, или это примѣненіе не случайное, и въ былинахъ объ Ильѣ были и еще распознаваемы данныя, его объясняющія?

Я стою за послѣднее. Въ мѣстѣ «Южнорусскихъ былинахъ», гл. X, я указалъ на чередованіе именъ Ильи и Алеши Поповича въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія: Тугаринъ обнасилъначалъ Кіевъ въ былинѣ объ Алешѣ, Идолище въ пѣсняхъ объ Ильѣ; и тотъ и другой гигантски прожорливы; Идолище не даетъ воли князю съ княгинею, «у княгини держитъ руки въ пазухѣ» (Кир. IV, стр. 18 слѣд.); то же говорится о Тугаринѣ; если въ былинѣ о немъ и Алешѣ насиліе Тугарина представляется, какъ пріятное княгинѣ, то я объяснилъ это (1. с. стр. 354) подповлещіемъ, въ уровень съ позднѣйшимъ типомъ падкой на любовныя шашни Апраксѣвны. Въ началѣ Тугаринъ могъ быть просто насильникомъ княгини, какъ Идолище въ былинѣ объ Ильѣ; богатыри освобождали княгиню отъ того и другого «змѣевича», ибо какъ за Тугаринымъ постоянно это прозвище, такъ и эпитетъ Идолища: Скоропитъ, Скоропѣвичъ, ни что иное, какъ тотъ же змѣевичъ (1. с.). Илья избавлялъ княгиню отъ врага «змѣевича»; такъ могла пѣть древняя былина, а сказка привязала къ этимъ отношеніямъ мотивы о змѣборствѣ: змѣй залегаетъ воду и дѣвушка назначена ему въ жертву (ММ 3, 4); М 4 развиваетъ этотъ сюжетъ и далѣе — извѣстнымъ въ схемѣ змѣборца мотивомъ: объ обманщикѣ, приписывающемъ себѣ честь подвига. Либо змѣй — насильный любовникъ, ММ 1 и 2; въ этомъ смыслѣ комментировалъ М 1 Аѳанасьевъ; я ограничусь указаніемъ на наши былины. Сказка М 1, наиболѣе разложившаяся, судя по стилю, сохранила въ такомъ случаѣ болѣе древнюю черту, чѣмъ ММ 3 и 4.

Я говорю пока о развитіи сказки изъ былины, не наоборотъ, въ предположеніи, что содержаніе послѣдней, въ ея древней стадіи, было менѣе фантастическимъ, идеальнѣе отразившимъ извѣстныя историческія воспоминанія. Мотивъ змѣборца, спа-

сающаго дѣвушку, былъ на столько популяренъ въ сказкѣ и легендѣ, что сохранился бы въ былинѣ болѣе яркими чертами, еслибъ въ немъ дана была точка ея отправленія. Попробуемъ остановиться на этомъ направленіи эволюціи.

Изъ четырехъ знакомыхъ намъ вариантовъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ, три записаны на югѣ, одна (№ 3) даже локализована въ Кіевѣ, къ которому привязана легенда о другомъ змѣеборцѣ, Кирилѣ или Никитѣ Кожемякѣ, также спасающемъ царевну отъ змѣя, въ обстоятельствахъ, тождественныхъ съ Драгомановскимъ вариантомъ: царевна послана въ дань змѣю, который полюбилъ ее и взялъ себѣ въ жены; она узнаетъ отъ него, что его можетъ побѣдить только Никита или Кирила Кожемяка, и также посылаетъ письмо къ отцу съ голубкомъ (сл. Аванасьева, Народныя русскія сказки № 85 и примѣч.). Кожемяку народнаго преданія сближали съ *усмошвецомъ* Несторовой лѣтописи подъ 992 годомъ; *Илья швецъ* Драгомановскаго варианта сохранилъ это обозначеніе. Если эпизодъ лѣтописи объ Усмошвецѣ, поборовшемъ печенѣжскаго богатыря, удержался въ народной памяти въ чертахъ сказки о змѣеборцѣ, то и древняя былина объ Ильѣ (или Алешѣ), спасаемъ какую то царевну или царьцу отъ насильника «змѣевича», могла вызвать такое же развитіе по мотивамъ сказки о богатырѣ, спасающемъ дѣвушку отъ непрошеннаго любовника, — змѣя; развитіе, приставшее къ былинѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ (кіевскихъ) легендъ о змѣеборцахъ: Кожемякѣ, Кузьмѣ и Демьянѣ, Борисѣ и Глѣбѣ.

Илья швецъ напомнилъ намъ Несторова *усмошвецъ*; разказывая о его снѣгѣ отецъ говоритъ: «единою бо ми ѿ сварящу и оному мнущю усние, разгнѣвавьсе на мя, преторже черви рукама». Укажу по этому поводу на богатыря *Чоботка*, котораго, по словамъ Кально-Фойскаго, *народъ смѣшивалъ съ Илей*, тогда какъ Лассота различаетъ обоихъ, какъ, вѣроятно, и русскій паломникъ первой половины XVII в., отрывокъ изъ записокъ котораго недавно напечатанъ былъ архимандритомъ Леонидомъ (Кіевская старина 1890, Февраль: Документы, извѣстія и замѣтки стр. 345):

«Да еще человекъ именовъ Чеботокъ въ пещерѣ вкопалъ себя по плечи и сказалъ передъ Спасомъ: До тѣхъ поръ не изыду отъ сего святаго мѣста, дондеже земля обновится ко страшному и праведному дню судному; якоже Богъ благовольтъ, тако и будетъ». — Я предположилъ (Южно-русск. былины вып. I стр. 32 прим. 2) въ названіи Ильи «чеботкомъ» отраженіе какой нибудь эпической черты, забытой въ былинахъ о немъ; нѣтъ ли связи этого народнаго прозвища съ *мѣцомъ* Драгомановскаго варьянта, съ *червями* Несторовой легенды? Это позволило бы намъ отнести основы разказа объ Ильѣ - швецѣ - змѣборцѣ къ XVII вѣку; былины объ Ильѣ внѣ связи съ сказочнымъ змѣемъ были бы древнѣе.

II.

Съ сказками объ Ильѣ и змѣѣ мы сопоставимъ другія: объ Ильѣ и Идолищѣ. Изъ трехъ финскихъ версій, приведенныхъ мною (см. Мелкія замѣтки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв., Мартъ 1890 г., стр. 6 слѣд.) въ №№ 1 и 3 эпизодъ о Соловѣѣ слѣдуетъ за эпизодомъ объ Идолищѣ; въ № 2: *Соловей, Идолище*. Такъ (отчасти) въ вотяцкой сказкѣ объ Ильѣ¹⁾ а) Илья сидеть; его выѣздъ; какой то богатырь отсовѣтываетъ ему ѣхать по дорогѣ, на которой сидятъ Соловей разбойникъ. Илья (совершенно не мотивированно) хвалится своимъ кафтаномъ, конемъ и лукомъ: забытый эпизодъ о станишникамъ. — б) *Соловей*: Илья привезъ его въ городъ, показываетъ царю, убиваетъ за ослушаніе; царь жалуется Ильѣ, что у него въ городъ ходитъ с) *Чудовище Обжора*, съѣдающій въ день по цѣлому быку и выпивающій по сорока ведеръ пива. Илья убиваетъ его. — Слѣдуетъ, какъ въ финскихъ сказкахъ, эпизодъ о Святогорѣ; но смерть въ гробу перенесена на Илью.

¹⁾ Верещагинъ, Вотяки Сосновскаго края. С.-Пб. 1886, стр. 142 слѣд.

Интереснѣе бѣлорусская сказка объ Ильюшкѣ, гдѣ Идолицу отвѣчаетъ Прожора: а) Илья сидень; б) выѣзжаетъ бѣлый свѣтъ очищать, негоднаго *Сокола* побивать». Приѣхалъ въ царство царя Прожора. «Енъ по дзесяць чаловѣкъ ѣвъ на дзень, а нягідный Соколъ яму доставлявъ ѣсь. Енъ, нягідный Соколъ якъ свисня, дакъ на двананцаць верстѣ даленѣй чаловѣкъ уадаѣя—крѣпко сплянь бывъ. И доставлявъ яму, цару Прожору, по дзесяць чаловѣкъ у дзень. И сядзѣвъ тѣй нягідный Соколъ на двананцати дубахъ одзинъ, и у яго двананцаць роговъ». Илья отрубилъ ему голову и везетъ съ собою къ царю с) *Прожору*. Тотъ услышалъ, что кто то ѣдетъ: Кого это мой Соколъ допустилъ? Илья показываетъ ему его голову и на пиру ударилъ Прожора двѣнадцатипудовой шапкой, такъ что тотъ вылетѣлъ скрозь стѣну. — Все это, какъ и дальнѣйшіе подвиги, понято, какъ очищеніе бѣлаго свѣта; такъ говоритъ Илья отцу — матери, вернувшись домой. Побогѣвъ три дня, онъ представилъ «и поступивъ у святъ — святыи Ильюшка». «Вотъ, говора, буду громовой тучай завѣдуваць». Его схоронили въ склегѣ. «Господзь такъ давъ: ниhto яго не знавъ, ня видзѣвъ,—отправився ѣнъ водой у склепи у Кіевъ, у пящеры, плывъ по Сожи по рацѣ. И оявився, и получивъ сабѣ свѣтъ у пящеры» (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. 3: Сказки, № 44. О св. Меркуріи Смоленскомъ, также приплывшемъ въ Кіевъ «во гробъ» сл. Бусласва, Очерки II, 194).

Якутская сказка объ Ильѣ ¹⁾ представляетъ нѣкоторыми своими частями замѣчательный примѣръ воздѣйствія народныхъ мифическихъ представлений на заходной сюжетъ. Вотъ ея схема: а) Илья сидень; б) *Соловей*; с) «Смерть Тамаровичъ съ бумажными крыльями» = *Тугаринъ Змьевичъ* съ обычными чертами *прожорливости*; бьется съ нимъ не Илья, а «поповскій сынъ богатырь», «поповичъ», т. е. Алеша, какъ въ былинѣ о немъ. Тожество схемъ: Илья — Идолице и Алеша — Тугаринъ объясняютъ эту

¹⁾ Сл. Верхонскій сборникъ: Якутскія сказки, пѣсни и т. д. зап. И. А. Худяковымъ (Иркутскъ 1890), стр. 254 слѣд.

замѣну, которая дала возможность ввести сказку въ слѣдующій за этимъ эпизодъ d): о подвигахъ Алешы и помощнаго ему Ильи; объ этомъ я скажу нѣсколько словъ далѣе; е) разѣхавшись съ Алешей Илья ѣдетъ и встрѣчаетъ Святогора (который оказывается его дѣдомъ; смерть Святогора въ гробу).

Обратимъ вниманіе на эпизодъ d), хотя онъ и стоитъ внѣ непосредственной цѣли этого изслѣдованія. Илья присутствовалъ при боѣ Поповича съ Тамаровичемъ, послѣ чего Илья и Поповичъ разѣзжаются, давъ себѣ слово—въ нуждѣ помогать другъ другу. Илья ложится спать; отъ его хлана поднимается вѣтеръ и такой громъ, что казалось, будто громъ гремитъ, пыль стала облакомъ и люди ждали свѣтопреставленія (Илья громовникъ?). Въ это время стрѣла угодила ему въ грудь, прямо въ крестъ, а на стрѣлѣ написано, чтобы онъ поспѣшилъ на помощь Поповичу. Илья метнулъ стрѣлу вверхъ, и когда она полетѣла на югъ, поѣхалъ въ ту-же сторону.—Такъ будитъ онъ своего крестнаго батюшку, Самсона богатыря, посылалъ ему вѣсточку стрѣлою (Рыбникъ. III, № 35): какъ въ этой былинѣ Илья выступаетъ какъ-бы въ роли младшаго богатыря, такъ въ нашей сказкѣ, по отношенію къ Ильѣ, Алеша. Оказывается, что онъ бился съ желѣзнымъ войскомъ, да съ огненнымъ; а то войско царь-дѣвнцы, луны-царяцы. Пока онъ косятъ желѣзныхъ людей, Илья хочетъ посмотреть, откуда они являются: «перелетѣлъ черезъ желѣзное войско и увидалъ, что семь дюжихъ кузнецовъ куютъ громадными молотами и пилятъ громадными пилами раскаленное желѣзо, и какъ только двинуть пилой или ударять молотомъ по желѣзу, такъ оттуда пять-шесть желѣзныхъ человекъ выпрыгнуть и бѣгутъ впередъ». Илья однимъ взмахомъ отрубилъ головы головы кузнецамъ, и какъ ударилъ самъ молотомъ по наковальнѣ, то точно, «онъ людей желѣзныхъ можетъ ковать».—А огненные люди съ огненными мечами высыпали изъ подъ утеса: только взмахнетъ Поповичъ мечемъ, они потухаютъ, а все-таки ходу не даютъ. Илья перелетѣлъ черезъ утесъ, видитъ, пять дюжихъ мужчинъ выскочатъ огонь пятифунтовыми огнивами изъ пяти-

фунтовыхъ кремней, сколько искорокъ высыпется, всё обращаются въ огненныхъ солдатъ. Илья срубилъ тѣмъ людямъ головы, а кремни и молоты отдалъ Поповичу, который женится на царицѣ; она хотѣла-бы пойти за Муромца, да у него законъ — не жениться, не то потеряется его сила и красота, и останется онъ калѣжкой.

Нѣтъ сомнѣнiя, что эпизодъ о желѣзныхъ и огненныхъ людяхъ отвѣчаетъ извѣстному по былинамъ: о чудесномъ удвоенiи вражьей силы, съ которой бьются богатыри (сл. мон Южно-русскiя былинны, вып. II, гл. VII): въ былинѣ о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри, нахвальщикомъ, вызывающимъ силу нездѣшнюю, является именно Алеша Поповичъ, какъ въ якутской сказкѣ онъ бьется съ постоянно нарастающими численно желѣзными и огненными людьми. Сказка могла имѣть въ виду указанный гѣсенный эпизодъ, но разработала его по даннымъ знакомаго намъ апокрифическаго и народнаго повѣрья о мiрозданiи: отъ ударовъ молотомъ по камню, огнивомъ по кремню, вылетаетъ и плодится нечистая сила (сл. Разысканiя, вып. V, стр. 6—7, 12—13, 14, 47—8, 68—69, 360). Напомнимъ въ особенности вогульское преданiе о богатырѣ, который, мстя за смерть отца и не смотря на уговоры родныхъ и явившагося съ неба старика-великана, начинаетъ истреблять все живое: много народу перебилъ, а его все не уменьшается, ибо Нуми распорядился, чтобы два небесныхъ кузнеца ковали желѣзную полосу, а два плотника стругали деревянную, и чтобы изъ искръ и стружекъ дѣлались люди (I. с. стр. 17, прим. 1)

Возвратимся послѣ нашего экскурса къ общей схемѣ якутской сказки: отъ эпизода съ *Соловьемъ* она переходитъ, благодаря совмѣстному появленiю Алеши и Ильи, къ эпизоду Тугарина *Змѣеюмъ*; безъ этой совмѣстности или смѣшенiя мы ожидали бы встрѣчи Ильи съ Идолицемъ *Скоропѣвичемъ*, т. е. Змѣевицемъ.

Если Идолице Скоропѣвичъ—змѣй, то мы получили въ приведенныхъ сказкахъ ту же послѣдовательность, что и въ разказахъ объ Ильѣ-змѣеборцѣ № 1 и 2: *Соловей*, *Змѣй*—*Соловей*,

Идолице — *Чудовищная птица и змѣя Демьянице* духовнаго стиха о Егоріи. О послѣднемъ говорится въ стихѣ, что онъ раскрошилъ змѣя на мелкія части (Разысканія II, стр. 144); румынскія пѣсни и преданія подсказываютъ, что изъ головы змѣя, убитаго Георгіемъ, зародились черви и мухи, какъ и въ варьянтахъ нашего стиха змѣя разсыпается «на гаденыши, на червеньши» (1. с. стр. 147—8 прим. 1), а въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ пепель сожженнаго змѣя, развѣянный по воздуху, породилъ всякую погань: мошекъ, комаровъ и мухъ (Кулишъ, Зап. о южной Руси II стр. 30). И для этого эпизода сказки объ Ильѣ представляютъ аналогію: въ малорусской легендѣ, пересказанной Трусьвичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 6: Народныя легенды про Кіевъ и его окрестности) соловьевъ до Ильи Муромца не водилось: они вышли изъ тѣла Соловья-разбойника, разрубленнаго Ильей на куски, не больше маковыхъ зеренъ. Такъ и въ чувашской сказкѣ, гдѣ Илья наѣзжаетъ на гигантскаго соловья: его гнѣздо на семи ветлахъ, свистъ слышенъ за семь верстъ; Илья разсѣкъ его на части, изъ кусковъ убитаго выросли большія и малыя птицы (Разысканія VIII, стр. 352—253).

Былины не знаютъ при Ильѣ змѣя и эпизодъ о Соловьѣ отдѣляютъ отъ эпизода объ Идолицѣ-змѣевичѣ; сказки могли привести оба мотива во внутреннюю связь, либо въ связь послѣдовательности.

Возможно ли предположить обратное развитіе: отъ сказки или выражавшей ее цѣльной былины—къ отрывочнымъ пѣснямъ нынѣшняго состава, отъ цѣлаго—къ раздробленнымъ эпизодамъ, при совершенномъ забвеніи ихъ древняго соотношенія? Мы ставляемъ предположеніе, діаметрально противоположное тому, котораго держались до сихъ поръ. Вызвано оно тѣмъ соображеніемъ, что при гипотезѣ: Идолице=змѣй финскія, бѣлорусская, вотяцкая—и малорусскія сказки, записанныя на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, отразили ту же послѣдовательность изложенія: Соловей (Соколы) — и Идолице или змѣй. Это указываетъ какъ бы на древнюю схему и связь эпизодовъ, которую можно вмѣ-

нить пра-былинѣ, лишь впоследствии распавшейся на отдѣльные пѣсенные эпизоды. Въ этой схемѣ Идолице могъ являться насильникомъ-богатыремъ, «змѣвичемъ», богатыремъ являлся и Соловей, имя котораго лишь впоследствии было понято, какъ нарицательное птицы. Такая былина могла быть выраженіемъ какихъ нибудь историческихъ памятей; фантастическій элементъ, обратившій «змѣвича» въ подлиннаго змѣя, Соловья въ чудовищную птицу, присталъ къ ней позже. Если такъ, то въ такой былинѣ, уже осложненной элементомъ баснословія, мы нашли бы источникъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ — и могли бы искать первообразъ схемы, по которой въ большомъ стихѣ о Егоріи обработана его развязка, не предусмотрѣнная его житіемъ: Демьянище-змѣй явился въ роли Идолица-змѣя, сестры Георгія, только названная въ апокрифическомъ житіи (Разысканія II, стр. 141), освобождались Георгіемъ отъ власти насильника, какъ Илья освобождалъ царевну, княгиню; наконецъ птица Нага, Черногонъ и т. д., встрѣчаемая Егоріемъ на пути ко врагу и необъяснимая изъ житія, отвѣтила бы Соловью.

III.

Мотивъ освобожденія Ильей дѣвушки отъ чудовища (змѣя?) легъ въ основаніе латышской сказки объ Илпгѣ ¹⁾ — въ смѣшеніи съ другими: Илья сидеть; петь смотрѣть на свѣтъ; какъ въ финскихъ побывальщинахъ у него три *острычи* (Соловей, Идолице, Святогоръ), такъ могло быть и въ оригиналѣ сказки, которая разработала этотъ мотивъ по схемѣ другихъ, типически представленныхъ №№ 71—73 и 80—81 сборника Аванасьева ²⁾: три брата, либо три богатыря на поискахъ за

¹⁾ Трейландъ, Латышскія народныя сказки (Москва 1887), № 99.

²⁾ Сл. Cosquin, Contes populaires de Lorraine, №№ XIX и LII и прим.; абхазскую сказку о Рустамѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VI, Приложенія стр. 20 и слѣд.) и тождественную съ нею грузинскую о Ломъ-Каци (I. с. вып. X, отд. III, стр. 54 и слѣд.: Судьба).

царевной (матерью № 71 b, c, царевнами № 80), унесенною Вихремъ (№ 71 b), Нечистымъ духомъ — Ворономъ Вороновичемъ (№ 71 c), Зиѣемъ Черноморскимъ (№ 72), Зиѣемъ (№ 80). Братья или товарищи спускаютъ богатыря въ подземелье, гдѣ онъ бьется съ чудовищами; типическою чертою является при томъ, что богатырь, по указанію красавицы, переставляетъ чапы съ сильной и малосильной водою и пьетъ изъ перваго, приготовленнаго для себя противникомъ. Такъ и въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ и змѣѣ, пересказанной Трусовичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 4).— Вытащивъ изъ подземелья красавицу, вырученную богатыремъ, его товарищи обрубилъ ремни, на которыхъ поднимали его самого; онъ падаетъ, но впоследствии выходитъ на бѣлый свѣтъ, вынесенный чудесной птицей.

По этому типу развивается вторая половина латышской сказки: Илья встрѣчаетъ поочередно трехъ великановъ: одинъ вырывалъ сосновый лѣсъ съ корнями, другой грудью горы обваливалъ, третій лежитъ въ морѣ, только голова на сушѣ, а борода длиною въ шестьдесятъ сажень. Помѣрившись съ ними силой, Илья ѣдетъ съ ними въ товарищахъ. Старикъ съ длинной сѣдой бородой выходитъ изъ подъ земли, съѣдаетъ обѣдъ, изготовленный однимъ изъ товарищей Илина; только ему одному удается защемять голову хвощника, который однако вырвался и ушелъ. Богатыри приходятъ къ исщерѣ, куда на ремняхъ спускаютъ Илина; тамъ дѣвица-красавица, дочь того старика, съ которымъ Илья и бьется, обмѣнявъ мѣстами, по совѣту дѣвушки, двѣ бочки, стоявшія на дворѣ, и испивъ изъ той, вода которой придавала силу. Развязка та же, что въ приведенныхъ выше сказкахъ: товарищи Илина вытащили красавицу и, принимаясь тащить его самого, обрубилъ ремни. Его выноситъ бѣлый гусь; нагнавъ измѣнниковъ, онъ отбираетъ у нихъ дѣвушку, на которой и женится.

Кавказскія сказки указаннаго типа представляютъ любопытное смѣшеніе ихъ обычной схемы съ — схемой змѣеборца, такъ что мотивъ освобожденія является въ нихъ двойнѣ. Рустамъ

или Ломъ-Каци (чудесно-рожденный отъ яблока, отъ котораго вкусила мать) идетъ въ товарищахъ съ силачами: одинъ надѣлъ два жернова на ноги и мелеть муку (либо догоняетъ зайца), другой, усѣвшись въ рѣкѣ, всю ее осушаетъ и т. д. Чудовище, великанъ похищаетъ обѣдъ у товарищей богатыря, который одинъ расправляется съ противникомъ. Слѣдуетъ спускъ въ подземелье, освобожденіе красавицы (либо трехъ красавицъ), которую товарищи и извлекаютъ, оставивъ богатыря. Предвидя измѣну, дѣвушка предупреждаетъ о томъ своего освободителя; въ сосѣднемъ покоѣ онъ увидитъ двухъ коней, воронаго и сиваго (либо бѣлаго барана и чернаго козла); коли перепрыгнетъ черезъ перваго, очутится подъ землею, коли черезъ сиваго, попадетъ на бѣлый свѣтъ. Оставшись подъ землею, богатырь перепуталъ эти указанія и очутился подъ землею. Старуха у которой онъ проситъ напиться, говоритъ, что у нихъ рѣкою владѣетъ чудовище, никому не дающее воды, кто не заплатитъ челоуѣкомъ; либо змѣя въ родникѣ, требующая за то ежедневно какого-нибудь подарка: сегодня очередь нести ее за царской дочерью. Богатырь убиваетъ чудовище, змѣя; вода покраснѣла отъ его крови; обмакнувъ въ нее руки, царевна прикладываетъ ихъ къ спинѣ богатыря, который потому и узналъ. Когда однажды онъ поклонился подъ деревомъ, видитъ лисицу или змѣя, подкрадывавшагося къ гнѣзду, чтобы съѣсть птенцовъ; онъ убиваетъ хищника, и благодарная птица выноситъ его на своихъ крыльяхъ ¹⁾). По дорогѣ у него не достало для нея корму, тогда онъ отрѣзываетъ часть своего бедра и отдаетъ птицѣ, которая прячетъ ее подъ языкомъ; доставивъ богатыря и замѣтивъ, что онъ хро-

---

¹⁾ О мотивѣ: героя, убивающаго змѣя, и благодарной птицы см. у Cosquin, I. c. I, стр. 221; II, стр. 141 слѣд.; сказку объ Иванѣ—Удовкинѣ сынѣ (Южно-русскія былинны, вып. II, стр. 51); Marianŭ, Ornitologia, I, 137 слѣд. и Radloff, Proben IV, стр. 26 слѣд., гдѣ птица Züzlö свила гнѣздо на семи тополяхъ, выросшихъ изъ одного корня, верхушки которыхъ она стянула вмѣстѣ. См. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 273 и далѣе болгарскую сказку о Георгиѣ.

масть, она извергла кусокъ мяса, поставила, куда слѣдуетъ, помазала перомъ,—и нога выздоровѣла.

Я считаю вѣроятнымъ, что въ сказку о трехъ товарищахъ-братьяхъ Илья попалъ уже въ качествѣ змѣборца, какъ св. Георгій-змѣборецъ въ такую-же схему недавно изданной болгарской легенды ¹⁾.

Георгій овчаръ, сильный какъ левъ; у него красавица жена и два брата, которые ненавидятъ его и, желая овладѣть его женою, бросаютъ его, соннаго, въ пропасть, гдѣ онъ очутился въ черномъ царствѣ: и царь и люди и овцы, которыхъ и здѣсь принялся пасти Георгій. Слѣдуетъ эпизодъ чуда: ламія залегала воду; коли дадутъ ей на пожраніе человѣка, вода течетъ, а то нѣтъ. Очередь дошла до царевны. Георгій обѣщаетъ освободить ее и передъ боемъ засыпаетъ, прося разбудить его; она не рѣшается его потревожить, слеза, канувшая ему на лицо, будитъ его. Ламія убита; разставаясь съ Георгіемъ, царевна дѣлаетъ ему на платьѣ знакъ кровью ламіи. Георгій ложится отдохнуть подъ деревомъ, по которому взбирается змѣя, чтобы пожрать птенцовъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ; онъ убиваетъ змѣю, и благодарная мать птенцовъ обѣщаетъ вынести его на свѣтъ; для этого пусть запасется хлѣбомъ, мясомъ и водою. Георгій идетъ просить о томъ царя, узнать по примѣтѣ, положенной на него царевной. Птица несетъ его, и Георгій кормитъ ее по дорогѣ; когда пищи не хватило, онъ отрѣзалъ себѣ кусокъ изъ-подъ ноги и далъ птицѣ: оттого у людей выемка подъ ступней.—Это такая-же *légende des origines* ²⁾, какъ и слѣдующая: вернувшись, Георгій задумалъ наказать братьевъ; идетъ съ ними въ лѣсъ, раскололъ дерево, велѣлъ братьямъ всунуть руки, чтобы разнять его, и когда тѣ такъ и сдѣлали, даетъ частямъ снова сойтись. Руки защемило: оттого у людей ладони плоскія.

¹⁾ Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина, кн. I (Софія, 1889), Народни умотворенія, стр. 118—120.

²⁾ См. соотвѣтствующій эпизодъ въ южно-славянскихъ легендахъ о Ду-клянѣ-Сатанамѣ, Разысканія, вып. V, стр. 78 слѣд.

Братья Георгія извѣстны были уже автору поэмы о немъ, Рейнботу von Durne (XIII в.), братъ упоминается въ прологѣ къ Huon de Bordeau и у автора второго Титуреля (Разысканія, II, стр. 122); но они не враждебны герою. Такъ и въ португальской сказкѣ ¹⁾, гдѣ Георгій является чудесно-рожденнымъ послѣ долгой бездѣтности родителей ²⁾: его отецъ поймалъ рыбу, которая научаетъ его—раздѣлить ее на шесть частей, двѣ пусть съѣстъ его жена, двѣ кобылица, а двѣ пусть онъ посадитъ за воротами сада (quintal). Жена родитъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ Георгій (Jorge), кобылица принесла двухъ жеребятъ, а въ саду выросли два копыя. Возмужавъ, Георгій съ братомъ выѣхали на подвигъ; разставаясь съ братомъ, онъ даетъ ему вѣтку (gato de manjerição): когда она завянетъ, знай, что я въ опасности. Слѣдуетъ эпизодъ о змѣѣ, котораго Георгій убиваетъ, спасая царевну. Она назначена ему въ жены; въ это время братъ его замѣчаетъ, что вѣтка завяла, ѣдетъ къ Георгію, а онъ говоритъ ему: ты знаешь, что въ силу обѣтовъ, мною данныхъ, я не могу вступить въ бракъ; возьми голову змѣя и покажи королю; онъ подумаетъ, что ты убилъ чудовище, и выдастъ за тебя дочь. Такъ и сдѣлалось; а Георгій сталъ главнымъ военачальникомъ, много подвиговъ совершилъ для родины, а по смерти былъ канонизованъ.

Возвращаясь къ схемѣ о Георгіи-змѣеборцѣ и его непріязненныхъ ему братьяхъ и развивая сказанное въ другомъ мѣстѣ (I. с., стр. 123—4 и VIII, 331), я считаю вѣроятнымъ, что эта легенда-сказка знакома была автору поэмы о Вольфдитрихѣ, змѣеборцѣ, ратующемъ за красавицу (вдову Орнита), крестникъ св. Георгія, гонимомъ своими братьями. Для исторіи народной легенды о Георгіѣ получился-бы такимъ образомъ не лишенный значенія хронологическій моментъ.

Для пѣсенной хронологіи Ильи я могу высказать лишь нѣсколько гипотезъ, уже намѣченныхъ въ предыдущемъ очеркѣ.

¹⁾ Coelho, Contos populares portuguezes № 49.

²⁾ Сл. Разысканія, вып. II, стр. 113 слѣд.

1) Въ основѣ лежали пѣсни болѣе историческаго характера: Илья боролся съ насильниками (Соловей, Идолище), освобождалъ княгиню, дѣвушку; отдѣльные эпизоды этого эпоса сохранились, въ той-же окраскѣ, въ отдѣльныхъ дошедшихъ до насъ былинахъ; внѣшняя связь установлена между ними новымъ кievскимъ пріуроченіемъ Ильи: Соловей залегалъ ему дорогу къ Киеву, Идолище являлось въ Киевѣ въ отсутствіе Ильи. Первоначальная послѣдовательность могла быть такая-же, какъ въ сказкахъ типа: Соловей — Идолище. — Гдѣ представляли себѣ это Идолище? Былины знаютъ его въ Киевѣ, Царьградѣ и Іерусалимѣ; оно — поганое, жидовское (такъ въ буслаевскомъ спискѣ былины «о семи богатыряхъ»), хотя, быть можетъ, не въ томъ смыслѣ, какое я придавалъ былинному Жидовину-нахвалящнику, съ которымъ борется Илья.

Кстати о Жидовинѣ: г. Халанскій ¹⁾ устраняетъ поддержанное мною отождествленіе его съ хазаринномъ, основываясь на сербскихъ пѣсняхъ о Джидовинѣ, Джидичѣ — исполнѣ и врагѣ, на существованіи въ Сербіи и Болгаріи такихъ-же «джидовскихъ гробищъ», какія я указалъ въ Румыніи, наконецъ на томъ обстоятельстве, что сербы различаютъ жидъ: judaens и — джидъ — gigas, болгары еврейна отъ жидъ: gigas ²⁾.

¹⁾ Русскій Филологическій вѣстникъ 1890 г., № 7-й, стр. 1 слѣд.: Былина о Жидовинѣ.

²⁾ Интересно болгарское преданіе о жидяхъ-гигантахъ, недавно сообщенное Гинчевымъ (Сборникъ за народни умотворенія, кн. II: Народни умотворенія, стр. 161): жиды—первые люди на свѣтѣ, вышедшіе изъ земли, словно грибы. Высокіе и крупныя, они ходя, спотыкались, падали и не могли болѣе встать. Особенно запинались они о «кжину» (ежевика?), почему кланялись ей и приносили жертву. Грома они не боялись: когда змѣи начинали стрѣлять съ высоты огненными стрѣлами, жиды клали себѣ на голову камень, приговаривая: Каменная у меня голова! Что ты со мной подѣлаешь? — Такъ и теперь приговариваютъ болгары, слышавъ первый громъ. Видя, что жиды спотыкаются и падаютъ и не въ силахъ подняться, Господь извелъ ихъ. До сихъ поръ находятъ ихъ гигантскія кости.—Любопытный матеріалъ для преданія о жидяхъ-гигантахъ сообщилъ недавно Илневъ, Българскитѣ прѣданія за испознни, нарѣчени елини. жидове и латини, въ Сборникъ за народни умотворенія, кн. III, Наученъ отдѣлъ, стр. 198 слѣд.; кн. IV, Науч. отд., стр. 231

Г. Халанскій предполагаетъ въ основѣ: *gigas* = гигъ («гигово поле» въ Видѣніи Исайя), откуда *джигъ и, по *созвучію*, между прочимъ, съ жидъ: *judaeus*,—жидъ, джидовина: гигантъ, имя и образъ котораго прошли, напр. черезъ запорожскихъ и донскихъ казаковъ, изъ сербской пѣсни въ русскую, гдѣ пристали къ готовому уже мотиву сходнаго содержанія. Но я поставлю вопросъ: богатырь - жидовинъ, какъ еврей, принадлежитъ - ли русскому усвоенію (сл. «жидовскую» могли въ подольской губерніи на берегу Днѣстра), или уже южнославянскому? Замѣтимъ, что именно въ Болгаріи, гдѣ жидъ = *gigas* отличенъ отъ еврейна, Кралевичъ Марко бьется не съ жидомъ, а съ желтымъ Евреинномъ, великаномъ ¹⁾, что о Житовѣ или Жидовѣ гробѣ у Трнова разсказывается, будто въ немъ похороненъ жидъ = еврейнъ, предавшій городъ туркамъ ²⁾, а въ сербской сказкѣ у Вука (№ 35) жидъ выступаетъ въ роли великана людоеда. Въ томъ и другомъ случаѣ уравненіе: жидовинъ-казаринъ остается въ силѣ: какъ въ южнослав. преданіи жить или жидъ—великанъ уступилъ мѣсто жиду—евреину, такъ у насъ мѣстныя этническія памяти могли пойти на встрѣчу жидовину-великану, который явился въ образѣ еврея—хазарина (впослѣдствіи, быть можетъ, половца. Сл. Южно-русскія былины, вып. 2, стр. 371).—Основное значеніе жить: жидъ остается по прежнему открытымъ; я считаю вѣроятнымъ, что и на славянскомъ югѣ оно перешло къ значенію исполна отъ какого-нибудь древняго народнаго племни, забытаго,

---

слѣд. Въ восточной части Болгаріи употребительны формы: жидове, житове, житовци; въ западной: джидове, джидавци, джидовци (первая статья, стр. 193); преданія о нихъ, распространенныя въ сѣверной Болгаріи, неизвѣстны въ южной, равно какъ и въ Македоніи (тамъ-же, стр. 199; сл. 2-ю статью, стр. 251).

¹⁾ Качановскій, Пам. болг. народн. Творчества, № 162. (сл. жжто Еврейче у Миладиновыхъ № 164. Сл. у Изнева (2-я статья, стр. 242 слѣд.) два болгарскихъ варьянта къ пѣснѣ у Качановскаго: въ одномъ вмѣсто Еврейнъ является «жжлѣ Чифутина», въ другомъ «жжлѣ Басиргѣина». Къ «жжлѣ Еврейче» у Миладиновыхъ есть также варьянтъ: «мочче Латниче» (Изневъ, 1. с., стр. 255).

²⁾ Изневъ, 1. с. стр. 200.

какъ забыто было значеніе южно-славянскихъ же аламанъ = куманъ¹⁾.

Г. Иллевъ²⁾ склоненъ объяснить жидъ-исполнѣ изъ народно-христіанскаго обобщенія: евреи первые, сазданные Богомъ люди, отъ нихъ пошли другіе народы; первоначальныхъ людей представляли себя исполинами, жида и явились таковыми — и притомъ враждебными—подъ вліяніемъ другого христіанскаго представленія: о жидяхъ гонителяхъ Христа, насильникахъ. Такимъ путемъ эпическій образъ великана, богатыря-жидовина могъ одинаково сложиться у русскихъ, сербовъ и болгаръ; знакомство послѣднихъ съ испанскими евреями дало имъ возможность открыть въ представителяхъ этой расы небогатырскія черты трусливости и т. д.; съ тѣхъ поръ и пошло отличіе въ словоупотребленіи: жидъ — gigas отъ еврейна.

Толкованіе г. Иллева представилось бы вѣроятнымъ и мнѣ, еслибъ эволюція понятія: жидъ подкрѣплена была справками въ преданіяхъ и поэзіи неславянскихъ народовъ; аналогія развитія, которую мы вправѣ ожидать, если вѣрны построенія автора, подтвердила бы его выводы, ея отсутствіе указало бы на существованіе какихъ нибудь мѣстныхъ условій развитія и снова поставило бы насъ передъ открытымъ вопросомъ.

2) Вторую ступень развитія были объ Ильѣ, представляетъ сказка-пѣсня типа: Соловей — Змѣй. Она могла сложиться въ мѣстности, гдѣ популярны были легенды о змѣборцѣ. Если вѣроятна догадка, высказанная выше по поводу Чоботка, то легенда объ Ильѣ-швецѣ ходила уже въ XVII вѣкѣ. Но я не стою за эту гипотезу, тѣмъ болѣе, что считаю образъ Ильи-змѣборца болѣе древнимъ.

3) Такая пѣсня сказка объ Ильѣ, съ Соловьемъ и Змѣемъ и освобожденіемъ женщины, могла въ свою очередь дать планъ,

¹⁾ См. мою замѣтку въ Arch. f. slav. Philologie VIII, стр. 333—4. Иначе Дювернуа, Словарь болгарскаго языка, а. в. Аламанка девойна и Иллевъ, I. с. стр. 191.

²⁾ Л. с., 2-я статья, стр. 241—2, 251.

по которому нашъ большой стихъ о Егоріѣ Храбромъ разработалъ мотивъ его чуда съ змѣемъ.

Изложенное мною построено на трехъ посылкахъ: 1) сказка, какъ комплексъ — продуктъ постоянныхъ искаженій и приращеній изъ другихъ мотивовъ, но ея общія схемы (схема о змѣборцѣ) крѣпки самимъ себѣ; съ другой стороны отсутствіе мѣстнаго приуроченія не вызывало въ нихъ тѣхъ переменъ плана, какія могли произойти въ составѣ былинъ вслѣдствіе ихъ циклизации вокругъ Кіева и Владимира; 2) Илья въ Ортнѣтѣ — внѣ связи съ Владимиромъ, и въ Тидрексагѣ — въ связи съ нимъ — не обличаетъ въ своемъ типѣ ничего фантастическаго, хотя, напримѣръ, въ нѣмецкой поэмѣ рядомъ съ нимъ уже стоитъ змѣборецъ Ортнѣтъ. Это побудило меня предположить точкой отправленія болѣе историческій, трезвый типъ Ильи, отъ котораго и пошло дальнѣйшее развитіе; 3) вторая часть большого стиха о Георгіи не предусматрѣна ни его житіемъ, ни стихомъ о чудѣ съ змѣемъ и Елпсаветой; ея своеобразную схему (Нага — Змѣй) легче всего объяснить изъ сходной сказки объ Ильѣ (Соловей — Змѣй), элементы которой, особенно фантастическій образъ Соловья, издавна пристали къ Ильѣ Муромцу.

XXIII.

Нъ развитію народныхъ представленій о Долѣ.

I.

Новыя данныя и указанія, сообщаемыя далѣе, легко рас-предѣляются по тѣмъ стадіямъ развитія народной идеи о Долѣ, которыя мы попытались установить въ предыдущемъ изслѣдованіи ¹⁾: та-же идея непререкаемости судьбы въ сказкахъ типа Василя Безсчастнаго ²⁾ и о женитьбѣ Святогора ³⁾; что бездольному не въ прокъ ни чужая помощь, ни находка — о томъ разсказывала сербская сказка и повторяетъ албанская ⁴⁾; счастливые, какъ и бѣдовики, рождаются: греки зовутъ ихъ *χαλεπόδαροι*, *κακοπόδαροι*, стараясь, чтобы въ день новаго года *χαλεπόδαρος* первый вступилъ въ домъ. Я сравнилъ ихъ съ сербскими полажайниками, южно-русскими полазниками ⁵⁾; у гораловъ имъ отвѣчаютъ под-

---

¹⁾ Разысканія, вып. V, гл. XIII.

²⁾ Сл. Этнографическое обозрѣніе, кн. VII, стр. 80—8 (Сказка о Маркѣ Богатомъ) и Разысканія, вып. V, стр. 200; Rev. d. traditions pop. V, № 12, стр. 712 слѣд. (*Les trois poils du diable*).

³⁾ Сл. варьянтъ у Малявкина, Станица Червленая, Этнограф. обозрѣніе, кн. VIII, стр. 136—7 и тамъ-же, стр. 260—1, библиографическія указанія.

⁴⁾ Разысканія, I. с. стр. 230—1 прим. и *Zs. für Volkskunde* II, стр. 266—7 (*Das Glück des Narren*).

⁵⁾ Разысканія, I. с. стр. 233—4.

лазники, gości którzy zwykle po pastercie przychodzą na podłazy, t. j. z rowinszowaniem śwąt; обыкновенно хозяинъ знаетъ, кто явится къ нему подлазникомъ и заранѣе о томъ напоминает¹⁾. Интереснѣе отиѣтитъ распространеніе самого образа хахсѣбарса, съ тѣмъ-же при немъ значеніемъ; дѣло идетъ о шотландскомъ суевѣрїи: какой-то рыбакъ женился, съ тѣхъ поръ ему въ ловлѣ не везетъ; эту неудачу приписали худой, неудачливой ногѣ, mauvais pied, его жены (= хахсѣбарса), и онъ сталъ такъ дурно обходиться съ нею, что принудилъ ее вернуться къ себѣ въ деревню. Другія рыбачки, также обладавшія подобнымъ несчастнымъ даромъ, всегда сворачивали съ пути, завидѣвъ рыбака, направлявшагося къ морю, либо занятаго какой-нибудь работой²⁾.

Идея прирожденной судьбы развилась впервые въ отношеніяхъ рода, въ связи съ культомъ предковъ: славянскіе рожавицы, опредѣляющія долю новорожденного³⁾, въ сущности — родовые маны⁴⁾, какъ манани же являются и русалки⁵⁾, вилы⁶⁾, навь⁷⁾ и соотвѣтствующія имъ образы сѣвернаго повѣрья:

¹⁾ Сл. Stefanija Ulanowska, Boże narodzenie u Górali, zwanych Zagórzami, Wisła III, стр. 104—5.

²⁾ Rev. d. trad. pop. IV, стр. 660—1.

³⁾ Болгарскій переводчикъ Амартола передаетъ γένισσις=рожденица и рождение, γένισσις=рождение: τῆ τῆς εἰμαρμένης ἀνάχη = рождѣственнѣмъ призоучениемъ нуждею, что не даетъ повода рѣшнть, обособилась-ли для него рожденица въ самостоятельное демоническое существо (сл. Ю. Поливка, Этнограф. Обзорѣніе, кн. VIII, стр. 253—4). Впослѣдствїи это обособленіе совершилось; къ свидѣтельствамъ, уже собраннымъ другими (Разысканія, вып. V, стр. 178—9 и прим.), присоединимъ и слѣдующее изъ книги нарицаемой «Кааеъ, сирѣчь сборникъ». Вопросъ: «Боудуть в лоузѣ ограды овцамъ? Отвѣтъ: Лоузъ наречеть рай, а ограды хѣста райскам, а овцы вѣрнии люде, иже работають Богу, а не рожаницамъ». Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Бесѣды трехъ святителей виѣсто: «а не рожаницамъ» — стоитъ: «а не дяволу». Сл. Архангельскій, Творенія отцовъ церкви и т. д. I—II, стр. 147 и 164.

⁴⁾ Сл. Разысканія вып. V, стр. 177 слѣд.; 180.

⁵⁾ I. с. гл. XIV.

⁶⁾ I. с. гл. XV, сл. выше стр. 61.

⁷⁾ Сл. выше стр. 61 (гдѣ въ прим. 3 слѣдуетъ читать 180 вм. 280). Интересная латышская сказка о чертовой невѣстѣ, пѣве (съ мотивами Alvismā'ja, сказанїи о построенїи Асгарда и южнославянскихъ легендъ о Траянѣ), напечатана Вольтеромъ, Этнограф. обзорѣніе, кн. VII. 241—2.

Фильгъи ¹⁾, валькирии ²⁾, норны ³⁾. Могк ⁴⁾ разбираетъ ихъ въ отдѣлѣ, посвященномъ древне-германскимъ повѣрьямъ о душѣ, нѣсколько выдѣляя норнъ изъ генеалогической связи, въ которой онѣ намъ представляются; по его мнѣнiю древне-сѣверныя богини судьбы, норны, лишь *соприкасаются* съ валькириями и лебедьными дѣвами. Я уже отвѣтилъ (Разысканiя, вып. V, стр. 301 слѣд.) на подобное же мнѣнiе Гольтера; можетъ быть, и этимология норны отъ *nohni = узелъ, связь (*noh къ *snehan = связывать) ⁵⁾ сохранила память о паузѣ, амулетѣ, и, далѣе, о пуповинѣ либо родильной сорочкѣ, *fulgja*, естественно связывавшей новорожденного съ судьбой его рода (сл. Разысканiя, вып. V, стр. 185—6, 208 слѣд., 259).

Подобное сочетанiе дѣвъ судьбы съ родильной сорочкой или пуповиной представляетъ слѣдующiй обрядъ цыганъ въ сѣверной Венгрии ⁶⁾: отецъ новорожденного или новорожденной выливаетъ на ложе три капли водки изъ бутылки, съ такими пожеланiями: «Одинъ и два и три! Будь ты всегда счастливъ! Приходили три урмы, одарили тебя красотой, потому пусть каждая выпьетъ, сегодня я хозяйнѣ». Три Урмы, невидимо являющiяся въ ночь передъ крестинами, даютъ долю ребенку; три капли водки, символически выражаютъ потребу, которую кладетъ имъ отецъ; послѣ него выступаетъ мать: положивъ три кусочка хлѣба на ложе ребенка, она приговариваетъ: «Приходили три урмы, одарили

¹⁾ Разысканiя, вып. V, стр. 185.

²⁾ I. с. гл. XV.

³⁾ I. с. стр. 194.

⁴⁾ Сл. Paul, Grundriss d. germ. Philologie I Band, стр. 998 слѣд.; стр. 1009 слѣд.; стр. 1014 слѣд. (Валькирии); 1017 (Фильгъи); 1023 слѣд. (Норны).

⁵⁾ Могк. I. с. 1024. Имя валькирии Могк (I. с. 1014) связываетъ съ сѣв. *valr*: трупы, жертвенцы. Иначе Henning въ Deutsche Literaturzeitung 1891, № 228: *ahd. wal*, *англос. wal*, сѣв. *valr*, всегда выражающiе коллективное понятiе, сравниваются съ греч. *ἄλλοις*: *scharenweis*, *in Menge*, ἄλλοις: *confertus*, *congregatus*, лит. (su)valyti: *ernten*, *fortschaffen*, *reinigen* oder (von Gott) *die Menschen* (im Tode) *zu sich versammeln*.

⁶⁾ Am Urquell II: Wlislöcki, Zigeunertaufe in Nordungarn стр. 19 слѣд.. Сл. Разысканiя, вып. V, стр. 195.

тебя красотою; будь ты всегда красивъ и здоровъ, и пусть всѣ покормятся, ибо сегодня я хозяйка». — Слѣдуютъ другіе обряды: новорожденнаго кладутъ на землю, сдѣлавъ вокругъ него новой деревянной ложкой ложбину, ибо земля даетъ ему силу — какъ о матеряхъ Геймдалла говорилось, что они вскормили его силою земли¹⁾; въ ложбину кладутъ немного угольной пыли, то и другое съ причтаніями. Если ребенокъ въ это время спокоенъ — это хорошій знакъ; если онъ плачетъ, то это означаетъ, что духи недуга уже вселились въ него, и ихъ надо изгнать. Тогда старшая изъ присутствующихъ женщинъ подаетъ старшему изъ присутствующихъ мужчинъ руку черезъ ребенка, тогда какъ мать бросаетъ въ жаровню кусочекъ пуповины, причтая: «Спаси насъ Боже и сохрани, мы подаемъ тебѣ тяжелую цѣпь, свяжи имъ недугъ, дабы онъ удался отсюда». Цыгане зовутъ пуповину «Божьей цѣпью или вервью», она отгоняетъ отъ ребенка злыхъ духовъ, и его окуриваютъ ею, когда онъ заболѣетъ.

Урмы, наречницы²⁾, феи являютъ при рожденіи ребенка; еще въ XIV вѣкѣ Richard de Wadington обличалъ древнее суевѣріе, будто въ эту пору приходятъ три сестры и нарекаютъ новорожденному хорошую или злую долю³⁾. Но онѣ же обходятъ веси и въ 1-й день Мая; въ Аррасѣ старухи поджидали ихъ на лугу съ требами; Adam de la Halle воспользовался этимъ мотивомъ въ своей бойкой *Jeu de la Feuillie*, своеобразно приурочивъ къ сюжету и ту легендарную черту, что изъ трехъ фей одна обойдена въ угощеніи (ей позабыли положить ножикъ), и къ дарамъ своихъ товаровъ прибавляетъ и свой, внушенный злобой⁴⁾.

¹⁾ Сл. выше стр. 30.

²⁾ Сл. о нихъ болгарскую сказку: Свети Илиа и наречницы, въ Сборникъ за народни умотворенія, кн. I, отд. 2-й, стр. 110—111. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 190, прим. 1.

³⁾ *Rev. d. d. Mondes* 1890, 15 Juin: Bédier, *Les commencements du théâtre comique en France* стр. 377. Сл. Разысканія, вып. V, стр. 191 слѣд. и 372 слѣд.

⁴⁾ Bédier l. c. стр. 382; сл. Разысканія, вып. V, стр. 192—3.

Майскіе обходы фей-судницъ едва-ли не слѣдуетъ объяснить наслѣдіемъ той стадіи развитія, когда идея судьбы еще находилась въ тѣсной связи съ культомъ родовыхъ манъ. Именно весной имъ совершались тризны и они объявлялись на землѣ, какъ русалки, какъ хѣрес: души усопшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвы судьбы; ихъ присутствіе среди людей, ихъ наптіе было вредоносно; оттого къ аонскимъ анеестеріямъ примыкалъ обрядъ изгнанія керъ: «вонъ отсюда, керы, кончилися анеестеріи»¹⁾; наши «проводы» русалокъ имѣютъ то-же значеніе: пусть не ходятъ, не заламываютъ жита, не портятъ людей; мы отмѣтили въ другомъ мѣстѣ аналогическій, люстральный характеръ болгарскихъ русалій²⁾. Въ характеристикѣ этого обряда я воздержался бы теперь отъ отождествленій русалій съ ларвами въ окруженіи Діониса³⁾; точнѣе бы отличилъ объектъ обряда отъ его исполнителей: объектъ — это души, хѣрес, larvae, русалии = русалки въ нашемъ русскомъ пониманіи слова; исполнители — русалии болгарскаго и сербскаго обряда, сообщаемого далѣе, отвѣчаютъ лицамъ, совершавшимъ обрядъ изгнанія керъ: они очищаютъ тѣхъ, кто подвергся наптію манъ, ими одержанъ, кѣмъ они овладѣли.

Это прекрасно объясняется описаніемъ весенняго русальнаго обряда, отбываемаго вынгѣ лишь въ окрестностяхъ Звижда, пожаревацкаго округа, въ Сербіи. На biljani petak собираются въ пещерѣ у деревни Дубока молодежь обоюго пола и старухи для выбора «красицъ», которыя въ Троицынъ день и на русальной недѣлѣ выберутъ съ своей стороны русалій. Пещера наполняется пляшущими и пирующими; всюду разложены огни и царитъ веселье. Внезапно водворяется тишина: женщины становятся по одну, мужчины по другую сторону потока, протекающаго по пещерѣ, совершаютъ въ немъ омовенія, полощатъ и собранныя

¹⁾ Разысканія, I. с. стр. 181—2, 289.

²⁾ I. с. стр. 280.

³⁾ I. с.

лекарственные травы, которыя хоронятъ въ мѣшечкѣ. По окончаніи омовенія выступаютъ пять красивѣйшихъ дѣвушекъ, во главѣ ихъ прошлогодняя кралица; пляша, они приближаются къ какому-нибудь женатому мужчинѣ, дѣвушки кладутъ ему на голову вѣнокъ, кралица вручаетъ мечъ, всѣ схватываютъ его за поясъ и пляшутъ вдоль рѣки вокругъ собравшейся толпы. Начинается общій плясъ и ликованье; выборъ «русалиевъ» оконченъ.— На Троицынъ день народъ собирается у рѣки Дубоки; столики уставлены ѣдой, за которую принимаются не прежде, чѣмъ придетъ освятить ее священникъ. Затѣмъ всѣ встаютъ въ ожиданіи пяти дѣвушекъ и того мужчины, котораго они избрали въ пещерѣ; кралица одѣта особенно нарядно, съ вѣнкомъ на головѣ; у мужчины поверхъ шапки вѣнокъ изъ плюща и мечъ въ рукѣ. Онъ поетъ и пляшетъ вокругъ народа, за нимъ идетъ, играя, вольтыжникъ; мужчина идетъ впереди, испуская крики и выпѣвая: *hor ša! jag a ša! hajde, draga, hajde! hajde bela hajde! Kako sat tako dovek! hor ša! jag ša!* При этомъ онъ постоянно машетъ мечемъ надъ кралицей. Обыкновенно они три раза обходятъ все собраніе, затѣмъ, перерѣзавъ его накрестъ, становятся по срединѣ.

Внезапно нѣкоторые изъ присутствующихъ падаютъ въ мертвенное оцѣпененіе; посылаютъ за кралицей, и та, сопровождаемая своими, пляша приближаются къ тѣмъ, къ которымъ овладѣли русалии (*zanele je gusalije*); вольтыжникъ становится въ головахъ, въ ногахъ предводитель съ мечемъ, а кралица съ дѣвушками пляшетъ вокругъ и поетъ:

Rusalico sejo naša!
 Rusalijo sveće naše!
 mila seko slavo naša,
 o pomozi, blagoslovi!
 Oj izbavi i podigni
 dragu našu čedo tvoje,
 da ti i ona pesmu poje!

Наступивъ ногою на пунъ одержимой, кралица продолжаетъ плясать и пѣть:

Oj pelene! gorko sveće,
isceli nam zlato naše!
podigni mi seju Milku,
neka skoči kao jelen,
nek povede kolo vito,
Silovito, ponosito!

Въ это время родственники вливаютъ полынной настойки въ ротъ больной, тяжело дышащей, отбивающейся локтями либо лежащей безъ движенія. Тогда дѣвушки, взявъ ее за руки и ноги, несутъ ее къ рѣкѣ, предводитель впереди, сзади кралица, потомъ волынщикъ. На пути поютъ:

Posuktaše vode silne,
pomoriše pola sveta,
podaviše sve što živi;
samo osta rajska bašta
i u njojzi rusalije;
sveće беру, vence grade,
Boga mole i govore:
Bogo mili, vodu stukni,
molbe su ni dodijale,
izgubiše mlade mome
i atlije i delije.
S kim će ostat Rusalije?

Омывъ больную въ рѣкѣ и убравъ ее полынью, они снова несутъ ее на мѣсто; кралица дѣлаетъ ей мечемъ знаменіе креста на лбу. Больная приходитъ въ себя и садится со своими¹⁾.

Значеніе обряда представляется мнѣ прозрачнымъ: сомлѣвающія, одержимыя—это тѣ, которыми овладѣли души, русалии; ихъ слѣдуетъ очистить: такова цѣль болгарскаго и сербскаго обрядовъ; очистители также носятъ названіе русалий. Одержимый русалиями, стало быть, то-же, что одержимый вилами — навами: сербск. вилован, виловит: бѣшенный, помѣшанный; *νυμφάληπτος* = одержимый нимфами, изступленный, помѣшанный; новогреч.

¹⁾ Krauss, Rusalije, Am Urquell, I, № 9, стр. 145 слѣд.

παρμένος (ἀπὸ τὰς Νεράιδες): схваченный нереидами, вследствие этого искаленный, поврежденный тѣломъ или духомъ; судя по значенію, которое получило у греческихъ албанцевъ гизалѣ, заимствованное ими у румынъ: беспорядочная, грязная женщина ¹⁾, можно предположить, что оно развилось изъ подобнаго-же значенія русалій.

Какъ представляли себѣ это одержаніе душами, на это отвѣчаетъ описанный Краусомъ ²⁾ обрядъ, въ пестрой ткани котораго каждая черта отзывается древностью. Если кто желаетъ навести на другого помѣшательство, поступаетъ такъ: дѣлаетъ изъ поджаренныхъ обрѣзковъ своихъ ногтей и свиной крови три катышка, называетъ ихъ какими нибудь дьявольскими именами и наканунѣ воскресенья въ полнолуніе кладетъ ихъ въ открытый сосудъ съ водою, который ставитъ на могилу ребенка, умершаго до крещенія. Ночью является дьяволъ, окунается въ воду и подуетъ на тѣ катышки; кто ихъ съѣстъ, у того они разовьются въ тѣлѣ въ чертенятъ, и когда они достигнутъ величины мыши, тотъ человѣкъ долженъ помѣшаться, *rovilenjati*, т. е. его схватятъ вилы. — Посредство дьявола во всемъ этомъ, очевидно, позднее; древнимъ представляется: суевѣрный культъ ногтей въ связи съ представленіями о загробной жизни ³⁾; тождество вилъ съ навами (обрядъ, совершаемый на могилѣ некрещеннаго ребенка, имѣетъ цѣлью подвергнуть человѣка вліянію вилъ); представленія души—мышью ⁴⁾: души—вилы вселяются въ человѣка въ образѣ мышей. Сл. съ греч. *νυμφοληπτος* средне-и новогреч. *νύμφη* (въ схоліяхъ къ Аристофану), *νυφίτζα* въ значеніи ласицы, црквнсл. невѣстка, србск. ласица, невѣстица, рум. *nevastă*, ит.

¹⁾ Сл. G. Meyer, *Rusalja*, Am Urquell, I, № 7, стр. 115—116.

²⁾ Krauss, *Volksglaube und religiöser Brauch der Südalaven*, 1890, стр. 187.

³⁾ Сл. выше, стр. 60—1; Вольтеръ, *Этнографическ. Обзоріе* 1890, № 3, стр. 141 слѣд. (автоискія повѣрья); *Journal Amer. Or. Society* XIII, стр. LIX—LXI: Jackson, W., *On some Avestan superstitions and their parallels elsewhere* (объ обрѣзаніи ногтей и волосъ).

⁴⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 221, прим. 8 и Сумцовъ, *Этнографическое обзоріе*, кн. VIII, стр. 79 слѣд.

donnola (госпожа), баварск. *mußmelein*, ит. *comadreja* (кумушка), баск. *andereigerra* (*andrea* — жена); албанцы называютъ ее : женой брата; староангл. *faigu* (фея). Отметимъ ея появленіе въ числѣ образовъ «встрѣчи» (уже у Теофраста), ея отношеніе къ родамъ въ мифѣ о родинахъ Алкмены (*Anton. Liberalis* 29; *Ovid. Metam.* 9, 306 слѣд.) и французскую поговорку: кричать *comme belette en couches*. — Все это матеріалы, пока неразобранные, но, быть можетъ, не лишніе для животной символики доли-встрѣчи.

II.

Какъ состояніе одержимости представлялось дѣйствительнымъ вселеніемъ «души» въ тѣло другаго человѣка, такъ реально переходила на него и чужая доля. Это выяснится въ связи съ слѣдующей группой южно-итальянскихъ представлений о судьбѣ.

Для Сициліи онѣ собраны были *Pitrè* въ последнемъ (четвертомъ) томѣ его *Usi e costumi, credenze e pregiudizi del popolo siciliano* (Palermo 1889). Вопросы о соотношеніи идей фаты, доли (*sorti, mira*), судьбы (*destinu*) онѣ не касался; мы пользуемся сообщенными имъ данными, чтобы ввести ихъ въ установленныя нами генетическія рубрики. Говорится о нареканіяхъ и дарахъ фаты новорожденной (стр. 180); доля (стр. 199 слѣд.), счастливая или вѣтъ, неизбежна; стоить бездольному (*malassurgatu*) начать шапки шить, люди стануть рождаться безъ головы, а для счастливца будутъ рождаться и о двухъ головахъ; бездольный бросить въ воду соломенку, она канетъ на дно, а у другаго выплыветъ и кусокъ олова:

Di quantu sfortunati su'a lu munnu
 Una di chisti mi pozzu chiamari:
 Jetta la fogghia a mari e mi va'n funnu,
 Ad autru viju lu chiummu navicari.

За счастливаго работаетъ его доля (*Sorti, e va' curcati*), онѣ и въ водѣ не тонетъ (*Dammi sorti e jettami a mari*). Гово-

рится, что долю даетъ Богъ (*La sorti la geggi Ddiu*); въ сказкахъ она является самостоятельнымъ существомъ, опредѣляющимъ людскую участь. Ее стараются умлостивить; въ первый понедѣльникъ мѣсяца къ ней прибѣгаютъ съ молитвою: пусть явится во снѣ, откроетъ будущее; если она не приснится, нечего ожидать отъ нея помощи. Одна дѣвушка, обратившаяся къ ней съ такой молитвой, видѣла ее во-очію: высокая, смуглая дѣвушка грозно глядѣла на нее и сказала: Не зови меня больше! Доля и смерть всегда съ тобою, куда бы ты ни пошла:

*Sorti e Morti
Duvvi vai te la portil*

Съ тѣхъ поръ той женщиной никогда не везло.

Въ сказкахъ красавицамъ удается умлостивить ее дарами: такъ въ сказкѣ о Розинѣ и въ разсказѣ о Бездольной, *Sfurtuna*, сходномъ съ приведеннымъ мною румынскимъ¹⁾. *Sfurtuna*, седьмая дочь королевы, бездольная, становится невольной причиной бѣдствій для всей своей семьи. По совѣту одной старухи мать отсылаетъ ее отъ себя. Какая-то ткачиха приютила ее. Ночью она видитъ, что ея Доля рѣжетъ ножницами вѣренныя ей ткани. У лавочника, къ которому она поступила, случилось то-же: ея Доля открыла краны у бочекъ, и вино пролилось. Прачка, къ которой она перешла, поручаетъ ей выстирать бѣлье царевича; довольная работой дѣвушки, за которую царевичъ ее награждаетъ, прачка посылаетъ ее къ своей долѣ съ двумя хлѣбцами. *Sfurtuna* идетъ къ берегу и зоветъ Долю; та принимаетъ ее дружелюбно и указываетъ, гдѣ ей найти и свою Долю, безобразную старуху пекарку, грубо встрѣтившую ее, когда она принесла ей свои хлѣбцы. *Sfurtuna* идетъ домой, опечаленная; въ другой разъ,

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 258—9. Галузь сицилианской сказки заимъ-нилъ собою нить румынской. Эту нить я объяснилъ, какъ брачную, сл. I. с., стр. 208 слѣд., 248, 259 и *Liebrecht, zur Volkakunde*, стр. 358, § 28. Къ приведенной мною (I. с. стр. 257—8) малорусской параллели сл. варянтъ у М. К. Васильева, *Антропоморфическія вѣрованія украинскаго народа, Этнографич. Обзорніе*, кн. IV, стр. 92, № 4.

вернувшись къ Долѣ, она приласкала ее, вымыла, вычесала и получила отъ нея въ даръ ящичекъ съ кускомъ галуна. Когда на слѣдующей недѣлѣ прачка снова понесла бѣлье царевичу, застала его въ горѣ: къ платью его невѣсты не доставало куска галуна, а подобнаго ему нигдѣ не могутъ найти; Sfurtuna даритъ прачкѣ свой кусокъ, за который царевичъ обѣщаетъ заплатить вѣсомъ золота. Сколько его не клали на чашку вѣсовъ, галуны все перевѣшивалъ. Царевичъ теряется въ догадкахъ; Sfurtuna рассказываетъ ему о своей долѣ—и выходитъ за него замужъ.

Сицилианская *mita*, *meta* (греч. *μῆτρα*)—та-же доля; Raffaele Castelli опредѣляетъ ее: домашній духъ, покровитель ¹⁾. Любопытно одностороннее, ухудшающее значеніе миры: недоли, несчастной судьбы; оно напоминаетъ такое-же развитіе понятій Фатума, Немезиды, Эринній ²⁾.

Слѣдующая сказка изъ Калабріи ³⁾ напоминаетъ сербскую у Крауса ⁴⁾: нѣтъ только Бога, дающаго сречу. Донъ Филомено посылаетъ бѣднаго сапожника Теста: пусть пойдетъ на гору, тамъ поляна, среди нея утесъ; пусть позоветъ *la Fortuna di ndo Filomeno*, вручитъ ей письмо и передастъ просьбу Филомено: не посылать ему болѣе богатствъ, ибо онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать. Бѣднякъ исполнилъ порученія; Fortuna ('*na fimmana tutta vidata*, какъ работница) явилась на его зовъ и выслушала порученіе, съ которымъ онъ пришелъ. Въ это время выпалъ такой градъ, что вся поляна побѣгѣла; скажи Филомено, говоритъ Fortuna, что я пошлю ему столько золотыхъ, сколько здѣсь крупинъ града. Бѣднякъ желаетъ видѣть и свою Долю; позови ее, говоритъ ему Доля Филомена. Явилась женщина оборванная,

¹⁾ Къ другимъ итальянскимъ отраженіямъ *fatum*, см. Simioni, *I fatuzzi nella credenza popolare trapanese.*, Archivio per lo studio delle trad. popolari VII, стр. 337 слѣд.

²⁾ Разысканія, вып. V, стр. 259.

³⁾ *La Calabria*, Rivista di letteratura popolare, dir. da L. Brogiano 1889, № 2, стр. 15—16.

⁴⁾ Разысканія, I. с., стр. 245—6.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

съ всклоченными волосами и гнойными глазами, видно, что гѣнивая. Теста жалуется ей; она причиною тому, что онъ спитъ на соломѣ, и его одоѣли вши. — Видѣлъ ты, какой выпалъ градъ? спрашиваетъ она: столько вшей я нашла на тебя. Бѣднякъ погнался за нею съ камнемъ въ рукѣ, но она исчезла. Когда онъ вернулся къ богачу и рассказалъ ему, какъ было дѣло, тотъ сказалъ: Fortuna посылаетъ мнѣ богатство, я-же изведу его. Онъ велитъ скупить сколько было на рынокѣ сала и наполнить имъ амбаръ; велитъ скупить всѣхъ кошекъ, какія нашлись, и пустить туда-же: пусть ѣдятъ сало; но кошки его не трогаютъ, а ѣдятъ мышей и жирѣютъ. Тогда богачъ распорядился нагрузить саломъ корабль, взять и кошекъ, и то и другое сбыть гдѣ-нибудь съ убыткомъ. Его люди продали сало въ одномъ городѣ, гдѣ не знали его употребленія, кошекъ — въ другомъ, гдѣ не было житя отъ мышей (мотивъ извѣстной сказки о кошкѣ Виттингтона): то и другое другое за дорогую цѣну; нагрузили корабль золотомъ и серебромъ и привезли Филомену. Пусть моя Доля шлетъ мнѣ, что угодно, говоритъ онъ, я все прійму.

Долю можно измѣнить, говорятъ въ Абрुццахъ: молитвою къ Богородицѣ, либо суевѣрнымъ актомъ, напр. сліяніемъ крови; кто совершилъ этотъ искупительный актъ въ пользу бездольнаго, зовется имъ не иначе, какъ San Giovanni, т. е. кумомъ, ибо вызвалъ его къ новой жизни. Напомнимъ, что въ Италиі св. Іоаннъ покровитель кумовства, *compagato*, братства названаго; что въ его ночь гадаютъ о судьбѣ, долѣ; что актъ смѣшенія крови въ абруццкомъ обычаѣ, очевидно, имѣетъ тотъ смыслъ, что вмѣстѣ съ кровью кума переходитъ къ неудачнику и его доля-удача. Эта бытовая черта, пока не встрѣчавшаяся мнѣ въ циклѣ народныхъ повѣрій о долѣ, позволяетъ точнѣе отвѣтить на вопросъ, поставленный въ предыдущемъ изслѣдованіи (Разысканія, вып. V, стр. 225 слѣд., 229 слѣд. 231—233): въ цѣлой группѣ сказокъ бездольный молодецъ выходитъ изъ недоли, женившись на удачливой дѣвушкѣ, работающей и мудрой, иногда вѣщей, располагающей сверхъестественными силами. Я спросилъ

себя: какъ понять образъ дѣвушки, приносящей счастье бездольному молодцу? Что это: просто-ли дѣвушка, одаренная долей, или въ ней есть черты олицетворенной Сречи сербскаго повѣрья? — Я полагаю, что въ основѣ сказаннаго мотива лежитъ болѣе древнее, матеріальное представленіе: *приобщеніе* къ чужой, родовой долѣ путемъ *брачнаго союза* съ другимъ лицомъ. Такой-же матеріальный образъ предполагается и *смѣшеніемъ крови* въ абруцкомъ обычаѣ. Я объясню его себѣ въ связи съ слѣдующимъ половецкимъ: половець прокалывалъ себѣ палець иглой и выступившую кровь давалъ сосать тому, кого избиралъ себѣ въ постоянные спутники и друзья, послѣ чего сосавшій кровь своего товарища становился для него какъ бы собственною его кровью и тѣломъ — какъ вкушеніе отъ молока женщины устанавливало родственную связь между ея родомъ и вкусившимъ. Именно послѣднее, распространенное повѣрье показываетъ, что г. Кулишеръ¹⁾ былъ, можетъ быть, не въ правѣ, выразиться о половецкомъ обрядѣ, что въ немъ «опущена весьма важная подробность: о взаимности сосанія». Эта взаимность (смѣшенія, вкушенія, сосанія крови) дѣйствительно характеризуетъ извѣстный актъ побратимства, но она не представляется мнѣ существенной: уже одностороннее вкушеніе, сосаніе крови достаточно выражаетъ идею кровнаго, родоваго единенія; въ абруцкомъ обычаѣ существенна не идея смѣшенія, а то, что кровь удачливаго попадаетъ въ тѣло безсчастнаго, а съ кровью передается и его доля.

Съ кровью—или другою частью его тѣла. Мы можемъ конструировать такое вещественное представленіе доли изъ цѣлаго ряда другихъ: ѣсть сердце врага, пить его кровь, обычныя угрозы дикарей-антропофаговъ, мотивируются представленіемъ, что вкусившій сердца храбреца усвоитъ и его храбрость; съ тою-же цѣлью ѣдятъ мозгъ, кожу со лба, глазъ, что со стороны сердца;

---

¹⁾ М. И. Кулишеръ, Очерки сравнительной этнографіи и культуры, Сиб. 1887, стр. 101.

женщины вкушаютъ отъ мяса мужчины, чтобы получить его силу; Ямы на Амазонской рѣкѣ высасываютъ мозгъ изъ костей своихъ покойниковъ, чтобы ихъ душа перешла въ ихъ тѣло¹⁾; есть цѣлый рядъ сказокъ и легендарныхъ мотивовъ, что вкушеніе той-или другой части извѣстнаго животнаго (пѣтуха, рыбы, змѣи и т. п.) сообщаетъ человѣку чудесные дары и свойства и счастье. Слѣдующая малорусская сказка²⁾ соединяетъ зооморфическіе образы филъги—или сречи съ идеей, что чужое счастье можно—съѣсть.

Былъ себѣ человѣкъ, узнававшій съ перваго взгляда, кто счастливый, кто нѣтъ, люди или скотина; дѣти у него были счастливые, одинъ только сынъ бездольный. Задумалъ паревъ жениться, батька останавливаетъ его, говоритъ, что дѣвка несчастливая. Когда сынъ все-таки женился, отецъ совѣтуетъ ему съ женой жить при немъ, а по смерти при старшемъ братѣ, ибо «вы обоє нещасливы». Но они не послушались, идутъ искать своего счастья: отдѣлились отъ батьки, поѣхали. На пути подобрали заброшеннаго щенка, купили земельки, устроились, а пенокъ сталъ доброй собакой. И повалило молодымъ счастье: за что ни возьмутся, все удается, «росте якъ зъ воды йде». Выписали они отца посмотреть на ихъ довольство. Приѣхалъ онъ, дивится, не знаетъ, что и подумать: не видно счастливаго! Вечеромъ пригнали овецъ, за ними и собака; «ага! ось де щастя!» говоритъ старикъ—и проситъ убить собаку: лучше будетъ! Ни хозяева, ни пастухи не рѣшаются на это; нашелся, кто не пожалѣлъ собаки и убилъ ее. А старикъ смотритъ, что будетъ: подбѣжалъ къ убитой пѣтухъ, клюнулъ ее разъ и два. Старикъ доволенъ, говоритъ невѣсткѣ, чтобы она на другой день заколола пѣтуха и изжарила ему въ дорогу, да никому не давала-бы отвѣдать, а что въ немъ негодно, то закопала-бы. Хозяйка зажарила пѣтуха, побила сы-

---

¹⁾ Са. Andree. Die Anthropophagie, Eine ethnographische Studie. Lpz. 1887, стр. 8 слѣд., 101 слѣд.

²⁾ Кіевская Старина 1889, Апрель, стр. 196—199.

нишку, пристававшего къ ней дать ему кусочекъ, но по просьбѣ сосѣдки все-таки дала. Старикъ былъ въ церкви; когда вернулся, увидѣлъ, что дѣло сдѣлано. Съѣли обѣдать; старикъ требуетъ, чтобы подали пѣтуха. — Да вѣдь онъ вамъ на дорогу! говоритъ хозяйка. — Такъ надо было сказать, а теперь можно и ѣсть его, ибо у васъ уже есть счастливый. — И онъ объясняетъ, какъ собачье счастье перешло въ пѣтуха, а теперь въ хлопчика. Живите и Бога хвалите: все ваше при васъ будетъ!

Среча — это, въ сущности, чья-то *чужая* доля, добрая или худая, овладѣвающая человѣкомъ, приобщающаяся къ нему, навѣянная, награянная.

Вернемся еще разъ къ итальянскимъ представленіямъ о долѣ, чтобы разъяснить элементы народной сказки въ одной притчѣ, которую Боккаччо разсказалъ въ *De Casibus Virorum illustrium*, со словъ своего учителя, астронома Андалоне дель Негро. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я коснулся этой притчи и указалъ на ея отношеніе къ народнымъ идеямъ о долѣ ¹⁾; теперь мнѣ яснѣе въ ней раздѣлъ между ея школьными и народно-поэтическими мотивами. Сцена открывается перебранкой между *Fortuna* и *Raupertas*; Нищета предполагаетъ для *Fortuna*'ы значеніе не столько судьбы, сколько счастья и богатства. Перебранка переходитъ въ бой; побѣждаетъ *Raupertas* и по уговору ставитъ свои условія побѣжденной. — До сихъ поръ мы на почвѣ школьнаго пренія (*Debate et Disputes*), въ родѣ извѣстныхъ средневѣковыхъ преній Поста и Масляницы, Сивагоги и Церкви, Души и Тѣла и т. д. Во второй части притчи объявляется нѣчто новое: *Fortuna* болѣе не счастье, а судьба, Усудъ извѣстной сказки; въ ея вѣдѣніи находится *Fortunium* и *Infortunium*: сербская Среча и Несреча, добрая и лихая доля. И вотъ *Raupertas* рѣшаетъ: пусть *Fortunium* свободно ходитъ, куда пошлетъ его *Fortuna*, а *Infortunium* она обязана привязать на виду у всѣхъ и приковать цѣпями къ столбу, чтобы

¹⁾ Три письма Джованни Боккаччо къ Майнардо де' Кавальканти (Спб. 1876), стр. 7—8.

ему нельзя было ни тронуться съ мѣста, ни переступить за чей-либо порогъ, развѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ его путы. — Если я не ошибаюсь, это опять сказочный мотивъ, какъ и самые образы Fortunium и Infortunium: я имѣю ввиду сказки, въ которыхъ бѣднякъ запираетъ, зарываетъ, забываетъ въ дупло свою недолю; ему съ тѣхъ поръ везетъ; какой-то завистникъ выпускаетъ эту недолю изъ заключенья, полагая, что она снова привяжется къ бѣдняку, а она ухватила за него самого ¹⁾, какъ Infortunium овладѣваетъ тѣмъ, кто отвязалъ его.

Очень вѣроятно, что въ пониманіи Боккаччо эти реальные мотивы сказки представлялись отвлеченнѣе, въ томъ смыслѣ, что всякій самъ навязываетъ себѣ лихую долю, въ ней повиненъ. Грузинская сказка ²⁾, которой я заключу этотъ обзоръ, пошла и еще далѣе: что злую долю можно исправить волей, трудомъ.

Жилъ былъ богачъ; его безчисленныя стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ оберегала какая-то невѣдомая рука. Въ той-же странѣ жилъ одинъ бѣднякъ, невмущій и лѣнивый. Богачъ предложилъ ему придти къ нему помогать при работахъ; онъ дастъ ему за то пару воловъ. Но лѣнивцу не до того: чѣмъ работать все лѣто изъ-за какой-нибудь пары воловъ, лучше угнать часть богачева стада — оно вѣдь ходитъ безъ присмотра, — продать въ городѣ и зажить счастливо. Онъ дѣйствительно отправился къ мѣсту, гдѣ паслись стада, но едва ближе подошелъ къ нимъ, какъ пронесся свистъ и пронзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнивыя коровы оживились: раздался шумъ и весь скотъ, какъ вѣтеръ, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ стоялъ, какъ пораженный. Прийдя къ мѣсту сбора, онъ увидѣлъ среди стада крошечнаго человѣка, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животныя проталкивались къ нему, желая

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 219—220.

²⁾ Сл. Сборникъ матеріаловъ для описанія хѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X, отд. III, стр. 49 слѣд. Сл. Разысканія, I. с. стр. 217 слѣд. и малорусскій варьянтъ, напечатанный г. Васильевымъ, Этнограф. Обзор., кн. IV, стр. 92—3.

облизать его. «Я счастье хозяйна этихъ стадъ», былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, а твое счастье тамъ на холмѣ, подъ кустомъ почиваетъ. Бѣднякъ идетъ искать его; долго не находитъ, и такъ какъ ему было лѣнь идти дальше, легъ и проспалъ до вечера. Вдругъ до него долетѣлъ стонъ: въ кустахъ извивался, какъ насекомое, совершенно высохшій безобразный человѣкъ. «Я твое счастье!» прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укору бѣдняка: «Ты лежишь и почиваешь, я тоже лежу и сохну; встань, встану и я, проснись — я буду бодрствовать, трудись — дамъ богатство». — Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его счастье, — онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

XXIV.

Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ.

Мѣсто, занимаемое Видѣніемъ мниха Григорія въ житіи Василія Новаго, достаточно выяснилось изъ сказаннаго нами о составѣ житія въ V-мъ выпускѣ Разысканій, стр. 76 слѣд. Печатаемая впервые его греческій текстъ по ркп. Московской Синодальной библіотеки № 249, мы имѣли въ виду какъ его литературное значеніе, такъ и вліяніе, имѣ обнаруженное на эсхатологическія представленія древней Руси, народнаго стиха и иконографіи. Русскіе изслѣдователи уже обратили вниманіе на эту сторону дѣла (Буслаевъ, Сахаровъ, Покровскій); желательны были-бы подобныя наблюденія и для славянскаго юга. На списокъ житія XV вѣка, сербскаго письма (румянц. муз. № 39—1470, изъ собранія Севастьянова), уже было мною указано (Разысканія, I. с., Приложение, стр. 4, прим. 1); текстъ отвѣчаетъ типу греч. синодальной ркп. № 250 (нач. Непостижнааго ба ѿ чловѣцѣмъ родѣ преблагааго члвколюбиа в блгостини прѣмоудрно ѿ неизреѣнно строещиа ѿже къ спсенію дѣлаемъ нашимъ); переводъ тотъ-же, что и въ архивскомъ спискѣ XIV—XV вѣка (Разысканія, I. с., Приложения, стр. 4, прим. 1); тому-же переводу принадлежитъ и Видѣніе Григорія, выдѣленное изъ житія, какъ

«зѣло полезная повѣсть», въ сербскомъ сборникѣ, недавно описанномъ г. Поливкой ¹⁾.

О литературномъ значеніи Григоріева видѣнія г. Сахаровъ ²⁾ говоритъ, что «съ поэтической стороны картина суда Божія въ житіи вполне достойна того, чтобы сравнить ее съ Дантовой поэмой». Не заходя такъ далеко, нельзя не отмѣтить въ видѣніи широко задуманнаго плана, достоинствъ архитектоники; не все здѣсь указано преданіемъ, хотя вліянія болѣе древней эсхатологической литературы (Книга Эноха, Палладій и др.) несомнѣнно. Съ другой стороны неприятно поражаетъ растянутасть изложенія, обиліе повтореній и море эпитетовъ, золота и свѣта, не всегда идущихъ къ дѣлу. Можно удержать сравненіе съ Божественной комедіей, сказавъ, что видѣнія Григорія могли бы быть благодарнымъ матерьяломъ — для новаго Данте.

Я сказалъ объ архитектурникѣ видѣнія; еѣ преимущественно я и буду имѣть въ виду въ слѣдующемъ пересказѣ. Въ основѣ его лежитъ греческій текстъ, напечатанный нами въ Приложеніи ³⁾, при чемъ приняты во вниманіе и отличія славянскаго перевода, восходящаго къ другой греческой редакціи житія ⁴⁾. Только знакомство съ этой редакціей позволитъ заключить, кому принадлежатъ сокращенія — сравнительно съ изданнымъ нами греческимъ текстомъ: славянскому-ли переводчику или его подлиннику. Сокращенія касаются риторическихъ мѣстъ, эпитетовъ, рѣчей,

¹⁾ Opis i izvodi iz nekoliko jugoslavenskih rukopisa u Pragu. Priobcio Dr. Gjurgo Polivka (оттискъ изъ Starine XXI, стр. 4). Ис. «Повѣсть зѣло полазана, обаче и вьсакого страха и ужаса испиена в страшнем и ужаснем и грознем дне страшнаго божим втораго пришаствием, иже будѣть всемъ чловѣкомъ, иже родише се на земли. Видѣние и откровеніе светого вѣда нашего Григоріа новаго, иже показа ему Господь Богъ аггеломъ своимъ погланнимъ ка нему». Г. Поливка любезно предоставилъ въ мое пользованіе копію съ этого текста.

²⁾ Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древне-русской письменности, стр. 124.

³⁾ За участіе въ исправленіи текста приношу живѣйшую благодарность проф. В. К. Ериштедту и Г. С. Дестунису.

⁴⁾ Славянскій переводъ цитируется по Севастіановскому синску (Сев.), иногда съ указаніями на отличія Шафариковскаго (Шаф.).

завѣреній Григорія въ истинѣ всего, имъ видѣннаго и повѣданнаго; въ описаніи внѣшности грѣшниковъ сглажены графическія, характерныя подробности; опущена ссылка на житіе св. Григорія Агригентскаго, одна категорія осужденныхъ въ описаніи страшнаго суда и т. д.

На Григорія напали однажды религіозныя сомнѣнія: ему представилось, что іудейская вѣра и есть правая, угодная Богу, ибо и Авраамъ и Исаакъ и Іаковъ и Моисей и пророки оказались праведными передъ лицомъ Его. И вотъ Григорій отправляется къ Василию, жившему тогда въ Аркадіаныхъ ¹⁾; тотъ провидитъ и предупреждаетъ Григорія на исповѣди, упрекаетъ его за то, что далъ себя увлечь бѣсу, владѣющему «ипоподромнѣмъ» (л. 21 об. ст. 2: τῆ τῆς ἰποδρομίας δαίμον), и старается разсѣять сомнѣнія ученика, но онѣ въ немъ остались, и онъ самъ проситъ наставника помолиться, дабы Господь наставилъ его—въ видѣніи. Оно было ему въ слѣдующую ночь ²⁾: ему казалось, что онъ стоитъ на покрытой травой полянѣ, дивится ея красѣ и благорастворенію воздуха, когда передъ нимъ предсталъ мужъ великаго роста и страшный, одѣтый въ бѣлую столу, съ бѣлымъ хитоновомъ

¹⁾ Приводимъ для сравненія съ греческимъ текстомъ (стр. 5—6), интересною въ бытовомъ отношеніи, соответствующее мѣсто славянскаго перевода (л. 21 лиц. ст. 1): «Бѣше же (Василій) на мѣстѣ тогда нарицаемѣмъ Аркадіана. въ тѣмъже днѣ творѣше подромонъ коньчнемъ урестаннѣ. идеже бѣ мѣсь градѣ (л. с. ст. 2) сѣбраше; ѡже ѡ многихъ двѣи вставилъ бѣ таково позорище. слышахъ в семъ грознаа словеса златугагѣ. и якоже идѣхъ къ сѣмоу ѡдоу, яко до оубѣмъ недооумѣннаа, быхъ близъ мѣста гѣснаго Диппнѣ. ѡбѣе въжеже се пламень въ срѣци моемъ, поноужлае ме видѣти ѡще понѣи и конемъ прѣвомъ запущеніа не вѣзимоу въздржатисе ѡ такового помисла. я побѣжленъ быхъ. вѣздохъ и видѣхъ прѣвомъ запущеніа конемъ. и потомъ ѡтудохъ и придохъ къ прилобѣному ѡцоу Василию». Диппнѣ отвѣчаетъ Δίππνον греческаго текста (стр. 5) что слѣдуетъ читать Δίππλιον или Δίππλιον, Δίππλι. О немъ сл. Du Sange Constantinopolis christiana, стр. 74: extitit praeterea in Millio Diippium, locus ita appellatus propter binos equos marmoreos vel lapideos ad aedem S. Phocae, quae postmodum S. Iohannis Theologi dicta est, a Phoca tyranno erectos (сл. л. с. указаніе на источники).

²⁾ Сев. л. 24 лиц. ст. 1: Въ тоу же ноць лежещоу ми на вдрѣ конь. — Отсюда начинается текстъ Шафариковской рки. (Шаф.): Въ одну ѡт ноцей лежещу ми на вдрѣ свєихъ.

поверхъ его, вооруженный желѣзнымъ жезломъ. Онъ напоминаетъ ему о его сомнѣніяхъ, бесѣдѣ съ Василиемъ, его просьбѣ къ святому: «греди оубѣ съ мною, и покажу ти кдиноу по кдиной коюждо вѣроу, и котораѣ вѣра каковон дръзновеник имать къ Бѣу» (л. 24 лиц., ст. 2). Облако подняло ихъ въ высь, гдѣ они очутились какъ-бы въ другомъ міру; когда облако отступилось отъ нихъ, они очутились стоящими на чудномъ неизреченнаго блеска полу («на стькланѣ полѣ» ib.); «и сѣ зборый мнозы огньныѣ юношѣ словословіещѣ въ Тронци Бѣ» (24 лиц. ст. 2—об. ст. 1). Пойдя впередъ, они пришли на нѣкое мѣсто, «иже бѣше ѡгнькѣ Бжѣимъ повито» (24 об. ст. 1), но то былъ не здѣшній огонь; онъ не жегъ, а скорѣе росилъ свѣтомъ; юноши «бѣлоризцы», которыхъ лица блестяли паче солнца, ходили въ этомъ огнѣ, почерпали отъ него въ золотые сосуды и уносились въ безвѣстную высь. Это мѣсто духовнаго, божественнаго огня, размышляетъ Григорій, а юноши — ангелы, почерпающіе отъ него и воскуряющіе емиамъ на вышнемъ жертвенникѣ передъ лицемъ Господа.

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, имъ представилась высокая гора, а на ней вышка, взобравшись на которую съ трудомъ они увидѣли подъ собою простиравшуюся на востокъ долину, седмерицею покрытую чистымъ золотомъ, отъ котораго исходилъ чудесный свѣтъ, наполнявшій воздухъ. Когда свѣтъ удалился, они узрѣли къ востоку дивный градъ, который авторъ пытается описать вкратцѣ, сознавая недостаточность своихъ силъ и неизреченность видѣннаго. Описаніе развиваетъ видѣніе вышняго Іерусалима въ Апокалипсисѣ гл. 21; спутникъ Григорія толкуетъ ему, что это новый Сіонъ, небесный градъ, вышняя митрополія, градъ христіанъ, новый, небесный Іерусалимъ, успокоеніе праведныхъ; Христосъ устроилъ его, по прошествіи 40 дней по воскресеніи, своимъ ученикамъ, апостоламъ, пророкамъ и всѣмъ вѣрующимъ въ св. Тронцу, какъ учили Отцы семи вселенскихъ соборовъ; тотъ-же, кто исповѣдуетъ Отца и Сына, а кощунствуетъ на Духа Свята, на вѣки осужденъ будетъ въ геенну огненную.

Такъ говорить спутникъ-ангелъ; а Григорію представляется новое видѣніе: посреди града высокій холмъ, пламеньющій, какъ раскаленное желѣзо либо мѣдь; на немъ крестъ, сіяющій огнемъ, освѣщая воздухъ; большой, бѣлый, какъ снѣгъ, голубь летаетъ надъ нимъ, испуская неизреченный свѣтъ, вселяя въ сердце духовную любовь и божественную радость. Онъ опустился на крестъ; повернулся, и какъ отъ раскаленнаго желѣза разлетаются искры, такъ и отъ него, точно алыя розы и бѣлоснѣжные цвѣты рассыпались въ воздухѣ.

Вотъ, съ высоты, точно молнія, спустился на огненныхъ крыльяхъ юноша, что-то уготовляя, будто престолъ царю и войску, имѣющему явиться въ градъ. За нимъ явился другой юноша (25 об. ст. 2), «прѣстоль страшнѣйшій, кгоже оуготовѣ гредоу щемоу прѣвѣ. Слншахомъже гласъ глѣющъ: Црѣ великъ и страшнѣйшій хочеть прйтѣ въ градъ съи съ славою великою и многою. И ещѣ (л. 26 лиц. ст. 1) къ сима зрѣщима нама и сѣ четырьѣ юноше въсгдѣ съ висотѣ гредѣхоу, дръжеще по свѣщи (ἀνά μίαν λαμπάδα) велицѣй страшнѣйшій ѡгнѣмъ гореще. Ѣже кдиногласно възоуише: Вьсиа блгѣтѣ твоеа, ги, ѡ прѣде сла стѣны твоеа въ вишнага, снѣ живаго ба (Шаф. прѣдѣ слава светыхъ твоихъ вишны сыне живаго бога; ἡ δόξα τῶν ἁγίων σου). По снхже видѣховѣ, и сѣ ктерѣ юноша съиде въ гра ѡнѣ глѣк: сѣ соутѣ (Шаф. суди: χρίστς) въскрешеникъ мртвѣмъ и възаникъ ѡ праведнаго соуднѣ члвкомъ прѣде. И по сѣ видѣховѣ сѣ стлѣпъ ѡгнѣнь исхождаше свише, нѣз негоже глѣсѣ страшнѣйшій (Шаф. страшанѣ) слншашесе и ѡгнѣ испощаше по всемоу възоухоу, ѡ тѣ не стѣ на градомъ ѡнѣмъ, нѣ нѣкомѣ пропастию (ὀπῆς τινὸς ἀνοιγείσης αὐτῶ ἐπὶ τοῦ θαπέδου ἐκείνου, εἰς ὅπερ ἰστάμεθα) снѣде въ мирѣ и розлиасѣ на четырьѣ начелѣ снѣгѣ, блистаксе (Шаф. ѡ) прикосноусе четыре край твари. И сѣ глѣсѣ въ всемъ мирѣ глѣк: (26 лиц. ст. 2) Сѣ съдѣтелнаа сила вишнѣго прикосноусе всѣ члвчскыя кости, събраннѣйшѣ кости да събероутсе, всѣа кость къ кости ѡ ставъ къ ставоу и чланъ къ члану свокомоу. И ещѣ видѣховѣ, и сѣ нѣз юноша бѣлообразнѣ дръже въ роуцѣ своки свѣтъ ѡгнѣнь и

посланикъ гѣкъ посланнокъ къ Сотоуѣ. Глѣашеже тако скончаше црѣтво нго, црѣтвовавшоу нмоу. Г. лѣѣ по всей земли (въ греч. текстѣ лишнее: юноша спустился не въ городъ, *ἀλλὰ κατόπιον ἀφίκετο τοῦ πυρνεοῦ στύλου ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος ἔνθα ὁ δηλωθεὶς Σάταν ἰβασίλευε*). И ставъ прѣѣ Сотоною и прочтѣ посланикъ нмоу Ѡ Бга и кмѣ нго сѣ крѣпостию влѣчаше нго изъ црѣскыѣ дворовѣ и положи позри нго на край земельнѣмѣ, да изблюкть и изврьжетъ всюю злобоу и погибѣль и тлю, гнѣвь и неистовство (Шаф. несѣтство) и грѣѣ и всѣмъ гдѣмъ и всакомъ нечестнѣмъ и всакомъ крѣсѣ, тако скончаше приближенѣкъ (Шаф. приближи се скончаннѣкъ и) (л. 26 об. ст. 1) хоцешъ съжыжень быѣ сѣ всѣми воинствѣми нгоѣ.

Между тѣмъ новыя сонмы небесныхъ силъ на огненныхъ, крылатыхъ коняхъ, испускавшихъ пламя ноздрями, сошли по воздуху, не въ тотъ городъ, а на землю (*εἰς τὸν κόσμον*), откуда послышались вопль и рыданія, ибо ангелы гнали повсюду и закалили всѣхъ, прельстившихся Антихристомъ во время царствія его. И вотъ другое безчисленное благообразное воинство сошло на землю, уготовляя престолъ Господу и все нужное для пришествія его; за нимъ спустился съ высоты юноша «нѣкъѣ славнѣ» (*ἐνδόξως*), названный впоследствии архистратигомъ Михаиломъ, въ царской одеждѣ, съ трубою въ рукѣ, за нимъ двадцать юношей, одѣтыхъ также, какъ и онъ, и также съ золотыми трубами. Когда затрубилъ арх. Михаилъ, потряслись всѣ концы земли; затрубили другіе, и задрожала земля, разверзлись гробы и «въздоше живыи и плты на кости лежущыѣ въ гробѣхъ Ѡ вѣка члѣвкъ, дхъ животнѣ не бѣ въ нѣхъ» (л. 27 об. ст. 2).

По второму гласу архангела гробницы, распавшись, какъ ледъ отъ удара грузнымъ камнемъ, извергли тѣла цѣлыя и невредимыя; сонмы юношей, многочисленныя какъ морской песокъ и персть земная, быстро спустились съ высоты къ мѣсту отвѣчнаго упокоенія человѣческихъ душъ, дабы къ каждому тѣлу привести его душу. Въ третій разъ затрубилъ архангелъ, и содроглись небо и земля, и всѣ умершіе встали, земля и море и рѣки,

лѣсъ и озеро отдали своихъ покойниковъ и всѣ, мужнины и женщины и дѣти были одного возраста и вида — и пола (Сл. τῶν θηλείων ἐναλλαγὴν πρὸς τὸν ἀνδρώδη μετασχηματισμόν). Лица однихъ сіяли, у иныхъ больше, у другихъ менѣе, «яко же рече апѣлъ (27 лиц. ст. 1): звѣзѣа звѣзды лоучѣши славою. И нѣкыи² лица сѣахоу іако лоуна въ мрачную ношь, дроугыиже лица іако днѣви свѣтъ, ины²же іако желѣзо раж²жено искрѣи поущак, дроугыиже іако слѣце, нѣкыи²же іако свѣгъ, дроугыи²же іако вльна бѣла, дроугыи²же бѣла и роумена іако и цвѣтъ. кѣдиномуу коуж²о ихъ грама² (Шаф. книжице) мльниѣобразна на² брьвма² на челѣа написана бѣше, іавлающи конгож²о добродѣтели». На челѣ одного написано было: пророкъ Господень, у другого: апостолъ, правѣдникъ, проповѣдникъ и т. д.—Рядомъ съ этимъ сонмомъ— другой, многочисленный, ибо на тысячи и десятки тысячъ грѣшниковъ едва приходилса одинъ праведникъ, и также являвшій въ своемъ образѣ показаніе дѣлъ своихъ (27 л. ст. 2): «нѣкыи² бѣхоу лица, іако прьстѣ с пѣеломѣ земліа смѣшена, дроугыи²же іако смрадньи каѣ на лицы ихъ (Шаф.: на улицахъ: ἐπὶ τῶν πλατειῶν), иныи²же гнозна и тѣпа и скаредна зѣлѣ, дроугыи²же изъ гнила іако мрътвь пѣс чрѣвны кыпеше, и другыи²же, іако каломѣ и мо (28 л. ст. 1) тиломѣ (Шаф. мотилы) помазана бѣхоу лица, ѡвѣи²же іако кожа желѣвина ѡчрѣвѣла (Шаф. ѡчрпала), иже² и ѡчи гнои испоущахоу іако же троудовитѣ недоугѣ нмоуше (Шаф. трудовити и недугы нмуше)¹⁾, нѣкыи²же чрѣна, іако и самому Сотонѣ²⁾, а дроугыи²же исполоу почрѣнена бѣхоу, дроугыи²же, іако кожа

1) Сл. греч. текстъ: τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστραχωμένα ὡσπερ χαλώνης τὸ ἐπίπεπον ὦν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ (ὡς ἐξιδουόντος τραχύματος) ἕλκος ἐξέχον. (καὶ ἄλλων μὲν) οἶα τὰ τὸν ἱερὰν ἐχόντων νόσον, οὗς καὶ λωβούς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος.—Λάβα=λέπρα

2) Опушено: τισὶ μὲν ὑπῆρχον οἶα τὰ τῆς Ἀκραγαντίων τιμωρίας ἦν ἔπαδον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντας. Сл. Леонтиѣво житіе св. Григорія Агригентскаго (у Migne, Patrol. gr. t. XCVIII, стр. 688): καὶ τὸ δὴ πείρας, μετ' ὀλίγον διεσχίσθη ὁ γνόφος ἐπάνωθεν αὐτῶν, καὶ ἐφάνησαν τὰ πρόσωπα αὐτῶν μεμελανωμένα, τῶν δὲ καὶ ὀλόκληρα τὰ πρόσωπα ἐμελανώθησαν. Σαβίνου δὲ καὶ Κρησταντίου καὶ ἐτέρων πολλῶν οὐ μόνον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἐμελανώθησαν, ἀλλὰ καὶ τὰ χεῖλη αὐτῶν κατηνέχθησαν, ὥστε μόλις αὐτοὺς δύνασθαι περιφίγξαι αὐτὰ εἰς τὸ λαλῆσαι.

ѣспидова, инимже, яко ѣхиднова, дроутымъ, яко дымена (?) зелена (Шаф. дим зелена), инѣмже яко кожа оп'ла, и инѣмъ гнозна бѣхоу сирѣдеще ѿ ногу до главы, инѣмъ крѣвью многою ѡкрываенѣ бѣхоу скаредѣи (Шаф. скареднѣи), нѣци же въ нѣ въ свинѣи кожи ѡблченѣ, инѣмъ сирѣдеще помазанѣ бѣхоу пѣнамѣ.

Увидѣвъ себя такъ преображенными, грѣшники стыдятся, хотѣли-бы скрыться и бѣжать, но въ толпѣ имъ ни двинуться, ни повернуться, нѣтъ возможности даже посмотрѣть, кто стоитъ рядомъ и тѣснить — и они начинаютъ плакать: Увы намъ, бѣднымъ, ибо насталъ послѣдній день по пришествіи Христа, истиннаго Бога нашего!—Это грѣшники-христиане.—Было тамъ неизчислимое множество другого народа: слыша другихъ плачущихся и сѣтующихъ, они смущены; это язычники, не слышавшіе ни о Моисеевомъ законѣ, ни объ Евангеліи. Кто это Христось, котораго онѣ называютъ Богомъ, ожидая отъ него суда и кары? спрашиваютъ они. Мы никогда о немъ не слышали, служили вѣрно и преданно своимъ богамъ. Если они воззвали насъ къ жизни — намъ бояться нечего; если Христось воскресилъ насъ, горе намъ грѣшнымъ и несчастнымъ!

Такъ утѣшаютъ себя и евреи: если Господь отцевъ нашихъ, Авраама, Исаака, Іакова и Моисея воскресилъ насъ, великое намъ будетъ благо; если судьей явился сынъ Маріи — увы намъ! Они поминуютъ все злое, что они сдѣлали ему, но утверждаютъ свое невѣріе въ него: онъ такой-же человекъ, какъ и мы, и пришелъ не судить, а быть судимымъ наравнѣ со всѣми; если мы узримъ его здѣсь, мы обличимъ его, какъ лжеца и обманщика.

Видѣніе еще разъ возвращается къ язычникамъ, вѣровавшимъ «[В]аалу и Астартѣ и Ас[т]арту и двема златима телцемъ» (Шаф.). Въ Севастьяновскомъ текстѣ здѣсь чтеніе испорчено; надписаніе этого отдѣла въ ркп. Шафарика («Іудѣи же идоломъ послужилше ѡ сихъ чати») объясняетъ, что дѣло идетъ не о язычникахъ вообще, а о іудеяхъ, совратившихся къ идолослуженію.

На челѣ всѣхъ грѣшниковъ начертано ихъ прегрѣшеніе: (28 об. ст. 2) «на нѣкыѣ оубо гл҃ымахоусе писаніа, аще моуже оубийце, ащелѣ же но оубийце, на (29 л. ст. 1) друугыѣ же кровеѣсци и кровеѣсцице, на друугыѣ прѣлюбодѣи и прѣлюбодѣица и блонникъ [и блонница], на швѣѣ татѣ и татица, и абык љжѣ (Шаф. лажакъ) и љживица, на друугыѣ идолослоужитель и идолослоужительница, на иныѣ влѣхвъ и влѣхва, на инѣѣ пятиницѣ (Шаф. пизнаць) и пизницѣ, и мнѣарь (Шаф. митарь) и хищникѣ, на друугыѣ мужеложникѣ (Шаф. мужеложникъ и детогубакъ и детогубица, на инѣхъ скотоложнѣикъ, на друугихъ помазательнѣхъ злу), на инѣѣ злоу помѣитель и завистникъ и гнѣвъ имоущыѣ (Шаф. гневльивъ) на иныѣ гоудыѣ и смѣчникъ (Шаф. измыслиникъ и свирачь) и клеветникъ, на друугыѣ мрѣтвѣимыѣ влѣхвоуѣ, на инѣѣ соуровъ и мѣрь, злѣсрѣдѣ, немлѣтивъ, на друугыѣ сребролюбѣцъ и злѣтѣлюбѣцъ, на иныѣ кретигъ и арианъ, дѣхборѣцъ, манихей, савеліанъ, павлѣкыѣинѣи, ѣковитѣи, ѡргенѣи (Шаф. ѡргенъ), марѡсайнѣи (Шаф. Маркианъ), *биѡмиминъ*. Переводъ опустилъ здѣсь иконоборцевъ греческаго текста (появляющихся впрочемъ далѣе), но приставилъ богомиловъ. Всѣ они предавались нескончаемому плачу и били себя по челу, ибо знали святое писаніе и то, что на зрѣли плоды ихъ прегрѣшеній.

Новые сонмы спускаются съ высоты, воспѣвая небесную пѣснь; среди нихъ видѣнъ крестъ, деревянный по существу, но искрившійся и испускавшій божественный свѣтъ, точно солнце днемъ. Дойдя вмѣстѣ съ тѣми сонмами до мѣста, гдѣ уготовленъ былъ Господень престолъ, онъ сталъ въ высотѣ, видимый всѣмъ воскресшимъ изъ мертвыхъ. Узрѣвъ его въ такой слабѣ, евреи исполнились страха, трепета и стыда, плачутъ и сѣтуютъ. Видишь-ли, что съ ними стало при видѣ креста! говоритъ Григорію ангелъ; что-же будетъ, когда они узрятъ самаго Распятаго?— Тѣ евреи, чтѣ родились до пришествія Христова и не знали крестнаго знаменія, недоумѣваютъ, откуда это смущеніе, спрашиваютъ другихъ и, не получая отвѣта, сами заражаются ихъ горемъ и также издаютъ вопли.

Страшный гласъ раздался съ высоты небесъ: то двинулись небесныя силы, предшествуя явленію Судіи; «чинове чиновъ и воинства воинствъ» (29 об. ст. 2). Сначала сошелъ одинъ сонмъ, потомъ другой и третій; сошли и стали на лицѣ земли вокругъ мѣста суднаго. Не бойся, говоритъ Григорію ангель: Это мои сослужащіе, мои братья («друѣзы мой и кънврѣти соуть», 1. с.)—и онъ велитъ ему быть внимательнымъ, на пользу свою и другихъ, ко всему, имѣющему совершиться. Всѣхъ предстоящихъ людей обуялъ трепеть; настала глубокая тишина,—за нею такой громъ и молнія и крики и вопли, что земля содрогнулась и люди умерли бы, если бы не обладали безсмертіемъ; лишь тѣ, что были съ свѣтлыми лицами, были веселы и радостны. Новые полки, высокіе и славные, многоочиты, сходятъ, испуская пламя отъ лица своего; отъ ихъ ненаглядной красы горитъ воздухъ, всѣ дивятся ей. Соидя въ тишинѣ и молчаніи они стали на мѣстѣ судномъ, окруживъ предшествовавшіе имъ полки. Страшятся идолослужители и еврей, родившіеся по явленіи Христа и съ трепетомъ взирающіе на снесенное съ небесъ знаменіе креста; тѣ-же изъ евреевъ, которые родились до пришествія Христова и не поклонялись идоламъ и Ваалу, радовались. Измаильтяне и агаряне (Срациниъ Измаильтины 30 л. ст. 1) обнаруживали, до снесенія креста, жестокодушіе и гордыню, называя Авраама отцемъ своимъ, величая бога-творца земли и неба и великаго его пророка Магомета (1. с. велика нѣкоко бѣга шетающесе именовахоѹ), на котораго возлагали надежды спасенія. Узрѣвъ крестъ, они «горко ридающе стоѣхоѹ и въ оужасѣ ѡумъ погубыбше» (1. с.), ибо познали свою гибель и что они напрасно презрѣли проповѣдь христіанства; и были лица ихъ (30 лиц. ст. 2) «скврѣнна и банны смрадъ (Шаф. баньные смради) испоущахоу (*ἀπό προσώπου αὐτῶν ἐν τῷ ἀγωνίᾳ αὐτοῦς ἀντὶ ἰδρώτων ὡς ἀπό χαλάμου δυσώδης δυσωδία ἐξέπεμπετο*). Вѣрныя христіане ликуютъ при лицезрѣніи креста, на которомъ Господь пожелалъ быть распятымъ, низринувъ имъ князя Смерти. Они стыдятся и уличаютъ іудеевъ и агарянъ.

И вотъ свѣтлое облако, среди котораго многообразно сверкала молнія, спустилось на крестъ, скрывъ на нѣкоторое время его вершину; когда оно снова воспарило, надъ крестомъ объявился въ воздухѣ вѣнецъ драгоцѣнный, страшный, многоцвѣтный, непостижимо для человѣческаго разумѣнія сотворенный господней рукою отъ духовной любви и мысленныхъ камней (30 об. ст. 1 тѣсоушамы оупщрѣнь мьчтѣникьмь). Его видъ приводитъ въ трепеть юдеевъ и идолопоклонниковъ, гонителей христіанъ и агарянъ и измашльтянъ; христіане же исполнены неизреченной радости.

Громъ и молнія пуще прежнихъ, явленіе ангеловъ и архангеловъ еще болѣе славныхъ и страшныхъ, наполняютъ страхомъ не только грѣшниковъ, чающихъ пришествія праведнаго судія, но и самихъ ангеловъ: имъ-бы радоваться и ликовать, но они собогѣзнуютъ о насъ. Прибывъ на мѣсто судное, они обступили, вибѣстѣ съ другими, ранѣ ихъ явившимися, престолъ Господень, стоявшій въ воздухѣ, на высотѣ какъ-бы сорока локтей; и сами они стоятъ на воздухѣ, ожидая явленія праведнаго судія. — Четыре ангельскихъ сонма сходятъ съ высоты, распредѣляясь по частямъ свѣта; тотъ, что сталъ на западѣ, обращенъ лицомъ на востокъ. Еще четыре сонма: одинъ бѣлый, какъ свѣтъ, другой алый, какъ роза (чрьлень цвѣтъ 31 лиц. ст. 1), третій блестящій, какъ золото, четвертый снѣжнаго блеска упецрѣнь всякими цвѣтами. Сойдя въ средину поднебесной, они расходятся по четыремъ краямъ земли. И была земля полна людей, воздухъ небесныхъ силъ.

Внезапно онъ наполнился въ высотѣ различныхъ цвѣтовъ, пахучихъ розъ и духовныхъ лилій, по истинѣ мысленныхъ и небесныхъ: пошли огненные полки, шестокрылатые Херувимы и многоочитые Серафимы, и было среди нихъ Слово Божіе, и были фіалы, наполненные неизреченныхъ ароматовъ и божественнаго мвра; отъ славословія нисходящихъ ангеловъ, которому отвѣчали стоявшіе на землѣ, потряслись небо и земля; также спустившись на чело земли, огненные колесницы, шестокрылатые Херувимы и

многоочитые Серафимы обступили божій престолъ; возрыдали; услышавъ ангельскую хвалу, іудеи, измаильтяне, агаряне и другіе невѣрныя; ужаснулись всѣ, и ангелы и земнородные при трубномъ гласѣ, громкомъ и сладостномъ, раздавшемся съ высоты: на свѣтломъ облакѣ, испускавшемъ неизреченное благово- ніе, явился Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Облако вознеслось на востокъ тверди, врата котораго отверзлись предъ нимъ, и Господь возсіялъ съ востока (31 лиц. ст. 2) «и абыкъ възгрьмѣ глѣсомъ (31 об. ст. 1) дѣа боурна». И ангелы и люди видятъ Гос- пода, котораго облако принесло къ престолу его славы; тѣ изъ людей, которые были свѣтообразны, влетаютъ къ нему на ог- ненныхъ крыльяхъ, встрѣчая его съ радостными лицами; другіе сокрушаются и скрежещутъ зубами въ сознаниіи своей грѣховно- сти. Ангелы и люди славословятъ Господа и падаютъ ницъ. Онъ возсѣлъ грозный на престолѣ славы, и всѣ возстали во страхѣ (31 об. ст. 1); «ибо тресѣшесе ꙗко и кожа ѿ члѣвкъ тръзакма (Шаф. трѣсакма; ὡσπερ δорὰ ὑπὸ βιαίας πνοῆς σπαραττομένη), зѣмля колебашѣ, ꙗко и дѣтѣи млади на колѣбци (Шаф. ꙗко дѣты на лоньсках; ὡσπερ φύλλον δένδρου ὑπὸ τινος ἀνέμου χειμαζό- μενον καὶ σαλευόμενον ἰσχυρῶς). Ангелы вопіютъ гласомъ вели- кимъ, обличая іудеевъ, измаильтянъ, агарянъ и всѣхъ невѣр- ныхъ. Анна и Каіафа, Аріи и Мохаммедъ (31 об. ст. 2 без- оумнныи "Аріа и проклети Махметъ; Шаф. Мухмедъ) и другіе еретики въ смущеніи и трепетѣ. (31 об. ст. 2) «Абыкъ жѣ въззрѣ Гѣ (32 лиц. ст. 1) на ꙗбо, и тѣ побѣже ѿ страха лица кгд». Мы же остались на башнѣ, на которой стояли, говоритъ Григо- рій (въ мѣстѣ, котораго нѣтъ въ славянскомъ переводѣ), она одна осталась на воздухѣхъ, все-же прочее убѣжало изъ-подъ насъ; остался и градъ, о которомъ упомянуто выше, ибо Духъ Божій почилъ на немъ и сила Вышняго его держала. И потомъ Господь призрѣлъ на землю, оскверненную людскими грѣхами (1. с.) «идолослуженіемъ и вльшьбаміи и чарудеиіемъ и ѡтравл- еннѣмъ и кровомѣшеннѣмъ, оубийствомъ же и кровопролитіемъ ѡжаіиіемъ смѣсивше» — и земля убѣжала отъ лица его, «и не ѡбрѣ-

тесе на нем мѣсто, стоѣахоу же вси на възвоусѣ непоколѣбимѣ. И ещѣ призрѣ ГѢ възспрѣ на висотоу ѿ на глаубиноу бездѣннѣи, и сѣ ново нѣбо ѿ земли нова блѣстающисѣ ѿко ѿ свѣтѣ, възмѣнибосе ѿ тѣмъ въ нетланикъ пришѣши, ѿ се тврѣ ѿбнаа (Шаф. сѣмше) ѿко снѣце, (32 лиц. ст. 2) звѣзы бо погѣбоше ѿ немъ, стѣ бо напѣннѣше мѣсто ѿхѣ. ѿ снѣца не бѣше на немъ, понеже вѣстокъ вѣснѣ вѣсѣмъ, праведнокъ снѣце ГѢ Іс ХѢ. — И посмотрилѣ Господь на море, и въ немъ явилася вмѣсто воды огненная рѣка, пламя которой восходило до неба, (1. с.) «попалѣющи ѿ потапѣлющи ѿ покривающи вѣсѣ коньцѣ ѿлоученнѣи» (Шаф. ѿтлучение еи; *ἐκάλυψε πάντα τὰ πληρώματα τὰ ἀφορισθέντα αὐτῷ*). — И воззрѣлѣ Господь на грѣшниковъ, 1. с. «и сѣ чинѣ страшнѣ ѿгннѣхъ аггѣ ѿ запада прѣиде ѿ възложише роуки свои на грѣшникы и нечестивикы и бросили ихъ въ то огненное море. Остались лишь христіане изъ евреевъ и отъ языкъ и тѣ люди всякого рода, отъ Адама до воплощенія Господа нашего Иисуса Христа, (32 об. ст. 1) «иже въ вѣшнѣхъ промислѣ вѣровавшѣ не покланялись идоламъ. Они стояли передъ лицемъ праведнаго суди, одни радостные, другіе трепетные; а отъ плача и рыданія вверженныхъ въ огонь опечалилось даже небо и ангелы.

Когда такимъ образомъ остались, въ ожиданіи суда, лишь пріавшіе законъ, (32 об. ст. 1) «призрѣ ГѢ на вѣстокъ и номѣноу воинствомъ своимъ», и тѣ полки, что на востокѣ, разсѣялись съ трубнымъ звукомъ, съ быстротою молніи, во вѣсѣ четыре конца земли, и кого обрѣтали съ свѣтлыми лицами, отдѣливъ ихъ отъ грѣшниковъ, лобызая и обнимая, съ радостью привели одесную суди. Тогда воззрѣлѣ Господь на сѣверъ и на югъ, и другіе ангелы привели и поставили ошую грѣшнѣхъ людей; и было ихъ, что песку морскаго, ибо изъ христіанъ одна лишь часть спаслась на три или четыре, отъ вѣтхаго завѣта одинъ на тысячу или десять тысячъ, а изъ жившихъ отъ Адама до Авраама — едва одинъ изъ двадцати или сорока. — Когда оба сонма стали, свѣтлыи и мрачныи, Господь обратился къ нимъ, призывая однихъ (33 лиц. ст. 1: «възвѣлька бо се ѿ дасте ми гѣстѣи» и т. д.), дру-

гихъ отвергая; и рѣчи Господа и отвѣты праведниковъ и грѣшниковъ сильно сокращены въ славянскомъ переводѣ, какъ и слѣдующее за тѣмъ картинное описаніе новой земли, изъ котораго удержалась одна лишь черта 33 об. ст. 1: «ѿ ещё призрѣ ГѢ на все коньце землк, ѿ гвише на ней садо(л. 33 об. ст. 2)ве ѿко снѣгѣ различны» (γλόη λευκή ὡςτι χιών).—Григорій спрашиваетъ ангела: не это-ли царствіе небесное? Оно на небесахъ, отвѣчаетъ ангель, а это земля «крѣткы» (л. с.). И далѣе въ описаніи новой земли въ славянскомъ переводѣ кое-что опущено, иное сокращено (рѣки и птицы).—(34 лиц. ст. 1): «Потомъ призрѣ ГѢ на нѣба, и ѿврзесе новон нѣбо», ангелы сносятъ среди славословіи страшный и дивный Божій градъ и ставятъ его на челѣ земли, на востокѣ; (л. 34 лиц. ст. 1) «и раи кдемь посрѣ кго. бѣ же град (л. 34 лиц. ст. 2) бѣжи великъ вишны Іерлѣимъ, кгоже хитрьцѣ и зиждитель Бгѣ. окрѣтъ кго всѣ силѣи нѣбныѣ и ГѢ окрѣтъ бо тоу хотещы жѣ лѣи. врѣ бѣ блистахоусе ѿко снѣце»: до этой одной подробности сокращено описаніе Едема. По знаку Господа ангелы трубятъ; отъ ихъ славословія Григорій содрогнулся, волосы стали на немъ дыбомъ. Обратившись къ тѣмъ, что ошуютъ, Господь говоритъ имъ: Видите, проклятые, какихъ благъ вы лишались! а славословіе и пѣсни были таковы, въ своей неизреченной сладости, что разсѣлись бы жилы и кости слушающихъ, еслибы они были тѣлны, и мон, прибавляетъ Григорій, еслибы молитвами св. Василія не охраняла меня рука Всевышняго.

Возставъ съ престола Господь на крыльяхъ вѣтреныхъ принесся къ тому чудесному и страшному граду, за нимъ послѣдовали всѣ, что были одесную. Онъ сталъ у западныхъ воротъ, отворившихся передъ нимъ; кругомъ него тѣ, что одесную, и небесныя силы; грѣшники стали поодаль. Тогда Господь обратился къ праведникамъ, приглашая ихъ вступить въ царство небесное, которое онъ обѣщалъ имъ (въ переводѣ это обращеніе сокращено въ нѣсколько строкъ). (л. 34 об. ст. 1) «Се жена ѿд деснаго стоѣнны прѣде и вѣнегаже идше, огнѣ ѿ ногу кк исхождаше и слѣ несчетаннаа (Шаф. низрѣченнаа) ѿ ней (πάρουρα

δοξῆς ἀσύγκριτος). Господь радостно привѣтствуетъ *Богоматерь*, «поклонивше малѣ прѣчты врѣ свои съ чьстїю» (Шаф. поклонивъ ей мало прѣчїсты свои врѣхъ съ вшею; καθυποκλίνας τὴν ἄκραντον αὐτοῦ κεφαλὴν βραχύ τι). Она вступаетъ въ градъ при словословіи ангеловъ.—Затѣмъ поочередно выдѣляются изъ того же сонма: *Иоаннъ Предтеча* (опущенъ въ переводѣ), *двенадцать апостоловъ*, *семьдесятъ учениковъ*, безчисленный сонмъ *мучениковъ*, въ одеждахъ «ѿ чрѣвена багра» (35 лпц. ст. 1); за ними сонмъ меньшїй числомъ, ихъ лица «яко свѣтъ» I. с. (ὡς ὁ Ἑωσφόρος; Шаф. яко огавъ): это *испоовѣдники*, отвѣчаетъ ангелъ на вопросъ Григорїя. Слѣдуютъ: *пророковѣдники* (I. с.; Шаф. благовѣстники), *святители* (35 лпц. ст. 2: носеще ѿмофоръ на своихъ рамѣхъ; греч. οἱ χιτῶνες αὐτῶν χίονοφεγγεῖς λίαν κεκαθαρμένοι, καὶ ἐν τοῖς ὤμοις αὐτῶν φλόγα πύρινον περιέφερον), *воздержники*, *черноризцы* (Шаф. приб.: и калокры); отдѣлъ о нихъ особенно развитъ въ греческомъ текстѣ, въ переводѣ сокращенъ; видя ихъ славу, грѣшники «распихаху се ридающе себе» (35 об. ст. 1), тогда какъ въ подлинникѣ (стр. 67) здѣсь цѣлый подборъ глаголовъ. Затѣмъ выступаютъ *праведники новаго закона* (τῆς νέας διαθήκης), *патриархи* и сонмъ, превышавшїй числомъ всѣ другїе, οἱ ἄρτιφώτιστοι ἄσπιλοι χριστιανοί, *сохраненіе чистоты отъ чрева матери*; рубрика соотвѣтствующаго отдѣла въ переводѣ гласитъ: *поустинники* (Сев.), блажены ѿ островъ чисты ѿ всякогъ скверны (Шаф.); то-же и въ концѣ отдѣла: Сѣ же бѣхоу блженыхъ островъ блженны жителей» (л. 35 об. ст. 2). Воспоминаніе о блаженныхъ макарійскихъ островахъ и рахманахъ подсказалось здѣсь переводчику. — Далѣе являются: *пророки израильскїе* (за исключенїемъ Моисея и Аарона); *христїане, согрѣшившіе, но очистившіеся покаянїемъ*; въ одной группѣ: *Моисей, Ааронъ и Оръ, Исусъ Навинъ и Елеазаръ, съ ними семьдесятъ пророковъ, судьи Израїля, царь Давидъ и всѣ цари іудейскїе, что не послужили идоломъ, и всѣ сыны Израїля, жившіе до пришествїя Христова и нескверно сохранившїе законъ*; въ другомъ сонмѣ: *Адамъ, Авель, Сноъ, Энохъ, Ной* и всѣ до потопа и послѣ него

угодивше Боу. Переводъ представляет здѣсь своеобразныя черты, не находящіяся въ нашемъ подлинникѣ (сл. стр. 73): (36 лиц. ст. 2) «и се Адаамъ и Авелъ и Сноу и Пеносъ и Пенохъ и Нюк, кѣликоже мужеска пола и женска въ родѣ ихъ добръ оугодивше Гви, ѿ послѣдныи вышешныхъ (36 об. ст. 1) въ виноградѣ повелѣ дѣмоу вѣка приставникоу своему, да дѣ ко-моужо равно по динароу. выидоше оубо и ты съ радостию».

Въ особомъ убранствѣ, возбуждающемъ удивленіе всѣхъ святыхъ, являются *милостивые язычники*: (л. 36 об. ст. 1): «тыи же бѣхоу иже прѣже прѣшествиѣ Хвѣ ѿ кзикѣхъ закона не имоуще кѣствомъ же закона творещѣ, идоломъ не поклонишесе, цѣломоудрѣи бивше и мѣтвы Бга чтоуще»¹⁾.

Слѣдуютъ *жрдовыи Христа ради* «прѣмоудраго въ злобѣ побѣдивше» (36 об. ст. 2; τὸν σοφιστὴν τῆς κακίας κατασφισάμενοι); *мищие духомъ* (ихъ лица «бѣла ꙗко гѣрина» 36 об. ст. 2: ὡσεὶ ἔριον), «*макашесесе*», *кроткіе сердцемъ, суды праведныи* (л. 37 лиц. ст. 1: бѣхоу же лица ихъ медь каплюше сладѣ радванѣа: οἶονεὶ μέλι σταζόντα), которыхъ Господь отличаетъ особо (стр. 77: μετ' εὐμενείας καὶ διαρότητας προσεδέξατο αὐτοὺς ὑποδεινὺς αὐτοὺς τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ εἰσιέναι εἰς τὴν ὠραίαν πύλην, ἣν οὐδεὶς τῶν προλαβόντων ἁγίων εἰσήει. Въ слав. текстѣ этого нѣтъ); *милостивые* (л. 37 лиц. ст. 2: исхожаше ѿ лица ѣ ꙗко рѣса масла мѣтра блговонна: ἐξήρχετο δίχης ἰδρωτός ἔλαιον μύρον πνέον ὀσμὴν ἀσύγκριτον καὶ ἀνεκδιγήτητον ἀθανασίας καὶ ζωῆς αἰωνίου стр. 78)²⁾, *собмодавшии чистоту души и тѣла* (греч. т. стр. 79—80: въ переводѣ опущено), *миротворцы, изнанныи правды ради, двественники и тѣ, что не осквернили супружескаго ложа.* Они вызываютъ вопросъ Григорія ангелу: «Рци ми, мѣю ти се, аще и в сен вѣчнѣи жизный жена моужа своего и моужѣ женоу свою имѣти хочеть...? Унѣ же рѣ кѣ миѣ: Нѣ здѣ похоти соуктвагѣ

¹⁾ Сл. Разысканія, вып. V, стр. 142.

²⁾ Вступивъ въ градъ, они «ἰδρῶν... ὀσμὴν ἀνεκδιγήτητον» (стр. 79). Въ переводѣ это перенесено на Григорія, л. 37 лиц. ст. 2: «По смъ же видѣховѣ».

мира на нетлѣнныѣ пришъши тварѣ, нѣ (л. 38 лиц. ст. 1) что же тлѣннаго житенскаго члѣви не творетѣ, въ соуть ѣко агглы бжи».

Когда всѣ вступили въ святой градъ, при славословіи ангеловъ, честный крестъ Господень воздвигся отъ мѣста уготовленія, и несомый облакомъ, испуская молніи и лучи свѣта, сталъ надъ вратами града, въ которыхъ стоялъ Господь, призывая святыхъ вступить въ обитель вѣчной жизни, какъ пастыръ призываетъ овецъ своихъ.

Остался передъ лицемъ Господа безчисленный сонмъ стоявшихъ ошуюю: были тутъ отъ всякаго времени и народа, всякой вѣры и ереси, отъ тѣхъ, что полагали свое спасеніе въ нечистыхъ пресмыкающихся, звѣряхъ и камняхъ, кто поклонялся идоламъ и демонамъ; тѣ, что распяли Христа; христіане, грѣшившіе и не покаившіеся. Всѣ они стояли въ ожиданіи суда, пристыженные, безобразные, темные, жалостные. Взирая на ихъ грѣховность, начертанную на челѣ каждого изъ нихъ, Св. Духъ Господень исполнился праведнаго гнѣва; внезапно объявился въ десницѣ Господа огненный жезлъ, который онъ бросилъ въ сыновъ беззаконія, отдѣливъ родъ отъ рода, языкъ отъ языка, народъ отъ народа: отдѣльно стали грѣшники отъ Адама до потопа, отъ Ноя до Моисея, отъ Моисея до воплощенія Господа нашего Иисуса Христа, и отъ воплощенія до втораго пришествія.

И воззрѣлъ Господь въ гнѣвѣ своемъ, и огненные ангелы явились въ облакѣ, быстрые какъ молнія, и схвативъ *оспхъ грѣшниковъ отъ Адама до Моисея*, ввергли ихъ въ огненное море. Та-же участь постигаетъ и слѣдующихъ, которыхъ Господь поочередно выдѣляетъ жезломъ изъ общаго сонма: *христіанъ, отвергнувшихъ Христа во время ювенія; разбойниковъ и убійцъ*, лица которыхъ обагрены кровью; *прелюбодѣтъ и прелюбодѣтцъ*, которыхъ ангелы бьютъ огненными палицами. (39 лиц. ст. 1) «И еще къ снмъ Ѡлоучи Гбѣ Ѡ шоуѣ, в стѣ съборь лоукавъ зѣло, их же лица ѣ бѣхоу ѣко самогò Сотонѣ, Ѡ ных же исхожаше смрадъ гнога нечистоты ихъ, ѣко Ѡ гнога баннаго,

иже дроўгъ дроўгоу мръзѣхоў. Бѣхоу же тыи ѿже паче ꙗства (исправлено: чрезъ ꙗство; Шаф. безъ поправки) *блѡудъ сѣтворилѣ*, моужие съ женами скаредне сѣдѣлавшѣ». Ангелы возлагають на ихъ выи вериги желѣзныя и бросають въ огненное море, «ѿдеже чрвь не оусипактъ, нѣ паче мѣры врить» (I. с.; сл. греч. текстъ, стр. 89—90).

У слѣдующихъ грѣшниковъ лица ꙗко зеленѣ днмь (греч. τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δόρα τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφραως κεράστου), ѡколо же телесѣ ѿ стрѣшныи множество (Шаф. сръшены) и моўхъ (*σφηκῶν καὶ μυῶν*), показаник нечистѣи помышленѣи и ѿ сластен ихъ бесѣдъ» (39 лиц. ст. 2; Шаф. нечистыхъ помышленѣихъ и ластыиныхъ бесѣдъ и слоужениы. Греч. т.: σαφῆς διάγνωσις τῆς ἐνδελεχοῦσης αὐτῶν αἰσχροουργίας ἐνθρόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς). Это «*вѣлхѡвѣ*, *ѡбавничиѣ* и *роуцни блѡудѣ* тѣворещѣ и *чарѡдѣицеѣ*» (сл. греч. т. стр. 91).

Еще группа (39 лиц. ст. 2) «ѿ же ѿ лица ꙗко кожа скотн (39 об. ст. 1) и притраныи (Шаф. пристраны) и скаредыи зѣло (ἡ δόρα τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτίλοι κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις). Это *κτηνοβάται*.

У *самоубѣицѣ* «лукавное одѣзаник» (*ἐνδυμα πονηρὸν*), «гвозыи трѣновныи въ телесѣ ихъ, ѡ лица же ихъ гнѡи течаше, и прѣкривленѣи ноги и» (39 об. ст. 1).

Слѣдующий сонмъ «всѣ тьмѣи и смрадѣи и растрзаныи ризы и и ноги и ѡблѣченѣи въ козникъ кожи (39 об. ст. 2; гр. т. ἐρίφων). Это *тати* и *мѣдомцы* (последнихъ въ греч. т. нѣтъ).

У *лжесвидѣтелей*, *клятвопреступниковъ* и *клеветниковъ* (Шаф. ротници), л. 39 об. ст. 2, «ѡ оустѣ чрвыи и смрадѣи ꙗсхожа (л. 40 лиц. ст. 1) аше, змиже ѡколо главъ ихъ ѡбвѣвшѣ, ризы же ихъ димомъ ѡчрѣненыи, лица же ихъ мѣглою повѣта». Въ греческомъ текстѣ они держатъ въ рукахъ *φορβιάς ἤτοι κεράχους* (стр. 93). За описаниемъ ихъ мученѣи слѣдуетъ въ томъ же текстѣ общее мѣсто, недостающее въ переводѣ и прерывающее рассказъ о судѣ; стоны грѣшниковъ вызвали противоположный образъ блаженства: не было въ томъ мирѣ ночи, и бысть вечерь,

и не было утра, но всюду неизреченный свѣтъ; не было тамъ ни сна, ни усталости, ни голода, ни жажды, ни болѣзни, но повсюду безконечное веселіе, вкушеніе вѣчныхъ благъ и славословіе Богу.

Затѣмъ выдѣленъ былъ еще сонмъ грѣшниковъ (л. 40 лиц. ст. 1), «сѣже бѣхоу тмѡю повити, димнѡ лица нмоуще, зюубѣ скрѣщоуще, дроугѣ дроугѣ коўсающе, ѣзныкѣ ꙗко псиѣ ѿ оустѣ нѣвѣщающе. Бѣхоу же тыѣ *инѣ'лиои, ꙗрдѣи* (л. с. ст. 2), *злогѣ памет'ници, завѣстѣници* (Шаф. прибавляетъ: клеветѣнщи), *поропатѣлик, злоумишеник*».

Въ слѣдующемъ сонмѣ грѣшниковъ греческій текстъ помѣщаетъ (стр. 96) тѣхъ, *οἱ ἐν κωνηγεσίαις καὶ τζουχανιστήραιοι¹⁾ καὶ ἱπποδρομίαις καὶ κόμμας καὶ μέδαις καὶ θεάτροις σαταναιαῖς . . . τὸν ἑαυτῶν βίον ἐχθαπαρήσαντες*. Переводъ представляетъ здѣсь значительныя отличія: описаніе вѣшняго вида грѣшниковъ приблизительно тоже (40 лиц. ст. 1: бѣхоу сажѡами почрѣнены), но далѣе идетъ общее разсужденіе о милосердіи и оставленіи долговъ должникомъ нашимъ; въ Севастіановскомъ текстѣ, вѣроятно, вслѣдствіе пропуска въ его оригиналѣ, грѣшниками являются черворизцы, которые должны были явиться далѣе; въ Шаф. тѣ, *«иже въ обыдѣнныи и тпачствѣе и въ позорищныи бесовскыи и въ грьдости и въ бумствѣе величаныи сатанина житиѣи прѣшадѣше»*.

Въ Сев. опущенъ слѣдующій отдѣлъ: «бѣху же въ нихъ *спѣскути и поповы и дпачкомы* еже и чатѣи и нѣвѣи, каждо чинь ихъ видѣше се въ своемъ ѡбразѣ; ихъ ризы «укалати гноемъ земльнимъ иже течашесь врху глави ихъ на ризѣ ихъ; отъ руки же ихъ исхождаше вона злосмрадьнаа юже инеху се ѡтрести, и ѡтпадаше, ѡчи же ихъ пенеще се и крѡве, лукава же лица ихъ и гноина, ѡт срца же ихъ чрвыкъ мнозиѣ исхождаху въ уста ихъ, при ногахъ же ихъ висеху ппавице и ппѣху крѡвь ихъ и ѡтъ ноздрѣхъ же ихъ смрадь исхождаше ꙗко ѡтъ гноѣа смрадьнаа» (Шаф.).

1) Τζουχανιστήριον, τζουχανιστήριον: мѣсто, гдѣ играли въ мячъ.

У *черноризцевъ* (здѣсь Сев. снова попадаетъ въ контекстъ, сл. 40 об. ст. 2) «лица ѡчрънена свѣтлинкѣ оубо дръжеще ѡмраченны, безъ мѣсла, на выгѣ ихъ гѣность и небрѣженіе, ꙗко птице нарицаемнѣ гѣпнѣ сѣдѣхоу, оуниннѣ же ꙗ не радѣ (41 лиц. ст. 1) ство ꙗко змѣк видѣхоу се висѣще, непокореник же ꙗко жегѣза тежка ѡдръжаше хрьбть и^г». — Ангелы ввергають ихъ въ огненное море; ихъ такъ много, что море, казалось, наполнилось, прибавляетъ греческій текстъ. Отвѣчая на вопросъ Григорія, ангелъ говоритъ ему (41 лиц. ст. 2): «ꙗко на сконьчаніи вѣкомѣ родъ чръньскыи весь ѡноудѣ въ погѣбѣль ѡлоуѣтсе, свѣнь малыи нѣколикихъ, възлюбившыхъ троудѣ и болѣзнь и смѣреннѣ».

Слѣдуютъ особые отдѣлы осужденныхъ: *полумуршыхъ и поуправедныхъ*¹⁾, и «без'оръменныи мѣтъи крѣтианскыи, не прикмѣшии стѣо крѣценнѣи»²⁾.

Затѣмъ выступаютъ другъ за другомъ «сборы» *Арїа, Македонїа, Несторїа* (въ греческомъ текстѣ слѣдуетъ завѣреніе Григорія въ истинѣ бывшаго ему видѣнїа; въ переводѣ соотвѣтствующій эпизодъ помѣщенъ за появленіемъ двухъ слѣдующихъ ересїарховъ); *Диоскора и Эutihїа; Оршена, Евварїа и Дидима; Кира, Пирра и Макаріа* (въ переводѣ: Сев. Дїдоумъ, Шаф. Дїдим); *иконоборцы*, глаголемые *Яковиты и Северїане* (Сев. 45 лиц. ст. 1 вставляетъ здѣсь названіе богомиловъ: греч. текстъ стр. 121: οὕτως ἐματαιώθημεν = Бѣгомїи... глѣюще дроугѣ къ дроугоу: по истинѣ ѡсоуктихомсѣ), *еврем.* (л. 45 лиц. ст. 2): «лица же ихъ бѣхоу помазанна крѣвнїю гноиноу, ꙗ плѣви (об. ст. 1) дебелѣ на ѡчию ѡмоуще, по оушима ꙗко смолоу помазаннѣ, въ роукаѣ ѡпаши коньскїе (греч. текстъ стр. 127: χερσος ἀλόγων) дръжеще, ꙗзїци и^г висѣхоу ꙗко неистовимъ псѣмъ, ноги искривленнѣи ѡмоуще въ ѡслѣк кожѣ ѡблѣчени). Ихъ обли-

¹⁾ Соотвѣтствующій эпизодъ греческаго текста уже напечатанъ былъ мною отдѣльно въ приложенїи къ V-му выпуску *Разысканїи*, стр. 77—80; сл. I. с., стр. 144 слѣд. изслѣдованїа.

²⁾ Сл. I. с., стр. 137.

часть Моисей (л. 46 об. ст. 1: сѣ и Моўси кгоже *имастоудни* ѿвѣтъ прѣлагайтѣ, Шаф. *настуднѣи*; л. 47 лиц. ст. 1: доньдеже придетъ кмоўже *щедите*, Шаф. *щедить се*, греч. т. стр. 138: *ἕως ἔλθῃ φ̄ ἀποκλιταί*; рождѣство ѿгнѣноѣ: греч. т. стр. 139 *γέιννα*)— (л. 47 лиц. ст. 2) «И сѣ вьнезаапоу мльнѣи ѿблѣста и распрѣстрѣсе по всеѣ землѣ, и по сѣи дроўгаа мльнѣи (47 об. ст. 1) гасноўобразна (Шаф. снегообразная: *ὑπερ γιόνα*), и бѣ пришѣши и ѿсѣны и стѣ надъ соўдѣнѣю гко же не видѣти ктѣ намѣ, и похвалише кго сѣ ѿцемъ и сѣ стѣмѣ дхѣомъ всеѣ силы нбѣиык». — И вотъ развералось свѣтлое облако, скрывавшее Господа, и на престолѣ, подобномъ престолу судному, явился почивающимъ Ветхѣи деньми «сѣ кдѣночедымѣи сѣомѣ и слоъмѣ» (47 об. ст. 1). Евреи трепещуть; голосъ, какъ бы гласъ трубный, обличаетъ ихъ невѣрѣ: не будетъ имѣ части въ царствѣи небесномъ; ангелы, чтѣ надъ муками, нападаютъ на нихъ (какъ орлы, греч. т.) и ввергаютъ въ огненное море—а престолъ Бога Отца взялся и опочилъ внутри жертвенника вышняго и страшнаго того града (л. 47 об. ст. 2: по сыхъ бгѣ и ѿць вьзѣтсе).

Послѣднимъ явился (л. 47 об. ст. 2) «цѣлькъ лоўка (48 лиц. ст. 1) вѣ и сѣ сквернѣи паче нѣѣ, вѣже ѿчи бѣста тьмѣи и помраченѣи, и на челѣ ихъ писаниѣ ймоуще, кже исказашѣ Сотона, вѣ деснѣи же ихъ роукѣ дѣщица, на нѣи же бѣше писаниѣ: ѿвръженнѣи» (*ἀρνησις*). Это тѣ, которые *отверлись* Христа; они осуждены на «рождѣство ѿгнѣноѣ» (48 лиц. 1 ст.: *γέιννα*; сл. 57 лиц. ст. 1); ангелы мукъ напали на нихъ внезапно (какъ быстролетные ястребы, жаждущѣ добычи, говорятъ греч. текстъ) и ввергаютъ ихъ (л. 48 лиц. ст. 2) «въ потоцноую бѣзноу въ тартарѣ» (*εις τὸν φοβερὸν κρημὸν ἐκείνου τῆς ἀβύσσου τοῦ πυρός*). — Григоріи отлчаетъ въ общемъ сонѣ грѣшниковъ вопли одного: *Диоклимиана*¹⁾; этотъ образъ и объясняетъ надписаніе всего этого отдѣла у Шаф.: Моучителне; греч. текстъ говоритъ объ отметникахъ.

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 134.

Судъ надъ грѣшниками кончился; слышится славословіе ангеловъ, и когда оно престоало, поднялось благодарственное пѣніе праведниковъ въ святомъ градѣ. Затворивъ его врата, Господь опочилъ на престолѣ храма, бывшаго въ срединѣ того града, «и повелѣ прѣдъ себѣ принести все разумникъ нбникъ ѹ дежде, ѿже ѿ положены быше все прѣдъ нимъ». Всѣ святые являются по его знаку, чтобы получить воздаяніе по дѣламъ своимъ. Первою позвана Богоматерь, которую Господь вѣнчаетъ и чествуетъ паче всѣхъ, «и постави ю гѡпожю и вѣчюу всѣмъ нбнымъ сіламы» (49 лиц. ст. 2); за тѣмъ Іоаннъ Предтеча (опущенъ въ переводѣ); двѣнадцать апостоловъ: ихъ престолы «каменнымъ чѣннимъ ѿ биромъ оукрашены» (I. р.; греч. т. ἀπό τε γάρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνιῶν καὶ μαργάρων), Господь нарекаетъ ихъ судьями надъ двѣнадцатью колѣнами израильскими, «сн рѣ старѣишій прѣ и вѣкы показа всѣмъ спшнимсе» (49 об. ст. 1); семьдесятъ учениковъ; передъ лицемъ всѣхъ святыхъ Господь разверзъ свои духовныя сокровища.

Слѣдующее за тѣмъ видѣніе небеснаго храма сильно сокращено противъ соотвѣтствующаго описанія въ греческомъ текстѣ, не безынтереснаго въ археологическомъ отношеніи (л. 49 об. ст. 1): «По снже призрѣховъ и видѣхомъ прѣ нбною и бжтввною црквыю прѣславное прѣдверіе (προαύλιον), кгѡ же помѡсть (πάτος) златомъ чистомъ свѣтѣше, по нему же хоѡдахоу юноше красннкъ гѡко двѣконойскы ѿмоуще ѡбразъ и црквовъ оуготовлающе. Толика же мнѣше ми се бы широта кгѡ (εὖρος καὶ μῆκος), гѡко растоаннкъ трѣ тисоуше (49 об. ст. 2) стадї. Бѣше же и црквы крѡтоѡбразно ѿмоущи зѡникъ, прѣвелика зѣло, .д. врѣхы ѿмоущи (τετράτρουλος) (Шаф. светлешнн съдморницею ѡт прѣждѣ, три прѣтворы ѿмоущнн светлешнн: τετράρφηξ), вноутрѣ ѡлтаре .д. ре, по странамъ лицн (Шаф. .д. улнце по странамъ: ἐμβόλου τίσσαρας ἐν τοῖς πλαγίσις), зданкъ роукоу бжнкѡ зданно, въ азвестнѣ же мѣсто (Шаф. вара же место: ἀντὶ μὲν πηλῶν τιτανιαίου) злато прѣто ѡгнемъ ѿскоушенно (πυρεύριζον), въ каменїа же мѣсто тлѣнны чѣны каменї оустроенны блистающе паче слнца. Такова

же бѣ зданіа и оукрашеніа, ꙗко стоꙗщимъ вѣнъ ꙗко се скрозѣ
 ꙗкло дароваше зрѣти и соущимъ вноутрѣ цркви, вноутрѣнимъ
 же соущимъ такоже вѣншнаа видѣти. Помощь (Шаф. помости)
 же кѣ и вноутрѣнаа соуца ѡлтара, завѣсоу же и трапезѣ и про-
 чекъ кѣ кзикѣ члѣчѣ сказати можетъ? ꙗко дѣа стого исполнена
 бѣхоу вса, въ (л. 50 лѣц. ст.) стлѣпъ бѣ мѣсто мраморныхъ
 ѡблѣацц црквѣ поръжахоу».

Когда преджечеренные юпоши все уготовили, Господь объ-
 явился покоющимъ на престолахъ, рядомъ съ нимъ апостолы также
 на престолахъ, шесть по правую, шесть по лѣвую руку. По пове-
 лѣнію Господню ангелъ трубить, призывая избранниковъ, и они
 являются, какъ быстрокрылыя орлы и свѣтлыя горлицы, гово-
 рить греческій текстъ, дающій и ту еще подробность, что по
 мановенію Божию закрылось огненное море мученій, дабы вопли
 грѣшниковъ не тревожили слуха праведныхъ. Всѣ они собрались,
 принося Господу дары; (л. 50 лѣц. ст. 2): «ѡ многіе радости не
 можѣхоу възрѣжатисѣ, бѣже бѣ тоу радость и веселіе прѣно-
 соущно, и миръ бѣи слажѣши меда и любовь и желаніе несече-
 таннокъ бѣикъ. Нѣци же ѡ иѣихъ не могоуще оудрѣ(50 об. ст. 1)-
 жатисѣ ѡ прѣвеликнѣ радости, играюще (σχιρτέυτες) воспѣва-
 хоу благодарьственикъ пѣснѣи».

Самъ Господь совершаетъ «таинную слоѣбоу» (л. 50 об.
 ст. 1), херувимы и серафимы и апостолы сослужать ему; ангелы
 и святыя славословятъ, «оудивисе оубѣ ѡ сѣмъ ꙗбо в земліа» (50
 об. ст. 1; ερριξε); Господь причащаетъ всѣхъ отъ духовной манны
 божества своего, и «исплѣнише всѣ скрвѣнныкъ прѣмоуѣрости
 непостижнаго оученія соудбъ кѣго и ѡбѣишесе и прославишесе»
 (50 об. ст. 1).

По совершеніи жертвы Господь, а за нимъ святыя идутъ въ
 палаты, что были на востокѣ святого града Сиона; (л. 51 лѣц.
 ст. 1) «бѣше же тоу невѣстникъ (νυμφών) прѣдѣивѣи и чрьтогъ
 несечетаннѣ (Шаф. неизрѣченнѣ; παστάς ἀσύχητος), хероувимъ-
 скѣиимъ крильми и аггльскѣиимъ пѣснѣи прославленѣи; передъ нимъ
 трапезы, особо для каждаго сонма святыхъ, «и се Гѣ взиде ѡ

бѣтвѣныи и невъходимыи храмовъ (ἀπό τῶν θείων ἀδύτων αὐτοῦ) и прїиде възлещи на дѣховнѣмъ убѣдѣ съ други своиѣи» (51 лиц. ст. 2), гдѣ они ѣдятъ безсмертныя брашна, которыя не убываютъ, упиваются пїянствомъ нѣкимъ божественнымъ, и «измѣненїемъ дѣховнымъ измѣнѣхоусе» (51 об. ст. 1, ἀλλοίωσιν πνευματικῆν). Возставъ отъ трапезы, Господь идетъ со святыми и всѣми небесными силами на востокъ отъ града, въ рай, чтѣ насажденъ былъ въ Едемѣ и откуда изгнанъ былъ Адамъ; насладившись его лицезрѣнїемъ, всѣ возвращаются въ градъ, гдѣ святыя обращаются къ Господу съ молитвой: какъ въ суетномъ мїрѣ они воздвигали церкви и въ нихъ собирались величать силу и славу Господню, такъ пусть явятся и здѣсь церкви «и сѣла и покоища» (52 лиц. ст. 1: σκῆλαι καὶ καταπαύσεις). По мановенїю Божию (I. с. γίνεσθε ἅςτιν висотѣ стѣлѣ моихъ: πάντες οἱ μεταωρισμοὶ τῶν ἁγίων) вся земля и весь воздухъ вокругъ нея возгорѣлась отъ конца до конца «горѣнїемъ снѣговѣднїемъ» (52 лиц. ст. 2) и взялась на небеса, и на ней объявились «домове, полати, храмѣ и чрътозы, цркви и црквице» (λαστήρια, εὐκτήρια) и странна и дивна и страшна занїа прѣгражденнаа же дроугъ ѿ дроуга различно; и се въ нихъ въ вѣчныи ѡбїтѣлѣ стѣлѣхъ постѣлѣ и ѡдрове, ложики, кровати (Шаф. ложа, ѡдровѣ, полати), стѣлове, прѣстоли богатнаа и всеѣ страшнаа, и въ всеѣ тѣхъ ѡграды разоумнїи (κῆπι νοηταί) и винограды (ἀμπέλωνες), дворци и сѣнѣ и прїтворї (περίουλοι καὶ στοαί¹⁾ φρικταί) и дрѣвеса и садове бесмырѣтны. Все это Господь роздалъ, «по саноу и по дѣтоанию» (52 об. ст. 1) святымъ своимъ, у которыхъ явились какъ бы нѣкія «сѣла и проходїща» (I. с.; προάστια καὶ μεταβατήρια) передъ градомъ. Здѣсь они веселятся духовно; описанїе небесаго благовременїа (I. с. 52 об. ст. 1—2; греч. текста стр. 161) напоминаетъ сходное, внесенное греческимъ текстомъ (стр. 94—5; сл. выше стр. 202—3) въ описанїе мукъ. Иныя изъ святыхъ выходятъ изъ города къ своимъ «сѣламъ» по воздуху (52 об. ст. 2: на Іерѣ, Шаф. на воздухе; αἰθεροπόροι); другїе пѣше.

¹⁾ Такъ, вѣроятно, слѣдуетъ читать вм. στοαί. См. стр. 160 греч. текста.

коуть: ктѣ кстѣ соукутнѣ бабнотворць (εἰκαισμούθης) и слѣсѣтєлѣи?») (σπερμολόγος)¹⁾. Но пусть Григорій не смущается; возвѣсти все это (л. 55 об. ст. 1) «прѣстателемѣ вѣсьмъ в' прквахъ моихъ и прѣвагѣ степенѣи и срѣднего и конвѣчнаго» (л. с. пусть тшятся на спасеніе душъ и на возрастаніе церкви, не «на внагѣ лихоимства, срамннк прибѣткѣи и соукутннк вѣщн»: ἀλλ' εἰς ἑτέρας αἰσχροκερδεῖς καὶ ματαίας ἀσυχολήσεις ἑαυτοὺς ἐκδόσετε, πλατύνοντες τὰ φυλακτήρια καὶ μεγαλύνοντες τὰ κράσπεδα); «соушщмъ въ мльчаныи и въ всѣ манастирехъ игоуменовъ» (55 об. ст. 2), «прѣстателемъ моймъ црквнѣи свѣщенннчьскаго збѣра и мнншскаго чѣна» (56 лиц. ст. 2; сл. ib. об. ст. 2: блгооутрѣбнк ѿвръзенно и сѣзанію моимю: τὰ σπλάγγνα μου ἀνεωγμένα).

Въ греческомъ текстѣ Господь кончаетъ строгимъ обращеніемъ къ злону и блудному человѣческому роду, не соблюдающему воскреснаго дня, въ который онъ попрагъ смерть и адъ и и придетъ на страшный судъ. За этимъ обращеніемъ, котораго нѣтъ въ переводѣ, оба текста сходятся въ заключеніи рѣчи (л. 57 лиц. ст. 1): «сѣ азъ Гѣ въ вѣы живъ, сѣ ѿцемъ моимъ и сѣ стымъ Дѣомъ, и сыи вса рекохъ и сѣтвороу. Нбѣ и землн прѣйдеть, а словесе моѣи (ib. ст. 2) не прѣидоугъ. Амнъ, глѣю вамъ».

Когда Господь изрекъ это среди общаго славословія небесныхъ сонмовъ, Григорій поднялся съ мѣста, гдѣ лежалъ, и увидѣлъ Господа, входившаго въ тотъ великій градъ, врата котораго широко раскрылись. Самъ Григорій желаетъ проникнуть туда, но его вождь не дозволилъ того ему, еще отягченному тлѣнною плотью; и онъ принимается размышлять: какимъ церковнымъ представителемъ завѣщалъ ему Господь засвидѣтельствовать видѣнное имъ, когда мнръ уже «премѣнялся», ибо, говоритъ онъ, «ѣко ѿчѣи вѣстѣ, не ѣко снѣ (ὡς ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ) и при-

¹⁾ Не понять, кажется, греческій текстъ, въ слѣдующемъ, кромѣ того, испорченномъ мѣстѣ, л. 55 лиц. ст. 2: «тѣмъ же испитоватѣ хотѣ Гѣ и ре ѣмѣ; и поносити ѣко старць бговѣмѣннѣи: ὅθεν καὶ πολυπραγμονήσουσι τὰ ῥήματα τῶν λέξεων σου καὶ δικαύρουσι καὶ ὡς ὄθλους καὶ μύθους γρῶν ἡτήσονται.

видѣніи мнѣхъ снѣ видѣти, нѣ по истинѣ чистоую истинуоу бы^т
помишлн^т въ себѣ. (57 об. ст. 2).

Центромъ Григоріева Видѣнія является идея суда, согласно съ сомнѣніями автора о правотѣ іудейской вѣры: евреи осуждены, являются предпоследними въ лѣствицѣ грѣшниковъ. Она и не полна, и неорганична и не приведена въ соотвѣтствіе съ распределеніемъ грѣховъ въ эпизодѣ Василюва житія, отведенномъ Хожденію Феодоры по мытарствамъ¹⁾. Первыми покараны всѣ грѣшники отъ Адама до Моисеева закона; язычники, жившіе при законѣ и позже, не являются вовсе. Вторыми названы христіане, отвергшіеся Христа подѣ страхомъ гоненія, но и послѣдняя, самая страшная категорія осужденныхъ, представителемъ которой является Діоклетіанъ, также согрѣшила отступничествомъ; славянскій переводъ замѣнилъ здѣсь рубрику: гонители.—Слѣдуютъ безъ всякаго внутренняго, по видимому, порядка категорій общихъ грѣховъ: убійцы, прелюбодѣи, мужеложцы, волхвы, скотоложцы, самоубійцы, тати, лжесвидѣтели и клятвопреступники, гнѣвные и злопамятливые; тѣ, что предавались охотѣ и игрѣ въ мячъ, ипподрому и позорищамъ бѣсовскимъ.—За тѣмъ другая группа, внѣ связи съ предыдущей: священнослужители и черноризцы, за которыми тѣмъ менѣе ожидаешь встрѣтить категорію полуправедныхъ и некрещеныхъ дѣтей, что послѣднія ступени лѣстницы заняты еретиками, евреями и богоотметниками съ Діоклетіаномъ.

Наказаніе грѣшникамъ одно: вверженіе въ геенну; къ этому присоединяется иногда біеніе огненными палицами, наложеніе веригъ на выю. Нѣтъ даже того сравнительно-скуднаго разнообразія наказаній, къ которымъ пріучили насъ иконографическія изображенія страшнаго суда. На челѣ грѣшниковъ начертаны

¹⁾ Разысканія, вып. V, стр. 125—6. См. такое-же замѣчаніе у проф. Покровскаго, Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства (Труды VI археолог. съѣзда въ Одессѣ, т. III), стр. 373.

ихъ прегрѣшенія; они-же выражаются символически (см. греч. т. стр. 90: τίποι) въ нѣкоторыхъ признакахъ, являющихъ качество грѣха: у убійць лицо въ крови, у скотоложцевъ лица звѣрообразныя, обросшія волосами, одежда самоубійць исполнена терній (сл. Dant. Inf. XIII: самоубійцы обращены въ деревья, на нихъ в. б. *stecchi con toscò*), жесвидѣтели и клеветники несутъ въ рукахъ узду (намордники? *φορβιάς*?) либо другое орудіе пытки (*χοράχους* = *χόραχας*?); у гнѣвныхъ языки, что острые ножи, глаза горятъ огнемъ, и сами они готовы какъ-бы укусить другъ друга. Особенно описаніе черноризцевъ съ лѣнностью и небреженіемъ, сидящими на пхъ выяхъ, точно «гипіи», указываетъ на символическій характеръ подобныхъ изображеній ¹⁾, которыя могли дать наивному живописцу поводъ представить ихъ дѣйствительными муками. Эти графическія подробности и должны были по преимуществу поразить фантазію; другія болѣе тонкія, сложные эпитеты, сравненія грубѣли или сглаживались въ передачѣ. Самый сюжетъ видѣнія исключалъ большое развитіе реализма: изъ картины послѣднихъ дней выключены тѣ эпическія черты, которыя, привлекая своимъ созвучіемъ съ темами народной былевой пѣсни, заставили автора Муслилли пѣть о брани Антихриста съ Ильей: въ видѣніи ангелъ спускается съ посланіемъ Господа къ Сатанѣ, царство котораго кончилось, волочить его на край земли; въ концѣ временъ онъ и его воинство будутъ сожжены. Этимъ указаніемъ и ограничивается авторъ; онъ спѣшитъ къ изображенію суда, который описываетъ любовно, съ видимымъ интересомъ слѣдя, какъ спускаются и восходятъ ангелы, какъ сонмъ за сонмомъ выступаетъ на сцену и движутся свѣтлыя толпы отъ великаго града къ Эдему и отъ обновленной земли къ вратамъ неба. Это большой царскій выходъ византійскаго двора со всѣмъ его церемоналомъ, перенесенный въ церковный обиходъ и оттуда на небо, среди сіянья и славословія и рето-

---

¹⁾ Сл. сходное описаніе въ Слово Кирилла философа Словенскаго, Разысканія, вып. V, стр. 235.

рики. Спикатель житія, очевидно, прошелъ ея школу: его ангелы летаютъ, какъ молнія, какъ орлы и быстролетныя ястребы, святые, какъ свѣтлыя горлицы. Послѣднія сцены видѣнія расположены какъ-бы сознательно: Господь уже вознесся изъ града Сіона въ царство небесное — и снова спустился въ градъ; безъ этого не было-бы послѣдней картины: Господь и всѣ безплотныя силы почіуютъ въ славѣ, передъ ними лежитъ въ прахѣ грѣшный Григорій. Иные образы не лишены поэзіи: ангелы черпаютъ золотыми сосудами отъ нездѣшняго огня, росящаго свѣтомъ, и несутъ его ввысь на алтарь Господа. Рядомъ съ эпитетами реальнаго характера, другіе, лишены всякой образности: мысленные камни, разумныя вертограды. Они назначены выразить невыразимое и не достигаютъ цѣли: недостаетъ той поэтической неизреченности, сотканной изъ свѣта и звуковъ и волнующихся линій, которую мы зовемъ дантовскимъ Раемъ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ

къ V-му выпуску Разысканій.

Къ стр. 19 слѣд. (сл. стр. 107 слѣд. настоящаго выпуска). Къ *алтайскимъ преданіямъ о мірозданіи* сл. Ивановскаго, Къ вопросу о дуалистическихъ повѣріяхъ о мірозданіи (Этнографическое обозрѣніе кн. VIII стр. 250—2): 1) Человѣкъ и собака; 2) Пестрыя коровы (Господь создалъ животныхъ на пользу человѣка, дьяволъ захотѣлъ подражать ему и сотворилъ овецъ, козъ и рогатый скотъ, но все одноцвѣтныхъ; они обращаются въ пестрыхъ, когда Господь коснулся ихъ свѣжею вербою); 3) Сотвореніе людей (сходно съ сообщеннымъ у насъ выше, стр. 108—111 этого выпуска); 4) Происхожденіе валуновъ (Чертъ, желая помѣшати Богу населить землю людьми и животными, наслалъ каменный дождь, а камнямъ велѣлъ расти. Господь низвергнулъ его съ неба и остановилъ ростъ камней).

Къ стр. 52—3 (*болгарскія преданія о мірозданіи*) сл. Зоря 1889 № 3, 4: Набожны казки болгарски; Сборникъ за народни умотворенія кн. IV, 2 отд., стр. 129, § 2 (пчела въ легендѣ о мірозданіи).

Къ стр. 74—6 (*Algis, Artes, Zeste*). Къ *Zeste-Czešte* г. Veckenstedt вернулся еще разъ въ *Zeitschrift f. Volkskunde* II, стр. 10—11. Г. Карловичъ, подвергшій разрушительной критики литовскія штудіи г. Феккенштедта (*Mélusine* V, № 5: I. a Mytho-

logie lithuanienne et M. Veckenstedt, стр. 121 слѣд.; сл. стр. 125, 129—130, 135) сомнѣвается, чтобы имена Žeste и Artes дѣйствительно принадлежали народному вѣрованію жмудиновъ, а относительно Algis'a замѣчаетъ, что г. Феккенштедтъ, найдя имя этого божества у Ласицкаго, свободно орудовалъ имъ въ своихъ «мнѣяхъ», вставляя его всюду, гдѣ этотъ angelus deorum казался нужнымъ или подходящимъ. Моя оговорка (стр. 74) относительно г. Феккенштедта была, такимъ образомъ, не лишней, какъ не лишнимъ можетъ показаться вопросъ, въ самомъ-ли дѣлѣ литовскія легенды, сообщенныя г. Феккенштедту его учениками, были по большей части плодомъ ихъ измышлений (сл. Karłowicz I. с. стр. 143)? Нѣкоторыя подробности космогоническихъ сказокъ у г. Феккенштедта отвѣчаютъ таковымъ-же, извѣстнымъ намъ по другимъ народнымъ вариантамъ и незаподозрѣннымъ.

Къ стр. 77 прим. 1 Сл. Jarnik, Albanesische Märchen u. Schwänke въ Zs. f. Volkskunde II, стр. 264 слѣд. (Der Gerechte und der Ungerechte).

Къ стр. 78 слѣд. (*Дьяволъ—похититель: творецъ солнца*) Сл. E. S. (Stefanija Ulanowska), Symbolika wiosenna (W Krakowie 1884) стр. 5: Szatan, który zawsze się Panu Bogu sprzeciwiał i przez zazdrość chciał mu podrzeć, wroił sobie że i on potrawi zrobić taki sam świat pękny. Zakradłszy się więc, porwał Panu Bogu kowalek słońca, ale musiał zaraz wypuścić z ręki, bo mu palce popiekło, i wtedy z kowalka tej jaśności skradzionej utworzył się księżyc. — Сл. слѣдующее преданіе тарбагатайскихъ таргоутовъ, сообщенное А. Ивановскимъ: съ самаго начала Бурхун-бакчі, создатель земли, находится въ постоянной враждѣ съ дьяволомъ (шулма). Когда создана была Богомъ земля, но не было еще людей, дьяволъ хотѣлъ уничтожить ее. Для этого онъ сдѣлалъ три солнца и думалъ съечь ими землю, но Бурхун-бакчі покрылъ всю ее водою. Долго шулма боролся съ Бурхун-бакчі изъ-за первенства, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить ему. Тогда Бурхун-бакчі оставилъ одно только солнце, другіе же два низвергнулъ въ пропасть, которую и сдѣланъ жилищемъ дья-

воля. Дьяволъ и теперь не оставляетъ попытки сжечь землю; объ этомъ можно судить по тремъ солнцамъ, иногда появляющимся на небѣ (рѣчь идетъ, очевидно, о такъ называемыхъ ложныхъ солнцахъ). Сл. Этнограф. обзор. кн. VII, стр. 263.

Къ стр. 81—2 (сл. l. с. стр. 363, прим. къ стр. 28—9). Къ *малорусской* легендѣ присоединимъ и слѣдующую буквинскую: когда Господь сотворилъ міръ, создалъ громъ и молнію и вручилъ ихъ черту. Онъ такъ злоупотреблялъ ими, что Господь послалъ сильный морозъ, отъ котораго воды замерзли на 24 сажени. Подъ льдомъ и лежалъ чертъ. Господь посылаетъ св. Илью похитить у дьявола громъ и молнію; когда Илья уже летѣлъ къ небу съ своей добычей, чертъ проснулся, прокусилъ ледяную кору, схватилъ святого за ноги и сталъ тянуть его внизъ; при этомъ онъ такъ напрягъ свои силы, что его ноги вдавились въ землю, отчего произошли долины; а Илья унесъ на небо громъ и молнію. Сл. Am Urquell I № 1, стр. 16: Kaindl, Zwei ruthe-nische Mythen aus der Bukowina. Краусъ (l. с. № 5, стр. 92) указываетъ по этому поводу на сербско-болгарскую легенду, известную и у якутовъ: будто архангелъ похитилъ у черта землю, а чертъ, преслѣдуя его, оторвалъ у него, у входа въ небо, кусокъ мяса изъ подъ ступни, гдѣ теперь у насъ выемъ подъ пятой.

Къ стр. 93 слѣд. (сл. стр. 127 прим. настоящего выпуска: *Творчество Бога и дьявола*) Сл. Revue des Traditions populaires IV, № 6, стр. 361, §§ XXXII (laurier и houx) и XXXIII (человѣкъ и обезьяна).

Къ стр. 133 (*Святость милостыни*) Сл. А. И. Пономоревъ, Славяно-русскій прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи (СПБ. 1890) стр. 25 слѣд.; Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 360—1.

Къ стр. 136 слѣд. (*Заиробное мѣстопребываніе некрещенныхъ младенцевъ и младенцевъ язычниковъ*) «некрещеніи же и язычстїи (младенцы) ни въ црѣтвіе входятъ, ниже въ муку, грѣха бо не сотвориша». Порфирьевъ, l. с. стр. 370.

Къ стр. 141 (о возможномъ спасеніи добродѣтельныхъ язычниковъ) Сл. Fr. Sacchetti, Sermoni, XIV, ed. Gigli, стр. 44.

Къ стр. 143 (безразличныя въ Павловомъ Видѣніи) Сл. Шепелевичъ, Этюды о Данте I: Апокрифическое Видѣніе св. Павла (Харьковъ, 1891), стр. 81, прим. 1.

Къ стр. 154 прим. и стр. 370 (прим. къ стр. 154) сл. Zawiliński, Z powieści i pieśni góralski beskidowych (Biblioteka «Wisły», t. V), № IX, стр. 61 слѣд. (Сл. библиографическое указание на стр. 66); Archiv für slav. Philologie V, стр. 648 слѣд.; діалогъ Галатео, Eremita, у Gothein, Zur Culturenwickelung Süditaliens, стр. 462 слѣд.

Къ стр. 157 слѣд. (къ сказку о Пфримъ) Сл. грузинскую сказку о «Старикѣ и глыбѣ соли» въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа вып. X, отд. III, стр. 77 слѣд.: возвращаясь изъ города съ глыбой соли на плечахъ, бѣдный старикъ ропщетъ на судьбу. Когда онъ заснулъ на пути, ему во снѣ явился ангелъ, ввелъ его въ рай и говоритъ: Если такъ будешь жить, что никогда слова не скажешь, то оставлю тебя тутъ, а если скажешь хоть одно слово, то опять возьму отсюда.—Ходя и осматривая рай, старикъ видитъ человѣка, который хотѣлъ взвалить себѣ на спину цѣлую гору хвороста, связаннаго веревками, но не могъ; онъ уходилъ, принося еще хворосту и прибавлялъ къ своей ношѣ. Какъ только старикъ упрекнулъ его въ его неразуміи, такъ и проснулся. Предупреждалъ я тебя, что тебѣ не слѣдуетъ говорить ни слова, сказалъ, явившись къ нему, ангелъ, и снова повелъ его въ рай. На этотъ разъ онъ видитъ костеръ, на немъ котелъ съ мясомъ; котелъ былъ полонъ и наваръ шелъ черезъ край, а человѣкъ все еще прибавлялъ мяса; то-же онъ дѣлалъ и съ кувшиномъ, переполняя его виномъ. Снова вступился старикъ и снова проснулся. Третье его видѣніе такое: люди тянутъ огромный камень въ разныя стороны и не могутъ сдвинуть съ мѣста. Старикъ не утерпѣлъ, но лишь только сдѣлалъ замѣчаніе, какъ очулся на мѣстѣ, гдѣ легъ отдохнуть; тутъ-же валялась и глыба соли. Ангелъ объясняетъ

ему его видѣнія: человекъ, не въ мѣру взваливавшій себѣ на спину хвороста, былъ воръ; подѣ старость ему бы исправиться, а онъ на грѣхъ накладывалъ другой; ему восемьдесятъ лѣтъ такъ страдать. Человекъ, переполняющій котелъ и кувшинъ, былъ щедрымъ; ему въ награду за то полгода не уменьшится похлебка въ котлѣ и вино въ кувшинѣ. — Камень означаетъ Бога, тѣ, кто тянеть его, одни грузины, другіе русскіе, третьи татары; каждый старается взять его, каждый хвалитъ свою вѣру, а о томъ никто не подумаетъ, что Богъ одинъ для всѣхъ и что отдѣльно онъ никому не принадлежитъ.

Какъ видѣніе Перима, такъ и соответствующія въ грузинской сказкѣ, очевидно, не райскія: первое отличается даже чистилищнымъ характеромъ, послѣднее — чистая аллегорія, прекрасная параллель къ извѣстной легендѣ о трехъ кольцахъ у Боккаччо и въ Натанѣ Мудромъ Лессинга.

Къ стр. 159—160 прим. 1, и стр. 160—1 прим. 2 (*Къ видѣнію св. Арсенія*) Сл. Paul Meyer, *Les contes moralisés de Nicole Bozon* § 83 и прим. на стр. 262—3.

Къ стр. 173 слѣд. (*Судьба-доля*) Сл. выше, стр. 167 слѣд. и Graf, *La fatalità nella credenza del Medio evo*, въ *Nuova Antologia* 1890, 16 іюля, стр. 201 слѣд.

Къ стр. 164—5 (*къ сказкамъ о чудесныхъ встрѣчахъ*). Сл. *Zeitschrift für Volkskunde* I: Richter, *Lithauische Märchen*, стр. 355 слѣд. (*Die beiden feindlichen Apfelbäume und die fetten und mageren Schafe*).

Къ стр. 200 прим. 3. Сл. Wisła II стр. 762 слѣд.: *Bystron, Polskie podania ludowe spokrewnione ze średnowieczną legendą o świętym Gregorzu*, и тамъ же стр. 766 (Karłowicz); Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа IX, отд. 1: *Топіевъ, Сказки, собр. въ селеніи Баянъ Елисаветпольскаго уѣзда (армянскія)* № 1: *Рѣчной бродяга*, стр. 184 слѣд.; Р. Meyer, l. c., § 26 и прим. на стр. 264—6. Особую редакцію повѣсти о кровосмѣстелѣ представляетъ одна рукоп. XVIII в. пзъ собранія проф. Н. С. Тихонравова. Сл. Тихонравова. Пять

были въ по рукоп. XVIII в., стр. 22 оттиска изъ Этнограф. Обзоръ, кн. VIII.

Къ стр. 233—4 (сл. выше стр. 167—8) Понятіемъ *καχοπόδαρος* слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить кличку Флокара въ романѣ о Florimont (сл. о немъ въ моемъ изслѣдованіи: Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 494 слѣд.; Psichari, Le roman de Florimont въ *Études romanes dédiées à G. Paris*, стр. 507 слѣд.). Флокаръ говоритъ:

g'irai a pie
Et si irai mlt pourement.
.....
Casopédie me nommez,
Casopédie ens el griiois
Est mauvais garçons en francois.

Варьянтъ *casopodie* вм. *casopédie* встрѣчается лишь въ прозаическомъ пересказѣ романа (ркп. У., сл. Psichari, стр. 521), и его нелегко вмѣнить его основному тексту, ибо авторъ перевелъ *casopédie* = *mauvais garçon*. Тѣмъ не менѣе я считаю вѣроятнымъ, что въ его оригиналѣ стояло *καχοπόδι* въ смыслѣ *καχοπόδαρος*: Флокаръ говоритъ о себѣ какъ о бездольномъ, несчастномъ; самъ г. Психари понимаетъ *casopédie*, какъ *malheureux*. Такому бездольному прилично идти *лыжкомъ*. Какъ-бы ни понять *casopédie* ркп. У., опяской или нѣтъ, она бросаетъ свѣтъ на греческіе источники романа о Флоримонтѣ.

Къ стр. 249 прим. 2. Сл. *Méluşine* III, стр. 257; IV, стр. 428—429; P. Meyer, I. с. стр. 249 слѣд.

Къ стр. 265 (*проводы русалокъ въ Рязанской губерніи*). Сл. Рязанскія епархіальныя вѣдомости 1889 г., № 10.

Къ стр. 291—2. Одно мѣсто изъ слова св. Григорія *εἰς τὰ ἄγρια φῶτα*, приведенное нами въ параллель къ славянскимъ текстамъ, встрѣчается въ другомъ переводѣ и съ интереснымъ комментариемъ, заимствованнымъ изъ Троянскихъ Дѣяній. Сл. Григорія Теолога словеса избранная яже суть толковая (сборн.

XV в. б—ки Тр. Серг. Лавры № 122; сборн. XV в. Солов. б—ки Каз. Дух. Ак. № 807 у Архангельскаго, Творенія отцевъ церкви и т. д. I—II, стр. 153): Вопросъ: «Ни таверскаа чюжегоубленіа лаконкскихъ брань дѣющихъ. требищная кровь просачаемаа ранами. ти се точию злѣ кропащимса. имъ^ъ чететься бгыни. сви же двѣ. ти бо и малакию почтоша и боуестъ почтоша.—То^ѣ. Еллиномъ оустремившимъса на Трoадоу и съвокупльшимса, повѣтріа не бы^ѣ имъ Артемидоу, зане Аполмо^ѣ оустрѣливъ елень на ловѣхъ. похвалися рѣ: ни сама тако Артемидѣ бы оустрѣлила. бѣзвѣтрію же обдержашоу вольхвовахоу прошающе вины (вины?). развѣ дщерию Ахамновоу оугодити Артемидѣ. Гамномъ же приведе дщерь свою на заколеніе Анонгению Артемидѣ. Артемидѣ же Анонгению въскытившоу.—Таврій же назадъ азыкъ ѣ^ѣ иже и Скиѣны. в нихъ же и капище Артемидино. дають же за двѣю олень на заколеніе. Лаконе же чтоуть Артемидоу праздноующе ей. краючеся с ножи до крови. исполняютъ капища кровию. мужества оуказъ створающе. да на бранехъ злѣ не радать о азвахъ. се же едино злѣ имоуть, тако всоуе друѣ друуга и ако на рати рѣжють. и тако слоужать бгомъ. чѣвколюбецъ же сый бгъ не радуется о крови. аще лоучитя двѣамъ послоужити Артемидѣ назы, и не закрывающе срамныхъ оудовъ. ти бо и малакию почтоша и боуестъ почтоша».

Къ стр. 293. *Бомарскія поученія*, напечатанныя г. Качановскимъ по рукоп. XVIII вѣка, находятся и въ сборникѣ словъ и поученій на новоболгарскомъ языкѣ, XVII вѣка, изъ собранія проф. Григоровича. Сл. Мочульскій, Описание рукописей В. И. Григоровича (Одесса 1890), стр. 60 слѣд. (№ 38, л. 296 слѣд). Въ началѣ сборника за оглавленіемъ помѣщена слѣдующая записъ: «сію книжицу приведе іосіѣѣ іеромонахъ рійскы собщи духѣвникъ брадѣти, приведе ю ѿ гръческы книгъ на блггарьскы просты ізыкъ». Переписчикъ первой части рукописи былъ монахъ рыльскаго монастыря Никифоръ 1757 г. (сл. Мочульскій, стр. 51); съ л. 180 идетъ вторая часть, писанная другою рукою (л. с.

стр. 54); съ 279 л. г. Мочульскій выдѣляетъ третью часть, «оригинальную»; писана-ли она второй рукою — мы изъ описанія не узнаемъ; обличеніями противъ народныхъ суевѣрій и празденствъ л. 291 слѣд. (стр. 59—60) пользовался, очевидно, по той же рукописи, Ѳ. И. Буслаевъ (Очерки I, стр. 117—118); на л. 296 слѣд. идутъ указанные выше слова на самовилъ, магесницъ и т. д. Г. Мочульскій имѣлъ, вѣроятно, въ виду эти оригинальныя слова; между тѣмъ на 328-мъ, послѣднемъ, листѣ сборника значится: «азъ иѡсифъ брадатѣи пѣсникъ изведохъ ꙗ грѣческѣи ѣзыкѣ на словенскѣи же пѣсмо ради женски и бѣбинѣи врагощинѣи, ради самовилѣи и брѣнѣицы на прочтаніе на пользу женамъ», въ лѣто отъ Р. Х. 1756; переписчикомъ названъ Григорій, сынъ попъ Иліовичъ изъ Свищова 1789 года (см. стр. 62).

Къ стр. 305 слѣд. *Hellequin* французскаго преданія о Дикой охотѣ я попытался объяснить (стр. 316) въ связи съ повѣрьями объ Иродѣ и Иродіадѣ¹⁾, какъ уменьшительное отъ *Negodes*: *Nerdekin*. Существеннымъ въ моемъ объясненіи и считаю отношеніе образа къ легендѣ и ея дѣятелямъ; отправляясь отъ варианта имени: *Hennequin* (*Chasse Hennequin* въ Нормандіи, *Marie Hennequin* въ Вогезахъ; *Anichino* вм. *Argleschino*)—нѣм. уменьшительнаго отъ *Johannes*—я могъ бы предложить, не отходя отъ моей постановки вопроса, и другое объясненіе, уже предусмотрѣнное мною (л. с. стр. 310): преслѣдователемъ Иродіады въ Дикой охотѣ былъ бы Іоаннъ, *Hans Jagenteufel*, *Hans* нѣмецкаго повѣрья = *Hennequin*²⁾.

Указаніями на варианты *Hennequin*, *Anichino* я обязанъ не-

¹⁾ Къ повѣрьямъ объ Иродѣ см. *Rev. des traditions populaires* V, № 7, Ferrand, Traditions et superstitions du Dauphiné, p. 416: его появленіе приурочивалось къ святкамъ и Богоявленію; поэтому дѣтей пугаютъ: *Mes enfants, ne sortez pas pendant ce temps (ночью), le roi Hérode vous prendra. — Le roi Hérode est dans les chemins avec ses chaînes et ses grelots, il vous fera peur.*

²⁾ По народному повѣрью сізнецъ св. Іоаннъ самъ ходитъ въ ночь на 24 Іюня, всюду расточая свое благословеніе. *Sl. Pitře, Archivio*, IX, стр. 334, 336, 339.

давно вышедшему изслѣдованію Raynaud¹⁾, радикально противорѣчащему всѣмъ до сихъ поръ даннымъ объясненіемъ имени Hellequin (58—9). Его толкованіе иное: Hellequin, въ основѣ, историческое лице; къ легендѣ о немъ примкнуло анонимное суевѣріе о Дикой охотѣ, занесенное во Францію норманнами (63) Hennequin явился Дикомъ охотникомъ.

Точкой отправленія для Raynaud послужило (стр. 59, 64) указаніе одной небольшой поэмы XIII вѣка: о взятіи Нѣвилля фламандцами; поэтъ, обращаясь къ слушателямъ, говоритъ, что будетъ пѣть именно объ этомъ, ибо они довольно наслышались о Gerbert и Gerin, о Гильомѣ Оранскомъ, о *графѣ Булонскомъ* и *графѣ Нойллекуинъ*. Hellequin или Hennequin, племянникъ Бодуэна, графа Фландріи, женился на старшей дочери Helgaud I, графа Понтѣ и Булони; этотъ бракъ, принесшій Hennequin, въ приданное за женой, земли, зависѣвшія отъ фландрскаго графа, былъ причиною распри между дядей и племянникомъ. По смерти Helgaud въ 871 году Hennequin становится, по женѣ, графомъ булонскимъ и вскорѣ за тѣмъ обязанъ признать ленную зависимость отъ дяди по области Меркь. Подъ 882 годомъ разсказывается о набѣгѣ норманновъ (Sarrazins), затѣмъ взятіи ими Булони и пораженіи Hennequin; вождями норманновъ являются полубаснословные, воспѣтые французскимъ эпосомъ Gormond и Isembart, пораженные при Сомюрѣ — уже въ 881 году. — Оставивъ въ обатствѣ Samer жену и дѣтей, Hennequin еще разъ обращается противъ норманновъ, но его армія уничтожена; смертельно раненый, онъ умираетъ, вернувшись въ аббатство, гдѣ кончаются вмѣстѣ съ нимъ его жена, старшій сынъ и конюшій.

Такова была о графѣ Hennequin; была, смѣшанною съ чудеснымъ, говоритъ Ренò (сл. стр. 59—61), хотя ничего чудеснаго мы пока не видимъ.

¹⁾ *Études romanes dédiées à G. Paris le 29 Décembre 1890 par ses élèves français* (Paris 1890): Raynaud: La Mesnie Hellequin, стр. 52, 59 (и прим. 6), 67.

Съ IX вѣка по XI ничего не слышно о Hernequin. Съ XI-го начинаются свидѣтельства (стр. 53 слѣд., 57—8)¹⁾: Ордерикъ Виталий называетъ militia Herlechini грѣшныя души, увлекаемыя дьяволомъ въ наказаніе за свои проступки; въ XII вѣкѣ Pierre de Blois говоритъ, какъ о militia Herlewini, о людяхъ, слишкомъ отдающихся мірскому и заслуживающихъ попасть по смерти въ адскую гонку; Gautier Mar упоминаетъ о phalanges postivagae quas Herlethingi dicebant. — Съ XIII вѣка упоминанія становятся чаще: Guillaume de Paris сближаетъ mesnie Hellequin съ испанскимъ exercitus antiquus; одна цитата изъ Геллинанда у Винценція изъ Бовэ объясняетъ Hellequinus искаженіемъ изъ Karlekinus, говоря, что Karlekinus или Carolus Quintus обязанъ былъ выдержать продолжительное покаяніе за свои грѣхи. И въ XIV вѣкѣ повторяется это толкованіе Hellequin — Quint Charles, осужденнаго являться на поле сраженія, гдѣ онъ былъ убитъ; въ XV вѣкѣ онъ совпадаетъ съ историческимъ королемъ Франціи, Карломъ V. До XV вѣка Quint Charles, очевидно, неудачная этимологія Hellequin, Herlequin, навѣянная, быть можетъ, представленіемъ о Карлѣ Великомъ, какъ покоящимся и возвращающемся императорѣ²⁾; и въ XV вѣкѣ о Karlequin = Карлѣ V рассказывали, что онъ кается въ сообществѣ другихъ рыцарей и въ искупленіе грѣховъ снаряжается въ походъ — на *сарацинъ*.

Во всѣхъ указанныхъ выше упоминаніяхъ ни слова не говорится — о *графѣ* Hernequin. Исключеніе составляетъ приведенное свидѣтельство о существованіи поэмы о булонскомъ графѣ Noillequin; но кто поручится намъ, что эта поэма была именно такого содержанія, какая предполагается представленіемъ о

---

¹⁾ Въ числѣ свидѣтельствъ о Hellequin приводится и стихъ изъ Chronique rimée de Godefroy de Bouillon: Et li rois de Taifura, o lay si Halegrin. Мнѣ знакомъ былъ комментарий Gachet, но я не увѣренъ въ уравненіи Halegrin = Hellequin.

²⁾ См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, II, стр. 121 прим. 4.

mesnie Hellequin, а не стояла ближе къ исторіи? Raynaud предполагает первое и усматриваетъ отраженіе французской поэмы XIII вѣка въ томъ французскомъ-же прозаическомъ ея пересказѣ, либо англійской ея передѣлкѣ, которой пользовался Вальтеръ Скоттъ: графъ Hellequin, потерявъ все свое достояніе на службѣ императора, не былъ вознагражденъ за свое усердіе. Презираемый императоромъ, подверженный нападеніямъ вассаловъ, онъ, его сыновья и конюшіе стали съ отчаянія разбойниками... Долгое время онъ побѣждалъ имперскія войска, пока не погибъ съ всѣми своими людьми въ кровавой битвѣ. Въ наказаніе за свои проступки они осуждены блуждать до суднаго дня, не оставляя своихъ воинственныхъ нравовъ и древней распри.

Остановимся на предположеніи Renò, что этотъ рассказъ о графѣ Hellequin сохранилъ намъ содержаніе поэмы о булонскомъ графѣ Hoillequin. Какъ представить себѣ развитіе последней изъ знакомой намъ исторической были о графѣ Негнеquin? Повидимому, было ничуть не приготовляеть поэмы, и нуженъ рядъ ухищреній со стороны изслѣдователя, чтобы извлечь изъ первой мотивы второй (стр. 62—3). Не только ухищреній, но и предположеній: вѣроятно напр., что въ теченіи своей распри съ графомъ фландрскимъ Негнеquin опустошалъ его владѣнія, можетъ быть, предавался грабежу; вѣроятно, его появленія тамъ ожидали съ трепетомъ, и внезапная смерть его самого, жены и сына представилась небесной карой за его преступленія. Труверъ XI вѣка (стр. 63) отправился отъ этихъ данныхъ: вмѣсто фландрскаго графа явился императоръ, наказаніе усилено — подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь урагана, современнаго пораженію христіанъ (норманнами) и — стараго анонимаго суевѣрія о Дикой охотѣ, принесеннаго норманнами. Въ норманское, языческое повѣрье христіане внесли, стало быть, протагонистомъ графа Негнеquin сражавшагося въ ихъ защиту противъ норманновъ, чтò достоверно, предполагаемаго грабителя, чтò надо было конструировать, ибо это единственная нить, связывающая имя историческаго графа съ покараннымъ графомъ легенды. Ея была

анонимность — такое-же предположение — и въ тѣхъ-же дѣляхъ, хотя ничто не мѣшаетъ представить себѣ, что имя *Hellequin*, какъ болѣе популярное, могло вытѣснить изъ легенды другое, пришлое, созвучное или нѣтъ.

Разборъ гипотезы Ренò достаточно выяснилъ мои отношенія къ ней. У насъ на лицо легенды о Дикой охотѣ съ ихъ типической схемой — въ основѣ естественный метеорологическій мифъ, широко распространенный: въ сонмѣ Діаны — Гекаты также находятся души умершихъ, какъ въ окруженіи Дикаго охотника нѣмецкихъ повѣрій, какъ *маруты* = *mortui* въ сопровожденіи Рудры; къ идеѣ усопшихъ (духовъ = вѣтровъ) присоединилась идея покаяннаго блужданія и гоненія; такъ втянулся въ легенду образы Ирода, Иродіады — и Иоанна; другія историческія лица могли появляться въ ней по согласію соотвѣтствующихъ типовъ или именъ. Съ широкой базы такой легенды надо было начать анализъ, а далѣе указать поводы проникновенія въ нее того или другого предполагаемаго историческаго образа, напр. *Hellequin*'а; не наоборотъ. Былъ о *Hellequin*'ѣ, по моему мнѣнію, такихъ поводовъ не представляетъ; *je ne connais pas de tradition à son égard*, давно замѣтилъ *Liebrecht* (*Gervasius von Tilbury, Otia Imperialia*, p. 139 прим. 76). Остается предположить, что вошелъ онъ въ легенду уже не анонимную, притянутый какимъ-нибудь созвучіемъ.

Въ заключеніе еще одно замѣчаніе: авторъ не только представляетъ себѣ неизвѣстную намъ поэму XIII вѣка уже насыщенной содержаніемъ легенды о *militia Hellequini*, но и выражаетъ, какъ мы видѣли, мнѣніе, что оригиналъ ея могъ быть составленъ въ XI вѣкѣ; предѣлъ, очевидно, указанный Ордерикомъ. Составленная на сѣверѣ, эта поэма перешла въ Нормандію, за тѣмъ въ Англій (стр. 63): за послѣднее свидѣтельствуется текстъ, которымъ пользовался Вальтеръ Скоттъ; Нормандія является естественнымъ передаточнымъ пунктомъ, пбо показанія Ордерика и *Gautier Mar* самъ по себѣ не говорятъ за перенесеніе — поэмы. Ордерикъ замѣчаетъ только по поводу видѣнной

Gauchelin'омъ Дикой охоты, что это sine dubio familia Herlechini, которую многие видѣли, а Gautier Мар выражается о phalanges postivagae. . . Herlethingi, что ихъ знаютъ въ Бретани, а въ Англии и Валисѣ они перестали показываться съ 1155 года.

Рендъ предполагаетъ, что выраженіе Mesnie Hellequin распространилось съ распространеніемъ поэмы; такого рода вліяніе литературнаго памятника на народное повѣрье возможно, при условіи широкой извѣстности перваго. Ея то и не было: наша поэма, говоритъ Рендъ, кажется, не была очень популярной, ибо о ней нѣтъ никакихъ упоминаній, кромѣ единственнаго, вызвавшаго соображенія Рендъ.

Къ VI-му выпуску Разысканій.

Къ стр. 1 слѣд. Мой разборъ книги Elard Hugo Meyer'a, отпечатанный годъ тому назадъ, запоздалъ выходомъ по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, почему и не могли быть приняты во вниманіе слѣдующіе отчеты о томъ-же трудѣ: Schönbach'a (Wiener Zeitung 1890 № 51), Heinzel'я (Anzeiger für deutsches Altertum u. deutsche Literatur XVI, 4 Sept. 1890, p. 341 слѣд.), Mogk'a (Literarisches Centralblatt 1890, № 20) и Detter'a (Arkiv för nordisk filologi, sjunde Bandet, Ny Följd, tredje Bandet, Häftet I, стр. 89 и слѣд.). Отмѣчаю это, чтобы оставить за собою, какъ почишь, такъ и отвѣтственность за выраженные мною взгляды. Отзывъ Noreen'a (Noreen, Ett nytt uppslag i fråga om den nordiska mythologien въ Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industri, 1890, 4. 3, стр. 201—212) остался мнѣ неизвѣстнымъ.—Мноѣ о войнѣ Вановъ съ Азами и о Гульвейгѣ (сл. стр. 32 слѣд.) вызвалъ небольшое изслѣдованіе Weinhold'a (Ueber den Mythus vom Wanenkrieg, въ Sitzungsberichte der kön. preuss. Akademie Berlin XXIX—XXX, 1890 г.,

стр. 611 слѣд.), результаты котораго представляются мнѣ сомнительными вслѣдствіе смѣшенія историческаго и мифологическаго критеріевъ. Съ одной стороны война Азовъ съ Ванамъ представляется отраженіемъ дѣйствительной борьбы двухъ культовъ, вторгшихся съ юга въ скандинавскія земли, отданныя религіи Тора: культа Вановъ и единческаго. Гульвейга—это Фрея; ея культъ въ Швеціи отличался чувственнымъ характеромъ (Гульвейга творить чары, она — утѣха злыхъ женъ) и вызвалъ протестъ болѣе строгихъ поклонниковъ Одина. За этой нравственной (сл. стр. 621) противоположностью двухъ религій и двухъ божественныхъ родовъ Вейнгольдъ предполагаетъ другую, стихійную: съ этой точки зрѣнія Ваны—свѣтлые, солнечные боги, Одинъ является въ качествѣ «олимпійскаго и хеоническаго Зевса (стр. 622); онъ ночной, дикій охотникъ — и мнѣ о Гульвейгѣ, поражаемой копьями, не что иное, какъ сѣверная формулировка мнѣа о Дикой охотѣ (стр. 625) Коимъ такъ, то такой стихійный мнѣа долженъ былъ существовать и до вторженія захожныхъ религій Азовъ и Вановъ и лишь примкнулъ къ ихъ «нравственной» противоположности. Впрочемъ и стихійное толкованіе мнѣа о Гульвейгѣ не представляется мнѣ вѣроятнымъ.

Къ стр. 22. Что представленіе статьи «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ» встрѣчается впервые у Плутарха, на это указалъ недавно Gaidoz, *Échos de la littérature antique au moyen âge*, *Mélusine* V, № 5, стр. 107.

Къ стр. 28. *Urg* и перевелъ, какъ совершенное бытіе, прошлое. *Mogk* (*Grundriss d. germ. Philologie* I Band, стр. 1023, 1024) считаетъ названіе трехъ нормъ въ указанный (по его мнѣнію, штерпопрованый) строфѣ *Vqlusrá*—позднимъ псландскимъ изобрѣтеніемъ. Древней является лишь одна: *Urg* = *althochd. wurt:fatum, eventus, fortuna*; *Hel. wurd*: смерть, смертная доля, *англос. wurd*: судьба, доля, можетъ быть, отъ *индогерм. корня wert*: вертѣть, вращать.

Къ стр. 29 слѣд. (сл. выпускъ V стр. 357). Къ происхожденію людей изъ деревьевъ г. Потанинъ сообщилъ мнѣ нѣ-

сколько новыхъ свѣденій. Предокъ Олютовъ былъ мальчикъ Цорось или Чорось, найденный подъ деревомъ; дерево питало его своимъ сокомъ; по другимъ варьянтамъ сокъ текъ черезъ кривой сукъ, цорго; по третьему — Цорось происходитъ отъ цоро—дуло (Позднѣевъ, Образцы народн. лит. монг. плем. стр. 135; Потанинъ Очерки IV, 326; Pallas, Samml. I, 32). Чингисъ — тоже мальчикъ, найденный совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, т. е. подъ деревомъ, сокомъ котораго онъ питался. По одному сказанію Чингисъ — изобрѣтатель винокуреннаго снаряда, т. е. онъ выдумалъ бурхенъ, шлемъ на котель, и цорго — трубу; вино — ѣда Чингиса, говорить гимны; первоначально разумѣлось, вѣроятно, вино — древесный сокъ, текшій черезъ цорго — сукъ. Сл. выше (стр. 30) нами толкованіе миеа о рожденіи Геймдалла. — Замѣтимъ, что и бурятскій Булагатъ — поклонное дитя, питавшееся тѣмъ, что сосало листья дерева.

Къ стр. 97 слѣд. (Хожденіе св. Брандана). Къ литературѣ легенды отиѣтимъ De Gocje, La légende de Saint Brandan. (Leide, Brill, 1890). По мнѣнію автора составитель Navigatio Sancti Brandani былъ на востокѣ около 1000-го года, видѣлъ въ Иерусалимѣ въ церкви гроба Господня чудесное возженіе огня въ навечеріе пасхи; зналъ сказку о странствованіяхъ Синдбада (написанную около 900 г.) и рассказъ о хожденіи трехъ братьевъ лассабонцевъ къ границамъ океана; о немъ говоритъ Эдризъ, но самое хожденіе совершенно было, вѣроятно, въ X-мъ вѣкѣ. (Сл. стр. 6 слѣд., 15, 16 слѣд., 25). Особенно гипотетично соображеніе автора о причинахъ усвоенія ирландской легендой мотивовъ изъ сказки о Синдбадѣ: въ Sindbad первая часть слова могла ощущаться какъ saint; это и могло дать поводъ какому-нибудь ирландскому матросу или монаху вспомнить о своемъ святомъ — Бранданѣ (сл. стр. 14). Ирландскій монахъ около 1000-го года едва-ли не исключаетъ память именно о формѣ — «saint».

Отиѣтимъ кстати небольшую параллель къ легендѣ о «новгородскомъ раѣ»: въ западномъ океанѣ много острововъ, которыхъ

нарицають блаженными, «глаголюми же и пѣсныи ради вины сицеви: нѣкій корабникъ (оузрѣвъ и) въсхотѣ пойти тамо како да ѣже тамо оузритъ. Корабиць малъ по въсоуду оустьсоуди и оутвѣдивъ отпλου въ страни они. Слыша пѣсныи поемы и оужасе се отъ пѣсней онѣхъ, *и нико помытешъ възсхититъ се отъ ныхъ, и отъ толгъ оубо остроуы именоваше блаженнѣныхъ и пѣснѣныхъ. Сего же Евсеѣа западна плоча нарекоше за кже сътворити сицево плаваніе въ западныхъ странахъ*» (Starine, кн. XVI, стр. 44—5: Novaković, Odlomci srednevjekovne kosmografije i geografije).

Къ стр. 112 прим. строка первая свѣрху: вм. 36—8 чт.: 363. Къ легендѣ у Аино и киргизской сл. еще монгольскую у Потанина, Очерки IV, 143—144.

Къ стр. 134. Къ литературѣ, вызванной «Бесѣдой», сл. теперь проф. Красносельцева, Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ Святителей (Одесса 1890). 'Сл. его общіе выводы на стр. 20—1 и въ Приложеніи 1-мъ: греческій текстъ Вопросовъ и отвѣтовъ по пергаменной рукоп. библиотеки Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря, XIV вѣка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Θεωρία Γρηγορίου

(f. 147 v.) Ἐν μιᾷ γούν τῶν ἡμερῶν ἡσυγάζοντός μου ἐν τῷ κελίῳ μου καὶ περὶ τῶν ἀθέσμως μοι πεπραγμένων κατὰ διάνοιαν φροντίζοντας, πῶς ἂν δυναίμην εὐκόλως ἀπαλλαγῆναι τῶν πολλῶν μου κακῶν ὡντερ ἐν γνώσει καὶ ἀγνοίᾳ πέπραχα ὁ ταλαίπωρος καὶ εὐρεῖν ἔλεος ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως, ἕτερος λογισμὸς λίαν αἰσχυρὸς καὶ πονηρὸς καὶ παμπόνηρος καὶ παντελῶς ἀχρεῖος καὶ μάταιος παρ' ἐλπίδα ἐνέσκηψε τῇ διανοίᾳ μου, κλονῶν καὶ συνταράττων σφόδρα τὸν νοῦν μου, ὑποτιθέμενος καὶ ἐμβιβάζων αὐτόν εἰς ἀλλοκότους καὶ βδελυράς ἐνθυμήσεις, ὡς ὅτι εὐσεβῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς ποιῶσι τὸν ποιητὴν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς εὐλαβούμενοι· ὁ γὰρ Ἀβραάμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ καὶ Μωϋσῆς τίμιοι καὶ εὐσεβεῖς ἐναντίον Κυρίου ἀνεφάνησαν σημεῖοις καὶ τέρασι παραδόξοις ἐκ Θεοῦ δοξασθέντες τοῦ μαστιζάντος δι' αὐτοὺς τὴν Αἴγυπτον ἐν δέκα χαλεπωτάταις πληγαῖς καὶ λαλήσαντος αὐτοῖς στόμα πρὸς στόμα· ὅς καὶ διὰ τῆς ῥάβδου Μωϋσεῖος τὴν Ἐρυθρὰν θάλασσαν ἔτεμεν εἰς διαρίσεις καὶ αὐτοὺς ὠδήγησεν ἀβρόχῳ ποδὶ καὶ διέσωσεν ἐπὶ λι-

(f. 148 r.) μένα θελήματος αὐτοῦ, καὶ τοὺς δῶκοντας αὐτοὺς κατεπόντισεν ἐν Ἐρυθρᾷ θαλάσῃ, τούτους δὲ ἐν ἐρήμῳ διέσωσεν δούς αὐτοῖς μάννα φαγεῖν τεσσαράκοντα ἔτη, πέτραν δὲ διαρρήξας ἐξήγαγεν αὐτοῖς ποταμοὺς ὑδάτων, γάλα τε καὶ μέλι καὶ ἔλαιον ἐκ στερεᾶς πέτρας, δούς αὐτοῖς καὶ τὸν νόμον ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ· ὅς καὶ τὴν δεκάλογον οἰκίῳ στόματι αὐτοῖς ἐξηγήσατο καὶ εἰσήγαγεν αὐτοὺς

εἰς τὴν γῆν τῆς ἐπαγγελίας καὶ τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν ἅπαντας ἐπάταξε καὶ εἰς τέλος ἀπώλεσε. Πῶς δὲ προφήτης οὐ τίμιος γεγεννημένος ἐκ τοῦ γένους αὐτῶν; καὶ γὰρ ὁ Σαμουὴλ βλέπων Κύριον ἐκαλεῖτο καὶ Δαβὶδ ὁ προφήτης καὶ θεοπάτωρ ἀνηγορεύθη, καὶ Ἡλίου ὁ προφήτης τίμιος καὶ ζηλωτὴς ὠνόμαστο, ὃς καὶ νεκρὸν ἤγειρε καὶ ἐν πυρίνῳ ἄρματι εἰς οὐρανοὺς ἀνελήφθη μετὰ σαρκός, ἧς τῶν δεσμῶν οὐκ ἀπίστη τὸ σύνολον ἐπι ζῶν· καὶ Ἐλισσαὶ διπλῆς κατηξιώθη χάριτος, ὃς τὰ Ἰορδάνια ῥέθρα τῆ μηλωτῆ Ἡλίου διέτεμε καὶ τῆς Σουμανίτι(φ. 148 ν.δὸς τὸν παῖδα θανόντα ἀνέστησε. Καὶ Σοφονίας, Ἄμμῶς καὶ Ἰεζεκιήλ, Ἡσαίας τε καὶ Δανιήλ σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις προφήταις ἄρα οὐ διὰ τῆς πίστεως ταύτης τῷ Θεῷ εὐηρέστησαν καὶ τῆς βασιλείας αὐτοῦ ἐπέτυχον; οὐς καὶ ἡμεῖς οἱ εἰς Χριστὸν πιστεύοντες σεβαζόμενοι τιμῶμεν καὶ τὸν τύπον τῆς μορφῆς αὐτῶν προσκυνούμεν; Πῶς κακὴ ἡ πίστις αὐτῶν καὶ ἡ ἡμετέρα καλή; Ἡ τούτων τε πίστις πάντως καλή, ἐπεὶ οὐκ εἰς εἰδῶλα οὗτοι πιστεύουσι, ἀλλ' εἰς Θεὸν τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν. Καὶ ἀπλῶς πάντα τὰ τῆς παλαιᾶς διαθήκης ἀναλογιζόμενος καὶ ἀπαριθμῶν· ἤμην γὰρ ταύτην πᾶσαν ἐξησκηκῶς καὶ διεβεβαιούμην ἐμαυτῷ ἐπ' ἀληθείας καλῶς ἔχειν τὸν ἐνογλοῦντά με λογισμὸν περὶ τῶν Ἰουδαίων. ταῦτά μου καὶ ἕτερα παραπλήσια τούτοις λογιζόμενου καὶ παραδεχομένου ὡς ἀπὸ τῶν παρ' αὐτοῖς τελεσθέντων τότε ξένων καὶ ἑξαισίων θαυμάτων καὶ τεραστίων, τί ἂν εἶπομι τίς γέγονα καὶ τί πέπονθα καὶ πόσῃ ὀχλησὶν ὑπέστην καὶ ταραχῆν(φ. 149 γ.)· οἴ' ὅλης τῆς νυκτὸς ἐκείνης ἐν τῇ καρδίᾳ μου ταῦτα διανοούμενος; Στήσας οὖν τὸν τοιοῦτον λογισμὸν ἐν ἑαυτῷ λέγω ὡς· ἐπ' ἀληθείας κατὰ ἄνοιαν εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν οἱ τῶν Ἰουδαίων πρόγονοι πεπαρνεμηκασί, καὶ εἰ οὗτοι ὑπεύθυνοί εἰσι διὰ τῆς θεοκτενίας καὶ μαιριονίας, ἀλλ' οἱ τούτων ἀπόγονοι τὴν παλαιὰν παράδοσιν κρατῶντες ἀνέυθυνοί εἰσι παρὰ τῷ Θεῷ· οἱ γὰρ τὰ τοῦ νόμου κρινοῦντες, οὐκ ἀστοχῆσουσι τῆς ἑαυτῶν σωτηρίας. Εἶτα πάλιν φημι πρὸς τὸν λογισμὸν· ὦ ἐπάρατε λογισμὲ καὶ πολύσχυλτε, ὦ καλίμβουλε διάνοια καὶ πολυόγλητε, τί ἔμοι καὶ σοὶ ἡ ὠφέλεια εἰάν ἀπὸ τῆς ἰδίας διακρίσεως τὰ λεγόμενα στοιχῆσωμεν ὅτι οὕτως ἔγρουσι καθὼς λογιζόμεθα; δεῦρο οὖν πρὸς τὸν πανάγιον πατέρα ἡμῶν ἀπέλθωμεν καὶ διδάσκαλον, εἰς ὃν καθαρῶς

οίδαμεν και πεπιστεύκαμεν εκ πολλῶν και μεγίστων θαυμάτων και τεραστίων ότι αναπαύεται τὸ πνεῦμα τοῦ Θεοῦ ἐπ' αὐτῶ, και ἀνακαλύψωμεν αὐτῶ τὰ περι τοῦ ζητουμένου τούτου πράγματος· και ὅπερ αὐτός περι τούτου (f. 149 v.) διακρίνει και ἀποφίνεται, τούτο και αὐτοὶ στοιχήσωμεν και κρατήσωμεν και αὐτῶ ἐπακολουθήσωμεν· πᾶς γὰρ ὁ μὴ ἐξαγορεύων ἐξομολογούμενος τοὺς λογισμοὺς αὐτοῦ τῶ πνευματικῶ αὐτοῦ πατρὶ, ἀλλὰ κρύπτων αὐτοὺς ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ και πᾶσαν αὐτοῦ ἁμαρτίαν και ἄδесμον πολιτείαν, (ἀλλ') ἐν ἑαυτῶ κατέχων, οὐ τοῦ Χριστοῦ ἐστιν οὐδὲ τῆς μερίδος αὐτοῦ, ἀλλὰ τῆς τοῦ Ἀντιχρίστου μερίδος ἐστίν· ὅφεις γὰρ ἀληθῶς και σκορπίους και γεννήματα ἐχιδνῶν ὀλεθροτόκα ὁ τοιοῦτος ἀνατρέφει ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ· και οὐαὶ αὐτῶ, ὅτι σωτήριος ἐλπίς αὐτῶ οὐκ ἐστιν, οὐδὲ κληρὸς ἐν τοῖς σωζομένοις, ὅτι τὴν ταπεινώσιν οὐκ ἐκτήσατο· ἀλλ' ἐβλετο συναπαθανεῖν ταῖς ἀσελγείαις και πονηραῖς ἐνθυμήσεσι και ἠδυπαθείαις αὐτοῦ. Τούτον τὸν λόγον πρὸς ἑμαυτὸν εἰρηκῶς και ὡς δῆθεν ἐν ἑμαυτῶ συμβουλευσάμενος, εὐθέως ἐξανέστην τοῦ πορευθῆναι πρὸς τὸν ἐσιώτατον και προορατικώτατον ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεωρητικώτατον πατέρα ἡμῶν Βασίλειον· ἐτυχε δὲ εἰς Ἀρκαδιανὰς τῆνικαῦτα ποιούμενος (f. 150 r.) τὴν κατοίκησιν και οὐκ εἰς τὰ Ἐλευθερίου· τῇ δὲ ἡμέρᾳ ἐκεῖνη ἐπετελεῖτο τὸ χυρσοῦν ἵπποδρόμιον λεγόμενον, ἐν ᾧ σχεδὸν πᾶσα ἡ πόλις ἦν ἠδρoισμένη, ἐγὼ δὲ ἐκ πολλῶν χρόνων τοῖς χυρσοῖς ἐπεσι και θεοφθόγγαις διδάγμασι τοῦ φωστῆρος τῆς οἰκουμένης και μεγάλου διδασκάλου τῆς ἐκκλησίας Ἰωάννου τοῦ Χυρσοστόμου πεισθεὶς, ἀπέκοψα τοῦ μὴ εἰσερχεσθαι ὅλως ἐν τῶ ἵπποδρομίῳ χάριν θεᾶς τῶν ἐκεῖσε τελομένων θεάτρων. Πορευόμενος οὖν πρὸς τὸν ὄσιον και τὴν ὄδον ἀπερχόμενος και πρὸς τὸν λεγόμενον Δίπνον φθάσας, εὐθέως, τὸ πόθεν λέγειν οὐκ ἔχω, ἔρως τις ἀνήσθη ὡπερ πῦρ φλέγων ἐν τῇ καρδίᾳ μου, ἐκβιάζων με τὴν ἵπποδρομίαν θεάσασθαι, ἐπειδὴ, λέγων ἐν ἑαυτῶ, τὴν πρώτην ὥραν τοῦδε τοῦ βαίτου ἐφθασας, οὐ γὰρ ἔξεις κρῖμα ἐν τούτῳ, ἐπεὶ οὐ διὰ τοῦτο παραγίγονας ὧδε, ἀλλ' ἐτυχες κατὰ ἀπόροδον, και δεῦρο θεάσαι τὸ πρῶτον βαίτου και ἴδε τίς νικᾷ, και τότε πορεύθητι τὴν πρὸς τὸν πατέρα σου ὁδόν. Και (f. 150 v.) ἅμα τὸ ταῦτα κατὰ διάνοιαν λογίσασθαι με, ἠρξάμην τῆς ὀσειπορίας εἰργεσθαι και τοὺς πόδας προκόπτειν και ἐφ' ὥραν

ικανὴν ἀκίνητος καὶ ἐξεστηκώς ὑπὸ τῆς κατὰ διάνοιαν πάλης τῶν λογισμῶν καθοραῶσαι. Τέλος οὖν ὁ τάλας μὴ ἰσχύσας ἐγκρατῆς γενέσθαι τοῦ τοιοῦτου πονηροῦ λογισμοῦ· σφόδρα γὰρ ἐπήρε πτέρναν κατ' ἐμοῦ καὶ οὐκ ἰσχυσα περιγενέσθαι αὐτοῦ καὶ ἀποδιῶξαι αὐτὸν ἀπ' ἐμοῦ· ἠττηθεὶς ἀνήλθον ὁ τάλας καὶ ἰδεασάμην τὴν πρῶτην ἱππηλασίαν καὶ ἄμιλλαν τῶν ἠνιόχων· τέλος δὲ ταύτης ἐσχηκίλας ὀξέως ὑποχωρήσας τοῦ θεάτρου, παρεγενόμενη πρὸς τὸν μακάριον· εὐρον δὲ αὐτὸν μόνον ἐν τῷ κελλίῳ ἐν ᾧ κατέμενον εἰς προσευχὴν ἰστάμενον· οἱ γὰρ τοῦ οἴκου πάντες σχεδὸν ἐν τῇ ἵπποδρομίᾳ ἀπήεσαν πλὴν ὀλίγων τινῶν καὶ τούτων δηλαδὴ τῶν εὐλαβεστέρων ἢ καὶ τῶν ἐν ὑπηρεσίαις τοῦ οἴκου ἀσχολουμένων. Στάς δὲ τοῦ κελλίου ἐξῶ· πέρας οὖν τε τῆς εὐχῆς τοῦ ἀγίου γέγονε· καὶ εἰσελθὼν προσέπιστα τοῖς τιμίαις αὐτοῦ ποσίν· αὐτὸς δὲ ἦ (f. 151 r.) ῥέμα πως τὸν αὐτοῦ ὀφθαλμὸν ὑπανοίξας μοι καὶ οἰοεὶ βασιλικὸν κατιδὼν καὶ ἀποτόμως μοι δριμυττόμενος ἔφη· Ἴδου καὶ ὁ τὰ Ἰουδαϊκὰ φθονῶν πρὸς ἡμᾶς παραγέγονεν, ἰδού ὁ πᾶσαν τὴν παλαιὰν ἐκμελετήσας γραφὴν καὶ ἐκ ταύτης καταμαθὼν, ὅτι καλῶς κρατοῦσι τὴν πίστιν οἱ ἐπάρατοι Ἰουδαῖοι, οἱ σκοτεινοὶ περὶ τὸ φῶς καὶ τῷ ὄντι υἱοὶ τοῦ διαβόλου καὶ τῆς μερίδος τοῦ Ἄντιχρίστου τυγχάνοντες κἀκεῖνόν τε περιμένοντες καὶ ὑπ' ἐκείνου κληρονομεῖσθαι αἰρετισάμενοι καὶ Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ ἡμῶν διὰ τοῦ ἀγίου βαπτίσματος προσελθεῖν μὴ ἀνεχόμενοι. Ἐλήλυθε πρὸς ἡμᾶς σήμερον ὁ καλὸς τῶν θείων γραφῶν σαφηνιστῆς καὶ τούτων ἐξηγητῆς καὶ ἐρμηνεὺς ἀκριφέστατος, ὁ τοὺς προφήτας ἐκδειάζων καὶ τὰ δι' αὐτῶν ἐνεργηθέντα θαύματα ἐκπληττόμενος καὶ καλῶς νῦν κρατεῖν καὶ πιστεύειν τοῖς Ἰουδαίοις διαβεβαούμενος, ὅτι τὸν Θεὸν τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς οὗτοι πιστεύοντες καὶ φυλάσσοντες τὰ παρ' αὐτοῦ δοθέντα τούτοις τοῖς νόμοις πῶς (f. 151 v.) οὐ καλῶς καὶ ὀρθῶς κρατοῦσι καὶ πιστεύουσι· καὶ εἰ οἱ πρόγονοι καὶ οἱ προκατόχοι τούτων οἱ εἰς τὴν κυριοκτονίαν καὶ μαιφονίαν ἐνεργήσαντες σωτηρίας οὐ τύχουσιν, ἀλλ' οὖν γε οὗτοι, ὡς ἀνεύθυνοι, ἐὰν τὸν νόμον καλῶς φυλάξωσιν, οὐκ ἔστοχῆσουσι τῆς ἐαυτῶν σωτηρίας. Ἦκεν ἄρα ἰδού ὁ τὰ οὐρα κακὰ κλαίειν ἀφείς καὶ τὴν τούτων τῶν θεοκτόνων συγχώρησιν ἐμπόνως καὶ μετὰ θερμῶν δακρύων ἐπαίητων· τῶν μηδὲν αὐτῷ προσηκόντων

ἀνοήτως καθήμενος και ἀδολεσχῶν, ἐδοκίμασε και ἐδίκασε και τούτοις τὴν νικῶσαν μοῖραν ἐπεβράβευσε και ὄντως καλῶς ἔχειν τὴν τῶν Ἰουδαίων πίστιν ἀπεφήνατο· οὐ μὴν ἀλλὰ και τῷ τῆς ἵπποδρομίας δαίμονι προβαλὼν και μετ' αὐτοῦ παλαίσας δίδωκε τούτων ὄτα, κατὰ κράτος οὖν ἤττηθείς παρ' αὐτοῦ και κοινωνήσας τῆς θεᾶς τῶν ὑπ' αὐτοῦ ἐπὶ βλάβει τῶν ἀνθρωπίνων ψυχῶν ἐξευρεθέντων ἐκπαλαι και ἔτι νῦν ἐνεργουμένων, παραγέγονεν ὄλως τῆς αὐτῆς ἀηδίας και αἰσχίστης (f. 152 r.) ἐπιθυμίας πεπληρωμένος ὡς πρὸς τὸ ἐρωτῆσαι ἡμᾶς και πεισθῆναι τοῖς παρ' ἡμῶν πρὸς αὐτὸν ῥηθεῖσι περὶ τῶν τοιούτων αὐτοῦ οὐκ ἀγαθῶν λογισμῶν. Ταῦτα τοῦ ὁσίου περὶ ἐμοῦ ἐν ἑαυτῷ λέγοντος, φημί καγὼ κατὰ διάνοιαν πρὸς ἑμαυτόν. Ὅντως ἐλεινὲ και ταλαίπωρε Γρηγόριε, ἤγγικεν ὥρα ἐν ἣ ἔχεις ἀκοῦσαι τὰ σά. Στραφεῖς δὲ πρὸς με ὁ ὁσιος πάλιν ἤρξατο λέγειν· Φεῦ τῆς συμφορᾶς και τῆς ὀλιγωρίας, ὅτι οὐκ ἤρκεσέ σε τὸ τοιοῦτον χαλεπὸν τῶν λογισμῶν σου δαιμόνιον και ἡ παραδοχὴ και ἡ συγκατάβασις, ἀλλὰ δὴ και ἡ συγκατάθεσις τῶν ἐναντίων ἐνθυμημάτων και πονηρῶν ἐννοιῶν, ἀλλ' ὅτι και μετὰ τοῦ δαιμονίου τοῦ προεστηκότος ἐπὶ τοῦ θεάτρου τῆς ἵπποδρομίας συμπλακείς ἐπερνίσθης και κατεβλήθης. Ἐγὼ δὲ και τοῦτο τὸ παράδοξον ῥῆμα ἀκούσας παρὰ τοῦ ἀψευδοῦς αὐτοῦ και ἀγίου στόματος και ἐνωπιθεῖς τὰ λεγόμενα ἀπαραλλάκτως οὕτως ἔχειν, κατεδεμάτισα ἑμαυτόν (f. 152 v.) και οἶον ἐδέσμευσα ἐκ θερμῆς και ζεούσης καρδίας εἰ ἀπὸ τῆς χώρας ἐκείνης εἰς τι τοιοῦτον πορευθήσομαι· μέχρι γὰρ ἐκείνης τῆς ὥρας οὐκ ἤδειν, ὅτι και τὸ ἐπάρατον θέατρον τῆς ἵπποδρομίας ἴδιον δαίμονα χιλίαρχον προϊστάμενον αὐτοῦ κέκμηται, φτῖνι και θεραπεύουσι φόρους παρέχοντες οἱ ἐν αὐτῷ ἀνερχόμενοι. Μετὰ γοῦν παρέλευσιν ὥρας ἰκανῆς ἔφη πρὸς με πάλιν ὁ ἄγιος· Πῶς λέγεις, ἀνθρώπε, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι ἀρτίως; Ἐμοῦ δὲ πρὸς τοῦτο μὴ τολμῶντος ὄλως ἀνταποκριθῆναι ἡ ἐρεῖν τι πρὸς αὐτὸν περὶ τῶν τοιούτων, εἰδὼς ὅτι πάντα τὰ κατὰ διάνοιάν μου διαβούλεια ἀκριβῶς ἐπίσταται και φανερῶς ταῦτα παριστᾷ ἐνώπιόν μου, ὥστερ ἐν οἰκῶν ὑπῆρχεν ἐν τῇ καρδίᾳ μου ἡ αὐτὸς ταῦτα διελογίζετο, τί ἐν [εἰ] πλέον εἶχον ἐγὼ εἰπεῖν αὐτῷ; Τοιαύτη γὰρ ἦν ἐν αὐτῷ ἡ ἐνέργεια τοῦ παναγίου Πνεύματος, ὥστε και τὰ ἐνθύμια τῆς καρδίας

ἐκάστου φανερώς προλέγειν καὶ ἐλέγγειν αὐτά· ὅθεν ταῦ(f. 153 γ.)τα, ὡς εἴρηται, ἀκούσας παρ' αὐτοῦ, ὅλος ὡσεὶ κωφὸς καὶ ἀναυδος γέγονα μὴ ἔχων τι αὐτῷ ἀπολογήσασθαι. ἠσυχάζοντος δὲ μου ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ μὴ τολμῶντος ὅλως εἰς αὐτὸν ἀτενίσαι, λέγει πρὸς με αὐτὸς ἠσυχῶ καὶ πραΐα φωνῇ· Ἄρα σὺκ ἤκουσας τί λέγει ὁ Κύριος ἐν τοῖς αὐτοῦ θείοις εὐαγγελίοις; οὐ φησὶν ὅτι ὁ μὴ τιμῶν τὸν Υἱόν, οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα τὸν πέμφσαντα αὐτόν; ὅρᾳς πῶς οὐδὲν ὠφελοῦνται οἱ εἰς τὸν Πατέρα δοκοῦντες πιστεύειν, τὸν δὲ Υἱόν παραχαράττοντες μὴ δεχόμενοι τοῦτον; Καὶ πρὸς αὐτοὺς πάλιν τί φησιν τοὺς Ἰουδαίους; Οὐτε ἐμὲ οἴδατε, οὐτε τὸν Πατέρα μου· ἐπεὶ οὖν ὃν ἐβλεπον οὐκ εἶδον καὶ τὸν διδάσκοντα ἐν ταῖς πλατείαις αὐτῶν θαύματα τε μυρία ὡς Θεὸν ἐργαζόμενον καὶ τούτοις αὐτοῖς συναναστρεφόμενον καὶ πρὸς σωτηρίαν αὐτοὺς πολυτρόπως προκαλούμενον σὺκ ἐγίνωσκον, τὸν Πατέρα ὃν οὐκ εἶδον καὶ ὃν οὐκ ἐθεάσαντο πῶς γινώσκουσι καὶ καλῶς πιστεύειν λέγουσιν, ὡς καὶ αὐτὸς πείθεσαι; Φεῦ (f. 153 ν.) τῆς ἀνοίας, φεῦ τῆς ἀλαζονίας, βαβαὶ τῆς ἀπονοίας. Ἐκεῖνοι ἐν καὶ μόνον εἰδῶλον οὐκ εἶασαν, ᾧ οὐκ ἐπέδυσαν καὶ ἐλάτρευσαν καὶ ᾧ προθύμως οὐκ ἐθεράπευσαν ἀπὸ τῶν ἡμερῶν Ἰεροβοάμ τοῦ οἰκέτου υἱοῦ Σολομῶντος, ὃς ἐβασίλευσεν ἐν Ἰσραὴλ καὶ ἐποίησε δύο θαμάλους χρυσαῖς καὶ ἐξεπόρνευσεν ὀπίσω αὐτῶν καὶ πᾶς ὁ Ἰσραὴλ λέγων πρὸς αὐτόν· οὗτοι οἱ θεοὶ σου, Ἰσραὴλ, οἱ ἀναβιβάσαντές σε ἐκ γῆς Αἰγύπτου· καὶ μέχρι Ἰωσίου βασιλέως Ἰουδαίας, ὃς πρὸς ὀλίγον ἐπιστρέφει πρὸς Κύριον τὸν Θεὸν αὐτοῦ. Καὶ καλῶς οὗτους λέγεις πιστεύειν; Ἄρα σὺκ ἤκουσας τοῦ Κυρίου πρὸς αὐτοὺς πάλιν λέγοντος, ὅτι Ἐγὼ ἦλθον ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Πατρός μου καὶ οὐ λαμβάνετε με, καὶ ἐὰν ἄλλος ἔλθῃ ἐν τῷ ἰδίῳ ὀνόματι, ἐκεῖνον λήψετε καὶ ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ ὑμῶν ἀποθανεῖσθε· ἀμὴν λέγω ὑμῖν· ἀπάρτι οὐ μὴ με ἴδητε ἐν ὀφθαλμοῖς ὑμῶν ἕως ἂν ᾤψεσθέ με ἐρχόμενον ἐπὶ τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ· καὶ τότε καὶ μὴ βουλόμενοι ἔρετε· εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου βασιλεὺς τοῦ Ἰσραὴλ. Καὶ ἀλλαχοῦ πάλιν φησὶν· (f. 154 γ.) Ὅρατε τὰς οἰκοδομὰς ταύτας τὰς μεγίστας καὶ λαμπράς; ἀμὴν λέγω ὑμῖν, οὐ μὴ μείνει λίθος ἐπὶ λίθου ὃς οὐ μὴ καταλυθῇ, καὶ μετ' ὀλίγα, ἰδοὺ ἀφίεται ὑμῖν ὁ οἶκος ὑμῶν ἔρημος. Βλέπετε πῶς ἐξεδίωξεν αὐτοὺς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἀπὲ προσώπου αὐτοῦ καὶ διεσχόρ-

πισεν αὐτούς εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης καὶ ἐβδελυγμένον πεποίηκε τὸ ὄνομα αὐτῶν ἐναντίον πάντων τῶν ἀνθρώπων καὶ πάντων τῶν ἔθνων τῶν ὑπὲρ τὸν οὐρανόν; Πᾶσα γὰρ ψυχὴ ἀνθρώπου καὶ πᾶν στόμα καὶ γλῶσσα, ὡς αὐτὸν τὸν διάβολον καὶ τοὺς ἐπαράτους ἀγγέλους αὐτοῦ, οὕτως μισεῖ καὶ βδελύσσεται καὶ ἀποστρέφεται αὐτούς. Εἰ οὖν πάντες οἱ ἄσφουεις αὐτῶν ἀνθρώποι οὕτω μισοῦσι καὶ βδελύσσονται αὐτούς, πῶς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ ἀγαπήσει αὐτούς, ὁ εἰπὼν διὰ στόματος τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ ὅτι· ἐὰν μὴ τις γεννηθῆ δι' ὕδατος καὶ Πνεύματος οὗ δύναται εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν; Καὶ πάλιν ὑπολαβὼν εἶπεν αὐτοῖς· Ἦξουσιν ἀπὸ ἀνατολῶν καὶ δυσμῶν καὶ βορρᾶ καὶ θαλάσσης καὶ ἀνακλι(f. 154 v.)θήσονται μετὰ Ἀβραάμ καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, οἱ δὲ υἱοὶ τῆς βασιλείας ἐκβληθήσονται εἰς τὸ πῦρ τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἔσται ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ πάλιν πρὸς αὐτούς ἔφη· Εἰ μὴ ἤλθοι καὶ ἐλάλησα αὐτοῖς, ἀμαρτίαν οὐκ εἶχον, νῦν δὲ πρόφασις οὐκ ἔχουσιν περὶ τῆς ἀμαρτίας αὐτῶν, ὅτι καὶ ἐωράκασι καὶ μεμυσήκασι καὶ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου. Βλέπεις, τέκνον Γρηγόριε, τί εἰρήκει ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν; Οὐκ ἤκουσας δὲ καὶ τὴν παραβολὴν τῆς συκῆς, πῶς αὐτὴν κατηράσατο; Ἐλθὼν γὰρ ἐπ' αὐτὴν καὶ μὴ εὐρῶν καρπὸν εἰ μὴ φύλλα μόνον, εἶπε πρὸς αὐτὴν· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς τὸν αἰῶνα. Ἄρα τι ὑπεμφαίνει ἡ συκὴ ἢ πάντως τὴν συναγωγὴν τῶν Ἰουδαίων; Ἐλθὼν γὰρ πρὸς αὐτούς ὁ Κύριος, εὗρεν αὐτούς τὸν μὲν νόμον Μωϋσέως κατέχοντας, τὰ παρ' αὐτοῦ δὲ νενομοθετημένα μὴ ποιοῦντας, καὶ διὰ τοῦτο κατηράσατο αὐτούς· μηκέτι, λέγων, ἀφ' ὑμῶν καρπὸς (f. 155 r.) ἔσται εἰς τὸν αἰῶνα, τῶν κρατούντων δηλοῦ[σ]τι] τὸν παλαιὸν νόμον, καὶ εὐθὺς ἐξηράνθη ἤτοι πέπαιται ὁ νόμος ὁ παλαιός· ἐμέλλε γὰρ ὁ Κύριος τὴν νέαν νομοθεσίαν τοῦ εὐαγγελίου παρεισάγειν, καὶ οὐκέτι λοιπὸν χρείαν εἶχε τοῦ νόμου Μωϋσέως· πρὸ γὰρ τῆς ἐπιδημίας καὶ ἐπιφανείας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καλὸς ὁ νόμος καὶ καλαὶ αἱ κατὰ νόμον θυσίαι καὶ καλὰ πάντα τὰ νόμιμα, Χριστοῦ δὲ παραγενομένου τοῦ τὸν νόμον δόντος Μωϋσῆ, πέπαιται ὁ νόμος· τοῦτον γὰρ προεικόνιζε καὶ προεσήμαινε καὶ παρεδῆλου ὁ νόμος, καὶ λοιπὸν τούτου φανέντος, ἐκεῖνος ἠφάνισται καὶ οὐκέτι τὰ ἐκεῖνου νόμιμα καὶ τὰ ἐπιτηδεύματα χρησιμεύουσιν,

ἀλλὰ τούτου μόνον τὰ προστάγματα καὶ τὰ ἐντάλματα καὶ ἡ νέα ἀληθινὴ παράδοσις τῆς καινῆς διαθήκης αἰεὶ αὔξει καὶ θάλλει, καὶ δι' αὐτῆς πᾶς πιστὸς ἐλπίζει σωθῆναι καὶ εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν εἰσελθεῖν εἰ τὰς ἐντολάς καὶ τὰ προστάγματα αὐτοῦ φυλάξει καὶ δουλεύσει ἀπαρσάλευτα. Διὰ τοῦ(f. 155 v.)το λέγω σοι, τέκνον Γρηγόριε, ὅτι εἰ ὅλην τὴν ἡμέραν κατατέμνεται ὁ Ἰουδαῖος ἐν ἀκριβείᾳ ἀπάσῃ ἐπιτελῶν τὰ νόμιμα, οὐκ ἐπιβλέπει εἰς αὐτὸν ὁ Θεός· ἀκαρπὸς γάρ ἐστιν ἡ ἐργασία αὐτοῦ, ὡς ὁ Κύριος εἰρηκε· μηκέτι ἐκ σοῦ καρπὸς γένηται εἰς αἰῶνα· πᾶν γὰρ δένδρον ἄπαξ ξηρανθὲν κἄν μυρίας καλλιέργιας δέχηται, καρπὸν οὐ φέροι τὸ σύνολον, ἀλλ' ἐκκόπεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται καὶ καίεται. Οὕτως οὖν ἐστὶ, τέκνον, ἡ συναγωγή τῶν Ἰουδαίων ἐξηραμένη, κατηρηγμένη τε καὶ ἀχρηστος καὶ ἐκβεβλημένη ἀπὸ προσώπου Κυρίου Θεοῦ παντοκράτορος. Πῶς οὖν ἡ πίστις αὐτῶν καλὴ, οἴτινες καὶ τὸν Ἄντίχριστον περιμένουσι καὶ τοῦτον μέλλουσι νυποδέχσθαι καὶ τῇ ἀπάτῃ αὐτοῦ ὑπαχθῆναι; Ἄκουσον δὲ πάλιν τοῦ Κυρίου πρὸς Μιῦσσία λέγοντος μέλλοντα τελευτᾶν Ἰδοὺ σὺ ὑπνοῖς καὶ ἀπέρχῃ πρὸς τοὺς πατέρας σου, ὁ δὲ λαὸς οὗτος ἀναστάς ἐκπορνεύσει ὀπίσω θεῶν ἄλλοτρίων ἐν τῇ γῇ εἰς ἣν πορεύεται, καὶ ἐγκαταλείψουσί με καὶ τὴν διαθήκην μου διασκεδάσουσιν, ἣν διεδέ- (f. 156 r.)μην αὐτοῖς ἐν ὄρει Σινᾶ, καὶ ὀργισθῆσομαι θυμῷ ἐπ' αὐτοὺς ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ καὶ κα[τα]λείψω αὐτοὺς καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν, καὶ ἔσονται εἰς κατάβρωμα καὶ εἰς καταπάσημα ἐν τοῖς ἔθνεσι, καὶ εὐρήσουσιν αὐτοὺς πολλὰ κακά καὶ συμφοραὶ ὧν οὐκ ἐστὶν ἀριθμὸς. Καὶ πάλιν διὰ τοῦ προφήτου Ἡσαίου εἶπεν αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεός· Ἀπορρίψω τὴν ράβδον μου τὴν μεγάλην καὶ τὴν ἰσχυρὰν καὶ διασκεδάσω τὴν διαθήκην μου ἣν διεδέμην τῷ οἴκῳ Ἰσραὴλ καὶ τῷ οἴκῳ Ἰούδα, διασκεδάσωμ' διασκεδάσω αὐτὴν καὶ ἀποστρέψω τὸ πρόσωπόν μου ἀπ' αὐτῶν καὶ ἀπόωσομαι αὐτοὺς εἰς τέλος, καὶ οὐκέτι πρὸς αὐτοὺς ἀποστραφήσομαι. Καὶ Κύριος ὁ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς πάλιν λέγει πρὸς αὐτοὺς· Ἐγὼ ὑπάγω, καὶ ζητήσετέ με καὶ ἐν τῇ ἁμαρτίᾳ ὑμῶν ἀποθάνεισθε, καὶ πάλιν· Ὑμεῖς ἐκ τοῦ πατρὸς ὑμῶν τοῦ διαβόλου ἐστὲ καὶ τὸ θέλημα αὐτοῦ θέλετε ποιεῖν. Εἰ οὖν τῷ Θεῷ ἐπίστευον, πῶς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ τέως ἔχειν τὸν διάβολον αὐτοὺς ἀπέφηνατο; Ὡστε, τέκνον Γρηγόριε, ἐκ τούτου (f. 156 v.) δηλόν ἐστιν,

ὅτι ἄνευ πάσης ἀμφιβολίας καὶ πάσης ἀντιλογίας ἐκβέβληνται ἀπὸ τοῦ Θεοῦ, καὶ αὐτοὶ καὶ ὁ νόμος αὐτῶν τέλει ἀπεπαύθη σιγήσας· εἶπε γὰρ ὁ Κύριος περὶ αὐτῶν διὰ τοῦ προφήτου Δαβὶδ· Οὐ μὴ συναγάγω τὰς συναγωγὰς αὐτῶν ἐξ αἱμάτων, οὐδ' οὐ μὴ μνησθῶ τῶν ὀνομάτων αὐτῶν διὰ χειλέων μου. Ἐρεύνησον γὰρ καὶ ἴδε ὅτι ἀπὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ καταβάσεως. ἐξ αὐτῶν οὐκ ἠγέρθη οὔτε προφήτης οὔτε δίκαιος, διότι ἤρρησαν καὶ ἀπεπαύθησαν τὰ νόμιμα αὐτῶν, ὡς προείρηται· ἐξώσθησαν γὰρ καὶ οὐ μὴ δύνωνται στήναι, καθὰ φησὶν ὁ πρῶτος Δαβὶδ περὶ αὐτῶν. Καὶ ἀλλαγῆς ὁ αὐτὸς Δαβὶδ περὶ τὸν Χριστὸν λέγει καταρῶμενος αὐτοῖς· Ἀναστήτω ὁ Θεὸς καὶ διασκορπισθήτωσαν οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ καὶ φυγέτωσαν ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ οἱ μισοῦντες αὐτόν. Ἀληθῶς γὰρ ἐχθροὶ οὗτοι τοῦ Χριστοῦ γεγονάσιν, οἱ καὶ σταυρώσαντες αὐτὸν θανάτῳ παραδεδώκασιν· ἀλλὰ καὶ ὁ ἐπιστήριος καὶ ἠγαπημένος Ἰωάννης, ὁ υἱὸς τῆς βροντῆς καὶ φύλαξ τῆς (f. 157 r.) Θεοτόκου ἐν τῇ αὐτοῦ Ἀποκαλύψει περὶ τῶν Ἰουδαίων τοιαύτη φησὶν· Ἰουδαῖοι οἱ λεγόμενοι συναγωγῇ τοῦ Ἰσραὴλ, ἐγὼ μαρτυρῶ περὶ αὐτῶν, ὅτι οὗτοι οὐκέτι εἰσὶ συναγωγῇ τοῦ Ἰσραὴλ, οὐκέτι εἰσὶ βασιλεῖον ἱεράτευμα ἢ ἔθνος ἅγιον ἢ λαὸς Θεοῦ, ἀλλ' οὗτοι εἰσὶν εἰς κατάραν, εἰς ἐξολόθρευσιν καὶ εἰς ἀποβολὴν, καὶ αὕτη ἐστὶ συναγωγῇ τοῦ Σατανᾶ· ὅταν γὰρ αὐτοὶ συναδροισθῶσιν ἐπὶ τὸ αὐτὸ ἐν τοῖς σάββασις ἐν ταῖς συναγωγαῖς αὐτῶν καὶ τὴν τοῦ νόμου ἐξερεύνησιν ποιῶνται, τότε ὁ Κύριος ἐν μέσῳ αὐτῶν οὐκ ἔστιν, ὁ Σατανᾶς οὖν λοιπὸν ἔστιν ἐν μέσῳ αὐτῶν ἐν πάσῃ συναγωγῇ αὐτῶν εὐφραϊνόμενος καὶ ἐπαναπαυόμενος ἐπ' αὐτήν, ὅτι ἠρνήσαντο τὸν ἀνεξιχνίαστον λόγον τοῦ Θεοῦ καὶ τὸ αἷμα αὐτοῦ τέθεικαν εἰς κατάραν ἐφ' ἑαυτοῦς, ἀλλὰ δὴ καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα αὐτῶν, καὶ ὁ Θεὸς ἠρνήσατο αὐτοὺς ἐξ ὅλης ἰσχύος αὐτοῦ καὶ ἀπόσωτο αὐτοὺς ἀπ' ἑαυτοῦ, καὶ οὐκέτι στερεωθήσεται ἡ πίστις αὐτῶν ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς, καθότι κεκληρονόμηκεν αὐτοὺς (f. 157 v.) ὁ Σατανᾶς, καὶ τὸ ὄνομα αὐτοῦ τὸ ἐβδελυγμένον ἐπίθηκεν ἐπ' αὐτούς· καὶ αὐτοὶ υἱοὶ αὐτοῦ ἐκλήθησαν, σχοίνισμα κληρονομίας καὶ τοῦ Ἀντιχρίστου μερὶς, ὅτι υἱοὶ τῆς βασιλείας ὄντες τὸ πρότερον, ἐξεβλήθησαν καὶ ἀλλότριον γεγονάσι ταύτης, ἀντ' αὐτῶν δὲ εἰσῆχθησαν οἱ ἐξ ἔθνων, τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι καθαρῶς καὶ εὐκρινῶς πιστεύσαντες. Ταῦτα ἰδὼν, ὦ τέκνον

Γρηγόριε, πόρρω βάλλε ἀπὸ σοῦ τὸν ἐφάμαρτον τοῦτον σκοπὸν, γνοῖς ὅτι ἐκ τοῦ πονηροῦ σοι γέγονεν· ὅς γὰρ οὐ πιστεύει ὅτι ὁ Χριστὸς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ ἐλήλυθεν εἰς τὸν κόσμον, ἐπικατάρατος· ὁ γὰρ εἰς τὸν Πατέρα πιστεύων καὶ τὸν Υἱὸν ἀπαρνούμενος, ἀσεβὴς καὶ παράνομος ὑπὸ τοῦ Πατρὸς ὀνομάζεται· οὐαὶ γὰρ αὐτὸν περιλήψεται καὶ σκότος καὶ ὄδυρμός περικύκλω αὐτοῦ, πικρία τε καὶ ὀλίσθημα διαδέχεται αὐτὸν καὶ ἐν τῷ νῦν καὶ ἐν τῷ μέλλοντι.

Ταῦτα οὖν τὰ φυγωφελῆ καὶ σωτήρια δόγματα τε καὶ ῥήματα περὶ τοῦ τοιοῦτου μου πονηροῦ καὶ αἰσχίστου λογισμοῦ εἰρηκῶς ὁ ὄσιος πρὸς με, ἠσύχασεν· ἐγὼ δὲ πεσὼν παρὰ τοὺς πό(φ. 158 γ.)δας αὐτοῦ μετὰ δακρύων λέγω πρὸς αὐτόν· Ταῦτα μὲν οὕτως ἔχει ἀπαρραλλάκτως, ὡς ἔφη, πανσοιώτατε πάτερ, καὶ οὐκ ἔστιν ὁ ἀντιλέγων δέομαι δὲ τῆς σῆς τελειότητος, ἐπεὶ μεγάλως ἐν τοῖς θεοφθέγκτοις καὶ ὀσίοις σοῦ ῥήμασιν εὐηργέτησας τὸν παῖδά σου καὶ ἑστερέωσας πανσόφως ἐν τῇ ἀμωμήτῳ ἡμῶν πίστει καὶ θείαις ἀποδείξεσιν ἰβεβαίωσας, ἵνα καὶ διὰ θεωρίας τινός περισσοτέραν περὶ τούτων τὴν πληροφορίαν δέξωμαι καὶ τὴν ἀσθενῆ μου διάνοιαν καὶ τοὺς ὁμίους ἐμοὶ τῷ ἀμαρτωλῷ εἰς τὸν τοιοῦτον πονηρὸν λογισμὸν καὶ σκοπὸν περιπίπτοντας παντελῶς ἀποθεραπεύσης καὶ πρὸς τὸ φῶς ὁδηγῆ τῆς ἀληθείας. Ὁ δὲ ὄσιος ἔφη πρὸς με· Ὁ Κύριος, τέκνον, τελέσει ἐπὶ σοὶ τὰ καλὰ καὶ συμφέροντα· ἀπιδι οὖν χαίρων, καὶ τὴν ἀττησίν σου ταύτην αὐτὸς ἐκπληρώσει. Καὶ τοῖς ἐκείνου τιμίσις ποσὶ προσπεσῶν καὶ εὐλογηθεὶς παρ' αὐτοῦ οἴκαδε ἀπήειν.

Ἐν δὲ τῇ νυκτὶ ἐκείνῃ μετὰ τὸ τὴν μικράν μου τῶν (f. 158 v.) μεσονυκτίων ἐπιτελέσαι εὐχὴν καὶ καθευδήσας, ὄρω ἑμαυτὸν ἐν τινι πεδίῳ γλοηφόρῳ· ἐστῶτι δὲ μοι ἐν τῷ τοιοῦτῳ πεδίῳ καὶ ἀποδαυμάζοντι καὶ ἐξισταμένῳ ἐπὶ τῇ τούτου θεωρίᾳ καὶ τερπνοτάτῃ θέσει καὶ καλλίστῃ εὐαερίᾳ, ἰδοῦ τις ἀνὴρ πυραυγῆς λίαν εὐμεγέθης καὶ φοβερός τῆ ἰδέᾳ ἐπέστη μοι καὶ στολὴν ἐρυθρὰν ἡμφιεσμένος, ταύτης δὲ ὑπεράνωθεν γιτῶνα λίαν λευκότετον περιβεβλημένος, ῥάβδον σιδηρὰν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέγων, καὶ ὁ βραχίων αὐτοῦ κραταιὸς σφόδρα, ὡς δοκεῖν δυνατὸν αὐτὸν εἶναι ἀμύνασθαι καὶ ῥᾶεν κατατροπώσασθαι ἀνδρῶν πολεμιστῶν τῶν καθ' ἡμᾶς γιλίας γιλιάδας. Ὅς πλησίον μου στάς· τί ποιεῖς ἐνθάδε, ἀνθρωπε; ἔφη πρὸς με· ἐγὼ δὲ ἀποκριθεὶς λέγω

πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, οὐκ οἶδα πῶς ἐλήλυθα ὧδε. Ὁ δὲ φησὶ πρὸς με· Αἱ πρὸς Κύριον ἐντεύξεις καὶ εὐχαὶ τοῦ πνευματικοῦ σου (f. 159 r.) πατρὸς ἐπὶ τοῦτον τὸν τόπον σε ἤγαγον, ὡς ἂν θεάσῃ καὶ ἴδῃς τὰ σοὶ καταθύμια καὶ ποδούμενα. Ἐγὼ δὲ σὺν τρόμφῳ φημί πρὸς αὐτόν· Καὶ τίνα εἰσὶν ἅπερ ἐπιθυμῶ καὶ ἐπιποθῶ θεάσασθαι; Ὁ δὲ φησὶ πρὸς με· Ἀληθῶς λέγεις, ἄνθρωπε, ὅτι ἀγνοεῖς ἅπερ ἠήτησω θεάσασθαι. εἰ ὅλως οὖν ἀγνοεῖς, ἐγὼ σοὶ ὑπομνήσω ταῦτα· ἐλογίσω καὶ εἶπες, ὅτι καλῶς πιστεύουσιν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ καλῶς τὸν νόμον κρατοῦσι καὶ τὰ νόμιμα φυλάττουσι· καὶ εἶπέ σοι ὁ θεράπων Κυρίου Βασίλειος ὅτι οὐχί, ἀλλὰ καὶ λίαν σφαλερῶς καὶ ἐπικινδύνως· ὑποδείξας δὲ καὶ πληροφορήσας σε ἀπὸ τῶν θείων γραφῶν, οὐκ ἀπεπείσθης, ἀλλὰ σὺ μᾶλλον ἠήτησω αὐτόν ὑποδειξά σοι εἰς βεβαίωσιν τῶν παρ' αὐτοῦ σοὶ ρηθέντων, καὶ δι' ὀράσεώς τινος ταῦτα, μὴ ἀρκεσθεῖς ἐν ταῖς τῶν θείων γραφῶν ἀποδείξεσι· καὶ αὐτὸς συνέθετό σοι τοῦτο ποιῆσαι καὶ φανερῶς σοὶ παραστῆσαι καὶ ὑποδείξαι τὰ σοὶ καταθύμια. Διὰ τοῦτο ἐνταῦθα ἐλήλυθας· δεῦρο οὖν σὺν ἐμοί, κἀγὼ ὑποδείξω σοὶ ἔνθα ἕκαστος τῶν ἀνθρώπων ἀποκαθίσταται (f. 159 v.) καὶ περὶ μιᾶς ἐκάστου πίστεως, ἣν ἔχει παρησίαν πρὸς τὸν Θεόν.

Λαβόμενος δὲ μου τῆς δεξιᾶς χειρός, ὡς πρὸς ἀνατολὰς ἀμφοτέροι ἐπορευόμεθα· ὀδευόντων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ διερχομένων τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ὠραίαν πεδιάδα, ἰδοὺ νεφέλη ὑπόγειος ὑποκάτω τῶν ποδῶν ἡμῶν, ἥτις ἤρεν ἡμᾶς καὶ κατὰ μικρὸν ὑποκουφίζουσα, ἀπὸ μὲν τῆς γῆς δίστα, πρὸς δὲ ὕψος αἰθέριον ἀπειρον καὶ ἀσύγκριτον ἀνῆγε καὶ ὑπερίπτα. Ἐκπληττομένου δὲ μου ἐπὶ [τῷ] ξένῳ τῆς ἐπάρσεως καὶ ὑψώσεως τρόπῳ· οὐ γὰρ ἐγίνωσκον πῶς ἀνηρχόμεθα· καὶ σφοδρῶς καταπτήσσοντος τῷ καινῷ τῆς ἀνόδου καὶ τρέμοντος· ἐδόκουν γὰρ ὡς ὅτι ὑπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ἐπὶ τὸ γενόμενον τοῦτο θεώρημα· καταντῶμεν διὰ τῆς ἀπαγούσης ἡμᾶς νεφέλης (εἰς) ἐφ' ἕτερον ὡσανεὶ κόσμον, ξένον καὶ παρηλλαγμένον τῇ φύσει παρὰ τὸν ὀρώμενον τουτονί καὶ μάταιον κόσμον εἰς ὃν κατοικεῖν κατεκρίθημεν. Καὶ ἐν τῷ γενέσθαι ἡμᾶς ἐκεῖσε ἐν τῷ θαυμασίῳ χώρῳ ἐκείνῳ, ἀπέστη ἡ νεφέλη ἀφ' ἡμῶν· καὶ ἰδοὺ εὐρέθημεν ἐπὶ τινος θαυμασίου (f. 160 r.) ἀπαέδου πορευόμενοι· ἀπέστειλε δὲ τὸ δάπεδον ἐκεῖνο, ὡς οὐκ ἔστι δυνατόν διηγήσασθαι τὸ κάλλος καὶ τὴν εὐπρέ-

πειαν αὐτοῦ. Ἐπιστρεφόμενος τοίνυν ἐγὼ ἔνθεν κάκειθεν, ἐώρων τὰ πέρατα τοῦ κόσμου ἐκείνου· καὶ ἰδοὺ συναγωγαὶ πολλαὶ σφόδρα ἐν αὐτοῖς καὶ νεανίων πυρίνων χοροὶ ἀναρίθμητοι ἐν ἀίνεσι καὶ δοξολογίᾳ Θεοῦ μέλιχρως ἀνοίγοντες τὰ πύρινα στόματα καὶ χεῖλη αὐτῶν εἰς ἀνεξίχνιαστον καὶ ἀνεμήμευτον καὶ ἀκατάπαυστον μελωδίαν ἀσύγκριτόν τε καὶ ἀπαράμιλλον ἠδυφωνίαν κινούμενα· καὶ ἦν ἀκοῦσαι καινοὺς τινὰς καὶ ὑπερφυεῖς αἴνους καὶ ὕμνους καὶ ξένα μέλη καὶ ὑπερθαύμαστα ἄσματα, ἅπερ ξενοτρόπως συντιθέμενοι ἐν εὐχαριστίᾳ ἀνέπεμπον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ· ἡ δὲ ἐκπορευομένη ἀπὸ τῶν τοιούτων θείων καὶ ξένων ἀσμάτων καὶ ἐνηχοῦσα τὰς ἀκοὰς ἡμῶν ἠδύτης ὑπῆρχε παράδοξός τις καὶ ἐκπληκτικὴ, ἣν βρότειος νοὺς λόγῳ παραστῆσαι καὶ διηγήσασθαι οὐδαμῶς δυνήσεται· ἦτις τὴν ἐμὴν ψυχὴν ἐνηδύνασα καὶ τὰς ἀκοὰς ἐνηχίησασα (f. 160 v.) καὶ ὄλωσ καταβροντίσασα ξένον με τοῦ νοός μου καὶ ὥσανει παρατετραμμένον καὶ ἐξιστηκότα πεποίηκεν.

Ἐπεὶ καὶ ταύτην τὴν μυστικὴν θεωρίαν σὺν ἠδονῇ ἀπάτῃ καὶ ἰκστάσει ἀπεῖρω ἅμα θέοντες ἐπὶ τὰ ἔμπροσθεν διέβημεν, καταντῶμεν ἐπὶ τινὰ τόπον ὃς ὑπῆρχεν ἐσπαργανωμένος θείῳ πυρὶ, τὸ δὲ πῦρ ἐκεῖνο οὐχ ὡς τὸ πῦρ τοῦ ματαίου τούτου κόσμου ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τοῦ πλάνου, ἀλλὰ γλυκὺ μὲν καὶ λαμπρὸν εἰς τὸ ὄρασθαι, γαληνεμόρφως δὲ τὰ φῶτα αὐτοῦ ἐφαπλοῦν οὐ κατακαίειν οἶδεν, ὡς τοῦτο τὸ πῦρ, ἀλλὰ μᾶλλον ὀρσιζεῖν, φωτιστικὴν ἔχον ἐνέργειαν. Εἶδον δὲ νεανίσκους λευκοφοροῦντας καὶ τὰ πρόσωπα φαιδῶρά ὑπὲρ τὸν ἥλιον ἐν μέσῳ τοῦ θαυμαστοῦ πυρός ἐκείνου περιπατοῦντας, ὀφτινες χρυσᾶ τινὰ σκευὴ κατέχοντες ἐπὶ τὰς αὐτῶν χεῖρας καὶ ταῦτα ἀπὸ ἐξαισίου ἐκείνου καὶ θαυμαστοῦ ἐμπιπλῶντες πυρός, ἐκούφιζον εὐδύς ἑαυτοὺς καὶ ἀνυφοῦντο ἐπὶ τὰ πλάτη τοῦ αἰθέρος ἐκείνου καὶ (f. 161 r.) πρὸς ὕψος ἀφικνεῦντο ἀκατάληπτον· ποῦ δὲ ἀπῆρχοντο οὗτοι, οὐδαμῶς ἐγίνωσκον, μόνον βλέπων αὐτοὺς οὕτω θαυμασιῶς ἀνιπταμένους, ἐξεπληττόμην καὶ ἔτρεμον λέγων ἐν ἑμαυτῷ· Ἄγιος ὁ Θεός, οὗτοι ἄγγελοι Θεοῦ εἰσὶν οἱ ἐπὶ τὸ ἄνω θυσιαστήριον κατὰ πρόσωπον Κυρίου νοητῶς θυμιῶντες, καὶ οὗτος ὁ γῶρος τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου πυρός τόπος ἐστίν, ὅθεν αἶροντες τὸ νοητὸν καὶ αὐλὸν πῦρ νεαρὸν οἱ τοῦ Κυρίου ἄγγελοι γρῶνται τῇ προσηκούσῃ αὐτῶν διανοίᾳ.

Ἐν τούτοις οὖν ὄντος μου τοῖς διανοήμασι καὶ τοῖς φοβεροῖς ἀσχολουμένου καὶ εκπληττομένου θεάμασιν, ὁρῶ καὶ ἰδοῦ βουνός ὑψηλός λιάν κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν μου ὠρᾶτο, καὶ ἀπηρξάμεθα πρὸς αὐτὸν ἀνέναι κόπῃ πολλῇ καὶ μόχθῳ· ὡς δὲ ἀνήχθημεν μόλις ἐπ' αὐτόν, ἰδοῦ σκοπιά τις ἦν ἐπάνω αὐτοῦ· ἀνελθόντες οὖν ἐπ' αὐτὴν κάκειθεν περιβλεψάμενοι πρὸς ἀνατολάς, ὁρῶμεν πεδιάδα φοβερωτάτην ὑποκάτωθεν τοῦ βουνοῦ γρυσίῳ καθαρῷ ἐπταπλασίως κατεστρω- (f. 161 v.) μένον τὸ πρόσωπον αὐτῆς καὶ διαυगीᾳ ἀσύγκριτῳ περιε- κσμημένον· ὡσπερ γὰρ σιδήρος ἐν καμίνῳ ἐκπυρωθεὶς σπινθηροβολεῖ καὶ τὰ προστυχόντα καταφωτίζει τῇ παρ' αὐτοῦ ἐκπεπομένη ἀπην- δρακωμένη διαυगीᾳ, οὕτω δὴ καὶ τὸ πρόσωπον τῆς θαυμαστῆς πε- διαδος ἐκείνης ὡσπερ τινὰς σπινθῆρας ἡδυτάτους πυρὸς ἀπσοτίλβουσα καὶ καταφωτίζουσα ταύτης τὰ πέρατα· ἡ δὲ ὄρασις αὐτῆς γλυκασμὸν ἀσύγκριτον ἐστάλαξε τῇ καρδίᾳ μου· ἦν δὲ καὶ ὁ ἀῆρ αὐτῆς αἰγλης τινὲς θαυμασίας καὶ θυμηδίας ἀρρήτου ἀνάπλευς, τὸ δὲ ὕψος ἐκείνου ὡς ἐν τοῖς ἔμπροσθεν καθαρῶς οὐκ ἐβλέπομεν. Μετ' ὀλίγον δὲ διαστα- λείσης τῆς θείας ἐκείνης αἰγλης, ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ὡς πρὸς ἀνατολάς, ὁρῶμεν πόλιν λιάν φοβερωτάτην κατέναντι τοῦ προσώπου ἡμῶν· περὶ ἧς εἰ πειραθῶ διηγήσασθαι τι, ὡς ἀληθῶς φληναφεῖν δόξω καὶ παραπταίειν· πλὴν εἰ τοῦτο παντελῶς σιγῇ παρα(f. 162 r.)πέμψω ὡς ἀδυνάτοις καὶ ἀ[νε]φρίκτοις ἐπιχειρῶν, οὐκ ἀνεκτῶς οἶμαι ὑφέξω τὴν κόλασιν· διὰ τοι τοῦτό τινα βραχέα περὶ ταύτης, ὡς ἡ δύναμις, διηγήσομαι, μᾶλλον δὲ ὡς αὐτὴ ἡ τοῦ ἀγαθοῦ καὶ θείου Πνεύματος χάρις ἐμπνεύσει καὶ φωτίσει μου τὴν ζοφώδη καὶ ἐσκοπισμένην ταῖς ἀμαρτίαις διάνοιαν διὰ τὴν τῶν ἐντυγχανόντων ὠφέλειαν. Ὡς γοῦν κατ' ἀρχὰς εἰδεασάμην τὴν θαυμασιωτάτην καὶ ἀνεκδιήγητον ἐκείνην καὶ ἑξαισίαν πόλιν, ἀπὸ τοῦ δέους καὶ τῆς ἐκπλήξεως τοῦ φρικωδεστάτου θαύματος τῆς ὀράσεως αὐτῆς ἐπὶ πολ- λάς ὥρας ἐμαυτοῦ ἐξέστην καὶ ἐννεὲς καὶ ἀλαλος καὶ κωφός, ὡς εἶπειν ψαλμικῶς, καθωρώμην, μὴ θυνάμενος ὅλως διᾶραι τὸ στόμα μου· ταιαύτην γὰρ ὠραιότητα καὶ τηλικαύτην εὐπρέπειαν ποία γλῶσσα ἀνθρώπου δυνήσεται σαφηνίσαι καὶ ἐξηγήσασθαι; Ἰσταμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τοῦ βουνοῦ δυνάμει Κυρίου κραταιουμένων, καὶ θαυμαζόντων, ἰδοῦ ἐτέρα πόλις (f. 162 v.) ὠράθη ἡμῖν μεγάλη σφόδρα καὶ

εὐμεγέθης, ἥς τὸ μῆκος ὡς ὁ κύκλος τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ·
 ἡ δὲ ταύτης κατασκευὴ οὐκ ἀπὸ τιτάνων καὶ λίθων καὶ μαρμάρων
 καὶ ξύλων ἀσήπων καὶ ἕλου καὶ γύψου καὶ τῆς λοιπῆς ἐπιγείου
 τιμίας τε καὶ εὐφθάρτου ὕλης, ἀλλ' ἐξ ἄλλης αὐλοῦ ὕλης τινὸς
 νοητῆς καὶ ἀφθάρτου· χρυσοῦ εὐρίζου καθαρωτάτου καὶ τῆ ὁράσει
 ποικιλομόρφου· καὶ ἀκτίνος φρικωδεστάτης εἰς εὐχροίας διαφόρους
 ἀπαυγαζούσης· καὶ ἀπὸ ποικίλου ἀργυρίου καὶ χρυσοῦ διαυγείας
 κλινομένης καὶ μεταμειβομένης ἀπὸ λίθου εὐχροίας καὶ τοπαζίου καὶ
 σαπφῆρου ποικίλως κατασκευασθείσης, καθά δηλονότι συνέταξε Κύ-
 ριος ἐπ' αὐτοῖς, καὶ πολλαπλασίως ταύτης ἀκτινοβολούσης ἀπὸ δια-
 υγείας λίθου ἰακίνθου καὶ τῶν λοιπῶν ὑπερτίμων λίθων, λέγω δὲ λυχ-
 νίτου λάμποντος ὑπὲρ τὸν ἥλιον, ὡσαύτως ἀνθρακος πυροβολούντος
 καὶ τῶν ἄλλων πάντων ἐκάστου αὐτῶν ἀλασσομένου εἰς μεταβολὰς
 χροῶν ποικίλων, ὠραιομόρφως (f. 163 r.) καὶ ἀνεκδιηγήτως ἐκ τούτων
 πάντων ἐδόκει ἔχειν ἡ τοῦ Κυρίου πόλις ἐκείνη τῶν πολυτίμων καὶ τι-
 μίων λίθων τὴν συλλογὴν τῆς παρακομιδῆς τῆς ἐν τῇ οἰκοδομῇ τῆς
 πόλεως εἰσενεχθείσης· ἥτις ὑπ' αὐτοῦ τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Θεοῦ
 τῶν ἀπάντων καὶ δημιουργοῦ παντὸς τοῦ κόσμου θαυμασίως καὶ
 ἀνεκλαλήτως ἐτεχνουργήθη. Τῆς δὲ γε ἰδέας αὐτῆς ἀμυδρόν πως
 ὑπόδειγμα καὶ εἰκόνα παραστήσω ὑμῖν τοῖς ἐντυγχάνουσιν· ὥσπερ
 ἡ ἐν τῷ οὐρανίῳ τόξῳ εὐχροία τε καὶ θεωρία ἥτις ἐκ διαφόρων
 χροῶν καὶ βαφῶν συντεθειμένη ποικίλην τοῖς ὀρῶσι τὴν αὐγὴν ἐκ-
 πέμπει, ἄλλης ἐπ' ἄλλης βαφῆς καὶ χροῖας συντεθειμένης κίρναμένης
 τε καὶ ἀλλήλοις ἠνωμένης ὠραιομόρφως, οὕτω καὶ τοιαῦτα ἐκπεμπό-
 μενα ἀπαυγάσματα τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς πόλεως καθω-
 ρῶντο· καὶ γὰρ ἦν ἰδεῖν ἀκτῖνα ἐπὶ ἀκτίνος καὶ διαύγειαν ἐπὶ δια-
 υγείας καὶ εὐχροίαν ἐπὶ εὐχροίας καὶ χρώματα ποικίλα ἐπὶ χρώμασι
 φρικωδεστάτοις, ἀμφω πλήρη θάμβους καὶ ἐκπλή(ς. 163 v.)ξως κα-
 θορώμενα. Τὸ δὲ κάλλος τῆς οἰκοδομῆς καὶ τῶν λίθων καὶ τῆς συναρ-
 μογῆς καὶ συνθέσεως οἷον ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὐς οὐκ ἤκουσε
 καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καθὼς φησιν ἡ θεία γραφή· τὸ
 δὲ ὕφος τῶν τειχέων αὐτῆς ἦν ὡσεὶ πηγῶν τριακοσίων, καὶ δώδεκα
 πύλαι φρικώδεις ταύτῃ προσεπαθήκεσαν τὰς εἰσόδους πληροῦσαι τῆς
 πόλεως, μεγάλαι σφόδρα καὶ ἐξαισῖαι τῷ εἶδει· οἷον ὁπότεν ὁ μέγας

φωστήρ ἥλιος ἀνατέλλει πρωί, οὕτω γαληνομόρφως ἀπηύγαζον τὴν αὐτὴν δεικνύσαι εὐπρέπειαν καὶ ὠραιότητα, καὶ αὐταὶ πᾶσαι καλῶς ἐδρασμῆναι καὶ ἀσφαλῶς κεκλεισμέναι· ἐκάστη δὲ τούτων ὑπῆρχε μονοβαφῆς καὶ κατὰ τὰς ἰδέας καὶ ποιότητας τῶν δώδεκα τιμίων λίθων, ὧν ἡ Γένεσις τὴν ὑπαρξίν ἐσχηκέναι παρίστησιν ἀπὸ τοῦ ἐντὸς τοῦ παραδείσου παραρρέοντος ποταμοῦ Τίγριδος.

Καὶ τὰ μὲν ἐξῶθεν τῆς πόλεως, ὡς ἐνόν μοι γέγονε δηγήσασθαι, ἦσαν οὕτως, τὰ δὲ γε ταύτης ἐντὸς νοῦς μὲν βρότειος φρίττει καὶ καρδία ἰλιγγιᾷ, διάνοια δὲ ἀπορεῖ, οἱ λογισμοὶ κατα(φ. 164 γ.)πλήττονται καὶ σιεδάννυνται καὶ τὰ χεῖλη ἀρνοῦνται τὸ λαλεῖν τὰ ὡς ἀληθῶς τούτοις ἀφθεγκτα, ἀνέκφραστά τε καὶ ἀκατάληπτα· ἐπεὶ ὡς τὰ θεῖα λόγια σὰρξ καὶ αἷμα βασιλείαν Θεοῦ οὐ κληρονομήσουσι, λοιπὸν οὐδὲ χεῖλη πῆλινα, οὐδὲ στόμα ρυπῶδες καὶ γλῶσσα ἀκάθαρτος τὴν ταύτης ὠραιότητα καὶ εὐπρέπειαν δύναται δηγήσασθαι. Τούτων οὕτως πάντων ὁραθέντων μοι καὶ ἐπὶ τῇ τούτων θεωρίᾳ ἐκπληττομένοι, τῇ ὄντως ἀνεξιχνιάστῳ καὶ ἀνεκδηγήτῳ, λογισμὸς τις ἐπήλθε μοι ἀποτολμήσαι καὶ ἐρωτῆσαι πρὸς τὸν ταῦτα ὀδηγοῦντά με ἄγγελον καὶ φοβερόν τῷ ὄντι, καὶ φημί πρὸς αὐτόν· Δέομαί σου, κύριε μου, τίς ἐστὶν ἡ πόλις αὕτη ἡ φρικτὴ καὶ φοβερά καὶ μεγάλη, καὶ τίς ὁ λαὸς ἐ αὐτῇ, πόλις δὲ ἐστὶν ὁ βασιλεὺς ὅς νῦν βασιλεύει ἐπ' αὐτήν, τίς δὲ ὁ κτίσας καὶ θεμελιώσας τὰ φρικωδέστατα ταύτης τείχη καὶ τὰ προπύργια, τὰς ἐπάλλξεις, τὰς ἐξαισίους καὶ θαυμασίους πύλας, τοὺς φρικῶδεις καὶ χρυστα(φ. 164 ν.)λίζοντας μογλοῖς, τοὺς οὐρανομήκεις καὶ περικαλλεῖς προμαχῶνας, τὰς ἐν μέσῳ αὐτῆς ἀφάτους καὶ ἐξαισίους καλλονὰς καὶ ὠραιοπρεπεῖς ταύτης καλλιεργίας; τί δὲ τὸ ὄνομα αὐτῆς ἐστὶ τὸ μέγα καὶ ἐξοχώτατον καὶ ποία ἐστὶν ἡ γῆ αὕτη, καὶ πόλις ὁ ξένος κόσμος οὗτος; πῶς δὲ ἐληλύθαμεν ὧδε καὶ δι' ἣν αἰτίαν; σαφήνισόν μοι, παρακαλῶ, πάντα καὶ μηδὲν ἀποκρύψῃς ἀπὸ τοῦ δούλου σου. Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρὸς με· Ἡ πόλις αὕτη, ἡνπερ ὄρας, ἡ πόλις ἐστὶ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἧς ἐν ταῖς βάρεσιν ὁ Θεὸς γινώσκειται, περὶ ἧς ἐν βίβλῳ Ψαλμῶν λελάληνται θαυμαστά· ἰδεῖματό δὲ ταύτην ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς, μετὰ τὸ τελῆσαι αὐτόν τὸ τῆς ἐνσάρκου αὐτοῦ οἰκονομίας μυστήριον, εὐδοκίᾳ τοῦ Πατρὸς καὶ συνεργίᾳ τοῦ

ἀγίου Πνεύματος· ἡ[ν] καὶ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι αὐτὸν εἰς τὸν οὐρανὸν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα (καθάπευ αὐτὸς φησὶ ταῖς γυναῖξί, ὅτι εἶπατε τοῖς ἀδελφοῖς μου, ἀναβαίνω πρὸς τὸν Πατέρα μου καὶ Πατέρα ὑμῶν καὶ Θεὸν μου καὶ Θεὸν ὑμῶν) καὶ μετὰ παρέλευσιν τεσσαράκοντα (f. 165 γ.) ἡμερῶν ἠτοίμασε τοῖς ἀγίοις αὐτοῦ μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις καὶ προφήταις καὶ πᾶσι τοῖς διὰ τοῦ θείου κηρύγματος αὐτῶν πεπιστευκόσιν εἰς αὐτὸν καὶ ἀγαπῶσιν αὐτόν· ὅς καὶ ἐνετείλατο αὐτοῖς οὕτως λέγων· Ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Πατρὸς μου μεναὶ πολλαὶ εἰσὶν, εἰ δὲ μή γε πορεύομαι ἑτοιμάσαι ὑμῖν τόπον. Αὕτη οὖν ἡ πολυδαύμαστος σκηνὴ καὶ μόνη κατοικεσία ἦν ἐπηγγεῖλατο αὐτοῖς, ὡς εἰρηται, καὶ πᾶσι τοῖς ἀγαπῶσι τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ καὶ τιμῶσιν αὐτήν ἐν εἰκόνι· τὸ δὲ ὄνομα ταύτης ὑπάρχει ἐξαιρετον καὶ πολυώνυμον τε καὶ θαυμαστόν ἐν ταῖς θείαις γραφαῖς, ἧτις ὠνόμασται νέα πόλις Σιών, πόλις οὐράνιος, πόλις ἢ ἄνω μητρόπολις, πόλις τῶν χριστιανῶν, πόλις ἢ νέα καὶ οὐράνιος Ἰερουσαλήμ, πόλις ἢ τῶν δικαίων κατὰπαυσις· τοῦτο τὸ κύριον ὄνομα ταύτης τῆς μεγάλης καὶ περιωνύμου καὶ περιβοήτου πόλεως. Τὸν δὲ γε ταύτης λαὸν ἀνάμεινον ἔτι μικρὸν καὶ ὄψει· οὐ μόνον δὲ τὸν λαόν, ἀλλὰ καὶ τὸν φιλάνθρωπον αὐτῆς βασιλέα καὶ Κύριον καὶ (f. 165 ν.) κρητὴν πάσης πνοῆς κατιδῆς καὶ καταμάθης. Δι' ὃν τε τρόπον τοῖς ἐνταῦθα ἐπιδεδῆμηκας καὶ κατ' ἀρχὰς μὲν εἶπὸν σοι, γνώσῃ δὲ καὶ μετ' ὀλίγον τελεώτερον καὶ μάλα σαφέστερον, καὶ ἴδῃς ἃ ὀφθαλμὸς ἀνθρώπινος οὐχ' εἴωρακε καὶ οὐκ οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, καὶ ἀκριβῶς καταμάθης καὶ γνώσῃς ὅτι πᾶς ὁ πιστεύων εἰς τὸν ἐν Τριάδι ὑπὸ τῶν ὀρθοδοξῶν χριστιανῶν δοξαζόμενον Θεὸν καὶ εἰς τὴν ἕναρκεν οἰκονομίαν αὐτοῦ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Λόγου τοῦ Θεοῦ καὶ εἰς τὸ κήρυγμα τῶν ἀγίων αὐτοῦ μαθητῶν καὶ ἀποστόλων, καὶ ἐμμένων εἰς τὴν διδαχὴν καὶ τὰ δόγματα τῶν ἀγίων καὶ θεοφόρων πατέρων, τῶν εἰς τὰς ἐπτὰ φημι καὶ ἀγίας καὶ οἰκουμενικὰς συνόδους συνεληλυθότων, καὶ ἀπλῶς τὴν παράδοσιν τῆς ἀγίας καὶ καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας κρατῶν καὶ φυλάττων ἀπαράτρωτον, ζῆσεται εἰς τοὺς ἀπεράντους αἰῶνας, οἰκῶν ἐν τῇδε τῇ ἐξασίᾳ καὶ φρεῖ (f. 166 γ.) κωδεστάτῃ πόλει, ἀπολαύων καὶ εὐφραυνόμενος τοῦ κάλλους αὐτῆς· ὁ δὲ γε ἔξωθεν τούτων πιστεύων καὶ παραχαράττων

και καινοτομῶν τι τῶν δεδο[γ]μένων και παραδεδομένων ἐν τῇ αὐτῇ ἀγιωτάτῃ ἐκκλησίᾳ (τῶν) θείων δογμάτων, λέγων ὅτι· πιστεύω εἰς τὸν Θεὸν τὸν τὴν γῆν και τὸν οὐρανὸν ποιήσαντα, εἰς δὲ τὸν μονογενῆ Υἱὸν και Λόγον αὐτοῦ, και εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον βλασφημιῶν, οὐ ζῆσεται εἰς τὸν αἰῶνα, ἀλλ' εἰς τὸ τῆς γενένης αἰῶνιον πῦρ παραπεμφθήσεται.

Τούτων οὕτως παρὰ τοῦ φοβεροῦ και φρικωδεστάτου ἀγγέλου ἐκείνου πρὸς με λεγομένων, ἀναβλέψαντες τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν ἐπὶ τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην πόλιν, ὄρωμεν ἐν μέσῳ αὐτῆς σκοπὸν ἐξαισιον ὑψηλὸν και θαυμαστὸν οἰοεῖ τινα λόφον ἐφ' ὑψηλοῦ ἰστάμενον και λίαν ὑπερανεστηχότος τόπου· ἦν δὲ ὅλος πετυρακτωμένος πυρὶ, οἰοεῖ τις σιδήρος ἢ χαλκὸς ἀπηνδρακωμένος· ἐπάνω δὲ αὐτοῦ σταυρὸς φοβερός και φρικῶς (f. 166 v.) ὄης ὠρᾶτο ἰστάμενος ἐξαστράπτων και καταφλέγων, μᾶλλον δὲ καταφωτίζων τὸν φρικώδη ἐκείνον αἰθέρα· ἐπάνω δὲ τοῦ τριούτου σταυροῦ περιστέρα μεγάλη σφῆδρα, λευκὴ ὡσεὶ χιών και εἰς τὸ ὄρασθαι ἠδέεα, και περιέπτατο· ἐν δὲ τῇ πρὸς αὐτὴν ἀτενίσει φῶς ἀπειρον και ἀνεκλάλητον ἐκπέμπουσα και φίλτρον ἔρωτος πνευματικοῦ και θείας ἀγαλλιᾶσεως ἐν τῇ καρδίᾳ ἡμῶν εἰσάγουσα· ἐπάνω δὲ τοῦ φοβεροῦ και πυρρειδοῦς σταυροῦ ἐκείνου ὠπται· ἡσπινος φρικτῶς στρεφομένης, οἰοεῖ ῥόδα κοκκινοβαφῆ και ἀνθη χιονοφεγγῆ, ὡσπερ ἀπὸ πυρακτωμένου σιδήρου σπινθήρες ἀπετινάσσοντο και ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ αἰθέρος τῆς ἀγίας πόλεως ἐκείνης ἐξέπιπτον.

Ἐπι βλεπόντων ἡμῶν ταύτην, ὄρωμεν, και ἰδοὺ ἀπὸ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου ὕψους τοῦ αἰθέρος κάτεισιν, ὡσπερ τις ἀστραπὴ ἐκπληκτικὴ, νεανίας τις ἐπὶ τὴν πόλιν πτέρυξι φλογεροῖς ἀκτινοβολούσαις περιαστραπτόμενος και τινας ἐτοιμασίας. (f. 167 r.) ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ διατάττων και ἐτοιμάζων, ὡσανεὶ βασιλέως καθέδραν και τινων στρατευμάτων μελλόντων ἀφικέσθαι ἐκείσε. Ἐπι γοῦν ὄρωμεν, και ἰδοὺ ἕτερος νεανίας θαυμαστός τῷ εἶδει ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ ὕψους κάτεισι σὶν τάχει πολλῶ ἐπὶ τὴν πόλιν θρόνον φρικώδη κατέχων, ὃν ἠτοίμαζε τῷ ἐρχομένῳ βασιλεῖ, φωνὴ δὲ τις ἐξηκούετο εἰς τὰ ὦτα ἡμῶν ἐξερχόμενη ἐκ τῆς πόλεως λέγουσα· Μέλλει ὄσον ὅπου παραγίνεσθαι ἐπὶ τὴν ἀγίαν πόλιν ταύτην βασιλεὺς μέγας και φοβερός μετὰ δυνά-

μεως και δοξης πολλῆς. Ἔτι πρὸς τούτοις ὀρώμεν, και ἰδοῦ τέσσαρες νεανίαι ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου κατήλθον ἐπὶ τὴν πόλιν και αὐτοὶ κατέχοντες ἀνὰ μίαν λαμπάδα· αἱ δὲ λαμπάδες ἐκείναι ξένη και αὐλφ πυρὶ καιόμεναι, ὀφθαλμοῖς αἰσθητοῖς μὴ ὀρώμεναι· ὀφτινες μιᾶ φωνῇ λυγηρῶς ἀνεβόων· Ἐλαμψεν ἡ χάρις σου, Λόγε Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ἐλήλυθεν ἡ δόξα τῶν ἀγίων σου, Ὑἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζώντος. Μετὰ δὲ τούτοις ὀρώμεν, και ἰδοῦ (f. 167 v.) ἕτερος νεανίας θαυμαστός τῷ εἶδει, ἐξαισίς τῷ κάλλει, ὅς και κατέβη ἐναντι τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως και ἀνέκραγε μεγάλα και δι' ὀλίγων· Ἰδοῦ ἡ κρίσις και ἡ ἀνάστασις τῶν νεκρῶν και ἡ ἀνταπόδοσις τῶν βεβιωμένων ἐκάστου παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐπεδήμησε.

Προσσχόντες τοιγαροῦν βλέπομεν, και ἰδοῦ στύλος πυρὸς κατήρχετο ἀνωθεν και ἐν τῷ κατέρχεσθαι αὐτὸν ἦχος ἀπετελεῖτο φρικτός και φοβερός, πῦρ ἄπειρον βάλλων ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ αἰθέρος· και αὐτὸς κατελθὼν ἔστη, οὐκ ἐπὶ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης πόλεως, ἀλλ' ὅπῃς τινὸς ἀνοιγείσθαι αὐτῷ ἐπὶ τοῦ θαπέδου ἐκείνου, εἰς ὅπερ ἡμεῖς ἰστάμεθα, κατέβη ἐπὶ τὸν κόσμον και διεχύθη εἰς τέσσαρας ἀρχὰς και ἤψατο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς κτίσεως. Και ἰδοῦ φωνῇ ἐν μέσῳ τοῦ κόσμου λέγουσα· Ἰδοῦ ἡ δημιουργικὴ τοῦ ὑψίστου δύναμις πάντων ἤψατο τῶν ἀνθρωπίνων ὀστέων και ἀδρόισι (f. 168 r.) αὐτὰ, ὀστέον πρὸς ὀστοῦν και ἀρμονίαν πρὸς ἀρμονίαν αὐτῆς. Πρὸς ταύτην οὖν τὴν ἐξαισίον και πλήρη θάμβους φωνὴν ἐκπληττομένων ἡμῶν, ἰδοῦ ἕτερος φοβερός νεανίας λευκὸν ἐνδυμα ὡς τὸ φῶς περιβεβλημένος και τὴν ὀσφύν αὐτοῦ περιζωσμένος οἶονεῖ ἤλεκτρον καθαρὰν· και αὐτὸς κραταιῶς ἐπορεύετο φέρων ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ τόμον ὡσεὶ πῦρ, και ἐν τῷ τόμῳ ἐκείνῳ ἦν ἐπιστολὴ Κυρίου γεγραμμένη πρὸς τὸν Σατᾶν πεμφθεῖσα, οὔτινος ἐφασκον πληρωθῆναι τὴν βασιλείαν ἔτη τρία βεβασιλευκότος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς. Και αὐτὸς οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν παραγέγονεν, ἀλλὰ κατόπιν ἀφίκετο τοῦ πυρίνου στύλου, ὡς ἐπὶ τὸν κόσμον παραγενόμενος, ἐνθα ὁ δηλωθεὶς Σατᾶν ἐβασίλευ(σ)ε, και στὰς κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὑπανέγνω τούτῳ τὴν σταλείσαν αὐτῷ παρὰ Κυρίου ἐπιστολὴν και κατασχὼν αὐτὸν εἶλκεν ἐξω τῶν βασιλείων ἐπὶ τῷ θεῖναι αὐ(ῶν). (f. 168 v.) τῷ ὀσφρησιν αὐτοῦ ἐπὶ τὸ τεῖχος τῆς γῆς, ὡστε ἀναμάξασθαι και

εἰσοικίσασθαι αὐτόν πᾶσαν διαφθοράν καὶ κακίαν, πᾶσαν ὀργὴν καὶ μῆνιν, πάντα ἰόν καὶ θυμὸν πάσης ἀκαθαρσίας καὶ ἀνομίας, πάσης πονηρίας καὶ αἰρέσεως, πάσης μαγίας καὶ φαρμακίας καὶ εἰδωλολατρίας· ὅτι ἰδοῦ πέφθακε τὸ τέλος αὐτοῦ καὶ μέλλουσιν αὐτόν κατακαίειν μετὰ καὶ πάντων τῶν στρατευμάτων αὐτοῦ. Διὰ τοῦτο προσέταξε Κύριος ἀναμάξασθαι καὶ πρὸς ἑαυτὸν ἐλκύσασθαι πᾶσαν κακίαν, ἣν αὐτὸς ἑαυτῷ μετὰ τὴν ἰδίαν ἔπαρσιν καὶ τὴν ἐκ τῶν οὐρανῶν ἀπορριφὴν ἐδημιούργησεν, ὡς ἂν σὺν αὐτῷ εἰς τὰ ἡτοιμασμένα αὐτῷ κολαστήρια σὺν πάσῃ τῇ στρατιᾷ αὐτοῦ παραδοθῇ καὶ εἰς τὸ μὴ ἔν παντελῶς ἀπὸ τοῦ κόσμου χωρήσῃ καὶ ἀπελαθῇ.

Ἔτι οὖν ἡμῶν ἐπὶ τούτοις ἐχόντων καὶ ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ θεωρίᾳ ἀσχολουμένων, ἰδοῦ παρεμβολαὶ δυνάμεων ἐφίππων μεγάλαι σφοδρα· οἱ δὲ τούτων ἵπποι πύρινοι πτερωτοί, φλόγα πυρὸς ἐκπέμποντες ἀπὸ τῶν मुखτή(ф. 169 г.)ρων αὐτῶν, ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐκείνου βαδιῶντες· καὶ αὐταὶ οὐκ ἐπὶ τὴν πόλιν εἰσῆρχοντο, ἀλλ' ἐπὶ τὸν κόσμον ἐπορεύοντο. Ἐνωτισαμένων οὖν ἡμῶν ἐπὶ τῷ κατελθεῖν αὐτοὺς ἐπὶ τὸν κόσμον, ἀκηκόαμεν καὶ ἰδοῦ βροαὶ, κλαυθμοὶ τε καὶ ὄδυρμοὶ πολλοὶ ἐξηκούοντο ἰσχυρῶς ἀπὸ προσώπου πάσης τῆς γῆς, ἐπειδὴ οἱ κατελθόντες ἐκεῖσε ἐφίπποι ἄγγελοι ἰσχυρῶς ἐξήλαυνον, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος τοῦ Θεοῦ ἐστὼς ἐκεῖσε, ἐπὶ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν καὶ τόπον ἄβατον καὶ ἀμειδίῃ, καὶ ἀφειδῶς κατέσφαττον πάντας τοὺς ἀποπλανηθέντας ὀπίσω τοῦ ἀποστάτου καὶ Ἀντιχρίστου Σατάν ἐν τῷ καιρῷ τῆς αὐτοκρατορίας αὐτοῦ, μὴ ἀξιουμένους ἐλέους ἢ συγγνώμης τινός. Ἔτι τούτοις ἀποσκοποῦντες ὀρώμεν, καὶ ἰδοῦ στράτευμα στρατευμάτων ἐν εὐσχήμῳ καταστάσει καὶ τάξει βασιλικῇ ἐπὶ τὰ τῆς γῆς πληρώματα ἀφιέμενα, ἀριθμῶ ὅλως μὴ ὑποκείμενα, καὶ ταῦτα ἐτοιμασίαν ἐποιοῦντο τῆς τοῦ Κυρίου ἐλεύσεως· ὁ γὰρ θρόνος αὐτοῦ ὁ φοβερός καὶ ἅγιος παρ' αὐτῶν ἡτοιμάζετο (ф. 169 в.) καὶ ἐτίθετο ὡς προσῆκε τῇ δόξῃ τῆς ἁγιοσύνης αὐτοῦ. Τούτων δὲ παρελθόντων, ἰδοῦ εἰς τῶν ὑψηλῶν καὶ ἐνδοξῶν νεανίσκων, οὗ ἡ στολὴ βασιλική, ἐνδόξως κάτεισιν ἀπὸ τοῦ ὕψους ἐκείνου τοῦ φοβεροῦ, καὶ αὐτὸς σάλπιγγα κραταϊάν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων, πρὸς τὰ ἐπίγεια ἐπορεύετο κατόπιν τῶν ἐξαισίων στρατευμάτων ἐκείνων. Κατόπιν δὲ αὐτοῦ ἰδοῦ δυσκαίδεκα ὠραιότατοι καὶ εὐεῖδεις νεανίαί, καὶ αὐτοὶ τὴν στολὴν

καὶ τὴν μορφήν βασιλικὴν ἠμφιεσμένοι παρομοίαν τοῦ προκατιόντος νεανίσκου, σάλπιγγας χρυσᾶς ἀστραπτούσας καὶ κραταιὰς ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν κατέχοντες. Καὶ ὡς παρωχῆκασιν ἐπὶ τοῦ αἰθέρου τοῦ προγεῖου, συμπάρεστησαν τῷ προκατιόντι ἐκεῖσε φοβερῶ καὶ ἐξαισίῳ νεανίσκῳ· εἰδ' οὕτως ἐσάλπισε πρῶτος ἐκείνων τῶν ἄλλων ἐν δυνάμει ἰσχύος αὐτοῦ, καὶ ἀπὸ τοῦ ἤχους τῆς τοιαύτης χρυσῆς καὶ φοβερᾶς σάλπιγγος διεδονήθησαν πάντα τὰ πέρατα· εἶτα ἐσάλπισαν καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἰστώτες ἕτεροι δώδεκα νεανία. Καὶ ἰδοὺ ἐ(φ. 170 γ.)τρόμαξε πᾶσα ἡ γῆ καὶ ἀνέωχθησαν πάντα τὰ μνημεῖα καὶ οἱ τάφοι τῶν ἀπ' αἰῶνος κεκοιμημένων, καὶ ἀνέβη νεῦρα καὶ σὰρξ ἀφ' αὐτῶν ἐπὶ τὰ ὀστέα τῶν ἐν τοῖς τάφοις κειμένων νεκρῶν, καὶ πνεῦμα ζωῆς οὐκ ἦν αὐτοῖς. Καὶ προσθεὶς ἐσάλπισεν ἐκ δευτέρου ὁ φοβερός καὶ ἐνδοξὸς ἐκεῖνος νεανίας, καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ οἰκουμένη καὶ ἀνέωχθησαν, ὡς προείρηται, αὐτομάτως πάντα τὰ μνημεῖα τῶν ἀπ' αἰῶνος κεκοιμημένων, καὶ ὡσπερ ὕλος ὑπὸ βαρυτάτου λίθου κρουσθεὶς συντρίβεται, οὕτως ἀπὸ τῆς φρικτῆς ἐκείνης τῶν σαλπίγγων βοῆς πάντα συνετρίβησαν καὶ ὡσεὶ χουῖς ἐλεπτύνθησαν καὶ εἰς ἀφανὲς κατέστησαν καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς κειμένους νεκροὺς ἔξω σώους καὶ ἀνελλιπεὶς ἀπέρριψαν τῇ ἡγῆ τῆς κραταιᾶς σάλπιγγος ἐκείνης. Καὶ ἰδεασάμεθα ἔτι, καὶ ἰδοὺ ὡσεὶ ἄμμος τῆς θαλάσσης καὶ ὡσεὶ χουῖς τῆς γῆς στρατεύματα νεανίσκων ἀκωθεν κατερχόμενα διὰ τάχους ἐπὶ (φ. 170 ν.) τὰς τῶν ἀπ' αἰῶνων ψυχῶν τῶν ἀνθρώπων καταπαύσεις πορευόμενα τοῦ ἐξαποστεῖλαι αὐτάς καὶ ὀδηγῆσαι ἐκάστου ἀνθρώπου ψυχὴν ἐπὶ τὸ ἴδιον αὐτῆς σκῆνωμα. Καὶ ἐσάλπισε τρισσεύσας ὁ μέγας ἀρχιστράτηγος Κυρίου Μιχαήλ· οὕτως γὰρ ἦν ὁ τῶν ἄλλων πάντων ἀγγέλων ἐξοχώτατος, ὃς καὶ προκατεῖσι πρὸ τῶν ἄλλων, ὡς ἐφημεν· καὶ ἔφριξεν οὐρανός καὶ ἡ γῆ· ἀπὸ τῆς ἰσχυρᾶς ἡχοῦς τῆς φωνῆς τῆς τρίτης σάλπιγγος· καὶ ἰδοὺ πᾶσα ἡ συναγωγὴ υἰῶν ἀνθρώπων ἐξερρίφη ἔξω ζῶσα ἀπὸ τοῦ χώματος πάσης τῆς γῆς, καὶ ἰδοὺ ἡ θάλασσα καὶ οἱ ποταμοὶ ἀνέβρασαν ἐπὶ τὴν ξηρὰν καὶ ἄπαν ἄλσος καὶ πᾶσα λίμνη φόβῳ καὶ τρόμῳ ἀπέδωκαν καὶ ἐξήμεσαν πλήθη ἀναρίθμητα ἀνθρώπων. Καὶ ἰδοὺ μυριάδες μυριάδων ἀνθρώποι, καὶ ὑπὲρ αὐτῶν τὸν χουῖν τῆς γῆς καὶ τὸν τῆς θαλάσσης ψάμμον ἦσαν τῷ ἀριθμῷ γρηματίζοντες ἐν πλεονασμῷ, οἵτινες εὐρέθησαν αἰζῆνης εἰς τὸ πρόσωπον πάσης

τῆς γῆς, ἰση τῇ ἡλικίᾳ πάντες χρηματίζοντες, αἱ τε θῆλειαι καὶ οἱ ἄρρενες, καὶ διαφορὰ οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς· εἰ γὰρ λίαν ἐφ' ὑψηλοῦ τόπου τοῦ προδηλωθέντος ἡμεν ὑπερι(φ. 171 γ.)σταμένοι, ἀλλ' οὖν ἐδόθη ἡμῖν ὑπὸ τοῦ Κυρίου χάρις καὶ δύναμις βράσειώς τε καὶ γνώσεως, δε' ἦς, ὡς ὑπὸ τινος ὁπίης ἀνεωχθείσης ἡμῖν κατὰ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόν, ἡδυνήθημεν ταῦτα καθαρῶς πάντα καὶ λίαν ἀπλανῶς θεωρῆσαι καὶ καταστογᾶσασθαι· καὶ ὡσπερ ἂν αὐτὰ τὰ ἐν τοῖς πρὸς αὐτοῦ ὄντα ἰσχύει τις ἐπιφανῶς τε καὶ τηλαυγῶς κατιδεῖν καὶ κατανοῆσαι καὶ ἀκριβῶς καταμαθεῖν, οὕτω καὶ ἡμεῖς ἐβλέπομεν καὶ κατεμανθάνομεν ἀπλανῶς ταῦτα πάντα. Εἶδομεν γοῦν ἐν τῷ ἀναστῆναι τὸν πρωτόπλαστον Ἀδάμ σὺν τῇ Εὐά καὶ πᾶν ἔθνος καὶ πᾶσαν φυλὴν, ἣτις ποτὲ ἐξῆσεν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκ τοῦ σπέρματος αὐτῶν μετ' αὐτῶν, καὶ ἴσταντο ἐν στενοχωρίᾳ καὶ λύπῃ πολλῇ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς· ὧν οἱ μηδέποτε τὸ τῆς ἀναστάσεως μυστήριον ἐφρεττον πλέον τῶν ἄλλων καὶ ἱλιγγίων τῷ ὄντι καὶ ἔτρεμον καὶ μεγάλως ἐκόπτοντο, κατανοοῦντες τὰ κατ' αὐτούς καὶ ὁμῶς διαλυθέντες εἰς γοῦν αὐδῆς σῶσι καὶ ἀνελλιπεῖς ἐξανέστησαν καὶ εἰς τὸ ἔμψα(φ. 171 ν.)νὲς ζύμπαντες ἐξηγέρθησαν, ὡς μηδὲ αὐτὰ τὰ ἀρτίτοκα καὶ ἀρτιδάνατα ἄωρα βρέφη ἀπολειφθήσεσθαι τῆς τριαύτης ἐξαναστασεως, ἀλλὰ καὶ τῆς αὐτῆς ἡλικίας καὶ τάξεως σῶα καὶ ταῦτα τυγγάνοντα, καὶ ἐκ τούτου ἐξίστασθαι καὶ καταπλήττεσθαι καὶ ἀγωνιᾶν πάντας σφόδρα καὶ ἀναλογιζομένους τὰ τριαῦτα φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια. Καὶ αὐτὸς οὖν ἐγωγε ἐφρεττον σφόδρα λίαν καὶ ἔτρεμον, καὶ εἰ μὴ χάρις ἦν ἔμοι δοθεῖσα καὶ δύναμις ἐκ Θεοῦ διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ ἀγίου αὐτοῦ θεράποντος καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου, ἀπώλεσα ἂν ἀπὸ τοῦ φόβου ἐκείνου καὶ τὸ ζῆν παραντίκα, πρᾶγμα καθορῶν ξένον καὶ φρικτὸν τῷ ὄντι καὶ παράδοξον καὶ πάσης γέμον ἐκπλήξεως, οὐ μόνον ἔμοι, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς οὐσι καὶ καθορῶσι ταῦτα· λέγω δὴ τὴν ἀνάστασιν τῶν νεκρῶν, τὴν τῶν θηλείων ἐναλλαγὴν πρὸς τὸν ἀνδρώδη μετασχηματισμόν, καὶ τὴν τῶν ἀρτιγενῶν νηπίων ἀποβεβιωκότων εἰς τὴν ἰσην πᾶσιν ἡλικίαν μετὰμεψίν καὶ σωματικὴν ὁμοίωσιν πάντων τῶν ἀπὸ Ἀδάμ καὶ μέχρι τοῦ (φ. 172 γ.) ἐσχάτως πάντων. Καὶ ἐν αὐτῇ σχεδὸν τῇ κρούσει τῆς σάλπιγγος γεννηθέντος, τῶν μὲν ἤδη κεκοιμημένων καὶ

αὐτῆς ἐγγεγερμένων, τῶν δὲ ἐν ἀτόμῳ ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ, ὡς φησὶν ὁ θεὸς ἀπόστολος, ἐναλλαγέντων, καὶ ὅτι οὐδεμία ἐν τινι αὐτῶν ἦν σωματικῆς ιδιότητος διαφορά, εἰὼν τι λέγω σιμότης, λευκότης, μελανότης, γρυπότης, νηπιότης, γηραιότης ἢ ἄλλο τι τοιοῦτον, ἀλλὰ πάντων ἡ ἰδέα καὶ ἡ ἡλικία μία καὶ ἡ αὐτὴ ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, νηπίων τε καὶ νέων καὶ γεγηρακῶτων.

Ἄλλὰ τί πάθω; ὁ γὰρ νοῦς μου κλονεῖται καὶ τῷ δέει συνέχεται, ἡ χεὶρ μου δὲ ναρκᾷ καὶ τρέμει, ἡ γλῶσσα πεδεῖται καὶ πρὸς τὸ λέγειν ἠλιγγιᾷ καὶ φρίττουσα ἀτνεῖ, καὶ ὅλος δι' ὅλου ἐξίσταμαι καὶ τῷ φόβῳ συστέλλομαι· μέλλω γὰρ ὑμῖν διηγήσασθαι φρικτὰ καὶ ἐξαισία καὶ τῷ ὄντι παράδοξα καὶ ξένα μυστήρια, ὅθεν ὑμᾶς τοὺς ἀκροατὰς δυσωπῶ πάσῃ νήφει καὶ προσοχῇ καὶ τελείφω φόβῳ Θεοῦ τῶν ἐμῶν ἐπακροάσασθαι βημάτων· φρικτὰ γὰρ ταῦτα καὶ ἀνήκουστα καὶ πά(φ. 172 ν.)ση ἀκοῇ ἀνθρωπίνῃ δυσπαράδεκτα, διὸ καὶ τοῖς πολλοῖς ἄπιστα δοξεῖε καὶ μάλιστα τοῖς ἀπλουστέροις. "Ὅθεν παρακαλῶ ὑμᾶς, ἀδελφοί, μηδεὶς σκανδαλισθῆ ἐπὶ τοῖς λεγομένοις καὶ ἀντὶ εὐλογίας καὶ μισθοῦ κομίσηται· ὡς ἐπὶ τοῦ φρικτοῦ γὰρ καὶ ἀπαραλογίστου θρόνου τοῦ φοβεροῦ καὶ δικαίου Κριτοῦ παριστάμενος μετὰ πάσης ἀκριβείας ἄπερ ἐώρακα ἀψευδῶς ταῦτα τῆδε τῇ γραφῇ ἀπαραλλάκτως συνέταξα καὶ ὑμῖν παραδέδωκα εἰς κοινήν ὠφέλειαν τῶν ἐντυγχανόντων. "Ὅθεν, ὡς ἔφην, προσεκτέον τοῖς λεγομένοις· ἐπὶ γὰρ τὸν εἰρμόν τοῦ λόγου τὸν λόγον ἐπαναγάγω.

Ὡς γὰρ τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα καὶ ξένα ἐώρων πράγματα καὶ θεῖα μυστήρια τὰ ἐξ ἀκοῆς μόνης νοῦν καὶ διάνοιαν ἐξιστῶντα, ἐξιστάμενη καταπληττόμενος ὅλος καὶ τῷ φόβῳ βαλλόμενος· τινῶν μὲν ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα λαμπρῶς ἐξαστράπτοντα καὶ λίαν περιφανῶς αὐγάζοντα ὡσπερ ἀστέρες, τινῶν δὲ λάμποντα (φ. 173 Γ.) μὲν λίαν, καταδέεστερον δὲ, ὡσπερ καὶ περὶ τούτων ἐν τῷ ἀποστολῶφ εἴρηται, φάσκοντι· Ἄστηρ ἀστέρος διαφέρει ἐν δοξῇ· καὶ τινῶν μὲν ἀπηγάζον οἷα δὴ σελήνη ἐν τῷ ζόφῳ τῆς νυκτός, τινῶν δὲ ὡσπερ αὐτὸ τὸ φῶς τῆς ἡμέρας ἔλαμπον καὶ ἐφαιδρύνοντο, καὶ τῶν μὲν ἦπτον τὰ πρόσωπα οἷα δὴ σιδήρος πεπυρακτωμένος σπινθηροβολῶν, τινῶν δὲ ὡς ὁ ἥλιος ἔλαμπον, καὶ τῶν μὲν ὡσεὶ γινῶν καθορῶντο τὰ πρόσωπα λευκά, τῶν δὲ διαφανῆ ὡσεὶ ἕρισιν, καὶ τινῶν μὲν ὡσπερ τὰ

λευκά και ἐρυθρά ῥόδα ἀπέστιλβον· και ἀφατός τις ἦν ἐν τούτοις δόξης και λαμπρότητος διαφορά. Και ὑπεράνω δὲ τῆς ὀφρύος τῆς ἐνός ἐκάστου αὐτῶν κεφαλῆς γράμματα ἐξ ἀστραπῆς ἐνεγέγραπτο δηλοῦντα τὴν αὐτῶν ἀρετὴν· και τισι μὲν ἔγραφον· προφήτης Κυρίου, ἐν ἄλλοις δὲ· ἀπόστολος Κυρίου, και ἐπὶ τισι μὲν ἐδήλου ἡ γραφή· μάρτυς Κυρίου ὁ δεῖνα, ἐπὶ τισι δὲ· ἐγκρατῆς διὰ Κύριον ὁ δεῖνα, και ἐν τισι μὲν κῆρυξ Κυρίου και ἐν ἄλλοις· (f. 173 v.) εὐαγγελιστῆς Κυρίου, και ἐν τοῖς μὲν παρεδήλου ἡ γραφή· ὁμολογητῆς Κυρίου, ἐν τοῖς δὲ· ἱεράρχης Κυρίου, και ἐν τισι μὲν· ὁσιος Κυρίου, και ἐν τισι δὲ· ἀσκητῆς Κυρίου, και ἐφ' ἱκανοῖς μὲν· δίκαιος Κυρίῳ τῷ Θεῷ, ἐφ' ἱκανοῖς, δὲ· τῷ πνεύματι πτωχός και ταπεινός τῇ καρδίᾳ, και ἐν ἄλλοις μὲν· ἐλεήμων και εὐμετάδοτος, ἐν ἄλλοις δὲ· συμπαθῆς και οἰκτιρῶν, και ἐν τισι μὲν· πένθει και δάκρυσι κεκαθαρμένος, και ἐν τισι δὲ· ὀθλίφεις και ὀωγμούς και ὀνειδισμούς και μάστιγας διὰ Κύριον ὑπομείνας εἰς τέλος, και ἐν τοῖς μὲν· ὁ πρᾶος και ἡμερος, συμπαθῆς τε και εὐ[σ]πλαγγνος, ἐν οἷς δὲ· ὁ εἰρηνοποιός, ἐν ἄλλοις· ὁ δεδιωγμένος ἐνεκεν δικαιοσύνης, και ἐν ἄλλοις· ὁ ξενιτεύσας διὰ Κύριον, και ἐν τοῖς μὲν· ξενοδόχος και πτωχοτρόφος, ἐν τοῖς δὲ· ὁ πιστός και εὐγνώμων δούλος Κυρίου, και ἐν τισι μὲν· ὁ καλῶς διακονήσας τὴν πνευματικὴν αὐτοῦ διακονίαν, ἐν τισι δὲ· ὁ τὴν ὑπακοὴν ἐν ταπεινώσει καρδίας διὰ Κύριον μέχρι τέλους ζωῆς αὐτοῦ κτισάμενος, και ἐν ἄλλοις μὲν· ὁ παρθένος και ἀγνός και καθαρός Κυρίῳ (f. 174 r.), ἐν ἄλλοις δὲ· ὁ τὴν κριτὴν τῆς νομίμου συζυγίας αὐτοῦ ἀσπιλον και ἀμείωτον τηρήσας και διαφυλάξας, και ἐν τοῖς μὲν· ὁ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ θεῖς ὑπὲρ τῆς ἀγάπης τοῦ πλησίον αὐτοῦ, ἐν τοῖς δὲ· ὁ πενίας κάμινον εὐψύχως και εὐχαριστῶς διὰ Κύριον ὑπομείνας, ἐν ἄλλοις δὲ· ὁ μὴ ἀποδιδούς κακὸν ἀντὶ κακοῦ, και ἐν ἄλλοις· ὁ τῆς μετανοίας ἐργάτης, και ἐν τισι μὲν· ὁ τὸ δίκαιον και εὐδὲς και ἀγαθὸν καλῶς ποιήσας ἐνώπιον Κυρίου, εἶτα διδάξας τούτο και ἄλλους πολλούς, ἐν τισι δὲ· ὁ ἐν τοῖς θεοῖς ναοῖς τοῦ Θεοῦ αἰετῶς ἐνασχολούμενος και τῶν τοῦ Θεοῦ λογίων μετὰ ἡσυχίας και φόβου ἐπακρωμένους· και ὧν μὲν· ὁ μὴ θησαυρίσας ἐπὶ τῆς γῆς και τὴν ἰδίαν γαστέρα μόνος ἐγνωκῶς ἐμπιπείς, ὧν δὲ· ὁ τῶν ἰδίων οἰκέταις συμπαθῶς διακείμενος και τούτοις μὴ ἀποδιδούς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν και τὰ ὀλισθήματα. Και ἵνα συνελών εἶπω, ἐνός ἐκάστου

ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία τοῖς πᾶσι δῆλη καθίστατο· τοῦτο γὰρ παρεδήλου ἢ διὰ ἀστραπῆς σεσημειωμένη ἐν τῷ μετώπῳ ἐκάστου γραφή, τὴν πράξιν τε φη(ἰ. 174 ν.)μί καὶ τὴν κλῆσιν. Καὶ ἵνα μὴ μῆκύνω τὸν λόγον, ἐνός ἐκάστου, ὡς εἴρηται, ἡ ἀρετὴ καὶ ἡ κακία γράμμασι διαχρύσοις, ὡσπερ ἀστραπὴ ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, ὑπεράνω τῆς κορυφῆς αὐτοῦ ἐγκεκολαμένοις παρεδήλουτο, τοῦτο μὲν ἀπὸ τῆς τῶν γραμμάτων ἐπιφανείας, τοῦτο δὲ καὶ ἀπὸ τῆς ἐν τῷ ἰδίῳ σώματι ἐξαστραπτούσης λαμπρότητος καὶ μάλιστα ἀπὸ τῆς δοθείσης τηνικαῦτα ἐκάστη ψυχῇ, δικαίων τε φημί καὶ ἀμαρτωλῶν, σὺν τῇ ἀφρασίᾳ θείας γνώσεως· ὥστε ἐν τοσοῦτῳ ἀναριθμητῶ καὶ ἀπείρῳ πλήθει τοὺς πάντας τοῖς πᾶσι γνωρίζεσθαι οὕτως ἀκριβῶς, ὡσπερ ἐνταῦθα ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα ἐπίσταται, μεθ' οὗ καὶ συνοικεῖ καὶ ὄν κοινωνόν ἐν τῷ βίῳ τούτῳ κέκτηται, τοῦ φιλανθρώπου καὶ ὑπεραγάδου Θεοῦ ἡμῶν τοῦτο οἰκονομήσαντος, τοῦ γινῶναι δηλαδὴ ἕκαστον ἑαυτὸν καὶ πληροφρορηθῆναι ἐκ τῶν ἰδίων ἔργων οἷας ἔτυχε καταστάσεως· ναὶ μὴν ἀλλὰ καὶ πᾶσι δῆλος εἶναι, τίς ὁ ἐλεήμων φημί καὶ τίς ὁ ἀνελεήμων, καὶ τίς ὁ παρθένος καὶ καθα(ἰ. 175 ς.)ρός, καὶ τίς ὁ πόρνος καὶ ἀκάθαρτος, τίς ὁ συμπαθὴς καὶ εὐσπλαγχνος, καὶ τίς ὁ ἀπηγῆς καὶ ἀσπλαγχνος, τίς ὁ προφήτης καὶ τίς ὁ μάρτυς, τίς ὁ εὐσεβὴς καὶ φιλόθεος, καὶ τίς ὁ ἀσεβὴς καὶ ἀρνησίθεος, τίς ὁ δίκαιος καὶ φιλόπτωχος, καὶ τίς ὁ ἀδικος καὶ φιλόχρυσος· καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν, πάντες καὶ πᾶσαι ἕκαστος αὐτῶν, οἷος ἂν εἴη, οἷας ἔτυχε τάξεως γνωρίζεσθαι τοῖς πᾶσιν, ὡς ἐφημεν, ὡσάν οἱ ἀξίως ἐνταῦθα πολιτευσάμενοι καὶ τῶν ἐντολῶν Κυρίου ἀκριβεῖς φύλακες καὶ ἐκπληρωταὶ ἀναδεχθέντες τε καὶ ὑπάρξαντες, ἐκεῖσε ὑπὸ πάντων γνωστοὶ καθίστανται καὶ τῶν μακαρισμῶν καὶ τῆς εὐφημίας καταπολαύουσι καὶ παρὰ πάντων τῆς εὐκλείας καὶ δόξης ὑπερεκθειάζονται καὶ καταγεραίρονται.

Οἱ δέ γε πάλιν ἐν τοῖς τῆς ἀριστερᾶς μερίδος εὐρεθέντες καὶ κατεσχημένοι τυγχάνοντες ὑπὸ πάντων καὶ ἐν πᾶσιν ἐπιγινώσκεσθαι καὶ θριαμβεύεσθαι, ὡς ἐνταῦθα μὴ καλῶς πολιτευσάμενοι καὶ τὰς ἐντολάς Κυρίου μὴδ' ὄλως φυλάξαντες, ἀλλὰ ὡσεὶ λήθρον τὰ βή(ἰ. 175 ν.)ματα ταύτης ἠγησάμενοι, καὶ μὴδὲ πρὸς τὰ τέλη τῆς ζωῆς αὐτῶν μετανοῆσαι καὶ ἐπιστρέψαι πρὸς σωτηρίαν διὰ μετανοίας καὶ δακρύων ὄλως προδυμηθέντες καὶ ἐξλιώσασθαι τὸ θεῖον τοῦ δοῦναι

αὐτοῖς συγγνώμην περὶ τῶν προπλημμεληθέντων αὐτοῖς καὶ προγεγονότων σφαλμάτων καὶ ἀθέσμων πράξεων. Καὶ περὶ μὲν τῶν τὰ πρόσωπα δεδοξα[σ]μένων καὶ λαμπρῶν ἐκείνων τοιαῦτα ἐγγέγραπτο· οἴκτινες καὶ παντελῶς ὀλίγοι σφόδρα ἐτύγχανον πρὸς τὸ ἀνεξυχνιάστον πλῆθος ἐκεῖνο τῶν ἀναστάντων νεκρῶν· μόλις γὰρ εἰς τοὺς χιλίους ἢ καὶ εἰς τοὺς μυρίους ἐκείνους εἰς ἐτύγχανεν ἐξαστράπτων τῇ ἀνεξυχνιάστῳ καὶ ἀρρήτῳ ἐκείνῃ δόξῃ τε καὶ λαμπρότητι· τοιαύτη γὰρ ἦν ἡ δοθεῖσα πᾶσι παρά τοῦ Θεοῦ δῆλωσις τε καὶ γνώσις. Περὶ δὲ τῶν ἐν ἀμαρτίαις ζησάντων καὶ ἀμετανόητον τὸν βίον ὑπέελθόντων, ἢ καὶ ἐν ἀπιστίᾳ παντελεῖ τῆς ἀληθοῦς θεογνωσίας ἢ καὶ ἐν διαφόροις ἀλλοκότοις αἰρέσει, τί ἂν εἴποι τις πόσης ἀηδίας καὶ ἀσχημοσύνης ἀνάπλεσι ὑπῆρ(φ. 176 γ.)χον; Ἦν γὰρ ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς σχήματα καὶ εἰδέας διαφόρους, χαλεπάς τε καὶ εἰδεχθεῖς, καὶ τάραχον πολὺν καὶ συντριμμὸν καὶ σύγχυσιν, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς· τινῶν μὲν ἐξ αὐτῶν ἦσαν τὰ πρόσωπα οἷα χοῦς καὶ σποδὸς τῆς γῆς παραφυρούμενα, τινῶν δὲ ὡσπερ τις πηλὸς δυσώδης πολὺς ἐπὶ τῶν πλατειῶν κείμενος, ἄλλων δὲ κοπρώδῃ καὶ βορβορώδῃ καὶ δυσειδῇ λίαν, καὶ ἄλλων σηπώδῃ καὶ ὀξώδῃ, ὡς ἐπὶ τῆς ἀγορᾶς τεθνηκῶς πολυήμερος κύων βριδῶν σκωλήκων· καὶ τῶν μὲν ὀρῶντο οἷα τοῖχοι κεχρισμένα κόπρῳ, τῶν δὲ ὑπῆρχον ἐξοστρακωμένα ὡσπερ χελώνης τὸ ἐπιλεπον, ὧν καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ ὡς ἐξοιδούντος τραύματος ἔλκος ἐξέχεον· καὶ ἄλλων μὲν οἷα τὰ τῶν ἱερᾶν ἐχόντων νόσον, οὗς καὶ λωβοὺς καλεῖν οἶδεν ὁ λόγος, ὧν ἐξωδηκότα καὶ ἐφθαρμένα ὑπῆρχον τὰ πρόσωπα, ἄλλων δὲ ἠσβολωμένα καὶ σκοτεινὰ ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ· καὶ τισὶ μὲν ὑπῆρχεν οἷα τὰ τῆς Ἀκραγαντίνων τιμωρίας (φ. 176 ν.) ἦν ἐπαθον θεοκρίτως οἱ τὸν ἅγιον Γρηγόριον συκοφαντίσαντες, καὶ τισὶ δὲ ἐξ ἡμισείας ἡμαυρωμένα καὶ ἐξ ἡμισείας τιτανώδῃ, ἐτέρωθι μὲν παρόμοια τῷ τῆς ἀσπίδος δέρματι καὶ χρώματι ἐπιδεικνύμενα, ἐτέρωθι δὲ τῷ τῆς ἐχίδνης· ἐν ἄλλοις οἷον τὸ τοῦ ὄφεως δέρμα, καὶ ἐν ἄλλοις ὡσπερ τὸ τῆς πονηρᾶς σάυρας οὕτως ὑπῆρχον· καὶ τῶν μὲν δορὰ ὄνου ἐρημάτιζον, τῶν δὲ οἷα τὰ τῶν χοίρων βορβορώδῃ καὶ κοπρώδῃ· καὶ τινες μὲν ἐξ αὐτῶν κοπρώδεις ὅλως καὶ δυσώδεις ὑπῆρχον ἀπὸ ποδῶν ἕως κεφαλῆς, ὡσπερ οἱ ἐν βορβόρῳ κυλινδούμενοι χοῖροι, τινὲς δὲ αἵματι πολλῷ βεραντισμένοι καὶ πλῆθος δυσωδίας

καὶ ῥύπου πολλοῦ ἐν τοῖς σώμασιν αὐτῶν ἔχοντες ὀρώντο, καὶ ἄλλοι μὲν ὄσραν γοῖρων ἐπὶ τὰ πρόσωπα ἐκέκτηντο, ἄλλοι δὲ ἄγριοι καὶ ἐβδελυγμένοι ὑφαίμους ἔχοντες τοὺς ὀφθαλμούς καὶ μεμνηότες ὀρώντο παντάπασι καὶ ἐξουθενημένοι· καὶ οἱ μὲν πίσση τὰ πρόσωπα κεχρισμένοι ὑπῆρχον, οἱ δὲ σηπώδεις ἀφρώδεις καὶ αἱματώδεις, καὶ ἄλλοι πεπληρω(φ. 177 γ.)μένοι πάσης ὠχρότητος καὶ τήξεως ὡς ἀπὸ μακρᾶς νόσου ταλαιπωρηθέντες καὶ τοῖς νεκροῖς παρομοιούμενοι καθορώντο. Καὶ ἄλλοι ἐν τῷ καθορᾶσθαι αὐτοὺς ἐν τοιοῦτοις σχήμασιν ἐβδελυγμένους ἀπὸ αἰσχύνης αὐτῶν εἰς φυγὴν ἐπειρῶντο τραπήναι καὶ κατακρύπτεσθαι, ἀλλ' οὐκ ἠδύναντο ἀπὸ τοῦ συνέχοντος καὶ συνωδοῦντος αὐτοῖς ἀναριδιμήτου πλήθους τοῦ κατηγρειωμένου ἐκείνου λαοῦ· τσοῦτον γὰρ ἐστενοχωρεῖτο ἕκαστος αὐτῶν ἀπὸ τοῦ περιεστῶτος καὶ συσφίγγοντος καὶ συμπνίγγοντος λαοῦ, ὥστε μηδὲ ὀπισθεν στραφῆναι δύνασθαι καὶ βλέπειν τίς ὁ συνέχων καὶ συμπνίγγων αὐτοῦς· τσοῦτον γὰρ ὑπῆρχε τὸ πλήθος τοῦ περιεστῶτος λαοῦ ἐκείνου, ὡς μηδὲ τὴν ὑπ' οὐρανὸν πᾶσαν δύνασθαι χωρεῖν αὐτούς· ὅθεν οὐκ ἄλλο ἦν ἰδεῖν ἐν αὐτοῖς ἢ ἀκοῦσαι, εἰ μὴ τρόμφ πολλῶ καὶ φόβῳ σὺν δάκρυσι καὶ οἰμωγαῖς ἀκαταπαύστοις βῶσιν ἡμοθυμαδὸν μιᾷ τῇ φωνῇ τὸ· Οὐαὶ, οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ταπεινοῖς, ὅτι αὕτη ἐσχάτη ἡμέρα ἐπὶ τῆς δευτέρας παρουσίας καὶ (φ. 177 ν.) ἐπελεύσεως Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ἣν ἀκούσαντες πρὸ τοῦ ἐξελεθεῖν ἐκ τοῦ κόσμου ἐκείνου γέλωτα καὶ λῆρον ταύτην ἐλογιζόμεθα εἶναι, καὶ νῦν ἀνέστησεν ἡμᾶς ὥστε ἀποδοῦναι ἡμῖν κατὰ τὰ ἔργα ἡμῶν· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀδλίαις καὶ ἁμαρτωλοῖς, ὅτι οὐκ ἔστιν ἀνάενυσις ἐν τῷ θανάτῳ αὐτῶν ἡμῶν καὶ ἐν τῇ μάστιγι ἡμῶν· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀκαθάρτοις καὶ κατακεκρυμμένοις, ὅτι διὰ μικρὰν ἠδονὴν τοῦ κόσμου ἐκείνου τῇ πικρᾷ γέεινῃ τοῦ πυρός τοῦ ἀσβέστου παραπεμπόμεθα· ἐπειδὴ γὰρ ἐφθασεν ἡμᾶς ἡ τελευταῖα τοῦ βίου ἀμετανοήτους καὶ ἀνεξαγορεύτους, διὰ τοῦτο μέλλει ἡμᾶς ὁ δίκαιος κριτῆς πυρὶ ἀσβέστῳ κατακαῦσαι.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτά τινων ἐκ τοῦ ἀπίστου καὶ ἀναριδιμήτου πλήθους ἐκείνου πρὸς ἀλλήλους λεγόντων καὶ πικρῶς ὀδυρομένων, ἴσταντο ἕτερα πλήθη ἀνθρώπων ἀναριδιμητα καὶ λογισμοῖς ἀνθρωπίνους ἀνεξιχνίαστα, καθὼς περ τὰ ἄλογα κτήνη· οἵτινες οὐδέποτε Θεὸν

ἡ Λόγον Θεοῦ ἢ θεί(f. 178 r.)ας τούτου γραφῆς διδασκαλίαν ἀκηκόασιν, οὔτε νόμου Μωσαικοῦ, οὔτε τοῦ τῆς χάριτος θείου Εὐαγγελίου ποτε ἐπαχρασάμενοι, λέγοντες πρὸς ἀλλήλους ἀκούοντες τοὺς θρήνους ἐκείνων καὶ τὰς οἰμωγὰς λεγόντων περὶ τῆς τοῦ Χριστοῦ δευτέρας παρουσίας· Τίς ἐστὶν ὁ Χριστὸς οὗτος, ὃν οὗτοι Θεὸν ὀνομάζουσι περὶ κρίσεώς τε καὶ περὶ τῆς τῶν μελλόντων κολάσεων τιμωρίας, καὶ τίς ἐστὶν ὁ Θεὸς οὗτος, ὃν αὐτοὶ καταγγέλλουσιν; Ἐλεγον δὲ ταῦτα πρὸς ἀλλήλους καταπληττόμενοι καὶ ὅλως ἐξιστάμενοι, ἀκούοντες τὸ ὄνομα τοῦ Χριστοῦ, καὶ φασί· Τίς ἐστὶν οὗτος; οὐδαμῶς ἐπιστάμεθα ἢ γινώσκομεν πώποτε τούτου τὸ ὄνομα ἀκηκοέναι, ἡμεῖς γὰρ πολλοῖς θεοῖς ἐλατρεύσαμεν καὶ τούτους θερμῶς καὶ γνησίως ἐθεραπέυσσαμεν· εἰ οὖν ἐκεῖνοι ἐξήγεραν ἡμᾶς, οὐδαμῶς φοβηθησόμεθα κακὰ, διότι πάμπολλα αὐτοῖς δεδουλεύκαμεν καὶ εἰς αὐτούς πεποιθήκαμεν καὶ πλεῖστα καλὰ ἐν τῇ προτέρᾳ ἡμῶν ζωῇ αὐτοῖς (f. 178 v.) προσήνεγκαμεν, καὶ τὰ ἐπάξια πάντως ἀποδώσουσιν ἡμῖν καὶ αὐτοὶ ὁμοίως. εἰ δὲ ὃν ἀκούομεν Χριστὸν τὸν Θεὸν ὀνομαζόμενον νῦν καὶ κηρυττόμενον ἀνέστησεν ἡμᾶς, οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλίσις καὶ ἀμαρτωλοῖς, ὅτι ὑπεύθυνοί ἐσμεν καὶ πάσης κατακρίσεως καὶ κολάσεως. Ταῦτα ἐκεῖνοι ἔλεγον δέει καὶ φόβῳ πολλῷ συνεχόμενοι οἱ μὴ ἐγνωκότες ὅλως τὸν Θεὸν τοῦ παντός.

Οἱ δὲ ἀπὸ τῶν Ἰουδαίων ἐξαναστάντες τοιαῦτα πρὸς ἀλλήλους κοινολογούμενοι ἔλεγον· Ἐάν ὁ Θεὸς τῶν πατέρων ἡμῶν Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ καὶ Μωϋσέος καὶ τοῦ νόμου ἡμᾶς ἐξανέστησεν, ἀγαθὰ ἡμῖν πολλὰ ἔχει συναντήσῃν, καὶ οὐδαμῶς πτοηθησόμεθα ἢ φοβηθησόμεθα κακὰ· διότι εἰ καὶ διεσπάρημεν εἰς τὰ πέρατα τῆς οἰκουμένης καὶ πολλὰς θλίψεις καὶ ὀνειδισμοὺς ὑπέστημεν ὑπὸ πάντων ἐπὶ τῆς γῆς ἐθνῶν, ἀλλ' οὖν πλὴν αὐτοῦ Θεοῦ ἕτερον οὐκ ἐγνώκαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον· εἰ δὲ ὁ τῆς Μαρίας υἱὸς παρεγένετο κριτῆς ἐξαναστή(f. 179 r.)σας ἡμᾶς, οὐαὶ ἡμῖν ἔσται τοῖς ἀθλίσις καὶ ἀμαρτωλοῖς, ὅτι πολλὰ κακὰ εὐρήσουσιν ἡμᾶς, διότι σφόδρα μισοῦντες αὐτὸν μεμισήκαμεν καὶ σφόδρα αὐτὸν λελυπήκαμεν καὶ λίαν αὐτὸν βλασφημοῦντες ἐξυβρίσαμεν, καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν ὀνειδεῖσι καὶ μύμοις καὶ γλευασμοῖς αὐτὸν καθυπέβαλλον βλασφημοῦντες, καὶ φραγελλώσαντες αὐτὸν θανάτῳ παρα-

δεδώκασι και σταυρῷ ὑψωθῆναι και ἤλεις χεῖράς τε και πόδας ἐν αὐτῷ προσηλωθῆναι κατεδίκασαν, ὄξος και χολῆν αὐτόν ποτίσαντες. Ἄλλὰ ἄνθρωπος ὢν ἐκεῖνος, πῶς ἐλεύσεται κρῖναι ὡς Θεός; Ἰσος γάρ ἡμῖν ἔστιν και εἰς τῶν σὺν ἡμῖν ἀναστάντων, περιμένων και αὐτὸς κριθῆναι διὰ τὰς ἁμαρτίας αὐτοῦ και βλασφημίας· ἔλεγε γάρ φανερώς βλασφημιῶν ἑαυτὸν Θεοῦ υἱὸν εἶναι γνήσιον και ὅμοιον αὐτῷ ἑαυτὸν ἀποκαλῶν, πατέρα ὁμοούσιον αὐτοῦ και ὁμοφυῆ ποιῶν τὸν Θεόν. Εἶθε οὖν ἰδεωροῦμεν αὐτόν ἄρτι και ἐγινώσκομεν, ποῦ ἴσταται, και πλησιάσαντες αὐτῷ ὡς ψεύστην και ἀπατεῶνα ἠλέγχομεν και ὠνειδίζομεν αὐτόν (f. 179 v.), ἐπειδὴ ἐν ταῖς πλατεῖαις ἡμῶν διδάσκων κριτὴν ἑαυτὸν ἔλεγεν εἶναι, φάσκων ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν πᾶσαν δέδωκε τῷ υἱῷ αὐτοῦ, δηλονότι και περὶ ἑαυτοῦ ταῦτα λέγων, πλανῶν τὸν πολὺν και μωρὸν και ἀπλούστερον λαὸν τὸν μὴ εἰδότα τὸν νόμον και τὰ μαρτύρια τοῦ Θεοῦ. Ἡμεῖς γάρ ἀκριβῶς οἶδαμεν και οἱ πατέρες ἡμῶν διηγήσαντο ἡμῖν, ὅτι Μωϋσεὶ λέλαλῆκεν ὁ Θεός ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ και ἐν πάσῃ ὁδοῦ αὐτοῦ λέγων πρὸς αὐτόν ὅτι· ἐγὼ ἔσομαι μετ' αὐτοῦ ἐν πάσῃ ὁδοῦ αὐτοῦ ἢ πορεύσῃ· ἐκεῖνος δὲ οὐδέποτε οὐδαμῶς Θεὸν ἑώρακεν, οὐδὲ ὁ Θεός πώποτε λέλαλῆκε πρὸς αὐτόν· και οἶδαμεν ὅτι ὁ Θεός τοῦ νόμου ἀψευδὴς Θεός ἔστιν, ὁ δὲ ψεύστης και ἀπατεῶν.

Ταῦτα και τὰ τούτοις ὅμοια οἱ Ἰουδαῖοι ἐτι πρὸς αὐτόν βλασφημοῦντες πρὸς ἀλλήλους ἐφληνάφουν τὸν κριτὴν ἀπεκδεχόμενοι ἰδεῖν· ἄλλοι δὲ τούτων οὕτωςί πως γοερῶς ὀλολύζοντες ἔλεγον· Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἀθλοῖς, ὅτι ἡμεῖς οὔτε τὸν Θεὸν τοῦ νόμου ἐπιστάμεθα, οὔτε τὸν νῦν κηρυττόμενον και λεγόμενον Χριστόν ἐφθάσαμεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἐλευσίνης και ταλαιπώρου ζωῆς ἢ (f. 180 r.) μῶν ἰδεῖν και ἀξιασθαι και πιστεῦσαι εἰς αὐτόν, ἀλλ' ἐλατρεύσαμεν τῷ Βαᾶλ, τῇ Ἀστάρτῃ, τῇ Ἀσταρῶθ, ταῖς χρυσαῖς δύο δαμάλεσι και πᾶσι τοῖς λοιποῖς θεοῖς τῶν ἔθνων, οἷς και θερμῶς ἐπεδύσαμεν και τούτους γνησίως ἰθεραπεύομεν πάντοτε· και οὐκ ἐγνώκαμεν ὅλως ἢ μεμαθήκαμεν περὶ τῆς ἐπελθούσης ἡμῖν ἀρτίως συμφορᾶς.

Και ἀπλῶς ἐκάστου ἔθνους και ἐκάστης φυλῆς λαὸς ἐμμελετῶν και συζητῶν καθ' ἑαυτόν ἐτύγγανεν· ὑπῆρχε δὲ και ἐμμέριμος περὶ τῶν ἰδίων πλημμελημάτων και περὶ τῶν συμβησομένων

αὐτοῖς ἐν τῇ ὥρᾳ ἐκείνῃ συμφορῶν. Καὶ τὸ θαυμαστότερον καὶ φρικωδέστερον, ὅτι ἐδηλοῦτο ἐφ' ἐνὶ ἐκάστῳ αὐτῶν ἐπὶ τοῦ μετώπου, ὡς προεῖρηται, γράμμασιν ἀληθινοῖς ἢ πράξις τῆς ἐξ αὐτῶν ἐργασίας, τοῦ τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, τῶν δύο λέγω φύσεων καὶ γενεῶν, καὶ ἐπὶ τῶν μὲν ἐδήλου ἡ γραφή· φονεῖς καὶ φονεύτριαι, ἐπὶ τισὶ δὲ αἰμομίκται καὶ αἰμομίκτριαι· εἶτα μοιχοὶ καὶ μοιχαλίδες, ἔπειτα (f. 180 v.) πόρνοι καὶ πόρναι, ἐν ἄλλοις κλέπται καὶ κλέπτριαι, καὶ ἐν ἄλλοις ψεύσται καὶ ψεύστριαι, ἐν τοῖς μὲν εἰδω[λο]λάτραι καὶ εἰδω[λο]λάτριαι, ἐν τοῖς δὲ μέδουσαι καὶ μεθύστριαι, καὶ ἐπὶ μὲν τισὶ τελῶναι καὶ ἄρπαγες, ἐπὶ δὲ τισὶν ἀρσενοκοῖται καὶ παιδοφθόροι, ἐν ἑτέροις ἐπαιδοί, φαρμακοί, μάγοι καὶ μάγισσαι, ἐν ἑτέροις κτηνοβάται, ἐν τοῖς μὲν ὀργίλοι, μνησικάχοι, φθονεῖς καὶ μισόκαλοι, καὶ ἐν τοῖς δὲ θυμώδεις, ἀνελεήμονες, ἀσπλαγχνοὶ καὶ φιλόργυροι, ἐν ἑτέροις κιδαρφοὶ, αὐλισταὶ καὶ ὀρηστρίδες, ἐν ἑτέροις θυμεικοὶ, τυμπανισταί, παροφθαλμισταὶ καὶ γελωτοποιοὶ, ἐν ἄλλοις ὀρκωμόται, ἐπιόρκοι, πλεονέκται, σιτοκάπηλοι καὶ συκοφάνται, καὶ ἐν ἄλλοις νεκυσιάνται, ἐγγαστρίμυθοι, ἀρρητοποιοὶ καὶ φειδωλοὶ, ἐτέρωθι δὲ κενόδοξοι, ὑποκριταί, σκιφοὶ καὶ ὑπερήφανοι, καὶ ἐτέρωθι φιλόχρυσοι, φιλοχρήματοι καὶ φιλόουλοι, ἐπὶ τισὶν αἰρετικοὶ, οἶον· ἀρειανοὶ, πνευματομάχοι, μαγκχαί(f. 181 r.)οι, σαβελλιανοὶ καὶ παυλικιανοὶ, καὶ ἐπὶ τισὶν ὀριγένειοι, εὐάγριοι, εἰκονομάχοι, ἰακωβίται καὶ μαρκιονισταί. Καὶ ἀπλῶς πάσης αἰρέσεως καὶ θρησκείας ἐργάτης ὄηλος μὲν καὶ ἀπὸ τῶν φαινομένων γραμμῶν ἐν τῷ μετώπῳ αὐτοῦ, ὄηλος δὲ καὶ ἀπ' αὐτῆς τῆς ὀψέως καθίστατο ζοφερᾶς οὔσης, βδελυκτῆς μὲν καὶ μεμιαμμένης παντάπασιν, ὅσοι δηλονότι πρὸ τοῦ τελευτῆσαι διὰ τῆς μετανοίας οὐ μετεμελήθησαν καὶ μετέστησαν ἀπὸ τῶν ἁμαρτιῶν αὐτῶν ἕκαστος, ἀλλὰ ἀμετανόητοι καὶ ἀνεξομολόγητοι τὸν βίον κατέστρεψαν. Ὅθεν ὀρώντες ἑαυτοὺς ἐν τοῖς τοιοῦτοις ὄντας σχήμασιν, ὡς εἴρηται, καὶ τὴν ἁμαρτίαν καὶ τὴν κακίαν καὶ πᾶσαν πονηρίαν ἐγγεγραμμένην ἐπὶ τῶν μετώπων ἑαυτῶν, μεγάλως ἠσχύνοντο αἰσχύνῃ ἄρρητον, καὶ ὀλολύζοντες ἀκατάπαυστον θρῆνον ἀνέπεμπον, καὶ μάλιστα ὅσοι εἰδήμωνες ἦσαν τῶν θείων γραφῶν· ἐνενόουν γὰρ καὶ ἔλεγον ἐν ἑαυτοῖς, ὅτι καρπὸς τριαῦτα καὶ (σειραῖς) ὀράγματα τῶν ἰδίων ἡμῶν πεφύκα(f. 181 v.)σιν ἁμαρτιῶν, ὧν

ταῖς σειραῖς δεινῶς σφιγγόμεθα ἕκαστος· καὶ ἔκλαιον πικρῶς ἑαυτοὺς ἀνοήτως συγκόπτοντες καὶ τύπτοντες χερσὶ τὰ ἑαυτῶν πρόσωπα.

Τούτων οὖν ἀπάντων ἀριδῆλως ἀποκαλυφθέντων καὶ καθαρῶς ἐποφθέντων ἡμῖν διὰ πρεσβειῶν τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ μεγίστου θεράποντος Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν Βασιλείου, προσσχόντες ἔτι τοῖς ἀνωτάτω καθορθώμεν, καὶ ἰδοὺ τάξεις θαυμασταὶ καὶ φοβεραὶ κατιοῦσαι καὶ αὐταὶ λυγηρᾶ καὶ ἡδυφώνῃ φθογγῇ μέλος τι ὑπερφυῖς καὶ οὐράνιον ἐξαισίως ὑπέψαλλον· καὶ ὡς κατέρχοντο καὶ πλησίον ἡμῶν ἐγένοντο, ὠρᾶτο μέσον αὐτῶν σταυρὸς ξύλινος μὲν τῇ φύσει, σπινθηροβολῶν δὲ καὶ αἰγλην πάνυ θεσπεσίαν ἐν τῷ αἰθέρι ἀναπέμπων καὶ πυρσὸν βάλλων ἐκ προσώπου αὐτοῦ γαληνομόρφως, οἷον ὄραν ἡμῖν ἔξεστιν ἡλίου δίκην τὴν ἡμέραν ἐν αἰθερίᾳ θαυμάζοντος· καὶ αὐτὸς κατέβη μετὰ τῶν ἀδόντων ἐκείνων θείων τάξεων ἐν τῷ τόπῳ ἐκείνῳ ἐν ᾧ ὁ τοῦ Κριτοῦ θρόνος ἡτοιμάζετο, καὶ ἔστη ἐν ὑψηλοῖς (f. 182 r.) δεδοξασμένος καὶ ἐμφανῆς πάσαις φυλαῖς τε καὶ γλώσσαις ταῖς ἐκ τῶν νεκρῶν ἐξεγερθεῖσαις τοῦ χώματος πάσης τῆς γῆς. Ἐθαύμαζον δὲ καὶ ἐξεπλήττοντο σφόδρα τὰ ἄπειρα καὶ ἀνεξχνίαστα πλήθη ἐκεῖνα τοῦ λαοῦ ἐπὶ τῇ τοῦ δεσποτικοῦ σημείου ὠραιότητι, ὃν δὴ θεασάμενοι οἱ Ἰουδαῖοι οἱ τὰ γὰρ λεγόμενοι Ἰσραηλίται μετὰ τῆς τριαύτης δορυφορίας καὶ δοξης παραγενόμενον, ἰλιγγίασαν, ἔφριξαν, ἐτρόμαξαν, καὶ ἔτι ἐπλήσθησαν τὰ πρόσωπα αὐτῶν περισσοτέρας αἰσχύνης καὶ ἐντροπῆς ὑπὲρ τὴν προτέραν, καὶ σφόδρα διαταραχθέντες μεγάλως καὶ σφοδρῶς ἔτυπτον τὰ ἑαυτῶν πρόσωπα ταῖς χερσὶν αὐτῶν ὀδυρόμενοι καὶ ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους· Οὐαὶ ἡμῖν τοῖς ἔλεεινοῖς, ὅτι κἂν σημεῖον βλέπομεν ἀρτίως ἐξ οὐρανοῦ πρὸς ἡμᾶς ἀφικόμενον· οὐαὶ ἡμῖν τοῖς τάλαιπώροις καὶ ἀμαρτωλοῖς, ὅτι τὸ σημεῖον τοῦτο, ὃ βλέπομεν, τοῦ ἐσταυρωμένου ἐστὶ καὶ οὐδενὸς ἄλλου, καὶ εἰ αὐτὸς ἦξει κρῖναι, ποιῶν πρῶτον (f. 182 v.) αὐτὸν συναντήσομεν, ἐπειδὴ πολλὰ δεινὰ καὶ γαλεπὰ εἰς αὐτὸν ἐνεδειξάμεθα; καὶ οὐ μόνον εἰς αὐτὸν, ἀλλὰ καὶ πᾶσι τοῖς εἰς αὐτὸν πιστεύσασι πλεῖστα κακὰ διεπραξάμεθα καὶ αἰεὶ ποτε μανίαν ἄσπονδον καὶ ἐχθρὰν εἰς αὐτὸν ἐκεκτήμεθα, πικρῶς βλασφημοῦντες καὶ ἐξυβρίζοντες αὐτὸν. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα τῶν Ἰουδαίων καὶ ἐχθρῶν τῆς ἀληθείας ἀποδυρομένων καὶ μετὰ δακρύων λεγόντων, φησὶ πρὸς με ὁ

ὀδηγῶν με νεανίας καὶ τὰ ἐκεῖσε πάντα κελεύσει Θεοῦ ὑποδεικνύων μοι θεῖος ἄγγελος: Ὁρᾷς ὅπως οὗτοι ἤρξαντο φριττεῖν καὶ τρέμειν τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ μόνον θεασάμενοι; λοιπὸν ἐὰν αὐτὸν ἐκεῖνον τὸν ἐσταυρωμένον Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν Θεὸν ἡμῶν καθαρῶς ἴδωσι, τί πάθωσι καὶ ποία φρικὴ αὐτοῦς λήψεται; Ὡς οὖν ταῦτα ἔλεγε πρὸς με ὁ ὀδηγῶν με θαυμαστός ἐκεῖνος νεανίας, τῶν Ἰουδαίων λυγρῶς ἐχόντων περὶ τῆς τοῦ τιμίου σταυροῦ ἐνδοξοῦ ἐπιδημίας, οἱ πρὸ τῆς Χριστοῦ παρουσίας γεγονότες Ἑβραῖοι, μὴ εἰδότες τὸ τοῦ σταυροῦ σημεῖον μηδὲ τὸ τοῦ Χριστοῦ ὄνομα μεμαθηκότες, ἠπόρουσαν (f. 183 r.) καὶ ἐπυθάνοντο ἐν τούτοις λέγοντες: Τίνος χάριν ἢ τσοαύτη ἡμῶν ἀγανάκτησις; Οἱ δὲ ἀπὸ τῆς πολλῆς αἰσχύνης, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν τῆς πικρᾶς οὐδύνης τῆς κατεχούσης αὐτοῦς, οὐδόλως αὐτοῖς ἀποκριθῆναι ἠδύναντο, εἰ μὴ μόνον συγχάνεις αὐτῷ προσαποσκοποῦντες ἰλιγγίῳν καὶ πάνυ ἐστύγναζον φριττοντες· οἱ δὲ πάλιν ἐπαποροῦντες ἐπὶ τὸ ἐρώμενον ἐπ' αὐτοῖς καὶ τὴν αἰτίαν μαθεῖν μὴ δύναμενοι, συνέπασχον αὐτοῖς καὶ αὐτοὶ ἀποδουρώμενοι καὶ σφοδρῶς ὀλολύζοντες.

Τούτων τοιγαροῦν οὕτως ἐν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἡμῶν γινόμενων ἐνωτιζόμεθα ἤχρον τινα σφοδρὰ ἐρχόμενον εἰς τὰ ὦτα ἡμῶν ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων ἐκεινων τῶν ὠραίων καὶ ὑψίστων· καὶ φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ πρὸς με: Ἰδοὺ φόβος καὶ τρόμος πολὺς σφοδρὰ σφοδρὰ, αἱ γὰρ δυνάμεις τῶν οὐρανῶν ἐσαλεύθησαν πᾶσαι καὶ ὅσον οὐπω ὁ κριτῆς μέλλει παραγίνεσθαι. Ἐπι τούτου λέγοντος, ἐρώμεν, καὶ ἰδοὺ αἴφνης πλῆθος πολὺ σφοδρὰ στρατῖ (f. 183 v.) ἄς οὐρανοῦ καὶ τάξεις φρικτῶν καὶ ἀπειρῶν δυνάμεων ἐναλλαγὰς καὶ διαφόρους ἰδέας ἐχουσῶν, καὶ τάγματα ταγμάτων καὶ στρατῶν στρατιῶν, θάτεροι θατέρων τῆ τάξει καὶ τῆ ἰδέᾳ παρηλλαγμένοι καὶ διαφέρουσαι· καὶ αὗται πᾶσαι βαίνουσαι προέβαινον πρόβω πολλῶ καὶ πρόμφ ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως. Ἐπι τούτων οὐπω καταπαυσάντων, καὶ ἰδοὺ ἕτερα τάγματα καὶ δεδοξασμένα ἐπιπορευόμενα κατοπιν ἐκείνων πολλὰ σφοδρὰ καθάπερ νεφέλαι γαληνομόρφως ἀφικόμενα καὶ ἐν παρατάξει καὶ ἐν εὐτάκτῳ σχήματι καὶ τάξει εὐπρεπεστάτη πορευόμενα· καὶ ταῦτα κατήεσαν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς καὶ ἔστησαν ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως ἐκεῖνον κυκλόθεν. Ἐπι τούτων μήπω καταπαυσάντων, ἰδοὺ ἕτερα στρατεύματα στρατευμάτων ἐπιπορευόμενα ὁμοια τῶν προτέρων

πλήθος πολύ σφόδρα. Θεασάμενος οὖν ἐγὼ ταῦτα ἔλος ἠλλοιωῶν
τὸ πρόσωπον, καὶ ὁ νοῦς μου ἐξέστη ἀπ' ἐμοῦ, ἐταράχθησάν μου οἱ
ὄφθ(ῆ. 184 γ.)αλμοὶ, τρόμος καὶ φρίκη κατέλαβέ με ἀπὸ πολλοῦ καὶ
μεγάλου καὶ φρικωδεστάτου φόβου ἐκείνου, καὶ ἠρξάμην τρέμειν καὶ
κλονεῖσθαι ὅλος, καὶ τὰ ὅσα μού συνετρίβοντο καὶ μικροῦ δεῖν νε-
κροῦς παρωμοιωῶν· ἡ γὰρ ἰσχύς μου ἐξέλιπεν ἀπ' ἐμοῦ. Λέγει οὖν
πρὸς με ὁ ὀδηγῶν με θαυμαστός καὶ ὠραίος ἐκεῖνος νεανίας· Μὴ
φοβοῦ, ἀδελφέ, μηδὲ φρίττης καὶ ἀγωνιᾶς ἔρων ταῦτα· φίλοι γὰρ
ἡμῶν εἰσι καὶ σύνδουλοι οὗτοι πάντες καὶ ἀδελφοὶ κατὰ πάντα ἡμέ-
τεροι χρηματίζουσι, καὶ οὐ δέον ἐστὶν ἡμῖν φοβεῖσθαι καὶ τρέμειν ἀπὸ
προσώπου αὐτῶν. "Ὅρα δὲ μόνον ἐν ἀκριβείᾳ καὶ πρόσεχε τὰ γινό-
μενα· ὠφελήθησεν γὰρ τὰ μέγιστα ἀπὸ τῶν τοιούτων φρικτῶν θαυμά-
των κατὰ ψυχὴν, οὐ μόνον δὲ σὺ, ἀλλὰ καὶ ἕτεροι πλεῖστοι ὅσοι
δηλονότι ἀπεριέργῳ γνώμῃ καὶ εὐθείᾳ ψυχῆς ἀπλότῃ ταῦτα εἰσ-
δέξοιντο. Καὶ τούτων οὖν τοῖς προκατελθοῦσι τάγμασιν ἐνωθέντων
καὶ ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως παραγεγονότων, ἐφρίττον πάντες οἱ
ἄνθρωποι καὶ ἐδεδοίκεσαν φόβον μέγαν· οἵτινες κα(ῆ. 184 ν.)τεκά-
λυπτον ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐν τῷ ἀναστῆναι πάσας τὰς
συναγωγὰς αὐτῶν ἐκ παντὸς ἔθνους, ἐκ πάσης φυλῆς, ἐκ πάσης
γλώσσης καὶ γένους αὐτῶν, καὶ εἶναι αὐτοὺς εἰς πλήθος πολὺ σφόδρα
σφόδρα βλέποντες τὰ θαυμαστά ἐκεῖνα καὶ ἐξαισία τάγματα κατερ-
χόμενα ἐπ' αὐτούς. Μετὰ ταῦτα οὖν ἡσυχίας μικρᾶς γενομένης,
ἐξαίφνης ἰδοῦ βρονταὶ καὶ ἀστραπαὶ καὶ κτύποι τε καὶ βοαὶ λίαν
ἰσχυραὶ καὶ ἤχοι σφοδρῶς ἀπὸ τῶν ἄνω κατερχόμενοι ἐξηκούοντο,
ὧν τῷ φόβῳ καὶ τῇ ἀνυποίστῳ ἐκπλήξει ἐφριξε καὶ συνεστάλη πᾶσα
ἡ γῆ, ὡς δοκεῖν ἀποπαγῆναι καὶ ἀπονεκρωθῆναι τῷ φόβῳ πάντας
τούς ἐν αὐτῇ· καὶ εἰ μὴ ἀθανασία τούτοις καὶ ἀφθαρσία προσῆν,
μυριάκις αὐδὸς ἀπέθανον πάντες διαλυθείσης αὐτοῖς τῷ φόβῳ πάσης
τῆς ἀρμονίας καὶ σωματικῆς δυνάμεως. Οἱ δὲ τὰ φαιδρὰ κεκτῆμέ-
νοι πρόσωπα ἀπὸ τῶν ἀναστάντων νεκρῶν οὐδαμῶς ἐδεδίεσαν τὰ
φοβερὰ φόβητρα ταῦτα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἀλλ' ἴσταντο ἐν εὐ-
(ῆ. 185 γ.)μενείᾳ εὐφραϊνόμενοι καὶ ἀγαλλιώμενοι. Μετὰ δὲ τὰς
φρικτὰς αὐτὰς φωνὰς καὶ ἀστραπάς καὶ τοὺς ἤχους τῶν φρικτῶν
στρατευμάτων ἐκείνων, ἰδοῦ ἕτερα στρατεύματα μεγάλων καὶ ὑπερ-

λίαν ὑψηλῶν καὶ ἐνδόξων ταγμάτων, καὶ αὐτὰ πλήρη ὀφθαλμῶν, καὶ ἡ παράταξις αὐτῶν σπινθηροβολοῦσα· καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἕκαστος αὐτῶν πῦρ ἔβαλλε κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ οὐ ἐπορεύετο, καὶ ἀπὸ τῆς ὠραιότητος αὐτοῦ ἐνός ἑκάστου ἐξῆπτεν ὁ ἀήρ καὶ κόρος οὐκ ἦν τῆς καλλονῆς αὐτοῦ, καὶ ἐν τῷ πορεύεσθαι ἕκαστον τᾶγμα αὐτῶν θάμβος πλείστον ἦν τοῖς τῶν ἀνθρώπων υἱοῖς ἀπὸ προσώπου τῆς δυνάμεως αὐτῶν. Καὶ ταῦτα καταβεβηκότα ἐν εὐλαβείᾳ καὶ σιωπῇ ἀσυγκρίτῳ, ἔστησαν ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως καὶ ἐκάλυψαν κυκλόθεν κύκλῳ τὰ τῶν προκαταβάντων ταγμάτων στρατεύματα πάντα, καὶ ἦν ἡ ὄρασις αὐτῶν φωτοβολοῦσα λίαν ἐξαισία τε καὶ θαυμαστή σφόδρα, καὶ ὑπὲρ ἐκπερισσοῦ ἐξεπλήττοντο αἱ γενεαὶ πᾶσαι τῶν ἀνθρώπων θεωροῦσαι ταῦτα, ἐπει(φ. 185 ν.) δὴ ἡ ὠραιότης καὶ ἡ μεγαλοπρέπεια αὐτῶν εἰς περισσοτέραν ἐκπληξιν καὶ ἀγωνίαν ἐνήγεν αὐτούς· οἱ δὲ τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες καὶ ἐν ἀπιστίᾳ καὶ ἀγνοίᾳ τῆς ἀληθείας ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ τὴν ἑαυτῶν ζωὴν διηनुκότες, ἴσταντο καθάπερὶ τὰ ἄλογα κτήνη μεμελανωμένα τὰ πρόσωπα ὡς ἐξ ἀσβόλης ἔχοντες, φόβῳ καὶ τρόμῳ βαλλόμενοι· οὐδέποτε γὰρ ἐπὶ τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν τῷ ματαίῳ βίῳ τούτῳ ἀκηκόασιν, ἢ ἐν εἰδήσει καὶ γνώσει τῶν δρωμένων τούτων γεγόνασιν, ἢ ἀκοῇ παρεσῆχθησαν τούτων ἐν τοῖς ὡσὶν αὐτῶν· ὅθεν ἴσταντο μόνον ἐκπληττόμενοι καὶ τῷ ἀπίερω ἐκείνῳ φωτὶ τῶν ἐξαισιῶν καὶ θείων ταγμάτων ἐκείνων σχολαιότερον μετὰ φρίκης πλείστης καὶ ἕους ἐντενίζοντες. Οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ Ἀβραάμ καὶ μέχρι τῆς πρώτης παρουσίας εἶπουν ἐνανθρωπήσεως τοῦ δεσπότου Χριστοῦ γεγεννημένοι πιστοὶ Ἑβραῖοι, οἵτινες δηλονότι τοῖς εἰδώλοις οὐκ ἐλάτρευσαν, οὐδὲ γόνυ ἔκαμψαν τῇ Βάαλ καὶ τὰς ἡμέρας οὐκ ἔφθασαν ἰδεῖν τοῦ σταυρίου πάδους τοῦ (φ. 186 γ.) Χριστοῦ καὶ τοῦ θείου κηρύγματος τῶν μαθητῶν αὐτοῦ καὶ ἀποστόλων, οὐδαμῶς ἐδεδίασαν, ἀλλὰ χαίροντες ἔχαιρον καὶ γεγηθότες γεγῆθασιν καὶ αὐτοὶ μετὰ τῶν τὰ λαμπρὰ κεκτημένων πρόσωπα οἷς συνέχαιρον· καὶ τὰ τῶν χριστοκτόνων ἢ μᾶλλον εἰπεῖν θεοκτόνων Ἰουδαίων πλήθη ἄχρις οὔτου τὸ δεσποτικὸν σημεῖον ὁ σταυρὸς ἐνδόξως ἐξ οὐρανοῦ ἀφίκετο πρὸς αὐτούς, ἐπὶ δὲ τούτῳ ἐδεάσαντο μετὰ τῆς τοσαύτης δορυφορίας καὶ δόξης ἐκ τῶν ὑψίστων τοῖς ἐπὶ γῆς ἀφικόμενον, διαστρέψαντες τὰ ἐσκοτισμένα καὶ

μερίτωμένην εὐρίην προσωπα ἐπὶ τῆς δεξιᾶς ἐπὶ ἑσπερῶν μεγάλως και ἐτραυμάθη καὶ εὐσπίστης και πατρῶας ἐπὶ αὐτῷ ἐπιβύθουσαν ἡμᾶς τὰς ἐπὶ τῆς τοῦ Σαυτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ γεννήσεως και παρουσίας τῆς εὐαγγελικῆς λατρείας και ἐξελυγμένα και δεσφραμμένα, ὡς τραυμάθη, τὰ προσωπα και πατρῶας. Οἱ ἔτι γε πατῆρ Ἑβραῖοι, οἱ ἀπὸ τοῦ Ἀβραάμ, ὡς ἐστὶν, ἕως τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας τοῦ Μωσαιῶν νόμου και τῆς τοῦ νόμου ἀκαταστάσεως και τῆς μωμοῦς φυλάξεως (β. 186 v.) ἀλλοιωτικῶς ἐκείνη, ἀλλὰ μᾶλλον ἐχαιρον και λαμπρότερα τῆς ἄλλης ἐκείνης οἱ ἔτι γε τῶν Ἰουδαίων και οἱ τούτων ἀκόνη και διαδοξα και ἀκρονομα τῆς μεσηφονίας τῆς πατρῶας, οἱ μὲν, πρὸς τὸ γὰρ τῆς ἀληθείας ἀπεβλέψαθαι θέλησαντες, οὐ μόνον ὡς ἐθεάσαντο τὸ στενακῶν σπμῆν ἐπὶ τοῦ τόπου τῆς κρίσεως ἐνδοξῶς ἐστῶμενον ὑποτρέψαντες, ὡς εἶρηται, τὰ μελανὰ αὐτῶν και ἰσχυρῶν και κατησβολωμένα προσωπα εἰς τέλος κατησφύθησαν, ἀλλὰ και γόβος και γόμος ἀνεικάστως ἐκείνη αὐτοῦς, ὅθεν στυγνοὶ και σκυθρωποὶ και θαρῆς τῆς καρδίας καιρῶς γενόμενοι βλοσυρῶ τῶ ὄμματι και ἀεσφραμμένῳ τῶ τιμῶ ἐνητένιζον σταυρῶ και ἐλειονόν και παρὸν ἐξέγερον ὀκρυσι, ὀκρυῶς ἐαυτοῦς συγκόποντες και γοερῶς ὀλολύζοντες και πληροφρηθέντες ἀπὸ τῆς ἐμφανείας τοῦ σωτηρίου σταυροῦ, ὅτι ὄντως ἀφενῶς Θεοῦ υἱός ἐστιν ὁ σταυρῶ και εἰς ὑμῶν, λέγοντες, και (β. 187 r.) πὸ πάντων τῶν ἀσεβῶν προσκυνηθεὶς Ἰησοῦς Χριστὸς ἀληθῶς Θεός ἐστιν και κριτῆς ζώντων και νεκρῶν οὗτος· διὰ τοῦτο οὐαι ἡμῖν τοῖς ἐλειονοῖς και ἀμαρτωλοῖς και ταλαιπώροις και ἀθλοῖς, ὅτι αὐτὸς ἐκεῖνος ἐργεταὶ τοῦ κρίναι ἡμᾶς και πᾶσαν τῆν φύσιν τῶν γηγενῶν και ἀποδοῦναι ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἐργα αὐτοῦ, καθὰ δὴ και ἐδίδασκεν ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν λέγων ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τῆν κρίσιν δέδωκε τῶ Ἰῶ πᾶσαν. Ἡμεῖς δὲ οὐκ ἀνεγόμεθα τούτου τῆς διδασκαλίᾳ ἐπακολουθησαὶ και πιστεῦσαι εἰς αὐτόν, ἀλλὰ μᾶλλον ὀνειδεσι και μώμοις και βλασφημιαῖς ἀνεικάστως και γλευασμοῖς βάλλοντες ἡμῖν αὐτόν πᾶσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς ἡμῶν· διὰ τοῦτο διαδέχονται ἡμᾶς θλίψεις και ὀδύνη και στεναγμοὶ ἐν πυρὶ αἰωνίῳ τὸ τῆς γέννησης.

Ὅμοίως δὲ και παραπλησίως τούτοις και οἱ Ἰσραηλιταὶ και οἱ

Ἄγαρῆνοι μέχρι τῆς ἐπιδημίας καὶ ἐπιφανείας τοῦ σωτηρίου σταυροῦ σκληροτράχηλοι ἐτύγχανον, μεγάλως αὐχοῦντες καὶ γαυριοῦντες πατέρα ἔχειν τὸν Ἀβραάμ καὶ θεὸν μέ(f. 187 v.) γαν ὀνομαζόντες, ἐφρυάττοντο κατεπαιρόμενοι τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, μέγαν δὲ τούτου προφήτην τινὰ ἐφληνάφουν τὸν Μαχουμέτην, ἐν ᾧ καὶ τὰς ἐλπίδας ἐκέκτηντο τῆς ματαιίας σωτηρίας αὐτῶν, καὶ κατεπαίροντο τῶν ἄλλων ἀπάντων· ὀπηνίκα δὲ τὸ φοβερόν καὶ τίμιον τοῦτο σημεῖον τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐωράκασιν ἐπάνω πάσης ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας ἐνδόξως ἰστάμενον, ὡς ὄπλον κραταῖον καὶ ὡς σκηπτρον βασιλικὸν ἐξαστράπτον ὑπὲρ τὰς διαυγεῖς ἀκτῖνας τοῦ ἡλίου καὶ τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ ἐμπυρίζον καὶ χαρὰν ἀνεξιγνίαστον καὶ ἡδονὴν ἀνεκλάλητον καὶ τερπνὴν ἀγαλλίασιν καὶ εὐφροσύνην καὶ τέρψιν πνευματικὴν ἐμποιοῦν πᾶσι τοῖς ὀρθοδόξοις καὶ εὐσεβέσιν ἀληθέσι χριστιανοῖς, κατ' ἐξαιρέτον δὲ τοῖς τὰ λαμπρὰ καὶ φαινὰ κεκτημένοις πρόσωπα, τοῖς τὰς ἐντολάς αὐτοῦ δηλονότι ἀτρώτους φυλάξασι· καὶ τοῦτο ἀναγνωρίσαντες ὁποίας καὶ πίστεως σημεῖον ὑπάρχει τὸ τοιοῦτον θεῖον ὄπλον, μεγάλως καὶ αὐτοὶ τὸ (f. 188 r.) οὐαὶ γοερῶς ἐπεβῶν καὶ ἠλάλαζον πικρῶς ὀδυρόμενοι καὶ εἰστήκεισαν ἔννεοι ὡς ἐξεστηχότες καὶ παράφρονι, τὴν ἰδίαν σαφῶς κατανοήσαντες σκότῳσιν καὶ ἀποπλάνησιν καὶ παντελῆ τῆς ἀληθείας ἐκπτῳσιν ἑαυτῶν, ὅτι περὶ τοῦ Χριστοῦ καθ' ἑκάστην ἡμέραν καὶ ὥραν διδασκόμενοι ὑπὸ τῶν χριστιανῶν οὐδαμῶς προσεῖχον, ἀλλὰ καὶ τούτους ἐμυκτήριζον. Καὶ ἔλεγον ἐν ἑαυτοῖς πυκνὰ περιστρεφόμενοι πρὸς ἀλλήλους· Οὐαὶ καὶ πάλιν οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι τοῦτο τὸ σημεῖον, ὅπερ αὐτοῖς ὀφθαλμοῖς ἐβλέπομεν ἐνώπιον ἡμῶν ἰστάμενον ἐπὶ τὸν τόπον ἐνδόξως τῆς κρίσεως, καθαρῶς σημαίνει καὶ μαρτυρεῖ, ὅτι ὁ τοῖς χριστιανοῖς κηρυττόμενος Θεός, ὃν λέγουσιν Ἰησοῦν Χριστόν, αὐτός μέλλει κρίναι πᾶσαν τὴν γῆν. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πληροφορηθέντες, ἐξέχεον δάκρυον σὺν οἰμωγῇ θρηνεύντες πικρῶς καὶ ἀλαλάζοντες ὡς ἐν τῷ λεληθότι σφόδρα, καὶ οὐκ ἦν ἀκοῦσαι παρ' αὐτοῖς ἀδόμενον καὶ λεγόμενον, εἰ μὴ τὸ οὐαὶ οὐαὶ, (f. 188 v.) καὶ κατεπιμπρῶντο οἱ δεινοὶ ταῖς καρδίαις μάλα καὶ ἀπελέγοντο τοῦ ζῆν, ὅτι ἠστόχησαν τῶν ματαιῶν ἐκείνων ἐλπίδων ὧν ὁ παρ' αὐτοῖς προσδοκώμενος καὶ ὀνομαζόμενος καὶ σεβαζόμενος μέ-

γας προφήτης εκείνος, ὁ λεγόμενος Μαχουμέτης, φενακίσας αὐτοὺς ἀπηώρησε καὶ ἀπεπλάνησε καὶ τοῦ φωτός τῆς ἀληθείας ἀπεστέρησεν. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι τῇ ἰδέᾳ μεμλανωμένοι καὶ λίαν δυσειδέις, καὶ ἀπὸ τοῦ προσώπου αὐτῶν ἐν τῷ ἀγωνίᾳ αὐτοὺς ἀντὶ ἰδρώτων ὡς ἀπὸ καλάμου δυσώδης δυσωδία ἐξεπέμπετο, καὶ ἐβδελυγμένοι ὑπῆρχον κατὰ πρόσωπον πάσης πνοῆς. Οἱ δὲ χριστιανοὶ ὁρῶντες τὸ τριπόδητον τοῦ μεγάλου βασιλέως σημεῖον τοῦ σταυροῦ, τοῦ Κυρίου λέγω καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μετὰ δόξης πολλῆς πρὸ προσώπου αὐτῶν ἰστάμενον ἐπὶ τὸν τόπον τῆς κρίσεως, καὶ γινώσκοντες ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ σταυρός, ἐν ᾧ περ αὐτὸς ἐκουσία βουλήσει προσηλωθῆναι εὐδόκησε (f. 189 γ.) καὶ δι' αὐτοῦ καταβέβληκε τὸν τὸ κράτος ἔχοντα τοῦ θανάτου, ὅλας καὶ πόσης χαρᾶς τε καὶ ἡδονῆς καὶ θυμηδίας καὶ τέρψεως ἐπληροῦντο; καὶ πρὸς ἀλλήλους ἐνατενίζοντες ἔλεγον ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς: Ἦκεν ἡ ἐλπίς ἡμῶν τῶν χριστιανῶν ἢ ἀνεκλάλητος, ἦκεν ἡ δόξα ἡμῶν, ἦκεν ὁ λυτρωτῆς ἡμῶν τῶν εἰς αὐτὸν πεποιθότων, ἐλήλυθεν ὁ δίκαιος καὶ ἀπροσωπόληπτος κριτῆς κρῖναι καὶ ἀποδοῦναι ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ καὶ κατὰ τὴν πίστιν καὶ λατρείαν αὐτοῦ, ἦλθεν ὃν ἐπροσδοκῶμεν καὶ εἰς ὃν τὰς σωτηρίας ἡμῶν καὶ ἐλπίδας ἀνεθέμεθα ἐκ βρεφικῆς ἡλικίας, δι' οὗ ὑπεμείναμεν καὶ ὑπενέγκαμεν πᾶσαν κάκωσιν καὶ πᾶσαν θλίψιν καὶ ὄνειδισμόν παρὰ πάντων τῶν μισούντων ἡμᾶς καὶ εἰς αὐτὸν βλασφημούντων, τοῦ κρῖναι καὶ δικάσαι ἀνά μέσον ἡμῶν καὶ αὐτῶν καὶ ἐκδικῆσαι ἡμᾶς καθημέραν διωχομένους καὶ ἀτχμαλωτιζομένους παρ' αὐτῶν. Εἶτα καὶ πρὸς τοὺς ἀπειθεῖς Ἰουδαίους καὶ ἐπαράτους Ἰσραηλ (f. 189 ν.) λίτας καὶ μαιφόνους Ἀγαρηνοὺς καὶ πρὸς τοὺς μὴ δεξαμένους τὸ θεῖον καὶ σωτήριον κήρυγμα καὶ βάπτισμα τῆς ὀρθοδόξου καὶ ἀκραιφνοῦς ἡμῶν πίστεως ἀπίστους ἐνατενίζοντες ἔλεγον: Νῦν ὁρῶντες τὸ μέγα καὶ σεβάσιμον τοῦτο θεῖον σκῆπτρον τοῦ βασιλέως τῶν ἄνω δυνάμεων, εἰς ὃ ἡμεῖς οἱ χριστιανοὶ πεποιθᾶμεν καὶ εἰς ὃ καλῶς πεπιστεύκαμεν καὶ εἰς ὃ τὰς ἐλπίδας τῆς σωτηρίας ἡμῶν ἐθέμεθα, ἐπιστομίζεσθε καὶ αἰσχύνεσθε πάντες ἄλλοτριόφρονες.

Καὶ τούτων οὕτως τελουμένων καὶ ἀδομένων, ἰδοὺ ἦκεν ἀπὸ τῶν ἀνωτάτων φωτεινὴ νεφέλη, καὶ ἐν μέσῳ τῆς νεφέλης ἐκείνης

ὑπῆρχεν ἡ αὐγίζουσα ἀστραπὴ φρικτὰς λαμπηδόνας καὶ φρυκτωρίας ἐν αὐτῇ κεκτημένη ἐκ μυρίων καὶ πολυχρόων ἰδεῶν, ἥτις κατελθοῦσα ἔστη ἐπάνω τοῦ πανσέπτου καὶ τιμίου σταυροῦ καὶ ἀπλωθεῖσα κατεκάλυψεν αὐτοῦ τὴν κορυφὴν ἐφ' ὧραν ἰκανήν· εἶδ' οὕτως ἀνέβη ὄθεν καὶ ἐλήλυθεν· Ἐκ δὲ τοῦ μετὰ τὸ ὑποχωρῆσαι τὴν νεφέλην ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ στέφανος περικύκλω τοῦ τιμίου (f. 190 r.) καὶ ζωοποιῦ σταυροῦ ὑπέρτιμος καὶ ἐξάισιος καὶ φρικωδέστατος καὶ μυριοβαφής, ἀνεξίχνιαστος ἀνθρωπίνῃ σοφίᾳ, ἐκ πνευματικῶν χαρίτων καὶ λίθων νοητῶν καὶ τιμίων ὑπερφυῶς χειρὶ παντοκρατορικῇ τεχνουργημένος, καὶ αὐτὸς ὑπεράνω τῆς κεφαλῆς τοῦ σταυρικοῦ σημείου θαυμαστός ἐπὶ τοῦ ἀέρος ὠρᾶτο ἐναπηρωρημένος καὶ οἰονεὶ στεφανῶν τὴν πάντιμον καὶ ἀγίαν κάραν αὐτοῦ· ὃν ἰδόντες οἱ σκληροτράχηλοι καὶ ἀπειθεῖς Ἰουδαῖοι καὶ πάντες οἱ εἰδωλολάτραι καὶ ἄπιστοι, ἰλιγγίασαν, ἐφρίξαν καὶ ἐπὶ πλέον ὥσει κηρὸς ἀπὸ προσώπου πυρὸς ἐτάκησαν, στένοντες, τρέμοντες καὶ γοερῶς ὀλοῦζοντες. Ὅσαύτως καὶ ὡς τοὺς μάρτυρας τυραννίσαντες ἀσβεῖς καὶ δυσσεβέστατοι τύραννοι καὶ οὗτοι αὐτὸν ἰδόντες φρίκη καὶ δειλία συσχεθέντες σκοτοδίνης ἐπλήσθησαν καὶ οὐαὶ οὐαὶ ἀκαταπαύστως σὺν οἰμωγῇ καὶ γόῳ ἐκραύγαζον, βλέποντες τὸν τοῦ Κυρίου σταυρὸν δόξῃ καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένον. Μεθ' ὧν καὶ οἱ ἐπάρατοι Ἀγαρηνοὶ καὶ οἱ Ἰσμαηλίται σὺν πᾶσι τοῖς ὁμοίοις ὁμολάτραις αὐτῶν δε(f. 190 v.)-ασάμενοι αὐτὸν δεδιότες, πικρία πολλῇ στένοντες κατετήκοντο· οἱ δὲ ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ ἀπεῖρω χάρι καὶ εὐφροσύνη ἀνεκλαλήτῃ, ὡς εἰρηται, ἐμπιπλάμενοι ὑψοῦ τὰς χεῖρας αἴροντες κατέναντι τῆς ἐκείνου ἐλλάμψεως καὶ ὠραιότητος καὶ τὸν νοῦν εἰς οὐρανὸν ἀνατείνοντες καὶ πρὸς αὐτὸν ἀκαταπαύστως ἐνατενίζοντες καὶ τὸν ἐν αὐτῷ ἐκουσίως προσπαγέοντα Σωτῆρα Χριστὸν εὐχαρίστως ἐδόξαζον καὶ θεῖοις ὕμνοις τοῦτον ἐμεγάλυνον.

Τούτων οὖν οὕτω γινομένων, ἰδοὺ ἤχος φοβερός ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων καὶ βρονταὶ τῶν προτέρων μείζονες καὶ φοβερώτεραι, καὶ ἀστραπαὶ ἐμφανέστεραι τῶν προλαβόντων· καὶ ἰδοὺ ἄγγελοι ἐξάισιοι ὑπὲρ τοὺς προκαταβάοντας καὶ ἀρχάγγελοι ὁμοίως τῶν ἄλλων ὑπερφυεῖς καὶ ἐνδοξότεροι· καὶ ἦν φόβος καὶ τρόμος πολὺς, κλόνος τε καὶ ἔκστασις καὶ συντριμμὸς καὶ φρίκη καὶ ἀγωνία μεγίστη καὶ

ἀνείκαστος, οὐ μόνον ἐπὶ τῶν ἐλεινῶν καὶ ταλαιπώρων ἐκείνων ἀνθρώπων τῶν ἐν ταῖς σειραῖς τῶν ἀμαρτιῶν πεπεδημένων, ἀλλ' ἤδη καὶ ἐπ' αὐ(ῶν) τῶν φαεινῶν καὶ θεοειδῶν ἀγγέλων· σὺν τρόμῳ γὰρ πολλῷ καὶ δέει ἀνεικάστῳ τῷ θείῳ θρόνῳ τοῦ δεσπότητος παρίσταντο· οἱ γὰρ ἄνθρωποι βλέποντες τὰ βέβηλα αὐτῶν καὶ ἀκάθαρτα ἔργα καὶ τὴν τσαύτην ἀσχημοσύνην τῆς ἀδλίας αὐτῶν ψυχῆς, πλείονι ἐκστάσει καὶ ἀγωνίᾳ καὶ φόβῳ συνείχοντο· ἤλεγχε γὰρ αὐτοὺς προφανῶς τὸ οἰκεῖον συνειδός, καὶ δεινόν ἦν ἐν αὐτοῖς τὸ πένθος, καὶ μὴ ἔχοντες τί ἀπολογήσασθαι περὶ τούτων ἐνώπιον τοῦ δικαίου καὶ ὄντως φοβεροῦ κριτοῦ, διὸ εὐλόγως καὶ δικαίως ἐκλονοῦντο καὶ ἔτρεμον. Οἱ δὲ θεοὶ καὶ φωτόμορφοι ἀγγελοὶ τίνος χάριν καὶ οὕτω σὺν τρόμῳ πολλῷ καὶ δέει τῷ θείῳ θρόνῳ παρίσταντο; ἐχρῆν γὰρ αὐτοὺς ἐν τσαύτῃ δόξῃ καὶ ἀνεκλαλήτῳ χαρᾷ ὑπάρχοντας ἔτι πλέον χεῖρειν καὶ σικρῶν καὶ ἐπαγάλλεσθαι· τοῦτο δὲ ποιῶντες τὴν ἡμετέραν δηλαδὴ τῶν ἀμαρτωλῶν κατανοοῦντες ἀπώλειαν, συμπαθῶς ἐστύγναζον ὑπὲρ ἡμῶν καὶ ἔστενον καὶ τὴν εἰς ἡμᾶς δικαίαν ἀπόφασιν τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τὴν ἐν ταῖς πικραῖς καὶ αἰώνιας κολάσεσιν (ῥ. 191 ν.) ἡμῶν ἀποκατάστασιν ἐννοοῦντες, τῷ δέει συνείχοντο· οἱ καὶ παραγενόμενοι ἐν πανευλαβείᾳ πολλῇ, ἐν σχήματι σεμνῷ καὶ τάξει ἱεροπρεπεστάτῃ, ἡσύχῳ καὶ εὐκόσμῳ καταστήματι παραγενόμενοι κατὰ τὸν φοβερόν ἐκεῖνον τῆς κρίσεως τόπον, μετ' εὐμενείας καὶ αὐτοὶ σὺν τοῖς προτέροις κατέπαυσαν· ὁ δὲ γε πυρίμορφος καὶ φοβερῶτατος τοῦ δεσπότητος θρόνος οὐκ ἐπὶ τῷ τῆς γῆς ἐδάφει ἠτοιμάσται, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ὑπερανεστηκῶς τῆς γῆς ὡσεὶ πήγεις τεσσαράκοντα, τὰ δὲ κατιόντα ἀπὸ τῶν ἀνωτάτων θεῶν τάγματα τῶν ἀγγελικῶν δυνάμεων οὐκ ἐπὶ τοῦ ἐδάφους τῆς γῆς καὶ αὐτὰ ἴσταντο, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος θαυμασίως καὶ ἐξαισίως σὺν εὐλαβείᾳ πολλῇ καὶ τάξει εὐπρεπεστάτη σεμνυνόμενα καὶ ἡσύχῳ εὐκοσμίᾳ καταγλαϊζόμενα παραδόξως ἅπαντα ἴσταντο ἀπεκδεχόμενα τὸν δίκαιον κριτὴν καὶ βασιλέα τῆς δόξης ἤξειν, καθὼς περ καὶ ἡμεῖς ἠρηρυσμένοι καὶ ἀσφαλῶς ἐπὶ τοῦ τῆς γῆς ἐδάφους εἰώδαμεν ἴστασθαι. Ἐπεὶ δὲ ἐν τοιαύτῃ θεωρίᾳ τῆς τοῦ φο(ῶν) βεροῦ θρόνου ἐτοιμασίας πάλαι τὸν νοῦν ἡμῶν ἡμεῖς ἀπασχοληκότες· ξένα γὰρ τῷ ὄντι πάντα νοῦν καὶ λόγον ὑπερβαί-

νοντα καθορῶντο τὰ ἐκεῖσε τῆνικαῦτα τελούμενα· τὸ θαυμαστὸν οὖν ἐκεῖνο ἀφέντες ἡμεῖς ὄραν τεχνούργημα, τῆς ἄνω φημί πόλεως Ἱερουσαλήμ, τὲ πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερβαίνον, πρὸς τὴν καινὴν ταύτην καὶ φρικωδεστάτην ἐτοιμασίαν τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡμῶν ἀνεπετάσαμεν. Καὶ τούτοις ἡμῶν τοῖς ἐξαισίσις καὶ ὑπερεκπλήκτοις θεάμασιν ἐναβруνομένων· ξένη γὰρ ὑπῆρχε πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα ἡ θεωρία ἐκεῖνη· ἐν τούτοις οὖν τοῖς φρικτοῖς θεάμασιν ὁρώντων ἡμῶν καὶ τὸν νοῦν, ὡς εἴρηται, ἀπασχολουμένων καὶ τοῦ κόσμου παντός ἐξαναστάντος, ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ καὶ πάσης πνοῆς καὶ ψυχῆς ἐστώσης κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς ἀπὸ Ἀδάμ μέχρι καὶ τοῦ ἐσχάτως αὐτῶν γεγεννημένου, καὶ τοῦ φρικωδεστάτου καὶ πυριμόρφου θρόνου τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ χριτοῦ πάσης τε πνοῆς θνητῆς καὶ ἀθανάτου ἐξαισίως ἐτοιμασθέντος, καὶ τῶν θείων καὶ ἀγγελικῶν (f. 192 v.) κῶν στρατευμάτων δεσπρεπῶς παρισταμένων αὐτῷ, καὶ τῆς φρικτῆς ἐκεῖνης ἐτοιμασίας σπινθηροβόλου καὶ αἰγλήν ἐκ χρωμάτων μυρισβαρῶν ἰδεῖν λίαν ἐκπεμπούσης καὶ τὰς τῶν ὁρώντων ψυχὰς τῶν δικαίων ἐκείνων καταφωτιζούσης καὶ πῦρ αὐλὸν γαληνομόρφως ἐπαφιούσης καὶ εὐφροσύνης ἀρρήτου ἐμπιπλούσης, θυμηδίας τε καὶ παρρησίας ταύτης πληρούσης, τῶν δὲ ἀπίστων καὶ ἀμαρτωλῶν τῶν μηδέποτε μετανοησάντων καὶ ἐπιστρεψάντων πρὸς τὸ φῶς τῆς θεογνωσίας καὶ σωτηρίας τυχόντων φρίκην, δέος καὶ ἐκπλήξιν καὶ δειλίαν ἰσχυρὰν ἐμποιοῦσης, ὡς ἀπὸ τοῦ συνειδότος αὐτῶν καὶ τῆς αἰγληφόρου μαρμαρυγῆς τοῦ τιμίου καὶ ζωηφόρου σταυροῦ καὶ τοῦ πυριμόρφου καὶ δεσποτικοῦ θείου θρόνου συμβαίνειν αὐτοὺς κρίνεσθαι καὶ πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ παρουσίας.

Ἐπὶ οὖν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ παρεμβολαὶ ἀγγέλων μεγάλων τέσσαρες εἰς ἅπαξ καταβάσαι ἀπὸ τῶν ἀνωτάτω κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν ἡμῶν· ὧν μὲν ἡ μία παρεμβολή (f. 193 r.) μεγάλη καὶ φοβερὰ σφοδρα καὶ χωρισθεῖσα παρεγένετο καὶ ἔσθη κατὰ ἀνατολὰς ἑκδαμβος, καὶ αὕτη ἐν πολλῷ φόβῳ καὶ τρόμῳ. Κατῆλθεν οὖν μετ' αὐτὴν καὶ ἡ δευτέρα παρεμβολή καὶ ἔσθη κατὰ μεσημβρίαν ἐν ἰσχύι ἀρρήτων καὶ ἀνεκλαλήτων, περιβεβλημένη ἀστραπὴν καὶ περιεζωσμένη φρικωδεστάτην δύναμιν, πλὴν ἐναγώνιος τε καὶ ἐξεστηκυῖα. Κατῆλθεν οὖν καὶ ἡ τρίτη μετ' αὐτὴν καὶ διελθοῦσα ἔσθη κατὰ ἄρκτον, καὶ γαυρίαμα

δόξης ἦν ἐν μέσῳ αὐτῆς καὶ μεγάλη ἐξουσία, ὡσαύτως φόβος καὶ τρόμος μείζων παρῆν αὐτῇ. Καὶ μετὰ ταύτην κατήλθεν ἡ τετάρτη παρεμβολὴ ἐν μεγάλῃ καὶ βαθεῖα σιωπῇ καὶ καταστάσει, καὶ παραγενομένη ἔστη κατὰ δυσμᾶς, σκῆπτρα βασιλικά καὶ φοβερὰ ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες οἱ ἐξάρχοντες τῶν θαυμασιωτάτων ἐκείνων καὶ φρικωδεστάτων παρεμβολῶν, καὶ τάξις ἦν ἐν αὐτοῖς καὶ κατάστασις θαυμαστή, ὑπακοή τε καὶ ὑποταγὴ φρικτὴ καὶ πολυθαύμαστος ἀπὸ τῶν κα(f. 193 v.)ταδεστέρων τοῖς κρείττοσι καὶ προεξάρχουσι τούτων ἀπονενέμητο. Ἐστράφη δὲ καὶ αὕτη ἡ κατὰ δυσμᾶς παρεμβολὴ καὶ ἔστη ὡς κατὰ ἀνατολᾶς βλέπουσα, καὶ δόξα Κυρίου κατηύγαζε τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ ἦν τερψίδυμος ἀγαλλίασις καὶ εὐφροσύνη ἀκόρεστος ὑπὲρ πᾶσαν διήγησιν τὸ καὶ μόνον θεωρεῖν καὶ κατατρυφᾶν τὴν τερπνότητα τῆς ὠραιότητος αὐτῶν. Μετὰ ταῦτα οὖν ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ παρεμβολαὶ ἔτι τέσσαρες κατέβησαν ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, οὐχ' ὁμοῖαι δὲ ἀλλήλαις τοῖς σχήμασιν αὐταὶ ὑπῆρχον, ἀλλ' ἡ μὲν λευκὴ ὡς τὸ φῶς, ἡ δὲ ἐρυθρὰ ὡς τὸ ὠραιόμορφον ῥόδον, καὶ ἡ μὲν ὡς χρυσίον καθαρὸν τῇ τε διαυγείᾳ καὶ στιλπνότητι λάμπουσα ὑπὲρ αὐτὸν τὸν ἥλιον, ἡ δὲ ἑτέρα χιονολαμπῆς περιβεβλημένη εὐπρεπείας λαμπρότητα, καὶ πεποικιλμένη ἐκ παντοδαποῦς εὐχρησίας καὶ ἀποστιλβουσα ὠραιότητα. Πᾶσαι οὖν αὐταὶ κατελθοῦσαι ἔστησαν ἐν μέσῳ τῆς ὑπ' οὐρανοῦ, εἰδ' οὕτως διεχωρίσθησαν εἰς (f. 194 r.) τέσσαρας ἀρχὰς καὶ ἐδράσαντο τῶν τεσσάρων γωνιῶν τῆς γῆς καὶ ἔστησαν προσδεχόμεναι τοῦ Κριτοῦ τὴν ἐπέλευσιν. Ἦν δὲ ἡ μὲν γῆ πλήθους ἀνθρώπων πεπληρωμένη, ὁ δὲ ἀήρ ὁ οὐράνιος πλήθους ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων καὶ θείων στρατευμάτων τε καὶ δυνάμεων πεπληρωμένος.

Καὶ ἰδοὺ ἐξαίφνης ἐπάραντες τοὺς ὀφθαλμοὺς ἀπὸ τῆς φρικτῆς θεωρίας ταύτης ἐπὶ τὰ ἀνώτερα ὁρῶμεν, καὶ ἰδοὺ ἐπλήσθη ὁ οὐράνιος ἀήρ ἐκεῖνος ἀνθέων ποικίλων ἐκ πολυχρῶν βαφῶν διηηδισμένων, ἡδυνωίων ῥόδων καὶ κρίνων πνευματικῶν ἀφράστων, τῶ ὄντι νοητῶν καὶ ἐπουρανίων καὶ ἰδοὺ ἄρματα πυρός προπορευόμενα καὶ τὰ ἑξαπτέρυγα Χερουβιμ καὶ τὰ πολυόμματα Σεραφίμ καὶ ἐγένετο ἐν μέσῳ αὐτῶν Ῥῆμα Κυρίου, ὠρῶντο δὲ καὶ φιάλαι ἐν αὐτοῖς πεπληρωμέναι ἀρωμάτων ἀνεκλαλήτων καὶ μύρων θεικῶν,

καὶ ἐκέκραγον προσπερούμενα βοῇ ἰσχυρᾷ καὶ κραταιᾷ σφόδρα· Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος Κύριος Σαβαώθ, πλήρης πᾶσα ἡ γῆ τῆς δόξης αὐτοῦ. Ἄπο γοῦν τῆς (f. 194 v.) κραυγῆς ταύτης ἐτρόμαξεν ὁ οὐρανός καὶ ἡ γῆ καὶ ἐκέκραξαν οἱ ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς καταβεβηκότες πάντες ἄγγελοι Θεοῦ ἐν σεμνότητι καὶ ἡρεμίᾳ φωνῇ ἐπίσης καὶ ἑναρμονίως ἅμα· Εὐλόγησον πάτερ παντοκράτορ. Εἶτα ἠκούσθη καὶ διηχήθη ἐκ τῶν ἀνωτάτω λαμπρά καὶ διαπρύσιος φωνῇ λέγουσα· Εὐλογημένη ἡ βασιλεία τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος· καὶ πάλιν ἐβόησαν οἱ ἐπὶ γῆς θεοὶ ἄγγελοι ἐν ἐξαισίᾳ καὶ φρικωδεστάτῃ φωνῇ ἐκ δευτέρου λέγοντες· Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου, Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ὁ συναΐδιος τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι, τὸ ἀναρχὸν γέννημα καὶ ἀπαύγασμα τοῦ προανάρχου Πατρὸς, ὁ βασιλεὺς τῶν οὐρανῶν καὶ κύριος πάσης πνοῆς, ὁ λέων ὁ παμμέγιστος, ὁ κριτῆς καὶ δικαστῆς καὶ ἐκδικητῆς ζώντων καὶ νεκρῶν, ἐπουρανίων τε καὶ ἐπιγείων καὶ καταχθονίων καὶ πάσης ἀρτίως καὶ ἔπειτα ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας καὶ δυνάμεως καὶ παντός ὀνόματος ὀνομαζομένου ἐν τε τοῖς ἄνω καὶ τοῖς κάτω· ἡ βασιλεία αὐτοῦ (f. 195 r.) βασιλεία αἰώνιος καὶ ἀπέραντος καὶ ἀσάλευτος· τῆς γὰρ βασιλείας αὐτοῦ οὐκ ἔσται τέλος καὶ τῆς εἰρήνης αὐτοῦ οὐκ ἔστιν ὄριον. Τούτων οὕτω λεγθέντων ὑπὸ πάσης στρατιᾶς τῶν ἀγγέλων ἀπὸ τῆς φρικτῆς καὶ ἐξαισίας κραυγῆς ἐτρόμαξε καὶ συνεστάλη ὁ οὐρανός καὶ ἡ γῆ· καὶ μετὰ ταῦτα κατέβησαν εἰς τὸ τῆς γῆς πρόσωπον τὰ τε ἄρματα τοῦ πυρός τὰ τε ἐξαπτέρυγα Χερουβὶμ καὶ τὰ πολυόμματα Σεραφίμ, καὶ ἐδόθη αὐτοῖς ὁ ἀρμόδιος αὐτῶν, καὶ παρελθόντα ἐκύκλωσαν κύκλῳ ἐν τῇ λαμπρότητι αὐτῶν τὸν ἄστεκτον ἐκεῖνον θρόνον τῆς φρικώδους ἐκείνης καὶ μεγάλης ἐτοιμασίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ἐνωτισαμένων οὖν τὰ τῶν Ἰουδαίων, Ἰσραηλιτῶν καὶ Ἀγαρηνῶν καὶ λοιπῶν ἔθνῶν καὶ φυλῶν καὶ γλωσσῶν ἀσεβέστατα πλήθη τὴν θεῖαν ταύτην τῶν ἀγγέλων αἰνεσιν, καὶ ὅτι σὺν τῷ Πατρὶ καὶ τὸν μονογενεῖ Ὑἱὸν τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν εὐφημοῦντες θεοσπεπῶς ἐμεγάλυνον καὶ ὅτι κριτὴν αὐτὸν ζώντων καὶ νεκρῶν ἀνεκήρυξαν καὶ ἐδόξασαν, ἐλεεινὸν θρῆνον καὶ ὄδυρμόν ἀπαραμύθη(f. 195 v.)τον ἀνάδεξάμενα πάνυ λυγρῶς ἀπωδύροντο τὴν ἑαυτῶν ὀλολύζοντες ἀπώλειαν καὶ

βαθυτάτην ματαιότητα. Τούτων οὖν οὕτως ἐλεεινῶς καὶ ἀδλίως καὶ εἰκῆ καὶ μάτην ἀποδουρομένων καὶ πικρῶς ὀλοφυρομένων, ἰδοὺ σάλπιγγος φωνὴ λιγυρὰ ἄνωθεν κατιοῦσα ἤχησε σφοδρὰ εἰς τὰς ἡμέτερας ἀκοάς· ὅσον δὲ καὶ ὅσον ἡ ταύτης μελιγρὰ ἤχῳ προέβαινε· καὶ ἐπὶ τοσοῦτον ἤχει μάλα σφοδρῶς, ὥστε τὴν ταύτης ἠδυστάτην φθογγὴν καὶ ἠχὴν ἀψασθαι πάντων τῶν διανοιῶν, τῶν τε ἀγγέλων φημί καὶ τῶν ἀνθρώπων· καὶ ἐπέπεσε φόβος καὶ τρόμος ἐπὶ πάντας καὶ φρίκη ἀνείκαστος, οὐ μόνον ἐπὶ τοὺς γηγενεῖς, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ τοὺς θεοειδεῖς ἀγγέλους, ἐπειδὴ ἔγνωσαν πάντες ἀπὸ τῆς φρικωδεστάτης φωνῆς καὶ ἠχῆς τῆς σάλπιγγος ἐκείνης ἤδη τὸν κριτὴν παραγίνεσθαι.

Καὶ εὐθὺς ἰδοὺ νεφέλη φωτεινὴ δρόσον εὐωδίας ἀρρήτου σταλάζουσα καὶ ἐπ' αὐτῆς ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς. Καὶ ἀπήρην ἡ νεφέλη κατὰ ἀνατολὰς ἐπάνω τοῦ στερεώματος ἐκείνου, καὶ ἀνεώχθησαν αὐτῷ αἱ πύλαι τῆς ἀνατολῆς τοῦ οὐρανοῦ (f. 196 r.), καὶ ἀπήστραψεν ὁ Κύριος ἀπὸ ἀνατολῶν, καὶ εὐθέως ἐβρόντησεν ἠχῶ πνοῆς σφοδρὰ βιαιοτάτης ἐπὶ τοσοῦτον ἐκπληκτικῶς καὶ λίαν φοβερῶς, ὥστε σὺν φόβῳ πολλῷ καὶ τρόμῳ προσσχεῖν πάντας ἐπ' αὐτῷ τοὺς ἐπὶ γῆς, ἀγγέλους φημί καὶ ἀνθρώπους, κατὰ ἀνατολὰς, ὅθεν δηλονότι καὶ ὁ ἦχος τῆς βιαίας πνοῆς ἐκείνης ἐφέρετο, καὶ αὐτὸς ὁ Κύριος εὐθέως ἀνέτειλε πάσης πνοῆς θνητῆς τε καὶ ἀθανάτου, ἦτοι ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων σαφῶς καὶ λίαν τηλαυγῶς καθαρῶς αὐτόν. Καὶ ἐν τῷ καθέζεσθαι αὐτόν ἐγένετο ἐπὶ τῆς φρικωδεστάτης ἐκείνης νεφέλης πεπυρακτωμένος σφοδρὰ τῇ αἴγλῃ τῆς θεότητος. Ἐρχεται ἡ νεφέλη φέρουσα αὐτόν ὡς ἐπὶ τὸν θεῖον θρόνον τῆς δόξης αὐτοῦ, καὶ πᾶς ὀφθαλμὸς, ἀγγέλων φημί καὶ τῶν ἀνθρώπων, ἐώρα αὐτόν· καὶ οἱ μὲν τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων ὅσοι δηλονότι ἐκ τῶν ἰδίων ἀρετῶν φωτεινόμορφοι ἐτύγχανον πτέρυγας ἐκφύοντες πυρός, ἀνίπταντο εἰς τὸν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ ἐπαιρόμενοι καὶ ὑπήντων αὐτῷ μάλα θαρρῶς καὶ εὐμενῶς (f. 196 v.) προσμειδιῶντι προσώπῳ καὶ διὰ τοῦ σχήματος ἀσπαζομένου αὐτούς, οἱ δὲ ἐφριττον καὶ ἐδεδίασαν ἐν φόβῳ καὶ τρόμῳ καὶ ἀγωνίᾳ ὄντες πολλῇ, ὅσοι δηλονότι ἀπὸ τε τοῦ οἰκείου συνειδότος καὶ τοῦ ἐπιφαινομένου αὐτοῖς σχήματος κατεγνωσμένου ἑαυτοῦς ἐπεγίνωσκον· οἱ δὲ Ἰσραηλίται οἱ τε χριστοκτόνοι καὶ οἱ μετ' αὐτούς ἐτι πλέον τῶν ἄλλων ἰλιγγίῳν καὶ ἔτρεμον καὶ τοὺς ὀδόντας

ἑαυτῶν ἀπὸ τοῦ πολλοῦ φόβου καὶ κλόνου σφόδρα συνέχρουν. Καὶ εὐθέως ἐξεβόησε πρὸς αὐτὸν πᾶσα πνοὴ ἀγγέλων τε καὶ ἀνθρώπων οὕτως ὡς εἰπεῦσα καὶ γηθοσύνης ἀλαλάζουσα· Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι Κυρίου Θεός Κύριος, καὶ ἐπέφανεν ἡμῖν καὶ ἐλήλυθε κριτῆς ζώντων καὶ νεκρῶν. Καὶ εὐθέως μετὰ τὴν αἰνεσιν καὶ ἐξομολόγησιν ταύτην ἔπεσον πάντες ἄγγελοι Θεοῦ κατὰ πρόσωπον καὶ προσεκύνησαν αὐτῷ ἐπὶ τοῦ ἀέρος φόβῳ καὶ τρόμφῳ πολλῷ, ὡς μόνῳ δικαίῳ κριτῇ, ὡσαύτως καὶ οἱ υἱοὶ τῶν ἀνθρώπων, ἰδόντες τοὺς ἀγγέλους πρηνεῖς (f. 197 r.) πεσόντας καὶ προσκυνήσαντας αὐτῷ, καὶ αὐτοὶ πάντες πεσόντες κατὰ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν φόβῳ καὶ τρόμφῳ προσεκύνησαν αὐτῷ τῷ φοβερῷ καὶ θαυμαστῷ κριτῇ καὶ Θεῷ τε καὶ βασιλεῖ τῶν αἰώνων. Τούτων κατὰ πρόσωπον κάτω κειμένων, κουφίσας ἑαυτὸν ὁ Κύριος κατελθὼν ἀπὸ τῆς φωτεινῆς νεφέλης ἐκεῖνης, ἐκάθισεν ἐπὶ τοῦ θείου θρόνου αὐτοῦ τῆς δόξης, φοβεράν τὴν ἐπιβλεψὴν ἐπιδεικνύμενος, καὶ ὁ θυμὸς ὁ ἅγιος τῆς δικαιοσύνης αὐτοῦ μετ' αὐτοῦ θερμὸς καὶ ζέων ἐπὶ τῇ δυνάμει αὐτοῦ. Καὶ ἀνέστησαν πάντες οἱ υἱοὶ τῶν ἀνθρώπων ἀπὸ τῆς εἰς γῆν κατανεύσεως αὐτῶν καὶ θεασάμενοι αὐτὸν ἐπὶ θρόνου δόξης αὐτοῦ ἐπαναπαυόμενον, φρίκη καὶ ἀγωνία συνείχοντο· ἔτρεμε γὰρ ὁ οὐρανὸς ὡσπερ ὄρα ὑπὸ βραχίονος πνοῆς σπαραττομένη, καὶ ἡ γῆ ἐκλονεῖτο καὶ ἐτινάσσετο ὡσπερ φύλλον θένδρου ὑπὸ τινος ἀνέμου γευμαζόμενον καὶ σαλευόμενον ἰσχυρῶς, καὶ πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγάλη τῇ φωνῇ ἐβόων κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων εὐδο (f. 197 v.) κήσαντος τοῦ Κυρίου καὶ νέματι θεικῷ ἀράτως προτρεψαμένου αὐτούς πρὸς τὸ ἐμφανὲς ἐλεγχθῆναι καὶ λίαν αἰσχυνηθῆναι τοὺς αἰρετικούς πάντας καὶ τοὺς ἀπίστους, τοὺς βεβήλους τε Ἰουδαίους, τοὺς Ἰσραηλίτας, τοὺς Ἀγαρηνοὺς καὶ πάντας τοὺς μὴ δεξαμένους τὸ ἅγιον αὐτοῦ εὐαγγέλιον καὶ τὸ σωτήριον τῶν ἁγίων ἀποστόλων κήρυγμα καὶ μαθητῶν αὐτοῦ, οὕτως ἰέγοντες· Σὺ εἶ ὁ Χριστὸς ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὃν οἱ παράνομοι Ἰουδαῖοι ἐσταύρωσαν ἐν τόπῳ Κρανίου, σὺ εἶ ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ὃν ὁ πατὴρ πρὸ τῶν αἰώνων ἀνάρχως, ἀρρέυστως, ἀπαθῶς, ἀμειώτως τε καὶ ἀρρήτως γεγέννηκεν, ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν χρόνων εὐδοκίᾳ πνευματικῇ καὶ συνεργίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος σάρκα προσλαβόμενος ἐκ τῆς

παναγίας και άειπαρθένου Μαρίας, τῆς ὄντως κυρίως και ἀληθῶς Θεοτόκου, άνευ σποράς άπαθῶς και άναλλοιώτως, και εἰς τόν κόσμον ἐλληλυθῶς, ὁ διπλοῦς ταῖς φύσεσι και ἐνεργίαις και θελήσεσι γνωριζόμενος, ἐν μιᾷ δὲ (f. 198 r.) τῇ ὑποστάσει διαμείνας τέλειος Θεός και τέλειος ἄνθρωπος, ὁ σημεῖα και τέρατα θεοπρεπῶς τελέσας ἐπὶ τῆς γῆς και κηρύξας τῷ κόσμῳ τὴν τοῦ Πατρὸς βασιλείαν. Σὺ εἶ ὁ Θεός ἡμῶν σὺν τῷ Πατρὶ και ἀγίῳ Πνεύματι, σὺ Κύριος Ἰησοῦς Χριστός, εἰς ὁ αὐτός λόγος τοῦ Θεοῦ ὁ ἐνυπόστατος, ὁ εἰς σάρκα παγεῖς άνευ θελήματος ἀνδρὸς και άνευ θελήματος σαρκός· σὺ εἶ ὁ Θεός ἡμῶν και ἐκτός σου ἕτερον Θεὸν οὐ γινώσκομεν. Ταῦτα οὖν εἰρηκότες οἱ ἄγιοι ἄγγελοι, σεσιγήκασιν ἅπαντες και ἐν ἡρεμαίᾳ και εὐτάκτῳ καταστάσει συνεστάλησαν. Ἀκούσαντες δὲ ταῦτα οἱ παρανομῶντατοι και δυσσεβέστατοι ἄρχοντες τῶν Ἰουδαίων, ὁ τε Ἄννας και Καϊάφας και πᾶς ὁ δῆμος αὐτῶν και πᾶσα συναγωγὴ αὐτῶν ἐφριξαν και ἐτρόμαξαν και ἐτάκῃσαν, ὡσεὶ κηρὸς ἀπὸ προσώπου πυρός, ἐν φόβῳ και τρόμῳ ἀνεικάστῳ γενόμενοι, σὺν τούτοις οὖν ἐτρόμαξε και συνεστάλη ὁ τῆς μανίας ἐπώνυμος, ἐπάρατος φημί και παράνομος Ἄρειος, ἐπὶ τε σὺν αὐτῷ και ὁ κατάπτυστος Μωάμεθ και πάντες ὁμοῦ σὺν αὐτοῖς οἱ ἔχθιστοι και (f. 198 v.) ἐπάρατοι πάσης αἰρέσεως σὺν ταῖς κουστοδίαις αὐτῶν, και ἀπὸ τοῦ φόβου και τῆς φρίκης ἐκείνης ἀπονεκρωθέντες, ἄφωνοι τοῦ λοιποῦ και ἄναυδοι γεγόνασιν. Εὐθὺς οὖν ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος εἰς τὸ πρόσωπον τοῦ οὐρανοῦ, και αὐτὸς ἀπὸ τοῦ φόβου ἐκείνου ἐφυγεν ἀπὸ προσώπου Κυρίου και τόπος οὐχ' εὐρέθη ἐν αὐτῷ. Και μεμενήκαμεν ἡμεῖς ἐπὶ μονοῦ τοῦ σκοποῦ ἐκείνου, οὐ ἤμεν ἰστάμενοι, διότι πέφευγε πάντα τὰ ὑποκάτω ἡμῶν, και αὐτὸς μόνος ἀκλόνητος ἴστατο ἐπὶ τοῦ αἰθέρος· και ἡ θαυμαστὴ ἐκείνη πολις μεμένηκε στερεὰ ἐπὶ τοῦ τόπου ἐφ' οὗ ὠκοδόμητο, διότι πνεῦμα Κυρίου ἦν ἐπ' αὐτῇ και δύναμις Ὑψίστου συνέσχεν αὐτήν. Και εὐθὺς ἐπέιδεν ὁ Κύριος ἐπὶ ἐν ὀργῇ αὐτοῦ ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς και εἶδεν αὐτὸ και κατενόησε πάντας τοὺς ὄντας ἐν αὐτῷ, και ἦν μεμολυσμένον σφόδρα σφόδρα ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἁμαρτιῶν τῶν υἱῶν τῶν ἀνθρώπων. Κατανοήσας οὖν ἐν αἰς αἰσχρουργίαις και ἀθεμίτοις πράξεσι κατεμολυναν αὐτὸ οἱ ἀπ' αἰῶνος ἄνθρωποι οἱ τοῖς εἰδώλῳ λαιτρεύσαντες και ταῖς μαγείαις και (f. 199 r.) φαρμακίας

και ταῖς αἰμομιξίαις ἀσχοληθέντες και μιανθέντες, οἱ ταῖς ἀνδρομανίαις, οἱ ταῖς παιδοφθορίαις ἐλεινῶς και ἀθλίως συμφυραθέντες και χρανθέντες και ταῖς λοιπαῖς ἀθεμίτοις κακοπραγίαις ἐγκυλισθέντες και οὕτω καταμολύναντες και καταμειώσαντες [κατανόησας] αὐτήν οὕτως ἔχουσαν ἐν θυμῷ Κύριος, και αὕτη ἔφυγεν ἀπό προσώπου αὐτοῦ, και τόπος οὐχ εὐρέθη ἐν αὐτῇ. Και ἰδοῦ εἰστήκεισαν πάντες ἐπὶ τοῦ ἀέρος ἀκλόνητοι, ὡσπερ ἴσταντο και ἐπὶ προσώπου τῆς γῆς, και ἐξέτεινε Κύριος τὴν χεῖρα αὐτοῦ τὴν κραταιάν και ἐπέβλεψεν ἐπὶ τὰ ἄνω ὕψη τῶν ὑψωμάτων και ἐπὶ τὰ κάτω βάθη τῆς ἀβύσσου, και ἰδοῦ νέος οὐρανός και γῆ καινὴ, και τὸ πρόσωπον αὐτῆς δεδοξασμένον σφόδρα· μετηλλάγη γὰρ τῷ νεύματι Κυρίου ἀπό τῆς φθορᾶς εἰς ἀφθαρσίαν, και ἦν λευκόν ὡσεὶ γιῶν. Και ἰδοῦ τὸ στερέωμα τοῦ οὐρανοῦ ἄπαν και αὐτὸ καινισθὲν και ἀφθαρτισθὲν ἀνεφάνη, ὡσπερ ἡ ὄρασις τοῦ ἡλίου καθοραῖται τὸ πρῶτὸ ἀνατέλλοντος ἐν αἰθρία ἔτι τὰς ἰδίας μὴ ἐξαπλοῦν ἀκτίνας· τὰ δὲ γε ἄστρα ἅπαντα (f. 199 v.) ἀπώλοντο ἐξ αὐτοῦ, ὡς τῶν ἀγίων ἀναπληρούντων τὸν τῶν ἀστέρων τόπον, και ἥλιος οὐκ ἦν ἐν αὐτῷ, ἐπειδὴ ἀνατολὴ ἀνέτειλε πᾶσι τοῖς υἱοῖς τῶν ἀνθρώπων, ὁ τῆς δικαιοσύνης λέγων ἥλιος Κύριος και Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ λυτρωτὴς τοῦ κόσμου. Και ἐπέβλεψεν αὐθις ἐπὶ τὸ κάλλος τοῦ προσώπου τῆς νέας γῆς και ἐπὶ τὸν τόπον τῆς θαλάσσης, ἐν ᾧ τὰ ἀλμυρὰ ὑπῆρχον συνηγμένα ὕδατα πρὸ τῆς τῶν στοιχείων καινῆς ἀλλοιώσεως, και ἰδοῦ αἰφνης ἐξανέτειλε και ἀνέβλυσεν ἀντὶ τοῦ ὕδατος τῆς θαλάσσης ποταμὸς πυρός, οὐπερ ἡ φλόξ ἀνῆπτε σφοδρῶς, και ἀφικνεῖτο μέχρι και αὐτοῦ τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ, και ἐξήρχετο βρέμων και καγλάζων και πελαγίζων, ἕως οὐ ἐκάλυψε πάντα τὰ πληρώματα τὰ ἀφορισθέντα αὐτῷ. Μετὰ τοῦτο οὖν ὀρώμεν ἰστάμενοι ἐπὶ τοῦ σκοποῦ ἐκείνου τοῦ ὑψηλοῦ (και ὑψηλοῦ) φόβῳ και τρόμῳ συνεχόμενοι· και ἰδοῦ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ πάντα υἱὸν ἀνθρώπου εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς και ἐπὶ πάντα εἰδωλ[λο]άτρη, δι' ὧν ἐθεραπεύθη τὰ μάτια εἰδῶλα και κωφά, και (f. 200 r.) ἐπὶ πάντα υἱὸν ἀνθρώπου, ἐν εἰς θεογνωσία οὐ προσεδέχθη οὔτε μὴν ἐπιπόλασε, και ἐπὶ πάντα πόρνον και μοιχόν και ἐπὶ πάντας τοὺς φονεῖς και ἐπιόρκους και φειδῶλους, οἵτινες ἐπορεύθησαν ἐν ματαιότητι και δολιότητι πᾶσας τὰς ἡμέρας τῆς ζωῆς αὐ-

τῶν, ζῶν ζήσαντες πονηρὰν καὶ μοχθηρὰν ὥσπερ τὰ κτήνη τὰ ἄλσγα. Καὶ ἰδοὺ τάγμα φοβερὸν πυρίνων ἀγγέλων ἀπὸ δυσμῶν παρεγένετο, καὶ ἐπέβαλον τὰς χεῖρας αὐτῶν ἐπὶ τούτους καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀνόμους τε καὶ ἁμαρτωλοὺς, καὶ ἐπὶ πάντας τοὺς ἀσεβεῖς τῆς γῆς, καὶ κρατήσαντες αὐτοὺς κατενώπιον πάντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων τῶν ἐτι κριθήσεσθαι προσδοκῶντων, ἐπέβαλόν τε αὐτοὺς ἅπαντας ἓνα καθ' ἓνα εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρός, ἕως εἰς τέλος ἐξέλιπε· τὸ δὲ τάγμα ἐκεῖνο τὸ ὑπουργήσαν τῇ κελεύσει τοῦ Θεοῦ μετὰ τὸ ἐκτελεῖσαι τὸ κελευσθὲν αὐτῶ, παρελθὼν ἔσθη σὺν εὐλαβείᾳ καὶ φόβῳ πολλῷ ἐν τῇ τάξει αὐτοῦ. Καὶ κατελείφθησαν πάντες οἱ ἀπὸ Ἀβραάμ καὶ Μωϋσέως καὶ μέχρι τῆς (f. 200 v.) συντελείας τοῦ αἰῶνος υἱοὶ Ἰσραὴλ καὶ πάντες οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ τῆς ἐνσάρκου παρουσίας καὶ ἐπιδημίας καὶ τῆς τῶν ἁγίων αὐτοῦ ἀποστολῶν διδασκαλίας γεγεννημένοι χριστιανοὶ καὶ ἅπαν τὸ σπέρμα αὐτῶν μέχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ ἀπὸ παντὸς ἔθνους καὶ γένους κληθέντες εἰς τὴν ὀρθὴν καὶ ἀμώμητον πίστιν τῶν χριστιανῶν, καὶ πᾶσα ἡ γενεὰ αὐτῶν ἄχρι τῆς συντελείας· καὶ κατελείφθησαν οἱ τὴν ἄνω πρόνοιαν σεβασθέντες ἀπὸ παντὸς γένους τῶν ἔθνῶν ἀπὸ Ἀδάμ καὶ μέχρι τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας παρουσίας, ὅστινες οὐδόλως ἔκαμψαν γόνυ τοῖς εἰδώλοις. Οὗτοι πάντες καταλείφθεντες ἴσταντο κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ μὲν ἀπλήτῳ χαρᾷ εὐφραϊνόμενοι καὶ δόξῃ ἀρρήτῳ ἠγλαισμένοι, οἱ δὲ κατηφείας πληρούμενοι καὶ φρίκη ἀνεικάστῳ καὶ δειλίᾳ συνεχόμενοι. Ἐν γοῦν τῷ εἰσάγεσθαι τοὺς ἀσεβεῖς ἐκείνους καὶ εἰδωλολάτρας εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρός τὴν καιομένην καὶ καχλάζουσαν καὶ ἀναβράζουσαν ἦν θρῆνος καὶ (f. 201 r.) κλαυθμὸς καὶ ὄδυρμὸς πολλὸς ἐν μέσῳ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, πικρὸς τε καὶ ὀδυνηρὸς καὶ φοβερὸς σφόδρα σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτὸν τὸν οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀγγέλους τοῦ Θεοῦ ἀποδύρεσθαι ἐπὶ τῇ τούτων ἀπωλείᾳ καὶ αἰωνίῳ κατακρίσει ἐν τῷ ἀστέκτῳ καὶ ἀτελευτήτῳ πυρὶ τῆς γέεννης. Ἄλλ' οὐκ ἦν ὁ ἔλεων καὶ οἰκτεῖρων αὐτούς· οἱ δὲ γε λοιποὶ τῶν καταλείφθεντων, ὡς εἰρηται, τοὺς τσιούτους ἀσεβεῖς βλέποντες καὶ εἰδωλολάτρας ὠδομένους βιαίως καὶ φοβερῶς ῥιπτομένους εἰς τὴν γέενναν τοῦ

ἀπλέτου και ἀσβέστου ἐκείνου πυρός οὕτως ἀποτόμως, ἔφριττον διγγιώντες και ἔτρεμον συνορῶντες, και μᾶλλον οἱ πλείους αὐτῶν ὅτι δυσείμονα μορφήν ἐκ τῶν αἰσχίστων και βεβήλων ἔργων αὐτῶν ἐκέκτηντο, και τὴν ἐνὶ ἐκάστῳ αὐτῶν ἐγκειμένην, ὡς ἄνωθεν εἰρηται, ἐπιγραφὴν ἐγγεγραμμένην και δηλοῦσαν ἐκάστου αὐτῶν ἢ τὴν σωτηρίαν, ἢ τὴν ἀπώλειαν, και ὅτι σωτηρίας ἐλπίς οὐκ ἦν ἐν αὐτοῖς.

Ἐπεὶ οὖν, ὡς ἀνωτέρω διεἰληπται, ἐναπέμειναν οἱ τὸν νόμον δεξάμενοι ἐνα δίκην τίσωσιν (f. 201 v.) ὅπως τοῦτον ἐτήρησαν, ἐπέβλεψεν οὖν ὁ Κύριος κατὰ τὰς ἀνατολάς τῷ περιστρατεύματι αὐτοῦ και ὡσανεὶ ἐπένευσε· και ἰδοὺ τὰ κατὰ ἀνατολάς στρατεύματα ἐσάλπισαν ἐν σάλπιγγι φρικωδεστάτῃ, και ἐγένετο τόπος ἐτοιμασίας ἐν τοῖς τοῦ κριτοῦ δεξιῶς μέγας λίαν και φοβερός, και διεσπάρη τὸ κατὰ ἀνατολάς στρατεύμα τοῦ Θεοῦ τὸ σαλπίσαν, και διεσκορπίσθη εἰς πᾶσαν τὴν τετραπέρατον φάλαγγα ὡσεὶ τάχος ἀστραπτῆς· σαλπίζοντες μὲν οἱ ἐν τούτοις ἐξάρχοντες ἐν εὐήχοις σάλπιγγιν, οἱ δὲ λοιποὶ αὐτῶν οἱ ἐπὶ τοῦτο δηλονότι τεταγμένοι ἡρέωνων και ἐπετήρουν ἅπαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, και ἐνθα ἂν εὑρίσκον τοὺς τὰ φαῖδρά πρόσωπα κεκτημένους και τὴν ἀνεκκλήτην εὐφροσύνην και καθαράν αἰγλήν τῆς δικαιοσύνης περιαστραπτομένους, ἀσπαζόμενοι και ἐνδόξως ἐνάγκαλιζόμενοι τούτους τῷ ροίζῳ τῶν πτερύγων αὐτῶν ἐν μεγίστῃ και ἀνεκκλήτῳ χαρμονῇ ἀπεκόμιζον αὐτούς (f. 202 r.) ἐν τοῖς δεδοξασμένοις προσηυτρεπισμένοις ἐν τοῖς δεξιῶς και λαμπροῖς τόποις τοῦ κριτοῦ· και πάλιν ἐξεπορεύοντο ἐκεῖθεν και διεσκορπίζοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς και ἠφόριζον τοὺς ἐκλεκτοὺς τοῦ Θεοῦ ἀπὸ τῶν ἐν ἀνομίαις και ἁμαρτίαις και παντοίαις αἰσχίστοις και ἀθεμίτοις ἔργοις ἑαυτοὺς καταμολυνάντων και οὕτως ἀμετανοήτως τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδοπανησάντων και μὴ φθασάντων καθάραι ἑαυτοὺς διὰ μετανόιας και ἐξαγορεύσεως και εὐπείας πενήτων, και σὺν μεγίστῃ τιμῇ και δόξῃ ἀπεκόμιζον τούτους και σὺν πολλῇ παρρησίᾳ ἐν τοῖς δεξιῶς τοῦ κριτοῦ, ἐνθα και τοὺς πρώτους ἀπεδησαύρισαν. Και ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς τοῦ Θεοῦ διὰ νεφελῶν και ἀέρων ὑπὸ τῶν ἐνδόξων ἀγγέλων και στῆναι ἐκ δεξιῶν τοῦ κριτοῦ, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος πρὸς ἄρκτον και μεσημβρίαν και ἐπένευσε τοῖς ἐκεῖσε θείοις στρατεύμασι, και ἰδοὺ

δύο παρεμβολαί τῶν ἀγγέλων ἐπορεύ(φ. 202 ν.)θησαν ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς καὶ ἀποκατέστησαν πάντας τοὺς ὑπολειφθέντας ἀπὸ τῶν δακαίων υἱοὺς τῶν γηγενῶν ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ, τύπτοντες καὶ μαστιζόντες αὐτοὺς σφοδρῶς· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἀποκαταστῆναι πάντας τοὺς ἁμαρτωλοὺς τῆς γῆς εἰς τὰ εὐώνυμα τοῦ κριτοῦ, ὅτινες ὑπῆρχον τῷ πλήθει ὑπὲρ τὴν ἄμμον τῆς θαλάσσης καὶ τὸν χοῦν τῆς γῆς· ἀπὸ μὲν γὰρ τοῦ σωτηρίου σπόρου τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἦτοι τοῦ διὰ τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου ἐφ' ἔλθῃ τὴν οἰκουμένην σπαρέντες, ἡ τριμοιρία ἀπώλετο, ἡ μᾶλλον εἶπεν ἡ τετραμοιρία, καὶ ἐν μόλις περισέσωστο· ἀπὸ δὲ τῆς παλαιᾶς διαθήκης τῶν χιλίων ἢ καὶ τῶν μυρίων μόγις ἠύρισκετο εἰς τετελειωμένος ἐν δικαιοσύνῃ. ἀπὸ δὲ τοῦ προπάτορος Ἀδάμ καὶ μέχρι τοῦ θεοπάτορος Ἀβραάμ, τί ἂν εἶποιμι, μόγις γὰρ τῶν δισμυρίων ἢ καὶ τῶν τετρακισμυρίων ἠύρισκετο εἰς σεσωσμένους ἐν τελειότητι βίου θεαρέστου.

Καὶ ὁ δὴ τούτων οὕτω τελεσθέντων καὶ διαστάντων καὶ ἀπαχθέντων καὶ ἀποκαταστάντων εἰς τοὺς ἀνήκοντας αὐτῶν τόπους, ἦν ἰδεῖν (φ. 203 γ.) ἐπ' αὐτοὺς θέαμα φρακτόν· τὰ μὲν δεξιὰ τοῦ κριτοῦ λαμπρότητι ἀνεικάστω διαλάμποντα καὶ φαιδροτάτῃ αἴγλη λίαν περιαιγαζόμενα, τὰ δὲ γε εὐώνυμα σκυθρωπά καὶ κατανευγμένα. Εἶδεν ὁ Κύριος ἐπιβλέψας ἐν τοῖς δεξιῶς αὐτοῦ καὶ θεασάμενος τὴν τῶν ἁγίων αὐτοῦ καὶ ἐνδόξων ἀποστόλων φαιδρότητα καὶ λαμπρότητα καὶ ἀγαλλιασθεῖς ἐπ' αὐτοῖς εὐμενεῖ καὶ φαιδρῶ προσώπων καὶ μεγάλη καὶ λαμπρᾶ τῇ φωνῇ, λέγει πρὸς αὐτούς· Δεῦτε αἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρος μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτομασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου· ἐπέινασα γὰρ καὶ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν, ἐδίψησα καὶ ἐποτίσατέ με, ξένος ἤμην καὶ συνηγάγετέ με, γυμνός καὶ περιεβάλετέ με, ἀσθενής καὶ διακονήσατέ με, ἐν φυλακῇ καὶ ἐπισκέψασθέ με, ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς ποικίλοις περιπέτωκα καὶ ἐληλύδατε τοῦ παρακαλῆσαι καὶ ἐπισκέψασθαι με καὶ παραμυθῆσασθαι καὶ πᾶσι τροποῖς ἀγαθοῖς μετὰ τῆς εἰς τὸν πλησίον ἀγά(φ. 203 ν.)της ὑμῶν ἐμὲ ἀπεθεραπεύσατε. Ἀποκριθέντες δὲ εἶπον αὐτῷ οἱ δίκαιοι· Δέσποτα Κύριε παντοκράτωρ, κοιτητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς, πότε σε εἶδομεν πεινῶντα καὶ ἐδρέψαμεν, ἢ ἐκφῶντα

καὶ ἐποτίσαμεν; πότε δέ σε εἶδομεν ξένον καὶ συνηγάγομεν, ἢ γομνόν καὶ περιεβάλομεν; πότε δέ σε εἶδομεν ἐν φυλακῇ καὶ ἤλθομεν πρὸς σε, ἢ ἐν ἀσθενείᾳ καὶ ἐπισκεψάμεθά σε, πότε σε εἶδομεν ἐν θλίψεσι καὶ πειρασμοῖς περιπεσόντα καὶ ἤλθομεν τοῦ παρακαλέσαι καὶ ἐπισκέψασθαι καὶ παραμυθήσασθαι σε; Ἀποκριθεὶς οὖν ὁ δίκαιος ἐκεῖνος κριτῆς λέγει αὐτοῖς δακτυλοδεικτῶν τοὺς πένητας τῇ δεξιᾷ χειρὶ· Ἐφόσον ἐποίησατε ἐνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, ἐμοὶ ἐποίησατε. Τοῦτο δὲ παρεδήλου αὐτοῖς ὁ Κύριος ταῦτα λέγων· ὅτι οὐκ ἐπεινάσα φαγεῖν ἄρτον ἢ ἐδίψησα ποτὲ πιεῖν, ἀλλ' ἐπεινάσα καὶ ἐδίψησα ὑμῶν τὴν σωτηρίαν ἣν ἐργάσασθε καὶ προσηνέγκατέ μοι διὰ τῆς τῶν συνδούλων ὑμῶν ἀγάπης καὶ εὐποιίας ἐνεκεν ἐμοῦ· ἐμῇ γὰρ βρῶσιν καὶ πόσιν, καθὼς προεῖπον ὑμῖν, ἐστίν, ἵνα ποιῶ τὸ θέλημα τοῦ πέμψαντος (f. 204 r.)τός με· τοῦτο δὲ ἐστὶ τὸ θέλημα τοῦ πέμψαντός με Πατρός, ἵνα πᾶν ὃ δέδωκέ μοι, οὐ μὴ ἀπολέσω ἐξ αὐτοῦ, ἀλλὰ ἀναστήσω αὐτὸ ἐν τῇ ἐσχάτῃ ἡμέρᾳ. Διὰ ταύτης γὰρ τῆς ἐργασίας ἐληλυθατε πρὸς με, εὐφροσύνης καὶ τέρψεως καὶ θυμηδίας ἐπληρώσατέ μου τὴν καρδίαν ἐν ταῖς πρὸς ἀλλήλους ἀγαθοεργίαις ὑμῶν· ἐμὸν γὰρ βρῶμα καὶ πόμα καὶ περιβόλαιον, ὡς εἴρηται, καὶ πᾶσα ἀνάπαυσις καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐστὶ τὸ σωθῆναι πάντας τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων. Καὶ ἐπειδὴ θερμῶς ἠγωνίσασθε καὶ σπουδαίως τὰ πρὸς σωτηρίαν ὑμῶν, ἐμὴν πᾶσαν ἐπιθυμίαν καὶ θέλημα τοῦ Πατρός μου ἐπληρώσατε· ὅς γὰρ οὐκ ἀφίει ἔσθλημα τοῦ πλησίου, οὐδὲ τὸ αὐτοῦ ὀλισθημα ἀφεθήσεται, καὶ ὅς οὐ δῶ ἑτέρῳ παραμυθίαν, οὐδ' αὐτὸς λήφεται.

Ταῦτα καὶ τὰ τούτοις ὅμοια εἰρηκότος τοῦ δικαίου κριτοῦ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἐστῶτας, στρέφεται καὶ πρὸς τοὺς εὐωνύμους, καὶ περιβλεψάμενος αὐτούς ὁ φρικτὸς ἐκεῖνος καὶ ἀπαραλόγιστος καὶ μόνος κριτῆς καὶ δικαστῆς, εἶδε πάντας τοὺς ἀμαρτωλοὺς τῆς γῆς, βεβήλους (f. 204 v.) ὄντας καὶ ἔξοφωμένους εἰς τέλος, καὶ ἐταράχθη ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τῇ δικαίᾳ αὐτοῦ, βδελυξάμενος τὴν ἀσχημοσύνην αὐτῶν· καὶ ἀποκριθεὶς ἀποτόμως εἶπε πρὸς αὐτούς· Πορεύσατε ἐπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι ἐργάται τῆς ἀνομίας εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἠτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ· ἐπεινάσα γὰρ οὐκ ἄρτον φαγεῖν, φθειρόμενον εἰς οὐδὲν δὲ ἀλλοιούμε-

νον· οὐ γὰρ ἐπ' ἄρτων μόνων ζήσεται ἄνθρωπος, ἀλλ' ἐν παντί ῥήματι Θεοῦ ἐκπορευομένων διὰ στόματος αὐτοῦ· ἀλλὰ τὴν σωτηρίαν ὑμῶν, ἣν οὐ προσηνέγκατέ μοι, ἐδίψησα τοῦ σωθῆναι πάντας· ἡμέτερον γὰρ ἐστὶ θάλημα, καὶ οὐκ ἠδελήσατε, καὶ οὐδὲ θέλῃσις τις γέγονεν ὑμῖν ποτίσασθαί με ὕδωρ κατανύξεως· ξένος ἤμην τῶν διανοιῶν ὑμῶν καὶ αἰσθήσεων, καὶ οὐ συνηγάγετέ με διὰ τῆς τῶν ξένων ἐνδον τῆς οἰκίας ὑμῶν τῆς ξεναγίας· ἡμιγνός καὶ ἐν φυλακῇ δι' ὑμᾶς ἐγενόμην, καὶ οὐκ ἐπεσκέψασθέ με διὰ τῆς κατὰ Θεὸν ὑμῶν ὑπομονῆς ἐν ταῖς ἐπερχομέναις ὑμῶν ὕβρεσι καὶ χλευασμοῖς καὶ πειρασμοῖς καὶ ὄνειδεσιν ἐνεκεν ἐμοῦ ὑπὸ τῶν μισούν(φ. 205 γ.)των ἡμᾶς, ἀλλ' ἔτι πλέον λελυπήκατέ μου τὸ πνεῦμα ἐν ταῖς βλασφημίαις ὑμῶν· ἀσθενὴς ἐγενόμην καὶ ἐν ἀπορίᾳ τῶν ἀναγκαίων ὑπῆρξον, ὑμεῖς δὲ καθ' ἐκάστην τρυφῶντες καὶ κατασπαταλῶντες οὐ διηκονήσατέ μοι διὰ τῆς εἰς τοὺς πένητας εὐποίας ὑμῶν καὶ ἐλεημοσύνης· ἐν θλίψει ὑπῆρξον ὄρων ὑμᾶς καθ' ἐκάστην τὰ μάταια πράττοντας καὶ ἐν τούτοις συνθλίβοντάς με, καὶ οὐκ ἠδελήσατε μετανοῆσαι καὶ διὰ κατανύξεως καὶ δακρύων ἀποθεραπεῦσαι με, καθὼς ἐν παραβολαῖς εὐηγγελισάμην ὑμῖν. Διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ οἱ ἀμαρτωλοὶ καὶ οἱ εἰς τέλος ἀμετανόητοι εἰς τὸ σκοτὸς τὸ ἐξώτερον, ἐκεῖ ἐστὶ ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ βέβηλοι καὶ ἀκάθαρτοι ἐργάται τῆς ἀνομίας καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας εἰς τὴν γένναν τοῦ πυρὸς τοῦ αἰωνίου· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι καὶ λαθραίως κακοῦργοι καὶ ἀνελεήμονες, φιλοδόδοι καὶ μνησικάκοι καὶ κατάλαλοι, (φ. 205 ν.) κτηνώδεις καὶ πάσης αἰσχροουργίας καὶ ἀκαθαρσίας ἀνάπλευοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἡτοιμασμένον καὶ ἄσβεστον· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ καὶ πορεύεσθε εἰς τὸν τάρταρον τοῦ ἄδου πάντες ὑμεῖς οἱ ῥαθυμοὶ καὶ οἱ ἀνηλεεῖς καὶ ἀπάνθρωποι, οἱ ἀμετάδοτοι καὶ οἱ ἀσπλαγγχοὶ καὶ οἱ ἀμετανόητοι· οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὰ τῶν ἀδελφῶν μου τῶν πενήτων ἀρπάσαντες καὶ εἰς τὰς ἰδίας ἐπιθυμίας καὶ ἀσωτίας ὑμῶν ἀπλείστως καὶ ἀδεῶς κενώσαντες καὶ παρ' ἑαυτοῖς ἀποθησαυρίσαντες· πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ ἄπιστοι καὶ οἱ ἀσεβεῖς καὶ οἱ ἀσελγεῖς καὶ οἱ ἄσωτοι καὶ οἱ ἀκάθαρτοι καὶ φειδωλοὶ καὶ ἀπαράκλητοι, καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ φονεῖς

καὶ οἱ μοιχοὶ καὶ οἱ ἀρσενοκοῦται καὶ οἱ κτηνοβάται καὶ οἱ αἱμομύκται καὶ οἱ φαρμακοὶ καὶ οἱ κλέπται καὶ οἱ ψευδοὶ καὶ οἱ ἐπίορκοι καὶ οἱ ληστοὶ καὶ οἱ ἄνομοι· οὐ γὰρ οἶδα ὑμᾶς· ἀπέλθετε ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ πόρνοι καὶ οἱ μαλακοὶ καὶ οἱ μέθυσοι καὶ (f. 206 r.) πάντες οἱ φιλάργυροι καὶ οἱ ὀργίλοι καὶ οἱ θυμώδεις καὶ οἱ κενόδοξοι καὶ οἱ ὑπερήφανοι καὶ οἱ κιδαρφοὶ, οἱ τραγωδοὶ καὶ οἱ γαστρίμαργοι καὶ οἱ φλύαροι καὶ οἱ ἐν ἀκαθαρσίαις καὶ ἐν ματαιότητι ὄλον ὑμῶν τὸν βίον καταστρέψαντες καὶ μὴ μετανοήσαντες· οὐκ οἶδα ὑμᾶς, οὐ γινώσκω πόθεν ἐστὲ, οὐ γνωρίζω τινὰ ἐξ ὑμῶν· διὰ τοῦτο οὖν ἀπέλθετε πόρρω ἀπ' ἐμοῦ πάντες οἱ κατηραμένοι βδελυκτοὶ καὶ κατηγυμένοι· καὶ γὰρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς· πορεύεσθε οὖν εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἠτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων.

Τότε ἀκούοντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εὐωνύμοις μέρεσι τοῦ κριτοῦ γυμνοὶ καὶ τετραγηλισμένοι καὶ πάσης ἀηδίας πεπληρωμένοι παρεστηκότες τὴν φοβερὰν ταύτην ἀπόφασιν ἐταράχθησαν, ἰσαλεύθησαν, τρόμος ἐπελάβετο αὐτούς, καὶ πικρῶς ὀδυρόμενοι ἀπεκρίθησαν αὐτῷ λέγοντες· Κριτὰ ἀπροσωπόληπτε καὶ ποιητὰ τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτί(f. 206 v.)σεως ποιητὰ καὶ δημιουργεὶ Θεὲ ἡμῶν, πότε σε εἶδομεν πεινῶντα καὶ οὐκ ἰδρέψαμεν, ἢ πότε σε εἶδομεν διψῶντα καὶ οὐκ ἐποτίσαμεν, ἢ πότε σε εἶδομεν γυμνὸν καὶ οὐ περιεβάλομεν καὶ ἐνεδύσαμεν, ἢ πότε σε εἶδομεν ξένον καὶ οὐ συνηγάγομεν ἐν τῷ οἴκῳ ἡμῶν, πότε δέ σε εἶδομεν ἐν ἀσθενείᾳ καὶ οὐ δεηκονήσαμεν καὶ ἐπεσκεψάμεδά σε, ἢ πότε σε εἶδομεν ἐν φυλακῇ καὶ οὐκ ἐληλύθαμεν πρὸς σε, ἢ πότε σε εἶδομεν θλιβόμενον ἢ ἐν ἀπορίᾳ τυγχάνοντα τῶν ἀναγκαίων καὶ οὐ δεηκονήσαμέν σοι; Τότε ὁ βασιλεὺς ἐκεῖνος ὁ μέγας καὶ φοβερός ἐταράχθη ἐπ' αὐτούς σφόδρα ἐν τῷ οὕτως ἀπολογήσασθαι αὐτούς πρὸς αὐτόν, καὶ ἀποκριθεὶς μετ' ὀργῆς εἶπε πρὸς αὐτούς δακτυλοδείξας αὐτοῖς τινὰς τῶν ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστώτων δικαίων ἢ καὶ τῶν ἐξ εὐωνύμων ἐστώτων ἀμαρτωλῶν· Ἐφόσον οὐκ ἐποιήσατε ἐνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε· αὐτοὶ ἑαυτοῖς καλὸν οὐκ ἐποιήσατε, οὐδὲ ἐμοὶ ἐποιήσατε, ἑαυτοὺς οὐκ ἠγαπήσατε, οὐδὲ ἐμὲ ἠγαπήσατε· εἰ γὰρ ἐμὲ ἠγαπᾶ-

(f. 207 γ.)τε, ἠγαπάτε ἄν και τόν πλησίον ὑμῶν· οὐκ ἐλεήσατε πένητα και πτωχόν, οὐδὲ ἐμὲ ἠλεήσατε, διὰ τοῦτο οὐδὲ αὐτοὶ ἐλεηθήσεσθε· οὐκ ἀνεπαύσατε ξενοδίτην, οὐδὲ ἐμὲ ἀνεπαύσατε· οὐκ ἔδεραπεύσατε ξένον και κατανευγμένον τῇ καρδίᾳ, οὐδὲ ἐμὲ ἔδεραπεύσατε πώποτε· διὰ τοῦτο οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Ἀπόστητε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐμὲ και τόν Πατέρα μου λυπήσαντες και θλίψαντες, οἱ τὰ γήινα και μάταια ποθήσαντες και τὰ ἐπουράν[α] και θεῖα μισήσαντες· ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ τὴν ἁμαρ(υ)ρίαν ποθήσαντες και διὰ πάσης τῆς ζωῆς ὑμῶν ταύτην κατέχοντες και τόν διάβολον δεραπεύσαντες, και μηδὲ κἄν ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις τῆς ζωῆς ὑμῶν τῇ μετανοίᾳ προσδραμεῖν ἠδελήσατε· διὰ τοῦτο γάρ οὐκ οἶδα ὑμᾶς πόθεν ἐστέ. Οἱ δὲ τὰ φρικιώδη ταῦτα και ὡς ἀληθῶς θεῖα ῥήματα παρὰ τοῦ κριτοῦ τοῦ δικαίου ἀκροασάμενοι και ἐνωτισάμενοι τὰ λεγόμενα, δάκρυσιν ἐλεεινοῖς και οἰμωγαῖς ἀφορήτοις ἑαυτοὺς ἀπωδύροντο, κλαυθμῶ τε πικρῶ ἑαυτοὺς ἐλεεινολογούμενοι και τὸ οὐαὶ οὐαὶ ἀπαύστως σὺν (f. 207 ν.) κραυγῇ μεγίστῃ ὀλολύζοντες και πρὸς οἶκτον ἅπαντας προσκαλούμενοι, ἀλλ' ὁ ἐλεῶν και οἰκτεῖρων οὐκ ἦν αὐτοὺς και ὁ σπλαγχνιζόμενος αὐτοὺς ποσῶς οὐχ' ἠύρισκετο, ὁ παρακαλῶν και μεσιτεύων τόν κριτὴν ὑπὲρ αὐτῶν οὐχ' ὑπῆρχε· τὰ δὲ δάκρυα αὐτῶν οὐκ ὠκτεῖροντο, ἐπειδὴ ὁ τῶν δακρύων ἀπεκλείσθη καιρὸς και ὁ τοῦ ἐλέους πορισμὸς ἀπέσβη και ἀπελήλατο μακρὰν ἀπ' αὐτῶν. Ἐν γὰρ τῷ θυμοῦσθαι και ὀργιζεσθαι τόν δικαίον ἐκεῖνον και ἀπρόσωπόληπτον κριτὴν τόν δικαίον θυμόν δικαίως κατ' αὐτῶν, πάντες τῷ δέει και τῷ φόβῳ συνείχοντο πεφρικότες μηδὸλως ἀντοφθαλμησαι αὐτῷ δυνάμενοι.

Ἀναβλέψας οὖν ἐγὼ τοῖς ὀφθαλμοῖς, εἶδον γῆν νέαν και ἐπ' αὐτὴν ὄρη οὐκ ἦν ἀναβαίνοντα, οὐδὲ φάραγγες καταβαίνουσαι ἢ πεδιάδες ἐξομαλίζουσαι, ἀλλὰ πᾶσα ἡ γῆ ἐκεῖνη ὑπῆρχεν ἐν θέσει και στάσει μιᾷ φαινομένη ἀπ' ἄκρων ἕως ἄκρων αὐτῆς και τόπος ἀποκρυφος οὐχ' εὐρίσκετο ἐν αὐτῇ, ὡς ἂν τις ἐχη παρεικάσαι αὐτὴν ἄλωνα θερεινὴν· τὸ δὲ πρόσωπον αὐτῆς ὑπῆρχε καθαρὸν και λευκόν (f. 208 γ.) ὡσεὶ γάλα ἢ χιῶν ἄρτα νεφελῶν ἐκπεσοῦσα, και ἀτμὶς χρυσαυγίζουσα ἀνέβαιεν ἐξ αὐτῆς και ἀνήρχετο ἐπὶ τόν αἰθέρα τοῦ οὐρανοῦ εὐωδίας ἀπάτου πληροῦσα αὐτόν· και αὐτὴ ἦν ὄλη δεδοξασμένη. Και ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἔτι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, και εὐθέως ἀνέβη ἐπ' αὐτῆς

χλόη λευκή ὡσεὶ χιών· καὶ ἰδοὺ φυτὰ ἐπ' αὐτὴν τῷ εἶδει ὠραιὰ καὶ περικαλλῆ, εὐσκιόφυλλά τε καὶ εὐκαρπα, τὰ μὲν πυρακίζοντα, τὰ δὲ χιονοφεγγῆ, τὰ δὲ ἐκ πολυχρῶν ἀνθέων διηνηθισμένα, ἄλλα ἐξ ἄλλων διαφέροντά τῇ θεωρίᾳ τε καὶ τῇ ὠραιότητι, ἃ ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε καὶ οὐς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη οὔτε σοφία ἀνθρωπίνη καὶ γλῶσσα βρότειος διηγήσασθαι δύναται. Καὶ ὅτε τὰ φρικώδη ταῦτα ἀνέβη καὶ περικαλλῆ φυτὰ εἰς τὸ πρόσωπον αὐτῆς, καὶ αὐτὰ ἐξήνηθησαν μυριοπλάσιως εἶδη ἀνθέων ἀπόρρητα καὶ τερπνότατα ἐν τοῖς φυτοῖς, ὧν τὴν περικαλλῆ καὶ ποικιλόμορφον θέαν καὶ τὴν τῆς ὀσμῆς τῆς ἐξ αὐτῶν ἐκπεμπομένης ἢ (f. 208 v.) δύτητα διηγήσασθαι νοῦς ἀνθρώπων ὅλως ἀδυνατεῖ καὶ ἰλιγγιᾷ ἐξαπορούμενος ὡς πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερνικῶσα· τηλικαύτη γὰρ ἦν ἡ ὠραιότης καὶ ἡ εὐπρέπεια ἢ[ν] ἐν τῷ ἐξηνηθισμένῳ τῶν ὠραιομόρφων φυτῶν ἐκείνων καὶ τῆς τερπνοτάτης ἐκείνης χλόης ἢ θαυμαστῆ ἐκείνη γῆ ἐνεδύσατο, ὅταν ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδε, ὡς εἴρηται, καὶ οὐς οὐκ ἤκουσε καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη, ὡς καὶ μὲ ὑπερεκπλαγέντα ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ταύτης εὐπρεπείᾳ καὶ φαιδρότητι κατατολμηῆσαι καὶ εἰπεῖν πρὸς τὸν ὀδηγοῦντα με ἄγγελον τὸν θεῖον ἐκεῖνον· Κύριέ μου, τίς ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν περὶ ἧς πολλάκις ἀκήκοα ἀπὸ τε αὐτῶν τῶν ἐκκλησιαστικῶν καὶ θεῶν δογμάτων καὶ ἀπ' αὐτοῦ τοῦ ἁγίου καὶ πανσέπτου εὐαγγελίου, ὅτι θαυμαστὴ τις ἐστὶ καὶ ἀσύγκριτος ὑπὲρ πάσας τὰς βασιλείας τῆς γῆς; μὴ τοί γε ἄρα αὕτη ἐστὶν ἡ φαινομένη πρὸ ὀφθαλμῶν ἡμῶν, ἡ τῷ κάλλει καὶ τῇ εὐπρεπείᾳ ἀσύγκριτος τε καὶ ἀκατάληπτος; τί γὰρ περισσότερο ταύτης ὀφείλει ἔχειν ἐκείνη; εἰ ἄρα ἄλ(f. 209 r.) λη ἐστὶ, οὐκ αὐτή; Ἀποκριθεὶς δὲ ἐκεῖνος ἔφη πρὸς με· Οὐκ οἶδας, ἀδελφε, τί λέγεις· αὕτη γὰρ ἦν ὄραξ γῆν καὶ τὰ ἐν αὐτῇ πάντα ἡ γῆ τῶν πραέων ἐστὶ, περὶ ἧς ἐν τοῖς εὐαγγελίοις εἴρηται, ὅτι· μακάριοι οἱ πραεῖς ὅτι αὐτοὶ κληρονομήσουσι τὴν γῆν· ἡ δὲ τῶν οὐρανῶν βασιλεία ἐν τοῖς οὐρανοῖς ἐστὶν, ἐν πᾶσι δὲ ὑπάρχει ἀκατάληπτος καὶ οὐδὲ ἐνὶ τῶν κατ' αἰσθησιν ἰσόρροπος πέλει ὧν νῦν ὄραξ.

Ἐπεὶ δὲ θαυμάζοντες ἡμεν ἐπὶ τῇ ἐξανθήσει τῶν ἐξαισίων ἐκείνων καὶ μυριπνῶν καὶ ποικιλομόρφων φυτῶν τε καὶ ἀνθέων καὶ ἰων σμικρῶντες καὶ ἐν τούτοις ἐπαγαλλόμενοι, ὀρώμεν, καὶ ἰδοὺ

ἕτερα φυτὰ καὶ αὐτὰ πλείονα τῶν προτέρων, ὡς εἰς πλήθος ὁρᾶσθαι πολὺ σφόδρα, ἃ καὶ ἀνέτειλε καρπὸν ἀσύγκριτον καὶ ἀκατάληπτον τῷ πλήθει, ξένον τῇ ἰδέᾳ καὶ θεωρίᾳ καὶ εὐκωδία, θαυμαστὸν τῇ γεύσει καὶ τῇ ἡδύτητι καὶ ἀκόρεστον τῇ ἀγήρῳ μονιμότητι καὶ αἰδιότητι. Καὶ ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἅπαν τῆς ἀφθάρτου καὶ (f. 209 v.) θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ ἐπλήσθη εὐδύς βοτάνης ἀνεκφράστου, ἣτις ἦν χρυσαυγίζουσα καὶ μυρμηδὸν ἀσυγκρίτως τὰ ἐπ' αὐτῇ ῥόδα, κρίνα τε καὶ ἰα ἐπανατέλλουσα· ἅτινα ὀρῶν ἐγὼ ἐξέστην ὅλως καὶ ἐκθαμβος γέγονα ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς, ὠλυγιάσά τε καὶ ἐφριξα, ἐπειδὴ κόρος οὐκ ἦν τῆς γλυκείας ταύτης ὀρασεως· ὁ γὰρ Κύριος ἐστόλισε καὶ ὠραίσεν ὡς νύμφην ἐν παστῶ φαιδρύνας καὶ καλλωπίσας· ἐξαισίως αὐτὴν ἐν ὠραιότητι ἀπειρῶ καὶ φαιδρότητι εἰς ὑποδοχὴν τῶν αὐτοῦ τέκνων. Καὶ μετὰ ταῦτα ἐπέβλεψεν αὐδὺς ὁ Κύριος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὕτη ἀνέβλυσε ποταμὸν γάλακτος καὶ μέλιτος ἐπὶ τὸ αὐτό· τὸ δὲ μέλι τοῦ ποταμοῦ ἐκείνου ὑπῆρχε καθαρώτατον λίαν καὶ διειδέστατον καθαπερεὶ δάκρυον· καὶ διεπορεύοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κλύζοντες καὶ ποτίζοντες τὰς ρίζας τῶν φυτῶν αὐτῆς· οὐ μέντοι συμμυγνύμενοι ἀλλήλοις οἱ ποταμοὶ, ἦτοι τὸ μέλι μετὰ τοῦ γάλακτος, ἀλλὰ χωρὶς καὶ ἰδίως ἀλλήλα ἐπορεύοντο, καὶ τὸ μὲν (f. 210 r.) γάλα τὰς τῶν μυριπνῶν καὶ ὠραίων ἐκείνων φυτῶν ρίζας ἐπικλύζον ἐπότιζε, τῶν τοῖς ἄνθεσι καὶ μόνις αἰδιῶς δηλονότι ὠραϊζομένων, τὸ δὲ μέλι τῶν βριθόντων τῶ ἀμαράντων ἐκείνων καὶ ἀνεκλαλήτων καρπῶ δένδρων τὰς ρίζας αἰδιῶς καὶ ἀρμολζόντως, ὡς λόγου μετέχον εὐφυῶς, ἤρδευεν ἐπικλύζον καὶ τούτοις ἡρέμα ἐξηχεῖτο. Καὶ πρὸς ἐπὶ τούτοις ὀρῶμεν, καὶ ἰδοὺ τῇ αὐτῇ προσβλέπει τοῦ Κριτοῦ ἦλθον ἀπὸ ἀνατολῶν στρουθία ὠραιόμορφα, ὡς νέφος μέγα καὶ δασύ σφόδρα, καὶ ἠπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης· καὶ ἐπλήσθησαν ἅπαντες οἱ κλάδοι τῶν φυτῶν ἐκείνων τῶν μυριοπλασίως μυριπνῶν καὶ εὐόσμων ἀνθέων καὶ καρπῶν ἀγαθῶν ἐκείνων τῶν τοιοῦτων στρουθίων, καὶ αὐτὰ ἐτέρφθη ἐπὶ τῷ κάλλει καὶ τῇ ὠραιότητι τῆς ἀφθαρτισθείσης ἐκείνης κτίσεως, καὶ σφόδρα ταῦτα ἀγαλλιασθέντα περιχαρῶς ἤρξαντο κελαδεῖν εὐήχῳ λίαν καὶ ἡδυτάτῃ φθογγῇ μέλος ἐξαισίον καὶ ἐναρμόνιον, ὡς ἐξηχεῖ-

σθαι πᾶσαν τὴν γῆν (f. 210 v.) ἐκ τῶν τοιούτων ἡδυστάτων στρουθίων ἐκείνων φωνῶν, καὶ τὸ μέλος τούτων ἀνέρχεσθαι μέχρις αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Ἐφριξε δὲ καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ παρισταμένη ἐκείνη συναγωγή σφόδρα σφόδρα τῷ αἰωνίῳ καὶ φοβερωτάτῳ κριτῇ ἐκείνῳ ἀπὸ τῆς αἰφνιδίου κραυγῆς τῶν ἀρξαμένων κελαδεῖν καὶ ὑμνεῖν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν τοῦ παντός φοβερωτάτων, λαμπροτάτων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων στρουθίων. Ἐγὼ δὲ ἐκπληττόμενος καὶ ἐξίστάμενος ἐπὶ τῇ τῶν ἐξαισίων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων φημί στρουθίων ἡδυστάτῃ φθογγῇ καὶ ἤχῃ, λέγω πρὸς τὸν ὀδηγούντα με ἄγγελον· Κύριέ μου, πόθεν ἤμασι ταῦτα τὰ περικαλλῆ καὶ ἡδουφονότατα στρουθία, καὶ τίς ὁ ἤχος καὶ τὸ μέλος αὐτῶν τὸ τερπνότετον; Ὁ δὲ ἔφη πρὸς με· Ταῦτα τὰ στρουθία ἄπερ ὄραξ, ἀδελφε, οὐ τῇ φθορᾷ καὶ ἀλλοιώσει καὶ τῇ τῆς γωνῆς αὐξῇ ὡς τὰ ἐν τῷ παρόντι προσκαίρῳ καὶ πολυστενάκτῳ βίῳ ὑπάρχουσιν ὑποκείμενα, ἀλλ' ἐπίσης ἡ λοιπὴ καινὴ κτίσις καὶ ταῦτα ἀφάρτα τετίμηκε καὶ τῇ εἰς (f. 211 r.) αἰώνων ἀγήρῳ καὶ αἰδίῳ μονῇ τε καὶ τέρφει καὶ φαιδρότητι καὶ διαμονῇ.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι οὕτω ταῦτα πάντα, ἐπέβλεψεν αὐθις ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ ὕψη τῶν ὄρεων, ἦτοι εἰς τὰ πλάτη τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἰδοὺ ἠνοιγῆ ὁ νέος οὐρανός σφόδρα σφοδρῶς ἐν στομίῳ φοβερωτάτῳ, καὶ ἰδοὺ στρατεύματα στρατευμάτων πλείστων καὶ φοβερῶν σφόδρα, ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν ὁδῷ πολλῇ κατῆλθον ἐπιφερόμενα τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν τοῦ Θεοῦ ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ψάλλοντα καὶ ἀλαλάζοντα καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ ἀναπέμποντα· καὶ ἐγένετο, ὡς ἔφθασαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ἔστησαν αὐτὴν κατὰ ἀνατολάς ἐπὶ τῆς γῆς. Καὶ ὁ παράδεισος ἐκεῖνος ὁ φοβερός καὶ περιβάλλης καὶ περιβλεπτός περιεκλείσθη ἐνόσον τῆς φρικωδεστάτης καὶ θαυμασίας ἐκείνης πόλεως σὺν τῇ Ἐδέμ τῇ κατὰ ἀνατολάς. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πόλιν ἐκείνην καὶ ἰσπερώθη θαυμαστῶς ἐπὶ τὸν τόπον τῆς νέας καὶ ἀφθάρτου γῆς ἐκείνης, καὶ πάντα τὰ ἀγαθὰ ἐν μέσῳ αὐτῆς· καὶ ἡ ἐξερεύνησις (f. 211 v.) τῆς καλλονῆς καὶ ὠραιότητος τῆς πόλεως ἐκείνης τῆς θαυμαστῆς καὶ εἰκασμός ὄλων, ὅθεν ἤρχετο καὶ ὅθεν λήγουσα ὑπῆρχεν, οὐχ' εὐρίσκειτο, διότι

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιών, ἡ ἄνω πόλις Ἱερουσαλήμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἡς τεχνίτης καὶ δημιουργός ὁ Θεός, ἡς ἔρη κύκλω καὶ ὁ Κύριος κύκλω τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλω γὰρ αὐτῆς αἱ στρατιαὶ πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεός ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός κύκλω αὐτοῦ ἐκείσε καταταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτομασμένον τόπον αὐτῆς, ἠῦγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν υπερλάμπρων θεμελίων καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γάρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ὠκοδόμηγγο, οἱ αὐγάζοντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδῖαν ἀκόρεστον τοῖς ὄρωσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὡσπερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτῖνας ἐπαφιοῦσαι ἠῦγαζον τὰ περὶ κύκλω αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τη ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερῶτατος κριτῆς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὠραιότητα τῆς πνευματικῆς πολέως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγξιν ἐπουρανίους, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίους μελωδήμασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἰστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἄρκτου ἕως μεσημβρίας ἄγγελιοὶ σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλω αὐτῶν δοξάζειν καὶ ὑμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐκέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὄλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἐξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφδόγγου μέλους αὐτῶν ἐστάθησαν ὄρθαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πακρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρήνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βάρους καρδίας αὐτῶν καὶ ἐλεινῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτῆς· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρτοι ὁποῖων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη ἀίνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτερπῆς καὶ ὄξεια καὶ τοσοῦτον ὑπερφύης πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ῥηθῆναι ἢ νοι διαζωγραφεθῆναι ἀνθρωπίνῳ· τῇ γὰρ ἡδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγματος καὶ τοῦ ἤχου τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυναμίου καὶ ἰσορροπικοῦ ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ τῆς ἀπαρἀλλάκτου τῶν πάντων ἡδυφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀστέα τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγχανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθησαν, ὡσπερ δὴ καίμου τοῦ ἀμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθύς οὖν μετὰ τὴν φρικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἀγίων ἀγγέλων ὑμνωδίαν ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἐτοιμασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματι συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὑμνησαν αὐτῷ τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἐμπροσθεν τῆς πύλης αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμᾶς, ἣτις ἀνεύχθη αὐτῷ αὐτομάτως φόβῳ καὶ τρόμφῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐκυνύμων πεζοποροῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μήκοθεν κατὰ θέαν δηλονότι τῶν τελευμένων· ὡς δὲ ἠνέφκτο αὐτομάτως ἡ περιβλεπτος πύλη τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ πραεῖα καὶ μελιχρᾶ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἰλαρῷ προσώπῳ, εὐμενεὶ τε καὶ ἡμέρῳ ὁμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδῶν· Δεῦτε, λέγων, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλινύμφου μου ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοι μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοὶ μου φίλοι, εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγειλάμην ὑμῖν· ἐγὼ γὰρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ· δεῦτε, ἀδελφοὶ μου ἀγαπητοὶ, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ᾗτε ὅπου εἰμὶ ἐγώ, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιών, ἡ ἄνω πόλις Ἰερουσαλήμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἡ τεχνίτης καὶ δημιουργός ὁ Θεός, ἡς ὄρη κύκλω καὶ ὁ Κύριος κύκλω τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλω γὰρ αὐτῆς αἱ στρατιαὶ πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεός ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός κύκλω αὐτοῦ ἐκείσε καταταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτομασμένον τόπον αὐτῆς, ἠῦγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν ὑπερλάμπρων θεμελίων καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γάρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ὠκοδόμητο, οἱ αὐγάζοντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδῖαν ἀκόρεστον τοῖς ὄρωσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὡσπερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτῖνας ἐπαφιοῦσαι ἠῦγαζον τὰ περὶ κύκλω αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τη ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερῶτατος κριτῆς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὠραιότητα τῆς πνευματικῆς πολεως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγξιν ἐπουρανίους, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίους μελωδήμασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἰστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἄρκτου ἕως μεσημβρίας ἄγγελιοὶ σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλω αὐτῶν δοξάζειν καὶ ὑμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐκέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὄλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἐξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφθόγγου μέλους αὐτῶν ἐστάθησαν ὄρθαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πικρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρήνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βάρους καρδίας αὐτῶν καὶ ἰλεινῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτῆς· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρτοι ὁποῖων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη αἴνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτεριπῆς καὶ ὀξεία καὶ τοσοῦτον ὑπερφυῆς πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ῥηθῆναι ἢ νοὶ διαζωγραφηθῆναι ἀνθρωπίνῳ·
 τῇ γὰρ ἠδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγματος καὶ τοῦ ἤχου
 τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυναμίου καὶ ἰσορροπικοῦ ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ
 τῆς ἀπαρallaκτου τῶν πάντων ἠδυφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀστέα
 τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγχανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ
 ἐξεχύθησαν, ὡσπερ δὴ κάμου τοῦ ἀμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν
 μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ
 τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθύς οὖν
 μετὰ τὴν φοικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἀγίων ἀγγέλων ὑμνωδίαν
 ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἑτομασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας
 τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων
 καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ
 ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματι
 συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὑμνησαν αὐτῷ τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι
 αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἐλθεῖν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς
 ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἐμπροσθεν τῆς πύλης
 αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμᾶς, ἣτις ἀνεύχθη αὐτῷ αὐτομάτως
 φόβῳ καὶ τρόμφῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ
 συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα
 τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐκνώ-
 μων πεζοποροῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μήκοθεν κατὰ θέαν δηλονότι
 τῶν τελευμένων· ὡς δὲ ἠνέφκτο αὐτομάτως ἡ περιβλεπτος πύλη
 τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ
 πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ
 πραεῖα καὶ μελιχρᾶ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἱλαρῷ προσώπῳ,
 εὐμενεὶ τε καὶ ἡμέρῳ ὀμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδῶν· Δεῦτε, λέγων, οἱ
 εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλι-
 νύμφου μου ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοί μου,
 εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοί μου φίλοι,
 εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγελάμην ὑμῖν· ἐγὼ
 γὰρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ·
 δεῦτε, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ
 ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ἦτε ὅπου εἰμί ἐγώ, ἵνα θεω-
 ρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

έτερα φυτά και αυτά πλείονα τῶν προτέρων, ὡς εἰς πλήθος ὀραῖσθαι πολὺ σφόδρα, ἃ και ἀνέτειλε καρπὸν ἀσύγκριτον και ἀκατάληπτον τῷ πλήθει, ξένον τῇ ἰδέᾳ και θεωρίᾳ και εὐωδίᾳ, θαυμαστὸν τῇ γέυσει και τῇ ἡδύτητι και ἀκόρεστον τῇ ἀγήρῳ μονιμότητι και αἰδιότητι. Και ἰδοὺ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὸ πρόσωπον ἅπαν τῆς ἀφθάρτου και (f. 209 v.) θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, και ἐπλήσθη εὐδύς βοτάνης ἀνεκφράστου, ἣτις ἦν χρυσαυγίζουσα και μυρμηδὸν ἀσυγκρίτως τὰ ἐπ' αὐτῇ ῥόδα, κρίνα τε και ἰα ἐπανατέλλουσα· ἅτινα ὀρῶν ἐγὼ ἐξέστην ὄλως και ἐκθαμβος γέγονα ἐπὶ τῷ κάλλει αὐτῆς, λιγγιάσα τε και ἔφρηξα, ἐπειδὴ κόρος οὐκ ἦν τῆς γλυκείας ταύτης ὀρασεως· ὁ γὰρ Κύριος ἐστόλισε και ὠραίσειν ὡς νύμφην ἐν παστῶ φαιδρίνας και καλλωπίσας ἐξαισίως αὐτὴν ἐν ὠραιότητι ἀπείρῳ και φαιδρότητι εἰς ὑποδοχὴν τῶν αὐτοῦ τέκνων. Και μετὰ ταῦτα ἐπέβλεψεν αὖθις ὁ Κύριος κατὰ πρόσωπον πάσης τῆς θαυμαστῆς γῆς ἐκείνης, και αὐτὴ ἀνέβλυσε ποταμὸν γάλακτος και μέλιτος ἐπὶ τὸ αὐτό· τὸ δὲ μέλι τοῦ ποταμοῦ ἐκείνου ὑπῆρχε καθαρῶτατον λίαν και διειδέστατον καθάπερ εἰ δάκρυον· και διεπορεύοντο ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κλύζοντες και ποτιζόντες τὰς ῥίζας τῶν φυτῶν αὐτῆς· οὐ μὲντοι συμμιγνύμενοι ἀλλήλοις οἱ ποταμοί, ἦτοι τὸ μέλι μετὰ τοῦ γάλακτος, ἀλλὰ χωρὶς και ἰδίως ἀλλήλα ἐπορεύοντο, και τὸ μὲν (f. 210 r.) γάλα τὰς τῶν μυριπνῶν και ὠραιῶν ἐκείνων φυτῶν ῥίζας ἐπικλύζον ἐπότιζε, τῶν τοῖς ἄνθεσι και μόνις αἰδιῶς δηλονότι ὠραιζομένων, τὸ δὲ μέλι τῶν βριθόντων τῶ ἀμαράντῳ ἐκείνῳ και ἀνεκλαλήτῳ καρπῷ δένδρων τὰς ῥίζας αἰδιῶς και ἀρμολόντως, ὡς λόγου μετέχον εὐφυῶς, ἥρδευεν ἐπικλύζον και τούτοις ἡρέμα ἐξηχεῖτο. Και πρὸς ἐπὶ τούτοις ὀρῶμεν, και ἰδοὺ τῇ αὐτῇ προσβλέψει τοῦ Κριτοῦ ἦλθον ἀπὸ ἀνατολῶν στρουθία ὠραιόμορφα, ὡς νέφος μέγα και δασὺ σφόδρα, και ἠπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης· και ἐπλήσθησαν ἅπαντες οἱ κλάδοι τῶν φυτῶν ἐκείνων τῶν μυριοπλασίως μυριπνῶν και εὐόσμων ἀνθέων και καρπῶν ἀγαθῶν ἐκείνων τῶν τοιούτων στρουθίων, και αὐτὰ ἐτρέφθη ἐπὶ τῷ κάλλει και τῇ ὠραιότητι τῆς ἀφθαρτισθείσης ἐκείνης κτίσεως, και σφόδρα ταῦτα ἀγαλλιασθέντα περιχαρῶς ἤρξαντο κελαδεῖν εὐήχη λίαν και ἡδυτάτη φθογγῇ μέλος ἐξαισίον και ἐναρμόνιον, ὡς ἐξηχεῖ-

σθαι πᾶσαν τὴν γῆν (f. 210 v.) ἐκ τῶν τοιούτων ἡδυτάτων στρουθίων ἐκείνων φωνῶν, καὶ τὸ μέλος τούτων ἀνέργεσθαι μέχρις αὐτῶν τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ. Ἐφριξε δὲ καὶ ἐτρόμαξε πᾶσα ἡ παρισταμένη ἐκείνη συναγωγή σφόδρα σφόδρα τῷ αἰωνίῳ καὶ φοβερωτάτῳ κριτῇ ἐκείνῳ ἀπὸ τῆς αἰφνιδίου κραυγῆς τῶν ἀρξαμένων κελαδεῖν καὶ ὑμνεῖν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν τοῦ παντός φοβερωτάτων, λαμπροτάτων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων στρουθίων. Ἐγὼ δὲ ἐκπληττόμενος καὶ ἐξίσταμενος ἐπὶ τῇ τῶν ἐξαισίων καὶ ποικιλομόρφων ἐκείνων φημί στρουθίων ἡδυτάτῃ φθογγῇ καὶ ἤχῃ, λέγω πρὸς τὸν ὀδηγούντα με ἄγγελον· Κύριέ μου, πόθεν ἤκασι ταῦτα τὰ περικαλλῆ καὶ ἡδुφωνότατα στρουθία, καὶ τίς ὁ ἦχος καὶ τὸ μέλος αὐτῶν τὸ τερπνότατον; Ὁ δὲ ἔφη πρὸς με· Ταῦτα τὰ στρουθία ἄπερ ὄρας, ἀδελφε, οὐ τῇ φθορᾷ καὶ ἀλλοιωσει καὶ τῇ τῆς γωνῆς αὐξῇ ὡς τὰ ἐν τῷ παρόντι προσκαίρω καὶ πολυστενάκτῳ βίῳ ὑπάρχουσιν ὑποκείμενα, ἀλλ' ἐπίσης ἢ λοιπῇ καινῇ κτίσει καὶ ταῦτα ἀφάρτα τετίμηκε καὶ τῇ εἰς (f. 211 r.) αἰώνων ἀγήρῳ καὶ αἰδίῳ μονῇ τε καὶ τέρψει καὶ φαιδρότητι καὶ διαμονῇ.

Μετὰ δὲ τὸ συντελεσθῆναι οὕτω ταῦτα πάντα, ἐπέβλεψεν αὐθις ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ ὑψη τῶν ὀρέων, ἦτοι εἰς τὰ πλάτη τοῦ οὐρανοῦ, καὶ ἰδοὺ ἠνοιγῆ ὁ νέος οὐρανός σφόδρα σφοδρῶς ἐν στομίῳ φοβερωτάτῳ, καὶ ἰδοὺ στρατεύματα στρατευμάτων πλείστων καὶ φοβερῶν σφόδρα, ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν ὁδῷ πολλῇ κατήλθον ἐπιφερόμενα τὴν θαυμαστήν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν τοῦ Θεοῦ ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ψάλλοντα καὶ ἀλαλάζοντα καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον τῷ ἐν Τριάδι Θεῷ ἀναπέμποντα· καὶ ἐγένετο, ὡς ἔφθασαν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ἔστησαν αὐτὴν κατὰ ἀνατολὰς ἐπὶ τῆς γῆς. Καὶ ὁ παράδεισος ἐκεῖνος ὁ φοβερὸς καὶ περιχάλλης καὶ περιβλεπτός περιεκλείσθη ἐνόον τῆς φρικωδεστάτης καὶ θαυμασίας ἐκείνης πόλεως σὺν τῇ Ἐδέμ τῇ κατὰ ἀνατολὰς. Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πόλιν ἐκείνην καὶ ἐστερεώθη θαυμαστῶς ἐπὶ τὸν τόπον τῆς νέας καὶ ἀφάρτου γῆς ἐκείνης, καὶ πάντα τὰ ἀγαθὰ ἐν μέσῳ αὐτῆς· καὶ ἡ ἐξερεύνησις (f. 211 v.) τῆς καλλονῆς καὶ ὠραιότητος τῆς πόλεως ἐκείνης τῆς θαυμαστῆς καὶ εἰκασμὸς ὄλως, ὅθεν ἤρχετο καὶ ὅθεν λήγουσα ὑπῆρχεν, οὐχ' εὕρισκετο, διότι

αὕτη πόλις ἦν τοῦ μεγάλου βασιλέως Θεοῦ καὶ ἄνω μητρόπολις τῆς Σιών, ἡ ἄνω πόλις Ἱερουσαλήμ, ἡ πόλις τῶν πρωτοτόκων, ἡς τεχνίτης καὶ δημιουργὸς ὁ Θεός, ἡς ὄρη κύκλω καὶ ὁ Κύριος κύκλω τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τὸν αἰῶνα· κύκλω γὰρ αὐτῆς αἱ στρατιαὶ πᾶσαι τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ ὁ Κύριος καὶ Θεὸς ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς κύκλω αὐτοῦ ἐκείσε καταταττομένου λαοῦ αὐτοῦ. Καὶ ἐν τῷ στερεωθῆναι τὴν πόλιν ταύτην ἐπὶ τὸν ἡτομασμένον τόπον αὐτῆς, ἠῦγασε τὰ πέρατα ἀπὸ τοῦ φέγγους τῶν υπερλάμπρων δεμελίων καὶ οἰκοδομημάτων αὐτῆς· ξένως γὰρ πως καὶ ἀνερμηνεύτως οἱ δόμοι αὐτῆς ἐκ πνευματικῶν μυριοβαφῶν φανῶν συντεθειμένοι ὑποδοῶμηντο, οἱ αὐγαῶντες ἀνεξιχνίαστον ἀγαλλίασιν, τέρψιν τε καὶ θυμηδίαν ἀκόρεστον τοῖς ὄρωσι παρεῖχον· αἱ δὲ πύλαι ταύτης ἀνατέλλουσαι ὡσπερ ὁ ἥλιος καὶ ἀκτῖνας ἐπαφιούσαι ἠῦγαζον τὰ περὶ κύκλω αὐτῆς, καὶ λαμπρότης φρικωδεστά (f. 212 r.) τῆ ἦν ἐν αὐτῇ. Καὶ θεασάμενος ὁ φοβερῶτατος κριτῆς ἐκεῖνος τῷ περιστέμματι αὐτοῦ τὴν ὠραότητα τῆς πνευματικῆς πολεως ταύτης, ἐπένευσε ταῖς δυνάμεσι καὶ ταῖς αὐτοῦ στρατηγίαις, καὶ ἐσάλπισαν σάλπιγγιν ἐπουρανίους, ὥστε φρίκη συσχεθῆναι πάντα τὰ πέρατα· καὶ ἤρξαντο τρισαγίους μελωδήμασιν οἱ ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν ἰστάμενοι καὶ οἱ ἀπὸ ἄρκτου ἕως μεσημβρίας ἀγγελοὶ σὺν πάσαις ταῖς δυνάμεσι τῶν περὶ κύκλω αὐτῶν δοξάζειν καὶ ὑμνεῖν τὸν ἐπὶ θρόνον εἰς αἰῶνας καθεζόμενον Χριστὸν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν· καὶ ὡς ἐκέκραγον ἐν ταῖς ἀνεκλαλήτοις ὑμνωδίαις καὶ μελωδίαις αὐτῶν τὸν ξένον ἐκεῖνον καὶ ἀπόρητον αἶνον ἀναπέμποντες τῷ ἐπὶ θρόνου καθεζομένῳ, ὡς εἴρηται, Χριστῷ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ, ἐτρόμαξα ὅλως καὶ ἐξέστην, καὶ πᾶσαι αἱ τρίχες μου ἀπὸ τοῦ ἑξαισίου θάμβους τοῦ ἡδυφθόγου μέλους αὐτῶν ἰστάθησαν ὄρθαι· καὶ προσχόντος ἐξ εὐωνύμων τοῦ κριτοῦ εἶδον πάντας τύπτοντας τὰ πρόσωπα αὐτῶν καὶ πακρῶς ἀ(f. 212 v.)λαλάζοντας, θρῆνον ἀκατάπαυστον καὶ στεναγμὸν ἀναπέμποντας ἐκ βᾶθους καρδίας αὐτῶν καὶ ἐλεεινῶς ὀλολύζοντας. Καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς ὁ δίκαιος κριτῆς· Θεάσασθε οἱ ἐπικατάρτοι ὁποῖων ἀγαθῶν ἑαυτοὺς ὑστερήσατε· ὑπῆρχε δὲ ἡ τοιαύτη αἴνεσις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἐκείνων, γλυκυτάτη πάνυ καὶ ἐπιτερπῆς καὶ ὄξεια καὶ τοσοῦτον ὑπερφυῆς πάντων τῶν ἐπιγείων μουσικῶν ὀργάνων ὁμοιώσεων, ὡς μὴ

δύνασθαι ταύτην ἢ λόγῳ ῥηθῆναι ἢ νοι διαζωγραφεθῆναι ἀνθρωπίνῳ· τῇ γὰρ ἠδύτατι ταύτης καὶ τῷ κάλλει τοῦ φθέγγματος καὶ τοῦ ἤχου τῆς καθαρότητος καὶ ἰσοδυναμίου καὶ ἰσορροπικοῦ ὀξύτητος τοῦ ῥυθμοῦ τῆς ἀπαρallaκτου τῶν πάντων ἠδυσφωνίας τὰ νεύρα ἂν καὶ τὰ ὀστέα τῶν ἀκουόντων, εἰ φθαρτὰ ἐτύγγανον, διελύθησαν καὶ ὡσεὶ ὕδωρ ἐξεχύθησαν, ὡσπερ δὴ κάμου τοῦ ἀμαρτωλοῦ, εἰ μὴ χεὶρ Κυρίου ἦν μετ' ἐμοῦ διατηροῦσά με συγκρατοῦσά τε καὶ διαφυλάττουσά με διὰ τοῦ θεράποντος αὐτοῦ καὶ ἀγίου πατρὸς ἡμῶν Βασιλείου. Εὐθύς οὖν μετὰ τὴν φρικτὴν ἐκείνην τῶν (f. 213 r.) ἀγίων ἀγγέλων ἕμνωδιαν ἀνέστη ἀπὸ τοῦ θρόνου τῆς ἐτοιμασίας ὁ Κύριος θριαμβεῦσαι πᾶσας τὰς ἀνομίας τῶν πονηρῶν· καὶ ἦν περιπατῶν ἐπὶ πτερυγῶν ἀνέμων καὶ πρὸς τὴν θαυμαστὴν ἐκείνην καὶ ἐξαισίαν πόλιν παρεγένετο. Καὶ ἰδοὺ κατόπιν αὐτοῦ πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ τῷ ὁμοίῳ βαδίσματα συνεπορεύοντο αὐτῷ, καὶ ὕμνησαν αὐτῷ τῇ ἐξαναστάσει αὐτοῦ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ· καὶ ἐν τῷ ἔλθειν αὐτοὺς πλησίον τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ἀσυγκρίτου πόλεως, ἔστη ὁ Κύριος ἐμπροσθεν τῆς πύλης αὐτῆς τῆς βλεπούσης πρὸς δυσμᾶς, ἣτις ἀνεψύχθη αὐτῷ αὐτομάτως φόβῳ καὶ τρόμῳ, καὶ ἤγγισαν πρὸς αὐτὸν πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ συμπορευόμενοι αὐτῷ καὶ παρέστησαν αὐτῷ πάντα τὰ στρατεύματα τῶν θείων δυνάμεων σὺν πάσῃ τῇ δορυφορίᾳ αὐτῶν· οἱ δὲ ἐξ εὐκνώμων πεζοποροῦντες καὶ αὐτοὶ ἔστησαν μήκοθεν κατὰ θέαν δηλονότι τῶν τελομένων· ὡς δὲ ἠνέψατο αὐτομάτως ἡ περιβλεπτος πύλη τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης τῷ Κυρίῳ, (f. 213 v.) ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτῆς μόνος κεχωρισμένος ἐκ πάντων καὶ εἰρήκει φωνῇ πραεῖα καὶ μελεγχρᾶ πρὸς τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἰλαρῷ προσώπῳ, εὐμενεὶ τε καὶ ἡμέρῳ ὁμματι εἰς αὐτοὺς ἀπιδῶν· Δεῦτε, λέγων, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν εὐπρέπειαν τῆς καλλινύμφου μου ἐκκλησίας τῆς νέας Ἱερουσαλήμ· δεῦτε, δοῦλοί μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ἡμῶν· δεῦτε, ἀγαπητοί μου φίλοι, εἰσέλθετε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἣν ἐπηγγελάμην ὑμῖν· ἐγὼ γὰρ εἰμι ἡ θύρα, οὐδεὶς δύναται εἰσελθεῖν ἐν ταύτῃ εἰ μὴ δι' ἐμοῦ· δεῦτε, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰσέλθετε ἐν ταύτῃ τῇ ἀλήκτῳ καὶ ἀπεράντῳ τρυφῇ καὶ ζωῇ, ἵνα σὺν ἐμοὶ ἦτε ὅπου εἰμι ἐγὼ, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν καὶ τὴν χαρὰν τὴν ἐμὴν ἣν σήμερον δίδω ὑμῖν·

δεῦτε πρὸς με πάντες οἱ κοπιῶντες καὶ καλῶς ἀποθεραπεύσαντες δι' ἔργων ἀγαθῶν ἐμὲ τὸν Κύριον καὶ διδάσκαλον ὑμῶν, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς· δεῦτε πρὸς με πάντες οἱ πιστοὶ καὶ εὐγνώμονες δοῦλοί μου, οἱ ἐν λόγοις καὶ ἔργοις ἀναφανέντες καὶ ἀναδειχθέντες πιστοὶ, κἀγὼ ἀναπαύσω (f. 214 r.) καὶ ἐπὶ πολλῶν καταστήσω ὑμᾶς· ἐγὼ γάρ εἰμι ἡ ζωὴ καὶ ἡ ἀνάπαυσις· δεῦτε πρὸς με πάντες οἱ ἀγαπητοὶ μου, εἰσέλθετε εἰς τὴν χαρὰν τὴν ἐμήν, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, κατατρυφήσατε τῆς ἀπεράντου μακαριότητος καὶ ἀπολαύσατε τῆς αἰωνίου ζωῆς, ἀγαλλιᾶσθε σὺν ἐμοὶ καὶ εὐφραίνεσθε ἐν τῷ ἀνεσπέρῳ φωτὶ, ἐν τῇ μακαρίᾳ διαγωγῇ. Δι' ὑμᾶς ἔκλινα οὐρανοὺς καὶ ἐπὶ γῆς κατήλθον ὁμοίος ὑμῖν ἀνθρωπος γεγονώς, σὰρκα φορέσας ἀτρέπτως ἐκ παρθενικῶν αἱμάτων τῆς ἀείπαιδος καὶ ἀειθαλοῦς Μαρίας τῆς μητρός μου, ἦν εὐσεβῶς καὶ ἀξίως Θεοτόκον ἀνεκηρύξατε, ὑπὲρ ἧς τὰς ψυχὰς ὑμῶν τεδείκατε, ὑπὲρ ἧς τὸ αἷμα ὑμῶν ἐξεχέατε, ὡς κἀγὼ ὑπὲρ ὑμῶν τὴν ψυχὴν τέδεικα καὶ τὸ αἷμα ἐξέχεα, ὡς ἂν εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τὴνδε ἦν ὄρατε καταπάουσιν καὶ ζῶν, τὴν ἀπέραντον εὐφροσύνην, κἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς, οὐδεὶς γάρ δύναται εἰσελθεῖν πρὸς τὸν Πατέρα εἰ μὴ δι' ἐμοῦ, διότι ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἐν ἑσμεν.

Μετὰ δὲ (f. 214 v.) τὸ ταῦτα εἰρηκέναι τὸν Κύριον τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσιν, ἰδοὺ γυνὴ τις ἀπὸ τῆς τῶν ἐκ δεξιῶν στάσεως ἦκεν ἐπὶ τὴν κλῆσιν τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ καὶ Θεοῦ αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ βαδίζειν αὐτὴν ἐκ τῶν ἀγράντων ποδῶν αὐτῆς πῦρ ἐξεπορεύετο, καὶ πορφύρα δοξῆς ἀσύγκριτος ἦν ἐπ' αὐτῇ καὶ ἀστραπὴν περιεὶλημμένη ἦν τὰς ἀκηράτους αὐτῆς πλευράς, τὸ δὲ θεῖον αὐτῆς καὶ ὡς ἀληθῶς θεοειδὲς πρόσωπον λάμπον ὑπῆρχεν ὑπὲρ τὸν ἥλιον, καὶ δοξα Κυρίου φρικωδεστάτη προσῆν αὐτῇ. Ἥτις παραγενομένη προσεκύνησε τῷ δικαίῳ κριτῇ, κάκεινος ἀσμένως καὶ περὶ χαρῶς ὑπεδέξατο αὐτὴν σὺν αἰδοὶ καὶ τιμῇ καθυποκλίνας τὴν ἀγραντον αὐτοῦ κεφαλὴν βραχὺ τι, καὶ φησὶ πρὸς αὐτήν· Εἰσελθε, ὦ μητὲρ μου ἁγία, εἰς τὴν χαρὰν τοῦ μονογενοῦς σου Υἱοῦ, ἦν αὐτὸς προηυτρέπισε καὶ ἡτοίμασέ σοι· ταῦτα γὰρ πάντα δοῦλα σὰ καὶ αὐτὴ ἡ κληρονομία σου· εἰσελθε τοιγαροῦν καὶ εὐφραίνου ἄληκτα εἰς ἀπέραντους αἰῶνας μετὰ τῶν κατὰ πνεῦμα ζιλιτάτων σου τέκνων, τῶν

ἐν (f. 215 γ.) ἔργῳ καὶ λόγῳ πιστῶν, τῶν στόματι καὶ καρδίᾳ καὶ γλώσσῃ ὀρθοδόξως κηρυξάντων καὶ ὁμολογησάντων σε ἐνώπιον πάντων ἐθνῶν ἀπείρανδρον μητέρα ἐμοῦ τοῦ γνησίου καὶ μονογενοῦς σου Υἱοῦ. Εἰσελθε οὖν σὺν αὐτοῖς καὶ ἀπόλαυε τῆς ἀνεκλαλήτου χαρᾶς καὶ εὐφροσύνης καὶ θείας μακαριοτήτος. Ἡ δὲ ἠδέως καταφιλήσασα τὰς ἀγράντους αὐτοῦ χεῖρας, ἃς ἐκτετακῶς ἐνηγκαλίσαστο αὐτὴν, ὠραίζομένη καὶ κατατερομένη ἔνδον τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ φρικωδεστάτης πόλεως ἐχώρησεν· εἰσελθούσῃ[ς] δὲ αὐτῆς ἔνδον ταύτης, αἶνος καὶ ὕμνος τις θαυμαστός καὶ ἐράσμιος ἐξηκούετο, ἀδόμενος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτὴν ἐν τῇ αἰωνίᾳ καὶ ἀγήρῳ καὶ ἀφράστῳ δόξῃ καὶ μακαριότητι ἀγίων ἀγγέλων τοῦ Θεοῦ. Μετὰ δὲ τὴν εἰσέλευσιν ταύτης καὶ ἀποκατάστασιν καὶ καταπαυσιν ἐν τῇ αἰζῶφι καὶ ἀδιαδόγῳ βασιλείᾳ καὶ καταπαύσει αὐτῆς, ἰδοὺ τις ἀνὴρ ἐν δόξῃ ἀφάτῳ ἡγλαισμένος καὶ περιβεβλημένος στολὴν ἀφθαρσίας καὶ χιτῶνα εὐφροσύνης ἐκ μυριοβαφῶν εὐχροίας πεποι(f. 215 ν.)κλιμένον ἐνδεδυμένον, ὅλος λαμπρός καὶ πλήρης φωτὸς καὶ δόξης ἀκηράτου ὑπάρχων, στεφάνῳ πορφυρῷ ἐκ λίθων καὶ μαργάρων τιμίων ἀρρήτως κατασκευασθέντι δεξιᾷ Κυρίου ἐστεφανωμένος, ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ κατέχων σκῆπτρον βασιλικόν καὶ σπινθήρας πυρσοφαεῖς ἀποστειλβον, τὸ δὲ πρόσωπον αὐτοῦ ἐξαστράπτον ὑπὲρ τὸν ἥλιον· καὶ αὐτὸς ἠρέμα πῶς ἠσύχῳ ποδὶ τὴν αὐτὴν πορείαν τῆς θεομήτορος πορεύθεις, πλησίον τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐκείνου καὶ δικαίου κριτοῦ παρεγένετο, καὶ πεσὼν προσεκύνησεν αὐτῷ· ὃς εὐμενῶς καὶ ἀσμένως τοῦτον δεξάμενος μειδιῶντι προσώπῳ ἰλαρᾷ πῶς καὶ μελιρρῦτῳ προσλαλιᾷ ἔφη πρὸς αὐτόν· Χαίρεις ὦ κήρυξ καὶ πρόδρομος τῆς ἐμῆς ἐν κόσμῳ κατὰ σάρκα πρώτης ἐπαρνεΐας καὶ παρουσίας, χαίρεις ὦ βαπτιστῆς καὶ φίλος καὶ κατὰ πάντα συγγενῆς ἐμοῦ τοῦ κατὰ σὲ δι' οἶκτον ἄφατον γρηματίσαντος, ὡς ἀπὸ τῆς ἐκ τῶν παρθενικῶν αἱμάτων τῆς ἀφθόρου μητρὸς μου καὶ θεομήτορος προσληφθεί(f. 216 γ.)σης μοι ἀγράντου σαρκὸς· χαίρεις ὦ οὐράνιος μὲν ἄνθρωπος ἐπίγειος δὲ ἀγγελος καὶ πάντων τῶν ἐν γεννητοῖς γυναικῶν ὑπέρτερος, πλὴν ἐμοῦ· δεῦρο εἰς τὴν ἡτοιμασμένην σοι παρ' ἐμοῦ ἀνάπαυσιν καὶ καταπαυσιν. Ὁ δὲ καταφιλήσας τὰς ἀγράντους αὐτοῦ χεῖράς τε καὶ τὰ γόνατα, εἰσῆλθε χαίρων καὶ ἀγαλλόμενος ἔνδον

τῆς πόλεως· καὶ ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτὸν ἐκεῖσε, ὕμνησαν τὸν δίκαιον κριτὴν αἱ θεαὶ δυνάμεις τῶν ὑποδεξαμένων αὐτὸν ἀγίων ἀγγέλων ἐπευφραϊνόμεναι ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὴν τούτου εἰσέλευσιν δέκα καὶ δύο ἄνδρες θαυμαστοὶ καὶ ὠρατοὶ ἀπὸ τῶν ἐκ δεξιῶν ἐκκριθέντες παρεγένοντο ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως, ὧν αἱ στολαὶ παραπλήσαι τῆς τοῦ μεγάλου βασιλέως ἐκείνου στολῆς καὶ τὰ πρόσωπα ἀκτινοβολοῦντα ὑπὲρ τὸν ἥλιον· καὶ ὑπεδέξατο αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς ἐν χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει ἐπευφραϊνόμενος καὶ κατησπάσατο αὐτοὺς ἐν ἀγίῳ φιλήματι, καὶ αὐτοὶ προσεκύνησαν αὐτὸν καὶ εἰς ἀστραπῆς εἶδος μεταποιηθέντες ἔνδον¹ (f. 216 v.) τῆς πόλεως ἐχώρησαν· καὶ ἐν τῇ εἰσόδῳ τῆς αὐτῶν αἰωνίου καταπαύσεως αἶνος θαυμαστός ἐξηκούετο ὑπὸ τῶν ἔνδον ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἀγίων ἀγγέλων. Ὅτε οὖν καὶ οὗτοι εἰσέδυσαν εἰς τὴν περίφημον ἐκείνην καὶ ἐξάκουστον πόλιν, ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν, καὶ ἰδοὺ ἄνδρες ἑβδομήκοντα ἤχασιν ἐξ αὐτῶν καὶ ἔστησαν πρὸς τὴν πύλην τῆς πόλεως πλησίον τοῦ βασιλέως, ὧν αἱ στολαὶ ὡς ὄρασις πυρός· καὶ πεσόντες παρὰ τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ, καὶ ἐπαξίως ἐπαινεθέντες παρ' αὐτοῦ ἐν μεγάλῃ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἀνεκλαλήτῳ ἔνδον καὶ οὗτοι τῆς πόλεως εἰσεληλύθασιν· ὧν δὴ ἐν ταύτῃ ἐντὸς εἰσελθόντων καὶ ὁ ἐπὶ τῇ καταπαύσει αὐτῶν αἶνος θαυμαστός ἐξηκούετο ἀδόκιμος ἐξαισίως ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐκεῖσε ἐν τῇ αἰωνίῳ καταπαύσει αὐτῶν· ὁ δὲ τίμιος καὶ ἀχράντος σταυρὸς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ Ἰστατο ὑπεράνω ἐν τοῖς δεξιῶν ἐπὶ τοῦ αἰθέρος ἐφ' ὕψους ἀπηρωμένος (f. 217 r.), ἀποστίλβων δόξαν ὑπερθαύμαστον καὶ τὰς θείας αὐτοῦ φρυκτωρίας καταπέμπων· ὡς ἀστραπὰς εἰς φωτισμὸν μὲν καὶ ἀγαλλίασιν τῶν εἰς Χριστὸν ἠλπικότεων καὶ τὴν αὐτοῦ ἀμαχῶν δυνάμειν κεκτημένων, εἰς αἰσχύνην δὲ καὶ ὄνειδος τῶν ἐν τοῖς τῆς εὐωνύμοις μέρεσιν ἐστῶτων καὶ τῆς αὐτοῦ ὀδυνηρᾶς τάξεως λαχόντων· οἱ καὶ καθορῶντες αὐτὸν ἐφ' ὑψηλοῦ, ὡς εἴρηται, ἰστάμενον ἐν ἀπορρήτῳ δόξῃ ἠγλαισμένον, ἐκλαίον πικρῶς ἰλολύζοντες καὶ δάκρυα ἀκατάσχετα ἐξ ὀφθαλμῶν προχέοντες καὶ ἐκ βαθῶν στεναγμοῦ ἀναπέμποντες ἔβρυχον τοὺς ὀδόντας καὶ διεπρίοντο ταῖς καρδίαις αὐτῶν, μεταμελόμενα σφοδρῶς ἐφ' οἷς ἤμαρτον, σκοπισθέντες καὶ

ματαιωθέντες ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς αὐτῶν, ὅπως ἠγνόησαν τὸ μυστήριον τοῦ χριστιανισμοῦ, ὅπως οὐκ ἐπορεύθησαν κατὰ τὰς ἐντολάς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὅπως ὄντες ἐν τῷ κόσμῳ τὴν μακαρίαν καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκαταίσχυντον πίστιν τῶν (f. 217 v.) χριστιανῶν ἐβδελύσσοντο, ὅπως τὸ σωτήριο κήρυγμα τῶν κοσμοσώστων ἀποστόλων καὶ τὸ ὄνομα τοῦ Σωτῆρος οὐκ ἐδέξαντο, καὶ ὅπως τῷ τηρικαῦτα ἐξέπεσον καὶ ἀφυστέρητο τῶν ἀνεκδιηγήτων ἐκείνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν. Καὶ ταῦτα μὲν ἔλεγον διανοούμενοι θρηνοῦντες καὶ κόπτοντες ἑαυτοὺς οἱ μὴ δόλως παραδεξάμενοι τὸ σωτήριο κήρυγμα καὶ τοῦ δεσπότου Χριστοῦ, ὡς εἶρηται, τὸ ὄνομα· οἱ δὲ τοῦτο μὲν δεξάμενοι, μὴ πολιτευσάμενοι δὲ ἀξίως τῆς κλήσεως, λογιζόμενοι ὅπως μέλλουσι δικαίως ἀποστερηθῆναι τῶν ἀνεκλαλήτων ἐκείνων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν, τύπτοντες τὰς ὀφείας αὐτῶν μετὰ δακρύων πικρῶν καὶ στεναγμῶν ἀκαταπαύστων κατηρῶντο ἑαυτοὺς καὶ τὴν ἡμέραν ἐν ἣ ἐγεννήθησαν· οἱ δὲ γε Ἑβραῖοι οἱ ἀπὸ τῆς ἐνσάρκου ἐπιδημίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος γεγεννημένοι καὶ τῷ ἀγίῳ μὴ προσελθόντες βαπτίσματι, καὶ αὐτοὶ κατηρῶντο τὸν Μωσῆα ἐξ ὅλης τῆς ἰσχύος αὐτῶν, ἐκ βάθους καρδίας μετὰ δακρύων καὶ πολλῶν σίμωνων ἀνηκέστων ἕκαστος (f. 218 r.) λέγοντες· Ποῦ ἐστὶν ἐκεῖνος ᾧ παιθόμενοι ἡμεῖς οὐχ' ὑπηκούσαμεν οὐδὲ ἐπίσθημεν Χριστῷ, ἀλλὰ ἀτίμῳ καὶ πικρῷ θανάτῳ διὰ σταυροῦ τοῦτον παραδεδώκαμεν καὶ μέχρι τῆς σήμερον οὐ διελίπομεν ὕβρεσι καὶ βλασφημίαις αὐτὸν βάλλοντες; Καὶ ἐζήτησεν ἰδεῖν αὐτὸν ἐν μέσῳ αὐτῶν καὶ δίκην στήσαι μετ' αὐτοῦ, καὶ οὐχ' εὑρισκόν αὐτόν· ἦν γὰρ ἐν τοῖς δεξιῶις μετὰ Ἀβραάμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ καὶ πάντων τῶν προφητῶν.

Καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ εἰσελθεῖν τοὺς ἐβδομήκοντα ἄνδρας ἐκείνους τοὺς θαυμαστοὺς εἰς τὴν πανθαύμαστον καὶ παλίνζων καὶ μακαρίαν καὶ ἀγίαν πόλιν ἐκείνην, ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς καὶ ἰδοὺ ἀπὸ τῶν ἐν τοῖς δεξιῶις ἐχωρίσθη παρεμβολὴ μεγάλη σφόδρα σφόδρα, ᾧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον σπινθηροβολοῦντα δόξῃ καὶ χάριτι ἀπορρήτῳ καὶ ἀνεκλαλήτῳ, καθάπερ εἰ σίδηρος ἀπηνθρακωμένος ἔρτι τῆς καμίνου ξιῶν· αἱ δὲ τούτων στολαὶ ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας

φρυκτάς ἐν τῇ εὐχροίᾳ αὐτῶν ἐξαποστέλλουσαι· αἵτινες οὐχ' ὑπῆρχον ἐνυλοὶ αἱ τοσαῦται στολαί, ἀλλ(f. 218 v.) ἅ πασαι νοηταὶ καὶ πνευματικαὶ ὀρώμεναι ἡμῖν δηλονότι μετὰ τῶν ἄλλων πάντων τερπνῶν κατὰ τὸ ἐγγωροῦν νοηθῆναι καὶ λαληθῆναι ὑφ' ἡμῶν. Καὶ ἦν αὕτη ἡ παρεμβολὴ ὡσεὶ μυριάδες πολλαὶ σφόδρα ἀριθμῶ καὶ εἰκασμῶ μηδὸλως βαλλόμεναι καὶ ὑποκείμεναι, ὅλη δεδοξασμένη καὶ θεία φαιδρότητι κλειζομένη, ἐξ' ἀρρένου καὶ θηλείας φύσεως καθορωμένη καὶ γαυριάματι θεικῆς δοξῆς ἀπειρώς ὠραϊσμένη. Ἦλθεν οὖν ἡ θαυμασιωτάτη ἐκείνη καὶ φρικωδεστάτη παρεμβολὴ ἀεροποροῦσα ἐπὶ τὴν θαυμαστήν καὶ φαιδρὰν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ βασιλείως, καὶ πεσόντες πάντες καὶ πᾶσαι ἐν τοῖς ἀγράντοις αὐτοῦ ποσὶν αὐτῶ προσεκύνησαν, καὶ αὐτὸς ἠγαλλιᾶσατο καὶ ἠψυράνθη ἐπὶ τῇ αὐτῶν εἰσελεύσει· καὶ εὐθέως ἀνετετάσθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως, καὶ εἰστήκει θεωρῶν τὴν τούτων εἰσέλευσιν καὶ ἐγεγῆθει ἐπ' αὐτοῖς καὶ ἠγαλλιᾶτο, οἷα ποιμὴν καλὸς ἐπὶ τοῖς ἑαυτοῦ φιλάτοις ποιμνίοις. Ἐν δὲ τῷ εἰσελθεῖν αὐτούς εἰς τὴν ἐξαιτί(f. 219 r.) ον πόλιν ἐκείνην καὶ χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτῶν, ἠκούσθη φωνὴ ἀγαλλιᾶσεως, ὡς φωνὴ βροντῆς ἀπειροῦ ἢ ὑδάτων πολλῶν σφοδρῶς πορευομένων, ὑπὸ τῶν ἐντὸς ταύτης ὑποδεξαμένων αὐτούς ἀγίων ἀγγέλων τὸν Θεὸν αἰνούντων. Εἶδ' οὕτως ἐπένευσεν ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα παρεμβολὴ ἐλάσσω τῆς πρώτης χωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν ἐν τοῖς δεξιοῖς ἐστηκότων παρεγένετο ἐν τῇ δεδοξασμένη πύλῃ τῆς φρικτῆς καὶ μεγάλης πόλεως ἐκείνης· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ἐν δοξῇ αὐγαῖζοντα ὡς ὁ ἠεσφόρος, καὶ αἱ τίμαι αὐτῶν στολαὶ καὶ αἱ ἀμφιάσεις οἶονεὶ ὡς κοκκινοβαφῆς πυρσὸς ἐπὶ τῷ πυρσῷ ξηνοτρόπως ἐν τῇ συνθέσει αὐτῶν ἀναφαινόμεναί τε καὶ θεωρούμεναι· καὶ αὐτοὶ δὲ πεσόντες προσεκύνησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· ὁ δὲ καὶ τούτους εὐμένως προσδεξάμενος καὶ ἡρέμα πῶς πρὸς τούτους τὸ· χαίρετε φίλοι μου προσειπὼν, εὐθὺς προσανέωχθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ ὑπερκαλλοῦς, καὶ ἐν αὐτῇ εἰσῆλθον ἀπλήτῳ δοξῇ ὠραῖζόμενοι καὶ καταλαμπρυνόμενοι. (f. 219 v.) Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτούς ἐνδὸν τῆς πόλεως, κατὰ τὸ εἰωθὸς θαυμαστός καὶ ἐράσμιος ὕμνος ἐξηκούετο· ἐγὼ δὲ ἐπυθνανόμην τῷ ὀδιγοῦντι με λέγων πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, τίνες ἄρα εἰσὶν αἱ δύο παρεμβολαὶ αὗται αἱ εἰσελθοῦσαι

ἐνδόξως εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ταύτην; Ὁ δὲ ἔφη πρὸς με· Μάρτυρές εἰσιν οἱ πρῶτοι καὶ οἱ δεύτεροι τούτων ὁμολογηταί.

Πρὸς τούτοις ἐπένευσεν ἔτι ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἕτερα συναγωγὴ πλουσία διαχωρισθεῖσα παρεγένετο δεδοξασμένη πρὸς τὸν κριτὴν ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκά ὡς τὸ φῶς, καὶ αἱ τίμαιαι τούτων στολαὶ ὡς χρυσὸς καθαρὸς ἐξαστράπτονται· καὶ ἰδοὺ ἠνέφξεν ὁ Κύριος αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πανενδόξου πόλεως ἐκείνης λέγων πρὸς αὐτούς· Εἰσελθετε, φίλοι καὶ γνωστοί μου, εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου ὑμῶν καὶ κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου. Οἱ δὲ εἰσήεσαν ἔνδον ταύτης μεγαλυνόμενοι (f. 220 γ.) καὶ ἀγλαϊζόμενοι ἐν δόξῃ ἀράτω, ὕμνος τε ἐξηκούετο φρικωδέστατος ἔνδον ταύτης ἐπὶ τῇ τούτων εἰσελεύσει ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἁγίων ἀγγέλων.

Προσθεὶς οὖν ἐπένευσεν ἔτι ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐν τοῖς δεξιοῖς, καὶ ἰδοὺ ἀποσπασθεῖσα ἕτερα παρεμβολὴ μεγίστοις ἀγαθοῖς γεγανθυμένη, καὶ τὰ πρόσωπα τῶν ἐν αὐτῇ ἐξήστραπτον ὡσπερ αὐτὸς ὁ ἥλιος, καὶ οἱ χιτῶνες αὐτῶν χιονοφεγγεῖς λίαν κεκαθαρμένοι, καὶ ἐν τοῖς ὤμοις αὐτῶν φλόγα πύρινον περιέφερον, καὶ ἐπὶ τοὺς τραχήλους αὐτῶν ὀρμίσκους πυροσφαιεῖς ἐξαστράπτοντας· καὶ οὗτοι ἐληλύθασι πλησίον τῆς πύλης τῆς πόλεως πρὸς τὸν βασιλέα καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ καὶ τούτους ἀσμένως δεξάμενος καὶ φιλήματι ἀγίῳ τιμήσας, ἠνέφξεν αὐτοῖς τὰς χεῖρας καὶ κατησπάσατο· καὶ εὐθύς προσανεψώθησαν αὐτοῖς αἱ πύλαι τῆς πόλεως, καὶ ἐντὸς ταύτης αὐτοὺς γενέσθαι προσέταξεν· ἐξαφθέντες δὲ κάκεινοι ἐν με(f. 220 ν.)γάλῃ καὶ ἀπλέτῳ χαρᾷ, ἕτερος τὸν ἕτερον μετ' εὐφροσύνης ὀνομάζοντες, ἔνδον ταύτης εἰσεπορεύοντο πρὸς τὴν ἀπέραντον ἀγαλλίασιν ἐν πάσῃ εὐτάκτως πρὸς ἀλλήλους αἰδοῖ καὶ καταστάσει· τούτων δὲ εἰσεληλυθόντων, οἱ ἔνδον θεοὶ ἄγγελοι καὶ οἱ ὑπηρέται τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου τὸν συνήθη αἶνον ἐν τῇ καταπαύσει αὐτῶν μεγαλοφώνως καὶ ἠδέως τῷ Κυρίῳ ἀνέμελλον.

Μετὰ δὲ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπένευσεν ὁ Κύριος, καὶ ἰδοὺ ἕτερα συναγωγὴ χωρισθεῖσα ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν τῆς δεξιᾶς τυχόντων στάσεως ἀφίκετο πρὸς τὴν πύλην τῆς πόλεως καὶ πεσόντες

προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὁ δὲ καὶ τούτους περιχαρῶς δεξάμενος ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως· ὧν ἡ εὐχροια τῶν προσώπων δεδοξασμένη λίαν, ἡ δὲ ὄρασις αὐτῶν ὡσεὶ χιῶν καὶ πῦρ ἀποστίβουσα, καὶ τὰ περιβλήματα αὐτῶν λευκὰ ὡς τὸ φῶς, καὶ τὰ ἄμφια αὐτῶν ὡς ὄρασις κοκκίνου τριακονταφύλλου, καὶ ὁ ἱματισμὸς αὐτῶν ὡσπερ Ἴον καὶ κρίνον. (f. 221 γ.) Εἰσελθόντων δὲ αὐτῶν ἔνδον τῆς πόλεως πρὸς τὴν αἰώνιον κατάπαυσιν καὶ ἀγαλλίασιν ἐν εὐφροσύνῃ καὶ φαιδρότητι ψυχῆς ἐπὶ στόματος ἄδοντες τὸν τῶν ἁγίων ἀγγέλων αἶνον, οἳτινες ἦσαν οἱ ἐν σωφροσύνῃ ζήσαντες καὶ ἐγκρατεία πάσας τὰς ἡμέρας αὐτῶν, ὡς φησὶν ὁ σὺν ἐμοὶ ἄγγελος· ἐπειδὴ καὶ οὗτοι πάντες εἰσήεσαν εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτῶν, ὁ τῶν ἀγγέλων ὕμνος ἐξηκούετο ἐν τῇ τούτων ὑποδοχῇ.

Προσέθετο οὖν ἐτι ὁ Κύριος καὶ Θεὸς τῇ ἐπινεύσει τῶν ἀκαταλήπτων αὐτοῦ κριμάτων, καὶ ἰδοὺ πληθὺς λαοῦ πολλοῦ σφόδρα πολὺ τοῦ δεξιοῦ μέρους ἀποσπασθὲν πρὸς τὴν πύλην ἐκείνην τὴν ἐξαισίαν τῆς πόλεως παρεγένετο· καὶ πεσόντες ἐπὶ τοῦ ἐδάφους ἐκείνου τοῦ φρικτοῦ καὶ ἀκαταλήπτου, προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὁς καὶ τούτους μετὰ δόξης ἀρρήτου καὶ ἀνεκλαλήτου χαρᾶς ἀποδεξάμενος ἐπένευσεν εἰσελθεῖν εἰς τὴν μακαρίαν γῆν καὶ τρυφὴν τῆς θαυμαστῆς πόλεως ἐκείνης. Εἰσῆρχοντο δὲ ἐν τάξει καὶ τιμῇ πρὸς ἀλλήλους (f. 221 ν.) πᾶνυ θαυμαστῆ καὶ θεοπρεπεῖ, οἷον εἰπεῖν συναγωγῶν συναγωγῶν καὶ τάγματα ταγματῶν, καὶ ὁ αἶνος τῶν ἀγγέλων ἐπὶ στόματος αὐτῶν, ἄδων ἕκαστος ἐν ἑαυτῷ τὸ τοῦ Δαβὶδ χρησμώδημα καὶ μελώδημα, λέγων· Αὕτη ἡ κατάπαυσις μου εἰς αἰῶνα αἰῶνος, ὡδε κατοικήσω ὅτι ἠρητισάμην αὐτὴν. Σχῆμα δὲ μοναζόντων ὠρᾶτο ἐν αὐτοῖς, πλὴν οὐ μέλαν, ἀλλὰ χιόνος λευκότερον καὶ αὐγάζον, ὡς ἀστραπή· ἡ δὲ λαμπρότης τοῦ προσώπου αὐτῶν, ὡς ὄρασις φωτὸς ἡλιακοῦ ἐν εὐχροίᾳ φοβερωτάτῃ πυρακίζουσα, καὶ ὅλως ξένη τις ἦν ἐν αὐτοῖς καὶ ἀνείκαστος ἢ λαμπρότης. Εἰσελθόντων οὖν ἔνδον ταύτης μετὰ περιφανείας καὶ δόξης πολλῆς καὶ τιμῆς ἀφράστου καὶ ἀνεκλαλήτου, αἶνος θεοπρεπῆς ἐσηκούετο ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἐν τῇ ἀκράτῳ ζωῇ καὶ τρυφῇ ἐκείνῃ θεοειδῶν ἀγγέλων· ἐν δὲ τῷ εἰσερχεσθαι αὐτοὺς, ὡς εἶρηται, τὴν θαυμασίαν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως ἐν μεγάλῃ

τιμῇ και δόξῃ, τὰς χεῖρας αὐτῶν ἀνύψουν πρὸς τὸν Κύριον και (f. 222 r.) Θεόν, ἐτι ἱστάμενοι πρὸ τῶν εἰσοδικῶν πυλῶν τῆς πόλεως ἐκείνης και εὐλογοῦντες τὸ ὄνομα τὸ ἅγιον αὐτοῦ σὺν τῷ Πατρὶ και τῷ ἁγίῳ Πνεύματι μετὰ χαρᾶς πολλῆς και θυμηδίας πνευματικῆς ἔνδον ταύτης εἰσήεσαν ἀπολαβόντες τὴν ἐτοιμασθεῖσαν αὐτοῖς παρὰ τοῦ Κυρίου αὐτῶν κληρονομίαν και βασιλείαν. Ἐώρων οὖν οἱ ἐξ εἰωνύμων ἱστάμενοι τὰ ἐπ' αὐτοῖς τελούμενα πάντα και ἐστέναζον γοερῶς τύπτοντες χερσὶ τὰς ἑαυτῶν ὄψεις και πικρὸν δάκρυον ἐξέχεον, και μᾶλλον ἀκριβῶς ὀρῶντες τὴν ἀφραστον ἐκείνην και ἀνεκλάλητον πόλιν, τὴν πλήρη χάριτος ἀφθάρτου και ἀγαλλιᾶσεως οὔσαν, και τὴν τῶν ἁγίων αἰδίων δόξαν τε και λαμπρότητα και τὰ περικαλλῆ τῆς πόλεως τεχνουργήματα και οἰκοδομήματα, ἅτινα ἠὺγαζον ὑπὲρ τὸν ἥλιον και ἀκτίνας ἀνέπεμπον, και τὴν νεωστὶ γεγενυῖαν ἀφθαρτον κτίσιν ἐκείνην και οἰκοδομὴν τῆς πόλεως ἥπερ ὑπῆρχε πλήρης ἀφράστου και ἀνεκλαλήτου ἡδονῆς και τέλειως πνευματικῆς και ἀγαλλιᾶσεως (f. 222 v.), ἥτις ὑπῆρχεν οἷα νύμφη ἐστολισμένη ἀσύγκριτον εὐπρέπειαν και τερπνὴν ὠραιότητα τοῦ κάλλους Κυρίου τοῦ και βασιλέως και Θεοῦ αὐτῆς, ὃς ἱστατο ἐπὶ τῆς εἰσόδου ταύτης φέρων τὸν γλυκὺν και ἐράσιμον χαρακτῆρα τοῦ πρὸ αἰῶνων αὐτὸν φύσαντος. Περιστερόμενος γὰρ ὁ βασιλεὺς και δημιουργὸς ταύτης ἔνθεν και ἔνθεν, ἀφίησιν ἀκτίνας θεότητος μυριοφαεῖς τὸ θεῖον αὐτοῦ και ἀχραντον πρόσωπον, ἐνούσας [εἰς] τὰς καρδίας τῶν ὀρώντων ἡδονὴν και θυμηδίαν ἀφθαρτον και ἀνεξιχνίαστον. Ταῦτα πάντα ὀρῶντες και κατανοοῦντες ἐκεῖνοι οἱ ἐν τοῖς εἰωνύμοις, ὡς εἴρηται, λαχόντες μερίδος ὁποίων και ὄλων ἀγαθῶν ἔμελλον στερηθῆναι, ἐδρῆνον, ὠδύροντο, διεπρίοντο, ἐτιτρώσκοντο, ἐκόπτοντο, ἠθύμουν, ἠγανάκτου, ὠλιγώρουν, ἐσφάδαζον και ταῖς χερσὶ τὰ πρόσωπα ἐτυπτον και τὰς τρίχας ἐτίλλον, μὴ φέροντες τὴν ὀδύνην τῆς θλίψεως ἐκείνης, ἣν οὐκ ἔστιν ὄλωσ ἐῖπεῖν ἢ γλώσση διηγήσασθαι ἢ γραφῇ παραδοῦναι.

Ἐπι ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοὺς ἐκ (f. 223 r.) θεξιῶν αὐτοῦ, και παρεμβολὴ μεγάλη σφόδρα ἐχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν σὺν αὐτῇ ἱσταμένων και χαρὰν μεγίστην και δόξαν ἀναλαβοῦσα, μετ' εὐφροσύνης ἀπάτου πρὸς τὸν κεκληκῶτα ἀθάνατον νυμφίον ἐπορεύετο· αὕτη δὲ ἦν ἡ παρεμβολὴ πάντων τῶν δικαίων τῆς νέας διαθήκης· ἐν δὲ τῷ

πορεύεσθαι αὐτοὺς ἔλαμπον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὡσπερ ἡ παμφαῆς σελήνη εἰς ἀρχὰς τῆς νυκτός ἀνίσχουσα καὶ τοὺς λαμπροὺς ἀστέρας ἀμαυροῦσα, αἰθρίας κατ' οὐρανὸν ὑπαρχούσης καὶ πληρεστάτης αὐτῆς τυγγανούσης· αἱ δὲ στολαὶ αὐτῶν ὡσπερ τὰ ἄνθη καὶ κρίνα τοῦ ἀγροῦ ἦσαν μυριοβαφεῖς τῷ ποικιλμῷ τῆς εὐχροίας αὐτῶν· οἱ καὶ παραγενόμενοι πλησίον τοῦ ἀδεκάστου ἐκείνου καὶ ἀπροσωπολήπτου κριτοῦ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ κατασπαζόμενοι τοὺς ἀχράντους πόδας αὐτοῦ· ὁ δὲ βασιλεὺς ὑποδεξάμενος αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ χαρᾷ ἐπένευσε, καὶ ἀνεπετάσθησαν αὐτοῖς αἱ θαυμάσιαι πύλαι τῆς πόλεως ἐκείνης, καὶ εἰσήλθ(f. 223 v.)θον πάντες ἐν αὐτῇ τῷ γλυκυτάτῳ πυρὶ τῆς ἐνθέου ἀγαλλιᾶσεως πυρακτούμενοι καὶ καταστραπτόμενοι, καὶ ἀπέλαβον τὴν ἐτοιμασθεῖσαν αὐτοῖς ἀνεκλάλητον χαρὰν καὶ εὐφροσύνην καὶ τέρψιν διακωνίζουσιν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ καταπαῦσαι τὴν πληθύν πᾶσαν τῆς μακαρίας καὶ μεγίστης ἐκείνης φάλαγγος εἰς τὰς αἰωνίζουσας καὶ ἀκηράτους σκηνάς, διαμοναὶ ὕμνων καὶ κραυγῶν φοβερῶν κατὰ τὸ εἰωθὸς ἐνθεν καὶ ἐνθεν ἐντὸς τῆς πόλεως ἐξηκούοντο παρὰ τῶν ὄντων ἐκεῖ θείων ἀγγέλων αἰνούντων ἀκαταπαύστῳ φωνῇ σὺν πᾶσι τοῖς ἀγίοις τὸν ἐν Τριάδι Θεόν. Ὁ δὲ τίμιος καὶ ζωοποιὸς σταυρὸς Ἰστατο, ὡς εἰρηται, ἐν ὕψει ἀγίῳ ἐπὶ τοῦ θαυμαστοῦ καὶ ὑπερλάμπρου αἰθέρος ἐκείνου ὑπεράνω τῆς ἀγίας πληθύος τῆς ἐκ δεξιῶν Ἰσταμένης καὶ οὐπω κληθείσης εἰσελθεῖν εἰς τὴν ἀνεκδήγητον πόλιν ἐκείνην, καὶ αὐτὸς ἦν δεδοξασμένος ἐν ἀπείρῳ καὶ ἀκαταλήπτῳ φάει, καὶ αἱ ἀκτίνες αὐτοῦ ἠῦγαζον εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς καὶ ἐπὶ τὸ πρόσωπον παντός τοῦ στερεώμα(f. 224 r.)τος· καὶ κύκλῳ αὐτοῦ ἀγγέλων στρατιαὶ, στρουθίαις ἐοικυῖαι, εὐτινες ἀκαταπαύστῳ φθογγῇ καὶ μέλεσι ξενοπρεπεστάτοις τὸν Θεὸν ἀνῦμνον καὶ ἐμεγάλυνον, ὥστε τὴν φωνὴν τῆς κραυγῆς αὐτῶν μέχρι τοῦ στερεώματος ἀνίεναι. Ὁ δὲ νεωστὶ εἰσαχθεὶς ἐν τῷ στερεώματι δίκην ἡλίου πυρσός, εἰ καὶ ἐπταπλασίως ὑπὲρ τὴν τοῦ φθαρτοῦ ἡλίου λαμπηδόνα φαίνων, ἄδυτα ἦν, ἀλλ' οὐχὶ καὶ ὡς οὗτος ἐν μεσημβρίᾳ ἐκφλογούμενος ἀνιᾶ καὶ φλέγει κάκεϊνος ἐλύπει τοὺς εἰς αὐτὸν ἀτενίζοντας, ἀλλὰ πρὸς τὸ διηνεκῶς ἄδυτα καὶ ἄσκια φαίνειν ἠδονὴν ἀσύγκριτον παρείχε τοῖς εἰς αὐτὸν ἀτενίζουσιν.

Ἔτι πρὸς τούτοις ἐπένευσε ὁ βασιλεὺς ἐπὶ τοῖς ἐκ δεξιῶν

αὐτοῦ λαχοῦσι, καὶ ἰδοὺ ἐκκοπεῖσα παρεμβολὴ λαοῦ πλείστη σφόδρα, οἵτινες ἦσαν οἱ πρὸ τοῦ νόμου δίκαιοι, ἦτοι Ἀβραάμ, Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ καὶ οἱ ἐξ αὐτῶν δώδεκα πατριάρχαι καὶ πάντες οἱ ἐκ τοῦ σπέρματος αὐτῶν γεγεννημένοι καὶ ἀναφανέντες δίκαιοι ἐναντι Κυρίου· ὧν τὰ πρόσωπα (f. 224 v.) ὑπῆρχον λευκά ὡσεὶ χιῶν, αἱ δὲ στολαὶ ὡς εἶδος νεφέλης φαεινῆς· οἵτινες παρεγένοντο πλησίον τοῦ βασιλέως ἐπὶ τὴν θαυμασίαν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως καὶ πεσόντες πάντες προσεκύνησαν αὐτῷ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς, κατασπαζόμενοι τοὺς ἀγράντους πόδας αὐτοῦ. Ἐώρων γὰρ ἐγὼ καθαρώς τὸν δίκαιον Ἀβραάμ καὶ Ἰσαάκ καὶ Ἰακώβ χερσὶν ἀπτομένους καὶ πυκνῶς κατασπαζόμενους αὐτόν· παραπλησίως δὲ τούτοις ἐποίουν καὶ οἱ ἐκλεκτοὶ ἀπόγονοι αὐτῶν, οἵτινες δηλονότι δι' ἔργων καὶ πράξεων ἀγαθῶν καλῶς εὐηρέστησαν καὶ ἐθεράπευσαν αὐτόν. Ὁ δὲ εὐμενῶς καὶ ἰατρῶς τούτους ὑποδεξάμενος ἐπένευσεν αὐτοῖς ἀνοιγῆναι τὰς πύλας τῆς φρικωδεστάτης πόλεως ἐκείνης· εἰσερχομένων δὲ αὐτῶν ἐν ταύτῃ ἡσυχῇ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδί, ὑμνησαν αἱ θεαὶ δυνάμεις κατὰ τὸ σύνθηδες τὸν ἐξουσίαν ἔχοντα πάσης πνοῆς Κύριον τῆς δόξης Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν ὄντως φοβερόν, τοῖς Χερουβίμ καὶ τοῖς Σεραφίμ ἀθεώρητον.

Μετὰ δὲ ταῦτα ἐπένευσεν ἐπὶ ὁ βασιλεὺς ἐν τοῖς δεξιῶς (f. 225 r.) αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ πληθὸς λαοῦ πολὺ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν οἱ ἀρτιφώτιστοι ἄσπιλοι χριστιανοί, ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες καὶ νήπια καὶ βρέφη, πάντες μονότροποι, ἴσκι τὸ σχῆμα καὶ τῇ λαμπρότητι, ὅλοι ῥοδοφυεῖς, πυρακίζοντες, ὅλοι τερπνοί, ὅλοι παμφαιεῖς, ὅλοι ὠραῖοι, δοξῇ ἀνεκλαλήτῳ ὠραϊζόμενοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ἐπταπλασίως ὑπὲρ τὸν αἰσθητόν τοῦτον ἥλιον. Προηγέτο δὲ αὐτῶν φέγγος ἀστραπῆς καὶ μετ' αὐτὸ φρικτὸν φῶς ὑπὲρ χιῶνα ἐν καθαρότητι ὑπάρχον ἐπταπλασίως ὑπεράνω αὐτῶν, κύκλωθεν δὲ αὐτῶν ἐσπαργάνα αὐτοῦς ὡσεὶ τεῖχος νεφέλη πύρινος· καὶ ἦν ἡ παρεμβολὴ αὕτη καὶ συναγωγὴ μείζων κατὰ πολὺ ὑπὲρ πάσας τὰς προεισελθούσας τῶν ἀγίων παρεμβολὰς εἰς τὴν αἰωνίζουσαν ταύτην καὶ μακαρίαν πόλιν. Ἐγγίσαντες οὖν καὶ οὗτοι ἐνώπιον τοῦ βασιλέως, ἐπιβλέπων ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἠυφράνθη καὶ ἠγαλλιάσατο σφόδρα ἐ-(f. 225 v.)πὶ τῇ αὐτῶν καθαρότητι· ἦσαν γὰρ

ἄσπιλοι ἐκ κοιλίας μητρὸς αὐτῶν, καὶ ὑπεδέξατο αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ τιμῇ καὶ δόξῃ. ἐπειδὴ ἑώρα αὐτοὺς μηδαμῶς ἀμαρτήσαντας· καὶ ἐπένευσεν ἀνεψυχθῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς ἐξαισίας ἐκείνης πόλεως, καὶ ἔνδον αὐτῆς ἐν ἀγαλλιᾶσει πάντες εἰσήεσαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν πάντας ἐκεῖσε, πᾶσαι αἱ δυνάμεις τῶν ἁγίων ἀγγέλων σὺν πᾶσι τοῖς ἁγίοις τε καὶ δικαίοις αἶνον ἀσύγκριτον ἀνέπεμψαν τῷ μονογενεῖ Υἱῷ καὶ Λόγῳ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς, ἐπειδὴ καὶ αὐτοὶ ἠψφράνθησαν ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ σωτηρίᾳ αὐτῶν, ὄρωντες ἀναπληρούμενα δι' αὐτῶν τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα καὶ θεῖα παλάτια καὶ τὰς ἀχειροποιήτους κατασκηνώσεις καὶ μονὰς καὶ καταπαύσεις τῆς φρικτῆς καὶ ἀειζώου πόλεως ἐκείνης τῆς ἐτοιμασθείσης τοῖς υἱοῖς τοῦ Θεοῦ.

Ὁ δὲ Κύριος ἔτι ἑστὼς ἐπὶ τῇ πύλῃ τῆς εἰσόδου τῆς πόλεως ἐπένευσεν τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ χωρισθεῖσα συναγωγή τις μικρὰ πλησίον τοῦ φοβεροῦ βασιλέως ἐκείνου παρεγένετο, ὅτινες ἦσαν οἱ γεγε(φ. 226 γ.) ννημένοι προφήται ἐκ σπέρματος τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ, πάρεξ τῶν ἐξοχώτατων αὐτοῖς Μωυσέως καὶ Ἀαρῶν· οὗτοι γὰρ καὶ μόνον ὑπελείφθησαν τοῦ μὴ εἰσελθεῖν σὺν αὐτοῖς ἐν τῷ τῶς ἐκεῖσε οἷς οἶδε τρόποις ὁ Θεός. Καὶ ἐν τῷ εἰσπορεύεσθαι αὐτοὺς ἤσπραπτον τὰ πρόσωπα αὐτῶν ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ πῦρ ἐν τῷ αἰθέρι ἐπαφίου, καὶ ὡσπερὶ διαυγεία ἀστέρως ἐπηνίκα ἐπὶ τοῦ αἰθέρος χεθεῖσα παμφαῶς λάμπει, οὕτω κάκεινοι λίαν παμφαῶς ἐλαμπον, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ. Ὁ δὲ εὐμενῶς καὶ περιχαρῶς τούτους δεξάμενος καὶ ἔνδον τῆς πόλεως αὐτῆς τούτους γενέσθαι ἐγκελευσάμενος, ἐν τῷ εἰσιέναι αὐτοὺς ἐν τῇ αἰωνία καταπαύσει αὐτῶν ὑμνησαν αἱ νοεραὶ θεῖαι τάξεις κατὰ τὸ σύνθηδες τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν, ὄρωντες αὐτοὺς ἐν εὐφροσύνῃ καὶ ἀρρήτῳ χαρᾷ εἰσπορευομένους εἰς τὰ ἀχειροποίητα ἐκεῖνα καὶ πανθαύμαστα βασιλεια. Οἱ δὲ τῆς εὐωνύμου μερίδος τυχόντες ἐνωπιζόμενοι τοὺς φρικωδεστάτους τῶν (φ. 226 ν.) ἁγίων ἀγγέλων ὕμνους, οὓς ἀνέπεμπον τῷ Κυρίῳ ἐπαγαλλόμενοι τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει τῶν εἰσπορευομένων ἐκεῖσε ἁγίων φαιδρῶς, τὴν καρδίαν ἐπιτρώσκοντο καὶ διεπρίοντο καὶ συνεχεῖς στεναγμοὺς ἀνέπεμπον ἐκ βάρους ψυχῆς ἀνομιώζοντες καὶ ἐξ ὀδύνης ὀδυνηρᾶς πικροῖς καὶ αἱματορρότοις δάκρυσιν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς κατέβρεχον καὶ ἑαυτοὺς ἐταλάνιζον, ἐννοοῦντες ἐν ἑαυτοῖς τὴν τῶν ἀνεκλαλήτων ἐκείνων καὶ

αἰωνίων ἀγαθῶν ἀφυστέρησιν, ἦν ἐκόντες αὐτοὶ ἑαυτοῖς προεξέησαν· εἶχον γὰρ τὸ ἴδιον συνειδὸς διελέγχον αὐτούς. Βλέποντες δὲ καὶ τὴν ἀγριαίνουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός κατὰ πρόσωπον αὐτῶν δεινῶς καὶ κραταιῶς κυματουμένην καὶ παφλάζουσαν· λίαν γὰρ ἦν παραττεμένη καὶ ἐβρυχάτο, ἀνέβαινον δὲ ἐν τῷ κυματεῦσθαι αὐτὴν καὶ αἱ φωναὶ καὶ οἱ ὀλολυγμοὶ τῶν προκαταβληθέντων ἀπίστων ἔθνῶν ἐν αὐτῇ· καὶ ἐνωτιζόμενοι τὴν πάνδεινον βοὴν αὐτῶν κραζόντων ἀπαύστως καὶ βοώντων οὐαὶ οὐαὶ, φεῦ ἡμῖν τοῖς ταλαι(f. 227 γ.) πώροις καὶ ἀμαρτωλοῖς, γοερῶς καὶ οὕτοι ὠδύροντο λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ κατὰ τὸ μέγα σου ἔλεος, οἰκτείρησον ἡμᾶς κατὰ τὸ πλῆθος τῶν οἰκτιρμῶν σου· ἀλλ' οὐδεὶς ἦν εἰσακούων καὶ οἰκτείρων καὶ ἐλεῶν αὐτούς, ἐπεὶ καὶ ὁ φοβερός καὶ ἀδέκαστος ἐκεῖνος κριτὴς θυμῷ σφοδρῷ καὶ ὀργῇ πρὸς αὐτούς ἐπέχρητο καὶ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπέστρεφεν ἀπ' αὐτῶν. Καὶ ἦν ἐπ' αὐτοῖς κλόνος φρικτός τε καὶ ὀδυρμός πολὺς σφόδρα.

Ἔτι οὖν ἐπέβλεψεν ὁ βασιλεὺς ἐν τοῖς δεξιῶς αὐτοῦ καὶ προσεκαλέσατο τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ, καὶ ἰδοὺ πλῆθος λαοῦ πολὺ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν ἀμαρτωλοὶ μὲν, ὀρθόδοξοι δὲ χριστιανοί, οἱ διὰ τῆς καλλίστης μετανοίας φθάσαντες ἐπιστρέφαι ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν, καὶ ἐν κλαυθμῷ καὶ πένθει καὶ νηστείᾳ καὶ σάκκῳ καὶ σποδῷ καὶ τῇ λοιπῇ κακουχίᾳ τοῦ σώματος αὐτῶν τὸν Θεὸν ἐκλιπαρήσαντες καὶ καθαροὶ ὀφθέντες ἔναντι αὐτοῦ δι' ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρύων κρουνοῖς, τὸν ῥύπον τε καὶ σπῖλον τῶν ψυχῶν καὶ σωμάτων ἑαυτῶν ἀποπλύναντες καὶ καλῶς διορθωσάμενοι, (f. 227 ν.) μισήσαντες τὰ μάταια καὶ πρόσκαιρα τοῦ βίου τούτου τερπνὰ καὶ τὰ αἰώνια καὶ ἄρρητα ἀγαθὰ ἐξωνησάμενοι δι' ἐπιστροφῆς ἀνευδότου καὶ εὐποίας πενήτων, καὶ ἐν τῇ ἑπουρανίῳ ἐκείνῃ καὶ φρικωδεστάτῃ πόλει σὺν πᾶσι δικαίσις καταξιωθέντες οἰκεῖν· καὶ οὕτοι ἡσύχῳ ποδὶ μετὰ δόξης πολλῆς ἐν πραείοις σχήμασι καὶ βήμασιν ὠραίοις πορευόμενοι πλησίον τοῦ βασιλέως ἐπὶ τὴν πύλην τῆς πόλεως παρεγένοντο, καὶ φῶς Κυρίου ὡς ἀστραπὴ προηγέτο αὐτῶν ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ ἔριον, καὶ αἱ στολαὶ αὐτῶν ἀστράπτουσαι ὡς χρυσίον καθαρὸν πεπυρακτωμένον, καὶ αἱ κεφαλαὶ αὐτῶν ἐλαίῳ καθαρῷ καὶ λαμπροτάτῳ ἀλειμμέναι, καὶ ἡ

θριξ αὐτῶν ὡς ἄνθος χρυσοῦ τιμαλφέστατον. Παραγενόμενοι οὖν πλησίον Κυρίου, ὡς εἰρηται, πρηνεῖς πεισόντες ἐπὶ τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ εὐλογοῦντες αὐτόν ἐν αἰνοῖς καὶ ὕμνοις εὐχαριστηρίοις. Τοῦ δὲ καὶ τούτους ἀσμένως ὑποδεξαμένου, καθὰ (f. 228 γ.) ῥῶς ἐπένευσεν εἰσελθεῖν καὶ αὐτοὺς ἐν τῇ ἀγίᾳ καὶ πανευγενεστάτῃ ἐκείνῃ πόλει· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν αὐτοὺς πάντας ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς καὶ δόξῃ ἀρρήτων ἡγλαισμένη καὶ λαμπροτάτῃ ἔνδον ταύτης, πάντες οἱ ἄγγελοι Θεοῦ σὺν πᾶσι τοῖς προεληλυθόσιν ἐκεῖσε ἀγίοις χαρᾶς ἀφάτου πλησθέντες καὶ ἀγαλλιάσεως ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει αὐτῶν ἐν τῇ ἀγήρῳ ἐκείνῃ καὶ ἀκορέστῳ τρυφῇ, μεγαλοφώνως αἶνον εὐχαριστήριον τῷ βασιλεῖ τῶν αἰώνων ἀνέπεμψαν, ὥστε ἡ κραυγὴ τοῦ γλυκυτάτου μέλους αὐτῶν ἐξακούεσθαι μέχρι τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ καὶ αὐτῶν τῶν περάτων τῆς γῆς.

Ἐπι οὖν ἐπένευσεν ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιῶς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἦκε πρὸς αὐτόν Μωϋσῆς ὁ θεόπτης, καὶ ἐπέδεικνύε μοι τοῦτον ὁ σὺν ἐμοὶ ἰστάμενος ἐκεῖσε ἐπὶ τοῦ ὑπερτάτου καὶ φρικωδεστάτου ἐκείνου σκοποῦ θεῖος καὶ θαυμαστός ἄγγελος· ἦν δὲ τὸ πρόσωπον αὐτοῦ λίαν δεδοξασμένον ὑπὲρ τὸν ἥλιον καὶ τὰ ἱμάτια αὐτοῦ ἐξήπτοντο ὡς ἀστραπὴ καὶ οἱ πόδες αὐτοῦ ὑποδε(f. 228 ν.) δημένοι χρυσοπεδίλοις κοκκίνοις ὑποδήμασι παραπλησίως τοῦ βασιλέως· συνείποντο δὲ αὐτῷ Ἀαρὼν καὶ Ὡρ, οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ, μεθ' ὧν καὶ Ἰησοῦς τοῦ Ναυῆ καὶ Ἐλεάζαρ· ἦσαν δὲ καὶ αὐτοὶ δεδοξασμένοι μὲν τὰ πρόσωπα δοξῆ ἀκαταλήπτῳ, οὐκ ἴσως δὲ τῷ Μωϋσῆ, ἀλλὰ τούτου παραπλησίως· ἐκεῖνος γὰρ ἐξαιρέτως πάντων τῶν σὺν αὐτῷ ἦν ὑπέρτερος, ὡς καὶ σχῆμα καὶ δόξαν ἀνεκλάλητον κεκτημένος. Καὶ ἐν τῷ ἅμα τούτοις πορεύεσθαι συνεπορεύοντο αὐτοῖς καὶ ἕτεροι ἄνδρες ἑβδομήκοντα, οἳτινες ἦσαν οἱ ἀπὸ τοῦ πνεύματος τοῦ Μωϋσεως μεταλαβόντες καὶ πλουτήσαντες ἐν ταῖς ἡμέραις αὐτῶν τοῦ προφητεύειν καὶ προλέγειν τὰ μέλλοντα· καὶ μετ' αὐτοὺς πάντες οἱ ὀρθόδοξοι καὶ δίκαιοι κριταὶ τοῦ Ἰσραὴλ ἀπὸ Χαλέβ καὶ τοῦ Γεθωνὴλ καὶ μέχρι Σαμουὴλ τοῦ προφήτου κρίναντες τὸν Ἰσραὴλ. Κατόπιν δὲ τούτων ἰδοὺ καὶ Δαυὶδ ὁ βασιλεὺς καὶ θεσπάτωρ, μεθ' οὗ καὶ πάντες οἱ τοῦ Ἰούδα βασιλεῖς ὅσοι δηλονότι τῇ τῶν εἰδώλων (f. 229 γ.) οὐκ ἐκολ·

λήθησαν πλάνη και ματαιότητα, ἀλλ' ἐκαθάρισαν ἑαυτοὺς διὰ μετανοίας εὐλικρινοῦς και δακρύων πηγῆς ἀπὸ παντός πάθους ἐτι περιόντες τῷ βίῳ και καθαροὶ ὀφθέντες ἐναντίον Κυρίου· και σὺν αὐτοῖς πάντες οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ οἱ μέχρι τῆς τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παρουσίας τῷ νόμῳ Μωϋσέως ἀμέμπτως και καθαρώς πειδαρχήσαντες και τοῖς ματαιοῖς θεοῖς τῶν ἐθνῶν μὴ λατρεύσαντες. Οὗτοι πάντες φαιδροὶ και γεγανθυμένοι δόξη τε και χάριτι κεκοσμημένοι ὑπάρχοντες πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου παραγεγόνασι και προσεκύνησαν αὐτῷ ἕως ἐδάφους τῆς γῆς, και κατασπασάμενοι τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας εἰσῆλθον γηθόμενοι και ἀγαλλιώμενοι εἰς τὴν δεδοξαμένην ἐκείνην και ἀγίαν μητρόπολιν. Μετὰ δὲ τὸ εἰσαγεσθαι αὐτοὺς ἔνδον αὐτῆς, και ὁ θαυμαστός ἐκεῖνος τῶν ἀγίων ἀγγέλων αἶνος λαμπρῶς ἐξηχεῖτο και ἐξηκούετο.

Εἶτα μετὰ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοὺς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶτας (f. 229 v.) και προσκαλεσάμενος πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς αὐτοῦ· ἀπὸ γὰρ τῶν ἐσχάτων ὡς πρὶν παραβολικῶς ἡμᾶς ἐξεπαίδευσε διὰ τοῦ θείου αὐτοῦ και ἀγίου εὐαγγελίου· εἰς τοὺς πρώτους κατένευσε· και ἰδοὺ Ἀδάμ, Ἄβελ, Σὴθ, Ἐνώς, Ἐνώχ, Νῶε και ὅσοι πρὸ τοῦ κατακλυσμοῦ ὡσαύτως και μετὰ τὸν κατακλυσμόν πρὸς τοῦ νόμου πάντες και πᾶσαι ἐν ταῖς γενεαῖς αὐτῶν Κυρίῳ τῷ Θεῷ εὐηρέστησαν σεμνῶς και θεοφιλῶς πολιτευσάμενοι, παρεγένοντο πλησίον τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βασιλέως και ἀδεκάστου κριτοῦ ἐπὶ τὴν ἐξαισίαν και θαυμαστήν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης· ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος ἀκτινοβολοῦντα και φῶς νοερόν τοῖς ὀρώσιν ἐπαφιοῦντα, αἱ δὲ στολαὶ ἐκ μυριοφανῶν εὐχροίας πεποικιλέμεναι, και δόξα Κυρίου ἦν ἐπ' αὐτοῖς ἀνεκλάλητος· και πεσόντες προσεκύνησαν, αὐτῷ ὕμνοις εὐχαριστηρίοις ὕμνολογοῦντες και δοξάζοντες αὐτόν· ὁ δὲ ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας ἐκείνης τῆς πόλεως. (f. 230 r.) και ἀσπασίως τούτους ὑποδεξάμενος και φιλήματι ἀγίῳ τιμήσας αὐτοὺς, ἔνδον ταύτης γενέσθαι τούτους παρεκελεύσατο. Και ἐγένετο ἐν τῷ εἰσελθεῖν πάντας αὐτοὺς ἔνδον ταύτης ὕμνησαν πᾶσαι αἱ τῶν ἀγγέλων θεῖαι τάξεις τὸν ἐπὶ πάντων Θεὸν ἐν εὐχαριστηρίοις φωναῖς.

Ἐπειδὴ οἱ πρῶτοι τῆς κτίσεως οἱ πρωτόπλαστοι ἄνθρωποι οἱ

ἀπ' αἰῶνος δηλαδή ἅγιοι εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν τοῦ ἁγίου καὶ παν-
αγάθου Θεοῦ μετὰ τῶν ἐξ αὐτῶν γεγεννημένων ἁγίων κατέπαυσαν,
καὶ μετὰ ταῦτα ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶ-
σιν ἁγίοις, καὶ ἐσπασθεῖσα παρεμβολὴ πάνυ ὀλιγωστὴ πρὸς αὐτὸν
παρεγένετο, ὅτινες ἦσαν παρηλλαγμένοι τῷ σχήματι, σεμνυόμενοι
παρὰ πάντας τοὺς προεληλυθότας· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον
λευκὰ τῷ χρώματι ὡσπερ νύμφης ἠγλαισμένα, ὡς ὑποπυρακίζοντα
καὶ πεποικιλμένα ἐτύγχανον, ὡς ἐκ φωτεινοῦς εὐχροίας τυγχάνοντα·
οἱ δὲ τούτων χιτῶνες ποικίλοι ὡσανεὶ ἐκ πάν(φ. 230 ν.)των τῶν τῆς
γῆς ἀνθέων συντεθειμένοι· ὅτινες ὑπῆρχον οἱ πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ
παρουσίας ἀπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν καὶ φυλῶν καὶ γλωσσῶν, νόμον
μὴ ἔχοντες καὶ φύσει τὰ τοῦ νόμου ποιήσαντες δίκαιοι, καὶ εἰδώ-
λοις μὲν μηδαμῶς λατρεύσαντες, ἐπ' ἐλπίδι δὲ ζωῆς αἰωνίου τὴν
ἑαυτῶν διανύσαντες, οἱ πορνείαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἐργασίαν
καὶ κακίαν ἀπὸ καρδίας ἐμίσησαν, ἐλεημοσύνην δὲ καὶ τὴν πρὸς τὸν
πλησίον ἀγάπην ὀλοφύχως ἐκτήσαντο τὴν ἄνωθεν πρόνοιαν σεβασ-
θέντες καὶ μόνην, ὄθεν καὶ τῆς τοιαύτης δόξης καὶ χαρᾶς ἠξιώθησαν.
Διὸ καὶ ἐθαύμαζον πάντες οἱ ἅγιοι τὴν τοιαύτην ποικιλόμορφον ἰδέαν
τοῦ σχήματος αὐτῶν, ἐπειδὴ οὐκ ἦν ἐν ταῖς συναγωγαῖς καὶ τάξεσιν
αὐτῶν τις ὁ τοιοῦτον φαιδρυνόμενος σχήματι.

Ἐπι ἐπένευσεν ὁ Κύριος τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα
παρεμβολὴ καὶ αὕτη ὀλιγωστὴ πάνυ ὡς ἡ προτέρα, αἰθεροποροῦσα
πρὸς τὴν φρικτὴν καὶ θαυμασίαν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης, καὶ
παρεγένετο πλησίον τοῦ βασιλέως· ἦ(φ. 231 γ.)τις ὅλη ὑπῆρχεν
ὡς ἀστραπὴ πυρός, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν μεταμορφούμενα καὶ
ἀπαλασσόμενα, καὶ ποτὲ μὲν ὡς ῥόδα ἐρυθρὰ ἐξαστράπτοντα, ποτὲ
δὲ ὡς ἄνθη χρυσοῦ καθαροῦ πεπυρακτωμένου καὶ σπινθηροβο-
λοῦντος, ποτὲ δὲ λευκαινόμενα ὑπὲρ χιόνα καὶ φαιδρυνόμενα ὡς
τὸ φῶς· βασιλικούς χιτῶνας ἠμφιεσμένοι πάνυ ὠραίους καὶ ποικι-
λομόρφους ἐκ παντοίων λίθων ξενοπρεπῶς αὐγαζόντων τιμίων καὶ
μαργάρων πολυτίμων ἐξαισίως καὶ θαυμασίως συντεθειμένους.
ὅτινες ἦσαν οἱ τῇ τῆς μωρίας ὑποκρίσει τὸν σοφιστὴν τῆς κα-
κίας κατασοφισάμενοι καὶ δι' ὑπομονῆς καὶ θείας γνώσεως τοῦ-
τον ἀνταγωνισάμενοι καὶ καταπαλαίσαντες καὶ κατὰ κράτος νική-

σαντες· ἐν γὰρ τῷ ματαίῳ καὶ προσκαίρῳ κόσμῳ τούτῳ μωροὺς διὰ Χριστὸν ἦτοι σαλοὺς ἑαυτοὺς ποιήσαντες ἐβδελύχθησαν, ἐνεπτύσθησαν, ἐκολαφίσθησαν, κατεγελάσθησαν, ἠτοιμάσθησαν, ἐξουδενώθη(f. 231 v.)σαν, ἐδιώχθησαν καὶ πᾶσαν κάκωσιν καὶ θλίψιν ὑπέμειναν διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, καταπατήσαντες καὶ μίσσησαντες πᾶσαν τὴν ματαίαν καὶ πρόσκαιρον καὶ ἐβδελυγμένην δόξαν τοῦ κόσμου τούτου ἀπὸ καρδίας, ὡς ὁδηγῶν με πρὸς πᾶσαν θεωρίαν ταύτην θειοτάτός μοι ἄγγελος διεσάφησε· διὸ καὶ ταύτης οὐκ ἀστοχήσαντες τὴν φρικτὴν καὶ ἀσύγκριτον καὶ πάντα νοῦν καὶ διάνοιαν ὑπερέχουσαν δόξαν ἐκληρόνομησαν καὶ μετὰ μεγάλης παρηρησίας ἐν ταύτῃ εἰσεληλύθασι. Παραγενόμενοι τοίνυν, ὡς εἰρηται, πλησίον τοῦ βασιλέως, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ εὐθύς ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως καὶ ἔνδον ταύτης μετὰ μεγάλης δόξης καὶ δορυφορίας γενέσθαι τούτους παρεκλεύσατο· ὧν εἰσεληλυθόντων δόξῃ ἀρρήτῳ λελαμπρυσμένων καὶ ἀγλαϊζομένων, καὶ ὁ κατὰ σύνθηρος αἶνος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἔνδον ταύτης θεοειδῶν τε καὶ νοερῶν δυνάμε(f. 232 γ.)ων φρικτῶς ἐξηκούετο, αἰνούντων καὶ εὐλογούντων ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐπὶ τῇ τούτων ἐνδόξῳ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει τὸν ἐν Τριάδι Θεόν.

Ἔττα ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ βασιλεὺς τοῖς ἀπὸ τῶν δεξιῶν αὐτοῦ λαχοῦσιν ἀγίοις, καὶ ἰδοὺ ἐκχωρισθεῖσα ἑτέρα παρεμβολὴ ὄχλου καὶ λαοῦ πολλοῦ μεγάλη σφόδρα πλησίον τοῦ βασιλέως παρεγένετο ἐπὶ τὴν ἀγίαν ἐκείνην καὶ ὡς ἀληθῶς θαυμαστήν μητρόπολιν· ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον λευκὰ ὡσεὶ ἔριον, οἱ δὲ χιτῶνες πυρσοφαεῖς, ὠρατοὶ τῷ ἀναστήματι, ὡσπερ κυπάρισσοι, φλόγα ἀγαλλιάσεως λίαν ἠσύχως καὶ γαληνομόρφως ἀπαυγάζοντες· καὶ προσκυνήσαντες αὐτόν, εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἐπένευσεν ἐν τῇ ἀγῆρῳ καὶ μακαρία λήξει τῆς πόλεως ἐκείνης· οἱ δὲ χορεύοντες καὶ ἀγαλλιώμενοι ἐν ἀνεκλαλήτῳ χαρᾷ καὶ δόξῃ ἔνδον ταύτης εἰσήεσαν· οἵτινες ἦσαν οἱ πτωχοὶ γεγονότες τῷ πνεύματι, οἱ τύφον δαμιονιώδη κατὰ τοῦ πέλας, ἑπαρσίν τε καὶ ἀλαζονείαν (f. 232 v.) ἐν ὑπερηφανίᾳ μηδόλως ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ κτησάμενοι, ἀλλὰ τὴν τοῦ Κυρίου πραότητα καὶ ταπεινώσιν ἀδιαλείπτως μιμούμενοι, τοῖς πᾶσι τὰ πάντα γεγονάσιν, ἵνα πάντας ἀποθεραπεύσαντες ἐν ὑποποιῶσι ταπεινώσεισι τούτους κερδήσωσι· διὸ καὶ τῆς μακαρίας

ταύτης ἐπέτυχον λήξεως τῶν ἐν ἐπαγγελίαις ἡτοιμασμένων ἀγαθῶν τοῖς τὸν Κύριον ἀγαπῶσι καὶ τούτου τὰς ἐντολὰς ἀπαρατρώτους φυλάττουσι. Τούτων οὖν ἔνδον ταύτης φαιδρῶ πρόσωπῳ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ εἰσεληλυθόντων ἐπεκρότησαν πᾶσαι αἱ νοεραὶ θεῖαι τάξεις τὸν αἰνετήριον ὕμνον τῷ μόνῳ Θεῷ καὶ βασιλεὶ τῶν αἰώνων.

Πρὸς τούτοις ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἐξῆμ διαχωρισθεῖσα τοῦ κλήρου τῶν ἐκλεκτῶν ἑτέρα συναγωγὴ ἱκανή, νεφέλῃ φωτεινῇ κατακαλυπτομένη, καὶ κλοιοὶ χρύσει ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν, τὰ δὲ γε πρόσωπα αὐτῶν λευκὰ ὡσεὶ χιών, καὶ οἱ χιτῶνες ἐρυθροφυεῖς ποικιλόχρωοι, ὠραίοι ποσὶ βα(φ. 233 γ.)δίξοντες ἐπὶ τοῦ αἰθέρος πρὸς τὸν δίκαιον κριτὴν παρεγένοντο· ἦν δὲ ἐν μέσῳ αὐτῶν ἁρμονὴ τις καὶ θεῖα ὄντως παράκλησις· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ κατασπασάμενοι τοὺς ἀχράντους καὶ ὠραίους πόδας αὐτοῦ. Ὁ δὲ ὑπεδέξατο ἀσπασίως αὐτοὺς καὶ φησὶ πρὸς αὐτοὺς μειδιῶντι πρόσωπῳ καὶ ἰλαρῷ τῷ προσβλέμματι· Εἰσέλθετε, ἀγαπητοὶ μου ἀδελφοί, εἰσέλθετε μετὰ πάσης χαρᾶς καὶ θυμηδίας καὶ τέρψεως, εἰσέλθετε ἐν ἀγαλλίασει εὐφραϊνόμενοι εἰς τὴν χαρὰν τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν, οἱ ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ πολλὰ κλαύσαντες κόσμῳ καὶ πενθήσαντες δι' αὐτὴν· εἰσέλθετε ἐν χαρᾷ εἰς τὴν βασιλείαν μου οἱ πολλὰ θρηνήσαντες καὶ δακρύσαντες καὶ κωκυτοὺς πολλοὺς ἐπὶ τῆς γῆς σπείραντες διὰ τὰ αἰῶνια ταύτης ἀγαθᾶ· εἰσέλθετε γηθόμενοι καὶ εὐφραϊνόμενοι ἐπ' αὐτῇ, τρυγήσατε τοὺς καρποὺς τῶν πόνων ὑμῶν, οὓς ἐκ καρδίας ἐν κατανύξει ψυχῆς ἐπὶ γῆς ἐσπείρατε νύκτωρ τε καὶ μεθήμεραν (φ. 233 ν.) ἐν σάκκῳ καὶ σποδῷ, ἐν ἀγρυπνίαις καὶ χαμευνίαις καὶ ξηροκοιτίαις καὶ πείνῃ καὶ δίψῃ, ἐν πόνῳ καὶ κόπῳ πνευματικῷ, ἐν μόχθῳ διηνεκεὶ καὶ ταπεινότητι· καρδίας· εἰσέλθετε εἰς τὴν ἀνεκκλήτην ταύτην καὶ αἰώνιον ἀγαλλίασιν, εἰσέλθετε καὶ παρακλήθητε κυρησθέντες ἐν αὐτῇ· Ταῦτα οὖν λέγοντος τοῦ Κυρίου πρὸς αὐτοὺς, εὐθὺς ἐπεκρότησαν αἱ θεῖαι δυνάμεις ἐν τῇ εἰσοδῷ αὐτῶν ὕμνον λυγρὸν καὶ ἐξαισίον ἀνευφημοῦσαι τὸ κράτος αὐτοῦ.

Μετὰ δὲ τὴν τούτων εἰσέλευσιν ἐπένευσεν ὁ Κύριος καὶ Θεός, ὁ φοβερὸς καὶ αἰώνιος βασιλεὺς, ὁ δίκαιος καὶ ἀλάδητος κριτὴς τοῖς ἐξ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ πάνυ σεμνῆς καὶ ἰλαρᾶς καταστάσεως, ὠραίοις ἤδεσι πλουσίως κεκοσμημένη, πραέοις καὶ ἡσύχοις ποσὶν αἰ-

θεροποροῦσα πλησίον αὐτοῦ παρεγένετο ἐπὶ τῆς φρικωδεστάτης πύλης τῆς πόλεως ἐκείνης, πάνυ ἡμεροὶ καὶ εὐμενεὶς τοῖς προσώποις, οἵτινες ἦσαν οἱ πραεῖς καὶ ταπεινοὶ τῇ καρδίᾳ· ὧν τὰ πρόσωπα θείαν ἀγαλλίασιν καὶ (f. 234 r.) ἀσύγκριτον ἀπηύγαζον, αἱ δὲ στολαὶ χιονοφεγγεῖς, πάντες ἱεροπρεπεῖς καὶ πάσης πνευματικῆς αἰδοῦς πεπληρωμένοι, γαληνοὶ τοῖς ἤθεσι, γαληνοὶ τοῖς τρόποις, γαληνοὶ καὶ πανήμεροὶ τοῖς ὄμμασι καὶ προσβλέμμασιν· ἐκ δὲ τῶν ποδῶν αὐτῶν ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς φῶς ἐξήρχετο ἄρρητον· οἱ καὶ πεσόντες προσεκύνησαν τῷ Κυρίῳ· ὅς καὶ τούτους ἠδέως καὶ ἐντίμως ἀποδεξάμενος προσέταξεν εὐθύς εἰσιέναι αὐτοὺς εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν· καὶ τούτων εἰσελθόντων ἐν αὐτῇ ἡσυχῇ καὶ ἀγαλλομένῳ ποδὶ ἀφράστῳ τε καὶ αἴγλῃ περιαστραπτομένων καὶ κατατερπνομένων, ὑμνησαν αἱ θεαὶ ὀνόματι σὺν πᾶσι τοῖς οὖσιν ἐκεῖσε ἁγίοις ἐπὶ τῇ εἰσόδῳ καὶ καταπαύσει αὐτῶν τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν.

Ἐπι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγή λαοῦ πάνυ ὀλιγωστοῦ ἐκπασθεῖσα πρὸς τὴν ἐξαισίαν ἐκείνην καὶ θαυμαστήν πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ βασιλέως παρεγένετο, ὥς περιεῖ(f. 234 v.)λημμένη τὰς πλευράς, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν ἡ λαμπρότης τῆς δικαιοκρισίας Κυρίου ὡς ὀσμὴ μύρου θαψιλῶς ἐξεπορεύετο, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν οἰσνεὶ μέλι στάζοντα, αἱ δὲ χεῖρες αὐτῶν ἐξέπεμπον πῦρ ἐπ' ἀνδράκων· ἐνεδεδύντο δὲ γλαίνας φρικώδεις ὡς ἡ εὐχροια τοῦ τόξου καὶ ὡς ἀστραπὴ ἀκτινοβολοῦσας, καὶ τὰς κεφαλὰς ἐστεμμένους στεφάνους ἀχειροποιήτους διὰ λίθων λυχνιτῶν καὶ μαργάρων νοητῶς δεξιᾷ Κυρίου κατασκευασθέντες δίκην ἀστέρων μέγα καὶ φαινόν ὥς ἀπαστραπτόντων· κατέναντι δὲ τῶν καρδιῶν αὐτῶν λίθοι μέγιστοι παμφαεῖς καὶ διαυγεῖς σμάραγδοι ἐπεπήγησαν λάμποντες ὥσπερ ὁ ἑωσφόρος, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν χρυσοφαεῖσι πεδῆλοις καὶ πολυθαυμάστοις περιελίσσοντο. Ὡς οὖν παρεγένοντο αἰθεροποροῦντες, προσεκύνησαν αὐτῷ καὶ κατησπάσαντο τοὺς ἀγρᾶντους αὐτοῦ πόδας· ὁ δὲ θεασάμενος τὴν ὠραιότητα αὐτῶν ἠγαλλιάσατο σφόδρα ἐπ' αὐτοὺς καὶ μετ' εὐμενεῖ(f. 235 r.)ας καὶ ἰλαρότητος προσεδέξατο αὐτοὺς ὑποδεικνύς αὐτοὺς τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ χεὶρὶ εἰσιέναι εἰς τὴν ὠραίαν πύλην, ἣν οὐδεὶς τῶν προλαβόντων ἁγίων εἰσήει, καὶ καταπαῦσαι

αὐτοὺς εἰς τὴν πεποθημένην καὶ μακαρίαν γῆν καὶ ἄληκτον εὐφροσύνην τῆς ἐξαισίας πόλεως ἐκείνης. Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ χρηματίσαντες κριταὶ ἐν τῷ ματαίῳ τούτῳ κόσμῳ, οἱ πεινῶντες καὶ διψῶντες τὴν δικαιοσύνην καὶ τὸν ἔλεον τῆς δικαιοκρίσιαις Κυρίου, οἱ μηδέποτε λαβόντες ἐν τῷ κρίνειν αὐτοὺς πρόσωπον δυνάστου, μήτε δώροισ τὴν καρδίαν ἀποτυφλωθέντες, μήτε πτωχὸν ἐν τῷ κρίνεσθαι αὐτὸν ἐλεήσαντες, ἀλλὰ τοῖς πᾶσιν ἐπίσης κατὰ τὸ δυνατόν τὸ δέον καὶ δίκαιον ἀπονειμάντες καὶ μηδένα ποτὲ προτιμησαὶ θελήσαντες ἕνεκεν τοῦ δικαίου. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσεῖναι αὐτοὺς ἔνδον ταύτης, αἱ θεαὶ τῶν ἀγγέλων τάξεις καὶ πᾶς ὁ ὄμιλος τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἀγίων ὑπεδέξαντο αὐτοὺς ἐν ἀγαλλιάσει εὐφραϊνόμενοι ἐπὶ τῇ τούτων εἰσόδῳ καὶ ὕμνησαν ἀ(φ. 235 ν.)καταπαύστῳ φωνῇ τὸν μόνον δίκαιον καὶ ἀπαρλόγιστον κριτὴν.

Εἶδ' οὕτως ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιοῖς αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγή λαοῦ μεγάλη σφόδρα ἐκχωρισθεῖσα ἕστη μετὰ παρρησίας φρικτῆς καὶ μεγάλης ἐπὶ τὴν θεῖαν ἐκείνην καὶ μεγαλόφωτον πόλιν πρὸς τῇ πύλῃ πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου ἦσαν δὲ πάντες οἱ τῆς συναγωγῆς ἐκείνης ἐνδεδυμένοι στολὰς βασιλικὰς ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας κατασκευασθεῖσας καὶ τὰς ἑαυτῶν πλευρὰς ἠλειμμένοι λαμπρότητα χρυσοῦ καθαροῦ πεπυρακτωμένου καὶ ἀποστίλβοντος στεφάνοις μυριοβαφέσιν ἐκ χρυσοῦ καθαροῦ καὶ λίθων τιμίων καὶ μαργάρων πολυτελῶν ποικιλομόρφως τεχνουργισμένων, χειρὶ παντοκρατορικῇ ἑστεμμένοι τὰς κεφαλὰς καὶ κλάδους ἐλαίας ἐν ταῖς χερσὶ κατέχοντες· καὶ τὰ πρόσωπα λευκὰ ἐξαστράπτοντα ὡς τὸ φῶς, ἀφ' ὧν ἐξήρχετο δίκην ἰδρωτὸς ἔλαιον μύρου πνέον ὀσμὴν ἀσύγκρι(φ. 236 γ.)τον καὶ ἀνεκδίηγητον ἀθανασίας καὶ ζωῆς αἰωνίου· οἱ δὲ πόδες αὐτῶν ὑπῆρχον ὠρατοὶ χρυσοφαεῖς ἀστραπάς ἀστράπτοντες, ἐξ ὧν πυρρός φρικτός ἐξεπορεύετο ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοὺς ὡς ἀστραπὴ ἀπαυγάζων· Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ ἐλεήμονες, οἱ χήρας καὶ ὀρφανοὺς διαδρέψαντες καὶ γυμνοὺς ἐνδύσαντες καὶ ὑποδήσαντες, ξενοδίτας ἀστέγους ἔνδον τῆς οἰκίας εἰσαγαγόντες, οἱ χρετὴ πτωχῶν καὶ ἀπόρων ἐκ τῶν ἰδίων θησαυρῶν ἀποφλήσαντες καὶ ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων πενήτων καὶ καταδυναστευομένων τὰς ἰδίας ψυχὰς τεθειμένοι καὶ αἰεὶ ποτε τοὺς

παρερχομένους πρό τῶν πυλῶν αὐτῶν πένητας καί προσαιτοῦντας δι' ἐπίδοσεως τῶν ἀναγκαίων ἀποθεραπεύσαντες. Οὗτοι πάντες, ὡς εἶρηται, πλησίον τοῦ βασιλέως γενόμενοι, πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ· ὁ δὲ καί τούτους περιχαρῶς ὑποδεξάμενος καί κατασπασάμενος ἐν φιλήματι ἀγίῳ ἕνα ἕκαστον αὐτῶν, ἐπένευσεν εἰσιέναι αὐτοὺς εἰς τὴν περιδοξὸν καί περίφη(φ. 236 ν.)μον πόλιν ἐκείνην· καί τούτων εἰσελθόντων ἔνδον ταύτης δόξῃ ἀπίρφ ἀγλαίζόμενοι, συνήνητησαν αὐτοῖς πᾶσαι αἱ τῶν ἀγγέλων δυνάμεις σὺν πᾶσι δικαίοις, αἰνοῦντες καί εὐλογοῦντες ἀκαταπαύστῳ φωνῇ τὸν αἰνετὸν μόνον Κύριον καί βασιλέα τῆς δόξης. Ἐώρων δὲ εἰσελθόντες δόξαν ἀνεκδιήγητον ἐν αὐτῇ καί σκηνάς αἰωνίους καί περικαλλῆ παλάτια ἀσύγκριτα καί ἀναριθμήτα, καί οὐκ ἦν αὐτοῖς κόρος ἀπὸ τῆς θέας καί καλλονῆς αὐτῶν· ἀ καί ἔτι ἐδέοντο τινῶν ἀγίων ὥστε κατασκηνώσαι εἰς αὐτά, ἐπειδὴ τὰ πλείονα τούτων ἔτι κενὰ ἐτύγχανον· τοσοῦτων γάρ ἐν τῷ πλήθει ἀναριθμήτων ταγματῶν ἀγίων εἰσελθόντων ἐν αὐτῇ οὐδὲ τὸ τέταρτον μέρος αὐτῆς κατακρατῆσαι καί πληρῶσαι εἰς τέλος ἴσχυσαν.

Ἔτι τε καί ἔτι ἐπένευσεν ὁ βασιλεὺς τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ ἐπιλοίποις ἀγίοις ἤξειν πρὸς αὐτόν, καί ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ἱκανὴ ἐκχωρισθεῖσα ἐν εὐθύτητι ποδῶν αὐτῆς αἰθεροποροῦσα παρεγένετο πρὸς αὐτόν· ἦν δὲ καθαρὸ(φ. 237 γ.)της ἐπ' αὐτῇ λαμπροτάτη σφόδρα καί αὔρα λευκὴ ἀγλήν γλυκασμοῦ σταλαῖουσα ἀνεξιχνίαστον πρὸς τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ἐξήπτοντο ὑπὲρ τὴν ἀστραπὴν μυριοπλασίως καί φῶς ἐξάισιον καί φρικτὸν ἀπῆυγαζον ἀπὸ τῶν καρδιῶν αὐτῶν, καί οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πῦρ διειδὲς ἠφίων ἐν ταῖς συννεύσειν αὐτῶν καί δόξα Κυρίου ἦν ἐν τοῖς χεῖλεσιν αὐτῶν. Οὗτοι πάντες ἐν εὐφροσύνῃ καρδίας ἐπαγαλλόμενοι ἤγγισαν, ὡς προεῖρηται, μέχρι φρικτῆς καί ποικιλομόρφου πύλης τῆς πόλεως ἐκείνης πλησίον τοῦ αἰωνίου βασιλέως Ἰησοῦ Χριστοῦ, καί γόνυ κλίναντες μέχρις ἐδάφους τῆς γῆς, ἐνώπιον αὐτοῦ προσεκύνησαν αὐτῷ· οὐτινες ἦσαν οἱ ἐν τῷ ματαίῳ τούτῳ κόσμῳ ἀσπίλον σὺν τῇ ψυχῇ καί τὸ σῶμα φυλάξαντες καί μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἐκτὸς παντὸς πάθους καί βυτιδῶν καί μολυσμάτων ἑαυτοὺς διατηρήσαντες, οἱ καθαροὶ δηλονότι τῇ καρδίᾳ, οἱ τὸ σῶμα καθαροὶ καί τῷ νοῖ, οἱ

καθαροὶ τὰς αἰσθήσεις, οἱ μηδέποτε σπῖλον κακίας ἐν ἑαυτοῖς δεξάμενοι, (f. 237 v.) οἱ φθόνον καὶ μῖσος καὶ πᾶσαν ἔριν ψυχῶλεθρον ἀπ' αὐτῆς τῆς καρδίας μισήσαντες, οἱ ταύτην δι' εὐποίας πενήτων πλουτίσαντες καὶ δι' ἀγάπης τῆς πρὸς τὸν πέλας κοσμήσαντες, ἐν δάκρυσι πνευματικοῖς ταύτην ἀποκαθάραντες καὶ λευκάναντες ὑπὲρ χιόνα καὶ ἀξίαν ἀναδειξαντες αὐτοῖς τῆς καὶ αὐτοῖς ἀγγέλους ἀοράτου θεωρίας Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, ὃς φησὶ μακάριοι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ ὅτι αὐτοὶ τὸν Θεὸν ὄψονται. Τούτους τοίνυν ἰδὼν ὁ βασιλεὺς ἐν τσσαύτῃ δόξῃ καὶ λαμπρότητι διαλάμποντας, γνησίως ὑπεδέξατο καὶ ἀξίως ἐτίμησε καὶ φιλικῶς κατησπάσατο, λέγων πρὸς αὐτούς ἐν ἰλαρότητι καρδίας καὶ προσώπου καὶ εὐπραεῖᾳ προσλαλιᾷ: Εἰσέλθετε, φίλοι μου, οἱ δι' ἐμὲ ἄσπιλον τηρήσαντες καὶ φυλάξαντες τὴν ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα ὑμῶν παντός ἐκ ῥύπου καὶ μολυσμοῦ καὶ δοχεῖον καθαρὸν καὶ ταμεῖον ἄξιον τῆς ἐμῆς ἐνδημίας καὶ ὑποδοχῆς καὶ καταπαύσεως ἀναδειξαντες εἰς τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν· εἰσέλθετε, φίλοι μου, εἰς τὴν αἰώνιον ἀ(f. 238 r.)γαλλίασιν, εἰς τὴν ἀνεκλάλητον εὐφροσύνην, εἰς τὴν αἰδίον καὶ ἀδιάδοχον ζωὴν καὶ μακαριότητα· εἰσέλθετε τοιγαροῦν, ἀγαπητοί μου ἀδελφοί, εἰς τὰς αἰωνίους μονὰς σὺν ἐμοὶ καὶ καταπαύσεις τῆς ἐμῆς βασιλείας, ἵνα ὅπου εἰμι ἐγώ, καὶ ἡμεῖς ᾗτε, ἵνα θεωρῆτε τὴν δόξαν μου. Δεῦτε καὶ εἰσέλθετε σὺν ἐμοὶ εἰς τὴν κατὰπαυσίν μου, καὶ γὰρ ἀναπαύσω ὑμᾶς, καθὼς ὑμεῖς ἐμὲ ἀνεπαύσατε ἐν τῷ ἀμέμπτους καὶ καθαρὸς καὶ ἄσπιλους ἑαυτοῦς παντός ἐκ ῥύπου διατηρῆσαι. Ταῦτα τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου πρὸς αὐτούς εἰρηκότος, εὐθέως κατένευσεν ἀναπετασθῆναι αὐτοῖς τὰς ποικιλομόρφους ἐκείνας καὶ παμφασεῖς πύλας τῆς πόλεως· εἰσερχομένων σὺν αὐτῶν ἐνδοῦν ταύτης ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς ἐπευφραίνόμενοι, αἶνος θαυμαστός ἐξηκούετο κατὰ τὸ σῆμα ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοῦς θείων δυνάμεων ἐπὶ τῇ τούτων εἰσελεύσει καὶ καταπαύσει, νοῦν ἐξιστῶν καὶ πᾶσαν διάνοιαν· οὐ τὸ μέλος καὶ ἡ ἡδυτάτη φθογγή καὶ αὐτῶν ἤψα(f. 238 v.)το τῶν οὐρανίων ἀψίδων. Ταῦτα δὲ πάντα ἐπὶ τοῦ φρικωδέστατου σκοποῦ ἐκείνου ἰστάμενοι, τοῦ πλήρους ὄντος ἐκπλήξεως ἐπάνω τοῦ στερεώματος, ἐβλέπομεν καθαρῶς ὡς δι' ὀπῆς τινὸς ἀνεωγμένης ἡμῖν, ἢ, ὡς ἔοικε, τὰ καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἄγνωστά τε καὶ ἀκατάληπτα ἢ, μᾶλλον εἰπεῖν ἀθεώ-

ρητα εὐδοκία Θεοῦ δι' ἐμοῦ τοῦ ταπεινοῦ δῆλα τοῖς ἀνθρώποις γενήσονται.

Τούτων οὕτως ἐχόντων ἔτι ἐπένευσεν ὁ Κύριος ἐπὶ τοῖς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ παρεστῶσι, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα παρεμβολὴ λαοῦ ἰκανή, γλυκεῖα τῇ ὀράσει καὶ σεμνὴ τοῖς ἤθεσιν, νεφέλη φωτεινὴ περιουγαζομένη καὶ ἀστραπῇ περιεζωσμένη τὰς ὀσφύας, καὶ φέγγος καθαρὸν πρὸ προσώπου αὐτῶν, αἱ χεῖρες αὐτῶν λευκαὶ ὡσεὶ χιῶν, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν πυρσοφαεῖς σπινθηροβολοῦντες, αἱ δὲ στολαὶ αὐτῶν, ὡς εἶδος χρυστάλλου, παραγεγόνασι· καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ. Ὅς καὶ τούτους ἰαρωῶς ὑποδεξάμενος κατένευσεν ἀνοιγῆναι καὶ τούτοις τὰς πύλας τῆς πόλεως· καὶ τούτων ἔνδον ταύτης εἰσεληλυθόντων ἐν γαῤῥᾱ καὶ ἀγαλλιάσει εὐφραينو(φ. 239 γ.)μένον, ὑμνησαν πᾶσαι αἱ θεῖαι δυνάμεις τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν. Οἴκτινες ἦσαν οἱ εἰρηνοποιοί, οἱ μηδέποτε τάραχον ἢ θλίβην εἰανδήτινα ἐν αὐτοῖς ὑπὸ τινος γεγονυῖαν μίσους καὶ κακίας οὐσαν ἀξίαν ὀλως παραδεξάμενοι, ἀλλὰ καὶ πολλοὺς πολλὰκις ὀχλοθορυβουμένους πράξεις ἤθεσι καὶ λόγοις παραινετικαῖς οὐκ εἴασαν θορυβεῖσθαι εἰσέτι, ἀλλ' εἰρηνικούς καὶ πράεις καὶ λίαν εὐσυμπαθέτους τε καὶ εὐκατανύκτους τούτους τῷ Κυρίῳ ἀποκατέστησαν καὶ προσήγαγον σεσωσμένους δι' ἐναρέτων καὶ θείων πράξεων τῇ ἑαυτῶν ἐκμιμῆσει.

Μετὰ δὲ ταῦτα προσθεῖς ἐπένευσεν ἔτι ὁ Κύριος ἐν τοῖς δεξιῶσι αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγὴ λαοῦ μεγάλη σφόδρα, ἣτις αἰθεροποροῦσα ἐν ὁξῆ καὶ τιμῇ ἀνεκλαλήτῳ ἐπὶ τὴν περιώνυμον καὶ πολυθαύμαστον καὶ πολυέραστον καὶ μυριώνυμον πόλιν τοῦ Θεοῦ παρεγένετο· ἣτις ὑπῆρχε κεχαριτωμένη τὸ πρόσωπον σφόδρα, καὶ φέγγος ἐκ τῆς ὄψεως αὐτῆς ἐξεπορεύετο ἀκτινοβολοῦν καὶ φωτοβολοῦν ἐν τῷ περιστρέφεσθαι αὐτοῦς, (φ. 239 ν.) καὶ πάντες νεφέλην θεοπύρσευτον περιεδέδυντο ἀμπεγόμενοι ταύτην οἶκην ἀμφίων, καὶ αὐραν πορφυράν ἠλειμμένοι τὰς πλευράς, καὶ ὄξα Κυρίου περικύκλω αὐτῶν, περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας διαχρυσον κόσμον, οἱ πόδες αὐτῶν ἀντὶ πεδῖλων ὑποδεδυμένοι εὐπρέπειαν πνευματικὴν, ἣτις ὡς πῦρ ἐξῆπτε χρυσοβολοῦν ἐν τῷ βαδίζειν αὐτοῦς, αἱ δὲ χεῖρες αὐτῶν ὡς ὄρασις ἠλέκτρου ἀκτινοβολοῦσαι. Καὶ οὗτοι πάντες εὐφραίνόμενοι καὶ ἐν τριακτῇ ὁξῆ ἀγαλλιώμενοι ἤγγισαν εἰς τὴν

φροκτὴν ἐκείνην καὶ ἀξιάγαστον πόλιν ἐπὶ τῇ πύλῃ τῆς ἀκατανόητου καὶ ἀκαταλήπτου πόλεως πλησίον τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ μέχρι τοῦ ἐδάφους τῆς γῆς· ὁ δὲ βασιλεὺς ἠδέως καὶ εὐμενῶς μετὰ πάσης πραότητος καὶ ἰαρότητος τούτους ὑποδεξάμενος ἐπένευσεν ἀνοιγῆναι αὐτοῖς τὰς πύλας τῆς πόλεως καὶ ἔνδον ταύτης ἐκείνους παραγενέσθαι· καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰσεληλυθέναι αὐτοὺς ἐν μεγίστῃ χαρᾷ καὶ εὐφροσύνῃ ἔνδον ταύτης, καὶ (f. 240 γ.) ὁ κατὰ σύνηδες αἶνος ὑπὸ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοῖς ἐν τῇ ἀγήρῳ μακαριότητι καὶ ἀλήκτῳ χαρᾷ καὶ τρυφῇ ἐκείνη ἀνεπέμφθη Θεῷ. Οὗτοι δὲ ἦσαν, ὡς ὁ ὁδηγῶν με διεσάφησε θεῖος ἄγγελος, οἱ διωχθέντες καὶ ὄνειδισθέντες καὶ μισηθέντες παρὰ παντός ἀσεβοῦς ἀνθρώπου καὶ χαιρεκάκου ἐν τῷ ματαίῳ καὶ προσκαιρῷ κόσμῳ τούτῳ ἕνεκα τοῦ λόγου τῆς ἀληθείας καὶ τῆς μακαρίας δικαιοσύνης, ἣν ἐν πάσῃ τῇ οἰκουμένη κατεφύτευσεν ὁ μονογενὴς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Θεὸς διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, οἱ ἐμπαχθέντες καὶ ραπισθέντες ἕνεκα τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, οἱ λογισθέντες βδέλυγμα παρὰ τῶν ἀνθρώπων διὰ τὸ ἅγιον αὐτοῦ ὄνομα καὶ ἀποσυνάγωγοι γεγονότες παρ' αὐτῶν καὶ κακοὶ καὶ πλάνοι ὀνομασθέντες διὰ Χριστόν, μὴ ὄντες κακοὶ, ἀλλ' ἐν Χριστῷ ὀφθέντες καλοὶ, ταῦτα δὲ πάντα καταδεξάμενοι καὶ βαστάσαντες διὰ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν δι' αὐτὴν καὶ ταύτης ἠξιώθησαν κληρονόμοι γενέσθαι.

Ἐπι προσέειπε ὁ (f. 240 ν.) Κύριος προσκαλέσασθαι πρὸς ἑαυτὸν ἀπὸ τῶν ὑπολοίπων τῆς δεξιᾶς μερίδος τινὰς, καὶ ἰδοὺ ἕτερα παρεμβολὴ λαοῦ ἰαυὴ ἀποσπασθεῖσα πρὸς αὐτὸν παρεγένετο πρὸς τῇ πύλῃ προσταγείσα ἔλθειν τῆς ἐξαισίας ἐκείνης πόλεως, αἰθεροποροῦσα, δόξη πολλῇ κατηγλαισμένη· οἱ δὲ ἐν αὐτῇ πάντες ὡς ἄγγελοι Θεοῦ ἔπορευόντο καὶ ὡς φυτὰ περικαλλῆ ἀνθεσι τερπνοῖς περιηιδισμένα, ῥόδοις καὶ κρίνοις ἠδυπνοῖς ὠραίσμένα· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπὲρ χιόνα κεκαθαρμένα καὶ ἐπταπλασίως ὑπάρχοντα φωτεινὰ τῇ λευκότητι καὶ ὡς ὁ ἥλιος διαλάμποντα, λευκῇ ἀστραπῇ περιαιυαζόμενα, χλαῖναν φωτὸς ἐνδεδυμένοι καὶ φλόγα πυρὸς πυρσοβολοῦσαν περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας· αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες ἀγλῆν πυρὸς γαλινομόρφου ἀνέπεμπον, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὡς ἀγίασμα Θεοῦ ἀστέρων δίκην ἐξαστράπτοντες· καὶ λαμ-

πάδες χρυσαυγίζουσαι ἐπὶ τῶν χειρῶν αὐτῶν, καὶ ἐν αὐταῖς φῶς ἐξήστραπτε νοερόν, ὅλον ἀνθρώπινος νοῦς (f. 241 r.) ἢ γλῶσσα διηγήσασθαι οὐ δύναται, ἀστραπάς ἀστραπτούσας ἐπαφιοῦσαι ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τοῦ φρικωδεστάτου αἰθέρος ἐκείνου. Καὶ οὗτοι πάντες μετὰ δοξης τε καὶ λαμπρότητος καὶ δορυφαρίας μεγίστης ἔνδον τῆς ἐξαισίας ἐκείνης καὶ πανευφήμου ἐχώρησαν πόλεως τῆ τοῦ μεγάλου βασιλέως κελεύσει· ὅτινες ἦσαν οἱ τὴν ἀμώμητον καὶ ἀκηλιδώτον καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ὁμοδαίτον καὶ Θεῷ ἡγαπημένην παρθενίαν καὶ ἀγνείαν ἐν ἀφθορίᾳ σώματος μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἀμέμπτως φυλάξαντες, οἱ ἐλεημοσύνην μετὰ πίστεως καὶ ταπεινώσεως καὶ συντριβῆς καρδίας ἀμετεωρίστως σύντροφον καὶ ὁδοιπόρον τῆς οὐρανῶν βασιλείας ἀπαγούσης ὁδοῦ κτησάμενοι, οἱ τὴν ἰδίαν κοίτην ἀμείωτον ἑαυτοῖς καὶ Θεῷ φυλάξαντες καὶ παντός εἶδους βλαβεροῦ καὶ παθῶν ψυχοφθόρων ἀμέτοχοι γεγονότες. Τούτων οὖν εἰσεληλυθότων ἔνδον τῆς πολυεράστου καὶ μακαρίας πόλεως ἐκείνης, καὶ ὁ ἐπὶ τῆ τούτων εἰσὶ (f. 241 v.) δὲ καὶ καταπαύσει αἶνος ὑπὸ τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων καὶ πάντων τῶν ἐκεῖσε ὄντων ἀγίων τῶ προαιωνίῳ Λόγῳ καὶ ποιητῇ τῶν αἰῶνων θαυμαστῶς ἀνεπέμπετο.

Ἐπι τούτων οὕτως ἐχόντων, ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγὴ πᾶν ὀλιγωστή, τῆ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου καὶ μεγάλου κριτοῦ κελεύσει πλησίον αὐτοῦ ἐπὶ τὴν φρικωδεστάτην πύλην τῆς πόλεως ἐκείνης αἰθεροποροῦσα παρεγένετο· καὶ οἱ ἐν ταύτῃ πάντες ἄνθρωποι ἐντιμοὶ καὶ ὠραῖοι σφόδρα ἐτύγχανον, ὠραιζόμενοι καὶ ὅλον ἀλλήλοις προσμειδιῶντες καὶ ἐπιτερπόμενοι ἐπὶ τῇ οὐκείᾳ αὐτῶν ὠραιότητι· ὧν τὰ πρόσωπα ἀγλήην ἀστραπῆς περιήγαζον ῥόδων ἐρυθρότητι καὶ λευκότητι ἐρυθραίνόμενά τε ὁμοῦ καὶ λευκαίνόμενα· οἱ δὲ χιτῶνες λευκοὶ ὡσεὶ χιών, ἀγλήην θαυμασίαν φωτόμορφον ἀναπέμποντες, ἠλειμμένοι τὰς πλευράς ὡσεὶ κρίνου ἡδυπνοῦ εὐχροίαν· ἐν δὲ ταῖς κορυφαῖς αὐτῶν στέφανοι ἀμαράντινοι ἐκ μυριπνῶν ἀνθέων ἀλλὰ καὶ κρίνων (f. 242 r.) συντεθειμένοι ἐπέκειντο· καὶ θαυμαστή τις ἦν συμφορὰ ἐν μέσῳ αὐτῶν. Καὶ οὗτοι ὡς ἀγγελοὶ Θεοῦ ὑπῆρχον περιζωσμένοι τὰς ὀσφίας ἀστραπὴν καὶ ἐν ταῖς αὐτῶν ποσὶν ὑποδεδυμένοι κοκκινοβαφῆ ὠραιότητα, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν ἦν ἐξάισιον φῶς ἡλίου δίκην ἀπαυγάζον. Ὅτινες, ὡς ἔφην, εἰς τὴν ἀξιάγαστον καὶ ἀξιάκουστον πόλιν

ἐκείνην ἐν δόξῃ μεγίστῃ ὠραιζόμενοι πλησιάσαντες, προσεκύνησαν τῷ αἰωνίῳ καὶ ἀθανάτῳ κριτῇ· ὁ δὲ ἐντίμως καὶ προσηνῶς τούτους ὑποδεξάμενος, εὐθέως κατένευσεν εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἔνδον τῆς περιφανεσοτάτης ἐκείνης πόλεως. Οἵτινες ἦσαν οἱ ἐν συζυγίαις καθαραῖς ἀμιάντους μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν τὰς ἑαυτῶν κοίτας διατηρήσαντες, οἱ τὸ ἀγαθὸν καὶ εὐδύ ἐνώπιον Κυρίου ἐργασάμενοι, οἱ ἐλεημοσύνας εἰς τοὺς ἐνδοεῖς καὶ πένητας καὶ εὐποίας προθύμως καὶ ἀνευδότης κατεργασμένοι, οἱ ἐν ταῖς ἐκκλησίαις σχολάζοντες καὶ τῷ ἐν Τριάδι (f. 242 v.) Θεῷ εὐσεβῶς καὶ ὀρθοδόξως λατρεύσαντες, ὡς αὐτοῖς δέδωκε κατὰ τὴν καρδίαν καὶ κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν κληρονόμους γενέσθαι τῆς αἰωνίου ζωῆς. Ἐγὼ δὲ ἔφην πρὸς τὸν ὀδηγοῦντά με δεῖον ἐκείνον καὶ ὠραιόμορφον νεανίαν, λέγων· Κύριέ μου, τολμηρῶς ἐρωτῶ σε, σὺ δέ μοι ἀποκρίθητι καὶ τὰ ἀληθῆ μοι σαφήνισον. Ὁ δὲ ἔφη πρὸς με· Λέγε, ὡς θέλεις, κἀγὼ σοι ἀποκρινοῦμαι. Καὶ λέγω πρὸς αὐτὸν μετὰ πολλοῦ δέους· Ἄρα καὶ ἐν ταύτῃ τῇ μακαριωτάτῃ ζωῇ καὶ ἐν τῷ ἀπεράντῳ τούτῳ αἰῶνι ἡ γυνὴ τὸν ἴδιον ἄνδρα κέκτηται καὶ ὁ ἀνὴρ τὴν ἰδίαν γυναῖκα ἔξει ὥσπερ ἐν τῷ κόσμῳ οἱ καθαρῶς καὶ ἀρρυπάρως ἐν φόβῳ Θεοῦ διαζήσαντες καὶ τὰς ἐντολάς Κυρίου ἀπαρাত্রώτους φυλάξαντες, ἢ οὐ; Ὁ δὲ φησὶ πρὸς με· Οὐκ ἔστιν ἐνταῦθα, ἀδελφέ, ἐπιθυμία καὶ ἡδονὴ τοῦ ματαίου κόσμου ἐκείνου, οὐκ ἔστιν οὐδαμῶς, πρὸς γὰρ ἀφθαρσίαν τῆς κτίσεως ὑπὸ Θεοῦ μεταχωρησάσης οὐκέτι τοιοῦτόν τι βιωτικόν οἱ ἀφθαρτισθέντες ἄνθρωποι μετέρχονται, ἢ ὅλως σαρκικοῦ τινός ἐπιδέονται ἢ μέχρις ἐνδυμήσεως (f. 243 r.) οἰασθήτινος τοῦ κόσμου ἐκείνου ἡδονῆς ὑπεισέρχονται, ἀλλὰ πάντες κατὰ τὸν τοῦ Κυρίου λόγον ὡς ἄγγελοι Θεοῦ εἰσὶ καὶ βίον ζῶσιν ἀγγελικόν, αἰνοῦντες καὶ ὑμνοῦντες σὺν ἡμῖν τὸν ἐν Τριάδι Θεόν. Τούτων σὺν οὕτως εἰρημένων παρὰ τοῦ θείου ἐκείνου νεανίσκου πρὸς με κάκεινων τε εἰσεληλυθότων εἰς τὴν ἁγίαν πόλιν ἐν μεγίστῃ χαρᾷ καὶ ἀγαλλιάσει καὶ τῶν ὑποδεξαμένων αὐτοὺς ἔνδον ταύτης ἐξαισιῶν ταχυμάτων αἰνούντων τὸν Κύριον ἀκαταπαύστῳ φωνῇ, ἰδοὺ ὁ τίμιος τοῦ Κυρίου σταυρὸς ἤρθη ἀπὸ τοῦ τόπου οὐ ἴστατο τῆς ἐτοιμασίας διὰ νεφέλης θείας ἐπὶ τοῦ αἰθέρος φερόμενος, ἀστραπᾶς ἐκπέμπων καὶ μαρμαρυγᾶς ἀκτίνων πυρσοφαῶν καὶ ἐλθῶν ἔσθη ἐπάνω τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης καὶ σεβασμίας πόλεως ὅλος

ώραισμένος και δεδοξασμένος κατέναντι τῆς φρικωδεστάτης πύλης ἐν ἧ ὁ Κύριος Ἰστατο, καλῶν κατ' ὄνομα τοὺς ἁγίους αὐτοῦ θεράποντας, οἱα ποιμὴν τὰ ἴδια πρόβατα, και εἰσάγων αὐτοὺς εἰς τὴν αὐλήν τῆς αἰωνίου αὐτοῦ ζωῆς· ὅπου γὰρ τὰ πρόβατα, φησὶν ἡ θεία γραφή, ἐκεῖ (f. 243 v.)σται και ὁ ποιμὴν.

Ἦδη γὰρ ἐκλελοίπασι πάντες οἱ ἐκ δεξιῶν τοῦ Κυρίου Ἰστάμενοι καταπαύσαντες ἕκαστος εἰς τὰς ἐτοιμασθείσας αὐτοῖς θείας μονάς παρὰ τοῦ δικαίου κριτοῦ, και ἰδοὺ κατελείφθη τὸ πλῆθος που ἁμαρτωλῶν τὸ ἐξ εὐωνύμων ἰστάμενον κατέναντι τοῦ προσώπων αὐτοῦ. Τοιοῦτον δὲ ὑπῆρχε τὸ πλῆθος αὐτῶν, ὡς τὰ ἄστρα τοῦ οὐρανοῦ και ὡς ἡ ἄμμος ἢ παρὰ τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης και ὡς αὐτὸς ὁ χοῦς τῆς γῆς· οἵτινες ἦσαν οἱ ἀπὸ Ἀδάμ τοῦ πρωτοπλάστου μέχρι τῆς δευτέρας ἐνδοξου παρουσίας τοῦ Κυρίου και Θεοῦ και Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐκ πασῶν τῶν ἐθνῶν και φυλῶν και γλωσσῶν και λαῶν γεγεννημένοι, οἱ πρὸ τοῦ νόμου, φημί, και μετὰ τὸν νόμον και οἱ μετὰ τὴν χάριν ἦτοι τὴν καινὴν διαθήκην, και ἀπαξιαπλῶς οἱ ἐκ πάσης θρησκείας και αἵρέσεως ἁμαρτήσαντες και μὴ μετανοήσαντες, και τῶν πονηρῶν και βεβήλων ἔργων και πράξεων (και) μὴ μεταστάντες και διὰ μετανοίας και ἐξομολογήσεως και εὐποιίας πενήτων τὸν Θεὸν μὴ ἐξιλέωσαντες, ἀλλ' ἐν αἷς κατείχοντο (f. 244 r.)καστος ἁμαρτίας και ἔργοις θεομισήτοις και βεβήλοις αἵρέσεσι και λατρείαις ὑπεξῆλθον τὸν βίον· οὗτοι πάντες ὑπεύθυνοι ἐν τῇ εὐωνύμῳ μερίδι και παραστάσει εἰσθήκεισαν γυμνοὶ και κατὰκριτοι, και μάλιστα οἱ μετὰ τὴν χάριν μὴ δεξάμενοι ταύτην και προσδραμεῖν ἐθελήσαντες τῷ φωτὶ ταύτης και διὰ τῆς τοῦ θείου βαπτίσματος ἐλλάμψεως τὰς ψυχὰς τε και σώματα καταγαυσθῆναι ἀποστάντες τῆς προτέρας αὐτῶν θρησκείας τε και αἵρέσεως και λατρείας και πάσης ἀκαθάρτου πράξεως. Πρὸς τούτοις και πάντες οἱ ἐν τῷ θείῳ βαπτίσματι μὲν προσελθόντες και χριστιανοὶ ὄνομασθέντες, τὰς δὲ θείας τοῦ Χριστοῦ και σωτηριώδεις ἐντολάς παρωσάμενοι και πᾶσαν παρανομίαν και ἀκαθαρσίαν και αἰσχιστον και θεοσυγῆ ἔργασίαν ποθήσαντες και δι' αὐτῶν τὸν Θεὸν παροργίσαντες και τὸν Σατᾶν ἀποθεραπεύσαντες και τούτῳ προσκοληθέντες, και μηδὲ κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν μηδὲ ἐν

τῇ ἐσχάτῃ αὐτῶν ἀναπνοῇ τούτων τῶν βεβήλων καὶ θεοσυγῶν (f. 244 v.) πράξεων ἀποστάντες, οἷον τί λέγω; φόνου, πορνείας, μοιχείας, αἰμομιξίας, ἀρσενικοιτίας, φθόνου, μίσους. Καὶ ἕνα μὴ τὸ καθ' ἐν ἀκαθάρτον φθοροποιὸν πάθος κατ' ὄνομα λέγω καὶ τὸν λογὸν μηκύνω καὶ αὐτὸν τὸν ἀέρα μολύνω τοῖς λόγοις, εὐθύ τι καὶ σύντομον ἐρῶ· πάσης ἀθέσμου καὶ παρανόμου ἐργασίας. Οὗτοι πάντες παρεστήκεισαν κριθησόμενοι, οἱ μὲν, ὡς ὁ ὀδηγῶν με εἰς πᾶσαν τούτων θεωρίαν θεοειδῆς ἐκεῖνος νεανίας ἀρδηλοτατα διεσάφησεν, ὅτι οὐκ ἔγνωσαν τὸν τούτους ποιήσαντα, ἀλλ' ἐν ἀφύχους στοιχείοις καὶ ἀκαθάρτοις ἐρπετοῖς καὶ κνωδαλοῖς καὶ λίδοις τὴν τῆς σωτηρίας αὐτῶν ἐλπίδα ἀνέθεντο, οἱ δὲ ὡς τῶν προφητῶν μὴ θελήσαντες ἐπακοῦσαι διαρρήδη κηρυττόντων τὴν ἐνδοξὸν κατὰ σάρκα πρώτην παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἐπιστρέψαι καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτὸν καὶ τούτων τοῖς ἔχεισι καὶ διδάγμασιν ἐπακολουθῆσαι καὶ τῷ θεογράφῳ νόμῳ προσκολληθῆναι (f. 245 r.), ἀλλ' εἰδώλοισι καὶ δαίμοσι λατρεύσαντες καὶ τούτοις προσκολληθέντες· οἱ δὲ, ὅτι καὶ μετὰ τὴν ἐνσαρκὸν παρουσίαν καὶ θεοφάνειαν αὐτοῦ τούτο οὐκ ἐπίστευσαν, οὐδὲ ἐδέξαντο αὐτὸν, ἀλλὰ καὶ τέλειον μῖσος ἐμίσησαν αὐτὸν, οἱ καὶ ἰσταύρωσαν αὐτὸν ἀδίκῳ θανάτῳ παραδόντες αὐτὸν, καὶ μέχρι τῆς σήμερον μῶμοις καὶ ὕβρεισι καὶ χλευασμοῖς βάλλοντες αὐτὸν οὐ διέλιπον· οἱ δὲ γε πρὸς τούτοις ὅτι καὶ τοῦτον δεξάμενοι καὶ τῷ ἁγίῳ αὐτοῦ βαπτισματι τελειωθέντες καὶ τὴν χάριν τοῦ ἁγίου Πνεύματος λαβόντες καὶ χριστιανοὶ κληθέντες καὶ ὀνομασθέντες καὶ τὰς τούτου θείας, ὡς εἶρηται, καὶ σωτηριώδεις ἐντολάς βδελυξάμενοι καὶ τελείως μισήσαντες καὶ ταῖς τούτων ἐπιθυμίαις καὶ ἡδοναῖς ματαίοις καὶ ἔργοις θεομισήτοις καὶ παρανόμοις πράξεσι προθύμως καὶ σπουδαίως ἕως τέλους ζωῆς αὐτῶν δουλεύσαντες, καὶ μελλούσης κρίσεως καὶ κολάσεως καὶ ἀνταποδόσεως ἀξίας τῶν βεβιωμένων καὶ βασιλείας (f. 245 v.) οὐρανῶν μὴ μνησθέντες πώποτε καὶ ἐπιστρέψαντες διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως τὸν κριτὴν ἐξλιέωσαντες, ἀλλὰ μᾶλλον καὶ ὅπερ ἐνεδύθησαν ὑπὸ τοῦ θείου βαπτίσματος φωτεινὸς καὶ ὡς ἀληθῶς σωτήριον ἱμάτιον, ἔργοις ἀκαθάρτοις μολύναντες καὶ ρυπώσαντες, λέγοντες ἐν ἑαυτοῖς· σήμερον τοῖς θελήμασιν ἡμῶν ἐπακολουθήσομεν, καὶ αὔριον τῷ Θεῷ

δουλεύσομεν. ἐπ' ἀδήλοις δὲ φενακισθέντες και καταγηράσαντες ἐν ταῖς ἀμαρτίαις και ἡδοναῖς αὐτῶν και ἐξαίφνης ἀρπαγέντες ὑπὸ τοῦ θανάτου και πρὸς ἄδου πέταυρον ἀμετανοήτως καταχθέντες. οὗτοι πάντες και πᾶσαι παρεστήκεισαν κριθησόμενοι ἀνέτοιμοι και καταησχυμμένοι, ρυπαροί, αἰδεῖς, δυσειδεῖς, σκοτεινοί, δυσώδεις, βεβορβορωμένοι, ἐλεεινοὶ παντελῶς και ἀναπολόγητοι, προσδοκῶντες ἕκαστος ἐλεγχόμενος ὑπὸ τῆς ἰδίας συνειδήσεως ἀπελεύσεσθαι εἰς τὴν ἀπέναντι τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν κυμαινομένην ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυ(f 246 γ.)ρός.

Τούτων οὕτως ἐχόντων και τοῦ θαυμαστοῦ ἐκείνου και ὠραίου νεανίσκου πρὸς με διαλεγόμενου και σαφηνίζοντός μοι ταῦτα, ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐπὶ τὰ εὐώνυμα αὐτοῦ και ἐπὶ τοὺς ἐκείσε παρεστῶτας πάντας ἀμαρτωλοὺς τῆς γῆς, οἵτινες ὑπῆρχον, ὡς ἔφημεν, ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς και τὴν ψάμμον τῆς θαλάσσης, και ἰδοὺ τὸ πανάχραντον και ἅγιον αὐτοῦ Πνεῦμα παροξυσμῶ και ὄργῃ δικαία ὀργίσθη και ἰδυμῶθη ἐπ' αὐτοὺς τοὺς και ἀπηλλοτριωμένους ἐκ μήτρας, και ὄρων κατὰ πρόσωπον τὰς αὐτῶν ἀμαρτίας ἔτι πλέον ἰδυμοῦτο και παρωξύνετο σφοδρᾶ· πᾶσα γὰρ ἀνομία και ἀκαθαρσία, ἣν εἰργάσατο ἕκαστος ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ τούτῳ, ἣν γεγραμμένη πρό προσώπου αὐτῶν και αἰδεῖς αὐτοὺς και ἠσβολομένους εἰδείκνυεν. Αἰφνης οὖν ὠράθη ἐν τῇ δεξιᾷ Κυρίου ράβδος πύργος, ἣν ὠθήσας ἔρριψεν αὐτὸν πάντων κατὰ πρόσωπον τῶν υἱῶν τῆς ἀνομίας και ἀπολείας ἐν μέσῳ· και γέγονε χωρισ(f. 246 ν.)μός και ἀφορισμός ἀναμέσον τούτων, και ἔστησαν ἐν μέρει και μέρει πᾶσα συναγωγή και φυλὴ και γλῶσσα και λαὸς αὐτῶν, και πᾶσα πίστις και δοξα και ἀρεσις και λατρεία τε και θρησκεία κατὰ μέρος και μέρος. Καὶ ἰδοὺ ἔστησαν μέρος οἱ ἀπὸ Ἀδάμ μέχρι τοῦ κατακλισμοῦ πάντες ἀμαρτωλοὶ, και μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Νῶε μέχρι Μωϋσέως, και μέρος ἀπὸ Μωϋσέως μέχρι τῆς ἐνσάρκου ἐπιφανείας και παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, και μέρος οἱ ἀπὸ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ κατὰ σάρκα γεννήσεως και παρουσίας μέχρι τῆς συντελείας τοῦ αἰῶνος· Καὶ ἐπέβλεψεν ὁ Κύριος ἐν ὄργῃ αὐτοῦ πρὸς αὐτοὺς, και εὐθέως παρεγένετο ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς νεφέλη, ἐν ἣ ἦσαν οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός, και ἤρπασαν πάντες τοὺς ἀπὸ Ἀδάμ

και μέχρι τῆς παραδόσεως τοῦ νόμου Μωυσέως ἀσεβεις και ἁμαρτωλοὺς και ἠχόντισαν αὐτοὺς ἐπὶ τῷ ῥοίῳ τοῦ φοβεροῦ ἐκείνου βρέμοντος και καχλαίζοντος πυρός τῆς θαλάσσης· οἳτινες ἠγάλαξαν πικρῶς και ὀδυνηρῶς πον(φ. 247 γ.)τούμενοι, τὸ οὐαὶ και οὐαί· θρηῆνός τε και κωκυτός μέγα δεινῶς ἐξηκούετο παρ' αὐτῶν ἐν τῇ ἀσβέστῃ ἐκείνῃ φλογί.

Και μετὰ ταῦτα διεχωρίσθησαν εἰς μέρος ὅσοι χριστιανοὶ μὲν ἐχρημάτιζον, ἐν δὲ τῷ καιρῷ τοῦ διωγμοῦ ἐπὶ τῶν διωκτῶν ἀρνησάμενοι τὸ θεῖον και σεβάσιμον ὄνομα τοῦ Χριστοῦ και τοῖς εἰδώλοις λατρεύσαντες, και παρέστησαν τῷ δικαίῳ κριτῇ· οἳτινες ἦσαν κατηρειωμένοι, ἐλεεινοὶ και δύσκρατοι και βδελυκτοὶ και μεμνημένοι ἐν τῷ ὁρᾶσθαι αὐτοὺς, και οὐκ ἦν εἰκασμός τῆς ἀσχημοσύνης αὐτῶν. Και ἀπεφῆνατο ὁ βασιλεὺς κατ' αὐτῶν· και ἰδοὺ ἄγγελαι πύρνοι ἐν τάχει κατήρσαν ἐπ' αὐτοὺς και τῶν τριχῶν τούτους δραξάμενοι ἐν τῷ μέσῳ ἠχόντισαν τῆς ἀσβέστου θαλάσσης ἐκείνης τοῦ πυρός· οἳτινες φρικτὰς ἤφισυν φωνὰς ὀδυνηρῶς ἀλαλάζοντες τὸ Ἐλέησον ἡμᾶς, Ὡς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος.

Και μετὰ τούτους, ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ ὑπὸ τῆς ῥάβδου διεστάλη, και αὐτὴ αἵματι ἀπίρῳ πεφοιτημένη και πᾶν ἠρειωμένη (φ. 247 ν.) ἐτύγχανεν· ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ἀπ' αἰῶνος φονεῖς και λησταὶ και πάντες ὅσοι τινὰς ὁμοφύλους τε και ὁμοφυεῖς ἐν γῆ τε και ἐν θαλάσῃ καθ' οἰονδήτινα τρόπον ἀδίκως ἐθανάτωσαν. Και ἀπεφῆνατο ὁ Κύριος κατ' αὐτῶν, και ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι και αὐτομάτως ἤραν αὐτοὺς και κατεπόντισαν ἐπὶ τοῦ καχλαίζοντος και βρύθοντος ἐκείνου πυρός τῆς θαλάσσης· ὁ δὲ κλαυθμὸς και ὀλολυγμὸς αὐτῶν και αἱ βοαὶ ἀνήρχοντο μέχρι τῶν ἀψίδων τοῦ οὐρανοῦ πικρῶς ὀδυρομένων και λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ μονογενὴς Υἱὸς και Λόγος τοῦ Θεοῦ· και οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν και ἐξαιρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἀνάγκης.

Και μετὰ τούτους διεχώρισεν Κύριος ὁ Θεὸς ἀπὸ τῶν κατακρίτων τῆς εὐνύμμου μερίδος, και ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγὴ λαοῦ, και οὗτοι ἔστησαν ἰδιαζόντως ἐν αἰσχύνῃ μεγάλῃ και δάκρυσιν ἀφορήτῃς τὸ ἔδαφος τῆς γῆς καταβρέχοντες, διότι ἀκάθαρτοι και μιαιοὶ ὑπῆρχον σφόδρα και βέβηλοι· οὗτοι γὰρ ἦσαν μοιχοὶ και μοιχαλίδες, οἱ τὰς

ἐτέ(ῃ. 248 γ.)ρων κοίτας μολύναντες και ἐπὶ τῇ ἀθέσμῳ αἰμομιξία ὡς κύνες βνηλάται βαδίσαντες και τὰς ἑαυτῶν ψυχὰς και τὰ σώματα καταμιάναντες· οἵτινες ἐφριττον και ἔτρεμον ἀπὸ προσώπου Κυρίου αἰσχυρόμενοι ὀρώντες τὴν ἑαυτῶν ἀκαθαρσίαν και δυσδαίμονα μορφὴν. Οὗς ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτῆς και τούτους σφόδρα βδελυξάμενος ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν· και ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῆς δικαιοκρισίας ἀγγελιοὶ πύρινοι παραλαβόντες αὐτοὺς, ἀφειδῶς πυρίνοις ῥοπαλῖσι τύπτοντες αὐτοὺς, ἐνέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν ἐκείνην τοῦ πυρός τὴν παφλάζουσαν. Και ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτοὺς ἑλεεινὸν θέαμα και φρικτὸν· ἐμβληθέντες γὰρ ἐν τῷ αἰωνίῳ ἐκείνῳ πυρὶ και ἐν πείρᾳ γενόμενοι τῆς ἀθανάτου ἐκείνης πυρκαϊᾶς ἐτρύζον τοὺς ὀδόντας και γοερῶς ἐβρύχοντο, και ὁ βρυχηθμὸς τούτων και αἱ βοαὶ ἀνέβαινον μέχρι τοῦ οὐρανοῦ. Οἵτινες γοερῶς ἐβῶν· Ἐλέησον και φείσῃαι ἡμῶν, Κύριε, ὅτι ἕτερον ἐκτός σου Θεὸν οὐκ οἴδαμεν, οὐδὲ χειρας (ῃ. 248 ν.) ἡμῶν διεπετάσαμεν πρὸς Κύριον ἀλλότριον, οὐδὲ προσεκυνήσαμεν Θεῷ ἀλλοτρίῳ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων και ἑλεῶν αὐτοὺς, διότι ἐκαύθη ὁ δίκαιος θυμὸς τοῦ κριτοῦ ἐπὶ τὸ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, ὡς μὴ βουληθέντας μετανοῆσαι και ἐπιστρέψαι ἀπὸ τῶν ἀκαθάρτων αὐτῶν ἔργων πρὸς Κύριον και σωθῆναι.

Ἐπι μετ' αὐτοὺς δέειστελεν ἡ ῥάβδος Κυρίου ἀπὸ τοῦ ἐπαράτου κλήρου τῶν εὐωνύμων, και ἰδοὺ ἕτερα συναγωγὴ λαοῦ, και αὕτη ἦν πονηρὰ και ἁμαρτωλὸς σφόδρα, ὧν τὰ πρόσωπα ἦσαν ὡς αὐτοῦ τοῦ Σατανᾶ ἠσβολωμένα και καταπεφυρμένα· και διεχεῖτο ἐπ' αὐτὰ ἰὸς δυσώδης και χαλεπὸς τοῦ ἐχώρος τῆς βδελυρίας αὐτῶν, ὡς ἐκ βορβόρου ἐπιπορευόμενος· τὰ δὲ σώματα αὐτῶν ὡσπερ χόιρου ἦσαν ἄρτι ἐκ βορβόρου και κόπρου ἐγηγερμένον, και αὐτοὶ ἑαυτοὺς ἐβδελύσσοντο και ἐμίσζον, ἐπειδὴ πρὸ προσώπου αὐτῶν ὑπῆρχεν ἡ βέβηλος και ἀθεσμος αὐτῶν αἰσχροσουργία και πράξις, και κατενώπιον αὐτῶν ἦν ἡ ἁμαρτία αὐτῶν. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἀρσενοκοῖται και παι(ῃ. 249 γ.)δοφθοροὶ και αἰμομίχται, οἱ τὴν παρά φύσιν μίξιν ἐπὶ τῆς γῆς ἐργασάμενοι, λέγω δὴ οἱ ἄρρενες ἐν ἀρσεσι αἰσχημοσύνην ἐνδειξάμενοι· διὸ και ἐβδελύξατο αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεὸς σφόδρα. Και ἰδοὺ λεγεῶν ἀγγέλων τῶν ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμένων, και ἐπένευσεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος χάλαζαν και ὡσεὶ πλείστην βροχὴν

ἰατοῦ ἐν καιρῷ τοῦ χειμῶνος, οἵτινες ἐπιθέντες ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ὡσεὶ μύλους σιδηροῦς ροιζηδὸν ἀρπάσαντες αὐτοὺς ἐπὶ τῆς θαλάσσης τοῦ παμφάγου πυρὸς ἀπηκόντισαν, ἔνθα ὁ σκῶληξ ὁ ἀκρίμματος μυρμηδὸν ἀνεβράζετο καὶ ἀνεδίδοτο· καὶ ἐν τῷ ἀψασθαι αὐτῶν τὸ πῦρ ἐκεῖνο τὸ φοβερόν καὶ οἱ ὀφιοειδεῖς σκῶληκες, βοαὶ φρικταὶ καὶ κωκυτοὶ μέγιστοι ἐκ μέσου αὐτῶν ἐξηκούοντο, ὄδυρμός τε πολὺς καὶ πικρὸς σφόδρα ἐξηχεῖτο ἐπὶ τὸ πρόσωπον τῆς ὑπ' οὐρανόν. Μονον γὰρ ἠνωτικόμεθα ὑποδυρομένων αὐτῶν καὶ λεγόντων· Οὐαὶ καὶ πικρῶς φεῦ. Ταύτης οὖν τῆς ὀδυνηρᾶς καὶ μεγάλης ἀνάγκης καὶ φρικωδεστάτης βοῆς ἐξακουομένης (f. 249 v.) εἰς τὸ πρόσωπον πάσης τῆς γῆς, θρῆνος καὶ ὄδυρμός ἦν πολὺς σφόδρα καὶ πικρὸς ἐπὶ πᾶσι τοῖς ἐξ εὐωνύμων, καὶ συνετρίβοντο τὰ ὀστᾶ τύπτοντες τὰ πρόσωπα αὐτῶν ταῖς ἰδίαις χερσὶ καὶ διεπρίοντο τὰς καρδίας μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἤμαρτον· ἀλλ' οὐκ ἦν ὄλωσ ἐν αὐτοῖς ὄφελος, διότι ὁ τῆς μετανοίας καὶ τῶν δακρύων καιρὸς ἐκλείσθη καὶ ὁ ἐπὶ τούτοις οἶκτος ἀπεσβέσθη καὶ ἀπελήλακεν· εἰ γὰρ ὡδε ἐκλαύσαμεν, ἐκεῖθεν ἂν ἐχάρημεν· φησὶ γὰρ ὁ Κύριος· Μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν, ὅτι γελάσονται.

Ἔτι δὲ ἐστειλεν ἡ ράβδος ἀπὸ τῆς εὐωνύμου μερίδος, καὶ ἰδοὺ ἐτέρα συναγωγή ἐξ ἑκατέρας γενέσεως, τῆς τε ἄρρενος καὶ τῆς θηλείας, διακρίθεισα ἔσθη κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ, ὧν τὰ πρόσωπα ὑπῆρχον ὡς ἡ δορὰ τῆς καλουμένης σαύρας ἢ ὄφρεως κεράστου, καὶ πλῆθος σφηκῶν καὶ μυκῶν καὶ ἐτέρων ἀπειρων ἰοβολῶν ἐρπετῶν ἀκαθάρτων γένη, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς (καὶ), ἐφ' ἐνὶ ἐκάστῳ αὐτῶν ἀπηώρητο· καὶ ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν χολέ (f. 250 r.) ρα χολῆς καὶ γνοφου ὠρᾶτο, καὶ ἐν τοῖς ποσὶν αὐτῶν σκοτος καὶ ὀλισθημα· ταῦτα δὲ τύποι καὶ σαφῆς διάγνωσις τῆς ἐνδελεχούσης αὐτῶν ἀισχροουργίας ἐνηδόνου καὶ συνομιλίας καὶ συγκαταθέσεως αὐτοῖς. Καὶ εἶδε Κύριος εἰς αὐτοὺς καὶ παρωξύνθη θυμῷ καὶ ἐβδελύξατο καὶ μεμίσηκεν αὐτοὺς σφόδρα καὶ ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις· οἱ καὶ ἤρασιν ἀποτομῶς εἰς αὐτοὺς καὶ ἐπέδηκαν ἐπὶ τοῖς τραχήλοις αὐτῶν ἀλύσεις βαρείας σφόδρα καὶ ἐνέβαλον αὐτοὺς εἰς τὴν φοβεράν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρὸς. Ἐμβληθέντες οὖν ἐν τῇ τοιαύτῃ πανδεινῇ τιμωρίᾳ οἱ ἄθλιοι ἔβρυχον τοὺς ὀδόντας αὐτῶν ἐν ἰσχύϊ ἀπὸ τοῦ συνέχοντος αὐτῶν πόνου, ἐμπυριζόμενοι καὶ βιαίως στενοχωρούμενοι καὶ διαπριόμενοι

σφοδρῶς, τὸ οὐαὶ ἐπὶ οὐαὶ γοερῶς φθεγγόμενοι καὶ βαρβαρικῶς ἀλάζοντες, τὴν συνέχουσαν αὐτοῖς πικρὰν δριμύτητα καὶ ὀδύνην τοῦ πυρός ὑπέμεινον καὶ ὑπεσήμενον, θρηνοῦν(φ. 250 ν.)τες καὶ ὀλολύζοντες καὶ μεταμελούμενοι ἐφ' οἷς ἀφρόνως ἐν τῷδε τῷ βίῳ εἰργάσαντο· Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι μάγοι, ἐπαοῖδοι, φαρμακοὶ, γόητες, ἐγγαστρίμυθοι, μαλακοὶ, λεκανομάνται, νεκυομάνται, ἀστρονόμοι, οἰκοσκόποι καὶ οἱ τούτοις προσερχόμενοι ἐπ' ἀπωλείᾳ ἀνθρώπων πρὸς τὸ ἐκπληρῶσαι καὶ ἐκτελέσαι τὰ πονηρὰ καὶ αἰσχρὰ αὐτῶν θελήματα καὶ κατορθώματα· οἳτινες εὐκ ἠβουλήθησαν ἀποστρέφαι ἀπὸ τῆς τοιαύτης αὐτῶν μισαρᾶς θρησκείας καὶ πονηρᾶς ἐργασίας κἀν ἐν τῷ τέλει τῆς ζωῆς αὐτῶν, καὶ προσδραμεῖν τῇ μετανοίᾳ καὶ ἐξομολογήσει καὶ οὕτω τυχεῖν τῆς ἀφέσεως τῆς προκειμένης κολάσεως καὶ τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας ἐπιτυχεῖν, ἀλλὰ συνετελεύτησαν καθὼς συνέζησαν ταῖς αὐτῶν ἀκαθαρσίαις· καὶ διὰ τοῦτο εὔρεν αὐτοὺς τοιαῦτα κακὰ.

Μετ' αὐτοὺς οὖν διέστειλεν ἡ θεία καὶ κραταιὰ ράβδος τῆς ἰσχύος Κυρίου ἐκ τῆς εὐωνύμου συναγωγῆς πλῆθος λαοῦ πολὺ σφό(φ. 251 γ.)δρα, οἱ ἔστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· ἦν δὲ ἡ δορὰ τοῦ προσώπου αὐτῶν κτηνώδης καὶ πτύλει κτηνῶν αἱματώδεις καὶ ἀφρώδεις περιχεῖντο ἐπὶ παντός τοῦ σώματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι αἰεδαὶ σφόδρα ἐτύχχανον. Οἳτινες ἦσαν οἱ μετὰ κτηνῶν μιγέντες χριστιανοὶ, εἴτουν κτηνοβάται, οἱ μηδέποτε μετανοήσαντες ἐπὶ τῇ τοιαύτῃ ἀθέσμῳ καὶ βδελυρᾷ ἐργασίᾳ. Τούτους ἰδὼν ὁ δίκαιος κριτῆς καὶ βδελυξάμενος αὐτοὺς σφόδρα, ἐπένευσε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων φεβεροῖς ὑπηρέταις αὐτοῦ, οἳτινες μετὰ σφοδροῦ τοῦ τάχους ἦσαν αὐτοὺς ὀδυρομένους καὶ κοπτομένους πικρῶς καὶ ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν δάκρυα ἀκατάσχετα καταχέοντες καὶ τὰ πρόσωπα τύπτοντας ταῖς χερσὶ, καὶ εἰς τὴν τοῦ πυρός θάλασσαν κατεκρήμνισαν· οἱ δὲ κατακαϊόμενοι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ἐκείνῃ δεινῶς ἐπωδύροντο λέγοντες· Οὐαὶ, οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι δεινῶς κατεκαϊόμεθα κατακαϊόμενοι· (φ. 251 ν.) ἀλλ' οὐδαὶς ὁ εἰσακούων καὶ ἐλεῶν αὐτοὺς ἢ σπλάγχνα οἰκτιρμῶν ὑπανοίγων αὐτοῖς. Ἀλλὰ ἀνηλεῶς οὕτως ἐν τῷ φρακτῷ ἐκείνῳ καὶ ἀσβέστῳ πυρὶ κατακαϊόμενοι οὐ διεφθείροντο ἢ ἐναπέθνησκον φλογίζομενοι· καὶ τοῦτο ἦν τὸ μείζον δεινόν, ὅτι σῶοι καὶ

ἄφθαρτοι διαμένοντες ἀκατάπαυστον καὶ ἀτελεύτητον τὴν τιμωρίαν ἐπέκτηντο.

Εἶδομεν οὖν ἔτι, καὶ ἰδοὺ πᾶσαι αἱ οὐραναῖαι δυνάμεις κατὰ ἀνατολὰς καὶ κατὰ δυσμὰς καὶ κατὰ μεσημβρίαν καὶ ἄρκτον παρείστηκεισαν φόβῳ καὶ τρόμῳ τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῆ, οὐκ ἐν τῇ καινῇ γῆ ἐκείνῃ, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ αἰθέρος, καὶ πᾶσα ἡ κτίσις οὐκ ἐχώρει αὐτούς· ὁ δὲ Κύριος ἦν ἐστῶς παρὰ τὴν φρικτὴν ἔτι ἐκείνην πύλην τῆς θαυμασίας καὶ ἀνεκδιηγήτου πόλεως ξένην καὶ φρικωδεστάτην λαμπρότητα αὐγάζων καὶ διαύγειαν ὅταν νοῦς ἀνθρώπινος ἢ γλῶσσα οὐ δύναται φθέγγεσθαι καὶ διηγῆσασθαι.

Ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε καὶ διεστείλατο ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου συναγωγῆς, καὶ ἰδοὺ λαὸς ὀλίγος (f. 252 γ.) ἐκσπασθεὶς ἐξ αὐτῆς ἔστη ἰδιάζων κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· οἵτινες ἐνεδέδυντο ἔνδυμα πονηρὸν ἐν τοῖς σκηνώμασιν αὐτῶν, καὶ ἤλοι ἀκανθώδεις ἐπὶ τοῖς ἐνδύμασιν αὐτῶν ἐπεπήγεσαν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἠφανισμένα ἀπὸ τῆς ἄγαν στυγρότητος αὐτῶν, τὸ δὲ σῶμα αὐτῶν ἅπαν ἰχώρων ἐπεπλήρωτο ἐκπέμπον δυσωδίαν ἀνέκφραστον, καὶ στρεβλοὶ οἱ πόδες αὐτῶν, θανάσιμον δὲ σημασίαν κατεῖχον ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν. Οὓς ἰδὼν ὁ Κύριος ἐν τῷ αὐτῷ ἀκαθαρσίᾳ τυγχάνοντας, ἀπώσατο αὐτούς σφόδρα ὀργισθεὶς ἐπ' αὐτοῖς καὶ ἀπεφίηνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν στυγεράν· καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἄγγελοι ἤρπασαν αὐτούς καὶ ἐπέβαλον εἰς τὴν θάλασσαν τοῦ πυρός τὴν καιομένην, σίδηρα καὶ ἀλύσεις βαρείας καὶ χαλεπὰς ἐπιθέντες ἐπὶ τοὺς αὐχένους αὐτῶν· καὶ αὐτοὶ ἐδρῆνον κλαυθμὸν ἀπαράκλητον, καὶ οὐδεὶς ἦν ὁ ἐξαιρούμενος αὐτούς τῆς τῷ αὐτῷ ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ αὐτοφονεῖ (f. 252 ν.) καὶ αὐτεπιβουλοὶ ἑαυτῶν γεγεννημένοι καὶ ἢ δι' ἀγχόνης ἢ διὰ ξίφους ἢ ἄλλως πῶς ἑαυτοὺς θανάτωσαντες καὶ τῆς παρουσίας ζωῆς ἀποστερήσαντες, ἢ ἐκουσίως ἑαυτοὺς φαρμακεύσαντες, ἢ κρημνίσαντες, ἢ εἰς λίμνας καὶ φρέατα ἐμβαλόντες καὶ τὸν ἐχθρὸν ἀποθεραπεύσαντες, τὸν δὲ κοινὸν Πατέρα καὶ Θεὸν σφόδρα λυπήσαντες. Ἐνθεν τοι καὶ παντελεῖ ἄφανισμῷ καὶ ἀπωλείᾳ παρέπεμψεν αὐτούς ὁ Κύριος.

Ἐἶτα ἐπένευσε ἐπὶ τοῖς εὐωνύμοις αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἑτέρα συναγωγή λαοῦ χωρισθεῖσα ἔστη ἰδίως κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ, καὶ πάντες οἱ ἄγιοι καὶ δίκαιοι ἀπὸ τῶν ὑψωμάτων προκίψαντες τῆς

ἀγίας πόλεως ἐώρων αὐτούς και πάντα τὰ τελούμενα ἐπ' αὐτούς· οἳτινες δίκαις ἀπετίγγουν ἐπ' αὐτοῖς ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ και ἀπαραλογίστου κριτοῦ. Τῆς δὲ ἄρτι χωρισθείσης συναγωγῆς, ὁ ὄχλος ἀπειρος ἦν ἀναριθμητος ἐπ' αὐτῇ· οἳτινες ὡσπερ αἰδιόπων χειρὰς ἠσβολωμένας ἐκέκτηντο, και ἡ ὄψις αὐτῶν ὡς κονία σποδοῦ κατακεκαυμένης, και σύντρο(φ. 253 γ.)μοι οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ῥάκει πενιχρῶ διερωγῶτι και βερυπωμένῳ, οἱ πόδες αὐτῶν δορὰς ἐρίφων ὡσανεὶ περικείμενοι· ἐν οἷς μεγάλως ἠσχύοντο ὀρῶντες ἑαυτῶν τὴν ἐλεεινὴν πενίαν και βδελυκτὴν ἀσχημοσύνην και τὸ σκότος τὸ ἐπ' αὐτοῖς· και θλίψις ἦν ἀφόρητος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν ἀνομιῶν αὐτῶν. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν τοιαύτῃ ἀηδία και ἀσχημοσύνῃ ὄντας, μεγάλως ἐβδελύξατο αὐτοὺς και παρέδωκε τούτους ταῖς βασανισταῖς ἀγγέλαις, οἳτινες ὡς λέοντες ὠρυόμενοι ἐπέπεσον ἐπ' αὐτοῖς· οἱ και τῷ ἀναστήματι φοβεροὶ τυγχάνοντες, ὡσπερ γίγαντες, χειρὰς τε αὐτῶν ἐδέσμου και πόδας ἐν ἱμάσι σιδηροπλέκτοις πεπυρακτωμένοις σφόδρα και κατέρριπτον αὐτοὺς ἐπὶ τὸν πικρὸν ὄχθον κατέναντι δυσμιῶν τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· και αὐτοὶ μεγάλως τὸ οὐαὶ διμερίζοντο γευσάμενοι τῆς πικροτάτης ὀδύνης τοῦ πυρός, και οὐχ ὑπῆρξεν ὁ ἐξαι(φ. 253 ν.)ρούμενος αὐτοὺς τῆς τοιαύτης ἐκείνης ἀνάγκης. Οὗτοι δὲ ἦσαν κλέπται, συλωταὶ, νυκτοπόροι, λαδροκάκουργοι και λησται, οἳτινες μετὰ τῆς τοιαύτης αὐτῶν ἐργασίας τὸν βίον κατέστρεψαν, μὴ φθάσαντες μετανοῆσαι και ἀποστρέψαι ἕκαστος ἀπὸ τῆς ὁδοῦ αὐτοῦ τῆς πονηρᾶς και ἐν μετανοίᾳ τὸν κριτὴν ἐξιλεώσασθαι.

Μετὰ δὲ τούτους διεχώρισεν ὁ δίκαιος κριτὴς ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ ἀπὸ τῆς τῶν ἀμαρτωλῶν μερίδος και ὀμηγύρεως ἑτέραν παρεμβολὴν, ἧτις ἐληλυθυῖα ἔσθη ἐξ ἐναντίας αὐτοῦ· και αὕτη ἦν κατησχυμένη εἰς τέλος, και ἀπὸ στόματος αὐτῶν ἐσμὸς σκωλήκων ἐξήρχετο και δυσωδία ἄρατος, και ὄζεις εἰλίττοντο ἐρ' ἐνὸς ἐκάστου τράχηλον ἕως τῆς κορυφῆς, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν φορβιάς ἦτοι κοράκους κατέχοντες· ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ὑπῆρχεν ὡς ἰστός ἀράχνης καπνῶ ζοφώδει ἀμαυρώμενος, και τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἐμίγλη ἑσπαργανωμένα. Καὶ ἰδὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο και ἐ(φ. 254 γ.)βαρύνθη λίαν θυμῶδεις ἐπὶ τῇ ἀηδία και ἀσχημοσύνῃ αὐτῶν· ἦσαν γὰρ οὗτοι

ψευδοί και ψευδομάρτυρες, βαρείς επίορκοι και ὀρκομόται, ὀφτινες ἐβλαψαν οὐκ ὀλίγους και ἐθανάτωσαν αὐτούς, μὴ ἔχοντες τὸν τῶν ἐκδικήσεων Κύριον λέγοντες, και οὕτω τὸν βίον ἑαυτῶν διετέλεσαν μὴ μετανοήσαντες. Καὶ ὁ Κύριος ἦν φορῶν στολήν ἐκδικήσεως και πρὸ προσώπου αὐτοῦ φιάλαι πεπληρωμέναι θυμοῦ δικαιοκρίσιας, και οἱ οἰκτιρμοὶ αὐτῶν ἀπεστραμμένοι ὀπισθεν αὐτοῦ ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ. Καὶ παρέδωκεν αὐτούς τοῖς ἑτασταῖς ἀγγέλοις, και αὐτοὶ ἐδίδουν θρήνους και οἰμωγὰς ἀπαύστως βοῶντες και λέγοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ Υἱὲ τοῦ Θεοῦ, οἰκτείρησον ἡμᾶς, αἰώνιε βασιλεῦ· ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν και οἰκτεῖρων αὐτούς. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἐπὶ τῶν κολάσεων ἀγγελοὶ, ὡς ἀπότομοὶ τινες και ἀσπλαγχοὶ, ὡς ἀνελεήμονες και δεινοὶ, ἐπ' αὐτὸ τοῦτο παρὰ τοῦ πάντων κριτοῦ και δημιουργοῦ τεταγμένοι, και ἐπέβαλον (f. 254 v.) ἐπ' αὐτούς τὰς χεῖρας αὐτῶν και ἔσυρον αὐτούς ἐκ τῶν τριχῶν ἀποτόμως και ἀνηλεῶς, τύπτοντες αὐτούς ἰσχυρῶς ταῖς πυρίνοις λόγχαις και ράβδοις αὐτῶν, και ἐνέβαλλον αὐτούς εἰς τὴν φοβερὰν ἐκείνην τοῦ πυρὸς θάλασσαν· ὀφτινες φωνὰς ἠφίουν γοεράς ἀναγομένας τῇ βοῇ μέχρι και αὐτῶν τῶν ἀβύσσων τοῦ οὐρανοῦ. Καὶ νύξ οὐκ ἦν και παρῆν ἑσπέρα και πρωὶ οὐκ ἐχρημάτιζεν τῷ κόσμῳ ἐκεῖνῳ, ἀλλὰ διὰ παντὸς φῶς ἦν ἀνεκλάλητον και ἡμέρα τὸ πᾶν, ὕπνος τε οὐ παρῆν τοῖς ὀφθαλμοῖς ἐν τῷ καθεύδειν, οὔτε κόπος τῷ σώματι ἐν τῷ διοδεύειν, οὔτε πόνος τοῖς ποσίν ἐν τῷ ἰστασθαι, πέννα ἢ δίψα οὐκ ἦν ἐκεῖσε, νόσος, λύπη και στεναγμὸς οὐδὲ οὐδὲ ἐγνωρίζετο τοῖς οὐσιν ἐκεῖ, ψύχος και καύσων οὐκ ἐχρημάτιζεν, ὀδύνη πᾶσα και δάκρυον ἀπέδρα πόρρω, και ἄλλα ἔτι τῶν θλιβερῶν, ἀλλὰ διὰ παντὸς ὥρατο ἥλιος ἀμετακινήτως φαίνων και διαμένων ἐπὶ τῆς οἰκειᾶς φανότητος και λαμπρότητος ἀναλλοιώτως· τὸ οὐράνιον πρόσωπον (f. 255 r.) αἰεὶ ἀγέφελον ὥρατο και παμφαῖς, ὁ ἀήρ ὡς ἀστραπὴ διαλάμπων αἰεὶ μεγίστην τέρψιν τοῖς πᾶσιν ἐδίδου· ἐκεῖ φῶς τοῖς δικαίοις διηνεκὲς και ἀνεκλάλητον, ἐκεῖ χαρὰ αἰδῶς και ἀγαλλίασις ἀρρητος, ἐκεῖ εὐφροσύνη ἀπέραντος και ἀγαθῶν αἰώνιων ἀπόλαυσις, ἐκεῖ ᾠδαὶ και ὕμνοι εὐχαριστήρια εἰς Θεὸν ἀκατάπαυστοι ὑπὸ πάντων τῶν μὴ ἐμβληθέντων δηλονότι εἰς τὴν ἀκοίμητον ἐκείνην και παφλάζουσιν κάμινον τοῦ πυρὸς ἀνεπέμποντο· ἐν γὰρ τοῖς ἐκεῖσε ἐμβληθεῖσιν οὐκ ἔστιν ὄλωσ εὐρεῖν

ἀνάπαυσιν, ἀλλὰ θρήνος ἐν τούτοις καὶ κοπετός καὶ οὐαί ἐστὶν ἀκατάπαυστον, ἐν τούτοις λύπη καὶ ὀδύνη αἰώνιος, ἐν τούτοις δάκρυα ἀπαρακλήτα, στεναγμοὶ καὶ κωκυτοὶ συνεχεῖς· καὶ ἵνα συνελὼν εἴπω, ἐκείνους εὖροσαν θλίψεις καὶ ὀδύνη καὶ στεναγμοὶ κατὰ τὸ εἶκός.

Ἐπι τούτων οὕτως ἐχόντων, διεχώρησε Κύριος ἀπὸ τῆς τῶν ἀμαρτωλῶν μερίδος ἐτέραν συναγωγὴν ῥάβδῳ δυνάμεως αὐτοῦ· ὀρῶμεν γὰρ ῥάβδον πυρί(ῃ. 255 v.)ν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ ἦνπερ ἀπέστελλεν ἐν μέσῳ αὐτῶν, ἥτις ἐν ἰσχύϊ δυνάμεως πορευομένη διεχώριζε καὶ διεμέριζεν ἕκαστον αὐτῶν πρὸς τὸν ὁμοίотροπον αὐτοῦ καὶ διεξῆγεν αὐτούς καθ' ἑαυτούς· καὶ οὕτω συνίστα καὶ ἤγωνε τοὺς ὁμοιοτρόπους αὐτῶν καὶ τὰς συναγωγὰς αὐτῶν καὶ παρίστα αὐτούς τῷ Κυρίῳ. Καὶ ἰδοὺ αὕτη ἔστη πρὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ σκότος ζοφῶδες ἐσπαργανωμένη, ὡς τὰ πρόσωπα ἀπηγριωμένα ἐτύγχανον, οἷονεῖ τινες μεμνηότες καὶ ζῶντες καὶ ὡσανεὶ δάκνειν τοὺς ὀδόντας ἀλλήλοισι παρορμώμενοι, τὰς γλώσσας τοῦ στόματος ὡς κύνες προβαλλόμενοι καθάπερ μαχαίρας ὀξείας, καὶ ὡς πῦρ μαλθακὸν ἐξῆπτοντο οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὑποδεθέντες δὲ καὶ τοὺς πόδας ἀκανθοφυέσιν ὑποδήμασιν οἷονεῖ ἐκ δέρματος ἀκανθοχοίρων σχολόπων μεστοίς· Ἦσαν δὲ οὗτοι οἱ ὀργίλοι καὶ θυμομαχεῖς ἐν τῷδε τῷ βίῳ τυγχάνοντες, οἱ ἐχθρῶδοι, οἱ διὰ παντός μνησικαχίαν πρὸς (ῃ. 256 r.) τὸν πλησίον κρατοῦντες καὶ μὴ καταλλαττόμενοι ἀλλήλοισι, ἀλλὰ τεκταίνοντες κακὰ πρὸς ἀλλήλους, οἱ φθονεροὶ καὶ κατάλαλοι, οἱ φιλολοιδόροι καὶ φλύαροι, οἱ συκοφάνται καὶ μανικοὶ, οἱ θηριώδεις τὸν τρόπον καὶ ἀσπλαγχοὶ· καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν μεγάλη σφόδρα. Οὐς ἰδὼν ὁ Κύριος ἠγανάκτησε καὶ ἐθυμώθη τὸ πνεῦμα αὐτοῦ ἐπ' αὐτούς καὶ διετάξατο τοῖς βασιανισταῖς ἀγγέλοις ἀποσπῆσαι αὐτούς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἠτοίμασαν κάμινον τοῦ πυρός, ἐν ἣ ἐστὶν ὁ σκῶληξ ὁ ἀκοίμητος, βρύχων ἀκαταπαύστως. Ὑπῆρχον δὲ οὗτοι πάντες ἀμαυροὶ, μεμελανωμένοι τὰ πρόσωπα ὡςπερ χύτρα πολυήμερος ἀπὸ τοῦ πυρός καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐψημένων παχύτατα καὶ στεγανώτατα ἀμαυρωθεῖσα. Παραλαβόντες τοὺς ἐλεινοὺς τούτους καὶ θρήνων ἀξίους οἱ ἐπὶ τὸ κολάζειν γιγαντιαῖοι καὶ εὐμεγέθεις ἐκεῖνοι πικροὶ ἀγγελοὶ ἐτυπτον αὐτούς πυρίνοις ῥάβδοις λίαν ἀφειδῶς

και σφοδρῶς· και σύροντες αὐτοὺς ἐκτάδην ἀπὸ τῶν ποδῶν, (f. 256 v.) ἐκεῖσε τούτους ἀπέριψαν ἔνθα ὁ σκῶληξ, ὡς προεῖρηται, ὁ ἀκοίμητος και ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων και τὰ αἰῶνια βασανιστήρια, κράζοντας γοερῶς τὸ οὐαὶ και ὀλοφυρομένους βύθιον και ἀζματα ἀντὶ δακρύων ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν ἀνοήτως κενοῦντας και ἅπαν ἀνωφελῶς. εἰκὴ οὖν και μάτην τούτων αὐτοῖς γινομένων, οὐκ ἦν αὐτοὺς ὁ ἐλεῶν οὐδ' ὁ ἐξαιρούμενος τούτων τῆς χαλεπωτάτης βασάνου.

Μετὰ τούτων οὖν ἔτι πλῆθος ἄπειρον ὑπελείφθη τοῦ μέρους τῶν εὐωνύμων, και Κύριος ἦν φερῶν στολὴν ἐκδικήσεως και ἀνταποδόσεως και διεχώρισεν ἀπ' αὐτῶν τῇ ῥάβδῳ τῆς ἰσχύος αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν λαοῦ πολλοῦ, ἣτις παραγενεμένη ἔσθη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· και αὕτη ὑπῆρχεν ἀσβολῆ περιηλειμμένη και ἅπαν τὸ σῶμα αὐτῆς τριβόλοις ὀξέσι πεπαρμένη, ἡ δὲ στολὴ αὐτῶν ἰδρώτα ῥυπάσματος γλίσχρου και λυγδῶδους φέρουσα, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν καπνῷ βαθεῖ ἔμφορῆ παρόμοια, ἐκ δὲ τῶν ὀφθαλμῶν και τῶν μυκτήρων αὐτῶν δριμύτης (f. 257 r.) αἰμοχαρῆς ἐξεπορεύετο, οἱ πόδες αὐτῶν ἐξωδηχότες και μεμελανωμένοι σφοδρὰ, κλοιῷ σιδηρῷ λίαν βαρυτάτῳ περιεχόμενοι και κατακαμπτόμενοι σφοδρῶς· και ἀδημονία και συντριβὴ ἦν ἐν μέσῳ αὐτῶν πολλὴ σφοδρὰ. Ἐκ γὰρ τῶν σημασιῶν τούτων τὴν ἐνοικεῦσαν ἐν αὐτοῖς πονηρίαν ἐδήλουν, τοῦ Κυρίου εἰς τοῦτο εὐδοκῆσαντος ἵνα τοῖς πᾶσιν εἰς τὸ ἐμφανὲς διαδεικνύται και στηλιτεύεται ἡ τούτων θεοστυγῆς ἐργασία. Οὗτοι δὲ ἦσαν, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάφησεν, οἱ ἐν κυνηγεσίαις και τζουκानιστηρίαις και ἵπποδρομίαις και κώμαις και μέδαις και θεάτροις σατανικοῖς και ἐν πᾶσι βεβήλοις ἔργοις ἐν τύφῳ και κενοδοξίᾳ πάντα τὸν ἑαυτῶν βίον ἐκδαπανήσαντες και μὴ μεταμεληθέντες τὸ σύνολον. Διὸ και δικαίως ὁ δίκαιος κριτὴς ὠργίσθη ἐπ' αὐτοῖς, ὅτι οὐκ ἀπέπλυναν ἑαυτοὺς ἐκ τοῦ τοιοῦτου βδελυκτοῦ ῥύπου και τῆς ἀσχημοσύνης τῆς ἐκ τῶν βεβήλων ἔργων αὐτοῖς προσγινομένης διὰ με(f. 257 v.)τανοσίας και ἐξομολογήσεως και θερμῶν δακρύων πρὸ τοῦ μεταλλάξαι τὸν βίον, ἀλλ' ὡς ὁ πατὴρ αὐτῶν ὁ διάβολος, ὃν ἐθεράπευσαν ἐν τοῖς ἔργοις αὐτῶν, οὕτω και αὐτοὶ ἔμειναν ἀδιάβλητοι ἐν ταῖς πονηρίαις και πράξεσιν αὐτῶν ἀλλὰ και ταῖς προαιρέσεσιν, ὅθεν και δικαίως ὁ δίκαιος κριτὴς ἐν τῇ δικαιοκρίσιᾳ αὐτοῦ παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς πικροῖς

βασανισταῖς καὶ ἀνελεήμοσιν ἀγγέλοις δικαίως ἐτάζεσθαι ὑπ' αὐτῶν· οἵτινες ὡσπερ θῆρες ὠρυόμενοι ἤρπασαν αὐτούς καὶ ἀφειδῶς τύπτοντες αὐτούς ἐν ἀκαρεῖ ἀπηκόντισαν εἰς τὸ πῦρ τῆς ἀγρίας ἐκείνης θαλάσσης, ἐν ἣ ὑπῆρχεν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων καὶ ὁ σκῶληξ ὁ ἀκοίμητος· καὶ αὐτοὶ ὀλολύζοντες γοερῶς ἔκραζον καὶ σφοδρῶς τὸ· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενῆς Υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Λόγος. Ἐκεῖνος δὲ ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν τοῦ μὴ εἰσακοῦσαι καὶ σῶσαι αὐτούς, διότι ἐξεκαύθη ἐν ὀργῇ αὐτοῦ ὁ θυμὸς αὐτοῦ ἐπ' αὐτούς, καὶ ἔλασεν αὐτούς εἰς τὸ ἀπέραντον κατακαίεσθαι πῦρ.

(f. 258 r.) Πρὸς ἐπὶ τούτοις ἠφόρισεν ὁ μέγας ἐκεῖνος καὶ φρικωδέστατος βασιλεὺς ἀπὸ τῆς μερίδος τῶν εὐωνύμων πλῆθος λαοῦ πολλοῦ σφόδρα, οἵτινες ἦσαν πάντες μονότροποι ἐν ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν, οἱ καὶ διακριθέντες ἀπὸ τοῦ λοιποῦ πλῆθους τῶν ἀμαρτωλῶν φρίττοντες καὶ τρέμοντες ἕστησαν κατὰ πρόσωπον τοῦ ἀπροσωπολήπτου καὶ δικαίου κριτοῦ. Καὶ ἦν ἡ συναγωγὴ αὐτῶν πολλή καὶ μεγάλη σφόδρα ὑπὲρ πάσας τὰς παρελθούσας συναγωγὰς, τῶν τε δικαίων καὶ τῶν ἀμαρτωλῶν. Θεωροῦντες οὖν ἡμεῖς τὴν τριαύτην συναγωγὴν καὶ ἀποθαυμάζοντες τὸ πλῆθος αὐτῆς, ἰδοὺ ὠρᾶτο ἐν αὐτῇ πλῆθος ἱερέων τε καὶ ἐπισκόπων καὶ διακόνων καὶ ὑποδιακόνων καὶ ἀναγνωστῶν καὶ ψαλτῶν πολὺ σφόδρα, ὥστε καὶ αὐτούς τοὺς θεοειδεῖς ἀγγέλους ὀρώντας αὐτούς φρίζαι καὶ ἰλιγγιάσαι ἐπὶ τῇ αὐτῶν ἀπωλείᾳ. Ἦσαν γὰρ πάντες βερυπωμένοι λίαν καὶ μεμολυσμένοι ἀπὸ κόπρου τῆς γῆς, καὶ αἱ στολαὶ αὐτῶν ἀπὸ ἀροδευμάτων ἀνθρωπίνων, καὶ ἡ τριαύτη κόπρος κατέρρει ἀπὸ τῆς κορυφῆς αὐτῶν ἐπὶ τοὺς χιτῶνας αὐτῶν, ἐπ' ἐδάφους δὲ οὐδαμῶς ἀπεστάλαξεν· οὐ γὰρ ὑλώδης ἦν ἡ κόπρος, ἀλλὰ νοητή. Καὶ ἰδοὺ ὀσμὴ πικρίας κατεχομένη ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν· καὶ ἀπετίνασσαν αὐτὴν ἀπωθούμενοι τοῦ πεσεῖν ἀπ' αὐτῶν, ἀλλ' οὐδαμῶς ἀπέπιπτεν, ὅτι αὐλὸς ἦν. Ἦσαν δὲ καὶ θάνατον περιεζωσμένοι τὰς ὀσφύας, ὡς τιτρώσκων αὐτούς ἀφειδῶς τοῦ ἀποκτεῖναι, οὐδαμῶς ἀπεκτείνοντο, διὰ τὸ ἀπαθανατισθῆναι καὶ ἀπαζδαρτισθῆναι αὐτούς καὶ μὴ δύνασθαι τοῦτον τὴν ἰδίαν αὐτοῦ ἐνδείκνυσθαι ἐνέργειαν, ἀλλὰ μόνον συνῆν αὐτοῖς ἐπὶ τὸ αἰωνίως καὶ ἀθανάτως τιμωρεῖν καὶ βασανίζειν αὐτούς

ὑπὸ Θεοῦ συγκεχώρηται. Οἱ δ' ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὑπῆρχον σηπώδεις, ἀφρώδεις καὶ λίαν αἱματώδεις, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν λυγδῶδη καὶ πονηρὰ, καὶ ἡ ὄρασις αὐτῶν λίαν δυσειδῆς καὶ ἀνωφελῆς, καὶ σκώληκες πολυπόδες καὶ κἀνθαροὶ ἐδράσσοντο ἐπὶ ταῖς καρδίαις αὐτῶν καὶ μυρμήκων πονηρῶν ἔπε(φ. 259 γ.)πλήρωντο τὸ στόμα καὶ τὰ χεῖλη αὐτῶν, καὶ βδέλλαι ἀναρίθμητοι καὶ χαλεπώτατοι ἐδράσσοντο τῶν ἰγνῶν αὐτῶν, καὶ λίαν ἐταπείνουν ἑαυτοὺς, καὶ ὡσπερ ἀπὸ καλάμου βορβόρου τοιαύτη δυσωδία ἐξήρχετο ἀπὸ τῶν μυκτῆρων αὐτῶν. Καθωρῶντο δὲ ἡμῖν οὗτοι πάντες ἐν τῇ τοιαύτῃ αὐτῶν ἀσχημοσύνῃ ἕκαστος ἐν τῷ ἰδίῳ τάγματι καὶ σχήματι αὐτοῦ. Ἔτι πρὸς τούτοις ὀρωμεν, καὶ ἰδοὺ μεταξὺ τούτων ἄνδρες λαϊκοὶ καὶ γυναῖκες καὶ μεράκια καθωρῶντο ἡμῖν. Καὶ τί ἂν εἴποιμι περὶ πάντων; διὰ γὰρ τὸ γενέσθαι τούτους ἡγουμένους τῶν ἐκκλησιῶν καὶ καθηγητῶν τοῦ ὀρθοῦ λόγου τῆς ἀληθείας εὐλαβεῖσθαι καὶ σεμνολογεῖν ἡμᾶς ἀναπειθεῖν τὰ ὀραθέντα, ὃ δὲ τοῦ ψεύδους κίνδυνος καὶ ἡ τῶν θεαθέντων ἀλήθεια τὴν αὐτὴν ἀλήθειαν ἐκδιηγέσθαι παρασκευάζει. Ἰδοὺ γὰρ ὡς ἐνορῶμεν εἰς αὐτούς, πάντες ἦσαν, ὡς προεῖρηται, μικροὶ τε καὶ μεγάλοι, ἴσοι τῇ ἀηδῖᾳ καὶ ἀσχημοσύνῃ καὶ πάσῃ τῇ πονηρᾷ καὶ ἀκαθάρτῳ καὶ πλήρεις μίσους ἐπιφανείᾳ, ὅτινες οὐ μετενόησαν (φ. 259 ν.) καὶ ἀπεστράφη ἕκαστος ἀπὸ τῶν πονηρῶν αὐτοῦ ἔργων καὶ διὰ μετανόιας καὶ ἐξομολογήσεως καὶ θερμῶν δακρῶν καὶ οἰκτιρμῶν πενήτων πρὸ τῆς τελευτῆς αὐτῶν καὶ πρὸ τῆς δικαίας κρίσεως τὸν κριτὴν ἐξιλίωσεν, ἀλλ' ἐτελεύτησαν ἐν ταῖς ἀκαθαρσίαις αὐτῶν καὶ τὸ μὲν ὄνομα χρῆστὸν ἐκέκτηντο, τὰ δὲ πρακτέα χείρονα τῶν ἀχρήστων ἐπεσπάσαντο. Οὗτοι γὰρ ἦσαν μέδουσοι, πόρνοι, γαστρίμαργοι, ἀλαζόνες, μοιχοὶ, μοιχαλίδες ἕκαστος αὐτῶν ἀναμυρίων ψυχῶν ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ αὐτῶν, ὡς ὁ θαυμαστός μοι ἐκεῖνος καὶ θεὸς νεανίας διεσάφησεν, ἐν τῷ πορνεύειν μολύναντες, ἐκβιασάμενοι ταύτας δώροισι δελεάσασιν· οἱ καὶ τὸ ἴδιον σῶμα οὐ διέλιπον ἀμαρτάνοντες ἐν ὅλῃ τῇ ζωῇ καὶ ἰσχύϊ αὐτῶν, οἱ καὶ ὀνομάζονται ἄσωτοι, οὓς ἐδέσμησεν ὁ Σατανᾶς εἰς τὰ κάλλη τῶν ἐν πορνεύειαις γυναικῶν καὶ ὡς ἐδέσμησε παρομοίως ὁ Σατανᾶς εἰς τὴν ἐπιθυμίαν τῶν ἀνδρῶν, καὶ οἱ ἐν ὅλῃ τῇ ζωῇ ληστρικῶς ἐπὶ τὸ αὐτὸ περιπατοῦντες καὶ διεδεύοντες οἰκίαν ἐξ οἰκίας ἐν ταῖς (φ. 260 γ.) ἡδοναῖς τῆς

αὐτῶν ἀσωτίας, οἱ τρώγοντες καὶ πίνοντες, πορνεύοντες καὶ κοιμώμενοι καὶ μηδενὸς ἀγαθοῦ ἐπιμελούμενοι, οἱ ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἐπίσκοποι καὶ ἱερεῖς, διάκονοί τε καὶ ὑποδιάκονοι, ἀναγνῶσται καὶ ψάλλται, προσμονάριοι καὶ πᾶς ὁ λαὸς καὶ λοιπὸς κατάλογος τῶν ἱερωμένων, οἵτινες οὐκ ἐφοβήθησαν τοῦ Θεοῦ ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ἐνθάδε ζωῆς αὐτῶν, οὐδὲ δεδοίκασι τὴν κρίσιν τὴν μέλλουσαν αὐτοῦ, ἀλλ' ἐν τῷ κρυπτῷ ἠνόμησαν ἐν ἀνομίᾳ τῆς πορνείας αὐτῶν καὶ τὴν ἱεράν καὶ ἄχραντον ἱερωσύνην κατεμόλυναν ἐν τῇ ἀκαθαρσίᾳ τῆς μίξεως αὐτῶν, τραπέζαις χαίροντες, κρότοις καὶ ἄσμασι πορνηκοῖς ἐπιτεμπόμενοι καὶ γηθόμενοι, πλατύναντες τὰ φυλακτῆρια αὐτῶν καὶ πλεονάζοντες τὰ βαλάντια, καὶ τὸ χρυσίον τοκίζοντες, καὶ πένητας ἀποστρεφόμενοι, καὶ ἀσπλαγχνίαν ἀσκοῦντες, ἐν ἐχθρᾷ καὶ μῆνιδι εἰσερχόμενοι εἰς τὸ θυσιαστήριον τοῦ Θεοῦ, ἀρπάζοντες τὰ ἀλλότρια, πίνοντες τὸν πολυέραστον οἶνον εἰς πλησ(φ. 260 ν.)μονὴν, παχεῖς ἡμίονους καὶ πίονας ἵππους ποδοῦντες ἐπικαθέζεσθαι, στολὰς καὶ λουτρὰ καὶ περιπάτους καὶ τὰ πόρρω τοῦ ἁστεος κτήματα προδύμως ἐξωνούμενοι, ἀμελήσαντες διὰ παντός τοῦ ἔργου καὶ λόγῳ διδάσκειν καὶ νοουθετεῖν τὰ τέκνα τῆς καλλινίκου ἐκκλησίας περὶ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως, περὶ ἐλεημοσύνης καὶ οἰκτιρισμοῦ πενήτων, περὶ σωφροσύνης καὶ παρθενίας, περὶ ὑπομονῆς καὶ μακροθυμίας, καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν, περὶ πάσης κατὰ Θεὸν ἀρετῆς· οἱ τὸν ἄρτον καὶ τὸν οἶνον καὶ τὸν ἔλαιον ἐλέησαντες μὴ δίδοναι τοῖς πένησι καὶ πτωχοῖς, οἱ γυμνῷ καὶ ῥεγοῦντι καὶ τετραχωμένῳ κρῦει μὴ δίδοναι θελήσαντες πῶποτε πενιχρὸν καὶ ῥερικνωμένον ἱμάτιον, οἱ ξενοδίτην καὶ ἄπορον ἔνδον τῆς οἰκίας εἰσαγαγεῖν μὴ προδυμηθέντες, ἀλλὰ πάντα χρυσοῦ εἰσπραττόμενοι, οἱ πᾶσαν προκοπὴν ἱερωσύνης ἐν δώροις ἐπώλησαν, οἱ πᾶσαν ἐκκλησίαν ἐλεεινῶς ἐκαπήλευσαν, οἱ ταῖς χειροτ(φ. 261 ν.)νίας τῆς ἐκκλησίας οὐκ ἀρετῆ, ἀλλὰ χρυσοῦ καὶ ἀργυροῦ προτετιμήκασι καὶ τὴν χάριν τοῦ παναγίου Πνεύματος χρήμασιν ἐχρήσαντο καὶ προῦδωκαν· οἱ τὴν ἱερωσύνην ἔργοις θεομοσήτοις αἰσχροῦς κατεμίαναν καὶ ταύτην ἀναξίως χρυσοῦ ἐνεκα καὶ ἀργυροῦ προδέδωκαν· οἱ αἵμασιν ἀδόξως ἐν ταῖς συνάξεσι καὶ συνελεύεσι τῶν συμβουλευτῶν αὐτῶν ἀλόγως ἐχράνθησαν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπισυναχθῆναι πᾶσαν τὴν ἐκχωρισθεῖσαν συναγωγὴν ταύτην ἀπὸ τῆς εὐωνύμου

μερίδος τῶν ἀμαρτωλῶν καὶ παραγενέσθαι κατέναντι τῶν ὀφθαλμῶν τοῦ δικαίου κριτοῦ τετραηλισμένοι καὶ κατηχυμένοι, ἐπεὶδεν ἐπ' αὐτοὺς Κύριος ὁ Θεός, καὶ ἐβδελύξατο τὴν ἀσχημοσύνην καὶ δυσωδίαν αὐτῶν καὶ ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ λέγων· Ἡ συναγωγή αὕτη πονηρά ἐστι καὶ μοιχαλὶς, πόρνη καὶ βέβηλος, ματαιόφρων καὶ κατεστρηνιασμένη ταῖς βδελυρίαις αὐτῆς, ἡ ὀπίσω τῶν ἐπιθυμιῶν αὐτῆς ἐκπορνεύσασα καὶ τὸ ὄφ. 261 ν.)νομά μου τὸ ἅγιον τὸ ἐπικληθὲν ἐπ' αὐτὴν ἔργοις πονηροῦς ἐξυβρίσασα, ἡ κόπρον ἀγαπήσασα καὶ κερατίαις πονηρῶς ἀποτροφήμασι τῶν ἀλόγων ζῶων· καὶ οὐ πέφυκεν ἐν αὐτῇ ἀγαθόν· διὰ τοῦτο πορευέσθω καὶ αὕτη ἐν τῷ αἰωνίῳ πυρὶ ὃ ἐξέκαυσεν αὐτὴ ἐπ' αὐτῇ. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ εἰρηκέναι ταῦτα τὸν δικαίον κριτὴν κατ' αὐτῶν, ἵν' ἀκούσαι καὶ ἰδεῖν θέαμα τροικτόν καὶ φοβερόν ἐπ' αὐτοὺς ἄξιον θρηνην καὶ θαυμάσιον πολλῶν· δάκρυα γὰρ αἱματώδη ἐξέχεον ὀλολύζοντες ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν, στεναγμούς ἀνέπεμπον ἐκ βαθέων καρδίας, καὶ θρήνος ἀπαιστος ἵν' ἐν αὐτοῖς, ἰκετεύοντων τὸν κριτὴν καὶ λεγόντων· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεός, καὶ φείσαι τοῦ πλάσματός σου· εἰ γὰρ καὶ ἡμάρτομεν, ἀλλὰ πλὴν σου Θεοῦ ἑτέρου οὐκ οἶδαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς θεὸν ἀλλότριον· φείσαι ἡμῶν, αἰώνιε βασιλεῦ, ὅτι ἡ πίστις ἡμῶν ὀρθὴ καὶ ἀμετάθετός ἐστιν ἐπὶ τῷ ὀνόματί σου τῷ ἁγίῳ, εἰ καὶ τὰ ἔργα ἡμῶν πονηρά. Καὶ εὐθέως εἰς τῶν στρατηγῶν ἀγγέλων, φόβῳ καὶ τρόμῳ ἔστη πλῆ(ὄφ. 262 γ.)σίον τοῦ τροικωδεστάτου ἐκείνου κριτοῦ ἐκθαμβος, ἐν ταῖς χερσὶν αὐτοῦ σάλπιγγα κερατίνην ἐπιφερόμενος· καὶ ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ Κύριος, καὶ ἐσάλπισε δις καὶ τρίς· καὶ ἰδοὺ ἡ σάλπιγξ κεκραγῶσα καὶ λέγουσα πρὸς αὐτοὺς ἐν τῷ πρώτῳ σαλπίσματι· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ ὅτι οὐκ οἶδα ὑμᾶς· καὶ ἐν τῷ δευτέρῳ ἔλεξεν ἡ σάλπιγξ· Ταῦτα ὑμῶν τὰ δάκρυα καὶ τὸ πένθος ἐκείθεν χρεῶν πρὸ τῆς τελευτῆς ὑμῶν ποιήσασθαι διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως· ἐν δὲ τῷ τρίτῳ ἐξεφώνησε μέγα· Ἰδοὺ καὶ ὁ διάβολος ἐν ταῖς βασάναις ἀπαρτὶ μεταμελόμενος κατ' ὑμᾶς παραδοθεὶς ἤδη μετὰμέλος ἐστι καὶ μέγα ὥσπερ ὑμεῖς τὸ οὐαὶ ἀνακραῖζει· καὶ γε οἰκτιρήσω αὐτόν; πορευέσθε οὖν ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ ταῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ κεκραγῆναι ταῦτα τὴν θαυμασίαν ἐκείνην σάλπιγγα

αἴφνης οἱ πύρινοι καὶ γιγαντιαῖοι ἐκεῖνοι (f. 262 v.) ἄγγελοι ὡς ἀστραπὴ εἰσεπήδησαν καὶ ὡς χάλαζα πλείστη ἐπαπισόντες αὐτοῖς ἤρπασαν πάντας καὶ τύπτοντες αὐτοὺς ἀνηλεῶς ῥάβδοις πυρίναις, ἐν αἷς ἢ βορβορώδης θάλασσα τοῦ πυρός, κατὰ κεφαλῆς κατεκρήμνισαν αὐτοὺς, ὥστε τοὺς πόδας αὐτῶν ἀνωφερει[ς] τούτων πεφυκέναι ἐν τῇ χαλεπωτάτῃ ἐκείνῃ καὶ δυσωδεστάτῃ τοῦ πυρός τιμωρία, ἔνθα ὁ ἀκοίμητος σκώληξ βρῦθει. Καὶ οὕτω συνετελέσθησαν καὶ οὕτοι ἐν ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν καὶ ὅτι Κύριος οὐκ ὤκτειρεν αὐτοὺς, καθὼς φησιν ὁ ἀπόστολος· ὅτι πόρνοι καὶ μοιχοὶ βασιλείαν Θεοῦ οὐ κληρονομήσουσι, καὶ πάλιν· ὅτι σὺ ἀποδώσεις ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ.

Ἔτι προσθεῖς ὁ Κύριος ἠφόρισεν ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων ἐτέραν συναγωγὴν ὁμοίως τῇ προτέρα, μεγάλην σφόδρα ὡς ὑπερθαυμάσαι ἡμᾶς τὸ ἐν αὐτῇ πλῆθος τοῦ λαοῦ· ἦτις παραγενομένη ἔσθῃ κατενώπιον αὐτοῦ. Κατανοήσαντες οὖν ἀπὸ τῶν σχημάτων καὶ σημασιῶν αὐτῶν, ἔγνωμεν τὴν φρικτὴν καὶ φο(f. 263 r.)βερὰν ἐκείνην συναγωγὴν καὶ τὸ ἐν αὐτῇ ἄπαν πλῆθος τοῦ λαοῦ, ὅτι ἀπὸ τῆς τάξεως τῶν τὴν μοναχικὴν πολιτείαν ἀσπασαμένων ὑπάρχει· καὶ ταύτην ὀρῶντες ἄγαν ἐσκυθρωπάσαμεν, διαλογισάμενοι ἐν ἑαυτοῖς ὅτι καὶ οἱ μοναχοί, οἱ διὰ τὸν Χριστὸν τῷ κόσμῳ ἀποταξάμενοι καὶ πάντα καταλιπόντες καὶ τῷ Χριστῷ ἀκολουθήσαντες καὶ τῷ πλείονι μέρει τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν νηστεῖαις καὶ δάκρυσι καὶ λοιπῇ πάσῃ σκληραγωγίᾳ διατελέσαντες καὶ συζήσαντες, ἐν τῇ τῶν εὐωνύμων εὐρέθησαν μοῖρα. Ὅς οὖν παρέστησαν ἀπέναντι τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐκείνου πάντες οἱ ἐν ταύτῃ τῇ συναγωγῇ μοναχοί, ἀπεσκοποῦμεν εἰς αὐτοὺς καὶ βλέπομεν σκοτιζομένους ὄντας ἐν ἀνομίαις αὐτῶν καὶ λαμπάδας μὲν ἐν ταῖς χερσὶν αὐτῶν κατέχοντας ζοφεράς δὲ καὶ φῶς μὴ κεκτημένας τὸ σύνολον, ἐκ δὲ τοῦ σχήματος αὐτῶν σποδιά τις πλείστη ἀπεινάσσετε, καὶ αὐτοὶ ἡσχύνοντο σφόδρα, τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν κεχρισμένα ὑπὸ σποδιάς φυραδείσης βαθυτάτῃ μέλανι· (f. 263 v.) καὶ ἡ ἀμέλεια καὶ ἡ ῥαθυμία αὐτῶν ἐπεκάθητο ἐπὶ τὰς κορυφὰς αὐτῶν ὡσπερ ὄρνεον, ὅπερ γύπαν προσαγορεύουσι πάντες· ἡ δὲ ὀκνηρία αὐτῶν, ὡς μύλοι ἀπὸ μολύβδου ἐπὶ ταῖς τραγῆλοις αὐτῶν· καὶ ἡ σκιφότης αὐτῶν, καθάπερ ἀλύσεις σιδηραὶ ἀπὸ δισμυρίων λιτρῶν περισφιγγουσαι τὰς ὀσφύας αὐτῶν· ἡ δὲ νωθρότης ἐκρέματο ἐπὶ τῶν

μεταφρένων αὐτῶν, καθάπερ ὄφεις παχεῖς τυφλοὶ καὶ μυωπάζοντες· ἡ δὲ ἀνυποταξία αὐτῶν κατεκράτει τοῦ νώτου αὐτῶν, οἷα στύλος σιδηροῦς ἀπὸ ἀνωθεν ἕως κάτω· καὶ οἱ πόδες αὐτῶν ἐμπαιγμὸν καὶ χλεύην ὑποδεδυμένοι ἀπὸ τοῦ ἀπατήσαντος αὐτοὺς Σατάν, ὑφ' οὗ χλευασθέντες καὶ ἀπατηθέντες κατεμόλυναν καὶ τὸ πρῶτον βάπτισμα, τὸ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ Πνεύματος δοθὲν αὐτοῖς διὰ τοῦ λουτροῦ τῆς καλιγγεσίας, καὶ τὸ δεύτερον τὸ διὰ τοῦ αἰσίου καὶ Θεοῦ ἀγγελικοῦ σχήματος ὅπερ ἐφόρεσαν, ψευδῶς συνταξάμενοι δουλεῦσαι τῷ Θεῷ· καὶ ἀθετήσαντες τὰς συνθήκας ἐδούλευσαν τῇ γαστριμαργίᾳ καὶ μέθῃ, τῇ πορνείᾳ τε καὶ μοι(ῆ. 264 γ.)χτείᾳ, τῇ κενοδοξίᾳ καὶ τῇ μνησικακίᾳ, τῷ φθόνῳ καὶ τῇ καταλαλιᾷ καὶ τοῖς λοιποῖς ἄλλοις παραπτώμασιν. Οὐδ' ἰδὼν ὁ Κύριος καὶ μισήσας τὴν ἀηδῖαν καὶ ἀκαθαρσίαν αὐτῶν, παρέδωκεν αὐτοὺς τοῖς βασανισταῖς ἀγγέλοις· οἱ δὲ ἤρξαντο κράζειν ἀπὸ καρδίας καὶ λέγειν θρηνοῦντες γοερῶς καὶ πακρῶς ὀλολύχοντες· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁ Θεός, ὅτι σὲ μόνον Θεὸν ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ ἡμῶν ἐγνωρίσαμεν καὶ τῷ ὀνόματί σου τῷ ἁγίῳ νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἐλατρεύσαμεν, καὶ ἐν τῇ χάριτι τοῦ παναγίου σου Πνεύματος καὶ τῇ σῇ ἐπικλήσει δυνάμεις ἐποιήσαμεν καὶ δαιμόνια ἐξεβάλομεν καὶ λεπροὺς ἐκαθαρίσαμεν, νοσοῦντας ἰασάμεθα καὶ τὰ μέλλοντα ὡς ἐνεστῶτα προείπομεν, καὶ πολλοὺς τῷ σῷ ἁγίῳ ὀνόματι προσηγάγομεν τῷ βαπτίσματι διὰ πίστεως σεσωσμένους. Ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον Κύριε, ὅτι διὰ σὲ τὴν παρθενίαν ἡμῶν σώαν ζιετηρήσαμεν· καὶ γὰρ ἡ(ῆ. 264 ν.)σαν πολλοὶ ἐξ αὐτῶν, οἵτινες τὴν παρθενίαν σώαν ἐφύλαξαν, ἀλλὰ τὴν σκηνίαν καὶ φιλαργυρίαν ποθήσαντες εἰς τέλος ἀδλίως ἀπώλοντο· Ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆς Υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, ὅτι εἰ καὶ ἐν ἀνομίαις καὶ ἀσωτίαις καὶ πᾶσι φθοροποιοῖς ἔργοις καὶ παραπτώμασι τὸν βίον ἡμῶν κατελύσαμεν, ἀλλὰ τῇ πίστει οὐκ ἀπέστημεν ἀπὸ σοῦ, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς Θεὸν ἀλλότριον. Τούτων οὖν οὕτως ἐχόντων καὶ ἀποδυρομένων καὶ διὰ ἐκείνης καὶ θερμῶν δακρύων ταῦτα λεγόντων τῷ Κυρίῳ, ἰδοὺ ἐπέστη αὐτοῖς ὁ ἀρχιστρατηγὸς τῶν ἄνω δυνάμεων μετὰ σάλπιγγος, ὡς εἰρηται, κερατίνης· καὶ ἐπένευσεν αὐτῷ ὁ δίκαιος κριτὴς σαλπῖσαι· ὁ δὲ ἐσάλπισε μέγα καὶ διωλύγιον ἐν ἰσχύι πρὸς αὐτοὺς· ἡ δὲ σάλπιγξ ἦν λέγουσα· Πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον

τὸ ἠτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς οὐκ ἠκούσατε τῆς ἐμῆς φωνῆς, οὐδὲ ἐγὼ εἰσακούσω ἀρτίως ὑμῶν τῆς ἐντεύξεως καὶ τῆς παρακλήσεως· καὶ γὰρ προεῖ(φ. 265 γ.)φητεύσατε ἐπὶ τῷ ἐμῷ ὀνόματι, ὡς φατέ, ἀλλ' οὐχ ἕνεκα ὑμῶν δέδωκα τὴν ἐν ὑμῖν προβᾶσαν προφητείαν, ἀλλ' ἕνεκα τῆς ἐτέρων σωτηρίας· ἐπαρθενώσατε, ἀλλὰ πένητα οὐκ ἐλεήσατε· ἢ μισάνθρωπος γὰρ καὶ ἀνελεήμων παρθενία οὐκ εὐάρεστος πρὸ προσώπου μου, οὐδὲ γὰρ ἔχει ὅλως παρρησίαν πρὸς με· δαιμόνια ἐφυγαδεύσατε, ἀλλ' οὐχ ὑμᾶς φοβηθέντα φυγεῖν ἐτράπησαν, ἀλλὰ τὸ ἐμοῦ ὄνομα φοβηθέντα ἀπέδρασαν· καὶ γὰρ ὑμεῖς αὐτὰ δι' ἔργων πονηρῶν κατεθεραπεύσατε· χεῖρας οὐ διεπετάσατε πρὸς θεὸν ἀλλότριον, ἀλλὰ τὰ πονηρὰ ὑμῶν ἔργα τῷ πονηρῷ Ἀντιχρίστῳ προεπέμψατε καὶ τοῦτον ἰθεραπεύσατε· ἐνηστεύσατε πολλὰκις, ἀλλὰ τῶν σαρκικῶν ὑμῶν ἡδονῶν εἰς κόρον κατετρυφᾶτε αἰεὶ· ἠγρυπνήσατε, ἀλλὰ τῷ κάρῳ τῶν βιωτικῶν μερμυγῶν καὶ παθῶν τέλεον ἐνυστάσατε καὶ ἀπετυφλώθητε. Πορεύεσθε τοιγαροῦν ἀπ' ἐμοῦ, οὐκ οἶδα ὑμᾶς. Καὶ ὡς ταῦτα ἡ σάλ(φ. 265 ν.)πιγὴ δῆχησεν, ὄδυρμός ἐγένετο καὶ βοή ἐν μέσῳ αὐτῶν φρικωδестаτή λιάν καὶ τὸ δάκρυον ἐξεχέτο ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν κρουνηδόν ἐν τῷ αὐτοῖς ἀποδύρεσθαι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, οὐ οὐκ ἦν ἀριθμὸς, καὶ ὁ ἐλεῶν αὐτοῖς εὐ παρῆν. Καὶ ἰδοὺ οἱ ἀγγελοὶ τοῦ πυρός, ὡς δράκοντες αἰφνίδιον αὐτοῖς ἐπιπεσόντες, βίᾳ εἶλκον αὐτοὺς ἀνηλεῶς τύπτοντες συνεχῶς ἐπιστρεφομένους πρὸς Κύριον καὶ πυκνὰ καθορῶντας αὐτόν, ἀλλ' ἐκεῖνος ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν καὶ οὐκ ἦν ὁ οἰκτεῖρων αὐτοῖς. Ἀπὸ δὲ τοῦ πλήθους τοῦ λαοῦ τῆς συναγωγῆς ἐκείνης τῆς φοβερᾶς ἐδόκει γεμισθῆναι τὴν παφλάζουσαν ἐκείνην θάλασσαν τοῦ πυρός· καὶ ἔφη πρὸς με ὁ σὺν ἐμοὶ ἀγγελος ἰστώς ἐκεῖσε· Ὁρᾶς, ἀδελφε, τὰ γινόμενα; Ἐγὼ δὲ ἔφη· Ναι, κύριέ μου, ὁρῶ καὶ συντριβόνταί μου τὰ ὄσῳ καὶ ἡ ἰσχὺς μου εἰς τέλος ἐξέλιπε· πῶς οἱ καὶ τὸν μονήρη βίον ἀσπασάμενοι καὶ τῷ κόσμῳ ἀποταξάμενοι καὶ τῷ Κυρίῳ δουλεύσαντες οὕτως ἐλεεινῶς καὶ ἀδλίως τῆς ἐκ δεξιῶν στάσεως καὶ τάξεως (φ. 266 γ.) ἐκπεπτώκασι καὶ ἐν τῇ τῶν εὐωνύμων εὐρέθησαν μοῖρα; Καὶ ἀντέφησεν αὐτῷς ἐκεῖνος πρὸς με οὕτως· Ἐπὶ συντελείᾳ, ἀδελφε, τῶν αἰῶνων ἡ γενεὰ πᾶσα τῶν μοναχῶν εἰς ἀπώλειαν προεχώρησε, πλην ὀλίγων τινῶν τῶν ἀγα-

πησάντων δηλονότι κόπον και πόνον και μόχθον πνευματικόν ἐγκρατείας ἀναδέξασθαι και μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἀμετατρέπτῳ λογισμῷ και νοί ἐν τούτοις εὐαρεστῆσαι Θεῷ· μόγις γάρ και οἱ ὀλίγοι ἐκεῖνοι ἐν κόπῳ και μόχθῳ, ὡς ἔφην, νήφροντες και γρηγοροῦντες ἰσχύσουσι διαδρᾶναι τὰς τέχνας και μηχανάς και παγίδας τοῦ πονηροῦ· ἐν γάρ τῇ συντελείᾳ τῶν αἰῶνων οὐα τῆς ἐνσάρκου ἐκείνης παρουσίας και βασιλείας τῷ τότε πέρασ λαβούσης σφοδρότερον και χαλεπώτερον διὰ τῶν αὐτοῦ ποικίλων μαγγανειῶν και παγίδων προσβάλλων αὐτοῖς ἐλύση και λάβη πάντα σχεδόν ὑποχειρίου, και μᾶλλον ὅσοις ἢ ταπεινώσις και ἢ διὰ Χριστόν πτωχεία και κακοπάθεια τὸ καθόλου οὐχ εὐρηται;

Τούτων οὕτως περι (f. 266 v.) αὐτῶν εἰρηκότος μοι τοῦ ὀδηγοῦντός με ἀγγέλου ἐκείνου και θεοειδοῦς νεανίσκου πρὸς τὰ ἄρρητα ἐκεῖνα θεάματα, ἰδοῦ ἑτέρα συναγωγή τῇ τοῦ κριτοῦ ἐπινεύσει ἐκχωρισθεῖσα ἀπὸ τῶν εὐωνύμων ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ, οὐχ ὁμοίως τῇ πρὸ αὐτῆ[ς] πολυάνθρωπος, ἀλλὰ μέση πως αὐτῆς φαινομένη. Και ἐν αὐτῇ μοναχοί και μοναχαί μιγάδες και ἀπὸ παντός τάγματος και γένους τῶν κατὰ κόσμον ἀνθρώπων ὄρωντο, ὅτινες ἀντι περιβολαίου, ὁμίχλη πως μέση σκοτία και φέγγει ἐσπαργανωμένη, ὡς εἰ τις ἔχει παρεικάσαι αὐτὴν πρωινήν ὁμίχλην· τὰ δὲ πρόσωπα αὐτῶν ὑπῆρχον οὐα τὰ τῶν μελαγχρόων ἀνθρώπων, και ποτὲ μὲν ἠσχύνοντο και κατηφείας ἐπληροῦντο, ποτὲ δὲ ἐλαμπρύνοντο, χεῖρας κεκτημένοι ἐξ ἡμισείας, λέγω δὴ σκοτεινάς και λαμπράς· ἦγουν αἱ δεξιαὶ λαμπραὶ, σταΐζουσαι διὰ τῶν δακτύλων χρυσέλαιον, αἱ δὲ ἀριστεραὶ σκοτειναὶ, ἀποσταΐζουσαι ὑγρόπισσον· οἱ δὲ πόδες αὐτῶν μέσως ἀγαθνόμενοι και μέσως πονηρευόμενοι, οἱ ὀφθαλμοὶ αὐ(f. 267 r.)τῶν ὁμοίως εὐμενιζόμενοι τε και βλοσυρόν τι στρεβλοῦμενοι. Και ἐπέβλεψεν ἐπ' αὐτοὺς ὁ Κύριος και εἶδεν αὐτοὺς ἡμμοχθήρους ὑπάρχοντας και μὴ τὸ τέλειον πεφθακότας μέτρον τῆς αὐτοῦ εὐαρεστήσεως· ἦσαν γάρ και αἱ ἀκοαὶ αὐτῶν σὺν ταῖς λειπαῖς τούτων αἰσθήσεσιν ἐξ ἡμισείας, ποτὲ μὲν ὑπακούουσαι, ποτὲ δὲ βύουσαι. Τούτους οὖν οὕτως ἰδὼν ἀπέστρεψε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ ἀπ' αὐτῶν και ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν· και ἰδοῦ οἱ τοῦ πυρός ἀπότομοι ἀγγελοι και ὑπουργοὶ και ἔτασται τῶν κολαστηρίων ἐξαίφνης ἐπιπε-

σόντες αὐτοῖς εἰλον τούτους βιαίως καὶ ἰσχυρῶς σύροντες ἐπὶ τὴν ἀγρίαν ἐκείνην καὶ παφλάζουσιν θάλασσαν τοῦ πυρός, οἱ δὲ συχνὰ ἐπιστροφόμενοι πρὸς τὸν Κύριον ἐδίδοσαν θρήνον ἐλεεινὸν καὶ ἐσχάτην φωνὴν ἠφίου καὶ ὀδυνηρὰν γοερῶς καὶ πικρῶς ἀλαλάζοντες· Φεῖσαι ἡμῖν, μακρόθυμε καὶ ἀνεξίκακε Κύριε, φεῖσαι ἡμῖν, βασιλεῦ εὐσπλαγχνε καὶ πολυέλεε, ἐλέησον ἡμᾶς, ἐλεῆμον καὶ εὐσυμπάδητε. Ὁ δὲ Κύριος ἐπιστραφεὶς (f. 267 v.) ἑώρα κατόπιν αὐτοῦ ὅπως εἰλοντο βιαίως ὑπὸ τῶν φοβερῶν ἐκείνων ἀγγέλων, καὶ ἐθρήνουν καὶ ὠλοφύροντο, καὶ ἐδόκει ποτὲ μὲν σπλαγχνίζεσθαι, ποτὲ δὲ ὀργίζεσθαι ἐπ' αὐτούς· οἱ δὲ ἅγιοι ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἔκλειον ἡσυχῇ πάντες ἐπ' αὐτούς καὶ δάκρυα ἐξ ὀφθαλμῶν αὐτῶν κατέχεον μὲν, οὐκ ἐτόλμων δὲ μεσιτεῦσαι περὶ αὐτῶν. Τούτων οὖν, ὡς εἴρηται, βιαίως ἀγομένων εἰς τὴν τοῦ ἀσβέστου πυρός ἐκείνην θάλασσαν πρὸς τὸ σὺν τοῖς λοιποῖς τοῖς ἐκείσε ἐμβληθεῖσι κατακαυθῆναι (πλὴν οὐκ ἴσως ἐκείνοις, μὴ γένοιτο· ποῦ γὰρ τὸ δίκαιον τοῦ δικαίου κριτοῦ, εἰ οὕτως ἐπίσης ἐκείνοις ὑπολάβειν τινες; ἐμελλον καὶ οὗτοι τιμωρεῖσθαι καὶ βασανίζεσθαι, ἀλλὰ ἀναλόγως καὶ κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων τούτους τὴν βίασαν τοῦ πυρός ὑπομένειν, οἷον τί λέγω; τῆς προσθήκης τῶν ἐτέρων τιμωριῶν ἐκτὸς διαμένοντες, σκώληκος φημί ἀκοιμήτου καὶ βρυγμοῦ τῶν ὀδόντων χαλεπῆς τιμωρίας· αἵτινες κολάσεις οὐχ ἅπασιν ἐπίσης τοῖς ἁμαρτωλοῖς εὐτρεπιζονται, (f. 268 r.), ἀλλὰ τοῖς μὲν αἱ πᾶσαι, τοῖς δὲ ὀλίγαι, καὶ τισὶ μὲν αἱ μέσαι, τισὶ δὲ αἱ πλείους κατὰ τὸ μέτρον δηλονότι τῆς ἐκάστου πράξεως, καθὰ καὶ αἱ τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν μοναὶ καὶ κατασκηνώσεις κατὰ τὸ μέτρον τῆς ἀρετῆς ἐκάστου τῶν ἁγίων ἀναλόγως ἀπεκλήρωντο), ἰδοῦ ἄφνω ἐκ τῶν ἀνωτάτω κάτεισι κόρη τις πάνυ ὠραία, ἧς τὸ κάλλος ἀμήχανον καὶ τὸ πρόσωπον ὑπερδεδοξασμένον ἔχουσα, καὶ διάδημα βασιλείας φοροῦσα ἐπὶ τῆς κορυφῆς φοβερῶτατον, χιτῶνάς τε χρυσοφαεὶς καὶ χρυσοφάντους καὶ χρυσοπάστους περιβεβλημένη, καὶ λίθοι διαυγείας ἀπαστράπτοντες ἀνεκφράστῳ καλλονῇ ἐπὶ τῶν χρυσοπάστων χιτῶνων αὐτῆς· καὶ αἱ χεῖρες αὐτῆς λευκαὶ ὡς τὸ φῶς, οἱ δὲ πόδες ἐξήστραπτον ὡς ὁ ἥλιος. Καὶ ἰδοῦ ἐμπροσθεν αὐτῆς ἄγγελοι προηγούντο καὶ ὀπισθεν αὐτῆς ἄγγελοι ἐφέποντο δορυφοροῦντες ὡς βασιλίδι· ἧτις πανσέμνως κατιοῦσα τὸ τάχος παρεγένετο πρὸς τὴν θαυμαστήν

ἐκείνην (f. 268 v.) πύλην τῆς πόλεως ἐν ἣ καὶ ὁ φοβερῶτατος καὶ αἰώνιος βασιλεὺς Ἰστατο φορῶν στολὴν ἐκδικήσεως καὶ ῥάβδον ἐν τῇ χειρὶ κατέχων ἀνταποδόσεως, καὶ κλίνασα τὴν κεφαλὴν πρὸς τοὺς ἀχράντους αὐτοῦ πόδας μέχρι ἐδάφους τῆς γῆς, ᾤχετο τὸ τάχος ἐξανασταῶσα ὠραίως ποσὶ κατόπιν τῆς συρομένης ἐκείνης ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ φθάσασα ταύτην περὶ τὸ χεῖλος τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ κυματουμένης θαλάσσης τοῦ πυρός, ἐν ἣ ἐμελλον χαλεπῶς κατακαίεσθαι, λέγει πρὸς τοὺς ἀπηνεῖς ἐκείνους ἀγγέλους τοὺς ταύτην βιαίως σύροντας καὶ ὠθοῦντας βάλλειν ἐν αὐτῇ πεπαρησιασμένη τῇ φωνῇ· Ζῆ τὸ πρόσωπον τοῦ Πατρός μου τοῦ ἐν οὐρανοῖς καὶ τοῦ μονογενοῦς αὐτοῦ Υἱοῦ καὶ Θεοῦ, καὶ ἡ θεία δύναμις τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος, οὐ τιμωρηθήσεται ἡ συναγωγὴ αὐτή. Συνῆκαν οὖν οἱ πύρινοι ἄγγελοι, ὅτι ἡ πρώτη θυγάτηρ αὐτῆ ἐστὶ τοῦ Θεοῦ, καὶ λέγουσι πρὸς αὐτήν· Κυρία ἡμῶν εἰ σύ, καὶ ἡμεῖς ἐπιστάμεθα ὅτι σύ εἰ ἡ πρώτη θυ(f. 269 γ.)γάτηρ τοῦ βασιλέως τοῦ μεγάλου, ἡ πάνυ φιλουμένη παρ' αὐτοῦ φρικτὴ καὶ θαυμασιωτάτη Ἐλεημοσύνη, καὶ οἶδαμεν ὅτι πλὴν σου οὐδεὶς πρὸς αὐτὸν κέκτηται παρησίαν μείζονα, ὅς ἡμῖν ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν· καὶ ἰδοὺ σπεύδομεν ποιῆσαι ἐκπληρῶσαι τε τὸ τούτου θέλημα· μὴ οὖν καθ' ἡμῶν χολώ[σ]ης, ὡς κυρία ἡμῶν. Ἡ δὲ φησὶ πρὸς αὐτοὺς· Οὐχί, καὶ γὰρ καὶ αὐτὴ καθαρῶς ἐπίσταμαι καὶ ὑμᾶς πειδομένους καὶ ἐκπληροῦντας τὰ τούτου θεῖα προστάγματα, ἀλλὰ καὶ γὰρ προσπεσοῦσα τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ καὶ ὠραίως ποσὶ παρεκάλεσα αὐτὸν περὶ τῆς ἀθλίας ταύτης καὶ ταλαιπώρου συναγωγῆς καὶ τὰ ἀχραντα καὶ φιλόφθωπα σπλάγγνα αὐτοῦ ἔκαμψα πρὸς οἶκτον, καὶ ἐπένευσέ μοι ὁ ἀγαθὸς καὶ πανεύσπλαγχνός μου Πατὴρ καὶ Κύριος προκαταλαβεῖν ὑμᾶς· καὶ δεῦτε ὑποστρέψωμεν πρὸς αὐτόν. Καὶ δὴ ὑποστρέψασα ἡ τριακτὴ συναγωγὴ τῇ κελεύσει αὐτῆς μετὰ καὶ τῶν πυρίνων ἐκείνων ἀγγέλων, ἔστη σὺν αὐτῇ κατὰ (f. 269 v.) πρόσωπον τοῦ δικαίου κριτοῦ· προσδραμοῦσα οὖν πάλιν ἡ βασιλὶς ἐκείνη καὶ ὄντως ὠραία, προσέπεισε τοῖς ἀχράντοις αὐτοῦ ποσὶν, αὐτὴ δὲ κατησπάσατο αὐτοὺς ἀσπασίως καὶ ἐξανασταῶσα λέγει πρὸς αὐτόν· Κύριέ μου, Κύριε, οἶδα μὲν ὅτι διὰ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν καὶ πᾶσαν ἄλλην ἀθέμιτον ἔργασίαν τοῦ λαοῦ τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ταύτης — τῷ δακτύλῳ ταύτην

ὑποδεικνύουσα, — ἐνοχός ἐστιν εἰς τὴν γένναν τοῦ πυρός, ὅτι οὐκ ἔφθασεν ἐπιστρέφειν καὶ διὰ μετανοίας καὶ ἐξομολογήσεως ἐξιλεύσασθαι τὸ κράτος τῆς βασιλείας σου· διὰ δὲ τὴν ἐλεημοσύνην αὐτῶν καὶ τὴν ἄβυσσον τοῦ ἐλέους σου ἄφες αὐτοῖς δι' ἐμοῦ τὰ παραπτώματα αὐτῶν· ἀκήκοα γὰρ τοῦ ἀχράντου σου στόματος λέγοντος οὕτως· Μακάριοι οἱ ἐλεήμονες, ὅτι αὐτοὶ ἐλεηθήσονται. Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνης ἱκετικῶς λεγούσης καὶ παρισταμένης τῷ Κυρίῳ περὶ αὐτῶν, κάκεινων τρεμόντων, ὡσεὶ ὕδωρ θαλάσσης (f. 270 r.) σσης, καὶ τινασσομένων ὡσπερ φύλλα τῶν δένδρων ὑπὸ βιαίας πνοῆς ἀπὸ τοῦ φόβου τοῦ δικαίου κριτοῦ καὶ τῆς ἀπειλῆς τῆς κυμαιομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός, συνέθετο Κύριος αὐτῇ τοῦ φείσασθαι αὐτῶν καὶ κατένευσε τῷ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων, καὶ ἐσάλπισε τῇ σάλπιγγι αὐτοῦ, ἥτις ἐξεβόησεν ἠχῇ μεγάλη λέγουσα πρὸς αὐτοὺς· Διὰ μὲν τὴν ἐλεημοσύνην ὑμῶν ἐφεισάμην καὶ ἀπηλλοτριώσα ὑμᾶς τῆς ἀσβέστου τοῦ πυρός χαλεπῆς τιμωρίας, διὰ δὲ τὴν πορνείαν καὶ ἀκαθαρσίαν ὑμῶν, ἧς οὐκ ἀπέστητε μέχρι τῆς ἐσχάτης ὑμῶν ἀναπνοῆς, οὐκ εἰσάξω ὑμᾶς εἰς τὴν περικαλλῆ καὶ πανθάρμαστον καὶ ἀνεξιχνίαστον ταύτην πόλιν μου, τὴν ὄντως πεποδημένην κατοικεσίαν ἣν ἠτομασάμην πᾶσι τοῖς ἐκλεκτοῖς μου, οὐδὲ ὤψεσθε τὴν βασιλείαν μου. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε τοῖς κατ' ἄρκτον ἐστῶσιν ἀγγέλοις ἐτοιμάσαι τόπον αὐτοῖς εὐπερίγραπτον καὶ κατασκηνώσαι πάντας παρ' αὐτῷ τῷ τόπῳ πλὴν τῶν ἀναγκαίων ἐστερημένους (f. 270 v.), ὃ δὴ καὶ γέγονε. Παραλαβόντες γὰρ αὐτοὺς οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ ἐπορεύθησαν ἔνθα καὶ προσετάχθησαν κάκει αὐτοὺς κατεσκήνωσαν εἰς τόπον μὲν ἀναπαύσεως, πλὴν δὲ τῶν ἀναγκαίων, ὡς εἰρηται, τῆς αἰωνίου ζωῆς ἐστερημένους.

Καὶ τούτων οὕτω τελεσθέντων, διεστειλατο ἐτι ὁ Κύριος καὶ Θεός ἀπὸ τῶν ἐξ εἰωνύμων αὐτοῦ, καὶ ἰδοὺ ἕτερα συναγωγή ἀφορισθεῖσα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ (ἣ δὲ δεδοξασμένη ἐκείνη βασιλίσσα ὅθεν ἦκεν ἐν δόξῃ καὶ τιμῇ ἀνθυπέστρεψε πρὸς τὸν ταύτης Πατέρα· θυγατέρα γὰρ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός πρώτην τὴν Ἐλεημοσύνην ἐκάλεσεν, ἐπειδὴ πάσας τὰς γενικὰς ἀρετὰς ἐμφύτους ἔχει παρ' ἑαυτῇ), ἥτις συνχωγῆ ἦν τυφλώτουςα μὲν, ὀδηγουμένη δὲ νεύματι Θεοῦ, καὶ οὔτε ἀγαθὸν οὔτε πονηρὸν ὠρᾶτο ἐν αὐτῇ·

και τὰ πρόσωπα αὐτῶν οὔτε δοξαζόμενα οὔτε ἐπαισχυνόμενα ἕως ἔχνος ποδῶν αὐτῶν, και ἡ ἀμφίασις αὐτῶν πενιχρὰ μὲν, πλὴν οὐκ αἰσχυνομένη, και αἱ χεῖρες αὐτῶν και οἱ πόδες κατὰ τὸ αὐτὸ πεφυκότες, οὔτ' ἀσχημονοῦντες οὔτ' εὐπρε(ῖ. 271 γ.)πιζοντες. Και εἶδε Κύριος ἐπ' αὐτοὺς και ὠργίσθη διὰ τῆς αὐτῶν τυφλώσεως, οὐκ ἐπ' αὐτοὺς, ἀλλὰ πρὸς τοὺς αὐτοὺς τεκόντας ἐφ' οἷς και τὸν δίκαιον αὐτοῦ θυμὸν κεκένωκεν, ἐπειδὴ οὐκ ἐφθασαν τῷ τιμίῳ αὐτοῦ βαπτίσματι τελειῶσαι και φωτίσαι αὐτοὺς· και ἐνετείλατο Κύριος δοθῆναι αὐτοῖς τόπον ἀναπαύσεως κατὰ μεσημβρίαν και τινα βραχυτάτην ἀπόλαυσιν ζωῆς αἰωνίου διὰ ἔλεον ἄφατον και φιλανθρωπίαν αὐτοῦ, πλὴν οὐκ ἐν τῇ πόλει τῇ ἀγία οὐδὲ ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν, ἀλλ' ἰδίως, ὡς εἶρηται, ἐν τόποις οὓς ἠφόρισεν αὐτοῖς· διότι ἐκέκραξαν πρὸς αὐτὸν ἐκ βάθους ψυχῆς μετὰ δακρύων λέγοντες· Μνήσθητι, δέσποτα Κύριε, ὡς οἰκτιρῶν και ἐλεήμων και μόνος ἀγαθός και εὐσυμπάθητος ἡμῶν τῶν ἀμαρτωλῶν, ὅτι εἰ και ἀνάξιοι ἐσμὲν δευλοῖ σου μερίδος τυχεῖν τῶν σωζομένων διὰ τὸ μὴ τελειωθῆναι ἡμᾶς τῷ τιμίῳ βαπτίσματι τῆς εἰς Πατέρα και Υἱὸν και ἅγιον Πνεῦμα ἀμωμήτου ἡμῶν πίστεως, ἀλλ' ὅτι χριστιανῶν τέκνα τυγχάνομεν, και αἰτούμεθα (ῖ. 271 ν.) τῆς σῆς ἀνεξικακίας διὰ σπλάγγνα σῶν οἰκτιρῶν τυχεῖν ἡμᾶς τινός ῥανίδος ἐλέους, και μὴ ὡς ἀμύητους σφραγίδος τῆς σῆς βασιλείας ἐν τῇ γεέννῃ τοῦ ἀσβέστου πυρός παραπεμφθῆναι· εἰ γὰρ συνεχώρησεν ἡμῖν και αἰφνίδιος ἐπέλευσις τοῦ θανάτου τὴν σφραγίδα δέξασθαι τὴν ἀχραντον τῆς σῆς βασιλείας, και εἰ ἐζήσαμεν ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ, εὐηρεστήσαμεν ἂν ἐνώπιόν σου και τῆς σῆς βασιλείας ἠξιώθημεν· ἐπεὶ δὲ οἷς αὐτὸς οἶδας κρίμασιν ἐστέρησας ἡμᾶς τῆς ἐπικήρου και ματαίας ἐκείνης ζωῆς και βραχυτάτου φωτός πρὸ τοῦ ἀρτιωθῆναι τὰς αἰσθήσεις ἡμῶν και πρὸ τοῦ σχεῖν ἡμᾶς τελείας τὰς φρένας γινώσκειν καλὸν και πονηρὸν, μὴ και τῆς ἀπεράντου ταύτης και μακαρίας ζωῆς και τοῦ ἀνεσπέρου και γλυκυτάτου φωτός ἀφυστηρήσης και ἀπαλλοτριώσεως ἡμᾶς διὰ ἔλεος ἀμετρον τῆς σῆς ἀγαθότητος, ἀλλ' ὡς μόνος εὐδιάλλακτος ἐπικάμφθητι και ἐλέησον ἡμᾶς. Ἰπῆρχον δὲ οὕτοι πάντες οἱ τῆς μεγίστης ἐκείνης συναγωγῆς τὰ ἀρτιότακα βρέφη και ἔμβρυα τῶν χρι(ῖ. 272 γ.)στιανῶν, τὰ μὴ φθάσαντα τὴν σφραγίδα τοῦ

θείου βαπτίσματος δέξασθαι· διὸ καὶ, ὡς εἶρηται, ἐπακαμφθεὶς ὁ δίκαιος κριτῆς τῆς δεήσεως αὐτῶν τὴν μὲν ὀργὴν αὐτοῦ καὶ τὸν δίκαιον θυμὸν ἀφήσιν ἐπὶ τοὺς τεκόντας αὐτοὺς, αὐτοῖς δὲ ἐνετειλατο δοθῆναι τόπον ἀναπαύσεως καὶ μερίδα μικρᾶς τινὸς ἀπολαύσεως, πλὴν πόρρω οὖσαν τοῦ κλήρου καὶ τῆς μερίδος τῶν ἐκλεκτῶν, ἀναστήσας αὐτοὺς ἐν τελείᾳ ἡλικίᾳ ἐπίσης τῇ λοιπῇ βροτείᾳ φύσει.

Ἔτι καὶ τούτων ἀποκαταστάτων ἐν τόποις ἀναψύξεως εἰς αὐτοῖς εὐχαρίσατο ὁ Κύριος δι' ἔλεον ἄμετρον, ἠφόρισεν ἐκ τῆς τῶν εὐωνύμων μερίδος ἑτέραν συναγωγὴν, καὶ ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔσται κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· καὶ αὕτη ἡ συναγωγὴ εἶχε μορφῆς χαρακτηῖρα ἐπίσης τοῦ διαβόλου, καὶ ἡ καρδία αὐτῶν ἦν βεβαμμένη ἀπὸ τῆς δυσωδίας τοῦ Σατανᾶ· τὰ γὰρ πρόσωπα αὐτῶν ἦσαν διεστραμμένα καθάπερ σχῆμα δράκοντος, καὶ σκότος περὶ αὐτοὺς ὡς ἀπὸ καπνοῦ θε(φ. 272 ν.)λάφης, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ὑφαιμοὶ κάτωθεν δὲ μελανοί, καὶ ὕλη τις δυσώδης ἐξεπορεύετο ἀπ' αὐτῶν· καὶ ἐν ταῖς ἀκοαῖς αὐτῶν ὄφεις πετώμενοι δάκνουσι κρεμώμενοι, καὶ ἀπὸ τοῦ στόματος αὐτῶν σκώληκες ἀμαυροὶ μετὰ ἰχώρος ἐξέπιπτον, καὶ οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα σεσηπότες, καὶ μυῖαι ἄγαν πονηρῶς κατεσθίουσαι αὐτούς· καὶ οὗτοι πάντες κεκατηραμένοι. Ταῦτα δὲ πάντα οὐχ ὑλῶδες ἐτύγχανον, ἀλλὰ νοητὰ σήμαντρα τῆς αὐτῶν κακίας δηλοῦντα τοῦ τρόπου αὐτῶν τὴν ἐλεεινὴν καὶ ἀπευκταιοτάτην κατάστασιν. Καὶ εἶδε Κύριος καὶ παρωξύνθη λίαν ἐπὶ τὴν πονηρὰν ἐκείνην συναγωγὴν, διότι ἦν ἐπικατάρατος σφόδρα, καὶ ἐζήτησε τὸν ταύτης ἀπατεῶνα· καὶ αὐτὸς εὐθὺς παρεγένετο· ὁ δὲ Κύριος ἔφη πρὸς αὐτόν· Οὐκ εἰμι ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ συναίδιος καὶ συνάναρχος Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ὁ κατὰ πάντα ὁμοῖος αὐτῷ πλὴν τῆς γεννήσεως, εἰ καὶ τέλειος ἀνθρωπος γέγονα διὰ τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν; πῶς οὖν αὐτὸς τολμηρῶς ἀγαρί(φ. 273 γ.)στω γνώμη καὶ γλώσση τὴν ἐμὴν θεότητα εἰς κτίσμα κατήγαγες καὶ τοῦ κατὰ φύσιν ὁμοουσίου μοι Πατρός ἐξέκοψας καὶ ἐχώρισας καὶ μετὰ τῶν ποιημάτων τὸν ποιητὴν συνηρίθμισας, καὶ οὐ μόνον στάσεως καὶ ταραχῆς ἐπὶ τοσοῦτον χρόνον τὴν ἐν τῷ ἐμῷ ὀνόματι ἐξαγορασθεῖσαν ἐκκλησίαν ἐπλήρωσας, ἀλλὰ δὴ καὶ τὴν τοῖς σοῖς πονηροτάτοις λόγοις ἐξαπατηθεῖσαν ματαίαν ταύτην συναγωγὴν σὺν σοὶ καὶ

τῷ σῷ πατρὶ Σατανᾶ αἰωνίῳ ὀλέθρῳ παρέδωκας; Ἄποδος μοι οὖν, ἄθλιε καὶ ἐπάρατε, τὰς ψυχὰς αὐτῶν. Καὶ τούτων οὕτως ὑπὸ τοῦ Κυρίου πρὸς τὸν ἄφρονα καὶ παμβέβηλον καὶ μεμηνότα Ἄρειον ἐν θυμῷ δικαίῳ λεχθέντων, εὐθύς ἐπένευσε τοῖς τοῦ πυρὸς ἀγγέλοις, καὶ ἤρπασαν αὐτὸν ἐν θυμῷ ἀκατασχέτῳ κεκινημένοι, καὶ δήσαντες αὐτοῦ χεῖρας καὶ πόδας ἐν βαρείαις ἀλύσεισι καὶ ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ ἐπιθέντες τροχὸν σιδηροῦν ὡσεὶ λιτρῶν ὀσμυρίων, τύπτοντες αὐτὸν ῥάβδοις πυρίνοις ἔρριψαν αὐτὸν εἰς τὸ κατώτατον χάος τῆς ἀβύσσου, ὅπου ἐλέγετο εἶναι αὐτὸς ὁ Σατανᾶς σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ μυρίαῖς ἀλύσεισι δεδεμένοις, ὅπως ἐκεῖ σὺν τῷ Ἰούδα κολάζεσθαι καὶ πᾶσι τοῖς ὁμοίοις αὐτοῦ σὺν αὐτῷ ἐκείσε, ἔνθα οἱ μυριόφρικτοι πρηστῆρες, ἔνθα τὸ μυριόλογον καὶ φρικωδέστατον πῦρ, ὅπου αἱ μυριάδες τῶν ποικίλων καὶ χαλεπῶν τιμωριῶν μυριοεπινοήτως ἀγγουσαι καὶ δεινῶς ἐκπιέζουσαι καὶ πικρῶς ἐκτηγανίζουσαι καὶ τιτρώσκουσαι πάντας τοὺς ἀπαξ κατακριθέντας ἐκεῖ σὺν τῷ Ἀντιχρίστῳ καὶ προδρόμῳ αὐτοῦ μαρωτάτῳ καὶ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς τὸ διηνεκές καὶ ἀπέραντον μετὰ καὶ τοῦ προδότου Ἰούδα καὶ τῆς μερίδος αὐτοῦ. Ὡσαύτως ἀρπάσαντες ὀξυτάτως καὶ τὴν αὐτῷ βεβήλως μαθητευθεῖσαν μαρωτάτην συναγωγὴν ἐκείνην καὶ ῥάβδοις πυρίνοις τύπτοντες, πάντας σφοδρῶς ἐν ταῖς θαλάσσαις ἐκείναις τοῦ πυρὸς τοῦ ἀστέκτου διασκορπίσαντες ἀπηκόντισαν αἰωνίως (f. 274 γ.) σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτῶν καὶ τῷ διδασκάλῳ αὐτῶν τῷ παμμάρῳ καὶ ἀσεβεστάτῳ Ἀρείῳ ἀπαύστως κολάζεσθαι· οὕτω γάρ μοι εἰρήκει καλεῖσθαι αὐτὸν ὁ σὺν ἐμοὶ ὢν ἐκείσε θαυμαστός καὶ θεοειδέστατος νεανίας.

Εἶτα διεχώρισεν ὁ Κύριος ἀπὸ τῶν εὐωνύμων αὐτοῦ ἑτέραν συναγωγὴν, ἧς τὸ πλῆθος ὀλιγοστόν λιαν, καὶ αὕτη παραγενομένη ἴσθη τετραχελισμένη ἐνώπιον τοῦ φοβερωτάτου κριτοῦ, καὶ βόρβορος δυσώδης λιαν ἐξεπορεύετο ἐκ τοῦ στόματος αὐτῶν· καὶ οὗτοι πάντες ἦσαν δρακοντόσχημοι, ὄφεις εἰλημμένους κατέχοντες περὶ τοὺς αἰχένας αὐτῶν, καὶ τὰ πρόσωπα αὐτῶν ἀπηγριωμένα, καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἐκτεθηριωμένοι σφόδρα, καὶ σκότος ἦν εἰλημμένον ἐν ταῖς ποσὶν αὐτῶν, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἐκρέμαντο ἔξω τοῦ στόματος αὐτῶν ὡσπερ ὄφεις τοῦ θανατηφόρου πλήρεις καὶ ὡς ἔχει ὑποστρεφόμεναι, ὑφ' ὧν ἐξεπορεύετο πῦρ ἄχρι καὶ τοῦ οὐρανοῦ ἀναγόμενον

καὶ μέχρι τῶν (f. 274 v.) ἐσχάτων τῆς γῆς ὑποστρεφόμενον, ὑφ' οὐ σφόδρα ἐταλαιπωρεῖτο ἅπαν τὸ ἔδαφος τῆς γῆς, εἶτα εἰς καπνὸν δριμύτατον ἀποκαθιστάμενον καὶ τῷ μὲν δοκεῖν κατ' ἀρχάς, ὡς εἰρηται, ἕως τοῦ οὐρανοῦ ἀνερχόμενον, καταλήγον δὲ ἄχρι καὶ τῶν κατωτάτω τῆς γῆς. Ἐπεὶ δὲ οὖν ὁ Κύριος καὶ ἐπὶ ταύτην τὴν ἐλεινήν καὶ ταλαιπωρὸν συναγωγὴν καὶ ἐζήτησε τὸν ἀπατήσαντα αὐτοὺς παμβέβηλον πλάνον τὸν τὴν θολερὰν ἐκείνην ἀνατροπὴν τῆς βλασφημίας ἐργασάμενον καὶ τὸν ἀναιδῆ λαὸν ἐκεῖνον ποτίσαντα· ὅς καὶ παρέστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ ὅλος βαρυκάρδιος ὢν καὶ σκοτοδίνης πεπληρωμένος. Καὶ εἶπε Κύριος πρὸς αὐτόν· Ἐγὼ μὲν σιγήσω, τὸ δὲ γε ὑπὸ σοῦ βλασφημηθὲν πανάγιον καὶ ὁμοούσιον ἐμοὶ καὶ τῷ Πατρί μου Πνεῦμα τὸ κύριον καὶ θεῖον ἐλεύσεται καὶ ὀφθήσεται σοι, καὶ καταισχυνθήσῃ ὑπ' αὐτοῦ, ὅτι ἐστὶν ὄντως Θεός. Καὶ ἰδοὺ πᾶσαι αἱ θεαὶ δυνάμεις τῶν ἁγίων ἀγγέλων ἤρξαντο ἄδειν αἰ(f. 275 r.)νον τερπνὸν καὶ ξένον καὶ μέλος οὐράνιον, γλώσση ἀνθρωπίνῃ ἀνεκδιήγητον καὶ ἀνέκφραστον ἀνευφημοῦσαι ὡσανεὶ ἀνακαλούμεναι τὸ πανάγιον καὶ ζωαρχικὸν καὶ θεῖον Πνεῦμα. Εἶπε δὲ τὰ τῆς ὑμνωδίας οὕτως· Βασιλεῦ οὐράνιε, παράκλητε, τὸ Πνεῦμα τῆς ἀληθείας, ὁ πανταχοῦ παρῶν καὶ τὰ πάντα πληρῶν, ὁ θησαυρὸς τῶν ἀγαθῶν καὶ ζωῆς χορηγός, ἐλθέ καὶ ἐμφάνηθι ἐν μέσῳ ἡμῶν ὥστε αἰσχυθῆναι καὶ καταισχυνθῆναι εἰς σὲ διακενῆς ἀνομήσαντα καὶ παρανομήσαντα καὶ μεμηνῶς βλασφημήσαντα μιαιώτατον Μακεδόنيον, καὶ τῆς ὁμοουσιότητος τοῦ Πατρὸς καὶ τοῦ Υἱοῦ σὲ χωρίσαντα καὶ ἀποξενώσαντα. Μετὰ γοῦν τὴν φρικωδεστάτην καὶ θεοτερπῆ ὑμνωδίαν ταύτην, ἰδοὺ φῶς ἔλαμψεν ἄνωθεν φρικωδέστατον καὶ διεχύθη μέχρι καὶ τῶν ἀχράντων ποδῶν τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ καὶ οὐκ ἐξέλιπεν, ἐφήπλωτο δὲ ἐπὶ πάσῃ ὁδῷ ἢ διώδευσε· καὶ μετὰ τὴν τοῦ φωτὸς τοῦδε παρουσίαν, ἰδοὺ ἀκτῖνες προσβάλλου(f. 275 v.)σαι ἐπάνω αὐτοῦ, ὡς ἀπὸ πυρσοῦ μεγάλου ἀναφλεγόμενου καὶ σπινθηροβόλου· καὶ μετὰ τὰς σπινθηροβόλους καὶ φωτοειδεῖς ἀκτῖνας ἐκείνας, ἰδοὺ εἶδος ἀστραπῆς λευκῆς χιονοειδοῦς, καὶ μετ' αὐτὸ ἰδοὺ εὐπρέπεια ὠραιότητος, σύνεσις τε καὶ καλλονὴ ἀσύγκριτος, ἰδοὺ ἀγάπη καὶ χαρὰ ἀνεκλάλητος, εἰρήνη τε καὶ μακροθυμία, καὶ αὐταὶ πᾶσαι συνεζευγμέναι ἀλλήλαις ξενετρόπως. Ἡ δὲ ὠραιότης

και καλλονή αὐτῶν τοιαύτη τις ἦν, ὡς βρότειος νοῦς οὐ νοήσασθαι δεδύνηται, μὴ ὅγε ἐξεῖπειν γλώσση και ἀκοαῖς ταύτην χαρίσασθαι, ἀλλ' οὐδὲ ἐκφράσαι ταύτην ὅλως ἰσχύσει. Και μετ' αὐτάς ἰδοῦ θρόνος σμαραγδοειδῆς ποικιλόμορφος σπινθηροβολῶν και τὸν αἴρα τοῦ οὐρανοῦ κατακυρσεύων, και ἐπ' αὐτῶ ὁ Παράκλητος ἐπὶ νεφέλης φωτεινῆς ἐπαναπαυόμενος· και τὸ εἶδος αὐτοῦ ἐξάϊσιον και ἀνεκδιήγητον ὡσεὶ περιστερᾶς χιονοειδοῦς, και αὐτὸς ἤχε μετ' ἐκπλήξεως και ἐπανεπαύσατο ἐν τῷ μονογενῇ Υἱῷ και Λόγῳ τοῦ (f. 276 γ.) Θεοῦ και Πατρός. Και ὑμνησαν ἐπὶ τῇ τούτου θεϊκῇ παρουσίᾳ και ἐπελεύσει πᾶσαι αἱ τῶν οὐρανῶν δυνάμεις, Θεὸν ἀληθινόν αὐτὸν δοξάζουσαι και ὁμοούσιον τῷ Θεῷ και Πατρὶ και τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ, οὕτω βοῶσαι ἀναπαύστως και ἀλαλάζουσαι τὸν συνῆθη τρισάγιον αἶνον· Ἄγιε, ἄγιε, ἄγιε. Συνεὶς οὖν ὁ ἐπάρατος και θεομοσῆς Μακεδόνιος τὴν τῶν ἀγγέλων ὑμνωδίαν και τὰ ὁραθέντα αὐτῷ ζῆνα και φρικτὰ και ὡς ἀληθῶς θεϊκὰ θεάματα, εἰς τέλος κατησχύνθη και ὡσεὶ νεκρὸς πρηνῆς πέπτωκεν ἄφρονος, και ἡ ὑπ' αὐτοῦ μαθητευθεῖσα και πλανηθεῖσα ματαιοτάτη συναγωγὴ· ἔγνω γὰρ ὡς ἀληθῶς ὁ τρισάθλιος και οἱ μετ' αὐτοῦ, ὅτι Θεὸς ἀληθινὸς ἐστὶν ὁ Παράκλητος. Και ἰδοῦ ἐπινεύσαντος τοῦ δικαίου κριτοῦ, οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς παρεγένοντο και παραλαβόντες αὐτὸν και βάρβις πυρίνοις ἀνηλεῶς τύπτοντες και παραπλήσια τῷ βεβήλῳ Ἀρείῳ εἰς αὐτὸν πράξαντες, σὺν τοῖς ὑπ' αὐτοῦ αὐτὸν ἀπηκόντισαν και ἀπέριψαν (f. 276 ν.) εἰς τὴν ἄσβεστον φλόγα τοῦ πυρός, ἐν ᾧ τὸ μυριόφρικτον και μυριόλογον πῦρ ἕκαστον ἰδίως φλέγον και ἀδίως κολάζον τοὺς ἐν αὐτῷ κατακριθέντας· ἐκεῖ γὰρ εἰσιν, ὡς προεῖρηται, μυριάδες χαλεπαὶ τῶν πικρῶν τιμωριῶν σφοδρῶς ἀγχοῦσαι και δεινῶς πιίζουσαι τὸν σκολιὸν δράκοντα και ἐπικατάραιον Σατανᾶν σὺν τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ· τὸ δὲ βέβηλον αὐτοῦ ἄθροισμα ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ πυρός διαμερίσαντες ἀπέριψαν αἰωνίως κολάζεσθαι.

Και τούτων οὕτως τελεσθέντων τὸ μὲν θεῖον και ὡς ἀληθῶς κύριον και ζωαρχικόν Πνεῦμα ἐπανῆκεν αὐθις ὅθεν ἐλήλυθεν, εἰ και μὴ ἀπὴν θεϊκῶς τοῖς ἐκεῖ, ὁ δὲ Κύριος προσέδετο ἐπι ἀφορίσαι ἀπὸ τῆς ἐξ εὐωνύμου αὐτοῦ μερίδος ἐτέραν συναγωγὴν, ἣτις ἐκχωρισθεῖσα τῇ θεϊκῇ νεύσει τοῦ δικαίου κριτοῦ ἐστὶν κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· ἦτις

ὑπῆρχεν ὀλιγοστή λίαν παρά τὴν πρό αὐτῆς συναγωγὴν, καὶ Κύριος ἐπέιδεν ἐπ' αὐτήν, καὶ αὕτη ἦν πονηρὰ σφόδρα καὶ ἁμαρτωλός· καὶ τὸ μὲν (f. 277 γ.) ἡμισυ τοῦ προσώπου αὐτῶν σκότῃ χαλεπῷ ἦν ἁμαυρούμενον, τὸ δὲ ἡμισυ κοπρῶδες καὶ βδελυρόν, ἀκαθαρσίαν πολλὴν δυσειδεστάτην σταλάζον· ἐπὶ δὲ τὰ σώματα αὐτῶν ὡς ἰστός ἀράχνης ἐπέκειτο καὶ αὐτὸς κονιορτῷ πολλῷ κρεμώμενος, τὸ δὲ στόμα αὐτῶν ὑπῆρχεν ἐξηρευόμενον ἀσθένειαν καὶ καπνὸν θεάφης δυσῶδη καὶ ἀφόρητον πληρούμενον· οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν πονηρὰ βλέποντες, αἱ χεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες κόπων καὶ πόνων ματαίων ὑπῆρχον ἀνάπλευοι. Καὶ ἰδὼν αὐτὴν οὕτως ἔγρουσαν ὁ Κύριος σφόδρα ἐβδελύξατο αὐτήν, καθότι ἐν τῷ ματαίῳ κόσμῳ ζωὴ αὐτῶν σκάνδαλον μέγα τοῖς ἁγίοις καὶ ταῖς σεβασμίαις ἐκκλησίαις ὑπῆρχέ τε καὶ γέγονε καὶ εἰσέτι καθέστηκε. Καὶ διεκελεύσατο ὁ Κύριος εἰς τὸ ἐμφανὲς τὸν ἀπατεῶνα αὐτῶν ἀχθῆναι, ὡς θάττων ὡς ἐν ῥιπῇ ὀφθαλμοῦ παρέστη ἐνώπιον αὐτοῦ, καὶ ἦν ὅλος ἐβδελυγμένος καὶ μεμισημένος ἐναντίον Κυρίου· καὶ ἰδὼν αὐτὸν ὁ Κύριος φησὶ πρὸς αὐτὸν διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς τάξεως κατὰ τὸ εἰωθὸς (f. 277 ν.) λέγων· Ποῦ εἶσι, παμβέβηλε, τὰ ἐν τῇ ἐμῇ ἐνσάρκῳ οἰκονομίᾳ δυσπρόσωπα, ἀ ἐκ τῆς σῆς κειλίας ἐξήμεσας ἔχειν με; ποῦ δὲ καὶ οἱ δύο υἱοὶ οὗς ἐν τῷ ἐμῷ Πατρὶ ἀθέως ἐκήρυξας καὶ τὸν σοὶ πεπειθότα καὶ σὺν σοὶ παρεστῶτα νυνὶ ἄφρονα λαὸν εἰς ἐμὲ πιστεῦειν ἐδίδαξας καὶ πεπλάνηκας καὶ ἀντὶ βασιλείας οὐρανῶν υἱοῦς γέννης τούτους πεποίηκας; Οὐκ ἐγὼ μόνος εἰς ἅγιος καὶ εἰς Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς εἰς δοξαν τοῦ ὁμοουσίου μου Θεοῦ καὶ Πατρός; οὐκ ἐγὼ μόνος Θεὸς ὁμοῦ καὶ ἄνθρωπος ὁ αὐτός ἐν δυοὶ τελείαις φύσεσιν, ἐν δυοσὶν εὐσείαις, ἐν δυοσὶν ἐνεργείαις, ἐν δυοσὶ θελήσεσιν, ἐν μιᾷ δὲ τῇ ὑποστάσει γνωριζόμενος καὶ προσκυνούμενος καὶ δοξαζόμενος ὑπὸ πάσης κτίσεως ὀρατῆς τε καὶ ἀοράτου; Ποθεν γοῦν ἄρα σὺ, μαρῶτατε θῆρ ὀλετήρ, ἐν ἐμοὶ τὰ δύο προσώπα καθιστόρησας καὶ ἀπεκάλυψας ταῦτα τοῖς σοῖς ὁμόφροσι, καὶ τὸν παρόντα δῆμον ἀθλίως ἠπάτησας οὕτω περὶ ἐμοῦ πιστεῦειν, πανά(f. 278 γ.)θλιε; Καὶ ταῦτα λέγων ὁ σωτὴρ καὶ δίκαιος κριτὴς ἐδείκνυεν ἑαυτὸν ἀνθρωποπρεπῶς τῷ δακτύλῳ τῷ λυμῶνι ἐκείνῳ καὶ πᾶσι τοῖς συμμύσταις αὐτοῦ, ὡσανεὶ καλύπτων αὐτοῖς ἑαυτὸν· οἱ καὶ κατανοήσαντες ὅπως πεπλάνηται ἀσεβήσαντες

εις αὐτόν καὶ εἰς τὴν πανάχραντον καὶ πανάμωμον αὐτοῦ Μητέρα Μαριάν τὴν παρθένον, ἣν ὁ ἀλιτήριος Χριστοτόκον καὶ οὐ κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ὀνομάζειν ἐδίδασκε πάσας τὰς ἡμέρας τῆς ταλαιπώρου ζωῆς αὐτοῦ, καὶ φανερῶς πληροφορηθέντες οὗτοι ὅτι ὄντως ἠπάτηνται ὑπὸ τοῦ Σατανᾶ, ἴσταντο ἐξαλλοὶ καὶ ἀπονενοημένοι πρὸς ἀλλήλους ἐξεστηκῶς ἐνορῶντες. Προσεκαλέσατο δὲ καὶ τὴν ἄχραντον αὐτοῦ Μητέρα τὴν ὄντως κυρίως καὶ ἀληθῶς Θεοτόκον ἥκειν κατὰ πρόσωπον αὐτῶν, ἣ καὶ παρεγένετο, δόξη ἀπλέτω ἠγλαίσμενη καὶ δορυφορία θεικῆ λελαμπρυσμένη καὶ περιαιυαζόμενη, καὶ ἔστη πλη- (f. 278 v.)σίον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτῆς καὶ Θεοῦ, ἀρρήτω καὶ ἀνεκδιηγήτῳ θείᾳ αἴγλῃ κεκοσμημένη καὶ πεποικιλμένη ἐν ἐσθήσεσιν ἀστραπτούσαις, ἐν δὲ τῷ ἐκπορεύεσθαι αὐτὴν τῆς πύλης τῆς ἐνδοξοῦ καὶ περιφήμου θαυμασίας πόλεως ἐκείνης, καὶ πληθὸς οὐρανίων δυνάμεων πολὺ σφόδρα συνεπορεύετο αὐτῇ μετ' αἰδοῦς καὶ εὐλαβείας μεγίστης. Καὶ ἰδοῦ, ὡς εἴρηται, ἔστη πλησίον τοῦ βασιλέως, τὸ πρόσωπον αὐτῆς λάμπον ὑπὲρ τὸν ἥλιον, τὰ δὲ ἱμάτια αὐτῆς, ὡς εἶδος ἀστραπῆς, καὶ κατανόησις οὐκ ἦν τῆς εὐπρεπειᾶς καὶ τῆς ὠραιότητος αὐτῆς· καὶ ἐν τῷ ἐστάναι αὐτὴν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ καὶ τιμῇ ἤνεσαν αὐτὴν πάντες ἄγγελοι Θεοῦ μεγαλοφώνως ὁμοθυμαδὸν λέγοντες· Χαῖρε, Μαρία παρθένε, ἣ ἀξιωθείσα γενέσθαι Μήτηρ Θεοῦ καὶ χάριν εὐροῦσα ἐναντίον αὐτοῦ, ἣν εὖρεν οὐδεὶς τῶν πρὸ σοῦ ἢ καὶ τῶν μετὰ σὲ γεγονότων καὶ δημιουργηθέντων καὶ ἀπὸ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι ἀχθέντων ἀγγέλων καὶ ἀνθρώπων· χαῖρε, ὅτι διὰ σοῦ ὤφθη καὶ ἡμῖν ὁ πρὶν ἀόρατος καὶ ἀκατάληπτος (f. 279 r.) Κύριος· χαῖρε, Μαρία κυρία τοῦ σύμπαντος, ἣ αἰτία τῆς τοῦ κόσμου παντός σωτηρίας. Τούτων οὕτω λεχθέντων εὐφήμεν γλώσση ὑπὸ τῶν θειοτάτων ἀγγέλων, ἀκούσας Νεστόριος· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῷ ἀπατεῶνι καὶ δυσσεβεῖ ἐκείνῳ καὶ ἀλιτηρίῳ, ὁρῶν τε τὴν ἄφατον καὶ πάντα γοῦν ὑπερέχουσαν δόξαν, τὴν ὠραιότητα τῆς ἀειδαλλοῦς παρθένου καὶ Θεομήτορος, φόβῳ καὶ τρόμῳ συνεσχέδη πολλῶ καὶ διηπορεῖτο αἰσχύνης πληρούμενος ἀνεκφράστου σὺν πάσῃ τῇ κουστωδία αὐτοῦ. Καὶ ἰδοῦ ἐπένευσεν ὁ Κύριος ταῖς ἐπὶ τῶν τιμωριῶν τεταγμέναις δυνάμεσι, καὶ ὥσπερ τάχος ἀστραπῆς ἤξαντες ἦραν αὐτὸν τύπτοντες σφοδρῶς ῥάβδοις πυρίνοις, χεῖρας τε καὶ πόδας αὐτοῦ πε-

δήσαντες ἀλύσει σιδηραῖς πεπυρακτωμέναις καὶ σπινθηροβολουσαῖς, ἐκεῖ κατεκρήμνισαν, ἔνθα δὴ καὶ τοὺς πρὸ αὐτοῦ Ἄρειόν τε καὶ Μακεδόνον διεμερίσαντό τε καὶ ἀπέρριψαν, καὶ τοὺς ὁμόφρονας τούτου ἐν ταῖς λοιπαῖς κολάσει τῆς κυμαιομένης ἐκείνης θαλάσσης τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ἔλεει(f. 279 v.)νῶς ἀποδυρομένους καὶ κράζοντας· Ἐλέησον ἡμᾶς, ὁμογενῆς Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ ζῶντος Θεοῦ· ἀλλ' οὐχ ὑπῆρχεν ὁ ἐλεῶν αὐτοὺς καὶ ρύομενος τῶν χαλεπῶν ἐκείνων κολάσεων.

Μετὰ γοῦν τὸ συντελεσθῆναι τούτους ἐν ταῖς ἀνεικάστοις ἐκείναις καὶ χαλεπαῖς κολάσει τοῦ πυρός, καὶ ἕκαστον αὐτῶν τὰ κατ' ἀξίαν τῆς αὐτῆς δυσσεβοῦς καὶ κακῆς βλασφημίας κομίσασθαι, ἡ παναγία δέσποινα καὶ κυρία τοῦ κόσμου παντός ὀρωμένου τε καὶ οὐχ ὀρωμένου Μαρία ἡ Θεοτόκος εἰσέδου πρὸς τὰ ἄδύτα τῆς ἀγίας καὶ παλινζῶου πόλεως, ὅθεν ἐξελήλυθεν, ἀίνεσάντων αὐτὴν ἐν τῷ εἰσόδῳ ταύτης πάντων τῶν ἀγγέλων, ὡσπερ καὶ τὸ πρότερον· ὁ δὲ Κύριος ἠφόρισεν ἐτι ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἐτέραν συναγωγὴν ὀλιγοστὴν πάνυ ὑπὲρ τὰς πρὸ αὐτῆς, ἥτις παραγενομένη ἔσθη κατενώπιον αὐτοῦ· ὁ δὲ Κύριος δέδωκεν ἐμοὶ τῷ πανευτελεῖ καὶ ἀναξίῳ δούλῳ αὐτοῦ ὀφθαλμὸν καρδίας λελαμπρυσμένον ἐν τῷ φωτὶ τῆς αὐτοῦ θείας ἐπιγνώσεως τοῦ ἐπιγνώναι καὶ καταμαθεῖν τὰ ἀπόρρητα ταῦτα πάντα (f. 280 r.) καὶ ὡς ἀληθῶς ξένα καὶ φρικτὰ μυστήρια, ἅπερ μοι ἀπεκάλυψεν εἰς οἶδε τρόποις αὐτὸς μόνος καὶ κρίμασι, πλην οὐχ ὅτι γεγόνασιν, ἀλλ' ὡς μέλλοντα ταῦτα γενέσθαι· κάμοι ἀπεκάλυψεν, ὅπως κάμοῦ τὸ ζοφῶδες σκότος καὶ ψυχοφθόρον τῶν ἐμπαθῶν λογισμῶν τῆς ἀσεβείας ἀποδείξει διὰ τῆς αὐτοῦ ἐπιγνώσεως καὶ ὑμᾶς πάντας στερεωτέρους ἐν τῇ ἀμωμήτῳ πίστει τῆς τριφεγγοῦς θεότητος ἀπεργάσθαι. Ὅθεν καγὼ φόβῳ καὶ τρόμῳ τὰ θεῖα βαλλόμενος, ἀγαπητοὶ ἀδελφοί, μήπως ὡς ὁ ὀκνηρὸς δούλος ἐκεῖνος κατακρηθῶ, ὅς λαβὼν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς τὴν γῆν κατέρυξε καὶ τὸ δοθέν αὐτῷ εἰς ἐργασίαν ἐκρυψεν ἀπραγμάτευτον, ἐξήγησιν τοίνυν ἱεράν ἕως ἐμοῦ καταντήσασιν τῶν παραδόξων καὶ φρικτῶν ἀποκαλύψεων οὐδαμῶς σιωπήσομαι· καὶ μοι μηδεὶς ἀπιστείτω ἅπερ τεθέαμαι γράφοντι, ἢ ἐμὲ τερατεύεσθαι, ἢ τῶν ἐξαισιῶν ἐκείνων θεαμάτων τῷ μεγέθει καταπληθ(f. 280 v.)τόμενος· ἐμοὶ

γάρ μὴ γένοιτο τούτων ἱερῶν καταψεύδεσθαι καὶ κατηλεύειν λόγους ἐν οἷς Θεὸς μνημονεύεται τε καὶ ἐπιγινώσκεται, ἀλλ' ἐπ' αὐτῆς τῆς ἀληθείας Θεὸν προβαλλόμενος μάρτυρα καὶ πολλὰ τῶν ὁραθέντων μοι παραδραμεῖν εἶχον καὶ τῇ λήθῃ παραπέμψαι, εἰ μὴ Κύριος δέδωκέ μοι γνώσιν, γλῶσσάν τε καὶ λόγον ταῦτα πάντα μετὰ πάσης ἀκριβείας ὑμῖν φανερῶσαι καὶ ὑποδείξαι ὡς προῶν ὁ λόγος δηλώσει εἰς κοινὴν ἀμφοτέρων σωτηρίαν, ὡς ἂν μὴ ταῖς ἀτόποις ἐννοίαις τοῖς σφῶν δυσσεβεστάτοις λογισμοῖς συμπεριφέρεσθαι ἡμᾶς καὶ διὰ τῆς συγκαταθέσεως τούτων καὶ παραδοχῆς εἰς ἄδου πέταυρον καταφέρεσθαι· ὅπερ ἐγὼ ὁ ταλαίπυρος, εἰ μὴ ὁ μέγας θεράπων Θεοῦ καὶ ἁγίός μου Πατὴρ καὶ προστάτης Βασιλεὺς χεῖρα μοι βοηθείας ἐκτείνας ἀνήγαγεν ἐκ χάους καὶ ζόφου ἀφεγγυὸς τοῦ κατωτάτου ἄδου, διὰ γὰρ τῆς ἐκείνου θεοπειθοῦς πρεσβείας ταῦτα πάντα μοι ἀπεκαλύφθη θεάσασθαι εἰς κοινὴν, ὡς ἔφην, πάντων ὑμῶν τῶν πιστῶν ὠφέλειαν (f. 281 γ.). διὰ τούτο παρακαλῶ ὑμᾶς καὶ πάλιν ἐρῶ, ἀγαπητοὶ μου ἀδελφοί, μηδεὶς ἀπιστεῖτω τοῖς λεγομένοις.

Ὡς οὖν ἡ συναγωγὴ αὕτη παρέστη ἐνώπιον Κυρίου, ταύτην ἰδεασάμεθα ἐγὼ τε καὶ ὁ σὺν ἐμοὶ θαυμαστός ἐκεῖνος νεανίας, ὅστις καὶ τὰ τῆδε πάντα ἐμοὶ κατὰ μικρὸν ἰσαφῆνίζε τε καὶ ἀνεδίδασκε· καὶ ἦν ἡ ἰδέα τῶν προσώπων αὐτῶν ἐχλευασμένη λίαν ἀπὸ χλεύης καὶ ἐμπαίγματος δαμονιώδους, ἐξ ἀπάτης τὴν ῥυτίδα ἔχουσα, καὶ πάντες περιβεβλημένοι χιτῶνας ὑφαντοὺς ἀπὸ ἀναθέματος, ἐν ταῖς χερσὶ καὶ ποσὶν αὐτῶν σὺν τοῖς ὄμμασι σφραγίδα σημασίας ἔχουσα σκοτόμορφον τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας αὐτῶν. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος εἶδε πᾶσαν τὴν ἀειδίαν αὐτῶν καὶ λίαν ἠγανάκτησεν ἐπ' αὐτοὺς καὶ ἐζήτησε τὸν ὁδηγὸν καὶ διδάσκαλον τῆς αὐτῶν ἀπωλείας· ὃς εὐθύς νεύσει θεικῇ ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ μετὰ καὶ τοῦ ὁμόφρονος καὶ ὁμογνώμονος αὐτοῦ, μεμελανωμένα καὶ ἀπηγριωμένα κεκτημένοι τὰ ἀναιδῆ καὶ δαι(f. 281 ν.)μονιώδη αὐτῶν προσωπα· ὄφτινες ἦσαν, ὡς ὁ ἄγγελός μοι διεσάρησε, Διοσκορὸς καὶ Εὐτυχῆς οἱ μονοδελῆται αἰρετικοί. Καὶ ἀτενίσας εἰς αὐτοὺς ὁ Κύριος ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ αὐτοῦ δικαίᾳ εἶπε πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς στρατηγικῆς ἐκείνης καὶ θείας σάλπιγγος· Ὡ ἐπάρατοι συνεργοὶ καὶ υἱοὶ τοῦ διαβόλου, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, τίς ὑμᾶς ἐξηπάτησεν εἰς τοιοῦτον

βόδυνον άνοίας έλθειν; ή πόθεν τό δεινόν τούτο και θεοστυγές ώδηγήσατε δόγμα έν έμοι, ότι ή έμή θεότης και άνθρωπότης μίαν κέκτηται τήν φύσιν, μίαν και τήν θέλησιν και ένεργειαν, και ούτως άσεβώς άπεπλάνησατε τήν ύμίν πειθήσασαν έλευσινήν ταύτην και ταλαίπωρον συναγωγήν, ήτις σүн ύμίν κληρονομήσει τό αιώνιον και άκατάβεστον πυρ, τό ήτοιμασμένον τῷ διαβολῳ και τοίς άγγέλοις αύτου; Ούκ έγώ Κύριος και Θεός εις έν δυσι τελείαις ταίς φύσεισι και θελήσεισι και ενεργείαις, θεότητος λέγώ και άνθρωπότητος, ών τε και γνωριζόμενος και (f. 282 γ.) υπό τῶν εύσεβῶν δοξαζόμενος έν μιᾷ και τῇ αύτῇ ύποστάσει, διττάς έχων και άσυγχύτους τάς φύσεισι και καταλλήλους αύταις τάς ενεργείας και τά θελήματα, καθώς και οι υπό του όμοφυουδς και έμοδοξου μου Πνεύματος κινούμενοι πατέρες ύμῶν και έμοῦ θεράποντες έδογματίσαν και έν ὄρει εύσεβείας και αύτοι μεμενήκασι, και τό ύπήκοον άπαν έμμένειν έδίδαξαν, και τόν έμπιστευθέντα τούτοις λαόν και κληρον διετήρησαν πάσης αίρέσεως άδιγῆ, και πρός χλόην ζωῆς καθωδήγησαν; ύμείς δε, πῶς άρα τετολμήκατε ὄλωσ καινοτομησαι και παρασαλευσαι τούς παρ' αύτοις τεθέντας θείους ὄρους και νόμους νεύσει του έμοῦ Πατρός και τάς διατάξεις αύτῶν άκύρους ποιῆσαι και άπειθεῖσαι; Και έπιστραφείς έφη πρός τούς άγγέλους εκείνους τούς ύπηρέτας τῶν κολαστηρίων· "Αρατε αύτούς και πρός τόν πατέρα αύτῶν τόν Σατανάν άπαγάγετε, έν α σүн εκείνῳ μετά και τῶν ὁμοίων αύτοις (f. 282 ν.) τούς καρπούς τῶν πόνων αύτῶν δρέψωνται. Και εύθέως άρπάσαντες αύτούς, ώσει τάχος άστραπῆς, οι πύρινοι έτασται και χείρας αύτῶν και πόδας πεδήσαντες έν βαρείαις αλύσεισι και τροχούς σιδηρούς επί τῶν τραχήλων αύτῶν έξαρτήσαντες και σφοδρῶς αύτούς μαστιζοντες ράβδοις πυρίνις, εκεί αύτούς κατεκρήμνισαν έν τῇ κατωτάτῳ άβύσσῳ του αιωνίου πυρός, ένθα και τόν Άρειον και τούς έμόρφονας αύτου άπτηκόντισαν, Μακεδόνιον και Νεστόριον, τούς δε μαθητευθέντας παρ' αύτῶν εις τήν παφλάζουσιν εκείνην θάλασσαν του πυρός κατεπόντισαν.

Μετά δε τό συντελεσθῆναι τήν ταλαίπωρον ταύτην συναγωγήν έν ταίς αιώνιαις κολάσεισιν, ίδού έτέρα συναγωγή από τῆς εξ έωνύμων μερίδος νεύματι του δικαίου χριτου παραγεγονυτα έστη κατά πρόσωπον αύτου· ήσπινοσ προεξήργον και προῆγον τρεις έξα-

πατηται, δόλιοι σοφισται, μεμυσταγωγημένοι και μεμαθητευμένοι (f. 283 γ.) ὑπὸ τοῦ ἀρχεκάκου και βροτοκτόνου ὄφως, ἔχοντες τὴν ἰδίαν πλάνην και ἀπάτην περιβεβλημένην ἐν ταῖς αὐτῶν πλευραῖς· και ἰδοὺ αὐτοὶ και ἡ συναγωγή αὐτῶν σχεινίσις μελανοῖς καθόλου τοῦ σώματος αὐτῶν ὑπῆρχον συνεσφιγμένοι λίαν, και σκότος βαθὺ κατεκάλυπτε τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῶν και τὰ πρόσωπα πῆζον και συνδλιβον τὴν αὐτῶν αἴσθησιν, και οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἀμβλυωποῦντες ὠρῶντο ἀπὸ ματαιότητος αὐτῶν, αἱ χεῖρες αὐτῶν και οἱ πόδες βεβαμμένοι ἰψ̄ πονηρῶ και χαλεπῶ ἀπὸ τῆς τοῦ Σατανᾶ ὠχρότητος, πάντες χιτῶνας ἐνδεδυμένοι ζοφεροῦς λίαν, ἀφ' ὧν ἐξετινάσσετο και ἐξέπιπτεν ὡς αἰθάλη σποδιάς· και ἦν χαλεπὸν αὐτοῖς τοῦτο, και ἑαυτοὺς οἱ ἄδλιοι ἐταλάνιζον, ἀποδυρόμενοι σφόδρα και πρὸ τῆς δικαίας τοῦ κριτοῦ ἀποφάσεως. Και ἀτενίσας ὁ Κύριος πρὸς αὐτοὺς εἶδε πᾶσαν τὴν αἰεidiαν και ἀσχημοσύνην αὐτῶν και ἐδυμῶθη κατ' αὐτῶν σφόδρα, ἐπειδὴ παντελῶς ἠρήμοσαν τὰς (f. 283 ν.) ἑαυτῶν ψυχὰς και ἀκάθαρτα ὠρῶντο και ζεζοφωμένα αὐτῶν τὰ σκηνώματα, και βδελυκτοὶ και μεμισημένοι ἐφάνισαν ἐνώπιον αὐτοῦ. Και ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν ἀπόφασιν ἐνδικον παραπλησίως τοῖς πρὸ αὐτῶν, λέγων ἐν θυμῶ δικαίῳ πρὸς τὸν ἕνα τῶν τριῶν ἀπατεῶνων, ὅστις ἦν τῶν ἄλλων ὁ πρωταίτιος τῆς αὐτῶν ἀπωλείας·

Ω δυσφημότατε και κατάρατε, πῶς καλῶς περιπατῶν ἐν ἀρχῇ τὴν ὁδὸν μου τὴν ἀπάγουσαν πρὸς τὴν αἰώνιον ζωὴν ἀπὸ ταύτης διέστρεψας σεαυτὸν και ὄλωσ ὄλωλας, βαδίσας ὁδὸν τὴν ἀπάγουσαν εἰς ἀπώλειαν; δι' ἣν αἰτίαν τοῦτο πεποίηκας, λέγε μοι; ἐπιστράφθι και θέασαι ὅσας φυχὰς τῇ κακασχόλῳ σου δογματίζει ἀπὸ Θεοῦ Σωτῆρος ἐξενεύρωσας και ἐξέκοψας και ἀπὸ τῆς τῶν δικαίων μερίδος ἀπηλλοτριώσας και τῶ αἰωνίῳ πυρὶ μετὰ σεαυτοῦ παρέμπεψας. Πορεύου οὖν ἀπ' ἐμοῦ, τρισάδλιε, σὺν τοῖς σοῖς ὁμόφροσι και ἑμογνώμοσι, ἀπόλαυε ἦν ἡτσίμασας και ἡτρέπισας αὐτὸς ἑαυτῶ ἀτελεύτητον (f. 284 γ.) και ἀδιάδοχον γέενναν τοῦ πυρός, ἣτις ἡτοιμάσθη και προεுτρεπίσθη τῶ διαβόλῳ και τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἐνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς και ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Και ταῦτα λέγων ὁ Κύριος μετὰ δικαίας ὀργῆς πρὸς τὸν Ὀριγένην· τοῦτο γὰρ ἦν ὄνομα τῶ ἀπατεῶνι ἐκείνῳ, ὡς ὁ ἀγγελὸς μοι διεσάφησεν, οἱ δὲ τούτου ὁμόφρο-

νες Εὐάγριος και Δίδυμος ἦσαν· εὐθύς οὖν ἤξαντες οἱ πύρινοι ἐκείνοι ἐτασταὶ τῶν κολάσεων ἦσαν αὐτοὺς τύπτοντες πυρίνοις ῥάβδοις, ὡσεὶ τάχος ἀστραπῆς, και ἐνέβαλον αὐτοὺς ἐκεῖσε εἰς τὸν φοβερόν τόπον τοῦ κατωτάτου χάους τῆς ἀβύσσου τοῦ ἀκοιμήτου πυρός, ὅστις τῷ διαβόλῳ ἀποκεκλήρωται σὺν τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, ἔνθα και τὸν Ἄρειον και τοὺς μετ' αὐτὸν παρέπεμψαν, τὴν δὲ κατ' αὐτοὺς ἀθλίαν συναγωγὴν τῷ ἀκοιμήτῳ σκώληκι παραδέδωκαν. Καὶ ἦν ὄδυρμός πολὺς σφόδρα ἐν μέσῳ αὐτῶν και κλαυθμὸς ἀπαρακλήτος, και κατηρώντο τὸν μάταιον Ὀριγένην συρόμενοι και διαμεριζόμενοι εἰς τὸν ἰοβόλον σκώληκα (f. 284 v.) και τάρταρον, ἐπιμεμφόμενοι ἑαυτοὺς ὅτι ὄλωσ ἠχροάσαντο και ἐπέισθησαν τῇ ματαίᾳ αὐτοῦ διδαχῇ· και οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν και οἰκτεῖρων αὐτοὺς, και συνετελέσθησαν και οὗτοι ταῖς ἀνομίαις αὐτῶν και ἐκομίσαντο τὰ ἐπάξια τῶν ἔργων αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν, διότι οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν ἐκεῖ και οἱ οἰκτιρμοὶ τοῦ Κυρίου καταπαυμένοι και ἀπεστραμμένοι ἀπ' αὐτῶν· ἡ γὰρ ἡμέρα ἐκεῖνη, ἡμέρα κρίσεως, ἡμέρα ἐκδικήσεως και ἀνταποδόσεως ἦν.

Και προσέθετο Κύριος ἐτι ἀποδοῦναι τοῖς ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ ἐναπολειφθεῖσι, και διεχώρισεν ἀπ' αὐτῶν ἐπινεύσας ἑτέραν συναγωγὴν, ἣτις παραγεγονυῖα ἔστη κατὰ πρόσωπον αὐτοῦ· και οἱ ἀπατεῶνες και πλάνοι αὐτῆς ἦσαν πέντε τῷ ἀριθμῷ, ὅτινες αὐτὴν ἐκπεπορευκένας πεποιήκασιν και πρὸς τὴν μιαινωτάτην ἀλρεσιν ἐπινενευκένας και ἀποπλανηθῆναι. Καὶ αὐτοὶ ἦσαν ἀπεβροντισμένοι μετὰ τῆς συναγωγῆς αὐτῶν, ῥυπαρὰ ἱμάτια ὡς ἀπ' ἀσβόλης ἡμφιεσμένοι, και ἡ τοῦ προσώπου αὐ(f. 285 r.) τῶν αἰδῶς ἠφανισμένη ὡς ἀπὸ κόνεως ἀνδράκων, αἱ χεῖρες αὐτῶν λίαν ἀκάδαρτοι και παμβέβηλοι, και οἱ πόδες αὐτῶν σφόδρα μεμολυσμένοι, και ἀπὸ τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν σκότος βαθύτατον ἐξεπορεύετο. Καὶ εἶπε Κύριος τοῖς ἐξάρχουσιν τῆς ἀνεμίας αὐτῶν· Πέδεν ὑμῖν, ἀφρονέστατοι και τρισκατάρατοι, ἐξεγένετο δογματίζειν ἐν ἐμοὶ ἐνανθρωπήσαντι ἃ μὴ θέμις, ὡς ὅτι ἐν θέλημα και μίαν ἐνέργειαν και μίαν φύσιν κέκτημαι, παραχαράξαντες τὰ θεῖά μου διατάγματα, και ἀποπλανῆσαι τὸν περιεστώτα ὄχλον ὀπίσω πορευθῆναι ἐκ φηλῆς και νόθου ὑμῶν διδαχῆς; και οὐκ ἐμάθητε δύο φύσεις και δύο οὐσίας ὑπάρχειν ἐν ἐμοί; οὐκ ἐγνωτε ὡς ἐκάστη φύσις τὸ ἴδιον θέλημα κέκτηται,

καὶ ἐκάστη οὐσία ὁμοίως τὴν ἑαυτῆς ἐνέργειαν; οὐκ ἔγνωτε τὸ διάφορον θεότητος καὶ ἀνθρωπότητος, πῶς οὖν τετολμήκατε ἐν θέλημα καὶ μίαν ἐνέργειαν ἐπὶ τε τῆς θεότη[το]ς καὶ ἀνθρωπότητός μου δογματῖσαι καὶ τούτους οὕτω πιστεύειν διδάξαι καὶ πείσαι (f. 285 v.); Ἐμβλέψας οὖν τοῖς βασιανισταῖς ἀγγέλοις φησὶν· Ἄρατε αὐτοὺς ἐντεύθεν κάκει αὐτοὺς ἀποκαταστήσατε, ἔνθα καὶ ὁ κύριος αὐτῶν τέτακται Σατανᾶς, καὶ τὴν ματαίαν αὐτῶν συναγωγὴν τῷ βρυγμῷ τῶν ὀδόντων ἐμβάλετε. Ἦσαν δὲ οὗτοι, ὡς ὁ συνὼν μοι διεσάφησεν ἀγγελος, Σέργιος, Ὀνόριος, Κῦρος, Πύρρος καὶ ὁ μιαρῶτατος Μακάριος. Καὶ εὐθέως ἀρπάσαντες αὐτοὺς οἱ πύρινοι ἀγγελοὶ τύπτοντες αὐτοὺς πυρίνεις ράβδους ἀπέρριψαν ἔνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν αἰρεσιάρχας κατεκρήμνισαν, καὶ τὴν ματαίαν συναγωγὴν αὐτῶν διεσχόρπισαν ἔνθα ἐστὶν ὁ κλαυθμὸς καὶ ὁ βρυγμὸς τῶν ὀδόντων. Καὶ αὐτοὶ τὸ οὐαί, οὐαί ἐν πικρίᾳ ψυχῆς διμερίζοντο, ἀποδυρόμενοι καὶ γερῶς ἀνοιμῶζοντες.

Καὶ ἐν τῷ τοῦς ματαιόφρονας καὶ παμβεβήλους τούτους αἰρετικούς κομίσασθαι τοὺς καρπούς τῆς αὐτῶν μισαρᾶς καὶ ἀδεμίτου αἰρέσεως, προσέθετο ἔτι ὁ Κύριος ἀφορίσαι ἀπὸ τῶν ἐπιλοσίπων ἀμαρτωλῶν καὶ υἰῶν τῆς ἀπωλείας ἑτέραν συναγωγὴν τοῦ ἀποδοῦναι αὐτοῖς κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν· καὶ (f. 286 r.) ἰδοὺ αὕτη παραγεγονυῖα ἔστη κατενώπιον αὐτοῦ, ἣτις ἦν μεγάλη σφόδρα· καὶ εἶδομεν πάντας τοὺς ἐν αὐτῇ ματαίᾳ ταύτῃ συναγωγῇ, καὶ ἦν ἡ ὄρασις τῶν προσώπων αὐτῶν, οἷα εἰδώλων νεκρῶν τῶν ἐν ταῖς ἵπποδρομίαις ἰσταμένων χάριν τινὸς ἀναμνήσεως ἐστηλωμένων, οἱ δὲ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν, ὡς ὀφθαλμοὶ λύκων ἀπηγριωμένων, αἱ δὲ ἀκοαὶ αὐτῶν βεβυσμέναι ἐν πίσση καὶ στυπτεῖῳ, καὶ αἱ χεῖρες αὐτῶν εἰς τοῦπίσω ὑπὸ Κυρίου διεστραμμέναι καὶ πρὸς τὸν Σατανᾶν ἐκτεινόμεναι, καὶ ἡ κακία αὐτῶν, ὡς φλῆξ ἀνακράζουσα ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, οἱ πόδες αὐτῶν ὄφεις καὶ ἰοβόλα θηρία περιπεπλεγμένοι· σῆτινες ἐδόσκουν μὲν φιλεῖν ἀλλήλους καὶ κατασπάξασθαι, ἐπεμίγριζον δὲ καὶ ἀλλήλους ὡς κύνες κατέδακνον. Καὶ πυνθανομένου μου πρὸς τὸν ὀδηγοῦντά με θεῖον ἐκεῖνον καὶ θαυμαστὸν νεανίαν, τίνες ἄρα οὗτοι εἰσὶν, ἔφη πρὸς με· Οὗτοι πάντες, ὡς ὄραξ ἐν τῇ τοιαύτῃ βδελυριᾷ καὶ θεομισήτῳ ὄρασει, εἰκονομάχαι τυγχάνουσι καὶ (f. 286 v.) εἰκονοκαῦσται, οἱ λεγόμενοι

Ἰακωβίται καὶ Σεβηριανοί, καὶ πάντες οἱ ὅμοιοι αὐτῶν αἰρετικοί, οὐκτινες προσκυνεῖν ἐβδελύσσοντο τὰ τίμια λείψανα τῶν ἁγίων μαρτύρων καὶ τὰς ἀγχαίντους εἰκόνας αὐτῶν τε καὶ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, δι' ὧν ἀναδιδάσκεται καὶ καταμανθάνει πᾶς ὀρθόδοξος χριστιανός, τὰ τε σωτήρια πάθη Χριστοῦ καὶ τὴν ἐκ νεκρῶν τούτου τριήμερον ἐξανάστασιν, τὴν τοῦ θανάτου καὶ ἄδου καταλυσιν, τὴν εἰς οὐρανοὺς ἀνοδον, τὴν ἐξ οὐρανῶν αὐθις δευτέραν τούτου ἐπὶ γῆς ἔλευσιν, τὴν ἣν ὁρᾷ κρίσιν δικαίαν καὶ ἀνταποδοσιν τῶν μαρτύρων τοὺς ἄθλους καὶ τὴν τούτων εἰς βασιλείαν Θεοῦ ἀποκατάστασιν καὶ οἰκείωσιν. Καὶ ἀπέστρεφον τὰς ὄψεις αὐτῶν ἀπ' αὐτοῦ, μὴ φέροντες ἀτενίσαι πρὸς αὐτόν, καὶ ὡσανεὶ διέλεγοντο πρὸς ἀλλήλους τοιαῦτα· Ὅντως ἐματαιώθημεν ἐν ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν, μὴ προσκυνήσαντες τὴν ἀγχαίντον εἰκόνα αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ, ἀλλὰ μᾶλλον ἠτιμάσαμεν καὶ τὸ καθ' ἡ(f. 287 r.) μᾶς ἐμιάναμεν αὐτήν. Καὶ ἀνταπεκρίναντο αὐτοῖς ἕτεροι· Οὐχί, ἀλλὰ μᾶλλον κακῶς ἐποιήσαμεν· φαντασιᾶ(ν) γὰρ οὐκ ἀληθεῖα ἀνθρωπῶς γέγονε, καὶ πῶς ἂν τις φάντασμα ἱστορηθῆται ὅλος ἐπευδοκῆσειεν; Οὐτοὶ δὲ οἱ ταῦτα λέγοντες τῶν ἀφθαρτοδοκῆτων ἦσαν· τοιοῦτοτρόπως γὰρ δοξάζει ἡ αἵρεσις αὐτῶν περὶ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ μηδὲως παραδεχόμενοι τὴν ἑνσαρκον αὐτοῦ οἰκονομίαν εἶναι ἀληθινήν. Καὶ ἄλλοι ἄλλως πρὸς ἑαυτοὺς συνομιλοῦν καὶ ἔλεγον ἕκαστος δηλαδὴ κατὰ τὴν αἵρεσιν τῆς θρησκείας αὐτῶν φάσκοντες· Οὕτως ἐστὶν ἀληθῶς καὶ οὕτως καλῶς ἐποιοῦμεν· ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι τὸν ἱστορούμενον χαρακτῆρα τίμιον αὐτοῦ ἐν τῇ ζωῇ ἡμῶν σφόδρα ἐβδελυσσόμεθα· καὶ οἱ μὲν, ἔλεγον· Ὅντως κακῶς τούτο πεποιήκαμεν, ὅτι οὐκ ἐτιμήσαμεν τὴν ἀγχαίντον εἰκόνα τῆς αὐτοῦ ἀνθρωπότητος· οἱ δὲ ἔλεγον· Ἡμεῖς αὐτόν ἠγαπῶμεν καὶ εἰς τοῦτον ἐπιστεύομεν, καὶ ἐὰν τὴν εἰκόνα αὐτοῦ οὐκ ἐτιμῶμεν, τί αὐτῷ περὶ (f. 287 v.) τούτου; ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἀντέλεγον· Εἰ ἠγαπῶμεν αὐτόν, ἐτιμήσαμεν ἂν καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ· καὶ ἕτεροι πρὸς αὐτοὺς ἀνταπεκρίνοντο· Ἄψυγον εἰκόνα καὶ νεκρὰν μήτε ὀμιλοῦσαν μηδὲ αἰσθανομένην οὔτε τιμᾶν δέον ἦν, οὔτε προσκυνεῖν· καὶ οἱ μὲν ἔλεγον πάλιν πρὸς αὐτοὺς· Ὅντως μεγάλως ἐσφάλημεν, δέον γὰρ ἦν ἡμῖν πιστεῦειν εἰς αὐτόν, ὅτι ἐν τῷ οὐρανῷ ἐν δεξιᾷ τοῦ

Πατρός καθήμενος ἦν, καὶ εἰ οὕτως εἰς αὐτὸν ἐπιστεύομεν, δέον καὶ τὴν εἰκόνα αὐτοῦ τιμᾶν καὶ προσκυνεῖν σχετικῶς, οὐχ ὡς Θεὸν ζῶντα ταύτην, ἀλλ' ὡσπερ σκιάν καὶ εἶδος τῆς ἀνθρωπότητος αὐτοῦ. Ἄλλοι ἔφασκον· Εἰ τοῦτο ἐποιοῦμεν, μακάριοι νῦν ἐτυγχάνομεν ἂν· πολλάκις γάρ ἦν τις δίκαιος ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ὃς ἐπέκτητο φίλον ἁμαρτωλὸν· ὅταν οὖν συνέβη ἀλλήλους συναντῆσαι κατὰ τινα ὁδόν, οὐχὶ προσεκύνει ὁ δίκαιος τῷ ἁμαρτωλῷ, οἷα κακείνος ἐκείνῳ, καὶ στόμα πρὸς στόμα κατησπάζετο αὐτόν; ποῖον οὖν ἄρα μῶμον ὁ δίκαιος ἐκ τούτου προσεδέχετο; ὄντως (f. 288 r.) οὐδέν. Οὕτως οὖν καὶ ἡμεῖν δέον πολλῷ πλέον ἐπι μᾶλλον προσκυνεῖν καὶ σέβασθαι τὴν εἰκόνα τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν καὶ Θεοῦ· καὶ οὐκ ἂν ἡμεῖν ἐκ τούτου προσεγένετο ἢ τοσαύτη κατάγνωσις καὶ κατάκρισις· ἀλλ' ὄντως ἀπολώλαμεν, τελέσαντες ἑαυτοὺς καὶ ἀποδείξαντες ἐλεεινοὺς καὶ εὐκατακρίτους τῇ ἀτελευτήτῳ γεέννῃ τοῦ πυρός. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους θρηνοῦντες καὶ ἀποδυρόμενοι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, ἐκέκραξαν ἔμοθυμαδὸν πρὸς Κύριον οἱ πλείους αὐτῶν λέγοντες· Κύριε, ἐλέησον ἡμᾶς, ὅτι εἰς σέ πεπιστεύκαμεν, κἂν ἐν τούτῳ ἀπεσφάλημεν προσκυνεῖν βδελυξάμενοι τὸν τίμιον χαρακτήρα τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας, ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ ὁ Θεὸς ἡμῶν, κατὰ τὸ πολυέλεός σου, καὶ μὴ στήσης πρὸ προσώπου ἡμῶν εἴ τι εἰς σέ καὶ εἰς τὴν ἄχραντον εἰκόνα σου διεπράξαμεν πονηρῶν. Ὁ δὲ Κύριος λελάληκε πρὸς αὐτοὺς. Καὶ τίς ποδῶν τὸν Κύριον καὶ Θεὸν αὐτοῦ τὸν χιτῶνα αὐτοῦ ἀτίμως (f. 288 v.) καὶ ὑβριστικῶς διασχίζει, ἢ τίς φιλῶν, ἂν γράφῃ πρὸς αὐτὸν ἐπιστολὴν, καταπατεῖ αὐτὴν τοῖς ποσίν αὐτοῦ, ἢ τίς δούλος εὐγνωμῶν, εὐρῶν τὸ ὄνομα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ γεγραμμένον ἐν τισὶ πίναξι καὶ σφόδρα ἀγαπῶν αὐτόν, ἐμπύει εἰς αὐτὸ καὶ ἄρας χοῦν ἢ καὶ βόρβορον βάλλει ἐπ' αὐτῷ, καὶ λαβῶν ξύλον ἢ τι ἔστρακον ἢ ξυστήρα ἀποξείει καὶ ἀπαλείφει αὐτό; Ὁ ἐμὲ ἀγαπῶν ἀγαπᾷ καὶ τὸν χαρακτήρα τῆς μορφῆς μου, ὁ ἐμὲ μισῶν καὶ τὴν μορφήν μου μισεῖ, ὁ μὴ προσκυνῶν τὴν εἰκόνα τῆς ἐμῆς ἐνανθρωπήσεως καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων τὰ ἐκτυπώματα, οὐδὲ ἐμὲ προσκυνεῖ, καὶ κἂν μυριάκις οὕτος Θεὸν με ὀνομάξῃ καὶ κατασπάζηται, βδελυκτὸς ἐναντίον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρὸς μου καὶ ἐπάρατος πέλει καὶ ἀποδεικνύται. Καὶ ὡς ταῦτα ἔλεγεν ὁ

δίκαιος ἐκεῖνος κριτῆς πρὸς αὐτούς, ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν ὀργίλῳ καὶ αὐστηρᾷ τῇ φωνῇ διὰ τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ στρατηγικῆς σάλπιγγος· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐργάται τῆς ἀνομίας, ἀπό(φ. 289 γ.)-στητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ συνεργοὶ τοῦ Βελίαρ καὶ μίσθοιο τοῦ διαβόλου, πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον, τὸ ἡτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, οἱ προσδοκῶντες νεκρὰν εἶναι τὴν ἐμὴν εἰκόνα τῆς ἐνανθρωπήσεως, καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων ὡς αὐτὰ τὰ εἰδῶλα τῶν ἐθνῶν· ἄρα οὐχ ὅταν προσήυχοντο οἱ εἰς ἐμὲ πεποιδότες ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ εἰς τὴν εἰκόνα τοῦ ἐμοῦ χαρακτῆρος καὶ τῆς ἁγίας μου μητρὸς καὶ (εἰς) πάντων τῶν ἐν ὄλῳ τῷ κόσμῳ ἁγίων μου, παρήμην ἐγὼ ἀσράτως τῷ πνεύματι τῆς θεότητός μου ἐν ταῖς τιμίαις εἰκόσι καὶ προσεδεχόμενην αὐτούς καὶ τὰς αὐτῶν ἰκεσίας, θεωρῶν τὴν τούτων ἐκ καρδίας θερμοτάτην πεποίθασιν ἐκάστῳ ἀπένεμον τὰ δέοντα καὶ συμφέροντα; πῶς οὖν ὑμεῖς εἰδῶλα νεκρὰ τὰς τιμίας μου μορφώσεις ἐκρίνατε καὶ ἀπεφῆνασθε καὶ τὸν παρόντα δῆμον ἀπεπλανήσατε καὶ πρὸς τὸν τῆς ἀπωλείας βόθυνον διὰ τῆς ὑμῶν μυσσαρᾶς διδαχῆς παρεπέμψατε; ἀμὴν λέγω ὑμῖν, οὐχ ἔχετε μέρος μετ' ἐμοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς ἤρ(φ. 289 ν.)νήσασθε καὶ μεμισήκατε καὶ ἐμὲ καὶ τὰς μορφώσεις μου καὶ τὰς δύο μου φύσεις καὶ τὰς διπλᾶς ἐνεργείας καὶ θελήσεις τούτων ἐβδελύξασθε, ἐν εἰς τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν κατεργασάμην, ἀδετήσαντες ταύτας καὶ ξένην τινὰ ἐπ' ἐμοὶ καὶ ἀλλόκοτον ὑπόληψιν καὶ δόξαν ἐσχίκατε, καὶ τὰ ποιμνία μου διασπαράξατε καὶ τῷ λυμεῶνι Σατανᾷ εἰς βρώσιν προτεδείκατε, καὶ τὰς ἐκκλησίας μου διεσχίσατε, μὴ φεισάμενοι τῶν ὑμετέρων ψυχῶν· οὐδὲ ἐγὼ φείσομαι ὑμῶν. Καὶ ὡς ταῦτα εἰρήκει πρὸς αὐτούς διεκελεύσατο ταῖς τιμωρητικαῖς δυνάμεσιν ἀπαγαγεῖν αὐτούς ἐνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν πάντας ἀπήγαγον· καὶ ἦν ἰδεῖν ἔλεεινόν θέαμα περὶ αὐτούς, ὅπερ συνέτριβον αὐτούς τύπτοντες βροπάλιοι καὶ σιδηροὶς πεपुरακτωμένοις καὶ ἔρριπτον αὐτούς ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ φρικωδεστάτου πυρός ἐκείνου, συνθλώντες μὲν τὰ ὀσᾶ αὐτῶν βροπάλιοι, ὡς εἰρηται, σιδηροὶς, οὐ συντρίβοντες δὲ αὐτὰ, καθότι ἐτύγγαλλον ἄφθαρτα, ἐπειδὴ ἄφθαρτον ὅστοῦν τυπτό(φ. 290 γ.)μενον οὐ συντρίβεται καὶ σάρξ ὁμοίως ἄφθαρτος μαστιχισμένη καὶ φθειρομένη οὐ καταφθαρήσεται. Ἐξετίνασον οὖν αὐτούς καὶ κατεκρήμνιζον

Πατρός καθήμενος ἦν, και εἰ οὕτως εἰς αὐτόν ἐπιστεύομεν, δέον και τὴν εἰκόνα αὐτοῦ τιμᾶν και προσκυνεῖν σχετικῶς, οὐχ ὡς Θεόν ζῶντα ταύτην, ἀλλ' ὡσπερ σκιάν και εἶδος τῆς ἀνθρωπότητος αὐτοῦ. Ἄλλοι ἔφασκον· Εἰ τοῦτο ἐποιοῦμεν, μακάριοι νῦν ἐτυγχάνομεν ἂν· πολλοὶ γάρ ἦν τις δίκαιος ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ, ὃς ἐκέκτητο φίλον ἁμαρτωλὸν· ὅταν οὖν συνέβη ἀλλήλους συναντῆσαι κατὰ τινα ὁδόν, οὐχὶ προσεκύνει ὁ δίκαιος τῷ ἁμαρτωλῷ, οἷα κακείνος ἐκείνῳ, και στόμα πρὸς στόμα κατησπάζετο αὐτόν; ποῖον οὖν ἄρα μῶμον ὁ δίκαιος ἐκ τούτου προσεδέχετο; ὄντως (f. 288 r.) οὐδέν. Οὕτως οὖν και ἡμῖν δέον πολλῷ πλέον ἐτι μᾶλλον προσκυνεῖν και σέβεσθαι τὴν εἰκόνα τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν και Θεοῦ· και οὐκ ἂν ἡμῖν ἐκ τούτου προσεγένετο ἢ τσσαύτη κατάγνωσις και κατάκρισις· ἀλλ' ὄντως ἀπολώλαμεν, τελέσαντες ἑαυτοὺς και ἀποδειξαντες ἐλεινοὺς και εὐκατακρίτους τῇ ἀτελευτήτῳ γέεννῃ τοῦ πυρός. Και ὡς ταῦτα ἔλεγον πρὸς ἀλλήλους θρηνοῦντες και ἀποδουρόμενοι τὴν ἑαυτῶν ἀπώλειαν, ἐκέκραξαν ἐμοθυμαδὸν πρὸς Κύριον οἱ πλείους αὐτῶν λέγοντες· Κύριε, ἐλέησον ἡμᾶς, ὅτι εἰς σὲ πεπιστεύκαμεν, κἂν ἐν τούτῳ ἀπεσφάλημεν προσκυνεῖν βδελυξάμενοι τὸν τίμιον χαρακτῆρα τῆς ἐνσάρκου οἰκονομίας, ἐλέησον ἡμᾶς, μονογενῆ υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ὑψίστου, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ ὁ Θεὸς ἡμῶν, κατὰ τὸ πολυέλεός σου, και μὴ στήσης πρὸ προσώπου ἡμῶν εἰ τι εἰς σὲ και εἰς τὴν ἄγραντον εἰκόνα σου διεπράξαμεν πονηρῶν. Ὁ δὲ Κύριος λελάληκε πρὸς αὐτοὺς. Και τίς ποδῶν τὸν Κύριον και Θεὸν αὐτοῦ τὸν χιτῶνα αὐτοῦ ἀτίμως (f. 288 v.) και ὑβριστικῶς διασχίζει, ἢ τίς φιλῶν, ἂν γράφῃ πρὸς αὐτόν ἐπιστολήν, καταπατεῖ αὐτὴν τοῖς ποσίν αὐτοῦ, ἢ τίς δούλος εὐγνώμων, εὐρών τὸ ὄνομα τοῦ Κυρίου αὐτοῦ γεγραμμένον ἐν τισὶ πίναξι και σφόδρα ἀγαπῶν αὐτόν, ἐμπτύει εἰς αὐτὸ και ἄρας χοῦν ἢ και βόρβορον βάλλει ἐπ' αὐτῷ, και λαβῶν ξύλον ἢ τι ἄσπρακον ἢ ξυστήρα ἀποξέει και ἀπαλείφει αὐτό; Ὁ ἐμὲ ἀγαπῶν ἀγαπᾷ και τὸν χαρακτῆρα τῆς μορφῆς μου, ὁ ἐμὲ μισῶν και τὴν μορφήν μου μισεῖ, ὁ μὴ προσκυνῶν τὴν εἰκόνα τῆς ἐμῆς ἐνανθρωπήσεως και τῶν ἀγίων μου πάντων τὰ ἐκτυπώματα, οὐδὲ ἐμὲ προσκυνεῖ, και κἂν μυριάκις εὐτος Θεὸν με ὀνομάζῃ και κατασπάζῃται, βδελυκτὸς ἐναντίον ἐμοῦ και τοῦ Πατρός μου και ἐπάρατος πέλει και ἀποδείκνυται. Και ὡς ταῦτα ἔλεγον ὁ

δίκαιος ἐκεῖνος κριτῆς πρὸς αὐτούς, ἀπεφῆνατο κατ' αὐτῶν ὀργίλῳ καὶ αὐστηρᾷ τῇ φωνῇ διὰ τῆς φρικτῆς ἐκείνης καὶ στρατηγικῆς σάλπιγγος· Ἀπόστητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ ἐργάται τῆς ἀνομίας, ἀπό(φ. 289 γ.)-στητε ἀπ' ἐμοῦ οἱ συνεργοὶ τοῦ Βελίαρ καὶ μίσδιοι τοῦ διαβόλου, πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ κατηραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον, τὸ ἦτοιμασμένον τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ, οἱ προσδοκῶντες νεκρὰν εἶναι τὴν ἐμὴν εἰκόνα τῆς ἐνανθρωπήσεως, καὶ τῶν ἁγίων μου πάντων ὡς αὐτὰ τὰ εἰδῶλα τῶν ἐθνῶν· ἄρα οὐχ ὅταν προσήυχοντο οἱ εἰς ἐμὲ πεποιδότες ὀρθόδοξοι χριστιανοὶ εἰς τὴν εἰκόνα τοῦ ἐμοῦ χαρακτῆρος καὶ τῆς ἁγίας μου μητρὸς καὶ (εἰς) πάντων τῶν ἐν ὄλῳ τῷ κόσμῳ ἁγίων μου, παρήμην ἐγὼ ἀσράτως τῷ πνεύματι τῆς θεότητός μου ἐν ταῖς τιμίαις εἰκόσι καὶ προσεδεχόμενην αὐτούς καὶ τὰς αὐτῶν ἰκεσίας, θεωρῶν τὴν τούτων ἐκ καρδίας θερμοτάτην πεποίθασιν ἐκάστῳ ἀπένεμον τὰ δέοντα καὶ συμφέροντα; πῶς οὖν ὑμεῖς εἰδῶλα νεκρὰ τὰς τιμίας μου μορφώσεις ἐκρίνατε καὶ ἀπεφῆνασθε καὶ τὸν παρόντα δῆμον ἀπεπλανήσατε καὶ πρὸς τὸν τῆς ἀπωλείας βόθυνον διὰ τῆς ὑμῶν μυσσαρᾶς διδαχῆς παρεπέμψατε; ἀμὴν λέγω ὑμῖν, οὐκ ἔχετε μέρος μετ' ἐμοῦ, ὡς γὰρ ὑμεῖς ἤρ(φ. 289 ν.)νήσασθε καὶ μεμισήκατε καὶ ἐμὲ καὶ τὰς μορφώσεις μου καὶ τὰς δύο μου φύσεις καὶ τὰς διπλᾶς ἐνεργείας καὶ θελήσεις τούτων ἐβδελύξασθε, ἐν εἰς τὴν τῶν βροτῶν σωτηρίαν κατεργασάμην, ἀδετήσαντες ταύτας καὶ ξένην τινα ἐπ' ἐμοὶ καὶ ἀλλόκοτον ὑπόληψιν καὶ δόξαν ἐσχίκατε, καὶ τὰ ποιμνία μου διασπαράξατε καὶ τῷ λυμεῶνι Σατανᾷ εἰς βρῶσιν προτεδείκατε, καὶ τὰς ἐκκλησίας μου διεσχίσατε, μὴ φεισάμενοι τῶν ὑμετέρων ψυχῶν· οὐδὲ ἐγὼ φείσομαι ὑμῶν. Καὶ ὡς ταῦτα εἰρήκει πρὸς αὐτούς διεκελεύσατο ταῖς τιμωρητικαῖς δυνάμεσιν ἀπαγαγεῖν αὐτούς ἐνθα καὶ τοὺς πρὸ αὐτῶν πάντας ἀπήγαγον· καὶ ἦν ἰδεῖν ἐλεεινὸν θέαμα περὶ αὐτούς, ὅπερ συνέτριβον αὐτούς τύπτοντες ῥοπάλοι καὶ σιδηροὶς πεपुरακτωμένοις καὶ ἔρριπτον αὐτούς ἐν ταῖς θαλάσσαις τοῦ φρικωδεστάτου πυρός ἐκείνου, συνθλώντες μὲν τὰ ὄστᾶ αὐτῶν ῥοπάλοις, ὡς εἰρηται, σιδηροῖς, οὐ συντρίβοντες δὲ αὐτὰ, καθότι ἐτύγγανον ἄφθαρτα, ἐπειδὴ ἄφθαρτον ὅσοῦν τυπτό(φ. 290 γ.)μενον οὐ συντρίβεται καὶ σὰρξ ὁμοίως ἄφθαρτος μαστιζομένη καὶ φθειρομένη οὐ καταφθαρήσεται. Ἐξετίνασσον οὖν αὐτούς καὶ κατεκρήμνιζον

εἰς τοὺς ἐπισήμους τόπους τῆς φοβερᾶς ἐκείνης καὶ ποικίλως κολάζειν ταχθείσης θαλάσσης τοῦ πυρός, τοὺς εἰσερχομένους εἰς αὐτὴν κατὰ ἀναλογίαν καὶ ἀξίαν τῆς ἐκάστου πράξεως, ὡς ἀθανάτων τοίνυν καὶ ἀφθάρτων τῶν σωμάτων πάντων γεγενημένων· ἐφλέγοντο μὲν τῷ πυρὶ ἐκείνῳ τῷ ἀνυπόιστῳ, εὐ κατεφλέγοντο δὲ, καὶ τὴν μὲν ὀδύνην σφοδρῶς ἐδέχοντο καὶ ὑπέμενον ὀλοφυρόμενοι, οὐ συναπέθνησκον δὲ οἱ τιμωρούμενοι ταῖς βασάνοις, οἷα καὶ οἱ τὰ φθαρτὰ σώματα ἔχοντες καὶ δεινῶς αἰκίζόμενοι πάσχουσι· τιαυτὰ γὰρ τότε ἀνασθησόμενα σώματα τῶν ἀνθρώπων, δικαίων φημί καὶ ἁμαρτωλῶν. Τούτων οὕτως ἀποτόμως ἐν θυμῷ καὶ ὀργῇ τοῦ δικαίου κριτοῦ τιμωρουμένων καὶ ταῖς ποικίλαις καὶ πικραῖς κολάσεσι (f. 290 v.) παραπεμπομένων καὶ πικρῶς τὸ οἶμοι οἶμοι καὶ τὸ οὐαὶ οὐαὶ δεινῶς ἀποδυρομένων καὶ βοώντων, πάντες οἱ ἄγγελοι ἔφριττον καὶ σὺν τρόμῳ συνεστέλλοντο διὰ τὴν τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀγανάκτησιν, ὅπως ἀπέδιδου ἐκάστῳ αὐτῶν ἄνευ οἰκτιρμῶν κατὰ τὰ ἔργα αὐτῶν, διότι οὐ προσκύνουν καὶ, ὡς εἰκός, ἐτίμων καὶ ἐσέβοντο τὰς ἀγίας εἰκόνας τῆς τιμίας τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ θείας μορφῆς, τῆς ἀχράντου τε αὐτοῦ Μητρὸς καὶ τῶν ἁγίων πάντων· ὁ γὰρ προσκυνῶν τὴν τοῦ Κυρίου σεβάσμιον εἰκόνα οὐ τὴν ὕλην τοῦ χρώματος, ἀλλὰ τὴν ἐκ τῶν χρωμάτων ἀνατυπωμένην μορφήν αὐτοῦ τε καὶ πάντων τῶν ἁγίων σέβεται καὶ εὐσεβῶς προσκυνεῖ καὶ τὴν σεμνὴν ἐπιγραφὴν τῶν ὀνομάτων κατασπαζόμενος ἀγιάζεται· ἡ γὰρ προσκύνησις τῆς εἰκόνας ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει, καθά που φησὶν ὁ μέγας Βασίλειος· ἡ γὰρ πίστις αὐτοῦ ἄνω ἐν τοῖς οὐρανοῖς ὑπάρχει, καὶ ὁ Πατὴρ καὶ ὁ Υἱὸς καὶ τὸ ἅγιον Πνεῦμα ἢ μία θεότης, ἢ ὁμοούσιος δύναμις καὶ ἄ(f. 291 r.)χώριστος, ἢ ἀπλῆ, ἢ ἀνείδεος, ἢ ἀόρατος, ἢ ἀσχημάτιστος, ἢ ὁμοδύναμος, ἢ ἀναλλοιώτως, ἢ ἀπερίγραφτος, ἢ ἀπεριόριστος καὶ ὁμοφυής, ἥτις οὐ ζωγραφεῖται, εὐ περιγράφεται, οὐ σχηματίζεται, εὐχ ἱστορεῖται· ἐκεῖ ἀγράτως πάρεστιν ὡς ἀπερίγραφτος καὶ τὰς αἰτήσεις πληροὶ τῶν εὐσεβῶς αὐτὴν ἐπικαλουμένων. Πῶς γὰρ πρᾶγμα τις, ὅπερ εὐχ' ἐώρακε ποταπὸν εἴη τῷ εἶδει καὶ οἷον πέφυκεν, ἱστορησάμενος δύναται; εὐ μὴν εὐδαμῶς· οὐχ ὡς ζωγραφῶν θεότητα τὴν εἰκόνα προσκυνεῖ τῶν εὐφρονοούντων, μὴ γένοιτο· ἀόρατος γὰρ ἐστὶ καὶ ἀνείδεος· τῆς σαρκὸς δὲ τὸν τύπον ἀνιστορῶν προσκυνεῖ καὶ διὰ

ταύτης ἀναμμνήσκειται ὅτι ἐπὶ τῆς γῆς ὤφθη ἀόρατος ὢν καὶ τοῖς ἀνθρώποις συνανεστράφη συνεστιάθη τε αὐτοῖς καὶ ἐπέζοπώρησε, καὶ τὸ διὰ σταυροῦ ἀτιμον πάθος ὑπέμεινεν ἐν αὐτῇ καὶ θάνατον κατεδέξατο, καὶ τριήμερος ἀναστάς εἰς οὐρανοὺς ἀνελήλυθεν, ὅθεν κατήλθε καὶ δεξιᾷ τοῦ Πατρὸς κεκάθικεν, ὡς ὁμοούσιος καὶ ὁμό- (f. 291 v.) θρονος, ὅθεν καὶ πάλιν ἤξειν μέλλει μετὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ θείας σαρκός. Ταῦτα πάντα καὶ τὰ τριαῦτα διὰ τῆς αὐτοῦ ἀχράντου καὶ σεβασμίας εἰκόνας ἀναδιδάσκειται καὶ μιμνήσκειται πᾶς ὀρθοδόξος καὶ ζεούση καρδιά ταύτην τιμῶν σχετικῶς προσκυνεῖ καὶ ἀσπάζεται, καὶ οὐ τὴν ὕλην, ὡς ἀφρόνως ἐκεῖνοι ἐδοξαζόν, διὰ τῆς ὑλογραφικῆς δὲ ἱστορίας τὴν τοῦ νοός θεωρίαν καὶ ὀπτασίαν ἐπὶ τὰ πρωτότυπα, ὡς εἴρηται, ἀνάγων, ὡς αὐτὰ τὰ πρωτότυπα ἐνορῶν νοητῶς ἅμα καὶ αἰσθητῶς, ἐξαιτεῖται καὶ λέγει πρὸς ἕνα ἕκαστον τῶν ἁγίων Ἄγιε τοῦ Θεοῦ, πρέσβευε ὑπὲρ ἐμοῦ· εἰ δὲ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐστὶν ἡ εἰκὼν, ὡσαύτως τὸν νοῦν ἀνάγει διὰ τῆς ἐνσωμάτου θεανδρικῆς ἐμφερείας αὐτοῦ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον καὶ αἰσθητῶς καὶ νοεῶς προσπίπτει αὐτῷ καὶ λέγει· Υἱὲ Θεοῦ, ἐλέησόν με· καὶ ἐπειδὴ τοὺς ἁγίους ἐκεῖνου καὶ ἀχράντους πόδας καταφιλεῖν, ὡς ἡ πόρνη, καὶ ἀσπάζεσθαι καὶ τοῖς δάκρυσι καταβρέχειν καὶ ἐξαιτεῖσθαι τὴν τῶν ἐσφαλμένων ἡμῖν συγχώρησιν ὑπάρχει ἀδύνατον, ὡς ἅπαξ (f. 292 r.) ἀναληφθέντος εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ἐν δεξιᾷ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς κεκαθικότες, τοὺς τῆς ἁγίας αὐτοῦ εἰκόνας σεβασμίους καὶ θεανδρικούς πόδας ὡς πρωτοτύπους αὐτοὺς κρατεῖν καὶ ὀλοψύγως καταφιλεῖν καὶ τοῖς δάκρυσι βρέχειν καὶ τοῖς τῆς καρδίας ὀφθαλμοῖς πρὸς ἐκεῖνον ἐνατενίζειν καὶ διαλέγεσθαι καὶ τὴν τῶν ἐπταισμένων ἐξαιτεῖσθαι ὀφείλει συγχώρησιν· οὐ γὰρ τῇ ὕλῃ, ὡς εἴρηται, λατρεύειν δεδιδάγμεθα ἢ ὡς οἱ Ἑλληγες εἰδωλολατρεῖν μεμαθήκαμεν, ὡς δοκεῖ τοῦτο τοῖς εἰκονομάχοις· μὴ γένοιτο. Καὶ πάλιν ἐρῶ· ἐκεῖνοι μὲν γὰρ αὐτὰ τὰ ἑμιοῦματα εἰθεοποιοῦντο, μὴ ἔχοντες ἀληθινὰ πρωτοτυπα πρόσωπα ἐπάξια τῆς θεϊκῆς δόξης καὶ ἁγιότητος, ἀλλὰ πλάνους τινὰς καὶ γόητας καὶ ἐπὶ αἰσχροπραγίᾳ βεβημένους θνητοὺς ἀνδρας τε καὶ γυναῖκας, ἡμεῖς δὲ ἀληθινὸν Θεὸν καὶ Σωτῆρα τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν γνωρίσαντες ἐπὶ τοῦ ἡμετέρου βροτείου γένους ἐκ τῶν πατρικῶν κόλπων κατελθόντα

ἐπὶ τῆς (f. 292 v.) γῆς καὶ ἐκ τῆς ἀειπαρθένου Μαρίας σάρκα ἐνδυσάμενον καὶ ἐν εἰδῇ τῷ καθ' ἡμᾶς ὄφθεντα, καὶ τέλειον ἀνθρωπον χωρὶς ἀμαρτίας καὶ Θεὸν ἀληθινὸν αὐτὸν ὁμολογοῦντες καὶ κηρύττοντες καὶ τῷ αὐτῷ εἶδει μέλλοντα πάλιν ἤξειν ἐπὶ τῆς γῆς, ὡς εἶρηται, τοῦ κρῖναι ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀποδοῦναι ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, τούτου καὶ τὴν ἀγίαν εἰκόνα καὶ σεβάσμιον ἱστοροῦντες προσκυνοῦμεν καὶ σχετικῶς ἀσπαζόμεθα καὶ τοὺς μὴ οὕτω φρονοῦντας ἀναθέματι ὑποβάλλομεν, οὐ τὴν θεότητα περιγράφοντες, ὡς τοῖς δυσσεβέσι καὶ τοῦτο δοκεῖ, ἄπαγε· αὕτη γὰρ ἀνείδεος, ἀσημάτιστος καὶ ἀκατάληπτος πέφυκεν· ἀλλὰ τὴν θεανδρικήν, ὡς ἔφημεν, ἐμφέρειαν τῆς ἀχράντου σαρκὸς τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἣν ἐξ ἡμῶν προσελάβετο διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν, ἐν ἣ τὸ πᾶν πλήρωμα ὤκησε τῆς θεότητος μεταδοτικῶς, οὐ μεταβατικῶς, καὶ τὴν ἡμετέραν κατειργάσατο σωτηρίαν, ἱστοροῦντες (f. 293 r.) προσκυνοῦμεν, οὐ μέχρις αὐτοῦ ἰστάμενοι καὶ περαιτέρω μὴ προϊόντες, ἀλλὰ διὰ τοῦ ὀρωμένου ἐκτυπώματος πρὸς τὸ πρωτότυπον τὸν νοῦν ἀναπέμποντες καὶ πλανᾶσθαι τοῦτον μὴ συγχωροῦντες, ὡς ἀνωθεν εἶρηται. Διὰ γὰρ ταύτης τῆς σεβασμίας εἰκόνης ὀρῶμεν αὐτὸν νοερώς ἐπὶ θαλάσσης ὁδοιποροῦντα, κινδύνου τοὺς μαθητὰς διασώζοντα, τοὺς ἀνέμους ἐπιτιμῶντα καὶ τὴν θάλασσαν κυμαινομένην καὶ τῇ χέρσῳ τὴν ἔφοδον ἐπαπειλοῦσαν πραύνοντα, ἐν ὀλίγοις τισὶ κριθίνους ἄρτοις καὶ εὐτελέσιν ἰχθυοῖς χιλιάδας πλείστας διατρέφοντα καὶ τὰ περισσεύματα τῶν κλασμάτων κοφίνους δώδεκα πλήρεις γεμίσαντα, τυφλοὺς ὀμματοῦντα, δαιμονιῶντας ἰώμενον, χωλοὺς παρειμένους εὐδρόμους ποιοῦντα, συγκεκυφῶτας καὶ συγκύπτοντας ἀνορθοῦντα, παραλελυμένους πλείστοις ἔτεσιν ἰώμενον καὶ νεκροὺς ἀνιστῶντα, καὶ μάλιστα τεταρταῖον Λάζα(f. 293 v.)ρον λόγῳ καὶ μόνῳ, καὶ τυφλὸν ἐκ γεννητῆς ὀμματώσαντα, αἰμορροοῦσαν γυναῖκα καὶ ὕλου δίκην ἐπέγχευσαν ἀφ᾽ ἡ κρασπέδου ἰασάμενον, πυρετοὺς ἀπελαύνοντα καὶ ποικίλας καὶ πλείστας νόσους θεραπεύοντα, οὐ τέχνη τι, οὐ χειρουργίαν, οὐ φαρμάκων ἐπιδόσεις, ἀλλὰ ταῦτα πάντα λόγῳ καὶ μόνῳ καὶ τῇ αὐτοῦ θεϊκῇ ἐπινεύσει.

Μετὰ γοῦν τὸ τοὺς εἰκονομάχους ἐκείνους συντελεσθῆναι (ὄθεν γὰρ παρεξέβημεν, ἐπανήξωμεν καὶ τὸν πρό μικροῦ καταλειφθέντα

δρόμον τοῦ λόγου βαδίζειν πάλιν ἀρξώμεθα) καὶ τὰ ἄξια κομίσασθαι τῆς αὐτῶν ἐργασίας καὶ ἀσεβείας, προσέθετο Κύριος ἀνταποδοῦναι τοῖς υἱοῖς τῆς ἀνομίας, καὶ καθ' ὃν τρόπον οὐ μετεμελήθησαν ἐν ταῖς κακοπραγίαις καὶ ἀλύσει τῶν ἀσεβειῶν αὐτῶν ἐπιστρέψαι καὶ μετανοῆσαι καὶ λαβεῖν τὴν τούτων ἄφεσιν, ἀλλ' ἐσυνετελεύτησαν αὐτοῖς· καὶ ἐκέλευσε παραγενέσθαι ἑτέραν συναγωγὴν ἀπὸ τῶν ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ, ἧτις ἦν μεγάλη σφόδρα· τὰ γὰρ (f. 294 r.) πλήθη τῶν ἐν αὐτῇ ἦσαν ὑπὲρ τὸν χοῦν τῆς γῆς καὶ τὴν φάμμον τὴν παρά τὸ χεῖλος τῆς θαλάσσης, καὶ ἦν ἐπ' αὐτῇ σκοτία βαθυτάτη, καὶ πικρία πωρώσεως τῶν καρδιῶν αὐτῶν μεγάλη λίαν ἐπὶ πάντα τοὺς ἐν τῇ συναγωγῇ ἐκείνῃ καὶ κόπρος κυνῶν μετὰ ἐμπιῶδους αἵματος ἀναπεφυραμένος ἐπὶ τὰ ῥυπαρὰ καὶ ἐβδελυγμένα αὐτῶν πρόσωπα· καὶ οἱ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν λίαν ἐτυφλώττοντο λήμμησ παχείας ἐπικειμένης αὐτοῖς, αἱ δὲ ἀκοαὶ βεβυσμέναι καὶ ἀσφάλτω κεχρισμέναι, ἐν δὲ ταῖς χερσὶν αὐτῶν κέρκους ἀλόγων κατέχοντες καὶ ταῖς ἑαυτῶν ῥσίν εἰς ὄσφρησιν ἀναφυχῆς προσάγοντες· τὰ δὲ χεῖλη αὐτῶν ὡσεὶ ἰχῶρος ἔμπυον ἦσαν σταλάζοντα ἀντὶ στέλου, αἱ δὲ γλῶσσαι αὐτῶν ἔξωθεν τοῦ στόματος αὐτῶν ἐκρέμαντο δίκην λυσσώντων κυνῶν· τῶν δὲ στομάτων αὐτῶν ἀνοιγομένων λίαν μελάνων ὄντων ὡς θεάφης δυσοδμία καπνίζομένης ἄφατος (f. 294 v.) ἐξήρχετο, αἱ γεῖρες αὐτῶν καὶ οἱ πόδες μελανοὶ λίαν καὶ στρεβλοὶ ἠμφιεσμένοι ὄνων δέρματα ὡσανεὶ σκώληξ καταδεδαπανημένα ἀντὶ πεδῖλων ἔχοντες· ὀφινες ἐν τοιαύτῃ αἰσχύνῃ καὶ ἀτιμίᾳ, ἢ μᾶλλον εἰπεῖν βδελυρία (τοῦτο γὰρ ἦν οἰκειότερον) ἑαυτοὺς ἐνορῶντες λίαν ἐξεπλήττοντο, φρίττοντες, ξενιζόμενοι πόθεν ἢ τοσαύτη αὐτοῖς ἀσχημοσύνη προσεγένετο· ἐδόκουν γὰρ ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν καὶ ἠλπίζον ἐν δόξῃ μεγίστῃ εὐρεθῆναι αὐτοὺς, εὐρέθησαν δὲ, ὡς εὐχ ἠλπίζον, οἱ ταλαίπωροι οὕτως εἰς φρικτὴν πενίαν καὶ ἀνεκλάλητον ἀτιμίαν, καὶ κατανοοῦντες ἑαυτοὺς ἐλεεινῶς διεπρίοντο κατεσθίοντες τὰς σάρκας τῶν βραχιόνων αὐτῶν, καὶ μάλιστα καθαρῶντες τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν ὡς Θεὸν καὶ κριτὴν προκαθήμενον, ἀποτόμως κρίνοντα καὶ ἀποδίδοντα ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ· ἐγνώρισαν γὰρ προφανῶς τὴν μορφήν τοῦ προσώπου αὐτοῦ καθ' ὃν τρόπον ἔβλεπον τὴν ἄχραντον αὐτοῦ εἰ(f. 295 r.)κῶνα ἱστορισμένην ἐν τῇ ζωῇ αὐτῶν ἐν ταῖς ἀγίαις αὐτοῦ ἐκκλησίαις, καὶ

ὡς τοῦτον ἐβλεπον, δέει καὶ φόβῳ καὶ ἀγωνίᾳ σφοδρῶς συνεχόμενοι διελέγοντο περὶ αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους φάσκοντες· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι οὗτος ἐστὶν ἀληθῶς ὁ ἐσταυρωμένος Ἰησοῦς, ὃν ἐσταύρωσαν Ἄννας καὶ Καϊάφας σὺν τῷ Ποντίῳ Πιλάτῳ ἡγεμόνι τῆς Ἰουδαίας, οἱ ἐπ' ὀλέθρῳ καὶ ἀπωλείᾳ παντὸς τοῦ ἔθνους ἡμῶν ἱερατεύσαντες καὶ σὺν αὐτῷ τῷ Πιλάτῳ ὡς πλάνον κρατήσαντες τοῦτον ἐπὶ ξύλου μετὰ τῶν κακούργων ἀνεσκολόπισαν καὶ θανάτῳ ἀδίκως παρέδωκαν· καὶ οὗτος, ἰδοῦ, κάθηται μετὰ δόξης δίκαιος κριτῆς ἐπὶ θρόνου φοβεροῦ καὶ ἐπηρμένου, κρίνων ἀποτόμως ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀπονέμων ἐκάστῳ κατ' ἀξίαν κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθ' ὃν τρόπον καὶ προέλεγεν ἡμῖν, διδάσκων ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν. Φεῦ τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας ἡμῶν, ὧ τῆς ἀνοίας καὶ ἀπιστίας ἡμῶν, διότι κακῶς ἠπατήθημεν καὶ οὐκ ἐπιστεύσαμεν εἰς αὐτόν· φεῦ τῆς πλάνης καὶ τῆς ἐλεσι(f. 295 v.)νότητος ἡμῶν· ποῦ φύγωμεν καὶ πρὸς τίνα πορευσόμεθα, τί ποιήσομεν καὶ τί ἀπολογησομεθα, ὅτι εἰς αὐτὰς τὰς χεῖρας τοῦ ἐσταυρωμένου ὑφ' ἡμῶν ἐνεπέσαμεν, καὶ οὐκ ἔσται λοιπὸν ὁ ἐλεῶν ἡμᾶς καὶ ἐξαιρούμενος; ποῦ οὖν ἐστὶν ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ὃν Μωσῆς ἡμῖν καθυπέδειξεν, εἰς λατρεύειν δὲ αὐτῷ μόνῳ παραδεδώκε καὶ ἕτερον Θεὸν πλὴν αὐτοῦ μόνου μὴ εἰδέναι νενομοθέτηκεν οὔτε ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω, οὔτε ἐν τῇ γῇ κάτω; ποῦ ὁ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἐν στύλῳ πυρός καὶ γνόφῳ καὶ θυέλλῃ λαλήσας τοῖς πατράσιν ἡμῶν λέγων· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, Κύριος ὁ Θεὸς σου εἰς ἐστὶ καὶ παρέξ αὐτοῦ ἕτερος οὐκ ἔστιν Θεός; καὶ ἰδοὺ νῦν ἕτερος Θεός. Ποῦ δὲ εἰσι καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν, ὁ Ἀβραάμ, λέγω, καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ποῦ δὲ καὶ αὐτὸς νῦν ἐστὶν ὁ νομοθέτης Μωσῆς καὶ ἡμαγωγός ἡμῶν; οὐκ ἄρα κάκεινοι ὡς ἡμεῖς καὶ πᾶσα φύσις βροτῶν ἐκ νεκρῶν ἀδρῶν ἠγέρθησαν, κριθησόμενα ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ φορικωδιστάτου τούτου βήματος τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ τῷ καινῷ καὶ ἀγνώστῳ τού(f. 296 r.)τῳ Θεῷ καὶ κριτῇ σὺν ἡμῖν παρειστήκεισαν, ἕνα τῶν βεβιωμένων αὐτοῖς ἐπίσης πάσῃ τῇ ἀνθρωπότητι λήψωνται [μισθον]; ἄρα μὴ καὶ αὐτοὶ ἠπατήθησαν, ὡσπερ ἡμεῖς, καὶ οὐκ ἐπέγνωσαν τὴν ἀλήθειαν; ἄρα μὴ μῦθος ἦν πᾶσα ἡ κατ' αὐτοὺς ἱστορία καὶ ἡ διαθήκη τῆς περιτομῆς καὶ ἡ ἐξ Αἰγύπτου μετὰ θαυμασίων τινῶν φορικτῶν καὶ φοβερῶν ἐξοδος αὐτῶν, καὶ ἡ τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης ῥῆξις, καὶ ἡ διὰ Ξηραῶν ἐν μέσῳ

αὐτῆς διάβασις, καὶ ἡ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ θεσπτία, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ φοβερὰ καὶ ἀνύποιστα Θεοῦ δείγματα, καὶ αἱ πλάκες καὶ ἅπας ὁ νόμος, καὶ ἡ τῆς σκηνῆς κατασκευὴ καὶ ἡ ἱερατεία, καὶ τὰ κατ' αὐτὸν πάντα εἰκὴ καὶ μάτην ἡμῖν παραδέδονται, καὶ οὐκ εἰσὶν ἀληθινῶ καὶ μόνου Θεοῦ ταῦτα πάντα; Ὅντως τι εἰπεῖν οὐκ ἔχομεν ἢ πῶς ἐπικαταράσασθαι τῷ Μωϋσῆ ἀγνοοῦμεν· Ἰδοὺ γὰρ εἰς τὰς χεῖρας παραπεπτώκαμεν τοῦ παρ' ἡμῶν σταυρωθέντος, καὶ οὐκ ἔστι λοιπὸν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτιρῶν ἡμᾶς. Τινὲς δὲ πάλιν ἐξ αὐτῶν ἔλεγον· Ἐξ ὅτου αὐτός ἐ(f. 296 v.)σταυρώθη παρ' ἡμῶν, ἐν ἀληθείᾳ οὐκ εἶδεν ἀγαθὸν τὸ γένος ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἱερουσαλήμ ἐξηλάθημεν καὶ μακρὰν ἐδιώχθημεν καὶ τῆς γῆς τῆς ἐπαγγελίας ἀπερρίφημεν, ἀλλὰ καὶ ὁ θαυμάσιος ναός, ὃν ὁ σφωτάτος Σολομῶν θαυμαστῶς εἰς ὄξαν ἔκτισέ τε καὶ ὠκοδόμησε, μέχρις ἐδάφους πέπτωκε καὶ εἰς τέλος ἠφάνισται, καὶ πᾶσαι αἱ φυλακαὶ ἡμῶν εἰς πάντα τὰ ἔθνη προφανῶς διεσπάρησαν καὶ ἕως τοῦ νῦν διασκορπισθεῖσαι ὑπῆρχον, γλευκάζομεναί τε καὶ ὀνειδιζόμεναί ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν. Καὶ νῦν πρᾶγμα συνήντηκεν ἡμῖν, ὅπερ οὐκ ἠλπίζομεν· τίς ἄρα προστήσεται ἡμῶν ἐπὶ τοῦ ἐσταυρωμένου μὲν ὑφ' ἡμῶν κρῖναι δὲ κεκαδικότος ἐν ὄξῃ ἀποτόμως ἡμᾶς; οὐκ ἔστιν οὖν τις ὁ βοηθήσων ἡμῖν καὶ ὁ ἔξαιρούμενος ἡμᾶς ἐκ τῆς δικαίας αὐτοῦ ἀπειλῆς· ἀλλὰ δεῦτε καὶ κράζωμεν ἐν τῷ τοῦ νόμου Θεῷ, καὶ ἴσως, ὅπου ὅτιν ἐστι, παραγίνεται καὶ βοηθήσει ἡμῖν. Ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἔλεγον ὀλολύζοντες· Ὡ τῆς ἀνοίας ἡμῶν, ὡ τῆς ταλαιπωρίας καὶ τῆς ἐλεεινότητος, ὅτι καὶ τοῦτον ἐρῶντες χρί(f. 297 r.)νοντα ἀποτόμως πᾶσαν πνοὴν ἀκμὴν εἰς τέλος πλανώμεθα, ἀλλ' ἐπεὶ, ὡς ὀρώμεν, ὅτι δίκαιος κριτῆς ἐστι καὶ οὐκ αἰδεῖται πρόσωπα οὐδὲ δῶρα λαμβάνει, δεῦτε καὶ δεηθῶμεν αὐτοῦ, ὥστε κριθῆναι μετὰ τῶν παραδεδωκότων ἡμῖν τὴν διαθήκην καὶ διάταξιν τοῦ νόμου, καὶ μάλιστα παρὰ τοὺς ἄλλους ἅπαντας μετ' αὐτοῦ τοῦ Μωϋσέως, ὃ καὶ Ἰσα Θεῷ ἐπιστεύομεν καὶ τὰ παραδεδομένα ἡμῖν παρ' αὐτοῦ μαρτύρια νόμιμα ἀπαράβητα ἐφυλάττομεν· καὶ ἐὰν οὕτω γένηται, ἐν ἐκ τῶν ὅσο τούτο γενέσθαι πρόκειται, ἡ κάκεινους σὺν ἡμῖν εἰς κόλασιν δικαίως ἐμβληθῆναι, ὡς αἰτίους τῆς τοιαύτης ἡμῶν ἀπωλείας, ἢ καὶ ἡμᾶς δι' ἐκείνους συγγνώμης τινὸς τυχεῖν τῷ ὄντι γὰρ ἀφ' οὐπερ τὸ τοῦ ἐσταυρωμένου μυστήριον ἐνηργήθη

ὡς τοῦτον ἐβλεπον, δέει καὶ φόβῳ καὶ ἀγωνίᾳ σφοδρῶς συνεχόμενοι διελέγοντο περὶ αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους φάσκοντες· Οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι οὗτος ἐστὶν ἀληθῶς ὁ ἐσταυρωμένος Ἰησοῦς, ὃν ἐσταύρωσαν Ἄννας καὶ Καϊάφας σὺν τῷ Ποντίῳ Πιλάτῳ ἡγεμόνι τῆς Ἰουδαίας, οἱ ἐπ' ὀλέθρῳ καὶ ἀπωλείᾳ παντὸς τοῦ ἔθνους ἡμῶν ἱερατεύσαντες καὶ σὺν αὐτῷ τῷ Πιλάτῳ ὡς πλάνον κρατήσαντες τοῦτον ἐπὶ ξύλου μετὰ τῶν κακούργων ἀνεσκολόπισαν καὶ θανάτῳ ἀδίκως παρέδωκαν· καὶ οὗτος, ἰδοῦ, κάθηται μετὰ δόξης δίκαιος κριτῆς ἐπὶ θρόνου φοβεροῦ καὶ ἐπηρμένου, κρίνων ἀποτόμως ζῶντας καὶ νεκροὺς καὶ ἀπονέμων ἐκάστῳ κατ' ἀξίαν κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ, καθ' ὃν τρόπον καὶ προέλεγεν ἡμῖν, διδάσκων ἐν ταῖς συναγωγαῖς ἡμῶν. Φεῦ τῆς ἀπάτης καὶ ἀπωλείας ἡμῶν, ὧ τῆς ἀνοίας καὶ ἀπιστίας ἡμῶν, διότι κακῶς ἠπατήθημεν καὶ οὐκ ἐπιστεύσαμεν εἰς αὐτόν· φεῦ τῆς πλάνης καὶ τῆς ἐλεει(φ. 295 ν.)νότητος ἡμῶν· ποῦ φύγωμεν καὶ πρὸς τίνα πορευόμεθα, τί ποιήσομεν καὶ τί ἀπολογησομεθα, ὅτι εἰς αὐτὰς τὰς χεῖρας τοῦ ἐσταυρωμένου ὑφ' ἡμῶν ἐνεπέσαμεν, καὶ οὐκ ἔσται λοιπὸν ὁ ἐλεῶν ἡμᾶς καὶ ἐξαιρούμενος; ποῦ οὖν ἐστὶν ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ὃν Μωσῆς ἡμῖν καθυπέδειξεν, εἰς λατρεύειν δὲ αὐτῷ μόνῳ παραδεδώκε καὶ ἕτερον Θεὸν πλὴν αὐτοῦ μόνου μὴ εἰδέναι νενομοθέτηκεν οὔτε ἐν τῷ οὐρανῷ ἄνω, οὔτε ἐν τῇ γῇ κάτω; ποῦ ὁ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἐν στύλῳ πυρός καὶ γνόφῳ καὶ θυέλλῃ λαλήσας τοῖς πατράσιν ἡμῶν λέγων· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, Κύριος ὁ Θεός σου εἷς ἐστὶ καὶ παρέξ αὐτοῦ ἕτερος οὐκ ἔστιν Θεός; καὶ ἰδοὺ νῦν ἕτερος Θεός. Ποῦ δὲ εἰσι καὶ οἱ πατέρες ἡμῶν, ὁ Ἀβραάμ, λέγω, καὶ Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ποῦ δὲ καὶ αὐτὸς νῦν ἐστὶν ὁ νομοθέτης Μωσῆς καὶ δημαγωγός ἡμῶν; οὐκ ἄρα κάκεινοι ὡς ἡμεῖς καὶ πᾶσα φύσις βροτῶν ἐκ νεκρῶν ἄδρουν ἠγέρθησαν, κριθησόμενοι ἐπὶ τοῦ φοβεροῦ καὶ φρικτωδέστατου τούτου βήματος τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ τῷ καινῷ καὶ ἀγνώστῳ τού(φ. 296 γ.)τῳ Θεῷ καὶ κριτῇ σὺν ἡμῖν παρειστήκεισαν, ἵνα τῶν βεβιωμένων αὐτοῖς ἐπίσης πάσῃ τῇ ἀνθρωπότητι λήψωνται [μισθον]; ἄρα μὴ καὶ αὐτοὶ ἠπατήθησαν, ὥσπερ ἡμεῖς, καὶ οὐκ ἐπέγνωσαν τὴν ἀλήθειαν; ἄρα μὴ μῦθος ἦν πᾶσα ἡ κατ' αὐτοὺς ἱστορία καὶ ἡ διαθήκη τῆς περιτομῆς καὶ ἡ ἐξ Αἰγύπτου μετὰ θαυμασίων τινῶν φρικτῶν καὶ φοβερῶν ἐξόδος αὐτῶν, καὶ ἡ τῆς Ἐρυθρᾶς θαλάσσης ῥῆξις, καὶ ἡ διὰ ξηρᾶς ἐν μέσῳ

αὐτῆς διάβασις, καὶ ἡ ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ θεσπία, καὶ τὰ ἐν αὐτῇ φοβερά καὶ ἀνύπειστα Θεοῦ δείγματα, καὶ αἱ πλάκες καὶ ἅπας ὁ νόμος, καὶ ἡ τῆς σκηνῆς κατασκευὴ καὶ ἡ ιερατεία, καὶ τὰ κατ' αὐτὸν πάντα εἰκὴ καὶ μάτην ἡμῖν παραδίδονται, καὶ οὐκ εἰσὶν ἀληθινῶ καὶ μόνου Θεοῦ ταῦτα πάντα; Ὅντως τι εἰπεῖν οὐκ ἔχομεν ἢ πῶς ἐπικαταράσασθαι τῷ Μωϋσῇ ἀγνωσοῦμεν· ἰδοὺ γὰρ εἰς τὰς χεῖρας παραπεπτώκαμεν τοῦ παρ' ἡμῶν σταυρωθέντος, καὶ οὐκ ἔστι λοιπὸν ὁ ἐλεῶν καὶ οἰκτεῖρων ἡμᾶς. Τινὲς δὲ πάλιν ἐξ αὐτῶν ἔλεγον· Ἐξ ὅτου αὐτός ἐ(f. 296 v.)σταυρώθη παρ' ἡμῶν, ἐν ἀληθείᾳ οὐκ εἶδεν ἀγαθὸν τὸ γένος ἡμῶν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἱερουσαλήμ ἐξηλάθημεν καὶ μακρὰν ἐδώχθημεν καὶ τῆς γῆς τῆς ἐπαγγελίας ἀπερρίφημεν, ἀλλὰ καὶ ὁ θαυμασιὸς ναός, ὃν ὁ σφώτατος Σολομῶν θαυμαστῶς εἰς ὄξαν ἔκτισέ τε καὶ ὠκοδόμησε, μέχρις ἐδάφους πέπτωκε καὶ εἰς τέλος ἠφάνισται, καὶ πᾶσαι αἱ φυλακαὶ ἡμῶν εἰς πάντα τὰ ἔθνη προφανῶς διεσπάρησαν καὶ ἕως τοῦ νῦν διασκορπισθεῖσαι ὑπῆρχον, γλευαζόμεναί τε καὶ ὀνειδιζόμεναί ὑπὸ πάντων τῶν ἐθνῶν. Καὶ νῦν πρᾶγμα συνήντηκεν ἡμῖν, ὅπερ οὐκ ἠλπίζομεν· τίς ἄρα προσθήσεται ἡμῶν ἐπὶ τοῦ ἐσταυρωμένου μὲν ὑφ' ἡμῶν κρῖναι δὲ κεκαδικότος ἐν ὄξῃ ἀποτόμως ἡμᾶς; οὐκ ἔστιν οὖν τις ὁ βοηθήσων ἡμῖν καὶ ὁ ἔξαιρούμενος ἡμᾶς ἐκ τῆς δικαίας αὐτοῦ ἀπειλῆς· ἀλλὰ δεῦτε καὶ κράζομεν ἐν τῷ τοῦ νόμου Θεῷ, καὶ ἴσως, ὅπου ὅπν ἐστι, παραγίνεται καὶ βοηθήσει ἡμῖν. Ἄλλοι δὲ πρὸς αὐτοὺς ἔλεγον ὀλολύζοντες· Ὡ τῆς ἀνοίας ἡμῶν, ὡ τῆς ταλαιπωρίας καὶ τῆς ἐλεεινότητος, ὅτι καὶ τοῦτον ἐρῶντες κρί(f. 297 r.)νοντα ἀποτόμως πᾶσαν πνοὴν ἀκμὴν εἰς τέλος πλανώμεθα, ἀλλ' ἐπεὶ, ὡς ὀρώμεν, ὅτι δικαίος κριτῆς ἐστι καὶ οὐκ αἰδεῖται πρόσωπα οὐδὲ δῶρα λαμβάνει, δεῦτε καὶ δεηθῶμεν αὐτοῦ, ὥστε κριθῆναι μετὰ τῶν παραδεδωκότων ἡμῖν τὴν διαθήκην καὶ διάταξιν τοῦ νόμου, καὶ μάλιστα παρὰ τοὺς ἄλλους ἅπαντας μετ' αὐτοῦ τοῦ Μωϋσέως, ὃ καὶ Ἰσα Θεῷ ἐπιστεύομεν καὶ τὰ παραδεδομένα ἡμῖν παρ' αὐτοῦ μαρτύρια νόμιμα ἀπαράβητα ἐφυλάττομεν· καὶ ἐάν οὕτω γένηται, ἐν ἐκ τῶν δύο τοῦτο γενέσθαι πρόκειται, ἢ κάκεινους σὺν ἡμῖν εἰς κόλασιν δικαίως ἐμβληθῆναι, ὡς αἰτίους τῆς τοιαύτης ἡμῶν ἀπωλείας, ἢ καὶ ἡμᾶς δι' ἐκείνους συγγνώμης τινὸς τυχεῖν· τῷ ὄντι γὰρ ἀφ' οὐπερ τὸ τοῦ ἐσταυρωμένου μυστήριον ἐνηργήθη

ἐν τῇ πατρίδι ἡμῶν Ἰουδαία, οὐκ εἶδεν ἔκτοτε, ὡς εἴρηται, τὸ γένος ἡμῶν καλόν, ἀλλ' ἐξ ἐκείνου τοῦ χρόνου πάντα τὰ δεινὰ ἐπλεόνασαν εἰς ἡμᾶς. Καὶ ὄντως οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι καὶ ἐν τῇ προσκαιρῷ ἡμῶν ζωῇ (f. 297 v.) πάμπολλα καὶ χαλεπὰ κακὰ καὶ θλίψεις ἀπαρηγόρητοι συνεῖργον ἡμᾶς, καὶ νῦν πάλιν ἐν τῇ ἀθανάτῳ ταύτῃ ζωῇ καὶ ἀδιάδογῳ βασιλείᾳ, ἐν ἣ παραμυθίαν καὶ ἀνεσθι τῶν πολλῶν καὶ χαλεπῶν θλίψεων ἐκείνων καὶ κακουχιῶν τῶν μακρῶν ἠλπίζομεν εὐρηκέναι τινα, καὶ ὡς συνερῶμεν, ἰδοὺ μείζονα καὶ χεῖρονα κακὰ τῶν προτέρων πολλῷ πλείω κατέλαβον ἡμᾶς. Καὶ τί ποιήσωμεν; ἢ ποῦ κρυφθησόμεθα ἀπὸ προσώπου τοῦ ἐσταυρωμένου τούτου καὶ δικαίου κριτοῦ; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Μᾶλλον πρὸς τοῦτον προσπέσωμεν καὶ κράζωμεν, καὶ ἴσως σπλαγχνισθεὶς ἐλεήσει ἡμᾶς. Ἄλλοι δὲ ἀπεκρίναντο λέγοντες μετὰ καὶ στεναγμοῦ ἐκ βλασφημιῶν ψυχῆς· Καὶ πῶς οὖν ἡμῖν βοηθήσει οὗτος καὶ ἐλεήσει ἡμᾶς, ὃν ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν βλασφημοῦντες παρωργίσαμεν, οὐτινος τὸ θεῖον εὐαγγέλιον διὰ παντός ἐγλυεάζομεν, καὶ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥήματα αὐτοῦ καὶ θεῖα ἐντάλματα ἠγούμεθα, οὐτινος τὸ ὄνομα τὸ σε (f. 298 r.) βάσιμιον οὐδὲ λεγόμενον ἀκοῦσαι ἠνεσχόμεθα; καὶ πῶς οὖν οὗτος ἀνέξεται τοῦ εἰσακοῦσαι ἡμῶν καὶ ἐλεῆσαι ἡμᾶς; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον τύπτοντες σφοδρῶς τὰς ὀφεις αὐτῶν· ὁ Θεὸς εὐρῆ τὸν Μωϋσῆα καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν καὶ κρινεῖ ἀνά μέτρον ἡμῶν καὶ αὐτῶν, διότι ἐδέσπισαν ἡμῖν παρέξ τῆς πίστεως ἡμῶν ἑτέραν πίστιν μὴ καταδέξασθαι. Ὁφεται Μωϋσῆς, ὃς δέδωκεν ἡμῖν τὸν νόμον ἐγγράφως, ὑφ' οὗ μεμαθήκαμεν μὴ προσκυνῆσαι θεῷ ἄλλοτριῷ, μηδὲ γόνυ κλίνειν ἐν εἰκόνι· ὡποτε· ὀφεται Ἰακώβ, ὃς ἐδίδαξεν ἡμᾶς μὴ ἀποστρέψαι τὰ πρόσωπα ἡμῶν ἀπὸ τῆς λατρείας τοῦ Θεοῦ Ἰσραὴλ· ὀφονται πάντες οἱ προφῆται, ὅτινες ἐξέθεντο ἡμῖν ἐγγράφως καὶ ἀγράφως τελεῖν διὰ παντός τὰ ἰουδαϊκὰ καὶ μὴ ἐκνεύειν ἀπὸ τῆς πίστεως τῆς δοθείσης ἡμῖν παρὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ νόμου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἢ δεξιὰ ἢ ἀριστερά. Ἄλλοι δὲ πάλιν ἔλεγον, κινεῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ δάκρυσιν αἵματορροῦτος τὸ ἔδαφος τῆς γῆς κα(f. 298 v.)ταβρέγοντες· ὄντως ἡμεῖς ὀφόμεθα καὶ ἡμεῖς ἀπολάβωμεν τὰ ἔργα ἡμῶν, ὅτι οὐ συνείδομεν τὰ μετ' ἐκείνουσ πραχθέντα εἰς ἡμᾶς. Καὶ ἔλεγον ἐπι πρὸς ἑαυτοὺς ὀμωθυμαδόν πάντες· Δεῦτε ἀδραιοσθέντες, ἀμα ἀλαλάζωμεν κράζοντες πρὸς αὐτὸν καὶ ἐκτε-

νώς προσπέσωμεν και δυσωπήσωμεν αὐτόν, μήπως ἴσως δι' οἰκειάν ἀνεξικακίαν σπλαγγισθεῖς ἐφ' ἡμῖν, ὡς ἐχθροῖς αὐτοῦ, καθὼς ἐδίδαξεν, ἀφήσει ἡμῖν τὰ εἰς αὐτόν παραπτώματα και συγγνώμης τινός διὰ τὴν ἀγνοίαν ἡμῶν ἀξιώσει ἡμᾶς. Καὶ πάλιν τινὲς ἔλεγον ἐξ αὐτῶν· Καὶ πῶς ἄρα τοῦτο γενήσεται τοσαῦτα και τηλικαῦτα κακὰ ἀσύγνωστα και ἀναπολόγητα εἰς αὐτόν πλημμελήσαντας ἡμᾶς(ςίε), εἴπερ δίκαιος κριτὴς ἐστίν, ὡς φατέ; οὐκ ἐνὶ δίκαιον ἐλεῆσαι ἡμᾶς, και μᾶλλον ὅτι ἐνταῦθα συγγνώμης ἢ συμπαθείας οὐδεὶς ἀξιοῦται, εἰ μὴ ὁ δι' ἔργων ἀγαθῶν ταύτας ὠνησάμενος· ἀλλ' εἰ και πάντας ἀμαρτωλοὺς δι' οἰκειάν ἀγαθότητα δικαιοῦσαι και (f. 299 r.) σῶσαι αὐτόν δεῖ, ἀλλ' οὐχι και ἡμᾶς· ποῖον γὰρ εἶδος εὐεργεσιῶν παρέλεψεν, οὐκ ἐνεδειξάτο αὐτός εἰς ἡμᾶς, οὐ μόνον δι' ἑαυτοῦ, ἀλλὰ και διὰ τῶν ὅπερ οἰκειῶν αὐτοῦ μαθητῶν; και ὡσπερ αὐτός εὐεργετῶν και μυρία θαύματα εἰς τὸ ἔθνος ἡμῶν ἅπαν ἐργαζόμενος ὑπερέβαλε πᾶσαν ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἀγαθοσύνης ὑπερβολὴν, οὕτω πάλιν ἡμεῖς τὸ ἀνάπαλιν οὐδεμίαν κακίας ἀσύγκριτον ὑπερβολὴν παρελίπομεν, ἣν οὐκ ἐνεδειξάμεθα πρὸς αὐτόν, και οὐκ εἰς αὐτόν μόνον, ἀλλὰ και εἰς τοὺς ἐξ ἡμῶν πιστεύσαντας και μαθητευθέντας αὐτῷ· εἰ και οὐδὲν ὅλως βλάψαι ἢ παρεμποδίσαι τὴν διδασχὴν αὐτοῦ ἐξισχύσαμεν, ἀλλὰ μᾶλλον τοῦναντίον ἅπαν ἐγένετο· ὅσον γὰρ και δι' ἑαυτῶν ἡμῶν και διὰ τῶν ἐν ὑπεροχαῖς ἀρχόντων και βασιλέων οὐ διελίπομεν μαχόμενοι και ἐχθραίνοντες παντασιτρόπως και πολεμοῦντες αὐτούς, τοσοῦτον μᾶλλον ἐκραταιοῦντο (f. 299 v.), και ἠύξανεν ἡ τῶν πολλῶν πίστις εἰς αὐτόν και κατεκράτει και κατεκυρίευε πάσης τῆς γῆς ἀπὸ περάτων αὐτῆς· ὅπερ αὐτὸ και μόνον ἔδει συνιδεῖν ἡμᾶς ὑπὲρ τῶν ἄλλων μυριῶν και ἑξαισιῶν εἰς ἡμᾶς γεγεννημένων θαυμασιῶν παρ' αὐτοῦ και κατανοῆσαι ὅλως, ὅτι ὑπὸ τῶν προφητῶν Μεσίας προκηρυχθεῖς και σωτὴρ τοῦ κόσμου οὗτος ἐστίν, και προσελθεῖν και πιστεῦσαι εἰς αὐτόν· ἀλλὰ και διὰ τὴν ἀλαζονίαν και ἔπαρσιν και τὸν φθόνον, ὃν εἴχομεν ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν κατ' αὐτοῦ, μὴ συνίνααι θελήσαντες ταῦτα πάντα, δικαίως και ἀπερρίζημεν ἐξ αὐτοῦ και ἐστερήθημεν τῆς δι' αὐτοῦ και τῶν μαθητῶν αὐτοῦ κηρυχθείσης αἰωνίου ζωῆς και βασιλείας· ἐπεὶ ἐὰν μόνον ἠδελήσαμεν και αὐτοὶ ἀποβλέψαι πρὸς τὴν ἀλήθειαν και τὸ φῶς τῶν θαυμασιῶν αὐτοῦ και ἀπορρίψαι ἀφ'

ἐν τῇ πατρίδι ἡμῶν Ἰουδαία, οὐκ εἶδεν ἔκτοτε, ὡς εἶρηται, τὸ γένος ἡμῶν καλόν, ἀλλ' ἐξ ἐκείνου τοῦ χρόνου πάντα τὰ δεινὰ ἐπλεόνασαν εἰς ἡμᾶς. Καὶ ὄντως οὐαὶ ἡμῖν, ὅτι καὶ ἐν τῇ προσκαιρῷ ἡμῶν ζωῇ (f. 297 v.) πάμπολλα καὶ χαλεπὰ κακὰ καὶ θλίψεις ἀπαρηγόρητοι συνεῖχον ἡμᾶς, καὶ νῦν πάλιν ἐν τῇ ἀθανάτῳ ταύτῃ ζωῇ καὶ ἀδιάδότη βασιλείᾳ, ἐν ἣ παραμυθίαν καὶ ἀνεσθι τῶν πολλῶν καὶ χαλεπῶν θλίψεων ἐκείνων καὶ κακουχιῶν τῶν μακρῶν ἠλπίζομεν εὐρηκέναι πινά, καὶ ὡς συνερῶμεν, ἰδοὺ μείζονα καὶ χεῖρονα κακὰ τῶν προτέρων πολλῶν πλείω κατέλαβον ἡμᾶς. Καὶ τί ποιήσωμεν; ἢ ποῦ κρυφθσόμεθα ἀπὸ προσώπου τοῦ ἐσταυρωμένου τούτου καὶ δικαίου κριτοῦ; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον· Μᾶλλον πρὸς τούτον προσπέσωμεν καὶ κράξωμεν, καὶ ἴσως σπλαγγισθεὶς ἐλεήσει ἡμᾶς. Ἄλλοι δὲ ἀπεκρίναντο λέγοντες μετὰ καὶ στεναγμοῦ ἐκ βαθέων ψυχῆς· Καὶ πῶς οὖν ἡμῖν βοηθήσει οὗτος καὶ ἐλεήσει ἡμᾶς, ὃν ἐν πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ζωῆς ἡμῶν βλασημοῦντες παρωργίσαμεν, οὗτινος τὸ θεῖον εὐαγγέλιον διὰ παντός ἐγλευάζομεν, καὶ ὡσεὶ λῆρον τὰ ῥήματα αὐτοῦ καὶ θεῖα ἐντάλματα ἠγούμεθα, οὗτινος τὸ ὄνομα τὸ σε (f. 298 r.) βάσιμιον οὐδὲ λεγόμενον ἀκοῦσαι ἠνεσχόμεθα; καὶ πῶς οὖν οὗτος ἀνέξεται τοῦ εἰσακοῦσαι ἡμῶν καὶ ἐλεῆσαι ἡμᾶς; Ἄλλοι δὲ ἔλεγον τύπτοντες σφοδρῶς τὰς ὄψεις αὐτῶν· ὁ Θεὸς εὐρη τὸν Μωϋσῆα καὶ τοὺς πατέρας ἡμῶν καὶ κρινεὶ ἀνά μέτρον ἡμῶν καὶ αὐτῶν, διότι ἐθέτισαν ἡμῖν ἀπαρξέ τῆς πίστεως ἡμῶν ἑτέραν πίστιν μὴ καταδέξασθαι. Ὁφεται Μωϋσῆς, ὃς δέδωκεν ἡμῖν τὸν νόμον ἐγγράφως, ὑφ' οὗ μεμαθήκαμεν μὴ προσκυνῆσαι θεῷ ἄλλοτριῷ, μηδὲ γόνυ κλίνειν ἐν εἰκόνι· πῶποτε ὄφεται Ἰακώβ, ὃς ἐδίδαξεν ἡμᾶς μὴ ἀποστρέφειν τὰ πρόσωπα ἡμῶν ἀπὸ τῆς λατρείας τοῦ Θεοῦ Ἰσραὴλ· ὄφονται πάντες οἱ προσφῆται, ὀφτινες ἐξέθεντο ἡμῖν ἐγγράφως καὶ ἀγράφως τελεῖν διὰ παντός τὰ ἰουδαϊκὰ καὶ μὴ ἐκνεύειν ἀπὸ τῆς πίστεως τῆς δοθείσης ἡμῖν παρὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ νόμου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ἢ δεξιὰ ἢ ἀριστερά. Ἄλλοι δὲ πάλιν ἔλεγον, κινεῦντες τὰς κεφαλὰς αὐτῶν καὶ δάκρυσιν αἱματορροῦτοις τὸ ἔδαφος τῆς γῆς κα (f. 298 v.) ταβρέχοντες· ὄντως ἡμεῖς ὀφόμεθα καὶ ἡμεῖς ἀπολάβωμεν τὰ ἔργα ἡμῶν, ὅτι οὐ συνειδόμεν τὰ μετ' ἐκείνου παραθέντα εἰς ἡμᾶς. Καὶ ἔλεγον ἐπι πρὸς ἑαυτοὺς ἠμωθυμαδὸν πάντες· Δεῦτε ἀδριοσθέντες, ἅμα ἀλαλάζωμεν κράζοντες πρὸς αὐτὸν καὶ ἐκτε-

νῶς προσπέσωμεν καὶ δυσωπήσωμεν αὐτόν, μήπως ἴσως δι' οἰκείαν ἀνεξικακίαν σπλαγγισθεὶς ἐφ' ἡμῖν, ὡς ἐχθροὺς αὐτοῦ, καθὼς ἐδίδαξεν, ἀφήσει ἡμῖν τὰ εἰς αὐτόν παραπτώματα καὶ συγγνώμης τινὸς διὰ τὴν ἄγνοιαν ἡμῶν ἀξιώσει ἡμᾶς. Καὶ πάλιν τινὲς ἔλεγον ἐξ αὐτῶν· Καὶ πῶς ἄρα τοῦτο γενήσεται τοσαῦτα καὶ τηλικαῦτα κακὰ ἀσύγνωστα καὶ ἀναπολόγητα εἰς αὐτόν πλημμελήσαντας ἡμᾶς(sic), εἴπερ δίκαιος κριτὴς ἐστίν, ὡς φατέ; οὐκ ἐνὶ δίκαιον ἐλεῆσαι ἡμᾶς, καὶ μᾶλλον ὅτι ἐνταῦθα συγγνώμης ἢ συμπαθείας οὐδεὶς ἀξιούται, εἰ μὴ ὁ δι' ἔργων ἀγαθῶν ταύτας ὠνησάμενος· ἀλλ' εἰ καὶ πάντας ἀμαρτωλοὺς δι' οἰκείαν ἀγαθότητα δικαιῶσαι καὶ (f. 299 r.) σῶσαι αὐτόν δεῖ, ἀλλ' οὐχι καὶ ἡμᾶς· ποῖον γὰρ εἶδος εὐεργεσιῶν παρέλειψεν, οὐκ ἐνεδειξάτο αὐτὸς εἰς ἡμᾶς, οὐ μόνον δι' ἑαυτοῦ, ἀλλὰ καὶ διὰ τῶν ὅπερ οἰκείων αὐτοῦ μαθητῶν; καὶ ὡσπερ αὐτὸς εὐεργετῶν καὶ μυρία θαύματα εἰς τὸ ἔθνος ἡμῶν ἅπαν ἐργαζόμενος ὑπερέβαλε πᾶσαν ἀπὸ τοῦ αἰῶνος ἀγαθοσύνης ὑπερβολὴν, οὕτω πάλιν ἡμεῖς τὸ ἀνάπαλιν οὐδεμίαν κακίας ἀσύγκριτον ὑπερβολὴν παρελίπομεν, ἣν οὐκ ἐνεδειξάμεθα πρὸς αὐτόν, καὶ οὐκ εἰς αὐτόν μόνον, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς ἐξ ἡμῶν πιστεύσαντας καὶ μαθητευθέντας αὐτῷ· εἰ καὶ οὐδὲν ὅλως βλάβαι ἢ παρεμποδίσει τὴν διδασχὴν αὐτοῦ ἐσχίσασαμεν, ἀλλὰ μᾶλλον τούναντίον ἅπαν ἐγένετο· ὅσον γὰρ καὶ δι' ἑαυτῶν ἡμῶν καὶ διὰ τῶν ἐν ὑπεροχῇς ἀρχόντων καὶ βασιλέων οὐ διελίπομεν μαχόμενοι καὶ ἐχθραίνοντες παντοιοτρόπως καὶ πολεμοῦντες αὐτούς, τοσοῦτον μᾶλλον ἐκραταιοῦντο (f. 299 v.), καὶ ἠύξανεν ἡ τῶν πολλῶν πίστις εἰς αὐτόν καὶ κατεκράτει καὶ κατεκυρίευσεν πάσης τῆς γῆς ἀπὸ περάτων αὐτῆς· ὅπερ αὐτὸ καὶ μόνον ἔδει συνιδεῖν ἡμᾶς ὑπὲρ τῶν ἄλλων μυρίων καὶ ἑξαισιῶν εἰς ἡμᾶς γεγενημένων θαυμασιῶν παρ' αὐτοῦ καὶ κατανοῆσαι ὅλως, ὅτι ὑπὸ τῶν προφητῶν Μεσίας προκηρυχθεὶς καὶ σωτὴρ τοῦ κόσμου οὗτος ἐστὶ, καὶ προσελθεῖν καὶ πιστεῦσαι εἰς αὐτόν· ἀλλὰ καὶ διὰ τὴν ἀλαζονίαν καὶ ἔπαρσιν καὶ τὸν φθόνον, ὃν εἶχον ἐν ταῖς καρδίαις ἡμῶν κατ' αὐτοῦ, μὴ συνίεναι θελήσαντες ταῦτα πάντα, δικαίως καὶ ἀπερρίψημεν ἐξ αὐτοῦ καὶ ἐστερήθημεν τῆς δι' αὐτοῦ καὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ κηρυχθείσης αἰωνίου ζωῆς καὶ βασιλείας· ἐπεὶ ἐὰν μόνον ἴδελήσαμεν καὶ αὐτοὶ ἀποβλέψαι πρὸς τὴν ἀλήθειαν καὶ τὸ φῶς τῶν θαυμασιῶν αὐτοῦ καὶ ἀπορρίψαι ἀφ'

ἡμῶν τὴν τοῦ φθόνου κακίαν καὶ προσελθεῖν τῇ διδαχῇ αὐτοῦ καὶ πιστεῦσαι καὶ βαπτισθῆναι εἰς αὐτόν, ὡσπερ δὴ καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐξ ἡμῶν ἐποίησαν καὶ προσεδείχθησαν αὐτῷ, εἰ καὶ πρότε(φ. 300 γ.)ρον πολλάκις τινὲς ἐξ αὐτῶν σφόδρα παρετίκρναν αὐτόν, καὶ μάλιστα Σαῦλος ὁ μετονομασθεὶς διὰ τοῦ βαπτίσματος Παῦλος, ὁ τοῦ Μαλελεήλ τοῦ νομοδιδασκάλου δοκιμώτατος μαθητῆς, ὃς ἐδίωξε πρὸ τοῦ βαπτισθῆναι σφόδρα τούτου τὸ ὄνομα καὶ ἀπέκτεινε καὶ τινὰς τῶν μαθητῶν αὐτοῦ, προσεδέξατο ἂν ἀσμένως καὶ ἡμᾶς ἐν τῇ ἀθανάτῳ αὐτοῦ βασιλείᾳ καὶ κατεσκήνωσε πάντας μετ' αὐτῶν ἐκείνων τῶν προσελθόντων αὐτῷ ἐξ ἡμῶν καὶ ἐν τῇ μεγαλοπόλει ταύτῃ καὶ ὄντως νέα Σιών τῇ ἄνω καλουμένη Ἱερουσαλήμ εἰσήγαγε μετὰ πάντων ἡγαπηκότων τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ· νυνὶ δὲ διὰ τὴν μοχθηρίαν καὶ θηριώδη κακίαν ἡμῶν δικαίᾳ ψήφῳ αὐτοῦ ταῦτα πάντα τὰ δεινὰ ἐπῆλθεν ἐφ' ἡμᾶς, καὶ οὐκ ἔστιν ἀνάνευσις ἐν τῇ μαστιγι αὐτῶν, οὐδὲ ἐν τῷ αἰωνίῳ τούτῳ καὶ πικροτάτῳ πυθμένι τοῦ ἄδου τοῦ δικαίως ἡμᾶς παραλήψεσθαι ὀφείλοντος.

Τούτων οὕτως ὑπ' αὐτῶν λεγομένων, ἐπένευσεν ὁ Κύριος τῷ εἰς τοῦτο τεταγμένῳ στρατηγῷ τῶν ἀγγέλων ἐν φωνῇ σάλπι(φ. 300 ν.)γγος διζλεχθῆναι πρὸς αὐτούς· καὶ ἐπδέξατο ἀπειτόμως πρὸς τὴν φοβερὰ ἐκείνη καὶ μεγάλη ταλαιπώρῳ συναγωγῇ, τοιαῦτα· Ὡ μωροὶ καὶ τυφλοὶ, ἀνόητοι καὶ ἀσύνετοι υἱοὶ Ἰσραὴλ, οὐκ εἰμί ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστός ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ καὶ Θεός, ὁ αἰώνιος βασιλεὺς καὶ μόνος δίκαιος κριτῆς, ὁ κλίνας οὐρανοὺς καὶ καταβάς ἐπὶ γῆς καὶ ἀναλλοιώτως οἰκήσας ἐν τῇ κοιλίᾳ τῆς ἀπειράνδρους γεννησάσης με Μαρίας τῆς παρθένου, καὶ σάρκα ἐξ αὐτῆς ὀνεισάμενος διὰ τὸ σῶσαι ὑμᾶς, ἐπειδὴ γυμνῇ τῇ θεότητι μου ὑμῖν ὀφθῆναι παντελῶς ἀδύνατον καὶ ἀνύποιστον; Καὶ ἐνανθρωπήσας ὡμίλησα ὑμῖν καὶ ἐν ταῖς συναγωγαῖς ὑμῶν παρησια εἰδάξα καὶ ἐκήρυξα τὴν ἀλήθειαν, λέγων πρὸς ὑμᾶς· Ἐγὼ εἰμι τὸ φῶς τοῦ κόσμου, καὶ πάλιν· Ἐγὼ καὶ ὁ Πατὴρ ἐν ἐσμεν, καὶ ὁ μὲ τιμῶν τὸν Υἱόν, οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα, καὶ ὅτι ὁ Πατὴρ κρίνει οὐδένα, ἀλλὰ τὴν κρίσιν δέδωκε τῷ Υἱῷ. Οὐ μόνον διὰ τοῦ οἰκείου λόγου ἐκήρυσσον ἐν μέσῳ ὑμῶν τὴν ἀλήθειαν, ἀλλὰ πολλῶν πλέον διὰ τῶν ἔργων αὐτῶν, λέγων πρὸς ὑμᾶς, ὅτι ἐάν ἐμεὶ μὴ πιστεύ(φ. 301 γ.)-

σητε, κἀν τοῖς ἔργοις μου πιστεύσητε, καὶ ἐδείκνυον ὑμῖν τὴν προσ-
 οὔσαν θεϊκὴν δύναμιν ἐπὶ τῶν ἔργων αὐτῶν, νεκροὺς λόγῳ ψιλῶ
 καὶ μόνῳ κελεύσματι ὡς ἐξ ὑπνου ἀνιστῶν, τυφλοὺς ὀμμάτων,
 χλωλοὺς καὶ συγχ(ρ)ύπτοντας ἀνορθῶν, λεπροὺς καθαιρῶν, κυλλοὺς
 ἄλλεσθαι καὶ παραλύτους συσφίγγων καὶ ἀκόπως περιπατεῖν ἐργαζό-
 μενος, καὶ ἀπλῶς πάντα ποιῶν ὅσα τεθέασθε· ἀλλ' ὑμεῖς οὐ μόνον
 οὐκ ἠθέλησατέ μου ἀκοῦσαι τῆς διδαχῆς, ἀλλὰ καὶ ὑβρεσιν οὐ ταῖς
 τυχοῦσαις καὶ βλασφημίαις καθυποβάλλετε καὶ μυρία κακὰ ἐνεδει-
 ξασθε εἰς ἐμὲ ἀντὶ πάντων τῶν ἀγαθῶν, ὧν ἐνεδειξάμην ἐγὼ εἰς
 ὑμᾶς. Ἄρα οὐκ εἰμι ἐγὼ ἐκεῖνος, ὃν ἐλέγετε ὑμεῖς· οὐγ' οὗτός ἐστιν ὁ
 υἱὸς Ἰωσήφ τοῦ τέκτονος, καὶ ἰδοὺ Μαριάμ ἡ μήτηρ αὐτοῦ; οὐκ ἐγὼ
 εἰμι Ἰησοῦς, ὁ ἐν Κανᾶ τὸ ὕδωρ ἐνώπιον ὑμῶν εἰς οἶνον μεταβαλὼν;
 οὐκ ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς, ὃν ἐλέγετε· Ἐν Βεελζεβούλ τῷ ἄρχοντι τῶν
 δαιμονίων ἐκβάλλει τὰ δαιμόνια; οὐκ ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς, περὶ οὗ ἐδώ-
 κατε τριάκον(ε. 301 ν.)τα ἀργύρια Ἰούδα τῷ προδότῃ, ἵνα με παρα-
 δώσει εἰς τὰς ἀδεμίστους χεῖρας ὑμῶν πρὸς τὸ ἀποκτανθῆναι; οὐκ
 ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς, πρὸς ὃν ἐληλύθατε μετὰ μαχαιρῶν καὶ ξύλων εἰς
 τὸ συλλαβεῖν με καὶ παραδοῦναι εἰς θάνατον τοῖς ἔθνεσιν; οὐκ ἐγὼ
 εἰμι, ὃν παρεστήσατε δεδεμένον τοῖς ἀρχιμερεῦσιν ὑμῶν, Ἄννα καὶ
 Καϊάφα, καὶ Ποντίῳ Πιλάτῳ τῷ ἡγεμόνι; οὐκ ἐγὼ εἰμι ὃν συνεκλεί-
 σατε ἐν τῷ πραιτωρίῳ ὑμῶν; οὐκ ἐγὼ εἰμι ὃν ἐβραπίσατε, ὃν ἐμαστι-
 γώσατε, ὃν ἐνεπτύσατε; οὐκ ἐγὼ ὃν ἐμπαιγμῶ καὶ γλεύῃ πορ-
 φύραν ἐνεδύσατε καὶ στέφανον ἐξ ἀκανθῶν ἐπὶ κορυφῆς ἐθήκατε, καὶ
 κάλαμον ἐν ταῖς χερσὶν ἐπεδώκατε, καὶ γονυπετήσαντες δολίως ἐνε-
 παιξατε, καὶ λαβόντες κάλαμον, ὃν ἐνεχειρίσασθέ μοι, κατὰ κεφαλῆς
 ἐτύφατε, εἴ-τα φραγελλώσαντες παρεδώκατε εἰς τὸ σταυρωθῆναί με;
 οὐκ εἰμι ἐγὼ ὁ Ἰησοῦς, ὃν ἐλέγετε πάντες ὁμοθυμαδὸν ὡς ἐν μιᾷ τῇ
 φωνῇ πρὸς Ποντίῳ τῷ Πιλάτῳ τῷ ἡγε(ε. 302 γ.)μόνι· Ἄρον, ἄρον,
 σταύρωσον αὐτόν, καὶ ἔστω τὸ αἷμα αὐτοῦ ἐφ' ἡμᾶς καὶ ἐπὶ τὰ τέκνα
 ἡμῶν; Ἄρα οὐγ' ὑμεῖς ἐστὲ οἱ σταυρώσαντές με καὶ γλαῖθιν στολῆς
 ψευδῆ περιβαλόντες, καὶ στέφανον ἀκάνθινον περιθέντες τῇ κορυφῇ
 μου; οὐγ' ὑμεῖς ἐστὲ οἱ τὴν γολθὴν με καὶ τὸ ὄξος ποτίσαντες, ὀθτινες
 καὶ κωμωδοῦντες καὶ γελοιάζοντες ἐλέγετε· Ἄλλους ἔσωσεν, ἑαυτὸν
 οὐ δύναται σῶσαι; οὐγ' ὑμεῖς με ἐπὶ σταυροῦ ἐκρεμάσατε τοῦ νῦν

ἰσταμένου ἐνδόξως πρό προσώπου ὑμῶν εἰς ἔλεγγον ὑμῶν, καὶ ἤλους
 ταῖς χερσὶ καὶ τοῖς ποσὶ μου ἐπήξατε, νύξαντές μου τῇ λόγχῃ τὴν
 ἀκήρατον πλευράν; οὐχ' ὑμεῖς ἐωράκατε τὰ τότε γινόμενα, λέγω δὴ
 τὸν σεισμόν καὶ τὴν ζόφωσιν τοῦ ἡλίου, καὶ τὸν σκοτασμόν τῆς
 ἡμέρας, καὶ τὸν τοῦ ναοῦ διαρρηγμόν, τὴν τῶν πετρῶν σγίσιν, τὴν
 ἀνοίξιν τῶν μνημείων καὶ τὴν τῶν νεκρῶν ἐγερσιν; οὐχ' ὑμεῖς λίθον
 βαρύτατον κυλίσαντες μετὰ τῆς κουστωδιάς ὑμῶν, μετὰ τὸ ἀποκαθη-
 λωθῆναι με ἀπὸ (f. 302 v.) τοῦ σταυροῦ ὑπὸ τῶν ἐμῶν μαθητῶν
 Ἰωσήφ καὶ Νικοδήμου καὶ τάφῳ τεθῆναι ὑπ' αὐτῶν, τῇ θύρᾳ τοῦ τάφου
 τεθεῖκατε; οὐκ ἐστήσατε φύλακας φυλάσσοντας τὸν τάφον κλοπῆς
 ἕνεκα ὑπόνοιαν τοῦ ἐμοῦ ἀχράντου καὶ ζωοπαρόγου σώματος, καὶ
 σφραγίδας καὶ φρουροὺς καὶ κλειθρα ἐπὶ τῷ λίθῳ καὶ τῷ τάφῳ
 τεθεῖκατε; ἄρα οὐχ' ἐωράκατε τὴν τοῦ λίθου προσκύλησιν καὶ τὰ
 ἐντάφια κείμενα μόνα, καὶ τὸ σουδάριον χωρὶς τούτων κείμενον ἐντε-
 τυλιγμένον εἰς ἓνα τόπον, ἐμοῦ τριημέρου ἀναστάντος αὐτεξουσίως
 καὶ τὰς σφραγίδας τοῦ τάφου μὴ λύσαντος; ὑμεῖς δὲ ὡς σκορπίων
 καὶ ὄφειων καὶ ἐχιδνῶν γεννήματα, καθὼς εἶρηκεν Ἡσαίας ὁ προφήτης
 τῆς ἐμῆς ἐνσάρκου παρουσίας, οὐκ ἐπιστεύσατε τῇ ἐμῇ ἐκ νεκρῶν
 ἀναστάσει, ἀλλ' ἐτι προσεδήκατε κακὸν τῷ κακῷ, δεδωκότες ἀργύρια
 τοῖς φυλάσσουσι στρατιώταις κλοπῇ ψεύσασθαι τὴν ἐμὴν τριήμερον
 ἐγερσιν· καὶ ἰδοὺ, οἱ πό(f. 303 r.)δες καὶ αἱ χεῖρές μου ἔχουσαι ἐπι-
 τῶν ἡλίων τὰς ὠτειλάς καὶ τρήσεις, καὶ ἡ πλευρά μου τῆς λόγχης
 τὴν νύξιν, αἵτινες μαρτυροῦσι τὴν εἰς ἐμὲ θηρωδίαν ὑμῶν, καὶ
 πάντα τὰ δεινὰ, ἃ εἰς ἐμὲ ἐνεδειξασθε. Ἄρα οὐχ' οὕτως ἔχει ταῦτα;
 ἄρα οὐχ' ὑμεῖς ἐστέ, ὡ ἐπάρατοι, οἱ ταῦτά μοι δεινὰ ἐπὶ τὸ αὐτὸ
 συντελέσαντες; Καὶ ταῦτα πάντα παθὼν ὑφ' ὑμῶν, οὐδ' οὕτως ἀντα-
 πέδωκα ὑμῖν, ἀλλὰ μετὰ τὸ ἀναληφθῆναι με εἰς οὐρανοὺς ἀπέστειλα
 ὑμῖν τοὺς ἐξ ὑμῶν μαθητευθέντας μοι καλέσαι ὑμᾶς εἰς μετάνοιαν
 καὶ ἐπίγνωσιν τῆς ἀληθείας διὰ λόγων καὶ ἔργων τῶν ὁμοίως ἐμοὶ
 ἐνεργουμένων ὑπ' αὐτῶν σημείων καὶ τεράτων ὑπερφυῶν· ὑμεῖς δὲ
 οὐδ' οὕτως ἐπιστεύσατε αὐτοῖς, ἀλλὰ τοῖναντίον καὶ μυρίοις θανάτοις
 αὐτοὺς καθυπεβάλλετε. Ἄρα οὐ συνεχλείσατε Πέτρον ἐν τῇ φυλακῇ;
 οὐκ ἀνείλετε Ἰάκωβον ἐν μαχαίρᾳ; οὐ Νικάνορα ἀπεκτείνετε μετὰ
 τῶν δισχιλίω; οὐκ ἐλιθοβολήσα(f. 303 v.)τε Στέφανον; οὐ μυριάκις

τόν Παῦλον ἐμαστιγώσατε; περί δέ τῶν ἐπιλοίπων τί ὑμῖν εἶπω; αὐτοὶ σαφῶς γινώσκετε καὶ οἴδατε· ἠδελήσατε γάρ συναποθανεῖν ταῖς ἀμαρτίαις ὑμῶν, πειθόμενοι τῷ πατρὶ ὑμῶν τῷ Σατανᾷ ἢ τῷ σωτηρίῳ μου λόγῳ, καὶ νῦν ἰδοὺ θεάσασθε, ἀσεβεῖς καὶ παράφρονες, καὶ πιστεύσατε ἄκοντες, ὅτι αὐτός ἐγώ εἰμι καὶ οὐκ ἠλλοίωμαι, ὁ ὑφ' ὑμῶν ὡς πλάνος ἐξουδενωθεὶς καὶ πάντα ἐκουσίως παθῶν καὶ θανάτου γευσάμενος, ὑπὸ δὲ πάντων πιστῶν δεχθεὶς καὶ προσκυνηθεὶς ὡς Θεὸς ἅμα τῷ Πατρὶ καὶ ἀγίῳ μου Πνεύματι, καὶ νῦν τὴν αἰωνίζουσαν ζωὴν καὶ βασιλείαν, καθὼς ἐπηγγεελάμην, δωροῦμενος αὐτοῖς. Ἐγὼ γάρ εἰμι μόνος αἰώνιος βασιλεὺς τῶν βασιλευόντων καὶ μόνος Κύριος τῶν κυριευόντων καὶ ἐξουσιαστής πάσης κτίσεως, ὀρωμένης τε καὶ ἀοράτου, Ἰησοῦς Χριστός, ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, ὁ δι' ὑμᾶς τοὺς ἀνθρώπους ἀνθρωπος γενόμενος, μὴ δὲ τραπεὶς τῇ θεότητι.

Καὶ ἐγένετο ὡς ταῦτα τούτοις τοῖς ἐπαράτοις (f. 304 r.) διεσάφησε διὰ τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ὁ ἄγγελος, ἐγνωσαν πάντες, ὅτι αὐτός ἐστὶν Ἰησοῦς ἀληθῶς ὁ Ναζωραῖος, ὃν αὐτοὶ μώμοις καὶ ὕβρεσιν οὐ ταῖς τυχοῦσαις βαλόντες, ἀδίκῳ θανάτῳ παρέδωκαν· καὶ ἦν ἰδεῖν ἐπ' αὐτούς, μετὰ τὸ παύσασθαι τὴν θείαν σάλπιγγα, κοπετόν καὶ κλαυθμόν καὶ ὀδυρμόν μέγαν σφόδρα, καὶ ὁ κωκυτός τοῦ κλαυθμοῦ αὐτῶν ὑπερήχει πάντα τόπον σχεδόν τῆς κρίσεως, καὶ εἰδίδουσαν θρῆνον πικρὴν οἱ ἔλεινοι καὶ ταλαίπωροι, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμός, στένοντες, τρέμοντες καὶ δεινῶς ὀλολύζοντες, ὅτι ταῦτα συνέβη αὐτοῖς, καὶ ἔλεγον μετ' οἰμωγῆς ἐλεινῇ τῇ φωνῇ· Ὡ Μωϋσῆ, τί πεποίηκας ἡμῖν οὕτω πιστεύειν ἡμᾶς ἐντειλάμενος; ποῦ ἴς ἄρτι; ἐλθὲ καὶ πάρεσο μέσον ἡμῶν, εἰ εὔρες χάριν καὶ παρρησίαν, καὶ ῥῦσαι ἡμᾶς τῆς παρούσης φοβερᾶς καταδίκης καὶ κατακρίσεως καὶ δικαίας ἀπειλῆς τοῦ κριτοῦ. Καὶ ὡς ταῦτα θρηνοῦντες ἔλεγον καὶ γερωῶς οἰμώζοντες, ἐδόκουσιν συναλγεῖν (f. 304 v.) αὐτοῖς καὶ αὐταὶ αἱ τῶν ἁγίων ἀγγέλων πᾶσαι στρατιαὶ καὶ δυνάμεις, τοῖς θρῆνοῖς καὶ ταῖς οἰμωγαῖς κατακλονούμεναι αὐτῶν· τινὲς δὲ ἐξ αὐτῶν τετολμήκασιν εἰρηκέναι πρὸς τὸν δίκαιον κριτὴν μετὰ πολλῶν δακρύων καὶ στεναγμῶν τριαῦτα φάσκοντες· Κύριε, μνήσθητι ὅτι τὸν νόμον καὶ τὰς ἐντολάς ὁ Πατήρ σου Σαβαώθ καὶ Κύριος παντοκράτωρ δέδωκε τοῖς πατράσιν ἡμῶν διὰ τοῦ προφήτου Μωϋσέως καὶ θεράποντός σου ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ,

καὶ πάντες προφῆται καὶ δίκαιοι, ὅσοι ἀσφαλῶς ἐτήρησαν αὐτὸν καὶ τὰ νόμιμα πάντα ἐφυλάξαντο ἄτροπα καὶ ἀπαράβητα, εὐπρόσδεκτοι γεγονάσι τῆς δόξης τῆς σῆς θεότητος τῷ ὀνόματι· διὰ τοῦτο καὶ ἡμεῖς κατ' ἔγνωσ τούτων βαδίσαντες οὐκ ἐξενεύσαμεν ἀπὸ τῆς τοῦ νόμου ἀκραιφνοῦς πίστεως καὶ διδασκαλίας, καθαρῶς μὴ συνέντες μηδὲ ἐλπίζοντες πεπαῦσθαι αὐτὸν πώποτε· κατηράσατο γὰρ πάντα ἄνθρωπον ὁ Μωϋσῆς, οἱ λοιποὶ πάντες προφῆται καὶ οἱ νομοδιδάσκαλοι τὸν μέχρι τῆς συντελείας τῶν αἰῶνων ἀφιστάμενον τῆς τοῦ νόμου λατρείας (f. 305 r.) καὶ εἰς ἕτεραν πίστιν μεταπίπτοντα· τί οὖν ἡμεῖς εἴγωμεν ποιῆσαι ἐν τῷ ἐκείνους ἀκριβῶς θεῖναι· τοῦτον τὸν ὄρον, νομοδετοῦντας τοῦ μὴ μεταπεσεῖν ἡμᾶς ἀπὸ τῆς τοῦ νόμου λατρείας; Διὰ τοῦτο, δέσποτα, οὐκ ἠβουλήθημεν ἐνωτίσασθαι καὶ συνίεναι τὰ ῥήματά σου καὶ προσελθεῖν τῇ διδασκαλίᾳ τοῦ Εὐαγγελίου σου, καὶ προσπεσεῖν τοῖς σικτιρμοῖς σου καὶ τῷ ἁγίῳ σου βαπτίσματι προσδραμεῖν.

Ταῦτα οὖν ἐκείνων εἰρηκότων, προσέταξε Κύριος τῷ ἐπὶ τῆς σάλπιγγος ἀρχαγγέλῳ σαλπῖσαι, καὶ ἰδοὺ ἡ σάλπιγξ ἐκέκραξε λέγουσα· Οὐ κρινῶ ὑμᾶς ἕνεκεν τῆς εἰς ἐμὲ ἀπιστίας· τὰ γὰρ ἐν τῷ βίῳ ὑμῶν πεπλημμελημένα ἀθέμιτα καὶ ἀναριθμητὰ πταισμάτα ἐκεῖνα ὑμᾶς ἐλέγχουσιν, ἅπερ ἐξετάσας οὐ γ' εὐρίσκω ἐν ὑμῖν σωτηρίας ἐλπίδα. Τίνα γὰρ τῶν θεραπόντων μου προφητῶν οὐ θανάτῳ παραδεδώκατε; ἢ ποῖαν ἀδυσμον ἐργασίαν οὐκ ἐποιήσατε, ἐν πάσῃ τῇ ζωῇ ὑμῶν μυκτηρίζοντες, γλευάζοντες καὶ βλασφημοῦντες καμὲ καὶ τοὺς εἰς ἐμὲ πιστεύοντας; περὶ δὲ (f. 305 v.) τῆς πρὸς με ἀπιστίας ὑμῶν, ἰδοὺ Μωϋσῆς ὁ θεράπων μου ἐλεύσεται πρὸς ὑμᾶς καὶ αὐτὸς ὑμᾶς ἐλέγξει καὶ κρινεῖ περὶ τῆς εἰς ἐμὲ ἀπιστίας ὑμῶν καὶ σκληροκαρδίας, καὶ τὰ ἀτύλῳτα ὑμῶν στόματα ἐμφραγώσει τοῦ μὴ δυναθῆναι ὑμᾶς δοῦναι αὐτῷ ἀπολογίαὶν ἕνεκεν τῆς τσιαύτης ὑμῶν προφάσεως· καγὼ σιγήσω. Καὶ εὐθέως ἐπένευσε Μωϋσεία παραγενέσθαι, ὡς ἔσθη εὐθύς ἐνώπιον αὐτοῦ καὶ αὐτῶν, πράξει βήμασι περιπατῶν ἐφ' ὑψηλοῦ ἐπὶ πτερύγων αἰθέρος· καὶ ἡ σάλπιγξ ἐβόησε πρὸς αὐτοὺς λέγουσα· Ἴδού, Μωϋσῆς, ὃν ἐλέγετε αἴτιον εἶναι τῆς ὑμετέρας ἀπωλείας· ἰδοὺ γὰρ, ὡς ὁράτε, πεπλήρωκα τὴν αἴτησιν ὑμῶν τῆς ἐφέσεως. Καὶ ἅμα τῷ λόγῳ ὡρᾶτο ὁ θεοτάτος Μωϋσῆς ἐν δόξῃ ἀνεκλαλήτῳ ἐξερχόμενος τῆς

ἐξαισίας πύλης τῆς περιφήμευ ἐκείνης πόλεως και πρὸς αὐτοὺς αἰθεροβατῶν ἀφικόμενος· ὃς ἐλθὼν ἔστη κατὰ πρόσωπον πάντων ὑπεράνω τῆς συναγωγῆς ἐκείνης λελαμπρυσμένος και τῇ ἀνεκφράστῳ δόξῃ ἀπαστράπτων τὸ πρόσωπον, ἐνδεδυμένος στολὴν ἀστραπόμορφον. Καὶ ἰδοὺ (f. 306 r.) σα αὐτὸν πᾶσα ἡ συναγωγὴ ἐκείνη τῶν Ἰουδαίων ὑπεράνω αὐτῶν ἐν τοιαύτῃ δόξῃ ἑστηκότα, ἐκλαυσαν πάντες ἐνώπιον αὐτοῦ πικρῶς· λέγοντες· Ὡ κύρι Μωϋσῆ, οὐκ αὐτὸς ἡμῖν δέδωκας τὸν νόμον, ᾧ γέγραπται· Ἄκουε, Ἰσραὴλ, κύριος Θεὸς σου εἰς ἔστι Κύριος, και ἕτερος Θεὸς πλὴν αὐτοῦ οὐκ ἔστι· και ἰδοὺ Θεὸς ἕτερος μέγας και ἰσχυρὸς κατενώπιον ἡμῶν, πάντων κριτῆς καθεζόμενος και ἐκάστῳ ἀποδιδούς κατ' ἀξίαν τῶν ἔργων αὐτοῦ, ὃν εἰς ἡμᾶς ἐλθόντα ἐν σημείοις μεγίστοις και τέρασι και περι τούτων πάντων τῶν νῦν συμβεβηκότων ἡμῖν ἐν πάσῃ τῇ Ἰουδαίᾳ διαμαρτυράμενον και κηρύττοντα τὴν αὐτοῦ θεότητά τε και βασιλείαν ἡμεῖς τὸν ὑπὲρ σοῦ δεθέντα ἡμῖν νόμον ἀπαράδραυστον κρατοῦντες και διατηροῦντες οὐ μόνον οὐκ ἐδεξάμεθα, ἀλλὰ και ὡς ἀντίθεον ἐπὶ ξύλου προσηλώσαντες κακίστῳ θανάτῳ παραδεδώκαμεν. Λέγε οὖν ἡμῖν σαφῶς, τίς ἐστιν ἄρα ὁ ἰσχυρὸς Θεὸς οὗτος και κραταῖός, ὁ ἐξουσιάζων και κρίνων ἀποτόμως, ὁ ἐρευνῶν και ἐτάζων και ἀποδίδους ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ; Ἀπόδος ἡμῖν ῥῆμα, λέγε ἡμῖν περι τούτου· ἰδοὺ γάρ παραδίδομεθα, ὡς ἑρᾶς, παρ' αὐτοῦ πυρὶ ἀτελευτήτῳ και αἰωνίῳ, και οὐ πέφυκεν ὁ ἐξαιρούμενος ἡμᾶς τῆς τοιαύτης πανδείνου κολάσεως. Παρακαλοῦμεν, και οὐ πρόσεστιν ὁ ἐλεῶν, προσπίπτομεν, και οὐκ ἦν ὁ εἰσακούων και οἰκτείρων ἡμᾶς.

Ταῦτα και τὰ τοιαῦτα αὐτῶν εἰρηκότων μετὰ δακρύων πικρῶν πρὸς τὸν θαυμασιώτατον ἐκεῖνον ἄνδρα, και αὐτὸς λελάληκε πρὸς αὐτούς· Ὡ ἀνοητοὶ και βραδεῖς τῇ καρδίᾳ τοῦ πιστεύειν ἐπὶ πᾶσι, οἱ ἐλάλησαν ἡμῖν οἱ προφῆται και αὐτὸς ὁ νόμος, ὃν δέδωκα ἡμῖν περι τῆς ἐνδοξου και ἐνσάρκου παρουσίας τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἡμεῖς, οὐχὶ υἱοὶ τοῦ Ἀβραάμ, ἀλλὰ τοῦ Σατανᾶ, οὐ και τὸ εἶδος τῆς ὁμοιώσεως ἐν τοῖς μέλεσιν ἡμῶν νῦν καθορᾶται, οἱ ἀπὸ τῆς παρουσίας Χριστοῦ και μέχρι τῆς συντελείας ἐν τῷ κόσμῳ ἐκείνῳ γεγεννημένοι κατὰ γενεὰς ἡμῶν, διὰ τί οὐκ ἐπιστεύσατε τῷ Κυρίῳ ἐλθόντι ἐν μέσῳ ἡμῶν τέρασι και μεγίστοις σημείοις φοβεροῖς, πληροφοροῦσι και

αυτοὺς τοὺς ἀναισθήτους λίθους εἰς (f. 307 γ.) τὸ πιστεῦσαι αὐτῷ, ὡς δεσπότη πάντων; Οἱ δὲ λέγουσι πρὸς αὐτόν· Διότι σὺ δέδωκας ἡμῖν τὸν νόμον καὶ τὴν φρικωδεστάτην ἀσφάλειαν περὶ αὐτοῦ, κατηράμενος ἐν πικρία ψυχῆς πάντα τὸν μεταπίπτοντα ἀπ' αὐτοῦ εἰς πίστιν ἑτέραν, ἐπεὶ ἀπὸ Ἀβραάμ καὶ μέχρι τῆς διασπορᾶς ἡμῶν πάντας τοὺς ὀπωσοῦν τετολμηκότας τὸν νόμον παραβεβηκέναι φοβερᾶ ἐκδικήσει Θεὸς ἀνταπέδωκε, πῶς οὖν ἐτολμῶμεν ἡμεῖς παραβῆναι τὸν νόμον; Λέγει Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Ὡ τυφλοὶ καὶ ἀνόητοι, πρὸ τῆς παρουσίας τοῦ κυρίου Ἰησοῦ, ὅτε ἔδει φυλάσσειν τὸν νόμον, οὐκ ἐφυλάττετε αὐτόν, ὡς ἐχρῆν· τότε γὰρ ἦν χρεία τοῦ φυλάττειν αὐτόν καὶ πάντα τὰ νόμιμα, ὡς τύπον φέροντα τοῦ μέλλοντος παραγίνεσθαι πρὸς ἡμᾶς Ἰησοῦ Χριστοῦ· ἐλθόντος δὲ ἐκείνου, οὐ χρεία τοῦ νόμου· σιὰ γὰρ ἦν πάντα τὰ τοῦ νόμου τῆς μελλούσης χάριτος, καὶ μετὰ τὸ παραγεγονέναι αὐτόν διὰ τῆς ἐνανθρωπήσεως πρὸς ὑμᾶς καὶ σιγῆσθαι τὸν νόμον καὶ πάντα τὰ νόμιμα, ἡγουν τὴν ἱερατείαν, τὴν περιτο(f. 307 ν.)μὴν, τὴν ἀκροβυστίαν καὶ πάντα τὰ διὰ τὴν σκληροκαρδίαν ὑμῶν νενομοθετημένα ἐν τῷ νόμῳ· τότε ἐκραταιώθητε παραφυλάττειν αὐτόν. Λέγουσι πρὸς αὐτόν ἐκεῖνοι· Σὺ τούτων πάντων αἴτιος· ποταπὸς γὰρ ἦς προφήτης, ὅτι γινώσκων Θεὸν κατελθεῖν ἀπ' οὐρανοῦ καὶ ἄνθρωπον γενέσθαι καὶ μεταλλάξαι τὴν πίστιν ἡμῶν καὶ πάντα τὰ τοῦ νόμου, καὶ ἕτερον νόμον καὶ λατρείαν ἡμῖν παραδοῦναι, οὐ καθαρῶς δεδήλωκας ἡμῖν περὶ τούτου; Ἐφη πρὸς αὐτούς Μωϋσῆς· Ὡ πλήρεις ἀνοίας υἱοὶ τῆς ἀνομίας, οὐκ ἐγὼ περὶ τούτου τηλαυγῶς παραδέδωκα ὑμῖν ἐν τῷ νόμῳ καὶ φρικτῶς ἐδήλωσα καὶ ἐδίδαξα φανερῶς, λέγων οὕτως ῥητῶς· Προφήτην (τὴν) ὑμῖν ἀναστήσει κύριος ὁ Θεὸς ἐκ τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν, ὡς ἐμέ, αὐτοῦ ἀκούσεσθαι κατὰ πάντα, ὅσα ἂν λαλήσει ὑμῖν· καὶ ἔσται πᾶσα ψυχὴ, ἣτις οὐκ εἰσακούσεται τοῦ προφήτου ἐκείνου, ἐξολοθρευθήσεται ἐκ τοῦ λαοῦ αὐτῆς. Τί οὖν ἄλλο τούτου καθαρώτερον καὶ εὐδηλότερον εἶχον ὑμῖν (f 308 γ.) παραδοῦναι; ἀλλὰ καὶ Ἰακώβ ἐν ταῖς εὐλογίαις τοὺς υἱοὺς αὐτοῦ εὐλογῶν, ἐν τῷ τετάρτῳ αὐτοῦ υἱῷ, τῷ καλουμένῳ Ἰούδα, ῥητῶς ἔφησε περὶ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ καὶ βασιλείως ἡμῶν οὕτως λέγων· Οὐκ ἐκλείψει ἄρχων ἐξ Ἰούδα οὐδὲ ἡγούμενος ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ, ἕως οὐ ἔλθῃ ὃ ἀπόκειται, καὶ αὐτὸς προσδοκία ἔθνων. Ἄρα οὐ περὶ

τούτου ταῦτα ἐβέβησαν; ἄρ' οὐκ αὐτός ἐν τῷ ἀπειθῆσαι ὑμᾶς προσδοκία καὶ σωτηρία γίνονεν; ἀλλὰ καὶ ἄλλαι πᾶσαι περὶ αὐτοῦ προφητεῖαι, αἱ κατὰ πᾶν σάββατον ἀναγινωσκόμεναι ὑμῖν, ἐν τίνι ἄλλῃ τὴν ἔκβασιν εἶχον, οὐχὶ ἐν αὐτῷ τῷ Σωτῆρι Χριστῷ; Ὄντως ἐματαιώθητε, δυσμενέστατοι, ἐν ταῖς ὁδοῖς ὑμῶν πάσαις καὶ ἐν πάσαις ταῖς τρίβεις καὶ διαβουλίαις ὑμῶν, διὰ τοῦτο ἀπεκρύβη δικαίως ἀπὸ τοῦ προσώπου ὑμῶν ἡ ἐφ' ὑμᾶς ἐλθεῦσα ἐπισκοπὴ, καὶ ὑμεῖς ἀξίως ἀπεστερήθητε αὐτῆς, ὅτι οὐκ ἐδέξασθε αὐτήν, οἱ δὲ ἐξ ἐθνῶν κλητοὶ αὐτήν κατεκληρονόμησαν. Καὶ (f. 308 v.) ἀπεκρίθη πᾶς ὁ λαὸς κατὰ τὸ πλῆθος τῆς ταλαιπώρου συναγωγῆς ἐκείνης πρὸς αὐτὸν λέγων· Καὶ πῶς εἶχομεν πιστεῦσαι αὐτῷ λέγοντι υἱὸν αὐτὸν εἶναι τοῦ Θεοῦ καὶ ἴσον ἑαυτὸν ποιῶν κατὰ πάντα τῷ Θεῷ τῷ τοῦ νόμου, σοῦ μὴ καθαρῶς περὶ Θεοῦ ἡμῖν δηλώσαντος, ἀλλὰ περὶ προφήτου εἰρηκότος, ὅτι ἀναστήσει κύριος ὁ Θεὸς προφήτην ἐκ τῶν ἀδελφῶν ὑμῶν, ὡς ἐμέ; Καὶ εἰ ὁ Θεὸς ἐμελλεν ἀναστήσαι προφήτην, πῶς εἶχομεν δέξασθαι αὐτὸν ὡς Θεόν; ἡ γὰρ περιοχὴ τοῦ νόμου περὶ προφήτου, φησὶ, μαρτυρεῖ. Ἔφη Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Προφήτην εἶπον αὐτὸν ὑμῖν, ὡς ἐμέ, διὰ τὴν αὐτοῦ ἐνανθρώπησιν, ἐπειδὴ Θεὸς καὶ ἄνθρωπος εἰς ὁ αὐτὸς ἦν καὶ προφήτης καὶ βασιλεὺς· τέλειος γὰρ ὢν Θεός, γέγονε καὶ τέλειος ἄνθρωπος ἐν δυοῖς τελείαις ταῖς φύσεσιν, ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως καὶ ἀναλλοιώτως· διὰ τοῦτο προφήτην αὐτὸν καὶ ἀδελφὸν ὑμῶν ἐν τῷ νόμῳ δεδήλωκα. Περὶ δὲ τῆς θεότητος αὐτοῦ αὐτὰ τὰ παρ' αὐτοῦ τελούμενα ἐξάισια καὶ φρικτὰ καὶ πάντα (f. 309 r.) ὑπερβαίνοντα ἔργα, ἃ οὐδεὶς ἄλλος πεποίηκε, μαρτυρεῖ· εἴπερ τὴν ἀλήθειαν συνιδεῖν ἠθέλησατε, εἶχετε ἂν αὐτήν ἡλίου δίκην ἐν τῷ κόσμῳ λάμπουσαν καὶ αὐτοῖς τοῖς ἀψύχοις λίθοις, μὴ τί γε λογικοῖς ἀνθρώποις δεικνύοντα αὐτὸν καὶ μαρτυροῦντα, ὅτι Θεὸς ἐστίν, ἀλλ' ὁ φθόνος καὶ ἡ ἐνοικουσα ἐν ἡμῖν κακία καὶ πονηρία καὶ ἡ ἀπειρος ἀλαζονία οὐκ ἔλασεν ὑμᾶς τὸ δεῖν συνιδεῖν καὶ τὸ ἴδιον ἀρπάσαι ἀγαθὸν καὶ καταδέξασθαι τὸν ἐλθόντα Σωτῆρα Θεὸν φιλανθρώπως ἐφ' ὑμᾶς· διὰ τοῦτο δέξεται ὑμᾶς ἡ τοῦ αἰωνίου πυρός ἀτελεύτητος γέεννα, ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς διὰ τῶν οἰκείων ἔργων ἐξεκαύσατε. Οὐαὶ ὑμῖν, ἐλεεινοὶ καὶ ταπεινοὶ, ὅτι οὐκ ἐγένετο ὑμῖν διὰ φροντίδος πιστεῦσαι τῷ ὀνόματι αὐτοῦ τῷ ἀγίῳ καὶ σωθῆναι, ἀλλ' ἐματαιώθητε τῇ ἀγνομασύνῃ

ὕμῶν καὶ ἐπωρώθητε τὴν καρδίαν μὴ προσδεξάμενοι αὐτόν. Λέγουσι πρὸς αὐτόν ἐκεῖνοι· Μεμνημένοι, ὡς δέσποτα, τῶν σημείων καὶ τῶν τερασιῶν τῶν ἐξαισιῶν ἐκείνων, ὡςπερ αὐτός ἐν Αἴ(f. 309 v.) γύπτῳ καὶ ἐν Ἐρυθρᾷ θαλάσῃ καὶ ἐν ἐρήμῳ καὶ ἐν παντὶ τόπῳ νεύματι Κυρίου τετέλεκας, ἐκραταιούμεθα μὴ εἶναι ἐτέραν πίστιν πάρεξ τῆς δοθείσης ἡμῖν ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ διὰ σοῦ· νῦν οὖν παρακαλοῦμέν σε, ὡς μμητὴν αὐτοῦ, ἐπικαμφθῆναι ἡμῖν καὶ προσάξει ὑπὲρ ἡμῶν δέησιν πρὸς αὐτόν, ὅπως Γλεως ἡμῖν καὶ εὐδιᾶλλακτος γένηται διὰ σοῦ, καὶ ἀποστρέψῃ ἀφ' ἡμῶν τὸν θυμὸν αὐτοῦ καὶ τὴν δικαίαν ἀπειλήν, ὅτι πολλὰ εἰς αὐτόν κακῶς ἐβλασφημήσαμεν. Ἔφη Μωϋσῆς πρὸς αὐτούς· Ἐγὼ ἤμην ἐν μέσῳ τῶν πατέρων ὑμῶν ἐπὶ τοῦ ὄρους Σινᾶ καὶ εἴωρακα τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα, ὡς ἦν δυνατόν ἀνθρώπῳ θεάσασθαι αὐτόν, τὸν νῦν κρίνοντα καὶ κολάζοντα πάντας τοὺς μηδέποτε μετανόησαντας, καὶ πλεῖστα θαυμάσια καὶ τεράστια μέγιστα καὶ φρικτὰ ἐνεδειξάμην ὑμῖν, ἅτινα ὀρώντες τελούμενα οὐκ ἐπιστεύσατε, ὅτι αὐτός ἐστιν ὁ Θεὸς καὶ ποιητὴς τοῦ νόμου. Εἰ οὖν ἐκείνῳ τσαῦτα ὑμῖν καὶ τηλικαῦτα τερατουργήσαντι οὐκ ἐπιστεύσατε (f. 310 r.) ἀοράτῳ δυνάμει καὶ ἰσχυρί θεικῇ ταῦτα πάντα τελοῦντι, πῶς τῷ μονογενεῖ αὐτοῦ Υἱῷ μετὰ σαρκὸς ἐληλυθότι ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ὁμοιωθέντι κατὰ πάντα ἡμῖν, πλην μόνῃς τῆς ἁμαρτίας, εἴχετε πιστεῦσαι καὶ ὡς Θεὸν αὐτόν δεξασθαι; ἔτι οὖν ἐν τῇ ἀπιστίᾳ ὑμῶν μενόντων καὶ μὴ θελόντων τοῦ σκότους τῆς ἀσεβείας ἀνακίψαι καὶ πρὸς τὸ φῶς τῆς ἀληθείας ἐλθεῖν, πῶς αὐτὸς δεηθήσομαι περὶ ὑμῶν τῶν οὕτως ἀχαρίστων περὶ τὸν εὐεργέτην, τῶν οὕτως ἀγνωμόνων περὶ τὸν ἐλευθερωτὴν, τῶν οὕτως ἐκουσίῳ πρὸς τὸ πῦρ τὸ ἄσβεστον αὐτομολησάντων; καὶ γὰρ καὶ ἐκτός τῆς εἰς αὐτόν ἀπιστίας ὑμῶν, αὐτὰ τὰ ἔργα ὑμῶν πονηρὰ πεφύκασι, πλήρη ἐκδικήσεως καὶ ἀνταποδόσεως.

Ταῦτα αὐτοῦ πρὸς αὐτούς λαλήσαντος, προτροπῇ κυρίου τοῦ Θεοῦ ἀπέστη ἀπ' αὐτῶν καὶ ᾤχετο ὄθεν ἐλήλυθεν ἐν μεγάλῃ δόξῃ καὶ τιμῇ· αὐτοὶ δὲ ἐν κραυγῇ μεγάλη τὸν Θεὸν τοῦ νόμου ἔτι ἐπικαλοῦντο καὶ μετὰ δακρύων ἔλεγον ἐκ καρδίας στενάζοντες καὶ γοερῶς ὁμοθυμαδὸν ὀλολύζοντες (f. 310 v.)· Ὁ Θεὸς τῶν Πατρῶν ἡμῶν Ἀβραάμ, Ἰσαὰκ καὶ Ἰακώβ, ὁ Θεὸς τοῦ νόμου, ἐλέησον καὶ σῶσον

ἡμᾶς ἀπό τῆς χαλεπῆς ὥρας ταύτης, καὶ ἀπόστρεψον τὸν θυμὸν σου ἀφ' ἡμῶν διὰ σπλάγχνα ἐλέους σου· πλήν γὰρ σοῦ ἕτερον Θεὸν οὐκ οἶδαμεν, οὐδὲ διεπετάσαμεν χεῖρας ἡμῶν πρὸς Θεὸν ἀλλότριον.

Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτοῦς ἰσχυρῶς μετ' οἰμωγῆς κράζειν τοὺς λόγους τούτους, ἰδοὺ ἄνω ἀστραπὴ φοβερὰ ἤστραψε καὶ ἐρηπλώθη ἐπὶ πᾶν τὸ πρόσωπον τῆς γῆς ἐκείνης, καὶ αὐτὴ οὐχ' ὑπενόστει καὶ ἠφανίζετο, ἀλλὰ διέμενε ξηνοτρόπως καὶ καθωρᾶτο τηλαυγῶς ὑπὸ πάντων ἐρηπλωμένη ἐφ' ὅλην τὴν γῆν· καὶ ἰδοὺ μετ' αὐτὴν ἑτέρα πάλιν ἔνδον αὐτῆς ἀστραπὴ λευκὴ ὑπὲρ γιόνα ἐφήπλωτο καὶ μέσον αὐτῆς αὔρα λεπτὴ ἀσύγκριτον ἔχουσα καὶ τὴν ἰδέαν καὶ τὴν πνοήν· καὶ ἄμφω αὗται παραγενόμεναι ἐπεσχίασαν τὸν Θεὸν Λόγον καὶ κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν δίκαιον κριτὴν καὶ ἐξεταστήν καὶ ἐκδικητὴν πάντων ἡμῶν, πρὸς αὐτὸν ἐπιρῶσαι γαλινομόρφως, καὶ τούτῳ ἀφράστως ἔπα(f. 311 γ.)ναπαυσάμεναι ἐπεκάλυψαν αὐτὸν τέλεον, ὥστε τὸ σύνολον παρ' ἡμῶν μὴ ὁρᾶσθαι, καὶ ἦνεσαν αὐτόν, ὡς Θεὸν καὶ κριτὴν τοῦ παντός, σὺν τῷ ἀνάγκῳ Πατρὶ καὶ τῷ παναγίῳ αὐτοῦ Πνεύματι αἱ παριστάμεναι αὐτῷ πᾶσαι θεῖαι δυνάμεις τῶν οὐρανῶν, καὶ ὑπῆρχον ὑπότρομοι ἐν ἀγωνίᾳ καὶ φόβῳ πολλῷ συνεχόμεναι. Καὶ γενομένης διαστολῆς ἐν τῇ συσχούστῃ φωτεινοτάτῃ νεφέλῃ τὸν κύριον κατέναντι τῆς ὀψεως τοῦ θείου προσώπου αὐτοῦ, ἰδοὺ θρόνος ἕτερος παραπλησίως τῷ τῆς κρίσεως θρόνῳ καθωρᾶτο ἡμῖν, καὶ ἐπ' αὐτῷ, ὡς παλαιός ἡμερῶν, ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ ὠρᾶτο ἐπαναπαυόμενος, συνεδρεύων τῷ μονογενεῖ Υἱῷ αὐτοῦ καὶ Λόγῳ· καὶ ὡς ταῦτα ἐθεάσατο τὰ θρικωδέστατα καὶ ἐξάκισια θεάματα ἢ ἀναρίθμητος ἐκείνη συναγωγὴ τῶν Ἰουδαίων, σφόδρα ἐξεπλήσιστο καὶ ὡσεὶ φύλλον θένδρου ἐκλονεῖτο καὶ ἔτρεμε. Καὶ ἰδοὺ φωνὴ ὡς ἤχουσης σάλπιγγος ἀπὸ τῆς ἐπαναπαυομένης θείας αὔρας αὐτῷ λυγηρῶς (f. 311 ν.) ἐξηχεῖτο, λέγουσα πρὸς τὴν ἑλεεινὴν καὶ ταλαιπωρον ἐκείνην συναγωγὴν οὕτως· Τίνα ἡμεῖς ἕτερον ἐπικαλεῖσθε Θεὸν τῶν πατέρων ὑμῶν καὶ Θεὸν τοῦ νόμου; οὐχ' οὗτός ἐστιν ὁ μονογενὴς μου Υἱὸς καὶ Λόγος, ὃν ἀπέστειλα ὑμῖν εἰς τὸ σῶσαι ὑμᾶς; ὑμεῖς δὲ οὐ μόνον αὐτόν οὐκ ἐδέξασθε, ἀλλὰ καὶ θανάτῳ ἀτίμῳ ἀδικῶς αὐτόν παρεδώκατε, ὃν νῦν ὁρᾶτε ἐν δεξιᾷ τῆς ἐμῆς μεγαλοσύνης κριτὴν καθεζόμενον· ἵνα τί καὶ ἔτι νῦν με χωρίζειν βούλεσθε τοῦ

ἀχωρίστως μοι αἰεὶ συνόντος καὶ συνυπάρχοντος Υἱοῦ μονογενοῦς; εἰ οὖν οὕτω τοῦτο ἐμάθετε καὶ ἐδιδάχθητε, κἀν ἀρτίως γνῶτε τε καὶ αἰσχύνθητε, ὅτι ἐγὼ καὶ ὁ ἀγαπητός μου Υἱός ἐν ἐσμεν, καὶ ὁ τοῦτον μισήσας ἐμὲ πρῶτον μεμίσηκε τὸν γεννήσαντα αὐτόν, καὶ ὁ ἀπιστῶν αὐτῷ ἐμοὶ ἀπίστει. Ἐγὼ γὰρ προεδήλωκα ὑμῖν διὰ τῶν ἀπ' αἰῶνος προφητῶν μου περὶ τῆς εἰς ὑμᾶς διὰ τὴν ὑμῶν σωτηρίαν ἐνσάρκου ἐλεύσεως αὐτοῦ, ποτὲ μὲν αὐτόν ὑετὸν ὀνομάζων, λέγων· Καταβήσεται, ὡς ὑετὸς ἐπὶ πόρον (f. 312 r.), ποτὲ δὲ ἄστρον ἀποκαλῶν, λέγων· Ἀνατελεῖ ἄστρον ἐξ Ἰούδα, ποτὲ δὲ καὶ ἄνθρωπον αὐτόν ὑπεμφαίνων, ἔφη· Ἰδοῦ, ἡ παρθένος ἐν γαστρὶ ἔξει καὶ τέξεται υἱόν, καὶ Θεὸν δὲ τέλειον αὐτόν ὅμοιον ἐμοὶ κατὰ πάντα τῷ γεγεννηκότι αὐτόν ἀρρεῦστως πρὸ τῶν αἰῶνων, πλὴν τῆς ἀγεννησίας, ὑποδεικνύων ἐνετελεύτησεν· Καὶ καλέσουςι τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἑμμανουήλ, ὅτι δὲ εἰς αὐτόν ἐμελλον πιστεῦσαι πάντα τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη εἴπερ ὑμεῖς, προσεδέμην λέγων· Καὶ αὐτός ἐσται προσδοκία ἔθνων· καὶ ἀλλαχού πάλιν ὑμῖν ὑπεσήμανα λέγων· Προφήτην ὑμῖν ἀναστήσει κύριος ὁ Θεός. Οὐκ ἐπειδὴ μετὰ τοσαύτης μαρτυρίας οὐκ ἐδέξασθε αὐτόν παραγεγόμενον ἐπὶ σωτηρίαν ὑμῶν, οὐκ ἐστὶν ὑμῖν μερὶς ἡ κληρὸς ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν.

Μετὰ δὲ τὸ συντελέσαι τοὺς λόγους τούτους τὸν Θεὸν καὶ Πατέρα πρὸς αὐτοὺς διὰ τῆς φρικωδεστάτης σάλπιγγος ἐκείνης, ἀπεφίνατο κατ' αὐτῶν καὶ προσέταξε τοῖς ἐπὶ τῶν κολάσεων οὔσι φρι(f. 312 v.)κτοῖς ἀγγέλοις ἀπαγαγεῖν αὐτοὺς εἰς ἣν αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἠτοίμασαν γέενναν τοῦ πυρός· ὅτινες ὥσπερ αἰετοὶ ἀγεληδόν καταπατάντες διήρπασαν καὶ διέσπειραν αὐτοὺς ἐπὶ πάσης τῆς φοβερᾶς ἐκείνης θαλάσσης τοῦ πυρός· καὶ ἦν ἰδεῖν φοβερότατον θέαμα, πλήρες θάμβους καὶ ἐκπλήξεως, πῶς κατεκρήμνιζον αὐτοὺς βιαίως τύπτοντες ράβδοις πυρίνοις ἀνηλεῶς ἐν τῇ γέεννῃ τῆς ἀτελευτήτου φλογός, μέχρις ἂν εἰς τέλος ἐξέλιπον. Καὶ οὗτοι πάντες ἐδίδουν θρῆνον καὶ ὄδυρμὸν μέγαν σφόδρα, ἀλλ' οὐκ ἦν ὁ ἐλεῶν καὶ οὐκτεῖρων αὐτούς. Καὶ ἐγένετο μετὰ τὸ συντελεσθῆναι καὶ χωνευθῆναι πᾶσαν τὴν συναγωγὴν ἐκείνην τῆς παφλαζούσης φρικτῆς ἐκείνης πυρκαϊᾶς, καὶ ὡς οὐκ ὄντες οἱ ταλαίπωροι παρακρήμα καθωράθησαν, ὁ μὲν οὖν θρόνος καὶ ἡ ἐτοιμασία τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς ἦρθη καὶ

ένδον τοῦ θυσιαστηρίου μέσον ὑπερανεστηκότος τῆς ἐξαισίας ἐκείνης μεγαλοπόλεως εἰσέδου καὶ ἐν αὐ(φ. 313 γ.)τῷ κατέπαυσεν, ὁ δὲ γε τούτου μονογενῆς Υἱός καὶ κριτῆς ζώντων καὶ νεκρῶν, ἐτι περὶ τὴν θαυμαστήν πύλην τῆς περιφήμου πόλεως ἐκείνης ἰστάμενος, προσέδωτο τοῦ ἀνταποδοῦναι τοῖς ὑπολοίποις τῶν ἁμαρτωλῶν.

Καὶ ἰδοὺ προσήχθη αὐτῷ ἕτερα συναγωγὴ πονηρὰ καὶ παμβέβηλος ὑπὲρ πάσας τὰς προλαβούσας ἀκαθάρτους συναγωγάς, καὶ ἔστη κατέναντι τοῦ προσώπου αὐτοῦ, κατὰρα φρικωδεστάτη πιεζομένη καὶ μῖσος χαλεπὸν ἐπὶ τοῦ προσώπου αὐτῆς φέρουσα, ὧν οἱ ὀφθαλμοὶ πλήρεις γνόφου καὶ σκότους, τὰ δὲ ὠτα ἀκοὴν ἔχοντα πονηράν, καὶ ἡ ὄσφρησις τῆς ὀσμῆς τοῦ θανάτου ἀνάπλεως, ἐν δὲ τῷ μετώπῳ αὐτῶν ἐγγεγραπτο Σαταν, καὶ ἐν τῇ δεξιᾷ χειρὶ δηλοῦσα ἦν ἐπιγραφὴ ἄρνησις, καὶ ἐπὶ τοῖς ποσίν αὐτῶν χολέρα ἀψινθίου, καὶ ἐν τοῖς στόμασιν αὐτῶν ἦν παραπικρασμός, ἡ δὲ περιβολὴ αὐτῶν ὑπῆρχε λίαν δυσειδής, (φ. 313 ν.) οἶονεὶ δέρματα μυῶν ὡς ἂν εἴποι τις ἐν ταύτῳ συναφθέντα καὶ συρρανθέντα. Καὶ ὡς ἔστη ἡ συναγωγὴ αὕτη κατὰ πρόσωπον τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ δικαίου κριτοῦ, καὶ ἐγένετο ἐν τῷ ἐπιβλέψαι αὐτὸν ἐπ' αὐτούς καὶ ἰδόντα τὴν τσαούτην ἀκαθαρσίαν καὶ ἀηδίαν αὐτῶν, θυμὸς αὐτῷ ἄσχετος ἐξεκαύθη ἐπ' αὐτούς καὶ παρεκελεύσατο τῷ ἀρχιστρατήγῳ διὰ τῆς σάλπιγγος λέξαι πρὸς αὐτούς· καὶ φησὶν ἡ σάλπιγξ· Ὡ κατάρατοι καὶ πα[μ]βέβηλοι, οἱ κακῶς ἀπολλύμενοι, δι' ἣν αἰτίαν ἐμὲ τὴν πηγὴν τῶν ἀγαθῶν, τὴν κρήνην τῆς ἀθανασίας, τὴν ἀενάως τοῖς εἰς ἐμὲ πιστεύουσι βλύζουσαν σωτηρίαν καὶ τὴν ἀγήρω ζωὴν πηγάζουσαν, τὸν σωτῆρα καὶ κύριον, τὸν παροχέα τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας καταλιπόντες, τῷ Σατανᾷ προσεκολλήθητε καὶ χριστιανοὶ ὄντες, ἐμὲ τὸν Χριστὸν ἀρνησάμενοι, τῷ ἀντιχριστῷ προσφικειώθητε; ποίῳ δὲ τρόπῳ τὸ θεῖον καὶ σωτηριῶδες βάπτισμα ἀπεκδυσάμενοι τῷ τῆς ἀπωλείας δαίμονι προσήλθετε καὶ συνετάξασθε; ἀρά τι ἀ(φ. 314 γ.)γαθὸν προσεδοκάτε παρ' αὐτοῦ καὶ ἠλπίζετε εὐρεῖν καὶ ἀπολαβεῖν, ἢ πάντως γέενναν πυρὸς ἀσφύεστου καὶ τάρταρον καὶ σκότος ἐξώτερον, σκώληκά τε ἀκοίμητον καὶ κλαυθμὸν ἀπαράκλητον καὶ πᾶσαν ἄλλην ἔνδικον κρίσιν κολάσεως, ὑποκειμένην αὐτῷ σὺν πᾶσι τοῖς πειδαρχήσασιν αὐτῷ ἐν τῇ προσκαιρῷ καὶ ματαίᾳ τοῦ γήινου βίου ζωῇ, ἐμοῦ

τοῦ δικαίου κριτοῦ ἀνηλεῶς ὑμῖν ἀνταποδιδόντας; οὐ γὰρ οἰκτειρήσω τοὺς ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν καὶ διὰ μετανοίας μὴ μετανοήσαντας, ἀλλὰ πάντα ἅμα ἐκείνῳ τῇ αἰωνίῳ κολάσει παραδώσω. Ταῦτα αὐτοῦ εἰρηκότος διὰ τῆς ἀρχαγγελικῆς σάλπιγγος πρὸς αὐτοὺς, εὐθέως ἀπεφήνατο κατ' αὐτῶν εἰπὼν οὕτως· Τοὺς ἐμὲ ἀρνησαμένους καὶ τῷ ἀντιχρίστῳ προσελθόντας καὶ πεπιστευκότας ἄρατε ἀποτόμῳς ἐντεῦθεν κάκει τούτους κατακληρώσατε, ὅπου καὶ ὁ κύριος καὶ θεὸς αὐτῶν σὺν τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ καταδεδικασται, ὡς ἂν ἔδον (f. 314 v.)-ται ἀξίως τοὺς καρπούς τῶν πόνων αὐτῶν. Εὐθύς οὖν ὄν τρόπον ἱερακεῖς ὄξυτετεῖς πεινῶντες ἐπ' ἄγραν θάττον καταφέρονται, οὕτω καὶ οἱ ἄγγελοι τοῦ πυρός ὀξέως ἐπιφοιτήσαντες ῥοιζήδον ἐπ' αὐτοὺς ἐρχόμενοι τοὺς μὲν τῶν τριχῶν ἄραντες καὶ βία ἔλκοντες, τοὺς δὲ μετὰ πυρίνων σιδηρῶν ῥοπάλων τύπτοντες ἀνηλεῶς καὶ οἰοει λίθοις πεπυρακτωμένοις συνδλῶντες εἰς τὸν φοβερόν κρημνὸν ἐκείνον τῆς ἀβύσσου τοῦ πυρός, ὅπου ὁ διάβολος καὶ πᾶσαι αἱ δυνάμεις αὐτοῦ φοβερῶς τιμωροῦνται καὶ βασανίζονται, ἐκεῖ αὐτοὺς κατεκρήμνισαν ἄνωθεν. Καὶ κατεφέροντο τῇ κολαστικῇ ἀβύσσῳ οἱ δυστυχίστατοι κατακρημνιζόμενοι ἀποτόμῳς κατὰ κεφαλῆς, καὶ αἱ βραὶ αὐτῶν ἰσχυρῶς ἐξηκούοντο καὶ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν ἐν πικρία ψυχῆς εἰς βοήθειαν ἐπικαλοῦντο· καὶ οὐκ ἦν ὁ βοηθῶν ἢ ὁ λυτρούμενος αὐτοὺς ἀπὸ τῆς φοβικῆς ἐκείνης τῆς μεγάλης ἀνάγκης.

(f. 315 r.) Καὶ προσέσχον ἐγὼ ἐν τῇ τοιαύτῃ ὁπῆ τοῦ ἀβυσσαίου κρημοῦ ἐκείνου, καὶ ἠκρωῶμην τῶν στεναγμῶν καὶ τῶν ὀδυρμῶν τῶν μετὰ τοῦ Σατανᾶ τιμωρουμένων, καὶ ἀνήρχετο εἰς τὰ ὠτά μου ἑνός τινοῦ ὀδυρομένου κραυγὴ ὑπερηχοῦσα τὰς τῶν ἄλλων ἀπάντων βοᾶς καὶ διηρθρωμένως τοῖς ὡσί μου προσβάλλουσα, ὅθεν καὶ σχολαιότερον ἠκρωῶμην αὐτῆς ἐχούσης ἐπὶ λέξεων οὕτωσί, ποτὲ μὲν, ὡς ἐφ' ἑαυτοῦ τινός μαινομένου καὶ πειρωμένου κατεσθίειν τὰς ἰδίας σάρκας καὶ πρὸς ἑαυτὸν πικραينوμένου, ποτὲ δὲ ὡς ἐξατονούντος καὶ ἡρέμα πρὸς ἑαυτὸν ὡς μετὰ τινοῦ διαλεγομένου καὶ φάσκοντος· Οὐαί, οὐαί, ἐσταρωμένε κρυπτὲ Θεέ καὶ ἀνθρωπε τὸ συναμφοτέρον, ὅτι πλεῖστοι εἰς σὲ ἠπατήθησαν καὶ ἐβλασφήμησαν καὶ διὰ τὰ παθήματά σου ἠγνόησαν τίς εἶ, καὶ οὐ προσεδέξαντό σε ὡσπερ καὶ γώ, ὁ τρισάδλιος καὶ ταλαίπωρος, ἐξ οἰκειᾶς ἀφροσύνης μὴ θελήσας συνιδεῖν κἄν εἰς τὰ

τῶν ὑπ' ἐμοῦ τιμωρουμένων (f. 315 v.) ἀγίων σου θαύματα· και
δικαίως τῷ πυρὶ κατακαίομαι, ἐν γὰρ τῷ ματαίῳ βίῳ και τῇ προσ-
καίρῳ και ἐπαράτῳ μου ζωῇ οὐδὲ ἀκούσαι ἠνεσχόμην περὶ τοῦ πα-
ναχράντου και ἀγίου ὀνόματός σου. Και πάλιν ὡς δῆθεν μεταμελό-
μενος, ἔλεγε· Ναί, δέσποτα ὕψιστε, σύ μόνος ἅγιος, σύ μόνος ὕψιστος,
σύ μόνος κύριος τῶν κυριουόντων Ἰησοῦς Χριστός, εἰς δόξαν Θεοῦ
Πατρὸς, ἀμήν· ἀκουσίως οὖν και μὴ βουλόμενος, κἂν ἄρτι ὁ ἐχθρός
σου και πικρός διώκτης ἐγώ, κύριον και Θεόν καθομολογῶ σε ἐν
πυρὶ ἀσβέστῳ αἰωνίως τιμωρούμενος. Οὐαί, εἴ τις, δέσποτα, οὐκ ἠγά-
πησεν, οὐαί, εἴ τις τῇ φοβερᾷ και φοικτῇ σου συγκαταβάσει ἠγνομό-
νησεν, οὐαί, εἴ τις Θεόν σε ἀληθινόν οὐκ ἐγνώρισεν και ὀλοτρόπως
ἠγάπησεν και προσεκύνησεν ὡς κριτὴν ζώντων και νεκρῶν· οὐαί, εἴ
τις τὴν ἑνσαρκόν σου οἰκονομίαν οὐκ ἐδέξατο· οὐαί, εἴ τις εἰς τὸ
ὄνομά σου τὸ ἅγιον οὐκ ἐπίστευσεν, οὐαί, εἴ τις εἰς τὸ ὄνομα τοῦ
Πατρὸς και τοῦ (f. 316 r.) Υἱοῦ και τοῦ ἀγίου Πνεύματος οὐκ ἐβαπ-
τίσθη, οὐαί, ὄντινα τὰ σά φοικτὰ μυστήρια παρέλαθον και παρέδρα-
μον, οὐαί, εἴ τις τὴν σὴν και μόνην βασιλείαν οὐκ ἠγάπησεν ὀλο-
ψύχως και πάντα ὡς σκύβαλα και καπνόν και ὡς ἰστόν ἀράγνης
ἐλογίσαστο· οὐαί και πάλιν ἐρῶ τὸ οὐαί, και πάλιν εἶπομι ἂν οὐαί
και μάλιστα οὐαί, πρῶτον ἐμοὶ τῷ θεομάχῳ και τοῖς ὁμοίοις ἐμοὶ
κατὰ σοῦ τοῦ Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἐκμανεῖσι και τῶν
σῶν γνησίων δούλων και θεραπόντων, εἴτα και πᾶσιν ἀπαξαπλῶς
οὐαί τοῖς ἐπεγνωκόσι μὲν και πιστεύουσι εἰς αὐτόν, μὴ φυλάξασι δὲ
τὰς ἀγίας αὐτοῦ ἐντολάς και διὰ μετανοίας κἂν ἐν τῷ τέλει τῆς
ἐπωδύνου και πονηρᾶς ζωῆς αὐτῶν, ὡς ἐγώ, μὴ θελήσασιν ἐπιστρέ-
ψαι και ἐξομολογήσασθαι και ἰλεώσασθαι αὐτόν προθανεῖς. Και πάλιν
ἀπὸ βάρους καρδίας στεναζῶν και μυκώμενος, ὡσεὶ ὄρεα βροῶν ὁμό-
φωνον βοῆν, ἔλεγεν· Οὐαί μοι, ὅτι κατεκάην, ἀλλ' οὐχ ὑποφέρω·
(f. 316 v.) οὐαί μοι, ὅτι ἐμπεπύρισμαι και πλήρωμα οὐκ ἔστιν ἐν
ἐμοὶ τῆς κολάσεως· οὐαί μοι, ὅτι μυριάδες πρηστηρίων και σκηπτῶν
κατεσθίουσι και κατατήκουσί μου πάντα τὰ μέλη. Ὡ εὐεργέτα θάνατε,
ποῦ ἦσθα νῦν, ἵνα ἐλθῶν τῶν τηλικούτων και τσοούτων ἀπῆλλαξάς
με δεινῶν ὀδυνῶν; ὄντως οἴχη νῦν ἐξ ἀνθρώπων και ὀλωλας, και
τῶν χαλεπῶν λύσις τοῦ λοιποῦ οὐκ ἔσται ἡμῖν τοῖς ἐλεεινοῖς και

ταλαιπώροι· εἶθε μὴ ἐγεννήθημεν. Καὶ πάλιν τετραγῶς τοὺς ὀδόντας καὶ ἀπὸ βάρους τῆς καρδίας ἀναβρασσομενος ἔλεγεν· Οὐαὶ μοι τῷ ἀδλίφ, ὅτι οὕτως ἐμέλλον ἐμπυρίζεσθαι ἐν τῇ ἀσβέστῳ φλογὶ ταύτῃ· ὡ οἶων ἔτυγον ἀμοιβῶν τῶν βεβήλων μευ πράξεων· τίς ἄρα ἠπίστατο ὅτι οὕτως ἔσται ἡμῖν τοῖς ἀμαρτωλοῖς καὶ οὕτως ἡμῖν ἀπαντήσει μετὰ τὴν ἐκεῖθεν ἀποβίωσιν; οὐαὶ μοι, οὐαὶ μοι, ὅτι διδασκόμενος καθ' ἐκάστην ὑπὸ τῶν ὑπ' ἐμοῦ δεινῶς καὶ ἀνηλεῶς τυραννομένων μαρτύρων Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ καὶ ἀθανάτου βασιλέως, οὐκ ἤθελον (f. 317 r.) συνίεναι καὶ παραδέξασθαι τὴν αὐτῶν διδαχὴν καὶ πιστεῦσαι εἰς τὸ ὄνομα αὐτοῦ ἢ καὶ τῶν ἀνεικάστων ἐκείνων κολαστηρίων, ὡς ὁμοφύλους, ῥύσασθαι αὐτούς· καὶ καὶ ἀρτίως ἀνεκτοτέρα μοι ἔστιν ἢ κόλασις. Καὶ πάλιν στένων πικρῶς ἑαυτὸν κατηράτο λέγων· Οὐαὶ σοι, ἐπάρατε Διοκλητιανέ καὶ τρισκατάρατε, ὅτι βασιλεὺς ὠνομάσθης καὶ ἐπεφημίσθης πρὸ μικροῦ ἐπὶ γῆς καὶ ὑπὸ πάντων προσκυνήθης, καὶ οὐκ ἔγνων ὅτι ἡ πρόσκαιρός σου βασιλεία διὰ τῶν θεοστυγῶν σου ἔργων τῆς συνεχούσης κολάσεως τοῦ πυρὸς πρόξενος πέφυκεν· ὡ τῆς σῆς μανίας καὶ ἀφροσύνης, ὅτι θάνατον οὐκ ἤλπιζες οὐδὲ μέλλουσαν κρίσιν. Οὐαὶ σοι καὶ ἀνάδεμα ἔστω σοι, ὅτι οὐκ ἠσθάνου εἰς χεῖρας ἐμπεσεῖν βασιλέως φρικωδεστάτου, ἀλλ' ἤλπιζες αἰωνίως καθέξειν τὴν βασιλείαν καὶ ἀδιάδοχος· ἰδοὺ βασιλεία αἰώνιος, ἰδοὺ βασιλεὺς ἀδιάδοχος, ἰδοὺ κριτὴς ἀθάνατος, ἰδοὺ ἐξουσία φρικωδεστάτη, ἣτις οὐ δια(f. 317 v.)φθαρήσεται καὶ λαῶ ἑτέρῳ οὐκ ὑπολειφθήσεται. Φεῦ ὦδε ἀνάγκαι ὑπὲρ πάσας ἀνάγκας, ὦδε ὀδύνη ἀδριμεῖται καὶ βαρεῖται ὑπὲρ πάσας ὀδύνας, ὦδε φόβος καὶ τρόμος εἰς ἡμᾶς τοὺς μὴ ἐπεγνωκότας αὐτὸν μόνον εἶναι τὸν ὑπὸ πάντων κηρυττόμενον Χριστὸν, βασιλέα καὶ κριτὴν καὶ ἐξεταστὴν ἔργων τε καὶ λόγων καὶ ἐννοιῶν, εἰς δὲ τοὺς εἰς αὐτὸν πιστεύσαντας καὶ τὰς αὐτοῦ θείας ἐντολάς ἀπαρატρώτους φυλάξαντας χαρὰ ἀδιάδοχος ὑπὲρ πάσας χαράς, εὐφροσύνη ἀπέραντος ὑπὲρ πᾶσαν εὐφροσύνην, αἰώνιος ἀγαλλίασις, ζωὴ ἀθάνατος, τέρψις καὶ θυμηδία ἀκόρεστος καὶ τρυφὴ ἀτελεύτητος.

Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα ἐκείνου βοῶντος ἐν στεναγμῷ καρδίας καὶ διαλεγομένου, ἔφην ἐγὼ πρὸς τὸν ὀδηγοῦντά με θαυμαστὸν νεανίαν· Κύριε, τίς ἐστὶν οὗτος ὁ ἐλεεινὸς καὶ ταλαίπωρος ὑπὲρ

τούς ἄλλους πάντας οὕτω πικρῶς θρηνωδῶν; Λέγει ἐκεῖνος πρὸς με· Αὐτός ἐστιν ἐκεῖνος, ὃν πολλάκις ἀκήκοας διώκτην Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν καὶ τύραννον τῶν αὐτοῦ θεραπόντων ἁγίων μαρ(φ. 318 γ.)τύρων ὀφθέντα καὶ ἀναδειχθέντα ὑπὲρ τοὺς ἄλλους πάντας ἀσεβεῖς καὶ βεβήλους διώκτας καὶ τυράννους τῶν χριστιανῶν, Διοκλητιανός.

Ἐπει δὲ τῶν τοιούτων ὀδυρμῶν καὶ κωκυτῶν ἀρχοῦντως ἐπλήσθησαν αἱ τῆς ψυχῆς ἡμῶν αἰσθήσεις καὶ ἀκοαί, τούτων μὲν τῆς ἡχῆς ἀπέστημεν πρὸς δὲ τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν δίκαιον κριτὴν, ἔτι πρὸς τῇ πύλῃ τῆς ῥηθείας ἐκείνης ὥραιας τῷ ὄντι καὶ ἔξαισίας πόλεως φοβερῶς ἰστάμενον καὶ κατ' ἀξίαν ἐκάστῳ ἀποδιδόντα τῶν ἁμαρτωλῶν ἐν τῷ οἰκείῳ τάγματι, τὴν αἰσθητικὴν τοῦ νοῦς ἡμῶν ὄρασι ἀπηωρήσαμεν καὶ κατανοοῦντες ὀρώμεν ὡς συνετελέσθη καὶ ἐξέλιπε πᾶσα ἡ τῶν ἁμαρτωλῶν ὁμῆγυρις καὶ τόπος οὐχ' εὕρισκετο αὐτῶν, ἀλλὰ πάντων ἐμβληθέντων εἰς τὰς ἀποκειμένας αὐτοῖς τιμωρίας καὶ δεινὰς κολάσεις, καθὰ δὴ καὶ προεπηγγεῖλατο αὐτοῖς Κύριος ὁ Θεὸς ἔτι οὖσιν ἐν τῷ τῆς μετανοίας καιρῷ, προσσχόντες ἠκούσαμεν ὑμνωδίαν ξένην καὶ θεοπρεπεστάτην (φ. 318 γ.) ἀδομένην ὑπὸ τῶν παρισταμένων τῷ ἀστέκῳ καὶ θείῳ θρόνῳ τῆς κρίσεως θείων δυνάμεων· πλὴν οὐκ ἤδον οἱ ἅγιοι ἄγγελοι ἅμα, ἀλλὰ τάγματα τάγματα κατ' ἀξίαν ἐκάστον ἠδον τὴν τρισάγιον αἴνεσιν, ἀκαταπαύστῳ φωνῇ δοξάζοντες καὶ αἰνοῦντες τὸν δίκαιον κριτὴν τὸν ἐκάστῳ ἀποδιδόντα κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ. Τούτων τριγαροῦν οὕτω θεοπρεπῶς ἀδόντων τῶν θεοειδῶν ἀγγέλων, ἐνηγεῖτο ταῖς ἀκοαῖς ἡμῶν ἠδονὴ τις χαρᾶ καὶ φόβῳ σύμμεκτος ἀπὸ τοῦ γλαφυροῦ καὶ ἔξαισίου μέλους ἐκείνου ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν ἐγγινομένη, καὶ ἔδονεῖτο τὰ πέρατα τῆς καινῆς ἐκείνης καὶ θεοπεσίας κτίσεως. Ταύτης δὲ τῆς ὑμνωδίας ληξάσης, ἕτερον μέλος ἡμῖν ἐξηκούετο ἔνδον τῆς ἀγίας πόλεως, ἀδόντων κάκεισε καὶ αἶνον εὐχαριστείας ἀναπεμπόντων τῷ φοβερῷ καὶ δικαίῳ κριτῇ πάντων τῶν καταπαυσάντων ἐκεῖσε ἁγίων. Μετὰ δὲ τὸ παύσασθαι αὐτοὺς τὴν ἐμμελεστάτην καὶ καλὴν ἐκείνην ὑμνωδίαν, κλείσας ὁ Κύριος τὴν θαυμαστήν πύλην ἐκείνην τῆς πόλεως, εἰσῆλθεν καὶ (φ. 319 γ.) κατέπαυσε καὶ αὐτὸς ἔνδον τοῦ θυσιαστηρίου τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου ναοῦ τοῦ ὄντος ἐν μέσῳ αὐτῆς, καὶ καθεσθεις ἐν τῷ θείῳ θρόνῳ τῆς δόξης αὐτοῦ προσέταξεν ἐνεχθῆναι ἐμπροσθεν αὐτοῦ πάσας

τάς πνευματικὰς αὐτοῦ καὶ νοητάς οὐρανίους στολὰς ἐξ ἀσυγκρίτων καὶ ἀνεκδιηγῆτων νοητῶν διαυγειῶν ἰσχύι τῆς δυνάμεως αὐτοῦ φρικτῶς δεδημιουργημένας καὶ ἐξυφασμένας· καὶ προήνεγκαν αὐτῷ πάσας ἀρχάγγελοι θεοὶ ἐν τιμῇ καὶ δόξῃ ἀσυγκρίτῳ ἐπικομιζόμενοι αὐτάς, ἀσυγκρίτους τῷ κάλλει καὶ τῇ ὠραιότητι μὴ ὑποκειμένας, ὑλικῶ τε νῶ ἀκαταλήπτους καὶ γλώσση βροτεία ἀνεκδιηγῆτους, αἵτινες θεοὶ στολαὶ ἐτέθησαν πᾶσαι ἔμπροσθεν τῆς θείας δόξης αὐτοῦ, καὶ νεύματι αὐτοῦ θείῳ καλούμενοι πάντες οἱ ἅγιοι εἰσῆρχοντο πρὸς αὐτὸν κατὰ τὰς ἐκαστοὺς αὐτῶν καὶ ἐλάμβανεν ἐκ χειρὸς Κυρίου τὴν ἀξίαν τῆς αὐτοῦ ἐργασίας παρὰ τοῦ παντεπόπτου ἐξυφανθεῖσαν ἀοράτως αὐτῷ θείαν στολὴν. Ἐν πρώτοις γοῦν εἰσῆει πρὸς αὐτὸν (f. 319 v.) ἡ τῆς ἁγίας αὐτοῦ ἐνανθρωπήσεως μήτηρ καὶ τροφὸς χρηματίσασα, ἄγραντος καὶ ὑπέραγνος παρθένος Μαρία καὶ τῆς φρικτῆς αὐτοῦ οἰκονομίας ἀμόλυντος σκηνῆ· καὶ εὐθύς ἐξενεγκῶν ὄν ἐπὶ τῆς ἁγίας καὶ ἄγραντου κορυφῆς αὐτοῦ ἐφόρει στέφανον φρικτὸν ἐκ πολυχρῶων ἀνθέων καὶ λίθων τιμίων, μαργάρων νοητῶν ποικίλων καὶ θεϊκῶς τεχνουργημένον, τέθεικεν ἐπὶ τὴν ἁγίαν αὐτῆς κεφαλὴν ἐπειπῶν αὐτῇ· Δέξαι, ὦ μήτηρ μου, ταύτην τὴν ταινίαν καὶ δόξαν, ἣν ὁ Πατὴρ μου ἐχαρίσατό μοι τρόπαιον τῆς κατὰ τοῦ διαβόλου καὶ τοῦ θανάτου νίκης, ἣν εἰργασάμην διὰ τῆς ἐκ σοῦ μοι δανεισθείσης θείας σαρκός. Ἐπι δέδωκεν αὐτῇ καὶ τὴν πρώτην στολὴν, ἣτις ἦν φρικτῶς ἐξυφανθεῖσα καὶ νοητῶς κατασκευασθεῖσα ἐκ βύσσου καὶ πορφύρας βασιλικῆς ἐπευρανούου, ἣν αὐτὸς ἐνανθρωπήσας ἐνεδιδύσκετο· ἐπι δέδωκεν αὐτῇ ἐτέραν στολὴν, φοβεράν τινά καὶ ἀπόρητον ἐνεργεία τοῦ ἁγίου Πνεύματος κατασκευασθεῖσαν, περὶ ἧς λελάληται ἐν βιβλῳ Ψαλμῶν· Ἐν ἱματισμῷ (f. 320 r.) διαχρῶσθω περιβεβλημένη πεποικιλμένη· ἐπι ἐδόθησαν αὐτῇ καὶ ἐτέραι στολαὶ μυριοπλάσαι φρικταὶ καὶ νοηταί, ῥοδοειδεῖς, χιονοφεγγεῖς, ἐρυθραὶ, κυαναὶ, ἐκ χρυαῶν ἀπασῶν παντοκρατορικῆ χειρὶ κατασκευασθεῖσαι, καὶ εἰκασία ὑλικῆς ποιότητος ἐντίμου ἀνεκκάστου καὶ ἀνεκδιηγῆτου ἦν ἐν αὐταῖς, ὥσπερ ὑπεδέξατο ἀσμένως ἐν ταῖς ἀκηράτοις καὶ θείαις ὠλέναις αὐτῆς· καὶ τιμήσας αὐτὴν ὡς μητέρα, ὑπανάστη καὶ ἀνέπαυσεν αὐτὴν ἐν τῷ πλησίον αὐτοῦ ἐστῶτι θείῳ καὶ πυριμόρφῳ φρικτῶδεστάτῳ θρόνῳ τῆς δόξης αὐτοῦ, μεγαλύνων καὶ ἐπαινέσας αὐτὴν ἐνώπιον πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἁγίων, τῆς

τε ψυχικῆς καθαρότητος καὶ τῆς ἐν τοῖς δεινοῖς μεγαλοφύρου καὶ μεγίστης θείας ὑπομονῆς, καὶ πλέον πάντων τῶν θερμῶν αὐτῆς καὶ ἀεννάως γεομένων δακρύων τῆς χύσεως ὑπὲρ ἧς εἶγε πρὸς αὐτὸν ἐν τῷ κόσμῳ τελείας ἀγαπήσεως, ναὶ μὴν καὶ τῶν ἐκτενωδῶν προσευχῶν αὐτῆς ὧν ἤρχετο ὑπὲρ τε τῶν Ἰουδαίων καὶ πάντων τῶν πιστῶν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ αὐτῶν ταύτη δοῦ(f. 320 v.) ναὶ τὰς ποικιλομόρφους ἐκείνας καὶ ὡς ἀληθῶς ἀκατανοήτους στολάς, εἶδομεν αὐτὸν ἀνεψῆξαντα κατενώπιον αὐτῆς τοὺς ἀθανάτους καὶ αἰεζώους θησαυροὺς πάντων τῶν αἰδίων καὶ ἀκηράτων καὶ νοητῶν ἐπιγείων τε καὶ ἐπουρανίων ἀγαθῶν, κατέστησεν αὐτὴν κυρίαν καὶ δέσποιναν πάντων τῶν οὐρανίων νοερῶν δυνάμεων καὶ πάντων τῶν ἀγίων καὶ δικαίων, οἳ καὶ ὑμνησαν αὐτὴν μεγαλύνοντες ἀκαταπαύστῳ φωνῇ ἐν ἀγαλλιάσει ψυχῆς.

Εἶτα μετ' αὐτὴν εἰσῆει ὁ μείζων ἐν γεννητοῖς [ἐκ] γυναικῶν Ἰωάννης ὁ πρόδρομος καὶ βαπτιστῆς καὶ τιμηθεὶς παρ' αὐτοῦ ἐπαξίως καὶ μεγαλυνθεὶς ἐπὶ πάντων δευτέρας ἡξιώθη καὶ αὐτὸς καθέδρας καὶ τιμῆς τῇ δεσποίνῃ πάντων καὶ κυρία, καὶ θεθέντων αὐτῷ τῶν ἐπαξίων γερῶν καὶ ἀθανάτων στεφάνων καὶ αἰώνιων ἀγαθῶν καὶ θησαυρῶν, προσέθετο ἐπι ὁ Κύριος ἀπονεῖμαι γέρας τοῖς γνησίσι αὐτοῦ φίλοις καὶ θεράπουσιν. Καὶ ἰδοὺ παραγένοντο πρὸς αὐτὸν δώδεκα ἄνδρες δόξη καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένοι, ὧν τὰ πρόσωπα ἐξήστραπτον ὑπὲρ τὰς τοῦ (f. 321 r.) ἡλίου λαμπηδόνας, οἵτινες ἦσαν, ὡς ἀγγελὸς μοι διεσάφησεν, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ ἀπόστολοι· ἀποδεξάμενος οὖν αὐτοὺς ὁ βασιλεὺς εὐμενῶς ἐπέδωκεν αὐτοῖς στολάς βασιλικὰς θεοπρεπεῖς μυριομόρφους νοητῶς κατασκευασθείσας, ὧν τὴν καλλογὴν καὶ ὠραιότητα νοῦς βρότειος καταλαβεῖν καὶ γλώττῃ διηγῆσασθαι πᾶς ἀδυνατεῖ, πρὸς δὲ καὶ θρόνοι δώδεκα θαυμαστοὶ ὑπερλίαν καὶ ἐν τοῖς βασιλείσις τῆς γῆς ἀνείκαστοι καὶ ἀπαράμιλλοι, ἀπὸ τε γὰρ λίθων τοπαζίων, σμαράγδων τε καὶ λυχνιτῶν καὶ μαργάρων παμμεγίστων ὑπερτίμων καὶ ἐκ καθαροῦ γρυσίου ὀσκιμωτάτου ὄρωντο κατεσκευασμένοι ἐκ τεχνουργίας καὶ φιλοκαλίας θεϊκῆς σοφίας. Ἐπι ἐξενεγκῶν ὁ βασιλεὺς ἀφ' ἐνὸς τῶν θείων καὶ νοητῶν θησαυροφυλακίων στεφάνους φρικωδεστάτους, οἵτινες ἦσαν ἀπὸ θεικῶν διαυγειῶν καὶ ξενῶν ἀπαυγασμάτων θείῳ Πνεύματι κατηρτισμένοι καὶ συντεθειμέ-

νοι, ὧν ἡ φρικτὴ καὶ παράδοξος θέα οὐ μόνον ἡμᾶς (f. 321 v.) ἐξέπληξε καὶ παντελῶς ἐξεστηκότας ἐποίησεν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς ἁγίους, ἐπειδὴ ἦσαν τῇ ἀστραπῇ τῶν ἰδίων χαρίτων ὑπερνικῶντες καὶ ὑπερλάμποντες, καὶ αὐτῆς τῆς ἀφράστου ἐκείνου ἡλίου λαμπρᾶς καὶ φωτειδοῦς ἐλλάμψεως τε καὶ φαιδρότητος καὶ τῆς καλλονῆς καὶ ὠραιότητος αὐτῶν οὐκ ἦν κόρος πᾶσι τοῖς ὄρωσιν, οὐδὲ νοῦς εἰς τὸ καταλαβέσθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι ἢ διηγήσασθαι βρότειος· οὐς ἐξενεγκῶν δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐπέθηκεν ἐφ' ἐνὸς ἐκάστου κορυφῇ καὶ κατέστειψεν αὐτοὺς ὡς βασιλεῖς καὶ ἐκάθισεν αὐτοὺς ἐπὶ τῶν φρικτῶν ἐκείνων καὶ ἐξαισίων δώδεκα θρόνων δόξη καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένους, ὡς εἰρηται, ἀποφήνας αὐτοὺς κριτὰς τῶν δώδεκα φυλῶν τοῦ Ἰσραὴλ, ἧτοι προκριτωτέρους εἰς βασιλεῖς καὶ δεσπότης ἀποδείξας αὐτοὺς πάντων τῶν σεσωσμένων ἀπὸ τῶν δώδεκα τούτων φυλῶν Ἰσραηλιτῶν, ὥστε τιμᾶσθαι αὐτοὺς ἐξόχως παρὰ πάντων· τοῦτο γὰρ ἐστὶ τὸ κρίνειν αὐτοὺς ἐπὶ δώδεκα θρόνων καὶ κα(f. 322 r.)θεοθῆναι, ὡς Κύριος ἐν εὐαγγελίοις αὐτοῖς ἐπηγγεῖλατο, ἧγουν τὸ ἐν ὑπεροχῇ καὶ δόξῃ ἐξηρημένῃ καὶ ἀπολαύσει τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν αὐτοὺς εὐρεθῆναι παρὰ πάντας τοὺς ἀπὸ τοῦ γένους αὐτῶν, ἧτοι τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ εὐαρεστήσαντας.

Πρὸς τούτοις ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε, καὶ ἰδοὺ παρέστησαν αὐτῶ ἄνδρες ἐβδομήκοντα λίαν εὐπρεπεῖς καὶ ὑπέρλαμπροι παραπλησίως τοῖς δώδεκα, δόξῃ ἀπλήτῳ ἠγλαίσμενοι, ὅτινες ἦσαν οἱ διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων αὐτῶ μαθητευθέντες ἐβδομήκοντα ἀπόστολοι, ὡς ὁ ἄγγελός μοι ἐγνώρισε. Διένειμεν οὖν καὶ αὐτοὺς ἐκ τῶν ἀκηράτων αὐτοῦ θησαυρῶν ὁ Κύριος τὰς πλουσιοδώρους καὶ ἀφράστους αὐτοῦ δωρεάς, χαρισάμενος αὐτοῖς στεφάνους φρικτοὺς διαυγεῖς καὶ ἀμαραντίνους, χλαίνας θεοῦφάντους νοητὰς καὶ πνευματικὰς, ὧν ἡ διήγησις ἀνεκλάλητος. Προσθεῖς οὖν ὁ Κύριος ἠνέφξεν αὐδὶς κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ πάντας τοὺς πνευματικούς αὐτοῦ θησαυρούς τοὺς κεκτη(f. 322 v.)μένους τὰ ἀπόρρητα καὶ ἀνεκλάλητα ἐκεῖνα ἀγαθὰ, ἃ οὔτε ὀφθαλμὸς φθαρτοῦ ἀνθρώπου εἶδεν, οὔτε οὐς ἀκήκοεν, οὔτε ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου ἀνέβη πῶποτε, ἃ προητοίμασεν ὁ Θεὸς τοῖς ἀγαπῶσι τὴν αὐτοῦ ἐπιφάνειαν καὶ τηρήσασι τὰς θείας ἐντολάς καὶ τὰ ἐν νόμῳ ἀγίῳ δικαιώματα αὐτοῦ,

και ἐκένωσε πάντας αὐτούς εἰς δόξαν και τιμὴν, εἰς εὐφροσύνην και πνευματικὴν ἀγαλλίασιν πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἀγίων αὐτοῦ· τὸ δὲ γε μυστικώτερον πάντων τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν και κεφαλαιωδέστερον αὐτῆ ἢ κατάληψις και θεία θεωρία ἀναλόγως τοῖς ἀξίοις γεννημένη τῆς ἀγίας και ζαωρχικῆς Τριάδος ὑπῆρχε τοῖς ἐκεῖ αἰδίως συνοῦσα και θέουσα και τῆς ἐπίσεως και γλυκύτητος αὐτῆς μεταδιδούσα.

Τούτων οὕτως ἐνηδόνως και ἀκορέστως και ὡς ἐνὸν ἡμῖν ὀρωμένων κατὰ τὴν ἐλέει και οἰκτιρμοῖς Θεοῦ δοθεῖσαν ἡμῖν θεωρίαν και ἀκριβῆ τούτων πάντων κατάληψίν τε και κατανόησιν, ἔτι προσέχομεν, και ὠρᾶτο ἡμῖν πρό προσώπου τοῦ φρικωδεστάτου και παν(φ. 323 Γ.)σέπτου ἐκείνου και ὑπερουρανίου θείου ναοῦ μέγα τι και θεοπρεπέστατον προαύλιον περιφανές και λίαν δεδοξασμένον· ὁ γὰρ αὐτοῦ πάτος ἀντιδαπέδου μαρμαρωτοῦ χρυσίοις πλαξὶ μεγίστοις και πυρευριζοῖς ἐκεκόσμητο και πεπάττωτο, και αἶγλη τις πυρσοῦ γαληνομόρφου ἐκεῖθεν ἐξεπορεύετο. Και ἰδοὺ ὠρῶμεν ἐπ' αὐτῷ περιτρέχοντάς τινας και διακόνων χρεῖαν ἀποπληροῦντας νεανίσκους ὠραισποικιλομόρφους τὸν θεῖον ναὸν ἐτοιμάζοντας, ἡ δὲ ἐτοιμασία αὐτῶν ξένη τις ἦν και γλώσση βροτεία ἀνεκδιήγητος. Και ἰδοὺ μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτοὺς ἐνδον τοῦ ναοῦ, ἕτεροὶ τινες νεανίσκοι χρυσοξανθήκομοι εὐμεγέθει φρικτοπρόσωποι, παραπλήσιοι τῷ μήκει ταῖς ὑψικόμοις κυπαρίσσοις και αὐτοῖς τε πῦρ ἐνδεδυμένοι τοῖς ὠραίοις ποσὶ αὐτῶν (τὸ δὲ τοιοῦτον πῦρ οὐχ' ὡς τὸ παρ' ἡμῖν τοῦτο τὸ φθαρτὸν και ὑλοτρόφον, ἀλλ' οἶον ἐξάνθισμα πυραμικῆς αἶγλης) συντρέχοντες ἐφαίνοντο και τὸ ἐντὸς τοῦ ναοῦ θυσιαστήριον εὐτρεπί(φ. 323 ν.)ζοντες. Τοσοῦτον δὲ μοι ὁ θεῖος ναὸς ἐκεῖνος εὖρος και μῆκος ἔχειν ἐδόκει, ὡς διάστημα τρισυγλιῶν σταδίων και πρὸς, περὶ δὲ τοῦ κάλλους και τῆς κατασκευῆς αὐτοῦ και ὠραιότητος πειράσομαι μὲν εἰπεῖν και κατὰ δυνατόν ἀνδρώπῳ δηγήσασθαι, ἐυνήσομαι δὲ οὐδαμῶς κἄν μυριάκις πειράσω ἑμαυτὸν ἔκφρασιν τινα ποιήσασθαι τῶν αὐτοῦ ἀπορρήτων. Και εὐ μόνον ἐγὼ ὁ ἰδιώτης και πάνυ ἄμυστος πρὸς ταῦτα διαπορήσομαι και ἀφραδίᾳ παντελεῖ πεδηθῶ, ἀλλὰ κἄν πάντες οἱ σοφοὶ τῆς γῆς οἱ πᾶσαν τὴν θύραθεν και τὴν ἡμετέραν σοφίαν μεμαθηκότες, εἴπερ ἐν ταυτῷ ἐπισυναχθέντες ἐπαειρήσουσι και σπουδάσουσι τῇ τσιαύτῃ ἐξηγήσει προσβαλεῖν, οἶμαι οὐδ' αὐτοὶ ἐξισχύσουσιν, ἀλλ' ἐπίσης ἐμεῖ

νοι, ὧν ἡ φρικτὴ καὶ παράδοξος θεὰ οὐ μόνον ἡμᾶς (f. 321 v.) ἐξέπληξε καὶ παντελῶς ἐξεστηκότας ἐποίησεν, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς ἁγίους, ἐπειδὴ ἦσαν τῇ ἀστραπῇ τῶν ἰδίων χαρίτων ὑπερνικῶντες καὶ ὑπερλάμποντες, καὶ αὐτῆς τῆς ἀφράστου ἐκείνου ἡλίου λαμπρᾶς καὶ φωτοειδοῦς ἐλλάμψεώς τε καὶ φαιδρότητος καὶ τῆς καλλονῆς καὶ ὠραιότητος αὐτῶν οὐκ ἦν κόρος πᾶσι τοῖς ὄρωσιν, οὐδὲ νοῦς εἰς τὸ καταλαβέσθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι ἢ διηγήσασθαι βρότειος· οὐς ἐξενεγκῶν δεξιᾷ αὐτοῦ χειρὶ παντοκρατορικῇ ἐπέθηκεν ἐφ' ἐνός ἐκάστου κορυφῇ καὶ κατέστειψεν αὐτούς ὡς βασιλεῖς καὶ ἐκάθισεν αὐτούς ἐπὶ τῶν φρικτῶν ἐκείνων καὶ ἐξαισίων δώδεκα θρόνων δόξη καὶ τιμῇ ἐστεφανωμένους, ὡς εἰρηται, ἀποφήνας αὐτούς κριτὰς τῶν δώδεκα φυλῶν τοῦ Ἰσραὴλ, ἧτοι προκριτωτέρους εἰς βασιλεῖς καὶ δεσπότας ἀποδειξας αὐτούς πάντων τῶν σεσωσμένων ἀπὸ τῶν δώδεκα τούτων φυλῶν Ἰσραηλιτῶν, ὥστε τιμᾶσθαι αὐτούς ἐξόχως παρὰ πάντων· τοῦτο γὰρ ἐστὶ τὸ κρίνειν αὐτούς ἐπὶ δώδεκα θρόνων καὶ κα(f. 322 r.)θεοθῆναι, ὡς Κύριος ἐν εὐαγγελίοις αὐτοῖς ἐπηγγεῖλατο, ἧγουν τὸ ἐν ὑπεροχῇ καὶ δόξῃ ἐξηρημένη καὶ ἀπολαύσει τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν αὐτούς εὐρεθῆναι παρὰ πάντας τοὺς ἀπὸ τοῦ γένους αὐτῶν, ἧτοι τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ εὐαρεστήσαντας.

Πρὸς τούτοις ἔτι ὁ Κύριος ἐπένευσε, καὶ ἰδοὺ παρέστησαν αὐτῶ ἄνδρες ἐβδομήκοντα λίαν εὐπρεπεῖς καὶ ὑπέρλαμπροι παραπλησίως τοῖς δώδεκα, δόξῃ ἀπλήτῳ ἠγλαίσμενοι, οἵτινες ἦσαν οἱ διὰ τῶν δώδεκα ἀποστόλων αὐτῶ μαθητευθέντες ἐβδομήκοντα ἀπόστολοι, ὡς ὁ ἄγγελός μοι ἐγνώρισε. Διένεμεν οὖν καὶ αὐτούς ἐκ τῶν ἀκηράτων αὐτοῦ θησαυρῶν ὁ Κύριος τὰς πλουσιοδώρους καὶ ἀφράστους αὐτοῦ δωρεάς, χαρισάμενος αὐτοῖς στεφάνους φρικτοῦς διαυγεῖς καὶ ἀμαραντίνους, χλαίνας θεοῦφάντους νοητὰς καὶ πνευματικὰς, ὧν ἡ διήγησις ἀνεκλάλητος. Προσθεῖς οὖν ὁ Κύριος ἠνέφξεν αὐδὶς κατὰ πρόσωπον πάντων τῶν ἁγίων αὐτοῦ πάντας τοὺς πνευματικαίους αὐτοῦ θησαυροὺς τοὺς κεκτη(f. 322 v.)μένους τὰ ἀπόρρητα καὶ ἀνεκλάλητα ἐκεῖνα ἀγαθὰ, ἃ οὔτε ὀφθαλμὸς φθαρτοῦ ἀνθρώπου εἶδεν, οὔτε οὐς ἀκήκοεν, οὔτε ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου ἀνέβη πῶποτε, ἃ προητοίμασεν ὁ Θεὸς τῷ ἀγαπῶσι τὴν αὐτοῦ ἐπιφάνειαν καὶ τηρήσασι τὰς θείας ἐντολάς καὶ τὰ ἐν νόμῳ ἁγίῳ δικαιώματα αὐτοῦ,

καὶ ἐκένωσε πάντας αὐτούς εἰς δόξαν καὶ τιμὴν, εἰς εὐφροσύνην καὶ πνευματικὴν ἀγαλλίασιν πάντων τῶν ἀπ' αἰῶνος ἀγίων αὐτοῦ· τὸ δὲ γε μυστικώτερον πάντων τῶν αἰωνίων ἀγαθῶν καὶ κεφαλαιωδέστερον αὕτη ἡ κατάληξις καὶ θεία θεωρία ἀναλόγως τοῖς ἀξίοις γεννημένη τῆς ἀγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος ὑπῆρχε τοῖς ἐκεῖ αἰδίως συνοῦσα καὶ θέουσα καὶ τῆς ἐφέσεως καὶ γλυκύτητος αὐτῆς μεταδιδούσα.

Τούτων οὕτως ἐνηθύνως καὶ ἀκορέστως καὶ ὡς ἐνόν ἡμῖν ὀρωμένως κατὰ τὴν ἐλέει καὶ οἰκτιρμοῦ Θεοῦ δοθεῖσαν ἡμῖν θεωρίαν καὶ ἀκριβῆ τούτων πάντων κατάληξιν τε καὶ κατανόησιν, ἐπι προσέσχομεν, καὶ ὠρᾶτο ἡμῖν πρὸ προσώπου τοῦ φρικωδεστάτου καὶ παν(φ. 323 Γ.)σέπτου ἐκείνου καὶ ὑπερουρανίου θείου ναοῦ μέγα τι καὶ θεοπρεπέστατον προαύλιον περιφανές καὶ λίαν δεδοξασμένον· ὁ γὰρ αὐτοῦ πάτος ἀντι δαπέδου μαρμαρωτοῦ χρυσίοις πλαξὶ μεγίστοις καὶ πυρρευρίζις ἐκεκόσμητο καὶ πεπάτωτο, καὶ αἴγλη τις πυρσοῦ γαληνομόρφου ἐκείθεν ἐξεπορεύετο. Καὶ ἰδοὺ ὠρῶμεν ἐπ' αὐτῷ περιτρέχοντάς τινας καὶ διακόνων χρεῖαν ἀποπληροῦντας νεανίσκους ὠραισποικιλομόρφους τὸν θεῖον ναὸν ἐτοιμάζοντας, ἡ δὲ ἐτοιμασία αὐτῶν ξένη τις ἦν καὶ γλώσση βροτεῖα ἀνεκδήγητος. Καὶ ἰδοὺ μετὰ τὸ εἰσελθεῖν αὐτοῦς ἐνδον τοῦ ναοῦ, ἕτεροὶ τινες νεανίσκοι χρυσοξανθήχομοι εὐμεγέθεις φρικτοπρόσωποι, παραπλήσιοι τῷ μήκει ταῖς ὑψικόμοις κυπαρίσσοις καὶ αὐτοὶ τε πῦρ ἐνδεδυμένοι ταῖς ὠραίοις ποσὶ αὐτῶν (τὸ δὲ τοιοῦτον πῦρ οὐχ' ὡς τὸ παρ' ἡμῖν τοῦτο τὸ φθαρτὸν καὶ ὑλοτρόφον, ἀλλ' οἷον ἐξάνθισμα πυραμικῆς αἴγλης) συντρέχοντες ἐφαίνοντο καὶ τὸ ἐντός τοῦ ναοῦ θυσιαστήριον εὐτρεπί(φ. 323 ν.)ζοντες. Τοσοῦτον δὲ μοι ὁ θεὸς ναὸς ἐκεῖνος εὖρος καὶ μῆκος ἔχειν ἐδόκει, ὡς διάστημα τρισχιλίων σταδίων καὶ πρὸς, περὶ δὲ τοῦ κάλλους καὶ τῆς κατασκευῆς αὐτοῦ καὶ ὠραιότητος πειράσομαι μὲν εἰπεῖν καὶ κατὰ δυνατὸν ἀνθρώπων δηγήσασθαι, δυηήσομαι δὲ οὐδαμῶς κἂν μυριάκις πειράσω ἑμαυτὸν ἐκφρασίν τινα ποιήσασθαι τῶν αὐτοῦ ἀπορρήτων. Καὶ οὐ μόνον ἐγὼ ὁ ἰδιώτης καὶ πάνυ ἄμωστος πρὸς ταῦτα διαπορήσομαι καὶ ἀφραδία παντελεῖ πεδηθῶ, ἀλλὰ κἂν πάντες οἱ σοφοὶ τῆς γῆς οἱ πᾶσαν τὴν θύραθεν καὶ τὴν ἡμετέραν σοφίαν μεμαθηκότες, εἴπερ ἐν ταύτῳ ἐπισυναγθέντες ἐπιχειρήσουσι καὶ σπουδάσουσι τῇ τοιαύτῃ ἐξηγήσει προσβαλεῖν, οἴμαι οὐδ' αὐτοὶ ἐξισχύσουσιν, ἀλλ' ἐπίσης ἐμοὶ

τῶ ἀφραδεῖ καὶ ἀμαθεῖ διαπορήσωσιν ἄν, ἐπειδὴ τοῖς ὑλικοῖς ἡμῖν τοῦτο πάμπαν ἀδύνατον. Ἵνα δὲ μὴ παντελῶς πάντα λήθης χωρίοις παραπέμψω καὶ ὡς ὁ ὀκνηρὸς δούλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὡς λαβῶν παρὰ τοῦ δεσπότητος τὸ τάλαντον εἰς γῆν κατέκρυψεν (f. 324 γ.) ἀπραγματεύετον, ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα συνείς ὑμῖν ὡς ἐφικτὸν διηγήσομαι, τὴν τοῦ θείου Πνεύματος ἀνωθεν συνεργίαν προσκαλεσάμενος.

Ἦν δὲ ὁ θεὸς καὶ τοιοῦτος ναὸς σταυροειδὲς μὲν ἔχων τὸ σχῆμα τετράτρουλος δὲ καὶ εὐμήκης ἀνείκαστος καὶ ἀκατάληπτος τῇ θέσει καὶ τῇ οἰκοδομῇ φωτεινότερος τοῦ παρ' ἡμῖν ἡλίου τούτου τοῦ ποτὲ μὲν ἀνίσχοντος, ποτὲ δὲ δύνοντος, καὶ ποτὲ μὲν φαίνοντος, ποτὲ δὲ καὶ ἀμαυρουμένου, ἀλλὰ ἐπταπλασίως τούτου ὑπερλάμποντος ἐκεῖνου ἀφθάρτου καὶ ἀδύτου ἡλίου· τρινάρθηξ, ἐξάλλους ἔχων τοὺς νάρθηκας καὶ παρὰ τούτοις ἕτερα προπύλαια, τρία βήματα παράλληλα, καὶ προθέσεις ὡσαύτως ἰσαρίθμους, ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίαις, καὶ προνάους δύο· ἡ δὲ τούτου οἰκοδομὴ δακτύλῳ Θεοῦ δεδημουρημένη, τῷ δὲ κάλλει καὶ τῇ μαρμαρυγῇ καὶ ταῖς πολυφαιδρῶσι συμπλοκαῖς τῶν ποικιλομορφῶν λίθων καὶ ξέναις τεχνουργίαις καὶ ἀνεξιχνιάστοις μηχανῶν (f. 324 ν.) καὶ καλλωπίσμασι καὶ ταῖς λοιπαῖς ὠραιότησι καὶ φαιδρότησιν ὅλος ἄρρητός τε καὶ ἀνέκφραστος πέφυκε. Τέως δὲ κατασκευαστικὴν ἔχειν ἐδόκει ἀντὶ μὲν πηλοῦ τιτανιαίου χυρσίον καθαρὸν πυρευρίζον, ἐνταῖς δὲ καὶ ἄργυρος δόκιμος καὶ μαργάρων οἱ τιμιώτεροι, ἀντὶ λίθων οἰκοδομικῶν ἐκ τῶν δώδεκα τιμίων λίθων οἱ τιμιώτεροι πάσης εὐχρείας ἐξηλλαγμένοι καὶ ὑπερανθοῦντες στοιχηδὸν συντεθειμένοι καὶ συναρμοσθημένοι τῇ ἀρχιτεκτονίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος δομοὺν ἐπὶ δομοὺν ἑτερόχρωρον παρὰ τῶν συμπαρακειμένων ἀπετέλουσιν καὶ μαρμαρυγὴν αἰγλῆς ἐκ τῶν διαφορῶν χρωσίων σύμμικτον καὶ ὑπεράρρητον ἐπέπεμπον· ἡ δὲ θεῖα καὶ ἄρρητος χάρις τοῦ ἱεροῦ τόπου καὶ θείου ναοῦ καὶ ἡ τοιαύτη ὑλαία οἰκοδομὴ δίκην ὑέλου ἢ μάλλον εἰπεῖν καὶ τούτου φανώτερον τοῖς ἐξωθεν ἐστῶσι τὰ ἐνδοθεν τοῦ ναοῦ παρεῖχε τηλαυγῶς καθορᾶν, καὶ τοῖς ἐνδόν οὖσιν ἰσοτρόπως τὰ ἐξωθεν ἀκωλί (f. 325 γ.) τως κατανοεῖν, καὶ φρικτὴ καὶ θάμβους πλήρης ἦν ἡ τούτου κατασκευὴ ἐν τῷ ἑραῶσαι. Οὕτω μὲν καὶ τοιοῦτοτρόπως εἶχον τὰ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ἱεροῦ καὶ θείου τούτου ναοῦ· ὁ δὲ γε πάτος αὐτοῦ καὶ τὸ ἐνδοτερον

θυσιαστήριον και οι αναβαθμοι και ο μέσον αὐτῶν θεϊκός θρόνος τό τε κιβώριον και ἡ τράπεζα και τὰ λοιπὰ ἀκολουθῶς τῶν παρ' ἡμῖν θεῶν ναῶν κάκεισε ὄντα εἰκασίαν τινά ἀπό τῶν ἐπιγείων και ὧν τὴν γινῶσιν ἔχομεν ἡμεῖς κατάλληλον κέκτηνται, ἵνα διὰ τῆς ὁμοίου παραθέσεως ἀμυδρῶς πῶς τὰ ἐν αὐτῇ δηλωθῇ. Ἦσαν δὲ ταῦτα πάντα, ὡς ἐγὼ ὁ ἀνάξιος διὰ τῶν τιμῶν εὐχῶν τοῦ μεγίστου και θεράποντος Χριστοῦ και ἀγίου μου πατρός Βασιλείου εἶδον και πεπληροφόρημαι, Πνεύματος ἀγίου πεπληρωμένα, και αὐρά τις ὑπέπνει και ἐτεπόλαξεν ἐκάστῃ μέρει τοῦ ναοῦ κατάλληλος· ὁ δὲ πάτος περὶ λευκῶ και ἐξαλλάσσοντι ἐσπαργάνωτο και ἐδόκει ὡς ἡ θάλασσα κυματίζειν· ἀντὶ δὲ κίονος νεφέλαι γιονοειδεῖς τὸν ναὸν ὑπῆρειδον, τὸ δὲ ἄ(f. 325 v.)γιον θυσιαστήριον και τὰ ἐν αὐτῷ πάντα ἀστραπημόρφους και φρικταῖς ζωτογυσίαις τοῦ θεῖου Πνεύματος μυριοπλασίως ἐπεκαλύπτετο, και τὰ ἐν αὐτῷ οὐκέτι ὑλικά ἡμῖν ἐδόκει εἶναι ὡς τὰ λοιπὰ, ἀλλὰ πνευματικά και θεῖα ἐγρημάτιζον κατανοεῖσθαι.

Ἐπεὶ δὲ οἱ προρῆθῆντες θεοὶ νεανίσκοι διακόνων τάξιν ἀποπληροῦντες τὰ πάντα ἠντρέπισαν και τὸ εὐλόγησον Δέσποτα ἀπεπληρώκασιν κεκραγότες, ἰδοὺ αὐτός ὁ Κύριος και Θεός ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός ὠρᾶτο ἐφεζόμενος ἐπὶ τοῦ μεγίστου φρικτοῦ και πυρφόρου και πυρμόρφου θρόνου τῶν ἀναβάθμων, και οἱ πρόκριτοι αὐτοῦ δώδεκα μαθηταὶ συγκαθεζόμενοι αὐτῷ ἐπὶ θρόνων θεϊκῶν δώδεκα, ἐξ μὲν ἰσταμένων ἐκ δεξιῶν τοῦ δεσποτικοῦ και θεῖου θρόνου, τῶν δὲ ἐτέρων ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ. Καὶ φησὶν ὁ Κύριος τοῖς διακόνοις ἐκείνοις· Καλέσατε πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς μου ἐνταῦθα· και ἅμα τῷ λόγῳ αὐτοῦ ἰδεασάμεθα νεανίαν τινά ὠραιμορφον, ἀστραπὴν περιεζοσμένον, σταθέντα (f. 326 r.) ἐπὶ τὸ μέσον τῆς ἀγίας πολεως ἐν τινι ὑπερανιστηκῶτι σκοπῷ, σάλπιγγα χρυσήλατον ἐπὶ γείρας κατέχοντα και ἐνάρθρως οὕτωσι σαλπίζοντα· Δεῦτε, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρός μου, ἐν τῷδε θεῖῳ ναῷ τῆς ἀγίας ὁδοῦς μου θυσίαν καινήν ἐν εὐφροσύνῃ ἐπιτελέσωμεν. Καὶ ἐκ τρίτου τὸν αὐτὸν λόγον κεκραγῶς ὁ θαυμαστός νεανίας ἐκεῖνος διὰ τῆς σάλπιγγος, κατῆλθε τοῦ σκοποῦ· ἀπὸ δὲ τῆς κραυγῆς τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ἐξῆλθον πάντες οἱ ἀπ' αἰῶνος ἅγιοι και δίκαιοι και ἤρχοντο πρὸς τὸν περιβόητον ἐκεῖνον και ἐξαισίον θεῖον ναὸν, ὡστερ

τῷ ἀφραδεῖ καὶ ἀμαθεῖ διαπορήσωσιν ἂν, ἐπειδὴ τοῖς ὑλικαῖς ἡμῖν τοῦτο πάμπαν ἀδύνατον. Ἴνα δὲ μὴ παντελῶς πάντα λήθῃς χωρίοις παραπέμψω καὶ ὡς ὁ ὀκνηρὸς δοῦλος ἐκεῖνος κατακριθῶ, ὡς λαβῶν παρὰ τοῦ δεσπότου τὸ τάλαντον εἰς γῆν κατέκρυψεν (f. 324 r.) ἀπραγμάτευτον, ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγα συνείς ὑμῖν ὡς ἐφικτὸν διηγήσομαι, τὴν τοῦ θεοῦ Πνεύματος ἄνωθεν συνεργίαν προσκαλεσάμενος.

Ἦν δὲ ὁ θεὸς καὶ τοιοῦτος ναὸς σταυροειδῆς μὲν ἔχων τὸ σχῆμα τετράτρουλος δὲ καὶ εὐμήκης ἀνείκαστος καὶ ἀκατάληπτος τῇ θέσει καὶ τῇ οἰκοδομῇ φωτεινότερος τοῦ παρ' ἡμῖν ἡλίου τούτου τοῦ ποτὲ μὲν ἀνίσχοντος, ποτὲ δὲ δύνοντος, καὶ ποτὲ μὲν φαίνοντος, ποτὲ δὲ καὶ ἀμαυρουμένου, ἀλλὰ ἐπταπλασίως τούτου ὑπερλάμποντος ἐκείνου ἀφθάρτου καὶ ἀζύτου ἡλίου· τρινάρθηξ, ἐξάλλους ἔχων τοὺς νάρθηκας καὶ παρὰ τούτοις ἕτερα προπίλαια, τρία βήματα παράλληλα, καὶ προθέσεις ὡσαύτως ἰσαρίθμους, ἐμβόλους τέσσαρας ἐν τοῖς πλαγίαις, καὶ προνάους δύο· ἡ δὲ τούτου οἰκοδομὴ δακτύλῳ Θεοῦ δεδημιουργημένη, τῷ δὲ κάλλει καὶ τῇ μαρμαρυγῇ καὶ ταῖς πολυφαιδρίαις συμπλοκαῖς τῶν ποικιλομορφῶν λίθων καὶ ξέναις τεχνουργίαις καὶ ἀνεξιχνιάστοις μηχανί(f. 324 v.) καὶ καλλωπίσμασι καὶ ταῖς λοιπαῖς ὠραιότησι καὶ φαιδρότησιν ὅλος ἄρρητός τε καὶ ἀνέκφραστος πέφυκε. Τέως δὲ κατασκευαστικὴν ἔχειν ἐδόκει ἀντὶ μὲν πηλοῦ τιτανιαίου χρυσοῦ καθαρόν πυρεύριζον, ἐνοῖς δὲ καὶ ἄργυρος δόκιμος καὶ μαργάρων οἱ τιμιώτεροι, ἀντὶ λίθων οἰκοδομικῶν ἐκ τῶν δώδεκα τιμίων λίθων οἱ τιμιώτεροι πάσης εὐχρείας ἐξηλλαγμένοι καὶ ὑπερανθεύοντες στοιχηδόν συντεθειμένοι καὶ συναρμοσθημένοι τῇ ἀρχιτεκτονίᾳ τοῦ παναγίου Πνεύματος ὁμοιον ἐπὶ ὁμοιον ἑτερόχρωσον παρὰ τῶν συμπαρακειμένων ἀπετέλουν καὶ μαρμαρυγὴν αἰγλης ἐκ τῶν διαφορῶν χροῶν σύμμικτον καὶ ὑπεράρρητον ἐπέπεμπον· ἡ δὲ θεία καὶ ἄρρητος χάρις τοῦ ἱεροῦ τόπου καὶ θεοῦ ναοῦ καὶ ἡ τοιαύτη ὑλαία οἰκοδομὴ δικτὴν ὑέλου ἢ μάλλον εἰπεῖν καὶ τούτου φανώτερον τοῖς ἐξωθεν ἐστῶσι τὰ ἐνδοθεν τοῦ ναοῦ παρεῖχε τηλαυγῶς καθορᾶν, καὶ τοῖς ἐνδόν οὖσιν ἰσοτρόπως τὰ ἐξωθεν ἀκωλύ(f. 325 r.) τως κατανοεῖν, καὶ φρικτὴ καὶ θάμβους πλήρης ἦν ἡ τούτου κατασκευὴ ἐν τῷ ἔρασθαι. Οὕτω μὲν καὶ τοιοῦτοτρόπως εἶχον τὰ τῆς οἰκοδομῆς τοῦ ἱεροῦ καὶ θεοῦ τοῦδε ναοῦ· ἐ δὲ γε πάτος αὐτοῦ καὶ τὸ ἐνδοτερον

θυσιαστήριον και οι αναβαθμοι και ο μέσον αὐτῶν θεϊκός θρόνος τὸ τε κιβώριον και ἡ τράπεζα και τὰ λοιπὰ ἀκολουθῶς τῶν παρ' ἡμῖν θεῶν ναῶν κάκεισε ὄντα εἰκασίαν τινὰ ἀπὸ τῶν ἐπιγειῶν και ὧν τὴν γινῶσιν ἔχομεν ἡμεῖς κατάλληλον κέκτηνται, ἵνα διὰ τῆς ὁμοίου παραθέσεως ἀμυδρῶς πως τὰ ἐν αὐτῇ δηλωθῇ. Ἦσαν δὲ ταῦτα πάντα, ὡς ἐγὼ ὁ ἀνάξιός διὰ τῶν τιμῶν εὐχῶν τοῦ μεγίστου και θεράποντος Χριστοῦ και ἀγίου μου πατρός Βασιλείου εἶδον και πεπληροφόρημαι, Πνεύματος ἀγίου πεπληρωμένα, και αὐρά τις ὑπέπνει και ἐπεπόλαζεν ἐκάστῃ μέρει τοῦ ναοῦ κατάλληλος· ὁ δὲ πάτος περὶ λευκῶ και ἐξάλλασσοντι ἐσπαργάνωτο και ἐδόκει ὡς ἡ θάλασσα κυματίζειν· ἀντὶ δὲ κίονος νεφέλαι γιονοειδεῖς τὸν ναὸν ὑπῆρειδον, τὸ δὲ ἄ(f. 325 v.) ἦγον θυσιαστήριον και τὰ ἐν αὐτῷ πάντα ἀστραπημόρφους και φρικταῖς φωτοχυσίαις τοῦ θεῖου Πνεύματος μυρισπλασίως ἐπεκαλύπτετο, και τὰ ἐν αὐτῷ οὐκέτι ὑλικὰ ἡμῖν ἐδόκει εἶναι ὡς τὰ λοιπὰ, ἀλλὰ πνευματικὰ και θεῖα ἐγρημάτιζον κατανοεῖσθαι.

Ἐπει δὲ οἱ προῤῥηθέντες θεῖοι νεανίσκοι διακόνων τάξιν ἀποπληροῦντες τὰ πάντα ἠντρέπισαν και τὸ Εὐλόγησον Δέσποτα ἀπεπληρώκασι κεκραγότες, ἰδοὺ αὐτός ὁ Κύριος και Θεός ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός ὠρᾶτο ἐφεζόμενος ἐπὶ τοῦ μεγίστου φρικτοῦ και πυρφόρου και πυρμόρφου θρόνου τῶν ἀναβάθμων, και οἱ πρόκριτοι αὐτοῦ δώδεκα μαθηταὶ συγκαθεζόμενοι αὐτῷ ἐπὶ θρόνων θεϊκῶν δώδεκα, ἐξ μὲν ἰσταμένων ἐκ δεξιῶν τοῦ δεσποτικοῦ και θεῖου θρόνου, τῶν δὲ ἐτέρων ἐξ εὐωνύμων αὐτοῦ. Καὶ φησὶν ὁ Κύριος τοῖς διακόνοις ἐκείνοις· Καλέσατε πάντας τοὺς ἐκλεκτοὺς μου ἐν ταῦθα· και ἅμα τῷ λόγῳ αὐτοῦ ἰδεασάμεθα νεανίαν τινὰ ὠραϊμορφον, ἀστραπὴν περιζοσμένον, σταθέντα (f. 326 r.) ἐπὶ τὸ μέσον τῆς ἀγίας πολεως ἐν τινι ὑπερανεστηκότι σκοπῷ, σάλπιγγα γρυσήλατον ἐπὶ γείρας κατέγοντα και ἐνάρθρως οὐτωσί σαλπίζοντα· Δεῦτε, οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, ἐν τῷδε θεῖῳ ναῷ τῆς ἀγίας ὁδοῦς μου θυσίαν καινήν ἐν εὐφροσύνῃ ἐπιτελέσωμεν. Και ἐκ τρίτου τὸν αὐτὸν λόγον κεκραγῶς ὁ θαυμαστός νεανίας ἐκεῖνος διὰ τῆς σάλπιγγος, κατῆλθε τοῦ σκοποῦ· ἀπὸ δὲ τῆς κραυγῆς τῆς φωνῆς τῆς σάλπιγγος ἐξῆλθον πάντες οἱ ἀπ' αἰῶνος ἅγιοι και δίκαιοι και ἤρχοντο πρὸς τὸν περιβόητον ἐκεῖνον και ἐξάϊσιον θεῖον ναὸν, ὡσπερ

αίτιοί τινες ὀξύπτεροι καὶ περιστεραι φωτοειδεῖς καὶ λαμπραί· ἐν δὲ τῷ πορεύεσθαι αὐτοὺς ἐκεῖσε, ἀνέβαινον ἀπὸ τῆς θαλάσσης τοῦ πυρός αἱ βοαὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἐγκυβιστευόντων ἀμαρτωλῶν εἰς τὰ ὦτα αὐτῶν, καὶ ἐδόκουν ὑπὸ συμπαθείας τὰ σπλάγχνα δονεῖσθαι καὶ ὥσπερ ἄλγεῖν· καὶ φησὶν ὁ Κύριος· Οὐ χρὴ αἰῶνιον πά(φ. 326 ν.)θος ἐν ἀτελευτήτῳ εὐφροσύνῃ καὶ ἀπεράντῳ θυμηδία ἐξακουέσθαι. Καὶ ἐκτείνας τὴν ἀχραντον αὐτοῦ δεξιάν ἐσφράγισε πᾶσαν τὴν φοβερὰν τοῦ ἀτελευτήτου πυρός ἐκείνου θάλασσαν· καὶ εὐθέως προήγγισε καὶ συνηρμώσθη καὶ συνουλώθη χεῖλος αὐτῆς πρὸς χεῖλος ἕτερον, καὶ ἐπεκαλύφθη καὶ ἀπεκρύβη διὰ τῆς ξηρᾶς γῆς τῆς καινῆς ἐκείνης ἅπασα ἡ θάλασσα τοῦ πυρός, καὶ οὐκέτι οὐδαμῶς ἴχνος αὐτῆς κατεφαίνετο, ἀλλὰ μονότροπος ἦν πᾶσα ἡ τῆς ἐπαγγελίας γῆ ἐκείνη, καὶ οὐκέτι οὐδὲν ὠρατο ἐν αὐτῇ λυπηρόν. Καὶ ἐγένετο ἐν τῷ πάντας αὐτοὺς ἐπὶ τὸν θεῖον καὶ φρικωδέστατον ἐκεῖνον ναὸν συνεισελθεῖν καὶ τοῦ Κυρίου καθεζομένου ἐπὶ θρόνου ἀγίου αὐτοῦ καὶ πάντων τῶν ἀγίων ἀγγέλων καὶ ἀρχαγγέλων ἐν φόβῳ καὶ τρόμφῳ παρισταμένων καὶ δορυφορούντων αὐτῷ, ὀρώμεν, καὶ ἰδοὺ ἡ μεγάλη βασίλισσα καὶ Μήτηρ αὐτοῦ ἐξιοῦσα τοῦ ὑπερουσίου θαλάμου τῆς θείας δόξης αὐτῆς παρέστη ἐκ δεξιῶν (φ. 327 γ.) τοῦ μεγάλου βασιλέως καὶ Υἱοῦ αὐτῆς, περιβεβλημένη στολὴν δόξης θεικῆς καὶ τὴν κεφαλὴν αὐτῆς ἐστεμμένη τῷ τοῦ Υἱοῦ αὐτῆς στεφάνῳ τῷ δοθέντι αὐτῇ, ὡς προεῖρηται, ὅλη καλὴ καὶ ὠραία, ὅλη κεκαλλωπισμένη καὶ πεποικιλμένη δόξη θεικῆς ὠραιότητος, ὅλη φαινὴ καὶ ἐξαστράπτουσα ὑπὲρ τὰς τοῦ ἡλίου μαρμαρυγὰς· μεθ' ἧς συνεισῆι καὶ ὁ ἐξοχώτατος καὶ πάντων πρόκριτος πρόδρομος καὶ βαπτιστῆς Ἰωάννης, δόξη ἀρρήτων λελαμπρυσμένος, εἶτα οἱ ἐβδομήκοντα ἀπόστολοι φῶς ἀρρητον ἐνδεδυμένοι καὶ διαλάμποντες, μεθ' ὧν καὶ οἱ πανένδοξοι καὶ θεοειδεῖς μάρτυρες καὶ σὺν αὐτοῖς πάντες ὅσοι καὶ δίκαιοι, κατ' ἀξίαν ἕκαστον τάγμα αὐτῶν εἰσῆι, ὅλοι λελαμπρυσμένοι, ὅλοι δεδοξασμένοι δόξη ἀκαταλήπτῃ καὶ ἀνεκδιηγῆτῃ, αἰγλὴν ἀρρητον καὶ ἀνεξιχνίαστον ἄλλον ἄλλος ἀναλόγως τῇ ἰδίᾳ αὐτῶν δικαιοσύνῃ καὶ καθαρότητι ἀποστιβόντες· ἕκαστος οὖν αὐτῶν (φ. 327 ν.) ἐπικωμιζόμενος δῶρα ταῖς χερσὶν εἰσῆι καὶ προσέφερε ταῦτα καὶ τῷ Κυρίῳ προσεκόμιζεν, ἕτερος τοῦ ἐτέρου τὴν ὠραιότητα κατανοῶν καὶ ὑπερεκπληττόμενος· καὶ

μετὰ τὴν τῶν δώρων αὐτῶν εἰσκομιδὴν ἀπῆει ἕκαστος αὐτῶν καὶ ἴστατο εἰς τὸν ἀφωρισμένον τόπον αὐτοῦ. Καὶ εὐθύς φῶς ἄρρητον ἀνῆπτε καὶ εὐφροσύνη ἀνείκαστος ἐν ταῖς καρδίαις αὐτῶν, ἀπὸ δὲ τῆς βλυζούσης ἐν αὐτῇ ἀγαλλιάσεως οὐκ ἠδύναντο ὅλως ἐγκρατεῦσθαι, κατανοοῦντες τὴν ἐν τῷ θείῳ ναῶ πεφυκυῖαν πνευματικὴν ὠραιότητα καὶ θείαν ἀγαλλίασιν. Καὶ γὰρ ἦν ἐκεῖ πεφυτευμένη εὐφροσύνη καὶ χαρὰ αἰδίου, ἐκεῖ πλουσίως ἀνέβλυζεν ἡ εἰρήνη τοῦ τρισυποστάτου Θεοῦ ὡσπερ μέλι γλυκάζον, ἐκεῖ ἦν ἀγάπη πλουσιοπαρόχως ἔχουσα καὶ τὰς τῶν ἀγίων καρδίας εἰσβάλλουσα, ἐκεῖ ἦν ἔφεσις ἀσύγκριτος τοῦ αἰεὶ ὄντος καὶ ζῶντος καὶ διαμένοντος εἰς τοὺς αἰῶνας· καὶ ἐνίοτε μὴ δυνάμενοι ἐγκρατεῦσθαι ἀπὸ τῆς ἀφάτου χαρμονῆς καὶ θυμηδίας, μεθ' ἡδονῆς σκιρτῶντες ἐκέκραγον (f. 328 r.) εὐχαριστηρίους ἄδοντες ψόδας.

Καὶ πλησθέντος τοῦ θείου τοῦδε καὶ ὑπερουρανίου ναοῦ ἀπὸ τῶν εἰσιόντων ἐν αὐτῷ υἱῶν τοῦ Θεοῦ καὶ δῶρα νοητὰ πνευματικὰ προσφερόντων, ὡσπερ εἴρηται, κατῆει τοῦ ἐνδοξοῦ θρόνου αὐτοῦ ὁ Κύριος τὴν μυστικὴν ἐκτέλεσων ἱερουργίαν· καὶ ἰδοὺ Χερουβίμ καὶ Σεραφίμ φόβῳ καὶ τρόμφ κύκλῳ αὐτοῦ παριστάμενα διηκόνουν αὐτῷ καὶ τὸν τρισάγιον ὕμνον σὺν ἡδονῇ καὶ θάμβει ἀνέπεμπον. Καὶ ἰδοὺ τὰ λοιπὰ ἀγγελικὰ τάγματα πάντα κύκλῳ τοῦ θυσιαστηρίου παρειστήκεισαν, οἱ δώδεκα ἀπόστολοι συλλειτουργοῦντες ἦσαν τῷ Κυρίῳ· τὰ γοῦν ῥήματα τῶν ἐκφωνήσεων καὶ τῆς λοιπῆς ἀκολουθίας τῆς θείας λειτουργίας ἃ τῆνικαῦτα προσεφέροντο ἐμοὶ μὲν, ὡς ἔτι δεσμίῳ ὄντι τῇ φθορᾷ καὶ τοῖς σαρκικαῖς πάθεσι περιφερομένῳ, ἀνέκφραστα πάντη καὶ ἀκατάληπτα ἐτύγγαλλον, ὡς μὴ σημειώσασθαι καὶ καταλαβεῖν τι τῶν ἐκεῖ λεγομένων καὶ ἄδομένων· τοῖς δὲ ἐκεῖσε οὖσι πᾶσιν ἐκλεκτοῖς (f. 328 v.) καὶ συγκληρονόμοις τῆς δόξης τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ πάντα σαφῆ καὶ εὐληπτα καὶ ἡδονῆς ἀφάτου παραίτια· ἀντεφώνουν γὰρ καὶ τὰ τῶν ἀγίων τάγματα πάντα τῶν ἀγγέλων ἐν τῷ ψάλλειν, καὶ πάλιν ὑπέψαλλον ἀρχόμενα τὸν ὕμνον τὰ ἀγγελικὰ στρατεύματα καὶ ἀντεπῆδον αὐτοῖς πάντες οἱ ἅγιοι. Ἐφριξε τοιγαροῦν ἐπὶ τῇ φθογγῇ τούτων καὶ τοῖς τελουμένοις θαυμασίσικ ἐξαισίως καὶ φρικτῶς ὁ οὐρανός καὶ ἡ γῆ, καὶ διεχύθη ταῖς τῶν ἀγίων καρδίας δρό-

σος νοητὴ ἀθάνατος ἐκ τῶν πηγῶν τοῦ παναγίου Πνεύματος, καὶ ἐγεγήθεισαν ἅπαντες καὶ ὡσανεὶ ἐγέλων γέλωτα θεῖον τῶ ὄντι καὶ πνευματικόν. Ἐπεὶ δὲ ὁ καιρὸς τῆς μεταλήψεως ἤγγικε, μετεδίδου αὐτοῖς ὁ Κύριος ἐκ τοῦ πνευματικοῦ καὶ θείου μάννα τῆς ἑαυτοῦ θείας ζωῆς καὶ ἐπότιζεν αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ νοητοῦ καὶ πνευματικοῦ μύρου τῆς θεότητος αὐτοῦ. Καὶ ἰδοὺ πάντες ἐνεπλήσθησαν καὶ ἐμεθύσθησαν δόξῃ ἀρρήτων καὶ θεικῇ εὐφροσύνῃ καὶ ἐπληρώθησαν γαυριάματος (f. 329 γ.) θείου φίλτρου καὶ γεγονάσιν ἀνάπλεσι ἔρωτος θεουργικοῦ· ὁ δὲ Κύριος προσέθετο ἐκδικήσασθαι τοὺς ἀγαπητοὺς καὶ ἐκλεκτοὺς αὐτοῦ ἀπὸ τῶν κρυφίων μνήσεων τῆς ἀιδιότητος καὶ τῆς μεγαλοσύνης αὐτοῦ, καὶ εὐθέως ἰσορίσθησαν καὶ ἐπληρώθησαν πάντες ἀπὸ τῆς ἀποκρύπτου σοφίας καὶ τῆς τῶν ἀκαταλήπτων κριμάτων αὐτοῦ μνήσεως, καὶ ἐθεώθησαν καὶ ἐδοξάσθησαν καὶ χρηστοὶ Κυρίου καὶ συγκληρονόμοι καὶ ἀδελφοὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς τῆ αὐτοῦ εὐδοκία καὶ χάριτι καὶ τῆ τοῦ παναγίου Πνεύματος συνεργίᾳ γεγονάσι.

Καὶ τέλος μὲν τοιόνδε ἡ τοιαύτη καινὴ θυσία ἔσχε· μετὰ δὲ τὸ τελεσθῆναι αὐτήν, ἐξῆσαν ἐκεῖθεν πάντες οἱ ἄγιοι καὶ πᾶσαι αἱ θυγατέρες τῆς νέας Ἱερουσαλὴμ προπορευομένου πάντων καὶ προηγουμένου αὐτοῦ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἀπήρχοντο πρὸς τὰ ἱερασιμώτατα καὶ ὠραιόμορφα φρικωδέστατα παλάτια, ἃ ὑπήρχον κατὰ ἀνατολὰς τῆς ἁγίας αὐτῆς Σιών (f. 329 ν.) ὠκοδομημένα πλησίως τῶ προρρηθέντι θείῳ καὶ πανσέπτῳ ναῷ τοῦ ἁγίου τῶν ἁγίων, ἃ ἔσχον εἰς τὸν μέσον θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς ἀσύγκριτον θάλαμον, περὶ οὗ δηγήσασθαι τι εὐ δεδύνημαι, πλὴν ὅτι εἶδόμεν Χερουβίμ καὶ Σεραφίμ παριστάμενα ἐπὶ τῆς ἀνεκλαλήτου πύλης αὐτῶν ὡς αἰεὶ ἐκεῖσε παρεδρεύοντα καὶ φυλάττοντα φυλακὰς αὐτῶν. Ὡσαύτως ὠρᾶτο ἡμῖν ἐν τοῖς τοιαύταις φρικτοῖς παλατίαις νυμφῶν φρικωδέστατος καὶ παστάς ἀσύγκριτος χερουβικὸς πτέρυξι καὶ θρόνοις καὶ ἀρχαῖς καὶ ἐξουσίαις καὶ κυριότησι καὶ ἀγγελικαῖς ὑμνωδίαις καὶ φρικταῖς λειτουργίαις κατακαλυνομένη καὶ δεδοξασμένη καὶ ἐν ἀσύγκριτῳ φαιδρότητι καθωραισμένη· κατενώπιον δὲ τῆς θεικῆς ταύτης καὶ ἀνεκλαλήτου παστάδος τράπεζα τις φρικτὴ καὶ ὑπὲρ ἔννοιαν ἀσύγκριτος τῆ ὠραιότητι ἰστατο

ἔχουσα ἐπικείμενα ἄβυλα νοητὰ ἀγαθὰ, ὧν οὐκ ἦν ἀριθμὸς, ἀλλ' οὐδὲ εἰκασμὸς ἀπὸ τῶν παρ' ἡμῖν ἐπι (f. 330 r.) γείων ἀγαθῶν προσαρμόζων αὐτοῖς παρῆν· τοῦτο δὲ μόνον ἐκ τῆς θείας αὐτῶν ἔγνωκα προσγίνεσθαι τοῖς εἰς αὐτὰ ἀτενίζουσι, τὸ μὴ λαμβάνειν κόρον τῆς θείας καὶ θυμηδίας αὐτῶν, μηδὲ θέλειν εἰς τὸ παντελὲς τὸ τῆς διανοίας ὄμμα ἀπ' αὐτῶν ἀφιστᾶν καὶ ἀλλαγῶσε ἀπασχολεῖν. Καὶ ἰδοὺ πάλιν ἑτέρα τράπεζα καθωρᾶτο ἡμῖν παραπλησίως ταύτῃ, φρικωδεστάτη, πλήρης οὐσα καὶ αὐτὴ ἀνεκλαλήτων καὶ θείων νοητῶν ἀγαθῶν· ἦν δὲ αὕτη ἡτοιμασμένη, ὡς ὁ ὁδηγῶν με θεὸς ἄγγελος εἶρηκε, τοῖς δώδεκα προκρίτοις μαθηταῖς καὶ ἀποστόλοις τοῦ Κυρίου. Καὶ ἰδοὺ ἑτέρα ὡσαύτως τοῖς ἐβδομήκοντα καὶ ἄλλη παραπλησίως τῶν ἱεραρχῶν, ἑτέρα τῶν ἐνδόξων μαρτύρων καὶ ἀδλοφόρων Χριστοῦ, ἄλλη τῶν ἁγίων, ἐκάστου γὰρ τάγματος τῶν ἁγίων ἀναλόγως τράπεζα ἐκεῖσε βριδουσα τῶν ἀφθάρτων καὶ αἰωνίων ἀγαθῶν ἡμῖν καθωρᾶτο, καὶ περὶ αὐτὰς ἦσαν ὑπηρέται καὶ διάκονοι χρυσότριχοι, ζωτόμορφοι καὶ καλ(f. 330 v.) λιπρεπεῖς νεανίαί, ἀσύγκριτον τὴν ὠραιότητα καὶ τὴν τάξιν τῆς ἐτοιμασίας κεκτημένοι. Καὶ ἰδοὺ ὁ Κύριος ἐξῆι ἀπὸ τῶν θείων ἀδύτων αὐτοῦ καὶ ἔκκεν ἀνακλιθῆναι εἰς τὴν πνευματικὴν ἰστίασιν μετὰ τῶν φίλων αὐτοῦ, καὶ συνείποντο αὐτῷ ἢ τε δέσπεινα πάντων καὶ Μήτηρ αὐτοῦ, ὁ θεὸς Πρόδρομος, οἱ δώδεκα αὐτοῦ μαθηταὶ καὶ πάντες οἱ πρὸ νόμου καὶ ἐν νόμῳ λάμπαντες κατὰ γενεάς καὶ γενεάς αὐτῶν ἅγιοι καὶ ἢ ἐξ ἔθνῶν νυμφευθεῖσα αὐτῷ ἐκκλησία, ἦτοι οἱ εὐσεβῶς πιστεύσαντες εἰς τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν καὶ βαπτισθέντες εἰς τὸ ὄνομα τῆς ὁμοουσίου Τριάδος καὶ καθαρὰν τὴν πίστιν φυλάξαντες μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν. Καὶ τούτων οἱ μὲν εἰσήεσαν εἰς τὴν παστάδα τοῦ νοητοῦ καὶ ἀκηράτου νυμφῶνος ἐπὶ τὸ ἀνακλιθῆναι εἰς τὸν πνευματικόν γάμον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, ὁ δὲ γε Κύριος προσκαλεσάμενος πάντας οὕς εὐδόκησεν ἐπὶ τὴν ἄφραστον ἐκείνην καὶ τερπνὴν ἀγαλλίασιν ἱστολισμένους ὄντας ταῖς δοθείσαις αὐτοῖς παρ' αὐτοῦ πνευματικαῖς θεῖ (f. 331 r.) αἰς στολαῖς καὶ τοῖς διαδήμασι τοῦ κάλλους κατεστημένους, ἀνεκλίθη συνάμα αὐτοῖς ἐπὶ τὰς ἀφορισμένας ἐτοιμασίας, καὶ ἐνευφραίνοντο πάντες ἀρρήτου δόξης καὶ θυμηδίας ἐμπιπλάμενοι· αἱ δὲ πᾶσαι στρατιαὶ τῶν ἁγίων ἀγγέλων παρεστήκεισαν φόβῳ καὶ τρόμφ Κυρίῳ τῷ Θεῷ

καὶ ἐψαλλον καινὴν τινα καὶ ἄρρητον ῥῶδην αὐτῶ, καὶ ἀντεφώνουν αὐτοῖς τὰ Χερουβὶμ καὶ τὰ Σεραφὶμ καὶ πᾶσαι αἱ λοιπαὶ νοεραὶ δυνάμεις περικύκλω ἰστάμεναι, καὶ ἐξηχεῖτο ἐκεῖθεν μέλος ἡδῦ καὶ θαυμαστὸν λίαν, καὶ φωναὶ ἑορταζόντων ἐξηκούοντο, καὶ οὐκ ἦν κόρος τοῖς οὖσιν ἐκεῖ ἀπὸ τῆς θαυμαστῆς ἐκείνης ἡδύτητος. Διηκονοῦντο δὲ ἐν ταῖς χρείαις αὐτῶν πάντες οἱ ἀνακλιθέντες ἐν ταῖς αἰζώοις ἐκείναις τραπέζαις ὑπὸ τῶν νοερῶν καὶ ἀγίων ἀγγέλων τῶν ἐπ' αὐτὸ τοῦτο τεταγμένων ὑπὸ Κυρίου, καὶ ἡσθιον βρῶσιν νοητὸν καὶ αἰώνιον, ἀφ' ἧς διεδίδετο αὐτοῖς εὐφροσύνη καὶ χαρὰ ἀνέκφραστος καὶ ἀκατάληπτος (f. 331 v.)· ἐν δὲ τῷ ἐσθίειν αὐτοῦς καὶ πίνειν τὸ ἀθάνατον νέκταρ, εἰς κόρον ἐμέδυσκον μέδην τινὰ θείαν καὶ ἀλλοίωσιν πνευματικὴν, πληρούμενοι σοφίας καὶ χάριτος θεϊκῆς, γνώσεως φημί τελειοτέρας τῶν ἀποκρύφων μυστηρίων καὶ μύσεων τῆς ἀγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος· τοιοῦτους δὲ ψαλμούς ἡδον οἱ τότε παριστάμενοι θεοὶ νόες, οὓς ὁ Θεὸς καὶ Πατὴρ διὰ τοῦ παναγίου αὐτοῦ Πνεύματος συναρμόσας παρέσχεν ἐκάστην τάγματι αὐτῶν ἐπάδειν αὐτοῦς ὡς ἄσμα θείου ὑμεναίου ἐν τοῖς ἀκατάληπτοις καὶ φρικτοῖς γάμοις τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ. Καὶ ὀρώμεν αὐτοῦς ὅπως ἐν τῷ ἄδειν τὰ τοιαῦτα ἄσματα ὑπὸ τῆς ἡδονῆς καὶ φρικτῆς αὐτῶν συνθέσεως καὶ συντάξεως ὑπερνικώμενοι καὶ ὑπερεκπληττόμενοι, τῆς συνήθους αὐτῶν εὐτάκτου στάσεως καὶ εὐλαβείας ὡσανεὶ ἐπελανθάνοντο καὶ σχιρτῶντες ὠρῶντο καὶ ἐναγαλλόμενοι ἐγεγείθησαν, δοξάζοντες τὸν ἑξαίσια καὶ θαυμαστά ἐκτελοῦντα καὶ παράδοξα πράγματα Κύριον τῆς δόξης. Τῆς γοῦν (f. 332 r.) καινῆς ἐκείνης καὶ νοητῆς θοίνης καὶ πνευματικῆς εὐωχίας οἱ ἄγιοι εἰς κόρον ἐμφορούμενοι, τὰ ἐσθιόμενα οὐκ ἠλαττοῦντο παρ' αὐτῶν ἀγαθὰ, ὡς εἶωθε γίνεσθαι ἐπὶ τῇ παρ' ἡμῶν μεταλήψει τῶν ἐπικήρων καὶ φαρτῶν ἐδεσμάτων, ἀλλ' οὕτως ἔμενον ἀμειωτα, ὡσπερ πρὸ τοῦ μηδὲν αὐτῶν ἀψασθαι, ὁμοίως καὶ παραπλησίως τῷ παρ' ἡμῶν πυρὶ καομένῳ, ἀφ' οὗ πάντες μὲν οἱ χρήζοντες ἀρκούντως αὐτοῖς μεταλαμβάνουσιν αὐτοῦ, μείωσιν δὲ ἦτοι ἐλάττωσιν τὴν οἰανοῦν τῆς ἐν αὐτῷ φλογός οἱ ἀνάπτοντες αὐτὸ οὐδαμῶς λαμβάνουσιν, ἢ κάκεινο ποσῶς ἐλαττοῦται τῆς ἑαυτοῦ δραστηρικῆς καὶ καυστικῆς δυνάμεως.

Ἐπεὶ δὲ τῆς φοικώδους ἐστιάσεως ἐκείνης καὶ πνευματικῆς εὐφρο-

σύνης ἐμφορηθέντες ἀνέστησαν ἅπαντες· παραλαβὼν αὐτοὺς ὁ Κύριος εἰσῆλθεν εἰς τὸν κατὰ ἀνατολὰς τῆς αὐτῆς ἀγίας πόλεως συμπαρακει-
 μενον θεῖον καὶ ὡς ἀληθῶς ἀείζων παράδεισον, προπορευομένας καὶ
 ἐφεπομένας ἔχων αὐ(φ. 332 v.) τῷ πάσας τὰς οὐρανίους δυνάμεις καὶ
 ἀγγελικάς. Οὗτος δὲ ἦν ὁ ἐν Ἑδέμ κήπος τοῦ Θεοῦ, ἀφ' οὗ ὁ Ἄδάμ τὴν
 δεσποτικὴν ἐντολὴν παραβάς ἐξεληλύθει· καὶ τούτων ἐν τούτῳ χωρο-
 βατούντων καὶ ταῖς ἐκείσε κάλλεσι καὶ θεάμασι καὶ τῶν ποικίλων ἀν-
 θείων καὶ τῶν ἀθανάτων φυτῶν ἐκ πολυχρῶων εἰδέων ἐνωραϊζομένων,
 οἱ ὑμνοῦδοι ἄγγελοι οὐκ ἔληγον οὐδαμῶς τῶν θείων ἐκείνων καὶ ἐξαι-
 σίων ἀσμάτων, ἀλλ' ἐμελπον προσφόρως εὐχαριστηρίους ὕμνους καὶ
 ψόδας τῷ Κυρίῳ, καὶ ἦν ἐπὶ τούτοις ὁρᾶν χαρμενὴν καὶ δόξαν εὐφροσύ-
 νην τε καὶ ἀγαλλίασιν ἄρρητον καὶ αἰδίων, διότι κόρος οὐκ ἦν τῆς ἐφέ-
 σεως τῶν ἐκείσε ὁρωμένων ἀνεξιχνιάστων καὶ ἀνεκλαλήτων ἀείζων
 φυτῶν καὶ τῆς τούτων τερπνότητος καὶ ἡδύτητος, ὅθεν καὶ κορεννύ-
 μενοι πάντες τῆς ἡδυστάτης εὐσσμίας καὶ τοῦ κάλλους τοῦ τοιοῦτου
 θείου καὶ ἀθανάτου παραδείσου εὐχαριστηρίους φωνὰς σὺν τοῖς ἀγίοις
 ἀγγέλοις ἀνέμελπον Χριστῷ τῷ ἀληθινῷ Θεῷ καὶ δοτῆρι τῶν τοιού-
 των ἀγαθῶν. Μετὰ δὲ τὸ διοδεῦσαι (f. 333 r.) καὶ ἰδεῖν καὶ ἀνιστο-
 ρῆσαι τὴν τοῦδε τοῦ θείου παραδείσου τερπνότητα, ὑποστρέφειν ἐδό-
 κουν αὐθις πάντες σὺν τῷ Κυρίῳ εἰς τὴν ἀγίαν πόλιν ἀφ' ἧς ἐξήεσαν,
 οἱ καὶ ἔφησαν πρὸς αὐτόν· Κύριε, δός ἡμῖν καὶ ταύτην τὴν χάριν
 καθῶς καὶ ταῦτα πάντα διὰ τῆς σῆς ἀπείρου καὶ ἀνεξιχνιάστου ἀγα-
 θότητος ἐδώρησω ἡμῖν, ἵνα ὡσπερ ἐν τῷ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ
 ὄντες ναοὺς ἐπὶ τῷ ὀνόματί σου ἀνηγείραμεν καὶ ὠκοδομήσαμεν καὶ
 ἐν τούτοις ἀδροιζόμενοι ὑμνοῦμεν καὶ ἐμεγαλύναμεν τὴν δυναστείαν
 σου, οὕτω δὴ καὶ ἐνταῦθα γένωνται ἡμῖν διάφοροι ναοὶ ἐπὶ τῷ ἀγίῳ
 σου ὀνόματι καὶ σκηναὶ καὶ καταπαύσεις κατὰλληλαι καὶ ἀπαράμιλλοι
 ἐν τῇδε τῇ μακαρίᾳ καὶ ἀφθάρτῳ καινῇ γῆ, ἐν ἣ φῶς ἀληκτον
 καὶ ζωὴ αἰδίας πέφυκεν, ὡς ἂν ἐν τούτοις παραβάλλοντες ὑμῶμεν
 καὶ δοξάζωμεν καὶ ψάδαις καταγεραίρωμεν τὸ πολυύμνητον καὶ πο-
 λυθαύμαστον καὶ ὑπερένδοξον ὄνομά σου σὺν τῷ ἀνάρχῳ σου Πατρὶ
 καὶ τῷ παναγίῳ σου Πνεύματι ἀδιαλείπτως εἰς τοὺς αἰῶνας (f. 333 v.).
 Καὶ προσχῶν αὐτοῖς ὁ Κύριος ἐπένευσε καὶ ἐπευδόκησε (κατὰ) τῇ θε-
 λήσει καὶ ὑποδοχῇ αὐτῶν, καὶ ἐκτεῖνας τὴν ἄχραντον καὶ παντουρ-

γόν αὐτοῦ δεξιάν ἐσήμανε κατὰ ἀνατολὰς καὶ ἐσφράγισε κατὰ δυσμὰς, κατὰ ἄρκτον καὶ κατὰ μεσημβρίαν, καὶ ἐβόησεν εἰς ἐπήκοον πάντων οὕτως εἰπών· Δεῦτε καὶ ἐμφανίσθητε πάντες οἱ μετεωρισμοὶ τῶν ἁγίων ἐπὶ τὸ αὐτὸ καὶ τὰ ἀγαθὰ καὶ ἐκλεκτὰ καὶ ἀγαπητὰ σκηνώματα τὰ ἀπ' αἰῶνος ἡτοιμασμένα αὐτοῖς. Καὶ εὐθέως ἰδοὺ πᾶσα ἡ γῆ καὶ πᾶς ὁ περὶ αὐτὴν αἰθήρ ἀπὸ περάτων ἕως περάτων αὐτῆς ἀνῆψεν ἐν παραπετάσματι χιονώδους αὔρας λευκῆς καὶ ἐπεκράτησεν ἐφ' ἱκανόν, εἶτα αὐθις ἀνελήφθη εἰς τὸν οὐρανόν, ὥστε μηδὲ ἔχνος αὐτῆς φαίνεσθαι· τὸ δὲ πάγκαλον τῆς διαυγείας τῆς γῆς ἐκείνης πρόσωπον ὅλον καθωρᾶτο δεδοξασμένον καὶ δίκην ἡλίου τηλαυγεστάτου ἀκτῖνας παμφαεῖς ἐκπέμπον καὶ ἀπροσιλβον ἄφατον ἠδονὴν καὶ θυμηδῖαν παρέχον τοῖς ὄρωσιν αὐ(φ. 334 γ.)τό. Καὶ ἰδοὺ ἐν ὅλῳ τῷ ἀδανάτῳ καὶ θείῳ κόσμῳ ἐκείνῳ οἶκοι, παλάτια, θάλαμοι, κοιτῶνες, ἰλαστήρια, εὐκτήρια, ναοὶ καὶ ἄλλοι τινὲς ναοὶ ξένοι καὶ φρικωδέστατοι, οἰκοδομαὶ καὶ κτήσεις ἐμπερίγραπτοι καθωρῶντο κατασκευασμένοι μὲν ἐξ ἀστραπημόρφου θείας νεφέλης, περιπεφραγμένοι δὲ καὶ ἀπ' ἀλλήλων διηρημένοι ὑπὸ περιφραγῆς διαχρύσων σταυρῶν ἐξαισίως καὶ θεοπρεπῶς τετορευμένων. Καὶ ἰδοὺ ἐν αὐταῖς ταῖς αἰωνίαις μοναῖς καὶ κατοικίαις τῶν ἁγίων κλῖναι καὶ στρωματὰ διάφοροι καὶ θρόνοι καὶ τὰ λοιπὰ χρειωδέστατα εἶδη πλοῦσια καὶ φρικτοκατασκευάστα ὑπάρχοντα ἡμῖν κατεφαίνοντο. Καὶ ἰδοὺ ἐν αὐτοῖς πᾶσι τοῖς οἴκοις καὶ τόποις κῆποι νοητοὶ, ἀμπελώνες πνευματικοὶ, περίαυλαι καὶ στολαὶ φρικταὶ, δένδρα καὶ φυτὰ ἀθάνατα καὶ αἰεῖζωα, ἀφθαρτόκαρπα ἄνθη καὶ καρποὶ ἐπ' αὐτοῖς ξένης φύσεως, νοῦν καὶ διάνοιαν ἐξιστῶντες καὶ τῇ τῆς μεταλήψεως τούτων τάξει τὴν καρδίαν (φ. 334 ν.) πληροῦντες νοητῆς εὐφροσύνης, ὥστε τὰ περὶ τούτων πάντων εἰ χερουβικόν τις στόμα πλουτήσῃ καὶ γλῶσσαν τῶν Σεραφίμ, οὐδ' οὕτως ἂν ἱκανὸς ἔσται κἂν τὸ πολλοστόν αὐτῶν ἐκδηγήσασθαι καὶ γραφῇ παραδοῦναι. Διένεμεν οὖν ταῦτα πάντα κατὰ ἀναλογίαν τοῖς ἁγίοις ὁ Κύριος, καὶ ἔσχον οὕτοι τὰς τοιαύτας καταπαύσεις ἐν τῇ τῶν πραείων γῆ καὶ ἐν τοῖς ἠδυπνόοις κόλποις αὐτοῖς τοῖς ἀποκληρωθεῖσι τῷ πατριάρχῃ Ἀβραάμ, ὥσπερ εἰ τινα προάστια καὶ μεταβατήρια, ἐν οἷς ἐξερχόμενοι τῆς περιφήμου ἐκείνης καὶ ἐξαισίας πόλεως καὶ ἀλλήλους προσκαλούμενοι, ἐώρταζον πνευμα-

τικὰς ἑορτὰς καὶ ἡγαλλιώντο τῷ πνεύματι καὶ τῇ καρδίᾳ ἠψφραίνοντο πνευματικὴν καὶ ἄληκτον εὐφροσύνην. Ἐν ταύτῃ δὲ τῇ νέᾳ καὶ ἀφθάρτῳ κτίσει οὐκ αἰὼν, οὐ χρόνος, οὐχ ἡμέρα, οὐ νύξ ὅλως γνωρίζεται, οὐ τροπαὶ καὶ ἀλλαγαὶ καιρῶν, οὐ χρεῖα ὑετοῦ ἢ θέρμης ἡλιακῆς ἢ κόπου ἢ πείνης (f. 335 r.) ἢ δίψης ἢ τινος ἄλλου τῶν παρ' ἡμῖν, ἀλλ' αἰεὶ εἰρηναία καὶ ἀστασίαστος καὶ ἄλυπος ὑπάρχει ἐκεῖ διαγωγὴ καὶ ζωὴ αἰώνιος καὶ ἀθάνατος. Ἐκεῖ ἀπέδρα πᾶσα ὀδύνη καὶ λύπη καὶ στεναγμός, καὶ χαρὰ πολιτεύεται καὶ εἰρήνη καὶ εὐφροσύνη καὶ ἡ διηνεκῆς πνευματικὴ ἀγαλλίασις· τῶν γὰρ ἐκ νεκρῶν ἀναστάντων σωματίων ἢ διαφθαρτισθέντων καὶ τῆς νῦν παρ' ἡμῖν οὐσης σαρκικῆς τροφῆς ἀνευδεῶν ἀπάντων γενομένων καὶ ἐκποδῶν πάσης κακίας σὺν τῷ Σατανᾷ καὶ τοῖς δαίμοσιν αὐτοῦ γεγεννημένης, καὶ τῆς καινῆς κτίσεως ἀφθαρσία τιμηθεῖσης καὶ πρὸς κατάλληλον κρᾶσιν τοῖς τοιοῦτοις σώμασι μεταμειφθείσης, οὐκέτι λοιπὸν χρεῖα ὕπνου ἐστίν, ἡ κόπου, ἡ ἐργασίας τινὸς σωματικῆς, ἡ ψύχους, ἡ θέρμης, ἡ τινος ἄλλου τῶν παρ' ἡμῖν χρειωδῶν ἐκεῖσέ ἐστίν, ἀλλὰ φῶς ἀειλαμπές καὶ ἀπόλαυσις πάντων τῶν νοητῶν ἀγαθῶν, καὶ ἑορτὴ καὶ πανήγυρις ἀκατάλυτος καὶ ἀπέραντος (f. 335 v.). Καὶ οἱ ἐν ταύτῃ τῇ μακαριᾷ γῇ καταξωθέντες οἰκεῖν οὐ γηράσκουσιν, οὐ νοσοῦσιν, οὐκ ἐκπτωσιν ἢ παρατροπῆν τῆς οἰκειᾶς διαγωγῆς καὶ καταστάσεως, ἧς ἕλαχον ἕκαστος αὐτῶν, ὑποδέχεται πῶποτε ἢ ὑποπτέει περιπεσεῖν, ἢ θανάτου φόβος παρῆν αὐτοῖς, οὔτε μὲν ἐχθροῦ νοητοῦ ἢ αἰσθητοῦ ἐπιβουλή καὶ ἐπίδεισις, ἢ τις ἄλλη λυπηρὰ ἐπίνοια ἢ σωματικῆς εὐξίας ἢ ψυχικῆς ἀσθενείας περιφορὰ, ἀλλὰ πάντες ὡς οἱ ἐν τῷ οὐρανῷ ἀγγελοι, οὕτω καὶ οἱ ἐπὶ γῆς ἀνθρωποὶ εἰσι καὶ διάγουσι. Καὶ τὸ αὐτὸ ἔργον ἦν ἀμφοτέροις, λέγω δὴ ἀγγέλαις καὶ ἀνθρώποις, τὸδε ἐστίν, τὸ τῶν θείων ὕμνων καὶ τὴν εἰς Θεὸν ἀσίγητον δοξολογίαν ἀδιαλείπτως ἐργάζεσθαι καὶ οὐδὲν τι ἄλλο οὐδαμῶς, καθὼς ὁ ὀδηγῶν με εἰς πάντα τὰ ὀραθέντα μοι ξένα καὶ ὡς ἀληθῶς φρακτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια ἀγγελός μοι διεσάφησε. Πρὸς τοῖς ἄλλοις τοῖνυν θαυμασίοις ἐκεῖσε θεαθεῖσιν ἡμῖν καὶ τοῦτο ἑώρων ἐν τοῖς ἀγίοις, ὅτι ὡς ἐξήρχοντο ἀπὸ τῆς ἀγίας πόλεως ἐπὶ τὰς (f. 336 r.) ἤδη ἀπνεμηθείσας αὐτοῖς σκηνάς, ὡς δεδήλωται, προερχόμενοι παραλαβεῖν αὐτάς, τινὲς μὲν ἐξ αὐτῶν αἰθεροπόροι τὴν ἑδὸν διήνουσιν, τινὲς δὲ τούτων

ποσι βαδίζοντες ἐπὶ τῆς καινῆς ἐκείνης γῆς ἀπήεσαν καὶ αὐτοὶ τὴν ὁδόν.

Τούτων ταιγαροῦν οὕτωςι δεδειγμένων μοι ἐλέει Θεοῦ, ἰδοὺ ἐσάλπισεν ἡ μεγάλη καὶ βασιλικὴ σάλπιγξ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ διὰ τοῦ ἀρχαγγέλου τοῦ εἰς αὐτὸ τοῦτο τεταγμένου, καὶ ἐδονήθη ὑπὸ τοῦ θάμβους καὶ τῆς ἠχῆς αὐτῆς ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ. Καὶ ἰδοὺ ἠνεώχθη κατὰ ἀνατολὰς μεγάλη πύλη τοῦ οὐρανοῦ ἐκείνου, ἣτις ὑπὸ τῶν κυριοτήτων φυλάσσεται, καὶ εἶδομεν ὅτι ἐξῆι ὁ Κύριος ἀπὸ τοῦ θαλάμου καὶ τοῦ νυμφῶνος τῆς δόξης τῆς ἁγιουσύνης αὐτοῦ, ὅλος τῇ αἴγλῃ δεδοξασμένος τῆς θεότητος αὐτοῦ, καὶ ἀνήει ἐν ἰσχύϊ ἐπὶ τὴν ἀνοίγεισαν πύλην τοῦ οὐρανοῦ τῶν νεερῶν πασῶν ἀσωμάτων δυνάμεων μεθ' ὕμνων θεοπρεπῶν πορευομένων (f. 336 v.) καὶ ἐφεπομένων αὐτῷ. Συνανήρχοντο δὲ αὐτῷ καὶ ὅσοι τῶν ἁγίων πτέρυγας δυνατὰς εἰς τοσοῦτον ὕψος ἀρῆθῆναι καὶ πετασθῆναι ἐκέκτηντο, πρὸ πάντων δὲ αὐτῶν ἡ ἀπὸ πασῶν καὶ γενεῶν πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ἐκλεχθεῖσα καὶ ἀφορισθεῖσα παρὰ τοῦ τῶν φώτων Πατρὸς μήτηρ γενέσθαι καὶ τροφὸς τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ αὐτοῦ, ἁγία καὶ κοσμοσέβαστος Θεοτόκος, ἣτις ὡς ἀστραπὴ ὠραιομένη καὶ τῷ Υἱῷ αὐτῆς ἠνωμένη ἀπήρχετο ἅμα τῷ ἐν γεννητοῖς γυναικῶν μεῖζονι καὶ προκρίτῳ ἀγγέλῳ καὶ γηγενῶν, πλὴν τοῦ ἐξ αὐτῆς ἀναλάμψαντος Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ καὶ ταύτης τιμιωτέρας καὶ ἀσυγκρίτως ἐνδοξότερας πασῶν τῶν οὐρανίων ταγμάτων καὶ πάσης ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως κυρίας καὶ δέσποινης, καὶ φθάσαντες τὴν τοῦ οὐρανοῦ ἠνεφγμένην πύλην εἰσέδυσαν πάντες εἰς τὰ ἐνδότερα. Καὶ ἐμοὶ μὲν ἐν τῷ τέως οὐκ ἐδόθη γνῶσις συνέναι ἔνθα δὴ καὶ ὅπου ἐπορεύθησαν καὶ κατέληξαν, ἐν ὑστέροις δὲ (f. 337 r.) εἶρηκε καὶ διεσάφησέ μοι ὁ κατ' ἀρχὰς συνὼν μετ' ἐμοῦ καὶ καθοδηγῶν με εἰς πάντα τὰ ὁραθέντα μοι λέγων, ὅτι εἰς τὴν ἄνω βασιλείαν τῶν οὐρανῶν αὐτοὶ πάντες εἰσέδυσαν. Ἐγὼ δὲ ἔφην πρὸς αὐτόν· Κύριε, καὶ πῶς τινες μὲν τῶν ἁγίων τῷ Κυρίῳ συνανῆλθον εἰς τὴν τῶν οὐρανῶν βασιλείαν, τινὲς δὲ ἐναπέμειναν ἐν τῇ ἐπιγείῳ ζωῇ καὶ βασιλείᾳ ταύτῃ; Ἔφη δὲ κάκεινος πρὸς με, ὅτι ἐκεῖνοι μόνοι τῆς τριαύτης πορείας καὶ διαγωγῆς καὶ δόξης ἠξιώθησαν, ὅσοι δηλαδὴ ἢ διὰ μαρτυρίου τὰ σῶματα αὐτῶν καὶ τὰς ψυχὰς κατέδυσαν διὰ ταύτην τὴν οὐρανῶν

βασιλείαν και μακαρίαν ζώην, ἥ δι' ἐγκρατείας γεννικῆς ἦτοι περιεκτικῆς ἐν γνώσει ἑαυτοὺς λεπτῦναι και καθάραι και εἰς τὸ τῆς τελειότητος μέτρον ἀγαγεῖν ἠγωνίσαντο και εἰς τελείαν ἀπάθειαν πεφθάκασι τῆς σχέσεως και προσπαθείας τῶν γηϊνῶν τελείως ἑαυτοὺς ἐκσπᾶσαντες, και ἔξω·κόσμου τῷ νοὶ γεγονᾶσι και πρὸ τοῦ φυσικοῦ θανάτου τούτῳ ἐκρυσίως (f. 337 v.) προτεθνήκασιν· οὗτοι και συνανῆλθον τῷ Κυρίῳ, ὡς ἑώρακας, και τῆς τῶν οὐρανῶν βασιλείας και τῶν ἐν αὐτῇ αἰωνίων ἀγαθῶν κληρονόμοι ἔσονται, τῆς μακαρίας ζωαρχικῆς Τριάδος ταῖς ἀπροσίτοις ἐλλάμψεσι και θεωρίας αἰεὶ συνόντες και εὐφραϊνόμενοι και ὡς κατὰ χάριν θεοὶ γεγονότες και συμμετοχοὶ και ἀδελφοὶ τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, τῶν ἐπουρανίων και τῶν ἐπιγείων ἀγαθῶν τὴν κυρίαν και μετουσίαν ἔχοντες Ὅσοι δὲ ἐν ἀπολαύσει μόνον τῆς καινῆς κτίσεως ταύτης ἐναπέμειναν, εἰσὶν οἱ ἐν λαϊκῷ σχήματι και νομίμῳ συζυγίᾳ εὐαρεστήσαντες Κυρίῳ τῷ Θεῷ, τὴν τε κοίτην ἀμίαντον διαφυλάξαντες και ἐν εὐποιᾷ πενήτων και ἐλεημοσύνη και προσευχαῖς τὸν ἑαυτῶν βίον εὐσεβῶς και δικαίως διαβίωσαντες, και ὅσοι διὰ δακρύων και μετανοίας εἰλικρινοῦς και καθαρᾶς ἐξομολογήσεως ἑαυτοὺς ἐκάθησαν και ἐν μεδέξει τῶν ἀρετῶν γενόμενοι τῶν σωμάτων ἐχωρίσθησαν, ἐλπίσαντες εἰς τὸν (f. 338 r.) Θεὸν ἀδιστακτως και εἰς τὸ μέγα πέλαγος τῶν αὐτοῦ οἰκιτισμῶν. Οἱ δὲ ἐν τῇ μεγαλοπόλει και νέᾳ Σιών κατοικεῖν κληρωθέντες και ἐν τῷ παραδείσῳ τῆς Ἐδέμ ἀξιωθέντες εἰσὶν οἱ ἀγίως μὲν και εὐσεβῶς τὸν ἑαυτῶν βίον τελέσαντες και ἐν πάσαις ταῖς τοῦ Κυρίου ἐντολαῖς ἀπροσκόπως ὀδεύσαντες και Θεῷ φίλοι, μὴ σπεύσαντες φθάσαι πρὸς αὐτὸν τὸ τῆς τελειότητος μέτρον, ἥς δὴ τὸ ἀκρότατον καταλαβεῖν ἠδυνήθησαν οἱ τὴν οὐρανίαν πορείαν εἰσελάσαντες· διὸ και ἀπέλαβον πάντες ἀναλόγως και ἐπαξίως τοὺς καρποὺς τῶν πόνων αὐτῶν ἐν ἑκατὸν, ἐν ἐξήκοντα και ἐν τριάκοντα κατὰ τὸν ἐν εὐαγγελίῳ λόγον τοῦ Κυρίου.

Τούτων οὕτω σαφῶς ὑπὸ τοῦ τὰ πάντα διευκρινουῦντός μοι δεδιδαγμένων και διαφωτισθέντων μοι, εἶδομεν, και ἰδοὺ αὐθις ὁ Κύριος μετὰ πασῶν τῶν οὐρανίων δειῶν δυνάμεων και πάντων τῶν συναναβάντων αὐτῷ ἀγίων κατήει, και κατέπαυσαν, αὐτός τε και οἱ σὺν αὐτῷ πάντες, εἰς τὰς ἐν τῇ ἀγίᾳ πόλει ἀποκληρώσεις

(f. 338 v.) και θείας δόσεις αὐτοῖς και μονὰς και καταπαύσεις. Ἦσαν δὲ πάντες οἱ συγκατελθόντες τῷ Κυρίῳ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ ἄγιοι οὐχ ὡς οἱ ἐναπομείναντες κάτω, ἀλλὰ λίαν ὑπὲρ αὐτοὺς δεδοξασμένοι και ἐκλελαμπρυσμένοι, ἀφωμοιωμένοι τῷ Ἰῶ τοῦ Θεοῦ ὡς ἀπὸ τῆς τελεσθείσης ἐν τῷ οὐρανῷ φρικτῆς και θείας μυσταγωγίας, καθ' ὃν τρόπον και κάτω ἐν τῇ νέᾳ Ἱερουσαλήμ ὑπερδοξασθέντες ἀρρήτως και θεωθέντες. Καὶ ἦν ἐν μέσῳ αὐτῶν πᾶσα ἡδονή, πᾶσα χαρὰ, πᾶσα εὐφροσύνη και ἀγαλλίασις πνευματικῆ, αἰδίως ἐορταζόντων και εὐφραينوμένων και ἀπὸ δόξης εἰς δόξαν μεταβαινόντων, τῆς ἐπιγείου δηλαδὴ πρὸς τὴν ἐπουράνιον, και τὸ δὴ μείζον πάντων, συνόντων αἰεὶ τῷ Κυρίῳ και τῇ μύσει και ἐνὸν ἐκάστῳ καταλήπει τῆς ἀγίας και ζωαρχικῆς και παντουργοῦ Τριάδος Θεουμένου, και υἱῶν υἱίστου και θεῶν και βασιλέων πάντων ἀποδεικνυμένων και τελειομένων.

Μετὰ δὲ τὸ ταῦτα πάντα τὰ φρικτὰ και ἐξαισία μυστήρια τὰ και ὡς ἀληθῶς ἀκοῆ ἀνθρώπων ἀνή(f. 339 γ.)κουστα και ἑφθαλμῷ αἰσθητῷ και φθαρτῷ ἀθέατα και νῶ ἀκατάληπτα εὐδοκία και χάριτι Θεοῦ τοῦ τὰ πάντα βραδίως περαίνοντος διὰ τῶν τιμίων εὐχῶν τοῦ ὁσίου και γησίου αὐτοῦ θεράποντος και ἀγίου μου πατρὸς Βασιλείου ἰδεασάμην, παρεληφώς με ὁ ὁδηγῶν με εἰς ταῦτα πάντα θεῖος και ὡς ἀληθῶς ἐκεῖνος θεοειδῆς νεανίας, τῷ φοβερῷ και ἀστείκτῳ θρόνῳ τοῦ Κυρίου παρέστηκε, και προσσχῶν τῇ διανοίᾳ εἶδον· και ἰδοὺ χίλια χιλιάδες και μύριαι μυριάδες ἀγγέλων και ἀρχαγγέλων κύκλῳ αὐτοῦ παρειστήκεισαν και Χερουβίμ και Σεραφίμ ἐξαπτέρυγά τε και πολυόμματα κατεκάλυπτον τὰ πρόσωπα αὐτῶν και τρισαγίῳ μελωδήματι τὴν τρισπόστατον ὕμνον θεότητα. Ἔτι προσσχῶν τεθέαμαι, και ἰδοὺ πλησίον τοῦ φρικτωδεστάτου ἐκείνου θρόνου τοῦ βασιλέως βασίλισσά τις παρίστατο, φρικτὴν και ἐξαισίαν και πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν τὴν εὐπρέπειαν ἔχουσα, διαδήματι βασιλι(f. 339 v.)κῷ θεουργικῶς κατασκευασθέντι κεκοσμημένῃ και στεφάνῳ ἀσυγκρίτῳ κάλλει διαλάμποντι ἐστεμμένη τὴν κορυφὴν, και σὺν αὐτῇ παρίστανται και ἄλλαι πλείσται βασίλισσαι παραπλησίως κεκοσμημέναι ταύτης, και νεφέλη φωτεινὴ τὸν φρικτὸν ἐκεῖνον ἐπεσχίαζεν θρόνον. Καὶ ἰδοὺ ἐδόκει πρὸς ἡμᾶς ἀτενίζων ὁ

Κύριος τῶ πανημέρω και προσηνεὶ αὐτοῦ προσβλέμματι πρὸς ἑαυτὸν ἐκκαλεῖσθαι κατελθόντας ἀφ' οὔπερ ἤμεν ἰστάμενοι ὑψηλοτάτου και οὐρανομήκους ἐκείνου σκοποῦ και τὰ φρικτὰ ἐκεῖνα κατασκοπεύοντας θεάματα. Και ἰδοὺ εὐθέως ὠράθημεν φρικτῶς ἀρπαγέντες ἀφ' οὔπερ ἰστάμεθα τόπου, κατελθόντες, ὡς εἴρηται, τοῦ φρικωδεστάτου ἐκείνου σκοποῦ πλησίον τῶν ἀχράντων αὐτοῦ ποδῶν κείμενοι, και αὐτὸς κειμένοις ἡμῖν κατὰ πρόσωπον τῆς αὐτοῦ μεγαλωσύνης ἐν φόβῳ πολλῷ και τρόμῳ τοιάδε φησὶν ἐν πραεῖα και μελιρρῦτῳ θείᾳ φωνῇ· Ἰδοὺ, Γρηγόριε, πεπλή(φ. 340 γ.)ρωκά σου τὴν ἐπιθυμίαν, ἰδοὺ πάντα ἐσκιογράφησά σοι τὰ μέλλοντα και ὑπέδειξά σοι κατὰ μιᾶς πίστεως και θρησκείας και αἰρέσεως τὰς ἀμοιβὰς και τὰ ἔπαθλα και τὰς ἀντιδόσεις, λέγω δὴ τὰς τῶν εἰς ἐμὲ καθαρῶς πιστευόντων και τὰς ἐντολὰς μου ἀπαρატρώτους φυλασσόντων καταπαύσεις και κατασκηνώσεις, και τῶν ἐμὲ μισούντων και ἀρνούμενων αἰώνιους κολάσεις και ἀτελευτήτους τιμωρίας, ταῖς τοῦ ἐμοῦ θεράποντος Βασιλείου εὐπροσδέκτοις ὑπὲρ σου δυσωπηθεῖσι προσευχαῖς· και δέδειχά σοι κωνηροὺς λογισμοὺς βαλλομένῳ περὶ τῶν ἐπαράτων Ἰουδαίων πληροφορηθῆναι, ὅτι κενὴ και μάτην αὐτῶν ἐστὶν ἡ εἰς τὸν νόμον λατρεία, ὁ γὰρ μὴ τιμῶν τὸν Υἱὸν οὐ τιμᾷ τὸν Πατέρα, κἄν τὸ αἷμα αὐτοῦ χύσῃ ὑπὲρ τοῦ Πατρὸς, ὁ δὲ ἀγαπῶν τὸν Υἱὸν δηλονότι ἀγαπᾷ και τὸν Πατέρα, και υἱὸς τοῦ Πατρὸς και αὐτὸς κατὰ μέθεξιν γίνεται. Εἶδες γὰρ αὐτὸς οἰκείους ὀφθαλμοῖς και ἰδεάσω ἄς αὐ(φ. 340 ν.)τοὶ ἑαυτοῖς ἠτοίμασαν σκηνώσεις και καταπαύσεις, εἰς ἄς μέλλουσι δικαίως κληρονομεῖσθαι ἐμὲ μὴ δεξάμενο· και περὶ τούτων μὲν ἀρκοῦντως οἶδα πληροφορηθῆναί σε οἷς ἤκουσας και ἐμυθήθης και οἷς πρὸς αὐτοὺς Μωϋσῆς ὁ ἐκλεκτός μου λελάληκεν. Εἰ δὲ και ἐπι θέλεις ἀκοῦσαι παρ' ἐμοῦ τι περὶ τούτων, ἐρῶ σοι· ὡς εἰ τις εἰς ἐμὲ οὐ πιστεύσει και τῷ ἀγίῳ μου εὐαγγελίῳ οὐκ ἐπακολουθήσει και τὰς ἐντολὰς μου οὐ φυλάξει, οὐ ζήσεται εἰς τὸν αἰῶνα και βδελυκτός ἐσται παρὰ τῷ Πατρὶ μου, και μάλιστα ὃ δοκεῖ ὑπεῖκειν και λατρεύειν και παρ' ἐμοί, και υἱὸς γεέννης εὐρεθήσεται κἄν πᾶσαν ἄλλην ὑπὲρ ἀνθρωπον πολιτείαν ἐνδείξηται και ὑπερφυεῖς κόπους ἐκτελέσῃ· πάντες γὰρ οἱ μὴ διὰ τῆς θύρας τοῦ εὐαγγελίου μου τοῦ θείου και σεπτοῦ εἰσερχόμενοι κλέπται εἰσὶ και λησται, καθὼς αὐτοὺς εὐαγγελισάμην, ἐγὼ

γάρ και ὁ Πατήρ ἐν ἴσμεν, και ὁ ἐμὲ μισῶν κάκεινον μισεῖ. Πρὸ γάρ τῆς ἐνσάρκου ἐπὶ γῆς παρουσίας μου καλή και δε(φ. 341 γ.)κτή ἦν ἡ νομικὴ αὐτῶν λατρεία κάμοι και τῷ Πατρί μου, ὅτε δὲ εὐδόκησεν ὁ Πατήρ συνεργίᾳ τοῦ ἁγίου Πνεύματος ἐν τῷ κόσμῳ με παραγενέσθαι και σάρκα λαβεῖν και τέλειον ἄνθρωπον ἀναφανῆναι, πλήν τῆς ἀμαρτίας, μὴ ἐκστάντα ὅλως τῆς πατρῴας δόξης μου, ἀλλὰ τέλειον μείναντα Θεόν και τέλειον ὑπάρχοντα ἄνθρωπον ἐν δυσὶ τελείαις φύσεσι, θελήσεσί τε και ἐνεργεῖαις γνωριζόμενον, τότε ἐνσκηνώσας ἀρρήτως ἐν τῇ τῆς παναμώμου και ἀειπαρθένου μητρός μου γαστρὶ και σάρκα ἐξ αὐτῆς δανεισάμενος και ἀνθρωποπρεπῶς ἐξ αὐτῆς γεννηθεὶς και θαύματα μυρία και ἔργα ἐν αὐτοῖς ποιήσας, ἃ οὐδεὶς ἄλλος πεποίηκε, και ὑποδείξας αὐτοῖς τὴν εἰς τὴν οὐρανίαν βασιλείαν ἀπάγουσαν ὁδὸν και πάντα τὰ τοῦ νόμου, ὡς νόμου ποιητῆς και δεσπότης, ποιήσας και τελέσας και καινήν φύσιν και λατρείαν τοῖς εἰς ἐμὲ πιστεύουσιν παραδούς, κατέπαυσα πάντα τὰ νόμιμα, διὸ και πάσα ἡ νομικὴ αἰ(φ. 341 ν.)τῶν λατρεία και θυσία βδελυκτὴ ἐστι κάμοι και τῷ Πατρί μου ὑφ' ᾧ και σταυρωθεὶς και εἰς ἄδου κατελθὼν ταμεῖα διὰ τὸ τὸν ἐκεῖσε κατεχόμενον τῇ παραβάσει πρωτόπλαστον ἄνθρωπον και τοὺς ἐξ αὐτοῦ πάντας κεκρατημένους τῇ φθορᾷ ἐξάξει και ἐλευθερώσει ἐκ τῶν τοῦ ἄδου και θανάτου δεσμῶν, μεθ' ὧν τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐξαναστάς και τοὺς ἐμοῦ μαθητὰς και ἀποστόλους ἐξαποστείλας εἰς πάντα τὰ ἔθνη κηρύξει τὴν ἐπὶ γῆς ἐνσάρκον παρουσίαν μου και τοὺς εἰς ἐμὲ πιστεύοντας βαπτίσει ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Πατρὸς και τοῦ Υἱοῦ και τοῦ ἁγίου Πνεύματος. Ἐκτοτε και μέχρι τοῦ νῦν οὐ διέλειπον οἱ θεοστυγεῖς οὗτοι και μεμισημένοι υἱοὶ τῆς ἀπωλείας, ὕβρεσι και μώμοις και βλασφημίαις βάλλοντες και ἐμὲ και τὸν Πατέρα μου, κἄν δοκῶσι τὰ νόμιμα φυλάττειν και τὸν Πατέρα τιμᾶν ἐπεὶ ἐγὼ και ὁ Πατήρ ἐν ἴσμεν και ὁ ἑωρακὼς ἐμὲ εἴωρακε τὸν Πατέρα και ὅτι τὰ ἀλλόφυλα ἔθνη, τὰ μηδέποτε μηδαμῶς περὶ ἐμοῦ λόγον ἀκούσαν(φ. 342 γ.)τα, πεπιστεύκασιν εἰς ἐμὲ και υἱοὶ και κληρονόμοι τῆς βασιλείας γεγόνασιν, οὗτοι δὲ τὸν νόμον και τοὺς προφῆτας ἔχοντες και ὑπ' αὐτῶν αἰεὶ διδασκόμενοι τὰ περὶ ἐμοῦ οὐ συνῆκαν οὐδὲ πεπίστευκαν, διὰ τοῦτο ἐν αἰς εἴωρακας κολάσει ἐμβληθήσονται, ἵνα σὺν τῷ πατρὶ αὐτῶν τῷ Σατανᾷ αἰωνίαν ἔξουσι

τὴν τιμωρίαν. Σὺ δὲ σύνες περὶ πάντων, ὧν ἑώρακας, καὶ ἀνάγγειλον ταῦτα πάντα ταῖς ἐκκλησίαις μου ἃ τοῖς ὀφθαλμοῖς σου ἑώρακας καὶ ἤκουσας παρ' ἐμοῦ, καὶ εὖ σοι γενήσεται· εὐφρανεῖς γὰρ καὶ οἰκοδομήσεις πάντας τοὺς πιστῶς ταῦτα ἀκούοντας καὶ πρὸς σωτηρίαν καθοδηγήσεις· διὰ γὰρ τοῦτο εὐδόκησα ὑποδεχθῆναί σοι ταῦτα πάντα, ἵνα καὶ σὺ ἐκ τούτων μεγάλως ὠφελῆθῃς καὶ ἄλλους ὠφελῆσεις, καὶ ἐμπορεύσει δι' αὐτῶν πολυπλασιάσεις τὸ ἐμπιστευθέν σοι ταῦτο τάλαντον· πολλοὶ γὰρ, ὡς εἴρηται, ταῦτα ἀκούσαντες, γνώμης εὐθύτητι καὶ καρδίας ἀπλότητι λίαν ὠφεληθήσονται.

Ἐγὼ δὲ κείμενος πρὸ τῶν ἀχράν(φ. 342 ν.)των ποδῶν αὐτοῦ ἔρην πρὸς αὐτὸν φόβῳ καὶ τρόμφῳ βαλλόμενος αἴφνης ὡς ὑπὸ τινος θειοτέρας δυνάμεως τοῦ ῥυπαροῦ καὶ βεβήλου μου στόματος ἀνοιγέντος· Καὶ πῶς ἄρα ἔσται μοι δυνατόν, ὡ δέσποτα παντοκράτορ, ταῦτα πάντα τὰ φρικτὰ καὶ παράδοξα μυστήρια τῆς σῆς βασιλείας τὰ καὶ αὐτοῖς ἀγγέλοις ἀκατάληπτα καὶ ἀνέφραστα νοὶ μὴ καθαρῶ καταλήψεσθαι καὶ χεῖλεσι μυσταροῖς καὶ βεβήλοις ἀναγγελεῖν καὶ ἐκδηγήσεσθαι, κἂν στόμα χερουβικόν καὶ νοῦν τῶν Σεραφίμ δώῃς μοι; Ἐλεγον δὲ ταῦτα φρίκη πολλῇ καὶ ἀγωνίᾳ, ὡς εἴρηται, συνεχόμενος, καὶ μικροῦ δεῖν τεθνήξεσθαι ἐμελλον, εἰ μὴ προδήλως ἡ ἐκείνου με θεία δύναμις ἐνίσχυσέ τε καὶ ἀνεζώωσε καὶ τῷ ῥυπῶδει νοῖ μου λόγον ἐπεχάρισατο εἰς τὸ λέξαι πρὸς αὐτὸν τοιαῦτα· εἰ γὰρ μὴ οὕτως, πῶς ἂν ἐτόλμησα τοιοῦτον τι προπετῶς φθέγεσθαι; Ὁ δὲ Κύριος αὐδὸς εἶρηκε πρὸς με· Οἶδα κἀγὼ τοῦτο, ἀλλὰ τὸ παρά σοι ἀδύνατον, παρ' ἐμοὶ βου(φ. 343 γ.)λομένῳ λίαν ἐστὶ ῥᾶον καὶ δυνατόν, ὅθεν καὶ σκηνώσει σοι ἡ χάρις μου καὶ δώσει σοι δύναιμι καὶ γνώσιν εἰς τὸ καταλαβεῖν ταῦτα πάντα, ἅπερ τεθέασαι καὶ ἅπερ παρ' ἐμοῦ ἀκήκοας, καὶ ἐκδηγήσεσθαι αὐτὰ ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ παντὶ τῶ λαῶ μου· καὶ μακάριός ἐστιν ὃς πιστῶς καὶ ἀπεριέργως ὑποδέχεται ταῦτα καὶ σπουδάσει ἐπι ὧν ἐν τῷ βραχεῖ καὶ ματαίῳ ἐκείνῳ κόσμῳ ἐκφυγεῖν μὲν τὰ τοῖς ἀμαρτωλοῖς ἀποκείμενα ὡδε χαλεπὰ καὶ αἰώνια κολαστήρια, κληρονομήσαι δὲ τὰ τοῖς δικαίοις ἀθάνατα καὶ αἰῖζωα ἀγαθὰ. Οὐαὶ δὲ τῷ πονηρευομένῳ ἐν αὐτοῖς καὶ ἀπιστοῦντι ταῦτα, ὅτι κλῆρος ἡ μερίς ἐν τοῖς σωζομένοις οὐκ ἔστιν αὐτῶ· ὅσοι γὰρ υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν πεφύκασιν, ὧν καὶ τὰ ὀνόματα ἐν βίβλῳ

ζωῆς ἐνεγράφησαν, ἐκεῖνοι καὶ δέξονται ταῦτα μεθ' ἡδονῆς καὶ κατανύξεως καὶ οὐδαμῶς διστασοῦσι, ἀλλ' εἰσακούσονται (f. 343 v.) σου καὶ εὐμενῶς καὶ προσηνῶς εὐφραυνόμενοι περὶ τούτων ἐξηγουμένου αὐτοῖς, καὶ ἀσπασίως καὶ φιλοπόνως ταῦτα γεγραφότες καὶ τοῖς ἄλλοις μεταδώσουσι καὶ συνήσουσι πάντες καὶ ὠφεληθήσονται ἐξ αὐτῶν καὶ σπουδάσουσι τῇ ἐλλάμψει αὐτῶν πορευθῆναι καὶ καταντῆσαι εἰς ἃ κατείδες αἰῶνια ἀγαθά· διότι ἐγὼ ἐν αὐτοῖς εἰμί καὶ αὐτοὶ ἐν ἐμοί· οἱ δὲ ἀπηλλοτριωμένοι τῆς ζωῆς ἀπὸ μητέρας καὶ πεπλανημένοι τῆς εὐθείας τῶν προσταγμάτων μου ὁδοῦ, τυφλοὶ, κωφοὶ καὶ σκληροκαρδιοὶ, υἱοὶ καὶ κληρονόμοι τῆς ἀπωλείας, ὧν ἐν ταῖς καρδίαις κατοκεῖ σπέρμα φθορᾶς τοῦ ἀνθρωποκτόνου Σαταῦν, συνδεδεμένοι καὶ συμπεριφερόμενοι ταῖς ἁμαρτίαις καὶ σαρκικαῖς ἡδοναῖς καὶ ματαιαῖς ἀπάταις τοῦ κόσμου ὀλοσχερῶς κεκρατημένοι, οὗτοι μόνοι ταῦτα ἀκούσαντες ὡς λῆρον ἠγήσονται καὶ ἐγγελάσονται καὶ καταμωκῆσονται κληρονομούμενοι, καὶ ἐροῦσι· Τίς ἐστὶν οὗτος ὁ εἰκαιομύθης καὶ (f. 344 r.) σπερμολόγος, ὁ τῶν τοιούτων καὶ τηλικούτων πραγμάτων ἀποκρύφω τε καὶ ἀρρήτων μνήσεων τὴν ξένην τε καὶ ἀπόρρητον καὶ πάντα νοῦν ὑπερέχουσαν δῆλωσιν καὶ ἀποκάλυψιν δεξάμενος, περὶ ὧν οὐδεὶς ἡμῖν τῶν ἀπ' αἰῶνος ἀγίων καὶ θεολόπτων προφητῶν οὕτως, ὡς οὗτος, πώποτε διετράνωσε καὶ δεδήλωκε; μὴ κρείττων οὗτος ἐστὶ Μωυσέως τοῦ θεόπτου, ἢ Ἡλίου τε καὶ Δανιὴλ καὶ Ἡσαίου τῶν ἐξοχωτάτων προφήτων, ἢ τῶν ἐν τῇ Νεῇ διαθήκῃ διαλαμφάντων προκρίτων μαθητῶν τοῦ Κυρίου, Πέτρου καὶ Παύλου καὶ τῶν λοιπῶν, λέγω τῶν θεοφόρων πατρῶν καὶ οἰκουμενικῶν διδασκάλων; Εἰ οὖν οὐδεὶς ἐκείνων τοιούτον τι ἡμᾶς ἐδίδαξε καὶ ἐκδήλωσε ἢ ἀπεκάλυψεν ἡμῖν, τίς ἄρα οὗτός ἐστιν ὁ ὑπὲρ ἐκείνων τὴν τῶν τοιούτων ἀποκρύφων μυστηρίων δῆλωσιν μυηθεὶς καὶ τοιαῦτα ἡμᾶς ἐκδιδάσκων, ἃ μέχρι τοῦ νῦν εἰς ἀκοὴν ὠτίου οὐδεὶς τῶν βροτῶν ἀκήκοεν; Ὅθεν καὶ πολυπραγμονήσουσι τὰ ῥήματα τῶν λέξεών σου καὶ διασύρουσι καὶ ὡς ὕδλους καὶ μί(f. 344 v.)θους γραῶν ἠγήσονται· ἀλλὰ σὺ διὰ ταῦτα πρὸς τὴν ἐξήγησιν μὴ ὀκλάσης τῶν δηλωθέντων σοὶ καὶ λεχθέντων παρ' ἐμοῦ, ἀλλ' ἀκριβῶς ἃ τεθέακας καὶ ἀκήκοας διήγησαι ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ εἰπέ πᾶσι τοῖς προεστῶσι τούτων, λέγω δὴ τοῖς πρώτου βαθμοῦ οὔσι καὶ τοῦ μέσου καὶ τοῦ τελευταίου καὶ ἄχρι τῶν ἐσχάτων

τοῦ κλήρου ὅτι τάδε λέγει Κύριος· Ἴδου ἐγὼ παραγίνομαι καὶ ὁ μισθός μου ἅμα ἐμοί, καὶ αἱ ἡμέραι ἐγγύς τῆς ἐμῆς πρὸς ἡμᾶς δευτέρας ἐλεύσεως, καὶ μακάριοί ἐστε ἐὰν ἐτοιμοὺς καὶ γρηγοροῦντας εὐρήσω ὑμᾶς. Ἴδου ἐγὼ ἐντέλλομαι ὑμῖν· προσέχετε ἑαυτοῖς καὶ τῇ ποιμνῇ ὑμῶν, ὅπως ταύτην καλῶς ποιμαίνοντες καὶ διυθύνοντες ἐπὶ νομῆς τῶν προσταγμάτων μου εἰς τὴν μάνδραν τῆς νέας Σιών ταύτην ἀποθησαυρίσετε καὶ ἔξετε μισθὸν ἐν οὐρανοῖς τῶν πόνων ὑμῶν· μακάρισι γὰρ ἐστε καὶ τρισμακάριοι, εἰ ψυχὰς ὁδηγεῖτε πρὸς σωτηρίαν, οὐαὶ δὲ ὑμῖν, ἐὰν μὴ καλῶς ποιμανεῖτε τὰς ἐκκλησίας καὶ τὰ ποιμνία μου ἃς ὑμῖν ἐμπεπίστευκα καὶ δι' ἃ τὸ αἷμά μου τὸ ἅγιον ἐξέχεα (f. 345 r.). Ἴδου ἐτι ἄπαξ μαρτύρομαι καὶ προλέγω ὑμῖν κηδόμενος ὑμῶν ἵνα μὴ ἀμελήσητε καὶ οὐ σπεύσητε εἰς οἰκοδομὴν καὶ σωτηρίαν τοῦ ποιμνίου καὶ τοῦ λαοῦ μου εἰς αὐξησιν καὶ προκοπὴν τῶν ἐκκλησιῶν μου, ἀλλ' εἰς ἐτέρας αἰσχροκερδεῖς καὶ ματαιὰς ἀσχολήσεις ἑαυτοὺς ἐκδόσετε, πλατύνοντες τὰ φυλακτήρια καὶ μεγαλύνοντες τὰ κράσπεδα τῶν ἱματίων ὑμῶν καὶ τὸ χρυσίον καὶ τὸ ἀργύριον θησαυρίζοντες· τὸ αἷμα τοῦ λαοῦ μου τοῦ ἐξ ἀμελείας ὑμετέρας ἀπολυμένου ἐκ τῶν χειρῶν ὑμῶν ἐκζητήσω καὶ ἀπὸ τῶν ψυχῶν ὑμῶν τὰς ψυχὰς αὐτῶν ἀπαιτήσω ὅτε ἐλεύσομαι κρῖναι πᾶσαν τὴν γῆν· οὐ γὰρ ἔνεκεν αἰσχροκερδεῖας ὑμῖν τὰς ἐκκλησίας μου ἐμπεπίστευκα καὶ πάντα τὸν λαόν μου, ἵνα συνάξητε ἄγυρα καὶ κονιορτὸν εἰς ἀποθήκας, ἀλλ' ἵνα σπεύδητε καὶ ἰατρεύητε καὶ περιποιῆσθε τὰ ψυχικῶς νοσοῦντά μου πρόβατα.

Εἰπέ δὲ ταῦτα καὶ τοῖς τῶν ἀσκητηρίων μου προεστῶσι καὶ μοναστηρίων καὶ διαμάρτυ(f. 345 v.)ραι αὐτοῖς· Ἴδου ἐγὼ, λέγει Κύριος, καὶ οὐ θέλω τὸν θάνατον τῶν ἁμαρτωλῶν, διὰ τοῦτο προλέγω πᾶσιν ὑμῖν, ὡς ἂν ἀνέγκληται εὐρεθῆτε ἐν τῇ ἡδῇ ἐγγιζούσῃ παρουσίᾳ μου, καὶ εἰσάξω πάντας ὑμᾶς εἰς τὴν βασιλείαν μου εἰ καλῶς ποιμανεῖτε ἕκαστος ἃς παρ' ἐμοῦ ἐνεπιστεύθητε ψυχὰς. Ἴδου γὰρ ἡ βασιλεία μου ἐτοιμῆ, ἰδοὺ τὰ ἀγαθὰ μου ἀπηρτισμένα, ἰδοὺ ἀνεωγμένος ὁ νυμφῶν μου καὶ ἔτοιμος ὁ γάμος, αἱ παστοῦδες εὐπρεπεῖς, τὰ σιτιστά μου πάντα καὶ τὰ ἄριστα πεπλήθουνται σφόδρα δεόμενα πολλῶν τῶν μελλόντων αὐτῶν ἀπολαύειν· ὁ τοῦ νυμφῶνός μου χώρος πλατύς καὶ ὑπερμεγέθης δεόμενος δαιτυμόνων πολλῶν· ἡ πόλις

μου μεγάλη και εύρύχωρος ικανή χωρῆσαι πάντας ὑμᾶς· τὰ ἀγαθά μου μέτρον οὐκ ἔχει, αἱ στρατιαὶ τῶν ἀγγέλων καὶ πασῶν τῶν οὐρανίων δυνάμεων ἴστανται ἀδουσαι καὶ τὴν πάντων ἀνάπαυσιν καὶ κλῆσιν ἀναμένουσαι· ὁ παράδεισος ἀνεωφγμένος ἔστηκεν ὑμᾶς ἐκδεχόμενος. Δεῦτε πάντες οἱ κοπι(φ. 346 γ.)ῶντες, καὶ γὰρ ἀπαπαύσω ὑμᾶς· μηδεὶς ἀπολειφθῆ, μηδεὶς βραδύνη, ὄξυποθήσατε, δράμετε, σπεύσατε, μήπως κλεισθῆ ὑμῖν ἡ θύρα τοῦ νυμφῶνος διὰ τὴν ἀμέλειαν καὶ νωθρότητα ὑμῶν, μικρὸν γὰρ ὅσον ὅπου ἐπιλήψασθε τῶν πόνων καὶ ἰδρώτων καὶ ἀρετῶν ὑμῶν τοὺς καρπούς· μηδεὶς οὖν ῥαθυμῆσας καὶ ἀπονυστάσας ἔξω μείνη· ὁρᾶτε καὶ συνίετε· ἰδοὺ προσκαλοῦμαι πάντας, μὴ ἀποκλείσω ὑμᾶς ἔξω τῆς θύρας τῆς βασιλείας μου διὰ τὴν σκνιφίαν καὶ ἀσπλαγχνίαν καὶ φιληδονίαν ὑμῶν· προσέχετε τοιγαροῦν ἑαυτοὺς, προσέχετε καὶ τὰς ἐμπιστευθείσας ὑμῖν ψυχὰς, ἵνα μὴ ἀποθησαυρίσητε ἑαυτοὺς ὑλὴν τῶ ἀιωνίῳ πυρὶ. Ἰδοὺ γὰρ ἐγὼ κρινῶ τοὺς ἱερεῖς τοὺς μικροὺς μετὰ τῶν μεγάλων καὶ ἐκδικήσω καὶ ἀνταποδώσω αὐτοῖς, ἀνθ' ὧν οὐ διδάσκει ἕκαστος τὰς ἐμπιστευθείσας αὐτῷ ψυχὰς δι' ἔργων εὐαρέστων καὶ λόγων ψυχωφελῶν καὶ δογματῶν ὀρθῶν. Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ Υἱὸς καὶ Λόγος τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρός, ὁ ἐπὶ (φ. 346 ν.) Ποντίου Πιλάτου σταυρωθεὶς καὶ τῷ ἰδίῳ αἵματι ἐξαγοράσας πάντας ὑμᾶς, αὐτὸς λέγω ὑμῖν ταῦτα, ὥστε διδάσκειν ὑμᾶς διὰ τε τοῦ ἀμέμπτου βίου ὑμῶν καὶ τοῦ ὀρθοῦ λόγου πάντα τὸν ἐφ' ὑμᾶς λαόν μου τὴν ὁδὸν τῆς σωτηρίας, καὶ ῥύεσθαι αὐτοὺς ἀπὸ τοῦ φάρυγγος τοῦ νοητοῦ λύκου· καὶ ἐάν οὕτω ποιῆτε, μακάριοί ἐστε, εἰ δὲ μὴ, πάλιν λέγω ὑμῖν, ὅτι τὰς ἐξ ὑμετέρων αἰτίας ὀλλυμένας ψυχὰς ἀπὸ τῶν ψυχῶν ὑμῶν ἐκζητήσω.

Καὶ ταῦτα μὲν ἔρεις πάντα τοῖς τῶν ἐκκλησιῶν μου προεστῶσι, καθὼς προείρηκά σοι, τοῦ τε ἱερατικοῦ τάγματος καὶ τοῦ μοναχικοῦ καὶ πᾶσι τοῖς ἡγεμόσι καὶ ἄρχουσι καὶ πάσῃ τῇ ἐκλογᾷ τοῦ κληροῦ καὶ τοῦ λαοῦ μου, τοῖς δὲ ἀμαρτίαις παντοίαις συνεχομένοις καὶ πτώμα κειμένοις χάλεπὸν τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ καὶ πᾶσι τοῖς ἀπεγνωσμένοις ἀπὸ ἀδεμιτοπραξίας τοῦ πολλοῦ βάρους καὶ βορβόρου τῶν ἡδονῶν αὐτῶν καὶ μὴ δυναμένοις (φ. 347 γ.) ἀνανεῦσαι καὶ αἰτήσασθαι περὶ ἀφέσεως ἀμαρτιῶν τοῦ λαβεῖν πρὸ τελευταίας αὐτῶν ἀφῆσιν τούτων, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ παντὶ τῷ λαῷ ταῦτα ἔρεις·

Τάδε λέγει Κύριος· Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος ὁ Θεός οὐ βούλομαι τὸν θάνατον τοῦ ἁμαρτωλοῦ ὡς τὸ ἐπιστρέψαι καὶ ζῆν αὐτόν· ἐξεγέρθητε οὖν, ἐξεγέρθητε, ἁμαρτωλοὶ καὶ ταπεινοὶ, καὶ ἐνωτίσασθε τὰ ῥήματά μου, μὴ ἀπογινώσκητε τῆς σφῶν σωτηρίας φοβούμενοι εἰς τὰ πλήρη τῶν ἁμαρτιῶν ὑμῶν ἀποβλέποντες, ὅτι ἐγὼ ἀγαθός εἰμι· δεῦτε ἐξανάστητε διὰ τῆς καλῆς ὑμῶν μετανοίας καὶ ἐξομολογήσασθε, κλαύσατε μετανοοῦντες ἐφ' οἷς ἐσφάλητε, μεταδοῦτε τοῖς δεομένοις ἀπὸ τῶν παρ' ἐμοῦ δοθέντων ὑμῖν, ἄφετε τοῖς εἰς ὑμᾶς πλημμελήσασι, παύσατε τοῦ λοιποῦ ἀπὸ τῶν πονηριῶν ὑμῶν, σχολάσατε τῇ προσευχῇ καὶ τῇ δεήσει, καὶ ἐὰν οὕτω ποιῶντες τὸν βίον ὑμῶν ὑπεξέλθητε, καὶ ἐγὼ Κύριος ὁ Θεός ἀσμένως καὶ περιχαρῶς πάντας εἰσδέξομαι καὶ ἐλεή(φ. 347 v.)σω ὑμᾶς, καὶ οὐ μόνον ἀφήσω ὑμῖν πάντα τὰ παραπτώματα ὑμῶν καὶ τὰ ἀνομήματα, ἀλλὰ καὶ στολὴν ἀφθαρσίας καὶ δικαιοσύνης ἐνδύσω ὑμᾶς καὶ εἰσάξω πάντας εἰς τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν ἀπὸ καταβολῆς κόσμου, ἐν τῇ τάξει τῶν οὐρανίων δυνάμεων καὶ τῶν ἀπόρρητων ἀγαθῶν μου ἐμπλήσω ὑμᾶς, μόνον ἀνάστητε τῶν παθῶν ὑμῶν καὶ εἰσέλθετε εἰς μετάνοιαν· ἐξομολογήσασθε ἀλλήλοις τὰ ἐκ νεότητος ὑμῶν ἁμαρτήματα, μὴ διὰ πρόσκαιρον ἡδονῆς χαλεπῆς ἁμαρτίαν ἐκπεσεῖτε τῶν αἰωνίων μου ἀγαθῶν, μὴ ἀρπάσῃ ὑμᾶς ἀμετανοήτους ὁ θάνατος καὶ συναποθάνητε καὶ συντελεσθῆτε ταῖς ἁμαρτίαις ὑμῶν· ἡ γὰρ εἰς ἐμὲ πίστις ὑμῶν χωρὶς τῶν ἔργων αὐτῆς οὐδὲν ὠφελῆσει ὑμᾶς ἐν τῇ κρίσει μου, ἐπεὶ δίκαιός εἰμι καὶ δικαιοσύνας ἀγαπῶ, καὶ ἡ φιλανθρωπία μου καὶ τὸ ἔλεός μου ἐπὶ τοὺς ἁμαρτωλοὺς ἐκκέχεται, καὶ τὰ σπλάγγνα μου ἀνευγμένα εἰσὶν ἐπ' αὐτοὺς καὶ μάλιστα πολλῶ πλείον ἐπὶ τοῖς ὀρθοδόξως πιστεύουσιν εἰς ἐμὲ, δι' οὓς καὶ ἐνηνθρώπησα (φ. 348 r.), δι' οὓς καὶ ἐσταυρώθην, δι' οὓς καὶ ἀνήκεστα πάθη ὑπὸ τῶν ἀπειθῶν Ἰουδαίων μακροθύμως ὑπέμεινα. Πλὴν ἐν τῷ παρόντι βίῳ ταῦτα ἐνδείκνυμι, ἕως οὐ ἡ ψυχὴ δηλονότι ἐν τῷ ἰδίῳ συνέζευκται σώματι, μεθ' οὐ καὶ συνέπραξε τὰ ἐν τῷ βίῳ βεβιωμένα ἐν αὐτῇ, μεθ' οὐ καὶ μέλλει παραστήσεσθαι ἐν τῇ κρίσει μου· πρὶν οὖν ὁ δεσμός τοῦ σώματος λυθῆ, ἔλωσ ἔσομαι πᾶσι τοῖς μετανοοῦσι καὶ ἐξομολογησαμένοις καὶ ἀφήσασι τὰ πλημμελήματα τοῖς εἰς αὐτοὺς ἡμαρτηκόσιν, ἐπεὶ μετὰ τὸ λυθῆναι τὸν δεσμόν τοῦ σώματος οὐκ ἔτι μετάνοια ἐνεργεῖ τὸν ἁμαρ-

τωλόν, οὐ δάκρυον, οὐ κατάνυξις, οὐ παράκλησις, οὐ πένθος, οὐ θρήνος, οὐκ οἰμωγαὶ ὅλως δύνανται ὠφελῆσαι αὐτούς. Διὰ τοῦτο τοιγαροῦν, ὡς ἔφην, ἐπικάμπτομαι ἐπ' αὐτούς καὶ μακροθυμῶ ἐκδεχόμενος καὶ περιμένω ὡδε, πρὸ τοῦ παρῆναι αὐτούς τὴν τοῦ βίου διάστασιν, τὴν αὐτῶν ἐπιστροφήν καὶ μετάνοιαν, διότι ἐν τῇ κρίσει ἀπότομος καὶ ἀπαράκλητος (f. 348 v.) αὐτῶν κριτὴς εὐρεθήσομαι καὶ τῶν τηλικαῦτα δακρύων καὶ ὀλολυγμῶν αὐτῶν σὺδαμῶς ἐπιστραφήσομαι. Διὰ τοῦτο καὶ πάλιν ἐρῶ παρακαλῶν ὑμᾶς· Δεῦτε πρὸς με διὰ τῆς καλῆς μετανοίας, καὶ μὴ φοβείσθε, οὐδένα γὰρ ἀποστραφήσομαι· ἀπολαύσατε τῶν αἰωνίων μου ἀγαθῶν, κατασκηνώσατε ἐν τῇ τῶν πραέων γῆ καὶ πάντων τῶν ἐν αὐτῇ ἀπορρήτων ἀγαθῶν κατατρυφήσατε. Ἴδού, ταῦτα προεῖρηκα ὑμῖν, ἐπιστρέφαι θέλων ὑμᾶς ἀπὸ τῶν πονηρῶν ὑμῶν ἔργων καὶ σωτηρίους τρόπους μεταλαβεῖν τοῦ λοιποῦ γὰρ οὐκ ἐγώ, ἀλλ' ὑμεῖς αὐτοὶ ἐαυτῶν ἔσεσθε κριταί, ἐπεὶ οὐδὲν τῶν ἀρμοζόντων καὶ συντηρούντων εἰς ψυχικὴν ὠφέλειαν καὶ σωτηρίαν ἀπέκρυψα ἀφ' ὑμῶν· ὅπου θέλετε καὶ βούλεσθε, πορεύεσθε, εἴτε εἰς ἀθάνατον ζωὴν καὶ βασιλείαν ἀδιάδοχον τὰς ἐντολάς μου φυλάξαντες, εἴτε κατὰ τὰ θελήματα πορευθέντες τῆς σαρκὸς ὑμῶν τὰ προστάγματά μου ἀδετήσαντες εἰς αἰώνιον κόλασιν καὶ εἰς γέενναν πυρῆς (f. 349 r.) πρὸς ἀσβέστου ἀτελεύτητον καὶ ἀτέραντον.

Ἐρεῖς δὲ καὶ ταῦτα ταῖς ἐκκλησίαις μου καὶ παντὶ τῷ λαῷ· Ἐγὼ λέγει Κύριος· Καλὴ ἡ πίστις ὑμῶν σφόδρα, ἦν ἐκτίσασθε πρὸς με καὶ πρὸς τὴν ἀχραντὸν μου Μητέρα καὶ πάντας τοὺς ἁγίους μου, καλαὶ αἱ θυσίαι καὶ προσφοραὶ, πλην πονηρὰ τὰ ἔργα ὑμῶν, διὰ τοῦτο κάκεινα βδελυκτὰ καὶ ἀδεκτὰ ἐνώπιον ἐμοῦ καὶ τοῦ Πατρὸς μου εἰσὶ. Γενεὰ πονηρὰ καὶ μοιχαλὶς καὶ πόρνη, πᾶσαν τὴν σπουδὴν εἰς τὰ πονηρὰ ἀναλίσκουσα καὶ πᾶσαν τὴν ἐβδομάδα τοῦ βίου φροντίζουσα καὶ πρὸς τὰς ἡδονὰς τῆς σαρκὸς καὶ ταῖς ματαιαῖς φροντίζουσα ἀπασχολούμενη· καὶ οὐδὲ κἀν τὴν ἀφωρισμένην ὑμῖν μίαν ἡμέραν τῆς ἀναστάσεώς μου, ἐν ἣ τὸν θάνατον καὶ ἄδην καθελὼν ἐξάνεστην ἡμερῶν, συναναστήσας τὴν φθορὰν κεκλιμένην καὶ πεπτωκυῖαν φύσιν ὑμῶν, ἐν ἣ μέλλω κατελθεῖν ἐκ τῶν ὑψωμάτων τῆς δόξης μου κρῖναι πάντας ὑμᾶς καὶ ἀποδοῦναι ἐκάστῳ κατὰ τὰ ἔργα αὐτοῦ (f. 349 v.), ταῖς ἐκκλησίαις προσέχετε, ἀλλ' εἴποτε πρὸς αὐτὰς

παραγένησθε, τοῖς μὲν ποσὶν ἄπιτε πρὸς αὐτάς, τῇ δὲ φυγῇ ὀπισθοποδεῖτε, μὴ προθυμούμενοι ὄλωσ πρὸς αὐτάς παραγενέσθαι, ἀλλ' ἄλλος ἀλλαγῶ μερίζόμενοι βιωτικαῖς φροντίσεσιν ἔστε τῇ διανοίᾳ· εἰ δ' ἴσως καὶ φθάσῃτε ἐν αὐταῖς, ταῖς ἐννοίαις τοῦ βίου ἀπασχολούμενοι πρὸς ἀλλήλους ταῖς ἐμιλίαις συμβάλλοντες, οὐδὲ ὄλωσ ταῖς γραφαῖς μου προσέχετε, ἀλλὰ τῷ μὲν σώματι ἐν ταῖς ἐκκλησιαῖς τυγχάνετε ὄντες, τῷ δὲ νοί πρὸς τὰ βιωτικὰ καὶ μάταια ἀπασχολούμενοι ἐκδημεῖτε, καὶ τότε μόλις ποτὲ ἄγρι τῆς ἀναγνώσεως τοῦ εὐαγγελίου μου παρόντες εὐθέως, ὥσπερ τινὸς δυνάμεως ἐξωδούσης ὑμᾶς, σπουδαίως ἐξέρχεσθε καὶ ἀναχωρεῖτε τῆς ἐκκλησίας, ἕτερος τὸν ἕτερον ἀλλήλους συνωθοῦντες καὶ καταπατοῦντες ὥσπερ διωκόμενοι ἐξελθεῖν ἐκεῖθεν. Μαρτύρομαι οὖν ὑμῖν ἐνώπιον τοῦ Πατρὸς μου καὶ τοῦ παναγίου μου Πνεύματος, ὅτι οὐδεὶς (f. 350 r.) μισθὸς τοῖς τοιοῦται ἀπόκειται· εἰ μὴ μέχρι τέλους τῆς ἀκολουθείας καὶ λοιπῆς λειτουργίας τῶν ἐκεῖ τελουμένων προσμείνη τις, μισθὸν ἀπρητισμένον οὐ λήψεται. Ἰδοὺ ἐγὼ Κύριος ὧν εἰς τοὺς αἰῶνας οὖν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ ἁγίῳ Πνεύματι ταῦτα εἶρηκα καὶ ποιήσω. Ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσεται, οἱ δὲ λόγοι μου οὐ μὴ παρέλθωσιν. Ἀμὴν λέγω ὑμῖν.

Παυσαμένου δὲ τοῦ Κυρίου ταῦτα πρὸς με διαλεγόμενου, ἐξιστάμην ὄλωσ τῷ πνεύματι· ἐδόκουν γὰρ ὡς ἀληθῶσ μὴ ὀπτασίαν εἶναι τὸ θεωρούμενον, ἀλλ' ἐπ' ἀληθείας τὴν συντέλειαν τοῦ κόσμου γενέσθαι καὶ τὴν δευτέραν παρουσίαν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παραγεγονέαι. Ἦνεσαν οὖν αὐτὴν πᾶσαι αἱ ἁγίαι τῶν οὐρανίων ταγμάτων τάξεις καὶ ὁ τῶν ἁγίων χορὸς, καὶ ἡμεῖς ἀναστάντες τοῦ ἐδάφους, οὐ ἤμεν κείμενοι ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας καὶ ἁγράντου δόξης αὐτοῦ, αὐτὸν μὲν εἰσεληλυθότα εἶδομεν ἐνδον (f. 350 v.) τῆς φρικωδεστάτης ἐκεινῆς καὶ ἁγίας τῷ ὄντι μεγαλοπόλεως οὖν πάσῃ τῇ ὑπ' αὐτὸν ὀρυφορία καὶ δόξη, τὰς δὲ γε πύλας πάσης τῆς πόλεως ἀνεωγμένας κατειδομεν καὶ ἀναπετασμένας, ὅθεν καὶ τῆς προφητικῆς φωνῆς ἐμνήσθην Ἰησαίου οὕτω λεγούσης· Οὐ κλεισθήσονται αἱ πύλαι σου, Ἰερουσαλήμ, ἡμέρας καὶ νυκτός, καὶ ἀλλογενεῖς οὐκέτι διελύσσονται διὰ σοῦ. Ἐπεθύμουν δὲ καὶ αὐτὸς εἰσελθεῖν ἐντός αὐτῆς πρὸς τὸ ἀνιστορῆσαι καὶ κατατρυφῆσαι τοῦ κάλλους αὐτῆς, καὶ ἰκέτευον περὶ τούτου τὸν ὀδηγοῦντά με θεῖον νεανίαν, ἀλλ' οὐ συνεχώρει με

τοῦτο, ὡς ἀδύνατον ὄν τοῖς ἐτι φθορᾷ καὶ σαρκικοῖς πάθεσι κεκρατη-
 μένοις ἐντὸς τῶν ἱερῶν ἐκείνων ἀδύτων παραγίνεσθαι. Ἐγὼ δε τοίνυν
 καὶ ταῦτα κατ' ἑμαυτὸν διελογιζόμεν, ὡς ἔφην, ὀπηνίκα ὁ Κύριος
 πρὸς με τοὺς ἑαυτοῦ λόγους ἐποιεῖτο, ὅτι νῦν, ὡς ὁρῶ τοῦ ματαίου
 κόσμου ἐκείνου ἐναλλαγῆς γινομένης καὶ ἐκ φθορᾶς εἰς ἀφθαρσίαν
 πάντων μετενηνεγμένων, ποίαις ἐκκλησίαις καὶ τίσι προεστῶσιν αὐτῶν
 ἐν(φ. 351 γ.)τέλλεται μοι ὁ Κύριος ταῦτα διαμαρτύρασθαι καὶ εἰπεῖν;
 καὶ γὰρ ὡς ὕπαρ καὶ οὐκ ὄναρ ταῦτα ὦμην κατιδέσθαι καὶ οὐκ ὀπτα-
 σίαν, ἀλλὰ τῷ ὄντι καθαρὰν ἀλήθειαν εἶναι ὑπελάμβανον.

НОВЫЯ ДАННЫЯ
ДЛЯ
ИСТОРИИ РОМАНА
ОБЪ АЛЕКСАНДРѢ.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.
1892.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1892 г.**

Неуредѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штрюк*.

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ИСТОРИИ РОМАНА ОВЪ АЛЕКСАНДРѢ

Слѣдующее далѣе сообщеніе Д-ра Гастера вызвано было моею работою надъ источниками сербской Александріи. Оно явилось слишкомъ поздно, чтобъ я могъ воспользоваться имъ при изданіи моего труда ¹⁾; къ объясненію интересовавшей меня версіи романа оно приноситъ не много новаго, но это новое заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, вниманія. Къ замѣткамъ, которыя я предложу по поводу текста Гастера, я присоединю и нѣсколько замѣчаній къ давно ожидавшейся книгѣ Р. Меуег'а ²⁾, затѣянной въ 1866-мъ, но оконченной печатаніемъ лишь въ текущемъ, 1886 году ³⁾.

Какъ всѣ работы Р. Меуег'а, такъ и эта отличается тонкимъ критическимъ тактомъ и осторожностью въ выводахъ; долгая проволочка въ печатаніи, вызванная посторонними обстоятельствами, объясняетъ нѣкоторыя неровности въ исполненіи, неровное пользованіе текущей литературой и необходимость поправокъ и дополненій. Новѣйшими изданіями *Historia de Preliis*,

---

¹⁾ Изъ Исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія Академика А. Н. Веселовскаго. Вып. 1-й: Греко-византійскій періодъ, стр. 131 слѣд.

²⁾ Ст. I. с. стр. 137 и 503 (прим. къ стр. 137).

³⁾ Paul Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature française du moyen âge, 2 vv. Paris, Vieweg.

ея краткаго (ed. Landgraf) и пространнаго, интерполированнаго текстовъ (ed. Zingerle) авторъ еще не могъ пользоваться, ограничиваясь старопечатными изданіями и рукописями. Вообще я не вижу, чтобъ онъ отличалъ двѣ рецензіи *Historia de Preliis*; если итальянскій романъ, изданный Grion'омъ (*I nobili fatti di Alessandro Magno*), по мнѣнію автора (t. I, Avant-propos, стр. XIII—XIV), не что иное какъ переводъ «Исторіи» (съ латинскаго оригинала или его французскаго перевода — это безразлично), то въ основѣ его лежала пространная ея редакція, умноженная внесенной въ неѣ *Epistola ad Aristotelem*.

Не касаясь здѣсь дагѣ этого спеціальнаго вопроса, за неизмѣненіемъ необходимыхъ книгъ, остановлюсь на общемъ, которому изслѣдователь даетъ особое значеніе. Я имѣю въ виду роль, которую, по мнѣнію изслѣдователей, играла въ средніе вѣка *Historia de Preliis*, какъ источникъ поэтическихъ обработокъ Александрин. Р. Меуег склоненъ сильно ограничить эту роль (сл. t. II, стр. 34 слѣд.). Переведенная въ X-мъ столѣтіи съ какой-то неизвѣстной редакціи Псевдокаллисоена архипресвитеромъ Львомъ, *Historia de Preliis* стала извѣстна въ Германіи съ XI вѣка (вѣкъ Бамбергской рукописи, занесенной изъ Италіи), вызвала въ Италіи, уже въ 1236 году, стихотворную обработку Вилькина изъ Сполето; что-же касается Франціи, то авторъ обѣщается доказать, что ни одинъ изъ старофранцузскихъ поэтовъ, писавшихъ объ Александрѣ, не пользовался ею и лишь въ концѣ XIII вѣка является ея французскій переводъ прозой (сл. t. II, стр. 39). Источниками французскихъ поэтовъ были: латинскій переводъ Псевдокаллисоена Юліемъ Валеріемъ, извлечение (*Epitome*) изъ этого памятника, распространенное въ большомъ количествѣ рукописей, *Epistola ad Aristotelem*; *Historia*'н дается возможно меньше вліянія. Оксфордскій списокъ *Epitome*, представляющій какъ бы посредствующій по полнотѣ текстъ между обычнымъ *Epitome* и полнымъ Валеріемъ (t. II, стр. 20 слѣд.), даетъ автору поводъ предположить *ипотетически* цѣлый рядъ подобныхъ посредствующихъ текстовъ, на которые онъ и ссылается

какъ на возможный источникъ одного эпизода французской Александрии, хотя въ *Historia* есть тотъ-же рассказъ, въ нѣсколько другой формѣ (сл. т. II, стр. 121—3). Въ иныхъ случаяхъ исследователь колеблется между *Epitome* и *Historia* (т. II, стр. 140, 142, прим. 2), *Epistola* и *Historia* (л. с. стр. 178—9), но принужденъ признать послѣднюю источникомъ эпизода объ испытаніи Александромъ моря (т. II, стр. 164: *On peut supposer, mais on n'ose affirmer, tant les différences sont grandes, que le récit français a été puisé à cette source*), и это для рассказа, принадлежащаго Lambert'у le Tort (сл. л. с. стр. 213 и 214), продолжатель котораго, Alexandre de Paris, написалъ свою часть романа объ Александрѣ до 1190 года (сл. л. с. стр. 257). — Если такимъ образомъ для XII-го вѣка самъ авторъ, хотя нехотя, допускаетъ вліяніе *Historia*, то почему бы не сказать того-же объ эпизодѣ о Гогѣ и Магогѣ (того-же Lambert le Tort), котораго нѣтъ ни у Юлія Валерія, ни въ *Epistola*, но о которомъ авторъ тѣмъ не менѣе говоритъ: *elle ne semble pas avoir été prise à l'Historia de proeliis* (л. с. стр. 170)? — По поводу рассказа о поединкѣ Александра съ Поромъ и смерти послѣдняго авторъ вмѣняетъ поэту (Lambert le Tort) соединеніе разнорѣчивыхъ показаній *Epitome* и *Epistola* (л. с. стр. 186—7); подобное соединеніе отличаетъ именно интерполированную редакцію *Historia*'и, встрѣчающуюся въ рукописяхъ XII вѣка ¹⁾. Мы всё еще не вышли изъ той доли романа, которая приписывается Lambert le Tort, а указанія на *Historia*'ю накопились, и самъ Мейеръ допускаетъ ея вліяніе л. с. на стр. 189—190, прим. 4 и стр. 395 (поправка къ стр. 194). Когда мы перейдемъ послѣ того къ послѣдней части романа, принадлежащей Alexandre de Paris (сл. л. с. стр. 213, 228), съ двумя явными заимствованиями изъ *Historia* (сл. л. с. стр. 203 и 206), мы не замѣтимъ разницы источниковъ и не скажемъ такъ рѣшительно, какъ авторъ (л. с. стр. 206), что эта часть «est dans la dépendance de l'Historia de proeliis et non plus de Valerius».

¹⁾ См. въ моей работѣ объ источникахъ Сербской Александрии (л. с.), стр. 394.

Главной задачей Paul Meyer'a было критически разобрать историю поэтических обработок Александрии въ старо-французской литературѣ. Этому разбору посвященъ 2-й томъ труда, начиная съ стр. 69 слѣд., тогда какъ въ 1-мъ соединены относящіеся сюда, большею частью неизданные тексты. Съ нѣкоторыми результатами, интересными съ методологической стороны, полезно познакомиться.

Въ 1846 году Michelant напечаталъ, по довольно плохой рукописи, романъ въ александрійскихъ стихахъ подъ заглавіемъ: *Li romans d'Alexandre par Lambert li Tors et Alexandre de Bernay*. Послѣдній зоветъ себя также: de Paris, и это обозначеніе предпочитаетъ Мейеръ; но кромѣ того въ романѣ упоминаются имена еще двухъ авторовъ: Pierre de Saint-Cloud и какого-то Eustache (Ustace, Estace, Witace, Wistace, t. II, стр. 240).

Въ 1856 году Paul Heuse (извѣстный романистъ) нашелъ въ одной рукописи Лауренціаны пятнадцать строфъ (*laissez*) древне-французскаго, діалектически окрашеннаго стихотворенія объ Александрѣ, безъ имени автора. Нѣмецкая поэма объ Александрѣ, написанная Лампрехтомъ, называется въ числѣ своихъ источниковъ Альбериха изъ Безансона; сличеніе первыхъ стиховъ нѣмецкой поэмы съ отрывками Гейзе убѣдило, что послѣдніе принадлежатъ именно оригиналу Лампрехта, т. е. Альбериху изъ Безансона, который Мейеръ, вслѣдствіе лингвистическаго разбора лауренціанскихъ строфъ, полагаетъ оппской или обмолвкой вмѣсто: Briançon (t. II, 93).

Важнымъ открытіемъ Мейера является слѣдующее: въ двухъ рукописяхъ: Arsenal (*Belles lettres francaises* № 162) и Венеціанской (*Museo Civico*, № В. 5, 8) сохранилась Александрія особаго состава. Тамъ и здѣсь рассказъ идетъ сначала въ десяти-сложныхъ стихахъ, Arsenal v. 1—785 = Venise v. 1—804, все слѣдующее писано александрійскимъ стихомъ и, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, служащихъ въ венеціанской рукописи для связи двухъ ея частей, воспроизводитъ тѣ части большаго романа, издавнаго Michelant, которыя принадлежатъ

Lambert le Tort, Alexandre de Paris и Pierre de Saint-Cloud.

Имя перваго прямо и упоминается. Сл. Arsenal v. 786 слѣд.:

De Daire lo persant а cum il l'oi conquis
 E del rei Porus d'Inde qu'il chaça e ocis
 E des bones Artus ¹⁾ que il trova e quis,
 E de la fort cité Babiloine qu'asis,
 E de la voiz de l'arbre qui de sa mort li dis,
 Issi cum Apeles l'image contrefis,
 De Got e de Magot que il inclaust e pris
 Que gemais n'enn istrunt tros venquege Antiochris,
 Del duc de Palatine qu'il pendi et ocis,
 E si cum Aristotes l'entroduist e apris,
 La verté de l'estoire si cum li reis le fis,
 Un elers de Chasteldam, Lamberz li torz, l'escris,
 De latin o il ere qui en romanz la mis.

Этимъ стихамъ (= ed. Michelant, стр. 249, v. 25 слѣд.) въ венеціанскомъ текстѣ отвѣчаютъ слѣдующіе:

869. *De Nicholas le rei que il prist et ocist,*
 De Daire lo persant qu'Alexandre conquist,
 De Porri le rei d'Inde qu'i[1] chaça e destruisit,
 E de la grant vermine qu'es desers desconfist,
 De Gog et de Magog que il enclost e prist;
 Que jamais n'en istront jusqu'al tens d'Anticrist;
 De la raine Candace qu'en sa chambre lo mist,
 Ensi com Apertin sa ymage contrescrist;
 Del duc de Palatine qu'il pendi e desfist,
 E de la vos des arbres qui de sa mort li dist;
 De la val perilose ont intrent e se mist,
 Dont sofri mante pene, si com li livre dist,
 E de la fort cité Babiloine qu'assist,
 E com sailli en Tyr, dont grant ardiment fist,
 De ce que Aristotes l'entroduist et aprist,
 La verté de l'ystoire, si com li livres dist,
 Un elers de Chasteldon, Lamberz li torz, la fist,
 De latin où il ere qui en romanz la mist.

¹⁾ Что им. Artus слѣдуетъ разумѣть Arcus (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: Hercu) = Hercules, на это указываетъ авторъ т. II, стр. 171 и прим. 2. См. въ моемъ изслѣдованіи (I. c.), стр. 274 и 442.

Какъ видно, венеціанскій текстъ начинаетъ свой перечень нѣсколько раньше, упоминаніемъ Николая, убитаго Александромъ, о которомъ говорить и нѣсколько далѣе, в. 908 слѣд.:

A un rei de Cesaire s'est primes combatuz,
Nicholas ot [à] nom, si non sui deceuz,
Li regnes fu conquis, li reis mors e perduz.

Но о гибели Николая говорилось уже въ первой части поэмы, написанной десятисложнымъ стихомъ. Эта часть поэмы, болѣе древняя, чѣмъ послѣдующая, сохранилась, съ варьянтами, въ обѣихъ указанныхъ рукописяхъ, и притомъ такъ, что тамъ и здѣсь обрывается на одномъ и томъ-же эпизодѣ: смерти Николая. Отсюда заключеніе Мейера: что оригиналъ, къ которому восходить ея самостоятельные пересказы въ Arsenal и Venise, далѣе не шелъ. Оригиналъ этотъ, судя по его отраженіямъ, былъ передѣлкой поэмы Альбериха, въ чемъ убѣждаетъ сличеніе сохранившихся строфъ послѣдней съ соответствующими въ обѣихъ рукописяхъ, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ и на бывшія размѣры поэмы: по мнѣнію Мейера и Альберихъ не пошелъ въ своемъ, очевидно, не конченномъ разсказѣ далѣе эпизода о Николаѣ, иначе не объяснить, почему арсенальская и венеціанская рукописи ограничили свою передѣлку именно этимъ эпизодомъ. Изъ этого, весьма вѣроятнаго, какъ мнѣ кажется, заключенія, Мейеръ дѣлаетъ одинъ частный выводъ, не лишенный интереса: если мы опредѣлили границы, далѣе которыхъ не простирался разсказъ Альбериха, то опредѣлили вмѣстѣ съ тѣмъ и границы, въ которыхъ Лампрехтъ пользовался своимъ предшественникомъ. Прежде позволено было предполагать, что Альберихъ написалъ цѣлый романъ объ Александрѣ, и что Лампрехтъ заимствовалъ изъ него сплошь. Теперь вопросъ измѣнился; необходимо допустить, что начиная со смерти Николая Лампрехтъ обращался къ другимъ источникамъ, и не у Альбериха нашелъ поэтическій разсказъ о женщинахъ-цвѣтахъ, первую обработку котораго до сихъ поръ вѣняли старофранцузскому поэту (сл. t. II, стр. 181—2).

Въ порядкѣ времени старо-французскія поэмы объ Александрѣ являются слѣдующія: 1) поэма Альбериха; 2) ея переделка въ десятисложныхъ стихахъ — оригиналъ первой части арсенальской и венеціанской рукописей; 3) компиляція, представляемая этими рукописями. Происхожденіе ея Мейеръ (т. II, стр. 236, 243—4) представляетъ себѣ такимъ образомъ: Lambert le Tort нашелъ уже готовой поэму (въ десятисложныхъ стихахъ), воспѣвавшую юность Александра и его подвиги до смерти Николая включительно; не касаясь далѣе этого сюжета, онъ принялся рассказывать о дальнѣйшихъ подвигахъ Александра, но уже другимъ метромъ, и рассказъ довелъ до смерти своего героя. Позже явились еще продолжатели, Alexandre de Paris и Pierre de St. Cloud; эта серія поэмъ, не приведенныхъ ни къ поэтической ни къ метрической цѣльности — и сохранилась въ нашихъ компиляціяхъ. Мейеръ (л. с. стр. 243) прибавляетъ, что Alexandre de Paris внесъ нѣсколько новыхъ подробностей въ часть, принадлежавшую Lambert'у le Tort. Къ этому редакторскому труду онъ вернулся во второй разъ: пересказалъ на ново и въ новой формѣ древнюю поэму въ десятисложныхъ стихахъ, занимавшую первое мѣсто въ сводѣ, внесъ въ составъ романа отдѣльную поэму Eustace (Fuerge de Gadres), самъ написалъ новыя партіи: такъ произошелъ 4) тотъ пространнѣйшій романъ объ Александрѣ, въ александринскихъ стихахъ, съ содержаніемъ котораго насъ знакомитъ изданіе Michelant.

Это генеалогическое построеніе не лишено нѣкоторыхъ неясностей, особливо по отношенію къ переходной стадіи развитія нашего памятника, которая характеризуется компиляціями. Въ общемъ ихъ составѣ ясенъ, но при пристальномъ разборѣ поднимается рядъ вопросовъ, на которые не дано еще отвѣта. Въ арсенальской рукописи за частью древней поэмы (785 стиховъ) слѣдуетъ непосредственно строфа, приведенная выше и возвѣщающая намъ, что далѣе идетъ рассказъ Lambert le Tort. Слѣдуетъ дѣйствительно его текстъ, при чемъ я не обращаю вниманія на варианты изданія Michelant и другихъ рукописей, ука-

занные Мейеромъ, на повторенія переписчика и лакуны рукописи (сл. t. II, стр. 104—5). Важнѣе замѣчаніе издателя по поводу семи строфъ (t. I, стр. 81—87), что онѣ представляютъ версію, значительно отличную отъ Michelant'овской; лишь одну изъ нихъ ему удалось найти въ одномъ рукописномъ текстѣ романа, и то въ иной связи, къ другимъ не дается никакихъ различій. Далѣе согласіе съ версіей Lambert le Tort восстанавливается; но чѣмъ объяснить отличіе? Видѣть-ли въ немъ руку редактора или вліяніе новаго источника? Я имѣю въ виду *laisse* на стр. 84—5 перваго тома, въ которой разсказывается о пришествіи Александра въ *Jerusalem*, откуда македоняне

En Egipte s'en vindrent senz dotte e senz cremor,
Le flum de Paradis passerent senz destor.

Строфа принадлежитъ не къ числу двигающихъ дѣйствіе далѣе, а къ числу обозрѣвающихъ уже разсказанное: когда строфа начинается, Александръ завладѣлъ Вавилономъ, а слѣдующая опять возвращаетъ насъ къ тому-же положенію: *Babiloine fu rgrisa si cum vos ai conté*. Такія строфы съ напоминаніями, нерѣдко вставленными не у мѣста, принадлежатъ къ такимъ-же общимъ мѣстамъ французскаго эпоса, какъ и строфы предвѣщающія, что еще будетъ разсказано далѣе. Въ нашемъ случаѣ есть та особенность, что ни о Иерусалимѣ, ни о Египтѣ передъ тѣмъ не говорилось и напоминаніе является не мотивированнымъ. Къ этому присоединяется еще и слѣдующее обстоятельство: въ позднѣйшей стадіи развитія романа (= ed. Michelant) часть, описывающая пришествіе Александра въ Иерусалимъ, принадлежитъ, по мнѣнію Мейера, Александру Парижскому (сл. t. II, стр. 157 слѣд., 213, 238); за этимъ эпизодомъ онъ обращаетъ своего героя противъ Дарія, который и разбитъ имъ. Въ нашей строфѣ послѣдовательность иная: вшествіе въ Иерусалимъ и походъ въ Египетъ, какъ у *Pseudocall.* C, II, 24, 25 и въ той особой редакціи романа, которая лежитъ въ основѣ ея среднегреческой и сербской редакціи¹⁾.

¹⁾ Сл. въ моемъ изслѣдованіи (I. c.), стр. 224 слѣд., 238—4.

Обратимся къ венеціанской рукописи и опять къ тому мѣсту разсказа, гдѣ находится спай между древней поэмой (въ десяти-сложныхъ стихахъ) и ея продолженіемъ. Здѣсь накопленіе загадочныхъ моментовъ еще больше. За 785-мъ стихомъ, послѣднимъ древней поэмы, слѣдуютъ двѣ строфы (t. I, стр. 271—3), въ которыхъ разсказывается, что послѣ побѣды надъ Николаемъ, Clin (= Клитъ) и Птоломей совѣтуютъ Александру выбрать изъ числа своихъ приближенныхъ двѣнадцать товарищей, *doze compagnons*, которые и поведутъ его войско противъ Дарія. Александръ слѣдуетъ ихъ совѣту. Слѣдующая за тѣмъ строфа начинается такимъ образомъ (t. I, стр. 273—4):

Oez conte d'histoire, si comme li bref dist,
Que Lucans e Virgilles li conte dont lo fist:
Ce est del meillor rei qui anc fié tenist,
Del plus ric, del plus saige, de cel que plus conquist.
D'Alexandre commence qui tant regne conquist;
Tante bone cité e tant fort chastel prist.
Porter se fist al ciel tant que li chaut santist:
(e fu per dos grifons que norir petiz fist.
Pois entra en la mer, entrosqu'al font se mist.

Слѣдуетъ вкратцѣ разсказъ объ «испытаніи моря», послѣ чего строфа продолжаетъ:

Pois fu sire del mond, car trastoiz lo conquist.
Or entendez, seignor, que ceste estoire dist:
De Nicholas le rei que il prist et ocist и т. д.

Конецъ этой *laisse*, параллельно съ соответствующими стихами арсенальной рукописи, приведенъ выше; я только повторю заявленіе, которымъ тамъ и здѣсь кончается перечень подвиговъ Александра, подлежащихъ разсказу: что разсказъ этотъ дагѣ принадлежитъ клерiku изъ Chateaudun, Lambert'у li torz. Въ арсенальскомъ спискѣ онъ и начинается его словами (сл. Michelant, p. 250, v. 3; p. 254, v. 7 слѣд.); въ венеціанскомъ слѣдуетъ непосредственно строфа, значеніе которой не достаточно оцѣнено Мейеромъ (сл. t. II, стр. 246—7 и прим. 1 на стр. 247),

хотя она служить къ подтвержденію его теоріи сложенія романа.

Предыдущая строфа кончалась словами:

La verté de l'ystoire, si com li livres dist,
Un clers de Chasteldon, Lamberz li torz, la fist,
De latin où il ere qui en romanz la mist.

Вотъ содержаніе слѣдующей laisse (t. I, стр. 274—5):

Por ce qu'il ere sages et vit en la lecion,
De l'enfance Alexandre comence un sermon,
Et tot primerement parla de Salamon,
Per lo segle qu'est vans commence un'action,
5 Dels signes que il vit per lo fil Felipon.
Lo jors que il fut nez fist aparicion;
La lune e li soloil firent defection,
E la terre crola d'entor e de viron;
Tona et esfoldra per grant confusion.
10 Ce fu senefiance comme de tel baron
Que pois ot toz les regnes en sa subjection.
Illec ne vou je mie commencer ma rason,
Anceis vos voudrai diré la grant combatison
Qu'il fist contra rei Daire de Perse lo felon.

Кто тотъ «мудрый», о которомъ говорится въ началѣ строфы? Не Lambert-ли, упоминаніемъ котораго кончалась предыдущая? Но содержаніе и отчасти фраза нашей указываетъ на текстъ Альбериха и его перескащика, автора поэмы въ десятисложныхъ стихахъ. Сл. съ 3—4 стихами нашей laisse первую строфу Альбериха (t. I, стр. 1):

Dit Salomon al primier pas,
Quant de son libre mot lo clas:
Est vanitatum vanitas
Et universa vanitas.

Въ списокѣ поэмы въ десятисложныхъ стихахъ, которымъ пользовались компиляторы арсенальной и венеціанской рукописи, не было соответствующей строфы, но она могла существовать въ другомъ. Такой списокъ былъ въ распоряженіи безыменнаго

компляторъ отбросилъ предшествующую строфу (или строфы?) Ламбера, а воспринятую имъ пригналъ такъ къ тексту, что *sages* явился эпитетомъ не къ Альбериху, а къ Ламберу.

Обратимся къ тексту декасиллабической поэмы и именно къ одному разногласію арсенальской и венеціанской рукописей. Дѣло касается ихъ первыхъ строфъ, которыя я и сообщаю:

Arsenal.	Venise.
1	1
Chançon voil faire par rime e par lioine	Cõnte voil dire par rime e par leoine Del fil Felipe le roi de Macedoine,
Del fil Felipe lo rei de Macedoine, Qui tint Espagne deci qu'en Ba- biloine,	E d'Alexandre que conquist Ba- biloine, Perse e Africe, Bandaç e Sydoine, <i>Jerusalem e la terre d'Escaloine,</i>
Aise e Afrique e Tire e Sidoine, E tot lo mont mist en si grant aigoine,	E tot le mond mist en si grant engoinne,
Qui ne le volt servir par son espoine Nel pot garir ne l'escuz ne la broine, Morir l'estut, que n'i quist autr' essoine.	Qui nel voloit servir de trestot son espoine, Nel defendi escuç ne iahme ne la broine, Morir l'estut, ainz n'e[n] fu prise(?) essoine, <i>Ceste ystoire n'est mie d'Auberin li canoine</i>

Слѣдующая, вторая строфа, находится только въ Венеціанскомъ спискѣ:

2

Traite est de geste tote cheste chançon;
L'ystoire fu trovée droit en un dromon,
De la terre d'Egypte l'aportercnt Noon.
Un clers la fist c'on apelle Symon;
Contrescrist la par tel entention
Que ice sacent tuit civaler e baron:
Ja nus n'ert ja esprovez enz en sa maison,
Honors conoistre n'est se proece non;
Ja des recreanz n'orrez bone chançon.

Въ третьей строфѣ оба текста снова сходятся.

Кто этот Симонъ, противопоставленный Альбериху = Auberin, нарочно введенному въ первую строфу венеціанскаго текста? У Fauchet (сл. t. II, стр. 105—106, 108—9) была въ рукахъ утраченная нынѣ рукопись Александринъ, по началу сходная съ началомъ арсенальской и венеціанской и также называвшая своимъ авторомъ клерка Симона; нѣкоторыя цитаты изъ нея въ александринскихъ, не въ десятисложныхъ стихахъ, приведенныя Fauchet, не находятся во 2-й части арсенальскаго текста; встрѣчаются ли онѣ въ венеціанскомъ, это остается неизвѣстнымъ, потому что Мейеръ не прочелъ всей рукописи до конца (t. II, стр. 106). Сходень во всякомъ случаѣ залѣвъ:

Chanson voil dire per gume et per leoin
Del fil Filipe lo roy de Macedoin.

Мейеръ находитъ, что лишняя строфа венеціанскаго текста отличается отъ остальныхъ такимъ богатствомъ ошибокъ противъ метрики (на 9 стиховъ 5 превышаютъ мѣру), что не можетъ принадлежать одному съ ними автору ¹⁾. Она внесена въ текстъ клеркомъ Симономъ, котораго Мейеръ считаетъ редакторомъ венеціанской компиляціи, соединившимъ древнюю поэму съ новыми частями и присочинившимъ для ихъ связи нѣсколько строфъ («sept ou huit des tirades de raccord», t. II, стр. 109), нѣкоторыя изъ которыхъ были разобраны и объяснены нами выше. Этотъ Симонъ и противоположилъ себя Auberin, а себя объявилъ переводчикомъ книги, привезенной изъ Египта; «un clerc, nommé Simon, la contrescrit, c'est-à-dire, la traduisit, la mit en romans». Но текстъ говоритъ, что Симонъ не только contrescrit книгу, но и la fist; въ такомъ случаѣ contrescrit означаетъ не перевелъ, а записалъ. Смыслъ такой: «Извлечена эта пѣсня изъ дѣяній, найдена эта исторія въ кораблѣ; изъ Египта привезли ее . . . . (Noon?), сдѣлалъ её клерикъ по имени Симонъ, записалъ её съ тою цѣлью, чтобы всѣ рыцари и бароны узнали, что сидя дома

¹⁾ Изъ пяти стиховъ четыре могутъ быть исправлены; трудности представляеть лишь 3-й, съ загадочнымъ Noon.

человѣкъ не испытуется, честь достается только мужествомъ». И такъ клерикъ Симонъ записалъ эту книгу въ Египтѣ; это, несомнѣнно, басня, но басня сложившаяся не на почвѣ французской литературы и не обогащающая её новымъ именемъ. Еврейская Александрія XI-го вѣка, сообщенная мнѣ Гастеромъ, начинается словами: «Эта книга объ Александрѣ Македонѣ... написана царемъ Talmai (Ptolemaeus)»; а въ концѣ говорится: «онъ списалъ её съ писанія писца Симеона (clerc Simon), которому Александръ повелѣлъ всё *отмѣчать* (contrescrist?), какъ только что случится». Того-же писца Симеона Александръ призываетъ передъ смертью и диктуетъ ему свое завѣщаніе. Этого-то писца Симеона, который, быть можетъ, еще и найдется въ какомъ-нибудь латинской повѣсти объ Александрѣ какъ имя ея автора, и противопоставилъ Альбериху если не редакторъ всей венеціанской компіляціи, то тотъ, кому принадлежитъ особая версія декасиллабической поэмы, свойственная этой рукописи и рукописи Fauchet. Ему-ли принадлежитъ внесеніе Escaloinne = Аскалона въ первую строфу поэмы, и, наоборотъ, одному-ли арсенальскому списку свойственно упоминаніе Garsedoine въ его XXVI-й строфѣ, или тотъ и другой городъ, какъ мѣсто Александровыхъ подвиговъ, находились въ общемъ оригиналѣ и разошлись по одиночкѣ по разнымъ спискамъ — рѣшить трудно. Если предпочесть вторую альтернативу, то она укажетъ намъ на Historia de Preliis, какъ на одинъ изъ источниковъ декасиллабической поэмы (Ascalona, Scalona и Calcedonia = Garsedoine)¹⁾, которая могла найти въ ея пространной редакціи (Zingerle, стр. 261—2 и прим.) и своего Симона клерка: Симеону *notariu* своему Александръ оставляетъ Каппадокію и Пафлагонію (Simeon notarius meus sit princeps Capadocie et Pephlagonie, var. Phelagie); ему онъ диктуетъ и свое завѣщаніе: Statimque vocavit Jobas et precepit ei ut vocaret Simeonem notarium suum. Cumque ingressus fuisset Simeon notarius eius ante eum, precepit ei scribere testamentum».

¹⁾ Сл. мое изслѣдованіе (I. c.), стр. 217, 176 слѣд.

Отъ общихъ вопросовъ, къ которымъ дала поводъ работа Мейера, перейду къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду освѣтить сравненіемъ нѣкоторыя части моего собственнаго труда.

Мейеръ (t. I, стр. XXI, t. II, 143—4, 161 прим. 1, 373 слѣд.) указываетъ, подобно мнѣ ¹⁾, на средневѣковой типъ Александра, съ преобладающей въ немъ чертой — щедрости. Въ XIII вѣкѣ это пониманіе блѣднѣетъ, въ XIV-мъ смѣняется представленіемъ завоевателя (t. II, стр. 376—7). Что это пониманіе взлелеяно вкусами средневѣковыхъ жонглеровъ, говорилъ и я; Мейеръ (II, стр. 374) склоненъ приписать Александру Парижскому наибольшую долю участія въ такомъ именно освѣщеніи типа, основныя черты котораго намѣчены были уже въ древности. Я указалъ на *μεγαλοδωρότατος* Плутарха (Alexander, XXXIX). На Плутарха (ib. XXXIX, 3) и на апофтегму анонимнаго сборника, изданнаго Е. Миллеромъ ²⁾, можно было бы указать по поводу сближенія одного эпизода французскаго романа съ анекдотомъ у Сенеки (t. II, стр. 373—4, прим. 2): Александръ предлагаетъ рыцарю, просившему у него дара, городъ Againe; но тотъ, «qui tout ot le cuer baz», отказывается и проситъ вмѣсто того золота, серебра, одежду; Александръ говоритъ ему:

Je ne sai qui tu es ne le cuer que tu as,
Mais itel sunt li don al roi Macedonas.

Сл. Senecae, De Ben. II, XVI: «Urbem cuidam Alexander donabat vesanus, et qui nihil animo non grande conciperet. Quum ille cui donabatur, se ipse mensus, tanti muneris invidiam refugisset dicens non convenire fortunae suae: Non quaero, inquit, quid te accipere deceat, sed quid me dare». Другой поворотъ данъ этому анекдоту въ сборникѣ Abu'l Wafa Mobaschir Ibn Fatik (Bocados de oro), по латинскому переводу: «Et introivit ad eum (sc. Alexandrum) quidam dicens: O rex, [jubeatis] mihi

¹⁾ l. c., стр. 420 и прим. 3.

²⁾ l. c. стр. 414—15.

dari decem milia morabatinorum. Cui respondit: Non meritus es. Dixit ei: Si meritus non sum habere, vos dare meremini». Mobaschir пользовался, какъ извѣстно, для своего сборника изреченіями несторіанца Honein'a ben Ishak, въ латинской пере-гласовкѣ имени: Iohannicius. Не его-ли слѣдуетъ видѣть въ Johannitz одной провансальской новеллы, въ Ioakins романа объ Алек-сандрѣ? Изреченія, имъ приписанныя, сходны между собою (t. II, стр. 226 прим. 3):

Que l'autrer nos ditz Johannitz
Que leons (Quel leon?) aucis la formitz.

Сл. éd. Michelant, p. 526, v. 17:

Oés le profesie que nos dist Joakins,
Que avant ociroit li lions le formis.

Мейеръ (l. c.) видитъ во французскомъ текстѣ указаніе на пророчества извѣстнаго Иоахима de Flores († 1200 или 1202), но не увѣренъ въ этомъ отождествленіи. Johannitz=Iohannicius указываетъ, быть можетъ, на Honein'a и на его апофегмы (Libro de los buonos proverbios), въ которыхъ цѣлый отдѣлъ посвященъ Александру и особая глава его мудрости. Въ изда-ніи Knust'a указаннаго изреченія я, впрочемъ, не встрѣтилъ.

Къ проявленіямъ Александровой мудрости въ романѣ привад-лежитъ, между прочимъ, его символическій отвѣтъ на столь-же символическій подарокъ Дарія (éd. Michelant, стр. 232—3): Дарій послалъ ему большое количество семянъ, мелкихъ и слад-кихъ на вкусъ, велѣвъ притомъ сказать, что ихъ всё же меньше, чѣмъ воиновъ въ персидскомъ войскѣ. Александръ говоритъ, что сладкій вкусъ семени изображаетъ мягкость, стало быть слабость Персовъ; Грековъ меньше, но они крѣпче — и онъ посылаетъ Дарію полную горсть перцу. «Я не нашелъ источника этого апо-лога, отзывающагося востокомъ», говоритъ Мейеръ (t. II, p. 158); я прибавлю съ своей стороны параллельный рассказъ въ среднегреческой Александріи и ея славянскомъ переводѣ, сходный съ извѣстнымъ въ Hist. de preliis ¹⁾.

¹⁾ Сл. въ моемъ изслѣдованіи (l. c.), стр. 172—4.

Интересны въ старофранцузской Александріи христіанскіе мотивы, напоминающіе стиль тѣхъ элементовъ романа, которые вошли въ Хожденіе трехъ Иноковъ къ Макарію, и соотвѣтствующій эпизодъ среднегреческой Александріи. Я разобралъ мотивы Хожденія въ связи съ Псевдокаллисеевымъ¹⁾ и не намѣренъ возвращаться къ этому сближенію. Въ Хожденіи за столбомъ Александра начинается область тьмы и *юдоль мучній*: озеро, полное змѣй и грѣшниковъ, человекъ, прикованный къ горамъ и объятый пламенемъ, жена на стремнинѣ, обвитая змѣемъ; птицы — падшіе ангелы. Это *адъ и амьстль чистилице*. На границѣ этой области стоятъ четыре вѣщепосныхъ мужа, вооруженныхъ палицами; они ободряютъ путниковъ, которые далѣе идутъ среди благоуханій, видятъ церковь, изъ алтаря которой истекалъ источникъ «водныи бѣль, яко млеко»; вокругъ него стоятъ «*мужи стружники*», поющіе ангельскую пѣснь и объясняющіе, что то *источникъ безсмертія*.

Сличите съ этимъ извлеченіемъ слѣдующіе эпизоды французскаго романа (въ части, принадлежащей Ламберу), у Мейера, t. II, стр. 173 слѣд.: Александръ сбился съ пути и вступилъ въ глубокую долину, откуда не знаетъ какъ выйти. Войско въ страхѣ; по смыслу одной надписи, найденной Александромъ, оно можетъ быть освобождено лишь въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь рѣшится принести себя въ жертву за всѣхъ, оставшихъ въ той долинѣ. Никто не рѣшается на это, но Александръ готовъ пожертвовать собою. Вся долина содрагается, войско находится изъ нея выходъ, и Александръ остается одинъ среди ужасающей бури. Всю ночь колеблются горы, раздается громъ, повсюду распространяется зловоніе, показываются драконы и вопящіе демоны. Александръ утрашенъ; Букефалъ не ржетъ и не бьетъ копытомъ землю, а спрягалъ свою голову подъ плащъ хозяина. На утро всѣ эти чудеса исчезли, Александръ бродитъ по долинѣ, ища выхода и находитъ подъ камнемъ одного бѣса, который

¹⁾ l. c., стр. 306 слѣд.

объясняет указать Александру путь, если онъ освободитъ его. Увѣрившись напередъ, что указанный путь дѣйствительно существуетъ, Александръ освобождаетъ демона и нагоняетъ войско.

Мейеръ (t. II, 174) говоритъ, что онъ не нашелъ параллели къ этому странному разсказу. Полагаю, что подобную параллель представляла та христіанизованная Александрія, которая отразилась въ Хожденіи къ Макарію и среднегреческомъ = сербскомъ романѣ, гдѣ самъ Александръ приходитъ въ область адскихъ и чистилищныхъ мученій. Французскому поэту принадлежитъ, быть можетъ, специальная окраска разсказа; замѣтимъ что и романъ объ Ugo d'Alvernia, въ которомъ я уже намѣтилъ черты сходства съ мотивами Хожденія ¹⁾, знаетъ о посѣщеніи Александромъ ада; «Sarei io venuto dove fu Alessandro magno? говоритъ Уго и убиваетъ четыре чудовища, которые feciono grande danno a Alessandro e sua gente.

За эпизодомъ въ долину слѣдуетъ во французскомъ романѣ прибытіе Александра къ берегамъ Океана, куда морскія красавицы увлекаютъ его вояновъ — и встрѣча съ *четырьмя* исполнскими *старцами*, мохнатыми какъ медвѣди и съ рогами, какъ у оленя. Они бѣгутъ передъ войскомъ; будучи пойманы, они указываютъ Александру на три чудесныхъ источника: изъ нихъ одинъ молодящій, о которомъ разсказывается далѣе (t. II, 183—5), другой дающій *безсмертіе*, третій — воскресающій отъ смерти къ жизни.

Я не усумнюсь сопоставить *четыре* старцевъ этого разсказа съ *четырьмя* мужами Хожденія, стоящими на стражѣ области мученій, и съ мужами *страшнаго* вида, окружающими *источникъ безсмертія*.

Что до источника юности, fontaine de jouvence, то Мейеръ (t. II, стр. 183—4) затрудняется сблизить разсказъ о немъ съ сходнымъ эпизодомъ у Фирдуси и Низами, какъ я это сдѣлалъ ²⁾, на томъ основаніи, что у нихъ дѣло идетъ объ источникѣ, даю-

¹⁾ См. въ моемъ изслѣдованіи (I. с.), стр. 321 слѣд. и 448—9.

²⁾ I. с. стр. 229—230.

шемъ безсмертіе, тогда какъ въ романѣ говорится о молодящемъ. Но подобное смѣшеніе есть и у Псевдокаллистеена С II, 39, 41: рыбы *оживаютъ* въ водѣ, напившись ея Андрей и Кала становятся *безсмертными*; въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ греко-сербской версіи ¹⁾ рыбы *оживаютъ*, а всѣ, окупавшіеся въ водѣ, становятся крѣпкими и здоровыми, т. е. *молодѣютъ*. — Распределение цѣлительныхъ качествъ по тремъ источникамъ, какъ во французскомъ романѣ, можетъ быть, признано принадлежащимъ позднѣйшей редакціи преданія.

Параллель къ одной географической особености среднегреческой-сербской Александрии мы находимъ не во французской, а въ романѣ о Perceforest, извѣстномъ въ рукописяхъ XV вѣка и по изданіямъ 1528 и 1531 гг. Въ греко-сербской версіи романа Александръ, возвращаясь отъ окраинъ океана во вселенную, заходитъ въ Англію: Инглитеру, *Ἐγκλιτέρα*; позднѣе властителемъ ея и всего Запада назначенъ Лаомедонтъ, который и родомъ изъ Англіи ²⁾. Выборъ этого имени я не умѣю иначе объяснить, какъ въ связи съ легендой о троянскомъ происхожденіи европейскихъ народовъ, слѣды которой я замѣтилъ и въ нашемъ памятникѣ ³⁾, хотя въ спеціально троянско-британской сагѣ ⁴⁾ Лаомедонтъ и не играетъ никакой роли. — Къ англійскому эпизоду нашей Александрии я могъ привести двѣ греческихъ параллели; третью даетъ одинъ эпизодъ Perceforest'a, содержаніе котораго указано Мейеромъ (т. II, стр. 364) ⁵⁾. Романъ о Perceforest'ѣ примыкаетъ по содержанію къ одному изъ продолженій романа объ Александрѣ, къ *Voeux du Raon*, авторъ котораго, Jacques de Longuyon, началъ его до 1312, кончилъ послѣ этого года Perceforest открывается разсказомъ о томъ, что Александръ отправляется на ко-

¹⁾ I. с. стр. 229.

²⁾ I. с. стр. 198—9, 200, 201—2; сл. 157, 248.

³⁾ I. с. стр. 440—2.

⁴⁾ О ней сл. Heeger, Ueber die Trojanerfrage der Britten. München 1886.

⁵⁾ Слѣдующими далѣе свидѣніями я обязанъ письменному сообщенію G. Paris'a и P. Келера.

раблѣ съ Betis и Gadifer'омъ (сыновьями Gadifer'a, играющаго роль въ Fuelle de Gadres и Voeux du Raon) на островъ «de Cicegon» (= Cythère), чтобы посѣтить тамъ храмъ Венеры, но буря забросила ихъ въ Амлію, гдѣ только что прекратился родъ Брута. Венера совѣтуетъ жителямъ въ теченіи извѣстнаго времени сторожить на берегу: такъ они найдутъ царя. Когда явился Александръ, они просятъ его о томъ. Гадиферу онъ даетъ Ирландію, Англію Betis'у, получившему вслѣдствіе одного приключенія въ лѣсу прозвище Perceforest'a. Романъ относить къ концу XV вѣка; былъ-ли онъ древнѣе? спрашиваетъ G. Paris, приводя по Ward'у (t. I, стр. 151) заключительные стихи Voeux du Raon изъ одной рукописи XIV вѣка (Addit. 16888), гдѣ Perceforest является еще съ именемъ Betis'a:

Que vous diroie je? Li roys tant sejourna
 Que Porus fu garis: Illande li donna,
 Au Baudrain Cassiel Nouroangue otria
 Et à l'anfant Betis Angleterre quita.

Замѣтку Мейера о Гогъ и Магогъ во французской Александрин (t. II, стр. 386—9) слѣдуетъ присоединить къ библиографіи этого сюжета, указанной въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ (вып. II, стр. 178—9, прим. 1)¹). Александръ заключаетъ дикіе народы «es estres desus»; варьянтъ даетъ вѣсто непонятнаго estres — teres; другой: entre les puis de Rus, что слѣдуетъ, быть можетъ удержать, хотя возможно и другое исправленіе: далѣе Александръ запираетъ нечистые народы за «mons de Tus», съ различіемъ *Tuz*, между прочимъ въ рукописи Bibl. nat. fr. 15095, одной изъ древнѣйшихъ (t. II, стр. 387 прим. 2). Еслибъ этотъ варьянтъ былъ достаточно поддержанъ (suffisamment autorisé), говоритъ Мейеръ (l. c. стр. 389), можно было бы предположить, что авторъ имѣлъ въ виду *Турковъ*, по это, по мнѣнію Мейера, крайне шаткая гипотеза, и онъ предпочитаетъ видѣть

¹) См. еще Heeger l. c. стр. 70, прим. 1, съ указаніемъ, между прочимъ, на Bieling, Zu den Sagen von Gog und Magog. Berlin, 1882.

въ Tus искаженіе *mons Caspius* или *mons Imais*, встрѣчающихся въ упоминаніяхъ Гога и Магога. Замѣтимъ, что посланіе Александра къ Олимпіадѣ *Pseudocall.* BC III, 29 кончается эпизодомъ о заключеніи нечистыхъ народовъ за горами сѣвера, послѣ чего В прибавляетъ: *Διχώρησα δὲ ἀνὰ μέσον Τούρκων καὶ Ἀρμενίων... καὶ ἀπέχευα ἐν ῥομφαίᾳ ἀπαντας αὐτῶν*¹⁾.—Мейеръ полагаетъ (t. II, стр. 389), что для подробностей о Гогѣ и Магогѣ авторъ французскаго романа слѣдсвалъ болѣе неяснымъ воспоминаніямъ о прочитанномъ, чѣмъ какому-нибудь опредѣленному тексту; во всякомъ случаѣ онъ не слѣдовалъ Псевдокаллистоу и ближе къ Откровеніямъ Меѳодія, распространеніе которыхъ на Востокѣ Мейеръ (t. II, стр. 388, прим. 2) возводитъ по крайней мѣрѣ къ XI-му вѣку. Я полагаю возможнымъ отнести ихъ происхожденіе къ гораздо болѣе раннему періоду²⁾.

Предложенный разборъ изслѣдованія Мейера не притязаетъ на полноту: нѣкоторая односторонность обусловлена была моими собственными занятіями Александровой сагой, направленными къ раскрытію источниковъ той ея версіи, которая распространена была у Грековъ, Славянъ и Румынъ. Эту точку зрѣнія я удержу и далѣе, въ объяснительномъ введеніи, которое предпосылаю сообщенію д-ра Гастера.

Гастеръ нашелъ въ одной рукописи XIV-го вѣка еврейскую Александрію, переведенную съ арабскаго текста *Ibn-Tibbon*'омъ (до 1199 года). Что оригиналъ былъ арабскій, на то указываютъ, по мнѣнію Гастера, сохранившіеся арабизмы; еврейскимъ переводомъ Ибнъ Тиббона воспользовался въ своей Исторіи Горіонидъ = Юсиппонъ; отдѣлъ, посвященный имъ Александру, нерѣдко дословно сходенъ съ текстомъ Гастера.

До сихъ поръ воззрѣніе на источникъ Горіонида было, какъ извѣстно, другое: допускали, что онъ пользовался для эпизода объ Александрѣ текстомъ *Historia de Preliis*³⁾. Арабизмы текста

¹⁾ Сл. въ моемъ изслѣдованіи (I. с.) стр. 402.

²⁾ Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды, I, 2, стр. 53.

³⁾ Сл. въ моемъ изслѣдованіи (I. с.) стр. 233.

Гастера и его прямое заявленіе въ концѣ, что его оригиналь былъ арабскій, могутъ повліять на измѣненіе существующаго взгляда. Арабскій подлинникъ, который Гастеръ считаетъ возможнымъ отнести ко времени до Гонейна (до 809 года), могъ быть въ свою очередь переводомъ съ той самой редакціи Псевдокаллисѣена, которымъ воспользовался Левъ пресвитеръ. Затрудненіе такому предположенію представилось-бы, еслибы подтвердилось мнѣніе, выражаемое Гастеромъ, о связи его Александрии съ древнѣйшими редакціями Псевдокаллисѣена (AV), что сомнительно; но затрудненія представляются и съ другой стороны: въ несомнѣнной связи нашего текста съ пространной, т. е. интерполированной редакціи *Historia de Preliis*. Я укажу на нѣмь *Артаксматы* = *Artaxerxes*, какъ названъ царь, идущій войною на Нектанеба; такъ и въ *Hist. de prel.* и среднегреческомъ = сербскомъ романѣ ¹⁾; на *Аскалонъ* = *Scalona, Ascalona* въ *Historia de Preliis* ²⁾, *Chalkedonia* = *Calcedonia* ³⁾, *Аминтанъ* = *Aminta, Amonta* ⁴⁾; *Клауль Кндассъ* = *Cleophilis Candacis* ⁵⁾; *Кндвалъ*, *Мрсикъ* и *Практоръ* = *Candaulus, Marsippus* и *Carator* ⁶⁾; особенно доказателенъ въ этомъ отношеніи весь эпизодъ о Порѣ, рассказанный какъ *Hist. de prel.* пространнаго типа, съ причудливымъ описаніемъ Порова дворца, взятымъ изъ Эпистолии къ Аристотелю ⁷⁾ — и двойная встрѣча Александра съ гимнософистами = *Giminos Pistos* и Брагманами = *Ibrahima, Brahima* ⁸⁾, которые отличены отъ *Prgman* (= Брагмановъ?), упомянутыхъ раньше, и царь которыхъ, *Dгнос* (= *Dandamis*) переписывается съ Александромъ, какъ — въ *Historia de preliis* ⁹⁾.

¹⁾ См. мое изслѣдованіе (I. c.) стр. 141.

²⁾ *ib.* стр. 217.

³⁾ *ib.* стр. 176. (*Chalkedonia* помѣщено, впрочемъ, въ иномъ мѣстѣ, чѣмъ въ *Hist. de preliis*).

⁴⁾ *ib.* стр. 258.

⁵⁾ *ib.* стр. 389.

⁶⁾ *ib.* стр. 399 прим. 3.

⁷⁾ См. въ моемъ изслѣдованіи, I. c., стр. 389 слѣд. и 394.

⁸⁾ См. I. c., стр. 329.

⁹⁾ P. Meyer, I. c., t. II, стр. 28 и слѣд.

Этихъ указаній достаточно, чтобы опредѣлить степень близости нашего текста къ *Historia de preliis*, и не только интерполированной редакціи, но и такой ея версіи, въ которой интерполіаціи допущены были въ наибольшей мѣрѣ. Я имѣю въ виду *Seitenstetten'sкую* рукоп. *Historia*'и (= S), варианты которой указаны въ изданіи Zingerle. Если интерполіаціа, какъ полагаютъ, сдѣлана была въ латинскій текстъ Льва пресвитера (X в.), то её слѣдуетъ отнести по крайней мѣрѣ къ XI вѣку, чтобы дать мѣсто и время арабскому переводу, съ котораго переводилъ въ концѣ XII *Ibn Tibbon*. Если объяснить арабизмы послѣдняго средой переводчика, останется необъясненнымъ заявленіе въ концѣ, что онъ переводилъ именно съ «агарянскаго», арабскаго языка. Невѣроятнымъ представляется третье, возможное априорно, рѣшеніе: что арабскій текстъ воспроизвелъ какой нибудь греческій текстъ *Historia*'и, уже интерполированный элементами *Эпистоліи*.

Сходство нашей *Александріи* съ соответствующимъ отдѣломъ у *Горіонида* не вездѣ на столько близкое, на сколько даетъ понять д-ръ *Гастеръ*. Можно сказать вообще, что чѣмъ ближе нашъ текстъ къ *Hist. de prel.*, тѣмъ дальше отъ *Горіонида*. Укажу для сравненія на послѣдовательность, въ какой являются у *Горіонида* событія по смерти *Дарія* (I. II, с. XVI и слѣд.). *Александръ* тотчасъ идетъ *in desertum vastissimum*; слѣдуютъ различныя встрѣчи: пигмев, *quos Graeci pithesas vocant* (въ нашемъ текстѣ въ другомъ мѣстѣ) и т. п.; островъ, съ котораго слышатся голоса и греческая рѣчь: люди, пытавшіеся туда перебраться, пожраны громаднымъ ракомъ (въ нашемъ текстѣ нѣтъ). *Александръ* пытается посѣтить за горами мрака потомковъ *Рехавы*¹⁾; птицы съ человѣческими лицами его останавливаютъ (въ нашемъ текстѣ нѣтъ). XVII-я глава открывается войною съ *Поромъ* (*Александръ* сражаетъ его въ поединкѣ, *ipsumque postea interemit*). *Exinde in Ocaphardicorum* (т. е. *Oxydracorum*), qui

¹⁾ Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, I. с., стр. 292 и гл. V-ую.

etiam Acarmayn (= Брахманы) dicuntur, regionem profectus incolarum istius terrae sapientiam, quâ coeteros anteibant, explorare voluit: эпизодъ, которому въ нашемъ текстѣ отвѣчаетъ рассказъ о Geminis Pistos=гимнософистахъ. — Съ XVIII-й главы начинается посланіе Александра къ Аристотелю о томъ, quae sibi in India evenerit. Приведу начала письма: «Ego, posteaquam regionem Persiacon (= Prasiaca), quae Indiae provincia est, intravi, ad maris insulas perveni atque ibidem masculos reperi foeminis similes, qui vivis piscibus vescebantur et humana lingua loquebantur eâque Graccâ, hi mihi dicebant: ecce in hac insula sepulchrum est regis antiquissimi, qui Kainan appellabatur et Enosi filius erat, is ante diluvium universo terrarum orbi imperavit atque omnigenâ sapientiâ inclaruit, et spiritus ac daemones malosque genios in potestate sua habuit; hic sapientiâ suâ, qua praeditus erat, intellexit, quod Deus ille Benedictus diluvium Noachi aetate inducturus sit, quocirâ id, quod postea eventurum erat, tabulis lapideis insculpsit, quae hodienum ibidem extant; scriptura autem Hebraicis literis exarata erat; idem quoque scripsit, quod Oceanus tertiam mundi partem ipsius aetate inundaverit, quod etiam tempore Enosi, Sethi filii, qui Adami primi parentis filius fuit, accidit. In eadem insula Kainan urbem condidit amplissimam, muris cinctam simulque arcem ingentem ex marmore aedificavit, in qua gemmas, uniones atque auri argentique vim maximam recondidit; praeterea turrim excelsam suprâ sepulcrum suum extraxit, ut sibi esset monumento; ad hanc vero nemo mortalium accedere poterat, quia astronomica septem planetarum arte ac vi magica aedificata erat, quicumque enim muris ejus appropinquabat, is repentina morte interibat». Всѣ это рассказали Александру жители того острова; «*posteaquam verò Darium devici, omnemque illius ditionem in potestatem meam redegi, ad urbem quandam Indiae, quae medio in fluvio sita erat, deveni. Слѣдуютъ приключенія въ Индіи до эпизода съ пророчащими деревьями включительно.*

Рассказъ объ островѣ Кайнана и его недоступной башнѣ-

гробницѣ напоминаетъ стиль *Iter ad Paradisum*, но ближе всего народъ Ираклія греко-сербской Александріи ¹⁾, посѣщеніе котораго Александромъ она также относитъ до смерти Дарія. Ираклій провидитъ нашествіе языковъ, пришествіе Александра; появленіе его имени въ романѣ я объяснилъ въ связи съ статуями *Иракла*, которыя Александръ встрѣчаетъ на своемъ пути, но я припомнилъ по этому поводу и византийское представленіе объ императорѣ Иракліи, звѣздочетѣ и предсказателѣ. Каинап такой-же астрологъ, властитель всего свѣта. При этомъ важно еще одно совпаденіе: греко-сербская Александрія говоритъ и о женѣ Ираклія, Семирамидѣ (греч. Севира), для которой въ указанномъ эпизодѣ не доставало объясненія. У Псевдокаллистоена С въ ея царствѣ властвуетъ Кандака (*ἐπί τῆς Σεμίραμιδος βασιλείας*), какъ и у Горіоніада I. II, с. XIX (*in regnum Semidemim*). Не отсюда-ли перенесено ея имя? Замѣтимъ по поводу разсказа о Кандакѣ, что онъ помѣщенъ у Горіоніада передъ эпизодомъ объ Амазонкахъ; въ нашемъ текстѣ, какъ и въ греко-сербской Александріи: Амазонка, Кандака.

Предъидущія замѣтки были написаны, когда цитата у Hartwig'a ²⁾ обратила мое вниманіе на статью I. Lévi о еврейскихъ переводахъ *Historia de preliis* ³⁾, общіе результаты которой здѣсь сообщая. Первымъ по времени переводчикомъ является авторъ *Josirron'a*, жившій во второй половинѣ XI вѣка, вѣроятно въ Италіи; въ серединѣ XIV вѣка сдѣланъ былъ другой переводъ *Immanuel'emъ ben Jacob*, въ Тарасконѣ. Наконецъ Ms. 671 *Bibl. Nat.* сохранилъ легенду объ Александрѣ безъ обозначенія названія сочиненія и имени автора; другой списокъ того-же текста сохранился въ Лондонѣ: переводчикомъ названъ *Samuel ben Juda ibn Tibbon*, переводившій въ 1199—1204 годахъ съ арабскаго. Это и есть текстъ, анализированный Гастеромъ. Lévi предпола-

¹⁾ Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти I. с., гл. IV.

²⁾ Hartwig, *Die Uebersetzungslitteratur Unteritaliens in der normannisch-staufischen Periode* (Leipzig 1886), стр. 7, прим. 2.

³⁾ *Revue des études juives* t. III (1881) стр. 238—265.

гаетъ, что арабскій, нынѣ утраченный оригиналъ Ibn Tibbon'a, переведенъ былъ въ Сицилію, и именно съ латинскаго текста *Historia de preliis*. — Къ подобнымъ результатамъ свелись и мои собственные наблюденія надъ текстомъ Гастера, въ которомъ мнѣ остается отмѣтить нѣсколько подробностей, освѣщающихъ источники греко-сербскаго романа.

Въ *Pseudocall. ABC I 23* Александръ отправляется противъ возставшей Мевоны; С присоединяетъ къ этому и его походъ на Скивоовъ, которыхъ греко-сербская версія замѣнила Куманами и Аламанами¹⁾. Въ соответствующемъ эпизодѣ еврейской Александріи дѣло идетъ о возставшихъ областяхъ: *Alamania*'и и Провансъ. Первую Гастеръ объясняетъ въ этомъ и другомъ случаѣ (сл. *Zacher, Pseudocall. II, 9*) Арменией, что подтверждаетъ и *Hist. de prel.*; позднѣе, при распредѣленіи царствъ, Армения, не Аламанія достается Наркосу, Провансъ Антигону; Армения еще разъ упомянута въ эпизодѣ о царяхъ, прислуживающихъ Александру въ Вавилонѣ. Очень вѣроятно, что Аламанія въ первомъ изъ приведенныхъ мѣстъ отвѣчаетъ нашимъ Аламанамъ.

Африкія = *Фригія* напоминаетъ подобное-же искаженіе въ спискахъ сербской Александріи²⁾; *Arcols* (см. *Argols*) = *Персулес* = Ἀρχούλης въ вѣнскомъ спискѣ среднегреческаго романа³⁾, рассказывающаго, между прочимъ⁴⁾, какъ на пути въ Вавилонъ вельможи Александра развлекаютъ его, смущеннаго вѣстью о близкой смерти, зрѣлищемъ войска. Мѣсто дѣйствіе — поле, нарицаемое «*Синарь*» = Сенааръ, гдѣ жилъ праведный Іовъ. Въ нашемъ текстѣ Александръ, вернувшись въ Вавилонъ, велитъ поставить двѣ колонны, на которыхъ записаны всѣ его дѣянія: одну въ Персіи, другую въ *Simear*'ѣ и *Sesach*'ѣ. Всего интереснѣе параллель къ имени царицы Амазонокъ, встрѣчающемся въ разночтеніяхъ сербской Александріи и оставленномъ мною

¹⁾ См. въ моемъ изслѣдованіи (I. с.) стр. 161 слѣд.

²⁾ См. мое изслѣдованіе (I. с.), стр. 440—1.

³⁾ I. с., стр. 273—4.

⁴⁾ I. с., стр. 406.

безъ объясненія ¹⁾: она зовется Талистридой = Hist. de preliis: Talistrida, Thalistris, но и *Плитревой*, *Плин'тер'оої*. Если вспомнить обычную въ нашемъ текстѣ замѣну въ собственныхъ именахъ *p* чрезъ *b*, то это близко къ *Blistir* = *Plistig* (*Плисть-трева).

Я только намѣтилъ нѣсколько вопросовъ, вызываемыхъ текстомъ Гастера, предоставляя другимъ специалистамъ почерпнуть большее изъ слѣдующаго далѣе сообщенія ²⁾.

Александръ Веселовскій.

---

¹⁾ l. c., стр. 397—398.

²⁾ Въ пересказѣ еврейской Александрии, сдѣланномъ Гастеромъ, ссылки на Zacher'a, Pseudocallisthenes, принадлежатъ ему, ссылки на Historia de preliis (ed. Zingerle) и на Горіоніада (ed. Breithaupt) мнѣ.

Еврейская Александрія XII-го вѣка.

Повѣсть объ Александрѣ, сообщаемая далѣе въ извлеченіи, находится въ одной рукописи лондонскаго Beth-Namidrasch (Jewish College). Рукопись эта, довольно четко написанная, но къ сожалѣнію нѣсколько попорченная сыростью въ верху листовъ, принадлежитъ, вѣроятно, XIV-му столѣтію и заключаетъ въ себѣ 35 листовъ. Повѣсть начинается съ листа 1 обор. и кончается на 35 обор. Эпизодъ (л. 35 обор.) приписываетъ её Ibn-Tibbon'у (около 1199 г.), извѣстному переводчику основнаго философскаго сочиненія Маймонида (Guide des égarés), но присоединяетъ сбивчивое свидѣніе, что она переведена была съ арабскаго.

Это замѣчаніе вполне подтверждается слѣдующими внутренними доводами. Такъ встрѣчающіяся въ текстѣ собственныя имена, начиная съ имени Александра, всюду названнаго Aliskander и т. п., носятъ совершенно ясную арабскую форму; звукъ *p* постоянно замѣняется *b*, а *g* черезъ *k*: Iblatan=Plato, Bantia = Pontus, Barmenios = Parmenios, Antikon = Antigonos. Встрѣчаются наконецъ и арабскія слова; такъ приводится, съ соответствующимъ переводомъ, арабское названіе для Чермнаго моря: Albahr alhamr (стр. 64 ркп.) или Alma v'alschams (стр. 66 ркп.) и т. п. Брахманы названы Ibrahim, т. е. формой арабскаго pluralis fractus; страна свѣта постоянно выражается словомъ iklîm; особенно интересно, что Perzerolis обратился въ Serphlis, потому что переводчикъ спуталъ слогъ Per (فر) съ арабской

частицей **ז**, которую и опустилъ, какъ отбросилъ, принявъ его за членъ, первый слогъ (Ol) въ Olympiades: Nbiages вм. Nbiades, Nbiags Горіонида, подобно тому какъ Арабы, вслѣдствіе того-же смѣшенія, сдѣлали изъ Aliskender — Искендера.

Добавимъ, что переводчикъ работалъ только съ арабскаго текста и обнаруживаетъ въ своемъ дѣлѣ значительное умѣнье.

Ближайшимъ вопросомъ является слѣдующій: была-ли наша повѣсть знакома еврейскимъ читателямъ въ теченіи столѣтій и въ какихъ отношеніяхъ находится она съ одной стороны къ Псевдоіосифу (иначе: Josippon, Gorgionides), съ другой къ остальнымъ версіямъ Псевдокаллистоена? Я попытаюсь коротко отвѣтить на эти вопросы, ибо не имѣю въ виду дать здѣсь окончательное, идущее въ глубь изслѣдованіе.

Повѣсть наша, въ дошедшей до насъ формѣ, издавна вращалась среди Евреевъ, какъ любимое чтеніе, пока не оттѣснена была отчасти Josippon'омъ.

Elia Mizgachi (XV в.) знаетъ повѣсть объ Александрѣ и цитуетъ ее, какъ нѣчто самостоятельное — рядомъ съ Josippon'омъ. Въ его Респонсахъ (ed. Constantinopol. 1560) читаемъ между прочимъ (л. 92°, № LVII): «Для развлеченія (душевной утѣхи) служатъ сочиненія о войнахъ царей, какъ напр. книга Aliskander и Josippon и тому подобные рассказы изъ міровой исторіи, каковыя находятся и у всякаго другого народа». Замѣтимъ здѣсь арабское написаніе Aliskander, совсѣмъ какъ въ нашемъ текстѣ.

Рукопись, совершенно сходная съ нашей, находилась когда-то во владѣніи А. De Rossi (1514—1577), который не разъ цитуетъ её въ своемъ Meor Enejim. Среди рукописей J. B. De Rossi дѣйствительно находится относящійся сюда отрывокъ, отмѣченный Штейншнейдеромъ (Namaskir IX, 1869, стр. 45). Какъ на эту, такъ и на нашу рукопись указалъ Штейншнейдеръ въ Catalogus librorum hebraicorum in Bibliotheca Bodleiana (Berlin, 1852—1860, col. 2486—2487); сходная рукопись (1428 г.) существуетъ, кажется, еще въ Парижѣ. Дальнѣйшіе розыски откроютъ, вѣроятно, новый, относящійся сюда матеріалъ (ср. Stein-

schneider, Namaskir, IX, 1869, стр. 13 слѣд.; особенно стр. 19 и 44 слѣд.).

Если сравнить нашъ текстъ съ Josirron'омъ, то насъ поразило совершенное тождество языка въ началѣ и всюду, гдѣ текстъ Josirron'a не сокращаетъ. Это исключаетъ предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ двумя переводчиками. Оказывается, что текстъ Josirron'a не что иное, какъ сокращеніе нашего, болѣе подробнаго. Подтверждается это приведенной выше цитатой изъ Mizgachi, особо упоминающаго оба сочиненія, и тѣмъ обстоятельствомъ, что существуютъ двѣ рецензіи Юсиппона: одна краткая (изд. въ Константинополѣ 1490 г. и Мюнстеромъ, по еврейски и по латыни въ Базелѣ 1541, in f^o), и пространная (ed. Breithaupt, Gotha, 1707, in 4°). Различіе между ними ограничивается тѣмъ, что въ первой недостаетъ повѣсти объ Александрѣ, которую позднѣйшій компиляторъ внесъ въ сокращенной формѣ и при томъ неумѣло въ древнѣйшій текстъ Josirron'a, очевидно руководясь ея популярностью. Онъ самъ указываетъ, какъ на свой источникъ, на нашу книгу, и не разъ цитуетъ её: такъ въ самомъ началѣ II, 9 (стр. 90 ed. Breithaupt), затѣмъ II, 20 (стр. 150) и въ концѣ II, 22 (стр. 152).

Въ одномъ томѣ еврейскаго журнала Heschaluz, котораго у меня нѣтъ теперь подъ рукою, я встрѣтилъ, если не ошибаюсь, замѣтку издателя, Schottg'a, также упоминающаго краткую рецензію Юсиппона, въ которой не достаетъ Александрів.

Пространная рецензія стала вульгатой, была много разъ напечатана и даже переведена на жаргонъ, отгѣснивъ такимъ образомъ собственно Александрію.

Сближеніе нашей повѣсти съ другими рецензіями Псевдокаллисеена приводитъ къ заключенію, что первая представляетъ если не древнѣйшій текстъ послѣдняго, то во всякомъ случаѣ наиболѣе близкій къ AV. Многое, являющееся въ BC въ качествѣ вставки: чудеса Индіи, посланіе, особливо описаніе перваго похода Александра (Италія, Африка = Египетъ, Антіохія и лишь позже походъ противъ Дарія); Тигръ вл. Странги редакціи A

и др.: множество подробностей, расположенныхъ въ ясномъ порядкѣ и разумной связи — все это ведетъ къ указанному заключенію и придаетъ нашему тексту особую важность. Нѣтъ въ немъ и той спеціально христіанской или еврейской окраски, которой отличаются Pseudocall. В и особливо С: до конца Александръ остается вѣренъ своимъ богамъ, строитъ имъ храмы и обеспечиваетъ ихъ.

Есть-ли что общаго между нашимъ текстомъ и переводомъ Гонейна, предположеннымъ Цахеромъ (Pseudocallisthenes 1867, стр. 191) — на это можно отвѣтить замѣчаніемъ, что въ нашей еврейской обработкѣ недостаетъ именно характерной черты — посланія Александра къ матери, встрѣчающагося въ еврейской литературѣ въ другомъ переводѣ. Скорѣе слѣдуетъ допустить, что въ нашемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переводомъ той арабской рецензіи, которая по справедливому предположенію Цахера (l. c.) существовала до Гонейна, стало быть до 809 года; вѣроятно, существованіе этого полнѣйшаго текста и побудило втораго переводчика, Al-Charizi (около 1218 г.), за-одно перевести изъ Гонейна и то посланіе. Замѣтить кстати, что тотъ-же Al-Charizi упоминается и въ эпилогѣ нашей Александрии и что онъ также перевелъ съ арабскаго на еврейскій упомянутое выше сочиненіе Маймонида, являясь въ извѣстномъ смыслѣ литературнымъ конкурентомъ Ibn-Tibbon'a.

Критическое изданіе нашей рукописи, которое приняло-бы въ расчетъ и парижскую, равно какъ греческія, армянскія, латинскія и сирійскую рецензіи Псевдокаллистеена, помогло-бы возстановить древнѣйшій текстъ послѣдняго. Слѣдующія далѣе сообщенія ограничиваются дословнымъ переводомъ начала и конца повѣсти по лондонскому списку и пересказомъ ея дальнѣйшаго содержанія.

«Эта книга объ Александрѣ Македонѣ (Alskndr Mkdon) и его приключеніяхъ и подвигахъ и о всемъ, что онъ совершилъ, а также повѣсть о другихъ царяхъ, ему предшествовавшихъ, о его рожденіи и родѣ. Книга эта написана царемъ Talmai

(= Ptolemaeus) вмѣстѣ съ мудрецами Египта и волхвами, которые изслѣдуютъ начала всякаго существа, созданіе всего живущаго и прозябающаго, свойства всякой пищи и волшебство ¹⁾. Таково ея начало.

(Zacher, I, 1) Былъ царь изъ царей египетскихъ, по имени Nektanibor ²⁾. Онъ былъ мужъ мудрый и вѣщій, любимый и уважаемый въ своемъ народѣ. Ему донесли, что противъ него снаряжается Artahschata ³⁾, царь Персін, хочетъ воевать съ нимъ и овладѣть его городами. Услышавъ это, Nektanibor послалъ вѣстника къ границамъ персидскаго царства, разузнать объ этомъ дѣлѣ и принести ему вѣрныя вѣсти. Посланный отправился, вернулся и сказалъ: (Zacher, I, 2) «Знай, что Artahschata, царь Персидскій, собралъ противъ тебя сильное войско; въ Персін, Эламѣ, Ашурѣ не осталось ни одного мужа, ни одного копья и пика на весь востокъ: всё собрались противъ тебя войною» ⁴⁾. Возрадовался Nektanibor и засмѣялся и побранилъ того человѣка и сказалъ ему: «Слабый ты и трусливый мужъ, и тѣ слова сказалъ отъ страха и боязни, содраганія и трепета! Развѣ ты не знаешь, что побѣда, сила и мощь не въ количествѣ войска и не въ его численномъ превосходствѣ, а въ храбрости и мужествѣ? Одинъ левъ уничтожаетъ цѣлое стадо овецъ ⁵⁾. Ступай, ты не храбрецъ!»

(Zacher, I, 3) Затѣмъ Nektanibor пошелъ одинъ въ свой дворецъ, въ мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно занимался изслѣдованіемъ силы свѣтилъ, таинствами и гаданіемъ о будущемъ. Наполнивъ

¹⁾ Ca. Hist. de pr. § 1: Sapientissimi namque Egyptii scientes mensuram terrae atque undis maris dominantes et caelestium ordinem cognoscentes, id est stellarum cursum computantes, tradiderunt ea universo mundo per altitudinem doctrinae et per magicas artes.

²⁾ Hist. de pr. l. c. Nectanebus; Gorionides l. II, c. IX: Nectanebor.

³⁾ Hist. de pr. и Gorionides l. c.: Artaxerxes, Artaxerxes.

⁴⁾ Gorionides l. c.: nemo, qui modo gladium gerere, arcum tendere, scutum ac hastam ferre possit ab orta solis ex universa Indorum terra superest, qui non copis illis adjunctus arma adversus te parat.

⁵⁾ Gorionides, l. c.: annon leo unus infinitum ovium atque caprarum gregem vastabit et perdet? Hist. de pr. ib.: unus homo multos cervos in fugam vertit.

водою мѣдный тазъ, онъ взялъ въ руку пальмовыя вѣтви, нарѣзанныя известнымъ образомъ, ибо онѣ были нарѣзаны въ точно опредѣленную часть и минуту звѣзднаго сочетанія¹⁾. Ими онъ началъ орудовать по своему обычаю, пока ему не представилось (въ видѣннѣи) персидское войско. Затѣмъ онъ продолжалъ дѣлать то-же, дабы узнать, побѣдитъ-ли онъ своихъ противниковъ. Своей мудростью и волшебствомъ, по способу своей вѣры, онъ достигъ того, что ему предстали образы его боговъ, плѣнными на корабляхъ персидскаго царя. Тогда онъ рѣшился не снаряжаться къ войнѣ и думалъ только о своемъ спасеніи. Обривъ голову и бороду и нарядившись въ другія одежды, онъ тайно убѣжалъ изъ своего города ночью. Онъ взялъ съ собою драгоценныхъ камней, золота и серебра, сколько могъ свести, захватилъ также всѣ образы, сдѣланные при помощи астрологін и волшебства, и отправился въ страну *Blusia* (*Pelusium*). Оттуда онъ пошелъ въ *Антиохію*²⁾; здѣсь онъ одѣлся въ шелкъ и виссонъ, обзавелся одеждой и орудіями, какія обычны у именитыхъ вавилонянъ, священниковъ и мудрецовъ. Оттуда онъ отправился въ *Македонію* и жилъ тамъ, и люди того города, ихъ мудрецы и вельможи, почитали его. Онъ имъ пророчествовалъ и каждому объявлялъ его тайну, а они удивлялись и величали его.

Когда увидѣли египетскіе мудрецы, что ихъ царя нѣтъ, они пошли къ одному изъ своихъ наибольшихъ боговъ, по имени *Segarisi*, принесли ему обильныя жертвы и спрашивали, куда удался ихъ царь. Богъ отвѣчалъ имъ и говорилъ: Царь вашъ убѣжалъ изъ Египта отъ персидскаго царя *Артакшаты*, идущаго сюда въ надеждѣ долго властвовать надъ вами, пока не явится его (т. е. *Нектанеба*) юный сынъ³⁾ и не отмститъ вашимъ врагамъ. Тогда вы всѣ ему послужите. Когда услышали египетскіе

¹⁾ *Gorionides* l. c.: *olivaram ramusculos, qui certo tempore abscissi erant; Hist. de pr. l. c.: virgam palme.*

²⁾ У *Gorionides* l. c. *Нектанебъ* также отправляется изъ *Пелузіи* въ *Антиохію*; въ *Hist. de pr.:* *Pelusium, deinde Ethyopiam.*

³⁾ *Hist. de pr. l. c.: debet reverti (самъ Нектанебъ); Gorionides* l. II, c. X: его сынъ.

мудрецы вѣщанія бога, сотворили черное каменное изображение Нектанибора и укрѣпили его скобами въ мѣстѣ Beltmut (Bltmüt), а къ нему прикрѣпили отвѣтъ бога, на память грядущимъ поколѣніямъ» [рпк. стр. 2—3].

(Zacher I, 4) Въ Македоніи Нектаниборъ знакомится съ царицей Nbiados ¹⁾, мужъ которой, Филиппъ, былъ въ то время на войнѣ. Нектанебъ вѣщаетъ ей, что она совокупится съ великимъ богомъ: [рпк. стр. 4] имя ему Амонъ, онъ не старъ и не юнъ, у него бычачьи рога и борода какъ у пса ²⁾. Онъ объявитъ ей свое желаніе во снѣ. Такъ и совершается. — (Zacher I, 5—7) Нектаниборъ приходитъ къ ней въ образѣ змѣя (Tanin). — [рпк. стр. 5] (Zacher I, 8—9) Отсутствующій Филиппъ видитъ въ символическомъ сновидѣніи, что Амонъ запечатлѣлъ чрево Олимпіады золотою печатью, на которомъ изображена змѣя, а надъ нею ножъ и сіяющее солнце; драконъ помогаетъ Филиппу взять осажденный имъ городъ и (Zacher I, 10) въ томъ-же образѣ является самъ Нектаниборъ на пиру. — (Zacher I, 11) Птица спускается на лоно Филиппа и роляетъ яйцо, изъ котораго вылупляется змѣя.

(Zacher I, 12) Поддержанная своими служанками Nbiades (Олимпіада) рождаетъ Аликсандра стоя, при громѣ и молніи. — [рпк. стр. 6] (Zacher I, 13) Онъ является на свѣтъ съ львиной гривой и большими глазами: одинъ какъ Tarschisch, другой черный ³⁾; съ большими зубами и львинымъ голосомъ. — (Zacher I, 14) По его желанію Нектаниборъ обучаетъ его звѣздочетству; [рпк. стр. 7] Аликсандръ свергаетъ его въ ровъ и убиваетъ сверху камнемъ, чтобы посрамить его пророчество, которое такъ именно и исполняется.

¹⁾ Gorionides, l. c.: Nebiras.

²⁾ Hist. de pr. § 8: barbam canis ornata; Gorionides l. c.: caninam habet barbam.

³⁾ Gorionides l. II, c. XII: alter nigro, alter coeruleo (hyacinthino) erat colore; сл. l. II, c. XIV: dexter quidem nigro colore deorsum inclinabat, sinister vero albus, tanquam felis oculus erat ac sursum respiciebat. Сл. Hist. de pr. § 11: erat unus niger et alter glaucus.

(Zacher I, 13, 15) Царь Kplusia'и ¹⁾, соседней съ Македоніей, посылаетъ въ подарокъ Филиппу могучаго коня Buzfal, убивавшаго людей. Филиппъ узнаетъ отъ оракула, что укротитель этого коня будетъ его наслѣдникомъ; Алискандръ его умирятъ.

[ркп. стр. 8] (Zacher I, 18, 19) Алискандръ въгѣзжаетъ на подвиги, снабженный казной и воинами и соутствующемъ писцомъ Pasiur'омъ ²⁾. Они встрѣчаютъ Николая (Nikolas), царя Adranas'a (Pseudocall.: сына царя 'Αρείου; ркп. Α. Ανδρέου) ³⁾, сражаются съ нимъ и побѣждаютъ въ битвѣ. Алискандръ убиваетъ его и овладѣваетъ его царствомъ.

(Zacher I, 19). Вернувшись домой, онъ узнаетъ, что Филиппъ женился на Kliopetra'ѣ ⁴⁾. Военачальникъ Segilanos (поздѣе: Seliganos) ⁵⁾, дерзко объявляющій о томъ Алискандру, убить имъ. — [ркп. стр. 9] (Zacher I, 22) Филиппъ падаетъ на землю; поздѣе онъ примиряется съ Олимпіадой.

(Zacher I, 23) Дарій присылаетъ за данью; Алискандръ отвѣчаетъ, что со времени его рожденія курица перестала нести золотыя яйца. — Области Alamania и Провансъ ⁶⁾ возстаютъ противъ Филиппа; Алискандръ умирятъ ихъ. — (Zacher I, 24) Между тѣмъ вторгается царь Bitinia'u, Juschnis (Psnis? = Pausanias) ⁷⁾, доходитъ до провинціи Angajah ⁸⁾ и побѣждаетъ Филиппа. [ркп. стр. 10] Алискандръ настигаетъ и убиваетъ его; Филиппъ умираетъ отъ полученной имъ раны.

¹⁾ Gorionides I. II, с. XIII: Pelusie; Hist. de prel. § 14: princeps Capadocie.

²⁾ Gorionides I. с.: Phastius scriba; Hist. de pr. § 16: cum. . . Ephestio philosopho.

³⁾ Hist. de prel. § 17: rex Arideorum, var. Aridorum. Либо Adranas испорчено изъ 'Αχαρναῖον (Pseudocall.); Jul. Val.: Aceranarum, Aceranarum. У Горіоніада I. с.: Andriae regem.

⁴⁾ Hist. de pr. § 12: Cleopatra; P. Meyer, I. с. II, стр. 192 прии. 1 указываетъ на варианты: Caliopatra, Galliopatra.

⁵⁾ Hist. de pr. I. с.: Lusias; Gorionides I. с.: Seleucus.

⁶⁾ Hist. de pr. § 20: Armenia; Gorionides I. II, с. XIV: Armeniam et Caracenanam; Pseudocall.: Methone.

⁷⁾ Gorionides I. с.: Jovanes, царь Britanniae; иначе: Cerabones; с. Hist. de pr. § 20: Pausania, filius Cerastes.

⁸⁾ Gorionides I. с.: Agania.

(Zacher I, 25) Народы Македоніи, Trasia'и и Tlaschia'и¹⁾, собранные Александромъ, провозглашаютъ его царемъ. Ему было тогда 26 лѣтъ.²⁾; его войско состоитъ изъ 25000 копѣшниковъ, 87000 стрѣлковъ, 20,500 меченосцевъ и 30,600 другого люда. — [рпк. стр. 11] Онъ отправляется въ Trgantikum³⁾ (Trgmntium? Pseudocall. I, 45: Τεγυραμανταίων. Сл. Zacher, I, с., стр. 124), гдѣ стоялъ храмъ Аполлина. Такъ какъ былъ вечеръ, ему пришлось отложить жертвоприношеніе до слѣдующаго утра. Обращаясь къ нему богъ называетъ его Eγκυλαος (т. е. Иракломъ), къ неудовольствію Александра (Zacher I, 26—29), направляющагося далѣе въ «зеленый климатъ» (можетъ быть, Λευχαδία, если λευχός было понято въ смыслѣ зеленого цвѣта), которымъ завладѣваетъ. Далѣе путь идетъ въ Schalna⁴⁾, отсюда на кораб-

¹⁾ Gorionides I. с.: Tarsiae ac Thalassiae: Hist. de pr. § 21: Tracii et Thesalonicensae (рпк. S. Thesalii).

²⁾ Gorionides I. с.: 20.

³⁾ У Горіюнада I. II, гл. XV Александръ непосредственно отправляется въ Римъ, затѣмъ въ Африку (Ливію и Берберію); купается въ океанѣ, излеченъ врачомъ Филиппомъ. Слѣдуетъ первый походъ противъ Дарія; далѣе: Aboeia, Britannia (var. Berthia, Barthia), Оливъ, ханаанская земля и область Меотиды; tandem ad Lucium regnum (Lucania? Λευχαδία, Λευχάς по объясненію Zacher'a, I. с. 117—118) pervenit, quod et ipse subjugavit; inde in terram Acarcantum in Sicilia sitam transvectus, eandem in suam potestatem redegit, postea Apollinis templum ingressus est, ut ibidem oraret; deinde ad Aegyptiorum usque regionem pervenit eamque subjugavit. Отправивъ войско противъ Триполы, онъ идетъ на Карагенъ, потомъ снова (iterum) на Египетъ, о которомъ далѣе ничего не сообщается, ибо рассказъ переходитъ къ походу на Дарія. — Въ Hist. de prel. §§ 22, 23 послѣдовательность такая: Calcedonia, Римъ, Египетъ; въ рпк. 8 (Zing. стр. 147 рпк.): Calcedonia; далѣе: venit ad locum qui dicitur Tragacantes et castrametatus est. Invenit ibi templum Appollinis et noluit ibi victimam facere et responsa a diis accipere. Sed dictum est ei a sacerdotibus: femina virago est custos loci, non est secreta responsionis, que grece sacora dicitur. Altera autem die venit Alexander ad templum Appollinis et fecit ibi victimam sacrificans diis. Vocavit illum Appollo dicens Herculem. Cui Alexander: Apollo, me vocas Herculem, ergo perit virtus tua. Et exiens inde amoto exercitu subjugans Iliricum. Veniensque in civitatem Salonam subjugavit eam; veniensque inde et navigato pelago ingressus est Ytaliam. Далѣе: Римъ, Египетъ; нѣтъ эпизода о купаньи, но слѣдующія затѣмъ подробности снова совпадаютъ съ нашимъ текстомъ. — Эпизодъ о Tragacantes рпк. 8 помѣщается въ другомъ мѣстѣ. Сл. Zingerle, стр. 162.

⁴⁾ Hist. de prel. § 22 (рпк. 8): Salona.

ляхъ въ Lombardia (Италія), гдѣ римляне подносятъ ему два золотыхъ вѣнца вѣсомъ въ 9000 унцій. — (Zacher I, 30) Переправившись моремъ въ Африку, гдѣ побѣждаетъ Африканцевъ и Филистимлянъ, Алескандръ идетъ въ Берберію, (Zacher I, 41, II, 8) купается въ волнахъ океана, заболѣваетъ вслѣдствіе этого и излеченъ врачомъ Филиппомъ. Отсюда онъ пошелъ въ области Akritas и Parnitas ¹⁾, встрѣчаетъ большого оленя и основываетъ городъ его имени ²⁾. Принеся въ храмъ жертву, онъ направился къ мѣсту, называемому Zirogi (Pozirigi?) ³⁾; у подошвы горы истекали изъ каждой расщелины (дерева?) двѣнадцать источниковъ, вливавшихся въ море (сл. у Zacher'a, l. c. стр. 97, армянскую редакцію Псевдокаллистоена) ⁴⁾. — (Zacher I, 33) На вершинѣ стоялъ запертой храмъ; Алескандръ приноситъ жертву, не призывая бога ⁵⁾. Во снѣ ему являлся Сераписъ и говоритъ, что какъ Алескандръ не можетъ удалить эту гору, такъ невозможно измѣнить и его имя ⁶⁾. На вопросъ Алескандра онъ отвѣчаетъ, что тотъ умретъ еще юнымъ отъ яда. [рпк. стр. 12] Алескандръ посылаетъ свое войско на Аскалонъ ⁷⁾; (Zacher I, 32) на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ станомъ, онъ велитъ построить городъ своего имени; тамъ собирается множество птицъ, которыхъ пожиралъ перепелятникъ. Алескандръ испуганъ, но египетскіе жрецы истолковываютъ это знаменіе въ благопріятномъ смыслѣ ⁸⁾.

(Zacher I, 34) Явившись въ Египетъ, Алескандръ обнимаетъ статую отца своего Нектангбора и признанъ царемъ. — (Zacher I, 35) Отсюда онъ направляется въ Сирію, которую покоряетъ,

¹⁾ Hist. de prel. § 23: ad Pharanitidam insulam.

²⁾ Hist. de prel. l. c.: Sagittarius.

³⁾ Hist. de prel. § 24: Taphosiri.

⁴⁾ Hist. de prel. l. c.: in quo erant ville XV et flumina XII que cursu suo ingrediebantur in mare.

⁵⁾ l. c.: *deprecatus est deos, ut vera responsa illi darent de omnibus.*

⁶⁾ l. c.: *sic et nomen tuum et fatus tuus nullo modo mutabitur.*

⁷⁾ l. c.: Scalonam.

⁸⁾ l. c. (по рпк. 8): *птицы слѣтѣлись, et in circuitu crete sederunt et comederunt eam.*

дагѣ въ Дамаскъ и Belar (Zacher: Tugus), взятіе котораго возвыщено ему символическимъ сномъ: ему представилось, что онъ выжалъ виноградный сокъ изъ лозы ¹⁾.

[стр. 13] (Zacher II, 24) Въ Іерусалимѣ ему выходитъ на встрѣчу первосвященникъ (не названный по имени)²⁾; Алискандръ сходитъ съ колесницы и обнимаетъ его; удивленнымъ вельможамъ, особенно Βηρμασιῶν³⁾, онъ объясняетъ, что мужъ, подобный этому, являлся ему въ его битвахъ, предвѣщая побѣду. [рпк. стр. 14] Жителямъ онъ даетъ всѣ желаемыя ими льготы и назначаетъ царемъ Андрамана (Andramanos)⁴⁾.

Всѣ непокоренные еще либо уstraшенные властители обращаются съ просьбой о помощи къ Дарію. Онъ желаетъ видѣть изображеніе Алискандра, которое ему и показываютъ ⁵⁾. — (Zacher I, 36) Послѣ того онъ шлетъ къ Алискандру письмо [рпк. стр. 15], въ которомъ грозитъ повѣсить его, если онъ не покорится; шаръ и скипетръ, дабы онъ могъ забавляться ими, и золотой кубокъ на бѣдность. — (Zacher I, 38) Алискандръ падаетъ посланнаго, а въ отвѣтномъ письмѣ глумится надъ Даріемъ-солнцемъ, истолковывая шаръ, какъ символъ своего всемирнаго владычества (держава), загнутый кверху скипетръ — въ смыслѣ покорности Дарія, а кубокъ, какъ знаменіе слѣдуемой ему, Алискандру, дани⁶⁾. — (Zacher I, 39) Разгнѣванный Дарій велитъ Антиохійцамъ ⁷⁾ поймать Алискандра и привести къ нему, дабы онъ могъ облечь его въ ребячье платье и отослать домой; [рпк. стр. 17] тѣ отвѣчаютъ, что Алискандръ находится у извѣстныхъ

¹⁾ Hist. de prel. §§ 25, 26.

²⁾ Hist. de prel. § 26: Jaddus.

³⁾ Hist. de prel. § 28: Parmenion.

⁴⁾ I. с.: Andromascho custode. Горіонидъ рассказываетъ эпизодъ о Іерусалимѣ не въ связи съ романомъ, а lib. I, сс. 6—7.

⁵⁾ Hist. de prel. § 29.

⁶⁾ Hist. de prel. § 29: Дарій шлетъ «*pilam ludricam et zocani, quod factum est de virgis, que curvantur a capite, ut luderet cum eo, et cantram auream*». Объясненіе Александра § 81: «*per zocani intelligo, quia sicut illud curvum est a capite, sic curvabunt ante me capita sua omnes potentissimi reges*».

⁷⁾ Hist. de prel. § 32: Prino et Antiocho satrapibus.

водъ въ области Mrgiim. Дарій пишетъ ему еще разъ, велитъ вернуться во свояси и посылаетъ ему маковыхъ зеренъ — символически выражающихъ безчисленность его войска. Аликсандръ узнаетъ въ это время, что мать его заболѣла, и помышляетъ о возвращеніи; Дарію онъ пишетъ въ отвѣтъ: макъ онъ нашелъ сладкимъ [р.кп. стр. 18], а ему посылаетъ перцу; такова крѣпость и его воиновъ ¹⁾. — На пути въ Македонію Аликсандръ подвергается нападенію Amuntan, сатрапа персидской провинціи Arkiim, но отбиваетъ его ²⁾. — (Zacher I, 42) Черезъ Малую Азію онъ достигаетъ Африки (Фригіи) и города Srdan Mmneh, которымъ овладѣваетъ; доходитъ затѣмъ до рѣки Aschmandros (Скамандра) въ области Trabrag (Трой), гдѣ жилъ Гомеръ ³⁾. Философъ Aeghlimtas выражаетъ сожалѣніе, что Гомеръ жилъ не въ царствованіе Аликсандра ⁴⁾, который [р.кп. стр. 19], перейдя по мосту изъ Малой Азіи въ Великую, возвращается въ Македонію и (Zacher I, 46, 47) Teben (Фивы) ⁵⁾, которыя беретъ приступомъ. Пѣвецъ Isminai и Litomikos (даже въ текстѣ Lotimikos) выхо-

¹⁾ Hist. de prel. §§ 84, 85.

²⁾ ib. § 86: Amonta, Arabia.

³⁾ ib. § 87: Cilicia, Isauria, mons Taurus; «et venit in civitatem, que dicitur Pergopolis»; Asia, Frigia; Scamandrus.

⁴⁾ I. c.: Cletomedus; но оборотъ фразы, какъ извѣстно, другой.

⁵⁾ Эпизодъ о Фивахъ помѣщенъ въ Hist. de prel. позже, потому что содержаніе слѣдующаго даже отдѣла въ нашемъ текстѣ, по отношенію къ Historia, перебито, и притомъ довольно правильно. Въ слѣдующей таблицѣ буквы (ab) означаютъ соответственіе отдѣловъ, [ ] эпизоды, принадлежащіе лишь одному тексту:

Египетская Александрія:	Hist. de prel. §§ 38—45.
a. Teben	b. Abdira
Bltnia (Plataea)	Bihostia
Аены	Olinthus
Лакедемонія	Chaldeopolis
[Bantia, Chalkidonia]	Xenis
b. Andria (Abdera)	Lucrus
Iosipia и Plat	a. Thebae (Corinthus)
Intonia (Olynthus) въ землѣ —	Plataea
Халдеѣ	Athens
Bichanis (Xenis)	Lacedemonia
Lukra	

дять ему на встрѣчу къ храму Ikolin'a (= Arolin'a), чтобы узнать о судьбѣ, предстоящей городу. [рпк. стр. 20] Оракулъ, возвѣщенный жрицей, оправдывается на Litomikos'ѣ, трижды побѣдителя въ бою; онъ становится царемъ ¹⁾.

(Zacher II, 1) Алискандръ идетъ въ Blnia'ю (Plataea); жрица Дианы пророчитъ ему побѣду надъ Astagros'омъ (дагѣ Astrogros)²⁾, Александръ свергаетъ его, и тотъ бѣжитъ въ Аѳины, гдѣ (Zacher II, 2) Domistianos возбуждаетъ жителей къ сопротивленію, тогда какъ философъ Aschklon³⁾ склоняется, но не рѣшительно, къ изъявленію покорности. (рпк. стр. 22) Негодуя на то, Алискандръ пишетъ Аѳинянамъ угрожающее письмо; (Zacher II, 3—5) Anschmansch⁴⁾, другъ Ablat'a (Платона; арабск. Iblaton) и Алискандра, встрѣчаетъ его, опечаленный, передъ городомъ, который и пощажень по его просьбѣ.

(Zacher II, 6) Оттуда Алискандръ отправляется въ Lakidionia (они сопротивляются и разбиты), дагѣ въ Bantia (Z. Pontus), нынѣ Kostandina, жители которой подчиняются, равно какъ и жители Chalkedonia'и, пытавшіеся сначала сопротивляться, но покоряющіеся по уговору Алискандра, и люди Andria'и (Abdera), когда онъ обѣщалъ имъ, что не подчинитъ ихъ насильно своей власти до окончанія своей войны съ Даріемъ (сл. Zacher I, 43).

Отсюда онъ отправился въ Iosiria'ю и Piat, провинціи Intopia'и (Olynthus?) въ Халдеѣ, пока не дошелъ до рѣки Vschanis (Aschanis? = Euxinus). Дагѣ они пошли пустыней, гдѣ принуждены были съѣсть своихъ коней, пока не достигли Lukts (сл. Zacher I, 44, 45).

Дарій собираетъ своихъ вельможъ; [рпк. стр. 25] Amsch-

¹⁾ Сл. Hist. de prel. § 89: Ismenea, Clitomagus, Arolio; пророчество Аполлона, что тотъ возстановитъ Фивы, кто трижды побѣдитъ, оправдывается на Клитомакѣ, который трижды побѣждаетъ въ Коринѣ на бѣгу колесницами.

²⁾ Здѣсь въ рукописи отдѣлъ.

³⁾ Hist. de pr. § 41: Strasagoras.

⁴⁾ ib. § 48: Demosthenes, Eschilus.

⁵⁾ Hist. de prel. § 44, по рпк. 8: Amaximenes orator didascalus Alexandri.

kidras (позднѣ Autschkras) ¹⁾ говоритъ дерзкія рѣчи, другой совѣтуетъ собрать войско со всего государства ²⁾.

[рпк. стр. 26] Между тѣмъ и Алискандръ считаетъ свою рать: у него 32000 пѣхотинцевъ, 4500 всадниковъ, матросовъ на 180 кораблей. Онъ идетъ въ Великую Алманію (сл. Zacher II, 9) ³⁾ и занимаетъ ее; пройдя по безводной пустынѣ добирается до рѣки Bandgiana ⁴⁾, на слѣдующій день къ Евфрату, черезъ который велитъ перекинуть мостъ; пройдя черезъ него первый и проведя войско, онъ велитъ сжечь его. Мѣстный сатрапъ Nstlos ⁵⁾ проигрываетъ битву, о чемъ доноситъ Дарію, равно какъ и о томъ, что Алискандръ занялъ городъ Mrganos ⁶⁾. [рпк. стр. 27] Двое Даріевыхъ вельможъ, Strin и Aspker (Hustaspes и Spinther, сл. Zacher I, 39, II, 10) ⁷⁾ просятъ помощи царя, который въ письмѣ къ Алискандру требуетъ его удаленія. Тотъ отвѣчаетъ насмѣшливо [рпк. стр. 28] и собираетъ свое войско. (Zacher II, 13—16) Ночью ему является богъ Амонъ въ образѣ Сатурна ⁸⁾, какъ зовутъ Греки звѣзду Schabtai, и совѣтуетъ ему самому пойти къ Дарію. На другой день, въ сопровожденіи одного лишь Amilan'a ⁹⁾, прежде персидскаго вельможи, нынѣ ему преданнаго, онъ доходитъ до Тигра (Chidekel)¹⁰⁾ и велитъ спутнику подождать его съ конемъ. Рѣка ночью замерзала, а днемъ оттаивала. Переправившись черезъ нее, онъ доходитъ до главнаго города Siplos (Persipolis?) ¹¹⁾, куда его впустили, когда онъ назвалъ себя посломъ Алискандра. [рпк. стр. 29] Дарій

¹⁾ ib. § 46: Oxiather, братъ Дарія.

²⁾ Для всего слѣдующаго отдѣла (до эпизода о Brganud'ѣ) сл. Hist. de prel. § 47 слѣд. по рпк. S. Ca. Zingerle, стр. 174 и 177 въ вариантахъ.

³⁾ Hist. de pr. § 48: Armenia.

⁴⁾ l. c.: transiens per locum, qui dicitur Andriaci, venit ad flumen Eufraten.

⁵⁾ Hist. de pr. § 56: Nostradi, Nostadi.

⁶⁾ Hist. de pr. § 56: Mithriadis.

⁷⁾ ib. § 52: Stapsir et Sphistir; рпк. S: Stapsy et Spchichir.

⁸⁾ l. c. § 60: Mercurii.

⁹⁾ l. c.: Eumilus; Gorionides, l. II, c. XV: Avaeomolon.

¹⁰⁾ Hist. de prel. l. c.: Granicus, qui persica lingua Stragana appellatur; Gorionides l. c.: Arastagan, Istargam.

¹¹⁾ Hist. de pr. и Gorionides: безъ названія.

приглашаетъ его къ столу. Всѣ дивятся, что Алескандръ выбралъ посломъ столь малорослаго мужа. За столомъ Алескандръ пречетъ за пазуху три золотыхъ кубка, узнавъ Anchialos'омъ (дальше Anachlos; Pseudocall. Pasarges) ¹⁾, ходившимъ въ Македонію посломъ отъ Дарія. [р.кп. стр. 30] Съ помощью кубковъ Алескандру удается бѣжать ²⁾; статуя Артакшаты ³⁾ падаетъ съ пьедестала, въ чемъ Дарій видитъ дурное знаменіе. Онъ собираетъ войско, бьется съ Алескандромъ и разбитъ имъ. — Онъ велитъ всѣмъ подвластнымъ князьямъ прислать въ Антиохію ⁴⁾ одежды, нужныя для войска. — [р.кп. стр. 31] (Zacher II, 11, 12) Дарій проситъ Пору, индійскаго царя, о помощи; тотъ обѣщаетъ. — Узнавъ, что Дарій хочетъ занять гору Tgriman въ Plisia'и ⁵⁾, Алескандръ старается предупредить его форсированнымъ маршемъ. Разгоряченный, онъ купается въ рѣкѣ у подножія горы и занемогъ. Vgrmanios, сатрапъ Арменіи ⁶⁾, старается заподозрить въ глазахъ Алескандра врача Филиппа, но напрасно; Алескандръ выздоравливаетъ ⁷⁾.

[р.кп. стр. 32] Дарій снова пораженъ въ слѣдующей битвѣ на Тигрѣ. Персъ Vgrmud хочетъ убить Алескандра, но только зарубилъ на немъ шлемъ; Алескандръ отпускаетъ его на свободу (Zacher II, 9).

Дарій бѣжитъ въ Silipos (въ другихъ мѣстахъ: Sipilos = Persopolis) ⁸⁾ и въ посланіи къ Алескандру [р.кп. стр. 33] совѣтуетъ ему не быть слишкомъ надменнымъ (Zacher II, 17).

¹⁾ Hist. de pr. § 63: Anepolis.

²⁾ Въ Hist. de prel. кубки не играютъ роли въ бѣгствѣ; у Горіоніда (I. с.) Алескандръ даритъ ихъ arcis custodi.

³⁾ Hist. de prel. § 68: Xerxen.

⁴⁾ Hist. de prel. § 55: Antiochiam.

⁵⁾ Hist. de prel. по р.кп. 8 (Zing. стр. 174 въ варьянтахъ): Taurum montem Sicillie.

⁶⁾ Hist. de pr. § 47: Parmenius; qui tenebat Armeniam.

⁷⁾ Нашъ текстъ уже ранѣе говорилъ объ этомъ купаніи Алескандра, и именно въ Египтѣ, согласно съ Pseudocall. С, II, 25, отступая отъ Hist. de pr.; теперь согласно съ нею и Pseudocall. LBC I, 41 и AVLBC II, 8.

⁸⁾ Hist. de pr. § 66 (по р.кп. 8): Persipolim.

Алискандръ переправляется черезъ Тигръ въ страну *Ag-tachschata'y*, гдѣ были гробницы персидскихъ царей, между прочимъ древняго Нива *Schirbah* ¹⁾, гробница котораго была изъ драгоценныхъ камней: снаружи высѣчены были въ нихъ деревья ²⁾, камень блестягъ и былъ прозраченъ какъ стекло. Здѣсь они забрали безчисленныя сокровища (*Zacher* II, 18).

Персидскіе вельможи составили заговоръ противъ Дарія и убиваютъ его въ надеждѣ на награду отъ Алискандра. Алискандръ узнаетъ о томъ, ищетъ и находитъ Дарія [р.кп. стр. 34] и обѣщаетъ возратить ему вѣнецъ. Дарій проситъ почитать его мать *Drongis* и жениться на его дочери *Ruschnan* ³⁾ и рекомендуетъ ему быть скромнымъ. Алискандръ чтитъ волю покойнаго (*Zacher* II, 20).

Онъ вѣнчается на царство въ *Sipilos'y* и шлетъ всѣмъ своимъ князьямъ приказъ — отыскать убійцу Дарія, [р.кп. стр. 35] ибо желаетъ наградить ихъ. Когда они явились, онъ велитъ ихъ обезглавить на гробницѣ Дарія (*Zacher* II, 21) ⁴⁾. — По желанію народа дядя Дарія, *Dornos* ⁵⁾, провозглашенъ княземъ (*Zacher* II, 22). — [р.кп. стр. 36] Алискандръ женится на *Ruschnan* и пишетъ матери и Аристотелю о своихъ подвигахъ ⁶⁾.

Далѣе онъ отправляется къ городу *Artania* ⁷⁾, которымъ овладѣваетъ, къ городу *Barthia* ⁸⁾, отсюда въ *Sitia'y* ⁹⁾ и къ народамъ, пожирающимъ человѣческое мясо и своихъ покойниковъ. Эти народы Алискандръ загоняетъ на сѣверъ и запираетъ ихъ

¹⁾ l. c. § 68: *Nini regis Assiriorum*.

²⁾ l. c. *palmulas et aves*.

³⁾ *Hist. de pr.* § 73: *Rodogonen, Roxanen*.

⁴⁾ *Hist. de pr.* § 75: *ut... capita eorum truncarentur*.

⁵⁾ l. c.: *Duritus*.

⁶⁾ Для дальнѣйшаго см. *Hist. de pr.* § 77 по р.кп. S (*Zing.* стр. 199—200 въ вариантахъ). Горюндадъ I. II, с. XVI слѣд., представляетъ до конца другой распорядокъ разсказа.

⁷⁾ *Hist. de pr.* § 77 (S): *Hircania*.

⁸⁾ l. c.: *subegit hircanos et anglos*; въ какой-нибудь рукописи могло стоять *bartos* (= *parthos*), отсюда *britannos* и далѣе *anglos*. См. выше варианты у Горюнда: *Britannia, Barthia* и *Berthia*.

⁹⁾ l. c.: *Scythia*.

за двумя горами, Pгопо-Вtras и Вигагсч ¹⁾, стѣною, ширина которой 12 аршинъ (Zacher III, 26).— Отсюда онъ отправляется въ Каспiю ²⁾, гдѣ принужденъ сражаться съ змѣями, далѣе въ Ванiа'ю ³⁾, жители которой держатъ дрессированныхъ собакъ, при помощи которыхъ сражаются; Алискандръ велитъ своимъ воинамъ взять къ себѣ на повозки свиней, чтобы отвлечь собакъ (сл. Pseudocall. С, III, 3, гдѣ вмѣсто собакъ являются слоны).

[рп. стр. 37] Воины Алискандра возмущаются, не желая слѣдовать за нимъ въ пустыню (сл. Zacher III, 1); онъ ихъ успокоиваетъ и идетъ далѣе къ Pггman, къ границамъ Индiи. [рп. стр. 38] Поръ шлетъ ему высококомѣрное письмо (отвѣтъ Алискандра) и снаряжается къ войнѣ: у него 400 слоновъ, на каждой двѣ башни, въ каждой по 50 человекъ. Алискандръ велитъ сдѣлать мѣдныхъ слоновъ, которыхъ наполняютъ горячими угольями; о нихъ ожигаются испуганные слоны Пора; Алискандръ выѣзжаетъ на Busfal'ѣ ⁴⁾ и побѣждаетъ (сл. Zacher III, 2—3) ⁵⁾.

Вступивъ въ завоеванный городъ онъ видитъ во дворцѣ Пора золотыя колонны съ капителями изъ граватовыхъ яблокъ; золотыя лозы съ ягодами изъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней, и золотыхъ птицъ, которыя поютъ, когда въ нихъ проникаетъ вѣтеръ (Zacher, стр. 151: Epistola ad Aristotelem) ⁶⁾.

Онъ идетъ далѣе къ острову Mdoniia (= Amazonia) и велитъ сказать царицѣ Blistig⁷⁾, чтобъ она ему покорилась. Она отвѣчаетъ, что властвуетъ надъ 214000 тысячами амазонокъ, живущими на двухъ островахъ у границъ обитаемаго материка. Одинъ разъ въ году, въ теченiи 30-ти дней, мужчины имѣютъ общенiе съ женами; мальчиковъ, достигшихъ семилѣтняго возраста, от-

¹⁾ l. c. Permaunctorium (Promontorium?) Boreum.

²⁾ l. c.: ad portas Caspiae.

³⁾ l. c.: Albania.

⁴⁾ Hist. de pr. § 80 (S): Buciphal.

⁵⁾ Для всего этого эпизода сл. Hist. de prel. §§ 77—80.

⁶⁾ Hist. de prel. § 81.

⁷⁾ l. c. §§ 82—84 (Talistrida, Talistria).

возять на островъ мужчинъ. Во время битвы послѣдніе являются зрителями и принадлежатъ побѣдившей сторонѣ; побѣдительницѣ принадлежитъ достояніе побѣжденныхъ ею. [ркп. стр. 40] Вслѣдствіе этого не честь будетъ Алескандру побѣдить женъ либо быть побѣжденнымъ ими. Но онъ требуетъ ихъ подчиненія, и онѣ покоряются (Zacher III, 25, 26). Между тѣмъ Алескандръ¹⁾ узнаеть, что Поръ собираеть на другоѣ сторонѣ Индіи новое войско, и рѣшается предупредить его (сл. Zacher, стр. 152: *Epistola ad Aristotelem*). Полтораста вожаковъ ведутъ его по страшнымъ пустынямъ. Небольшое количество воды, которое нашли и принесли ему, онъ не пьеть, а выливаетъ. У него 100000 конныхъ, 300 тысячъ пѣхоты и т. д. На пути онъ находитъ озеро съ деревьями и камышомъ, но вода была горька. [ркп. стр. 41] Далѣе у одной башни нашлась прѣсная вода; Алескандръ велеть разложить большіе огни; ночью являются чудныя, большія, рогатыя змѣи, проливающія ядовитыя слезы и тѣмъ умерщвляющія людей. По приказу Алескандра ихъ колятъ копьями и прогоняють. Тогда изъ воды показываються неуязвимые скорпіоны и раки; они попадаютъ въ огонь. Около полуночи приходятъ львы, кабаны, затѣмъ звѣрь, называемый Индійцами *Odantran* (*Ἰοδοντοτίραννος*)²⁾, точно конь, съ тремя рогами на лбу. Онъ убиваетъ 25 человекъ, пока не убитъ самъ. Далѣе являются крысы величиною съ лисицу, отъ укушенія которыхъ люди умирали внезапно; обезьяны и красныя птицы, ва подобіе орловъ, пожиравшія трупы³⁾ (сл. Zacher III, 17 e, f, g, h и *Epistola ad Aristotelem*).

На слѣдующее утро они направились къ городу *Artkman*⁴⁾; гдѣ растутъ хлопчато-бумажныя деревья. [ркп. стр. 42] Жители страны покоряются Алескандру, который, снова сойдясь съ По-

¹⁾ Для слѣдующаго, до столбовъ Иракла включительно, сл. *Hist. de prel.* §§ 85—89.

²⁾ *Hist. de prel.* § 87: *Odontetiranno*.

³⁾ *Hist. de prel.* l. c.: *ut vultures. . . impleverunt totam ripam de ipso stagno et ceperunt exinde trahere pisces et anguillas et comedebant eas.*

⁴⁾ l. c. § 88: *in loca Bactrinarum.*

ромъ, предлагаетъ ему единоборство и убиваетъ его. Индійцы ему подчиняются; на томъ мѣстѣ онъ строитъ городъ Alskandria'ю, существующій и донынѣ ¹⁾ (Zacher III, 4). Онъ поклоняется двумъ находившимся тамъ почитаемымъ статуямъ, велитъ просверлить ихъ, наполнить расплавленнымъ золотомъ и снова укрѣпить ²⁾ (Zacher III, 17, k и 27; Epistola l. c. стр. 160).

Онъ идетъ къ мѣсту Kupids, далѣе къ Вракнасамъ ³⁾, въ мѣстности, гдѣ были теплые и холодные ключи и жили женщины, вооруженныя серебряными ⁴⁾ копьями и не знавшія ни желѣза, ни мѣди. Въ той странѣ ихъ тѣни значительно удлиннились (Zacher III, 27, стр. 168).

Идя къ сѣверу они добрались до озера, гдѣ росъ тростникъ; туда явился звѣрь, по имени Azbitmas (т. е. Disan или Reem, по сирійски — aschurit), у него кожа, какъ у черепахи (лягушки), зубы какъ у mgdah (неизвѣстное значеніе) ⁵⁾. Его убили молотомъ и палицею (сл. Zacher, стр. 160: Epistola, и III, 17 b: Hebdomadation). — Далѣе направились къ мѣсту Bomimsr (Zacher, стр. 160, Epistola: Buemar) ⁶⁾, гдѣ на нихъ напали слоны, прогнанные хрюканьемъ свиней и трубнымъ звукомъ.

Они встрѣчаютъ бородатыхъ женъ, живущихъ охотою, мужчинъ и женщинъ, покрытыхъ верблюжьей шерстью и спрятавшихся въ морѣ; женщинъ въ двѣнадцать аршинъ ростомъ, съ свиными клыками и большими хвостами; волосы, спадая съ головы, покрываютъ ихъ тѣло; у другихъ вмѣсто ногъ были ко-

¹⁾ Hist. de prel. § 89 (рпк. S): Alexandria ueriporum.

²⁾ Hist. de prel. l. c. (рпк. S). За этимъ эпизодомъ слѣдуетъ разсказъ о гимнософистахъ и далѣе встрѣча съ женщинами, вооруженными серебряными копьями и т. д. Въ нашемъ текстѣ наоборотъ.

³⁾ Въ Hist. de pr. этихъ подробностей нѣтъ.

⁴⁾ Въ текстѣ (по переводу Гастера): Erzlanzen, хотя далѣе говорится, что тѣ жены не знали ни желѣза ни мѣди (Kupfer). Поправка по Hist. de prel. § 92.

⁵⁾ Hist. de prel. § 92: bestia similis ippopotamo. . . . pectus habebat sicut cocodrillus, dorso habebat sicut serra, dentes vero habebat fortissimos. — Gorionides, l. II, c. XVIII: Apipothmi.

⁶⁾ Hist. de prel. § 93: Buemar.

пыта¹⁾. [рпк. стр. 44] Около полуночи ихъ испугала буря съ сѣвера, улегшаяся къ утру. Они проходятъ черезъ снѣжныя горы, позже въ области тумана, среди смертоносныхъ молній. По молитвѣ Аликсандра настааетъ свѣтъ²⁾.

Далѣе путь къ тѣмъ, кого по гречески зовутъ *Giminos Pistos* (Γυμνοσοφισταί), т. е. нагомудрецы, которые пишутъ Аликсандру посланіе, изображая свою нищету и отсутствіе потребностей. Онъ пускается въ бесѣду съ ними, задастъ рядъ вопросовъ, напр.: Кто мудрѣе? — Животныя. — Въ чемъ состоитъ господство человѣка? — У васъ въ разбоѣ, у насъ въ мудрости. [рпк. стр. 45] Аликсандръ спрашиваетъ: не пожелають-ли они чего-нибудь отъ него? Они просятъ долголѣтія, что, по его признанію, выше его силъ (*Zacher II, 4—6*)³⁾.

Оттуда они приходятъ къ деревьямъ, выросавшимъ до полудня и затѣмъ опускавшимся въ землю. На нихъ ароматныя плоды; солдаты, покусившіеся на нихъ, убиты огненнымъ лучемъ, изоседшимъ отъ птицъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ⁴⁾. Были тамъ рыбы, которыя варились лишь въ холодной водѣ (*Zacher II, 36*), звѣри о пяти ногахъ, трехъ глазахъ, съ ртомъ на груди, говорившіе по человѣчески и птавшіеся злаками.

[рпк. стр. 46] Далѣе Аликсандръ отправился къ рѣкѣ *Pison*, по индійски *Gangan* (*Ganges*), изъ которой течетъ египетскій Нилъ. Ширина той рѣки — годъ, только въ (мѣсяцы) *Ab* и *Tamuz* она доступна. У второй рѣки живутъ очень красивыя люди: это *Brahma*. Къ ихъ царю *Dgnos* (*Ddnos?* = *Dandanos*) Аликсандръ посылаетъ посла съ письмомъ, въ которомъ называетъ себя ученикомъ Аристотеля [рпк. стр. 46] и другомъ мудрости. *Dgnos*, священникъ *Brahma*'овъ, отвѣчаетъ пространно (рпк. стр. 47—52), философскими размышленіями о грѣховности міра, въ кото-

¹⁾ I. c. §§ 94, 95 (рпк. S).

²⁾ I. c. §§ 96, 97.

³⁾ *Hist. de prel.* § 90.

⁴⁾ I. c. (по рпк. S). См. у *Zingerle*, стр. 216 въ вариантахъ (сл. § 106), непосредственно за эпизодомъ о гимнософистахъ, и у *Горіонада I. II, с. XVII* эпизодъ объ *Asagtau* = брагманахъ.

ромъ живеть Алискандръ, и о чистотѣ, въ которой пребываютъ Вгаиша'ы, питающіеся исключительно плодами и т. д. Они молятся одному лишь Богу, тогда какъ тѣ чтутъ столькихъ боговъ, сколько членовъ человѣческаго тѣла; они не вѣрятъ, какъ люди міра сего, въ жрицу Минерву, вышедшую изъ звѣзды Юпитера, или въ Тташ'у (Athenas) изъ звѣзды Сатурна, либо въ Мгатш'а (Martes) изъ Марса, имѣющихъ такимъ образомъ вліяніе на умъ, т. е. на тѣло и сердце; они также не приносятъ свиней въ жертву Марсу, козъ Сатурну, быковъ Юпитеру, голубей звѣздѣ Венеры, козъ Минервѣ, ягнятъ Аоннѣ и т. д. — Алискандръ отвѣчаетъ, что ихъ нравы и отсутствіе потребностей не заслуга, ибо они не подвержены искушеніямъ и необходимость возводятъ въ добродѣтель. [рпк. стр. 54] Слѣдуетъ еще одно посланіе Dгноs'а [рпк. стр. 55] и отвѣтъ Алискандра, который велитъ водвигнуть на рѣкѣ Pison'ѣ колонну съ надписью: Алискандръ грекъ былъ здѣсь въ такое-то время ¹⁾ (сл. Zacher III, 4—16 и Epistola, ib., стр. 162).

Они идутъ далѣе въ Abtaia'ю ²⁾ и приходятъ къ долгошеимъ людямъ, называемымъ Pitiki ³⁾, къ великанамъ съ львиной мордой, которыхъ прогоняютъ крикомъ (Zacher II, 32) ⁴⁾. На слѣдующій день они встрѣчаютъ великаго мужа, обросшаго щетиной; [рпк. стр. 56] они пытаются приманить его дѣвицей, но онъ убѣгаетъ съ нею; его преслѣдуютъ и убиваютъ вмѣстѣ со многими его товарищами (Zacher II, 33) ⁵⁾.

Отсюда они пришли къ горѣ Агмбтин ⁶⁾, на вершинѣ которой покоится солнце; рядомъ стоитъ драгоценный храмъ, тамъ сидѣлъ старецъ, вкушалъ ладонъ и пилъ душистый слей. Онъ ведетъ

¹⁾ Hist. de prel. §§ 98—102.

²⁾ l. c. § 103: Actea.

³⁾ Gorionides I. II, c. XVI: ругтаеоз. . . quos Graeci Pitheras vocant. Интересно созвучіе этихъ питиковъ съ питиками сербской Александрии, отвѣчающими малорослымъ людямъ Псевдокаллистоена. Сл. Изв. исторіи романа и новѣсти, вып. I, стр. 219—20 и 226—7.

⁴⁾ Hist. de prel. § 103.

⁵⁾ Hist. de prel. § 104.

⁶⁾ ib. § 106: montem adamantinum.

Алискандра и двухъ его спутниковъ (Antoninos и Berdikos) ¹⁾ къ деревьямъ солнца и луны; между ними стояло высокое дерево, на которомъ сидѣла птица Fenik ²⁾. Деревья вѣщаютъ [рпк. стр. 57] Алискандру близкую кончину отъ яда (Zacher III, 17, 1 и Epistola).

Далѣе Алискандръ прибылъ въ одинъ городъ (название его въ переводѣ: Коровій камень) ³⁾, гдѣ жители приносятъ ему чудесныя шкуры рыбъ, называемыхъ Tzlabch (арабское слово? Сл. Zacher, стр. 162: Epistola) ⁴⁾. Тамъ на вершинѣ горы былъ замокъ изъ отсанныхъ камней и въ немъ жила царица Klauls; къ этому имени присоединено однажды и другое: Kndass ⁵⁾. Алискандръ пишетъ ей, чтобъ она явилась къ сооруженной имъ золотой статуѣ Амона, гдѣ она встрѣтитъ его. Та отвѣчаетъ, посылая драгоценныя дары Амону и Алискандру [рпк. стр. 58], а вмѣстѣ посылаетъ живописца: онъ тайно снимаетъ портретъ съ Алискандра, вырѣзавъ его на золотой доскѣ ⁶⁾, которую царица и помѣщаетъ въ своей опочивальнѣ. У ней было три сына: Knduals, Mrsikus и Praktor ⁷⁾. — На Knduals'a, отправлявшагося къ матери съ женою, нападаетъ и грабитъ его царь Bbirka (далѣе Bibrka) ⁸⁾; Knduals приходитъ въ станъ Алискандра, который велитъ Tolmai'ю ⁹⁾ занять свое мѣсто, а самъ, принявъ имя Antikon'a ¹⁰⁾, идетъ вдвоемъ съ Knduals'омъ въ Bbirka [рпк. стр. 59] и грозитъ зажечь городъ. Тогда жители врываются во дворецъ и освобождаютъ жену Knduals'a. По его уговору Алискандръ сопровождаетъ его къ его матери; путь идетъ черезъ горы

¹⁾ I. c.: cum Ptholomeo et Antigono et Perdica.

²⁾ I. c.: fenix.

³⁾ Hist. de pr. § 107: Prasiaca.

⁴⁾ I. c.: pelles ex piscibus habentes figuram ex pelle pardaleonis.

⁵⁾ I. c.: Candacis; ркп. S: Cleophilis Candacis.

⁶⁾ I. c. § 108: in membrana.

⁷⁾ I. c. § 107: Candaulus, Marsippus и Carator; у Горюида I. II, с. XX: Candacles и Berberon.

⁸⁾ I. c. § 108: rex Bebricorum.

⁹⁾ I. c.: Antigonus.

¹⁰⁾ I. c.: Ptholomeus; у Горюида I. II, с. XIX: Tolmidia; позже: Tolmai.

Didlaos ¹⁾, поросшія чудесными плодовыми деревьями исполнискаго роста; описывается дивный дворецъ царицы [ркп. стр. 60], ея диванъ, влекомый слонами ²⁾ и т. п. Она узнала Алискандра, говоритъ это ему и свиду глумится надъ его безсліемъ: онъ теперь въ рукахъ царицы Kndsiab (Sandaces). Но она тотчасъ-же успокоиваетъ его [ркп. стр. 61], а вмѣстѣ и предостерегаетъ противъ мести ея невѣстки, дочери Пора.

Между Knduals'омъ и Praktog'омъ происходитъ ссора; Алискандръ (выдающій себя за Антигона) принимаетъ ихъ увѣреніемъ, что самъ Алискандръ явится къ нимъ, и они могутъ расправиться съ нимъ лично.

[ркп. стр. 62] На обратномъ пути Алискандръ и Knduals посѣщаютъ пещеру падшихъ ангеловъ. Алискандръ входитъ первый, видитъ Hisonksis'a (по народной этимологіи: могучій старецъ, изъ Sesonchosis ³⁾), говорящаго ему о помощи, которую онъ ему оказывалъ. Далѣе онъ видитъ въ темнотѣ свѣтящіеся глаза боговъ, затѣмъ Orikel'я, т. е. Сераписа ⁴⁾, который открываетъ ему, что былъ ему помощникомъ въ странѣ Lybi'цевъ ⁵⁾. На вопросъ Алискандра, когда онъ умретъ, Сераписъ отказывается въ отвѣтѣ, но обѣщаетъ вѣчное покровительство городу, основанному Алискандромъ, гдѣ онъ и будетъ похороненъ. Затѣмъ всѣ исчезаютъ.— Вернувшись въ свой лагерь Алискандръ открываетъ Knduals'у, кто онъ (эпизодъ о Кандакѣ сл. у Zacher'a III, 19—24).

Идя далѣе, онъ встрѣчаетъ драконовъ съ камнями-самосвѣтами на рогахъ; звѣрей съ громадными когтями, свиною головою и львинымъ хвостомъ; [стр. 63] далѣе птицъ, величиною съ орла. На одной рѣкѣ, въ 2¹/₂ мили шириною, жители приносятъ ему рыбу: Морской старецъ или Морская борода, и мелкой рыбы,

¹⁾ l. c. (ркп. S): dydalas.

²⁾ Hist. de prel. § 109: triclunii. . . habebant sculptos falcatos carrus. . . , nec non et elephantos sculptos.

³⁾ l. c. § 110: Sesonchosis

⁴⁾ l. c.: Serapis.

⁵⁾ l. c.: Libie.

величиной съ муху, но очень вкусной¹⁾. — Слѣдуетъ встрѣча съ красивыми женщинами: у нихъ волоса по бедра, зубы что у пса. Алискандръ доходитъ до береговъ океана, къ колоннамъ (запорамъ) неба (они названы Kutbim), поставленнымъ древнимъ Argols (= Argols), и велитъ ихъ разрушить²⁾ (Zacher II, 34 и III, 27).

Онъ приходитъ въ страну Mnarids³⁾, которой овладѣваетъ п царя которой Kimos'a⁴⁾ велитъ сжечь. На кострѣ онъ смѣется надъ Алискандромъ и предсказываетъ ему близкую смерть.

[рпк. стр. 64] На островѣ Mnarba⁵⁾ промежь двухъ рѣкъ въ воинствѣ Алискандра стрѣляютъ ядовитыми стрѣлами. Ночью во снѣ является ему Амонъ и указываетъ на одну росшую тамъ траву, какъ на противоядіе.

Оттуда они пришли къ морю Suf (тростниковое море), что арабы называютъ Чернымъ моремъ (Albahr alahmar; сл. Zacher III, 28 прим.)⁶⁾, гдѣ лежитъ магнитная гора⁷⁾. Тамъ онъ поймалъ нѣсколькихъ орловъ⁸⁾, привязалъ къ ихъ ногамъ кресло съ столбиками, чтобы можно было за нихъ держаться, и полетѣлъ въ высь, пока земля не показалась ему небольшимъ токомъ, окруженнымъ океаномъ, словно змѣей⁹⁾. Бурный вѣтеръ¹⁰⁾ заставляетъ птицъ спуститься въ двухъ дняхъ пути¹¹⁾ отъ лагеря (Zacher II, 41, LC). — [рпк. стр. 65] Затѣмъ Алискандръ спускается въ стеклянному сосудѣ на дно Чернаго моря¹²⁾, гдѣ созерцаетъ чудныхъ рыбъ, звѣрей и растенія (Zacher II, 38 LC).

¹⁾ ib. § 113: tunicas de vitellis marinis seu et vermes, quos de ipso humine trahebant. . . et murenas, quas trahebant ex ipso oceano.

²⁾ Hist. de prel. § 114 (рпк. S): venit in finibus terre ad mare oceanum, in quo sunt cardines celi, et ibi gesonas uideque (?), quos Hercules condidit, subegit.

³⁾ l. c. § 115 (рпк. S): ad Mardos.

⁴⁾ l. c. (рпк. S): Calamus.

⁵⁾ l. c. (рпк. S): insulam . . . in qua erat civitas, cuius rex vocabatur Ambira.

⁶⁾ l. c.: mare rubrum.

⁷⁾ l. c.: mons celsus valde.

⁸⁾ l. c.: grifas.

⁹⁾ l. c.: sicut draco.

¹⁰⁾ l. c.: virtus divina.

¹¹⁾ l. c.: dierum decem.

¹²⁾ l. c. § 116: profundum maris.

Они идутъ далѣе и встрѣчаютъ звѣрей, пробивавшихъ своими рогами желѣзные брони. Пришли въ страну чернаго перца: тамъ зѣби съ рогами на подобіе Аку (козули? Сл. Пятонк. IV, 14, 5)¹⁾, далѣе звѣри, называемые Ktoplos (Ktophor = Kentauros?)²⁾, съ лошадиными головами и страшными зубами, пышавшіе пламенемъ. Изъ одной рѣки вышло множество пресмыкающихся и шестиногіе муравьи съ собачьими зубами и черными глазами. Они роютъ золото и кладутъ его на солнце; когда кто приблизится къ нимъ, они дуютъ на него, и онъ умираетъ³⁾. Далѣе они встрѣчаютъ «полеваго мужа», одноглазаго великана⁴⁾. На одномъ острову они находятъ безголовыхъ людей (Zacher III, 28), съ глазами и ртомъ на груди; у другихъ бедра были широкія, руки бѣлыя, бедра черныя и красныя ноги [рпк. стр. 65]; голова у нихъ круглая⁵⁾.

Недалеко оттуда окопѣлъ Busifal; на его могилѣ Алискандръ соорудилъ во имя его городъ Busfia'ю⁶⁾. Оттуда они пришли въ страну, названную арабами Al Ma val Šams (вода и солнце)⁷⁾; жители приводятъ 5000 слоновъ, 100000 повозокъ провіанта и т. д. — Далѣе они прибыли въ столицу (дворецъ) Artahšasta'ы⁸⁾, гдѣ птицы, похожія на бѣлыхъ голубей, предсказывали людямъ исходъ ихъ болѣзней, поворачиваясь къ больному, когда ему предстояло выздоровѣть, отворачиваясь, если болѣзнь была неизлечима (сл. Zacher III, 28).

Алискандръ возвращается въ Вавилонъ, гдѣ ему служатъ цари Kartagini, Afrikia'и, Sfrdr (Испанин?), Lombardia'и, Tzkalia'и, Arminia'и и цари съ окраинъ свѣта⁹⁾. Онъ велитъ написать

¹⁾ l. c. § 118: *sicuti magni arietes.*

²⁾ l. c. § 119: *Kynocephali.*

³⁾ *Hist. de pr.* § 119 (по рпк. S): *que cum hominem uel aliud animal inueniunt, denorant.*

⁴⁾ *ib.* *ciclopes.*

⁵⁾ *ib.*

⁶⁾ *Hist. de prel.* § 120 (по рпк. S): *Bucephaliam.*

⁷⁾ l. c. § 121: *Tyton.*

⁸⁾ l. c. § 122: *Xerxen.*

⁹⁾ l. c. § 123 (по рпк. S): *ex Karthagine et totius civitatis Affrice, sed et Hispanie et Ytalie, nec non et insularum Sylicie et Sardię.*

Аристотелю и матери письмо (содержаніе котораго не приводится) обо всемъ, что онъ совершилъ. Аристотель отвѣчаетъ похвалами. [ркп. стр. 67] Затѣмъ Александръ велитъ соорудить двѣ колонны, на которыхъ разсказаны были его дѣянія: одна стоитъ въ Sinear'ѣ и Sesach'ѣ, другая въ Персін (Zacher III, 17; сл. стр. 162: Epistola) ¹⁾.

Въ это время родился ребенокъ уродъ, съ неподвижной верхней частью тѣла; Talmi (= Ptolemaeus) ²⁾ истолковываетъ это какъ знаменіе близкой кончины Александра (Zacher III, 30).

Въ Ассирахъ ³⁾ жилъ мужъ, по имени Antibtros, у него былъ братъ, сыновья котораго служили въ войскѣ Александра, Jobas въ качествѣ главнаго кравчаго, Alias въ званіи главнаго пекаря ⁴⁾. Jobas'у Antibtras посылаетъ, при посредствѣ брата своего Kludros (Cassander), ядъ, заключенный въ желѣзномъ, запечатанномъ сосудѣ. Александру снится, что Antibtros ⁵⁾ убиваетъ его мечемъ, и Птоломей ⁶⁾ толкуетъ это въ томъ смыслѣ, что убійцей будетъ именно онъ. — Вскорѣ послѣ того, послушавшись навѣта, Александръ велитъ наказать Jobas'a [ркп. стр. 68], который и отравляетъ его за столомъ. Александръ ощущаетъ боль, удаляется во свою опочивальню и проситъ подать себѣ перо, чтобъ облегчить себя (вызвавъ рвоту) ⁷⁾. Затѣмъ онъ пытается выброститься изъ окна въ протекающій мимо Евфратъ, но Ruschnan удерживаетъ его. Тогда онъ велитъ Jobas'у позвать къ себѣ писца своего Симеона ⁸⁾ и велитъ ему написать Аристотелю: чтобъ онъ далъ 10000 литръ золота служителямъ бога, по-

¹⁾ l. c. (по ркп. S): unam . . . in Babilonia, et aliam in Persida.

²⁾ l. c. § 124: ariolus.

³⁾ Hist. de pr. § 125: Macedonia.

⁴⁾ ib.: Antipatrus, у него сыновья Cassander и Hyolus, «qui vocabatur Jobas»; у Горіоніда l. II, с. XXII: Antipater, у него сынъ Aelius, «qui praecipuus erat Alexandri pocillator».

⁵⁾ Hist. de pr. § 125 (по ркп. S): Cassander.

⁶⁾ l. c.: ariolus.

⁷⁾ l. c. § 127.

⁸⁾ l. c.: statimque vocavit Jobas et precepit ei, ut vocaret Simeonem notarium suum.

строилъ бы храмъ на его гробницѣ и въ немъ снабдилъ всѣмъ необходимымъ священниковъ. Изъ его наслѣдниковъ нѣтъ лучше второго по немъ, Птолемея: ему пусть достанется Египетъ и сосѣднія земли и Тетанъ и Африка и всѣ области востока [рпк. стр. 69] до Вктрас¹⁾. Онъ долженъ жениться на оставленной Филиппомъ Клеопатрѣ²⁾. Если у Ruschnan будетъ сынъ, онъ будетъ всѣмъ править, за исключеніемъ Птолемеява удѣла; если дочь, то ей достанется только Македонія³⁾. Затѣмъ онъ такъ раздѣлилъ свое царство: Птоломей, какъ сказано, будетъ наибольшимъ и почетнѣйшимъ; Arpstios, зять Пердикки⁴⁾, получитъ Медію; Sinor Sasania'ю⁵⁾, Антигонъ Великій Провансъ(?)⁶⁾, Леонъ Иконію и Наркосъ Арменію⁷⁾.

Входятъ Македоняне и сѣтуютъ, всего болѣе Asklorus⁸⁾, стоявшій у изголовья. Александръ велитъ своимъ приближеннымъ и брату Филиппу⁹⁾ набальзамировать свое тѣло и отправить въ Египетъ, а въ храмъ Аполлина Аѳинскаго и во всѣ греческіе храмы раздать много золота.

Такъ и было сдѣлано. Александръ родился въ среду, въ день новолунія, мѣсяца Sivan, на восходѣ солнца, а умеръ въ воскресенье, въ новолуніе мѣсяца Iyar, на заходѣ солнца¹⁰⁾, и притомъ отравленный. [рпк. стр. 70] Всѣ понесли его въ Александрію,

¹⁾ l. c. (по рпк. S): *Egypti et Affrice Arabieque et super omnes satrapas orientis et usque Baccaran* (рпк. G. Bactran).

²⁾ l. c.: *Caliopatra quam nupsit Phylippus genitor meus.*

³⁾ l. c. (S): *quod si filiam feminam genuerit (Roxane), eligat sibi macedonem regem quem voluerit.*

⁴⁾ *Hist. de prel. l. c. (S): Apropatus zoter (socer?) Perdices.*

⁵⁾ *ib.: Scino sit princeps Susaniae gentis.*

⁶⁾ *ib.: Frigie maioris.*

⁷⁾ *Послѣднихъ двухъ именъ нѣтъ въ Hist. de prel.*

⁸⁾ *Hist. de pr. § 129: Speleucus.*

⁹⁾ l. c.: *Philippo fratri suo, qui vocatur Arideus.*

¹⁰⁾ l. c. § 180, по рпк. S: *Natus est quinto die mensis decembris stante, defunctus est secundo die stante mensis marcii. Cf. Gorionides l. II, c. XXII: dies, in quo natus est Alexander, incidit in mensem qui Aegyptiis Pichot, Judaeis Ijar dicitur; hujus mensis die quarto, sub ortum solis, natus est Alexander, atque eodem die quarto ejusdem mensis sub occasum solis mortuus est.*

Bdrkis (Pergiccas) ¹⁾ шелъ за нимъ пѣшкомъ и громко плакалъ, какъ и всѣ другіе.

Александръ былъ небольшого роста, съ длинной шеей и блестящими глазами, изъ которыхъ одинъ былъ выше другого; цвѣтъ кожи красноватый, а взглядъ ужасенъ: его глаза метали молнію. Остальные члены его тѣла были средніе, но отличались крѣпостью. Онъ жилъ 32 года: 18 лѣтъ учился, въ теченіи семи завоевалъ весь свѣтъ ²⁾. Ни одинъ царь не въ силахъ былъ противостоять ему. Онъ основалъ двѣнадцать городовъ, всѣ названы Александріей (Сл. Zacher III, 31—33, 35).

Птоломей говоритъ: жизнь и дѣянія Александра да будутъ вамъ примѣромъ ничтожества этого свѣта. Птоломей закончилъ эту книгу и назвалъ её Исторіей рожденія и подвиговъ Александра. Онъ списалъ её съ писанія писца Симеона, которому Александръ повелѣлъ всё отмѣчать, какъ только что случится, за исключеніемъ разсказа о его смерти, о томъ, какъ онъ скончался и сдѣлалъ завѣщаніе: это было написано Птоломеемъ.

ЭПИЛОГЪ.

А переведено это было Раббин Самуиломъ Ibn Tibbon въ то время, когда онъ переводилъ драгоценный Mogen (Руководитель заблудившихся). Книга эта находится въ рукахъ многихъ въ переводѣ Al-Chagizi, но онъ не вѣренъ, ибо сдѣланъ съ... языка, тогда какъ упомянутый выше достойный авторъ переложилъ съ агарянскаго (арабскаго) языка на еврейскій.

Лондонъ 1886
Сентябрь.

М. Гастеръ.

¹⁾ Hist. de pr. § 129: Ptholomeus.

²⁾ Это показаніе нѣсколько противорѣчитъ сказанному выше, что Александръ вступилъ на престолъ 26 лѣтъ отъ роду. Если включить въ это число 16 лѣтъ ученія и къ 26 прикинуть 7, то получится 33 года всей жизни Александра. Сл. Hist. de prel. § 130: Ab octavo decimo anno nativitatis sue cepit committere bellum et septem annis pugnavit acriter et octo annis quievit et vixit in letitia e iocunditate; Gorionides l. II, c. XXII: regnavit duodecim annos, nam vigesimo aetatis suae anno . . . ad regnum pervenit.

НОВЫЯ ДАННЫЯ ДЛЯ ИСТОРІИ РОМАНА ОВЪ АЛЕКСАНДРЪ.

II.

Академикъ А. Н. Веселовскій, издавая статью г. Гастера объ еврейской Александріи XII вѣка, пригласилъ меня прибавить къ ней и мои примѣчанія, и я тѣмъ охотнѣе слѣдую приглашенію почтеннаго изслѣдователя исторіи романа и повѣсти, что мнѣ самому недавно случилось наткнуться на новый матеріалъ по этому предмету. Прошлымъ лѣтомъ, во время моего путешествія по Востоку, я нашелъ въ Дамаскѣ неполную Александрію на еврейскомъ языкѣ, совершенно отличную отъ другихъ извѣстныхъ въ еврейской литературѣ редакцій сказанія о македонскомъ героѣ. Между тѣмъ какъ извѣстныя до сихъ поръ редакціи передаютъ, болѣе или менѣе обстоятельно и болѣе или менѣе правильно, данныя Псевдо-Каллисѣна, преимущественно въ формѣ пересказа Архипресвитера Льва (*Historia de preliis*), найденное мною сказаніе сохранило весьма мало слѣдовъ, притомъ трудно-узнаваемыхъ, означеннаго египто-греческаго романа и его латинскаго пересказа. Къ тому же это еврейское сказаніе есть цѣлкомъ созданіе фантазіи, совершенно отрѣшенное отъ исторической почвы, отъ греческой жизни и греческой мифологіи; въ немъ нѣтъ и помину ни о собственной Македоніи (авторъ сказанія считаетъ Македонію названіемъ египетской мѣстности), ни о войнахъ съ Персіей и Индіей, ни о греческихъ

и египетскихъ храмахъ и оракулахъ. Взамѣнъ всего этого авторъ усердно разрабатываетъ и развиваетъ тѣ черты сказанія, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ еврейству, библейскому и побиблейскому, и вообще измѣняетъ характеръ сказанія, удаляя все античное и вставляя разныя детали въ поздно-восточномъ вкусѣ, или, лучше, безвкусіи. Даже про лица и страны, общія у него съ другими Александріями, онъ обыкновенно рассказываетъ совсѣмъ иные факты.

Вслѣдствіе этого, настоящее произведеніе, въ виду слабой связи съ цикломъ сказаній псевдо-каллистоеновскаго типа (на многія черты сходства съ ними указывается въ моихъ объясненіяхъ) и своего поздняго происхожденія, едва ли можетъ быть объяснено помощью первыхъ, а еще менѣе въ состояніи объяснить ихъ. При всемъ томъ, со временемъ можетъ оказаться, что и это произведеніе не стоитъ совершенно одинокомъ въ литературѣ романа объ Александрѣ и въ немъ объявятся нѣкоторыя черты сходства съ другими легендарными произведеніями народныхъ литературъ. Не будучи специально знакомъ съ ними послѣдними, я долженъ здѣсь довольствоваться преимущественно тѣми замѣтками, къ которымъ подають поводъ еврейскіе источники, для чего небезполезно будетъ представить здѣсь краткое ихъ обзорѣніе.

а. *Иосифъ Флавій*. Хотя у него мы находимъ только разсказъ о походѣ Александра на Іерусалимъ и о встрѣчѣ съ первосвященникомъ Іаддусомъ (Antiq. Jud. XI, 8), каковыя факты нѣкоторые новѣйшіе ученые (напр. Герцфельдъ, Мункъ и др.) расположены считать не сказочными, а историческими, тѣмъ не менѣе мимоходное указаніе Флавія въ другомъ мѣстѣ (Bell. Jud. VII, 7. 4) на желѣзныя ворота, за которыми Александръ заключилъ народъ алановъ въ Гирканин¹⁾, это мимоходное ука-

¹⁾ Т. е. такъ-называемыя у византийцевъ, римлянъ и арабовъ *Каспійскія, Албанскія и Аланскія ворота, стѣна Гоа и Мазоа, мѣсто Яжуджа и Маджуджа, Бабъ Аль-Абаабъ* (ворота воротъ, названіе Дербенда), для отысканія коней халифа Ватикъ-Биллаха (внукъ Гарунъ ар-Рашида, 842—847 по Р. Х.) отправилъ Салама Толмача.

заніе доказываеъ, что свреійскій историкъ зналъ, если не весь циклъ разсказовъ, вошедшихъ позже въ составъ Псевдо-Каллисеева, то по крайней мѣрѣ часть его. Сл. Пс.-Калл. С. кн. III гл. 26: о народахъ между горами, носящими названіе *туди Борреа*, Μαζοί τοῦ Βορρᾶ, Zacher p. 165; Archipresb. Leo, Historia de preliis § 77: *promunctorium* [= *promontorium*] *boreum* по Парижской рукоп. (*uberu aquilonis* въ *Revelatio Methodii*); ср. ed. Zing., p. 199 въ вариантахъ; *ibid.* p. 61, библиографическія указанія; P. Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature française, Paris 1886, II, 388—9; И. Леви, Sammelband, стр. 66.

б. Самаритянская хроника, извѣстная подъ названіемъ *Книги Исуса*. Эта поздняя лѣтопись представляетъ въ 46-й главѣ (*Chronicon Samaritanum*, ed. Juynboll, Lugd. Batav. 1848, p. 184 seq.) передѣлку разсказа Юсифа Флавія въ благопріятномъ для самаритянъ смыслѣ, прибавляя еще нѣкоторыя эпизоды изъ Псевдо-Каллисеева. Изъ этой хроники заимствоваль другой самаритянской лѣтописецъ *Абуль-Фатхъ* (писалъ 1355 по Р. X.).

в. Въ древне-раввинской литературѣ, въ обоихъ *Талмудахъ* и въ *Мидрашахъ*, мы также встрѣчаемъ разные эпизоды изъ Псевдо-Каллисеевскаго свода сказаній (гдѣ изслѣдователи также признають, особенно въ рецензіяхъ В и С, свреійское и христіанское вліяніе). Само собою разумѣется, что въ означенныхъ древне-раввинскихъ источникахъ еврейская окраска выступатьъ еще ярче и прибавляются притомъ черты, прямо указывающія на свое палестинское происхожденіе. Ниже мы даемъ обзорѣніе литературы по сему предмету.

г. Книга *Юсифа Горіоніда* или *Юсиппона* въ главѣ (по всей вѣроятности позже вставленной), посвященной Александру, представляетъ сокращенный переводъ *Historia de preliis* архипресвитера Льва, въ которомъ замѣтны однако слѣды арабскаго произношенія нѣкоторыхъ собственныхъ именъ; но гораздо больше въ немъ признаковъ вліянія романскихъ нарѣчій. Посему намъ вѣроятно, что авторъ (или, вѣрнѣе, интерполяторъ) самъ по-араб-

ски не читалъ, но взялъ готовый уже еврейскій переводъ съ арабскаго и передѣлалъ его на основаніи западныхъ источниковъ. Изъ обзорѣнія содержанія лондонскаго рукописнаго перевода соч. Льва, представленнаго г-мъ Гастеромъ, равно какъ изъ текста парижской рукописи того же перевода, недавно напечатаннаго г-мъ И. Леви (см. ниже у насъ), явствуетъ, что всѣ эти три редакціи находятся между собою въ взаимной связи, разъясненіе которой окончательно удастся лишь тогда, когда станетъ извѣстной еще четвертая (и пятая?) редакція, служившая между ними посредствующимъ звеномъ, такъ какъ весьма невѣроятно предположеніе, что еврейскіе составители этихъ сказаній сами выбрали эпизоды то изъ Псевдо-Каллисѳена, то изъ Юлія Валерія, то изъ *Historia de preliis*, то изъ посланій къ Аристотелю и къ Олимпіадѣ.

д. Въ Парижѣ, Лондонѣ (какъ мы сейчасъ замѣтили), Пармѣ и Туринѣ находятся два перевода *Historia de preliis*, изъ коихъ одинъ въ лондонской рукописи приписывается извѣстному переводчику съ арабскаго *Самуилу Ибнъ-Тиббону* (конца XII и начала XIII вѣка), и въ этомъ переводѣ встрѣчаются нѣкоторыя арабскія слова и частые арабизмы, равно какъ и искаженія, объяснимыя посредствомъ арабскаго шрифта; кромѣ того различныя вставки и отступленія отъ латинскаго текста. Другой переводъ составленъ *Иммануиломъ бенъ-Яковомъ изъ Тираскона* (XIV вѣка), авторомъ извѣстнаго астрономическаго сочиненія *Шестокрыль* (*Шешъ Кеафаимъ*), которое находится также въ древне-русскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ византійскаго перевода *Георгія Хризококки*, современника Иммануила. Сей послѣдній прямо перевелъ сочиненіе архипресвитера Льва съ латинскаго оригинала, и г. Леви готовитъ его изданіе по двумъ рукописямъ, находящимся въ Парижѣ и Туринѣ.

ж. *Исуда бенъ-Соломонъ Аль-Харизи* ¹⁾ (во второй поло-

¹⁾ М. Гастеръ (стр. 32 и 56), И. Леви (предисловіе къ *Sammelband* р. XI) и А. Нейбауеръ (у Леви тамъ же) считаютъ несомнѣннымъ, что этотъ Аль-Харизи, соперникъ Ибнъ-Тиббона въ переводѣ сочиненія Мфаймонида.

вянѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія), перевелъ съ арабскаго сочиненіе *Китабъ Адабуль-Филасифа* (или *Навадируль-Фаласифа*) извѣстнаго несторіанца *Хонейна Ибнъ-Исхака*, гдѣ находятся многія нравственныя изреченія Александра и его учителей-философовъ (Отд. II гл. V), равно какъ и описаніе его кончины, посланіе его къ матери, ея отвѣты, изреченія разныхъ философовъ, собравшихся на его похороны и т. д. (Отд. III). Арабскій оригиналъ еще не изданъ, еврейскій переводъ напечатанъ впервые въ Riva di Trento въ 1562 году, а затѣмъ перепечатанъ нѣсколько разъ. Разборъ его на нѣмецкомъ языкѣ далъ М. Штейншнейдеръ въ *Jahrbücher für romanische und englische Litera-*

перевелъ также и сказаніе объ Александрѣ. Мнѣ же кажется, что слова: *Эта книга* (רפודת הן) въ эпиграфѣ лондонской рукописи относятся не къ началу эпиграфа, гдѣ рѣчь идетъ объ Александрѣ, а къ непосредственно предшествующей книгѣ *More* (הררררר רפוד) Маймонида. Кромѣ расположенія словъ, которое, правда, въ подобныхъ случаяхъ не имѣетъ большого значенія, въ пользу моего толкованія говорятъ два обстоятельства: во 1-хъ, до сихъ поръ ничего неизвѣстно о переводѣ Александри Аль-Харизи, «находящемся», по словамъ эпиграфа, «въ рукахъ нѣкоторыхъ [хотя не многихъ, какъ читаемъ у Гастера] людей»; между тѣмъ Аль-Харизи не такой писатель, котораго сочиненіе, и притомъ такого привлекательнаго содержанія, могло бы пропасть безслѣдно и для исторіи литературы; во 2-хъ, по всему видно, что переписчикъ лондонской рукописи, при упоминаніи великаго религіозно-философскаго творенія Маймонида въ своемъ эпиграфѣ, такъ увлекся этимъ сочиненіемъ и заслугами второго его переводчика, Ибнъ-Тиббона, что только ими и занятъ до конца эпиграфа и болѣе не возвращается къ относительно маловажному произведенію, переводу Александри.

Точный переводъ эпиграфа, по моему пониманію его, будетъ таковъ (оригиналъ его напечатанъ у Леви, стр. X—XI):

«Окончена эта книга, а перевелъ ее ученый, настоящій изслѣдователь тайвъ природы и науки (התכם הרוקר על סודות המצואות והחכמה) Ибнъ-Тиббонъ въ Гранадѣ. Перевелъ же онъ ее въ то время, когда онъ перевелъ книгу *More*, которая не оцѣнивается золотомъ въ Оѣирѣ (сл. кн. Іова XXVIII, 16). Эта же книга [т. е. книга *More*] находится въ рукахъ нѣкоторыхъ людей въ переводѣ Аль-Харизи, весьма испорченномъ, такъ какъ онъ переведенъ съ . . . . . языка; совершенный (образцовый) же переводчикъ (т. е. Ибнъ-Тиббонъ) перевелъ ее съ агарискаго языка на еврейскій; да будетъ вознагражденіе ему [отъ Бога] полное!»

Прибавлю здѣсь, что переводъ Аль-Харизи книги Маймонидовой дѣйствительно существуетъ и напечатанъ Л. Шлосберггомъ въ 8-хъ частяхъ (Лондонъ 1851, 1876 и 1879. 8°).

tur V. XII, 1871, p. 353 ff. Испанскій переводъ изданъ Кнустомъ (Bibliothek des litt. Vereins in Stuttgart, № 141, Tübingen 1879) подъ заглавіемъ: *El libro de los buenos proverbios*; тамъ же подобное собраніе *Ибнз-Фатика* подъ заглавіемъ: *Los Vocados de Oto*.

з. Нѣкоторыя мелкія извѣстія и цитаты изъ сказаній объ Александрѣ находятся разбросанными у разныхъ еврейскихъ авторовъ. Такъ напр. заключеніе Александромъ народовъ Гогъ и Магогъ за желѣзной стѣной между горами упоминается вкратцѣ путешественникомъ *Веніаминомъ Тудельскимъ* (XII вѣка) и болѣе подробно *Иосифомъ Кимхи* или *Камхи* (начала XIII вѣка); этотъ послѣдній имѣлъ, повидному, предъ собою вышеупомянутую реляцію *Самана Толмача*. Разсказъ *Книги Александра (Сеферъ Александръ)* о томъ, что онъ взошелъ на высокую гору, окружающую весь міръ и наблюдалъ тамъ движенія планетъ — приводится въ рукописномъ сочиненіи *Михаила Иосифа* отъ имени *Шемъ-Тоба Ибнз-Палькверы* (XIII вѣка); см. *Hebräische Bibliographie*, V. IX. 1869, p. 49, Anm. 9¹⁾. О рожденіи Александра отъ Нектанеба и толкованіи въ этомъ смыслѣ имени македонскаго царя и о другихъ обстоятельствахъ его жизни говорится въ хроникахъ *Авраама Ибнз-Дауда* (1160), *Гедалии Ибнз-Яхи* (1587), *Давида Ганзи* (1592), *Иехиелъ Гальперина* (1696), въ талмудическомъ лексиконѣ *Менахема ди Лонзано* (начала XVII вѣка), и др.

Отмѣтимъ здѣсь также тѣ сочиненія и статьи въ еврейской литературѣ, гдѣ разбираются выше-означенные разсказы объ Александрѣ²⁾. Еще извѣстный критикъ XVI столѣтія *Азарія Адони* (Bonajuto dei Rossi) занимался разборомъ сказаній Талмуда и Горіонида параллельно съ данными другихъ источниковъ,

¹⁾ Такъ какъ цитата Ибнз-Палькверы представляетъ нѣкоторый интересъ, то мы дадимъ ее ниже въ русскомъ переводѣ. Другой разсказъ изъ той же, повидному, *Книги Александра* приводится *Моисеемъ де-Леонамъ* (*Hebr. Bibliographie*, V. IV. 1861, p. 75).

²⁾ Въ ссылкахъ будемъ цитировать вкратцѣ, а здѣсь даемъ полныя заглавія.

а именно въ сочиненіи *Meorъ Эмаимъ* (впервые напечатанномъ въ Мантуѣ 1574; лучшее критическое изданіе Д. Касселя, Вильна 1866, см. стр. 152—154. 234. 251). Въ новѣйшее же время этимъ занимались слѣдующіе ученые:

Пражскій раввинъ С. Л. Рапопортъ (ум. 1867) сначала въ издав. Гейгеромъ *Wissenschaftliche Zeitschrift für jüdische Theologie*, В. II, Frankfurt a/M. 1836, р. 55 и слѣд., а затѣмъ въ своемъ талмудическомъ лексиконѣ *Эрехъ Миллинъ*, Прага (чеш.) 1852, стр. 68 и сл.

L. Herzfeld, *Geschichte des Volkes Jisrael von Zerstörung (sic) des ersten Tempels bis zur Einsetzung des Mackabäers Schimon*, В. II, Leipzig 1855 (2 изд. 1863), р. 407 ff.

М. Е. Stern, *Zur Alexandersage*, Wien 1861: не совсѣмъ вѣрный нѣмецкій переводъ III-го отдѣла выше названнаго соч. Хонейна, сдѣланный съ еврейскаго перевода Ибнъ-Тиббона.

J. E. Löwy, *Kritisch-Talmudisches Lexicon* (на евр. языкѣ), В. I, Wien 1863, р. 173 ff.

H. Vogelstein, *Adnotationes quaedam ex literis orientalibus ad fabulas, quae de Alexandro Magno circumferuntur*, Vratislaviae 1865. Онъ же авторъ статьи: *Beiträge zur Alexandersage* въ издав. Франкелемъ *Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums*. В. XV, Breslau, 1866, р. 121 ff. 161 ff.

И. Г. Оршанскій, *Талмудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ* (въ Сборникѣ статей по еврейской исторіи и литературѣ, изд. Общества распростр. просвѣщ. между евреями), Спб. 1867. Къ этой статьѣ мною были прибавлены въ концѣ нѣкоторыя примѣчанія (стр. 17—30)¹⁾.

---

¹⁾ Считася нелишнимъ представить здѣсь возможно-полный перечень сказаній объ Александрѣ въ древне-раввинской письменности, такъ какъ ни у покойнаго Оршанскаго, ни у писавшихъ до и послѣ него, полныхъ указаній нѣтъ; между тѣмъ переводы А. Wünsche (въ *Bibliotheca Rabbinica* и др. трудахъ) даютъ нынѣ возможность пользоваться этими матеріалами и не-гебранстами.

Вавилонскій Талмудъ:

1. а. Трактатъ *Јома*, л. 69 (цитата изъ 9-ой главы Мегилаатъ Таанитъ).

M. Steinschneider, Zur Alexandersage; Hebräische Bibliographie, V. IX, Berlin 1869, p. 13 ff. 44 ff.

С. И. Финъ, Исторія еврейскаго народа (на евр. языкѣ), ч. I, Вильна 1871, стр. 125 и слѣд.

2. б. (Тр. *Сукка*, л. 51; ошибочно во всѣхъ издавяхъ *Александра Македонскій* вѣсто *Александра Тисерія* или *Таркения*, см. Рапопорта, стр. 97).

3. в. Тр. *Омедрионъ*, л. 91 (ср. *Мемлалъ Таанимъ* гл. 3-я).

4. г. Тр. *Танинъ*, л. 81—82.

Иерусалимскій Талмудъ:

5. д. Тр. *Баба-Меиа*, гл. II, § 6.

6. б. Тр. *Абода-Зара*, гл. 3, § 1.

Мемлалъ Таанимъ:

7. а. Глава III (см. 3), ed. Prag, 1796, f. 28.

8. б. Глава IX (см. 1), ed. Prag, f. 81—82.

Мидрашъ Танхума:

9. а. Отдѣлъ *Эморъ* § 9 (ed. Buber, Wilna 1885, III, 88—89).

10. б. Отдѣлъ *Хуккаимъ* § 27 (ed. Buber, IV, 119).

Песикта Дерабъ Катоа:

11. а. Отдѣлъ *Пара* (ed. Buber, Lyck 1868, f. 40—41).

12. б. Отдѣлъ *Шоръ о Кесабъ* (ed. Buber, f. 74).

Песикта Раббати:

13. Отдѣлъ *Пара* (ed. Friedmann, Wien 1880, f. 65).

Мидрашъ Рабба:

14. а. *Берешитъ Рабба* § 38 (ed. Leipzig 1864, Wienbrack, p. 56).

15. б. Тамъ же § 61 (ed. Leipz. p. 112).

16. в. *Вайкра Рабба* § 27 (ed. Leipz. p. 840).

17. г. *Вамидбаръ Рабба* § 13 (ed. Leipz. p. 444).

Якутъ Шимони:

18. а. *Берешитъ* § 2 (ed. Frankf. а/М 1687, f. 2°).

19. б. *Хаіе Сара* § 110, f. 81°.

20. в. *Шемитъ* § 586, f. 144^а—145^а.

21. г. *Хуккаимъ* § 759, f. 235^а.

22. д. (*Шофетимъ* § 913, f. 235^а; ошибочно, см. 2).

23. е. *Темлалъ* § 727, f. 102°.

Пире дерабби Элісверъ:

24. Глава XI (ed. Luria, Warszawa 1852, f. 28—29).

Песикта Зутрата (Лекалъ Тобъ).

25. а. Отдѣлъ *Хаіе Сара* (ed. Wilna 1880, I, 116).

26. б. Отдѣлъ *Пекуде* (II, 220).

27. в. Отдѣлъ *Цаотъ* (III, 89).

Впрочемъ, большинство здѣсь исчисленныхъ источниковъ повторяетъ только одни и тѣ же данныя; но при критическомъ разсмотрѣніи предмета необходимо имѣть ихъ всѣхъ въ виду.

L. Donath, Die Alexandersage in Talmud und Midrasch, Fulda, 1873.

A. Kohut, Plenus Aruch (на евр. яз.) I, Viennae 1878, p. 94—95, 243—244.

Israel Lévi, La légende d'Alexandre etc. въ Revue des études juives T. III, Paris 1881, p. 238 seq. T. VII (1883), p. 83 seq. Имъ же изданъ еврейскій переводъ Historia de preliis въ Sammelband kleiner Beiträge aus Handschriften, II. Jahrgang, Berlin 1886, p. 1 ff.

J. Hamburger, Real-Encyclopädie für Bibel und Talmud, Abtheilung II, Leipzig 1883, p. 45 ff.

Хотя въ нѣкоторыхъ еврейскихъ легендахъ, особенно въ болѣе древнихъ, относящихся къ талмудической эпохѣ, находимъ своеобразныя еврейскія черты, онѣ, однако, не настолько отличны отъ сказаній Псевдо-Каллисена (преимущественно рецензиі В и С, гдѣ также замѣтно вліяніе еврейское или іудейско-христіанское), чтобъ означенныя легенды можно было считать за новыя, самостоятельныя обработки Александріи. Вотъ почему знатоки еврейской литературы, какъ напр. Францъ Деличшъ (Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft, V. IX, Leipzig 1855, p. 290) и М. Штейншнейдеръ (Hebr. Bibliographie V. IX, p. 55), высказали, что въ еврейской письменности нельзя указать на самостоятельную обработку сказанія объ Александрѣ. Если объясненіе этого явленія, представленное Деличшемъ, а именно, пытаемое евреями отвращеніе къ эллинизму, во всякомъ случаѣ несостоятельно, такъ какъ намъ нынѣ извѣстно, что легенды классическаго міра, несвязанныя тѣсно съ языческими богами (а иногда и это условіе не соблюдалось строго), свободно вращались среди евреевъ — то само явленіе донинѣ приходилось считать вѣрно подмѣченнымъ. Теперь же мнѣ кажется, что самое положеніе — объ отсутствіи у евреевъ своеобразной обработки сказанія объ Александрѣ — придется значительно ограничить и видоизмѣнить, ибо какъ бы низко мы ни оцѣнили новооткрытую Александрію въ качествѣ поэтическаго и вообще лите-

ратурнаго произведенія — одно качество во всякомъ случаѣ придется за ней признать, а именно, качество послѣдовательности въ позднемъ еврейско-восточномъ вкусѣ, или, вѣрнѣе (какъ мы сказали выше), безвкусиц¹⁾. Уже по одному этому обстоятельству ново-найденная Александрія получаетъ извѣстный интересъ и заслуживаетъ быть обнародованной, покамѣстъ хоть въ видѣ сжатаго обзорѣнія ея содержанія; если же знатоки романа объ Александрѣ въ народныхъ литературахъ найдутъ въ новой версiи побольше параллелей и чертъ сходства съ данными другихъ источниковъ, то интересъ къ еврейскому тексту значительно увеличится. Въ нижеслѣдующемъ мы представляемъ обзорѣние содержанія нашей новой версiи съ нѣкоторыми объясненіями, причемъ не пропускаемъ собственныхъ именъ и ничего существеннаго изъ текста, а характерныя мѣста передаемъ цѣликомъ. Примѣчанія же ваши къ статьѣ г-на Гастера удобнѣе всего будутъ помѣщены на соответствующихъ мѣстахъ въ объясненіяхъ новаго текста.

Какъ выше замѣчено, дамаская рукопись (25 л. восточной бумаги, 19—20 строкъ на страницѣ, восточной скорописи XVI или XVII вѣка; лѣвая сторона листовъ сгнила, причемъ часть текста повреждена, но большею частью такъ, что легко дополнить недостающее) лишена начала и конца, и, кромѣ пропусковъ переписчика, недостаетъ также немного въ срединѣ. Къ счастью, изъ замѣтки въ предисловіи И. Леви въ вышепомянутомъ *Samuelband* (стр. XV), полученномъ мною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, я узналъ о существованіи въ *Biblioteca Estense* въ Моденѣ (№ 53) еврейской рукописи Александри, гдѣ (какъ въ дамаской рукописи) мѣсто псевдо-каллистоеновскаго *Нектанеба* занимаетъ чародѣй *Билдадъ*, и догадка моя, что моденская рукопись заключаетъ

¹⁾ Другой остатокъ еврейской Александри, которая относится къ гораздо древнѣйшей эпохѣ, сохранился повидимому въ фрагментахъ на коптскомъ языкѣ, недавно найденныхъ и изданныхъ г-мъ Бурианомъ (*Journal Asiatique*, janvier 1887, p. 1—38), гдѣ рѣчь идетъ о какихъ-то *Элазаръ* и *Яміе* (это послѣднее имя г. Масперо весьма основательно отождествляетъ, *ibid.* p. 37, съ именемъ *Ядду* или *Яду* у Юсифа Флавія; см. у насъ ниже въ примѣчаніи къ § 13), хотя въ весьма далекихъ отъ Палестины мѣстностяхъ, въ Гедрозii и Элимадѣ.

тотъ же самый текстъ что и дамасская¹⁾, по обязательной присылкѣ мнѣ г-мъ Леви копін вполне подтвердилась.

Содержаніе новой Александрін, которое я для удобства раздѣляю на §§, слѣдующее.

§ 1.

Жилъ въ Египтѣ человекъ по имени *Бильдадъ*, сынъ *Асона* (רסמ בן בלדד). Человекъ этотъ отличался во всемъ Египтѣ своими познаніями въ звѣздочетствѣ, чародѣйствѣ и волховствѣ, такъ что онъ могъ все совершать своими чарами. Полюбилась ему крѣпко царица *Глотриа*, жена *Фолитоса* (לולופוסה המלכה), царя египетскаго, отличавшаяся красотой, и онъ гадалъ своими чарами о томъ — удастся ли ему овладѣть царицей. Получивъ благопріятный отвѣтъ, Бильдадъ крайне обрадовался и отправился въ поле искать травы, извѣстной подъ названіемъ *Црпиміа* (צרפיליא), которую онъ, по нахожденіи ея, заклиналъ своими чарами и зарылъ на девять дней.

Какъ мы замѣтили уже выше, весь нашъ рассказъ происходитъ въ Египтѣ, и хотя далѣе упоминается также и Македонія, но въ качествѣ египетской мѣстности. Ибнъ-Фатикъ, хотя считаетъ Александра сыномъ Филиппа, но послѣдняго также принимаетъ за египетскаго царя (*Vocados de Ogo*, p. 277. 416, гдѣ въ латинскомъ переводѣ искаженіе *fili Epithi*). Это происходитъ отъ того обстоятельства, что древнѣйшіе арабскіе писатели считаютъ Македонію греческимъ названіемъ Египта, или же наименованіемъ одной египетской области (см. *Jacut's Geographisches Wörterbuch*, ed. Wüstenfeld IV, 602—603; *Maçoudi, Prairies d'or* II, 257; *ibid.* p. 248 находится фантастическая генеалогія Александра).

Роль Псевдо-Каллисеновскаго Нектанеба играетъ здѣсь, въ качествѣ соблазнителя царицы и настоящаго отца Александра,

¹⁾ Мы обозначаемъ буквою *Д* дамасскую рукопись, а буквою *М* — моденскую.

Билдадъ, имя коего взято изъ Библии, гдѣ названъ такъ одинъ изъ товарищей Иова (кн. Иова II, 11, и слѣд., у LXX толковниковъ и въ славянскомъ переводѣ: *Валдадъ*). Имя его отца *Асонъ* означаетъ по-еврейски несчастный случай, несчастное приключеніе. Имя царицы *Глотриа* = *Клеопатра*¹⁾ само собою напрашивалось расказчику, коль скоро рѣчь у него идетъ объ Египтѣ. У Псевдо-Каллиссеена такъ называется другая жена Филиппа, на которой онъ было женился во время отсутствія Александра.

Подъ травой или растеніемъ *ирмилія* или *ирфилія* слѣдуетъ, быть можетъ, разумѣть либо латинское *саегefolium*, *сегefolium*, романскія *сегfoglio*, *сегfeuil*²⁾, *perfollo*, *chervil*, т. е. кервель, или же *χαρούφυλλον*, *сагуорhyllus aromaticus*, романскія *гагóфано*, *гигофе*, арабское *каранфуль*, сирійское *карфлуноз*, т. е. гвоздику, которая играетъ такую видную роль въ арабской поэзій (сл. о послѣднемъ Löw, *Agamäische Pflanzennamen*, Leipzig, 1881, p. 355, № 301)³⁾. Гаданіе чарами замѣняетъ здѣсь гаданіе на астрологической таблицѣ Нектанебомъ, а заклинаніе травы — леканомантическія продѣлки послѣдняго, по Псевдо-Каллиссеену.

§ 2.

На третій день (должно полагать, послѣ зарытія заклятаго растенія) царь Филиппъ получилъ письмо, въ которомъ просятъ его защищать землю *Торима* (תורמה) отъ войска *измаиль-*

¹⁾ Ореографію имени Клеопатры въ такой формѣ мы встрѣчаемъ также въ Тосетѣ (ed. Zuckermann, *Rasewalk* 1880, p. 645): *Галитра*, *царица Александрія* — תורמה מלכה אלכסנדריה. Точно также одна Парижская рукопись *Historia de preliis* у П. Мейера (II, 182. 148) имѣетъ для второй жены Филиппа форму *Galliopatra*. Въ позднѣйшихъ Александріяхъ Александръ является въ Римъ съ вѣнцомъ Клеопатры египетской на головѣ; см. Веселовскій, Изъ исторіи романа, стр. 190, 193, W. стр. 81 въ началѣ.

²⁾ Французское слово *сегfeuil* напоминаетъ мнѣ баронъ Д. Г. Гницбургъ.

³⁾ Если это толкованіе слова *ирмилія*, *ирфилія* вѣрно, то у насъ будетъ доказательство происхожденія автора изъ Европы, въ частности — изъ романскихъ странъ. Но, съ другой стороны, въ настоящемъ сказаніи немало арабизмовъ и признаковъ восточнаго происхожденія, и что самое главное, общій колоритъ его указываетъ на Востокъ, на мѣсто возникновенія фантастическихъ разказовъ 1001 ночи, какъ на родину.

мянъ (סלמקוש), совершившаго нападеніе на землю *Азимидъ* (צפון). Царь собралъ все свое войско и отправился воевать съ измашльтянами. По удаленіе царя изъ дому, Бильдадъ вынулъ изъ земли растеніе *црмиміа* на девятый день послѣ зарытія, совершилъ надъ нимъ разныя волшебства, а затѣмъ отправился къ царицѣ и возвѣстилъ ей, что онъ пришелъ къ ней съ порученіемъ отъ ихъ (египтянъ) бога *Риуніа* (ריוניא; въ М. одинъ разъ *Дмиуніа* — דמיניא). Царица чрезвычайно обрадовалась этому и просила объяснить въ чемъ дѣло. Объясненіе и слѣдующій рассказъ похожи на изложенное у Псевдо-Каллисена, но съ нѣкоторыми отступленіями. На вопросъ царицы, какое имя дать имѣющему народиться мальчику? *Риуніа* — *Бильдадъ* отвѣчаетъ: *Александросъ* (אלכסנדרוס), потому что *сидросъ* (סידרוס; *Ал* — אל игнорируется)¹⁾ обозначаетъ по-египетски *властителя оспаз* (или *осею, оселенной*), чему царица весьма обрадовалась, и на завтрашній день назначила великое пиршество, на которое пригласила всѣхъ мудрецовъ и сановниковъ государства.

Авторъ послѣдователенъ въ интерполированіи библейскихъ названій. *Торма* очевидно тождественъ съ внукомъ *Іафета Торама* (Бытіе, X, 3; LXX толков. имѣютъ также *Θεργαμά*). Въ новѣйшей еврейской литературѣ этимъ названіемъ обозначаются *турки*; не имѣлъ ли ихъ въ виду и составитель нашего сказанія, подставляя современный ему народъ на мѣсто древнихъ, исчисленныхъ (впрочемъ, какъ противниковъ или отпавшихъ подвластныхъ народовъ *Нектанеба* и *Филппа*) въ обыкновенныхъ *Александрияхъ* (Псевдо-Каллисенъ I, 2. 4. 23; Hist. de prel. § 1. 20; Zing. p. 130. 144; Landgt. p. 30. 47; Горіонидъ II, 9. 14, p. 92. 111; Левн стр. 17)? Извѣстно также, что армяне производятъ генеалогію своего народа отъ *Торма*; но едва ли здѣсь имѣется въ виду *Арменія*, такъ какъ эта страна упоминается ниже (§ 9) подъ своимъ настоящимъ именемъ. Еслибъ

¹⁾ Можетъ быть, что слѣдуетъ читать *Аксидросъ* — סידרוס; въ такомъ случаѣ начало *ал* — אל былъ бы арабскимъ указательнымъ членомъ.

тамъ же, прим. 5, *Brequa* и *Brequia*); но отъ издателя ускользнула цитата Штейншнейдера изъ стараго латинскаго перевода (Герарда Кремонскаго? *Hebr. Bibliographie*, p. 51—52), гдѣ это имя гласитъ *Requia*, а въ *Искендернаме* турецкаго поэта Ахмеда (Hammer, *Gesch. der osman. Dichtkunst* I, 103. 349; приводится Кнустомъ, тамъ же стр. 301, прим. b) *Rakia*. Всѣ эти формы суть вѣроятно также ни что иное какъ искаженія лова *regia*, *regina*.

§ 3.

Во время пиршества Филиппъ возвращается съ побѣдоноснаго похода на Измаильянъ¹⁾, исполненный радостью. Царица спѣшитъ ему на встрѣчу и рассказываетъ ему о всемъ случившемся; царь понимаетъ, что она сдѣлалась жертвою обмана со стороны чародѣя Бильдада и посылаетъ за нимъ, но чародѣй изъ боязни убѣжалъ изъ Египта и скрылся, и всѣ поиски царскихъ слугъ напрасны. Затѣмъ Филиппъ говоритъ царицѣ, что хотя она заслужила смертной казни, но онъ ее прощаетъ подъ условіемъ, однако, никому объ этомъ не сообщать во избѣжаніе скандала. Затѣмъ царица рождаетъ сына и предлагаетъ повивальной бабкѣ задушить его, за что она получить награду его вѣсь золотомъ. Бабка рѣшительно отвергаетъ это предложеніе, потому что не желаетъ убить потомка царской крови, да къ тому она видитъ у него знаменія его будущей власти надъ вселенной, хотя онъ кончитъ жизнь въ молодые годы въ чужомъ краю. Услышавъ это, царица оставляетъ свое намѣреніе, и такимъ образомъ новорожденный спасенъ. Наружный видъ принца: одинъ глазъ подобенъ кошачьему, другой — львиному, взоръ обращенъ къ землѣ; вообще видъ его странный и страшный. Царица нарекла его Александросомъ, и принцъ росъ благополучно во всѣхъ отношеніяхъ, и всѣ боялись его.

---

¹⁾ Здѣсь начинается рукопись Д.

Эта часть сказанія, равно какъ и предыдущія, изложена короче и трезвѣе, чѣмъ въ извѣстныхъ источникахъ, а мифологическія подробности совсѣмъ исключены. Также нѣтъ въ нашемъ сказаніи и помину о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Александра къ настоящему своему отцу Бильдаду = Нектанебу, о чемъ такъ пространно толкуютъ обыкновенныя Александріи. За то прибавлены: эпизодъ съ повивальной бабкой и враждебное отношеніе царицы къ своему сыну, о чемъ говорится и въ дальнѣйшемъ разсказѣ, вѣроятно съ цѣлью выразить протестъ противъ незаконности рожденія принца¹⁾. Впрочемъ въ другихъ источникахъ соображенія повивальной бабки приписываются Филиппу, который сначала утѣшаетъ Олимпіаду, а потомъ самъ становится подозрительнымъ (Псевдо-Каллисѣенъ I, 9—10, 14—16; Hist. de preliis ed. Zingerle § 6—7. 10, p. 136—137; ed. Landgraf, p. 37—38, 39; Горіонидъ II, 12, p. 103; Левн, стр. 4). Пророчаніе о всемірномъ владычествѣ по поводу эпизода съ яйцомъ и по созвѣздію тамъ же (Псевдо-Каллисѣенъ 11—12; Левъ у Zing. § 8, Landgr. p. 38) приписывается прорицателю Антифонту и Нектанебу: по настоянію послѣдняго Олимпіада времениъ рожденіемъ до наступленія требуемаго созвѣздія. Описаніе наружности Александра видимо сокращено, оттого оно такъ мало похоже на другія описанія (Псевдо-Калл. I, 13; Zacher, p. 115; Левъ Zing. § 11; Landgr. p. 39; Горіонидъ II, 12, p. 102; Левн стр. 4).

§ 4.

Однажды молодой принцъ вышелъ съ царскими слугами гулять по царскимъ садамъ, а проходившій въ то время чародѣй изъ египетскихъ волхвовъ, какъ только увидѣлъ принца, началъ дрожать и простерся предъ нимъ на землю. На вопросъ Александра о причинѣ сего чародѣй отвѣчаетъ, что онъ провидитъ будущее подчиненіе принцемъ всего міра и его путешествія по дальнимъ краямъ: онъ достигнетъ морскаго дна и высоты звѣздъ,

¹⁾ Ср. о подобномъ же мотивѣ у средневѣковыхъ поэтовъ, начиная съ Альберика (P. Meyer I, XIX. II, 248. 252. 350. 357; Zingerle, Quellen des Rudolph, p. 7).

и еще при жизни прибудеть къ мѣсту праведниковъ (въ рай). Александръ очень тому обрадовался и сказалъ чародѣю, что если все это сбудется, онъ осчастливить его и его родственниковъ и даже сдѣлаеть его вторымъ лицомъ послѣ царя. Чародѣй опять палъ предъ нимъ ницъ и поднесъ ему большіе подарки для того, чтобъ герой помнилъ о немъ впоследствии.

Этотъ эпизодъ не встрѣчается, кажется, въ другихъ источникахъ, развѣ только допустить, что это передѣлка вышеупомянутаго эпизода съ птичьимъ яйцомъ, который толкуеть знахарь Антифонъ. Можетъ быть, что по замыслу этому чародѣю должно было быть предоставлено большое значеніе по достиженіи Александромъ величія; но въ нашемъ разказѣ о немъ больше рѣчи нѣтъ. Точно также ничего не говорится о воспитаніи Александра и обученіи его многими знаменитыми учителями разнымъ наукамъ; повидному нашъ расказчикъ этимъ особенно и не дорожитъ, такъ какъ подъ его *мудрецами* разумѣются чародѣи и волхвы. О *Вуксфаль* находится дальше коротенькая замѣтка.

§ 5.

Филиппъ заболѣваетъ предсмертною болѣзью и спрашиваетъ египетскихъ волхвовъ и мудрецовъ о томъ, кто наслѣдуетъ его престолъ, на что послѣдніе на другой день, по размышленіи и совѣщаніи, единогласно отвѣчаютъ, что Александръ будетъ его единственнымъ наслѣдникомъ и далеко превзойдетъ самого Филиппа счастіемъ и могуществомъ. Послѣдній этимъ весьма опечаленъ и много плачетъ, такъ какъ всѣ его законные сыновья устранены такимъ образомъ въ пользу чужого; однако онъ созываетъ ихъ и настоятельно совѣтуетъ имъ вполне подчиняться Александру и не пытаться возставать противъ его власти, ибо всѣ такія попытки будутъ совершенно напрасны, какъ идущія въ разрѣзъ съ распоряженіемъ Царя всѣхъ царей. Затѣмъ Филиппъ скончается 93-хъ лѣтъ отъ роду, его хоронятъ съ великими почестями и надъ его могилой сооружаютъ великолѣпный мавзолей. По

смерти Филиппа, его сыновья, вопреки завѣщанію отца, строятъ козни противъ Александра и намѣреваются отравить его ядомъ, о чемъ Александръ узнаетъ и дѣлаетъ имъ внушеніе и упреки, ибо они дѣйствуютъ противъ опредѣленія Божія и завѣщанія отца. Тѣ усматриваютъ невозможность сопротивленія и покоряются. По совѣщаніи между собою они созываютъ всѣхъ сановниковъ, воиновъ, мудрецовъ и звѣздочетовъ и объявляютъ имъ, что по волѣ Бога и повелѣнію покойнаго царя Александръ долженъ унаслѣдовать его престолъ, вслѣдствіе чего всѣ сановники и весь народъ провозглашаютъ Александра египетскимъ царемъ.

У Пс.-Калл. (I, 15, Zacher p. 115) Филиппъ спрашиваетъ дельфійскій оракулъ о наслѣдникѣ, у Льва онъ обращается къ богамъ (Hist. de pr. Zing. § 14, p. 140: a diis; ed. Landgraf, p. 43: cognovit per divinationem; Горіонидъ II, 13, p. 106: aliquod ex idolis; ср. Левя, стр. 5). Гдѣ взято нашимъ расказчикомъ ложное извѣстіе, что Филиппъ жилъ 93 года (на самомъ дѣлѣ онъ жилъ только 54: 382—336), намъ неизвѣстно.

Эпизодъ съ братьями, которымъ отличается настоящее сказаніе отъ другихъ, напоминаетъ библейскій разказъ о Иосифѣ съ братьями по смерти Іакова (кн. Бытія, гл. L, ст. 15—21). Рѣчь Филиппа къ сыновьямъ, внушеніе Александра имъ же и совѣщанія послѣднихъ между собою носятъ еврейскій отпечатокъ и испещрены библейскими и позднѣйшими еврейскими изреченіями. Расказчикъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, совсѣмъ забываетъ о томъ, что рѣчь у него идетъ объ язычникахъ, о которыхъ нельзя предполагать, чтобъ они знали Библію, и какъ ни сокращень у него штатъ языческихъ боговъ и храмовъ, все же и тѣ и другіе фигурируютъ въ его разказѣ. Впрочемъ, нѣкоторую аналогію представляютъ въ этомъ отношеніи арабскіе писатели; укажемъ въ примѣръ на предсмертную рѣчь Филиппа, обращеніе Александра къ народу и отвѣтъ послѣдняго, какъ они очерчены Ибнъ-Фатикомъ (Vocados de Oro, p. 279 seq., 420 seq.). О всѣхъ подвигахъ и приключеніяхъ Александра и

Филиппа до смерти послѣдняго не говорится въ нашей версіи ни слова.

§ 6.

По воцареніи своемъ, Александръ изготовляетъ колесницы, образуетъ конницу и дѣйствуетъ успѣшно во всѣхъ дѣлахъ. Затѣмъ онъ рассказываетъ матери о своемъ намѣреніи построить новый храмъ богу *Римуніа*, но мать совѣтуетъ ему употребить лучше царскія сокровища на образованіе многочисленнаго войска, отправиться во главѣ его въ походъ противъ всѣхъ другихъ государствъ и покорить ихъ своей власти. «Если», сказала она, «ты сдѣлаешь такъ въ молодости, то тебѣ будетъ благо на старости лѣтъ». Она имѣла при этомъ заднюю мысль, а именно, чтобъ юный царь погибъ на войнѣ а престолъ достался бы въ такомъ случаѣ ея старшему законному сыну отъ Филиппа. Совѣтъ матери понравился однако молодому герою, и на совѣщаніи съ полководцами, которыхъ царица-мать уже заранѣе тайнымъ образомъ склонила на свою сторону, окончательно рѣшено отправиться въ походъ.

Здѣсь опять полное несоотвѣтствіе съ другими сказаніями. Обезличеніе Александра и представленіе его дѣйствующимъ вездѣ по совѣту другихъ, безъ собственной инициативы и энергіи, въ качествѣ бессознательнаго исполнителя предначертаннаго свыше и внушеній окружающихъ (что уже никакъ не идетъ къ характеристикѣ такого героя) — послѣдовательно проведены чрезъ весь рассказъ и вполнѣ обнаруживаютъ поздне-восточное фаталистическое міровоззрѣніе его составителя. Не смотря на предсказаніе Бильдада и еще другого чародѣя, равно какъ и повивальной бабки о всемірномъ владычествѣ Александра (§§ 2—4) и на такое же предсказаніе волхвовъ и звѣздочетовъ (§ 5) — мать его все-таки желаетъ его смерти и надѣется, что онъ скоро погибнетъ. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, предъ которыми не отступаютъ легендарныя расказки вообще и нашъ въ особенности.

§ 7.

Александръ распоряжается о собраніи всего своего войска и изготовленіи желѣзныхъ колесницъ, становится во главѣ войска съ знаменемъ въ рукѣ и отправляется въ походъ. Онъ былъ въ громадный лѣсъ, въ которомъ странствуетъ 29 дней, пока не достигъ высокой горы, на которой видно огромное и великолѣпное зданіе. На вызовъ царемъ охотниковъ подняться съ нимъ на гору — откликаются 200 человекъ изъ войска. Поднявшись на вершину горы, они находятъ тамъ весьма высокія и шпрокія ворота, предъ которыми сидитъ старецъ. Увидя Александра, старецъ бѣжитъ къ нему на встрѣчу и намѣревается обнять и поцѣловать его когда же провожатые царя не допускаютъ его къ нему, старецъ спрашиваетъ: «Почему вы не позволяете мнѣ обнять и облобызать моего государя и царя Александра?» Провожатые удивляются, откуда ему извѣстно имя царя, но тотъ объясняетъ, что имя и портретъ Александра изображены здѣсь въ храмѣ, и что онъ, старецъ, уже многіе годы охраняетъ для царя этотъ крѣпкій замокъ. Провожатые спрашиваютъ его, какъ это онъ можетъ одинъ охранять замокъ, если нѣсколько человекъ могли ему препятствовать приблизиться къ царю; старецъ отвѣчаетъ имъ гнѣвно: пусть не думаютъ, что они что-нибудь значатъ противъ его силы и храбрости, только что ему приказано ничего не дѣлать противъ воли царя Александра. Тѣ просятъ старца показать свою силу, и когда Александръ разрѣшаетъ ему это, онъ поднимаетъ такой крикъ, что всѣ провожатые падаютъ на землю ницъ и самъ царь вмѣстѣ съ ними, почему послѣдній и отказывается отъ дальнѣйшихъ доказательствъ храбрости, которыя старецъ хотѣлъ представить.

Затѣмъ старецъ предлагаетъ показать царю всѣ достопримѣчательности и великолѣпіе храма и замка. Царь проситъ разрѣшеніе старца на то, чтобъ одинъ изъ царскихъ писцовъ (или секретарей) описывалъ все, что ему покажутъ, на что тотъ

соглашается, и по приказанію царя одинъ изъ провожатыхъ спускается съ горы и приводитъ главнаго царскаго писца (или канцлера), еврея *Менахема* (מנחם היהודי ראש כותבי המלך). Первая зала замка, въ которую они вступили, выстроена изъ красного стекла (хрустала) въ громаднѣхъ размѣрахъ; она имѣетъ 95 оконъ (или шкаповъ), въ каждомъ изъ нихъ находятся всякаго рода птицы, чистыя и нечистыя, ихъ пѣніе производитъ страшный шумъ, но на верхнемъ окнѣ сидитъ старый негръ, который усмиряетъ ихъ однимъ взмахомъ платка. Въ слѣдующей залѣ изъ зеленого стекла находятся всевозможные звѣри, чистые и нечистые. Между ними нашлось одно животное, весьма странное на видъ: все тѣло гладко, безъ волосъ, ноги львиныя, лице птичье, глаза весьма большія — двухъ локтей ширины, высота животнаго 5 локтей, зеленый хвостъ 3 локтя, зубы 1½ локтя. Когда царь выразилъ удивленіе по поводу этого животнаго, старецъ показываетъ ему еще большее диво: онъ влагаетъ этому животному въ ротъ какое-то растеніе, и изъ него выскакиваетъ другое животное, обладающее человѣческимъ голосомъ и зелеными зубами и покрытое бѣлыми волосами, имѣющими, по увѣренію старца, то свойство, что доставляютъ носителю ихъ во время сраженія побѣду надъ врагами. Скептическій смѣхъ Александра возбуждаетъ сильный гнѣвъ старца, такъ что царь съ трудомъ его успокаиваетъ. Затѣмъ они вступаютъ въ третью залу изъ красного мрамора, наполненную всякаго рода ароматами, отъ запаха коихъ у царя прибавилось силы и крѣпости; тутъ же въ сосудѣ изъ красного стекла, лежащемъ въ мраморномъ камнѣ, находится *елей-бальсамонъ* (שמן בלסמן; М. ошибочно: כולו שמן), привезенный изъ *пальмоваго шрода Иерихона*. Въ той же залѣ находится сооруженная изъ зеленого мрамора гробница царя *Амтинуса* (אמתינא и אמתינא), тѣло коего, помазанное бальзамомъ, находится въ нетлѣнномъ состояніи. На вопросъ царя, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ *Амтинусъ* похороненъ здѣсь, старецъ, прочитавъ надпись на камнѣ, отвѣчаетъ что 285 лѣтъ. Александръ проситъ старца показать ему нетлѣнное

тѣло Алтнуса, на что тотъ соглашается, но вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ царя: никоимъ образомъ не дотрогиваться до означеннаго тѣла въ случаѣ, если онъ въ прошлую ночь вмѣлъ совокупленіе съ женщиной. По причинѣ несоблюденія этой предосторожности, Александръ падаетъ навзничъ, лице его сильно измѣняется и изъ него выступаетъ страшный потъ. Тогда всѣ провожатые приступаютъ съ мольбою и плачемъ къ старцу о спасеніи царя, на что онъ въ концѣ и соглашается: приноситъ черный рогъ, наполняетъ его горячими углями, подноситъ его ко лбу царя, который встаетъ на ноги, но не можетъ еще произнести ни единого слова и остается нѣмымъ. Вторичныя мольбы и плачь провожатыхъ заставляютъ старца окончательно выгнать царя: онъ влагаетъ послѣдному въ лѣвое ухо какую-то траву и тѣмъ возвращаетъ ему даръ слова. На вопросъ старца почему Александръ говорилъ неправду (относительно условій, при которыхъ можно было безопасно дотронуться до тѣла Алтнуса)? — царь отвѣчаетъ: «что я могу сказать? въ устахъ глупаго его погибель». (Сл. Притчи Соломона гл. X, ст. 14: устами глупаго погибель близка). По измѣреніи тѣла Алтнуса оно оказывается величиною 90 локтей, чему Александръ и его дружина немало удивляются.

Затѣмъ старецъ вводитъ царя въ залу, гдѣ находится дѣвица такой отмишной красоты, что царь въ нее сильно влюбляется и вслѣдствіе этого совсѣмъ измѣняется въ лицѣ (!). Кончается тѣмъ, что Александръ клянется старцу три раза (!), что возьметъ эту красавицу въ жены, а не въ наложницы, и получаетъ ее изъ рукъ старца. Вслѣдствіе этого царь отсылаетъ свою первую жену домой къ матери своей въ Египетъ, для того чтобъ она тамъ оставалась до его возвращенія. Посланцы прибыли въ Египетъ и рассказали царицѣ-матери о всемъ случившемся съ ея сыномъ, чему та очень обрадовалась и при этомъ подумала: «Зачѣмъ мнѣ питать ненависть къ моему утробному сыну? все равно: отъ мужа-ли царя онъ родился, или отъ другого, все-же онъ мой сынъ, отъ котораго мнѣ такая честь (!)». Она посылаетъ въ подарокъ Александру коня (т. е. Вукефала; имя его упоминается ниже § 15), которому по

крѣпости и легкости бѣга нѣтъ равнаго во всемъ Египтѣ, и царь весьма радъ этому. Затѣмъ онъ устраиваетъ великое пиршество, вѣнчается съ вышеупомянутой красавицей, прощается со старцемъ, который подноситъ ему множество брилліантовъ и другихъ драгоценностей въ подарокъ, и выходитъ изъ замка, отправляясь въ дальнѣйшій путь.

Какъ въ предыдущихъ, также и въ этомъ § замѣтны яркіе слѣды восточнаго вліянія вообще и еврейскаго въ особенности, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ. Къ признакамъ послѣдняго рода относится главнымъ образомъ исключеніе изъ разсказа географическихъ названій Эракіи, Оессалии, Иллиріи, Салоны, Рима, Ломбардіи и т. д., которыя мы встрѣчаемъ въ началѣ походовъ Александра по обыкновеннымъ версіямъ сказанія. Сюда же относится полное умолчаніе о храмахъ Аполлона (который, впрочемъ, по всей вѣроятности встрѣчается въ искаженномъ видѣ ниже, § 15), Діаны и Серapisа, равно какъ и объ Олимпійскихъ играхъ. Положительные же признаки еврейства замѣчаются какъ въ отдѣльныхъ понятіяхъ и выраженіяхъ (напр. *железные колесницы* — רכב ברזל, заимствовано изъ Кн. Судей, гл. IV, ст. 3; *чистыя и нечистыя животныя и птицы* — טהורים ושומאים, сл. кн. Левитъ, гл. XI. Второзаконіе гл. XIV; прозваніе *Иерихона городомъ палмы* — יריחו עיר התמרים, ср. Второзак. гл. XXXIV, ст. 3), такъ и въ существенныхъ чертахъ самого сказанія. Такъ главнымъ писцомъ или секретаремъ Александра является *еврей Менахемъ*, съ которымъ мы встрѣтимся еще ниже (§§ 16. 18. 25) и который не находится въ другихъ Александріяхъ. Въ переводѣ Ибнъ-Тиббона (по Лондонской рукописи) писецъ Александра названъ *Симеономъ* (שמעון, см. Sammelband p. 81), съ которымъ А. Н. Веселовскій весьма справедливо сопоставляетъ *clerc Symon'a*, упоминаемаго въ древне-французскихъ Александріяхъ. Тотъ же ученый высказываетъ предположеніе, что въ какой-нибудь латинской повѣсти объ Александрѣ найдется или

Симеона писца, какъ названіе автора; намъ кажется весьма возможнымъ, что это имя перенесено поэтомъ въ начало романа съ конца его, гдѣ архипресвитеръ Левъ рассказываетъ о томъ, что Александръ предъ кончиной позвалъ своего *notarius* Симеона и велѣлъ ему написать о послѣднихъ распоряженіяхъ своихъ. У Псевдо-Каллисена В.-С. III, 33, Zacher, p. 174, сказано просто: *канцлера* (*ὑπομνηματογράφον*), но въ Hist. de pr. ed. Zingerle, § 127 p. 261, говорится: Statimque vocavit Jobas et precepit ei, ut vocaret *Symeonem* [*Simeonem*] *notarium suum*, а далѣе, при распредѣленіи областей: *Symeon notarius meus* sit princeps Caradocie et Pephlagonie; сл. изд. Landgrafa стр. 128, гдѣ издатель въ прим. говоритъ, что подъ *Simeon* разумѣется *Eumenes*, т. е. настоящій секретарь Александра ¹⁾. Весьма естественно было приписать этому *notarius* и составленіе жизнеописаніе царя. Возможно также, что съ этимъ Симеономъ находится въ связи Salomon didascalus Judeorum въ Relatio de Alexandro magno (Iter ad Paradisum) одной университетской рукописи въ Павіи (P. Meyer, II, 395). Въ другомъ загадочномъ имени составителя Александрин, упоминаемомъ въ тѣхъ же французскихъ источникахъ, а именно *Noon* (въ венеціанской рукописи декасиллабической поэмы: «De la terre d’Égypte l’aportèrent Noon»), быть можетъ, скрывается искаженіе или *Менахема* нашей версін, или только-что упомянутого *Соломона*, или же, что намъ кажется вѣроятнѣе, вышеупомянутого несторіанца *Хонайна* (Khunain, Chonein, Honein; въ западной средневѣковой литературѣ *Johannicius*, *Johannicio* и т. д.). Въ томъ и другомъ случаѣ придется допустить, что начало имени

¹⁾ Слѣженіе похожихъ въ письмѣ другъ на друга буквъ Е и Σ встрѣчается часто и въ греческой транскрипціи библейскихъ названій. Такъ напр. имя тирскаго царя *Хирама* или *Хирома* (Ϡῆῖπ, Ϡῆῖπ) пишется *Εῖρμας*. *Εῖρμος* и также (какъ у Геродота и Силкелла) *Σῖρμος*, *Σῖρμος*, въ чемъ вовсе не слѣдуетъ искать съ Моверсомъ (*Phönizier* II, Berlin 1849, p. 327) замѣны придыханія шипящимъ звукомъ. По этой же причинѣ и географическое названіе *Сифарадъ* у пр. Обадія (Авдія, ст. 20 — ῤῥῥῥ) читается у LXX толковниковъ *Ἐφῆτῃ* вмѣсто *Σφῆτῃ*; сл. мон *Altjüdische Denkmäler aus der Krim*, p. 38 Anm. 2.

скрывается въ окончаніи мн. чис. предшествующаго имени *Noon* глагола. Самое имя *Менахемъ*, какъ имя еврейскаго писца, встрѣчается въ позднѣйшую эпоху, во время завоеванія римлянами Іерусалима. Іосифъ Флавій (Bell. Jud. V, 13. 7 въ началѣ) говоритъ про одного *Маннея сына Лазаря* (Μανναῖος ὁ Λαζάρου), который перебѣжалъ къ Титу, довѣрившему этому перебѣжчику одніе іерусалимскія ворота, гдѣ послѣдній сосчиталъ количество провезенныхъ чрезъ нихъ покойниковъ. Іосиппонъ (Горіонидъ, изд. Брейтгаупта стр. 807) называетъ его «весьма вѣрнымъ писцомъ изъ іерусалимскихъ писцовъ и т. д., по имени *Менахемъ бенъ Сарукъ*, предки котораго служили писцу Ээдрѣ въ Вавилоніи» (סופר אחד מסופרי ירושלים הנאמנים... ושמו) מנחם בן סרוק הסופר שהיו אבותיו משרתים לעזרא הסופר בבל). Нѣкоторые подозрѣваютъ Горіонида, что онъ интерполировалъ здѣсь имя извѣстнаго еврейскаго лексикографа изъ Испаніи (жившаго въ половинѣ X вѣка) Менахема бенъ-Сарука, а другіе ученые (напр. Цунцъ, Gottesdienstliche Vorträge der Juden, Berlin, 1832, стр. 154 прим. а) считаютъ имя Сарукъ позднѣйшей вставкой испанскаго переписчика. Какъ бы то ни было, возможность заимствованія этого имени составителемъ Александріи кажется намъ вѣроятной. Впрочемъ, можно также допустить, что имя *Менахемъ* (въ эллинизированной формѣ *Менесъ* или *Манней*) нашей версии не что иное какъ гебраизованная форма имени извѣстнаго въ исторіи секретаря Александра — Εὐμένης, *Эмена Кардійскаго*, образованная усѣченіемъ перваго слога. Само собою разумѣется, что авторъ пересказа могъ узнать это имя не прямо изъ греческихъ или латинскихъ источниковъ, а изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Если мои предположенія вѣрны, то окажется, что имя *Эменъ* дало слѣдующія видовизмѣненія: 1. *Symeon Notarius* у Льва (Historia de preliis); преобладающій образъ написанія этого имени черезъ *y* объясняется намъ естественно, потому что онъ происходитъ отъ Εὐ, перешедшій въ Συ. 2. Этотъ же *Symeon notarius* является въ французскихъ источникахъ подъ названіемъ *clerc Symon*, а въ Лондонской еврей-

ской рукописи — שִׁמְעוֹן הַחַזָּק (*Шимонъ ia-соферъ*, Симонъ псецъ) уже въ качествѣ составителя жизнеописанія Александра¹⁾. 3. Отъ имени Симонъ произошло, можетъ быть, названіе *Salomon didascalus*, которому въ Павійской рукописи приписывается составленіе *Iter ad Paradisum*. Мы встрѣчаемъ еще и при другихъ случаяхъ упоминаніе имени Соломона въ позднѣйшихъ Александріяхъ, относящееся уже къ царю Соломону. Такъ въ французской декасиллабической поэмѣ Филиппъ получаетъ даръ, принадлежавшій когда-то *мудрому Соломону*, а имъ полученный отъ храбраго Самсона (*Ms. de l' Arsenal, P. Meyer I, 42*):

Il fu iadis au fortisme Sanson
Qui lo dona au saive Salemon,
Cil lo tramist au fort rei Felipon.

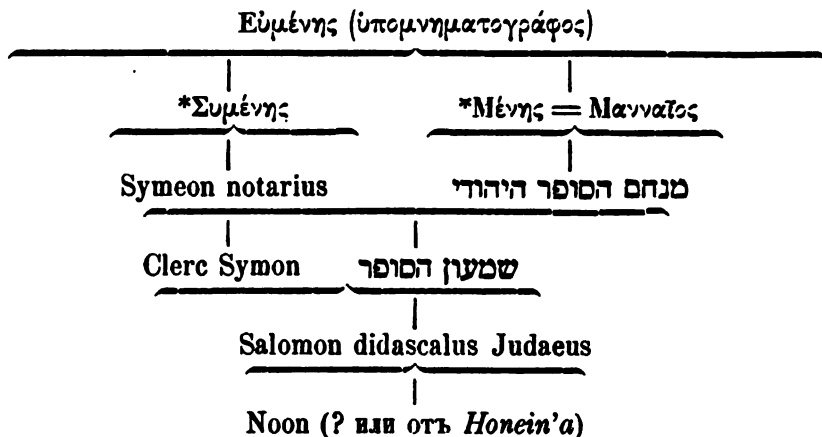
Въ другихъ французскихъ и англійскихъ поэмахъ царь Соломонъ является уже прямо жизнеописателемъ Александра (*Ms. № 789, P. Meyer I, 119: Et non porquant l'estore d'Alixandre rescris, sc. li rois Salemons*²⁾; ср. тамъ же II, 246—247. 298). 4. Другое искаженіе имени Эвмена породило, быть можетъ, имя *главноу царскаю писца Менахема Иудея* (מְנַחֵם הַיְהוּדִי שֶׁאֵרָא שׁוֹפֵר) въ нашей еврейской версіи. 5. Наконецъ, отъ одного изъ этихъ именъ, отъ *Symon* или *Salomon*, но скорѣе всего (во избѣжаніе гипотезы, что одно лицо раздвоилось на двухъ) отъ *Honein*, происходятъ, вѣроятно, загадочно *Noon* въ венеціан-

¹⁾ На появленіе имени Симеона въ Александріяхъ могло также имѣть нѣкоторое влияніе то обстоятельство, что первосвященникъ, встрѣтившій Александра при вступленіи послѣдняго въ Иерусалимъ и названный у Флавія *Иадусомъ*, носитъ въ древне-раввинскихъ источникахъ имя *Симеона Писца* (см. ниже прим. къ § 13). Средневѣковые еврейскіе авторы имѣютъ странныя сказанія о томъ, какъ при этомъ случаѣ первосвященникъ Симеонъ велъ религиозно-философскія бесѣды и пренія съ Аристотелемъ и, конечно, побѣдилъ послѣдняго; ср. еще свидѣтельство Клеарха, ученика Аристотелева, у Иосифа Флавія (*Contra Apionem I, 22*) и Евсевія (*Prefat. Evang. IX, 5*).

²⁾ Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ древне-англійской Александріи (*Kyng Aluzander*, приводимой Кнустомъ въ прим. къ *Vocados de Oto, p. 283*) говорится, что Дарій имѣлъ двоюроднаго брата по имени *Salomon*, въ присутствіи котораго персидскій царь назвалъ Александра разбойникомъ.

скої рукописи. Генеалогическое соотношеніе всѣхъ этихъ именъ можно было бы въ такомъ случаѣ представить слѣдующимъ образомъ:

О палестинскомъ городѣ *Иерихонъ* и его слезъ-бальсамъ распространяются Юсифъ Флавій (Antiq. XIV, 4, 1. XV, 4. 2. Bell. Jud. IV, 8. 3; сл. Стравона XVI, p. 763; Плинія XII, 25, ed. Sillig II, 360—361, гдѣ между прочимъ говорится: Alexandro magno res ibi gerente, toto die aestivo unam concham impleri iustum erat) и Горіонидъ (p. 329). Этотъ городъ, на сколько мнѣ извѣстно, не упоминается въ другихъ Александріяхъ ¹⁾.

Если будемъ считать рассказъ о горѣ и храмѣ передѣлкой соответствующаго мѣста у Псевдо-Каллисоена (I, 31; Zacher p. 120) и архипресвитера Льва (Hist. de pr. ed. Zingerle § 24 p. 148; ed. Landgraf p. 51, 52; Леви, стр. 9) о *Тафосири* (могилѣ Озирпса) или *Тафориси* и храмѣ *Сераписа*, хотя въ сущности между обими описаніями весьма мало общаго, то во всякомъ случаѣ это докажетъ намъ весьма наглядно какимъ образомъ еврейскій рассказчикъ обработалъ свои матеріалы: древне-языческій колоритъ легенды совсѣмъ стусшеванъ и замѣненъ поздне-восточ-

¹⁾ Въ посланіи къ Аристотелю на дорогѣ къ священнымъ деревьямъ Александръ приходитъ въ одно мѣсто: Locus autem erat spatiosus et largus, thure et opobalsamo abundans.

ной окраской весьма сомнительнаго вкуса, что мы часто замѣчаемъ въ настоящей версiи.

На подробности о гробѣ царя *Латинуса* слѣдуетъ, по всей вѣроятности, смотрѣть какъ на передѣлку и дальнѣйшее развитіе разсказа Псевдо Каллисоена и Льва о гробѣ царя *Вина*, *Набоносора*, *Навоходоносора* или *Кира* въ *Персеполь* (Пс.-К. II, 18; Zacher p. 131; Hist. de pr. § 68, ed. Zing. p. 191; ed. Landgr. p. 94; у Горіонида *Кайманъ* II, 18 p. 131? Леви стр. 24). Имя этого царя искажено, повидимому, изъ *Аль-Пинусъ* (אַלְפִּינֻס — съ арабскимъ членомъ). Этому искаженію, содѣйствовало, быть можетъ, то обстоятельство, что царь *Латинусъ* также принадлежитъ легендѣ, которая дѣлаетъ изъ него сына Иракла или Улисса и тестя Енеева ¹⁾.

Условіе, поставленное старцемъ: о чистотѣ въ половомъ отношеніи, встрѣчается у Псевдо-Калл. (III, 17; Hist. de pr. § 106, p. 239 Zing.; Леви, стр. 42; у Горіонида пропущено) въ разсказѣ о говорящихъ деревьяхъ.

Намъ не извѣстенъ источникъ, откуда разсказчикъ заимствовалъ эпизодъ съ красавицей, на которой Александръ женился. Если это пародія на бракъ съ Роксаной, на что какъ бы указываетъ условіе старца: держать красавицу настоящей женой, условіе напоминающее предсмертное завѣщаніе Дарія Александру (Псевдо-Калл. II, 20; Zacher p. 131; Hist. de pr. § 73, Zing. p. 196, Landgr. p. 98 — 99, Леви стр. 25): держать Роксану и ея мать въ почетѣ — то необходимо признать, что пародія опять-таки сохранила весьма мало чертъ оригинала. Вообще нашъ разсказчикъ, въ противность обыкновенному характеру еврейской средневѣковой письменности, не скупится на

¹⁾ Другой царь *Латинусъ* (אַלְפִּינֻס) или *Лутинусъ* (לֻטִּינֻס) упоминается въ *Мидрашѣ* (*Берешимъ Рабба* § 83; *Якумъ Шимони* отдѣлъ *Ваимлазъ* § 140); старинный комментаторъ (*Самуилъ Яса* въ *שׁוֹמֵר פְּתִיחַ*, Венеція 1597) не прочь видѣть въ немъ того царя, съ котораго начался латинскій языкъ; но, присматриваясь поближе, легко замѣтить, что тутъ рѣчь идетъ о послѣднѣмъ влстелинѣ. По предположенію Я. Леви (*Neuhebräisches und Chald. Wörterbuch*, II p. 482) — Lucinius.

изображеніе любовныхъ походовъ Александра, и притомъ безъ всякихъ эстетическихъ и литературныхъ прикрасъ.

Отношенія всемогущаго старца къ Александру, сначала дружелюбныя и почтительныя, затѣмъ чуть не враждебныя съ примиреніемъ въ концѣ; описаніе таинственнаго храма (за исключеніемъ разсказа о птицахъ, который встрѣчается въ другихъ версіяхъ при описаніи дворца Ксерксова) и приключеній въ немъ съ героемъ; отсылка имъ прежней жены домой при встрѣчѣ съ плѣнившей его красавицей; примиреніе съ нимъ матери и присылка ею въ даръ ему Вукефала (въ противорѣчій со всѣми сказаніями, по которымъ Александръ получаетъ коня еще въ Македоніи, при жизни Филиппа)¹⁾; празднованіе имъ новой свадьбы — все это своеобразныя черты нашей версіи. Впрочемъ, мысль о старцѣ - путеводителѣ, съ которой мы еще встрѣтимся ниже (§§ 18. 26.), быть можетъ, заимствована изъ разсказа о старцѣ *Эвантъ* или *Ивантъ*, критически разобраннаго въ изслѣдованіи А. Н. Веселовскаго (*Изъ Исторіи романа и повѣсти*, стр. 268 — 279). Значеніе имени, по нашему предположенію — хорошо встрѣчающій, благосклонно принимающій [гостей], отъ греческаго глагола *εὐαντέω*, отъ котораго имѣется производное страдательное имя *εὐαντητός* — благосклонно встрѣчаемый и принимаемый.

§ 8.

Александръ прибылъ съ своимъ войскомъ въ большой лѣсъ, откуда выходятъ совсѣмъ обросшіе волосами люди и умерщвляютъ много солдатъ. Раздосадованный этимъ царь приказываетъ стрѣлять въ волосатыхъ людей, но тѣ ловятъ руками стрѣлы, которыя не причиняютъ имъ никакого вреда. Убѣдившись въ томъ,

¹⁾ Впрочемъ, можно указать на то обстоятельство, что во французской декасиллабической поэмѣ мать Александра говоритъ ему, что за обузданіе Вукефала онъ долженъ получить этого коня (*Mm. de l'Arzenal, P. Meyer I, 38—4: Par vos ert ben li fers chivans dontez; Vostra deit estra, sire, si vos volez.*).

что воевать съ ними нельзя, Александръ велитъ зажечь лѣсъ и этимъ прогоняетъ волосатыхъ. — Оттуда Александръ приходитъ въ землю *Кротионія* (Д. *Κροτιονία*, מְרִנְנִיָּה, מְרִנְנִיָּה — Каррагенъ), имѣющую протяженіе 30-и дней (пути). Во всей этой странѣ нѣтъ женщинъ надъ землей, ибо онѣ находятся тамъ въ подземельи. По требованію царемъ отъ жителей подати (или дани, פַּדְיוֹן), они даютъ ему сто (М. 100,000) талантовъ золота и множество драгоценныхъ камней. Затѣмъ они приносятъ Александру большую и странную на видъ рыбу, покрытую красною чешуей, имѣющую одинъ глазъ и зубы, черные какъ смоль; но онъ не захотѣлъ кушать ее и приказалъ бросить ее собакамъ, которыя, пожравъ ее, издохли. Увидѣвъ это, царь весьма разсердился, а когда они не могли представить никакого объясненія, на его вопросъ: почему они желали погубить его со всѣмъ его войскомъ? — онъ приказалъ войску вооружиться и сражаться съ этими вѣроломными людьми. Послѣ сраженія, продолжавшагося трое сутокъ, войска царя одолѣли и истребили несмѣтное количество туземцевъ. Послѣ чего вышли ихъ жены (Д. נְשֵׁיָּהֶן; М. ошибочно: *мужчины* — פְּרָשִׁים) изъ подъ земли и сражались, но и ихъ постигла такая же участь, такъ что спаслись только немногія, спрятавшись въ подземелье.

Оттуда царь выступилъ въ военный походъ противъ жителей *Антохіа* (Антиохія. Д. מְרִנְנִיָּה; М. ошибочно *Антифіа* — מְרִנְנִיָּה), убилъ изъ нихъ 30,000 человекъ и отнялъ у нихъ все ихъ оружіе. Когда же они пали предъ царемъ ницъ, прося пощады, онъ смилостивился и пощадилъ ихъ жизнь. Затѣмъ принесли они ему 500 (въ М. число искажено: תַּרְסֵי [שְׁמֹנֶה] изъ לְמֵאָה) талантовъ золота. Обложивъ ихъ постоянною данью, царь выступилъ изъ ихъ земли.

Оттуда царь отправляется въ землю *Аммал* (Д. אֲמַל; М. *Аммла* — אֲמַל), жители которой черны (М. *которая [земля] черна*) какъ смоль, и начали они воевать съ царемъ. На вопросъ царя: почему они такъ упорно противятся ему? — они отвѣчаютъ, что спокойнѣ вѣковъ у нихъ не было ни царя, ни властителя, такъ

что они самые свободные изъ всѣхъ народовъ земли. И царь сказалъ имъ: «Я не требую отъ васъ ни серебра, ни золота, но подарите мнѣ всѣхъ дѣтей, которые родились у васъ въ продолженіе послѣдняго года, для того чтобъ накормить ими моихъ собакъ (!)». — Тѣ отвѣтили: не слѣдуетъ такъ дѣлать — отдавать нашихъ дѣтей на съѣденіе твоимъ псамъ (!); если хочешь, возьми у насъ серебра и золота во множествѣ, а если нѣтъ, то будемъ воевать съ тобою. И царь посоветовался съ своими мудрецами, которые сказали ему: не бери у нихъ ни серебра, ни золота, но лучше войди съ ними для того, чтобъ имя (слава) твое распространилось между народами. Царь послушался ихъ совѣта, воевалъ съ туземцами, истребилъ изъ нихъ несмѣтное количество и ему досталось въ добычу такое множество серебра, золота и драгоценностей, что люди царя пренебрегали серебромъ и золотомъ и брали себѣ только драгоценные камни.

Разсказъ о встрѣчѣ Александра съ дикими и волосатыми людьми находится во всѣхъ редакціяхъ романа, также въ посланіи къ Аристотелю. Точно также имѣется въ нихъ разсказъ о томъ, что жители *Кароагена* (Кархедона, Калхедона, Халхедона и т. д.) принесли дань Александру, по прибытіи его въ Африку или въ Вавилонъ (Пс. - К. I, 30, Z. p. 119; Hist. de pr. Zing. § 22 p. 147; ср. Landgraf стр. 50 — 51 въ прим.; Alwin Schmidt, Alexandersage des Alberic von Besançon, Вонп, 1886, p. 19; Веселовскій стр. 176 — 178. 197; Горіонидъ II, 15 p. 117; Леви стр. 50). Раввинскія же сказанія приводятъ Кароагенъ и Африку въ связь съ амазонками (Оршанскій, стр. 10 — 13; сл. моя примѣч. стр. 25 — 26). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что старинный глоссаторъ *Танхумы* (Эзра Фано?) правъ, полагая причиною тому народную этимологию: *Карта*, по-арамейски *городъ*, и *יחנה*, *женщина* ¹⁾).

¹⁾ М. Штейншнейдеръ, возражая мнѣ относительно значенія имени *Африки* у древнихъ раввиновъ (Hebräische Bibliographie В. IX 1869, p. 15

Эпизодъ съ вѣроломнымъ поднесеніемъ Александру странной рыбы представляетъ особенность нашей версіи (эпизодъ объ издохшей собакѣ во французскомъ романѣ ср. впрочемъ у Р. Meyer II, 199), равнымъ образомъ и подробность о скрывающихся въ подземельи женахъ, которая имѣетъ, впрочемъ, сходство съ рассказомъ французскаго романа о лѣсѣ дѣвицъ, входящихъ зимой въ подземелье (Р. Meyer II, 182). (Объ амазонкахъ говорится въ нашемъ сказаніи ниже, § 11).

Про Антиохію упоминается въ псевдо-каллисоновскихъ Александріяхъ по новоду основанія ея, или же при первомъ обмѣнѣ Дарія и Александра письмами (сл. Pseudocall. I, 36. С., Zacher p. 121 ср. I, 31, p. 120; Hist. de gr. по Париж. рукоп. § 33, вмѣсто полководца *Антиоха* или *Антилоха*; см. Леви, стр. 13. 58; Веселовскій стр. 197 — 199); но тамъ нѣтъ ничего подобнаго нашему описанію. Замѣтимъ здѣсь кстати, что оставленное Кнустомъ безъ объясненія географическое названіе у Ибнъ-Фатика: *Say* (Vocabos de Oro, p. 282 et 428: E dende fue a tierras de Say; варианты *Soni*, *Soim*; въ латинскомъ переводѣ *Sem*, въ французскомъ *Estem*, въ англійскомъ *Escam*) есть арабское الشام, *Аш-шамъ* или *Эш-шамъ*, т. е. Сирія вообще и столица ея, городъ

Апм. 4, p. 52 Апм. 14), выставляетъ на видъ то обстоятельство, что и у Псевдо-Каллисоена (I, 30. Zacher p. 119) упомянуты вмѣстѣ Африка и Караегень; но почтенный Берлинскій ученый упускаетъ изъ виду, что въ греческомъ романѣ и въ зависимыхъ отъ него источникахъ (гдѣ, къ тому-же, во многихъ кодексахъ вмѣсто *Καρχηδονία* читается *Χαλκηδονία*, а въ Hist. de gr. постоянно *Chalcedonia*, *Calcedonia*; см. примѣчаніе Ландграфа, стр. 50, что только въ позднѣйшихъ рецензіяхъ рельефно выступаетъ походъ Александра на Караегень) ни Африка, ни Караегень не представляются страной амазонокъ, какъ это дѣлается въ равнинскихъ сказаніяхъ. Имя многія другія указанія на то, что въ послѣднихъ часто смѣшивались Африка (ΑΦΡΙΚΗ) и Ἰσηρικὴ (ср. χωρὰ) — *Исерики* (ἸΣΗΡΙΚΗ) и допуская это смѣшеніе и въ сказаніи объ Александрѣ, гдѣ подъ Африкой разумѣется Кавказъ, я объясняю нынѣ появленіе Караегена народной этимологіей этого имени въ смыслѣ *юрта женщины*, т. е. амазонской страны, эпизодъ о которой не имѣетъ у Псевдо-Каллисоена (III, 25—26. Zacher p. 165) никакой связи съ Африкой и Караегеномъ, а, наоборотъ, также приурочивается къ Кавказу. Ἰσηρὶς и Βαρὶς рядомъ съ Персіей упоминаются въ позднѣйшихъ греческихъ Александріяхъ; см. Веселовскій, стр. 140.

Дамаскъ, въ особеннѣности, а для древнихъ временъ это имя могло быть отнесено къ сирійской столицѣ Антиохіи¹⁾.

Трудно сказать какая страна разумѣется подъ названіемъ *Ацилз* или *Ацилла*. Если принять вачало имени *Ац* за арабскій членъ, то можно было бы вторую часть имени объяснить въ смыслѣ еврейско-арабскаго слова *צל*, *ظل* (*целз*, *тзиллз*, тѣнь, темнота), такъ какъ жители означенной страны, а по рукописи М. сама страна, темнаго цвѣта²⁾.

Безсмысленное и ничѣмъ немотивированное требованіе Александра: выдать ему новорожденныхъ дѣтей, чтобъ бросить ихъ своимъ псамъ — характеристично для нашего рассказчика или для

¹⁾ По своему значенію, арабское слово *شام* — *Шамъ*, *лѣвая сторона* (или сѣверная сторона, отъ *Каабы*), подобно *يمن* — *Именъ*, *правая* (или южная, отъ *Каабы*) *сторона*, относилось первоначально къ странѣ Сиріи, а потомъ уже стало употребляться синекдохически въ смыслѣ столицы страны. У евреевъ и карамитовъ, писавшихъ по арабски, названіе *Шамъ* обозначало *Палестину* и противостоивало *Ираку* (Вавилоніи).

²⁾ Не есть ли *Цилъ* или *Цила* искаженіе названія *Qiyā* Ибнъ-Фатика? (*Vocados de Oro*, p. 286. 438; варианты у Кнуста: *Qiyā*, *Aquella*, *Aquilla*, во французскомъ и англійскомъ переводахъ *Qiyā*; въ латинскомъ переводѣ у Штейншнейдера, *Hebr. Bibliogr.* p. 52, *Qiyā*). По справедливому замѣчанію Гильдемейстера (*Jahrbücher für romanische und englische Literatur*, XII, 1871, p. 238) тутъ вмѣсто *Qiyā* (по арабски *قیلا*) слѣдуетъ читать *Fīla* (а по арабскому произношенію первой буквы *Fīla*, по арабски *فیلا*): имя, обязанное своимъ происхожденіемъ ошибочному пониманію выраженія Псевдо-Калл. (I, 44): *εἰς τὴν πύλιν*. Названіе же *Pouille* во французскомъ романѣ (P. Meyer II, 164), какъ помѣщенное рядомъ съ *Calabre*, означаетъ очевидно *Алуцію*. Правда, что рассказанное тамъ про жителей города подъ этимъ названіемъ нисколько не похоже на рассказъ нашей версии, а взято цѣликомъ, какъ уже замѣтили Штейншнейдеръ и Кнустъ, изъ эпизода о городѣ *Абдера* у Псевдо-Калл. (С. I, 43; *Zacher*, p. 123; сл. *Hist. de pr.* § 38 Zing. p. 161, *Landgr.* p. 63); но мы уже знаемъ, что нашъ авторъ нисколько не стѣсняется въ этомъ отношеніи. Если это предположеніе вѣрно, а именно, что звукъ *к* въ настоящемъ случаѣ перешелъ въ *ч*, то у насъ прибавится еще одно указаніе на происхожденіе автора изъ романскихъ странъ, хотя онъ жилъ повидимому на Востокѣ, на что указываютъ другіе признаки. Впрочемъ, въ звуковомъ отношеніи скорѣе допустить, что страна *Кмилл* (*קמילל* Д.) или *Кмиллз* (*קמיללז* М.), о которой говорится ниже (§ 24), передаетъ имя *Qiyā* или *Qiyāla*; сл. наше приращеніе тамъ же.

его источника, если онъ имѣлъ таковой. Вообще можно замѣтить, что если во всѣхъ сказаніяхъ объ Александрѣ не мало бессмысленнаго и нелѣпаго, то наша версія ихъ далеко перецепогла вѣ этомъ отношеніи.

§ 9.

Оттуда царь отправляется и приходитъ въ землю *Арменія* (М. ԿՅՆԶԻԿ; Д. ошибочно: ԿՅՆԶԻԿ — *Армунія*), и всѣ тамошніе храбрые люди (или: всѣ солдаты — ԼՅՊ ՇԿ ԼԼ) выступили противъ него и перебили много изъ его войска. Но на слѣдующій день царь одолѣлъ и истребилъ несмѣтное число ихъ; и царь выступилъ съ знаменемъ своимъ, напалъ на башню туземнаго царя и нашелъ тамъ громадное количество драгоценныхъ камней, которое онъ роздалъ войску, устроилъ пиршество всѣмъ поданнымъ и оставался въ странѣ девять дней. — Однажды ночью, предъ постелью царя появилась лягушка, державшая во рту горькую траву (Д. ԳՅ ՇՄՍ; М. *какую - то траву* — ԿԻ ՇՄՍ), и подумалъ царь: это недаромъ (Д. ԵՂԴԼ ՈՐ ԴԿ; М. ԵՂԼԵ), и убилъ ее мечемъ, отчего сдѣлалось большое зловошіе, причинившее многимъ изъ царскаго народа смерть, и самъ царь также заболѣлъ отъ этого, но царскіе врачи скоро возстановили его здоровье.

Оттуда царь выступилъ и прибылъ въ землю *Армла* (Д. ԿԼԵԿՍ; М. *Умла* — ԼԼԵԿՍ), жители которой напали на царскихъ людей и погубили многихъ изъ нихъ; но въ концѣ царь одолѣлъ туземцевъ, умертвилъ изъ нихъ около 40,000 человекъ и получилъ въ добычу множество золота и драгоценныхъ камней.

Оттуда царь выступилъ, пошелъ водой и прибылъ въ лѣсъ, гдѣ течетъ сладкая вода. И царь изготовилъ лодки (или: плоты — ԼՄՄԵԵՐ), потому что желалъ дойти до источника этой воды; и сѣлъ царь со всѣмъ своимъ войскомъ на лодки, но поднялся сильный вѣтеръ и бросилъ ихъ въ пещеру, изъ которой течетъ (озваченная сладкая?) вода; по ней царь шествовалъ 29 дней, продолженіе коня не видалъ ни солнца, ни луны. По исте-

ченіи 29-и дней онъ вышелъ изъ пещеры на воздухъ и нашель два большихъ дерева краснаго цвѣта, на которыхъ сидѣли два старца; изъ нихъ одинъ былъ слѣпъ и нѣмъ. На вопросъ царя: зачѣмъ они здѣсь сидятъ? — второй старецъ отвѣтилъ: для того, чтобъ узнать будущность изъ показаній этихъ деревьевъ. И весьма удивился царь тому, что деревья имѣютъ даръ слова; но старецъ ему сказалъ: не удивляйся, царь мой государь, эти деревья въ самомъ дѣлѣ говорятъ въ третій часъ каждого дня и отвѣчаютъ на всѣ предлагаемые имъ вопросы, исключая вопроса о днѣ кончины. Это обстоятельство заставило царя разбить тамъ свою палатку и дожидаться означеннаго часа. На слѣдующій день въ 3-мъ часу послышался отъ одного дерева голосъ, приглашающій царя предлагать свои вопросы. Царь спросилъ: «Буду ли я царствовать 20 лѣтъ (М. 10 лѣтъ)?» — на что дерево отвѣтило: будешь царствовать еще больше! — «Буду ли я царствовать 30 лѣтъ?» (въ М. недостаетъ этаго вопроса) — Будешь еще больше! — «Буду ли царствовать 40 лѣтъ?» — на этотъ вопросъ не послѣдовало отвѣта. — «Буду ли царствовать 35 лѣтъ?» — Будешь еще больше! — «Сколько больше?» — вопросъ остался безъ отвѣта. Царь тогда понялъ, что время его правленія не продолжится 40 лѣтъ. И еще спросилъ царь: «Возвращусь ли я въ Египеть?» — Кончина твоя (былъ отвѣтъ) будетъ на чужой сторонѣ, но въ землѣ египетской (Д. אֶרֶץ; М. ошибочно: *израильской* — אֶרֶץ см. אֶרֶץ) будешь похороненъ. И далѣе спрашивалъ царь: «Наслѣдуетъ ли мнѣ мой сынъ въ царствѣ?» — Нѣтъ, не наслѣдуетъ, былъ отвѣтъ, ибо твое государство будетъ раздѣлено между 4-мя князьями или герцогами (*дуксимъ* — דוכסין). Спрашивалъ царь еще о другихъ дѣлахъ, но на нихъ не послѣдовало отвѣта.

Объ *Арменіи* ¹⁾ идетъ рѣчь также у Псевдо-Каллпсоена (II, 9:

¹⁾ Считаю совсѣмъ невѣроятнымъ допустить чтеніе Д. *Armenia* — אֶרֶץ אֲרָמִיָא и толкованіе его названіемъ испанской провинціи *Армонія*, хотя въ средневѣковыхъ Александріяхъ, какъ напр. во французской декасслаби-

Zacher, p. 128) и архипресвитера Льва (Zing. § 48 p. 176; Landgr. p. 79; Левн стр. 7. 19. 23), а въ Париж. рукоп. еще при Филиппѣ, причемъ выраженіе послѣдней: *Armenia provincia* подавало поводъ къ разнымъ искаженіямъ. Изъ *Арменія* произошли: *Аламанія* (другое употребленіе имени *Аламанъ* о Куманахъ при помощи позднѣйшей народной этимологіи этого названія см. у А. Н. Веселовскаго, Изъ исторіи романа, стр. 168), *Аланія*, *Алханъ*; изъ *провинція* — *Провансъ* (ср. у г. Гастера, стр. 36, 55), *Бранса*, *Брасанъ*, *Хорасанъ*. У Ибнъ-Фатика (Vocados de Oro, p. 282. 428) Александръ изъ Антиохіи прямо переходитъ въ Арменію (въ англійскомъ переводѣ *Ermony*). Разсказъ о лягушкѣ не имѣеть, кажется, себѣ подобнаго въ другихъ версіяхъ. Нѣсколько похожъ разсказъ о громадномъ ракъ у Псевдо-Калл. (II, 34), а въ посланіи къ Аристотелю разсказывается о томъ, что при истребленіи огнемъ насѣкомыхъ въ одномъ мѣсту сдѣялось большое зловоніе.

Подъ названіемъ *Артла* (אֲרְטָלָא, изъ чего легко могло произойти въ М. אֲרְטָלָא), въ виду того, что оно пишется чрезъ букву *У* (אֵינֶז), по всей вѣроятности скрывается אֲרְטָלָא — *Трпла*, *Трпולי*: городъ, упоминаемый въ началѣ походовъ Александра (Псевдо-Калл. I, 35, Zacher, p. 121; въ позднѣйшихъ пересказахъ у Веселовскаго, стр. 200, Алекс. самъ строитъ городъ Трпולי; Hist. de pr. = *Scalona*, *Ascalona* Zing. § 24, p. 148; Landgr. p. 52 примѣч.; Горіонидъ II, 15, p. 117; Левн стр. 8).

О сладкой водѣ говорится въ тѣхъ же источникахъ (Пс.-К. II, 42; Zacher p. 152, 160; Hist. de pr. Zing. § 87, p. 210; Landgr. p. 109; Горіонидъ II, 18 p. 132; P. Meyer II, 168) и въ посланіи къ Аристотелю.

О говорящихъ деревьяхъ и ихъ пророчествѣ Александру въ *Прасіакъ* или *Адамантъ* сл. разсказъ Псевдо-Калл. (III, 17,

---

ческой поэмѣ (Ms. de l' Arsenal, P. Meyer I, 25: «Qui tint Espagne»), оказалось включеннымъ въ число странъ, покоренныхъ Александру, и имя Испаніи, подобно тому какъ тамъ фигурируютъ названія Британіи, Франціи и пр.

Zacher, p. 161) и Льва (§ 106 Zing. p. 240, Landgr. p. 112 сокращ.; сл. Горіоніда II, 18, p. 134 — 135; P. Meyer II, 180, 185 — 186; Леви стр. 43).

Въ показаніи о числѣ лѣтъ царствованія Александра (больше 35 и меньше 40 лѣтъ) наша версія также отстуетъ отъ другихъ сказаній, отмѣченныхъ Zacher'омъ (стр. 176 къ III, 35). Пророчество о томъ, что царь не вернется на родину (въ Македонію), имѣется также и въ послѣднихъ, но тамъ нѣтъ предсказанія о наследованіи царства и раздѣленіи его на четыре княжества. Дѣйствительно, наша версія въ концѣ рассказываетъ, что Александръ предъ смертію передалъ власть 4-мъ полководцамъ подъ верховныхъ главенствомъ своей матери; можетъ быть, это дѣленіе на четыре есть отзвукъ историческаго факта, — заключенія союза между 4-мя важнѣйшими полководцами и діадохами Александра.

§ 10.

Оттуда царь выступилъ и прибылъ по ту сторону *Горъ тьмы* (דָּבָר לְהַר לְטָב) при помощи одной жемчужины, которая освѣщала ему дорогу. Туземный царь вышелъ ему (Александру) на встрѣчу, оказалъ ему великія почести и исполнялъ всѣ его приказанія. Однажды, когда оба царя сидѣли вмѣстѣ, съ вѣнцами на головахъ, пришли къ царю (туземному) два человѣка, изъ коихъ одинъ сказалъ царю: О, государь мой! Я купилъ у этого человѣка землю для того, чтобъ построить на ней зданіе, и когда я началъ копать ровъ, то нашелъ громадный кладъ и великія сокровища, и я требую отъ него (продавца), чтобъ онъ взялъ себѣ обратно этотъ кладъ, такъ какъ я купилъ только землю, а не сокровище. Второй же отвѣтилъ и сказалъ царю: О, государь мой! Когда я продалъ ему свою землю, то я ее продалъ вмѣстѣ со всѣмъ ея содержаніемъ, отъ нѣдра земли до небесной высоты [талмудическое юридическое выраженіе], и подобно тому, какъ онъ (покупатель) остерегается отъ присвоенія чужой собственности, такъ точно и я остерегаюсь. И царь спро-

силъ одного изъ нихъ: «есть ли у тебя сынъ?» — Да, государь мой, есть, отвѣтилъ онъ. И спросилъ онъ другого: «есть ли у тебя дочь?» — Да, государь мой, есть. На что царь сказалъ: «пусть твой сынъ женится на его дочери, а кладъ передайте новобрачнымъ». Такъ они и сдѣлали. И Александръ смѣлся надъ этимъ, такъ какъ ему это показалось страннымъ. И спросилъ его (туземный) царь: «чему ты смѣешься? развѣ не хорошо я разсудилъ и не хорошо сдѣлалъ?» — Да (отвѣтилъ Александръ), ты хорошо разсудилъ и хорошо сдѣлалъ, но въ моемъ государствѣ я бы не такъ судилъ. — «А какъ бы ты иначе рѣшилъ спорное дѣло?» — Я бы предалъ обоихъ смерти, а самъ забралъ бы всѣ деньги. — И весьма удивился царь этому и сказалъ ему (Александру): «а въ твоемъ государствѣ солнце свѣтитъ?» — Да, свѣтитъ. — «А роса бываетъ въ твоемъ государствѣ?» (Д. не имѣетъ этаго вопроса) — Да, бываетъ. — «А находится ли въ твоемъ государствѣ крупный и мелкій домашній скотъ?» — Да, находится, былъ отвѣтъ. — «Въ такомъ случаѣ, вы всѣ живете и имѣете чѣмъ кормиться ради вашего скота, какъ сказано (Псаломъ XXXVI, ст. 7): человѣку и скотинѣ Ты помогаешь, о Господи!».

Сказаніе о путешествіи Александра къ *Горамъ тьмы* находится уже въ Талмудѣ (тр. *Тамидъ* л. 32) и вскользь въ Ми-драшѣ (*Ваикра Рабба* гл. 27; сл. Оршанскаго №№ III и V, стр. 10. 12). Только въ Талмудѣ Александръ, по совѣту *мудрецовъ тѣхъ*, совершаетъ это путешествіе на ливійскихъ ослахъ (אֲוֹנֵי לִיבְיָהוּ), привыкшихъ къ темнотѣ, посредствомъ длинныхъ веревокъ и канатовъ, привязанныхъ однимъ концомъ къ мѣсту отправленія; въ обыкновенныхъ же Александріяхъ посредствомъ кобылицъ или ослицъ и ихъ жеребятъ (Псевдо-Калл. II, 39; Zacher p. 140; Веселовскій, стр. 221). Вкратцѣ упоминаетъ о *Горахъ тьмы* и Горіонидъ (II, 16, стр. 125; сл. примѣч. Брейтгаупта тамъ же).

Разсказъ о судебномъ дѣлѣ, въ которомъ оба противника отклоняютъ отъ себя найденный кладъ, заимствованъ цѣликомъ

изъ Іерусалимскаго Талмуда и изъ Мидрашовъ *Берешитъ Рабба*, *Ваикра Рабба*, *Песикта* и *Танхума* (Оршанскій знаетъ только второй Мидрашъ № V, стр. 13)¹⁾, гдѣ это рассказываетя про страну *קִיּוּן*, *Кіія*, которая находится за *Горами тьмы*, или же про *אֲפְרִיקָא*, *Африка* или *Иберика* (Иверія); см. мои примѣчанія къ статьѣ Оршанскаго, стр. 24 — 27. Въ нашей же версія объ этой послѣдней странѣ упоминается вкратцѣ въ слѣдующемъ § и ниже (§ 13), при третьей женитьбѣ Александра (можетъ быть также въ § 19). При сопоставленіи разныхъ рецензій этого мѣста въ вышеозначенныхъ источникахъ легко замѣтить, что въ географическомъ отношеніи эти рецензіи представляютъ явную хронологическую постепенность наслоенія: въ то время какъ древнѣйшая рецензія (въ Іерусалискомъ Талмудѣ) знаетъ во всемъ этомъ сказаніи только одну страну *Кіию* безъ всякаго ближайшаго ея опредѣленія, *Берешитъ Рабба* прибавляетъ уже *רְשֵׁת הַתְּמָרִים*, [которая находится] за *Горами Тьмы*, и это опредѣленіе повторяютъ всѣ три позднѣйшія рецензіи Мидрашовъ. *Ваикра Рабба* (а за этимъ Мидрашемъ *Песикта* и *Танхума*) пошелъ еще дальше и на основаніи того, что въ Вавилонскомъ Талмудѣ (у Оршанскаго III, стр. 10) говорится, что *Африка* находится за *Горами тьмы* и что, отправившись туда, Александръ пришелъ въ область, населенную исключительно женщинами (о чемъ въ Іерус. Талмудѣ совсѣмъ не упомянуто), онъ эту послѣднюю превратилъ въ *Картанину*, по причинѣ вышеприведенной народной этимологіи (*карта* и *γυνή*), и такимъ образомъ у него вышли три географическихъ названія: *Кіія*, *Африка* и *Картанина*.

Что же касается значенія перваго и, по отношенію къ еврейскимъ источникамъ, древнѣйшаго изъ этихъ названій мѣстностей (*Кіія*), то попытки, сдѣланныя до сихъ поръ къ его объясненію,

¹⁾ Параллели къ разсказу о процессѣ, который находится также у Ибнъ-Фатика (Bosador de Ogo, p. 297. 458—463) и во французскомъ романѣ (P. Meyer II, 199—200), собралъ Клусть въ примѣчаніи къ тексту перваго (стр. 297, прим. а).

нельзя назвать удачными. Жившій въ концѣ XVII вѣка комментаторъ *Мидрашъ - Рабба* (משד יד), раввинъ Яковъ Моисей Геллинъ, считаетъ это слово нарицательнымъ именемъ съ значеніемъ самой крайней страны свѣта. Раввинъ Иосифъ Шварцъ изъ Иерусалима отождествляетъ это названіе съ городомъ *Киченей* въ Понтѣ (קיצר = Кизикъ? — не въ Понтѣ), къ сѣверу отъ Таврскихъ горъ (см. соч. קמל למדל, Иерусалимъ 1846, л. 127⁶). З. Кассель видитъ въ этомъ загадочномъ названіи страну *Киссию*, упоминаемую рядомъ съ амазонками, грузинами и киммерійцами (Ersch. u. Gruber's Allgemeine Encyclopadie II Serie, 27. Theil, p. 172, Anm. 56). Н. Фишманъ предлагаетъ курьезное объясненіе, а именно, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ географическимъ названіемъ, а съ титуломъ владѣтеля, «такъ какъ цари индійскіе и американскіе называются *Кичиками*» (*Meged Jerachim*, Sammelchrift für Freunde der hebräischen Literatur Lemberg 1855, p. 17). А. Нейбауеръ хочетъ передѣлать согласное во всѣхъ источникахъ ¹⁾ чтеніе קיצר *Киц*, — въ קיצר — *Крн* и объяснить его именемъ *Кирены* въ Африкѣ (*Géographie du Talmud*, Paris 1868, p. 405). Наконецъ А. Когутъ отождествляетъ наше названіе съ *Казіемъ* (Casium) въ Нижнемъ Египтѣ (Plenus Aguch I, 195, s. v. קסלכסל). Слѣдуетъ замѣтить, что объясненіе нашего имени тѣсно связано съ толкованіемъ имени *Африки* (קריק) въ древне-раввинскихъ источникахъ и съ выясненіемъ той мѣстности, которую означенные источники отводятъ для помѣщенія царства амазонокъ, и мы намѣрены посвятить особое изслѣдованіе выясненію этого вопроса, сопряженнаго со многими другими.

Въ совсѣмъ некрасивомъ отвѣтѣ Александра, что онъ убилъ бы обоихъ спорящихъ о кладѣ для того, чтобы забрать себѣ кладъ, Оршанскій (стр. 14, прим. 1) видитъ злую критику на языческій судъ вообще; но противъ такого пониманія можно возразить, что вѣдь и туземный царь, такъ сильно возмущаю-

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторые источники, между прочимъ древнѣшая версія въ иерусалимскомъ Талмудѣ, остались ему неизвѣстными.

щійся этимъ отвѣтомъ Александра, также язычникъ. Скорѣе всего мы имѣемъ здѣсь одну изъ тѣхъ чертъ частной характеристики Александра и двойственнаго его изображенія, о которыхъ будетъ у насъ рѣчь ниже (§ 15).

§ 11.

И Александръ выступилъ оттуда и прибылъ въ землю *Африкз* (sic, рѣчь въ обѣихъ рукописяхъ), которую подчинилъ своей власти, и жители дали ему 180 талантовъ золота и много драгоценныхъ камней. Оттуда царь выступилъ и прибылъ въ землю *Аншикз* (рѣчь или *Аншикз* — *ТШЖ*), гдѣ засталъ только женщинъ, а по ту сторону рѣки живутъ мужчины, которые никогда не переправляются (къ женщинамъ) черезъ рѣку, но постоянно женщины переправляются чрезъ воду для того, чтобъ забеременить отъ мужчинъ. Когда женщина рождаетъ мальчика, то она перевозитъ его на ту сторону воды, а мужчины его берутъ и воспитываютъ; если же рождаетъ дѣвочку, то она воспитываетъ (Д. онѣ воспитываютъ) ее до пятилѣтняго возраста, а затѣмъ обучаетъ ее воевать. Онѣ развѣзжаютъ на коняхъ и воюютъ съ окрестными племенами; такъ онѣ дѣлаютъ два — три раза ежегодно.

И послалъ Александръ къ ихъ царицѣ требовать, чтобъ она непременно явилась къ нему вмѣстѣ съ своими сановниками и съ своими сокровищами, а въ противномъ случаѣ ей будетъ худо. И царица отвѣтила посланцамъ Александра и сказала имъ: «Въ чемъ же состоитъ сила вашего (М. ошибочно: моего) государя, что онъ осмѣлился прибыть въ мою страну для того, чтобъ отнять ее у меня (М. чтобъ воевать со мною)?» — Посланцы отвѣтили, что ихъ государь подчиняетъ всѣ народы своей власти (М. прибавляетъ: нѣтъ ни одной крѣпости, которая устояла бы противъ него, всѣ государства и народы падаютъ предъ нимъ), и всѣ его дѣла ему удаются. Она на это замѣтила: «Скажите вашему государю, что онъ кажется мнѣ не умнымъ человекомъ и что ему благопріятствуетъ только слѣпое счастье». —

Почему ты такъ думаешь о нашемъ государѣ? спросили они. — «Потому что это явствуетъ изъ его образа дѣйствій, ибо еслибъ вашъ государь былъ уменъ, то не воевалъ бы съ женщинами, что во всякомъ случаѣ не принесетъ ему чести и славы: если онъ ихъ побѣдитъ, то свѣтъ скажетъ: что за важность, что онъ побѣдилъ женщинъ? человекъ полегче (попроще и мало-важнѣе) его также можетъ ихъ побѣдить; если же женщины побѣдятъ его, что скажетъ свѣтъ на это? — такого важнаго царя одолѣли женщины! Всѣ его войны и побѣды, одержанныя имъ до сихъ поръ, не послужатъ къ его чести и славѣ, а его срамъ увеличится въ глазахъ всѣхъ людей». Посланцы возвратились къ Александру и передали ему слова царицы, которыя весьма понравились ему и всему его народу. И Александръ сказалъ своимъ людямъ: какъ мнѣ поступить? если я отсюда уйду безъ (М. прибавляетъ: войны и безъ) побѣды, то всѣ скажутъ, что женщины побѣдили меня. Посему царь рѣшилъ не удаляться отсюда пока не увидитъ царицы и не поговоритъ съ нею лично.

Услышавъ, что Александръ идетъ къ ней, царица собрала 50,000 дѣвицъ, одѣла ихъ въ шелкъ и парчу и всѣ онѣ сѣли на верблюдовъ и отправились на встрѣчу царя. Приблизившись къ лагерю Александра, царица приказала своимъ дѣвицамъ, чтобъ онѣ сдѣлали все то, что сама она сдѣлаетъ. Поровнявшись съ Александромъ, царица посгѣшно обнажила одну грудь, и всѣ ея дѣвицы сдѣлали тоже самое, чему царь и весь его народъ весьма удивились. И царь посгѣшно приблизился къ царицѣ, обнялъ и поцѣловалъ ее. На вопросъ царя: почему онѣ обнажились во время встрѣчи? — царица отвѣтила: «таковъ законъ и обычай въ нашемъ государствѣ, при встрѣчѣ царя мы показываемъ ему красоту нашего тѣла (!)». И спросилъ царь: Что я могу сдѣлать для васъ? — Царица отвѣтила: «Не дѣлай для васъ ничего, а только не опустошай нашей земли». — Если признаете мою верховную власть, сказалъ царь, то отступлю отъ васъ, а если нѣтъ, то я раззорю вашу землю. — «Къ чему (спросила царица) будешь ты напрасно опустошать наше

государство и прибавишь къ твоимъ грѣхамъ новый грѣхъ? мы уже испоконъ вѣковъ поклялись не терпѣть ярма чужаго царя. Если тебѣ угодно, то я дамъ тебѣ золото, серебро (М. прибавляетъ: мѣдь) и драгоценные камни, въ такомъ громадномъ количествѣ, какового не видали ни ты, ни твои родители, ни твои прародители (Д. ни вы, ни ваши родители)». — Если я съ тобой буду воевать, возразилъ царь, и одолѣю тебя, то мнѣ достанутся всѣ твои драгоценные камни, золото и серебро. — «Ты ошибаешься, сказала царица, такъ какъ я, при помощи моихъ дѣвицъ, скрыла всѣ наши драгоценности въ такомъ мѣстѣ, что ты тщетно будешь ихъ искать». — На угрозу царя, что онъ предастъ ее со всѣми ея дѣвицами пыткамъ пока онѣ не откроютъ ему мѣста, гдѣ спрятаны сокровища, царица отвѣчаетъ, что это бесполезно, такъ какъ онѣ и ихъ матери (Д. родители) присягнули не открывать этого мѣста никому въ мирѣ. И сказалъ царь: Что мнѣ дѣлать! ты хитришь меня; я, впрочемъ, говорилъ такъ [угрожалъ пыткой] только для испытанія тебя; посему дай мнѣ золото и драгоценные камни, какъ ты обѣщала мнѣ, и я уйду отъ васъ въ мирѣ. И царица подала сигналъ маленькимъ и страннымъ на видъ свисткомъ (מִקְרָאֵי הַלְלוֹתָ לַיהוָה וְלַיהוָה יִשְׁמַעְוּ וְיִשְׂמְעוּ וְיִשְׂמְעוּ וְיִשְׂמְעוּ), и къ ней явилась весьма красивая дѣвица, которой царица приказала взять съ собою еще дѣвушекъ (служанокъ) и принести изъ известнаго ей потаеннаго мѣста золото и драгоценные камни. Дѣвица отправилась, скоро вернулась и принесла царю такое громадное количество золота и драгоценныхъ камней, что всѣ присутствующіе удивлялись, и даже царь (Д. ошибочно: царица) былъ чрезвычайно пораженъ.

Затѣмъ царь просилъ оказать ему еще одну милость, и тогда онъ будетъ знать, что царица благосклонна къ нему. И когда царица увѣрила его въ томъ, что она исполнитъ всѣ его приказанія за исключеніемъ подчиненія своего государства его власти, царь открываетъ ей, что онъ питаетъ къ ней страсть. Она выражаетъ готовность отдаться ему только подъ условіемъ, чтобъ никто изъ его людей не сдѣлалъ того же самаго съ ея дѣви-

цани, такъ какъ до сихъ поръ ничего подобнаго не совершалось въ ея странѣ. Царь даетъ клятву исполнить это условіе и, по его приказанію, по всему лагерю было провозглашено, что каждый, кто тронетъ дѣвицу царицы, будетъ подвергнутъ смертной казни. Ночью царь послалъ за царицей, чтобъ она прибыла въ его палатку, но она отвергла это предложеніе, говоря, что неприлично женщинѣ явиться къ мужчинѣ, и царь нашелъ, что она права, почему онъ отправился къ ней и провелъ у нея ночь. Утромъ она ему заявила, что она отъ него забеременила; на его вопросъ: откуда она это знаетъ? она отвѣтила: «Я наблюдала ночью планеты и нашла указаніе, что я забеременила отъ тебя сыномъ, который будетъ героемъ, воинственнымъ, много крови онъ прольетъ, но на старости лѣтъ будетъ умерщвленъ».

Пока они разговаривали, пришла одна изъ дѣвицъ царицы и громко жаловалась на то, что одинъ изъ людей царя изнасиловалъ ее. Царь разсердился и спросилъ, кто это совершилъ? И когда обнаружилось, что виновникомъ былъ *Гатанъ* (ḡṭan), хранитель царскихъ сокровищъ, то царь велѣлъ привести его и спросилъ его: «Какъ ты осмѣлился преступить мое приказаніе (Д. прибавляетъ: гласившее, что кто дотронется до дѣвицъ царицы, будетъ наказанъ смертью, и почему ты не обратилъ вниманія на мое повелѣніе)?» На это Гатанъ отвѣтилъ царю: Къ чему мнѣ долго разговаривать! Знай однако, (М. прибавляетъ: что если ты не присягнешь мнѣ, что не сдѣлаешь мнѣ ничего худого, то) всѣхъ твоихъ сокровищъ, переданныхъ мнѣ на храненіе, ты больше не увидишь, такъ какъ я ихъ скрылъ въ такомъ потаенномъ мѣстѣ, что ты ихъ никогда не найдешь. Царь весьма разсердился, но въ своемъ гнѣвѣ не зналъ, что ему дѣлать, и посему заговорилъ (мягко) съ Гатаномъ, сказавъ ему: «Зачѣмъ ты такъ дурно поступилъ и какую я сдѣлалъ тебѣ несправедливость (!)». И отвѣтилъ Гатанъ и сказалъ, что страсть овладѣла имъ до такой степени, что онъ не могъ противостоять искушенію. Когда царь присягнулъ и Гатанъ показалъ мѣсто, гдѣ запрятаны сокровища, царь отнялъ у него его должность и

передалъ ее эвнуху *Адиану* (אֲדִיאָן סָרִיס; въ Д. это мѣсто повреждено, но видно однако, что оно гласило иначе). Въ тотъ же самый день, когда царь сидѣлъ за столомъ, онъ увидѣлъ, что Гатанъ приближается съ страшно-раскрытыми глазами, устремленными на него (וְעֵינָיו מְפֹלְטוֹת עַל הַמֶּלֶךְ). Испугавшись, царь закричалъ: «Удалите этого человѣка отъ меня!» Слово было еще на устахъ царя, какъ Гатанъ приближалъ съ пожемы и воткнулъ его въ царя. Люди царя схватили убійцу, а царскій врачъ *Антафилъ* (Д. אַנְתָּפִיל; М. *Антифилъ* — אַנְתִּיפִיל) приложилъ какую-то траву къ ранѣ и царь скоро выздоровѣлъ. За это врачъ получилъ отъ царя богатые подарки, а Гатана разрѣзали, по приказанію царя, на куски, бросили его собакамъ, (чѣмъ) и успокоился гнѣвъ царя.

Нѣтъ сомнѣнія, что страна *Африкъ* (אֶפְרַיִם) есть именно талмудическая *Африкъ* (אֶפְרַיִם), такъ какъ она помѣщается нашимъ рассказчикомъ рядомъ съ страной, населенною исключительно женщинами, именно тамъ, гдѣ и древне-раввинскія сказанія помѣщаютъ *Африку*, какъ было замѣчено въ предыдущемъ §.

Что же касается названія земли *Амимъ* или *Амимъ* (אֲמִימַי, אֲמִימַי), то по всей вѣроятности оно искажено изъ אֲמִימַי (по еврейски), אֲמִימַי (по арамейски), т. е. страна жепщигъ, либо изъ אֲמִימַי или אֲמִימַי (*Амзонъ* или *Амзинъ* = *Амазонъ*). У Горіонда (II, 19. 21, р. 137. 138. 146) это имя пишется довольно правильно אֲמִימַי (*Амзонъ*), но въ евр. переводахъ Hist. de pr. болѣе или менѣе ошибочно: въ Париж. рукоп. (у Леви стр. 29) אֲמִימַי, אֲמִימַי = *Мрзонія*, *Мронія*; въ Лондон. рукоп. (у Леви же стр. 67; у Гастера стр. 45) אֲמִימַי = *Мдонія*. Во французской Александрии, известной подъ заглавіемъ Le Roman de toute chevalerie, приписываемой Томѣ Кентскому (или какому-то Евстахию), главѣ 159-ой (De deus roynes de Amazoine) предшествуетъ 158-я глава о томъ: Coment la royne de Sicilie vint à Alix. (P. Meyer I, 186). Къ сожалѣнію, П. Мейеръ

ограничивается сообщеніемъ заглавія, почему нельзя сказать, въ какой связи находится рассказъ о царицѣ *Sichie* съ амазонками; во всякомъ случаѣ, несмотря на сходство названій *Аммизъ* и *Sichia*¹⁾, едва ли есть между ними что-либо общее.

Нашъ авторъ мало заботится о послѣдовательности, ибо въ началѣ своего описанія амазонокъ говоритъ, что онѣ всегда переправляются къ мужчнамъ, и никогда мужчины не переправляются къ нимъ, а затѣмъ влагаетъ въ уста царицы слова, что неприлично женщинамъ явиться къ мужчинамъ. Точно также нашему автору нѣтъ дѣла до того, чтобы предсказаніе, приписываемое имъ царицѣ при наблюденіи ею звѣздъ, было мало-мальски логично.

Источникъ рассказа о встрѣчѣ амазонской царицы съ Александромъ и о хранителѣ сокровищъ, который нарушилъ дѣломудріе амазонки, имѣ неизвѣстенъ. Имя хранителя *Гатанъ* (Γαταν) сходно съ библейскимъ *Гатамъ* (גַּתָּם, кн. Бытія гл. XXXVI, ст. 11 и 16; у LXX толковниковъ и въ славянскомъ переводѣ Γαθώμ, Гоомъ). Въ Александріи Лампрехта упоминается сопровождавшій Александра князь *Глатте* или *Гракто* (*Glätte* въ Страсбургской рукоп. 1124, *Gracto* въ Форар'ской 814, ed. Kinzel p. 100 — 101), что, по мнѣнію издателя (*ibid.* p. 439) искажено изъ *Craterus*; но едва ли это имя имѣетъ что-либо общее съ Гатаномъ. Равнымъ образомъ въ одной только нашей версіи встрѣчается имя его послѣдника въ должности хранителя сокровищъ, *Адимъ*, упоминаемое только въ М. Не описка ли Γαθμ вмѣсто Γαθμ — *Абинъ*, имя одного изъ судей Израильскихъ (Кн. Судей гл. XII, ст. 8 и 10; у LXX толковниковъ Ἀβιστάμ, въ слав. перев. искажено *Ессеонъ*)?

¹⁾ Подъ *Sichie* разумѣется, вѣроятно, кавказская *Sichia*, *Zichia* или *Zichia* византийскихъ писателей (см. напр. Константина Багрянороднаго *De administrando Imperio*, ed. Bonn. p. 269), арабская *ازکشیه* и *ازکش* — *Амашъ* и *Амашъ*; ср. мои Сказанія еврейскихъ писателей о Хазарахъ, СПб. 1874, стр. 51. 54—5. Такихъ образомъ и французскій романъ, вѣроятно, приводитъ амазонскую страну въ связь съ Кавказомъ.

За то названіе врача *Антафиль* или *Антифиль* напоминаетъ имя пророчдателя *Антифонта*, о которомъ была у насъ рѣчь выше. У Псевдо-Калл. и у завязанныхъ отъ него расказчиковъ врачъ Александра называется *Филиномъ* (Псевдо-Калл. В. С. I, 41. II, 8, 25. Zacher p. 122. 128. 135; Hist. de pr. § 47 Zing., p. 78—79 Landgr.; Левн стр. 22). Вообще, нашъ расказчикъ имѣетъ особенную склонность описывать сцены быстрыхъ и чудесныхъ исцѣленій. Ниже мы увидимъ у него (§ 14) эпизодъ съ врачебною книгою, не встрѣчающійся въ другихъ источникахъ. Не былъ ли самъ авторъ знахаремъ — исцѣлителемъ?

Какъ въ этомъ §, такъ и въ другихъ, Александръ представляется не только въ образѣ современнаго автору алчнаго къ деньгамъ турецкаго паши, объѣзжающаго свой пашалыкъ и собирающаго съ подчиненныхъ обильную жатву, но еще вдобавокъ герою приписываются совсѣмъ не геройскія качества, что опять-таки указываетъ на поздне-восточное происхожденіе разсказа.

§ 12.

Затѣмъ Александръ выступаетъ отсюда со всѣмъ своимъ войскомъ и направляется въ страну *Гагара* (*Гагарь* — ҃҃), но его извѣщаютъ о томъ, что царь этой страны готовится дать ему отпоръ. И засмѣялся Александръ, такъ какъ такая попытка со стороны туземнаго государя казалась ему только смѣшной. Онъ отправляетъ посему пословъ къ царю Гагара съ порученіемъ сказать ему: «Какъ это ты осмѣливаешься противиться мнѣ и упорствовать, вздумавъ воевать со мною? развѣ ты ничего не слышалъ о совершенныхъ мною храбрыхъ подвигахъ и о томъ количествѣ государствъ и народовъ, которое я подчинилъ своей власти?» — Когда послы пришли къ царю Гагара и передали ему слова Александра, то онъ имъ отвѣтилъ: «Скажите вашему государю: чѣмъ провинился и согрѣшилъ я, что онъ хочетъ воевать со мною и опустошить мою землю?» — Услышавъ

это отъ пословъ, Александръ приказалъ своему войску приготовиться на слѣдующій день и вооружиться для того, чтобы напасть на царя Гагарскаго (М. прибавляетъ: и унижить его гордость). Такъ войска и сдѣлали и приготовились къ нападенію. Но царь Гагарскій приказалъ выкопать по всему государству своему ямы и покрыть ихъ соломой для того, чтобъ замануть войска Александра въ ловушку. Когда Александръ узналъ объ этомъ, то ему стало весьма досадно и онъ побоялся за своихъ солдатъ, чтобъ они не попадали въ глубокія ямы. И послалъ онъ вторично къ царю Гагара сказать, чтобъ онъ не упорствовалъ, а явился бы къ нему и заплатилъ бы дань для того, чтобъ его страна осталась цѣлой и невредимой. На этотъ разъ царь Гагарскій согласился (Д. прибавляетъ: и сказалъ царь Гагара къ посламъ Александра: Я сдѣлаю по словамъ вашего государя и привезу ему деньги изъ моихъ сокровищъ, только подѣ условіемъ чтобъ онъ удалился изъ страны моей). — И возвратились послы и передали его слова Александру, который согласился на это условіе; и прибылъ царь Гагара вмѣстѣ съ своими (М. прибавляетъ: лучшими) храбрыми воинами и громаднымъ количествомъ (Д. прибавляетъ: серебра, золота и) драгоценныхъ камней, которое онъ передалъ Александру, принявшему эту дань и удалившемуся оттуда.

Гагаръ (Агарь), какъ мать Измаила (кн. Бытія гл. XVI, ст. 11), употребляется въ еврейской письменности синонимомъ послѣдняго и по сему служитъ для обозначенія Аравіи и Аравитявъ, къ каковому обозначенію содѣйствовало то обстоятельство, что арабы начинаютъ свое мусульманское лѣтосчисленіе годомъ бѣгства Мухаммеда, называемаго по арабски *Гира* или *Гиджра*, словомъ одного и того же корня съ словомъ *Гагаръ*. Съ тѣхъ же поръ, какъ возникло въ Европѣ Венгерское государство, мы часто встрѣчаемъ у еврейскихъ писателей *Гагаръ* въ значеніи *Hungar*, *Hungaria* (съ опущеніемъ носоваго звука). Въ новогреческой Александріи, изданной А. Н. Веселовскимъ (W.

р. 26; Къ исторіи романа 183), является прозвание *Μαριανε* какъ ругательное прозвище Аонянъ (*εις τους Ἀγάρηνοὺς τους κονηροὺς τους Ἀθηναίους*), какъ это часто бываетъ и въ старинныхъ западно-европейскихъ и русскихъ источникахъ въ приложеніи къ мусульманамъ.

Мнѣ неизвѣстно, къ какому эпизоду Псевдо-Каллисоеена и его пересказовъ слѣдуетъ приурочить настоящее описаніе похода, гдѣ Александръ является далеко не героемъ - побѣдителемъ, хотя въ концѣ концовъ онъ и получаетъ стереотипное «множество золота, серебра и драгоценныхъ камней» — *quod capiendum erat*.

§ 13.

Оттуда царь направился въ *Ιερουσαλιμz*, такъ какъ ему объяснили великую силу Іудеевъ и большую ихъ храбрость; и Александръ себѣ сказалъ: если я не одержу побѣды надъ Іудеями, то слава моя ничего не стоитъ. Посему царь отправился оттуда, странствовалъ съ своимъ войскомъ 26 дней и прибылъ въ *Δανz* (Γ). И оттуда онъ отправилъ пословъ въ *Ιερουσαλιμz*, поручивъ имъ сказать слѣдующее: «Такъ говоритъ великій царь Александръ: вотъ уже столько лѣтъ (!), что вы мнѣ не платите ни податей и налоговъ, ни дани; посему тотчасъ по полученіи вами настоящаго письма моего соберитесь и пришлите мнѣ дань. Въ дань же я требую отъ васъ всѣ сокровища дома Божія, которыя вы уже столько лѣтъ собираете въ кассѣ храма Божія». — Услышавъ это, жители Іерусалима весьма убоялись, усиленно зывали къ Богу, покрыли себя мѣшками (сл. Іона гл. III ст. 5) и провозгласили постъ. Старцы же и мудрецы іерусалимскіе совѣщались о томъ, что имъ отвѣтить царю Александру, и по ихъ рѣшенію первосвященникъ *Ανανι* (Ἰ22) написалъ письмо царю Александру такого содержания: «Такъ говорятъ жители Іерусалима: То, что ты просишь (или требуешь), весьма трудно и невозможно для нихъ, ибо сокровищъ, находящихся въ домѣ Божіемъ, нельзя взять оттуда и отправить къ тебѣ, такъ какъ наши

предки посвятили (М. ошибочно: святыя предки) ихъ употребленію въ пользу и пособіе вдовамъ, сиротамъ, дряхлымъ и немощнымъ. Если тебѣ угодно, то мы пришлемъ (Д. они пришлютъ) тебѣ золотой денарій съ каждаго дома іерусалимскаго, но сокровищъ, пожертвованныхъ нашими предками, мы не можемъ вывезти изъ храма». — Прочитавъ это письмо, Александръ крайне разсердился на жителей Іерусалима и поклялся своимъ идоломъ (М. своими идолами), что онъ не уйдетъ изъ страны іудейской пока не превратитъ Іерусалимъ и Божій храмъ въ груды развалинъ. Въ ту же ночь царь легъ на свою постель (М. прибавляетъ: и не могши заснуть, онъ открылъ окно своего жилища) и, поднявъ глаза свои, увидѣлъ ангела Божія, стоящаго предъ нимъ съ обнаженнымъ мечемъ, отчего царь весьма испугался и сказалъ ангелу: Зачѣмъ государь мой поражаетъ своего слугу? И отвѣтилъ ангелъ и сказалъ ему: «Не я ли подчинилъ тебѣ народы (М. царей? какъ же ты хочешь совершить такой дурной поступокъ предъ Богомъ и какъ же) поклялся ты разорить его народъ (М. и его землю)?» — И отвѣтилъ царь ангелу: О государь мой, все то, что ты мнѣ прикажешь, я безпрекословно исполню. И приказалъ ему ангелъ (М. прибавляетъ: одѣтый въ льняную одежду; ср. кн. Даниїла гл. XII, ст. 6 — 7): «Никомъ образомъ не дѣлай ничего худого жителямъ Іерусалима, а наоборотъ, прибывъ туда, позаботься о благоденствіи города и сотвори благо его жителямъ, и изъ твоихъ сокровищъ отдѣли часть въ пользу дома Божія; если же ты не будешь повиноваться мнѣ, то знай, что ты помрешь со всѣми твоими людьми». — Александръ сказалъ на это ангелу: Мнѣ весьма трудно унизить мою честь, но если это [мое посѣщеніе Іерусалима] тебѣ не нравится, то я возвращусь вспять и совсѣмъ не заверну въ Іерусалимъ. Но ангелъ запретилъ царю сдѣлать такъ и настаивалъ на томъ, чтобъ Александръ явился въ Іерусалимъ и отдалъ бы часть своихъ сокровищъ храму. На слѣдующій день царь со всѣмъ своимъ войскомъ отправился въ Іерусалимъ, и предъ воротами города его встрѣтилъ первосвященникъ *Анами* съ 80 священниками, одѣ-

тыми въ священныя одежды; онъ намѣревался представиться царю и просить его пощадить святой градъ и не разрушать его. Какъ только Александръ увидѣлъ первосвященника, онъ сошелъ съ коня, упалъ предъ нимъ (Анани) ницъ, обнялъ его ноги и сталъ цѣловать ихъ. Храбрымъ воинамъ Александра, которые это увидѣли, стало весьма досадно, и они спросили царя, ради чего онъ это сдѣлалъ? «Всѣ цари земные (Д. всѣ князья и властители) простираются предъ тобою, а ты унижаешь твое достоинство предъ этимъ старцемъ, сойдя съ колесницы и простираясь предъ нимъ (М. прибавляетъ: что свѣтъ на это скажетъ?)». — И отвѣтилъ царь и сказалъ: «Не удивляйтесь; этотъ старецъ, вышедшій на встрѣчу мнѣ, имѣетъ образъ ангела Божія, шествующаго предо мною во время войны и побѣждающаго для меня народы, посему я и отдаю ему такую честь». Услышавъ рѣчь царя, первосвященникъ Анани упалъ на колѣни и простерся ницъ предъ Богомъ Израиля и громогласно благословилъ Господа. Затѣмъ онъ сказалъ царю: «Если только я нашелъ милость у тебя, то прошу тебя не дѣлать никакого зла жителямъ Іерусалима, такъ какъ они твои слуги, готовые исполнять твою волю». На что царь ему отвѣтилъ: «Вмѣсто того, чтобъ просить меня о іерусалимянахъ, проси ихъ обо мнѣ (Д. прибавляетъ: и о моемъ войскѣ), ибо я не въ состояніи причинить имъ никакого зла, такъ какъ ангелъ Божій предостерегъ меня и приказалъ не дѣлать вамъ ничего дурного». — Затѣмъ прибыли храбрые люди изъ Іерусалима, старцы и набожные города, и повели царя въ самый лучший іерусалимскій дворецъ, гдѣ онъ пробылъ три дня. На четвертый день царь сказалъ первосвященнику Анани: «Прошу тебя показать мнѣ храмъ великаго Бога, который подчиняетъ народы моей власти». Вслѣдствіе чего повели царя (М. пошелъ царь) и его храбрыхъ воиновъ въ святой храмъ Божій. И поднялъ царь глаза свои и увидѣлъ предъ собою ангела, одѣтаго въ льняной одеждѣ; и носившій царь, упалъ ницъ, простерся предъ нимъ и громогласно сказалъ: Вотъ это домъ Божій, которому нѣтъ равнаго во всемъ мірѣ! И вынулъ царь золотые

и серебряные сосуды и множество драгоценных камней и отдал ихъ въ сокровищницу храма. Затѣмъ царь просилъ первосвященника Анани и другихъ священниковъ, чтобъ они взяли много золота и сдѣлали бы его статую для того, чтобъ поставить ее въ храмъ Божій на память и воспоминаніе о немъ (царѣ). На это отвѣтили ему Анани и другіе священники: «Мы никоимъ образомъ не можемъ этого сдѣлать, ибо намъ нельзя имѣть въ храмѣ никакого изображенія; но мы совѣтуемъ тебѣ то золото, которое ты хотѣлъ издержать на изготовленіе твоей статуи, передать въ сокровище дома Божія на прокормленіе бѣдныхъ жителей города и на пособіе немущимъ; мы же сдѣлаемъ тебѣ хорошую славу и память [тѣмъ, что] всѣ мальчики, которые народятся въ продолженіе этого года, будутъ названы твоимъ именемъ: *Александръ*». Царю это весьма понравилось и онъ приказалъ исполнить это. И было отвѣшено хорошаго золота въ количествѣ 40 талантовъ и передано первосвященнику Анани и другимъ священникамъ, при чемъ царь сказалъ имъ: Молитесь постоянно за меня! Затѣмъ онъ вынулъ серебряные и золотые сосуды и множество драгоценныхъ камней и передалъ ихъ Анани, говоря ему: «Если я нашелъ милость въ глазахъ твоихъ, то молись и ты всегда за меня» — что Анани и обѣщала дѣлать.

Эта глава есть не что иное какъ передѣлка соответствующаго разсказа Горіонида (II, 6 — 7, р. 85 — 88), съ сокращеніями и прибавленіями. Мотивированіе похода Александра на Іерусалимъ у Горіонида, какъ у Іосифа Флавія и въ *Historia de preliis* (ed. Zingerle § 26, р. 150; Леви, стр. 10; во многихъ рукописяхъ *Hist. de pr.* отсутствуетъ разсказъ о походѣ на Іерусалимъ) — вѣрность евреевъ данной Дарію присягѣ. Нашъ же разсказчикъ, доходящій въ своей нетерпимости къ историческимъ фактамъ до того, что исключилъ изъ своего сказанія даже имена Дарія и Персія, Пора и Индіи, Аениъ и Вавилоніи и т. д., придумываетъ другой мотивъ къ походу Александра, и надобно признаться, что мотивъ его совсѣмъ неудаченъ, такъ какъ

во время второго храма до эпохи Маккавеевъ іудеи не заявляли себя никакими военными подвигами.

Городъ Данъ упоминается часто въ Библии какъ сѣверная граница Палестины (см. Судьи XX, 1; I кн. Самуила [Царствъ] III, 20; II кн. Сам. III, 10; XVII, 11, и пр.).

Іерусалимскій первосвященникъ, современникъ Александра, названный у Флавія Ἰαδδοῦς, въ Hist. de pr. § 26, Zing. p. 149, *Iaddus*, у Горіонида въ одномъ мѣстѣ *Ханани* (יחנני; кн. II гл. 7, стр. 86), а въ другихъ мѣстахъ *Иддо* (יידו; кн. II гл. 8, стр. 89 — вмѣстѣ съ Ханани или какъ предшественникъ его; кн. IV, гл. 4, стр. 264 — 265), въ Талмудѣ и Мидрашахъ Симеонъ Праведнымъ [רמיהו ריבוי; см. мѣста, отмѣченныя выше, стр. 64 въ примѣчаніи], въ нашей версіи носятъ имя *Анани* (ינני, въ обѣихъ рукописяхъ): вѣроятно только вариантъ, найденный авторомъ сказанія въ рукописи сочиненія Горіонида. Выше (стр. 66) было замѣчено, что въ отрывкахъ коптской Александрии, изданныхъ г. Буріаномъ (Journal Asiatique, janv. 1887, p. 1 seq.), упоминается какой-то *Атис*, котораго г. Масперо приводитъ въ связь съ *Иодусомъ* Іосифа Флавія (ibid. p. 37), несмотря на то обстоятельство, что въ коптскомъ сказаніи онъ фигурируетъ не въ качествѣ первосвященника въ Іерусалимѣ, а какъ намѣстникъ Александра въ Элимадѣ. Намъ весьма вѣроятно, что автору настоящей версіи не были извѣстны раввинскія показанія о Симеонѣ Праведномъ.

Нашъ авторъ пропускаетъ сообщенное Флавіемъ извѣстіе о томъ, что первосвященникъ указалъ Александру на то мѣсто въ пророчествѣ Давида, гдѣ находится предсказаніе объ его царствованіи. Въ позднѣйшихъ еврейскихъ хроникахъ (начиная съ Авраама Ибнъ-Дауда, писавшаго въ 1161-мъ году) называется, что кромѣ наименованія мальчиковъ именемъ Александра первосвященникъ еще обѣщалъ царю начать лѣтосчисленіе со времени Александра. Разумѣется такъ-назыв. *Aera contractum*.

§ 14.

Затѣмъ царь выступаетъ изъ Иерусалима, проходитъ всю землю *Гаммлею* (כל רחל לליל) и отправляется въ землю *Кирунія* (קירניא), которая отличается своими хорошими качествами и своею тучностью (плодородіемъ). Живутъ тамошніе люди въ палаткахъ, не имѣя домовъ, и нѣтъ у нихъ другой одежды кромѣ изготовленной изъ верблюжьихъ волосъ, такъ какъ, по причинѣ господствующей тамъ сильной жары, они не могутъ носить другой одежды. Услышавъ о приближеніи Александра, они вышли ему на встрѣчу и преклонились предъ нимъ. Царь принялъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними, испыталъ ихъ загадками (или умственными задачами) и во всѣхъ познаніяхъ и, находя ихъ весьма мудрыми, радовался ихъ мудрости и сдѣлалъ имъ предложеніе — даровать имъ все то, чего они попросятъ. Тогда они всѣ воскликнули: «Государь, даруй намъ вѣчную жизнь!» На что царь отвѣтилъ въ замѣшательствѣ, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать. Отъ другихъ же просьбъ они отказались, и въ свою очередь предложили царю, чтобъ онъ попросилъ у нихъ что-либо. Царь просилъ дать ему травы и растенія, полезная сила коихъ имъ извѣстна. Съ этимъ предложеніемъ они согласились, принесли царю множество растеній, объяснили ему силы и пользу каждого изъ нихъ и какъ надобно пользоваться ими при леченіи болѣзней. По просьбѣ царя, они взяли его съ собою въ поле, показали ему какой видъ имѣетъ каждая трава и каждое растеніе на мѣстѣ своего произрастанія, для того, чтобъ онъ могъ отыскивать и распознавать ихъ въ другихъ мѣстахъ. И приказалъ царь своимъ врачамъ, чтобъ они записали всѣ травы и растенія и способы ихъ употребленія въ книгу, которую вслѣдъ хранить въ сокровищницѣ своей. Вслѣдъ за тѣмъ царь Александръ заболѣлъ сильной болѣзью, и посему онъ вслѣдъ принести изъ сокровищницы хранившуюся тамъ *Книгу лекарствъ* (ספר תרופות); ее принесли и отыскали въ ней описаніе болѣзни царя, и начали врачи лечить царя по книгѣ. Но между врачами нашлся одинъ,

который былъ врагомъ царя, и онъ укралъ *Книгу лекарствъ* и сжегъ ее. Когда рассказали царю о сожженіи книги, ему стало досадно, и онъ разодралъ свою одежду [въ знакъ печали; сл. кн. Бытія гл. XXXVII ст. 34]. Затѣмъ царь приказалъ привести того врача, который сжегъ книгу, но тотъ убѣжалъ и его не могли отыскать.

О *Гамлея* не упоминается въ другихъ Александріяхъ. Точно также нѣтъ нигдѣ, на сколько намъ извѣстно, и помину о странѣ *Кирунія*, такъ какъ *Кирена* здѣсь не идетъ. По содержанію же разсказа о жителяхъ означенной страны очевидно явствуется, что это сокращенная передѣлка эпизода о *тотумудрецахъ* (которыхъ наготу, однако, нашъ авторъ прикрываетъ одеждою изъ верблюжьихъ волосъ). Есть ли слово קירוניא (Кирунія) искаженіе изъ אקסידראקוניא (*Оксидракунія*, Oxidraces; Пс.-Калл. III, 4—6; Zacher p. 144—5; Hist. de pr. § 90, Zing. p. 214; въ Париж. рукописи евр. перевода у Леви стр. 34: סידרסין — *Сидрсина*), или изъ גימוניש (*Гимунисъ*, первой половины слова *Gymnosophistes*, которое въ Парижской рукоп. у Леви, тамъ же, читается: גימוניש פיתשש — *Гимунисъ питсисъ*, а въ Лондонской: גימוניש פישתוש — *Гиминусъ нистусъ*; сл. Гастера, стр. 48), или наконецъ изъ ברהמניה (*Брамнія*, Брахмановъ; Пс.-Калл. III, 4—6; Hist. de prel. § 98, Zing. p. 220; Леви стр. 35—36: מלברא דמה въ Лондонской рукоп. тамъ же стр. 71: מלברא דמה; сл. Гастера стр. 48; у Ибнъ-Фатика, Vocad. de Ogo, стр. 294 и 454: Berhemios, Varchemios etc.) — трудно сказать.

Просьба о вѣчной жизни, иронически обращенная брахманами къ Александру, находится во всѣхъ указанныхъ источникахъ, а у Ибнъ-Фатика (Voc. de Ogo p. 480) эту же просьбу повторяетъ еще одинъ принцъ. Что составитель настоящаго сказанія не былъ достаточно свѣдуецъ въ раввинской литературѣ видно также и изъ того обстоятельства, что онъ не воспользовался талмудической версіей эпизода съ брахманами или съ *мудрецами*

Юна, какъ они называются въ Талмудѣ (*Тамидъ* л. 31, у Оршанскаго стр. 8—10).

Названіе лечебника *למריב רפוא* — *Сеферъ рефуотъ* заимствовано изъ талмудическаго сказанія о томъ, что царь Езекиа скрылъ *Сеферъ рефуотъ* съ тою цѣлью, чтобъ люди въ случаѣ болѣзни не полагались на силу лекарствъ, а уповали лучше на небесную помощь (*Берахотъ*, л. 10; *Песахимъ* л. 56; *Аботъ дерабби Натанъ* § 2).

§ 15.

Затѣмъ Александръ отправился въ землю *Картинія* (*מרתין*), гдѣ тамошній царь принялъ его съ великимъ почетомъ. Имя же того царя — *Ардузъ* (М. *ארדוס*; Д. неясно: *Айдутъ* — *אידוט*, *Амзутъ* — *אמזוט* или же *Аризутъ* — *אריזוט*), который повелъ Александра въ свою столицу, названіе которой *Зрикъ* (Д: *זריק*; М. *Арикъ* — *אריק*). Тамъ находилась чрезвычайно красивая женщина, которую хвалили всѣ видѣвшіе ее, свидѣтельствуя что другой подобной красавицы на свѣтѣ нѣтъ. Она имѣла обычай отправляться разъ въ мѣсяцъ въ храмъ ихъ бога *Ацилинъ* (*אצילין*) для того, чтобъ совершать жертвоприношеніе ему. И бывало когда она отправляется черезъ городскія улицы въ храмъ, то всѣ ремесленники оставляютъ свою работу и бѣгутъ за нею, чтобъ посмотреть на ея красоту. Такъ она постоянно отправлялась въ храмъ и совершала жертвоприношеніе. Однажды увидѣлъ ее въ храмѣ жрецъ бога *Ацилинъ*, коего имя *Маттанъ* (*מתן*), и полюбилъ ее такъ пламенно, что чуть не сошелъ съ ума по ней. На слѣдующій разъ, когда эта женщина пришла въ храмъ для того, чтобъ курить Ваалу (т. е. совершить жертвоприношеніе языческому богу; сл. Іеремія гл. VII ст. 9), жрецъ *Маттанъ* сказалъ ей: «Знай, госпожа моя, что я посланъ къ тебѣ отъ *Ацилина*, бога твоего (М. нашего святаго)». Обрадовавшись этому, женщина спросила жреца, въ чемъ состоитъ данное ему порученіе. Тотъ объяснилъ, что *Ацилинъ* предвидитъ, что отъ его совокупленія съ нею долженъ родиться сынъ, святой какъ отецъ,

и что никакая другая женщина на свѣтѣ не достойна такой высокой чести. Женщина весьма обрадовалась этому предложению и сказала, что она готова исполнить приказаніе Ацилина. Тогда Маттанъ посоветовалъ ей отъ имени бога, чтобъ она рассказала объ этомъ мужу и, если онъ это дозволитъ, чтобъ она пришла ночевать въ храмъ Ацилина. Женщина пошла домой и передала мужу все, сказанное Маттаномъ. Мужъ позволилъ женѣ идти въ храмъ ночевать и советовалъ взять съ собою подушки, перины, одѣяла и шелковыя матеріи, чтобъ ими выстлать постель (!). Она такъ сдѣлала, послала всё это Маттану, который приготовилъ постель въ храмъ за возвышеніемъ (алтаремъ). Ночью женщина пришла въ храмъ вмѣстѣ со своей служанкой, но Маттанъ сказалъ ей, что служанкѣ нельзя ночевать въ храмѣ, ибо она не достойна такой чести. Тогда она велѣла ей выйти изъ храма и лечь предъ дверью, что та и сдѣлала. Въ полночь Маттанъ пришелъ въ храмъ чрезъ другую дверь, но служанка услышала скрипъ двери и, тихо вкравшись въ храмъ, застала Маттана при совершеніи преступленія, а такъ какъ она боялась закричать, чтобъ Маттанъ ее не убилъ, то и ожидала пока онъ окончательно не ослабѣтъ¹⁾, взяла большую статую Ацилина, ударила ею по головѣ жреца и умертвила его на постели. Затѣмъ она сказала госпожѣ своей: «Что ты сдѣлала, ты вѣдь обезпечена!» Та весьма испугалась, узнавъ о своемъ преступленіи, и начала горько плакать. Служанка хотѣла уговорить ее, чтобъ она промолчала и никому бы не рассказывала о случившемся; но госпожа отвѣтила ей: «Не говори мнѣ о молчаніи, такъ какъ я, которая была до сихъ поръ столь чистою, что, кромѣ мужа, никто до меня не дотрагивался, нынѣ обезпечена и опозорена». Она пошла съ плачемъ и рыданіемъ, держа руки на головѣ [въ знакъ скорби; -сл. Іеремія, гл. II, ст. 37], и рассказала обо всемъ мужу своему. Тотъ, не будучи въ состояніи обвинить свою жену, такъ какъ самъ разрѣшилъ ей идти въ храмъ,

¹⁾ Здѣсь мы пропускаемъ нѣкоторыя подробности, неудобныя для перевода.

отправился къ царю и разсказалъ ему о случившемся и о томъ, что его служанка убила Маттана. Царь спросилъ Александра, какъ рассудить это дѣло. Александръ отвѣтилъ: «Еслибъ это случилось въ моемъ государствѣ, я бы разрушилъ храмъ Ацлиина до основанія, такъ какъ онъ оскверненъ и нельзя въ немъ молиться». И приказалъ (туземный) царь разрушить храмъ до основанія, а тѣло Маттана было сожжено.

И сказалъ Александръ царю: «Пошли за этой женщиной, ибо я хочу видѣть эту красавицу». Царь послалъ за нею, она пришла, и когда Александръ увидѣлъ ее, то былъ весьма пораженъ ея красотой и чрезвычайно удивился ей. И просилъ Александръ царя, чтобы онъ отдалъ ему эту женщину; но царь возразилъ и сказалъ: «Сохрани Богъ, чтобы я отнял у живого мужа его жену и распространилъ бы такимъ образомъ прелюбодѣянiе на землѣ». (М. прибавляетъ: И вышелъ Александръ отъ царя въ гнѣвѣ и послалъ сказать царю:). И сказалъ Александръ царю: «Если ты не отдашь мнѣ этой женщины, то готовься къ великимъ войнамъ по всему твоему государству». — На что царь отвѣтилъ: «Дѣлай себѣ все, что ты можешь, а я все-таки не отдамъ ее тебѣ [М. Пусть онъ (т. е. Александръ) себѣ дѣлаетъ то, что ему нравится, а я не отдамъ ее ему], такъ какъ отъ нея честь всему моему государству, и если она изъ него удалится, то это произведетъ большое впечатлѣнiе (!)». Увидѣвъ, что царь не желаетъ передать ее ему, Александръ вооружился, воевалъ съ царемъ, побѣдилъ его, истребилъ много храбрыхъ воиновъ царя, а его самого взялъ въ плѣнъ и велѣлъ заковать въ желѣзныя цѣпи. Такимъ образомъ Александръ взялъ себѣ эту женщину силою и чрезвычайно любилъ ее. И сдѣлалъ онъ для нея золотой дворецъ, длиною 11, шириною шесть (Д. три), вышиною 15 локтей; и покрылъ онъ стѣны (М. балки или потолки) дворца драгоцѣнными камнями, оконъ въ немъ совсѣмъ не было, но отъ драгоцѣнныхъ камней было тамъ свѣтло днемъ и ночью. Въ этотъ дворецъ царь помѣстилъ красавицу; подъ дворцомъ же были желѣзныя колеса и его ташило много

лошадей, а сама эта женщина никогда не выходила изъ дворца, потому что туда же ей подавалось кушанье. Она родила отъ *Александроса* сына, которому дала имя *Александръ* (Д. אַלְעָזָר, М. сокращенно אֶזָר), и царь весьма радовался этому, сдѣлалъ большое пиршество для своихъ сановниковъ и слугъ, надѣлъ на красавицу царскій вѣнецъ и провозгласилъ ее царицей (М. прибавляетъ еще: И радовался царь со всѣмъ войскомъ своимъ, растратилъ свои деньги и раздавалъ много подарковъ). Вслѣдъ за тѣмъ скончался принцъ Александръ (Д. אַלְעָזָר, М. сокращенно), будучи девяти мѣсяцевъ отъ роду, а равно вздохъ и коня царя [*Бу*]сфалъ (въ Д. здѣсь начало слова повреждено и осталось только לַעֲפָלָה, сфалъ, но въ слѣдующей строкѣ לַעֲפָלָה — *Кусфалъ*; въ М. въ обоихъ мѣстахъ לַעֲפָלָה — *Бенз Сфалъ*) и царь много плакалъ по обомъ, приказалъ похоронить сына и возлѣ него коня своего Бусефала и соорудить надъ ними громадное и великолѣпное зданіе (мавзолей), и утѣшалъ свою жену. Затѣмъ, когда она вторично должна была родить, она заболѣла и умерла отъ родовъ. И оплакивалъ ее царь со всѣмъ войскомъ чрезвычайнымъ образомъ (М. прибавляетъ: и разодралъ царь свою одежду, всплеснулъ руками [въ знакъ печали; сл. Плачь Іереміи II, 15], рвалъ себѣ волосы на головѣ и упалъ на землю). И пришли его сановники, чтобъ утѣшить его, но онъ не принялъ никакого утѣшенія; посему они ушли и оставили царя одного. Тогда царь взялъ веревку, желая повѣситься на ней (Д. чтобъ задушить себя), но его сановники это замѣтили, поспѣшили и отняли у него веревку. И стали они упрекать царя, говоря ему: «Развѣ ты достоинъ царствовать (!), и развѣ нѣтъ больше женщинъ на свѣтѣ, что ты хочешь повѣситься изъ за одной женщины? И говорили они ему много тому подобнаго. Затѣмъ они сказали царю: «Если тебѣ угодно, то разошлемъ письма и посланцевъ по всѣмъ областямъ царскимъ, чтобы прислали самыхъ красивыхъ дѣвицъ и женщинъ, и ту, которая понравится тебѣ, возмешь въ царицы». Этотъ совѣтъ понравился царю, онъ послалъ и нашли весьма красивую дѣвушку въ землѣ *Африкѣ* (Д. אֶרֶץ מִצְרַיִם, М.

Африкия — מִרְיָה), привели ее къ царю, который полюбилъ ее, надѣлъ ей на голову царскій вѣнецъ и взялъ ее въ царяцы.

Что за страна *Кртинія* (מִרְיָה) — неизвѣстно. Возможно, однако, что это искаженная форма имени *Кртинія* (מִרְיָה), Карагенъ), употребленная какъ названіе другой страны. Какъ исключеніе, встрѣчаемъ здѣсь также единственное (кромя Іерусалима) во всемъ разсказѣ названіе столицы, *Арикъ* или *Зрикъ* (רִיקָא, רִיקָא), но это нисколько не помогаетъ намъ для уясненія географическаго положенія страны; тому же нисколько не содѣйствуетъ также имя царя страны, *Ардусъ* или *Ардосъ* (אֲרֻס). Всѣ эти имена имѣются только въ М., такъ какъ въ Д. здѣсь пропускъ.

Разсказъ о красавицѣ и жрецѣ — двойникъ приключенія Олимпиады съ Нектанебомъ, а по нашей версiи — Клеопатрии съ Вильдадомъ. Названіе бога *Ациминъ* (אֲצִימִן въ объѣхъ рукописяхъ) по всей вѣроятности искажено изъ אֲפֹלֹן — *Аполонъ* (Аполлонъ) или, какъ въ еврейскихъ переводахъ Hist. de preliis, въ арабской формѣ, אֲפֹלֹן — *Абулунъ* (въ Париж. рукописи, Леви стр. 8), אֲפֹלֹן *Абулинъ* (въ Лондон. рукоп.; у Гастера стр. 37: *Аполинъ*). Менѣе вѣроятно будетъ предположеніе, что это искаженіе имени *Ахиллесъ*, встрѣчающееся въ формѣ *Accillese*, *Ацилениъ* въ западныхъ и славянскихъ источникахъ (см. изслѣдов. А. Н. Веселовскаго, стр. 203—4. 442—3). Имя же жреца *Маттанъ* (מַטָּן) взято изъ Библии, гдѣ такъ названъ жрецъ Ваала (Вторая [у LXX четвертая] кн. Царствъ гл. XI, ст. 18).

Разсказъ о предосудительномъ поведеніи Александра въ настоящемъ эпизодѣ, несмотря на строго-набожное наставленіе, которое онъ даетъ другимъ относительно оскверненія храма, соотвѣтствуетъ тому двойственному положенію, который Александръ занимаетъ въ іудейской и христіанской апокалиптикѣ. Съ одной стороны, онъ представляется какъ богоизбранный царь, соображающійся въ своихъ поступкахъ съ правилами чести и премудрости, внушенными ему свыше; съ другой онъ служитъ

(особенно со времени прозванія его въ оазисѣ Аммона сыномъ Зевса и принятія имъ божественнаго поклоненія со стороны Персовъ) олицетвореніемъ безбожнаго государства, основаннаго на обоготворяющей себя и требующей поклоненія матеріальной силѣ, въ чемъ евреи и христіане видѣли воплощенное явленіе демонической силы дьявола (сл. замѣчаніе Гольдмана въ *Schenkel's Bibellexicon*, I, 82—83), при чемъ первое представленіе коренится въ томъ убѣжденіи, что знаменитый мужъ, избранный Провидѣніемъ для совершенія столь славныхъ подвиговъ, не могъ быть такимъ безбожникомъ какъ были всѣ язычники вообще. Если смотрѣть съ точки зрѣнія этихъ двухъ противоположныхъ теченій на разныя версіи романа объ Александрѣ, то много загадочнаго и безсмысленнаго въ нихъ получить свой *raison d'être*.

Относительно красавицы, найденной для царя въ Африкѣ, если только это извѣстіе взято авторомъ изъ болѣе древняго источника, то оно по всей вѣроятности также относится скорѣе къ Кавказу и къ черкешенкамъ, чѣмъ къ настоящей Африкѣ, которая что-то мало славится своими красавицами.

§ 16.

Затѣмъ царь отправился со всѣмъ своимъ войскомъ и прибылъ въ громадный лѣсъ, изъ котораго выбѣжали многіе странныя звѣри съ пятью рогами и истребили много царскаго войска. И сказалъ Александръ: «Берите огонь, сѣру и деготь и зажгите лѣсъ, Богъ, можетъ быть, сдѣлаетъ по великой милости Своей и спасетъ насъ отъ этихъ хищныхъ звѣрей». И войска посигъшили сдѣлать такъ и зажгли всѣ деревья лѣса (Д. прибав. и разбѣжались звѣри), а царь и войско были спасены.

Оттуда они отправились и прибыли въ землю *Еубуртз* (или въ *Землю Свинца* — 𐌸𐌹𐌺𐌹𐌸𐌺𐌰), и нашли тамъ великую и странную (Д. ошибочно прибавляетъ: и привлекательную) на видъ рѣку, и хотя царь и все войско его чувствовали сильную жажду, они однако боялись пить воду изъ той рѣки (въ Д. это мѣсто

испорчено). И по приказанію царя были вырыты колодези около рѣки, гдѣ была найдена хорошая и обильная вода, изъ которой пилъ царь, все войско и скотъ. И сказалъ царь войску своему: «Остановимся лагеремъ при этой водѣ, которая, какъ я замѣчаю по запаху, превосходна». Они такъ и сдѣлали и остановились тамъ лагеремъ на десять дней. На десятый день одинъ изъ царскихъ охотниковъ (или: птицелововъ) словилъ птицу, задушилъ ихъ (М. ошибочно прибавляетъ: водой изъ этой рѣки), а когда онъ положилъ ихъ въ рѣчную воду для того, чтобъ ихъ омыть, онѣ ожили и улѣтели. Увидѣвъ это, царскій слуга поспѣшно наполнился изъ этой рѣки и затѣмъ пошелъ и рассказалъ объ этомъ царю. Царь сказалъ: Навѣрно эта вода изъ рая (М. царь сказалъ: эта вода райская), кто ее пьетъ — будетъ вѣчно жить. И приказалъ царь (птицелову): Принеси мнѣ отъ этой воды и я напьюсь. Слуга взялъ посуду и пошелъ къ рѣкѣ за водой, но онъ (М. прибав. искалъ и) не нашелъ ея, и вернувшись сказалъ царю: Я не нашелъ той рѣки (Д. того источника), такъ какъ Богъ скрылъ ее отъ меня (Д. отъ него). И разсердился на него царь, схватилъ свой мечъ и отрѣзалъ ему (слугѣ) голову; но слуга убѣжалъ (М. вышелъ) безъ головы и ушелъ въ Великое море (Океанъ или Средиземное море). Сказалъ Менахемъ писецъ: Еще рассказываютъ, (М. прибавляетъ: наши мудрецы), что въ морѣ находятся безголовые люди, которые стараются перевернуть (опрокинуть и потопить) находящіеся на морѣ корабли (М. и онъ переворачиваетъ находящіеся на морѣ корабли), а когда одинъ изъ нихъ подходитъ къ кораблю для того, чтобы перевернуть его, и люди съ корабля говорятъ ему: «Бѣги, бѣги, твой господинъ Александръ идетъ!», то онъ тотчасъ убѣгаетъ и корабль такимъ образомъ спасается.

И приказалъ Александръ и ему привезли его собственное изображеніе (или же: изображеніе его бога — אֱלֹהֵי אֲדָמָה), и онъ поклялся этимъ изображеніемъ, что онъ не вернется назадъ пока не прійдетъ въ такое мѣсто, гдѣ невозможно повернуть направо и налѣво и откуда уже нѣтъ больше дороги.

И отправился царь со всѣмъ своимъ войскомъ, переправился черезъ рѣку и прибылъ къ воротамъ вышиною въ двадцать (М. около тридцати) локтей. Пока онъ удивлялся высотѣ воротъ, царь услышалъ голосъ, несшійся къ нему: «Вотъ врата Господни, праведники въ нихъ вступаютъ» (Псаломъ СХVIII, 20; М. и голосъ донесся до него отъ сторожа воротъ, въ которыя вступаютъ праведники). И царь поднялъ свои глаза и увидѣлъ начерченные на воротахъ буквы, и позвалъ къ себѣ писца Менахема, который прочиталъ эти буквы, и оказалось, что тамъ написано: «Возвысьте, врата, главы свои, возвысьтеся двери вѣчности!» (Псаломъ XXIV, 7). И царь ушелъ оттуда и странствовалъ со всѣмъ своимъ войскомъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ между горами. По окончаніи же шести мѣсяцевъ кончились горы (въ Д. пропущены здѣсь нѣсколько словъ) и показалась большая равнина, а на равнинѣ красивыя врата, такія высокія, что глазу не одолѣть ихъ высоты (т. е. глазами нельзя видѣть ихъ вершины). На этихъ вратахъ также начертаны большія и чрезвычайно красивыя буквы. По прочтеніи Менахемомъ этихъ буквъ оказалось, что тамъ написано: «Вотъ врата» и т. д. (какъ выше, Псаломъ СХVIII, 20), и Менахемъ объяснилъ царю эти буквы и слова. И сказалъ царь: Кто тутъ находится при этихъ воротахъ? На это гóлосъ отвѣтилъ: Это врата рая и никто изъ необрѣзанныхъ не можетъ вступить сюда. Въ ту же ночь Александръ совершилъ обрядъ обрѣзанія, и врачи (М. его врачи) скоро вылѣчили его превосходными травами, а войска ничего не узнали объ этомъ, такъ какъ царь приказалъ врачамъ, чтобъ они объ этомъ не говорили. На слѣдующій день царь крикнулъ хранителямъ (Д. хранителю) воротъ: Дайте мнѣ дань (или: налогъ) и я уйду. И они дали ему ящикъ, въ которомъ находилось нѣчто подобное глазу. Когда же царь хотѣлъ поднять ящикъ, то не могъ и воскликнулъ: «Что вы такое мнѣ дали?» — И они отвѣтили (М. прибавляетъ: Это глазъ). — И спросилъ онъ: «На что онъ мнѣ?» — Они сказали: Это тебѣ указаніе на то, что глазъ твой (М. душа твоя) не довольствуется странствованіями по разнымъ землямъ. — И

спросилъ царь: «Что мнѣ дѣлать для того, чтобъ я могъ поднять ящикъ?» — Ему отвѣтили: «Покрой землею этотъ глазъ и тогда ты будешь въ состояніи сдѣлать съ нимъ, что хочешь; это служить тебѣ указаніемъ на то, что твой глазъ не насытится богатствомъ до тѣхъ поръ, покуда ты не обратишься въ земной прахъ, изъ котораго ты созданъ». — И царь сдѣлалъ такъ, онъ покрылъ землею глазъ, поднялъ его и положилъ въ свою сокровищницу вмѣстѣ со всѣми своими драгоценностями (Д. на всѣхъ св. др.) для того, чтобъ онъ служилъ ему знаменіемъ и воспоминаніемъ о томъ, что онъ получилъ дань (налогъ) съ рая.

Подобныя встрѣчи Александромъ чудовищныхъ звѣрей и людей описываются во всѣхъ редакціяхъ сказанія, преимущественно же въ посланіяхъ къ Аристотелю и Олимпіадѣ; см. напр. Пс.-Калл. III, 34 С (Zacher p. 138): о шестирукихъ и шестиногихъ людяхъ, также прогнанныхъ посредствомъ огня; тамъ же III, 37 (Zacher p. 139): о шестиногихъ трехъ-и пятиглазыхъ звѣряхъ, и т. д.

Трудно рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли подъ землею *Еуфратъ* (Γῆρα) разумѣть землю при рѣкѣ *Евфратъ*, или же въ нарицательномъ значеніи — *Свинцовую землю*. Если противъ перваго предположенія говорятъ повидному то обстоятельство, что *Евфратъ* называется по-еврейски *Ператъ* (גַּרְתִּי, кн. Бытія II, 14; LXX толковниковъ вездѣ передаютъ его Εὐφράτης), то противъ второй альтернативы можно основательно возразить, что ни о какомъ свинцѣ въ дальнѣйшемъ разсказѣ рѣчи нѣтъ. Посему придется допустить, что разсказчикъ, заимствовавъ это названіе изъ другихъ источниковъ, самъ не зналъ, что оно означаетъ. На скудость его познаній, даже чисто еврейскихъ, мы имѣли уже случай указать. Рѣка Евфратъ часто упоминается въ Александріяхъ; см. Пс.-Калл. II, 9. II, 23 С. (Zacher p. 128. 134; Hist. de gr. § 48. 55 Zing., p. 79, 84 Landgr; въ переводѣ у Леви, стр. 19, 24, написано правильно Γῆρα). Поводъ къ упомянанію Евфрата рядомъ съ разсказомъ о раѣ можно искать

въ кн. Бытія, гл. II, гдѣ ст. 14 оканчивается словами: «И четвертая рѣка есть Евфратъ», а ст. 15 начинается: «И взялъ Господь Богъ человѣка и поселилъ его въ саду Едемскомъ (въ раю)» (сл. сказанное тамъ выше, ст. 10, что исчисленныя четыре рѣки берутъ начало въ Едемской рѣкѣ). См. Frankel, Monatschrift 1866, p. 128; P. Meyer II, 183. Разсказъ объ источникѣ жизни и птицеловѣ находится у Пс.-Калл. В. С. (II, 39—41: въ письмѣ къ Олимпіадѣ и къ Аристотелю. Zacher p. 140—141) съ той разницей, что тамъ онъ передается о поварѣ съ соленой рыбой, который даетъ еще напитокъ живительной воды побочной дочери Александра Калѣ; впоследствии онъ становится демономъ, она нереидой (Медузей-Горгоной). Въ арабско-персидской легендѣ мѣсто повара занимаетъ пророкъ *Аль-Хидръ* (Илья), а во французскомъ романѣ (éd. Michelant) — Эпос (Энохъ, P. Meyer, II, 175). Въ древне-раввинскихъ сказаніяхъ объ источникѣ жизни ничего не говорится. Талмудъ (тр. *Тамидъ* Л. 32) говоритъ только, что соленая рыба, вымытая въ райскомъ источникѣ, получила благовонный запахъ, изъ чего Александръ заключилъ, что этотъ источникъ райскій и омылъ себѣ лице¹⁾. Эта легенда не приводится Горіонидомъ, потому что и у Льва ея нѣтъ. Вотъ почему мы считаемъ неосновательнымъ утвержде-

---

¹⁾ Оршанскій (стр. 11) преспокойно вставляетъ въ талмудическій текстъ, что «онѣ (соленыя рыбы) ожили и уплыли съ теченіемъ», и въ прилѣчаніи оправдываетъ это тѣмъ, что въ Талмудѣ находятся два различныхъ преданія [но въ обоихъ нѣтъ и помину объ оживленіи рыбы!], почему, основываясь на одной арабской легендѣ о жизни Моисея, приводимой въ сочиненіи новѣйшаго путешественника д-ра Франкля (Aus Egypten, Leipzig 1859), онъ и читаетъ это мѣсто въ Тамудѣ такъ своеобразно. Между тѣмъ оба преданія, на которыя ссылается Оршанскій, не имѣютъ вовсе отношенія къ оживленію рыбъ, а сказано тамъ такъ: «Когда омывали ихъ (рыбъ въ источникѣ), онѣ получили [хорошій] запахъ, почему онъ (Александръ) сказалъ: Видно, что этотъ источникъ идетъ изъ рая. Одни говорятъ, что онъ взялъ отъ этой воды и плеснулъ себѣ въ лице; другіе же говорятъ, что онъ (источникъ) весь поднялся пока не достигъ воротъ рая [или, какъ толкуютъ старинные комментаторы: Александръ поднялся и достигъ вратъ рая]». Во всякомъ случаѣ дѣлать вставки въ Талмудъ изъ нѣмецкой книги 1859 года рискованно.

ніе Вейля (Heidelberger Jahrbücher 1852, p. 214) и Доната (Alexandersage, p. 37—38), что и эта черта сказанія еврейскаго происхожденія. Еслибы евреи создали ее, то они несомнѣнно приурочили бы ее не къ *источнику жизни*, о которомъ во всей ихъ древней письменности нѣтъ и помину, а къ *древу жизни*, которое фигурируетъ уже въ началѣ ихъ св. Писанія. Дѣйстви-тельно; въ тѣхъ сказаніяхъ, на которыя вліяли преимущественно еврейско-библейскія преданія, какъ напр. въ романѣ *Blancandin'a* (P. Meyer II, 185), въ самомъ дѣлѣ фигурируетъ дерево, возвращающее молодость ¹⁾.

Къ разсказу о безголовомъ птицеловѣ, останавливающимъ корабль и убѣгающемъ при названіи имени Александра, находятся интересныя параллели въ новогреческихъ сказаніяхъ, собранныхъ А. Н. Веселовскимъ (стр. 377—378). О безголовыхъ людяхъ говоритъ Пс.-Калл. (III, 28 Zacher p. 168, по рецензій С. ἀκεφάλου, съ чѣмъ согласенъ Юлій Валерій: homines absque capitibus; въ рец. А. В. κυνοκεφάλου). Во французскомъ романѣ Энокъ, въ наказаніе за то, что онъ, вопреки царскому приказанію, выкупался въ источникѣ жизни, замуrowывается Александромъ въ стѣнѣ живымъ, такъ какъ умереть онъ уже не можетъ (P. Meyer II, 176).

Въ эпизодѣ о нахожденіи рая разсказчикъ слѣдуетъ вообще раввинскому сказанію, прибавляя однако разныя подробности собственнаго изобрѣтенія, или же найденныя въ другихъ источникахъ. Такъ вмѣсто одной надписи на вратахъ рая, о которой

---

¹⁾ Фогельштейнъ въ указанной диссертациі (и въ Monatschrift 1866, p. 161 seq.) старается доказать, что это сказаніе возникло у Персовъ; но его доказательства не отличаются особенною убѣдительностью. Съ другой стороны на связь древне-раввинскихъ сказаній съ иранскими и на зависимость ихъ отъ послѣднихъ стала въ послѣднее время настойчиво указывать Шоррь, Когутъ и Дармстетеръ; см. напр. статьи послѣдняго: La flèche de Nemrod (Journal Asiatique 1865, I, 220 seq.; см. однако ст. Левин: La mort de Titus въ Revue des études juives, T. XV p. 62 seq.); Points de contact entre le Mahâbhârata et le Schâh-nâmah (Jour. Asiat. 1867, II, 78 seq.); ср. также А. И. Кирпичникова, Св. Георгій и Егорій Храбрый, Спб. 1879, стр. 49 и *passim*.

говорится въ Талмудѣ (изъ СХVIII псалма), у него являются двѣ, которыя читаетъ и объясняетъ писецъ Менахемъ. Последняя черта прибавлена авторомъ для объясненія, какимъ образомъ Александръ могъ узнать содержаніе означенныхъ надписей. Оригинальна также вставка эпизода о совершеніи Александромъ обряда обрѣзанія, причѣмъ приказаніе царя держать это въ тайнѣ какъ бы указываетъ на знакомство автора съ эпохой *маррановъ* (тайныхъ евреевъ) въ Испаніи и Португаліи, когда было въ ходу тайное совершеніе еврейскихъ обрядовъ. Здѣсь авторъ наложилъ на свой рассказъ самую яркую печать еврейства, и притомъ еврейства ему современнаго. Не забыто также излюбленное нашимъ авторомъ леченіе превосходными травами. Рассказъ о человѣческомъ глазѣ, который находится уже въ Талмудѣ, получилъ здѣсь равнымъ образомъ нѣкоторыя амплификаціи и измѣненія. Если въ Талмудѣ ученые евреи (раввины — ׀׀׀) объясняютъ Александру свойство глаза и символическое значеніе его, въ *Iter ad Paradisum* (ed. Zacher, p. 29) и у Лампрехта это дѣлаетъ еврейскій старецъ, а во французскомъ романѣ объясненіе приписывается Аристотелю (Meuser II, 201) — то въ нашей версіи самые стражи рая, давшіе Александру эту *райскую дань*, толкуютъ ея свойство и значеніе, причѣмъ прилагаютъ вытекающую изъ нея мораль къ ненасытному побѣдителю вдвойнѣ алчному: къ золоту и къ странствованіямъ по невѣдомымъ странамъ. Прибавлено также разскащикомъ, что это изображеніе глаза положено Александромъ на храненіе въ царскую сокровищницу.

Двойственность религіозная, о которой мы говорили выше, выступаетъ и здѣсь ярко. Такъ въ началѣ разскащикъ безъ всякой нужды прибавляетъ, что Александръ поклялся своимъ идоломъ, значить онъ былъ твердъ въ язычествѣ, а затѣмъ онъ безъ всякихъ затрудненій совершаетъ такой важный для іуданзма и н тяжелый актъ, какъ обрядъ обрѣзанія.

§ 17.

Вслѣдъ затѣмъ царь говорилъ себѣ, что все, совершенное имъ до сихъ поръ, еще недостаточно. Посему онъ приказалъ своимъ храбрымъ воинамъ принести четырехъ великихъ и сильныхъ орловъ, что и было исполнено. И приказалъ царь не кормить ихъ впродолженіе 3-хъ дней, а по истеченіи этого времени была взята доска, на которую царь приказалъ привязать себя; такъ и было сдѣлано. Затѣмъ онъ велѣлъ взять 4 песта и прикрутить ихъ къ 4-мъ концамъ доски, и привязать къ каждому песту кусокъ мяса; и это было исполнено. Послѣ того взявъ, по приказанію царя, этихъ четырехъ орловъ и привязали ногами къ 4-мъ концамъ доски. Будучи весьма голодными и видя надъ собою мясо, орлы замахали крыльями, желая полетѣть къ мясу, а такъ какъ они этого не могли сдѣлать, то они стремились все выше и выше, пока не достигли до облаковъ. Не будучи больше въ состояніи выдержать жару, отъ которой едва не умеръ, царь повернулъ песты (Д. шесть) съ мясомъ внизъ, и орлы, видя мясо внизу, пустились въ погоню за нимъ все ниже и ниже, пока не стали на землю. И царь рассказалъ потомъ, что когда онъ находился между небомъ и землею, то видѣлъ весь міръ среди воды (М. прибавляетъ: и всю обитаемую землю), какъ стаканъ, плавающій по водѣ Океана.

Затѣмъ царь приказалъ своимъ мудрецамъ изготовить ему (ковчегъ изъ) бѣлаго стекла, «такъ какъ (сказалъ онъ) я не довольствуюсь тѣмъ, что видѣлъ въ высотѣ надъ міромъ; а желаю еще спуститься внизъ и осмотрѣть все то, что находится подъ землею. И царскіе мудрецы изготовили ему бѣлое стекло, въ которое царь вошелъ, взявъ съ собою пѣтуха и свѣтащійся камень, который доставляетъ свѣтъ. И сказалъ царь мудрецамъ своимъ: «Опустите меня въ море и ждите меня круглый годъ: если въ теченіи года я не вернусь къ вамъ, то возвратитесь къ себѣ домой». Такъ мудрецы и сдѣлали: они опустили его въ море, и стекло поплыло изъ одного моря въ другое

и сошло до глубины бездны, такъ что царь осмотрѣлъ все, находящееся въ морѣ, отъ мала до велика. Когда же онъ насмотрѣлся, сколько ему было угодно, то взялъ пѣтуха и задушилъ его и изъ него выступила кровь, а такъ какъ Великое море (Океанъ) не терпитъ никакой крови, то оно выбросило царя на сушу по прошествіи трехъ мѣсяцевъ [проведенныхъ царемъ въ морѣ] и кинуло его среди народа, языкъ котораго былъ неизвѣстенъ царю. Наружный видъ людей той страны таковъ: какъ мужчины, такъ и женщины имѣють два локтя въ ширину, на ихъ лицахъ во лбу одинъ глазъ, ноги ихъ весьма широки. И они убоялись царя, чувствуя страхъ предъ нимъ, и упали предъ нимъ на землю ницъ.

Разсказъ о путешествіи Александра къ облакамъ на проголодавшихся птицахъ, стремящихся къ показываемому имъ мясу, весьма распространенъ (Псевдо-Каллисѣенъ С. II, 41, въ посланіи къ Аристотелю; Hist. de pr. § 115 Zing., p. 131 Landgr.; Леви стр. 48; французскій романъ P. Meyer II, 189; во всѣхъ этихъ мѣстахъ сказано: грифоны; литературу см. у Zingerle *ibid.* p. 5 Anst. 2). Изъ еврейскихъ источниковъ впервые упомянуто объ этомъ путешествіи, но безъ всякихъ подробностей, въ іерусалимскомъ Талмудѣ (*Авода Зара* глава III § 1, ed. Krotoschin 1866, f. 42; ср. *Бамидбаръ Рабба* § 13, ed. Leipzig 1864, p. 444). Мѣсто это гласитъ: «Раввинъ Іона (жилъ въ III столѣтіи по Р. Х. въ Палестинѣ) сказалъ: *Аксидросъ Мкдонъ* (Бам. Раб. *Мкдоносъ*), желая подняться въ высоту, все поднимался и поднимался до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ міръ въ формѣ шара, а море подобное чашѣ. Еще короче намекъ въ *Пирке дерабби Эліезеръ* (гл. XI), гдѣ сказано, что Александръ старался узнать не только находящееся на концахъ земли, но еще пожелалъ взойти на небо для того, чтобы узнать, что находится на небѣ, и снизойти въ бездны для того, чтобы узнать что находится въ безднахъ». Горіонидъ (II, 22, p. 149) говоритъ также вкратцѣ, что Александръ вздумалъ вознестись въ высоту (или: на небо) сквозь атмосферу

и спуститься въ бездну Великаго моря и т. д., что и было имъ исполнено посредствомъ чудесныхъ механизмовъ и искусныхъ приспособлений, какъ это описывается въ составленномъ египетскими волхвами жизнеописаніи Александра. Въ самаритянской же хроникѣ, извѣстной подъ названіемъ *Книги Исуса Навина* (*Chronicon Samaritanum*, ed. Juynboll, p. 185. 322; Abulfathi, *Annales Samaritani*, ed. Vilmar, p. 85), разсказывается, что желая сразу обозрѣть весь свѣтъ (Абульфатхъ: четыре страны свѣта), Александръ спросилъ своихъ друзей и мудрецовъ, какъ это исполнить, и они посовѣтовали ему сдѣлать ковчегъ (נָבוֹת; Абульфатхъ: престолъ — סֵרִיר), къ которому привязать четырехъ орловъ (נִסְרוֹר) и мясо. Изъ того обстоятельства, что самаритянская хроника оканчивается этотъ разсказъ тѣмъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ Александръ спустился, былъ сооруженъ городъ Александрія, Яниболъ (тамъ же стр. 322 прим. i), заключаетъ, что авторъ слѣдовалъ египетскимъ легендамъ, не объясняя, однако, гдѣ находятся эти египетскія легенды, которыхъ нѣтъ ни въ одной рецензій Псевдо-Каллисена.

Другую версію разсказа о путешествіи Александра въ вышину приводятъ, какъ мы замѣтили выше (стр. 62), Ибнъ-Пальквера у Самуила Ибнъ-Царца. Вотъ слова послѣдняго: «Раввинъ Шемъ-Тобъ Ибнъ-Пальквера говоритъ, что онъ нашелъ въ книгѣ *Александра Македонскаго* (כְּסֵפֶר מְלֶכֶם מְקֻדְדֻנִי) , что онъ взошелъ на гору, окружающую весь міръ, и приказалъ своимъ товарищамъ привязать свое оружіе къ созвѣздію Овна (לְכֹל טָלָה), а онъ самъ привязалъ свое оружіе къ созвѣздію Медвѣдицы (שׁוּ), и когда они всё исполнили ¹⁾ его желаніе а затѣмъ пришли взять обратно его оружіе и свое собственное, то не могли уже взять его. Тогда онъ имъ приказалъ оставаться тутъ до слѣдующаго года, такъ какъ небеса двигаются вокругъ земли, а люди объ этомъ не знаютъ. Такъ они и сдѣлали, сидѣли тамъ цѣлый годъ, до тѣхъ поръ, пока созвѣздіе Медвѣдицы не вернулось къ тому

¹⁾ Искривленное слово וְכִשְׁהֶשְׁכְּלוּם, значеніе котораго не знаетъ г. Штейншнейдеръ, я читаю וְכִשְׁעֶשׂוּ כֹלָם.

мѣсту, гдѣ они привязали свое оружіе, которое они такимъ образомъ получили обратно». Нѣчто похожее, на что указали Яинболь и Штейншнейдеръ, находится въ мусульманскихъ легендахъ о Нимрудѣ (Немвродѣ) и о *Доуроломъ* (*Дулжармайкъ*), тождество котораго съ Александромъ составляетъ спорный вопросъ (см. Weil, *Biblische Legenden der Muselmänner*, p. 77—78. 95).

Нелишне будетъ отмѣтить здѣсь, что въ Вавилонскомъ Талмудѣ (тр. *Баба-Батра* л. 74 а) находится сказаніе, будто однажды путешественники прибыли на такое мѣсто, гдѣ небо и земля цѣлуются (соприкасаются); и разскащикъ положилъ свои харчи въ небесное окно (отверстіе) и сталъ молиться. Послѣ молитвы онъ хотѣлъ взять свои харчи, но не нашелъ ихъ, чему весьма удивился, пока ему не объяснили, что только на завтрашній день, когда небесный шаръ (или кругъ — *מורקק מלגלג*) въ своемъ обращеніи вернется на то-же самое мѣсто, онъ можетъ получить обратно свои харчи. Въ X-мъ вѣкѣ, когда у вавилонскихъ ученыхъ раввиновъ возникло стремленіе осмыслить древній сказаніа, было предложено такого рода толкованіе означеннаго сказанія: «Мы слышали преданіе отъ нашихъ ученыхъ, что греческій царь Александръ (вар. царь Александрія) изготовилъ большой мѣдный шаръ въ 360 локтей величины, по локтю на каждый градусъ, на подобіе небеснаго круга, и посредствомъ извѣстнаго механизма, при помощи вѣтра или воды, шаръ этотъ двигался самъ собою, совершая полный кругъ въ 24 часа. Въ немъ были сдѣланы также отверстія на подобіе оконъ, въ одно изъ коихъ путешествующій раввинъ положилъ свои мѣшокъ» и т. д. (см. *mon Studien und Mittheilungen*, Th. IV p. 5 № 12, p. 190, № 374 и объясненія въ концѣ книги). Другой же раввинъ XIV-го вѣка, Иомъ-Товъ Севильскій, говоритъ, что онъ нашелъ сказаніе, въ которомъ это приписывается не Александру, а царю *Гермесу* (*הרמז המלך*).

Варианты къ сказанію о путешествіи по морской глубинѣ (Пс.-Кал. С. I, 38 Zacher p. 140: посланіе къ Аристотелю;

Hist. de pr. § 116 Zing, ed. Landgr. p. 131—132; Левн стр. 49) указаны у Цингерле (стр. 5 прим. 2; сл. P, Meuser I, 110. 135—139. II, 164). Въ древне-раввинскихъ сказаніяхъ, кромѣ вышеуказаннаго намека въ *Пирке дерабби Эмезеръ*, о морскомъ путешествіи Александра ничего нѣтъ. Только въ *Мидрашъ Темлимъ* (гл. ХСІІІ) рассказывается про императора Адріана, что онъ однажды пожелалъ достигнуть бездны Океана, взялъ веревки и спускалъ ихъ въ глубину въ продолженіе трехъ лѣтъ пока не услышалъ гласъ свыше: Полю тебѣ, Адріанъ (פולו תבֿה, אֲדְרִיאֵן)!¹⁾ Затѣмъ онъ пожелалъ узнать, какъ воды славословятъ Господа, взялъ стеклянные ящики, посадилъ въ нихъ людей и спустил ихъ въ Океанъ; когда они вышли, то рассказали, что слышали какъ Океанъ славословитъ: Силенъ Господь въ выcotь! (сл. Псаломъ ХСІІІ ст. 4).

§ 18.

Оттуда Александръ бѣжалъ ночью по причинѣ боязни [оставаться дольше между этими дикарями] и искалъ своего войска въ продолженіе девяти мѣсяцевъ; его пожиралъ днемъ жаръ²⁾, а ночью стужа [т. е. онъ томился отъ жара и стужи; сл. кв. Бытія гл. XXXI ст. 40]. По истеченіи же трехъ (М. девяти) мѣсяцевъ странствованія, онъ встрѣтилъ въ лѣсу льва и, убоясь его, убѣжалъ, но левъ погнался за царемъ, схватилъ его за платье и преклонился предъ нимъ. Тогда Александръ взялъ и сѣлъ верхомъ на льва, который противъ воли царя привелъ его въ какую-то пещеру. Тамъ онъ засталъ старца, съ которымъ поздоровался, причемъ старецъ сказалъ царю: «Ты, вѣдь, государь мой Александръ!» Царь испугался и спросилъ старца, откуда онъ знаетъ его имя, на что тотъ отвѣтилъ,

¹⁾ Буквально: Кончай, Адріанъ! Повидимому въ томъ смыслѣ, что это напрасный трудъ, пбо онъ никогда не достигнетъ конца бездны. Очень возможно, что слѣдуетъ читать פולו (= йлауе, отойди, оставь), каковое слово обычно раввинской литературы въ подобныхъ случаяхъ.

²⁾ Въ рукописяхъ פירוק (жара), по всей вѣроятности ошибочно вмѣсто פירוק (жаръ), какъ въ кв. Бытія.

что онъ видѣлъ царя въ то время, когда послѣдній отправился въ походъ на городъ Іерусалимъ, намѣреваясь разрушить его. И спросилъ его царь: «Изъ какого ты народа, кто ты и какъ тебя зовутъ (М. ошибочно: или кто ты, или какъ тебя зовутъ)?» — Старець сказалъ: «Не спрашивай о моемъ имени, котораго я тебѣ не открою (Д. прибавляетъ: я не скажу тебѣ также, изъ какого я народа), но если ты дашь мнѣ присягу, что не сдѣлаешь евреямъ никакого зла (Д. прибавляетъ: впродолженіе всей жизни твоей), я приведу тебя къ твоимъ войскамъ». Царь съ радостью согласился на это условіе и присягнулъ. Затѣмъ старецъ повелъ царя въ другое отдѣленіе пещеры, взявъ оттуда красиваго коня и сказалъ царю: «Сядись верхомъ на этого коня, а я пойду возлѣ тебя пѣшкомъ». Такъ они и дѣлали впродолженіе шести мѣсяцевъ, пока старецъ не привелъ царя въ лагерь его войскъ, которыя, увидѣвъ своего вождя, весьма обрадовались и принѣлись трубить въ рога, такъ что земля разсѣдалась отъ ихъ криковъ [III кн. Царствъ гл. I, ст. 40]. И царь разсказалъ войску о всѣхъ своихъ приключеніяхъ (М. прибавляетъ: и онъ велѣлъ писцу Менахему записать все это). Затѣмъ царь спросилъ: «Гдѣ же старецъ, который привелъ меня къ вамъ?» — Стали его искать, но не нашли (М. прибавляетъ: что было весьма досадно царю, и онъ приказалъ искать его по всѣмъ мѣстамъ, но его не нашли нигдѣ).

Эпизодъ со львомъ, приведшимъ заблудившагося Александра въ пещеру, въ другихъ еврейскихъ Александріяхъ не встрѣчается, но въ сказаніяхъ всѣхъ народовъ повторяется мотивъ великодушнаго покровительства, которое царь звѣрей оказываетъ особенно людскимъ царямъ и ихъ потомкамъ. Въ сербской Александріи (Веселовскій, стр. 181) говорится про философа Промаха, что онъ видѣлъ во снѣ «Александра на льву въ градъ Аоінеу вьходешта».

Второй эпизодъ со старцемъ, выведшимъ царя изъ затруднительнаго положенія, повторяется и въ другихъ источникахъ (Псевдо-Каллисоевъ С. II, 34 и параллельныя мѣста). Весьма

наивно представленіе нашего разскащика, что старецъ никакъ не хочеть открывать Александру своей народности, между тѣмъ какъ своимъ показаніемъ, что видѣлъ царя въ Іерусалимѣ, и своимъ усерднымъ заступничествомъ за евреевъ такъ ясно выдаетъ свою тайну. Не есть ли тутъ опять указаніе на эпоху тайныхъ евреевъ = марраповъ (какъ въ § 16-мъ, сл. выше стр. 123)?

§ 19.

Царь отправился оттуда вмѣстѣ со своимъ войскомъ и прибылъ въ землю *Кабина* (כַּבִּינָה), гдѣ всѣ жители лають по собачьи, весьма слабы и обросли волосами съ ногъ до головы; они малы ростомъ, [величиной] около локтя (М. около полтора локтя); не сѣютъ и не жнутъ, не имѣютъ другой пищи, кромѣ орѣха, и другой одежды, кромѣ листьевъ орѣшника. И царь приказалъ привести къ нему одного изъ тамошнихъ жителей, который, по приведеніи къ царю, залаялъ по собачьи. И повелъ его царь къ царицѣ (Д. и привелъ его къ царю и царицѣ), которая была родомъ изъ *Африки* (ср. выше § 15), но когда послѣдняя увидѣла этого человѣка, то крайне испугалась, красное ея лице измѣнилось и позеленѣло, она упала въ обморокъ и опрокинулась назадъ. Увидѣвъ это, царь вскрикнулъ, сплеснулъ руками и рвалъ волосы на головѣ, но прибѣжалъ (Д. прибылъ) одинъ изъ врачей, принесъ какую-то траву и положилъ царицѣ на руки (М. на уста), вслѣдствіе чего она встала на ноги, чему царь и войска крайне обрадовались.

Оттуда царь выступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ и путешествовалъ на морѣ на большихъ судахъ, на которыхъ они пробыли (Д. и пробыли они на морѣ) 52 дня. Въ одну ночь царь поднялъ глаза и увидѣлъ громадную рыбу, выступавшую изъ моря, у которой глаза были подобны двумъ большимъ факеламъ. И натянулъ царь свой лукъ и выстрѣлилъ въ рыбу, которая забарахталась и [своимъ барахтаньемъ] потопила три корабля съ царскимъ войскомъ, что весьма опечалило царя, и онъ много плакалъ объ этомъ несчастіи.

Затѣмъ поднялась буря (Д. на царя) и погнала царскія суда въ Солёное море (ים המלח = Мертвое море), и погибло много народа отъ морскаго зловонія. Тогда Александръ помолился Всевышнему Царю (המלך העליון), и Богъ пошесъ вѣтеръ надъ водой (Д. и вода утихла), и царскіе корабли пристали къ сушѣ, къ странѣ *Алприкъ* (или *Алфрикъ*, אַלפֿריק), гдѣ земля (почва) весьма хороша и жирна, и царь остановился тамъ лагеремъ на три мѣсяца. Замѣтивъ жирность тамошнихъ плодовъ и растений, царь приказалъ провозгласить по всему лагерю, чтобъ никто не употреблялъ ихъ въ пищу по причинѣ ихъ вреда, отъ крайней ихъ жирности. Но нашлись многіе, которые ослушались царскаго повелѣнія и ѣли означенные плоды, вслѣдствіе чего изъ нихъ умерло около 30000 (М. около 3000) человекъ. И приказалъ царь готовиться къ выступленію изъ той страны для того, чтобъ избавить свои войска отъ искушенія и опасности.

Названіе страны *Клбина* (כלבינא) взято, конечно, отъ слова *Келебъ* (כלב), собака, по сходству жителей съ собаками. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ правильное еврейское образованіе имени страны было бы *Калбіа* (כלביה), можно предполагать, что тутъ скрывается также указаніе на *Албани*, воюющихъ посредствомъ собакъ (Zingerle, p. 62; тамъ же о шестирукихъ людяхъ, имѣющихъ *rostra canina*; у Леви, Sammelband, p. 27, *Алканія* (אַלכנייה), ср. тамъ же p. 66). О кинокефалахъ, полулюдяхъ и полусобакахъ, или же о людяхъ, лающихъ по-собачьи, говорится во всѣхъ Александріяхъ (Псевдо-Калл. II, 34 и 37; Zacher 137—8; Gorgionides II, 16, 21, p. 123, 149; Леви, Sammelband, p. 49, 79; Meyer I, 183 и 187 и др.).

Параллельный рассказъ о рыбѣ, у которой глаза подобны двумъ лунамъ (כרתין סדרי), см. въ вавилонскомъ Талмудѣ, тр. *Баба Батра*, л. 74^а; ср. тамъ же, л. 74^б, о глазахъ Левиаѳана, подобныхъ свѣтиламъ (на основаніи словъ Іова XLI, 10).

Отождествленіе страны *Алприкъ* или *Алфрикъ* (אַלפֿריק) представляетъ затрудненія, такъ какъ *Африка* упоминается уже выше

(§ § 11, 15) въ болѣе правильной формѣ (מִרְעַם, רִרְעַם). Можно было бы подумать о вышеупомянутой *Арикс* (רִרְעַם § 15), названіе которой произошло, вѣроятно, изъ *Аларкс* = *Амракс*, (רִרְעַם Леви, стр. 11, 13, 58 = *Иракс*), или изъ רִרְעַם *Аларкс*, *Иларкс* = *Illiricus*, ср. Леви, стр. IX, 8, 57, или же о *Фригии* съ прибавленіемъ арабскаго указательнаго члена *ал* (Фригія у Псевдо-Калл. С. I, 28, 36; ср. Веселовскаго, стр. 202—217, особенно стр. 212, гдѣ *Придія* = *Фригія* въ сербской Александрии служитъ вариантомъ *Африкіи*); но скорѣе всего здѣсь идетъ рѣчь объ *Африкѣ* = *Иверикѣ* (Иверія на Кавказѣ), по сосѣдству съ *Абганіей*, которая непосредственно предшествуетъ ей у нашего рассказчика. Этому соотвѣтствовало бы представленіе страны тучной и плодоносной, каковой Африка = Иверика представляется въ равнинской литературѣ (см. Иерусал. Талмудъ, тр. *Шебинтэ* VI, 1 и др.). Но, съ другой стороны, наша версія отличается полнѣйшей беззаботностью относительно географическаго положенія упоминаемыхъ ею странъ, какъ видно уже изъ того обстоятельства, что въ загадочную страну Александръ попадаетъ изъ *Мертваго моря*. Или подъ *Солѣннымъ моремъ* (מִלְחָה יָם) здѣсь подразумѣвается не то же самое, что въ Библии и Талмудѣ?

§ 20.

И отправились они изъ этой страны (М. и прибыли) въ страну *Тугиры* (или *Тогира*, מִלְחָה ד., מִלְחָה מ.), и царь этой земли выступилъ противъ Александра съ многочисленнымъ войскомъ, причемъ завязалась между ними упорная война, въ которой сначала погибло много войскъ съ той и другой стороны, но въ концѣ Александръ одолѣлъ, и царь Тугиры бѣжалъ и скрылся въ пещеру. Когда донесли объ этомъ Александру, онъ приказалъ зажечь дрова и положить ихъ въ отверстіе пещеры, и отъ дыма, наполнившаго пещеру, задохся царь Тугиры, а его войска, преслѣдуемая Александромъ, были перебиты за исключеніемъ немногихъ, надъ которыми сжался царь Александръ и отослалъ

ихъ домою съ миромъ. — Оттуда Александръ отправился (М. и прибылъ) въ землю *Ягули* [или *Июли*, *Эюлаэ*, יגולי, יגול), и, переправившись по водѣ на плотахъ (כרסרודות), прибылъ въ землю *Хавила* (היילי). Тамъ обычай такой, что женщины одѣвають штаны (или шаровары מכנסי), а мужчины нѣтъ (Д. мужчины же ничего не одѣвають, הם כלום אין להם מכנסי). Когда женщина рождаетъ, то она остается лежать за ширмой (הררירי לול) въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ выходитъ изъ за ширмы, а мужъ ея заходитъ туда и остается лежать за ширмой четыре мѣсяца. Услышавъ это, Александръ былъ весьма удивленъ и послалъ (Д. ошибочно: и услышалъ) къ царю *Хавилы* (М. требовать отъ него личнаго свиданія). И царь *Хавилы* отвѣтилъ посланцамъ Александра (М. и посланцы вернулись къ Александру и сказали: твой рабъ, царь *Хавилы*, отвѣтилъ слѣдующее): «Сегодня минуло 29 дней какъ я нахожусь за ширмой, такъ какъ жена моя родила сына, и только по прошествіи трехъ мѣсяцевъ я могу выйти изъ за ширмы и явиться къ тебѣ». Александръ много смѣялся и издѣвался надъ такимъ отвѣтомъ, и приказалъ своимъ людямъ (М. своимъ сановникамъ и слугамъ) готовиться къ посѣщенію царя *Хавилы* (М. лежащаго за ширмой), и отправились они, прибыли къ послѣднему и застали его за ширмой, а царица прислуживаетъ ему и подаетъ ему яства, напитки и всякаго рода лакомства (וככל מיני לפנוקים), чему Александръ немало смѣялся. На вопросъ Александра: кто царствуетъ (М. прибав. кто судить и кто сидитъ на престолѣ) вмѣсто царя? послѣдній отвѣтилъ, что лучшая изъ его собакъ сидитъ на престолѣ, имѣя при себѣ толмача (הגלילי), и народъ приходитъ къ ней со своими тяжбами. Тогда Александръ спросилъ: Развѣ пристойно, чтобъ собака сидѣла на царскомъ тронѣ? — (М. туземный царь отвѣтилъ: Честь царской власти требуетъ, чтобъ собака сидѣла, а народъ являлся къ ней на судъ). Затѣмъ Александръ попросилъ туземнаго царя показать ему ту собаку, которая заступаеъ вынѣ его мѣсто, но тотъ отвѣтилъ, что не имѣетъ права выходить изъ за ширмы до истеченія четырехъ мѣсяцевъ, и что еслибъ

онъ вышелъ раньше этого времени, его свергли бы съ престола и народъ избралъ бы себѣ другого царя. На вопросъ Александра о томъ: бываетъ ли у туземнаго царя совокупленіе съ женой въ теченіи этихъ шести (Д. четырехъ) мѣсяцевъ, послѣдній отвѣтилъ: «Въ томъ видна сила государства, что у супруговъ, имѣющихъ сношенія въ первые шесть мѣсяцевъ послѣ родовъ, выпадаютъ (линяютъ) рѣсницы; царскіе посланцы ежедневно производятъ розыски, и если найдутся супруги, преступившіе этотъ законъ — что обнаруживается выпаденіемъ рѣсницъ, — ихъ приводятъ предъ царя, сжигаютъ огнемъ, а пепелъ ихъ разсылаютъ по всѣмъ областямъ государства. Царю же дозволяется имѣть одинъ разъ въ недѣлю сношенія съ царицей по прошествіи двухимѣсячнаго срока [послѣ родовъ]. Въ день восшествія на престолъ новаго царя онъ долженъ дать клятву въ томъ, что онъ будетъ соблюдать этотъ законъ». Затѣмъ Александръ спрашиваетъ о томъ, что бываетъ по окончаніи означенныхъ шести мѣсяцевъ, и получаетъ отвѣтъ туземнаго царя, что у нихъ законъ и обычай таковъ: всѣ подданные царя собираются, причемъ каждый изъ нихъ приноситъ царю по своему состоянію, кто коня, кто корову, а царь дѣлаетъ для нихъ пиршество, продолжающееся три дня, и затѣмъ всѣ они отправляются [здѣсь не хватаетъ листа въ Д., продолжаемъ по одному тексту М.] по домамъ. И сказалъ царь Александръ, что такого страннаго обычая онъ не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ выступилъ изъ предѣловъ своего государства.

Если принять во вниманіе географическую номенклатуру въ ново-еврейской литературѣ, то подъ страной *Туира* (טוירא, טוירא), разумѣется вѣроятно страна *Турка* или *Турція*. Такъ напр. *Иосифъ Гаколенъ* изъ Авиньона (1496—1575) называлъ свою хронику: «Исторія царей Франціи и царей изъ дома *Отманъ-Ту-гаръ*» (דברי הימים למלכי צרפת ומלכי בית אמוצמאן דהטור; напечатано въ Венеціи 1554). Къ сказанному у насъ выше (стр. 69—70) по поводу имени *Тогарма* слѣдуетъ прибавить, что и у Ибнъ-

Фатика (Vocados de Ogo, p. 296) говорится, что Александръ проходилъ por toda la tierra de oriente e de *los Turcos* (сл. тамъ же, p. 458, латинскій, французскій и англійскій переводы этого мѣста), что во французской Александріи у П. Мейера (II, 342) упоминаются рядомъ *Турки* и Аланы, а выше (II, 148) идетъ рѣчь о *Печенегахъ*. Горіопидъ въ началѣ (I, 1 p. 3) называетъ *Пацинакъ* и *Турки* (רַחֲוֹרִי וְרַחֲוִי) сыновьями *Тогармы*. О странѣ *Ялум* или *Июм* (יָלֹם), упоминаемой только въ рукописи М., трудно сказать что-либо опредѣленное. Не есть ли это искаженіе названія *Уиуръ* или *Уиууръ*, которое является въ письмѣ царя Іосифа Хазарскаго въ формѣ *Уиуръ*, *Уюръ* (וִיִּוּר), какъ имя первороднаго сына *Тогармы*?

Въ гораздо болѣе благоприятномъ положеніи находимся мы относительно слѣдующей въ нашей версіи страны *Хавила* (חַוִּילָה), такъ какъ тутъ мы имѣемъ дѣло съ мѣстностію, упоминаемою въ началѣ св. Писанія (кн. Бытія II, 11; у LXX Толковниковъ *Емлат*, въ древнеславянскомъ переводѣ *Евмлатъ*), какъ страны, которую обтекаетъ одна изъ 4-хъ райскихъ рѣкъ, а именно, рѣка *Пишонъ* (פִּישׁוֹן, LXX *Φισων*, др. слав. *Фисонъ*). Въ качествѣ страны, сосѣдней съ раемъ, она должна была бы слѣдовать непосредственно за описаніемъ пребыванія Александра въ раю (§ 16); но очевидно, что у составителя нашей версіи уже утрачено всякое сознаніе объ особенномъ значеніи этой страны, такъ какъ онъ не упоминаетъ ни одного изъ произведеній земли Хавилы по кн. Бытія (II, 12): хорошее золото, *бедолахъ* (בְּדוּלָה, у LXX *ἀνδραξ*, др. сл. *анеракъ*) и камень *шогамъ* (שׁוֹגָם, у LXX *ὁ λίθος ὁ πράσινος*, др. сл. *камень зеленый*). О странѣ *Хавила* по поводу десяти колѣнъ израильскихъ рассказывалъ путешественникъ *Эмдадъ* въ IX вѣкѣ (см. наши Сказанія о Хазарахъ, стр. 28). О томъ, что страна Хавила = Евилать въ другихъ источникахъ приводилась въ связь съ Индіей, брахманами и гимнософистами, пространно говоритъ А. Н. Веселовскій (Изъ исторіи романа, стр. 284 и слѣд.) въ весьма интересной и поучительной V главѣ о странѣ блаженныхъ и о Рахманахъ-Рехавитахъ. Не

имѣтъ ли у расказчиковъ страва Хавила = Евилать, производящая *λίδος ὁ πράσιτος*, какою-либо связь со страной *Πρασιακούς*?

Обычай мушницъ оставаться за ширмами при рожденіи ихъ жонъ не встрѣчается, на сколько намъ извѣстно, въ другихъ Александріяхъ¹⁾; впрочемъ, быть можетъ, это амплификація и дальнѣйшее развитіе сказанія о мушницѣ на постели въ Hist. de prel. и у Лампрехта (Страсб. стр. 5457—67, Kinzel, p. 312). За то можно указать на параллельное сказаніе о племени, которое сажаетъ собакъ на царство, а именно, у Фомы Кентскаго, гл. CLXXX: Des genz que font d'un chien lur roy (у П. Мейера I, 187).

§ 21.

Оттуда Александръ отправился со всѣмъ своимъ войскомъ и, пространствовавъ по пустынѣ девять дней, прибылъ на мѣсто, откуда былъ видѣнъ большой дымъ, который возносился до небесъ, а среди дыма замѣтно пламя. И приказалъ царь, чтобъ сто человекъ изъ войска подошли и осмотрѣли это великое явленіе. И пошли сто героевъ, взобрались на весьма высокую гору, но не могли подступить ближе къ мѣсту дыма и пламени по причинѣ страшной жары, а только издали слышали крики и стоны, похожіе на возгласы людей: охъ, охъ! (ἴη ἴη στήπυχα), о чемъ герои рассказали царю, который велѣлъ имъ подняться снова на гору и спросить о причинѣ этихъ криковъ. И вторично они взобрались на вершину горы, но на повторенный ими два, три раза вопросъ о причинѣ криковъ не послѣдовало никакого отвѣта. Лишь по прошествіи значительнаго времени показалось имъ существо похожее на льва, съ человѣческими руками и ногами, которое обратилось къ героямъ съ вопросомъ: зачѣмъ они взошли на гору. Тѣ отвѣтили, что царь Александръ прислалъ ихъ освѣдомиться о причинѣ криковъ; но левъ сказалъ, что онъ

1) Объ обычаѣ, по которому мужъ ложится въ постель при рожденіи жены сл. Бастіана въ Zeitschrift. für Völkerpsychologie 1867, стр. 156 слѣд. Сл. Ausland 1890, № 42 слѣд.: Friedrichs, Das männliche Wochenbett.

имъ ничего не объяснить, а только самому царю Александру (безъ свиты) онъ готовъ отвѣчать на всѣ вопросы. Герои сошли съ горы и сообщили объ этомъ царю, который выразилъ готовность подняться на гору. Когда же его люди выразили свои опасенія на счетъ этого смѣлаго шага, царь возражаетъ имъ: «Если вы желаете сохранить мою честь, то не отговаривайте меня, такъ какъ царская честь состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не опасаться; но если вы увидите, что я останусь на горѣ болѣе трехъ часовъ, то поднимитесь также на гору». Такимъ образомъ царь отправился туда вопреки желанію героевъ. Какъ только Александръ достигъ вершины горы, приблизился къ нему левъ, схватилъ его за волосы, бросилъ его на землю и облилъ его смолой (или дегтемъ *לד*). На крикъ царя герои поспѣшили подняться на гору и нашли его ни живымъ, ни мертвымъ (*למ ואלו תל*). Герои снесли его съ горы, а народъ, увидѣвъ своего царя въ такомъ положеніи, поднялъ великій плачь. Затѣмъ явились царскіе врачи, сдѣлали все, на что указали имъ ихъ познанія, но ничто не помогло, и плачь народа все усиливался. Девять дней царь ничего не говорилъ и не открывалъ глазъ, на десятую же ночь въ царскій лагерь явилась змѣя, державшая во рту длинное и широкое растеніе (или длинную и широкую траву, *לש ורול גדול*). Увидѣвъ эту змѣю, народъ хотѣлъ было ее убить, но присутствовавшій тамъ нѣкій мудрый старецъ, по имени *Атил..а* (или *Эфил..а*, *תילימ*), предостерегъ народъ (отсюда опять начинается текстъ *Д.*) и совѣтовалъ лучше пустить змѣю идти туда, куда сама она направится. Всѣ старцы и мудрецы послѣдовали за змѣей, которая направилась прямо къ царю и положила на него бывшее у нея во рту растеніе. Тогда царь открылъ глаза, чихнулъ три раза и всталъ на ноги, къ великой радости и общему ликованію всего народа, такъ что земля разсѣлась отъ ихъ крика (ср. III. кн. Царствъ I, 40). Затѣмъ царь сдѣлалъ великое пиршество всѣмъ своимъ сановникамъ и слугамъ, надѣлилъ ихъ всѣхъ подарками по ихъ заслугамъ (*Д.* подарками, приличествующими его богатству. И спрашивали они Александра

обо всемъ, приключившемся съ нимъ на горѣ, и онъ разсказалъ имъ всѣ обстоятельства, на что они замѣтили, что они его предостерегали нѣсколько разъ, но онъ ихъ не послушался).

Аналогичныхъ разсказовъ о приключеніи съ чудовищнымъ и злымъ львомъ—человѣкомъ (*bête humaine* въ буквальномъ смыслѣ) и объ исцѣленіи змѣей — намъ не извѣстны, равно какъ и имя старца *Анил..а* или *Афил..а*, если это не есть искаженіе имени прорипателя Антифонта (см. выше §§ 4 и 11), или же имени *Анеполиса* (у Льва ed. Landgraf., p. 90: *princeps militiae Anepolis*, вмѣсто *'Ασαρῦας* или *Πασαρῦης* Псевдо-Каллисоена). Едва ли можно предполагать, что извѣстіе нѣкоторыхъ древнихъ писателей объ историческомъ Каллисоенѣ (изъ Оливей): что онъ былъ посаженъ Александромъ въ желѣзную клетку, а затѣмъ разорванъ на куски львами — имѣетъ какую-либо связь съ настоящимъ разсказомъ. Повторяется здѣсь облюбленное нашимъ разсказчикомъ быстрое излѣченіе посредствомъ травы — панацея.

§ 22.

Вслѣдъ за тѣмъ прибыло письмо изъ земли египетской къ царю Александру слѣдующаго содержанія: «Такъ говорятъ люди Египта: Доколь продолжится наше мученіе (ср. кн. Исходъ X, 7)? Всѣ наши сосѣди издѣваются надъ нами [по поводу отсутствія царя], всѣ цари Востока и Запада задѣваютъ (или дразнятъ *עוֹלָמָא לְעוֹלָמָא*) насъ; ибо мы подобны сиротамъ безъ отца и руководителя, и не знаемъ, что намъ дѣлать (ср. II Паралипом. XX, 12). Посему знай, что если ты вернешься къ намъ — то хорошо; если же нѣтъ, то мы выберемъ себѣ другого царя, который будетъ предводительствовать нами и успокоитъ насъ отъ всѣхъ враговъ нашихъ, ибо мы не въ состояніи терпѣть дольше ярма государей, подчиняющихъ насъ». (Въ М. содержаніе письма короче: «Такъ говорятъ люди Египта: мы не можемъ держать государства безъ тебя, ибо другія государства задѣваютъ насъ».

Посему если вернешься къ намъ — хорошо; если же нѣтъ, то знай, что мы выберемъ себѣ другого царя, который будетъ предводительствовать нами и успокоитъ насъ отъ враговъ нашихъ, ибо мы не въ состояніи терпѣть дольше»). Царь созвалъ своихъ мудрецовъ и совѣщался съ ними и со старцами по сему предмету. Тѣ посовѣтовали ему вернуться въ свою землю, въ Египетъ; но Александръ возражаетъ и говоритъ, что онъ ихъ не послушаетъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ онъ далъ клятву, что не возвратится въ Египетъ, пока онъ не найдетъ населенное мѣсто (? צרור צרור), чтобъ пройти черезъ него со всѣмъ своимъ войскомъ, и пока не подчинитъ [всѣ] государства и народы своей власти (въ М. все это также короче). Но мудрецы обращаютъ его вниманіе на опасность, грозящую со стороны египтянъ, желающихъ избрать себѣ другого царя. Вслѣдствіе сего, Александръ призываетъ своего племянника (сына его сестры) *Тибуса* (или *Тибоса* М, Д. *Тикуса*, *Текоса*, צרור צרור Д. צרור צרור М.), надѣваетъ ему на голову (Д. свою) царскую корону и провозглашаетъ его царемъ египетскимъ до своего собственнаго возвращенія въ Египетъ. Послалъ же Александръ своего племянника съ небольшою свитой изъ десяти героевъ, не желая давать ему больше [людей и] лошадей изъ опасенія, чтобъ не узнали о немъ [враждебныя] племена и не схватили бы его на пути. И наказалъ Александръ Тибусѣ (Тикусѣ): «Когда ты прибудешь съ миромъ въ Египетъ, то чини судъ и расправу по указаніямъ матери моей, не прекослова ей словамъ ни въ большихъ, ни въ малыхъ дѣлахъ; о каждомъ же чловѣкѣ, который не исполнитъ (Д. ея и) твоихъ приказаній, отмѣчай себѣ на память до моего возвращенія съ миромъ». Затѣмъ Тибуса (Тикуса) отправился отъ царя тайкомъ на лошадяхъ и ослахъ подобно тому, какъ путешествуютъ купцы-коробейники изъ города въ городъ, и по прошествіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ дорогѣ (М. они прибыли въ Египетъ, показали тамъ царскую печать и царскую корону), и египтяне узнали его и избрали его царемъ.

Эпизодъ воцаренія въ Египтѣ племянника Александра *Тибусы* (Тивусы) находится только въ нашей версiи. Имя взято вѣроятно отъ названія города *Тисы*, о взятiи котораго разсказываетъ Псевдо-Каллисѣенъ I, 46 А (см. Zacher p. 124; сл. Hist. de Prel. ed. Landgraf, p. 64—65, гдѣ находится дат. пад. *Thebeis* и *Thebis*, близко подходящiй къ формѣ *Тибуса* или *Тибоса*; Ома Кентскiй у П. Мейера I, 181; Лампрехтъ ed. Kinzel p. 182); форма же *Тикуса* (τικυς Д.) допускаетъ также чтенiе *Тикоса*, м. б. отъ греческихъ именъ собственныхъ *Τυχίος*, *Τύχων*. Еще болѣе вѣроятно, что имя заимствовано у одного изъ сатраповъ (герцоговъ), къ которымъ Дарiй написалъ письмо. Имя его у Лампрехта гласитъ *Tybotas* (вар. *Zibottes*) въ Страсбургской рукописи ст. 1597, *Tyrotas* въ Форау'ской рукописи ст. 1166 (Kinzel, p. 138—139), каковое имя Zingerle (стр. 30, прим. 2) считаетъ искаженiемъ изъ *Antiochos*.

Мысль же о томъ, что войска Александра тяготились его долговременнымъ отсутствiемъ — такая обыкновенная, что можетъ каждому приходить въ голову и посему дѣйствительно находится во всѣхъ версiяхъ романа.

§ 23.

Александръ приказываетъ своему войску приготовить оружіе и изготовить колесницы, что и было исполнено, причемъ изготовлено было 190 желѣзныхъ колесницъ; царскія же колесницы (М. и Д. ошибочно: на царскихъ же колесницахъ) сдѣланы были раньше всѣхъ. И взялъ царь свое знамя (М. въ руки) и отправился во главѣ своего войска (Д. народа), которое слѣдовало за нимъ, и прибыли они къ берегу одной весьма широкой рѣки. Въ этой рѣкѣ они нашли большихъ рыбъ, имѣющихъ въ ушахъ (sic) нѣчто похожее на золотыя серьги, и взяли они отъ этой рыбы, сварили ее и съѣли, вслѣдствiе чего умерло много царскаго войска. Александру стало весьма досадно и онъ обратился къ своимъ людямъ съ упрекомъ: «Развѣ у васъ не было другого кушанья кромѣ этой рыбы?». Царь еще не окончилъ своей рѣчи

какъ изъ рѣки появился человекъ, странный во всѣхъ отношеніяхъ: голова его была подобна орлиной, длинныя уши (М. какъ у осла, руки человѣческія, ноги — львиныя) и лошадиный хвостъ. Александръ приказываетъ поймать этого человека, но послѣдній сопротивляется, бросая въ царскихъ героевъ взятые изъ рѣки камни. Когда же самъ царь вышелъ ловить его, то этотъ человекъ упалъ ницъ и простерся на землѣ предъ царемъ. На вопросъ Александра: почему онъ бросалъ камнями въ героевъ, а его пощадилъ? — онъ отвѣчалъ, что увидѣлъ на правой рукѣ Александра небснаго ангела, почему узналъ о царскомъ достоинствѣ послѣдняго, и, отдавая ему царскія почести, надѣется, что царь сжалятся надъ нимъ и надъ его дѣтьми. По просьбѣ царя указать ему, гдѣ находятся эти дѣти, человекъ отвѣчаетъ, что съѣденныя царскими людьми рыбы — его дѣти. «Въ такомъ случаѣ что же я могу теперь сдѣлать, вѣдь рыба уже съѣдена?» возражаетъ ему Александръ, но тотъ человекъ проситъ, чтобъ ему были возвращены серьги, бывшія въ рыбахъ ушахъ, тогда, прибавляетъ онъ, царь увидитъ, что онъ съ ними сдѣлаетъ. Когда его просьба была исполнена по царскому приказу, тотъ человекъ взялъ серьги, бросилъ ихъ высоко, высоко, десять разъ, и послѣ 10-го раза прыгнулъ въ рѣку, гдѣ пробылъ довольно долго — а Александръ и его люди все это время ждали на рѣчномъ берегу, затѣмъ человекъ вышелъ изъ рѣки вмѣстѣ со своей женой, оба они собрали чешую, снятую съ рыбы, женщина переправилась чрезъ рѣку съ чешуей (или: и женщина возила эту чешую по рѣкѣ), затѣмъ положила какую-то траву на чешую и бросила все въ рѣку. Такимъ образомъ, царь не узналъ, что стало съ чешуей; человекъ со своей женой также вернулся въ рѣку и не показывался болѣе.

О томъ, что Александръ самъ носилъ штандартъ см. Kinzel'я (стр. 440 въ прим. къ стиху 1165).

Разсказъ о рыбахъ, рожденныхъ отъ людей, вѣроятно не

иное что, какъ передѣлка и дальнѣйшее развитіе сказанія объ *Ихтиофаназѣ*; ср. рассказъ французскаго романа объ *Otifaal'*яхъ, живущихъ на водѣ и на сушѣ (Р. Meyer II, 173). Можно также привести для аналогіи рассказъ Лондонской рукописи (у Гастера, стр. 51) о томъ, что при одной рѣкѣ жители принесли въ даръ Александру рыбу *морской стареиз* (סִיִּת יָרֵי). Хотя у Леви (стр. 47, по Парижской рукописи) вмѣсто этого названія находится арабское названіе рыбы, и несмотря на хорошее разъясненіе Леви (тамъ же, стр. 78), что тутъ мы имѣемъ дѣло съ ошибочнымъ пониманіемъ выраженія Hist. de prel. tunicas factas de vitellis (vitulis) marginis, гдѣ переводчикъ принялъ, повидимому, что слово vitulis происходитъ отъ vetus (прибавимъ отъ себя, что онъ могъ имѣть предъ собою чтеніе *vetulis*), однако подобнымъ же ошибкамъ обязаны своихъ происхожденіемъ и многія другія подробности въ Александріяхъ, особенно позднѣйшихъ.

§ 24.

Александръ отправляется въ походъ на землю *Клима* (М. *Климинъ*, קִלִּיִּן מ., קִלִּיִּן ד.) и застаётъ тамъ только (sic) бородатыхъ, высокорослыхъ людей, имѣющихъ черные волосы (М. и тонкіе [или острые] зубы, לִרְפָּת סִלְיָוִשׁוּ). Не понимая ихъ языка, царь рѣшился не воевать съ ними, и посему вышелъ изъ ихъ земли. Но жители *Климы* (М. *Климина*, такъ и ниже вездѣ) преслѣдовали Александра (М. съ многочисленнымъ войскомъ и умертвили) изъ людей Александровыхъ около 3000 человекъ. И подумалъ царь: такъ-то мнѣ отплатили жители *Климы*! Посему онъ поклялся не уходить оттуда пока онъ не раззоритъ всей страны. На слѣдующій день Александръ отдалъ своимъ людямъ приказъ воевать съ жителями *Климы* и отомстить имъ за убитыхъ ими царскихъ людей. И войска Александра завязали бой, осадили городъ *Итукъ* (или *Итохъ*, *Айтохъ*, קִלְיָוּ ד.; М. *Аримма* или *Арайма* קִרְיָוּ), столицу этой страны, разрушили его стѣны, умертвили всѣхъ жителей, взяли всю добычу и раздѣлили ее между собою по жребію. На третій день царскія

войска увидѣли, что противъ нихъ идетъ большая армія изъ женщинъ *Итука* (М. *Аримы*), несмотря на то, что до того времени не видно было во всей странѣ ни одной женщины. Сначала Александръ не желалъ воевать съ женщинами и рѣшился ждать и смотрѣть, что онѣ сдѣлаютъ; но когда женская армія напала на царскихъ людей и нанесла имъ большое поражение, то пришлось воевать съ нею. И завязался ожесточенный бой въ продолженіи четырехъ (М. восьми) дней, такъ что силы Александровыхъ войскъ стали истощаться. Замѣтивъ опасность, Александръ воскликнулъ: «О, вы, люди *Мокдона* (М. $\mu\kappa\delta\omicron\nu\alpha$; Д. ошибочно: *Мокіона*, $\mu\omicron\kappa\iota\omicron\nu\alpha$)! Что скажутъ теперь другіе народы, которые вы покорили, другія государства, которыя вы завоевали!— всѣ скажутъ: женщины одолѣли ихъ!» Это подѣйствовало, и войска Александра напрягали свои силы, побѣдили женщинъ, истребили ихъ всѣхъ, кромѣ одной старухи, которую никакимъ образомъ они не могли убить. Когда же ее поймали и обыскали, то нашли у ней на шеѣ кожаный мѣшокъ, наполненный чарами [заколдованными веществами]. По приказанію царя разрѣзали кожу, въ которой нашлось: девять зеренъ перцу, девять чесночныхъ головокъ, девять гладкихъ камушковъ, девять змѣиныхъ головъ и девять головъ рыбъ, называемой на измальскомъ языкѣ *Фли* (или *Памли* Д. פֿלִי ; М. *Флифли* или *Плипли* פֿלִיפֿלִי). Когда все это, по царскому повелѣнію, было брошено въ огонь, то женщина подняла большой крикъ и плачь, а на вопросъ Александра о причинѣ сего, она не могла отвѣчать по незнанію языка. Затѣмъ ее заковали въ желѣзные цѣпи (Д. желѣзными орудіями), и подали ей яства и напитки, и старуха съѣла и выпила столько, сколько хватило бы на пятьдесятъ человекъ. Послѣ сего она разорвала желѣзные цѣпи (Д. жел. орудія) такъ легко, какъ льняныя нитки, умертвила 180 человекъ изъ царскаго войска и убѣжала съ быстротой ссрвы, бѣгущей за своимъ возлюбленнымъ (ср. Осія II, 9). Герои же Александра погнались за ней и не могли ее поймать (М. и послали за нею въ погоню запряженные колесницы, но также безуспѣшно), наконецъ, она добѣжала до

рѣки, погрузилась въ воду, и что стало съ ней — неизвѣстно. Когда рассказали объ этомъ Александру, то онъ приказалъ обыскивать платяя женщинъ, убитыхъ на войнѣ, и подъ платями нашли (М. двѣ) головы змѣй, которыя сожгли на огнѣ, послѣ чего войска раздѣлили между собою всю добычу непріятелей.

Названіе страны *Кила* (כִּילָא Д.) или *Килинъ* (כִּילִין М.) взято, вѣроятно, или отъ *Киликии*, о которой говорится въ походахъ Александра какъ у историковъ (Юстина, Орозія и др.), такъ и у Псевдо-Каллисена (I, 44, Zacher, p. 154; II, 68, p. 127) и его подражателей, или же оно есть искаженное *Quila* или *Quilla* Ибнъ-Фатика (Vocados de Oro, p. 286, 438; Hebr. Bibliographie IX, 52; см. выше § 8, стр. 89, прим. 2).

Столица *Итухъ*, *Айтухъ* или *Эйтохъ* (אֵיתוּחַ Д.) или же *Арима*, *Арайма* (אֵרִימָא М.), не встрѣчается въ другихъ источникахъ. Отдаленное сходство съ послѣдней формой имѣеть, впрочемъ, названіе города *Ambira* (пзъ *Abdira*?), столицы царя Каламуса и народа *Subagri* = *Sudraci* = *Oxidraci*? (ср. Zingerle, стр. 64 прим. 3).

Но если искаженныя географическія наименованія въ настоящемъ разсказѣ можно иногда (подъ большимъ сомнѣніемъ, впрочемъ) отождествить, то о приуроченіи къ даннымъ мѣстностямъ разсказанныхъ фактовъ не можетъ быть и рѣчи. Такъ и разсказанное здѣсь о геройскихъ женщинахъ, мужественно сражавшихся и сначала побѣдившихъ воиновъ Александра — отгосокъ сказанія объ амазонкахъ, о которыхъ въ нашей версіи уже говорилось выше (§ 11). Здѣсь, впрочемъ, дѣло объясняется вполне согласно съ духомъ времени и кругозоромъ понятій нашего автора, а именно, что женщины эти оказались кодунями.

Ободрительное воззваніе Александра и его обращеніе къ геройскому честолюбію своихъ войскъ встрѣчаются и въ другихъ Александріяхъ; такъ напр. гласятъ слова Александра въ *Historia de preliis* при сраженіи съ Даріемъ при Граникѣ = Страгѣ: *Atta-*

men si plures nobis fuerint, non exinde cor vestrum pavescat, quod multitudo muscarum nullam inferet lesionem vespium paucitati, и согласно съ этимъ у Лампрехта: Dâ bt wil ih û sagen: ein her fliegen mach nit gescaden zwein wênigen wespen, dâ si varen ze neste (Страсб. ст. 3198—3201, Kinzel, p. 224).

§ 25.

Оттуда Александръ отправился и прибылъ въ землю (М. *Абуриша*, אֲבוּרִישָׁא, каковая земля) весьма сухая и не производитъ никакихъ растений. Тамъ волосы на головѣ мужчинъ — бѣлы, какъ снѣгъ, а у женщинъ — красны, какъ кровь. Бдятъ они исключительно только небольшіе орѣхи, которые растутъ на деревьяхъ (Д. въ источникахъ) въ водѣ; орѣхи ихъ сладки (М. какъ медъ) и таютъ въ желудкѣ. — Затѣмъ царь отправился со всѣмъ своимъ войскомъ въ землю *Лакмиз* (לְכִישׁ), каковая земля наполнена прудами (или каналами כִּיּוֹרֵי מַיִם) и чрезвычайно тучна; тамъ нельзя сообщаться иначе, какъ на судахъ. Для этой цѣли царь изготовилъ 300 (М. около 300) кораблей, но ихъ застигла жестокая буря, которая перебросила царя вмѣстѣ съ его войскомъ по ту сторону земли *Лакмиз*, и они прибыли въ землю *Куиз* (Хузъ = Эѳіопія; כּוּשׁ), которая близка къ десяти колѣнамъ израильскимъ. И прибылъ Александръ къ рѣкѣ, окружающей страну десяти колѣнъ, но не могъ проникнуть туда по причинѣ большихъ камней, которые кружатся въ этой рѣкѣ впродолженіе всей недѣли до сумерковъ кануна субботы (до пятницы вечеромъ). Посему царь съ войскомъ сталъ лагеремъ до пятницы вечеромъ, и когда прекратилось вращеніе камней, вступилъ въ рѣку и остановился тамъ, дабы разузнать, какъ поступить ему дагѣе (въ Д. здѣсь порядокъ словъ нарушенъ и все мѣсто перепутано). И отправилъ Александръ посланцевъ къ туземцамъ для того, чтобъ развѣдать, что это за народъ. Тѣ отвѣтили, что они — народъ Божій (Израиль), переселившійся изъ св. земли (Палестины) во дни Синехерима, царя Ассиріи. Услышавъ такой отвѣтъ, Александръ весьма обрадовался и

отправилъ къ этимъ евреямъ своего писца Менахема, поручивъ ему узнать: можетъ ли царь со своимъ войскомъ пройти черезъ ихъ землю. Когда Менахемъ прибылъ къ этимъ 10-ти колѣнамъ и обратился къ нимъ съ рѣчью на священномъ языкѣ (по-еврейски), они спросили его, не еврей ли онъ, и когда онъ отвѣтилъ имъ утвердительно, чрезвычайно разсердились на него за нарушение имъ святости субботы [въ каковой день запрещено путешествовать по дѣламъ] и грозили ему смертью. Тогда Менахемъ сталъ оправдываться тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ принужденъ нарушить субботу по приказанію царя; да къ тому же, еслибъ онъ остался одинъ въ то время, когда всѣ отправились въ походъ, то подвергнулъ бы себя опасности отъ дикихъ звѣрей; въ случаѣ же опасности и Тора, и равнины дозволяютъ нарушать законъ. Но на это они возразили, что во всей этой мѣстности не обрѣтается никакихъ дикихъ звѣрей, такъ что съ ихъ мальчиками, которые состоятъ пастухами при ихъ стадахъ, никогда не приключалось ничего худого, ни днемъ, ни ночью. Вслѣдствіе сего они отказались вести съ нимъ переговоры, и Менахемъ принужденъ былъ вернуться въ лагерь съ великой досадой. Александръ узналъ по лицу Менахема о неудачѣ миссіи послѣдняго, и когда узналъ всѣ обстоятельства дѣла, крайне ужаснулся. Затѣмъ онъ отправилъ къ евреямъ посольство изъ (М. многочисленныхъ и почитаемыхъ) сановниковъ, но евреи не захотѣли имѣть съ ними сношеній, пока они не совершатъ надъ собою обряда обрѣзанія. Когда объ этомъ донесли Александру, онъ сказалъ: «Да вѣдь я обрѣзанный!» (ср. выше § 16), и посему онъ самъ отправился къ евреямъ (въ М. это формулировано иначе: когда объ этомъ доносить Александру, онъ приказываетъ имъ исполнить требованіе евреевъ; по совершеніи же надъ ними обряда обрѣзанія, самъ отправляется къ евреямъ). Александръ засталъ этихъ евреевъ въ палаткахъ (или шатрахъ, סֹּדֵדִים), выкрашенныхъ во всевозможные цвѣта, и зайдя въ одну изъ тѣхъ палатокъ, засталъ старца съ книгой въ рукахъ. На привѣтствіе Александра

старецъ ничего не отвѣчаетъ. Тогда царь говоритъ: «Я вѣдь обрѣзанъ, какъ ты самъ, и притомъ я царь, сынъ царя!» Услышавъ это, старецъ поднялся со своего мѣста, усаживаетъ Александра и оказываетъ ему великія почести. Царь спрашиваетъ старца: отчего евреи не собираются воевать съ нимъ, и какъ это они не боятся его при видѣ многочисленнаго его войска? На вопросъ старца, сколько у Александра войскъ — послѣдній не въ состояніи отвѣтить. Старецъ же говоритъ, что евреи нисколько не боятся Александра, такъ какъ надъ ними исполнилось изреченіе св. Писанія (кн. Левитъ XXVI, 8): «И пятеро изъ васъ будутъ преслѣдовать сто (непріятелей), а сто изъ васъ будутъ преслѣдовать десять тысячъ, и враги ваши падутъ предъ вами отъ меча». Александръ спрашиваетъ старца объ ихъ способѣ пропитанія и средствахъ къ жизни, на что старецъ отвѣчаетъ, что ихъ всего десять колѣнъ, изъ коихъ пять отправляются разъ въ десять лѣтъ въ военный походъ противъ окрестныхъ племенъ, живущихъ на югѣ, и набираютъ у нихъ добычу, достаточную на прокормленіе въ теченіе десяти лѣтъ; затѣмъ остальные пять колѣнъ отправляются въ походъ противъ народовъ, обитателей сѣвера, и набираютъ добычу, достаточную для пропитанія въ продолженіе слѣдующаго десятилѣтія; то же самое повторяется въ слѣдующія два десятилѣтія съ племенами востока и запада, послѣ чего начинается новая очередь съ таковою же послѣдовательностью. На это Александръ замѣчаетъ, что такой порядокъ вещей не соответствуетъ справедливости и нравственности; но старецъ возражаетъ, что ихъ сосѣди — язычники и сами не соблюдаютъ нравственныхъ законовъ Торы. Затѣмъ Александръ спрашиваетъ старца объ ихъ обычныхъ занятіяхъ, и старецъ объясняетъ ему, что въ будни они занимаются изученіемъ Торы (Д. ошибочно: и проповѣдуютъ [или: изслѣдуютъ] о значеніи субботы, עֲשֶׂת יָמֵי לַבַּיִת רְגֹלָם; эти слова, повидимому должны быть помѣщены ниже, гдѣ рѣчь идетъ о субботнихъ занятіяхъ) денно и ночью; а по субботамъ они наслаждаются (М. всевозможными яствами до полудня, по полудни же они опять-таки занимаются изученіемъ

Торы). Затѣмъ царь попросилъ старца поговорить съ народомъ о дозволеніи ему пройти съ войскомъ черезъ ихъ страну, на что старецъ согласился и, по поданному имъ трубою сигналу, собрались жители, многочисленные, какъ песокъ на морскомъ берегу. По изложеніи старцемъ просьбы Александра, они рѣшаютъ, что нельзя позволять (Д. необрѣзаннымъ и) нечистымъ пройти по ихъ странѣ. Это обстоятельство весьма огорчаетъ Александра; пробывъ тамъ до субботы [когда окружающая 10 колѣнъ рѣка только и бываетъ спокойна], онъ переправляется со всѣмъ своимъ войскомъ черезъ воду.

Названія странъ *Абумриша* или *Абу-Мареша* (אבומרישא, только въ М.) и *Лакимъ* (לכיםъ въ обѣихъ рукоп.), очевидно, заимствованы отъ названія двухъ палестинскихъ городовъ въ удѣлѣ колѣна Іудина (Исусъ Навинъ XV, 39 и 44), но нашъ рассказчикъ заимствовалъ, повидимому, эти названія не прямо изъ Библии и не подозревалъ, что это палестинскіе города, какъ показываетъ арабская приставка *Абу* (отецъ) къ первому имени и то обстоятельство, что все описаніе обѣихъ странъ никакъ не идетъ къ Палестинѣ, а отнесено куда-то далеко, далеко, въ сосѣдство съ жилищами десяти колѣнъ, которыя по средневѣковымъ понятіямъ должны находиться внѣ предѣловъ извѣстнаго обитаемаго міра. Что касается десяти колѣнъ Израиля, то изъ еврейскихъ источниковъ извѣстенъ только Горіонидъ, который приводитъ ихъ въ связь съ Александромъ. Въ 16-ой главѣ II книги (изд. Breithaupt р. 125 — 126) онъ рассказываетъ, что, достигнувъ *горъ тамы* (הר תמ), Александръ пожелалъ проникнуть чрезъ нихъ и попасть къ потомкамъ Ионадава б. Рехавъ (сл. остроумное сближеніе А. Н. Веселовскаго Рехавитовъ и Рахманитовъ, стр. 281 и слѣд.) и къ нѣкоторымъ колѣнамъ, живущимъ за *горами тамы* (הר תמ בני יונדב בן רכב וקצת השבטים הדרים יחד אמרי הר תמ), но отъ этого намѣренія онъ принужденъ былъ отказаться. Въ нѣкоторыхъ же рукописяхъ *Historia de preliis* рассказывается,

что когда Александръ прибылъ къ Каспійской горѣ, то потомки плѣнныхъ десяти колѣнъ просили его позволенія выйдти (*Quadam vice Alexander veniens ad montem caspios uel caspios, miserunt ad eum filii captivitatis X. tribuum postulantes ab eo egrediendi licenciam etc.*, Zingerle, p. 67), но что македонскій царь не исполнилъ ихъ просьбы, а заключилъ ихъ еще крѣпче за стѣной. Не вдаваясь здѣсь въ обстоятельныя разъясненія, замѣтимъ вкратцѣ, что въ древней и средневѣковой раввинской литературѣ картинно изображалось идеально-блаженное состояніе десяти колѣнъ и потомковъ Моисеевыхъ, живущихъ въ недоступныхъ мѣстностяхъ (за *Горамы тѣмы*, за рѣкою *Самбатіонъ*), а въ противоположность имъ, нечистые народы Гогъ и Магогъ также живутъ въ недоступныхъ краяхъ, но они заключены насильственно и постоянно грозятъ прорваться чрезъ загораживающую ихъ путь стѣну, обрушиться на мирно живущіе чистые народы и разрушить «весь міръ». Эти сказанія перешли къ христіанамъ и мусульманамъ, причемъ у послѣднихъ получило преимущественное развитіе сказаніе о Гогѣ и Магогѣ (= Яджуджъ и Маджуджѣ), благодаря тому обстоятельству, что оно попало въ Алкоранъ.

Въ древней христіанской литературѣ эти сказанія гласятъ согласно съ еврейскою версіей, какъ напр. у Псевдо-Каллисеена (В. III, 29. С. III, 26), бл. Иеронима (къ Захаріи X, 11: *Narrant Hebraei captivum populum Judaeorum non solum in Medos et Persas, sed in Bosporum quoque et septentrionalem plagam ab Assyriis atque Chaldaeis esse translatum, et postea eos ex parte revocatos Dei ad se convertente clementia*), св. Меодія (*Revelationes St. Methodii*) и др. Въ средніе же вѣка эти сказанія принимаютъ въ устахъ христіанскихъ писателей христіанскую окраску: мѣсто десяти колѣнъ занимаютъ подданные Пресвитера Іоанна, хотя въ большинствѣ редакцій посланія, носящаго его имя, упомянуты также и живущіе за *рѣкою камней* 10 колѣнъ съ ихъ царемъ Данииломъ, замѣненнымъ въ другихъ версіяхъ могилой пророка Даниїла; мѣсто Гога и Магога заняли Татары (см. напр. рукопись *O. Historia de preliis* у Zingerle, стр. 67:

Quomodo Alexander inclusit XII reges tartaros in montibus; въ русскихъ источникахъ — Татаре, Половцы и Югра; см. Пыпина Очеркъ литерат. истор. стар. повѣст., стр. 45 — 6), или Турки (переходомъ служило представленіе, что Гогъ и Магогъ происходятъ изъ земли Туркъ, ср. въ древне-француз. романѣ, изд. Michelant'a, стр. 30: Gos et Margos i vienent de la tiere des Twrs), а у нѣкоторыхъ рассказчиковъ, пожелавшихъ побить евреевъ ихъ собственнымъ оружіемъ, сами евреи явились въ роли Гога и Магога, ихъ колѣна будто-бы и были заключены Александромъ!

Эльдадъ помѣщаетъ также нѣкоторые изъ десяти колѣнъ «за рѣками Куша» (שְׁבַטֵי לְנֹדָד; см. Сказанія о Хазарахъ, стр. 17, 22—24), чтò основано на словахъ пр. Софоніи (III, 10) по толкованію раввиновъ.

Беззаботность нашего рассказчика относительно логичности обнаруживается и въ томъ, что замѣчаніе на счетъ безнравственности поживы чужимъ добромъ онъ влагаетъ въ уста Александру, который въ настоящей версіи только то и дѣлаетъ, что забираетъ «много золота, серебра и драгоценныхъ камней». Изъ приписываемаго 10-и колѣнамъ отвѣта Александру опять-таки явствуетъ невѣжество рассказчика въ раввинскихъ законоположеніяхъ, такъ какъ Талмудъ (Вавилонскій Талмудъ трактатъ *Баба-Кама*, л. 113^в) безусловно запрещаетъ грабить язычниковъ и считаетъ долгомъ нравственности возвращать язычникамъ потерянные ими вещи (Иерусалимскій Талмудъ, тр. *Баба-Меѿа* II, 5; *Мидрашъ-Рабба Дебаримъ* § III).

§ 26.

Александръ съ войскомъ направляется въ землю *Цидунія* (*Оидонія*, מְדִינַת מ.; Д. *Цурунія*, מְדִינַת צ), ибо царь слышалъ, что тамъ падаетъ *манна* (מַנְהוּט מִשָּׁמַיִם). И прошли они степью 95 (или 25 Д.; М. 75) дней, затѣмъ переправились черезъ рѣку и прибыли въ землю *Цидунія* (М., Д. *Цурунія*). Тамъ они нашли крайне высокія горы, на которыхъ лежитъ нѣчто бѣлое, какъ снѣгъ. Александръ со своими героями взобрался на вершину

одной изъ этихъ горъ, гдѣ они нашли нѣчто похожее на *манну*, и царь положилъ кусокъ въ ротъ и выплюнулъ (или его вырвало, *מרי*) по причинѣ чрезвычайной приторности. Тогда къ царю явился весьма высокій (*תמך תרמך*) человекъ и указалъ, что рядомъ растетъ горькая трава, и если примѣшать ее къ *маннѣ*, то послѣдняя получаетъ очень хорошій вкусъ. Такъ какъ Александръ испыталъ на опытѣ правдивость этого совѣта, то онъ и герои набрали много *манны* и означенной травы и принесли войску, которому также очень понравилось это сладкое яство. И пробылъ царь со своимъ войскомъ въ этой землѣ (М. въ землѣ *Цидунія*; здѣсь прекращается рукопись Д., все дальнѣйшее до конца только по М.) тридцать дней, такъ какъ страна оказалась здоровой.

Трудно рѣшить, какое чтеніе слѣдуетъ предпочесть: *Цидунія* ли (*מזנת מ.*), или *Цурунія* (*מזנת ד.*). Подъ первымъ, надобно полагать, разумѣется *Сидонія*, *Сидонъ*, а подъ вторымъ, быть можетъ, *Тиръ* или *Сирія*, о которыхъ говорится у Псевдо-Каллисена I, 35 (во всѣхъ рецензіяхъ), или же *Кирена*. У Лампрехта встрѣчается названіе народа *Сенонenses* (вар. *Канонenses*, Страсб. рукоп. 1985), *Zinnonenses* (Фор. рукоп. 1452, Kinzel, p. 166—167), о которомъ издатель только замѣчаетъ (тамъ же, стр. 463), что это имя народа въ Передней Азіи. Сходство по звуку имѣетъ также названіе рѣки *Судмес*, гдѣ по Псевдо-Каллисену (I, 41. II, 8) Александръ купался и заболѣлъ. Во всякомъ случаѣ, рассказъ о *маннѣ* принадлежитъ всецѣло нашей версіи, которая вводитъ такъ много библейско-еврейскихъ элементовъ въ Александрію.

Впрочемъ, уравниженіе сладкой *манны* при помощи горькой травы имѣетъ свою аналогію въ рассказѣ древне-французскаго поэта о томъ, какъ Александръ прибылъ въ мѣстность съ горькой водой и какъ крестьянинъ указалъ ему сладкую воду (ср. Weismann, Alexander II, 356).

§ 27.

Въ эту (sic) ночь Александръ поднялъ глаза и увидѣлъ, какъ двѣ звѣзды воюють другъ съ другомъ, и одна изъ нихъ одолѣла другую и бросила ее на землю, отчего на землѣ сталъ большой шумъ (или стало великое землетрясеніе, וְהָרָעָה אֶרֶץ כְּנָעַן). Царь крайне испугался этого видѣнія, созвалъ всѣхъ своихъ мудрецовъ и планетовѣдовъ (וְלִלְכֻמֵי הַמַּלְאָכִים) и все имъ разсказалъ. Выслушавъ его, они всѣ крайне испугались, всплеснули руками, сильно встрепенулись и подняли великій плачь. На вопросъ Александра о причинѣ ихъ печали они объясняютъ, что видѣніе означаетъ близкую кончину государя, такъ какъ войну звѣздъ видятъ обыкновенно только царь предъ смертью. Тогда царь сильно заплакалъ и сказалъ: пусть Творецъ совершитъ свою волю! — Вслѣдъ затѣмъ Александръ разсердился на *Аника* (или *Африка*), своего главнаго виночерпія (עֲרֹשְׁתֵי הַיַּיִן; слѣдуетъ вѣроятно дополнить: и наказалъ его, или обругалъ его). И взялъ *Аникъ* смертоносный ядъ и положилъ въ бокалъ Александра и въ его кушанье, такъ что ядъ вошелъ во внутренность царя, серьезно заболѣвшаго и измѣнившагося лицомъ отъ сильной боли въ груди и въ животѣ. Когда же Александръ попросилъ пера для того, чтобъ всунуть его себѣ въ горло и извергнуть кушанье (לְהִטֵּל בְּרִגְלֵי), то *Аникъ* паскоро обмакнулъ перо опять-таки въ ядъ и всунулъ царю въ ротъ, отчего еще увеличилась его боль и усилилась болѣзнь. Тогда Александръ понялъ, что конецъ его близокъ, позвалъ своихъ мудрецовъ и героевъ и наказалъ имъ, чтобъ они помнили всѣ бѣдствія, перенесенныя въ походахъ, и впредь держались бы крѣпко и мужественно, такъ какъ они покорили царской власти многочисленныя народы, которые, конечно, несправедливо своихъ побѣдителей. «Я (прибавилъ Александръ) ухожу отъ васъ по пути, предначертанному всѣмъ смертнымъ, и посему прошу васъ быть справедливыми и милостивыми къ матери моей (אִמִּי עִירֵי לְבָנֵי אֶרֶץ כְּנָעַן), отнимите царскую власть у моего племянника *Тибусы* (ср. выше

§ 22) и передайи его матери вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ». Затѣмъ царь позвалъ своихъ полководцевъ, а именно: *Тиміа* (или *Темеліа*, תימליא), *Цбулз* (*Севолз*, צבול), *Пулсіимз* (*Фолесемз*, פולסיים) и *Амни* (אמני), и сказалъ имъ слѣдующее: «Вы поступали со мною справедливо и милостиво, покинувъ отца, мать и родной край [и послѣдовали за мною; въ награду за это] раздѣлите между собою государственную власть, но царство оставьте моеи матери и не прекословьте ей, такъ какъ она достойная женщина (ליל שולמ; ср. Притчи Соломона XXXI, 10). Послѣ смерти моей возьмите мои останки, перенесите ихъ въ Египеть, похороните ихъ въ царской гробницѣ и наложите 70-дневный трауръ. Всѣ мои драгоценности, золото и дорогіе камни, раздѣлите на двѣ части, изъ коихъ одну передайте вѣдолу *Ринутіа* (רינוטיא; ср. выше § 2), а другую подѣлите между собою».

Предзнаменованіе съ воюющими звѣздами соотвѣтствуетъ разсказу Псевдо-Каллисена (III, 30) о рожденіи въ Вавилоніи урода. Впрочемъ, дальше (тамъ же В. и С. II, 23) идетъ также рѣчь о звѣздѣ и орлѣ, упавшихъ съ неба въ море и затѣмъ опять поднявшихся на небо.

Разсказъ объ отравленіи Александра *Апикомз* соотвѣтствуетъ разсказу о вичочерпін Іолласѣ (Псевдо-Калл. III, 31, Іобасъ у Льва). Эпизодъ съ перомъ имѣется въ *Historia de preliis* (изд. Landgraf, p. 132—133, изд. Zingerle, p. 260, Левн стр. 51, Гастеръ, стр. 54).

Искаженныя четыре имена полководцевъ слѣдуетъ вѣроятно возстановить слѣдующимъ образомъ:

1. Вмѣсто *Тиміа* (תימליא) слѣдуетъ читать *Теміа* или *Толмеіа* (תלמיא или תלמיא) = Птолемей, имя котораго пишется обыкновенно въ еврейскихъ источникахъ תלמי (Талмай).

2. *Цбулз* или *Цволз* (צבול) искаженіе *Селевка* (צלוק или קלבק, обыкновенно пишется סליקם).

3. *Пулисимъ* или *Фолисимъ* (פליסיים) искажено изъ *Фолитиусъ* или *Филипиосъ* (פיליפיוס);

4. *Аимани* (אימני) — искаженіе *Аомани* (אומני или אומני) = *Эомениъ*, такъ какъ всѣ четверо названы у Псевдо-Каллисоева (III, 31) въ числѣ полководцевъ Александра. Горіонидъ (II, 22, p. 151) называетъ одного только *Эптолмеусъ*, сирѣчь *Талмай* (אִיפּוֹלְמוּס וְהוּא תַלְמַי); у Леви (стр. 52) послѣднее имя также гласитъ *Талмай* (תַלְמַי), имя *Филиппа* правильно (פיליפיוס), *Селевкъ* — *Шаулкисъ* (שׂאוּלְקִים), имени же *Эомени* недостаетъ, такъ какъ его нѣтъ и въ текстѣ Льва, гдѣ оно замѣнено (изд. Zingerle, стр. 262; въ Бамбергской рукоп., изд. Landgraf'омъ, совсѣмъ отсутствуетъ раздѣленіе областей между діадохами) *Симеономъ*; сл. наше замѣчаніе къ § 7 (выше стр. 79—83).

§ 28.

По окончаніи завѣщанія Александръ прибралъ свои ноги на постель (וַיִּסְמְךָ אֶת רַגְלָיו אֶל הַמַּטָּה; ср. кн. Бытія XLIX, 33) и скончался въ жестокихъ боляхъ. Войска царя оплакивали его и наложили трауръ въ продолженіе 70-ти дней. По истеченіи дней плача, они взяли тѣло Александра, сварили его (וַיִּשְׂלוּהוּ, т. е. набалзамировали) и повезли въ Египетъ. Прибывъ же въ Египетъ, они отправились въ *Мокдоніа*, [которая находится въ] землѣ египетской, къ матери царя *Глотріа* и повѣнчали ее на царство. Она царствовала послѣ сего еще пятнадцать лѣтъ, творя судъ и миръ. Государственную же власть она передала упомянутымъ 4-мъ сановникамъ, которые управляли народомъ, и построили они великій храмъ, подобно которому еще не существовало.

К О Н Е Ц Ъ .

Въ оксфордской рукописи (о которой рѣчь ниже) конецъ главы такъ:

Скончалась царица, имѣя 89 лѣтъ отъ роду, и ее похоронили въ царской гробницѣ, положивъ къ ней въ могилу и останки Александра. Царство же было тогда раздѣлено между упомянутыми 4-мя сановниками, которые управляли народомъ во всю жизнь свою, творя судъ и правду на землѣ. Всѣ великолѣпныя драгоценности, которыя царь Александръ собиралъ въ храмъ *Дигунія* (דִּיגוּנְיָה), они взяли оттуда и построили такой великій храмъ, подобно коему не было сооружено въ Египтѣ со дня его основанія (דְּבַרְךָ עִמָּנוּ; ср. Исходъ IX, 18).

Конецъ книги Александра *Мокдомъ*, который царствовалъ во время второго [іерусалимскаго] храма.

Нѣкоторыя подробности и буквальные выраженія заимствованы изъ разсказа о кончинѣ патріарха Іакова (кн. Быггія, гл. L).

Болѣе подробное заключеніе приведено мною по одной рукописи, недавно приобрѣтенной Оксфордской Бодлеевской бібліотекѣ; сообщеніемъ какъ заключенія такъ и начала разсказа, слѣдующаго далѣе въ русскомъ переводѣ, я обязанъ г. А. Нейбауеру.

Начну книгу Александра Мокдомъ.

Во дни оныя былъ въ Египтѣ царь по имени *Фолиносъ*. Царь тотъ былъ великодушень и щедръ (буквально: былъ широкосердый и широкорукій, עִמָּנוּ לֵב ורַחֵם), любилъ правду и милость, подобнаго ему никогда не было въ Египтѣ, почему весь народъ его любилъ. Имя его жены — царица *Гулмира* (גּוּלְמִירָה), такой красавицы еще не бывало. Въ той же землѣ жилъ чародѣй *Былдадъ* и т. д. Начало § 2-го въ въ Оксфордской рукоп. гла-

ситъ правильнѣе: На третій день прибыло письмо къ царю *Фолитосу* [гдѣ ему писали], что если онъ не спасетъ землю *Тогарма* (תוגרמא) отъ рукъ царя *Куса* (כוס), то потеряетъ все царство (תפסד כל המלוכה), такъ какъ царь *Куса* прибылъ съ многочисленнымъ войскомъ и т. д.

Такимъ образомъ загадочное *Asimtaḏ* (אסימטאד) въ Моденской рукописи по всей вѣроятности объясняется искаженіемъ словъ תפסד' אס (тогда онъ потеряетъ). Судя по этому примѣру, можно предполагать, что при помощи Бодлеевской рукописи удастся разяснить и другіе пункты въ нашей версіи, почему обнаруженіе первой весьма желательно.

Считаемъ не лишнимъ присоединить здѣсь нѣкоторыя замѣчанія на статью г. Гастера, которыя не нашли мѣсто выше.

Стр. 29. Вѣрнѣе сказать: Арабы, не имѣя буквы *П*, употребляютъ вмѣсто нея *Б* или *Ф*, а имя *Платона* пишутъ *افلطن*, *פלٹון*, *Ифлатунз* (а не *Iblatan*, какъ у г. Гастера). Замѣна же *Г* и *К* — чисто діалектическая, такъ какъ у арабовъ есть даже двѣ буквы *Г* (ع и غ). Арабскія слова, находящіяся въ Лондонской рукописи и отмѣченныя Гастеромъ, въ Парижской рукописи отсутствуютъ, какъ видно изъ изданія Леви; слѣдовательно они могли быть прибавлены переписчикомъ и ничего не доказываютъ на счетъ самого составителя перевода книги Александра.

Стр. 30. Неточно, что настоящая повѣсть издавна вращалась у евреевъ пока она не была выгѣснена Иосиппономъ, такъ какъ до сихъ поръ настоящихъ цитатъ, несомнѣнно взятыхъ изъ Лондонской (и Парижской) версіи, не найдено. *Мизраим*, на котораго ссылается Гастеръ, упоминаетъ только названіе книги *Александра*, но ничего не сообщаетъ объ ея

качествахъ и содержаніи. Хотя мы нынѣ знаемъ двухъ еврейскихъ авторовъ XIII. столѣтія, цитующихъ означенную книгу: *Шемъ-Това Палмверу* (см. выше, стр. 62) и *Моисея де-Леона* (см. Hebräische Bibliographie IV, 1861, стр. 75 прим.), но изъ цитаты у перваго изъ нихъ, приведенной выше (стр. 126), легко усмотрѣть, что *книга Александра XIII* вѣка не имѣла ничего общаго ни съ Лондонской рукописью, ни съ Юсипиономъ. Про рукопись De-Rossi нельзя сказать, что она совершенно сходна съ Лондонской, такъ какъ, по свидѣтельству Штейншнейдера (Hebr. Bibliographie IX, 1869, p. 45—46) въ ней не замѣтно арабскаго вліянія.

Стр. 33, прим. 3. Библейскій *Артахшаста* (אַרְחַשְׁטָא) и греческій *Артаксерксесъ* — транскрипція древне-эрапскаго *Артакшатра*.

Стр. 35, прим. 1. Настоящее чтеніе у Горіоніада *Нбиадм* (נְבִיאִדְמ); встрѣчающаяся же въ нѣкоторыхъ изданіяхъ форма *Нбиарм* (נְבִיאִרְמ) — просто опечатка или описка, вслѣдствіе сходства еврейскихъ буквъ ך и ך, о чемъ Леви (Sammelband, стр. 54) не считаетъ даже нужнымъ упомянуть.

Стр. 36. «Области Алатанія и Провансъ возстаютъ противъ Филиппа»; въ оригиналѣ рукописи אַרְמֵנְיָא וּפְרוֹבֵנְסְיָא, у Горіоніада въ первомъ изданіи אַרְמֵנְיָא וּפְרוֹבֵנְסְיָא, а въ др. изданіяхъ вмѣсто втораго имени значится אַרְמֵנְיָא. Все это произошло, какъ справедливо замѣтилъ Леви (стр. 56), изъ ошибочнаго пониманія словъ Архипресвитера Льва: quod elevasset arma contra eum (Philippum) *Armenia provincia*, причемъ послѣднее слово было также понято какъ собственное имя страны.

Стр. 40. *Arkiim* (אַרְקִיִּים) вмѣсто *Arbiim* (אַרְבִּיִּים), такъ какъ выше въ этой же рукописи идетъ рѣчь о *Теманѣ* (תְּמַנַּן), еврейскомъ названіи южной Аравіи или Йемена; въ Парижск. рукоп. *Аль-Теманъ* (אַלְתְּמַנַּן) въ арабской формѣ; см. Леви, стр. 14, 58.

Стр. 41. Философъ *Aschklon*; по свидѣтельству Леви (стр. 59) въ Лондонской рукоп. написано *Aschklis* (אֲשַׁכְּלִיס) — довольно близкая транскрипція имени *Aeschylus* (Эсхила). — Тамъ же *Aeschmansch* (אֲשַׁמְנַשׁ) есть транскрипція имени *Anaximenes*. Относительно имени Платона по арабски см. наше замѣчаніе выше къ стр. 29; Парижск. рукоп. у Леви (стр. 17) представляетъ правильную арабскую форму *Ифлатунъ* (إِفْلَاتُون). Лондонская форма имени *Аблмъ* (אֲבִלְמַ) напоминаетъ имя халдейскаго астролога, друга раввина Самуила Ярхинан, о которомъ нѣсколько разъ говорится въ Талмудѣ (Вавилон. тр. *Sabbat* л. 156^б; Иерусал. Талм. тр. *Sabbat* III, § 3). — Тамъ же: «Далѣе въ *Bantia* (Pontus), нынѣ *Kostandina*». Изъ чтенія Парижск. рукоп. (Леви стр. 18) и по смыслу явствуетъ, что слѣдуетъ читать не *Bantia*, а *Byzantia* (Византія), какъ и въ *Hist. de preliis: Bizancium ubi nunc Constantinopolis dicitur*. Изъ того обстоятельства, что Леви не приводитъ варианта изъ Лондонской рукоп., видно, что онъ читаетъ въ означенной рукоп. правильно (בִּזְיַנְיָא, Византія), гдѣ Гастеръ читалъ בִּזְיַנְיָא (Бантія). — Тамъ же: «Въ *Iosria* и *Piat*, провинціи *Intonia* въ Халдеѣ, пока не дошелъ до рѣки *Bschanis* (*Aschanis* = *Euxinus*)» — это мѣсто слѣдуетъ восстановить, какъ замѣтилъ Леви (стр. 60), при помощи соответствующаго ему въ *Hist. de preliis: Et inde transiens Bihostia venit in Olinthio (Olinchio) et deinde Caldeapolis... et venit ad fluvium qui dicitur Xenis*. Только напрасно г. Леви предлагаетъ исправить *Bschanis* (בִּשְׁחַנִּיס) въ *Kschanis* (כִּשְׁחַנִּיס), принимая начальную букву *כ* (ch), которая составляетъ здѣсь предлогъ (евр. 'כּ אֲחֵרֶיךָ) соответствуетъ арабскому *ب* (المعروف) за составную часть имени. Буква же *خ* произносилась въ то время въ Испаніи какъ *sch* (sch), откуда, между прочимъ, происходитъ употребленіе буквы *خ* въ математикѣ для обозначенія неизвѣстнаго числа, а именно, какъ сокращеніе арабскаго слова *шаъ* (شيء, нѣчто); см. Lagarde, Mittheilungen I, 134.

Стр. 42. «До главнаго города Siplos (Persepolis?)». Такъ какъ городъ Персеполь не упоминается на этомъ мѣстѣ въ другихъ древнѣйшихъ Александрияхъ, то весьма невѣроятно, чтобъ онъ попалъ въ эту позднюю версію. Къ тому-же ниже Персеполь передается иначе и болѣе правильно. Скорѣе здѣсь кроется ошибочное пониманіе греческаго *πόλη, πόλαι* (εις τὰς πόλεις), какъ было замѣчено выше (стр. 89, прим. 2) относительно *Фила=Кила*. Соответствующее мѣсто въ Hist. de preliis (Zingerle, p. 185, § 61 въ началѣ; Landgraf, p. 88) гласитъ: Cum autem venisset Alexander *ad portam* civitatis, или же: Abiitque *ad portam* Persidae civitatis. Парижск. рукоп. у Леви (стр. 20) имѣетъ *Splus* (ספלוס) и издатель ничего не замѣчаетъ по этому поводу.

Стр. 43. «Anchialos (даже Anchalos)». Леви (стр. 63) приводитъ чтеніе Лондонской рукоп. *Anbialis* и *Anablus* (אנבליס и אנבליס), что болѣе соответствуетъ имени *Anepolis* въ Hist. de preliis; ср. прим. А. Н. Веселовскаго къ Гастеру.

Стр. 44. «Нина Schirbah»; въ Парижск. рукоп. второе слово правильнѣе: *царь Сиріи* (מלך שיריה, Леви, стр. 24, 64).— Тамъ же. «*Artania*»; въ Парижск. рукоп. (у Леви, стр. 26, 66) лучше *ארקניה* (*Urcania* = Нугсания). Ниже и въ Лондон. рукоп. написано: *אורכניים-אורכניים* (Urcani = Нугсани).— Тамъ же: *Bartia*; араб. произношеніе названія Парѣи. Въ нѣкоторыхъ рукоп. Hist. de preliis (ср. Zingerle, p. 199, въ прим. къ § 77) сказано здѣсь: Deinde cum Parthis bellum commisit.

Стр. 45. «Даже въ *Bania*»; въ Париж. рукоп. *Albania* (Леви, стр. 27, 66: *אלבניה* = *אלבניה*), сокращеніе въ Лонд. рукоп. произошло оттого, что начальнѣй слогъ Al, какъ въ имени Александра, былъ принятъ за арабскій указательный членъ.— Тамъ же: «Идетъ даже къ *Prgtan*, къ границамъ Индіи»; въ Париж. рукоп. къ *Prgasn* или *Frgasn* (Леви, стр. 28, 66: *פרגאס*) = *Празиака* или *Фразиака* Псевдо-Каллисоена; въ Hist. de preliis: in Indiam *Phasiacen*.— Тамъ же: «къ острову *Mdonia*»;

въ Париж. рукоп. (Левн, стр. 29, 67) *Mronia* (מרוןיא), а дагѣ *Mrzonja* (מרוןיא), наковыя чтенія вмѣсто *Amazonia* легко объясняются въ арабскихъ письменахъ.

Стр. 47. «Къ мѣсту *Kurids*»; въ Париж. рукоп. *Huridas* (Левн, стр. 32, 69: שחידה), обѣ формы соотвѣтствуютъ названію *Chokpides* въ *Hist. de preliis*. — Тамъ же: «Дагѣ къ *Braknas*'амъ»; въ Париж. рукоп. *Draknas* (Левн, стр. 33, 69: דראכנס), тутъ кроется одно изъ названій въ *Hist. de preliis*: *venit ad Rasnas et Enegetas, Pariniasque*, вѣроятно первое, причемъ прибавленіе буквы *B* въ началѣ (въ Лондонской рукоп.) произошло, быть можетъ, отъ ошибочнаго включенія предлога въ собственное имя, какъ то мы объяснили выше при имени *Bschanis* = *Xenis*. — Тамъ же: *Asbitmos*; въ Париж. рукоп. *Ankitmus* (Левн, стр. 33, 69: אנכיתמוס), оба искажены изъ אִסְפוֹרוֹתַמוֹס *Iporotamos* (*Hippopotamos*). — Тамъ же: «По-сирійски *aschuriz*»; последнее слово употребляется здѣсь не въ смыслѣ *sirijskaja* или *accsirijskaja*, а въ значеніи еврейскаго, такъ какъ еврейскія письмена всегда называются *aschuriz* (כתב אשורית) и оба слова, которыми тутъ переводятся названія животнаго: *dischon* (דישון) и *reem* (רעם), еврейско-библейскія (первое Второзак. XIV, 5; второе Числа XXIII, 22). — Тамъ же: «Зубы какъ у *mgdah* (неизвѣстное значеніе)»; г. Гастеръ ошибочно читаетъ מנדה вмѣсто מנדה *mgrah* (пила, ср. II Самуила XII, 31); въ Париж. рукоп. מנירה (Левн, стр. 33) и Левн не отмѣчаетъ варианта изъ Лондонской рукоп., слѣдовательно онъ и тамъ читаетъ מנדה. — Тамъ же: «Къ мѣсту *Vomimsr*»; Левн читаетъ это же слово въ Лондонской рукоп. בודימסר = *Vuhimsr* (стр. 69), причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что писецъ означенной рукоп. часто смѣшиваетъ буквы מ и ס, посему בודימסר произошло отъ בודימאר = *Vuhetar* въ *Hist. de prel.*, какъ названіе рѣки.

Стр. 48. «Съ письмомъ, въ которомъ называетъ себя ученикомъ Аристотеля»; въ Париж. рукоп. не упоминается объ Аристо-

тегѣ, это прибавка переводчика, неимѣющаяся въ Hist. de prel. (Левн, стр. 71).

Стр. 49. «Они идутъ далѣе въ *Abtaia*»; ошибочное чтеніе Гастера אמלמא вмѣсто אמלמא (= *Actea* Hist. de prel.), какъ въ Париж. рук.; Левн (стр. 42 и 76) не отмѣчаетъ варианта въ Лондонской. — Тамъ же. «Людымъ, называемымъ *Pitiki*»; текстъ о *Pitiko* (פיתיקו = πίθηκος) изъ Лондонской рукописи сообщаетъ Левн (стр. 76), въ Париж. рукоп. его нѣтъ, и посему вѣроятно, что переписчикъ прибавилъ его изъ Горіониды (р. 122, въ началѣ 16-ой главы): $\text{פיתיקו בלשון יון הוה ננוסי}$ [*Pithekos* по гречески, т. е. малорослые, пигмеи], или же изъ пространнаго разсказа о борьбѣ пигмеевъ съ журавлями, заимствованнаго также караимскимъ писателемъ *Ieyudoi Gadasi* (גאדאסי הכהן л. 29—30; Гадаси писалъ въ 1148 по Р. Х.) изъ невѣстной въ настоящее время версін путешествія Эльдада Данитскаго (а, можетъ быть, у какого-нибудь константинопольскаго путешественника). Гадаси говоритъ тамъ: $\text{פיתיקו בני אדם שני פיתיקו מין}$ [Родъ *Pithikon*, ростомъ двухъ локтей съ пядью]; ср. «Люди... колько локоть велици... *нитими* же нарицаху се» въ сербской Александриѣ у Веселовскаго, стр. 225. Новѣйшій издатель Эльдада, г. А. Эпштейнъ, полагаетъ, что еврейскіе писатели смѣшивали *Pithiki* съ пигмеями (Epstein, *Eldad ha-Dani*, Pressburg 1891, р. 65); но это смѣшеніе произошло не со словомъ πυγμαῖος , а съ гораздо болѣе близкими по произношенію словомъ πίθαμος или πίθημος , которымъ въ поздне-греческомъ обозначались пигмеи, какъ замѣчаетъ уже Брейтгауптъ къ Горіониду (въ указ. мѣстѣ прим. 2: « πίθημος Graecis, qua voce pumiliones et nani appelluntur, nam Suidas $\text{βραχίτες ἀνθρωπίσκους}$ vocat πίθημας ». — Тамъ же: «Къ горѣ *Armbtin*»; ошибка чтенія у г. Гастера, такъ какъ въ Лонд. рукописи читается *Aramntin* אראמנתינ , что легко могло произойти отъ אדאμανתינ = *Adamantin*, какъ и въ Париж. рукописи, согласно съ *montem Adamantinum* у пресвитера Льва (см. Левн, стр. 42 и 76).

Стр. 50. «Название его въ переводѣ: *Коровій камень*»; еврейскія слова קרובל קמח слѣдуетъ перевести не *Коровій камень*, но, какъ предполагаетъ Леви (стр. 76), *Камень пра*, чтд, вѣроятно, произошло отъ ошибочнаго чтенія въ Hist. de preliis *Prasaca* вмѣсто *Prasiaca*.— Тамъ же: «Шкуры рыбъ, называемыхъ *Tslabch* (арабское слово?)», Лонд. рукоп. у Леви (стр. 77) читаетъ קמח ללז *slabh*, а Париж. (тамъ же, стр. 43)—קמח ללז *slakh*, причѣмъ тамъ прямо сказано, что это арабское слово (קמח ללז קמח ללז), а шкуры эти названы отдѣльно отъ рыбьихъ шкуръ. Не знаю, на какомъ основаніи Леви говоритъ, что *slabh* есть искаженіе отъ *slakh*, такъ какъ онъ не представляетъ никакого объясненія загадочнаго слова. Не имѣется ли тутъ въ виду арабское слово سلفة *sulfah*, подошвенная кожа (отъ سلف *salif*, шкура, кожа)?

Стр. 51. «Затѣмъ *Orikel*, т. е. Сераписъ»; причина такого прозванія Сераписа, по правдоподобной догадкѣ Леви (стр. 78), ошибочное пониманіе слова *origo* въ Hist. de prel. («Ego sum origo omnium deorum»), какъ собственнаго имени. Впрочемъ, какъ въ Лондон., такъ и въ Париж. рукописи читается קריתק *Orikol*, гдѣ конечное *l* явилось у арабскаго переводчика, по всей вѣроятности, подъ влияніемъ слова *oraculum*, *oracle*.— Тамъ же: «Морской старецъ или Морская борода»; послѣднія слова слѣдуетъ вычеркнуть, ибо слово קריתк навѣрное означаетъ здѣсь *старецъ*, а не *борода*, см. выше въ примѣчаніи къ § 20-му (стр. 142).

Стр. 52. «Онъ поймалъ нѣсколькихъ *орловъ*»; въ Париж. рукописи сказано (Леви, стр. 48): קרית *prz*, и Леви не отмѣчаетъ разночтенія Лондонск. рукоп. Слово это или искаженная транскрипція *grifex* Архипресвитера Льва (какъ повидимому полагаетъ Леви, стр. 79), или же это еврейскій переводъ (птица *peres*, Левитъ XI, 13. Второзак. XIV, 12).— Тамъ же: «Въ *двухъ* дняхъ пути отъ лагера»; вѣроятно, г. Гастеръ ошибочно прочелъ 'д

(два) вмѣсто ' (десять), такъ какъ въ Париж. рукописи стоить послѣдняя цифра (согласная съ *dierum decem* въ Hist. de prel.) и Леви (стр. 49) не отмѣчаетъ варианта изъ Лондонской рукописи.

Стр. 53. «Звѣри, называемые *Ktoplos*»; въ Лондон. рукописи (у Леви, стр. 79) קטופלוס описка или слитіе двухъ буквъ (довольно частое въ рукописяхъ) вмѣсто קטופלוס *Knokplos* = Купокерхали въ Hist. de preliis.—Тамъ же: «Названную арабами *Al-Ma-val-Sams* (вода и солнце)»; по сличеніи Париж. и Лондон. рукописей Леви (стр. 50 и 79) возстановляетъ чтеніе סמש למ מים (солнечная вода или рѣка), согласно тому, какъ сказано у Архипресвитера Льва: *ad fluvium qui dicitur sol.*—Тамъ же: «Цари... *Sfrdr* (Испаніи?)»; безъ сомнѣнія слѣдуетъ читать ספרד *Sefarad* (кн. пр. Авдія, ст. 20), такъ какъ евреи уже въ древности отождествляли это географическое названіе съ Испаніей (см. наше соч. *Altjüdische Denkmäler aus der Krim*, p. 30), а въ Hist. de prel. § 123 рядомъ съ Африкой названа *Uzramie*.

Стр. 54. «Въ *Sinear* и *Sesach*»; и излишне, такъ какъ оба названія обозначаютъ въ св. Писаніи Вавилонію.—Тамъ же: «*Iobas* въ качествѣ главнаго кравчаго, *Alias* въ званіи главнаго пекаря»; точно также и въ Париж. рукописи (Леви, стр. 51). Слѣдуетъ замѣтить, что раздѣленіе одного лица изъ Hist. de prel. (гдѣ читается *Yolus qui dicibatur Iobas*) на два и обличеніе ихъ двумя различными придворными званіями—сдѣлано еврейскимъ переводчикомъ въ подражаніе разсказу кн. Бытія (гл. XL) о главномъ кравчемъ и главномъ пекарѣ Фараона.

Стр. 55. «Антигонъ—Великій Провансъ(?)»; въ Париж. рукоп. לילנדל מוצרד Великая Фризія (Леви, стр. 52), что составляетъ неудачную транскрипцію (или описку) *Frigie majoris* въ Hist. de prel. Слово מוצרד въ Лондон. рукописи есть или дальнѣйшее искаженіе, или же транскрипція слова *provincia* (см. выше, стр. 92).

Отнѣчу также нѣкоторыя поправки и дополненія къ вернымъ листамъ настоящей статьи, напечатаннымъ слишкомъ четыре года тому назадъ.

Стр. 68. Растеніе *sergofolium* (кервель) упоминается у еврейскихъ писателей XI—XIII вѣковъ, какъ употребляемое при обрядахъ пасхальной вечери, см. *Pardes* Исааки (издан. Констант. 1802) р. 14^а (צרפולייא); *Machsor Vitry* ed. Hurwitz (Berlin 1890) р. 284—294 (צרפולייא); *Schibbole ha-Leket*, ed. Buber (Вильна 1886) р. 184 (צורפוליייה); *Tania Rubbati*, ed. Hurwitz (Варшава 1879) р. 95 а (צירפוליייו). Іегуда Леонъ де Модена (или же Іегуда Мессеръ Леонъ?) рассказываетъ, что онъ слышалъ о томъ, какъ въ Ломбардіи и Умбрин собираютъ траву подъ названіемъ *сурфиммо* (סורפיל) и взвѣкаютъ изъ нея червячковъ для приготовленія краски подъ названіемъ *манн* (נמאן); см. *Revue des études juives* XXII, р. 86. Всѣ эти писатели принадлежатъ Франціи и Италіи.

Стр. 70. Вмѣсто *Asinadz* אסינאדз слѣдуетъ читать אסינא (тогда онъ уничтожитъ, разрушитъ, опустошитъ), какъ явствуется изъ Оксфордской рукописи (см. выше, стр. 156).

Стр. 83. Разказъ о горѣ скорѣе слѣдуетъ приурочить къ горѣ Адамантѣ въ *Hist. de prel.* § 106 (Zingerle, р. 238—9; Landgraf, р. 112, сокращенно Гастеръ, стр. 49, Леви, стр. 42).

Стр. 95—96. Относительно страны קיניא *Kinia* отъ меня ускользнули замѣчанія А. Н. Веселовскаго (стр. 287—291), гдѣ между прочимъ цитруется толкованіе Леви (изъ *Revue des études juives*, 1883, р. 86), что подъ этимъ названіемъ разумѣется *Каснія*. Впрочемъ это толкованіе представляется мнѣ совсѣмъ невѣроятнымъ.

Стр. 116. Поводъ къ имени *Матманз* ממתנз могло подать имя ממתנא *Амманз*, которое есть *Amonta* *Hist. de prel.* (ср. Леви, стр. 14 и 58).

Стр. 117. Прибавимъ, что по замѣчанію А. Н. Пыпина (Очеркъ

литер. исторіи старин. повѣстей, стр. 47 — 8) Александръ получаетъ въ русскихъ Александріяхъ характеръ протестующаго противъ язычества, причемъ г. Пыпинъ полагаетъ, что авторы имѣли предъ собою византійскія версіи, отличныя отъ изданныхъ Мюллеромъ.

Наконецъ, я долженъ замѣтить, что сказанное мною (стр. 57) относительно независимости настоящей версіи отъ первоначальныхъ источниковъ романа объ Александрѣ приходится, послѣ подробнаго разбора, видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, что значительная доля данныхъ этой версіи, проходя чрезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ искаженій, прибавленій, сокращеній и передѣлокъ, утратила свою первоначальную фizioномію.

Въ вышеозначенный промежутокъ времени появились въ печати нѣкоторыя сочиненія по нашему предмету, гдѣ трактуется также о разныхъ пунктахъ, затронутыхъ мною выше, изъ коихъ сочиненій важнѣйшія: E. Wallis Budge, *The history of Alex. the great, being the syriac version of Pseudo-Callisth.*, Cambridge 1889; Th. Nöldeke, *Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans*, Wien 1890. Но ближайшаго разсмотрѣнія вновь означенныхъ пунктовъ нельзя здѣсь сдѣлать мимоходомъ.

ЕВРЕЙСКИЙ (АРАМЕЙСКИЙ И АРАВСКИЙ) УКАЗАТЕЛЬ.

(Цифры безъ «стр.» обозначаютъ параграфы. Имена, находящаяся только въ одной Моденской рукописи, обозначены буквой (М), въ Дамаской рукописи буквой (Д), а въ Оксфордской буквой (О).

(М.) — 25. אבר מרישה	(М.) — 15. בן ספל (= קיספל)
(М.) — 27. אנמני	נולפירא — 1 (О.)
(М.) — (см. стр. 156) אציפפד	(М.) — 1. 2. 28. נלופמריאה
7. — אלמינוס, אלמינות	נליל — 14.
אלכבייה — стр. 31.	נן עזן — 15. 16.
15. — אלכסндр	נעתן — 11.
אלכסндрום — passim.	דינוניא = רינוניא (Д. О.) — 2. 6. 27.
אלנינוס — стр. 84.	הגר — 12.
19. — אלפריק	הרי חשך — 10.
8. — אלצил, אלצילה	איקי = עריק — (Д.) 15.
8. — אנמוכיא (анמיפיа)	חילה — 20.
11. — анмפил, анмисл	מיכוסа = מיכוסа (М.) — 22. 27.
11. — אנשיק	מיכוסа (Д.) — 23. 27.
(М.) — 1. אסון	מימליа (М.) — 27.
(М.) — 21. אסילייה	מדפלא — стр. 92.
27 — אסיק	ינולי (М.) — 20.
11. — אפריк	יהודים — 18. 18. 25.
15. 19. — אפריקא	ים הגדול — 16.
15. — אצилין	ים המלח — 19.
(Д.) — 9. ארנוניа = ארמיניа	ירושלים — 13. 18.
(М.) — 15. ארדום	יריחו — 7.
(М.) — 9. ארמיניа	ישמעאלים — 2. 3.
25. — אшוד	כוס — 1 (О.)
1. 2. 3. — בלד	כוש — 25.
7. — בלסמן, שמן	כלבינא — 19.

стр. 84. — (למינוס, לומיינוס)	(M.) — 24. פליפלי (= פלפלי)
25. — לכיש	(D.) — 24. פלפלי (= פליפלי)
24. 28. — מוקדון, מוקדניא	Стр. 92, 164. — (provincia =) פרובינציא
4. — מכשף	(M.) — 27. צבול
26. — מן	(D.) — 26. צודניא (= צידוניא)
7. 16. 18. 25. — מנחם הסופר	(M.) — 26. צידניא (= צודניא)
(M.) — 1. מצרים	(M.) — 1. 2. צרפיליא
15. — מתן	(D.) — (ספל) = בן ספל
стр. 156. — سلف, سلفة	стр. 89. — (قبلا = قبلا)
25. — מנהריב	(M.) — 14. קודניה
14. — ספר רפואות	(D.) — 24. קלילא (= קלילין)
(M.) — 9. עופלה (= ערפלא)	(M.) — 24. קלילין = קלילא
16. — עופרת	стр. 95—6. (קציא)
(D.) — 24. עיתוך (= ערימה)	8. קתאניא, קרמוניא
13. — ענני	(M.) — 15. קרשינא
(M.) — 24. ערימה (= עיתוך)	стр. 88. — (קרתא — ניני)
(M.) — 15. עריק (= זריקי)	(M.) — 2. 6. 27. רינוניא (= דינוניא)
(D.) — 9. ערפלה (= ערפלה)	стр. 83. — (שמעון הסופר)
25. — עשרת השבמים	20. — תונירא, תונידה
(M.) — 27. פוליסים	(M.) — 2. תורתמה
1. 2. 3. 5. — פוליסוס	

А. А. ПОТЕБНЯ

1835 10 сентября
† 29 ноября **1891.**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ БІОГРАФІИ

АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА ПОТЕБНИ

СЪБРАЛЪ

Э. А. ВОЛЬТЕРЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1892.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1892 г.**

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе. 1—2.

Біографическія и бібліографическія замѣтки о членѣ-корреспондентѣ
Императорской Академіи Наукъ проф. А. А. Потебниѣ. 3.

Списокъ отзывовъ и некрологовъ. 4—8.

Списокъ трудовъ и статей Александра Ае. Потебни. 8.

Труды, оставшіеся въ рукописяхъ. 8, 1; 29—32.

Указател. 33.

Предлагаемый «Списокъ трудовъ и статей покойнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, Александра Аванасьевича Потемни» составленъ мною по выпискамъ, сдѣланнымъ Владимиромъ Ивановичемъ Штейномъ изъ списокъ И. И. Срезневскаго и Владим. Ив. Ламанскаго ¹⁾).

Этотъ списокъ былъ мною провѣренъ по самымъ книгамъ и статьямъ и, наконецъ, дополненъ какъ по наличнымъ сочиненіямъ, имѣющимся въ Академической Библіотекѣ, такъ и по личнымъ мнѣмъ воспоминаніямъ 1880—81 г. При повѣркѣ оказалось, что нѣкоторые труды покойнаго Ал. Ав. Потемни требуютъ подробнаго библиографическаго описанія, какъ напр. его статьи, озаглавленныя: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», или подробнаго указанія ихъ содержанія, какъ напр. сочиненіе: «Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ». Но такъ какъ покойный далеко не все то издалъ, что у него имѣлось въ запасѣ, и въ особенности печатно не успѣлъ изложить свои оригинальные взгляды на теорію русской словесности, то необходимо было также прибавить и списокъ оставшихся послѣ его смерти рукописей и указывать на статьи и воспоминанія, характеризующія А. Ав. Потемню, не только какъ лингвиста-этнолога, но такъ же, какъ оригинальнаго мыслителя.

Библиографическія замѣтки о Потемнѣ состоятъ 1) изъ обзора статей, посвященныхъ разбору и оцѣнкѣ его научной дѣятельности; 2) изъ списка печатныхъ его трудовъ, и еще не напечатанныхъ его работъ съ указаніемъ рецензій и статей,

---

¹⁾ Приводимыя внизу въ выносахъ къ тексту библиографическія указанія и поправки доставлены прив.-доц. Имп. Харьковскаго унив. Б. М. Ляпуновымъ.

появившихся по поводу его сочиненій и характеризующихъ отношенія ученой и педагогической среды къ его дѣятельности. Подробные разборы Ламанскаго, Ляпунова и Сумцова, упомянутые въ 1-мъ списокѣ при каждомъ сочиненіи отдѣльно не указываются. Курсивомъ печатаны во 2-мъ списокѣ заглавія, вновь пробѣренные по книгамъ.

Заслуги покойнаго для исторіи русскаго языка характеризовалъ еще недавно (въ 1889 г.) акад. Ягичъ слѣдующими словами: «Чего не доставало Даю, по его собственному признанію, (не сумѣвшему подвести примѣты русскихъ говоровъ подъ общія грамматическія правила), тѣмъ въ высокой степени владѣлъ глубокомысленный изслѣдователь русскаго языка и выдающійся діалектологъ, профессоръ А. А. Потебня. Его статьи: «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка» (1866) и «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчій» (1871) представляютъ собою поворотъ къ чисто научному направленію въ изслѣдованіяхъ діалектологическихъ».

Подробный списокъ изслѣдованій и статей Потебни вмѣстѣ съ указаніемъ ихъ содержанія надѣемся будетъ полезенъ для всѣхъ тѣхъ, которые пожелаютъ справиться о его трудахъ и значеніи ихъ для исторіи русской филологіи въ послѣдніе 30 лѣтъ. Сочиненія покойнаго, оставшіяся въ рукописи, ниже исчислены и вкратцѣ описаны по отчету г. Харціева, занимающагося вмѣстѣ съ другими бывшими слушателями и почитателями Потебни разборкою посмертныхъ его трудовъ. Въ концѣ библиографическаго указателя къ трудамъ Потебни приведены слова Харціева о малоизвѣстныхъ до сихъ поръ трудахъ Потебни въ области русской литературы. Не ручаясь за полноту собранныхъ нами библиографическихъ свѣдѣній желаемъ, чтобы полный указатель къ трудамъ Потебни вышелъ впоследствии вмѣстѣ съ новымъ изданіемъ его трудовъ и съ полнымъ собраніемъ его сочиненій.

Э. Вольтеръ.

Биографическія и библиографическія замѣтки о членѣ-корреспондентѣ Императорской Академіи Наукъ проф. А. А. Потѣбнѣ.

Александръ Аванасъевичъ Потѣбнѣ, изъ дворянъ Полтавской губерніи Роменскаго уѣзда, родился 10 сент. 1835 года; по окончаніи въ 1856 г. курса наукъ кандидатомъ въ Харьковскомъ университетѣ ¹⁾ былъ командированъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученыхъ занятій за границу и съ 1863 г. состоялъ сначала доцентомъ, а затѣмъ ²⁾ экстраординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковского университета ³⁾.

Умеръ 29 ноября 1891 года, въ возрастѣ 56 лѣтъ.

Постояннымъ предметомъ свыше 34-лѣтнихъ ученыхъ изслѣдованій пр. Потѣбни былъ русскій языкъ, въ связи и сравненіи съ родственными языками преимущественно славянскими и литовско-латышскими; многочисленныя и обширныя сочиненія пр. Потѣбни съ 1860 г. почти ежегодно по самую его смерть появлялись частью отдѣльно, частью въ специальныхъ журналахъ и посвящены историко-сравнительному изученію русскаго языка въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ и словарномъ, а равно и сравнительному изученію народной поэзіи, со стороны ея формы и содержанія, и возстановленію, приѣмами историко-сравнительнаго метода, религіозно-поэтическаго міросозерцанія древнихъ славянъ и сродныхъ имъ наро-

---

¹⁾ Въ 1860 г. былъ утвержденъ въ степени магистра славянской словесности и назначенъ адъюнктомъ Харьковскаго университета по историко-филологическому факультету въ 1862 г.

²⁾ По утвержденіи въ степени доктора славянской словесности въ 1874 г.

³⁾ Съ 1875 г.

довъ по остаткамъ обрядовъ, повѣрій, преданій и по народнымъ пѣснямъ.

Въ 1876 г., вслѣдствіе обширнаго отзыва академика И. И. Срезневскаго объ ученой дѣятельности пр. Потебни, этому послѣднему отъ Императорской Академіи Наукъ была присуждена полная ломоносовская премія; въ 1877 г. А. А. Потебня былъ избранъ предсѣдателемъ состоящаго при Харьковскомъ университетѣ Историко-Филологическаго Общества, въ 1878 г. — членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, а въ 1889 г. членомъ Чешскаго Королевскаго Общества Наукъ. Въ 1890 г. профессору Потебнѣ «за многолѣтніе труды и крупныя заслуги наукъ этого глубоко свѣдущаго и высоко даровитаго вслѣдователя, одного изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества» отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества присуждена высшая его награда, золотая константиновская медаль.

1. «Александръ Потебня». Краткая замѣтка въ книгѣ: «Необходимое дополнительное приложеніе къ «Настольному словарю» Ф. Толля, подъ его же редакцію, составленное». Спб. 1866. Стр. 403 (1219).
2. И. И. Срезневскій. Отчетъ о присужденіи ломоносовской преміи, читанный въ торж. засѣданіи Импер. Акад. Наукъ 29 дек. 1875 г.
3. Его же. *Записка о трудахъ профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ.* (Записки Императорской Академіи Наукъ. Т. 27 кн. I, 1876 г. стр. 93—121; Сборникъ Отд. рус. яз. и сл. И. Акад. Н. Т. XVIII, стр. LXXIV—CXVII; отд. отт. Спб. 1878. 44 стр. in 8. (См. еще Журн. Мин. Нар. Пр. 1876 г. ч. CLXXXIV, отд. Современ. Лѣтопись, стран. 1—13).
4. *Древняя русская письменность. Опытъ бібліологическаго изложенія исторіи ея изученія Проф. А. Котляревскаго.* Воронежъ. 1881. § 65, стр. 168—170: «Изслѣдованія по исторіи русскаго языка А. А. Потебни».

5. *Итоги Славянской и Русской Филологіи...* А. А. Кочубинскаго. Одесса. 1882. Стр. 22—24, 174 и т. д.
«Самъ литовскій языкъ — эта сокровищница для русскаго языкознанія — для филологической русской науки, до послѣднихъ трудовъ г. Потебни, почти невѣдомая страна».
6. Н. С (умцовъ). *По поводу тридцатилѣтія служебной дѣятельности проф. А. А. Потебни* («Кіевская Старина». Т. 18, за іюнь и іюль 1887 г., стр. 567—572).
7. В. И. Ламанскій. Отзывъ объ этнографическихъ и лингвистическихъ трудахъ проф. А. А. Потебни (Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1890 г. Спб. 1891, стр. 19—27).
8. В. Д. Спасовичъ и А. Н. Пыпинъ. «Исторія славянскихъ литературъ», т. I—II, (изд. 2-е, 1879—81), разсѣи: см. стр. 20, 308, 311, 351 и 390-ю I-го т.; стр. 993-ю II-го т.
9. А. Н. Пыпинъ. «Исторія Русской Этнографіи», т. I и II (стр. 147—152) и разсѣи; т. III: Этнографія малорусская. 1891. (Автобиографическая замѣтка пр. Потебни). Стр. 420 — 424.
10. Акад. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1891 г., стр. 129—134.
11. В. И. Ламанскій. *Некрологъ А. А. Потебни*. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1892 г. № 1, стр. 55—72.) (перепечатано въ «Живой Старинѣ» 1892 г., вып. 1, стр. 126—136).
12. А. Горнфельдъ. *Лекціи А. А. Потебни — изъ воспоминаній бывшаго слушателя*. (Газ. «Харьковскія вѣдомости» № 335, отъ 29 декабря 1891 г.).
13. Борисъ М. Ляпуновъ. Воспоминанія о А. А. Потебнѣ: «Памяти А. А. Потебни». Журналъ «Живая старина». I вып. за 1892 г., стр. 136—149.

14. Пр. Н. О. Сумцовъ.
15. Доц. М. Е. Халанскій.
16. *** (Черняевъ).
17. М. Е. Халанскій. «Рус. Фил. Вѣстн.» 1891, № 4. Стр. 257—260. См. также «† А. А. Потебня». Стр. 261—263.
18. П. «Русскія Вѣдомости» 3 декабря 1891 г.
19. Д. (Языковъ). «Моск. Вѣдом.» 1 дек. 1891 г.
20. Н. О. Сумцовъ. Некрологъ А. А. Потебни, въ 1 вып. «Этнографическаго Обзорѣнія» 1892 г. (Москва) (съ портретомъ). Стр. 179—181.
21. Н. О. Сумцовъ. *Современная малорусская этнографія. (Посвящается памяти А. А. Потебни).* «Кіевская Старина» 1892. Томъ 36, №№ 1—3, стр. 1—10; 206—225; 409—423. Томъ 37, № 4 и 5, стр. 22—36; 176—192.
22. Того-же. Некрологъ въ «Česky lid». 1892, № III, стр. 314.
23. Д. И. Багалъй. Памяти А. А. Потебни. Харьков. губ. Вѣд. 1892 г. № 54.
24. Небольшой некрологъ въ «Archiv für slav. Philologie» XIV Bd. (Berlin. 1892), 3 Heft, стр. 780.
25. *Некрологъ † А. А. Потебня.* Филол. Записки, 1892 г., в. 1. 1—7.
26. Николай Бакай. *Памяти профессора Александра Аванасьевича Потебни.* Въ газетѣ Сибирскій Вѣстникъ № 7, отъ 5 января 1892 года, стр. 2.
27. В. И. Харціевъ. *Воспоминанія обз Александръ Аванасьевичъ Потебни.* «Славянское Обзорѣніе», 1892 г. томъ II, стр. 120—126; 364—376. (№ 5—8).
28. Краткое извѣстіе о смерти А. Потебни и обзоръ его работъ

Некрологи и краткія біографіи пр. Потебни въ газ. «Харьковскія вѣдомости» 1891 года, 1 декабря (второй перепечатанъ въ «Живой Старинѣ» 1 вып. 1892 г., стр. 150).

Тоже, въ газетѣ «Южный Край» 1891 г. между 1—10 декабря.

по славяно-литовской грамматикѣ и этнографіи. См. въ латышской газетѣ «Deenas Lara» № 46, 1892 года, въ корреспонденціи Е. W. отъ 25 февр.

29. L. Szepielewicz. *Prof. Aleksander Potebnia*. Некрологъ, помѣщенный въ польскомъ журналѣ «Wisła». Tom VI, zeszyt 1, на стр. 260.
30. Л. Ю. Шепелевичъ. Въ № 5301 Новороссійскаго Телеграфа. 1892, январь, стр. 62—69 (отзывъ В. И. Ламанскаго).
31. Некрологъ въ Львовской «Зори», № 2, 1892 г.
32. Некрологъ въ «Revue des traditions populaires» 1892, I, стр. 59—60.
33. *Памяти А. А. Потевни*. Сборникъ Харьков. Истор.-Филол. Общества. Томъ 4-й. Харьковъ. 1892. Стр. 1—90.

Изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическаго Общества 29 ноября 1891 г. и 12 марта 1892 г. Стр. 1—2. — Похороны. Рѣчи при погребеніи. Телеграммы. 3—7. — Статья Н. Ѳ. Сумцова (въ 310 № «Харьк. Вѣд.» 1891 г.). Стр. 8—9. — Статья Н. Ѳ. Сумцова въ *Česky lid* 1892 № III, 314. Стр. 10. — Статья М. Е. Халанскаго (въ IV кн. Рус. Фил. Вѣст. 1891 г.). Памяти А. А. Потевни 11—13. — Статья А. Горнфельда о лекціяхъ А. А. Потевни (въ 335 № Харьк. Вѣд. 1891 г.). Стр. 14—20. Изъ статьи Д. И. Багалъя въ 54 № Харьк. Вѣд. 1892 г. Стр. 21—22. — Изъ статьи И. В. Нетушила 1889 г. Стр. 23—25. — Статья Б. М. Ляпунова въ 1 вып. «Живой старины» 1892 г. Стр. 26—47. — Изъ статьи В. И. Ламанскаго (въ 1 кн. журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г.). Стр. 48—61. — Изъ статьи А. С. Будиловича въ (1 кн. Славянск. Обзорнія 1892 г.). Стр. 62—67. — Статья И. В. Ягича въ *Archiv für slavische Philologie*, V. XIV, 3 h., v. 480. Стр. 68. Замятка о сочиненіи А. А. Потевни «Мысль и языкъ». 60—70. — Изъ статьи Л. Ю. Шепелевича въ *Wisła* 1892 г. № 1. Стр. 71. — Изъ ст. Л. Ю. Шепелевича въ 5301 № «Новороссійскаго Телеграфа». 72. — Изъ некролога Потевни въ 2 № «Зори» 1892 г. Стр. 73. — Изъ некролога Потевни въ *Revue des traditions populaires* 1892. 1. 59—60. Стр. 74.

- Сравни рецензіи означеннаго сборника 1) Книжный Вѣстникъ. 1892. № 8, стр. 330 (замѣтка г-а К.). 2) Въ журн. «Вѣстникъ Европы» 1892 г. сентябрь, стр. 397—402.
34. *Посмертныя матеріалы А. А. Потебни. (Статья В. И. Харціева). Ibidem. Стр. 75—87.*
35. *Списокъ печатныхъ сочиненій А. А. Потебни и отзывы о нихъ. (Составленъ проф. Н. Θ. Сумиловымъ). Пб. Стр. 88—90.*
36. А. Будяловичъ. *Александръ Аванасъевичъ Потебня († 20 декабря 1891 г. въ г. Харьковѣ). «Слав. Обзорніе» 1892. Т. I. № 1. Стр. 80—88.*

Списокъ трудовъ и статей Ал-дра Ао. Потебни.

1856 г.

1. *Первые годы войны Хмельницкаго* (по сочиненію Пасторія: «Bellum scythico-sosasicum», по Величку и народнымъ пѣснямъ).
Сочиненіе это осталось непечатаннымъ (см. автобіогр. А. А. Потебни въ III т. Исторіи русск. этнографіи А. Н. Пыпина стр. 421). Диссертация на степень кандидата.

1860.

2. *О некоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи. Сочиненіе А. Потебни. Харьковъ, 1860.* 155 стр. (печатано по опред. Истор.-фил. фак. Харьк. унив. отъ 3 февр. 1860 г.). Диссертация на степень магистра.
Огонь. Свѣтъ 8. а) Питье. 12; б) Ёда. 19. — Горечь. 20. — Сладость. 22. — Таянье. 23. — Кованье. 24. — Огонь. 24. — Дымъ. 25. — Пыль. 27. — Огонь. 29. — Морозъ. 33. — Свѣтъ. 36. (Свѣтъ сближается со звукомъ. 38. Примѣч.). — Бѣлый. 42. — Зеленый. 43. — Красный. 44. — Калина. 45. — Золото. 47. — Черный. 48. — Черная туча. 50. — Темная ночь. 52. — Слабый свѣтъ и мракъ. (Малорусская дѣвничья игра въ ворона. 54—56). 53. — Быстрота. 56. — Быстрота — умъ. 62. —

Найти. 66. — Вода холодная. 69. — Быстрая вода. 73. — Вода и вѣтеръ. 75. — Слюна. 80. — Утопить. 84. — Разливъ затопляетъ землю, откуда половодье — горе. 85. — Свѣтлая вода. 89. — Лить. 92. — Обливанье. 97. — Обсыпанье. 99. — Разливанье, рассыпанье. 103. — Облако. 105. — Листья. 107. — Рой. 109. — Вить и вязать. 110. — Тонкое дерево. 114. — Нить. 116. — (Вила, несреѣа, рожаница 122). Путо, узда. 122. — Вязанье. 124. — Ключъ и замокъ. 134. — Рвать. 140. — Платье. 145. — Дорога. 146. — Пахать. 149. — Равнина. 152. — Горы. 154. — (Ср. библиограф. замѣтку въ Изв. II Отд. И. Ак. Наукъ т. VIII, стб. 381—382).

1862.

3. *Мысль и языкъ* (въ Журн. М-ва Нар. Пр. 1862, часть СХІІІ, отд. II, 1—118, ч. СХІV отд. II, 1—33; 89—131); — Отд. отд. СПб., (въ тип. Юсаѳ. Огризко). 1862. 8°. 191 (см. Ист. Библиограф. 1862 г., стр. 185. № 3154).

I. Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка. 1. — П. Беккеръ и Шлейхеръ. 8. — III. В. Гумбольдтъ. 23. — IV. Языкознаніе и психологія. 41. — V. Чувственныя воспріятія. 55. — VI. Рефлексивныя движенія и членораздѣльный звукъ. 67. — VII. Языкъ чувства и языкъ мысли. 77. — VIII. Слово, какъ средство аперцепціи. 95—118. — IX. Представленіе, сужденіе, понятіе. 1—33. — X. Поэзія. Проза. Сгущеніе мысли. 89—131.

См. ниже № 48. (2-е изд.).

1862—1863.

- 4—5. Въ I-ой части «Извлеченій изъ отчетовъ лицъ, отправленныхъ Министерствомъ Нар. Просвѣщ. за границу, для приготовленія къ профессорскому званію» (Спб. 1863). XXIII. (Отчетъ г. Министру Нар. Пр.) «Адъюнкта Харьковскаго унив. Потемкина»: 2 письма изъ Берлина отъ 26 окт. 1862 г. и 9—21 января 1863 г. (стр. 282—283). Тоже въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1862—63 г.

6. Во II-ой части «Извлеченій изъ отчетовъ» и т. д. (Слб. 1863 г. стр. 356, № 67) напечатанъ отчетъ «маистра *Потебни*» (безъ даты). Тоже въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1863 г.

1864.

7. О связи некоторыхъ представленийъ въ языкъ. Статья А. Потебни. Воронежъ, 1864. 32 стр. Перепечатано изъ тома III, 3-го выпуска «Филологическихъ Записокъ» (стр. 137—169).

I. Родъ и ростъ и т. п. Стр. 2. — II. Чи коріння не глубокого? Чи ти батька не богатого?. 12. — III. Листъ древесный и слово. 16. — (Листъ и разумъ. 18. Листъ и ложь. 19. — Шумъ дерева и брань, угроза. 20. — Поро, листи, слово. 21. — Шумъ. 25. — Листъ. 26. — Шумъ и слово. 27. Другія представленія слова: громъ и рѣчь; громъ и похвальба; громъ и ложь; громъ и слава, поговоръ; звонъ и рѣчь; звонъ — перекуды, слава; лай и рѣчь).

8. О полногласіи. См. ниже № 12: «Два изслѣдованія» и т. д. О полногласіи. Фил. Записки, томъ III—V, 201—252. Воронежъ. 1864.

1865.

9. Замѣтка на замѣтку Сняtkова о «Кикъ» (V в. Ф. З. 1864). Фил. Зап. 1865, Вып. 1. Стр. 92—94.
10. О мнѣшескомъ значеніи некоторыхъ обрядовъ и пострій. Сочиненіе... (I. Рождественскіе обряды. 1. — II. Баба-Яга. 85. — III. Змѣй. Волкъ. Вѣдьма. 233. — Опечатки. I—VII). Москва, 1865. 310—VII. (Изъ Чтеній И. Общ. Истор. и Древн. Р., кн. 2—4 (53—55) 1865 года. Срв. разборъ изслѣдованія «О мнѣшескомъ значеніи...» проф. Харьк. Унив. П. А. Лавровскаго (Чтенія И. Общ. И. и Др. Р. 1866 г., кн. 2, Отдѣлъ V, стр. 1—102).
11. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. Съ приложеніемъ образцовъ менѣе извѣстныхъ малорусскихъ гово-

розг. (Филол. Записки. 1865. Томъ IV, вып. I, 49—94; в. II—III, 95—158).

Срв. Archiv f. Slav. Philol. Томъ II, стр. 349.

1866.

12. *Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. I. О полногласіи. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій.*—Воронежъ, 1866. 156—III. (Срв. Межовъ IV, № 44, 267).
Срв. 1) Сборникъ мѣсячн. учен. Ком. М. Н. Пр. Спб. 1869, стр. 58—59 (небольшой отзывъ).—2) статью Ягича «Die Umlauterscheinungen bei den Vocalen e, ê, ę in den slav. Sprachen. Archiv f. Sl. Ph. Bd. V, стр. 559 и слѣд. 568, 571, 575.—3) Соч. Е. Ѳ. Карскаго. Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва. 1885. Стр. 156—160.—4) Влад. Качановскій. *Объ историческомъ изученіи русскаго языка, Казань. 1887.* Стр. 13.—5) М. А. Дикаревъ. *Воронежскій этнографическій сборникъ.* 1891. Стр. 2 и въ др. м.

1867.

13. *О доли и сродныхъ съ нею существахъ.* Москва, 1867. 4°. (Отд. отд. изъ Древности. Труды М. Арх. Общ. Томъ I, вып. 2-й, М. 1867, стр. 153—196).
I. Названія Доли. 153.—II. О связи Доли съ олицетвореніями, поэт. образ. 164.—III. О связи Доли съ мифическими лицами. 168.—Доля и огонь. 168.—Доля и душа. 171.—Доля и болѣзнь, смерть. 177.—Серб. Усуд. 190 и т. д.
Срв. ак. А. Н. Веселовскаго. Разысканія въ области дух. стиха. Вып. 5. Спб. 1889. Стр. 174 и слѣд.
14. *Къ статьѣ г. Аванасьева: «Для археологій русскаго быта».* А. Поттебни. (Древности. Труды М. Арх. Общ. т. I, вып. 2, М. 1867, стр. 227—242).
1) Лат. vincere—vincire; 2) Умычка. 230.—3) Вѣнокъ. 230.—4) Вьюнецъ. 233.—5) Вѣно. 236.—6) Супругъ. 238.—7) Связь между супругъ и пряхъ. 239.—8) Оборотень. 240.

15. *О кутальскихъ оняхъ и сродныхъ съ ними представлєніяхъ.* 1867. 4°. 19 стр.

Отд. отт. изъ 3-го Вып. «Древностей», Археологическаго Вѣстника, издав. М. Арх. Общ. подъ ред. А. А. Котляревскаго. М. 1867 (май—іюнь; стр. 97—106; іюль—августъ, 145—153).

1868.

16. *Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака.* 1868. (Отд. отт. изъ «Древностей». Археологическаго Вѣстника, издав. М. Арх. Общ. подъ ред. д. чл. А. А. Котляревскаго. М. 1868 (ноябрь — декабрь), стр. 254—266).

1870.

17. *Замѣтки о малорусскомъ нарѣчїи А. Потебни.* Перепечатано изъ «Филологич. Записокъ» 1870 г. Воронежъ, 1871. 8°. 134+1 опечатокъ. (Мартъ 1870 г.).

Замѣтки 1—90; «Образцы сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ» 91—134. [= Филол. Записки, томъ IX, вып. I, 1; вып. II, 37; вып. IV, 77; вып. V, 101].

Срв.: 1) Современныя Извѣстія, 1878, № 170. О диспутѣ; 2) Archiv f. sl. Philol. T. I, стр. 508 и слѣд.; II, стр. 349; VI, 621 и слѣд.); 3) Тамъ же, т. VII, стр. 58, 62, 68 въ статьѣ Шахматова «Beiträge zur russischen Grammatik»; 4) В. Шимановскаго. *Къ исторїи древне-русскихъ говоровъ.* Изслѣдованіе съ приложеніемъ полнаго текста Сборника Святослава 1076 г. Варш. 1887. И его же. *Отъѣтъ критику. Дополненіе къ книгѣ: «Къ исторїи древне-русскихъ говоровъ. Варшава. 1888.* (Критикъ — Смирновъ въ Русск. Филол. Вѣстникѣ. Томъ XIX, стр. 74—117).

1874.

18. *Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I. Введеніе.* Воронежъ. 1874. 157 стр.

(= Филол. Зап., томъ XII. Воронежъ, 1873. Вып. IV, 1.—VI, 100—158).

I. Что такое слово. 1.—II. Представленіе и значеніе. 6.—III. Различныя понятія о корнѣ слова. 12.—IV. Грамматическія формы.—V. По чемъ узнается присутствіе грамматической формы въ данномъ словѣ? 39.—VI. Формы этимологическія и синтаксическія. 42.—VII. Созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ. 60.—VIII. Грамматика и логика. 79.—IX. Трудности при опредѣленіи предложенія и его членовъ. 83.—X. Члены предложенія и части рѣчи. 100.

19. *Изъ записокъ по русской грамматикѣ. II. Составные члены*

предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Сочиненіе А. Потемни. Оттиски изъ Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета. Харьковъ. 1874. 8°.

VI + 540 + III = 549. Диссертация на степень доктора.

Задача сочиненія. 1.—Составное сказуемое и приложение 3.—Вторые косвенные падежи. (Винительный, родительный дательный). 218.—Неопредѣленное наклоненіе. 274.—Творительный падежъ. 407. Дополненія. 539.—Замѣченныя опечатки. I—III.

См. также № 43 и 51.

Срв.: 1) С.-Пет. Вѣд. 1874, № 340 (Отчетъ о диспутѣ). 2) Журн. Мин. Н. Пр. 1876, т. 184, № 3, стр. 1—13. (Рец. И. Срезневскаго). См. также его разборъ въ «Запискахъ» Ак. Н. т. 27, (1876 г.) на стран. 78—121, и отдѣльно. 3) Archiv für slav. Philologie 1876. Томъ I, стр. 423; II, 164—168 (отзывъ И. В. Ягича). 4) А. В. Попова († 26-го сентября 1880 г.). Синтаксическія изслѣдованія. I (и послѣднее). Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей развитія заложенныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, зендск., греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, литовскомъ, латинскомъ и славянскихъ нарѣчіяхъ. Воронежъ. 1881. Стр. 58, 85 и во мн. др. м. (Срв. разборъ соч. Попова, составленный Ф. Фортунатовымъ — «Отчетъ о 26-мъ приговорѣ наградъ графа Уварова», стр. 89—121 = Прил.

къ Зап. И. А. Н. Томъ 49, № 1). 5) Котляревскаго I. с. § 65. 6) А. Дмитревскаго. *Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ. Монографія. Воронежъ. 1878*, и его-же *Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго. (Отвѣтъ г. Миловидову). В. 1879*. Въ первой статьѣ мы читаемъ: «но школа еще и не начинала пользоваться выводами упомянутаго труда, отчасти потому, что тотъ вѣрный путь, на который поставилъ г. Потебня русскій синтаксисъ, далеко еще не пройденъ, а болѣе потому, кажется, что выводы г. Потебни имѣютъ столь ученый характеръ и философскую подкладку какъ по мыслямъ, такъ и по языку, что ждутъ предварительно талантливаго популяризатора, чтобы быть внесенными потомъ въ школьное преподаваніе». 7) *Русскій Синтаксисъ на основаніи изслѣдованій г. Потебни, Миклошича и Гейзе для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный преподавателемъ Московской VI гимназіи Н. Баталынымъ. Москва. 1883. 8°. VI + 104 стр.*

Въ предисловіи авторъ между прочимъ говоритъ: «я вполне счелъ бы себя вознагражденнымъ, если бы излагаемая мною теорія внесла нѣкоторое оживленіе въ дѣло школьнаго преподаванія, которое до сихъ поръ пробавляется такими объясненіями, которыя, какъ блистательно доказалъ г. Потебня въ 1 ч. своего изслѣдованія, ничемъ не объясняются».

Критики Н. Ивановъ (въ Кіевѣ), въ «Русск. Филол. Вѣстникѣ» 1884 г. и Владиміръ Костылевъ, въ «Филологическихъ Запискахъ» 1885 г. выяснили что «книга Баталына далеко превосходитъ всѣ существующія руководства по русскому синтаксису, какъ по научнымъ достоинствамъ своего содержанія, такъ и по приемамъ изложенія» (Костылевъ I. с. стр. 17 отд. оттиска) или, какъ выражается г. Ивановъ, стоять по своему содержанію на высотѣ современной научной теоріи русскаго синтаксиса «бла-

годаря принятымъ имъ (г. Баталинымъ) въ руководство указаннымъ ученымъ пособіямъ». Н. Ивановъ, въ началѣ своего разбора, указалъ еще и на краткій синтаксисъ Преображенскаго, вышедшій въ 1881 г. въ Москвѣ, авторъ котораго въ предисловіи также заявляетъ, что «главнымъ пособіемъ ему служилъ, преимущественно почтенный трудъ пр. Потевни (изъ зап. по Рус. грам.)».

Изъ книги видно, что Преображенскимъ лишь общія понятія о подлежащемъ, сказуемомъ, управленіи словъ изложены (большею частію) по книгѣ проф. Потевни, все остальное, заключаетъ г. Ивановъ, не возвышается особенно надъ уровнемъ изложенія учебниковъ Кирпичникова-Поливанова и др.

Такимъ образомъ за г. Баталинымъ нужно признать пальму первенства во введеніи въ школьное руководство по русскому синтаксису результатовъ, добытыхъ важнѣйшими научными изслѣдованіями въ этой области и можетъ быть онъ же и былъ и остался единственнымъ педагогомъ, которымъ разумно усвоены были и глубокіе взгляды и богатые наблюденія покойнаго языковѣда и которымъ достаточно оцѣнена была *практическая важность* синтаксическихъ трудовъ Потевни». На эту немаловажную практическую сторону филологическихъ трудовъ Потевни обратилъ особое вниманіе В. И. Ламанскій въ своемъ некрологѣ (см. теперь Сборникъ Харьк. Истор.-Фил. Общ. 1. с. стр. 57). Изъ приведенныхъ статей видно, что педагоги наши стали обращать вниманіе на трудъ Потевни съ 1878 г.

8) *Этюды и матеріалы для научнаго синтаксиса латинскаго языка. Томъ II. О падежахъ И. В. Нетутила. Харьковъ. 1885.* Стр. 85 и т. д. На страницахъ 57—61 подробно разбирается взглядъ А. В. Попова, автора вышеупомянутыхъ «Синтаксическихъ изслѣдованій» «на происхожденіе формъ языка» вообще и падежей въ частности.

1873—1874.

20. *Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка: «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе. Соч. М. Колосова. Варшава, 1872. XII+190; Starobulharská fonologie se stálým zretelem k jazyku Litevskému. Sepsal Dr. Leopold Geitler. V Praze, 1873». — (Журн. М. Нар. Пр., ч. 169, октябрь 1873, отд. II, стр. 302—326; ч. 172, мартъ и апрѣль 1874, отд. II, 103 — 127; 372 — 389. Ч. CLXXV, Отд. II, стр. 253—269. (Перепечатано въ 1 томѣ «Къ исторіи звуковъ.... См. ниже № 23). Сrv. Archiv f. Slav. Philol. T. I, Стр. 492.*

1875.

21. *Орфографическая замѣтка (о слитномъ употребленіи отрицанія не съ глаголами). Фил. Зап. Томъ XIV, вып. VI, 8—9. 1875 г. Ibid. отзывъ редакціи, стр. 9—10.*
22. *Грамматическія замѣчанія по поводу сочиненій М. Колосова и Л. Гейтлера. VII. Первое полногласіе. VIII. Этимологическія различія коренныхъ гласныхъ въ глаголахъ. (Филол. Записки. Томъ XIV. Воронежъ, 1875; в. I, 111—132; IV, 133—176; V, 177—219; VI, 219—242). Сrv. статью В. Ягича «Ueber einige Erscheinungen des Slav. Vocalismus» въ Archiv. f. Sl. Phil. Томъ I, стр. 341 и слѣд.*

1876.

23. *Къ исторіи звуковъ русскаго языка. А. Потемни. (I). Воронежъ 1876. VI+243. (= Филол. Зап. Томъ XV. Воронежъ. 1876. Вып. I, 1. II, 55; III, 99). «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка съ XI*

по XVI столѣтія, М. Колосова. Варшава. 1872. — *Starobulharská fonologie se stálým zřetelem k jazyku Litevskému. Sepsal Dr. Leopold Geitler. V Praze, 1873.*

I. Нарѣчія въ древнемъ Русскомъ языкѣ. — II. Звуковые признаки. — III. Начальное русское о = ст.-слав. ѡ. — IV. Мнѣнія о происхожденіи ѣ и ѣ и времени исчезновенія ихъ въ русскомъ. — V. Глухіе звуки ѣ и ѣ при плавныхъ р, л между двумя согласными. — VI. Два ѣ или ѣ по обѣ стороны р или л между двумя другими согласными. — VII. Первое полногласіе (оро = ра и пр.).

Срв. 1) Arch. f. Slav. Phil. T. III, стр. 103 въ статьѣ Ягича: «Ueber einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus» (о словѣ smarsas — морсь). 2) Вл. Качановскій. I. с. Стр. 27. — 3) В. Ши-мановскаго. *Из исторіи древне-русскихъ говоровъ...* Варшава. 1887. Стр. 16, 20 и др.

См. также №№ 31, 33 и 37 о II, III и IV вв.

1877.

24. *Малорусская народная пѣсня, по списку XVI вѣка. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ 1877.*

(Отд. оттиски изъ Фил. Зап. Томъ XVI, в. II, стр. 1 и слѣд.).

(Текстъ пѣсни. 1—3.—Примѣчанія: I. Относительно языка. 3.—Дательный поэтический. 6—12.—II. Размѣръ пѣсенъ о Стефанѣ донынѣ обыченъ въ мр. пѣсняхъ. 12—14.—III. Нѣчто о началахъ пѣсенъ и проч. (по поводу ст. 1—9 пѣсни «Дунаю»...). 14.—Заговоры вообще суть обломки языческихъ молитвъ, и замѣтка по поводу соч. Крушевскаго: «Заговоры, какъ видъ русской народ. поэзіи». 20.—Плачи по мертвымъ (причети, заплачки). 26 и т. д.).

Срв. Arch. f. Slav. Philol. II, стр. 748 и 750 и Past-гnek. Slavistische Bibliografie. Стр. 287.

25. Рецензія А. Потебни соч. П. Житецкаго: «Очеркъ звук. исторіи малорусскаго нарѣчія». Кіевъ, 1876; въ Журн. Мип. Нар. Пр. 1877, часть 194, № 12, стр. 83—84 Ср. ниже № 26.

1878.

26. *Разборъ сочиненія П. Житецкаго: «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія».* Киевъ, 1876 г. Составленныи профессоромъ А. А. Потебни. Спб. 1878. 8°. 76 стр. (Отч. о 20-омъ пр. нагр. гр. Уварова въ 33-мъ т. Зап. Ак. Н. стр. 764—839).
27. *Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія А. Потебни.* Воронежъ. 1878. 8°. 158 стр. — П = 160, (Отд. оттискъ изъ «Филол. Записокъ», т. XVI (1877) и т. XVII (1878).
Срв. Archiv. f. Slav. Phil. Томъ II, стр. 646; ib. III. 231 и 738; IX, 316 въ статьѣ Ляпунова «о Властос-Волосъ». — Сазор. Česk. Muz. 1878, стр. 578 и 579 (J. Jiřeček).
28. *Kritischer Nachtrag zu Archiv* 'II, 302. (Изъ письма Потебни къ Ягичу о козацкой думѣ о Богданѣ Хмельницкомъ). Archiv. f. Sl. Ph. III, стр. 219.

1878—1879.

29. *Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus.* Archiv f. slav. Philol. Band III, 358—381; 594—614. Berlin, 1878—1879. (Ср. «Къ исторіи звуковъ» II, 1—70). Ср. ниже № 31.
Срв. Archiv V, 377 и сл. статью Dr. phil. H. Kirste «Zum Slavischen Palatalismus».

1879.

30. *Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale, von A. Potebnja.* (Arch. f. slav. Philol. Band. III, 614—620. Berlin, 1879. Ср. «Къ исторіи звуковъ» I, стр. 209—220). Срв. № 23.
Ср. Arch. f. Sl. Ph. V, 138; VI, 520 и слѣд. въ статьѣ

Леціевскаго «die Sprache des polnischen Theiles des Florianer-Psalter»; X, 248.

1879—1880.

31. А. А. Потѣбня. *К исторіи звуков русскаго языка. II. Этимологическія и другія замѣтки. (Из Русскаго Филологическаго Вѣстника 1879). Варшава. 1880. 8°. II + 31 + 70 + 25 = 128.*

1. Этимологическія замѣтки. Начальныя сочетанія лы-, лу-, ру- = основнымъ *ал, *ар. 1—31. — 2. О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки. 1—70.

[«Статья эта была окончена 6 января 1878 г. Съ сокращеніями она изложена акад. Ягичемъ въ его Archiv für slavische Philologie III... въ ней прибавлены лишь нѣкоторыя ссылки на сочиненія, которыхъ (А. П.) не зналъ при ея составленіи»].

I. *з, ц, с*. Стр. 1. — II. *ж, ч, ш*, соответствующіе зубнымъ в сочетаніяхъ *де* и *пр*. стр. 8. — 3. Замѣтка о двухъ пѣсняхъ. 1—12. (Сокол и конь. 3). — 4. Рожа-спажа, тума—Томап. 13—23. — 5. Этимологическія замѣтки (на чуд = на чердакъ. — *мр. нста.* — *мр. бованіти*). 23—25.

III. Сопоставленіе *з, ц, с* и *ж, ч, ш*. Стр. 11.

[I. Мнѣніе Гейтлера: «передъ *ъ, с* никогда не измѣняется в *х*.—2. Ряды *з, ц, с* и *ж, ч, ш* (пз *з, ч, х*) неполнѣ аналогичны, т. к. звуку *з* = *дз* должно бы соответствовать не *ж*, а *дж*. 8.—3. Измѣненіе *х* въ *ш, с* произошло безъ посредства такой ступени, какъ *дж* по отношенію къ *ж*. 14.—4. Къ вопросу о способѣ происхожденія *з, ц, с* и соответствующихъ имъ *ж, ч, ш*. 14. — (Литовское *ы* (*у*) 27—28)].

IV. Измѣненіе гортанной + *ти* или *тъ*. 32. — V. Измѣненія сочетаній *ск, ст* и *зъ, эд*. 37. — VI. Измѣненія *тj, dj* = *ц-сл. ит, жд*. 45.—VII. Губныя + *j*. 63—70.

1880.

32. «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов-»

скомъ Университетъ. Москва 1878, 3 части въ IV томахъ. Рецензія Члена-корреспондента Имп. Академіи Наукъ А. А. Потебни. С.-Пет. октябрь. 1880.

(Рецензія написана была въ июлѣ 1879 г.: срв. примѣч. на 89-й стр.=152.). 89 стр.

(XXII пр. нагр. гр. Увар. въ Зап. Ак. Н. т. XXXVII. првл. № 4, стр. 64—152.). Спб. 1880.

I. 1—34 [Русь, Русскій: отношенія къ Полякамъ, Мадырамъ, Румынамъ. 4—8. — Грунь. 11. — Медоборь. 12. — Гуцулы и опришки 12—16. — Румынское вліяніе на карпатскихъ горцевъ. 16. — Бриндза, вурда, кглякг. 16. — Струнка. 17. — Плекати. 17—18. — Чабанскій терминъ и пѣсня. Корнятъ, пурнятъ, пурняло т. е. ночной попасъ. 18. — Образъ быть у воды = любить. 20. — Мѣтенъе (пробное доенъе). 20—21. — Лещадка. 22. — Бойки. 22. — Лемки. 25. — Взглядъ на народность, на ея процвѣтаніе и порчу. 26—34]. — II. 34—90 [Объ этимологическомъ правописаніи. 35—38. — Распредѣленіе пѣсень. 38. — О необходимости формальнаго основанія дѣленія пѣсень. 40. — О размѣрѣ малорусскихъ пѣсень. 42. Что въ мр. н. пѣсняхъ соотвѣтствуетъ выраженіямъ газетъ: «намъ сообщаютъ, что»; «нашъ спеціальный корреспондентъ пишетъ, что...», «упорно держится слухъ, что...»? (= что разумѣетъ авторъ подъ комментированіемъ формальной стороны пѣсень). 61. — Болѣе внутреннее и болѣе трудное въ пригнѣненіи формальное основаніе распредѣленія пѣсни есть сходство и сродство поэтическаго образа. 77. — Необходимость объясненія отдѣльныхъ образовъ народной поэзіи (связанная съ необходимостью разложенія пѣсень на составныя части и наоборотъ). 81. — Пѣсня заключаетъ въ себѣ одинъ образъ безъ объясненія. 85. — и т. д.].

Срв. Archiv f. Sl. Phil. V, стр. 700.

1881.

33. А. А. Потебня. *Къ исторіи звуковъ русскаго языка. III. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава. 1881.* 144 стр. (Отдѣльный оттискъ изъ «Р. Ф. Вѣстника» 1880 г.).

Замѣтки этимологическія о народной поэзіи. 1. Славянское з послѣ р, л—изъ spirans tenuis. 1. — 2. Нѣсколько иностранных слов в малорусском яз. (гарный, гилія, пігич, аркѣат, бешіха, Біг-мѣ, кградина, мѣре, паланка, душман). 14. — 3. Рожь — Гроза? 16. — 4. Канючить. 19. — 5. Зорь и свѣтъ. 21. — 6. У, ы изъ а послѣ гортанной. 25. — 7. Аналогія к *чваниться*. 38. — 8. «Въ великихъ сустугахъ»; таг- и steng-ti. 39. — 9. Вежа, слѣд кочевого быта? 41. — 10. Продажа (ст. русс.) и др. юридическія слова. 43. [1. прогоны, промыгта, протаможье, проторь, прѣвѣсти, прочестье. 44. — 2. продажа. 45. — 3. тяжа. 47. — 4. рубеж. 48. — 5. Плата, (платъ, простъ), платити. 51. — 6. Жалованье. (миловати, милость). 53]. — 11. Зась. 55. — 12. Пек. (латыш. рѣс). 56. — 13. Потороча (мр.), 58. — 14. Върпсти, воропъ и пр. 61. — 15. Слѣпород, ślepru Mazur, Сучичь. 68. — 16. Х изъ дославянскаго и славянскаго с. (Слѣды литовск. языка въ русском и польск. стр. 99—100, примѣч.: буженина, дякло, путря и т. д. — *Прудъ* мосяжъ ųлектров, *прапрудъ*, прапржда ригрига. 118—120 и т. д.). 82—121. Дополненія и поправки 122—136. [Пѣсни записанныя студ. Ф. С. Аврамовымъ в Трехостровянской станицѣ земли В. Д. 124 — 129.—свѣя, овни, жауа. 135.—метъ, метать. лотышск. mest, mesls. 136].—Указатель 137—142.—Опечатки 143—144.

Срв. замѣтки Ягича въ Archiv-ѣ. Т. V, стр. 490—481, о словахъ воропай-коровай, руно, корга и т. д.; Т. VI, 138 и тамъ же о словѣ хорошій 282—294; Т. IX, стр. 168 (коровай).

34. Александръ Вас. Поповъ (род. 16 ноября 1855 г. † 26 сентября 1880). Некрологъ его написанный А. А. Потемнею. (см. А. В. Понова. Синтаксическія изслѣдованія.—I. . . Воронежъ, 1881. Стр. I и II).
35. *Некрологъ профессора Алекс. Митрофан. Колосова* († 12—13 янв. 1881 г. род. 24 дек. 1839 г.), газета «Южный Край». 1881 г., № 28 отъ 29 янв.
36. Рефератъ профессора А. А. Потемни, посвященный разбору тѣхъ мыслей Достоевскаго о «народной правдѣ», которыя высказываются имъ въ его «Дневникѣ Писателя». Засѣд. Харьков. Ист.-филол. Общ. 11 февраля

1881 г. въ 7 час. вечера въ аудитор. № 1. = Харьк. Губ. Вѣд. № 41, стр. 2, 1881. 13-го февраля = († Д. 28 января 1881).

1883.

37. *А. А. Потебня. Кз исторіи звуковъ русскаго языка: IV. Этимологическія и другія замѣтки. Варшава. 1883. 86+X. (Отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника»).*

1. Село, деревня и т. п. (к исторіи быта). [Село. 1. — дворце. 6. — пожня. 7. — притеребъ. 7. — перевѣсище. 7. — путкъ. 7—8. — селище. 11. — участокъ. выть. обжа. волока. гоня. 13—17. — деревня (лт. *dirwa*, латыш. *dirwa*). 18. — Осѣкъ. 21. Сѣча. 21. Чертежь. 21. Околодокъ 22. Пожня. 22. Починокъ. 22. Застѣнокъ. 23. — Корчма. 34. — *Dorf*. 36. — Об общинномъ землевладѣніи. 36—42. — Стремленіе к дробленію семей в Малороссіи. 43—48]. 1.—2. Въ отвѣтъ г. Шейковскому. (См. Р. Ф. В. IV, 255). [Потебня. — Курбет. — Розмай-зілля и т. д.]. 49. — 3. По поводу словъ: маточник, остров буян, врей. 51. [Игра. 58. — Икра. 61. Изок. 62. Искра. 62]. — 4. Щавидубъ и пр. (*ску, *скју). 64. — 5. Честь, *мр.* частоваѣти. 70. — 6. Дѣна род богѣзніи. 71. — 7. *Су-ти (сунѣти, совати) = лт. *szanti*. У-совъ. Сулица. 74. — 8. Гостецъ, ковтун. 77. — 9. Тѣло, пост-голь. 81. — 10. «Он собаку съѣлъ на это». 83. — 11. «Пропаз ні за папову душу». 84. — 12. «За чистую бѣлку». 86. Дополненія и поправки. Стр. I. [Сполу, посполу, дикая вира. Стр. II—III. — Граница. IV. — Улица. V. — Буйвище. VI — и др.]. Указатель. VII. — Опечатки IX.

См. отзывъ В. Ягича и его замѣтки о словахъ: село, выть, обжа, волока, веретя, деревня, осѣкъ, околодокъ, волость, застѣнокъ, корчма и т. д. въ *Archiv f. Slav. Philologie*. Томъ VII, стр. 483—486; о словѣ *selo*, латыш. *zala*, инфлянтск. *zola* въ значеніи лат. *ager*, *acker* см. *Archiv*... VIII, стр. 637.

38. *Обясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсен. (I). Варшава. 1883. 268+VIII+IV стр. (Отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника»).* См. также № 39.

Предисловіемъ къ этой книгѣ можетъ служить часть статьи выше привед. подѣ № 32 (о необходимости формальнаго основанія дѣленія пѣсни).

I. Малорусскія пѣсенныя выраженія мысли: «что к чему идетъ», «что к чему пристало», ровня. 1. — II. Лелю-полюлю, диди-ладо. 16. — III. Веснянки размѣра (4+3+3) и (5+3) и др. сродныя пѣсни 39. — [1. Сѣянье проса. 39. — 2. Ворота. 45. — 3. Воротарь. 55. — 4. Мосты. 127. — 5. Вербовая дощечка. 152. — 6. Горѣть, горюдубъ и пр. 172. — 7. Дѣвица тонетъ. 190]. — IV. Веснянки (Петровочныя, Купальскія) размѣра (5+4). Стр. 231. — Дополненія. Стр. I. Указатель. Стр. III—VIII. — Опечатки. I—IV. — Оглавленіе. IV.

Срв. 1) Разборъ г. Неймана въ IV кн. «Кіев. Старинны» 1884 г. 2) Ивана Франко, въ польск. журналѣ *Kwartalnik historyczny* 1888 г., стр. 452—454; 3) мою статью о припѣвѣ «Lihgo» въ *Archiv. f. Slav. Philol.* Т. VII, стр. 629—639; 4) разборъ Ягича въ *Archiv-ъ*, томъ VIII, стр. 341—345 и 5) у Сумцова «Соврем. малорусск. этнографія» Кіев. Старина, апрѣльск. кн. 1892 г., стр. 22 и слѣд.

1887.

39. *Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ II. Колядки и щедровки. Варшава. 1887. LXXXVIII главъ, 809 стр. (Отд. оттиски изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника»).*

I. Размѣр. 1. — II. О времени колядованья и щедрованья, п нѣкоторыхъ относящихся сюда словахъ. 33. — III. Цѣль колядокъ и щедровокъ. 48. — IV. Колядники будятъ (в. «ластівка», «соловей», «зозуля» будитъ) господаря и сказываютъ ему «радость» на дворѣ (в. «на оборі»). 70. — V. Зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость. 83. — VI. Три радости. Богъ (в. царь п пр.) зоветъ, даритъ. 93. — VII. Волю (золоторогіе), соха в. плугъ (золотое), оранье, сѣянье. 99. — VIII. Тоже. (См. VII). Богъ оретъ, святые помогаютъ. Урожай, сборъ хлѣба. 105. — IX. Сѣянье, вѣянье золота—серебра. 116. — Дары. 120. — В Уграхъ злотомъ засіяно. 122. Орать копьемъ, сѣять стрѣлы. и пр. 129. — Вѣять золото. 134. — X. Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ.

скот, мѣряет деньги и пр. 136 — XI. Господь со святыми или святые (в. один из них) обходятъ хозяйское поле. 141. — XII. Господарь готовится встрѣчать, угощать годовых гостей. 1) колядников, 2) 3) Бога и святых. 143. — На пиру недостает одного из святых; чудо св. Николая. 149. — Спорыш. 164. — XIII. Обход с козю. 173. — XIV. 1. солнце, мѣсяц и дождь (в. два святые и Бог) спорят о силѣ. 2. Три овчаря. 180. — Пѣсня «Ой сыну мій Иване», 207. — XV. Чудесное дерево; с него три корысти. 211. — 2. Пчолы. 214 — 3. Щастливое и несчастливое дерево. Сокол и змѣя или жаба. 215. — 4) Кипарисное дерево. Гусли. 228. 5) Райское дерево плывет. 233. 6) Дерево везут. 239. — Пародія. 241. — XVI. Орел (в. сокол) и рыба. 246. — XVII. Три сокола. 253. — XVIII. Сокол, хорт и конь. 261. — XIX. Сокол (в. орел.) переносит невѣсту через воду. Сокол сват. 266. — Былина про Михайла Козарянина. 282. — Поломянка. 288. — Загѣвы: Сокол (в. друг. птица) видит то-то. 295. Дума про Олексія Поповича. 301. — XX. Олень (лань), тур. 319. — 1. Лань указывает охотнику невѣсту. 319. — 2. Олень обѣщает стать въ пригодѣ, прийти на свадьбу. 321. — 3. Олень (тур) N-у користь. 323. — 4. Тоже. 329. — 5. Загѣвы: на рогу (в. на рога) оленя то-то (величаемая дѣвица, молодец или обое). 335. — XXI. «Куна в дереві, дівка в теремі». 340. — Иван Годичнович. 350. — Куница тестю. 353. — XXII. Змѣя сватом. 358. — 2. Купанье Добрыни Никитича. 359. — XXIII. Юнак и вила. 376. — XXIV. Семьсот молодцов. 382. — XXV. Молодец ѣдет в горы (в. за горы) по дѣвкѣ. 385. — XXVI. N посылаетъ послѣ к матери. 387. — XXVII. «Я до тебя сама прибуду». 389. — «Махнула платком (рукавом)... вы раздайтеся, бояре... дарует батюшка городом». 395. — XXVIII. Дѣвица в деревѣ. 398. — XXIX. Знатная (небесная) родня. 1. Дѣвица не ровня молодцу: у нея знатная родня. 402. — Спрота невѣста. 415. — 3. У молодца знатная родня и пр. 418. — XXX—XXXI. Дѣвица в плѣну. Дѣвица «коні пасла, погубила». 425. — XXXII. Дѣвица — «як зоря». 440. — XXXIII. Дѣвица мостит мост милому. 445. — XXXIV. Перевоз через рѣку. 1. Молодец перевозит дѣвицу. 446. — 2. Дѣвица перевозит. 449. — XXXIV. Золотая ряса (в. роса). 455. — 2. Чарюю частовати. 460. — 3. «Перстником даровати». 461. — 4. Ряса. 465. — 5. Роса. 466. — 6. Пѣна серебряная. 467. — 7. Золотая кора. 467. — 8. Кузнец. 468. — XXXVI. Сад-виноград, яблока. и пр. 1. N саду

(вина) стерегла. 472. — 2. Три сироты росы стерегли. 478. — 3. N сад садила. 479. — 4. Сокол (жених, сваты) ломает сад. 480. — 5. Дѣвица стережет яблони. 482. — 6. Дѣвица выши-
вает. 484. — 7. Сажать, собирать виноград. 487. — 8. Стеречь
розу. 489. — 9. Стеречь огонь. 490. — 10. «До лица рівняти».
490. — 11. Стеречь пшеницу. 492. — 12. «Ой неспівайте, рай-
ські пташеньки». 494. — XXXVII. «Троякий напій», «Дівча
шинкарча». 496. — 2. Косовка джевојка. 506. — Трои сваты
509. — Сожженіе шинкарки. 512. — XXXVIII. Дѣвица тонет.
525. — 1. Милый выкупает из неволн. 525. — 2. Милая выку-
пает из неволи. 526. — 3. Милая выкупает из войска. 527. —
Змѣя на сердцѣ. 528. — XXXIX. Дѣвица в гѣсу заблудилась
532. — XL. Дівка танку перед водить. 537. — XLI. «Пішов
Йвасенько рано косити». 542. — XLII. «Рубає Василько та яли-
ноньку». 542. — LXIII. «Перстень згубила». 543. — Перстень,
три рыболова. 545. — XLIV. «Паваний вѣнок». 550. — XLV. Вѣ-
тер уносить вѣнок. 1. Лишний милейкий, як брат ріднейкий
555. — 2. Вѣнок и рыболовы. 557. — 3. Молодец тонет. 561. —
XLVI. Обрѣтенеіе честного креста (1.). Стр. 565. — XLVII.
«Дівка биль бішла». «Пречиста ризи прала». 567. — XLVIII.
Загадки. 575. — XLIX. Диво дивное. 595. — L. Несполнимыя
задачи. 599. — Повѣсть о Петрѣ и Февроніи 603. — LI. Зо-
лотыя ворота. Двор на столбах. 608. — Пѣсня «Гѣургіе Данничѣ».
613. — LII. Мѣсяц, солнце, звѣзды в терему. Построеніе
церкви. 619. — LIII. Молодец в чолнѣ. 625. — LIV. «Рада»
(мужів громада) рѣшаєт плыть на службу к «доброму пану».
630. — LV. N добывает город, горожане откупаются золо-
том, конем дѣвицей. 648. — LVI. Молодцу за выслугу скот
у конь, сабля, дѣвица. 660. — LVII. Молодец выигрывает
коня и дѣвицу. 662. — LVIII. Молодец играет и поет. 666. —
LIX. Дѣвица вышивает три ширинки. 670. — LX. N хвалится
конем, стрѣлом, луком. 673. — LXI. Похвала коню т. е.
ковсвенно его пану. 675. — LXII. N с конем говорит. 679. —
LXIII. Никто не поймает въ стадѣ коня, кромѣ N. Стр.
691. — LXIV. Мать (вдова) и тесть узнают N по коню, по
платью. 692. — LXV. Вдова отправляет сына на войну.
697. — LXVI. Вдовина дочь отправляется на войну. 698. —
LXVII. Поединок с Турским царем. 700. — LXVIII. Отраженіе
набѣга, отбитый полон. 703. — LXIX. Умная жена. Вдова.
707. — LXX. N суды судит. 710. — LXXI. Перебор. 715. —

LXXII. Девять сынов разбойников. 720. — LXXIII. Мать проклинаеть сына. 723. — LXXIV. Смерть молодца, горе матери, сестры, милой. 724. — Набожныя пѣсни. 738. — LXXV. Начало свѣта. 738. — LXXVI. «Чому так не е, як було здавна?». 741. — LXXVII. Рожденіе и преслѣдованіе Христа жидами. 747. — LXXVIII. Богородица с Младенцем спасается от жидов при помощи чуда: быстро созрѣвшей пшеницы. 749. — LXXIX. Рожденіе и наименованіе Христа. 749. — LXXX. 1. Вдова ищет сына. 753. — Пречистая ищет Сына. 755. — 8. Н. ищет дороги в рай. 759. — LXXXI. Обрѣтеніе честного креста (2), три гроба. 762. — LXXXII. Воскресеніе. Ожившіи пѣтух. 765. — LXXXIII. Установленіе постов, в том числѣ Рождественскаго. 765. — LXXXIV. Мученіе Христа. 766. — Грѣх нвы. 768. — Грѣхъ осины. 768. — «З чого настало зелене вино? 770. — «Де кровця кане, церковця стане. 772. — LXXXV. 1. Из крови, из слезы из росы — рѣка. 2. Купанье Христа. 3. Его спор с Петром. 773. — LXXXVI. Пречистая (в. Бог) отмыкает пекло, выпускает грѣшныя души, кромѣ одной (в трех). 779. — LXXXVII. Св. Петр и его мать в пеклѣ. 783. — LXXXVIII. Разлука души с тѣлом. Грѣшная душа. 784. — Дополненія. 786. — Указатель. 795. — Замѣченныя опечатки. 802. — Оглавленіе. 806.

1887—1890.

40. *Сочиненія Григорія Федоровича Квитки (р. 1778, † 1843).*

Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцькомъ Основьяненкомъ. Изданіе Харьковскаго Упѣднаго земства, въ пользу народнаго училища, учрежденнаго на Основѣ въ память Григорія Федоровича Квитки (Основьяненка). Подъ редакцію А. А. Потебни. Харьковъ, 1887. Томъ I и II. IV—255 и 328; Тоже т. III. Повѣсти и разсказы. Харьковъ, 1889 г. стр. 341 (срв. рец. В. Г., Киев. Старина. 1889 г., т. 27, стр. 207—210). . . . Томъ IV.—Статьи историческія. Харьковъ, 1890. 515 (1); 2.

Срв. В. Ягича Крит. замѣтки по исторіи русскаго языка. 1889. Стр. 151.

1888.

41. *Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака* (съ предисловіемъ и примѣчаніями пр. А. А. Потебни). «Кіевская Старина», 1888. Томъ XXI, стр. 184—208.

Бумаги, рукописи Артемовскаго-Гулака и его портреты переданы А. А. Потебнѣ А. Л. Шимановымъ. Изъ этихъ бумагъ перепечатаны слѣд. сочиненія, казки и прыказки Петра Петровича:

Солопій та Хивря, або горохъ пры дорозѣ 185—191.— Пысулька до того, котрый, що Божого мѣсяця, Украиньського Гинця (Украинскій Вѣстникъ) по всѣхъ усюдахъ розсылає. 192—196.— Тюхтій та Чванькд. Побрехенька. 196—197. Дѣщо про того Гараська. 197—200.— Дурень и Розумный. Прыказка. 200.— Цикавый и Мовчукъ. Прыказка. 200.— Лѣкаръ и здоровье. Прыказка. 200.— XXXIV ода Горація, кн. I, стр. 201—206.— IX ода Горація, кн. II, стр. 206—208.

42. *Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ, А. А. Потебни.* (Отд. оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»). Воронежъ, 1888. 76 стр.

Потебни. (Отд. оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ»). Воронежъ, 1888. 76 стр.

I. Мн. ч. гиперболическое.— II. Мн. ч. единичныхъ вещей 15.— III. Мн. ч. дѣлпаго вещества 22.— IV. Мн. ч. мѣста 34.— V. Мн. ч. времени 44.— VI. Мн. ч. состоянія 60.

Срв. И. В. Нетушила. *Этюды...* Томъ III, вып. 1. *О залогѣхъ латин. глаголовъ.* Харьковъ. 1888. Стр. 39.

1888—1889.

43. *Изъ записокъ по русской грамматикѣ: I. Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны. Составилъ А. Потебня. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Харьковъ. Изданіе книжнаго магазина Д. Н. Полуехтова. 1888. (На обложкѣ... 1889). VI + 535 + (1) + VI = 547 (548).*

Срв.: 1) Журн. М. Н. Пр. 1889, мартъ, стр. 206—210 (отзывъ А. Будиловича) и 2) тамъ же 1892 г. январь. Стр. 62—68 (отзывъ В. И. Ламанскаго); 3) При-

лози за синтаксу српскога језика. I. О падежима без предлога. Написао Пера П. Дјорђевић (Београд. 1889). [См. Русск. Филол. Вѣстникъ 1889. Томъ XXII, стр. 169—170].

1890.

44. *Степовы думы та списы, Иоана Манджуры подъ редакціи А. А. Потебни.* (См. Списокъ Сумцова. Стр. 90).
45. *Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в.* (Кіевская Старина. 1890. Томъ XXVIII, стр. 91—94. Приложенія: 1—59). Всего 4+59=63 стр. 8°.
- Съ приложеніемъ текстовъ: № I. Аптека домовая средняя. 1—23.— № II. Лѣкарства зраку темному и затгѣлому. 23—30.— № III и IV. Записки о лѣкарствахъ на разные болѣзны. 31—48.— № V. Лѣчебникъ. 49—59.
- Срв. А. Степовичъ. *Замѣтка къ статьѣ «Малорусскіе домашніе лѣчебники 18 в.»* «Кіев. Старина». 1890 г. Томъ 30, стр. 155—159.
46. *Сказки пословицы и т. п. записанныя И. И. Манджурой,* изд. въ сборникѣ Харьк. Истор.-Филол. Общ. (Т. 2. 1890. Стр. 1—190) подъ редакціей А. А. Потебни. (См. Списокъ Сумцова. Стр. 90).

1891.

47. *«Этимологическія замѣтки»* (Живая Старина. Вып. III, С.-Пет. 1891, стр. 117—128).
- Мр. Багачъ 117.— Бдынъ 117.— Бѣлая Русь 118.— Буртальникъ 119.— «Бычокъ дрестунокъ» 120.— Вода превращается въ вино 120.— Волоть 120.— Кобылья голова (косякъ) 122.— Присяги и договоры относительно владѣнія 123.— Подоприсвѣтъ 123.— Русалки и петрушки 124.— Соловей разбойникъ на дубахъ 124.— Чеш. *třraslík papia, rugtaeus* 126.— Туръ печной 126.— Ягуны 127.— Ярчукъ 128.
- Срв. 1) Статьи В. И. Ламанскаго: Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Габери въ Кимре — «на дубахъ». Жив. Ст. III, 243—244 и «Бѣлая Русь». Ibid. 245—250.— 2) Русскій

Филол. Вѣстникъ 1891. Томъ XXV, стр. 309 замѣтку пр. Смирнова о словахъ *богач* и *волотъ*. 3) *Anzeiger für Indogerm. Sprach- und Altertumskunde. Beiblatt zu den Indogerm. Forschungen. Herausgegeben von W. Streitberg. Bd. I (Strassburg. 1892). Стр. 80.*

48. *Мысль и языкъ. А. Потемни. 2-е изданіе. Съ портретомъ автора. Харьковъ. 1892. VI—228. Съ предисловіемъ М. Дринова.*

Въ этомъ предисловіи Маринъ Степановичъ между прочимъ говоритъ: «Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося недавно и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Наука о мысли», кстати замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западно-европейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты А. А. Потемнею въ издаваемой теперь его ранней работѣ, аналогичной по содержанию съ новою книгою англійскаго языковѣда». 1. с. Стр. VI

Труды, оставшіеся въ рукописяхъ:

49. *Отвѣтъ П. Лавровскому на его разборъ диссертации: «О мнѣніи значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ».*
50. *Отзывъ о литовско-русскомъ словарѣ братьевъ Юшкевичей.* (Срв. Сборн. Отд. Т. 18. (Спб. 1878). Протоколы. Стр. II—III.
51. III-ій томъ «Записокъ по русской грамматикѣ». Большое сочиненіе въ 2-хъ большихъ и 2-хъ маленькихъ папкахъ почти совсѣмъ готовое къ печати. Срв. Харціевъ 1. с. стр. 75—80.

Кромѣ общей заглавной рубрики «Объ измѣненіи значеній и замѣнахъ существительнаго» въ 1-ой папкѣ, содержащей въ себѣ начало новыхъ Записокъ, мы находимъ еще слѣдующія подраздѣленія: первообразна-ли отвлеченность существительныхъ качества? Происхожденіе прилагательныхъ; согласованіе прилагательныхъ; согласованіе именъ въ степени уменьшительности. Происхожденіе разрядовъ

существительныхъ. Грамматическій родъ и его роль въ выработкѣ категорій существительнаго. Содержаніе II-ой папки исчерпывается слѣдующими заглавіями: Атрибутивность существительнаго; переходъ приложений въ предложія. Предикативность существительнаго; вытѣсненіе существительнаго адъективными и вербальными оборотами. Устраненіе субстанціальности предикативнаго имени посредствомъ субъектныхъ и безсубъектныхъ оборотовъ. Разборъ безсубъективныхъ выраженій (Mikl. Subjektlose sätze). III-я папка раздѣлена двумя главами: Формальные (синтактические) признаки конкретности существительнаго: тождество и сочетаніе синонимовъ. Накопецъ, еще въ одной папкѣ находятся черновыя замѣтки для того же III-го тома. Л. с. Стр. 76.

Срв. *Русскій Филол. Вѣстникъ 1889, № 2. Стр. 292.* (Краткое извѣстіе, заимствованное изъ «Книжнаго Вѣстника», о приготовленіи къ печати 3-ей части Записокъ...).

52. Матеріалы и замѣтки по теоріи словесности.

«Находящіяся въ 3-хъ папкахъ записки по теоріи словесности въ общей массѣ производятъ впечатлѣніе замѣтокъ для себя, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начата была уже обработка черновыхъ набросковъ»: см. Харціевъ I. с. стр. 80—83.

53. Матеріалы для малорусскаго словаря ¹⁾.

«Содержаніе остальныхъ 14 папокъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми разрозненными замѣтками связанными въ пачки, можно раздѣлить на три отдѣла: матеріалы для этимологій (словаря), для грамматики и записки смѣшаннаго характера». Харціевъ I. с. Стр. 84—86.

Изданіе этихъ матеріаловъ для русскаго сравнительно-этимологическаго словаря не составитъ большого труда; желательно было бы, чтобы изданіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ

---

¹⁾ И вообще этимологическаго словаря русскаго языка.

и перепечаткой вышедшихъ уже въ свѣтъ этимологическихъ изслѣдованій А. А. Потебни. Среди словарныхъ работъ Миклошича и др. трудъ А. А. займетъ почетное мѣсто и составитъ важную настольную книгу для всякаго занимающагося изученіемъ древней русской письменности, народной словесностью и вообще славянскими нарѣчіями. Печатающіеся въ настоящее время «Матеріалы для древнерусскаго словаря» Срезневскаго получаютъ въ этимологическихъ замѣткахъ А. А. весьма существенное дополненіе, безъ котораго многое въ нихъ остается неяснымъ. Л. с. стр. 84.

54. Переводъ ¹⁾ Одиссея на малорусскій языкъ размѣромъ подлинника ²⁾.

«Сотня стиховъ или больше переписаны имъ набѣло, частью рукою его жены Маріи Франц. Потебни. Остальное наброски карандашомъ, обнимающіе 8 пѣсень и начало 9-й, да подготовительныя замѣтки для перевода. Судя по нимъ, покойный хотѣлъ дать переводъ чисто народнымъ языкомъ, близкимъ къ стилю Гомера; и потому сдѣланное имъ начало перевода представляетъ трудъ весьма интересный въ литературномъ и въ научномъ отношеніи». Харціевъ I. с. Стр. 86.

«Что касается остальныхъ папокъ въ концѣ всей статьи смѣшаннаго содержанія, то въ нихъ за исключеніемъ 2-хъ, посвященныхъ народной поэзіи, народно-поэтическимъ и мнѣніемъ образамъ и одной съ черновыми набросками для новыхъ записокъ по грамматикѣ, интересна папка съ слѣдующими набросками: *объ изученіи иностранныхъ языковъ (по поводу Тютчева)* ³⁾ съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о

---

¹⁾ Нѣкоторыхъ пѣсень

²⁾ Дорожные наброски карандашомъ.

³⁾ Мой курсивъ.

народности; о задачахъ языковѣдѣнія, о важномъ значеніи русскаго языка (конспектъ вступительной лекціи 1881—1882 г.); языкъ и задачи языковѣдѣнія (болѣе новыя замѣтки); объ искусствѣнномъ языкѣ (по поводу статьи Макса Мюллера въ Deutsche Rundschau); о націонализмѣ (по поводу статьи Рюднгера въ Zeits. f. Volksp. ; замѣтки о томъ же по поводу книги Данилевскаго «Россія и Европа»; объ *Одоевскомъ* (конспектъ реферата); о *Дневникѣ писателя* (тоже) ¹⁾; о литературномъ письменномъ общерусскомъ языкѣ; о заповѣди «чти отца твоего» въ примѣненіи къ дѣятелямъ слова. Замѣтки такого же общаго характера находятся и въ другихъ папкахъ и среди бумагъ, еще неразобранныхъ, какъ напр. о пессимизмѣ, объ отношеніи къ прошлому, о диссертациі Соболевскаго, о методѣ изслѣдованія, о Л. Толстомъ (его послѣднихъ сочиненіяхъ) и пр. Всѣ онѣ имѣютъ весьма важное значеніе для біографіи (я не говорю о научномъ ихъ значеніи, которое несомнѣнно) А. А., для выясненія его взглядовъ на нѣкоторые волнующіе и волновавшіе нѣкогда русское общество вопросы; онѣ прольютъ свѣтъ также и на его міросозерцаніе, цѣльное и жизнерадостное, и опредѣлятъ, какимъ образомъ сложился этотъ типъ положительнаго человѣка съ здоровыми убѣжденіями, такъ благотворно вліявшаго на всѣхъ, кому пришлось побывать въ его сообществѣ». Харціевъ I. с. Стр. 86.

---

¹⁾ Срв. выше № 86.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Аврамовъ, Ф. С. 21.
Артемовскій-Гулакъ, 27.
Аоанасьевъ, 11.
Багалъй, Д. И. 6. 7.
Вакай, Ннз. 6.
Баталнъ, Н. 14—15.
Беккеръ. 9.
Бестужевъ-Рюминъ. 5.
Будиловичъ, А. С. 7. 27.
Б. В. 26.
Величко 8.
Веселовскій, А. Н. 11.
W (Вольтеръ), Э. 7. 22. 23.
Г. В. 26.
Гейзе. 14.
Гейтлеръ, Л. 16. 17. 19.
Головацкій, Я. О. 19.
Горнослѣдъ, А. 5. 7.
Гунболдтъ. 9.
Даль. 2.
Д. см. Языковъ.
Данилевскій 32.
Джорджевичъ, П. 28.
Дикаревъ, М. А. 11.
Дмитревскій, А. 14.
Достоевскій. 21. (ср. 32).
Дриновъ, М. Ст. 29.
Житецкій, П. 17. 18.
Ипречекъ (Iprček). П. 18.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

Ивановъ, Н. 14—15.
Карскій, Е. О. 11.
Качановскій, Вл. 11. 17.
Квитка (Осповъяненко). 26.
Киричничковъ-Поливановъ. 15.
Кирсте (Dr. H. Kirste). 18.
Колосовъ, Ал. М. 16. 17. 18.
Костылевъ, Влад. 14.
Котляревскій, А. 4. 12. 13.
Кочубинскій, А. А. 5.
Крушевскій. 17.
К. 8.
Лавровскій, П. А. 10. 29.
Ламанскій, Вл. Ив. 1. 2. 5. 7. 15. 28.
Лециевскій, 19.
Лянуновъ, Бор. М. 1. 2. 5. 7. 18.
Манджура, И. 28.
Миклошичъ, 14. 31. 32. (срв. 30).
Милондовъ, 14.
Мюллеръ, Максъ. 29. 32.
Пейманъ. 23.
Петушнякъ, И. В. 7. 15. 27.
Нуарѣ. 29.
Одоевскій. 32.
П. 6.
Насторій. 8.
Настрнекъ. 17. П. 6.
Нововъ, А. В. 13. 15. 21.
Потесбид, (этимологія фамилин). 22.

- Потебня, Марія Франц. 31.
 Преображенскій. 15.
 Пыпинъ, А. Н. 5. 8.
 Рюдигеръ. 32.
 Смирновъ. 12. 29.
 Святковъ. 10.
 Соболевскій. 32.
 Спасовичъ, В. Д. 5.
 Срезневскій. И. И. 1. 4. 13. 31.
 Степовичъ, А. 28.
 Сумцовъ, Н. Ѳ. 2. 5. 6. 7. 8. 23.
 Толль, Ф. 4.
 Толстой, Л. 32.
 Тютчевъ. 31.
 Франко, Ив. 23.
 Фортунатовъ. 13.
- Халавскій, М. Е. 6. 7.
 Харцковъ, В. И. 2. 6. 29—32.
 Хмельницкій, 8. 15. 18.
 Черняковъ. 6.
 Шахматовъ. 12.
 Шейковскій. 22.
 Шенделевичъ, Л. Ю. (Szerickewicz). 7.
 Шимановскій, В. 12. 17.
 Шимановъ, А. Л. 27.
 Шлейхеръ. 9.
 Штейнъ, В. И. 1.
 Штрейтбергъ, В. (W. Streitberg). 29.
 Юшкевичи, стр. 29.
 Ягичъ, И. В. 2. 11. 16. 17. 18. 19.
 21. 22. 23. 26.
 Языковъ. 6.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip—Series 458